

АРХЕОЛОГИ- ВЧЕСКИЕ ВЕСТИ

- 7 -

• 2000 •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

ARCHAEOLOGICAL NEWS

№ 7

St.-PETERSBURG

2000

Археологические Вести

№ 7

ДБ

St.-PETERSBURG
2000

В очередной том ежегодника «Археологические Вести» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, нумизматики и сфрагистики. Публикуются новые материалы по памятникам эпохи палеолита (Центральная Азия, Северный Кавказ), а также периодов энеолита и бронзы (Прикарпатье, Поднепровье, Туркмения). В большой серии работ освещаются различные аспекты античной культуры Северного Причерноморья. Впервые в научный оборот вводятся интересные археологические, нумизматические и сфрагистические материалы по эпохе средневековья. В разделе «Актуальные проблемы археологии» рассматриваются вопросы контактов племен трипольской культуры, распространения пашенного земледелия в лесной зоне Восточной Европы, обобщаются материалы раскопок античной Березани. В сборнике дается информация о важнейших международных конференциях и обзор новейших зарубежных публикаций. Один из разделов посвящен истории науки. Среди авторов сборника ученые из различных научных центров России, Молдавии, Узбекистана, Украины, Италии, Франции и США.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. редактор), В. А. Алекшин, М. Ю. Вахтина, Т. С. Дорофеева, В. А. Завьялов, В. М. Массон, Н. В. Хвошинская (отв. секретарь), Л. Г. Шаяхметова.

Адрес редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН.

Тел.: (812) 312 14 84; *факс:* (812) 311 62 71; *E-mail:* vesti@km1213.spb.edu

Издательская группа: О. И. Богуславский, Т. С. Дорофеева, Г. А. Кузнецова, В. Я. Стеганцева.

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, T. S. Dorofeeva, N. V. Khvoshchinskaya, V. M. Masson, M. Yu. Vakhtina, V. A. Zav'yalov, L. G. Shayahmetova.

Address: Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya nab., 18. St.-Petersburg, 191186, Russia.

Tel.: (812) 312 14 84; *fax:* (812) 311 62 71; *E-mail:* vesti@km1213.spb.edu

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) согласно проекту № 99-01-161574

СОДЕРЖАНИЕ

Наши юбиляры	9
НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Н. К. Анисюткин, У. И. Исламов, К. А. Крахмаль.</i> Кливеры раннепалеолитической стоянки Сельунгур в Средней Азии	12
<i>С. А. Кулаков.</i> Некоторые новые данные к изучению Ахштырской пещерной стоянки (Северо-Западный Кавказ)	20
<i>В. Я. Шумкин.</i> Проблема сохранения памятников наскального творчества на Севере Европейской России	29
<i>Бруно Марколонго, Паоло Моцци.</i> Геоморфологическая эволюция предгорной равнины Восточного Копетдага в эпоху голоцена: предварительный геоархеологический обзор.	33
<i>А. К. Каспаров.</i> Собака эпохи энеолита из Южной Туркмении по палеозоологическим данным ..	41
<i>И. В. Палагута.</i> Системы расселения ранних земледельцев Карпато-Поднепровья: опыт изучения микрогрупп памятников культуры Триполье-Кукутени	49
<i>Н. Н. Скакун, В. А. Тарасов.</i> Магнитные методы при исследовании поселения трипольской культуры у с. Бодаки	60
<i>Л. Б. Кирчо.</i> Богатое погребение эпохи средней бронзы из Алтын-депе	70
<i>А. Самзун.</i> Стадия III в Мергархе (Пакистан): ее особенности и возможные параллели с памятниками Южного Тукменистана	77
<i>В. А. Кисель.</i> «...он привязал к бедру кинжал...» (об одном из способов ношения клинкового оружия)	82
<i>Ю. А. Виноградов, Д. И. Фояков.</i> Коллекция металлических предметов с Ягорлыцкого поселения	96
<i>А. С. Русяева.</i> Курганы Ольвии как символ ее славы и сакральной охраны	106
<i>В. И. Денисова.</i> Рисунки кораблей из Ольвии	112
<i>М. В. Скржинская.</i> Пища ольвиополитов	121
<i>В. П. Былкова.</i> Поселения на Нижнем Днепре в аспекте скифо-эллинических отношений (рубеж V—IV вв. до н.э. — III в. н.э.)	125
<i>К. И. Зайцева.</i> Лепные чашки на ножках конца VII — I вв. до н.э. из Северного Причерноморья. Часть первая	140
<i>Е. Я. Рогов.</i> Набор столярно-плотничьих инструментов из раскопок здания У6 поселения Панское I	154
<i>С. Н. Сенаторов.</i> Ранняя кизил-кобинская керамика из раскопок в Херсонесе	159
<i>И. С. Каменецкий.</i> Ново-Джерелиевское IV городище	164
<i>Н. И. Платонова, М. Б. Шукин.</i> Странная случайная находка из окрестностей Луги Ленинградской области	178
<i>Г. М. Буров.</i> Деревянные орудия ремесленного производства с поселения Вис II в бассейне Вычегды (середина I тысячелетия н.э.)	189
<i>В. А. Хохлов.</i> Об аланской принадлежности амулета из Старого Орхья (Требужен)	200
<i>Т. С. Нунан, Р. К. Ковалев.</i> Неизвестный клад начала IX в. из имения М. А. Оболенского Дмитровского уезда Московской губернии	206
<i>В. И. Булгакова.</i> Сфрагистический материал и историко-культурные интерпретации: находка печати князя Изяслава Ярославича (1052-1078) в Киеве	218
<i>К. А. Михайлов, В. Ю. Соболев.</i> Новгородские наборные пояса XI—XII вв.	222
<i>А. Н. Кирпичников.</i> Булавы и кистени из коллекции И. Хойновского в собрании Музея Войска Польского	229
<i>Л. И. Смирнова.</i> Проколки (хронология и функциональное назначение)	236
<i>Т. А. Чукова.</i> Периодизация истории русского средневекового зодчества и эволюция малых архитектурных форм интерьера конца X — первой трети XIII в.	247
<i>Ю. Е. Варваровский (†).</i> К вопросу о «теории двух Сараев» и локализации города Гюлистана ..	251
<i>А. Н. Егорьков, М. Б. Днепровская.</i> Органическое связующее стенописных красок храма Богородицы средневекового грузинского пещерного монастыря Бертубани	266

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Е. В. Цвек.</i> Восточнотрипольская культура и контакты ее носителей с энеолитическими племенами Европы.	272
<i>С. Л. Соловьев.</i> Архаическая Березань (историко-археологический очерк).	291
<i>Я. М. Паромов.</i> О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове.	309
<i>В. Я. Конецкий, К. Г. Самойлов.</i> К проблеме возникновения пашенного земледелия в лесной зоне Восточной Европы в I тыс. н.э.	320

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Новая коллективная монография о приморской адаптации.</i> Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана (отв. ред. Ю. Е. Вострецов). Владивосток. 1998. (Рец. С. В. Гусева).	329
<i>У истоков месопотамской письменности и государства.</i> Schmandt-Besserat, Denise. Before Writing. Forward by William W. Hallo. Vol.1. From Counting to Cuneform. 269 p. Vol. 2. A Catalogue of Near Eastern Tokens. Austin. 1992. (Рец. Ю. Е. Березкина)	334
<i>История города Умм-Эль-Разас в свете новых археологических открытий.</i> Michele Picirillo, Eugenio Alliata. Umm Al-Rasas Mayfa'ah I. Gli scavi del complesso di Santo Stefano. Jerusalem. 1994. (Рец. Л. Г. Хрушковой).	338
<i>Фундаментальное исследование по военному делу эпохи средневековья.</i> David Nicolle. Medieval warfare. Source book. Vol. 1: Warfare in Western Christendom. 1995. Vol. 2: Christian Europe and its Neighbours. 1996. London. (Рец. А. Н. Кирпичникова, Д. И. Фоякова)	341
<i>Камерные погребения эпохи викингов в Дании.</i> Silke Eisenschmidt. Kammergraber der Wikingerzeit in Altdänemark. Universitätsforschungen prähistorischen zur Archäologie. Bd. 25. Bonn. 1994. (Рец. К. А. Михайлова)	343

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

<i>С. А. Васильев.</i> Современная британская археология палеолита	346
--	-----

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК-ЗАПАД

<i>С. А. Васильев.</i> XIII конгресс Международного союза доисторических и протоисторических наук в Италии	351
<i>А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов.</i> Международный археологический симпозиум в Пушкинских горах (Пушкинские горы, 11-14 мая 1999 г.)	352
<i>М. Ю. Вахтина, В. А. Христановский.</i> Международная научная конференция «Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира» (Санкт-Петербург, 15-17 декабря 1999 г.)	354

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>И. В. Тункина.</i> П. И. Кёппен как исследователь Ольвии (становление археолога).	357
--	-----

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Л. Я. Крижевская</i> (†). Памяти Е. А. Векиловой	373
<i>В. М. Массон.</i> Памяти Ю. А. Заднепровского	375

ХРОНИКА

<i>С. А. Кулаков.</i> ИИМК РАН в 1998 г.	377
<i>Г. М. Левковская, М. В. Аникович, Н. К. Анисюткин, Е. В. Беляева, В. И. Беляева, Ю. В. Степанов, А. Н. Боголюбова.</i> Археолого-палеоботанико-палинологический банк данных для эпохи палеолита территории бывшего СССР	380

CONTENTS

Our Jubilees.	9
-----------------------	---

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>N. K. Anisyutkin, U. K. Islamov, K. A. Krakhmal</i> . Cleavers from the Early Palaeolithic site of Sel'ungur in Central Asia	12
<i>S. A. Kulakov</i> . Some new evidence on the Akhshtyrskaya cave site (North-Western Caucasus)	20
<i>V. Ya. Shumkin</i> . On the problem of preservation of the objects of rock arts in the north of European Russia	29
<i>Bruno Marcolongo, Paolo Mozzi</i> . Holocene geomorphological evolution of the Eastern Kopet Dagh piedmont plain: a preliminary geoarchaeological perspective	33
<i>A. K. Kasparov</i> . About the type of Chalcolithic dog from Southern Turkmenia	41
<i>I. V. Palaguta</i> . Settlement Systems of Early Agriculturists in Carpato-Dnieper region: a study experience of Tripolye-Cucuteni Sites Microgroups	49
<i>N. N. Skakun, V. A. Tarasov</i> . The results of magnetic prospecting and magnetic susceptibility measurements at the Bodaki site.	60
<i>L. B. Kircho</i> . A rich burial of the middle Bronze Age at Altyn-Depe.	70
<i>A. Samzun</i> . The Period III of Mehrgarh. Pakistan. Observations of its characteristics and possible comparisons with sites of Southern Turkmenistan.	77
<i>V. A. Kisel</i> !. «... he tied the poniard to his hip... » (on a way of carrying blade weapons)	82
<i>Yu. A. Vinogradov, D. I. Fonyakov</i> . The collection of metal objects from the settlement of Yagorlyk.	96
<i>A. S. Rusyaeva</i> . Barrows of Olbia as a symbol of its glory and sacral protection.	106
<i>V. I. Denisova</i> . Drawings of ancient ships from Olbia.	112
<i>M. V. Skrzhinskaya</i> . Foods of Olbiapolitans.	121
<i>V. P. Bylkova</i> . Settlements in the Lower Dnieper area in terms of Graeco-Scythian relations (the turn of the 5 th and 4 th centuries B. C. to the 3 rd century B. C.)	125
<i>K. I. Zaitseva</i> . Hand-made stemmed cups of the late 7 th -1 st century B. C. from the northern Black Sea area. Part I	140
<i>E. Ya. Rogov</i> . A set of joiner's and carpenter's tools from house U6 at the settlement of Panskoe I in the northwestern Crimea	154
<i>S. N. Senatorov</i> . Early Kizil-Koba pottery from Chersonese excavation	159
<i>I. S. Kamenetskiy</i> . The Site of Novo-Jerelievskoe IV	164
<i>N. I. Platonova, M. B. Shchukin</i> . A strange accidental find from the neighbourhood of the town of Luga in the Leningrad Oblast	178
<i>G. M. Burov</i> . Wooden Tools from the middle of the 1 st Millennium AD Site of Vis II, the Vychehga.	189
<i>V. A. Khokhlov</i> . On the Alan origin of the amulet from Stary Orkhei (Trebuzhen).	200
<i>Th. S. Noonan, R. K. Kovalev</i> . The 1846 Obolenskii Hoard: a new Early Ninth-century Viking-age dirham hoard from Glukhovo in Moscow province.	206
<i>V. I. Bulgakova</i> . Sphragistic evidence and historical and cultural interpretations: a seal of Prince Izyaslav Yaroslavich (1052-1078) from Kiev	218
<i>K. A. Mikhaylov, V. Yu. Sobolev</i> . Belt fittings of the 11 th - 12 th centuries from Novgorod	222
<i>A. N. Kirpichnikov</i> . Maces and war-flails from Chojnovsky's collection in the Museum of the Wojsko Polske	229
<i>L. I. Smirnova</i> . So-called piercing tools (chronology and function)	236
<i>T. A. Chukova</i> . Periodization of the history of Russian Medieval architecture and the evolution of small architectural forms in the late 10 th - first third of the 13 th century interiors.	247
<i>Yu. E. Varvarovskiy</i> (†). On the «Theory of two Sarais» and localisation of the town of Gyulistan	251
<i>A. N. Yegorkov, M. B. Dneprovskaya</i> . On the organic binder of wall paints from the Virgin church of Bertubani, Georgian medieval cavern monastery	266

TOPICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

<i>E. V. Tsveck</i> . The east Tripolye Culture and contacts of its representatives with Eneolithic Tribes of Europe	272
<i>S. L. Solovyev</i> . Archaic Berezan: A Historical and Archaeological Sketch	291

<i>Ya. M. Paromov.</i> On the ancient land division system on the Taman Peninsula	309
<i>V. Ya. Konetskii, K. G. Samoilov.</i> On the origin of the tilling agriculture in the forest zone of Eastern Europe in the 1 st millennium A.D.	320

REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

<i>A new collective monograph on the maritime adaptation.</i> The First Fishers in Peter the Great Bay. Nature and Ancient Man in the Bay of Boysman. (ed. Yu. E. Vostretsov). Vladivostok. 1998. (Rev. by C. V. Gusev)	329
<i>At the Origin of the Mesopotamian Letters and State.</i> Schmandt-Besserat, Denise. Before Writing. Forward by William W. Hallo. Vol. 1. From Counting to Cuneform. 269 p. Vol. 2. A Catalogue of Near Eastern Tokens. Austin. 1992. (Rev. by Yu. E. Berezkin)	334
<i>The History of the town of Umm Al-Rasas in the Light of New Archaeological Discoveries.</i> Michele Picirillo, Eugenio Alliata. Umm Al-Rasas Mayfa'ah I. Gli scavi del complesso di Santo Stefano. Jerusalem. 1994. (Rev. by L. G. Khrushkiva)	338
<i>A Fundamental Study on Medieval Warfare.</i> David Nicolle. Medieval warfare. Source book. Vol. 1: Warfare in Western Christendom. 320 p., 200 ill. 1995. Vol. 2: Christian Europe and its Neighbours. London. 1996. (Rev. by A. N. Kirpichnikov & D. I. Fonyakov)	341
<i>Chamber Burials of the Viking Times in Denmark.</i> Silke Eisenschmidt. Kammergraber der Wikingerzeit in Aldänemark. Universitätsforschungen prähistorischen zur Archäologie. Bd. 25. Bonn. 1994. (Rev. by K. A. Mikhaylov)	343

THE ORGANIZATION OF SCIENCE

<i>S. A. Vasil'ev.</i> Contemporary British Palaeolithic archaeology: an overview	346
---	-----

THE EAST-WEST COOPERATION

<i>S. A. Vasil'ev.</i> The 13 th Congress of the International League of Pre-Historical and Proto-Historical Sciences in Italy (Italy, Forli, September 8-14, 1996)	351
<i>A. N. Kirpichnikov, E. N. Nosov.</i> International Scientific Symposium in Pushkinskie Gory (Pushkinskie Gory, May 11-14, 1999)	352
<i>M. Yu. Vakhitina, V. A. Khrshanovskiy.</i> International Scientific Conference «The Bosporan Phenomenon: the Greek Culture at the Edge of the Classic Greek World» (St.-Petersburg, December 15-17, 1999)	354

HISTORY OF SCIENCE

<i>I. V. Tunkina.</i> P. I. Köppen as Explorer of Olbia (Formation of an Archaeologist)	357
---	-----

PERSONALIA

<i>L. Ya. Krizhevskaya</i> (†). Obituary: E. A. Vekilova	373
<i>V. M. Masson.</i> Obituary: Yu. A. Zadneprovskii	375

CHRONICLE

<i>S. A. Kulakov.</i> IIMK IN 1998	377
<i>G. M. Levkovskaya, M. V. Anikovich, N. K. Anisyutkin, E. V. Belyaeva, V. I. Belyaeva, Yu. V. Stepanov, A. N. Bogolubova.</i> Archaeological, palaeobotanical and palynological information bank for the Palaeolithic sites from the territory of former USSR	380

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К ЮБИЛЕЮ ВАДИМА МИХАЙЛОВИЧА МАССОНА

3 мая 1999 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Вадима Михайловича Массона — ученого с мировым именем, первооткрывателя и исследователя древних культур юга Центральной Азии, создателя отечественной школы по изучению раннеземледельческих обществ. Огромен вклад В. М. Массона в разработку вопросов социально-экономической организации и культурной эволюции общества на Среднем Востоке в догосударственную эпоху. Из под его пера вышло 540 печатных работ, в том числе 27 монографий, изданных в разных странах мира. Многие десятилетия В. М. Массон возглавляет археологические экспедиции, ведущие исследования в Центральной Азии. Раскопанные им памятники, такие как Алтын-Депе, Джейтун, Яз-Депе и др. стали эталонными в мировой археологической науке. Научную работу В. М. Массон всегда сочетал с научно-организационной деятельностью, многие годы являясь заведующим ЛОИА АН СССР, а затем директором ИИМК РАН, возглавляя более 30 лет Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Его многочисленные ученики являются известными специалистами во многих странах СНГ и дальнего зарубежья. Нам особенно приятно поздравить Вадима Михайловича, который был инициатором и создателем сборника «Археологические Вести» и его ответственным редактором. В. М. Массон является действительным и почетным членом многих Академий, институтов и научных обществ, а в 1999 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Мы желаем Вадиму Михайловичу — человеку неуёмной энергии и исключительного таланта, крепкого здоровья и новых творческих открытий.

К ЮБИЛЕЮ АНАТОЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА КИРПИЧНИКОВА

29 июня 1999 г. исполнилось 70 лет со дня рождения одного из ведущих отечественных специалистов в области изучения археологии и истории Древней Руси и России, заслуженного деятеля науки Российской Федерации – Анатолия Николаевича Кирпичникова. Круг научных интересов А. Н. Кирпичников воистину многообразен. Это археология и история, культура и архитектура, ремесло и градостроительство Древней Руси, России и сопредельных стран. Его перу принадлежит около 500 исследований, в том числе многочисленных монографий, вышедших в различных странах Европы. Своды А. Н. Кирпичникова по оружию стали настольными книгами уже нескольких поколений европейских исследователей. Им обоснована оригинальная концепция развития русского военного дела эпохи раннего средневековья и создана совершенно новая в отечественной науке отрасль – клинковая эпиграфика. Под руководством А. Н. Кирпичникова Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН, который он возглавляет уже около четверти века, стал авторитетным научным коллективом, сохраняющим доброжелательную атмосферу заседаний, дух научного творчества, коллективизм, при уважении трудов предшественников и коллег.

Мы желаем Анатолию Николаевичу крепкого здоровья, новых научных открытий и сохранения его поразительной творческой активности, студенческой увлеченности и энтузиазма, искренности в высказываемых взглядах и убежденности в своей научной правоте.

К ЮБИЛЕЮ ВИКТОРИИ ИВАНОВНЫ ДЕНИСОВОЙ

16 марта 1999 года – юбилейная дата в жизни Виктории Ивановны Денисовой, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Отдела истории античной культуры ИИМК РАН. Без этой обаятельной, статной женщины, тонкого исследователя и человека широкой души невозможно представить коллектив античного отдела.

После окончания Академии Художеств Виктория Ивановна всю свою трудовую жизнь связала с нашим Институтом. Многие годы она была сотрудником Боспорской экспедиции Института, а затем почти 20 лет возглавляла Ольвийскую экспедицию. Результаты этих работ, ознаменовавшихся важными открытиями, нашли отражение в многочисленных научных докладах и публикациях Виктории Ивановны не только в нашей стране, но и за рубежом. Виктория Ивановна с неослабевающей энергией продолжает плодотворно трудиться над обработкой и публикацией своих материалов. Исследования Виктории Ивановны, посвященные античной коропластике, снискали ей заслуженную славу одного из крупнейших специалистов в этой области. Без ее глубокой и разносторонней монографии «Коропластика Боспора» невозможно серьезное изучение не только искусства, но и религиозной жизни населения Северного Причерноморья античной эпохи.

Работы Виктории Ивановны – это сплав большого опыта археолога-полевика, зоркости искусствоведа и широты историка-эрудита, а ее работоспособность вызывает восхищение коллег.

В характере Виктории Ивановны высокий профессионализм гармонически сочетается с удивительной скромностью, научная и человеческая принципиальность – с неизменной доброжелательностью.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

КЛИВЕРЫ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ СЕЛЬУНГУР В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Н. К. АНИСЮТКИН, У. И. ИСЛАМОВ, К. А. КРАХМАЛЬ¹

Введение. Раннепалеолитическая стоянка Сельунгур является сегодня наиболее интересным и важным памятником палеолита Азии. Это связано прежде всего с хорошей сохранностью культурных слоев. Однако, особое внимание привлекает каменная индустрия, отнесенная к так называемому «южному ашелю», впервые зафиксированному в раннем палеолите Центральной Азии.

Данная статья, являющаяся вариантом переработанного текста доклада, который был прочитан Н. К. Анисюткиным в Отделе палеолита ИИМК РАН 29 января 1996 года, посвящена изучению серии крупных рубящих орудий с поперечными рабочими краями из палеолитических слоев пещерной стоянки Сельунгур. Они были исследованы в Ташкенте в 1995 году. Эти орудия в предварительной публикации характеризовались как «колуны» (Исламов 1990). Последние, называемые также кливерами или ашеро на отщепках, в раннем палеолите Средней Азии до настоящего времени не выделялись. Исключением можно было бы считать одно орудие из V ископаемой почвы местонахождения Ханак 2 в Таджикистане, которое предварительно было охарактеризовано как кливер (Додонов, Ранов, Пеньков 1978: 98).

Терминология. Орудия, известные по англоязычной научной литературе как *Claveys* и франкоязычной — как *Nachegeaux*, представлены в раннем палеолите двумя основными формами: на отщепках и нуклеидные с бифасиальной обработкой. В современной отечественной археологической литературе получило распространение предложение Г. П. Григорьева именовать формы на отщепках «колунами», оставив за бифасиальными — «кливер» (Григорьев 1977:

48). Последнее понятие является одновременно более общим, удачная его формулировка, где учтены все разработки ученых того времени, была предложена П. И. Борисковским (Борисковский 1971: 42). Емкое определение приведено М. Брезийоном: «Nachegeau: массивный инструмент из отщепа с острым лезвием, которое является результатом сложения двух плоскостей расщепления. Это поперечное лезвие ограничено двумя ретушированными краями. Более примитивные ашеро получены раскалыванием гальки по длинной оси» (Brezillon 1969: 117). Все остальные исследователи давали в общем и целом сходные определения (Bordes 1961: 251; Brezillon 1971: 249-251; Guichard 1976: 915; Fiedler 1985: 59; Гладилин, Ситливый 1990: 11), подчеркивая, что в качестве заготовок использовались массивные отщепы крупных размеров, поперечные рабочие края которых либо превосходили среднюю ширину изделия, либо соответствовали ей, либо даже были узкими (*spatule*). Боковые края преимущественно оббиты или ретушированы, нередко частично. Часто, как писал Ф. Борд, был обработан только один край (Bordes 1961: 251). Иногда края образовывались обломами или даже естественными поверхностями (Гладилин, Ситливый 1990: 11).

1. Эти формы орудий изменчивы в пространстве и во времени. Так еще Люис Лики отметил, что в Олдувае кливеры с широкими рабочими краями (форма V) становятся обычными только в слое IV (Leakey 1951: 117), то есть в позднем ашеле. Напротив, кливеры Тернифина, происходящие из отложений миндельского времени (Иванова 1965: 40), относятся к архаической разновидности, соответствуя proto-

¹ Анисюткин Н. К. — Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита. Исламов У. И., Крахмаль К. А. — Узбекистан. 703051. Самарканд. ул. академика В. Абдуллаева. Институт археологии.

hachereaux или типу О классификации Жана Тиксье (Brezillon 1971: 251). Специфичны hachereux из позднего ашеля юго-западной части Франции (Tavaso 1975: 13-30), а также Центральной Европы (Гладилин, Ситливый 1990). Однако, при всем многообразии форм, всегда речь идет о крупных, преимущественно массивных и удлинённых орудиях с поперечными рабочими краями, имеющих ряд повторяющихся общих признаков. Поэтому есть все основания соглашаться с некоторыми европейскими исследователями, выделяющими эти формы орудий без оглядки на позднеашельские африканские эталоны (Bosinski 1978: 41, 54, 172), что справедливо.

2. В статье не используется термин «колун» из-за его чрезмерной функциональной специализации, а также особенности рассматриваемого материала: в качестве заготовок применялись не только отщепы, но осколки и даже плоские гальки. Тем самым мы, вслед за П. И. Борисовским, применяем более широкое понятие — «кливер», которое в русскоязычной научной литературе употребляется чаще, чем равнозначное «ашеро».

Типичные кливеры (форма V) распространены на Африканском континенте, в Индии и, видимо, на Ближнем Востоке, а также на юго-западе Европы, но они не обнаружены в Аравии (Амирханов 1991: 201). Атипичные формы найдены в Европе и даже на востоке Азии. В частности они отмечены в среднеплейстоценовых слоях Чжоукоутянь 15 и также (возможно) в Корее (Абрамова 1994: 93-94). Подобное расползание ареала кливеров на отщепках сложно объяснить только атипичностью многих орудий, так как типичные кливеры ограничены не только территориально, но и хронологически. Африканский стереотип кливера, распространившийся на соседнюю территорию Испании вместе с их изготовителями (Bordes 1966: 53), не мог быть единственной моделью обязательной для всей палеолитической ойкумены.

Общая характеристика стоянки Сельунгур. Пещера Сельунгур находится на высоте 1890 м над уровнем моря, в южных отрогах хребта Катрантау, в 100 км юго-западнее Ферганы у западной окраины поселка Хайдаркан Ошской области (республика Кыргызстан), в палеозойских осадочных породах девон-карбонного возраста. Пещера обращена к востоку широким входом (16 м). Ее высота составляет 25 м, длина 76 м. Она состоит из двух коридоров: длина большого коридора — 50 м, ширина до 12 м, малого — соответственно 34 и 26 м. Пол повышается по мере удаления вглубь пещеры.

1. Плейстоценовые отложения по генетическим признакам представлены преимущественно глинистыми и глинисто-аллювиальными осадками с включением обломочного материала. Пещерные отложения вскрыты на глубину до 8,5 м. Выделено 5 культурных слоев, разделенных стерильными прослойками мощностью от 0,3 до 1 м. Они залегали на глубине от 2,5 до 6,5 м от современной дневной поверхности. Толщина культурных слоев варьирует от 0,2 до 0,4 м (Исламов 1990: 115-117; Islamov 1990: 676-677).

На стоянке были проведены междисциплинарные исследования, которые дали интересные результаты (Исламов, Зубов, Харитонов 1988; Исламов, Крахмаль 1994; Барышников, Батыров 1994; Маркова 1994; Величко 1990). Данные гранулометрического, минералогического и спорово-пыльцевого анализов позволили разделить толщу пещерных отложений, представленную 12 литологическими слоями, на две части — верхнюю и нижнюю (ниже 2 культурного слоя). В нижней пачке преобладает пыльца древесных пород (береза, лещина), травянистые представлены преимущественно разнотравьем. В верхней пачке отложений отмечено снижение пыльцы древесных пород и господство пыльцы полыни и злаковых. В целом, палинологические данные указывают на степные ценозы в межгорных долинах и лесов на склонах гор.

2. Фауна представлена обломками более 4000 костей животных, в их числе носорог, кулан, лошадь Стенона, кабан, благородный олень, первобытный бык-тур, як?, джейран, сибирский козерог, архар, волк, лисица, медведь Денингера, пещерная гиена, пещерный лев, снежный барс, рысь, а также многочисленные грызуны (Батыров, Батиров 1994: 76-77; Барышников, Батыров 1994: 4-5, 7-38). Грызуны характерны для среднего плейстоцена (Маркова, 1994: 85-96). Среди остатков млекопитающих показательны архаичные формы — лошадь Стенона, медведь Денингера, мелкий мосбахский волк и красный волк (*Canis priscus*), указывающие на первую половину среднего плейстоцена (Барышников, Батыров 1994: 8, 38). Предпринята попытка выделения специфического «алайского плейстоценового териокомплекса», геологический возраст которого находится в пределах 600 000 — 1 100 000 лет (Крахмаль, Воложенинов 1994: 106).

3. Результаты комплексных исследований свидетельствуют о том, что древнечетвертичные отложения в нижней части накапливались в пещерно-озерных и аллювиальных условиях в сочетании с периодическими, незначительными пещерно-обвальными процессами. Характерной особенностью культурных слоев

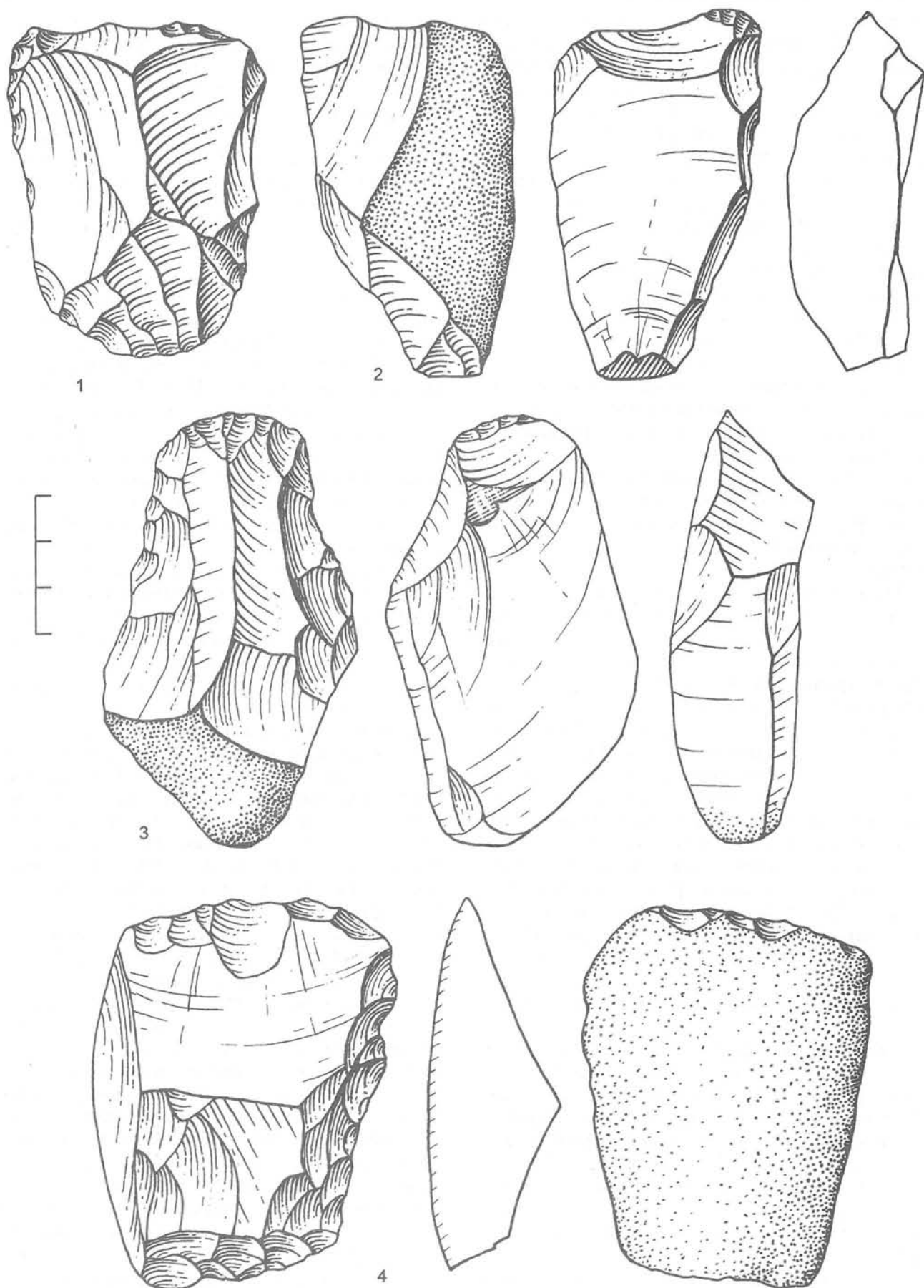

Рис. 1 Кливеры Сельунгура: 2, 3, 4 — слой 2; 1 — слой jf.

Fig. 1 Sel'ungur cleavers: 2, 3, 4 — Layer 2; 1 — Layer jf.

является то, что все 5 слоев приурочены к периодам относительного тектонического покоя и располагаются между законченными микроритмами, что указывает на их сохранность.

Кроме фаунистических остатков найдены кости человека, представленные 10 зубами, фрагментом плечевой кости и обломком затылочной. По заключению антропологов они принадлежат промежуточной форме между палеоантропами и архантропами (Исламов 1994: 17).

Вопросы хронологии. В настоящее время хронологическое положение культурных слоев пещеры Сельунгур основывается на совокупности данных, включая литологию и фауну. Первобытный человек существовал здесь в течение продолжительного отрезка времени равного 600 000 – 1 100 000 лет (Крахмаль, Воложенинов 1994: 106). Иной точки зрения придерживается В. А. Ранов, который значительно омолаживал памятник (Ранов, Додонов 1994: 50–51), определяя время нижнего уровня в пределах до 350 000 лет, а верхнего даже 100 000 лет (Ranov, Carbonell 1995: Fig. 2). Последняя датировка вызывает недоумение по причине несоответствия ее дате образца из слоя перекрывающего верхний слой 1, полученной уран-иониевым методом по куску травертина, которая равна 126 000 +/- 5 000 лет (ЛУ-936). Таким образом, верхний слой 1, как минимум, древнее микулинского межледникового. Отметим датировку, предложенную палеозоологами, согласно которой стоянка может быть отнесена к миндельскому и миндель-рисскому времени, соответствия тираспольскому и сингильскому териокомплексу Восточной Европы (Барышников, Батыров 1994: 39). Данная датировка, по мнению одного из авторов (Н. А.), наиболее вероятна. В итоге можно согласиться с выводом Л. Б. Вишняцкого, который отнес Сельунгур к нижнему палеолиту, считая его одним из древнейших памятников известных на территории Средней Азии (Вишняцкий 1996: 107).

Каменная индустрия. В коллекциях из всех 5 слоев около 1500 каменных изделий. В качестве сырья использовались яшма желто-коричневого цвета, серо-зеленый глинистый сланец, гальки эффузивных пород. Представлены все категории каменных изделий, включая малочисленные нуклеусы и 306 орудий.

Техника раскалывания камня хорошо представлена нуклеусами (в качестве которых использовались и чопперы), а также отщепами и обломками. Стандартных заготовок, характерных для среднего палеолита, нет. Использовались не только отщепы и осколки, но гальки и их обломки, а также фрагменты ядрищ. Среди нуклеусов преобладают атипичные, выделены дисковидные, многогранные, массивные одноплощадочные, но нет с подготовленными ударными площадками.

Если проанализировать только сколы и орудия из них, то получим такие технические показатели: IL-O, IF – 13%, IIam – 3,4%, Icl – 74%, площадки с коркой – 36,9%. Очевидно отсутствие техники левалуа, мало подправленных (преимущественно двугранных) ударных площадок и пластин, но много сколов с гладкими и скошенными ударными площадками, составляющих клетонский (Icl) индекс, а также площадок с корочным покрытием. Эти показатели указывают на архаичную технику раскалывания камня.

Сколы часто имеют небольшие размеры: отщепов менее 50 мм – 45,5%, а до 70 мм – 43,1%. Крупных сколов размерами более 70 мм – около 11%. Изделия из галек и их обломков имели чаще всего крупные и средние размеры. Каменные орудия из всех 5 слоев более или менее однообразны, хотя в слоях 1 и 2 найдены все лучшие скребла. Выделены чопперы, рубила, кливеры, унифасы, скребла, тайякские острия, клювовидные, зубчатые и выемчатые орудия. Отмечены единичные формы quinson, erraneles, а также отдельные скребки, изделия с резцовыми сколами и атипичные проколки. Среди орудий много ладьевидных форм, с массивными поперечными сечениями.

Техника и формы орудий характерны для раннего палеолита. Если отвлечься от присутствия в коллекции немногочисленных бифасов и кливеров, которые дали основание видеть здесь «южный ашель», то имеется значительное сходство с индустрией Каратау 1, которая по мнению одного из авторов данной статьи (Н. А.) слишком омоложена (Ранов, Додонов, 1994: 51). Заметно отличается от сельунгурской также индустрия Лахуги 1 (Ранов, 1986: 26–36).

Кливеры. В статье рассмотрено 10 орудий, которые определены как «кливеры» или «ашеро», но это количество нельзя считать окончательным, учитывая атипичные образцы. Почти все кливеры связаны со слоями 2 и 5. Одно орудие на очень крупном отщепе не имеет шифра, а поэтому отнести его к какому-либо слою нельзя. Приведем описание наиболее характерных предметов:

1. Осколок гальки яшмовидной породы (80 x 60 x 25 мм), полукрутой правый край которой выделен ступенчатой ретушью, а левый – образован обломом. Верхний поперечный конец, оформленный крупным плоским сколом, несколько расширен по отношению к нижнему. Он слабо выпуклый с разновеликими двусторонними плоскими фасетками. Основание, расположенное под прямым углом к ретушированному краю, также имеет ступенчатую ретушь, напоминая скребло *déjeté*. Дорсальная плоскость сложена негативами радиальных сколов, вентральная – покрыта коркой.

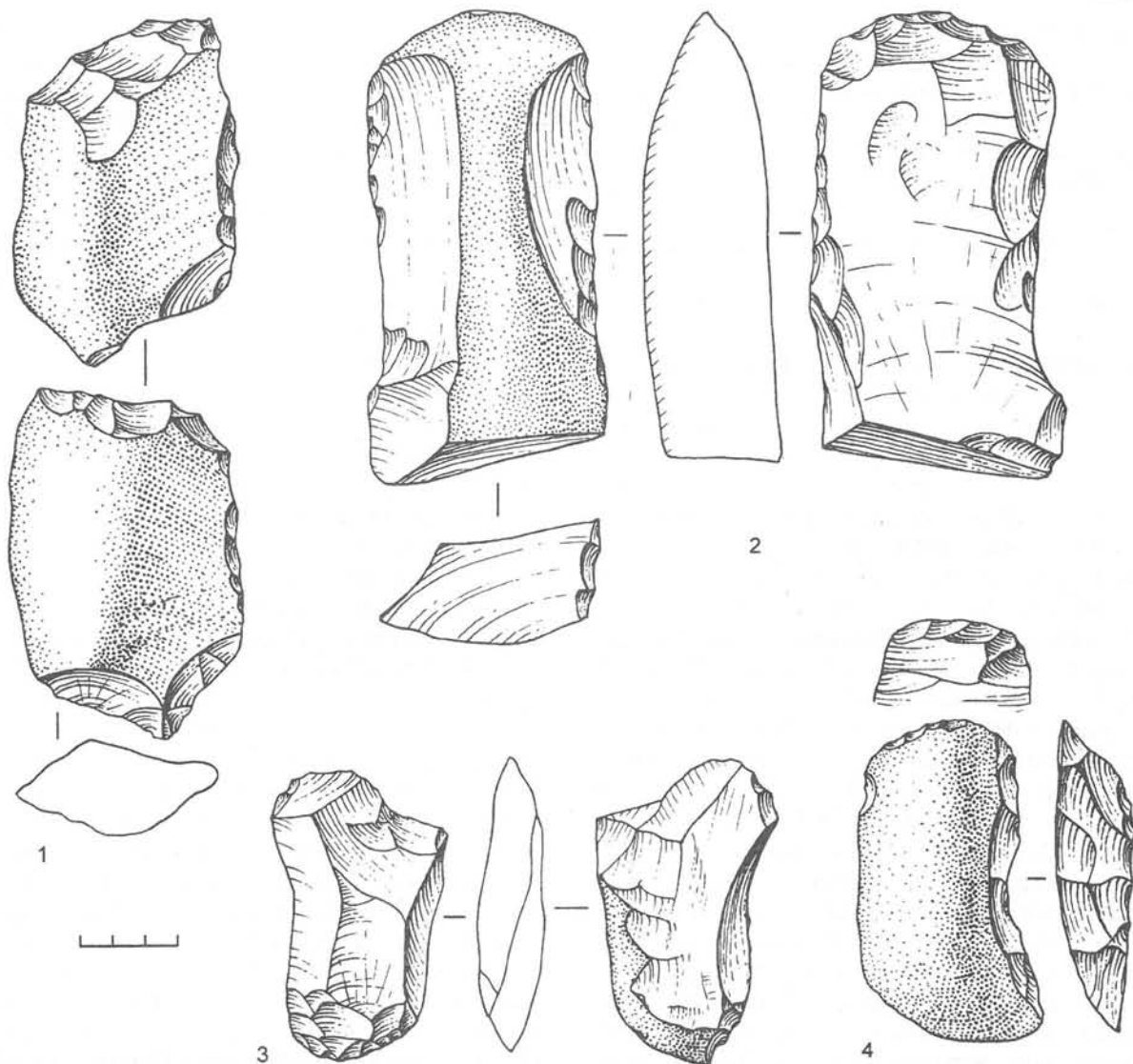

Рис. 2 Кливеры Сельунгура: 3 — слой 2; 1, 2, 4, — слой 5.

Fig. 2 Sel'ungur cleavers: 3 — Layer 2; 1, 2, 4 — Layer 5.

Поперечное сечение имеет трапециевидную форму (рис. 1: 4).

2. Осколок гальки яшмовидной породы с небольшим участком галечной поверхности, трапециевидный в поперечном сечении, со следами плоских, двусторонних снятий, имеет удлиненные пропорции ($90 \times 55 \times 20$). Боковые стороны почти параллельны и не ретушированы. Одна образована сколом, вторая — обломом. Поперечный край с фасетками уплощенной ретуши скошен и слабо вогнут. Основание выпуклое и обработано ступенчатой ретушью, которая формирует скребловидный рабочий край. Заготовкой послужила нуклеидная форма, одна из сторон которой имеет негативы сколов, а вторая — плоскость естественного расслоения. Особенность состоит в том, что рабочий край имеет кроме ретуши негативы двух плоских снятий (рис. 2: 3).

3. Орудие на удлиненном отщепе из серого алевrolита ($80 \times 45 \times 29$). Правый край покрыт

галечной коркой, левый сочетает грань ядрища со следами двух предшествующих снятий и две смежные клетонские выемки в верхней части отщепа. Поперечный конец, образованный крупной клетонской выемкой, превышает ширину изделия в его средней части. Поперечное сечение имеет прямоугольную форму (рис. 1: 2).

4. Орудие из черной гальки эффузивной породы изготовлено на массивном отщепе, центральная ось скалывания которого не совпадает с наибольшей длиной орудия ($97 \times 48 \times 29$). Оба продольных края обработаны крупнофасеточной ретушью, напоминая полукруглые лезвия двойного скребла. Правый продольный край обработан только до половины. Остальная часть — позитив скола, который образовался по трещине от предшествующего удара. Кромки ретушированных краев забиты. Поперечное сечение односторонне выпуклое. Верхний или поперечный край заужен относительно средней

части кливера, представляя из себя двугранную ударную площадку. Одна из граней, на которой прослеживается точка удара в виде конуса, срезана плоской фасеткой с мелкой ретушью по краю. На основании орудия с остатками галечной корки заметны следы использования гальки в качестве отбойника (рис. 1: 3). Все описанные выше орудия происходят из слоя 2. Остальные, описываемые ниже, относятся к слою 5.

5. «Кливер» на тонком отщепе, который можно определить как леваллуа, также имеет удлиненные пропорции ($77 \times 53 \times 16$). Параллельные друг другу края обработаны крупными фасетками полукрутой ретуши. Поперечный край, который несколько шире средней ширины отщепа, имеет мелкие фасетки утилизации. В отличие от остальных орудий здесь заметна слабая окатанность, что ставит под сомнение принадлежность этого предмета к слою 5 (рис. 1: 1).

6. Орудие на уплощенной гальке из яшмы удлиненных пропорций ($108 \times 69 \times 32$), продольные края частично ретушированы. Поперечный конец слегка скошен и оббит плоскими сколами с двух сторон. Основание напоминает клювовидное острие. Поперечный рабочий край имеет зубчатый контур, отличаясь от чоппингов слабой извилистостью рабочего края, поперечное сечение — ромбовидное (рис. 2: 1).

7. Орудие на обломке первичного скола из кремнистого известняка серого цвета ($102 \times 54 \times 22$). Спинка покрыта галечной коркой. Правый крутой край оббит интенсивной разнофасеточной ретушью, а левый сохраняет корку. Поперечный рабочий край ретуширован с брющка, а сечение имеет почти прямоугольную форму (рис. 2: 4).

8. Крупное орудие на расколоте пополам гальке яшмовидной породы характеризуется удлиненными пропорциями ($143 \times 76 \times 38$). Дорсальная сторона покрыта коркой, вентральная — нечеткая поверхность раскалывания. Правый край оббит крупными сколами с двух сторон, а левый лишь с одной стороны. Поперечный край выпуклый, с вентральной плоскости имеет фасетки ретуши. Нижняя часть обломана в древности. Поперечное сечение по форме близко к параллелограмму (рис. 2: 2).

«Кливер», опубликованный в монографии Л. Б. Вишняцкого (Вишняцкий 1996: 106), на наш взгляд, таковым не является поскольку отсутствует подлинный рабочий край. Скорее всего это бифас с обломанным концом, а место облома принято за рабочий край «кливера».

Некоторые особенности кливеров Сельунгура. При беглом взгляде на описанные кливеры складывается впечатление, что здесь отсутствуют какие-либо устойчивые сочетания признаков:

в качестве заготовок присутствуют отщепы, обломки, гальки, налицо формы как с ретушированными боковыми краями, так и без них. Но это только на первый взгляд. Общими чертами для всех кливеров Сельунгура являются удлиненность пропорций и крупные размеры. Например, почти 90% орудий из отщепов и обломков имеют длину менее 60 мм, а около 11% — 70 мм, в то время как размеры всех кливеров более крупные. Самый мелкий предмет имеет длину 77 мм, остальные значительно крупнее, в их числе 4 экземпляра с длиной более 102 мм. Кроме того, среди этих форм нет тонких с показателем массивности менее 20, как нет и очень массивных с показателем более 30.

Таким образом, для кливеров подбирались специальные заготовки со сравнительно острыми краями, крупными размерами и удлиненными пропорциями. Это соответствует наблюдениям западных ученых, которые указывали, что «выбор первичного материала кажется неразрывным с идеей орудия, которое ашельский человек намеревался получить» (Guichard 1976: 915). В этом отношении, если говорить о раннем палеолите, имея в виду дорисские индустрии, орудия изготавливали не только из отщепов, но и из осколков и обломков, включая ядрища. Возможно разнообразие заготовок для кливеров Сельунгура связано с глубокой древностью стоянки и соответствует тенденции использовать в качестве заготовок не только отщепы (как в среднем палеолите), но и осколки галек.

Если говорить о признаках, связанных с акомодацией, то можно обратить внимание на то, что края ретушировались или оббивались в том случае, когда в этом была необходимость. Аналогичное использование естественных краев заготовок кливеров отмечено в ашеле юго-западной Франции (Tavaso 1975: 21).

Что касается рабочих краев кливеров, то здесь необходимо учесть то обстоятельство, что перед нами орудия, которые на стоянках могли использоваться с разной степенью интенсивности. Продолжительная утилизация способствует образованию выразительных макропризнаков (Матюхин 1983: 172). Поэтому среди исследователей очевиден разноречивый относительно наличия или отсутствия на рабочих краях ретуши. Если одни ее отрицали, то другие допускали существование ретуши в том или ином проявлении (Bordes 1961; Brezillon, 1971; Guichard 1976). Нельзя, имея в виду орудия, отрицать ретушь на рабочем крае, возникающую часто при использовании орудия. В конкретном случае выразительная оббивка могла быть нанесена как для выделения рабочего края, так и являться результатом продолжительной утилизации орудия.

Несмотря на малочисленность кливеров можно отметить, что два из них — на гальке и на расколотой гальке (рис. 2: 1, 2), имеющие архаичный облик, происходят из слоя 5. По нашему мнению, кливер на тонком отщепе, представленный в публикации (Исламов 1990: рис. 5: 8), мог попасть в коллекцию случайно и не связан с этим слоем.

Кливеры неизвестны ни в одном из памятников раннего палеолита Средней Азии. Их нет ни в лессовых стоянках Таджикистана, ни в нижних слоях Кульбулака, ни в коллекции новой стоянки раннего палеолита Кызылалма (Анисюткин, Исламов и др. 1995), все эти памятники в общих чертах близки между собой. Это, в первую очередь, можно объяснить недостаточной изученностью территории.

Заключение. Кливеры или ашеро Сельунгура можно отнести к группе «прото-ашеро» или ашеро типа Тернифин (Brezillon 1971: 241, 251), т. е. к наиболее примитивной форме этих орудий. Заметные различия имеются в элементах аккомодации и ретушировании рабочих краев. Перед нами выразительная серия орудий с острыми поперечными лезвиями, ограниченными двумя боковыми краями. Последние были предназначены для захвата рукой во время работы, связанной вероятно с рубящими функциями.

Сельунгур сегодня единственная стоянка в Центральной Азии с кливерами и единичными рубилами. Сочетание в коллекции этих двух форм орудий дало основание для выделения «южного ашеля» (Islamov 1990: 686). Подобный вариант ашеля, который характерен в основном для Африки, выделен Бордом как противопоставление классическому или «северному ашелю» в Европе, свидетельствуя об африканском влиянии на территории Испании и прилегающих районах Франции (Bordes 1966: 53). Однако ашель Сельунгура кардинально отличается от африканского ашеля прежде всего количеством и выразительностью наиболее показательных орудий, особенно рубил и кливеров, а также галечных форм. Последние многочисленны и разнообразны в комплексе Сельунгура. В этой связи трудно согласиться с мнением В. А. Ранова о негалечном облике комплекса Сельунгура (Ранов 1988: 45), который является наиболее близким азиатскому, в первую очередь китайскому раннему палеолиту. Правда, если принять во внимание единичность раннепалеолитических стоянок на территории Средней Азии, то следует признать недостаточность всех современных таксономических штудий. Необходимы новые данные.

- Абрамова, З. А. 1994. Палеолит Северного Китая // Палеолит мира. Исследования по археологии древнего каменного века. Санкт-Петербург.
- Амирханов, Х. А. 1991. Палеолит Юга Аравии. Москва: Наука.
- Анисюткин, Н. К., У. И. Исламов, К. А. Крахмаль, Б. Сайфуллаев, Н. О. Хушваков. 1995. Новые исследования палеолита в Ахангароне (Узбекистан) // Археологические изыскания 28. Санкт-Петербург.
- Барышиников, Г. Ф., Б. Х. Батыров. 1994. Среднеплейстоценовые хищные млекопитающие (Carnivora, Mammalia) Средней Азии // Четвертичная фауна Северной Евразии: 3-40. Санкт-Петербург.
- Батыров Б. Х., А. Р. Батыров. 1994. Костные остатки млекопитающих пещеры Сельунгур. // К истокам истории древнекаменного века Средней Азии: 76-85. Ташкент.
- Борисковский, П. И. 1971. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Ленинград.
- Величко, А. А., А. А. Арсланов, С. А. Герасимова, У. И. Исламов и др. 1990. Стратиграфия и палеоэкология раннепалеолитической стоянки Сель-Унгур // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки: 76-79. Новосибирск.
- Вишняцкий, Л. Б. 1996. Палеолит Средней Азии и Казахстана. Санкт-Петербург.
- Воложенинов, Н. Н., К. А. Крахмаль. 1994. Калайскому плейстоценовому терриоккомплексу // К истокам истории древнекаменного века Средней Азии: 106-112. Ташкент.
- Гладилин, В. Н., В. И. Ситливый. 1990. Ашель Центральной Европы. Киев.
- Григорьев, Г. П. 1977. Палеолит Африки // Палеолит мира. Ленинград.
- Додонов, А. Е., В. А. Ранов, А. В. Пеньков. 1978. Находки палеолита в древних погребенных почвах Южного Таджикистана и их геологическая позиция // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода 48: 86-100. Москва.
- Иванова, И. К. 1965. Геологический возраст ископаемого человека. Москва.
- Исламов, У. И. 1990. Древнейшая пещерная палеолитическая стоянка Сель-Унгур в Ферганской долине // Советская археология 2: 115-126.
1994. К вопросу о датировании нижнего палеолита Узбекистана // К истокам истории древнекаменного века Средней Азии: 5-14. Ташкент.
- Исламов, У. И., А. А. Зубов, В. М. Харитонов. 1988. Палеолитическая стоянка Сельунгур // Вопросы антропологии 80: 38-49. Москва.
- Исламов, У. И., К. А. Крахмаль. 1994. Древнепалеолитические отложения пещеры Сельунгур // К истокам истории древнекаменного века Средней Азии: 65-70. Ташкент.
- Маркова, А. К. 1994. Фауна ископаемых грызунов из ашельской стоянки Сельунгур // К истокам истории древнекаменного века Средней Азии: 85-106. Ташкент.
- Матюхин, А. Е. 1983. Орудия раннего палеолита // Технология производства в эпоху палеолита: 134-187. Ленинград.
- Ранов, В. А. 1986. Раскопки нижнепалеолитической стоянки Лахути I в 1979 г. // Археологические работы в Таджикистане 19: 11-36. Душанбе.
1988. Каменный век Южного Таджикистана и Памира. Диссертация ... док. ист. наук в форме научного доклада. Новосибирск.
- Ранов, В. А., А. Е. Додонов. 1994. О периодизации и хронологии нижнепалеолитических стоянок Средней Азии // К истокам истории древнекаменного века Средней Азии: 44-53. Ташкент.
- Bordes, F. 1961. Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Mem. I, Bordeaux.
1966. Acheulean cultures in Southwest France // Studies in Prehistory. Calcutta.
- Bosinski, G. 1978. Alt- und mittelsteinzeitliche Fundplätze des Rheinlandes. Bonn.
- Brézillon, M. N. 1969. Dictionnaire de la Préhistoire. Dictionnaires de l'Homme du XX siècle. Librairie Larousse. Paris.
1971. Le dénomination des objets de pierre taillée // Gallia Préhistoire. Seconde édition. Paris.
- Fidler, L. 1985. Zur Formenkunde, Verbreitung und Altersstellung alt-paläolithischer Geräte // Quartar, 35/36. Bonn.
- Guichard, G. 1976. Les civilisations du Paléolithique inférieur en Périgord // In H. de Lumley (ed.). La Préhistoire Française: 909-928. Paris.
- Islamov, U. I. 1990. Sel'oungour, un nouveau site du Paléolithique inférieur en Asie Centrale. // L'Anthropologie 94/4: 675-688. Paris.
- Leakey, L. S. B. 1951. Olduvai Gorge. A report on the evolution of the Handaxe culture in Beds I-IV. Cambridge.

Ranov, V. A., E. Carbonell, X. P. Rodriguez. 1995. Kuldara: Earliest Human occupation in Central Asia in its Afro-Asian context // Current Anthropology 16/2: 337-345.

Tavaso, A. 1975. Les Hachereaux sur éclats du l'Acheuléen Montalbanaise // Quartar 26: 13-30. Bonn.

CLEAVERS FROM THE EARLY PALAEOLITHIC SITE OF SEL'UNGUR IN CENTRAL ASIA

N. K. ANISYUTKIN, U. K. ISLAMOV, K. A. KRAKHMAL'

In the present article a number of large stone tools from the early Palaeolithic layers of the Sel'ungur Cave in Central Asia are published. In terms of

their technique and morphology they present archaic forms which may be compared to the *proto-hachereaux* of French typologists.

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ДАННЫЕ К ИЗУЧЕНИЮ АХШТЫРСКОЙ ПЕЩЕРНОЙ СТОЯНКИ (Северо-Западный Кавказ)

С. А. КУЛАКОВ¹

В 1996 г. Причерноморский палеолитический отряд ИИМК РАН и Музей истории Адлерского района г. Сочи, финансируемые Администрацией Адлерского района, возобновили исследования Ахштырской пещерной стоянки. Работы 1996 г. проводились для того, чтобы определить состояние этого уникального памятника первобытной археологии и возможности его спасения и сохранения.

Ахштырская пещерная стоянка расположена на территории Адлерского района Большого Сочи в 15 км по прямой от берега Черного моря и в 11 км на северо-запад от сочинского аэропорта. Памятник находится в Большой Казачебродской пещере (спелеологическое название), которая расположена в правом скалистом берегу р. Мзымта на участке Дзыхринского ущелья, в лесу на территории Сочинского национального парка, в 200 м вниз от дороги ведущей в село Галицыно и в 300 м вверх от последних домов поселка Форелевого хозяйства и висячего моста через р. Мзымта. Таким образом, в настоящее время этот уникальный археологический памятник находится практически на окраине Адлера, до него чрезвычайно легко добраться, что постоянно создает угрозу его разрушения от бесконтрольных посещений. Кроме того, в последние годы местные коммерческие туристические агентства стали активно водить в пещеру экскурсионные группы, которые безжалостно, не понимая того, уничтожают памятник. Охранная решетка, перегородившая вход в глубь пещеры на стоянку, поставленная в 1978 г., сломана.

Стоянка первобытного человека в пещере была открыта С. Н. Замятниным в 1936 г., им же в 1937-38 гг. были произведены первые раскопки памятника. В результате работ было вскрыто около 90 кв. м пещерных отложений (рис. 1). Исследователь выделил в пещере два культурных слоя эпохи мустье — «верхний и нижний», а также уровни обитания человека в позднем палеолите-неолите, энеолите-бронзе и средневековье (Замятнин 1940; 1961) (табл. 1).

В 1961 г. исследование стоянки продолжили Е. А. Векилова и М. З. Паничкина, им удалось восстановить квадратную сетку, глубинные отметки 1937 г. и сделать привязку своего раскопа (8 кв.м) и в плане и по глубинам к площади, вскрытой С. Н. Замятниным (рис. 1). Стратиграфия культурных слоев и их атрибуция рассматривалась исследователями в русле выводов С. Н. Замятина (Векилова 1961; Паничкина, Векилова 1962) (табл. 1).

В 1962-1963 и 1965 годах работы на памятнике велись Е. А. Векиловой, было исследовано около 40 кв. м культурных отложений (рис. 1). С этого времени начинается комплексное изучение памятника. Большие работы были проведены на стоянке геологом М. Н. Грищенко (Грищенко 1971; Грищенко, Векилова 1972), результатом которых стал новый взгляд на стратиграфию и геологию стоянки. Были введены более дробные подразделения не только пещерных, но и культурных уровней. Так вместо 7 литологических подразделений С. Н. Замятина, было выделено 15, вместо раннее выделяемых двух мустьерских слоев стали выделять четыре (Векилова 1962; 1965; Векилова, Грищенко 1972) (табл. 1). М. Н. Грищенко высказал предположение о том, что галечник в низу колонки отложений совпадает с галечником высоких террас р. Мзымта, но в пещеру он попадал не с речным потоком. Вообще в образовании пещерных отложений участие «речного потока горного типа ... исключается» (Грищенко 1971: 56). Исследователь приурочивал открытие карстовой полости ко времени «после образования уступа от верхней террасы (расположенной над пещерой) к более низкой, IV террасе (расположенной под пещерой)». С концом влажного и теплого периода образования «красноцветных пород на поверхности» и временем прорыва «через карстовую полость в пещеру гальки» он связывал первое появление в пещере человека с архаичными кремневыми орудиями (Грищенко 1971: 60).

В 1978 г. для демонстрации на совместном советско-французском полевом семинаре

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита

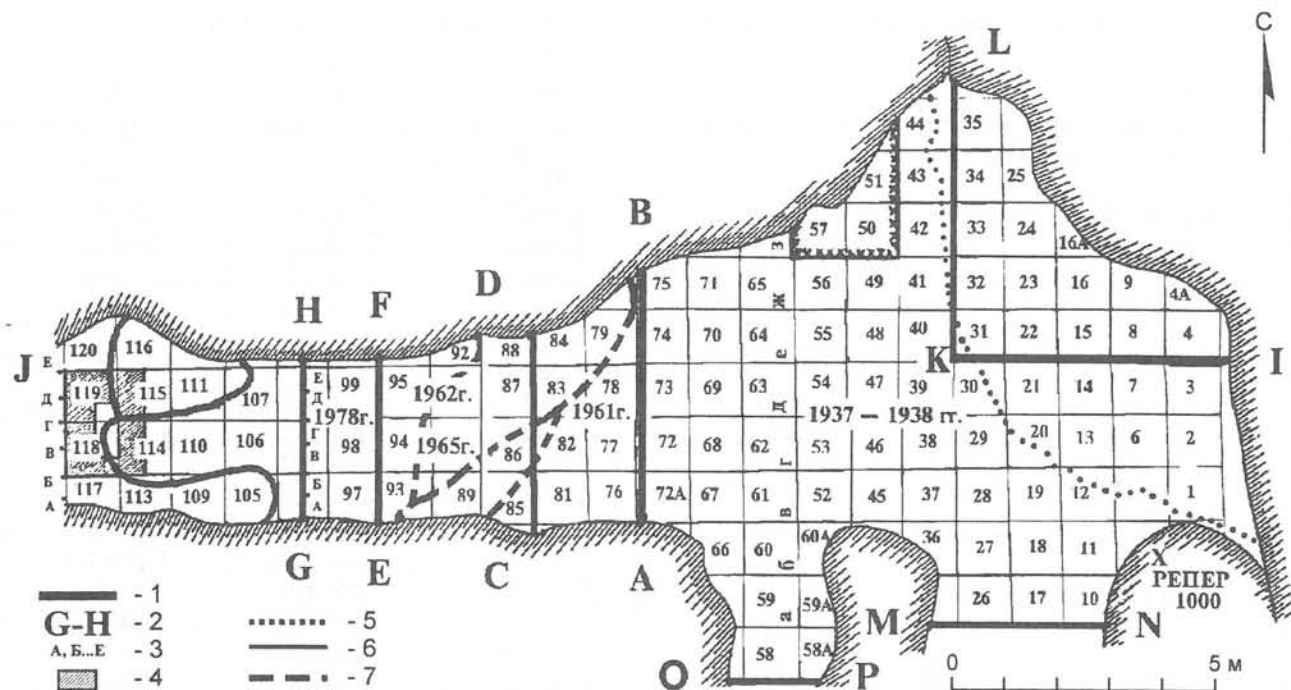

Рис. 1 Ахштырская пещерная стоянка. План.

1 — Границы раскопов стоянки; 2 — Разрезы отложений; 3 — Линии квадратов; 4 — Шурф 1961 г.; 5 — Капельная линия в 1996 г.; 6 — Площадь разрушения дневной поверхности пещерных отложений в 1996 г.; 7 — Границы осыпи 1996 г.

Fig. 1 Akhshtyrskaya cave site. Plan.

1 — Boundaries of excavation areas at the site; 2 — Sections of deposits; 3 — Lines of grid squares; 4 — Trench of 1961; 5 — Drip line in 1996; 6 — The area of disturbances of the modern surface of the cave deposits in 1996; 7 — Boundaries of the scree in the 1996.

на Ахштырской стоянке Е. А. Векиловой было прирезано, как выяснилось в 1996 г., 1,5 кв. м площади и был подготовлен новый ступенчатый разрез пещерных отложений (рис. 1). К этому же времени группой специалистов-естественников был утвержден новый взгляд на стратиграфию стоянки, согласно которому количество пещерных напластований является большим чем у С. Н. Замятнина, но не столь дробным как у М. Н. Грищенко, хотя в след за ним вся толща отложений подразделяется «на три четкие пачки» (Векилова и др. 1978; Гричук и др. 1970) (табл. 1). Авторы считают, что галька в низах пещерных отложений принадлежит «аллювию р. Мзымта», а «вскрытие карстовой полости... и начало формирования самой пещеры, вероятно, совпадают со временем формирования третьей пачки» и относятся к раннему плейстоцену; вторая пачка отложений формировалась в условиях близких к нижнеюрмским; верхи отложений, первая пачка — это позднеюрмские отложения (Векилова и др. 1978: 47).

В конце 80-х начале 90-х гг. большие работы по неоструктурному районированию Северо-Западного Кавказа проводил С. А. Несмеянов, попутно уделяя большое внимание геоморфологии палеолитических памятников этого региона (Несмеянов 1992, 1992а, 1993). Подобная работа впервые была проделана в таком объеме

для этого района Кавказа. Согласно исследователю, вход (97 м над рекой) в Ахштырскую пещеру мог открыться в среднем плейстоцене (в 1-ой половине ресса), осадконакопление началось в пещере вскоре после ее вскрытия (Q II-?, [Q2a/2], R-2), в процессе которого активно участвовала река, отсюда и аллювиальный галечник в низах пещерных отложений. Сами отложения не дают свидетельств о «мощной эрозии, которая неоднократно уничтожала пещерные отложения», автор считает, что «правильнее допускать локальные размывы, обуславливающие вложение или прислонение разновозрастных пещерных осадков» (Несмеянов 1992а: 72-76).

Согласно «Кадастру карстовых полостей Западного Кавказа» (Комплексные 1987) Большая Казачебродская пещера, с Ахштырской пещерной стоянкой в ней, по типу полости, которая образовалась «при частичном или полном очаговом инфлюационном поглощении стока» р. Мзымта, относится к «коррозионно-эрозионным пещерам — понорам» (Комплексные 1987: 48-55).

По нашему мнению общая площадь стоянки первобытного человека в Большой Казачебродской пещере составляла около 200 кв. м (осталось около 40), общая мощность отложений, вмещающих культурные остатки, достигает 5-6 м. Ахштырская пещерная стоянка включает в себя

Таблица 1: Сводная стратиграфическая таблица отложений Ахштырской пещерной стоянки
Table 1: Akchstyrskaya cave site — summary table of the stratigraphy

По С.Н. Замятнину, 1940, 1961 г.	По М.З. Паничкиной и Е.А. Векиловой, 1962 г.	По Е.А. Векиловой, 1967 г.	По Е.А. Векиловой и М. Н. Грищенко, 1972 г.	По Е. А. Векиловой и др., 1978 г.	По С. А. Кулакову и С. В. Власовой, 1996 г.
Слой 1, 1а, 1б	Слой 1		Слой 1	Слой 1	Слой 1
Слой 2	Слой 2	Слой 2	Слой 2	Слой 2/1	Слой 2/1
			Слой 3	Слой 2/2	Слой 2/2
			Слой 4	Слой 2/3	Слой 2/3
			Слой 5		
			Слой 6		
	Слой 3а	Слой 3а	Слой 7	Слой 3/1	Слой 3/1
Слой 3	Слой 3	Слой 3	Слой 8	Слой 3/2	Слой 3/2
Слой 4	Слой 4	Слой 4	Слой 9	Слой 4/1	Слой 4/1
	Слой 4а		Слой 10	Слой 4/2	Слой 4/2
Слой 5	Слой 5	Слой 5	Слой 11	Слой 5/1	Слой 5/1
		Слой 5а	Слой 12	Слой 5/2	Слой 5/2
Слой 6	Слой 6		Слой 13	Слой 6/1	Слой 6/1
				Слой 6/2	Слой 6/2
			Слой 14	Слой 7	Слой 7
Слой 7	Слой 7		Слой 15	Слой 8	Слой 8
				Слой 9	Слой

С. Н. Замятнин, 1940, 1961 г.: Слой 1, 1а, 1б — зольный. Керамика черкесская, раннесредневековая и первых веков н.э.; Слой 2 — бурый шебенчатый, в верхней части которого неолит, в основании верхний палеолит; Слой 3 — желтый шебенчатый слой, обвалы сталагмита. Мустье; Слой 4 — лиловато-коричневая глина. Находок нет; Слой 5 — серая известковистая глина. Мустье; Слой 6 — серо-зеленая иловатая глина. В верхней части единичные мустьерские кремни; Слой 7 — охристо-желтая глина с кристаллической и сланцевой галькой. Находок нет.

М. З. Паничкина и Е. А. Векилова, 1962 г.: Слой 1 — зольный. Средневековая и современная керамика, кости животных; Слой 2 — бурошебенчатый. Толщу разделяют на два горизонта крупные плиты известняка. Верхний горизонт — неолит. Нижний горизонт — две мощные угольные прослойки, верхний палеолит; Слой 3а — буро-желтая глина с шебенкой. Верхний палеолит и Мустье; Слой 3 — плотная желтая глина, много плит (древний обвал потолка). Мустье, много костей животных; Слой 4 — лиловато-коричневая глина. Немногочисленные мустьерские изделия. Фауна отсутствовала; Слой 4а — ?; Слой 5 — серо-зеленая глина с большим количеством ржавых и белесых примазок. Мустье; Слой 6 — серо-зеленая глина. Без культурных остатков; Слой 7 — глина охристо-красная и желтая, включает речную гальку. В самой верхней части — единичные кремни и кости (Ручное рубило);

Е. А. Векилова, 1967 г.: Слой 2 — бурошебенчатый. Вся толща соответствует верхним отделам плейстоцена. Энеолит и более позднее время только в самой верхней части. Около 1,5 м. Образец из очажной массы из средней части слоя по С¹⁴ = 19500+500; Слой 3а — красновато-бурый суглинок с щебнем. (1-й мустьерский слой). Верхний палеолит и Мустье; Слой 3 — более плотная консистенция. Мустье (2-ой мустьерский слой); Слой 4 — лиловая глина. Обильные остатки 2-го мустьерского слоя; Слой 5 — 3-ий культурный слой мустьерского времени; Слой 5а — 4-й мустьерский слой.

Е. А. Векилова и М. Н. Грищенко, 1972 г.: Слой 1 — щебень со светло-серым рыхлым суглинком в промежутках (зольный горизонт), к южной (левой) стенке он выклинивается. Остатки средневековья. 0 — 25 см; Слой 2 — шебенка с темно-серым суглинком, более плотным чем слой 1. до 0,30 м; Слой 3 — линза зольной массы со щебнем. В кровле — энеолит. до 0,30 м; Слой 4 — суглинок бурый, сильно насыщен щебнем. Материалы мезолита и верхнего палеолита. 0,30 — 0,65 м; Слой 5 — такая же порода сильно обогащенная углистым материалом. Мезолит, верхний палеолит. до 0,80 м; Слой 6 — нижняя часть бурошебенчатой толщи. На границе со слоем 7 — остатки второго очага. 0,30 — 0,40 м; Слой 7 — глина желтовато-красновато-бурая с более редкой шебенкой известняка. На контакте со слом 6 — мощный очаг. Остатки 1-го верхнемустьерского слоя. 0,20 — 0,35 м; Слой 8 — глина темно-серовато-бурая с желтым оттенком. Встречаются темноцветные рыхлые железисто-марганцевистые включения. Остатки 2-го мустьерского слоя. 0,10 — 0,35 м; Слой 9 — глина темно-буровато-серая с желтоватым оттенком. До 0,35 м; Слой 10 — глина светло-серая, очень плотная, жирная, не пластичная. До 0,15 м; Слой 11 — глина темно-буровато-серая с зеленым, табачным оттенком, слоистая. 3-й мустьерский слой. До 0,95 м; Слой 12 — глина светло-серовато-бурая с желтым оттенком, на скальном дне у южной стенки. Остатки 4-го мустьерского слоя. до 0,25 м; Слой 13 — глина светло-серая плотная, жирная, не пластичная, залегает линзами. До 0,25 м; Слой 14 — глина кирпично-красная, слоистая, с линзами и гнездами охристо-желтой глины. До 0,8 м; Слой 15 — костеносный конгломерат. Глина малиново-красного цвета с сиреневым оттенком. Кости животных, галька. 0,15 м.

Е. А. Векилова и др., 1978 г.: Слой 1 — шебенчато-суглинистый горизонт с заполнением (50%) из серовато-бурого суглинка; щебень с острыми гранями. 0 — 35 см; Слой 2/1 — шебенчато-суглинистый с коричневатобурым заполнителем. 0,40 — 0,80 м; Слой 2/2 — близок слою 2/1, содержит зольную прослойку. 0,05 — 0,18; Слой 2/3 — близок к слою 2/1, но с несколько более высоким содержанием суглинка и с более разложившей шебенкой. 0,40 — 0,80; Слой 3/1 — коричневатобурый средний суглинок. Мустье. 0,17 — 0,38; Слой 3/2 — буровато-желтый суглинок. Обогащен железисто-марганцевистыми натеканиями. Мустье. 0,10 — 0,30; Слой 4/1 — суглинок пятнистый (бурые железисто-марганцевистые и зеленовато-сизые прослои и пятна). 0,13 — 0,38; Слой 4/2 — тяжелый суглинок пепельно-серый с голубоватым оттенком. 0 — 0,20 м; Слой 5/1 — пестроокрашенный суглинок, песчаный, с марганцевистыми стяжениями. Мустье. 0,17 — 0,45; Слой 5/2 — суглинок тяжелый (легкая глина) буровато-желтый с зеленоватым оттенком, залегает линзой. Мустье. 0,10 — 0,18; Слой 6/1 — суглинок тяжелый (глины), серовато-палевый с красноватым оттенком; Слой 6/2 — суглинок тяжелый (глины) серовато-палевый с голубоватым оттенком. 0 — 0,27 м; Слой 7 — коричнево-красная глина со следами разложившихся глыб известняка. Мустьерские изделия. 0,09 — 0,47 м; Слой 8 — глина охристо-желтая с разложившейся галькой. 0,18 — 0,60 м; Слой 9 — буроохристая глина, сцементированная марганцевисто-железистыми корочками. 0 — 0,10 м.

культурные слои среднего палеолита («верхний мустьерский слой» и «нижний мустьерский слой»), эпох позднего палеолита, неолита, бронзы и средневековья. Наличие в коллекции «ручных рубил» дает основания предполагать присутствие на памятнике более древних культурных отложений (Паничкина, Векилова 1962: 39; Векилова 1967: 82-84; Любин 1989: 72-74). Для памятника имеются две датировки культурных отложений:

- 1) 35 000 ± 2 000 лет для верхней части «верхнего мустьерского слоя», по урану и торью из сталактитов (Чердынцев и др. 1965);
- 2) 19 000 ± 500 лет для средней части позднепалеолитических отложений 2-го слоя по ¹⁴C из зольной прослойки (Чердынцев и др. 1965а).

Для более удобной работы с планиграфией стоянки и состыковки разновременных планов автором были введены некоторые усовершенствования:

- 1) введение буквенных обозначений — строчные буквы русского алфавита — по линиям южных сторон квадратов на общей квадратной сети стоянки, разбитой еще С. Н. Замятниным (рис. 1);
- 2) обозначение буквами — заглавные буквы латинского алфавита — всех опубликованных разрезов пещерных отложений стоянки (рис. 1).
- 3) буквами I-J обозначен генеральный продольный разрез, отрезок I-K которого был

зафиксирован С. Н. Замятниным в 1937 г. (1961: табл. XLV. А), (рис. 1). Далее в глубь пещеры до линии G-H этот разрез не фиксировался.

В 1996 г. в первую очередь было произведено тщательное обследование состояния памятника. Было выявлено, что верхняя часть пещерных отложений с вмещающими культурными остатками уничтожена на площади более 10 кв. м, на глубину более 2 м от дневной поверхности (рис. 1, 2) и снесена («стоптана») вниз в виде огромной осыпи, доходящей возле северной стены пещеры почти до загораживающей вход решетки (рис. 1). Наиболее сильно пострадали отложения в центре разреза G-H. Верхняя «щебеночная» пачка отложений (рис. 1, 2) (слои 1, 2/1, 2/2, 2/3) «вытоптана» почти полностью на всю глубину, то есть от 0,30 м до 2,2 м, а на квадрате 102г, т.е. по линии разреза 1978 г., кроме этого разрушению подверглись слой 3/1 и верхушка «верхнего мустьерского слоя» — слоя 3/2 (рис. 1, 2). Таким образом, пещерные отложения с культурными остатками поздних эпох и верхнего палеолита в центре пещеры были уничтожены — «стоптаны» современной тропинкой для более удобного проникновения вглубь. Эти отложения могли сохраниться наиболее полно только в пристенных участках, что и было установлено в октябре 1995 г. В 1996 г. мы

К таблице 1. Продолжение.

С. А. Кулаков и С. В. Власова, 1996 г.: *Слой 1* — серый пылеватый легкий суглинок. Выделен условно на кв. 105в. Включает отдельный мелкий (1-5 см) и средний (5-10 см) остроугольный щебень известняка. Сильно насыщен современными антропогенными остатками — битые бутылки, огарки свечей, современные угли, бумага и полиэтиленовые куски. 0 — 10 см; *Слой 2/1* — Темно-серый легкий суглинок, обильно включающий мелкий и средний остроугольный известняковый щебень. Нижняя граница горизонта выделена по более темному прослою. до 25 см; *Слой 2/2* — суглинок более темно-серый, чем вышележащий, местами до черного, легкий с обилием мелкого и среднего легкооглаженного известнякового щебня, залегающего в основном как и в слое 2/1. Горизонт выделен по встречающимся в нем мелким и средним глыбам известняка, залегающим в основании этого горизонта. до 20 см; *Слой 2/3* — суглинок еще более темно-серый до черного, легкий, с обилием мелкого, среднего и крупного щебня, слегка оглаженного и выветрелого. Щебень залегают также приблизительно согласно общему залеганию слоев, но более хаотично чем в слоях 2/1 и 2/2. Нижняя граница горизонта выделена условно. до 70 см; *Слой 3/1* — суглинок темно-буро-серый, легкий, включающий мелкий оглаженный известняковый щебень. до 10 см; *Слой 3/2* — суглинок коричнево-бурый, средний, включающий оглаженный и выветрелый мелкий и средний известняковый щебень, а также мелкие пятна железисто-марганцевистых стяжений. Залегает субгоризонтально с резки поднятием возле южной стены пещеры, к северной стене выклинивается. Контакт с нижележащим слоем волнистый. Находки среднепалеолитического облика. до 25 см; *Слой 4/1* — суглинок коричнево-сизый, тяжелый, плотный, включает отдельный сильно выветрелый мелкий и средний известняковый щебень. Залегает субгоризонтально, утончаясь к южной стене пещеры. Контакт с нижележащим слоем волнистый четкий. 10 — 45 см.; *Слой 4/2* — суглинок сизый, тяжелый, плотный. Выделен в виде небольшой линзы. Контакт четкий. до 20 см; *Слой 5/1* — суглинок темно-бурый тяжелый, плотный, включает отдельный сильно выветрелый известняковый щебень. Выделяются пятна железисто-марганцевистых стяжений, подошва отмечается целая линза таких стяжений мощностью до 2 см. Выделен в виде крупной линзы в центре разреза, контакт с нижележащим слоем волнистый четкий. До 25 см; *Слой 5/2* — суглинок буро-коричневый тяжелый, плотный, включает пятна очень сильно выветрелого известнякового щебня. Выделен в виде небольшой линзы, контакт везде четкий. До 25 см; *Слой 6/1* — суглинок зеленовато-серый тяжелый, плотный, под ножом рассыпается на угловатые комочки, с большим количеством марганцевисто-железистых стяжений размером более 1 см. Слой был сильно подвержен процессу оглиения. Включает сильно преобразованные известняковые обломки. Контакт волнистый четкий. 10 — 50 см; *Слой 6/2* — суглинок серо-сизый тяжелый, плотный, под ножом колетая, с большим количеством марганцевисто-железистых стяжений размерами более 1 см. Слой был сильно подвержен процессу оглиения. Бронируется сверху черной марганцевисто-железистой корочкой. Залегает в виде линзы. До 20 см; *Слой 7* — глина ярко-рыжего цвета, пластичная, включает остатки сильно преобразованного щебня известняка. Контакт с нижележащим слоем нечеткий. Видимая до 7-25 см; *Слой 8* — галечный горизонт с красновато-охристой глиной в качестве заполнителя, с сильно лимонитизированной по поверхности (крупная) и полностью (мелкая) галькой. Галька хорошо окатана, в основном диабазовая, т.е. не пещерного происхождения. Переход в нижележащий слой постепенный. Видимая до 20-30 см; *Слой 9* — темно-рыжая порода, с пятнами марганцевисто-железистых включений, представляющая сильно выветрелые и лимонитизированные коренные известняки пещеры, с четкой слоистостью, отражающей отчетливо-горизонтальное залегание известняков. Видимая до 10-25 см.

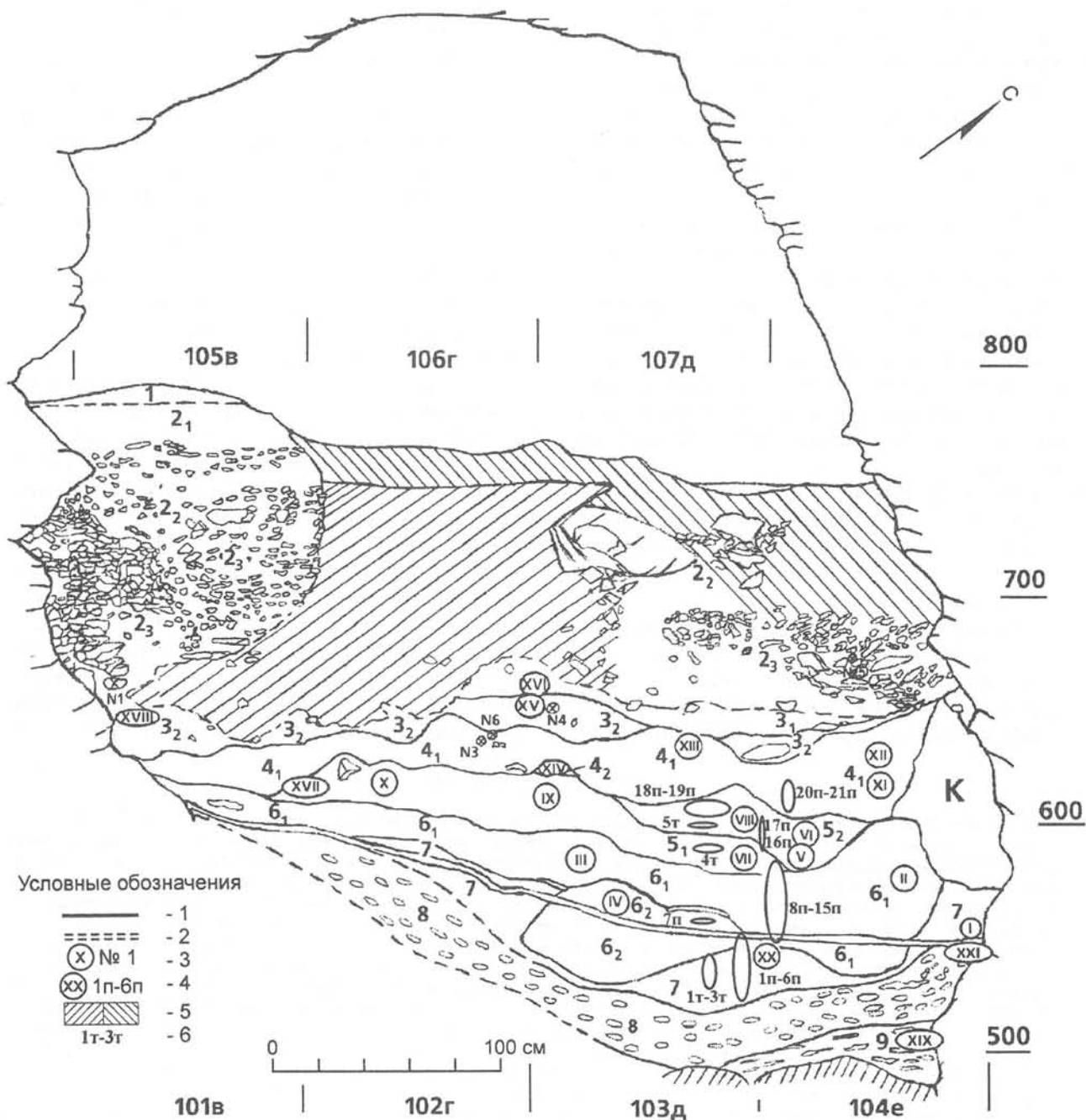

Рис. 2 Ахштырская пещерная стоянка 1996 г.

Разрез пещерных отложений G-H. 101в – 107д – Номера квадратов; 500–800 – Глубинные отметки; 1–9 – Номера слоев.

Условные обозначения: 1 – Границы стратиграфических подразделений; 2 – Ступенька в разрезе; 3 – Местоположение находок *in situ*; 4 – Номера и местоположение образцов на спорово-пыльцевой анализ; 5 – Площадь разрушений пещерных отложений (Осыпь); 6 – Номера и местоположение образцов на радиотермolumинисцентный анализ.

Fig. 2 Akhshtyrskaya cave site of 1996.

Section of the cave deposits G-H. 101в – 107д – Grid square numbers; 500–800 – Marks of depth; 1–9 – Numbers of the layers.

1 – Boundaries of the stratigraphic subdivisions; 2 – A step in the section; 3 – Position of finds *in situ*; 4 – Numbers and position of samples taken for palynological analysis; 5 – Area of disturbances of the cave deposits (the scree); 6 – Numbers and position of samples taken for radiothermoluminescent analysis.

обнаружили, что наиболее полный останец верхней части отложений сохранился только у южной стены пещеры (рис. 1, 2). Возле северной стены была зафиксирована современная грабительская яма (рис. 1, 2).

После выявления и фиксации размеров разрушений пещерных отложений была произведена разборка осыпи, которая позволила выяснить состояние пещерных отложений и проследить границы раскопа 1978 г. Намеренно была оставлена утоптанная до корки осыпь на наиболее разрушенном участке на квадратах 101в, 102-114 по линии г (рис. 1, 2). Это было сделано для лучшей сохранности культурных слоев стоянки до проведения больших спасательных работ на памятнике.

После детального изучения архивных данных и публикаций и сопоставления их с сохранившимися частями пещерных отложений, автор может предложить следующую картину состояния памятника на 1996 г. (рис. 1, 2). Судя по всему, в 1978 г. состояние разреза Е-Ф пещерных отложений 1965 г. и размеры его разрушений всего за 12 лет были удручающими, что заставило немедленно организовать закрытие входа на стоянку решеткой. Для демонстрации памятника на совместном советско-французском полевом семинаре, вероятно, пришлось прирезать 1,5 м отложений вглубь пещеры, разобрать их удалось, очевидно, только до верхней границы 7 слоя (рис. 1, 2). Про консервацию памятника в 1978 г. трудно сказать что-либо определенное. Поэтому на сегодняшний день мы имеем ступенчатый поперечный разрез G-Н пещерных отложений на квадратах 101в, 102г, 103д, 104е (рис. 2), верх которого, с культурными остатками после среднепалеолитического времени, сильно разрушен и уничтожен, нижняя часть, напротив, сохранилась довольно хорошо, особенно слой 7.

После тщательной зачистки и внимательнейшего изучения стратиграфии разреза было сделано подразделение пещерных отложений и первое описание этого ступенчатого разреза на Ахштырской пещерной стоянке 1978/1996 годов. Стратиграфическое подразделение, нумерация и описание слоев ступенчатого разреза G-Н (рис. 2) производилось при активном участии и поддержке научных сотрудников Кавказского государственного природного биосферного заповедника геологов В. В. Власова и С. В. Власовой (табл. 1) с учетом последней по времени публикации разреза (по всей видимости сводного) (Векилова и др. 1978; рис. 1). По окончании всех предусмотренных работ 1996 г. разрез пещерных отложений Ахштырской стоянки был законсервирован.

В разрезе G-Н 1996 г. из всех стратиграфически четко выраженных слоев пещерных

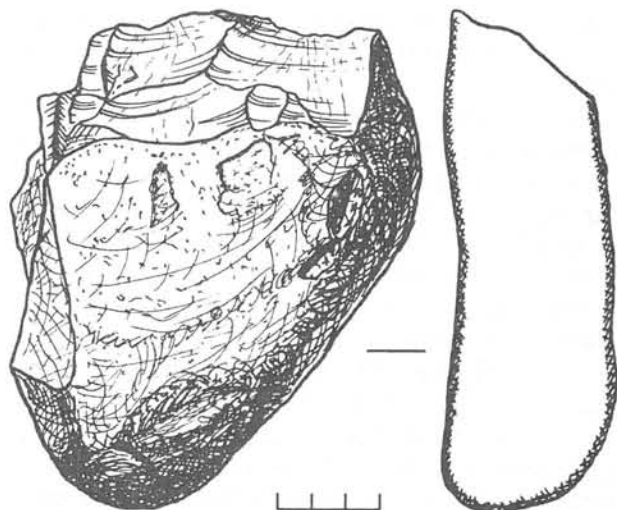

Рис. 3 Ахштырская пещерная стоянка 1996 г. Чоппер.

Fig. 3 Akhshtyrskaya cave site of 1996. Chopper.

отложений были взяты образцы на спорово-пыльцевой анализ. По возможности образцы брались из верхней, средней и нижней частей слоя. Всего было взято 42 образца (рис. 2), которые находятся в обработке.

Для проведения радиотермолюминисцентного анализа отложений¹ было взято 5 образцов (рис. 2). О. А. Куликовым в МГУ (Москва) пока получены две даты:

- 1) 306000 ± 61000 лет (РТЛ-926), для образца 1т из середины слоя 7 (рис. 2; табл. 1);
- 2) 112000 ± 22000 лет (РТЛ-927), для образца 5т из середины слоя 5/2, содержащего среднепалеолитические артефакты, приблизительно соответствующие самым ранним уровням «нижнего мустьерского слоя» по С. Н. Замятнину (рис. 2; табл. 1).

Вновь полученные две термолюминисцентные даты для нижних культурных отложений Ахштырской пещерной стоянки довольно удачно вписываются как в геоморфологическое, так и в археологическое представления о памятнике. Так, дата для слоя 7 соответствует предположению о вскрытии пещерной полости в начале ресса (Любин 1998; Несмеянов 1992а), а дата для слоя 5/2 — предположению о рессвюрмском возрасте среднего палеолита в Ахштырской пещере.

В результате работ 1996 г. на Ахштырской пещерной стоянке (при разборке осыпи и зачистке разреза и поверхностей отложений) была получена новая коллекция находок, состоящая из каменных изделий и фаунистического материала.

Фаунистическая коллекция насчитывает 565 экз., 122 из них — это определимые кости, 443 экз. представлены обломками костей —

¹ Радиотермолюминисцентный анализ был произведен при финансовой поддержке РФФИ (проект № 98-06-80236).

крупными, средними, мелкими и осколками. Как обычно в Ахштыре, до 90% определимых костей составляют остатки пещерного медведя.

Ахштырской пещерной стоянке в 1996 г., насчитывает всего 41 экземпляр, которые в основном происходят из осыпи. Стратифицированных, найденных *in situ*, только 4, из них 3 — это каменные артефакты и один средний Коллекция каменных изделий, собранная на обломок кости (рис. 2). За исключением одного изделия, происходящего из слоя 2/3, все эти находки сделаны при зачистке разреза G-H, на поверхности слоя 3/2 — «верхнего мустьерского слоя» (рис. 2, 3). Опишем более подробно одно из них, как представляется, достаточно уникальное орудие для ахштырской индустрии — чоппер (рис. 3), 15,5 × 12,5 × 5,5 см. Орудие изготовлено на крупной, уплощенной «алевролитовой» (диабазовой) гальке серо-зеленого цвета. Патина глубокая светло-серая, на поверхности изделия имеются пятна ожелезнения и глинистой рубашки. Для придания изделию подтреугольной формы левый край гальки был оббит. Лезвие орудия сформированное как бы на основании этого треугольника, имеет прямую форму и оформлено крупными и средними плоскими сколами. Кромка лезвия несет негативы ретуши чешуйчатой полой, полукрутой, крутой, вертикальной и даже обрывистой, разновеликой и многорядной, частично двусторонней. Возможно это последствия утилизации изделия. Угол заострения лезвия распределяется в пределах 70-72 градусов. Специально зауженный низ гальки (вершина треугольника) является удобной аккомодационной частью — рукоятью. Стратиграфическое положение изделия очень интересно, оно было найдено в верхней части слоя 3/2 («верхнего мустьерского слоя» по С. Н. Замятнину), практически на границе со слоем 3/1 (слоем контакта нижней глинистой и верхней щебнистой пачек отложений) (рис. 2: № 1).

Планиграфическое положение орудия не менее интересно, оно находится возле южной стены пещеры, под ясно выраженным скоплением известнякового щебня (рис. 2). В этом скоплении хорошо читаются остатки разрушавшегося выступа стены, который как бы естественно отделял нижнюю пачку отложений с более древними остатками от более поздних слоев и артефактов. Т. о., чоппер бесспорно относится к «мустьерским отложениям». Кроме этого, очень хочется думать, что попало это орудие под этот выступ стены не случайно. Подобное «чопперовидное орудие — нуклеус» было опубликовано Е. А. Векиловой (1967 рис. 29: 10). Орудие происходит из того же «второго мустьерского (верхнемустьерский слой по С. Н. Замятнину) слоя», изготовлено также «из крупной светло-зеленоватой гальки» — «алевролит» (диабаз) (Векилова 1967: 82), на этом видимое сходство заканчивается. Изделие опубликованное в 1967 г. — это все-таки сработанное ядрище на диабазовой гальке, имеющее все необходимые для этого признаки: подготовку (подправку) ударной площадки, подготовку (подправку) поверхности расщепления, систему скалывания и пр. В коллекции Е. А. Векиловой (1961-1965 гг.) имеется еще одно такое же диабазовое ядрище. Орудие же коллекции 1996 г. — это все же чоппер, согласно всем признакам описанным выше, который однако вполне мог в последствии использоваться как ядрище. В коллекции 1961-1965 гг. также имеется аналогичное изделие, хотя и не такое выразительное. Примечательно то, что подобные диабазовые гальки широко встречаются в 8-ом галечном слое пещерных отложений.

Небольшие, оценочные работы 1996 г. окончательно убеждают, что Ахштырская пещерная стоянка, всемирно известный памятник первобытной археологии России, в настоящее время постоянно находится под угрозой полного уничтожения. Нам предстает, что спасение и сохранение этого уникального памятника сейчас возможно только через его музеефикацию и использование как контролируемого экскурсионного объекта.

- Векилова, Е. А. 1961. Отчет о работе Северо-Кавказского палеолитического отряда в 1961 г. // Архив ИИМКРАН. Ф. 35, оп. 1, д. 241, 242.
 1962. Отчет о работе Северо-Кавказского палеолитического отряда в 1962 г. // Архив ИИМКРАН. Ф. 35, оп. 1, д. 208.
 1965. Отчет о работе Ахштырского палеолитического отряда в 1965 г. // Архив ИИМКРАН. Ф. 35, оп. 1, д. 101.
 1967. Краткие итоги раскопок Ахштырской пещеры в 1961-1965 гг. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 111: 80-85.
 Векилова, Е. А., М. Н. Гриценко. 1972. Результаты исследования Ахштырской пещеры в 1961-1965 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР 185. Палеолит и неолит VII: 41-54. Москва-Ленинград.
 Векилова, Е. А., В. П. Гричук, З. П. Губонина, Н. М. Ермолова, А. А. Зубов, В. М. Муратов, Э. О. Фриденберг. 1978. Ахштырская пещера // «Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма

и Кавказа», путеводитель совместн. советско-франц. полевого семинара: 37-48. Москва.

- Гричук, В. П., З. П. Губонина, В. М. Муратов, Э. О. Фриденберг. 1970. О результатах спорово-пыльцевого анализа отложений палеолита кавказских пещер // Известия АН СССР. Серия географическая 4: 104-108. Москва.
 Гриценко, М. Н. 1971. Некоторые особенности геологии Ахштырской пещеры // Материалы и исследования по археологии СССР 173. Палеолит и неолит VI: 49-60. Москва-Ленинград.
 Замятнин, С. Н. 1940. Навалищенская и Ахштырская пещеры на Черноморском побережье Кавказа // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода 6-7: 100-101. Москва-Ленинград.
 1961. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря // Очерки по палеолиту: 67-118. Москва-Ленинград.

- Комплексные...* 1987. Комплексные карстолого-спелеологические исследования и охрана геологической среды Западного Кавказа. (Методические рекомендации). Сочи.
- Любин, В. П. 1989. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии (в серии «Палеолит мира»): 9-142. Ленинград.
1998. Ашельская эпоха на Кавказе. Санкт-Петербург.
- Несмеянов, С. А. 1992. Неоструктурное районирование Северо-Западного Кавказа. Москва.
- 1992а. Геоморфологическое положение пещерных палеолитических стоянок в долинах рек Хосты, Кудепсты и Мзымты (Южный склон Западного Кавказа) // Вопросы археологии Адлгеи: 61-92. Майкоп.
1993. Стрoение террасового комплекса горных долин и палеогеоморфологические ситуации расположения стоянок каменного века // Проблемы палеоэкологии древних обществ: 119-137. Москва.
- Паничкина, М. З., Е. А. Векилова. 1962. Исследование Ахсхтырской пещеры в 1961 г. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 92: 37-43. Москва.
- Чердынцев, В. В., В. А. Алексеев, Н. В. Кинд, В. С. Форова, Ф. О. Завельский, Л. Д. Сулержиский, И. В. Чурикова. 1965. Радиоуглеродные даты лаборатории Геологического института (ГИИ) АН СССР // Геохимия 12. Москва.
- Чердынцев, В. В., И. В. Казачевский, Е. А. Кузьмина. 1965. Возраст плейстоценовых карбонатных формаций по изотопам урана и тория // Геохимия 9. Москва.

SOME NEW EVIDENCE ON THE AKHSHTYRSKAYA CAVE SITE (North-Western Caucasus)

S. A. KULAKOV

In 1996 the Black-Sea-Area Palaeolithic Expedition of the IIMK RAS, and the Museum of the History of Adler Region, the town of Sochi, renewed investigation of the Akhshtyrskaya cave site sponsored by authorities of Adler Region. The works of 1966 were aimed first and foremost at elucidation of the present state of this unique site of archaeology of the Primeval Period and possibilities of its rescuing and preserving. At present the site is situated at the outskirts of the town of Adler (Great Sochi) easy of uncontrolled access and therefore is constantly under the treat of demolition.

This site of primitive people was discovered in 1936 by S. N. Zamyatnin and was excavated by the latter in 1937-38 (the area of about 90 sq. m.) (Fig. 1). The investigator identified at the site two cultural layers of the Mousterian period — «the upper and the lower ones», levels of occupation by man in the late Palaeolithic age — Neolithic and Aeneolithic periods — in Bronze Age and in the Middle Ages (Table 1).

In 1961 the investigation of the site was continued by E. A. Vekilova and M. Z. Panichkina (Fig. 1); the stratigraphy of cultural layers and the attribution of the latter was considered by these scholars within the frame of S. N. Zamyatnin's conclusions (Table 1).

In 1962-63 and 1965 the works at the site were conducted by E. A. Vekilova and resulted in uncovering 40 sq. m. cultural deposits (Fig. 1). This was the time when an interdisciplinary study of the site began; much was done at the site by geologist

M. N. Grishchenko. These studies resulted in a new approach to the stratigraphy and geology of the site; a more detailed classification both of the cave levels and of the cultural ones was introduced. Thus 15 lithological divisions were identified instead of S. N. Zamyatnin's seven; instead of the two Mousterian layers identified earlier, four were distinguished (Table 1).

In 1978 E. A. Vekilova carried out at the site a small study in collaboration with experts in natural sciences. This study established a new conception of the site's stratigraphy according to which the number of the cave stratifications is greater than that proposed by S. N. Zamyatnin but not so minutely subdivided as it has been according to M. N. Grishchenko; however, the latter's subdivision of the whole thickness of the deposits «into three distinct packs» remains valid (Table 1). The beginning of the formation of cave deposits is dated to the early Pleistocene; the second «pack» of the deposits (the «Mousterian») was formed in the conditions close to those of the lower Würm; the upper — first pack — consists of late Würm deposits.

According to geologist S. N. Nesmeyanov the entrance (97 m above the river) into the Akhshtyrskaya Cave was probably opened in the Middle Pleistocene (in the first half of Riss); the accumulation of sediments began in the cave soon after its opening (Q II-?, [Q2a/2], R-2).

To our opinion the total area of the site in the Bolshaya Kazachebrodskaya Cave amounted to about 200 sq. m. (about 40 sq. m. are preserved),

the total thickness of the deposits comprising cultural remains reaches 5-6 m. The Akhshtyrskaya cave site is composed of cultural layers of the Middle Palaeolithic period («the upper Mousterian layer» and «the lower Mousterian layer»), of the late Palaeolithic, Neolithic, Bronze and Medieval ages. The hand-axes from the collection strongly suggest the presence of more ancient cultural deposits at the site. There are two datings of the site's cultural deposits:

- 1) 35000 ± 2000 b.p. for the upper part of the «upper Mousterian layer» determined by uranium and thorium from stalactites (Table 1);
- 2) 19000 ± 500 b.p. for the middle part of the 2nd layer deposits dated by ^{14}C from the ashy intercalation (Table 1).

In 1996, first of all, a thorough examination of the site's state was carried out. It was discovered that the upper layers of the cave deposits together with the cultural remains comprised in them have been destroyed within an area of more than 10 sq. m. and over 2 m deep from the modern ground surface (Fig. 1, 2). A detailed study of the archive information and available publications and their comparison with the preserved parts and surfaces of the cave deposits enabled us to suppose that now at the site there is a step-like cross-section (G-H) of the cave deposits (Fig. 1, 2) the upper part of which containing cultural remains younger than the middle Palaeolithic period is strongly disturbed and destroyed; on the contrary, the lower part is fairly well preserved, especially Layer 7 which is supposed to be the most ancient stratified cultural layer at the site.

The stratigraphic subdivision, numeration and description of layers of the step-like section G-H (Fig. 2) were carried out on the basis of the last publication (in 1978) of the section (in all probability a composite one) of the Akhshtyrskaya cave site with an active collaboration and support of geologists V. V. Vlasov and S. V. Vlasova (Table 1).

From all cave deposit layers with clearly defined stratigraphies in the G-H section of 1996 samples for a palynological analysis were taken; the samples were picked where possible from the top, middle and bottom of the layers. In total 42 samples were selected (Fig. 2) which now are being analysed.

Five samples (Fig. 2) were selected for a radioluminescent analysis of the deposits. For the time present O. A. Kulikov (Moscow State University) has defined two dates:

- 1) 306000 ± 61000 b.p. (RTL-926) for sample 1T from the middle of Layer 7 (Fig. 2; Table 1);

- 2) 112000 ± 22000 b.p. (RTL-927) for sample 5T from the middle of Layer 5/2 containing mid-Palaeolithic artefacts corresponding approximately to the earliest levels of the «lower Mousterian layer» according to S. N. Zamyatnin (Fig. 2; Table 1).

The two newly obtained thermoluminescent dates for the lower cultural deposits of the Akhshtyrskaya cave site, notwithstanding the general caution in respect of this dating method, blend fairly well both with the geomorphological and archaeological ideas about the site. Thus dating of layer 7 complies well with the supposition that the cave opened in the early Riss, and dating of Layer 5/2 corresponds to the supposed date of the Middle Palaeolithic remains in the Akhshtyrskaya Cave to the Riss-Würm period.

The works of 1996 at the Akhshtyrskaya cave site (disassembling of the scree and cleaning of the section and surfaces of the deposits) yielded a new collection of finds consisting of stone artefacts and faunistic material. The faunistic collection amounts to 565 items; as it is common for the Akhshtyrskaya Cave, approximately 90% of identifiable bones are remains of cave bear.

Stone objects collected at the site in 1996 amount to only 41 samples which mostly come from the scree; only four have defined stratigraphies. Of note is a tool rather unique for the Akhshtyrskaya industry — chopper (Fig. 2: no. 1; 3), $15.5 \times 12.5 \times 5.5$ cm. The tool is made of a large flattened «siltstone» (diabase) grey-green pebble. The patina is light-grey; on the surface of the tool there are ferriferous spots and traces of clay jacket. The left side of the pebble was broken off for imparting a sub-triangular shape to the tool. The edge of the tool, formed as if on the basis of this triangle, is straight and shaped with large and medium flat cleavages. The point angle of the edge varies within 70-72 degrees. The specially narrowed lower part of the pebble (the vertex of the triangle) presents a handy accommodation part — handle.

The small-scaled evaluation works of 1996 finally convinced us that the Akhshtyrskaya cave site — the world-wide known site of the archaeology of the Primeval Period in Russia — is at present under an imminent threat of its total destruction. It seems to us that the rescue and preserving of this unique object is now possible only through making it a museum for its use as a controllable excursion centre.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

В. Я. ШУМКИН¹

В настоящее время на территории Северной Европы обнаружено более 1500 местонахождений памятников наскального творчества. В пределах Российской части этого региона зафиксировано всего 5 пунктов данного рода объектов:

1. Восточный берег Онежского озера в районе пос. Шала – Бесов Нос (Карелия);
2. Беломорские петроглифы (Карелия);
3. Понойские наскальные изображения;
4. Писаницы и гравировки на п-ове Рыбачий;
5. Умбская группа петроглифов (все – Кольский п-ов, Мурманская обл., РФ).

Впервые памятники наскального творчества были описаны в Швеции еще в конце XVII в., карельские петроглифы известны с 1848 г. (Онежское озеро), несколько раньше появились сообщения о северо-норвежских наскальных изображениях. Писаницы Финляндии, увиденные впервые Я. Сибелиусом в начале XIX в., положили начало целой серии новых открытий, продолжающихся до наших дней. Самыми поздними в этом ряду стали Кольские петроглифы и писаницы (1973-1998).

Количественно памятники наскального творчества нашей территории составляют незначительный процент – всего 5 объектов. Даже учитывая несравненно большую степень исследованности западных и восточных территорий Фенноскандии, с несомненным перевесом зарубежного «сектора», остается непреложным тот факт, что среди всего обилия местонахождений наскального творчества практически всеми исследователями признается особая значимость и полнота 4 «собраний» – центров подобного рода деятельности (по сути «святилищ» первобытности): Немфорсен (Швеция), Альта (Норвегия), Онега и Беломорье (Карелия). Как видим, половина самых представительных памятников находится на нашей территории. Более того, недавно был открыт новый центр наскального творчества на Кольском п-ове (оз. Канозеро – среднее течение р. Умба), который по своим характеристикам занимает особое место в системе памятников первобытного искусства.

Это определяется не количеством изображений (здесь пока открыто около 240 рисунков), а длительным периодом его функционирования в качестве особой сакральной территории (от каменного века до средневековья). Изображения располагаются небольшими группами (всего – 9) на разных, строго локализованных по вертикали (от 0 до 7 м над уровнем воды) и горизонтали (3 острова и одна прибрежная скала) уровнях. Кроме того, на этом небольшом проточном озере – практически расширении р. Умбы – в 40 км от Белого моря, впервые одновременно фиксируются (причем по целому ряду параметров: техника, стиль, тематика) несколько традиций наскального творчества, присущих древнему населению таких отдаленных территорий как Северная и Южная Карелия (Завлуга, Бесов Нос), Северная Норвегия (Альта), Швеция (Немфорсен), центр Кольского полуострова (Поной).

Особое значение наскальных рисунков для понимания древней истории давно уже стало аксиомой для современных исследователей. Постепенно уходят в прошлое представления о том, что изображения выбитые (нарисованные) на скалах, пережившие тысячелетия, останутся неуязвимыми и вечными. Нет сомнения, что задача сохранения этой части культурного наследия наших далеких предков, во многом еще неразгаданного, таинственного, целиком ложится на нынешнее поколение. Она особенно актуальна, так как в последние 20-30 лет опасность исчезновения данного вида древних памятников все более увеличивается. Это касается не только нашей территории, но практически всех известных местонахождений Европы, даже таких, имеющих «счастливую судьбу» находиться под протекцией ЮНЕСКО, как петроглифы Альты в Северной Норвегии. Этот регион находится в лучшем положении, но и здесь в сравнительно «чистом» экологическом пространстве, рекламируемом как туристический рай, процент повреждения скальных поверхностей с изображениями достигает 80%.

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.
© В.Я. Шумкин, 2000

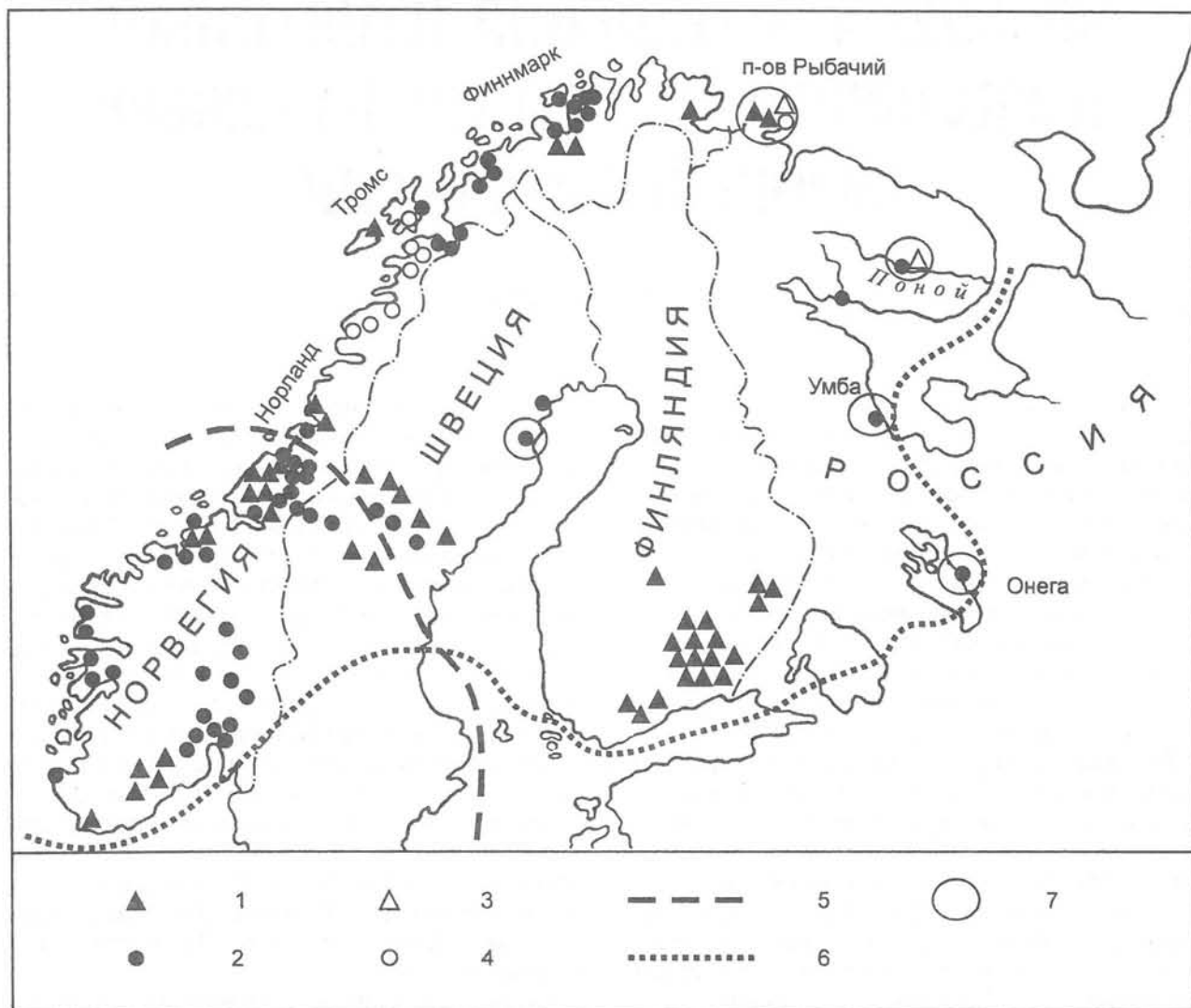

Рис. 1 Схема расположения основных памятников наскального искусства на территории Фенноскандии.
Условные обозначения: 1 — писаницы; 2 — петроглифы; 3 — шлифованные фигуры; 4 — гравировки; 5 — граница распространения основных памятников наскального творчества сельскохозяйственной тематики; 6 — южная граница распространения памятников наскального творчества охотничьей тематики; 7 — памятники наскального творчества, упоминаемые в статье.

Fig. 1 Scheme of the location of the main sites of rock arts on the territory of Fennoscandia.
Notations: 1 — rock paintings; 2 — petroglyphs; 3 — figures polished through; 4 — engravings; 5 — the boundary of the dissemination of the major sites of rock arts concerning with agricultural subjects; 6 — the south boundary of the dissemination of the major sites of rock arts concerning with hunting subjects; 7 — the sites of rock arts mentioned in this paper.

Причин этого много и они сложные. Среди основных выделяются повреждения вследствие естественных процессов разрушения (химическое, колебания температуры, воздействие разных видов растительности), практическое человеческое воздействие, результат изменения культурного ландшафта. Причем разрушительные процессы имеют тенденцию к нарастанию, практически согласуясь с темпами усиления загрязнения окружающей среды. Прискорбно, но свой «вклад» внесли и специалисты археологи и музейные работники. Так, оказались чрезвычайно вредными попытки «отмывания» разными препаратами скальных поверхностей

при уничтожении лишайников для лучшего прочтения и обзора петроглифов. Негативное воздействие таких решений сказалось через много лет, поскольку появились иные, и нередко более «агрессивные» виды растительности, нежели те, против которых боролись.

Я уже упоминал о благополучной судьбе петроглифов норвежской Альты. Открытые одновременно (1973 г.) с Понойскими наскальными изображениями они первоначально получили статус национального достояния, а с 1985 г. включены в реестр ЮНЕСКО как один из 4-х норвежских памятников мирового значения. Не надо думать, что все было достигнуто легко

и сразу. Были и первоначальное непонимание, даже отдельные акты вандализма (это, к сожалению, реальность сегодняшнего дня для российской территории). Но глубоко продуманная подготовка общественного мнения, создание охранных зон, приезд и выступления специалистов из разных стран, конкурсные проекты сделали свое дело. Проведение дорожек с деревянными настилами, смотровых площадок, постройка музея, возведение туристического комплекса способного принимать за лето до 100 тысяч туристов, привлечение местного населения к строительству и в сферу услуг, дотации правительства, пожертвования, вклады международных организаций, реклама природы и промыслов превратили в горячих сторонников всех сомневающихся и противников. Я специально подробно привлекаю данные по норвежским памятникам, поскольку эта территория географически и по своим природным условиям наиболее близка нашей Мурманской области.

Дело охраны и использования археологических объектов Норвегии поставлено неплохо. Согласно закону, неприкосновенностью пользуются все памятники древнее 1536 г. и остатки аборигенной саамской культуры старше 100 лет. Тем не менее проблемы остаются. И петроглифы здесь не исключение. Так, в 1996 г. Главное управление охраны памятников истории начало разработку общенорвежского проекта сохранения наскальных изображений, так как они в первую очередь подвержены разрушительному воздействию окружающей среды.

Целью проекта является постоянный мониторинг и сохранение до 2005 г. 300 из 1 100 объектов наскального творчества. В первую очередь под сохранением понимается подробное документальное описание с помощью фото-видеотехники и зарисовок (снятие калек), выработка планов охраны, с применением методов консервации (возможно, с закрытием скальных поверхностей) каждого местонахождения.

Для осуществления проекта уже разработан общий стандарт документации, обеспечивающий единый подход ко всем памятникам наскального творчества. Он состоит из 11 модулей с несколькими сотнями регистрационных полей. Главные модули охватывают такие темы как: идентификация, локализация, историческое описание, иллюстративный материал, окружающая среда (рельеф, растительность, деятельность человека), геологические параметры (горная порода, структура и цвет, данные о скальной поверхности), регистрация состояния (геологические, биологические повреждения, ущерб нанесенный человеком, прикрытие), прежние и вновь принятые меры, оценка состояния, тенденции изменения, решение о принятии актуальных мер. При всем

этом практичные западные коллеги понимают, что все сохранить не удастся (отсюда и реальная оценка возможности спасти не менее 25%). Поэтому основная тяжесть работы ложится на фиксацию и документацию, которая вводится в общенациональную компьютерную базу данных. Создается информационный банк по всему спектру проблематики наскального творчества: технике консервации, разработке планов сохранения, просветительской работе, определению крайней нагрузки посещения туристами. И это все с привлечением усилий многих специалистов различного профиля.

А что же происходит у нас? Неоднократные и непоследовательные попытки решения сохранения и использования наскальных изображений Карелии и Кольского полуострова не дали даже минимальных результатов. Несмотря на предпринимаемые усилия, продолжают акты осмысленного и случайного вандализма. Посещение памятников туристами не контролируется и нередко сопровождается оставлением «автографов». Наскальные рисунки Кольского полуострова (особенно на р. Умбе) лежат на туристических водных маршрутах. Последствия как правило трагичны. Все это усугубляется процессами естественного разрушения. Практически мы имеем все проблемы, которые присущи соседним западным территориям, но в более угрожающих масштабах. Видимо реальность такова, что имеет смысл повторить «норвежский путь», но в более сжатые сроки. Начинать, вероятно, следует с предложений и рекомендаций местным органам охраны памятников и администрации, разъяснения значения подобных собраний, тщательной и всеобъемлющей документации, создания охранных зон федерального значения, историко-природных заповедников, парков и заказников. Создание последних возможно более рационально, поскольку позволит взаимовыгодно объединить усилия по охране природных (рыбных, охотничьих, лесных) ресурсов и послужить хорошей базой для дальнейших мониторинговых и протекционистских решений. Необходимо как можно быстрее принимать меры в этом направлении. Иначе реальна угроза исчезновения этих замечательных памятников, оставленных нашими далекими предками. Эту утрату вряд ли простят нам будущие поколения, не только нашей страны, но и всего мирового сообщества.

Мы довольно хорошо осведомлены о великолепных пещерных росписях охотников на мамонтов, наивно-прекрасном искусстве древней Греции, величественной Готике, Ренессансе, пышном Барокко, заботимся об их сохранении, но часто мало знакомы с творчеством людей нового каменного века (а наскальные изображения Севера относятся в основном к этому

периоду древней истории). Ситуация объясняется многими причинами, среди которых — ограниченность изобразительных решений наскального искусства, сложность его понимания. Хотя следует сказать, что прекрасно сделанные пещерные «фрески» Альтамиры, Шове только на первый взгляд легко доступны нашему сознанию. Их красочность, экспрессия, натурализм обычно закрывают перед современным человеком свой главный смысловой, во многом еще не разгаданный план, ради которого они собственно и создавались. Можно назвать также и вековое преклонение перед достижениями ярких южных древних цивилизаций, по сравне-

нию с которыми творчество окраинных регионов кажется «бледным», не достойным внимания. В этом есть доля истины. Но более верным представляется взгляд, что наука и художественный мир еще недостаточно оценили действительное значение памятников монументального искусства данной эпохи. Они характеризуют крайне важный и значительный, не менее 10 тысяч лет период человеческой истории, отражают духовные искания сотен поколений наших предков. Без изучения наскальных изображений образуется лагуна, препятствующая пониманию развития последующего художественного творчества, мировоззренческих представлений, рвется связь времен.

ON THE PROBLEM OF PRESERVATION OF THE OBJECTS OF ROCK ARTS IN THE NORTH OF EUROPEAN RUSSIA

V. Ya. SHUMKIN

Objects of rock arts in the north of European Russia are not so numerous as they are in the West-European region. Now only five of such sites are known: two in Karelia (the Lake of Onega and the mouth of the Vyg River) and three on the Kola Peninsula (the Ponoï River, Peninsula Rybachiy and the Umba River).

The latter site discovered in 1998–9 is represented by 18 separate groups of petroglyphs which are dated to periods from the Neolithic (the 4th millennium B.C.) to that of the Saami Middle Ages. In addition to yielding new and partly sensational materials reflecting the life of our remote ancestors the discovery of this complex not only poses new questions but also aggravates some old problems.

Besides the study of the newly discovered objects of rock arts the problem of the preservation of these representations becomes the most actual because the cliffs bearing engravings are situated along a boating route and are places of regular visits. Similar problems actually are arising in respect to all the groups of rock arts in Karelia and Kola Peninsula (Eastern Lapland) which often suffer from actions of vandalism. Establishing protective zones and popularisation of the importance of such objects among the population may be a significant contribution to the preservation of our cultural inheritance to which ancient petroglyphs undoubtedly belong.

ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДГОРНОЙ РАВНИНЫ ВОСТОЧНОГО КОПЕТДАГА В ЭПОХУ ГОЛОЦЕНА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР

БРУНО МАРКОЛОНГО, ПАОЛО МОЦЦИ¹

Предисловие. Данное исследование выполнено в рамках начатого в 1989 г. научного сотрудничества между Институтом прикладной геологии и Национальным Советом по научным исследованиям Италии, с одной стороны, и IsMEO и РАН, с другой. Целью работы является геoarхеологическая реконструкция позднеголоценовой истории пролювиальной равнины и внутренней дельты, окаймляющих юго-восточные предгорья Копетдага (Туркменистан).

Представляется уместным вкратце суммировать основные результаты предшествующих палеоэкологических и геоморфологических исследований в Мургабском и Тедженском оазисах. Вся область обнаруживает недавно образовавшийся уклон с понижением северо-западного угла в сторону Каспийского моря, чем и вызывается направление основных рек приблизительно с востока на запад. За последние 6-7 тысячелетий Мургаб и Теджен оставили множество древних русел, система которых помогает понять связь распределения и типологии многочисленных археологических памятников этого района с природной средой и ее ресурсами.

Позднечетвертичная динамика рек, вызванная главным образом неотектоническими процессами (видимо, все еще действующими, судя по тому, что в 50-е гг. здесь произошло сильное землетрясение), выявлена разведочными работами 1994 г.² также и в пролювиальной долине рр. Меана и Чаача, древние русла которых в этом месте тяготеют к находящемуся поблизости древнему руслу Теджена. Видимо, и Меана, и Чаача в древности были притоками Теджена, то-есть принадлежали к тому же бассейну. Таким образом, данное исследование

основано на глобальном подходе и единых принципах интерпретации, конечной же его целью является создание географической ин-формационной системы для всего пролювиального пояса Туркменистана.

Задачей проекта на данном этапе было выделение нового аспекта сложной голоценовой палеоэкологии южного Туркменистана, в частности, оценка относительной роли неотектоники и смены климатических фаз в пространственном перераспределении природных ресурсов, служивших основой жизни древних поселений.

Введение. Район исследования — бассейн рр. Меана и Чаача — ограничен с севера Каракумским каналом, с юго-юго-запада — Копетдагским хребтом. Были использованы материалы космических съемок вплоть до дельты Серахса на востоке, так как именно оттуда, судя по всему, начинался древний оросительный канал, представляющий собой один из важнейших археологических объектов данной территории.

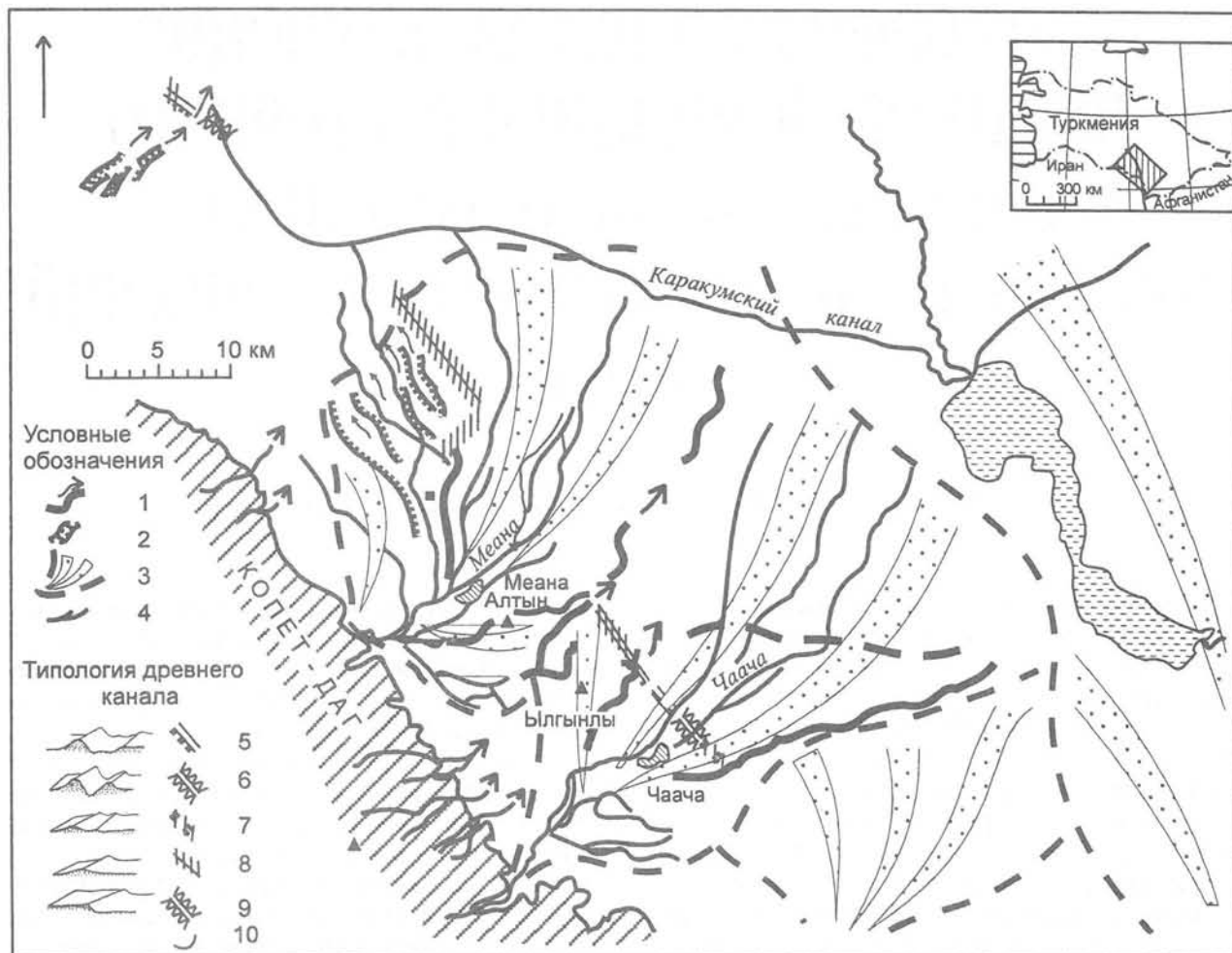
Для получения общей панорамы всей области мы использовали фотографии, сделанные со спутника Landsat, причем выбирались спектральные полосы, наиболее пригодные для геоморфологического и палеоэкологического анализов (полосы 4, 6 и 7). Источником более детальной информации служили высокоточные фотографии, сделанные с космического корабля «Союз» в масштабе 1: 100000.

Создание цифровой модели рельефа, основанной на картографировании в масштабе 1: 200000, позволило интерпретировать как данные дистанционных замеров, так и морфологию местности.

Все это в целом послужило весьма существенным дополнением к седиментологическим,

¹Бруно Марколонго. Институт прикладной геологии, Падуа. Bruno Marcolongo. Institute of Applied Geology. C.N.R., Padova
Паоло Моцци. Географический факультет университета, Падуа. Paolo Mozzi. Department of Geography. University of Padova

²Исследования были финансированы Национальным Советом по научным исследованиям Италии и IsMEO, а материальное обеспечение было предоставлено археологической экспедицией ИИМК РАН (руководитель — проф. В. М. Массон).

КАРТА 1 Геоморфологические контуры долины рр. Чаача и Меана (Б. Марколонго, П. Моцци 1995).

Условные обозначения: 1 — древние реки; 2 — речная терраса; 3 — конус выноса; 4 — современная гидрография. Типология древнего канала: 5 — хорошо сохранившийся; 6 — врезанный; 7-8 — эрозированный и размытый; 9 — отложения на левом берегу; 10 — плотина.

MAP 1 Geomorphological outlines of Chaacha and Meana plain (Marcolongo B., Mozzi P. 1995). Drawn with AutoCad by F. Fermon.

Legend: 1 — palaeo-rivers; 2 — fluvial terrace; 3 — alluvial fan; 4 — present hydrography. Ancient canal's typology: 5 — well preserved; 6 — incised; 7-8 — eroded and overflowed; 9 — left bank sedimentation, 10 — dam.

геоморфологическим и геoarхеологическим данным, собранным в сентябре — октябре 1994 г. на конусах выноса рр. Меана и Чаача.

Целью дальнейших полевых исследований будет выявление связи между естественной и искусственной гидрографией и в целом между древними поселениями и меняющейся природной средой как на юго-востоке (Серахс и Геоксюр), так и на северо-западе области.

Конусы выноса в геоморфологическом контексте. С точки зрения тектоники, Копетдагский горный хребет является частью так называемой Туркмено-Хорасанской складчатой системы. Эта орогенетическая зона характеризуется активной сбросовой деятельностью и деформацией мезозойских, палеогенных и неогенных пород (Marcolongo et al. 1992¹). Равнина же, расположенная к северу, морфологически

относится к котловине (т.н. Туркменской впадине) и заполнена в основном аллювиальными отложениями главных рек (Аму-Дарья, Мургаба и Теджена), стекающих с Гиндукуша и его западных предгорий.

Эта впадина, разделенная на несколько тектонических блоков, имеет уклон с понижением к северо-западу. В дельте Мургаба и Теджена активная тектоника привела к смещению речной системы с востока на запад (Marcolongo et al. 1992).

Граница горной области — очень четкая, отмечена линией сдвига, кое-где разделенной на крупные многоугольные фасетки. Это свидетельствует о том, что некоторые части цепи, в частности та, которая ограничивает исследуемую область, все еще поднимаются в результате неотектонической деятельности.

¹ Речь идет о карте, изготовленной авторами в 1992 г.

Пояс предгорий представляет собой переход между этими двумя тектоническими зонами. Он заполнен полосой слившихся конусов выноса (их вершина расположена у входа в ущелья). Потоки, образовавшие конусы, стекают с Копетдага. Их дебит сильно колеблется в зависимости от времени года — летом они почти пересыхают, а в сезон дождей (весной и особенно осенью) довольно полноводны.

Естественный водный баланс этих рек в настоящее время нарушается отводом воды для ирригации на иранской стороне. Это практиковалось по крайней мере с прошлого века, причем время от времени между Россией и Персией возникали по этому поводу трения. Учитывая значительную древность заселения этой территории людьми, можно предположить, что деятельность последних могла сказываться на водном балансе и в более отдаленные эпохи.

Конусы выноса рр. Меана и Чаача имеют удлиненную форму, их радиус равен примерно 40 км, уклон — 0,3–0,4%. В средней и дистальной частях они сливаются, доходя на северо-востоке до более крупного тедженского конуса. Переходная зона между рр. Меана и Чаача имеет плоскую микроморфологию, контурные линии обнаруживают почти линейный градиент. Деятельность обеих рек была довольно активной по сравнению с другими потоками, стекающими с Копетдага, что ясно видно по размерам конусов.

В северо-западной части конуса Меаны прослеживается несколько речных террас с размытыми откосами высотой по несколько метров (см. прилагаемую геоморфологическую карту).

Русла рек на протяжении нескольких километров от вершины конусов сильно врезаны в аллювиальную равнину, причем у р. Меана этот отрезок длиннее, чем у р. Чаача (соответственно 15 км и 5 км). Откосы террас высотой по 5–6 м почти вертикальные, их морфология характерна для вад, что связано с современным сухим климатом. Ширина активных русел, располагающихся в нижней части ущелья — 15–30 м.

Откосы старых террас обнаруживают очень четкую стратиграфию, тогда как в дистальной части конусов седиментологические наблюдения возможны лишь вблизи оросительных каналов.

В целом равнина на глубину нескольких метров от поверхности, видимо, заполнена напластованиями песчаных глин, ила и песка, причем характер залегания осадочных пород типичен для речных долин — группы регулярно расположенных горизонтальных, иногда волнистых, напластований, чередующиеся песчаные линзы, мелкие точечные вкрапления, активные русловые отложения (в основном в дистальной части).

В разрезе в 20 км восточнее Душака (р. Ходжубулан) обнаруживаются два слоя погребенной

почвы, один на глубине 2 м, другой на 1,5 м ниже. Оба состоят из глинистого материала, текстура вышележащих отложений сходна. Сохранившиеся слои в обоих случаях имеют толщину 30–40 см (горизонт В, рыжевато-коричневый, структура среднеугловатая). Другой выход рыжеватой сильно-цементированной погребенной почвы обнаружен в нижней части разреза на р. Меана.

Отличительной чертой конусов рр. Меана и Чаача является неотсортированность размеров частиц, смытых вниз по течению. Большой частью это очень мелкий песок, что объясняется, видимо, тем, что отложения, образованные этими реками, представляли собой в основном измененный лесс. Лесс сплошным слоем толщиной в несколько метров выстилает нижнюю часть долин Копетдагской гряды, а под ним находятся горные породы. Он легко эрозируется и смывается вниз.

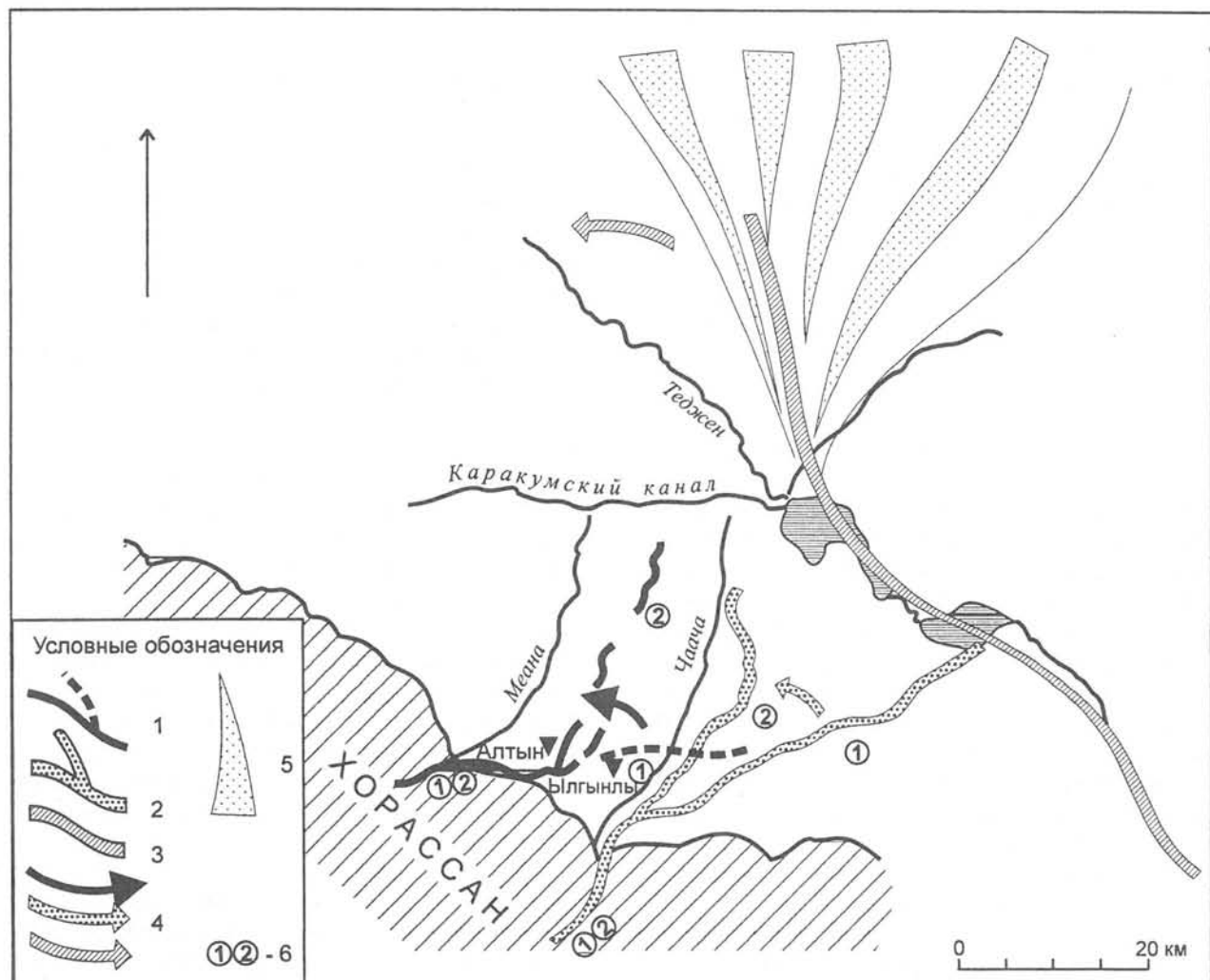
Гравии присутствуют лишь в проксимальной части конуса, вблизи гор. Они заполняют углубления типа вад, оставленные потоками, как действующими (рр. Ходжубулан и Меана), так и высохшими (древняя Меана). Судя по их высокой гетерометрии и внутренней структуре, эти гравии представляют собой обломки пород, отложенные во время бурных разливов рек.

Пытаясь реконструировать эволюцию этого отрезка предгорной равнины по неглубоким осадочным породам, мы можем выделить две фазы.

На ранней фазе сформировалась верхняя часть конусов выноса (путем отложения рыхлого материала, образовавшегося, в основном, в результате эрозии лесса). Река, вероятно, состояла из нескольких переплетенных рукавов, причем течение было достаточным для переноса отложений на десятки километров от гор. В этот период Меана и Чаача были притоками Теджена, который формировал свой мегаконус. Присутствие погребенной почвы в напластованиях аллювиальной равнины свидетельствует о том, что некоторые участки последней оставались стабильными в течение довольно длительного времени, а климатические условия способствовали почвообразованию. В целом климат был, видимо, довольно влажным, а речная система соответствовала «умеренному» типу.

На следующей фазе климат стал более засушливым (примерно как в настоящее время), что сказалось на речной системе. Осадки стали выпадать лишь в определенные периоды, а сокращение растительного покрова затруднило проникновение дождевой воды в грунт. Реки в течение большей части года обмелевали или полностью пересыхали, а во время ливней превращались в мощные потоки, несущие грязь и камни.

Этот период был отмечен массовым переносом и отложением пород. Потоки, несшие

КАРТА 2 Реконструкция палеогидрографии долины рр. Чаача и Меана (Б. Марколонго, П. Моцци, 1995).

Условные обозначения: 1 — древнее русло р. Чаача; 2 — древнее русло р. Меана; 3 — древнее русло р. Теджен в эпоху халколита; 4 — сдвиг направления стока (вероятно, вызванный неотектоническими процессами); 5 — древние конусы выноса; 6 — древнее, моложе.

MAP 2 Interpreted Palaeohydrography of Chaacha and Meana plain (Marcolongo B., Mozzi P. 1995). Drawn with Auto-Cad by F. Fermon.

Legend: 1 — Chaacha palaeo-flow direction; 2 — Meana palaeo-flow direction; 3 — Tedjen palaeo-flow direction (during Chalcolithic times); 4 — Drainage shifting (likely due to neotectonics); 5 — relict alluvial fan; 6 — older, younger.

обломочные породы, имели сильный напор в нижней части. Поверхность речной равнины, по которой проходили речные рукава, изрезана многочисленными вади, которые, особенно на ранних стадиях, были заполнены обломками. По-видимому, таково происхождение слоя гравия в разрезе р. Меана. Тот факт, что сверху залегают рыхлые породы, возможно, свидетельствует о том, что отложение произошло в промежутке между первой фазой (свидетельством которой тут является погребенная почва) и второй фазой, более засушливой.

Сохранение древних почв оказалось возможным благодаря общему оседанию грунта, которое хорошо прослеживается по всей территории. В то же время, концентрация речных террас в одной из частей конуса р. Меана,

возможно, свидетельствует о поднятии данного участка. Такие вертикальные смещения хорошо вписываются в общую картину наклона тектонических блоков, зафиксированную для территории в целом.

Дистанционные замеры и цифровая модель рельефа. Спутниковые фотографии, использованные в данном исследовании, различаются как по геометрическим свойствам, так и по спектральному разрешению.

Фотографии, сделанные со спутника Landsat, выполнены в четырех полосах спектра, от видимой до инфракрасной. Мы выбрали полосы 4, 6 и 7, примерно соответствующие областям зеленой, красной и близкой к инфракрасной частям спектра. Использованы снимки, сделанные поздней осенью (этот сезон наиболее

информативен с точки зрения палеоэкологии). Для восточной части изучаемого района использовались отдельные негативные отпечатки для разных полос спектра, тогда как для западной части оказалось возможным использовать лишь общий снимок, из которого путем цифровой обработки были выделены три названные полосы.

Фотография, сделанная с корабля «Союз» (KFA 1000), представляет собой два частично перекрывающихся черно-белых отпечатка в масштабе 1: 100000.

Вначале все изображения были переведены в цифровую форму с использованием сканера с высоким разрешением. Затем все три полосы спектра были объединены для получения единого изображения. Снимки, сделанные с «Союза» были смонтированы.

При помощи контрольных точек удалось осуществить привязку обоих изображений к топографическим картам в масштабе 1: 200000. Для этого изображения были переориентированы в системе UTM, что позволило совместить результаты картографирования с данными дистанционных замеров.

Путем использования диджитайзера по эквидистантным 10-метровым контурным линиям была создана цифровая модель рельефа в районах рр. Меана и Чаача.

Затем двумерный и трехмерный варианты этой модели были совмещены со спутниковыми фотографиями. В результате было получено единое изображение, фиксирующее как микроморфологию речной долины (совершенно недоступную для полевых исследований из-за очень малого перепада высот), так и пространственное распределение физиографических признаков.

Все это облегчило интерпретацию изображений, совмещение результатов дистанционных измерений и картографирования и составление тематических карт с точной фиксацией палеогидрографических признаков и конусов выноса.

Палеогидрография и данные археологии: критический синтез с использованием снимков и данных разведок. Интерпретация изображений в цифровой форме позволила уточнить данные полевых наблюдений в ряде пунктов, главным образом, вдоль речных русел и предгорий. Результаты контекстного анализа суммированы на прилагаемых тематических картах.

На первой карте показаны геоморфологические очертания долин рр. Чаача и Меана и локализация главных памятников — Алтына и Илгынылы.

Через весь район с юго-востока на северо-запад тянется древний канал, видимо, берущий

начало в районе Серахса. В легенде к карте указаны различные типологические разрезы, встреченные при разведке — от четко стратифицированных до сильно эрозированных и размытых.

Канал особенно хорошо сохранился в восточной половине участка между рр. Чаача и Меана. Весьма необычным фактом является то, что он полностью нарушил древнее направление р. Чаача. Два извилистых древних русла, шириной около 40 м и глубиной около 3 м (большее из них показано на карте), на самом деле впадают в канал и на другом его берегу не прослеживаются. Это означает, что канал древнее этих русел и, следовательно, естественная гидрография была значительно изменена в результате человеческой деятельности.

По всей видимости, канал был оросительным. Возможно, с его помощью перераспределялась вода из Теджена. Однако лишь будущие исследования помогут полностью выявить все его многообразное значение и определить его древность.

На карте отмечено несколько древних русел. Наиболее заметные из них находятся восточнее современных.

Опыт создания общей палеогидрографической схемы среднего и позднего голоцена представлен на второй карте. Меана и Чаача сдвинулись с юго-востока к северо-западу. В эпоху халколита они, видимо, были левыми притоками Теджена (современная Геоксюрская дельта).

В данном контексте не только Алтын-депе, но и Илгынылы-депе оказывается связанным с древним руслом Меаны. В эпоху халколита и Алтын, и Илгынылы располагались вдоль первого древнего русла этой реки (русло 1). После того, как реки сдвинулись на северо-запад, Илгынылы был заброшен, тогда как жизнь на Алтын-депе продолжалась, причем в эпоху бронзы это поселение переживало пору расцвета.

Перспективы дальнейших исследований. Из всего вышесказанного вытекает необходимость продолжения полевых работ как в районе, расположенном юго-восточнее (в сторону Серахса), так и на пролювиальной равнине, лежащей к северо-западу. Главные усилия должны быть сосредоточены на изучении обнаруженного в 1994 г. искусственного канала, который, видимо, был ключевым элементом древней ирригационной сети.

Авторы этой статьи предполагают собрать и обработать данные для географической информационно-системы, которая явится важным инструментом для изучения эволюции древней среды обитания.

HOLOCENE GEOMORPHOLOGICAL EVOLUTION OF THE EASTERN KOPET DAG PIEDMONT PLAIN: a preliminary geoarchaeological perspective

B. MARKOLONGO, P. MOZZI

Foreword. This study has been developed in the ambit of the scientific collaboration, started in 1989, between the institute of Applied Oology – C.N.R. on the one hand and Is.M.E.O. and Russian Academy of Sciences on the other hand, concerning a geo-archaeological reconstruction of the late Holocene history of the proluvial plain and inner delta, bordering the South-eastern Kopet Dag range in Turkmenistan.

In particular, here the results and conclusions of a previous palaeoenvironmental and geomorphological research conducted by the writers in Murgab and Tedjen oasis are resumed, the whole area, in fact, shows a recent regional tilting with sinking of the North-Western corner towards the Caspian sea, responsible for the shifting of the main rivers from approximately East to West. So either Murgab or Tedjen during the last six-seven millennia left many traces of palaeoriver beds, whose general pattern contributes to clarify the relationships between environment, natural resources and distribution and typology of the numerous archaeological sites.

This late Quaternary fluvial dynamics, mainly caused by neotectonics likely still active (the area has been affected in the fifties by a severe earthquake), has been recognised during the 1994 survey¹ also in the Meana and Chaacha proluvial plain. Here the palaeoriver channels show a coherent pattern with the neighbour palaeo-tedjen's course; palaeo-Meana and palaeo-Chaacha seem tributaries of palaeo-Tedjen, thus indicating their belonging to the same great watershed. It follows that here a global approach based on unitary interpretative keys has been chosen, with the aim of creating at the end a geographical information system (GIS) of the entire turkmenian proluvial belt.

The present research is thus intended to bring a second, new patch in the mosaic of the environmental evolution during Holocene times in Southern Turkmenistan, trying to recognize separate influences of neotectonics and climatic phases in the spatial re-distribution of natural resources sustaining human settlements.

Introduction. This study concerns an area roughly bounded on the North by the Karakum Canal and on the South-Southwest by the mountain range of Kopet Dag. It corresponds to the Meana and

Chaacha rivers district. On the East, we extended satellite image interpretation as far as the Siraks delta, because there are strong evidences for that being the intake location of the ancient artificial canal which is one of the most outstanding archaeological features of the region.

In order to get a synoptic view of the whole area we used Landsat MSS satellite images, selecting the spectral bands more useful for a geomorphological – palaeoenvironmental analysis (bands 4, 6, 7). More detailed information came from the elaboration and interpretation of Soyuz cosmic photos at the scale 1: 100000, characterized by high geometric accuracy.

The creation of a Digital Elevation Model based on 1: 200000 scale cartography allowed us to make a contextual interpretation based on both remote sensing and terrain morphology. This was a great support to the sedimentological, geomorphological and geoarchaeological data gathered during the September – October 1994 survey carried out in the key area of the Meana and Chaacha river alluvial fans.

Future field work will be concentrated on disentangling the relationships between natural and artificial hydrography, and in general between ancient settlements and palaeoenvironmental evolution, both in the Southeast (Siraks and Geoksur) and in the Northwest.

The alluvial fans in the geomorphological context. From the tectonic point of view, the mountain range of Kopet Dag is part of the so called Turkmen-Khorasan plicative system, an uplifting orogenic area characterized by active faulting and warping of Mesozoic, Paleogenic and Neogenic rocks (Marcolongo et al. 1992). On the contrary, the plain lying in the north is the morphological counterpart of a subsiding basin (named Turcoman Trough), mainly filled with the alluvial deposits of major rivers coming from Hindu Kush and its westernmost fringes such as Amu Dar'ya, Murgab and Tedjen.

This basin, segmented in several tectonic blocks, is affected by a regional tilting with a North-western dip. In the Murgab and Tedjen delta, such an active movement led to a shifting of the main drainage pattern from East to West (Marcolongo & Mozzi 1992)

¹Financial support was provided by CNRS and IsMEO, logistics by the Archaeological Mission of the Institute of Archaeology of S. Petersburg of the Russian Academy of Sciences, directed by Prof. V. Masson.

The limit of the mountain area is very sharp and linear, marked by a fault-line scarp sometimes modelled in large polygonal facets. This shows that some portion of the chain, such as the one which backs the study area, is still uplifting with neotectonic movements.

The piedmont belt represents the transition between these two tectonic domains. It is characterized by an apron («bay ada») of coalescent alluvial fans with apex located at the opening of the valleys. The streams that built these fans come from the Kopet Dag, and they are of ephemeral nature with strong seasonal discharge variations. That is, they carry very little or no water at all in summer time, while during the rainy seasons of spring and especially autumn they can reach relatively high flow peaks.

The natural regimen is presently enhanced by the summer upstream capture of water for irrigation purposes in the Iranian territory. This factor existed at least since last century, with political problems concerning the exploitation of water between bordering Russia and Persia, but considering the long term history of human settlement in the region, there could have been some influences on the nature of streams dating further back in historical times.

The alluvial fans of Meana and Chaacha have a rather elongated shape, with a radius of approximately 40 km, a slope of 0,3-0,4 %, and are interfingering in their middle and distal portions, reaching the larger Tedjen fan in the NE. The transitional zone in between Meana and Chaacha has a very flat micro-morphology, with an almost linear trend of the contour lines. The activity of these two rivers is prominent in comparison to that of the other streams coming from the Kopet Dag. This is clearly shown by the differences in extension between the various fans.

The North-westernmost portions of the Meana fan is marked by a series of fluvial terraces with few metres high, degraded scarps (see the enclosed geomorphological map).

For some kilometers from the apex the rivers run deeply entrenched in respect to the surrounding alluvial plain. Meana river is entrenched for a longer stretch than Chaacha, 15 km against 5 km. The 5-6 m high scarps are almost vertical, with a typical wadi-like morphology which fits well with the present-day dry climate. The active river beds are 15-30 m wide, commonly occupying all the bottom of the incision.

The walls of these entrenchments provide quite good stratigraphical sections, while in the distal portions of the fans the only chance for undertaking sedimentological observations are irrigation canals and ditches.

In general, the plain appears to be constituted for the first metres from the surface by a sequence of silty clay, silt and silty fine sand, with sedimentary structures showing the typical fluvial facies: sets of rhythmic, planar lamination, sometimes with ripples (overbank fines); cross stratification of sand bars, small point bars, channel fillings (active channel

deposition). The latter facies have been observed almost exclusively in the distal part.

In a section 20 km East of Dushak, Khodjubulan river, there are two palaeosoils. The upper one is buried at a depth of 2 m, the other one is 1.5 m below. They both developed in loamy materials, and were buried by sediments of the same texture. The preserved horizons are in both cases a 30-40 cm thick, reddish/brownish B horizon, characterized by medium subangular blocky structure. Another reddish palaeo-soil outcrops at the bottom of the scarp in the section of Meana, and appears quite strongly cemented.

A distinctive feature of Meana and Chaacha fans is the very poor sorting in particle size going downstream, most of the terms being in general finer than fine sands. This is probably due to the fact that the sedimentary load of these rivers was mainly re-worked loess. In fact, loess covers the bottom of valleys in the Kopet Dag chain and buries underneath a few meters thick, continuous layer the northern slope of the mountains backing the plains. Because of its erodibility, it was easily washed downstream.

Gravels do actually exist only in the proximal part of the fan, near the mountains, as fillings of the wadi-like incisions, both active (Khodjubulan river, Meana river) and fossils (Meana river). Their high heterometry and internal structure show that they are debris-flow sediments, deposited during flash-floods of particular strength.

Trying to reconstruct the evolution of this stretch of piedmont plain from the sedimentary record of subsurface strata, we can thus recognize two distinct phases.

In the older one it occurred the building of the upper portion of the alluvial fans, through the deposition of fine materials mainly coming from the erosion of loess outcrops. The river could have been of the braided - anastomosed kind, with enough power to carry sediments several tens of kilometers away from the mountains. In this period, Meana and Chaacha rivers were tributary of Tedjen river, which was building up its own mega-fan. The presence of palaeosoils in the alluvial plain sequence shows that some patches of the plain were stable for a relatively long time, and that climatic conditions allowed the development of pedogenic horizons. In general there seems to have been a fairly wet climate with a «temperate» drainage system.

In the following phase, the fluvial system seems to adapt to a shift towards a drier climate, similar to the present one. Rains become more concentrated in time, and the depletion of vegetation makes the infiltration of water in the ground during storms more difficult. Rivers get thinner or dry out completely for a great part of the year, becoming impressive flows of a mixture of water, mud and stones in occasion of strong meteorological events.

Mass transport and deposition take place. Debris flows are characterized by a strong scouring activity at the bottom. The surface of the previous braided river

plain is cut by the wadi-like incisions, which, especially in the earlier stages, can be completely filled by the debris. This is probably the case of the gravel body in the Meana section. The fact of it being covered by a sequence of fine sediments can indicate that it was deposited during the transition between the first phase, here marked by the palaeosoil, and the drier phase.

The conservation through burial of the palaeosoils was possible because of the general marked subsidence, well recognized in the whole area. On the other hand, the presence of alluvial terraces concentrated just in one part of Meana fan, could to some extent imply an uplifting of this sector. Such a vertical movement may fit well inside a framework of tilling tectonic blocks, as the one recognised at regional scale.

Remote Sensing and Digital Elevation elaborations. The satellite images used in this study were different both in geometric and spectral resolution. Landsat MSS images are recorded in four different spectral bands, ranging from the visible to the infrared portions of the spectrum. We choose bands named 4, 6 and 7 (corresponding roughly to green, red and near infrared) of an image taken in late autumn, being the ones richer in (paleo-) environmental information. For the eastern portion of the study area, the bands were in separate negative prints, while for the western portion the only available document was an already made false color composition of these same three bands. Therefore the singular bands were extracted by digital processing

The Soyuz image is a KFA 1000 cosmic photo, available in two, partly overlapping, positive, black and white prints at the scale 1: 100000.

Both images were digitalized with a high resolution scanner. Once in numerical format, the three MSS bands were used for making one false color composition of the whole study area, while the different prints of the Soyuz image were assembled together.

It was then possible to georeference both images using control points of the 1: 200000 scale topographic maps. In practice, images were re-oriented along the UTM reference system, making it possible to overlay cartographic and remote sensing data.

More specifically, through the informatization with a digitizer of the 10 m equidistance contour lines retrievable from cartography, we made a Digital Elevation Model of the Meana and Chaacha district.

The bi- and three-dimensional display of the DEM was then draped with the satellite image, concentrating in one single document both the micro-morphology of the alluvial plain (not at all perceivable in the field because of the very low slope gradients) and the spatial distribution of distinct physiographical features.

This helped the interpretation of images, the correlation between remote sensing and terrain data, and the compilation of maps with precise location of the palaeo-hydrographical features and of the alluvial fans.

Palaeohydrography and archaeological evidences: a critical synthesis from images and survey.

The interpretation of the digital images allowed the areal expansion of field observation acquired in specific key points, mainly located along the river incisions and the foothills. The results of this contextual analysis are summarized in the thematic maps here enclosed.

The first one shows the geomorphological outlines of Chaacha and Meana plain, in respect to the main archaeological sites of Altyn and Ilgyny.

An ancient canal crosses the whole area from SE to NW, likely with the intake in the Siraks district. In the legend the different typological sections encountered during the survey are represented, varying from well preserved levees to eroded and overflowed banks through intermediate stages.

In particular the canal is very well preserved in the Eastern half of the stretch between Chaacha and Meana. An outstanding phenomenon is the complete interception of relict drainage directions of Chaacha by this artificial feature. Two meandering palaeoriver beds, about 40 m wide and cut for approximately 3 m in the alluvial plain (the larger one is represented in the map), are in fact tributaries of the canal, and no continuation along the natural plain slope has been detected on the other side of the canal. This means that the canal is older than the palaeorivers, and that natural hydrography has been deeply conditioned by man's activity.

The canal was likely excavated for irrigation purposes, perhaps re-distributing waters coming from as far as the Tedjen river. Future investigations will however be needed in order to fully understand the many-folds meaning of this structure and its age.

Several palaeoriver beds were reported in the map. From a general point of view, the most continuous and conspicuous ones are located in the East of the present active drainage directions.

An attempt to model a general palaeohydrographical scheme for middle-late Holocene is synthesized in the second enclosed map. Meana and Chaacha both shifted from SE to NW, probably being left tributaries of Tedjen palaeoflow directions during Chalcolithic times (active Geoksur delta).

In this context, not only Altyn Tepe but also Ilgyny was strictly related to an ancient Meana course. Chalcolithic Altyn and Ilgyny lay along Meana palaeoriver bed 1; after the drainage North-western shifting, Ilgyny was abandoned and human settlement in Altyn continued with its Bronze age flourishing phase.

Perspectives for future researches. From the above consideration it arises the need for extending field work both in the SE towards Siraks and along the proluvial plain to the NW. The leading feature of this research proposal is represented by the artificial canal discovered in 1994, possible axis of an ancient water management scheme. The authors' intentions are to collect an assemblage data in a Geographical Information System, a worthy tool for a diachronical environmental analysis.

СОБАКА ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА ИЗ ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ ПО ПАЛЕОЗООЛОГИЧЕСКИМ ДАНЫМ

А. К. КАСПАРОВ¹

Становление примитивных пород собак в период появления и развития производящего хозяйства представляет собой во многом еще неисследованную проблему. Прежде всего, это обусловлено тем, что палеозоологические материалы этого времени (эпохи неолита и энеолита) крайне скудны. Они представлены преимущественно отдельными находками хорошо сохранившихся костей и черепов из разных, зачастую значительно удаленных друг от друга, пунктов. Все это не позволяет достоверно реконструировать общую картину.

Многие исследователи, изучая остатки доисторических собак, подходили к ним так же, как и к диким видам псовых и, основываясь лишь на индивидуальных особенностях, описывали каждую находку как самостоятельную систематическую форму, даже присваивая им латинские наименования (Rutimeyer 1862; Studer 1905; Анучин 1882; Савенков 1905; Браунер 1923; Цалкин 1970).

Однако, домашние формы, в отличие от диких, имеют гораздо более широкие пределы изменчивости и подобный подход к их систематизации неправомерен. Еще С. Н. Боголюбский (1928) замечал, что особенности строения черепов древних собак характеризуют не «типы», а лишь индивидуальные черты отдельных черепов.

Признавая справедливость этого утверждения, заметим однако, что в неолите практически отсутствовала возможность массового скрещивания между породами собак разных географических регионов. Кроме того, примитивные формы домашней собаки в различных зонах Евразии были, вероятно, стандартны по своему экстерьеру. Этому способствовали не только достаточно стабильный генотип, формировавшийся в течение тысячелетий, но и, несомненно, полудикий образ жизни на первобытных стойбищах, когда низкорослые и слабые особи, обычные среди беспородных собак позднейших исторических эпох, беспощадно выбраковывались и самим человеком, и тяжелыми

условиями существования. Поэтому, по нашему мнению, даже отдельные находки черепов собак неолитического и энеолитического периодов позволяют все же судить об общем облике собаки, содержащейся населением данного региона. Хорошим примером может служить торфяная собака *Canis familiaris palustris*, остатки которой найдены в торфяных отложениях, перекрывающих неолитические свайные поселения Швейцарии (Rutimeyer 1862). Ее облик достаточно специфичен морфологически, но тем не менее, это не отдельное уродливое отклонение от стандарта, а уже вполне сформировавшаяся порода, что признается многими авторами (Боголюбский 1928; Цалкин 1960; Zeuner 1963).

На ранних этапах человеческой истории собаку использовали исключительно как помощника на охоте. К концу неолита первичный волкообразный массив древних собак оказался разделенным на два основных типа: лайкообразные в зоне лесов и гончеобразные в зоне степи, лесостепи и более южных регионах (Калинин и др. 1992). В Египте и ближневосточном регионе древнейшей породой подобного типа является салуки или персидский грейхаунд. Изображения грейхаундов впервые встречены в материалах Египта и Месопотамии конца V тыс. до н.э. (Reed 1959; Wapnish, Hesse 1993). Находки изображений в разных, удаленных друг от друга культурных областях Древнего Востока, говорят о том, что к этому времени порода полностью сформировалась, была уже хорошо распространена, а, значит, и существовала ранее, в течение длительного периода искусственной селекции.

На территории бывшего СССР древнейшие памятники, оставленные населением с производящей экономикой, найдены в Южном Туркменистане (джейтунская неолитическая культура). Судя по археологическим данным, формирование джейтунской, а позднее и энеолитической анаусской культур было обусловлено

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория археологических технологий.

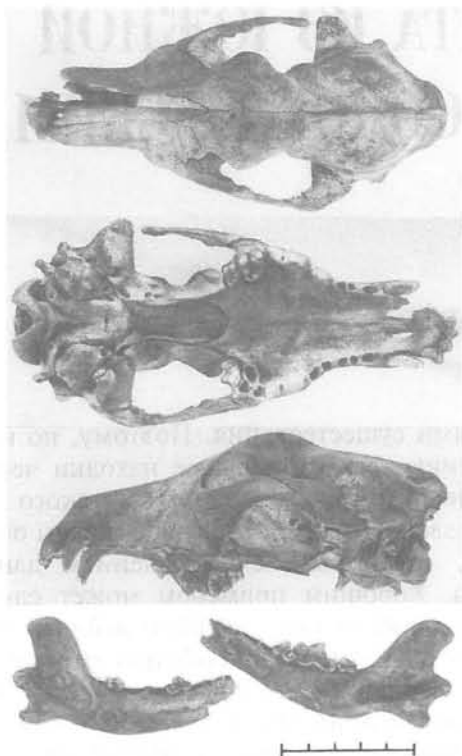

Рис. 1 Череп собаки эпохи энеолита с поселения Илгынлы-депе.

Fig. 1 The skull of eneolithic dog from Ilgynly settlement.

влиянием передовых в экономическом отношении областей Древнего Востока. Не исключены и прямые передвижения значительных групп древнего населения Передней Азии на северо-восток через Иран на юго-запад Средней Азии (Массон 1964, 1989). С новым населением в этом регионе появляется и его постоянный спутник – собака.

На памятниках раннеземледельческих культур Южного Туркменистана остатков собак немного и все они, исключая описанный Дюрстом (1908) череп собаки из поселения Анау, представляют собой незначительные фрагменты. В основном это были обломки нижних челюстей. Тем больший интерес представляет прекрасно сохранившийся череп собаки, найденный при раскопках энеолитического поселения Илгынлы-депе в 1994 г.¹ Слой, в котором находился череп, относится ко второй половине IV тысячелетия до н.э. В непосредственной близости от черепа были обнаружены правая и левая мандибулярные ветви, являющиеся остатками одной нижней челюсти. Они повреждены в передней части. По своему размеру нижняя челюсть соответствует описываемому черепу собаки, однако нельзя однозначно

утверждать, что она принадлежит той же особи. Тем не менее, некоторые промеры этих костей также могут характеризовать тип собаки, обитавшей на Илгынлы-депе.

Принадлежность черепа именно собаке, несмотря на довольно покатый лоб, не вызывает сомнений. По своим размерам он значительно уступает размерам черепа волка и превосходит размеры черепа шакала. Череп не принадлежал и красному волку (*Canis alpinus* Pall.). У нашей находки M1 на внутренней лопасти имеет два бугорка – протокон и гипокон, а у красного волка этот зуб имеет лишь один бугорок. Характерно, что форма M1 у экземпляра из Илгынлы-депе отличается от формы зуба как волка, так и шакала. У обоих этих видов расстояние между протоконом и параконем чрезвычайно мало и бугорки расположены почти вплотную. У нашей же находки между ними имеется заметное расстояние около двух миллиметров. Размеры бугорков внутренней лопасти также меньше, чем у зубов волка и шакала. Все это делает конституцию зуба в целом более легкой и слабой, указывая на то, что это зуб домашней собаки. От черепа шакала череп собаки из Илгынлы-депе отличается, кроме размеров, еще и тем, что его «височный индекс»², равен 28,5%, тогда как у шакала эта величина не превышает 20%. У волка же значение этого индекса колеблется от 22 до 38%. Все вышперечисленное говорит о том, что череп принадлежит именно домашней собаке. К сожалению, существует крайне мало данных с которыми можно сравнить наши образцы.

В таблицах 1 и 3 приведены промеры черепов и нижних челюстей собак из памятников предгорной долины Копет-Дага: Джейтуна (первая половина VI тыс. до н.э., неолит), Анау (первая половина IV тыс. до н.э., энеолит), Илгынлы-депе (вторая половина IV тыс. до н.э., энеолит), Алтын-Депе (рубеж III-II тыс. до н.э., эпоха средней бронзы), поселения Телль-Брак в северо-западной Сирии (середина III тыс. до н.э.), а также с поселения Каунчи-Тепе³ (эпоха раннего железа). Кроме того, приведены некоторые промеры черепа собаки породы салуки, скелет которой в начале XX века поступил в Британский музей из Египта (по Clutton-Brok 1989).

Интересно сравнить нашу находку с данными о мумиях собак из древнего Египта, измерения черепов которых опубликованы И. Дюрстом (1908). К сожалению, автор не приводит точных дат находок, однако указывает, что эти собаки по типу принадлежат к уже упоминавшейся

¹ Илгынлы-депе расположено на востоке предгорной равнины Копет-Дага в 200 км к юго-востоку от Ашхабада.

² Отношение расстояния между линией, соединяющей концы заглазничных отростков и линией наибольшего височного сжатия к расстоянию от середины последнего до крайней точки затылочного гребня

³ Узбекистан, в 27 км к югу от Ташкента.

древнеегипетской форме, чрезвычайно сходной с грейхаундом.

Произвести исчерпывающее сравнение нашего образца с другими достаточно трудно. В каждом случае авторы используют несколько иную систему промеров, а так как находки имеют разную сохранность, то часть измерений было невозможно произвести.

Из таблицы 2, где приведены некоторые пропорциональные индексы черепов древнеегипетских собак, находок из Илгынлы-депе и Анау, следует, что если древнеегипетские грейхаунды оказываются довольно стандартными, то собаки из Анау и Илгынлы-депе различаются между собой. Череп собаки из Илгынлы-депе более узок, чем описанные Дюрстом из Анау и Египта (индекс N 5). Если судить по длине носовых костей и ширине в клыках, то наша находка имела более длинную и узкую морду (индексы NN 2, 7). Она оказывается лишь чуть шире в области хищнического зуба, на уровне Pm4 – M1 (индекс N 4). Скуловая ширина черепа собаки из Илгынлы-депе также гораздо меньше других образцов (индекс N 3). Однако, это может быть обусловлено не только упомянутой выше общей узостью черепа, но и тем, что он, возможно, принадлежал самке. Собака из Анау оказывается очень похожа на египетские экземпляры, однако череп ее также более узкий (индексы NN 3,4,5).

При большей узости и слабости черепа, собака из Илгынлы-депе оказывается неожиданно крупнозубой: так, отношение длины коронки Pm4 к длине ряда щечных зубов (по альвеолам) у нее составляет 31,6%, тогда как у джейтунских, более крупных по размерам, образцов – 28,6 и 29,8%. У собаки из Анау эта величина составила лишь 24,6%. Пропорции самого зуба таковы: отношение ширины в передней части к общей длине составляет у находки из Джейтуна – 50,4 и 53,5%, из Илгынлы-депе – 49,0%, из Телль-Брака – 40,0% и из Анау – 52,9%. То есть хищнические зубы собак из Илгынлы-депе и Телль-Брака более длинные и более узкие в области протокона. В этой же таблице для сравнения приведены аналогичные индексы для двух наиболее хорошо сохранившихся черепов собаки из поселения Лука-Врублевцевская¹ практически синхронной нашему экземпляру (IV тыс. до нашей эры). В. И. Бибилова особо отмечает, что несколько обнаруженных черепов совершенно однотипны (Бибилова 1953), следовательно, мы имеем дело с устойчивой морфологической формой. Черепы собак из Луки-Врублевцевской имеют иные основные пропорциональные характеристики, нежели вышерассмотренные черепа – они несколько уже в клыках при заметно более короткой и широкой морде. В. И. Бибилова

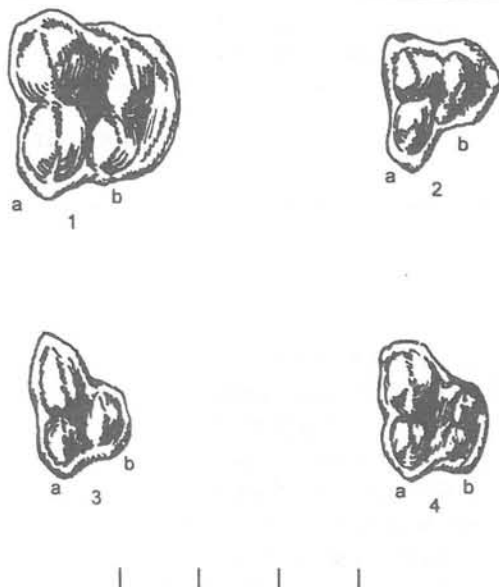

Рис. 2 Первые верхние моляры некоторых Canidae (a – паракон; б – протокон): 1 – обыкновенный волк *Canis lupus* L.; 2 – азиатский шакал *Canis aureus* L.; 3 – красный волк *Cuon alpinus* Pall.; 4 – домашняя собака с поселения Илгынлы-депе.

Fig. 2 First upper molars of some Canidae (a – paracon, б – protokon): 1 – grey wolf *Canis lupus* L.; 2 – asiatic jakal *Canis aureus* L.; 3 – red wolf *Cuon alpinus* Pall.; 4 – domestic dog from Ilgynly.

определяет этих собак как *Canis familiaris palustris* и подчеркивает их сходство с неолитической торфяной собакой во всех ее варитетах из средней и южной Европы, включая Италию. Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что морфологический тип собак, господствовавший в Передней Азии и в Южном Туркменистане в IV–III тыс. до н.э. был совершенно иной, чем в Европе и, вероятно, имел самостоятельное происхождение. В связи с этим, то, что Дюрст отнес собак, обнаруженных на Анау к форме *Canis matris optima* на основании сходства абсолютных размеров, представляется достаточно условным. По нашему мнению, для грейхаундообразной породной группы энеолитических собак переднеазиатского происхождения, объединяющей в себе многочисленные локальные варитеты, можно было бы использовать обобщающее название *Canis familiaris asiatica*.

Нижние челюсти животных (таблица 3) встречаются чаще, чем черепа и потому мы располагаем несколько большим объемом материала, который можно сравнить по стандартным параметрам. Судя по индексам пропорций (таблица 4), первый нижний моляр собаки из Илгынлы-депе крупнее, чем у образцов из Джейтуна, Алтын-депе и Анау (индекс N 1). Чуть более массивен нижний хищнический зуб лишь у челюсти собаки из Телль-Брака. Однако сама

¹ Поселение находится в среднем течении Днестра, на левом берегу, недалеко от города Каменец-Подольский.

Таблица 1: Промеры черепов собаки из Илгынлы-Депе и некоторых других древних и современных форм
 Table 1: Measurements of dog skulls from Ilgynly and some other ancient and modern forms.

	Современный Салуки	Неолит Джейтуна	Средний энеолит		Эпоха бронзы Тель-Брак (по Clutton-Brock, 1989)	Древний Египет (по Дюрсту, 1908)		
			Анау (по Дюрсту, 1908)	Илгынлы		N1	N2	
1 ¹	Общая длина	-	-	182	196,5	-	161	166
2	Кондилобазальная длина	-	-	-	185,0	-	-	-
3	Основная длина черепа	-	-	164	173,5	-	144	141
4	Длина по интерсфеноидному шву: базион – синсфенион	-	-	-	49,2	-	-	-
5	Длина синсфенион-простион	-	-	112	127,9	-	-	-
7	Краниальная длина	-	-	-	93,3	-	-	-
8	Висцерокраниальная длина насион – простион	-	-	-	99,1	-	-	-
9	Лицевая длина	-	-	-	115,0	-	-	-
10	Длина носовых костей	-	-	-	75,0	-	59	66
12	Длина «морды»	-	-	-	86,0	-	-	-
13	Длина костного неба	-	-	88	93,0	-	-	-
15	Длина зубного ряда (альвеолярная)	-	76,0;76,1	69	65,0	-	-	-
16	Длина моляров (альвеолярная)	20,0	-	18	19,1	20,0	-	-
18	Длина Pm4 по коронке	16,9	24,1;22,7	17	20,6	19,2	-	-
18a	Ширина Pm4 по коронке в передней части	7,1	10,8;12,2	9	10,1	7,8	-	-
23	Мастоидная ширина	-	-	-	70,5	-	-	-
29	Ширина мозговой коробки	-	-	57	56,0	-	56	56
30	Скуловая ширина	-	-	102	93,2	-	97	99
31	Ширина заглазничного сужения	37,6	-	-	35,0	38,0	-	-
33	Наименьшая ширина между орбитами	-	-	37	36,4	-	38	38
34	Ширина костного неба по наружным краям альвеол M1	-	-	50	63,4	-	48	46
36	Ширина в клыках	-	42,0 ²	41	38,5	-	35	35
38	Высота черепной коробки	-	-	54	55,9	-	-	-

¹ Номера промеров даны по Driesch, 1976.

² Данный промер принадлежит третьему образцу из Джейтуна. Это единственный промер, который удалось снять с него.

нижняя челюсть у особи из Тель-Брака более слабая: ее относительная высота на уровне заднего края M1 наименьшая и превышает таковую лишь у челюсти современного салуки (индекс N 3). По пропорциям M1 собаки из Джейтуна и Анау оказываются очень близки к салуки (индексы NN 1,2), однако высота челюсти у них больше (индекс N 3). Таким образом и по характеристикам нижней челюсти образцы из Джейтуна и Анау сходны между собой и принадлежат к форме, подобной древнеегипетской собаке типа современного грейхаунда. Особенно это относится к черепу N3 из Анау.

Собака из Илгынлы-депе отличается от древнеегипетской породы относительно более узким и слабым черепом и более узким и длинным хищническим зубом Pm4. По пропорциям M1 и массивности нижней челюсти она сходна с собаками из Алтын-Депе и поселения Тель-Брак, то есть с более поздними экземплярами эпохи бронзы. Следует отметить, что по размерам нижняя челюсть собаки из Сирии действительно похожа на челюсть салуки, как это справедливо отмечено в работе J. Clutton-Brock (1989) однако по своим пропорциям она довольно заметно отличается от этой формы (таблица 4).

Таблица 2: Основные пропорции черепов собаки из Илгыны-Депе, Анау и древнеегипетских захоронений
 Table 2: The basic proportions of dog skulls from Ilgynly Anau and tombs of ancient Egypt

Отношение к основной длине черепа (в %)	Средний энеолит (по Дюрсту, 1908)		Древний Египет (по Дюрсту, 1908)		Неолит Лука- Врублевская (по Бибиковой, 1953)	
	Анау	Илгыны	N1	N2	N1	N2
Длина Рм4 по коронке	10,3	11,8	-	-	12,3	11,5
Ширина в клыках	25,0	22,2	24,3	24,8	21,6	22,5
Ширина в скулах	62,2	53,7	67,4	70,2	-	-
Ширина костного неба по наружным краям альвеолы М1	30,5	36,5	33,3	32,6	42,4	40,9
Ширина мозговой коробки	34,8	32,2	38,9	39,7	40,9	38,6
Длина носовых костей	-	43,2	40,9	46,8	39,7	39,4

Таблица 3: Некоторые измерения нижних челюстей собак различных эпох из Сирии и предгорной долины Копет-Дара
 Table 3: Some measurements of lower jaws of dogs of various epoch from Syria and Kopet Dag foot-hills

		Современный Салуки	Неолит Джейтун	Средний энеолит			Эпоха бронзы		Ранний железный век		
				Анау (по Дюрсту, 1908)			Илгыны	Алтын (по Ермоловой, 1970)		Тель- Брак (по Clutton- Brock, 1989)	
				N1	N2	N3					N1
1	Общая длина	-	-	147	144	-	-	135, 8	120- 128 ¹	-	142,0
2	Длина ряда Р1-М3 по альвеолам	77,9	84,5	72	73	79	75,3	75,4	68,0	70,4	75,0
13а	Длина М1 по коронке	21,2	25,0	20	21	22	24,0	23,0	22,0	22,5	21,5
13в	Ширина М1 по коронке	7,9	9,2	-	-	-	9,3	-	-	9,3	-
19	Высота нижней челюсти на уровне заднего края М1	19,7	28,5	25 ²	25	21	27,0	27,0	31,0	21,9	27,0

¹ Промер не точен, так как резцовая часть челюсти частично разрушена

² И. Дюрст и В. И. Громова приводят высоту не после М1, а после М3. Однако на практике эти два промера всегда оказываются почти одинаковыми. Высота после М3 как правило больше на 1 - 2 миллиметра. Это вызывает увеличение пропорционального индекса примерно на 1 - 2%. При рассмотрении индексов пропорций это принималось во внимание.

Таблица 4: Основные пропорции нижних челюстей собак различных эпох из Сирии и предгорной долины Копет-Дара
 Table 4: The basic proportions of dog's lower jaws of various epoch from Syria and Kopet Dag foot-hills

	Отношение к длине Р1-М3 по альвеолам (в %)	Современный Салуки	Неолит Джейтун	Средний энеолит			Эпоха бронзы		Ранний железный век		
				Анау (по Дюрсту, 1908)			Илгыны	Алтын (по Ермоловой, 1970)		Тель-Брак (по Clutton- Brock, 1989)	
				N1	N2	N3					N1
1	Длина М1 по коронке	27,2	29,5	27,7	28,7	27,8	31,9	30,5	32,4	31,9	28,6
2	Ширина М1 по коронке	10,1	10,8	-	-	-	12,4	-	-	13,2	-
3	Высота нижней челюсти на уровне заднего края М1	25,3	33,7	34,7	34,2	26,7	35,8	35,8	45,5	31,0	

Нижняя челюсть собаки из Каунчи-Тепе занимает в некотором смысле промежуточную позицию. По длине коронки первого моляра она приближается к Анаусским находка (индекс N 1), а по массивности челюсти к собаке из Илгынлы-депе (индекс N 3).

Однако следует помнить, что Каунчи-Тепе расположено северо-восточнее Илгынлы-депе, на значительном удалении от прикопетдагской долины и, кроме того, собаки железного века, вероятно, были уже гораздо более полиморфны по своему внешнему облику.

Интересно большое сходство пропорций M1 нижней челюсти собаки из неолитического Джейтуна с пропорциями зуба классического салуки, хотя сама нижняя челюсть несколько превосходит челюсть салуки по размеру и массивности. Это сходство позволяет предположить, что грейхаундообразный тип собаки сложился в Египте и Передней Азии гораздо раньше, чем считалось до сих пор¹, так как он представлен на юге Средней Азии уже в VI тыс. до н.э.

Таким образом, в среднем энеолите на поселениях предгорной равнины Копет-Дага и, возможно, в Ираке существовала форма собаки, несколько отличающаяся от классического типа древних собак, сложившегося на территории Египта и Передней Азии к концу V тыс. до н.э. Можно предполагать, что для этой формы собак характерны более длинная и узкая морда, и, соответственно, несколько более узкие и длинные коренные зубы, однако, ее отличает более широкое костное небо в области первых моляров и более округлую черепную коробку. Нижняя челюсть ее имела большую высоту и несла более массивный хищнический зуб.

Мы считаем, что обнаруженный на Илгынлы-депе череп собаки довольно типичен, хотя такое изменение пропорций, конечно, не является кардинальным.

К концу IV тыс. до н.э. на юго-востоке Туркменистана происходили важные культурно-исторические изменения: ялангачская культурная традиция, господствовавшая в регионе, сменяется геоксюрской. Причины этого процесса до конца не ясны. Предполагается, что кроме эволюционного потенциала, накопленного в ялангачский период, новая волна миграции принесла сюда иные традиции и эталоны. Происхождение этих традиций, как и место, откуда появились их носители, достоверно не установлено. Однако, можно предполагать, что приведенные ими домашние собаки несколько отличались от собак аборигенов. В результате скрещивания этих форм, принадлежащих, вероятно всего к одной породной группе, фенотип местной популяции домашних собак изменился, как изменилось, по-видимому, и назначение собаки — ее все шире использовали как помощника пастуха, а не охотника.

В III тыс. до н.э. в Южном Туркменистане формируется раннегородская цивилизация с двумя крупными центрами — Алтын-Депе и Намазга-Депе (Массон 1984), в основе организации экономики которой лежал высокий уровень ремесленно-хозяйственной специализации. Соответственно, в эпоху бронзы изменяется и внешний облик собак. Судя по terra-cottovым статуэткам, появились более крупные, чем в период энеолита, собаки с массивными, довольно короткими мордами. Этим собакам уже купировали уши и хвосты, что хорошо заметно на многих статуэтках. В. А. Калинин с соавторами (1992) предполагают, что именно тогда и произошло формирование породы, названной в наше время среднеазиатской овчаркой. Окончательную ясность в этот вопрос могут внести новые находки остатков собак на юге Туркмении и их тщательное изучение.

- Анучин, А. 1882. Собака волк и лисица // А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья ладожского озера: 55-81. Санкт-Петербург.
- Бибилова, В. И. 1953. Фауна раннетрипольского поселения Лука-Врублевская // Бибилов С. Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская. Материалы и исследования по археологии СССР 38: 411-458.
- Боголюбовский, С. Н. 1928. Об аналогичных признаках в черепе собак // Русский Зоологический Журнал VIII/3: 7-32
- Браунер, А. А. 1923. Собаки каменного века р. Амура // Труды Геологического Комитета 160.
- Громова, В. И. 1940. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии // Григорьев Г. В. Каунчи-Тепе (раскопки 1935): 41-62. Ташкент: Узфран.
- Ермолова, Н. М. 1970. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении // Каракумские Древности 3: 41-62. Ашхабад: Ыльым.

- Калинин, В. А., Т. М. Иванова, Л. В. Морозова. 1992. Отечественные породы служебных собак азиатского происхождения. Москва: Патриот.
- Массон, В. М. 1964. Средняя Азия и древний Восток. Москва-Ленинград: Наука.
1984. Формирование древних Цивилизаций в Средней Азии и Индостане // Древние культуры Средней Азии и Индии: 56-70. Ленинград: Наука.
1989. Первые цивилизации. Ленинград: Наука.
- Савенков, И. 1905. Описание собаки древнеабаканской породы // Известия ВСОРГО 36: 35-48.
- Цалкин, В. И. 1960. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // Материалы и исследования по археологии СССР 53: 7-109.
1970. Домашняя собака в неолите Забайкалья // Сибирь и ее соседи в древности: 191-194. Новосибирск.
- Clutton-Brock, J. 1989. A dog and donkey excavated at Tell-Brak // Iraq 51: 217-224.

¹ Данное предположение основано на единственной находке на поселении Джейтун правой ветви нижней челюсти, сходство которого со стандартом салуки может оказаться случайным.

- Driesch, A.* 1976. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites // Peabody Museum Bulletin 1.
- Duerst, J. U.* 1908. Animal remains from the excavations at Anau // Prehistoric Civilizations of Anau 2: 341-399. Washington: Carnegie Ins.
- Rutimeyer, L.* 1862. Die fauna der Pfahlbauten der Schweiz. Neue denks die Allg.Schweiz. Gessell. Naturwissenschaft.

- Reed, C. A.* 1959. Animal domestication in the prehistoric Near East // Science 3389: 1629-1639.
- Studer, T.* 1905. Über einen Hund aus palaolithischen zeit Russlands, Canis putiatiini // Zoologischer Anzeiger 29/1: 24-35.
- Wapnish, P., B. Hesse.* 1993. Pampered pooches or plain pariahs? The Ashkelon dog burials // Biblical archaeologist 55/2: 55-81.
- Zeuner, F. E.* 1963. A history of domestic animals. London: Hutchinson.

ABOUT THE TYPE OF CHALCOLITHIC DOG FROM SOUTH TURKMENIYA

A. K. KASPAROV

The formation of dog breeds in the early stages of human history is still unclear in many aspects. Many articles describing remains of prehistoric dogs deal with this problem. It is possible to assume that on the early stages of human history dogs were used almost exclusively for hunting. Stock breeding was still extremely limited in the Neolithic. Also, the pastoral functions of the dog are complicated to condition; they imply a complex reflex of behaviours, formed together with the development of stock breeding, with the help of teleological training and selection. By the end of the Neolithic there happens to have been two types of wolf-like breed: husky-like in wooded regions and sluki-like in the steppes, forest-steppe and in more southern regions (Rutimeyer 1862; Studer 1905; Анучин 1882; Савенков 1905; Браунер 1923; Цалкин 1970). In the Middle East the most ancient breed of this type is the saluki or Persian greyhound. Pictures of greyhounds appeared for the first time in Egypt and Mesopotamia already at the end of the 5th Millennium B.C.A. Remains of dogs from archaeological sites in Southern Turkmenia are scarce and all of them, except skulls from Anau, described by Duerst (1908), are represented by just a few fragments of jaws. Therefore the find of a well preserved dog skull in this region is very important.

The skull was found in 1994 during the excavation of the chalcolithic settlement of Ilgynly-Depe (plot N60, dig N5) by the Institute of History of Material Culture. Ilgynly depe is located to the east of the foothills of the Kopet Dag, 200 km S.E. of Ashkabad. The layers in which the skull was found are dated to the second half of the 4th Millennium B.C. Close to the skull were found two mandibles, right and left, which are of the same size. They obviously belong to the same individual since they fit together in the area of the symphysis. They are damaged in their front part. The size of the lower jaws corresponds to the dog skull described.

Measurements of the skull and mandibles, as well as of some other skulls and mandibles are presented in Table 1 and Table 3. In these tables some measurements from sites of the Kopet Dag foothills are shown together: Jeitun (first half of the 6th millennium B.C.) neolithic, Anau (first half of the 4th millennium B.C., chalcolithic), Ilgyniy-Depe (2nd half of the 4th millennium B.C., chalcolithic), Altyn-Depe (limit 3rd-2nd millennia B.C., end of early Bronze Age), as well as from Tell-Brak in north-western Syria. This find is dated to the middle of the 3rd millennium B.C., that is in the early Bronze Age. The tables also contain some measurements of a sluki dog from Egypt, acquired by the British Museum at the beginning of this century (Clutton-Brock 1989).

In general it was rather difficult to make a comprehensive comparison of our sample with others. Authors used a different system of measuring in each case and, besides, the specimens are damaged in different places. Therefore some measurements were impossible to take.

The dog skull from Ilgynly is relatively narrower than the ones described by Duerst at Anau and from Egypt (index N 2,3,5,7 – Table 2). It appears to be only slightly wider in the region of the camassial tooth, at level Pm4-M1 (index N4). The relatively smaller zygomatic breadth of the dog from Ilgynly (index 3) may result not only from the general relative narrowness of skull, but also from the fact that it could belong to a female. The dog from Anau is very similar to Egyptian specimens. However, the skull is also narrower (indexes NN 3,4,5). With its greater relative narrowness and weakness of skull, the dog from Ilgynly appears to have unexpectedly large teeth. So the ratio of length of crown Pm4 to length of cheektooth row (alveolar) is 31,6%, while those of the specimens from Jeitun have a larger size are 28,6 and 29,8%. The ratio of

the dog from Anau is only 24,6. The proportions of carnassials are the following: the ratio of width in the forward part to general tooth length is 50,4% for the Jeitun specimens and 49% for Dgyniy, 40% for Tell-Brak and 52,9% for Anau. Thus, the carnassial tooth of the dog from Ilgynly and Tell-Brak is longer and narrower in the area of the protocone. The same indexes of two of the best preserved skulls of dog from the site of Luka-Vrublevetskaya dated from the 4th millennium B.C. are adduced in this table for comparison. The dating of this settlement is practically synchronous with our specimen (Бибикова 1953). The author specially remarks that several skulls have quite the same type. This means that we are dealing with a steady morphological form.

One can see that this dog's skull has some other proportional characters. On the whole it appears to be slightly narrow in the region of the canine teeth in spite of a shorter and wider muzzle. V. I. Bibikova (1953) determines this dog as *Canis familiaris palustris* and emphasizes its similarity with the neolithic peat-dog in all its variations from middle and southern Europe, including Italy.

We can see that the morphological type of dogs which were widespread in western Asia and southern Central Asia in the 4th-3rd millennia B.C. was completely different from that in Europe and, probably, was some separate «breed». In this context the interpretation of the dogs found at Anau, as *Cams matris optima*, is quite unreliable if it is only based on the similarity of absolute sizes (as first suggested by Duerst). It is possible, in my opinion, to use the general name *Canis familiaris asiatica* for the greyhoundlike chalcolithic dogs, from Western Asia, which unites numerous local variations.

The measurements of mandibles are given in the Table 3. Mandibles are more common than skulls and therefore we have more material to compare with standard parameters. If we look at indexes of proportions again (Table 4), we can see that the first lower molar of the dog from Ilgynly is relatively larger than those from Jeitun and Altyn and Anau (index N1). The lower carnassial tooth is slightly more massive only in the dog from Tell Brak.

However, the jaw of this individual is weaker: its relative height at the level of the posterior edge of M1 is less and exceeds only one of the modern slukis (index N3). The Jeitun and Anau dogs prove to be very close to the saluki (indexes NN 1,2) in the proportions of m1, however, the height of their jaw is larger (index N 3). Thus, the samples from Jeitun and Anau are very similar in the characteristics of the lower jaws; they belong to a form which corresponds to the ancient Egyptian dog which resembles the modern greyhound. This applies especially to skull N3 from Anau. The sample found by us is different from the ancient Egyptian breed in having a relatively narrower and weaker skull and a narrower and longer carnassial tooth (upp. Pm4). In the proportions of M1 and its massive lower jaw it is similar to the dog from Altyn-tepe and to the dog from Tell-Brak, i.e. with later Bronze Age specimens. It is important to note that the mandible of the dog from Syria is similar to the saluki in its dimensions, as was noted by Clutton-Brock (1989); however, in terms of its proportions it is rather different from this form.

So, the type of dog which already differed a little from the classical type of ancient dogs of Egypt and Western Asia by the end of the 5th millennium B.C., existed in the northern foothills of the Kopet Dag and possibly in Iraq in late chalcolithic times. It is possible to assume that this dog differed by having a longer and narrower muzzle and, accordingly, narrower and longer teeth, but having a wider palate in the region of the first molars and a more rounded brain box. Its lower jaw was greater in height with a more massive carnassial tooth. Despite the scarcity of osteological material it is suggested here that the skull from Ilgynly is quite typical, for the reasons mentioned at the beginning of the article, though such a change of proportions is certainly not considerable.

V. A. Kalinin (1992) with co-authors assumes that the formation of the breed, the middle-Asiatic sheep-dog, took place at that time but more finds are needed to clarify the history of the dog in Southern Turkmenia.

СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ КАРПАТО-ПОДНЕПРОВЬЯ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ МИКРОГРУПП ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ Триполье-Кукутени

И. В. ПАЛАГУТА¹

Одним из перспективных направлений в исследовании древних культур является реконструкция систем расселения и единовременных поселенческих структур. В изучении Триполья-Кукутени до недавнего времени существовал лишь ряд отдельных наблюдений над микрогруппами памятников и последовательностью их формирования. Один из возможных вариантов решения — сопоставление комплексов на основе построения модели расселения групп трипольского населения в пределах культурного ареала. Построение такой модели открывает новые возможности для более детальной и дробной хронологии и периодизации памятников, выделения локальных групп и вариантов.

Построение модели расселения носителей культуры Триполье-Кукутени возможно на основе картографирования памятников, которые группируются, преимущественно, по бассейнам малых и средних рек. Такое «гнездообразное» расположение трипольских поселений, отмечала, например, Е. В. Цвек (Цвек 1980: 185). Рассматривая структуру локальных вариантов и групп Триполья, Е. К. Черныш также отмечает «кустовое расположение трипольских поселений, когда более мелкие памятники группируются близ весьма значительного по площади центра» (или нескольких разновременных центров) (Черныш, Массон 1982: 235, 240). Подобную группировку отмечал и С. Н. Бибииков (Бибииков 1964; 1965). Но каким образом представить функционирование поселений в пределах таких групп? Одна из точек зрения заключается в том, что такая группировка, объединявшая несколько синхронных поселков представляла собой более крупный, чем община социальный организм — род или племя (Бибииков 1965: 58; Колесников 1993: 74). Мысль о сложности в локальных группах трипольских памятников «иерархической системы поселений, когда крупные центры окружает плеяда более мелких поселков, видимо, соподчиненных, по крайней

мере, в хозяйственном отношении» была высказана В. М. Массоном (Массон, Маркевич 1975: 31-32; Массон 1980). В конечном счете, такое представление заимствовано из экономических моделей функционирования связей городских и сельских поселений, восходящим к работам экономиста первой половины XIX столетия И. Г. фон Тюнена (Бродель 1992: 31-32). Наиболее четко эта модель была воплощена в «теории центральных мест» Вальтера Кристаллера, созданной для объяснения пространственного размещения и функционирования городов и деревень Южной Германии в 30-е годы нынешнего столетия. Это идеальное построение описывало иерархию больших и малых городских и сельских поселений на идеальной равнине (Renfrew, Bahn 1993: 158-162). Иерархия «центральных мест» и более мелких поселений, которую можно описать с помощью подобной модели, прослежена, например, на памятниках энеолита и бронзового века Средней Азии, тяготеющих к оазисам с развитой системой орошения (Масимов 1980: 40-42; Массон 1982: 54-55). Подобная система функционировала в Месопотамии (Массон 1976: 129, 141-144). Группы больших и малых теллей, образующих единую систему заселения, прослежены и в Болгарии (Dennell, Webley 1979: 97-109). К сожалению, степень изученности материала болгарских теллей позволяет только констатировать принадлежность его довольно широким хронологическим рамкам, поэтому одновременность функционирования системы теллей доказать в настоящее время не удастся.

Такая иерархическая система характерна для районов с развитой ирригацией, где на сети каналов образуются более-менее долговременные поселки, формирующие многослойные телли. Эта система непосредственно связана с формированием городов и раннегосударственных структур.

В Триполье мы сталкиваемся, наоборот, преимущественно с однослойными памятниками.

¹ Россия. 119899. Москва. МГУ, исторический факультет, кафедра археологии.

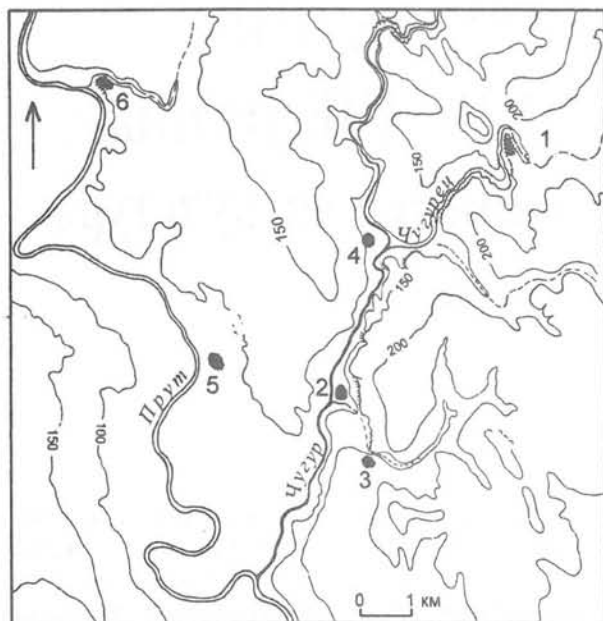

Рис. 1 Схема расположения памятников в долине р. Чугур: 1 – Друцы I; 2 – Новые Дуруиторы; 3 – Старые Дуруиторы; 4 – Варатик VI; 5 – Варатик XII; 6 – Старые Куконешты I.

Fig. 1 Schematic map showing location of sites in Chugur valley.

Даже многослойные поселения формировались в результате заселения участка через некоторые промежутки времени. Для него более подходит иное объяснение: микрогруппы формировались за счет периодического переноса поселков на новое место одной группой населения, осваивающей определенный район (Колесников 1993: 73). Длительность существования поселка обычно оценивают в 50–75 лет (Колесников 1993: 103). Однако при принятии этих оценок необходимо учесть, что вопрос о «горизонтальной» стратиграфии больших по площади трипольских поселений до сих пор остается открытым. Поэтому образ жизни трипольских земледельцев представляется весьма подвижным, основанным на периодической смене мест поселений. Главное доказательство в пользу подобной точки зрения – изучение микрогруппы памятников с точки зрения их хронологии. Вопрос об этом был поставлен совсем недавно, но уже получены некоторые результаты, свидетельствующие о разновременности поселений в пределах исследованных групп (Савченко, Цвек 1990: 103–104). Частая смена мест поселений отмечалась и ранее (Белановская 1958: 24).

Если исходить именно из последнего предположения, то проще всего построить модель последовательного существования памятников, типа: $1 \Rightarrow 2 \Rightarrow 3 \Rightarrow \dots \Rightarrow n$. В реальности, естественно,

мы сталкиваемся с гораздо более сложным процессом. Поселения могут быть частично синхронны – т.е. выселки формировались, когда еще существовало исходное поселение. Различия в площадях памятников могут объясняться как демографическими изменениями, так и наличием «горизонтальной» стратиграфии. Также вполне возможен как вариант дробления группы и организации двух и более параллельно существующих поселков в пределах группы, так и отток части населения с последующим формированием новой группы памятников на новом месте. Однако возможные варианты предполагают все же некоторую хронологическую последовательность памятников и их относительное территориальное единство. Иерархия поселений, возможно, и будет прослеживаться, но только на уровне иерархии микрогрупп памятников, формировавшихся в течение отдельных отрезков времени.

Подобные реконструкции системы заселения земледельческих районов уже создавались на основе исследования групп поселений культуры линейно-ленточной керамики еще с 1930-х годов (Buttler 1938; Кларк 1953; Титов 1966). Недолговременность существования поселений, а также прослеженную на некоторых из них неоднократность заселения через какие-то промежутки времени, объясняла «теория кочевого земледелия». Согласно ей, ранние земледельцы вынуждены были переносить поселок на новое место из-за истощения почв в непосредственной близости от него (Чайлд 1952: 145–146; Piggott 1965: 50–52). В целом, хотя и с рядом поправок и уточнений, такое представление о довольно высокой подвижности ранних земледельцев подтверждается и работами последних десятилетий (Шнирельман 1989: 186–187; Waterbolk 1962: 235–237; Early European Agriculture 1982: 137–138; Титов 1996: 154–158; Whittle 1996: 160–162, etc.)¹. Однако вплоть до нынешнего времени остается открытой проблема одновременности или разновременности поселений в пределах локальных групп памятников (Early European Agriculture 1982: 33–34). Решение ее также наметит и путь выявления реальной относительной хронологии культуры путем суммирования приблизительных отрезков времени существования поселений, входящих в микрогруппу. Такой путь был применен при выявлении хронологии многослойных памятников, например Трои I–II (Blegen, Caskey, Rawson, Sperling 1950: 40–41). Длительность существования строительных горизонтов при этом оценивалась в 35 или 55–60 лет (Mellaart 1960: 276–277).

Если принять во внимание нынешнее несовершенство естественнонаучных методов

¹ В этой связи также необходимо отметить и наблюдения Е. Комши относительно системы расположения поселений культуры Боян в Придунавье, где поселения различных хронологических фаз образовывали систему поселков, расположенных на расстоянии около 2–3 км друг от друга (Comesa 1975: 5–9).

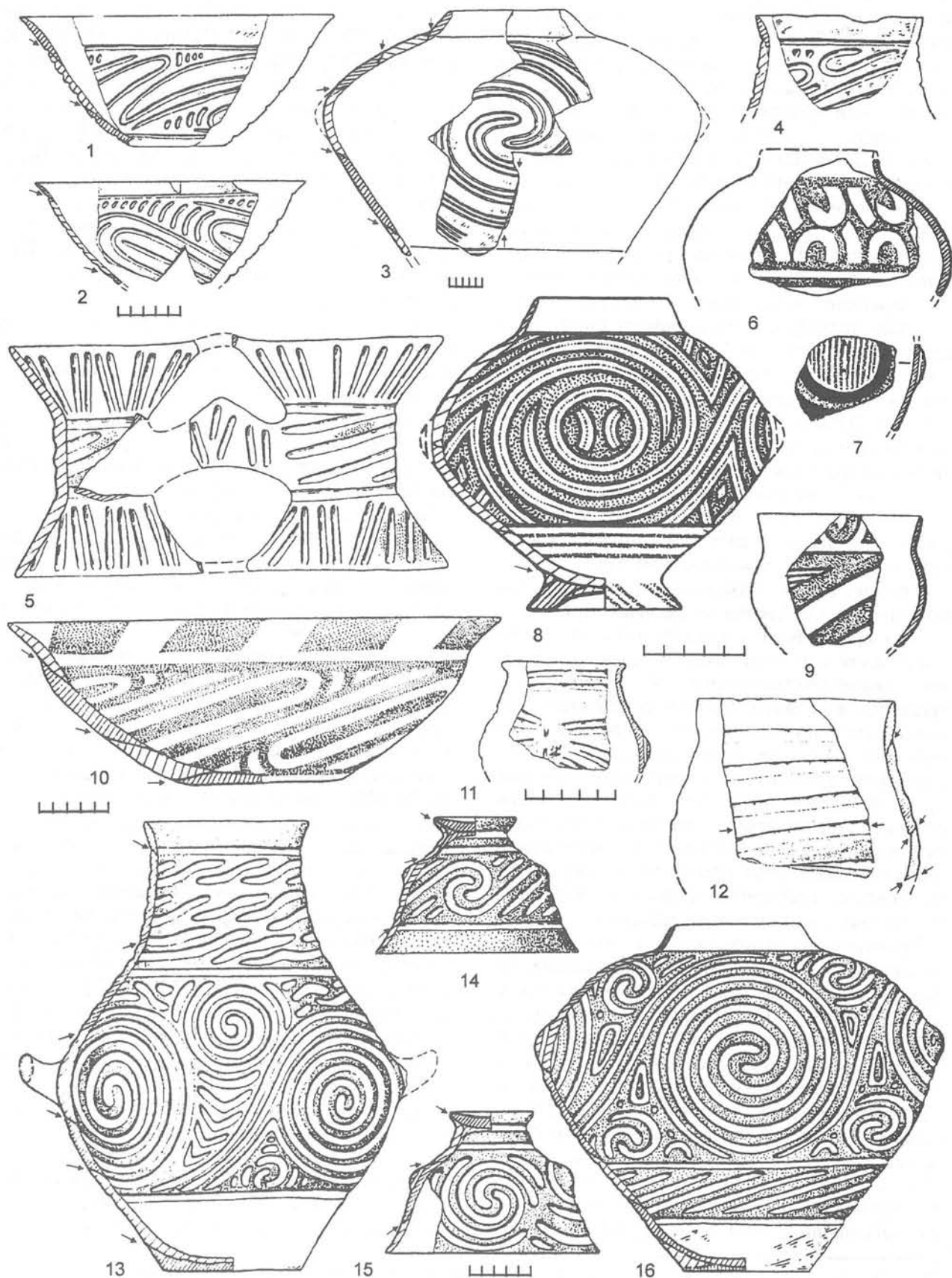

Рис. 2 Поселение Друца I – керамика (стрелками указаны стыки лент).

Fig. 2 Ceramics of Drutsa I site (arrows show the junctions of strips).

датирования, то единственным критерием оценки хронологических различий малого порядка может быть только археологический материал. Среди него наиболее информативной является керамика в силу ее массовости и относительной недолговременности существования сосудов. Таким образом, необходимо выбрать такой метод ее исследования, чтобы эти различия проявились в наибольшей степени.

При сравнении памятников на предмет выявления их микрохронологии важны не только общие характеристики их керамических комплексов, как, например, наборы форм и процентное соотношение орнаментальных групп. Последний подход наиболее популярен в исследовании трипольской керамики (Попова 1972; Цвек 1980; Сорокин 1990). Его недостаточность становится очевидной при соотнесении орнаментов с формами: их соответствие (Палагута 1995: 59-61) показывает, что таким образом мы можем фиксировать число разновидностей форм сосудов в выборке, которое будет различным в зависимости от характера раскапываемых объектов (будет выборка отражать характеристики культурного слоя или связана с каким-либо объектом типа жилища или ямы).

В основе иного подхода лежит «принцип типологических наблюдений, связывающий стилистику, формальные и функциональные особенности изделий с их техническими характеристиками, свидетельствующими об изготовлении предметов в условиях строго определенного производственно-технологического комплекса» (Кожин 1990: 46). Он достаточно продуктивен при исследовании трипольских керамических комплексов, представленных, по большей части, стандартными наборами форм сосудов, что облегчает типологические наблюдения. Значительные серии изделий, обычно происходящие из раскопок трипольских поселений, позволяют подкрепить полученные выводы и количественно.

Примером, на основе которого можно проиллюстрировать подобную модель расселения, является предлагаемая здесь реконструкция последовательности образования микрогруппы на основе исследования ряда памятников Триполья VI-Кукутени А₄ (по В. Думитреску) в долине р. Чугур и прилегающих участках течения Среднего Прута в Северной Молдавии. Это поселения Новые Дуруиторы I, Старые Дуруиторы, Друцы I, Варатик XII и Варатик VI. К сожалению, изученность их неодинакова. Эталонными для группы могут считаться сравнительно хорошо раскопанные поселения Друцы I и Новые

Дуруиторы I. В Друцах раскопано полностью три жилища и два — частично (Рындина 1984: 415-416; 1985: 459-460; Палагута 1995: 51-63), в Новых Дуруиторах — три (Черныш, Попова 1975: 450-451; Маркевич, Черныш 1976: 471-472). Одно наземное жилище исследовано на поселении Старые Дуруиторы I (Маркевич, Черныш 1974: 423-424). С поселений Варатик VI и Варатик XII известен только подъемный материал¹. Данные памятники образуют компактную группу (рис. 1)². Расстояние между пунктами в группе не превышает 3 км. Расположены они в различных топографических условиях. Поселение Друцы I расположено на мысу — высокой толтровогой гряде в излучине ручья Чугурец (примерно на 30 м выше уровня воды в нем). Высокое месторасположение (на плато) имеет также поселение Старые Дуруиторы I. Новые Дуруиторы I и Варатик VI находятся на первой надпойменной террасе р. Чугур, как и поселение Варатик XII, расположенное на берегу Прута у ее устья.

Все описанные поселения характеризуются схожими керамическими комплексами, основную часть — ядро — которых составляет керамика с каннелированным орнаментом в сочетании с красно-белой бихромной росписью или с бихромной росписью без каннелюр. В этом стиле декорированы основные разновидности посуды: грушевидные сосуды и крышки к ним, кувшины, горшки-«кратеры», антропоморфные сосуды, большая часть кубков и часть мисок, «бинокли» и «монокли». В количественном отношении она составляет до 30-40% керамического материала.

Единство рассматриваемых памятников подтверждается сохранением углубленного орнамента на усеченноконических мисках (рис. 2: 1-2; 3: 1-2; 5: 5-6). Неизменна и так называемая «кухонная» посуда — «котлы» и «пифосы». Следы инокультурного влияния отражены в присутствии группы керамики с примесью дробленых ракушек в тесте — типа Кукутени С, — составляющей 2-3% комплексов (рис. 5: 8-9) (Мовша 1961; Палагута 1998).

Расписная керамика на рассматриваемых памятниках занимает отчасти подчиненное положение. И дело не только в относительно меньшем ее количестве (10-20%). Расписные сосуды («двухъярусные» и сферические, кубки — рис. 2: 6-9; 3: 3, 11, 17-19; 4: 7-9; 5: 1-2) функционально как бы «дублируют» формы, украшенные каннелюрами и бихромной росписью. Так, «двухъярусные» и сферические сосуды

¹Автор благодарит В. М. Бикбаева за предоставленную возможность использовать материал его разведок.

²Территориально к группе памятников в долине р. Чугур примыкает поселение Старые Куконешты I. Оно расположено несколько обособленно — в 9 км от впадения р. Чугур в Прут, при впадении в него речки Сухой Раковец, и в 5 км от ближайшего к нему пункта Варатик VI. Этот памятник относится к предыдущему этапу Кукутени А₃, однако, по особенностям керамического материала, вполне может быть отнесен к одному из более ранних этапов формирования рассматриваемой микрогруппы. Наличие промежуточных звеньев может быть подтверждено только дальнейшими исследованиями (Marchevici 1997: 81-94; Палагута 1997: 50-69).

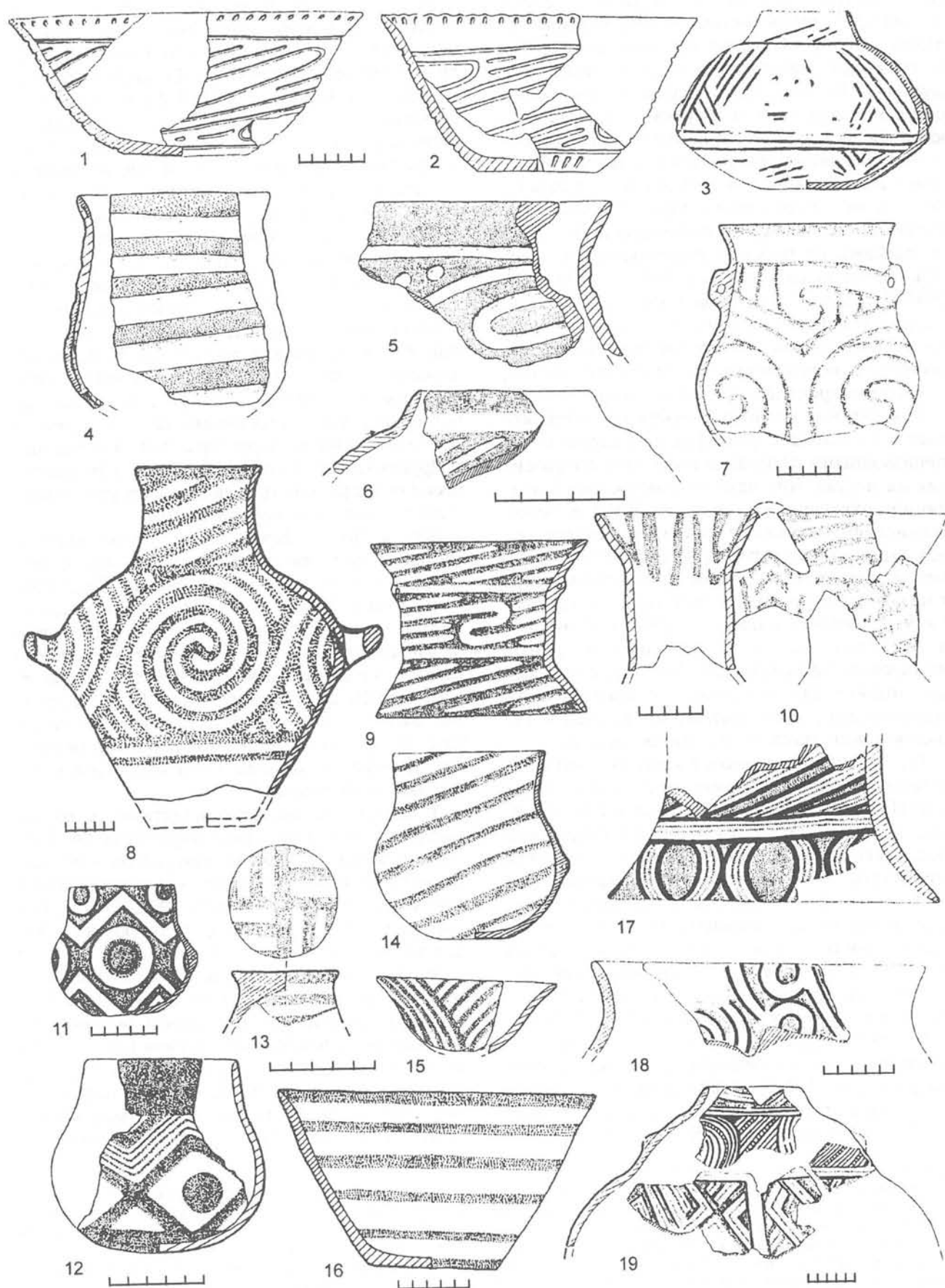

Рис. 3 Новые Дуруиторы I – керамика.

Fig. 3 Ceramics of Noviye Duruitory I site.

соответствуют грушевидным, а расписные кубки являются лишь частью общего массива изделий, где преобладают сходные по формам и размерам каннелированные и бихромные аналоги. Помимо всего, только на расписных сосудах — сферических и кубках — прослеживаются следы круглодонной традиции изготовления. Это выражается в использовании при их лепке не заготовки дна в виде плоской лепешки, а в виде небольшой полусферической мисочки. Для придания им устойчивости дно либо уплощалось на плоской поверхности, или долепливался поддон (Кожин 1989: 56; Палагута 1995: 55, рис. 3: II). Такая позиция расписной посуды в материалах этих поселений, а также часто сравнительно плохая сохранность красок, позволяют использовать ее, преимущественно, в качестве хронологических «маркеров».

Показателем хронологических различий является керамика с рельефным декором и его производными. Основная тенденция его развития на посуде этих памятников состоит в эволюции окрашенного красной (фон) и белой (каннелюры) красками каннелированного орнамента, возникшего из углубленного орнамента, в бихромную роспись, количество которой возрастает на более поздних памятниках¹. Существование в пределах стратиграфически, а, следовательно, и хронологически единых комплексов типологически более ранних и более поздних изделий позволяет предположить минимальный хронологический разрыв в существовании памятников микрогруппы.

Так, в Друцах керамика с каннелюрами в сочетании с покраской доминирует (рис. 2: 5, 11-16) (Палагута 1995: табл. 1). Здесь в трех жилищах найдено только два изделия с бихромной росписью — «бинокль» и усеченноконическая миска (рис. 2: 10). В то же время в Друцах присутствуют и типологически более ранние изделия: углубленный орнамент, характерный для более ранних этапов и генетически связанный с раннетрипольским декором (Палагута 1997: 51-56, табл. 2), отмечен на трех грушевидных сосудах и фрагменте горла кувшина (рис. 2: 3-4).

В Новых Дуруиторах, наряду с сохранением значительного количества каннелированных сосудов (рис. 3: 4-6), присутствует уже довольно большая группа посуды с бихромной красно-белой росписью, но без каннелюр. Здесь

в этом стиле орнаментирован практически весь набор посуды, имеющий в Друцах идентичный орнамент, но в сочетании с каннелюрами. Среди нее не только миски и «бинокли» (рис. 3: 10, 16), но и кувшины (рис. 3: 8), кубки и антропоморфные сосуды (рис. 3: 7, 14), «кратеры», «монокль» (рис. 3: 9), грушевидные сосуды и крышки к ним (рис. 3: 13). В яме из жилища 2, представляющей собою закрытый комплекс, большую часть находок также составляют сосуды с бихромной росписью (из 10 изделий только фрагмент «бинокля» украшен каннелюрами, а сферический сосуд и крышка — полихромной росписью). Таким образом, о более позднем времени поселения Новые Дуруиторы I, по отношению к Друцам, свидетельствует как большее количество бихромных сосудов, так и использование этой разновидности декора для украшения более многочисленных форм изделий. С другой стороны, в Новых Дуруиторах нет встреченных в Друцах (в единичных экземплярах) типологически более ранних грушевидных сосудов и кувшинов с углубленным орнаментом.

Есть в Новых Дуруиторах и другие изделия, имеющие ряд признаков, позволяющих судить о более поздней датировке поселения. Так, кубок из раскопа V (рис. 3: 12), имеет орнамент, композиция и стиль исполнения (темно-коричневая, почти черная, роспись по светлому фону) которого схожи с орнаментацией сферического сосуда из Солончен II₂ времени Кукутени А-В₁. Полихромная аналогия этого орнамента присутствует тут же (рис. 3: 11), что позволяет предположить местное его развитие (исполнение этого орнамента в несколько иной технике)².

В качестве позднейшего памятника в группе выступает поселение Старые Дуруиторы. Отличия хронологического порядка материалов этого памятника от Новых Дуруитор констатировались еще Е. К. Черныш (Черныш 1974: 21-22). Несмотря на то, что здесь присутствуют изделия, украшенные рельефным орнаментом (каннелюрами) в сочетании с бихромной росписью (рис. 4: 12), довольно много и сосудов с бихромным орнаментом. Бихромная роспись покрывает ряд сферических сосудов (рис. 4: 5-6), которые в Друцах и Ивановке (Новых Дуруиторах I) расписаны преимущественно полихромной (трехцветной) или черной (темно-коричневой) штриховой росписью. Асимметричность

¹Бихромная красно-белая роспись типологически является более поздней, чем аналогичный орнамент в сочетании с каннелюрами. Встречается она и на более поздних памятниках. Так, в комплексе ямы из Брынзен IV, одного из позднейших памятников Кукутени А в Северной Молдавии, представлены преимущественно сосуды с бихромной росписью, наряду с изделиями, украшенными в стиле группы β, характерном уже для последующего этапа Кукутени А-В. Серия сосудов, украшенных в таком стиле, обнаружена мною при шурфовке поселения Дрэгэнешты-Валя Унгурянулуй на р.Солонец (бассейн Реута), датирующегося по присутствию поздних стилей росписи временем Кукутени А-В (Палагута 1997а: 112, рис. 3).

²Аналогии этому орнаменту, выполненные в полихромном стиле, есть также в Трушештах (Florescu A., Florescu M. 1960: fig. 5). А. Ницу в статье о геометрических мотивах орнамента (Nițu 1969: 7-40) приводит целый ряд ромбических композиций на керамике как кукутенских памятников (Трушешты, Хэбэшешты, Фрумушика, Кукутени), так и поселений культуры Винча-Турдаш и различных групп дунайской культуры (линейно-ленточной керамики).

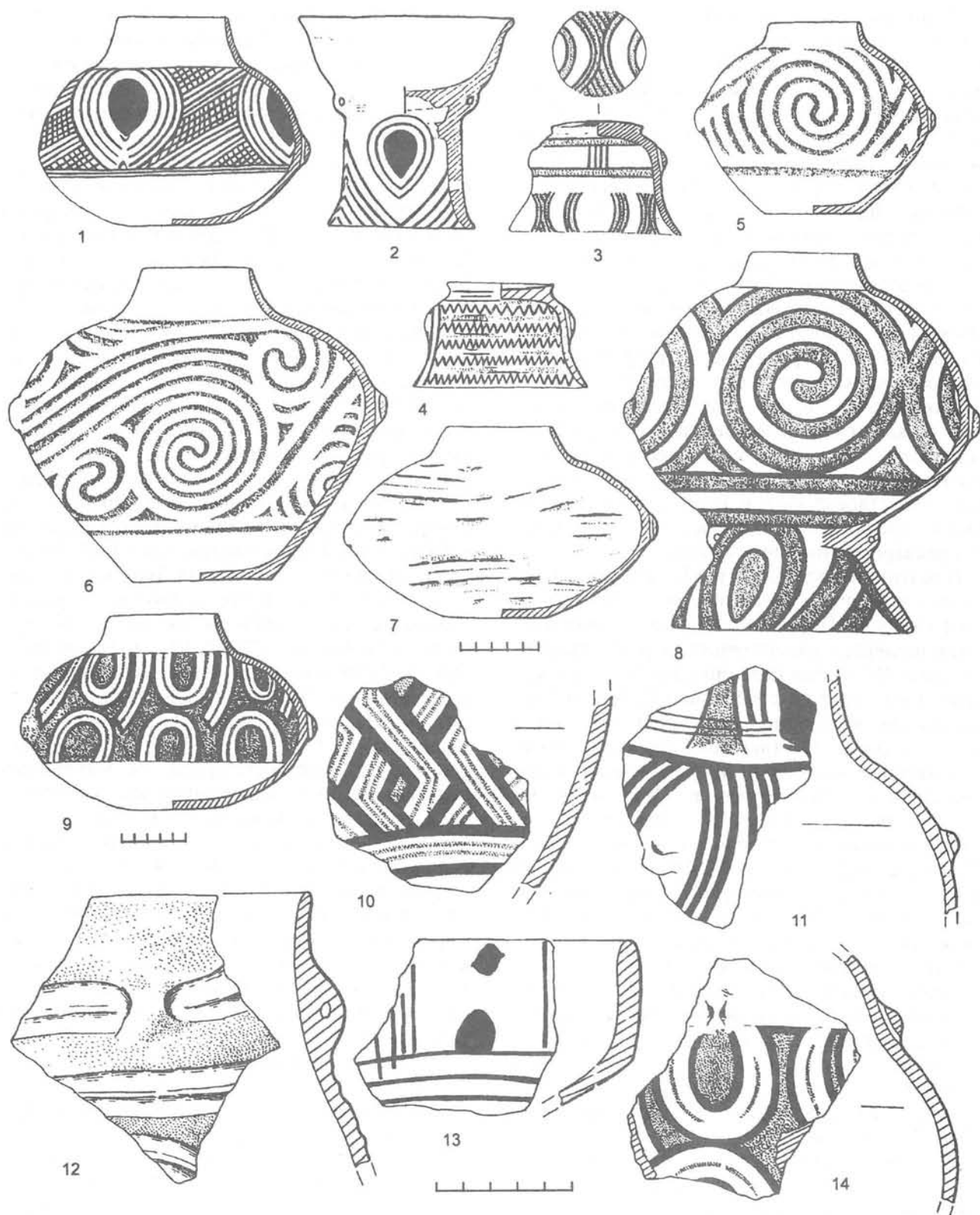

Рис. 4 Старые Дуруторы — керамика.

Fig. 4 Ceramics of Stariye Durutory site.

композиции орнамента на одном из них (рис. 4: 6) также свидетельствует о типологически позднем его характере.

Некоторые изделия орнаментированы росписью, близкой «поздним» стилям времени Кукутени А-В (рис. 4: 4), аналогичной обнаруженной на сосудах из Солончен II и Траяндялул Фынтынилор (Мовша 1965: рис. 20: 4; Dumitrescu 1945: pl. IX: 8, XVIII: 7, 12, 13). Близка к стилям группы (и орнаментация одной из крышек (рис. 4: 3). Довольно «поздний» вид имеет фрагмент цилиндрической миски с черной (темно-коричневой) росписью по светлому ангобу (рис. 4: 13) и фрагмент стенки сосуда с подобной же росписью (рис. 4: 11). Более поздний возраст поселения Старые Дуруиторы относительно других памятников в пределах рассматриваемой микрогруппы можно предположить, исходя из орнаментов отдельных изделий, но датировка памятника в целом нуждается в более детальном исследовании. При этом необходимо учесть, что, судя по наличию некоторого количества черепков, там существовал еще и слой поздне трипольского времени, не отмеченный в отчетах и предварительных публикациях.

Памятники Варатик VI и XII, которые также входят в очерченную группу, известны только по разведкам. Поселение Варатик VI расположено на первой надпойменной террасе правого берега р. Чугур при падении в нее Чугурца, материал его, судя по сообщению В. М. Бикбаева, близок вышеописанному. Керамика поселения Варатик XII (любезно предоставленная мне автором находок В. М. Бикбаевым), находящегося на левом берегу р. Прут примерно в 2 км к западу от Новых Дуруитор I, практически аналогична материалам последнего (рис. 5). По относительному обилию бихромной росписи на сосудах различных форм — кувшины, «бинокль» (рис. 5: 7), грушевидные сосуды и т.д. — можно предположить и их временную близость.

Таким образом, увеличение количества бихромной керамики (производной от посуды с каннелюрами) и появление более поздних стилей росписи позволяет определить хронологическую последовательность памятников в группе. Она будет следующей: Друцы I => Новые Дуруиторы I, Варатик XII (?), Варатик VI (?)=> Старые Дуруиторы.

На основании исследования данной группы поселений можно реконструировать последовательность заселения долины р. Чугур в среднетрипольское время (этап VI, по Т. С. Пасек). Наиболее ранним памятником здесь является поселение Друцы I, расположенное в верховьях ручья Чугурец. По-видимому, с начальным периодом заселения микрорайона следует связывать расположение его на удобном

для обороны скалистом мысу. На возможность нападения указывают многочисленные накопленные стрелы, большая часть которых найдена по краям жилищ, преимущественно с напольной стороны мыса (Рындина, Энгватова 1990: 108-114). Дальнейшее освоение территории происходило вниз по долине р. Чугур. Последующие поселения занимают уже не только возвышенности (как, например, Старые Дуруиторы), но и первую надпойменную террасу рек Чугур и Прут (Новые Дуруиторы I, Варатик VI и XII).

Материалы этих памятников дают опорную хронологическую колонку для поселений финала Кукутени А (А₄, по В. Думитреску) Северной Молдавии. Мы можем даже приблизительно оценить и длительность фазы Кукутени А₄ (по В. Думитреску). В ее пределы укладывается примерно три-четыре последовательно существовавших поселения. Если отложить на существование одного поселения примерно 50 лет и учесть возможную частичную синхронность памятников, то длительность фазы будет около 150 лет.

Сходные результаты получаются при рассмотрении группы аналогичных, практически синхронных рассмотренным выше поселений в Дрэгушени (северо-восток Румынии). Дрэгушени-Остров и «ын Дялул ла Лутерие» составляют компактную группу памятников, расположенных на расстоянии около 2 км друг от друга (Crîșmaru 1977: 15-19, fig. 1). По мнению В. Думитреску, поселение «Остров» является несколько более поздним, нежели памятник «ын Дялул ла Лутерие» (Crîșmaru 1977: 83; Dumitrescu 1973: 177-196; 1974: 33-47). Это объясняется присутствием среди его материалов образцов росписи, характерной уже для последующего периода Кукутени А-В₁. Так, например, в стиле α² орнаментирован один из кубков (Dumitrescu 1974: 40-41, fig. 1: 4), форма мисок с цилиндрическим венчиком и усеченноконической нижней частью тоже специфична для периода Кукутени А-В (Dumitrescu 1974: 39; Crîșmaru 1977: 46-47). Довольно поздними, по мнению румынских исследователей, являются и орнаменты двух кубков с поселения Дрэгушени-Остров — роспись тонкими белыми линиями по красному фону (Crîșmaru 1977: 34-35, fig. 42: 7-8). Таким образом, одновременность этих памятников вполне соответствует предлагаемой модели расселения.

Группу близких по времени памятников (или часть такой группы) составляют и поселения Путинешты II и III, расположенные у устья р. Куболта примерно в 5 км друг от друга (раскопки В. Я. Сорокина 1989-1991 гг.). Материал поселений, к сожалению, еще не опубликован.

Аналогичная система была прослежена мною и при исследовании поселений времени Кукутени А-В в Дрэгэнештах (Центральная Молдавия)

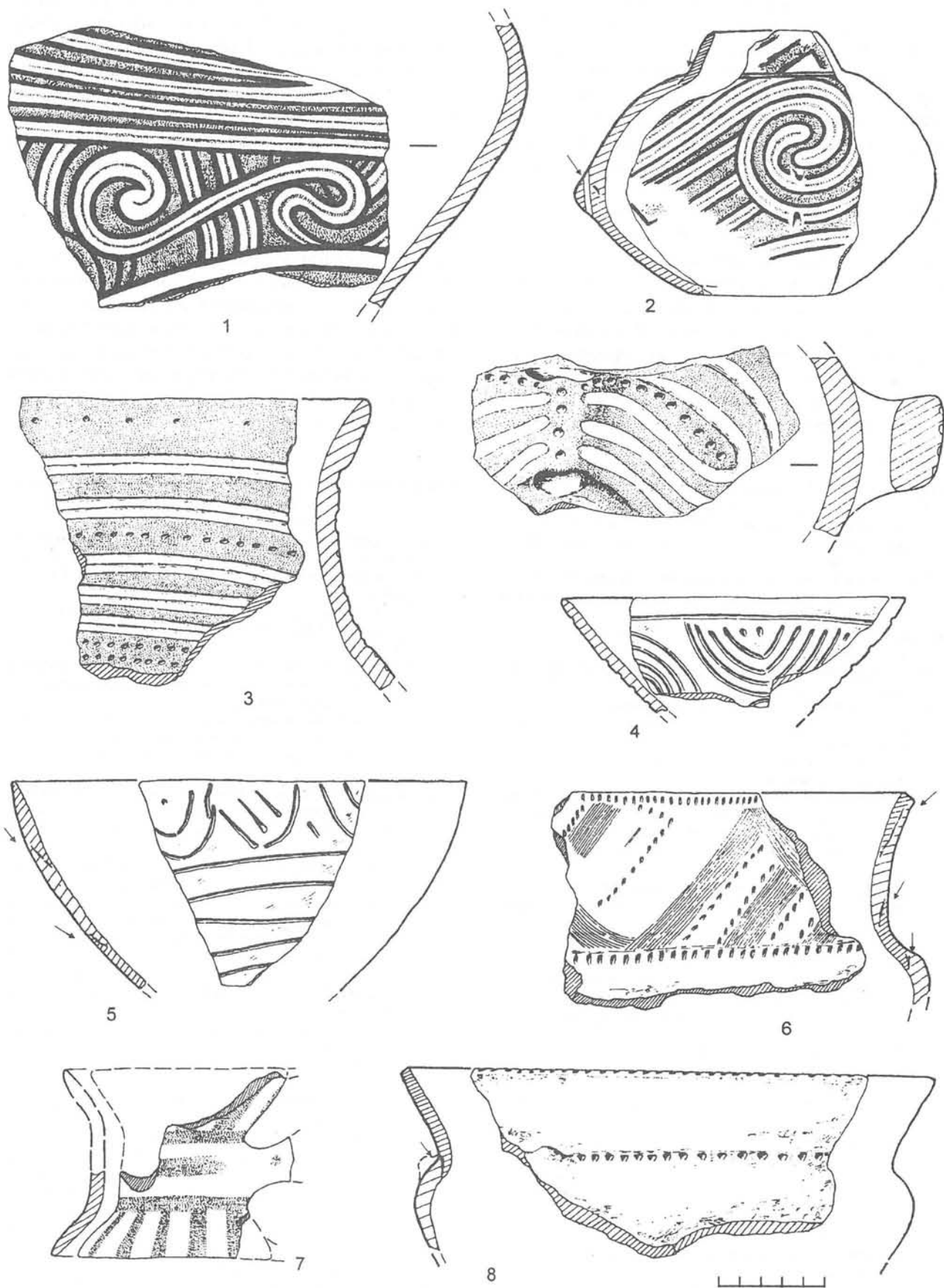

Рис. 5 Варатик XII – керамика.

Fig. 5 Ceramics of Varatic XII site.

в 1991 г., где на керамическом материале удалось проследить связь между поселениями Дрэ-гэнешты-Валя Унгурянулуй и – Куртя Бояреск (Палагута 1997а: 119-120), что позволяет еще раз подтвердить выдвинутые предположения.

Все это показывает, что на данном материале мы сталкиваемся не с «иерархической системой расселения», а с перемещениями населения при экстенсивной системе земледелия. Что же дают реконструкции, построенные на основе предложенной модели? В первую очередь, возможность построения локальных хронологических колонок, которые можно соотнести друг с другом на основе исследования керамических импортов и подражаний. При этом в качестве нового свете предстают проблемы периодизации памятников. Это не только лишь построение хронологической шкалы памятников на основе формально-статистического анализа

керамики, когда появление новой ее разновидности соответствует новому периоду или этапу в развитии культуры¹. Главной целью исследования уже выступает реконструкция реальных хронологических и пространственных взаимосвязей между конкретными памятниками. Следовательно, и изучаемая культура рассматривается здесь как продукт жизнедеятельности конкретных групп населения, более или менее взаимосвязанных между собой (эти взаимосвязи проявляются в локальных отличиях и общности материалов).

С другой стороны, исследование микрогрупп памятников открывает ряд новых возможностей для палеодемографических и социологических реконструкций, исследования экологии конкретных групп населения (например, одно из объяснений изменений топографии памятников в микрогруппах может быть связано с колебаниями увлажненности климата).

- Белановская, Т. Д. 1958. Трипольская культура. Ленинград.
- Бибиков, С. Н. 1964. О некоторых вопросах синхронизации и расселения трипольских племен // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). Москва.
1965. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (опыт изучения первобытной экономики) // Советская археология 1: 48-62.
- Бродель, Ф. 1992. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. Москва.
- Кларк, Г. 1953. Доисторическая Европа (экономический очерк). Москва.
- Кожин, П. М. 1989. Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов // Керамика как исторический источник. Новосибирск.
1990. О хронологии иньских памятников Аньяна // Китай в эпоху древности. Новосибирск.
- Колесников, А. Г. 1993. Трипольское общество Среднего Поднепровья. Опыт социальных реконструкций в археологии. Киев.
- Маркевич, В. И., Е. К. Черныш. 1974. Исследования в Пруто-Днестровском междуречье // Археологические открытия 1973 года. Москва.
1976. Исследования памятников трипольской культуры на территории Молдавии // Археологические открытия 1975 года. Москва.
- Масимов, И. С. 1980. Типологический и пространственный анализ древних поселений // Методика археологического исследования и закономерности развития древних обществ. Тезисы совещания (октябрь 1980 г.): 40-42. Ашхабад.
- Массон, В. М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Ленинград.
1980. Динамика развития трипольского общества в свете палеодемографических оценок // Первобытная археология – поиски и находки. Киев.
1982. Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. Археология СССР. Москва.
- Массон, В. М., В. И. Маркевич. 1975. Палеодемография Триполья и вопросы динамики развития трипольского общества (по материалам раннеземледельческих поселений Северной Молдавии) // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тез. докл. юбил. конф. Киев.
- Мовша, Т. Г. 1961. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // Советская археология 2: 186-199.
1965. Многослойное трипольское поселение Солончаны II // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 105: 91-100. Москва.
- Палагута, И. В. 1995. Керамический комплекс трипольского поселения Друць I в Северной Молдавии // Вестник МГУ. серия истории 5: 51-63. Москва.
1997. К проблеме формирования северомолдавских памятников Триполья VI (исследование керамического комплекса поселения Старые Куконешты I) // Древности Евразии. Москва.
- 1997а. Поселения развитого Триполья в среднем течении р. Солонец // Вестник МГУ. серия истории 5: 111-120. Москва.
1998. К проблеме связей Триполья-Кукутени с культурами энеолита степной зоны Северного Причерноморья // Российская археология 1: 5-14.
- Попова, Т. А. 1972. Древнейшие земледельцы Среднего Поднепровья в IV-III тыс. до н.э. (по материалам многослойного поселения Поливанов Яр). Автореф. дис. ... канд. историч. наук. Ленинград.
- Рындина, Н. В. 1984. Раскопки поселения развитого Триполья Друць I // Археологические открытия 1982 года: 415-416. Москва.
1985. Работы Трипольской экспедиции // Археологические открытия 1983 года: 423-424. Москва.
- Рындина, Н. В., А. В. Энгватова. 1990. Опыт планиграфического анализа кремневых орудий трипольского поселения Друць I // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тез. докл. I полевого семинара. Тальянки, 1990. Киев.
- Савченко, Н. А., Е. В. Цвек. 1990. Поселение Онопривка I и его место в системе Триполья Буго-Днепровского междуречья // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тезисы докладов I полевого семинара. Тальянки, 1990. Киев.
- Сорокин, В. Я. 1990. К проблеме хронологии памятников среднего Триполья в Молдавии // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тез. докл. I полевого семинара. Тальянки, 1990. Киев.
- Титов, В. С. 1966. Древнейшие земледельцы в Европе // Археология Старого и Нового Света. Москва.
1996. Неолит Карпатского бассейна. Москва.
- Цвек, Е. В. 1980. Трипольские поселения Буго-Днепровского междуречья (к вопросу о восточном ареале культуры Кукутени-Триполье) // Первобытная археология – поиски и находки. Киев.
- Чайлд, Г. 1952. У истоков европейской цивилизации. Москва.
- Черныш, Е. К. 1974. Отчет о работе Молдавской экспедиции в 1974 г. // Научный архив Института археологии Российской Академии Наук № 5409, 5409а. Москва.
- Черныш, Е. К., В. М. Массон. 1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР. Археология СССР. Москва.

¹На подобные недостатки в периодизационном членении Триполья-Кукутени указывала, например, Л. Эллис при рассмотрении периодизации В. Думитреску (Ellis 1984: 42).

- Черныш, Е. К., Т. А. Попова. 1975. Итоги работ Молдавской экспедиции // Археологические открытия 1974 года. Москва.
- Шницерман, В. А. 1989. Возникновение производящего хозяйства. Москва.
- Blegen, C. W., J. L. Caskey, M. Rawson, J. Sperling. 1950. Troy. General Introduction the First and Second Settlement I/ 1: text. Princeton.
- Butler, W. 1938. Der Donauländische und der westische Kulturkreis der jüngeren steinzeit // Handbuch der Urgeschichte Deutschlands. Band 2. Berlin und Leipzig.
- Comşa, E. 1975. Quelques observations de géographie historique a pros de l'habitat neolithique du sud-est de la Roumanie // Studia Balcanica 10: 5-10. Sofia.
- Crîşmaru, A. 1977. Drăguşeni. Contribuţii la o monografie arheologică. Botoşani.
- Dennell, R. W., D. Webley. 1979. Prehistoric Settlement and Land Use in Southern Bulgaria // Palaeoeconomy. Cambridge.
- Dumitrescu, V. 1945. La Station Préhistorique de Traian // Dacia. T. IX-X, 1941-1944. Bucureşti.
1973. Einige Fragen zur Cucuteni-Kultur im Lichte der Ausgrabungen bei Drăguşeni (NO der Moldau, SR Rumänien) // Zeitschrift für Archäologie. Band 7. Berlin.
1974. Unele probleme ridicate de aşezărea cucuteniană (de la Drăguşeni (jud. Botoşani) // DTJB, 1.
- Early European Agriculture. 1982. Early European Agriculture. Its Foundations and Development. Cambridge.
- Ellis, L. 1984. The Cucuteni-Tripolye Culture: A Study in Technology and the Origins of Complex Society // British Archaeological Reports. International Series 217. Oxford.
- Florescu, A., M. Florescu. 1960. Şantierul arheologic Truşeşti // Materiale şi cercetări arheologice VII. Bucureşti-Oradea-Tulcea.
- Marchevici, V. 1997. Aşezărea Cucuteniană Stânca lui Harascu // Tyragetia. Anuar IV-V. Chişinău.
- Mellaart, J. 1960. Anatolia and the Balkans // Antiquity XXXIV/136: 270-278.
- Niţu, A. 1969. Cu privire la derivaţia unor motive geometrice în ornamentaţia ceramicii bandate // Arheologia Moldovei VI: 7-40. Bucureşti.
- Piggott, S. 1965. Ancient Europe from the beginnings of Agriculture to Classical Antiquity. Edinburgh.
- Renfrew, C., P. Bahn. 1993. Archaeology. Theories, Methods and Practice. London – New York.
- Waterbolk, H. T. 1962. The Lower Rhine Basin // Courses toward Urban Life. New York.
- Whittle, A. 1996. Europe in the Neolithic. Cambridge.

SETTLEMENT SYSTEMS OF EARLY AGRICULTURISTS IN CARPATO-DNIEPER REGION: a study experience of Tripolye-Cucuteni sites microgroups

I. V. Palaguta

The study of settlement systems is one of the perspective directions in current archaeology and this theme isn't sufficiently devised for Tripolye-Cucuteni culture. The location of Tripolyan sites in groups was explained as the result of hierarchic or mobile settling models. Both of the models might be proved by the analysis of ceramic assemblages of neighbouring sites which can reflect the chronological differences.

A settlement group of Tripolye BI/2 – Cucuteni A₄ period near Chugur river valley in Northern Moldavia is the most explored at present. It includes six sites: Drutsa I, Drutsa VI, Duruitoarea Noua I, Duruitoarea Vechi, Varatic VI, Varatic XII. The distance between neighbouring sites is not more than 2-3 km. Three sites were excavated.

The ceramic assemblages of excavated sites reflect the typological changes of basic pottery group with relief decorations. These changes are: 1) the statistically fixable transformations of the incised to fluted and than to bichrome painted decoration

and 2) the deconstruction of some ornamental compositions.

The minimal chronological distance between settlements is confirmed by the coexistence of different types in the same assemblages. The following sequence of settlements were retraced in this group: Drutsa I (with the most archaic features), Duruitoarea Noua I (Varatic XII, Varatic VI), Duruitoarea Vechi (transitional to Cucuteni A-B period).

The similar chronological difference between neighbouring sites were also retraced in the settlement group of Tripolye BI-BII – Cucuteni A-B period in Solonets river valley in Central Moldavia.

Such investigations permit to reconstruct the formation of settlement groups as the result of the mobility of population. Every settlement usually has only one stratigraphic horizon which existed during 50-75 years. It gives the possibilities to reconstruct the duration of phases of Tripolye-Cucuteni culture.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МАГНИТОРАЗВЕДКИ И КАППАМЕТРИИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПОСЕЛЕНИЯ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ БОДАКИ

Н. Н. СКАКУН, В. А. ТАРАСОВ¹

Введение. Различия в магнитных свойствах между культурным слоем и вмещающими природными отложениями являются предпосылкой для использования магниторазведки и капаметрии — метода, основанного на измерении магнитной восприимчивости грунта, — при исследовании разнообразных археологических памятников. Благодаря применению этих методов успешно решаются, в частности, задачи поиска поселений и отдельных погребенных сооружений. Активное использование магнитных методов в археологии определяется их эффективностью, высокой производительностью и сравнительной доступностью магнитометрической аппаратуры².

В 1960-х — 1970-х гг. украинские археологи и геофизики (В. П. Дудкин, Г. Ф. Загний, В. А. Круц, О. М. Русаков и другие) использовали магниторазведку при исследовании многочисленных памятников трипольской, черняховской, гумельницкой культур (Дудкин 1970: 272; 1978; Загний, Круц, Русаков 1971: 203; Шмаглий, Дудкин, Зиньковский 1973). Особенно успешными были исследования В. П. Дудкиным трипольских поселений-гигантов. Положительные результаты этих работ побудили нас использовать метод магнитной съемки на поселении трипольской культуры Бодаки, расположенном в Тернопольской области Украины, на крайнем северо-западе ареала культуры.

Памятник был открыт в предвоенные годы А. Цинкаловским (Cyncalowski 1961: 16). Публикация этого исследователя, а так же данные других работ в Бодаках характеризовали

поселение как интересный объект развитого Триполья времени VII (IV тыс. до н.э.), относящийся к малоизученному варианту этой культуры (Попова, Черныш 1967: 23, Пелешин 1988: 16-17; Ауліх, Крушельницька, Свешников, Цигилик, Чирниш 1981: 243-244). Одной из отличительных особенностей поселения является изобилие находок из высококачественного вольтинского кремня, месторождения которого расположены в непосредственной близости (50 м) от него. Это позволило предположить наличие на поселении Бодаки кремнеобрабатывающих мастерских, поиски которых в какой-то степени предопределили цели и задачи наших раскопок.

Поселение расположено на первой надпойменной террасе р. Горынь и с юга ограничено крутым обрывом террасы. К началу раскопок в 1987 году поселение представляло собой пашню с большим количеством подъемного материала на поверхности. На его территории были предприняты поиски наиболее перспективных участков с хорошо сохранившимся культурным слоем. Для этого через все поселение в направлении север-юг был проложен нивелировочный ход, прошурфованный на некоторых участках. В дальнейшем на наиболее перспективных из них проводились раскопки, выявившие ряд жилых и хозяйственных сооружений (Скакун 1996: 19-20). Раскопки показали, что отложения культурного слоя распределены по площади памятника неравномерно и сосредоточены, в основном, в углубленных частях сооружений, где нижняя граница культурного слоя

¹ Н. Н. Скакун — Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трассологическая лаборатория.

В. А. Тарасов — Россия. 193019. Санкт-Петербург. Фаянсовая ул., 20. Всероссийский научно-исследовательский институт разведочной геофизики (ВИРГ-Рудгеофизика).

² Мы выражаем искреннюю признательность д.г.-м.н. А. А. Попову (ВИРГ-Рудгеофизика) за предоставленную возможность использования пакета программ АРМ-ВИРГ, сотруднику кафедры геофизики геологического факультета С-ПбГУ к.г.-м.н. С. Л. Жоголеву, предоставившему в наше распоряжение каппометр, к.и.н. Т. Н. Смекаловой (Физический ф-т С-ПбГУ) за помощь в организации исследований и интерес к ним и к.г.-м.н. Д. А. Амосову (ВИРГ-Рудгеофизика), который принял деятельное участие в проведении полевых исследований. Мы также признательны Российскому Гуманитарному научному фонду (РГНФ) за финансовую поддержку наших исследований в 1996 г.

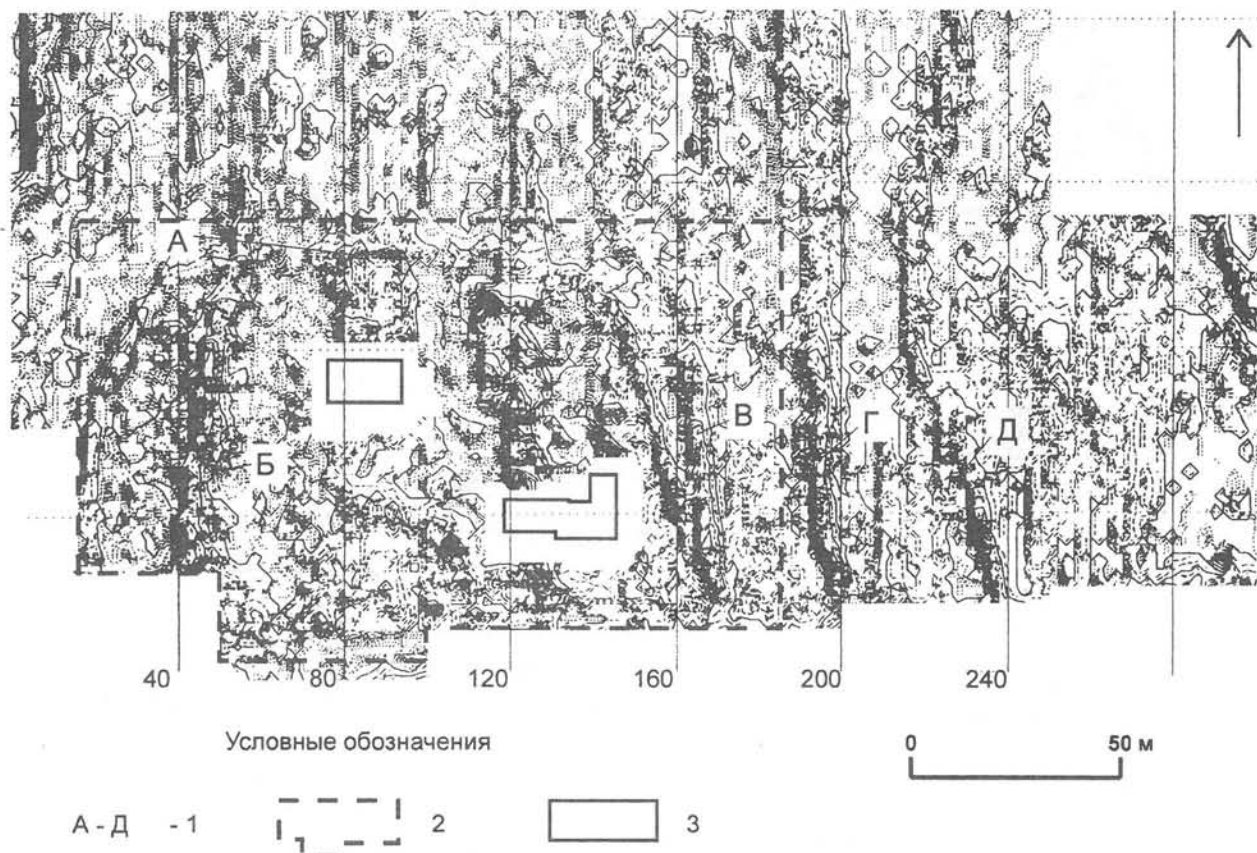

Рис. 1 План изолиний магнитного поля на поселении Трипольской культуры Бодаки. Условные обозначения: 1 - линейные аномалии; 2 - участок, представленный на рисунке 2; 3 - раскопы, существовавшие на момент магнитной съемки. Диапазон значений магнитного поля от 18 до 65 нТл, сплошные изолинии проведены через 5 нТл. Сеть измерений 2×2 м

Fig. 1 The isoline map of the magnetic field at Bodaki site of the Tripolian culture. Legend: 1 - linear anomaly; 2 - area represented at the fig. 2; 3 - trenches excavated before the magnetic survey. The magnetic field range from -18 to 65 nT full isolines in every 5 nT. The sampling density 2×2 metres.

находится на глубине до 2 м от уровня современной дневной поверхности. В междудомном пространстве материковые отложения, представленные желто-бурым суглинком, встречаются на глубине не более 35-50 см.

До начала геофизических исследований, проводившихся в 1994-1998 гг., на поселении были раскопаны три полуземлянки и несколько хозяйственных ям, однако, поскольку остатки сооружений не проявляются на поверхности, площадь поселения и его планировка не были известны. Не удавалось также найти остатки глинобитных сооружений (трипольские «площадки»), хотя на некоторых участках поверхности поселения фиксировались отдельные развалы обожженных глинобитных конструкций. Исходя из этого были сформулированы следующие задачи, которые мы предполагали решить с помощью магниторазведки и капаметрии:

- определить границы поселения и его планировку;
- определить положение отдельных археологических объектов, их размеры и форму и, возможно, отнести их к одному из известных типов сооружений (хозяйственные ямы, полуземлянки, глинобитные постройки);
- изучить стратиграфию заполнения обнаруженных объектов и выявить уровни скопления археологического материала.

Методика и техника исследований. При проведении магнитной съемки использовались магнитометры ММП-203 (протонный) и ММ-60 (цезиевый), измеряющие модуль полного вектора магнитного поля. Погрешность магнитометров составляла 1 нТл. Магнитная съемка выполнена по сети 2 × 2, реже - по сети 2 × 1 м, с детализацией в районе обнаруженных аномалий по сети 1 × 1 или 0,5 × 0,5 м. Общая площадь съемки составила около 4 гектаров.

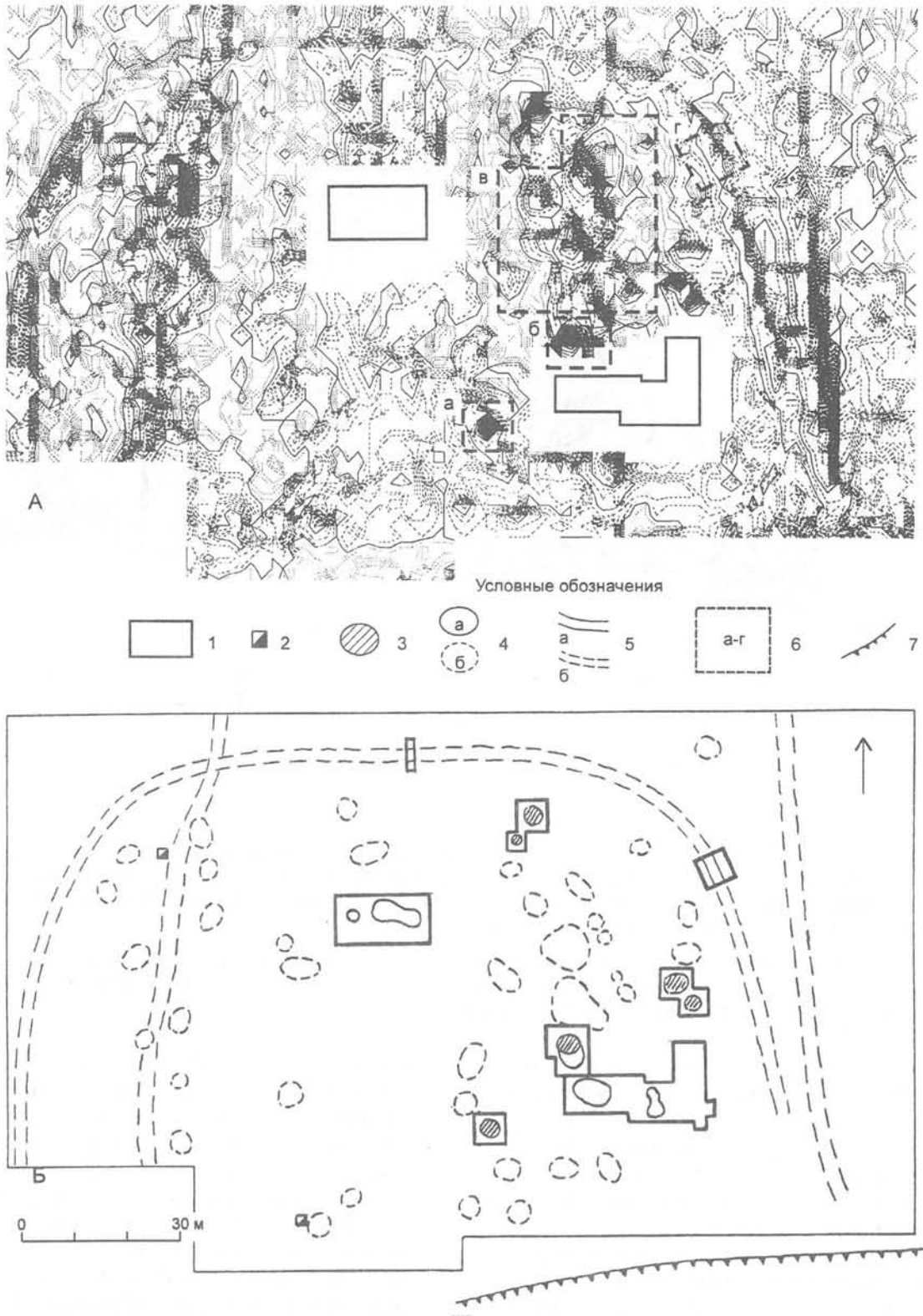

Рис. 2 Магнитная съемка поселения Бодаки. А - план изолиний магнитного поля, Б - схема расположения археологических объектов. Условные обозначения: 1 - раскопы; 2 - шурфы; 3 - остатки глинобитных сооружений; 4 - полуземлянки, хозяйственные ямы: а - раскопанные; б - предполагаемые; 5 - рвы: а - раскопанные; б - предполагаемые; 6 - участки детальных магнитных съемок (планы изолиний приведены соответственно: а - на рисунке 3; б - на рисунке 4; в - на рисунке 5; г - на рисунке 6); 7 - обрыв

Fig. 2 The magnetic survey of Bodaki site. A - the isoline map of the magnetic field, B - archaeological schematic map. Legend: 1 - trenches; 2 - sounding; 3 - remains of adobe structure; 4 - semi-pit structure and household pits: (a - excavated; b - supposed); 5 - ditches: a - excavated; b - supposed; 6 - areas of detailed magnetic survey (isoline maps of the areas are presented respectively: a - at fig. 3; b - at fig. 4; c - at fig. 5; d - at fig. 6); 7 - cliff.

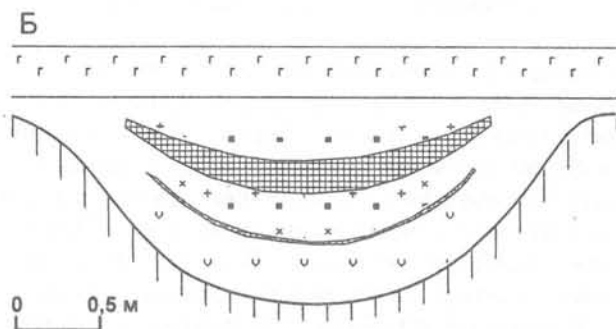
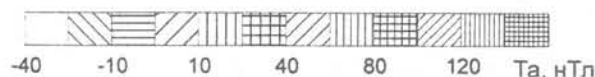
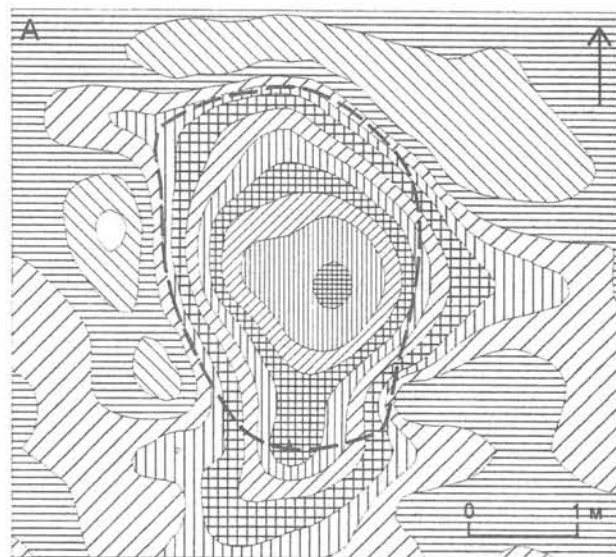
При съёмке мы применяли в основном цикловую систему наблюдений для учета вариаций магнитного поля. При обработке результатов измерений вычислены приращения модуля полного вектора магнитного поля (T_a) относительно одной из опорных точек. Средний уровень магнитного поля (T) на участке съёмки составляет около 49100 нТл. Точность съёмки оценена по 5% повторных наблюдений и составила 1 нТл.

Изображение и интерпретация данных магнитной съёмки выполнены при помощи пакетов программ АРМ-ВИРГ, разработанного д.г.-м.н. А. А. Поповым (Отдел магнитной разведки ВИРГ-Рудгеофизика), и SURFER. В программах построения изолиний пакета АРМ-ВИРГ предусмотрена возможность «подсветки» аномалий. При «подсветке» производится подштриховка аномалий с одной из сторон, перпендикулярных заданному направлению «освещения». Этот способ изображения позволяет подчеркнуть слабые аномалии (в частности, линейные), плохо различимые при обычном способе построения изолиний.

Для изучения стратиграфии выявленных по результатам магнитной съёмки археологических объектов производились поглубинные измерения магнитной восприимчивости (α) грунта. Для измерений использованы каппометры ИПК-1, (разработка кафедры геофизики геологического факультета С-ПбГУ) и ПИМВ (ГНПП «Геологоразведка»). В обоих приборах применен индукционный способ измерений, который основан на изменении индуктивных параметров датчика при внесении в его рабочую область магнитной среды. Чувствительность приборов — $1 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ.

Магнитная восприимчивость грунта измерена в основном на пробах; отдельные измерения были выполнены также в процессе раскопок, непосредственно на зачищенной поверхности грунта. Отбор проб грунта производился преимущественно в центрах аномалий магнитного поля, предположительно обусловленных археологическими объектами, с разных глубин от 0 до 140 см, с шагом 10 см, при помощи ручного бура. Измерения α измельченных проб осуществлялись непосредственно в полевых условиях. При отборе проб одновременно фиксировались данные о встреченных в пробах твердых археологических остатках (кремь, керамика, кость и т.п.) и внешних характеристиках грунта (цвет, приближенная оценка влажности).

Результаты магнитных съёмок. На рис. 1 представлен план изолиний магнитного поля на участке съёмки. В магнитном поле выделяются локальные и линейные аномалии. Наиболее отчетливо проявленные линейные

Условные обозначения

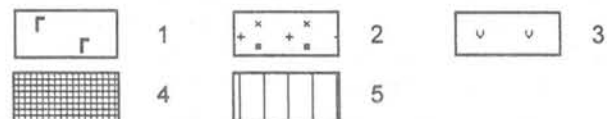

Рис. 3 Остатки глинобитного сооружения на поселении Бодаки. А - план изолиний магнитного поля (штриховой линией показан контур слоя обожженной обмазки); Б - разрез сооружения по результатам раскопок. Условные обозначения: 1 - пахотный слой почвы; 2 - слои, насыщенные археологическим материалом; 3 - слабонасыщенный слой; 4 - глиняная обмазка; 5 - материковые отложения (желтый суглинок).

Fig. 3 Pise structure remains. A - the isoline map of the magnetic field. B - cross-section of the structure. Legend: 1 - arable soil; 2 - layers saturated with archaeological finds; 3 - almost uncontaminated layer; 4 - pise 5 - ground soil (yellow loam).

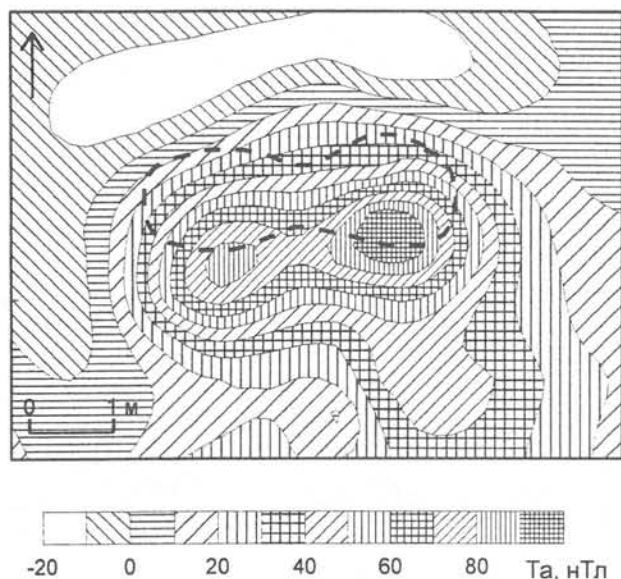

Рис. 4 План изолиний магнитного поля над сооружением с двухкамерной глинобитной печью. Штриховой линией показан контур печи

Fig. 4 Isoline map of the magnetic field at the structure with two chambers oven. Legend: outline of the oven.

аномалии обозначены на рис. 1 буквами А-Д. Аномалия, обозначенная буквой А, имеет подковообразную в плане форму. Расположение и форма аномалии позволили предположить, что она обусловлена остатками рва, прорытого для защиты поселения с напольной стороны. Остальные линейные аномалии (Б-Д) вытянуты примерно с севера на юг, поперек склона террасы.

В пределах площади, ограниченной с северной (напольной) стороны подковообразной аномалией и с южной — обрывом террасы, сосредоточено большинство локальных магнитных аномалий, обусловленных археологическими объектами. План изолиний магнитного поля этой части площади съемки представлен в более крупном масштабе на рис. 2-А. Ниже, на рис. 2-Б изображены результаты археологической интерпретации данных магнитной съемки. Магнитное поле здесь осложнено также аномалиями от двух раскопов и их отвалов, существовавших на момент съемки. Эти аномалии не отображены на плане, поскольку обусловлены только неровностями рельефа.

Локальные аномалии различны по интенсивности. Раскопки показали, что наиболее интенсивные локальные аномалии (при детальных съемках их амплитуда достигает 250 нТл) обусловлены остатками глинобитных сооружений. К настоящему времени раскопаны четыре таких сооружения. На рис. 3 изображены план изолиний аномального магнитного поля над одним из них (А) и разрез сооружения по результатам раскопок (Б). Сооружение представляет

собой углубление в материковых отложениях, пререкрытое слоем обожженной глиняной обмазки мощностью до 25 см. Измерения магнитной восприимчивости стратиграфических горизонтов остатков глинобитного сооружения, выполненные непосредственно в раскопе, показали, что наибольшей восприимчивостью характеризуется слой обожженной глиняной обмазки ($450-900 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ, по сравнению с $40-70 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ для других горизонтов), который и является основным источником аномалии магнитного поля. Контур слоя обмазки практически совпадает с линией наибольшего градиента магнитного поля, что объясняется небольшой глубиной залегания обмазки — 20-30 см. Это позволило до начала раскопок достаточно точно определить размеры и форму сооружений по данным детальных магнитных съемок.

В одном из раскопанных сооружений была обнаружена хорошо сохранившаяся двухкамерная глинобитная печь. Печь, находящаяся на глубине 70 см от поверхности, отчетливо проявилась в магнитном поле в виде двух сближенных аномалий (рис. 4).

Большинство локальных аномалий имеют амплитуду, не превышающую 15-20 нТл. На рис. 5 приведен план изолиний одного из скоплений таких аномалий в северо-восточной части поселения. Результаты бурений с измерением магнитной восприимчивости проб грунта, выполненные в эпицентрах нескольких аномалий, показали, что они обусловлены объектами типа полуземлянок или хозяйственных ям, без значительного количества обожженной глиняной обмазки в их заполнении. Обнаруженные сооружения разнообразны по размерам: от небольших хозяйственных ям до сооружений площадью 35-40 м. Сооружения имеют как изометричную, так и вытянутую в плане форму. Некоторые из объектов образованы двумя сближенными углублениями; подобные сооружения на поселении известны по результатам раскопок и названы восьмеркообразными полуземлянками. Сооружения образуют скопления, подобно изображенному на рис. 5, возможно представляющие собой единые хозяйственные комплексы.

Обнаруженный в результате магнитной съемки подковообразный ров имеет общую протяженность 250 м. Два раскопа, заложенные по результатам детальных съемок вскрыли ров на протяжении 6 м. Ширина рва в его верхней части 1,5-2 м, глубина 1,5-2 м. На рис. 6 представлен план изолиний детальной магнитной съемки одного из участков рва и его контур по результатам раскопок. Каково происхождение объектов (природное или искусственное), которые создают другие линейные аномалии, вытянутые преимущественно с севера на юг, поперек склона террасы, пока неясно.

Планиграфия поселения по результатам магнитной съемки представляется следующей: площадь поселения, ограниченного подковообразным рвом, составляет около 1,3 Га; можно выделить две основные группы остатков построек, которые расположены в западной и восточной частях поселения и вытянуты с севера на юг примерно параллельно друг другу. Пространство между ними застроено относительно меньше. Остатки глинобитных построек сосредоточены в восточной части поселения.

Магнитная стратиграфия археологических объектов. Измерения магнитной восприимчивости грунта на поселении производились для дополнительной проверки выявленных магнитных аномалий на приуроченность их к культурному слою, а не к подстилающим материковым отложениям или к верхнему пахотному слою, и с целью изучения стратиграфии культурного слоя. Измерения производились на месте скопления объектов в северо-восточной части поселения (см. рис. 5) и на некоторых участках рва.

Прежде всего, охарактеризуем разрез магнитной восприимчивости в «фоновых» точках, расположенных вне археологических объектов, (см. рис. 7-Б, график 2). Верхний слой почвы (бурый, буро-серый гумусовый горизонт) на глубинах от 0 до 30-40 см характеризуется $\approx 35-43 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ. Ниже этого горизонта в почве появляется примесь желто-бурого суглинка и почвенный разрез постепенно, в интервале глубин от 30-40 до 80-110 см переходит в подстилающий почвообразующий желто-бурый суглинок. В переходном горизонте α постепенно уменьшается до $10-14 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ, присущих суглинку. Такое изменение α с глубиной характерно для незаболоченных почв и соответствует постепенному уменьшению содержания в них гумусовых веществ.

Разрезы по магнитной восприимчивости археологических объектов существенно отличаются от разрезов «фоновых» участков. Отметим, что при этом значения α верхнего (пахотного) горизонта над археологическими объектами и в «фоновых» точках практически не отличаются друг от друга. Это объясняется, очевидно, хорошей перемешанностью пахотного слоя и может стать причиной затруднений в поиске объектов при помощи измерений α грунта по поверхности.

Заполнение локальных объектов типа полуземлянок и хозяйственных ям характеризуется значительной вертикальной неоднородностью по магнитной восприимчивости. Величина α отдельных горизонтов достигает $70-100 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ. Пример разреза полуземлянки по α приведен на рис. 7-Б, график 1.

Сопоставление характера изменения α в зависимости от глубины с распределением

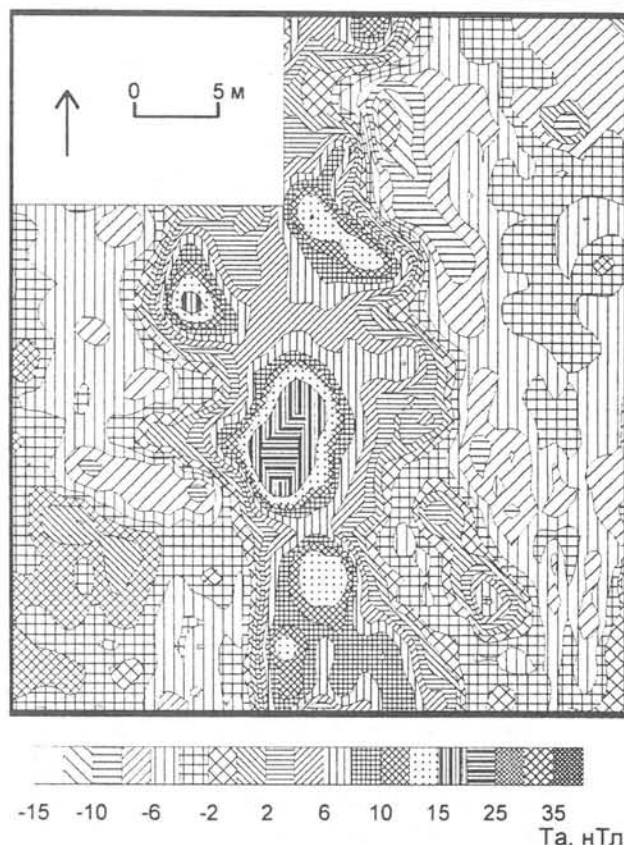

Рис. 5 План изолиний магнитного поля над скоплением объектов в северо-восточной части поселения

Fig. 5 Isoline map of the magnetic field at a group of structures in the North-Eastern area of the site.

археологического материала по разрезу заполнения показывает, что в одних случаях горизонты с повышенными значениями α отмечаются увеличением количества археологического материала в пробах, а в других — не совпадают с уровнями скопления археологического материала; таким образом, по магнитной восприимчивости в заполнении выделяются слои, не «читаемые» археологически. Так, в примере на рис. 7-Б фиксируется отчетливый максимум α в верхней части заполнения на глубине 30-60 см, а основная масса археологического материала сосредоточена в горизонте 60-110 см.

В придонной части магнитная восприимчивость большинства объектов уменьшается до $20-32 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ, при этом в пробах на этом уровне не обнаружено археологического материала и в грунте появляется примесь желтого суглинка. Подобная особенность стратиграфии заполнения отмечена и по результатам раскопок. В заполнении сооружений с прослоями глиняной обмазки зафиксировано сосредоточение материала в верхних слоях обмазки и сразу под ней, на глубине 55-90 см. Ниже этого насыщенного слоя, на глубине 95-150 см находится слой, где зафиксированы

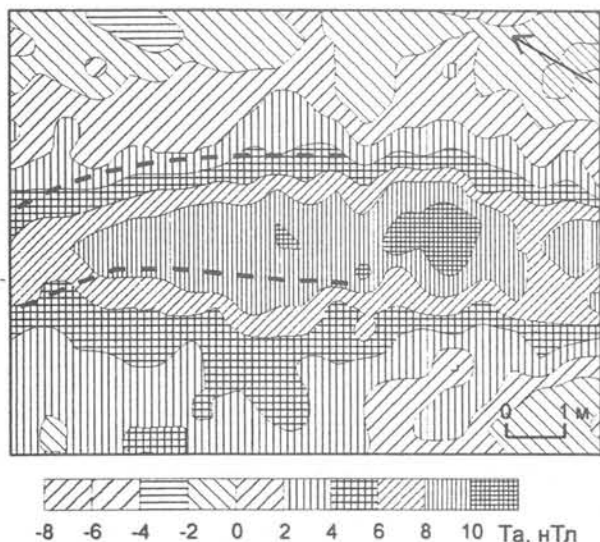

Рис. 6 План изолиний магнитного поля над северо-восточным участком рва. Штриховой линией показан контур рва по результатам раскопок

Fig. 6 Isoline map of the magnetic field at the North-Eastern part of the ditch. Legend: outline of the ditch as a result of excavations.

лишь отдельные находки, и на самом дне ямы снова наблюдается увеличение числа находок (Старкова 1998: 68-72). Измерения α выделенных слоев в одном из раскопок показали, что насыщенный находками слой непосредственно под слоем обмазки характеризуется α $65-70 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ, а нижележащий слабонасыщенный слой — $40-45 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ, что в общем соответствует результатам измерений по пробам грунта.

Заполнение рва характеризуется меньшей магнитной восприимчивостью (см. рис. 7-В,Г), чем заполнение объектов типа полуземлянок и хозяйственных ям. Магнитная восприимчивость здесь не превышает $40-46 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ, т.е. незначительно отличается от α верхнего почвенного слоя. Заполнение рва характеризуется преимущественно небольшим возрастанием α до глубины 30-50 см и затем постепенным уменьшением ее с глубиной вплоть до значений, присущих суглинку. Это уменьшение соответствует постепенному изменению цвета грунта от буро-серого к желто-бурому.

Выявленные особенности разреза археологических объектов можно объяснить, основываясь на представлениях о физико-химических процессах, приводящих к повышению магнитности рыхлых отложений культурного слоя. Эти представления, сформированные благодаря работам Ле Борна (Le Borgne 1955: 399-419; 1960: 149-195), Тайта, Мюллинза (Tite, Mullins 1971: 209-219) и других исследователей, сводятся к следующим основным положениям:

- повышенная магнитность почвы и рыхлых отложений культурного слоя объясняется присутствием в них небольшого количества сильномагнитных минералов: магнетита Fe_3O_4 и, в основном, маггемита Fe_2O_3 , которые образуются в почве и в культурном слое в результате циклов восстановления-окисления из слабомагнитных окислов и гидроокислов железа, всегда присутствующих в почве и почвообразующих породах;
- особенно благоприятствует восстановлению соединений железа до магнитных форм высокая температура, однако преобразование может происходить и при свойственных почвам температурах в присутствии органического вещества. Соответственно, существуют нагревательный и ферментативный (при гниении органики) механизмы образования сильномагнитных минералов. В обоих случаях окисляющееся органическое вещество является источником энергии, обеспечивающей процессы синтеза магнитных минералов железа.

Из этих положений следует, что величина магнитной восприимчивости качественно характеризует содержание продуктов разложения и интенсивность гниения или горения органических веществ в горизонтах культурного слоя. В свою очередь, распределение органики по разрезу углубленных частей сооружений определяется прежде всего исходным видом построек, а также процессами их разрушения и образования заполнения. Изучая распределение органических остатков в культурном слое мы можем выделить горизонты заполнения, увязанные с определенными частями исходного сооружения, и делать обоснованные предположения о процессе образования заполнения углубленных частей сооружений. При этом необходимо учитывать также данные о поглубинном распределении археологического материала в культурном слое и визуально определяемые особенности разреза.

Пример интерпретации результатов измерений магнитной восприимчивости приведен на рис. 7-А. Верхний горизонт заполнения, характеризующийся повышенной α , соответствует скоплению здесь органических остатков. Различное распределение по глубине органических остатков и археологического материала позволяет предположить, что верхний уровень заполнения образован остатками наземной части сооружения (крыши, стен), при этом сначала образовалось скопление материала на нижнем уровне заполнения, а затем произошло обрушение наземной постройки. Значительным повышением α (до $100 \cdot 10^{-5}$ ед.СИ) в придонной части заполнения с одновременным увеличением количества археологического материала,

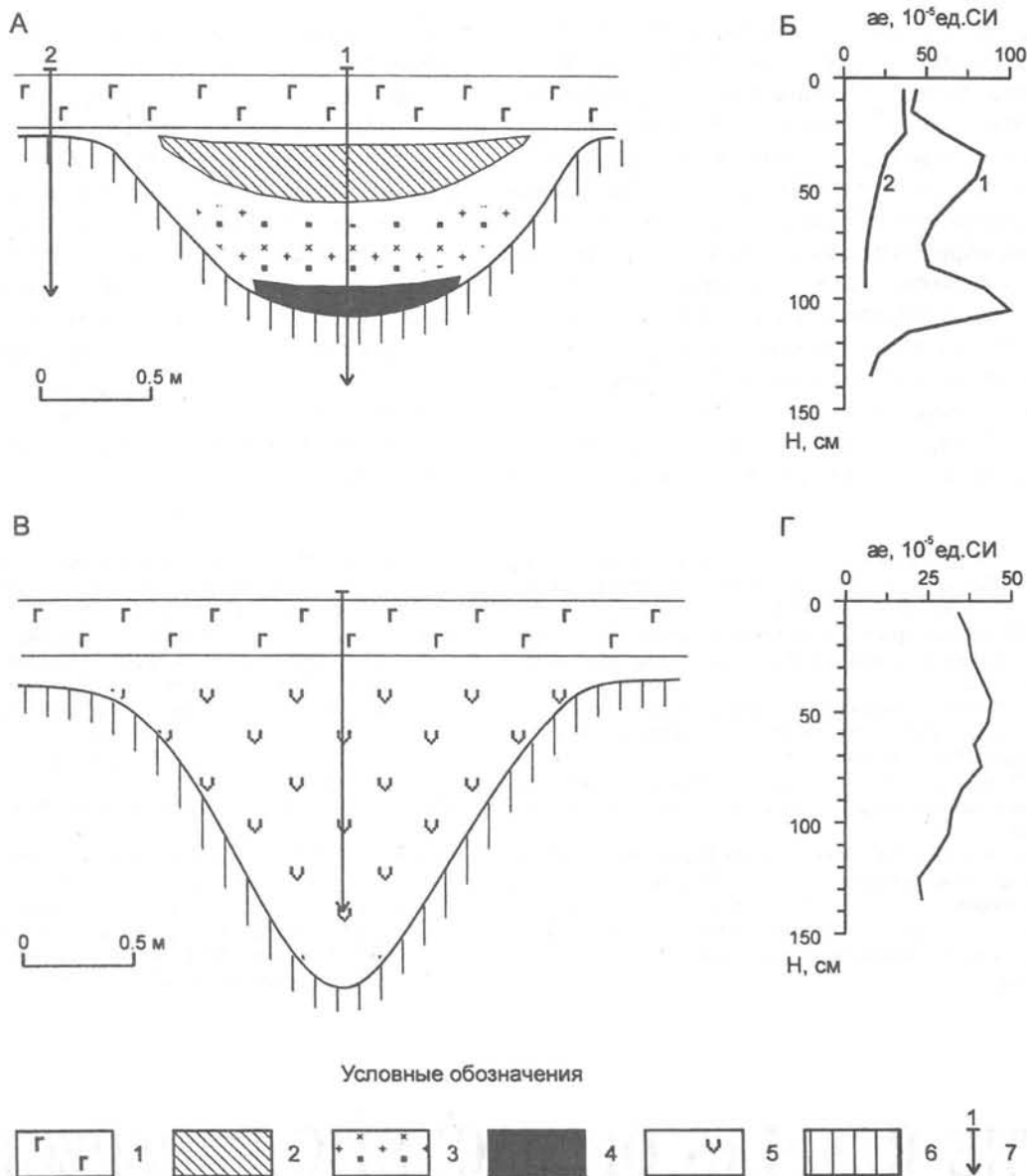

Рис. 7 Магнитная стратиграфия археологических объектов. А - разрез полуземлянки; Б - график изменения магнитной восприимчивости грунта с глубиной; В - разрез рва; Г - график изменения магнитной восприимчивости грунта с глубиной. Условные обозначения: 1 - пахотный слой почвы; 2 - слой, насыщенный гумусом; 3 - слой, насыщенный археологическим материалом; 4 - очаг; 5 - заполнение рва; 6 - материковые отложения (желтый суглинок); 7 - точки поглубинных измерений магнитной восприимчивости грунта

Fig. 7 Magnetic stratigraphy of archaeological structures. A - cross-section of a semi-pit structure. B - magnetic susceptibility vertical profiles. C - cross-section of the ditch. D - magnetic susceptibility vertical profile of the ditch. Legend: 1 - arable soil; 2 - humus layer; 3 - layers saturated with archaeological finds; 4 - hearth; 5 - infilling of the ditch; 6 - ground soil (yellow loam) 7 - points of magnetic susceptibility measurements.

очевидно, отмечается очаг, расположенный на дне углубления непосредственно на суглинке, что подтверждается также наличием здесь резкого перехода от заполнения к материковым отложениям и присутствием в пробах кусочков древесного угля. Увеличение α заполнения на этом уровне является следствием нагрева.

Заполнение рва незначительно отличается по α от верхнего почвенного слоя, при этом α

уменьшается с глубиной, и в заполнении постепенно увеличивается содержание примеси желтого суглинка. Очевидно, заполнение рва образовалось преимущественно в результате обрушения его стенок и сноса верхнего почвенного слоя, при этом значительного накопления органических остатков во рву не происходило.

Заключение. В результате применения геофизических методов были обнаружены объекты,

которые до этого на исследуемом памятнике не были известны: остатки глинобитных сооружений, печь, подковообразный ров, ограничивающий территорию поселения. Эти объекты не проявлялись на поверхности, поэтому вероятность их обнаружения шурфовкой была мала. Перед началом раскопок эти объекты были изучены более детально, обрисованы их контуры, что позволило заложить раскопы наиболее рационально и уменьшить объем земляных работ. В результате магнитной съемки получено представление об общей планировке поселения и составлена схема расположения предполагаемых объектов.

Поглубинные измерения магнитной восприимчивости грунта позволили изучить

стратиграфию заполнения археологических объектов и выявить горизонты скопления органических остатков (гумуса), которые в случае сильной степени разложивности органики трудно выделить визуально, непосредственное же определение содержания гумусовых веществ возможно только по результатам химических анализов и не всегда доступно в полевых условиях. Дальнейшие исследования культурного слоя объектов поселения с применением естественнонаучных методов анализа помогут понять процесс его формирования и создать типологию стратиграфии объектов, увязанную с различиями в их назначении.

- Ауліх В. В., Л. І. Крушельницька, І. К. Свешніков, В. Н. Цигилик, н/р О. П. Чирниш.* 1981. Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волині кам'яного віку: 243-244. Київ.
- Дудкин, В. П.* 1970. К вопросу о применении дифференциального магнитометра в археологической разведке // Советская археология 1: 272.
- Дудкин, В. П.* 1978. Геофизическая разведка крупных трипольских поселений // Использование методов естественных наук в археологии. Киев: Наукова думка.
- Загний Г. Ф., В. А. Круц, О. М. Русаков.* 1971. Опыт применения протонного магнитометра в археологии // Советская археология 3: 203.
- Пелецишин, Н. А.* 1988. Население Западной Волинии и его этнокультурные связи (середина V – середина III тысячелетия до н. э.). Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. Киев.
- Попова, Т. А., Е. К. Черныш.* 1967. Трипольское поселение у с. Бодаки // Записки Одесского археологического общества II: 23. Одесса.

- Скакун, Н. Н.* 1996. Раскопки поселения-мастерской у с. Бодаки // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронза) 1: 19-20. Донецк.
- Старкова, Е. Г.* 1998. Статистика и планиграфия керамического комплекса трипольского поселения у с. Бодаки: по материалам построек // Материалы тематической научной конференции «Поселения: среда, культура, социум»: 68-72. Санкт-Петербург.
- Шмаглий, Н. М., В. П. Дудкин, К. В. Зиньковский.* 1973. О комплексном изучении трипольских поселений // Археология 10. Киев: Наукова думка.
- Cyncalowski, A.* 1961. Materiały do prodziejow Wolyniai Polesia Wolynskiego. Warszawa.
- Le Borgne, E.* 1955. Susceptibilité magnetique anormale du sol superficiel // Annales de Geophysique 11: 399-419.
1960. Influence du feu sur les propriétés magnetiques du sol et du granite // Annales de Geophysique 16: 149-195.
- Tite, M. S., C. E. Mullins.* 1971. Enhancement of the magnetic susceptibility of soils on archaeological sites // Archaeometry 13: 209-219.

THE RESULTS OF MAGNETIC PROSPECTING AND MAGNETIC SUSCEPTIBILITY MEASUREMENTS AT THE BODAKI SITE

N. N. SKAKUN and V. A. TARASOV

The article presents results of the application of exploration geophysics to investigations at the Tripolian site Bodaki located in the Ternopol region of the Ukraine. The settlement is dated back to the Middle period of the Tripolian culture BII (IVth millennium).

The area of the settlement is a tillage now, so the archaeological structures are buried and show no indications at the surface. Magnetometer surveys and magnetic susceptibility measurements were carried out to determine the settlement's borders

and its general plan and to find separate archaeological structures. Remains of pise buildings (the so-called «ploshchadcas») typical of the known Tripolian settlements but not found until now was a special interest.

Proton and cesium magnetometers were used in the surveys with a sampling density 2 m in an area of about 4 ha. Magnetic anomalies were studied in detail. Portable susceptimeters were used to study soil samples taken by a drill. The magnetic survey data were processed and interpreted, using a soft-

ware packages ARM-VIRG, developed by Dr. A. A. Popov (VIRG-Rudgeofizika) and SURFER.

As a result the main part of the settlement was outlined, where the most of local magnetic anomalies caused by archaeological objects concentrated. A 250 m long ditch like a horseshoe limited the settlement in the North was found. Building remains make groups in two lines, approximately stretching N-S. There are less structures in the center of the settlement than at its borders. Excavations showed that the most intensive local magnetometer anomalies (up to 250 nT) are caused by pise building's remains. Four pise building's remains have been

excavated during that season. Its look like pits filled with soil and archaeological material and covered with burnt clay layers. In one of the buildings a two chamber oven was found distinctly seen in magnetometer survey results like two anomalies located close to each other.

Most of the anomalies caused by semi-pit buildings and household pits are not higher than 15-20 nT. Magnetic susceptibility measurements of the soil samples from the different horizons of the pits allowed to study stratigraphy of the objects and distinguish horizons, most saturated with organic remains and archaeological material.

БОГАТОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА АЛТЫН-ДЕПЕ

Л. Б. КИРЧО¹

В октябре 1998 г. международной группой исследователей производилась съёмка нового топографического плана поселения эпохи энеолита – средней бронзы Алтын-депе в Южном Туркменистане – одного из двух крупнейших памятников раннегородской цивилизации Средней Азии (Массон 1981). Работы проводились итальянскими и российскими археологами при участии туркменской стороны в рамках двусторонних соглашений о совместных научных исследованиях между Институтом Африки и Востока (Рим), ИИМК РАН (Санкт-Петербург) и Туркменским государственным университетом (Кирчо 1999: 458-459).

Во время обследования поверхности поселения в западной части Алтын-депе, на пологом наружном склоне холма жилых кварталов была обнаружена небольшая современная грабительская яма, возле которой были собраны обломки трёх керамических сосудов и мелкие фрагменты раздавленных металлических предметов. Поверхностная зачистка выявила на протяжении 1,5 м грань стены, идущей в направлении северо-запад – юго-восток. К этой грани в северной части под прямым углом примыкала сырцовая кладка, образующая небольшое возвышение – своеобразную «полочку», которая была повреждена грабительской ямой. Остатки сырцовых кирпичей прослежены и к юго-востоку от возвышения, что позволило проследить остатки прямоугольной сырцовой обкладки, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток и имевшей внутри ширину около 1 м и длину не менее 1,3 м. На зачищенной площади размерами приблизительно 2 × 2 м следы костей обнаружены в двух местах – рядом с возвышением, к юго-востоку от него и в 1,35 м к югу от внутреннего угла, образованного гранями северо-восточной стены и возвышения.

Для захоронений Алтын-депе эпохи бронзы в основном характерны ориентировка головой на северо-запад и положение тела погребенного либо скорченное, на правом боку, либо

на спине с подогнутыми ногами. И в том, и в другом случае наиболее высоко по вертикали расположены голова и колени. Судя по всему, обнаруженные следы костей – это остатки черепа и коленного сочленения, а весь скелет лежал несколько глубже. Таким образом, можно предположить, что внутри сырцовой обкладки находились остатки тела погребенного, ориентированного головой на северо-запад, лежавшего с согнутыми в коленях ногами. В связи с тем, что скелетные остатки остались практически неповрежденными, а исследовательская группа не располагала необходимым инструментарием, консервационными материалами и, главное, временем для полноценного изучения объекта, дальнейшая расчистка погребения не производилась.

Зачистка дна грабительской ямы показала, что на возвышении стояли два небольших сосуда – сохранились отпечатки их нижних частей. Третий сосуд (плоское блюдо) находился чуть выше и лежал косо, почти на боку, так что часть его возвышалась над современной поверхностью и была разрушена дефляцией, что, видимо, и привлекло внимание грабителей. Металлические предметы находились рядом с сосудами и часть из них, возможно, лежала в плетёной корзинке или на циновке. По крайней мере, отпечатки плетёнки из органического материала прослежены на зеркале.

В состав сохранившейся части инвентаря² предполагаемого захоронения входили два светлоглиняных керамических сосуда – кубок и горшочек (рис. 1: 1, 2). Третий сосуд – серое чёрнополированное блюдо (рис. 1: 3), скорее всего, не имел прямого отношения к погребению. Однако этот сосуд чрезвычайно интересен, так как блюда типичны для среднего и позднего этапов развития комплекса светлоглиняной керамики периода Намазга V на Алтын-депе (Удеумуратов 1993: 45, тип IX, рис. 16, 1, 2, 4, 5), но до сих пор совершенно неизвестны в комплексе сероглиняной керамики, более характерной для эпохи поздней

¹Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

²К сожалению, мы не можем быть уверены, что какие-то предметы, показавшиеся более ценными, не были унесены грабителями.

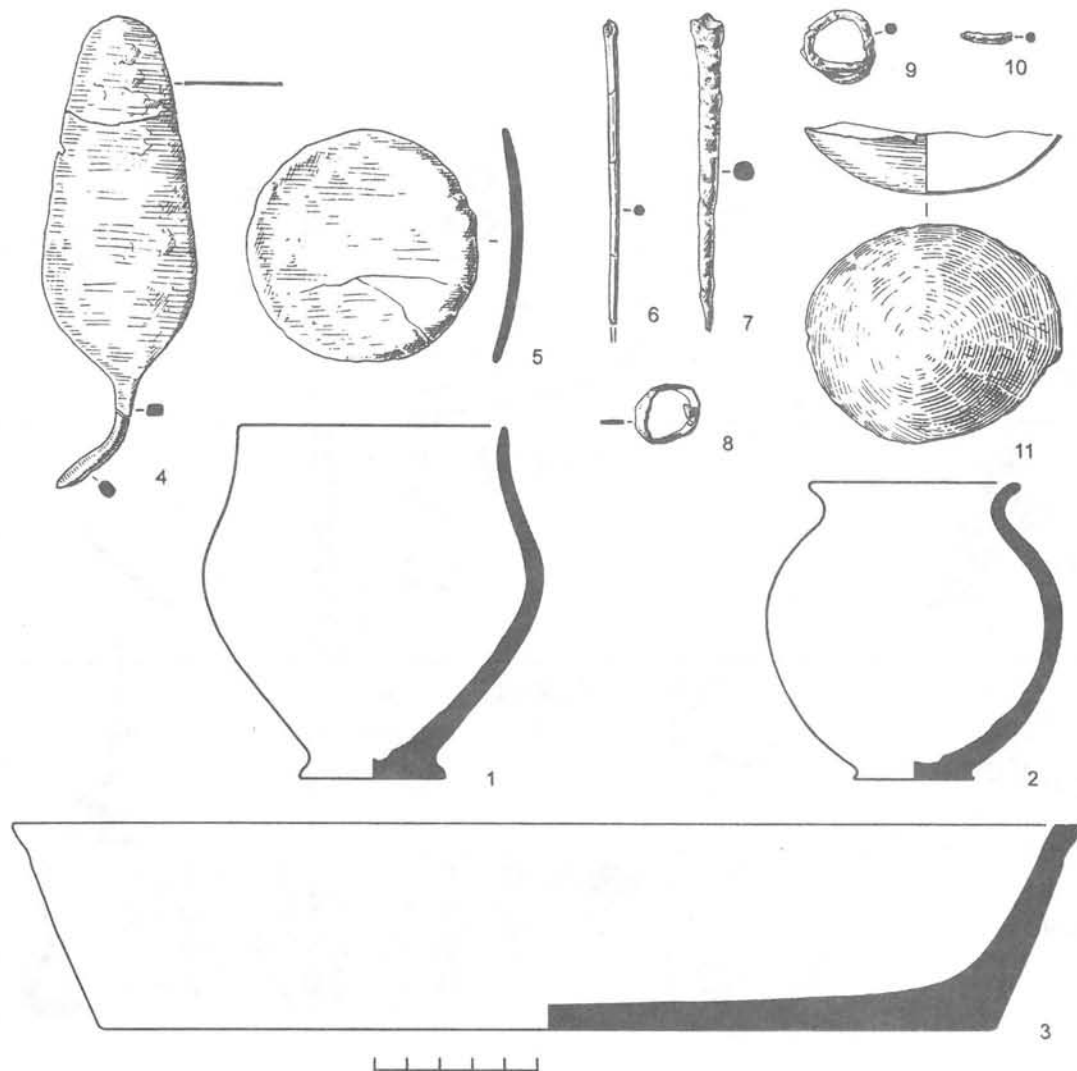

Рис. 1 Алтын-депе. Инвентарь погребения, найденный в 1998 г.: 1-3 — керамические кубок, горшок и блюдо; металлические предметы: 4 — «лопаточка», 5 — зеркало, 6 — игла, 7 — булавка, 8 — обойма, 9, 10 — наконсники, 11 — чашечка.

Fig. 1 Altyn-Depe. The grave goods found in 1998: 1-3 — ceramic beaker, pot and plate; metal objects: 4 — «shovel», 5 — mirror, 6 — needle, 7 — pin, 8 — casing, 9 and 10 — pendants hair-rings, 11 — small cup.

бронзы. А зеркальная полировка наружной поверхности блюда вообще не имеет аналогий. Мы считаем, что этот сосуд по технологическим особенностям и деталям формы (выделенный венчик и прочерченное углубление на плоской поверхности венчика) относится к финальному комплексу керамики эпохи средней бронзы Алтын-депе. Подчеркнём, что он перекрывал инвентарь предполагаемого погребения.

Металлические предметы представлены: «лопаточкой» с плоским лезвием и угольщенным черенком (длина лезвия — 11 см, ширина — 4,8 см, длина черенка — 3 см; рис. 1: 4); круглым, чуть вогнутым, сильно деформированным зеркалом (диаметр — 7,2 см; рис. 1: 5); иглой с ушком (длина — 9,5 см; рис. 1: 6); булавкой с обломанным

навершием (длина — 10 см; рис. 1: 7), овальным сосудом-чашечкой (7,8 × 7 см, высота — 1,9 см; рис. 1: 11); остатками двух наконсников, свёрнутых в 1,5 оборота из проволоки (один целый, диаметром 2,5 см и обломок другого; рис. 1: 9, 10) и обоймочкой в виде плоского кольца с заклёпкой внутри (диаметр — 1,7 см, ширина — 0,7 см; рис. 1: 8). «Лопаточка» и булавка изготовлены из мышьяковистой бронзы (As = 1,1%), зеркало — из свинцово-мышьяковой (Pb = 0,6%, As = 6,3%), а игла — из свинцовистого серебра (Ag = 88%; Pb = 2,1%).

Этот инвентарь, а также другие, отмеченные выше признаки предполагаемого захоронения находят прямые аналогии среди богатых¹ захоронений финального этапа средней бронзы как

¹По разработанным для эпохи бронзы Южного Туркменистана критериям к богатым погребениям относятся захоронения, в инвентаре которых представлено три и более категории предметов. Учитывая же особую ценность металла, захоронения с инвентарем, в состав которого входило несколько металлических предметов, можно отнести к очень богатым.

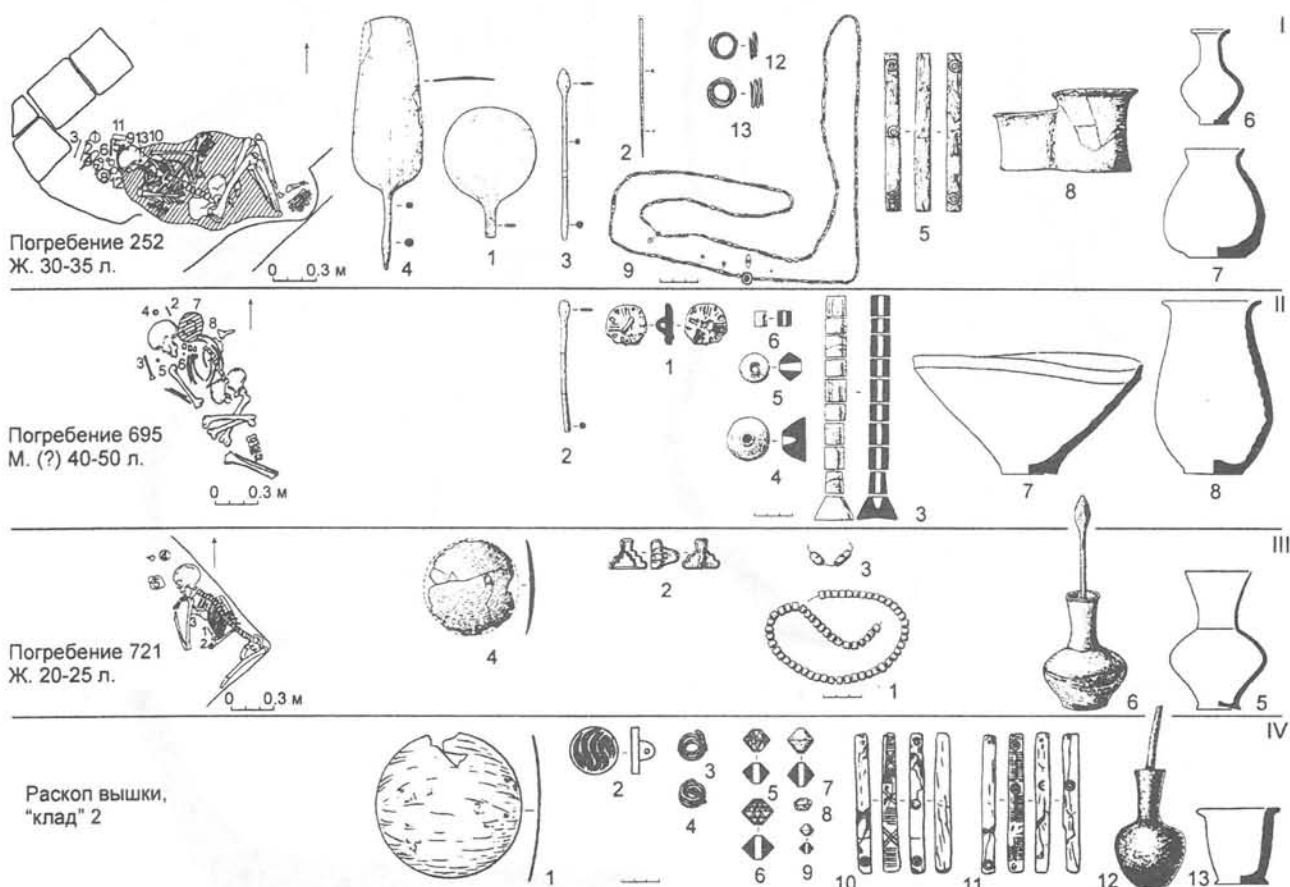

Рис. 2 Алтын-депе. Богатые захоронения эпохи средней бронзы с металлическими предметами.

I — погребение 252 (1-4, 12, 13 — металл; 5 — слоновая кость; 6, 7 — керамика; 8, 9 — камень): 1 — зеркало; 2 — игла; 3 — косметический стержень; 4 — лопаточка; 5 — палочка с кружковым орнаментом; 6 — флакон; 7 — горшочек; 8 — двойной туалетный сосуд; 9 — бусы и бисер (остатки расшитого головного убора); 12, 13 — наконсники.

II — погребение 695 (1, 2 — металл; 3-6 — камень; 7, 8 — керамика): 1 — печать; 2 — косметический стержень; 3 — «жезл»; 4 — «навершие»; 5, 6 — бусы; 7 — миска; 8 — кубок.

III — погребение 721 (1 — искусственный? материал; 2, 4 — металл; 3 — камень; 5 — керамика; 6 — металл и керамика): 1, 3 — бусы; 2 — печать; 4 — зеркало; 5 — горшковидный сосуд; 6 — косметический флакон с вставленным внутри стержнем.

IV — так называемый «клад 2» из раскопа «вышки» (1, 3, 4, 12 — металл; 2 — камень?; 5-7, 9 — камень; 8 — раковина; 10, 11 — слоновая кость; 13 — фаянс?): 1 — зеркало; 2 — печать; 3, 4 — наконсники; 5-7 — бусы-пряслица; 8-9 — бусы; 10, 11 — палочки с резным орнаментом; 12 — косметический флакон с вставленным внутри стержнем; 13 — туалетный сосуд.

Fig. 2 Altyn-Depe. Rich graves of the Middle Bronze Age containing metal objects.

I — grave 252 (1-4, 12, 13 — metal; 5 — ivory; 6, 7 — pottery; 8, 9 — stone): 1 — mirror; 2 — needle; 3 — cosmetic rod; 4 — shovel; 5 — a stick ornamented with circles; 6 — small flask; 7 — small pot; 8 — double toilet vessel; 9 — necklace beads and beads from an embroidered headband; 12, 13 — hair-rings.

II — grave 695 (1, 2 — metal; 3-6 — stone; 7, 8 — pottery): 1 — seal; 2 — cosmetic rod; 3 — «mace»; 4 — «pin head»; 5, 6 — beads; 7 — bowl; 8 — beaker.

III — grave 721 (1 — artificial? material; 2, 4 — metal; 3 — stone; 5 — pottery; 6 — metal and ceramics): 1, 3 — beads; 2 — seal; 4 — mirror; 5 — a potlike vessel; 6 — a cosmetic flask with a rod inside.

IV — the so-called «hoard 2» from the «tower» excavation (1, 3, 4, 12 — metal; 2 — stone?; 5-7, 9 — stone; 8 — shell; 10, 11 — ivory; 13 — faience?): 1 — mirror; 2 — seal; 3, 4 — hair-rings; 5-7 — beads-spindlewhorls; 8, 9 — a cosmetic flask with a rod inserted inside; 13 — toilet vessel.

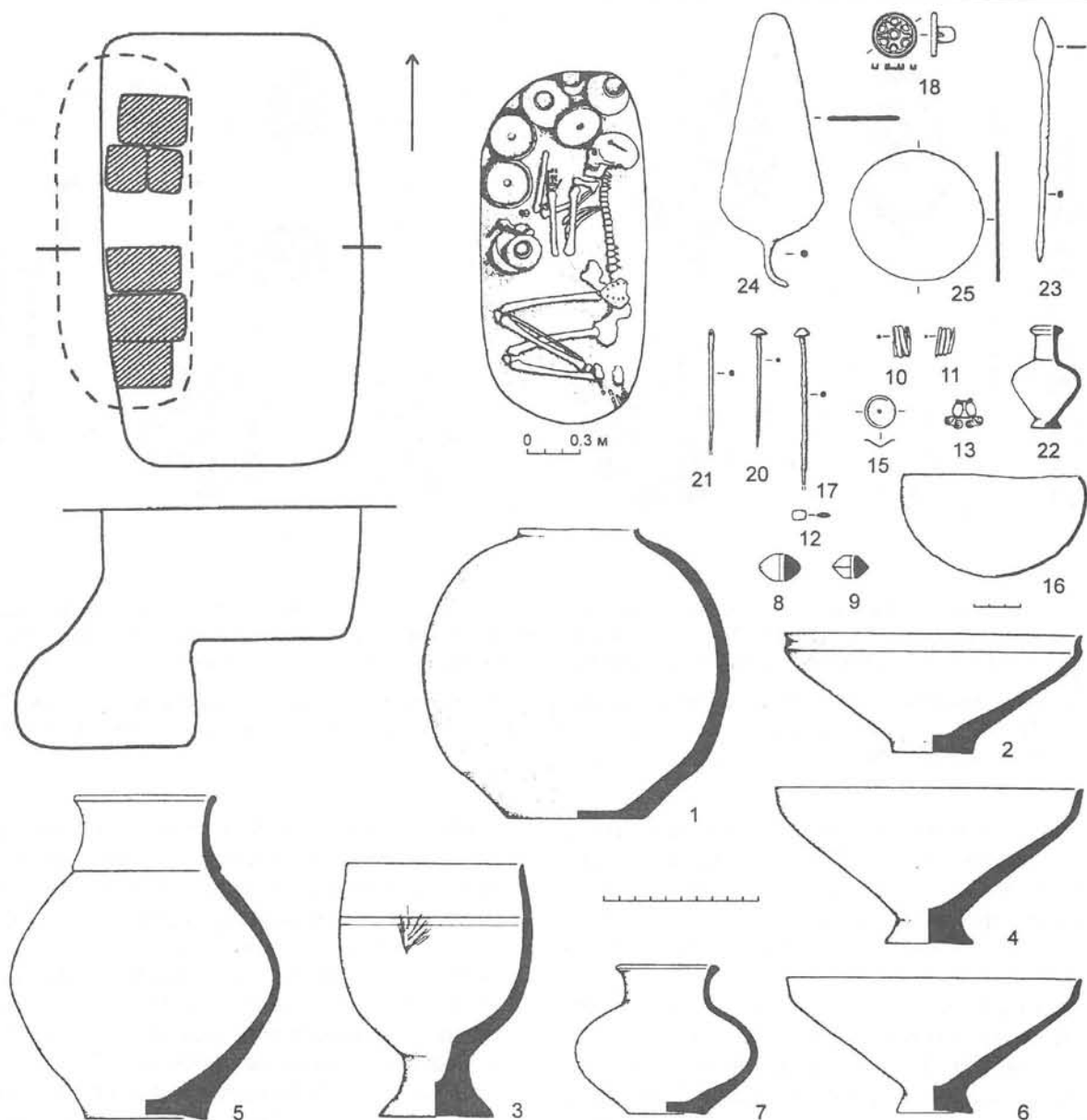

Рис. 3 Северный Гонур-депе, погребение 37 (по: Salvatori 1994: 19, 20, fig. 9, 10, 11)¹; 1–7 – керамика; 8, 9, 12 – камень; 10–13, 15–18, 20–25 – металл: 1 – хумча; 2, 4, 6 – миски; 3 – кубок на ножке; 5 – горшковидный сосуд; 7 – горшок; 8, 9 – бусины-пряслица; 10, 11 – наконечники; 12 – бусина; 13 – часть ожерелья; 15 – коническая бляшка; 16 – чаша; 17, 20 – булавки; 18 – печать; 21 – игла; 22 – косметический флакон; 23 – косметический стержень; 24 – «лопаточка»; 25 – зеркало.

Fig. 3 North Gonur-Depe, grave 37 (after: Salvatori 1994: 19, 20, fig. 9, 10, 11)²; 1–7 – pottery; 8, 9, 12 – stone; 10–13, 15–18, 20–25 – metal: 1 – khumcha (a storage jar); 2, 4, 6 – bowls; 3 – stemmed beaker; 5 – potlike vessel; 7 – pot; 8, 9 – beads-spindlewhorls; 10, 11 – hair-rings; 12 – a bead; 13 – part of a necklace; 15 – conical pendant; 16 – cup; 17, 20 – pins; 18 – seal; 21 – needle; 22 – cosmetic flask; 23 – cosmetic rod; 24 – «shovel»; 25 – mirror.

на самом Алтын-депе, так и на памятниках долины Мургаба – Тахтабазарском могильнике (Удеумурадов 1993: 71–80; рис. 4) и могильнике Северного Гонур-депе (Salvatori 1993; 1994; 1995). Для этих захоронений характерно размещение инвентаря вокруг головы погребенного

(рис. 2, 3), за исключением украшений и печатей, которые находились на теле.

На Алтын-депе такие погребения найдены либо на поверхности поселения (погребение 252), либо в самой верхней части заполнения помещений раскопа 9 (погребения 695, 721).

¹Нумерация предметов соответствует нумерации сделанного автором описания инвентаря погребения.

²The numbering of the funerary inventory items coincides with that in the original publication.

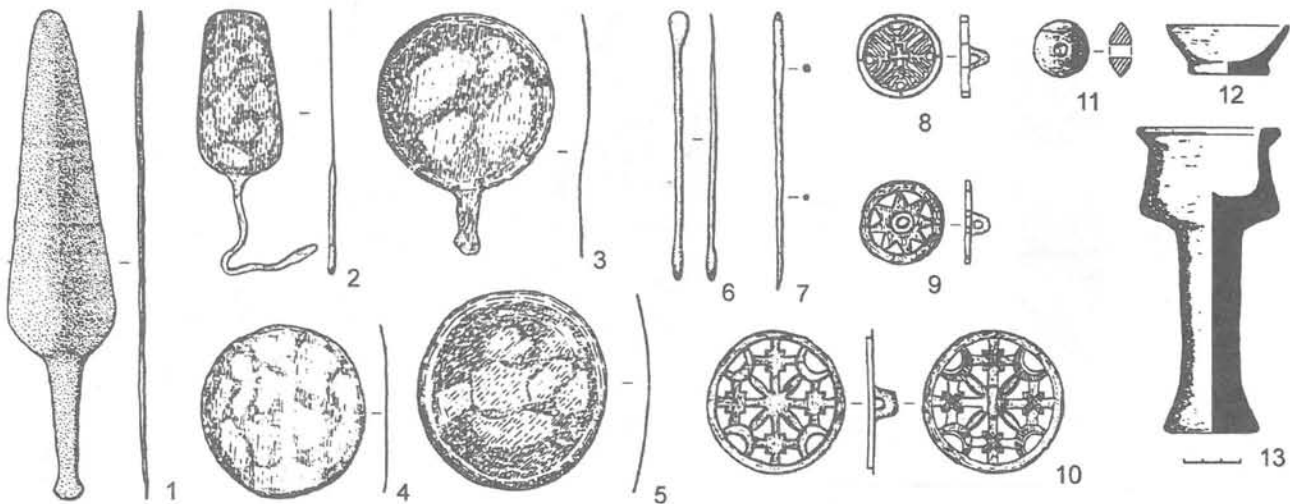

Рис. 4 Могильник Тахтабазар, металлические (1–10) и каменные (11–13) предметы из погребений (по: Удеумуратов 1993: рис. 32–34): 1 – нож-кинжал; 2 – «лопаточка»; 3–5 – зеркала; 6 – косметический стержень; 7 – булавка (игла?); 8–10 – печати; 11 – бусина-пряслице; 12 – чашечка; 13 – кубок на ножке.

Fig. 4 Takhtabazar necropolis, metal (1–10) and stone (11–13) artifacts from the graves (after: Udeumuradov 1993: fig. 32–34); 1 – knife-dagger; 2 – «shovel»; 3–5 – mirrors; 6 – cosmetic rod; 7 – pin (needle?); 8–10 – seals; 11 – bead-spindlewhorl; 12 – small cup; 13 – stemmed beaker.

Наиболее близки по составу инвентаря захоронению, найденному в 1998 г., женские погребения 252 («лопаточка», зеркало с ручкой, наконечники и серебряная игла; рис. 2, I: 1, 2, 4, 12, 13) и погребение 721 (зеркало; рис. 2, III: 4) Алтын-депе, а также погребение 37 Северного Гонур-депе (лопаточка, зеркало, игла, наконечники, металлическая чашечка; рис. 3: 10, 11, 16, 21, 24, 25). В эту же группу входят так называемый «клад 2» на раскопе вышки Алтын-депе (зеркало, наконечники; рис. 2, IV: 1, 3, 4), предметы из которого теперь уверенно могут быть отнесены к инвентарю разрушенного захоронения, и погребение 9 Тахтабазарского могильника (зеркало, «лопаточка»; рис. 4: 2)¹.

Основные типы металлических предметов из богатых захоронений Южной Туркмении (зеркала, наконечники, булавки, иглы и т. д.) находят близкие параллели в материалах памятников Ирана (Гиссар III, Шахдад, Шахри-Сохте). Однако так называемые «лопаточки» характерны только для южнотуркменистанских комплексов периода средней бронзы².

Предварительный анализ керамического материала показывает, что для погребений

могильников долины Мургаба, расположенных за пределами поселений, характерно большое количество сосудов, включая и крупные сосуды для хранения запасов (в погребении 37 Северного Гонур-депе найдено 7, а в погребении 9 могильника Тахтабазар – 10 керамических сосудов), в то время как на Алтын-депе в таких индивидуальных захоронениях представлено обычно по 2 небольших керамических сосуда. Для могильника Северного Гонур-депе характерно и наличие чернолощёной керамики в комплексах захоронений (так, в частности, в погребении 37 представлен чернолощённый горшок; рис. 3: 7).

Кубок и горшочек, найденные в 1998 г., по своим типологическим особенностям (простые формы венчиков, отсутствие дополнительной формовки дна сосудов – на дне видны следы среза с гончарного круга) могут быть отнесены к среднему этапу комплекса времени Намазга V.

В то время как, например, кубок из захоронения 695 (функционально, видимо, аналогичный найденному в 1998 г.) имеет более вытянутые стройные пропорции, оттянутый наружу венчик и плоское доформованное дно (рис. 2, II: 8). В состав инвентаря этого погребения

¹На рис. 4 даны все опубликованные предметы из могильника Тахтабазар. К сожалению, в подписях под рисунками в публикации не указано, какие именно предметы и сосуды найдены в женском погребении 9, а какие происходят из других захоронений. Автор раскопок указал только количественный и качественный состав инвентаря. Так, в погребении 9 найдены: 10 керамических сосудов, металлические зеркало, печать, булавка (косметический стержень) и «лопатка», а также 9 бус из пасты и камня (Удеумуратов 1993: 74, табл. 9).

²Только для Южной Туркмении характерны и косметические стержни с утолщением на конце (оформление конца стержня очень близко оформлению черенка «лопаточки»), однако косметические стержни представлены в материалах Южного Туркменистана, начиная с конца периода среднего энеолита (геоксюрский комплекс).

входит изящная миска с низким бортиком и дополнительно оформленным дном (рис. 2, II: 7), а также единственная на Алтын-депе печать со сквозным орнаментом (рис. 2, II: 1). И миска, и кубок, и техника изготовления печати полностью аналогичны материалам Северного Гонур-депе. Чуть более поздними, чем инвентарь погребения 1998 г., выглядят также флакон и зеркало с ручкой из погребения 252 (рис. 2, I: 1, 6).

Кирчо, Л. Б. 1999. Новое обследование Алтын-депе // Археологические Вести 6: 458-459.

Массон, В. М. 1981. Алтын-депе // Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции XVIII. Ленинград: Наука.

Удеумурадов, Б. Н. 1993. Алтын-депе и Маргиана: связи, хронология, происхождение. Ашгабат: Ылым.

Salvatori, S. 1993. The Discovery of the Graveyard of Gonur-depe I (Murghab Delta Turkmenistan): 1992 Campaign Preliminary Report // Rivista di Archeologia XVII: 5-13.

Таким образом, учитывая состав и типологические особенности найденных предметов, а также то, что комплекс вещей был перекрыт блюдом, относящимся к финальному этапу развития комплекса времени Намазга V, можно считать, что в 1998 г. на Алтын-депе было найдено богатое женское захоронение среднего этапа эпохи средней бронзы (конец III тыс. до н. э.).

1994. Excavation at the Namazga V Late Graveyard of Gonur-depe I (Murghab Delta Turkmenistan): Preliminary Report of the 1993 season // Rivista di Archeologia XVIII: 14-39.

1995. Gonur-depe I (Murghab Delta Turkmenistan). The Middle Bronze Age Graveyard: Preliminary Report of the 1994 Excavation Campaign // Rivista di Archeologia XIX: 5-37.

A RICH BURIAL OF THE MIDDLE BRONZE AGE AT ALTYN-DEPE

L. B. KIRCHO

In October, 1998, an international team carried out new topographical survey at Altyn-Depe — site of the Aeneolithic and Middle Bronze Ages in southern Turkmenistan — one of the most significant sites of the early urban civilisation in Central Asia (Массон 1981). The investigations were fulfilled by Italian and Russian archaeologists with participation of Turkmenian colleagues within the framework of bilateral agreements on co-operative scientific studies between The Institute of Africa and the East (Rome), IIMK RAS (St.-Petersbourg) and the Turkmenian State University (Кирчо 1999: 458-459).

During the investigation of the surface at the western area of Altyn-Depe a modern robber's trench was found close to which fragments of three ceramic vessels and smaller fragments of crushed metal objects were gathered. Surface uncovered remains of a rectangular mud-brick wall-lining oriented northwest — southeast with the inner width of about 1 m and length of at least 1.3 m. Inside the walled area traces of bones were found in two places.

In general, an orientation of the deceased with head to northwest and either a contracted position on the right side or on the back with flexed legs are characteristic for the Bronze-Age burials at Altyn-

Depe. In both cases the head and knees are located vertically the highest. Apparently, the bone traces revealed were the remains of the skull and knee-joint while the skeleton was lying somewhat lower. Thus, one may suppose that surrounded by the mud-brick wall there were remains of a deceased oriented with his head to the northwest and lying with his legs flexed in knees.

Cleaning of the floor of the robber's trench showed that there had been two small vessels standing on a raised platform — the imprints of its lower parts were preserved. Slightly higher there was a third vessel (flat plate) lying obliquely — almost on its side — so that some part of it had been raised above the surface and destroyed by deflation thus evidently having attracted the attention of the robbers. The metal objects were near the vessels and its possibly had been lying in a wicker basket or on a mat. The imprints of an organic wicker could be traced in the surface cut.

The preserved part of the supposed grave inventory included a buff ware goblet and a small pot (fig. 1: 1, 2). The grey black-polished dish (fig. 1: 3) possibly was not directly connected with the burial. Such are typical to the middle and late phases of the development of the ceramic complex

dating to Namazga V period at Altyn-Depe (Удеумурадов 1993: 45, type IX, fig. 16, 1, 2, 4, 5) but they are still unknown in the complex of grey ware more typical for the Late Bronze Age. According to its technological peculiarities and shape particulars the belongs to the final ceramic complex dating to the Middle Bronze Age at Altyn-Depe.

The metal objects included a «shovel» with a flat blade and a thickened shaft (fig. 1: 4); a round and slightly concave mirror badly deformed (fig. 1: 5); an eyed needle (fig. 1: 6); a pin with its broken top (fig. 1: 7); an ovoid small cup (fig. 1: 11); remains of two pendants hair-rings of wire turned with 1.5 twists (fig. 1: 9, 10) and a clip shaped like a flat ring with a rivet inside (fig. 1: 8). The «shovel» and pin are made of arsenical bronze (1.1% of As), the mirror is of lead and arsenic one (Pb = 0,6%, As = 6,3%), and the needle of lead-containing silver (Ag = 88%; Pb = 2,1%).

These objects as well as the others mentioned features of the supposed burial find direct parallels among rich graves dating to the final period of the Bronze Age both at Altyn-Depe proper and at sites in the Murghab Vale: the Takhtabazar cemetery (Удеумурадов 1993: 71-80; fig. 4) and at the cemetery of Gonur-Depe (Salvatori 1993; 1994; 1995). The location of the goods around the head of the deceased is typical to those graves (fig. 2, 3) with the exception of adornments and seals which were placed on the body.

Similar burials have been found either on the surface at Altyn-Depe (grave 252) or in the uppermost part of the room fillings in Excavation 9 (graves 695, 721). The closest to the burial discovered in 1998 in terms of the composition of its grave inventories are graves no. 252 (fig. 2, I: 1, 2, 4, 12, 13) and no. 721 (fig. 2, III: 4) at Altyn-Depe, as well as grave 37 at Gonur-Depe North (fig. 3: 10, 11, 16, 21, 24, 25). This group includes also the so-called «hoard 2» found on the Tower Mound at Altyn-Depe (fig. 2, IV: 1, 3, 4) which contained objects now doubtless attributed to a destroyed grave, and the grave 9 at Takhtabazar cemetery (fig. 4: 2).

The main types of metal objects from rich burials in southern Turkmenia (mirrors, hair-rings, pins, needles, *etc.*) have found close parallels among materials from different sites in Iran (Hisar III, Shakhdad, Shahr-i Sokhta). However, the so-called «shovels», are peculiar only to the South-Turkmenian complexes dating to the middle Bronze Age.

The consideration of the ceramic materials showed that to the burials in the Murghab Valley a great number of pottery types including large vessels for storing are common while at Altyn-Depe, in similar individual graves, usually only two rather small ceramic vessels are represented. In addition, to the cemetery of Gonur-Depe North also the presence of black-polished pottery in the burial sets is typical (fig. 3: 7).

According to typological features the goblet and small pot may be assigned to the middle stage of the complex of Namazga V period. The goblet from grave 695 (evidently similar in functionality to the one found in 1998) has slenderer proportions, an turned out rim and a flat additionally shaped bottom (fig. 2, II: 8). The grave goods from that burial included a bowl with a low wall and additionally shaped bottom (fig. 2, II: 7) and the single seal with a perforated decoration found at Altyn-Depe (fig. 2, II: 1). Both the bowl and goblet, as well as the manufacturing technique of the seal, are completely similar to the materials from Gonur-Depe North. The flask and the mirror with handle from grave 252 (fig. 2, I: 1, 6) seem slightly later than the grave goods found in 1998.

Thus, taking into consideration the composition and typological features as well as the fact that the set of goods was covered with a dish belonging to the final stage of the development of the complex of Namazga V period, we may assume that it was a rich woman's grave dating to the middle Bronze Age (the end of 3rd millennium B.C.)

СТАДИЯ III В МЕРГАРЕ (ПАКИСТАН): ЕЕ ОСОБЕННОСТИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ С ПАМЯТНИКАМИ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

А. САМЗУН¹

Если для эпохи бронзы и последующих периодов связи Средней Азии, в особенности южного Туркменистана, с Белуджистаном твердо установлены, то для предшествующей эпохи — раннего энеолита — контакты между обеими территориями до сих пор не были выявлены с достаточной надежностью.

В данной работе мы не будем вновь обосновывать необходимость выделения раннеэнеолитической стадии III в Мергаре, поскольку соответствующие материалы уже публиковались в различных докладах и статьях (Samzun 1988: 125-133; Samzun, Sellier 1985: 91-119). Мы лишь вкратце напомним об этих материалах, причем основное внимание будет уделено керамике.

Мергар, расположенный на равнине Качи, близ устья ущелья Болан в Белуджистане, раскапывался в течение одиннадцати полевых сезонов. На самом деле это группа перекрывающих друг друга поселений общей площадью более 200 га. Крупномасштабные раскопки, проводившиеся французской археологической экспедицией во главе с Ж.-Ф. Жаррижем совместно с археологической службой Пакистана, выявили культурные отложения, охватывающие как минимум 5000 лет — от VIII до III тыс. до н.э. Участок, соответствующий стадии III, занимает около 100 га. Эта стадия следует за докерамическим и протокерамическим неолитом и датируется от начала V до самого начала IV тыс. до н.э.

Раскопками за период с 1977 по 1985 гг. на участке Мергар III было выявлено несколько типов сырцовый застройки. Обнаружена, в частности, крупная зона, занятая группами построек разного назначения. Некоторые из них разделены на отсеки и использовались в качестве складов. Раскопаны также жилой квартал с небольшими помещениями без четкой планировки, гончарный квартал с керамическими печами, ремесленные кварталы, где

обрабатывались полудрагоценные камни, ракушки и выплавлялся металл, а также крупный могильник с множеством плотно расположенных индивидуальных погребений и одним коллективным захоронением, раскопанным лишь частично.

Однако лишь с помощью керамики, которая с самого начала раннеэнеолитической стадии становится очень обильной, удалось установить и в дальнейшем уточнить периодизацию стадии III, которую мы разделили на три фазы. В первой фазе (IIIА) существенно увеличивается количество керамики по сравнению с предшествующей стадией (Мергар II — керамический неолит) и, кроме того, появляется расписная керамика. Мотивы росписи довольно однообразны — пересекающиеся линии и пятна, не имеющие определенной локализации на поверхности сосудов и никогда не образующие рядов (рис. 1). Самый сложный орнамент для этой фазы — квадрат из пересекающихся линий с концентрическими окружностями по углам.

Фаза IIIВ резко отличается от предшествующей по характеру росписи: с этого времени начинается развитие зооморфных и геометрических мотивов. Репертуар зооморфных образов пока невелик — лишь птицы и козлы. В одном случае встречено изображение фантастического животного с козлиными рогами и птичьими ногами. Техника росписи, стиль и динамика рисунка свидетельствуют о высоком мастерстве. Геометрические мотивы становятся разнообразнее. Примером могут служить розетки, у которых ветви оканчиваются точками — аналогичный орнамент был отмечен У. Ферсервисом в долине Кветта в Белуджистане (Fairservis 1956: 169-402). Довольно часты геометрические фигуры, иногда в различных сочетаниях, иногда дополненные зооморфными мотивами (рис. 2). Таким образом, роспись становится более сложной и изощренной.

¹Laboratoire CNRS: Protohistoire européenne UMR Archéologies - Maison de l'archéologie et de l'ethnologie - 21, allée de l'Université - 92023 Nanterre cedex, France.

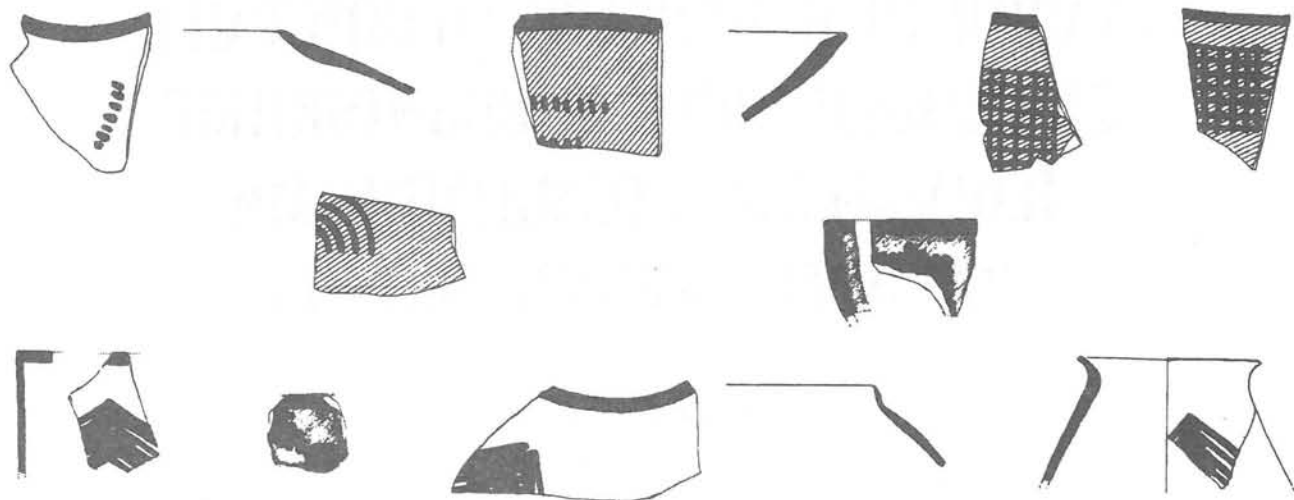

Рис. 1 Керамика Мергара (период III, фаза 1).

Fig. 1 Characteristic pottery from Mehrgarh, period III, phase 1.

В поздней фазе (Мергар IIIС) керамика очень обильна; впрочем, для этой фазы выявлен гончарный квартал с керамическими печами, чем и объясняется резкое возрастание количества посуды. Доля росписных сосудов увеличивается до 40% по сравнению с 20% для фазы IIIА и 30% для фазы IIIВ. Некоторые мотивы сохраняются, тогда как другие полностью исчезают либо трансформируются. Это относится, в частности, к изображениям козлов: изолированные изображения, связанные с геометрическими фигурами, больше не встречаются. Теперь они выстраиваются в ряды, иногда очень плотно расположенные (некоторые сжаты почти до неразличимости). Отдельные геометрические мотивы, вероятно, являются стилизованными изображениями козлов, например, горизонтальная черта, пересеченная несколькими вертикальными штрихами, а также свастика и, возможно, ряды рогов, отмеченные Б. де Карди на керамике Тогау А. Кроме того, в фазе IIIС впервые появляются антропоморфные образы («танцоры»).

Геометрическая роспись на некоторых сосудах выполнена более тщательно по сравнению с предшествующими фазами. Интересно, что некоторые мотивы как бы предвосхищают те, которые получают широкое распространение на белуджистанской керамике более поздних стадий. Это относится, в частности, к узору из цветов, украшающему внутреннюю поверхность крупных тарелок или блюд. Кроме того, в самом конце стадии III проявляется тенденция к двухцветности (естественный цвет глины чередуется с красной краской).

Следует, однако, отметить, что если не считать трансформации и возрастания числа мотивов росписи на протяжении стадии III, в целом керамический комплекс сохраняет значительное

единообразие в технологическом отношении и явно представляет местную традицию. Около 70% керамики изготовлено на круге, глина тонко отмучена, цвет сосудов обычно желтоватый, иногда красноватый или оранжевый. С самого раннего времени сосуды часто покрывали яркокрасным ангобом, а орнамент всегда выполнен коричневой краской. На этой стадии появляются личные клейма гончаров (впрочем, лишь изредка).

Если не считать самого конца раннеэнеолитического периода, формы сосудов довольно однообразны — в основном большие открытые чаши, горшки разных размеров и сосуды баночной формы. В поздней фазе отмечено две необычные формы: одна из них — горшочек с отверстием в дне и крышкой из битума, другая — сосуд украшенный росписным и резным орнаментом типа аска, напоминающий раковину. Назначение этих сосудов неизвестно.

Кухонная посуда также довольно однообразна. Впрочем, на протяжении стадии III в ней прослеживаются некоторые изменения. В частности, типичные для первых двух фаз сосуды с отпечатками плетенки в поздней фазе полностью исчезают. В фазе IIIВ появляются сосуды, украшенные рядами пальцевых вдавлений. Они изготовливались и в фазе IIIС, а затем исчезли.

Прочие изделия из терракоты многочисленны и разнообразны. Их количество возрастает по сравнению с предшествующими периодами. Обнаружено множество глиняных фигурок животных, как обожженных, так и необожженных. Особенно обильны они в гончарном квартале, где их, по-видимому, обжигали. Фигурки изображают овец, коз и зебу. В фазе IIIС их часто покрывали росписью. Рога и загривок, как правило, тщательно моделированы. Крайняя редкость антропоморфных статуэток на этой

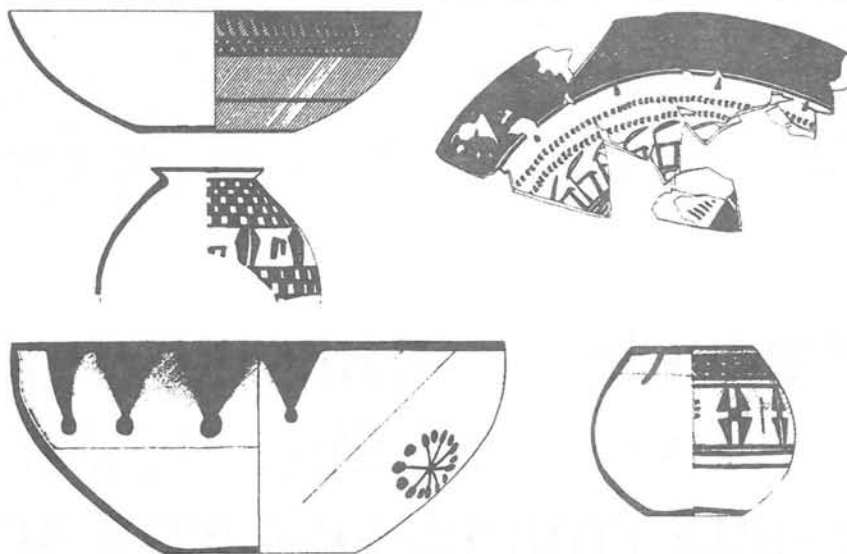

Рис. 2 Керамика Мергара (период III, фаза 2).

Fig. 2 Characteristic pottery from Mehrgarh, period III, phase 2.

стадии (найдена всего одна) пока не поддается удовлетворительному объяснению, поскольку в неолите (стадии I и II) такие статуэтки довольно часты, и то же относится к эпохе, следующей за стадией III. Встречено много глиняных шаров, покрытых резным узором, а также несколько «погремушек» с росписным, резным, а иногда и с обоими типами орнамента. Некоторые из этих предметов обожжены, другие — нет. Как они использовались — неясно, так как сравнимый материал отсутствует.

Важной отличительной чертой энеолита Белуджистана является появление керамики, сделанной на круге, а также расписной. Такая керамика уже была известна благодаря разведочным исследованиям и раскопкам, проведенным в 50-х гг. У. Ферсервисом и Б. де Карди (De Cardì 1965: 86-182), в частности в долине Кветта и округе Калат. Однако выделение стадии Мергар III позволило связать керамику равнинных районов с той, которая была найдена в горных долинах, а также упростить схему керамического комплекса (предшествующая схема создавала впечатление нескольких не связанных между собой энеолитических культур).

Таким образом, стадия III в Мергаре характеризуется существенным технологическим прогрессом, причем наиболее важным явлением следует считать высокую степень специализации ремесел. Возможные параллели относятся к восточному Ирану (Сиалк I и II), Афганистану (Мундигак I, 1-3) и Средней Азии.

Характеристика керамики раннеэнеолитических поселений южного Туркменистана (Намазга I и II) и ее сопоставление с керамикой Белуджистана. Период Намазга I, охватывавший, согласно И. Н. Хлопину (Хлопин 1965),

большой отрезок времени (видимо, целиком V тыс. до н.э.), до сих пор недостаточно изучен, несмотря на множество раскопанных поселений. Период Намазга II, вероятно, датируется первой половиной IV тыс. до н.э. На протяжении этих двух периодов формы сосудов остаются довольно однообразными (преобладают большие открытые чаши). Керамика изготовлялась вручную, гончарный круг появляется лишь в конце периода Намазга III.

Что касается росписи среднеазиатской керамики, то можно выделить общие с Белуджистаном геометрические мотивы (треугольники, ромбы, круги), в особенности узор из двух рядов треугольников, обращенных основаниями один к другому («орнамент типа Кветта»). В зооморфных изображениях, которые, впрочем, довольно редки до эпохи Намазга III, также обнаруживаются параллели с синхронными поселениями Белуджистана (ряды козлов, птицы, в частности орел, также появляющийся на стадии Мергар IIIС, в сочетании с геометрическими узорами, а также одно антропоморфное изображение из Ялангач-депе). Цветочный и растительный орнамент в раннеэнеолитическом Белуджистане редок, но часто встречается в южном Туркменистане.

Краткий обзор этих двух керамических комплексов позволяет заметить общие мотивы в орнаментации среднеазиатской и белуджистанской керамики. Белуджистан, видимо, был более развитым районом, поскольку керамика тут изготовлялась на круге. Дальнейшие исследования и раскопки в обеих все еще недостаточно изученных областях позволят получить более точное представление и о периодизации, и о возможных связях между обеими территориями в V тыс. до н.э.

- Хлопин, И. Н. 1965. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Ленинград: Наука.
- De Cardi, B. 1965. Excavations and Reconnaissance in Kalat, West Pakistan. The prehistoric Sequence in the Surab Region // Pakistan Archaeology 2: 86-182.
- Fairservis, W. 1956. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History 45: 169-402.

- Samzun, A. 1988. Le ceramique chalcolithique de Mehrgarh III et ses relations avec celle de l'Asie Centrale // Memoires de la Mission Archeologique francaise en Asie Centrale. Tome I. L'Asie Centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines a l'Age du Fer. Actes du colloque franco-sovietique: 125-133. Paris.
- Samsun, A., P. Sellier. 1985. First anthropological and cultural evidences for the funerary practices of the chalcolithic population of Mehrgarh // Taddei M. (Ed.). South Asian Archaeology 1983: 91-119.

THE PERIOD III OF MEHRGARH. PAKISTAN. OBSERVATIONS OF ITS CHARACTERISTICS AND POSSIBLE COMPARISONS WITH SITES OF SOUTHERN TURKMENISTAN

A. SAMZUN

If relations and interactions have been clearly related and evidenced between Central Asia and particularly Southern Turkmenistan and Baluchistan, during the Bronze Age period and later periods, the situation is different concerning more ancient stages (Early Chalcolithic) for which contacts between the two areas have not been clearly evidenced.

Mehrgarh in Baluchistan, in Kachi plain, at the foot of the Bolan Pass, has been excavated during eleven seasons and represents in fact a cluster of overlapping sites spread over an area of more than two hundred hectares. The excavations carried out in a large scale by the French Archaeological Mission directed by J.-F. Jarrige and in collaboration with the Department of Archaeology of Pakistan, had allowed to establish a chronological sequence covering at least five millenia from the eighth to the third millenium B.C.. The area corresponding to period III extends over one hundred hectares. This third stage follows the aceramic and proto-ceramic Neolithic and is dated from the main part of the fifth millenium and the very beginning of the fourth.

From 1977 to 1985, excavations in Mehrgarh III area had led us to reveal different types of remains, such as mud-brick architectures, consisting of a large area with clusters of compartmented buildings, which were used as storage units, a quarter of dwelling houses, whose rooms were not very large and not regularly laid-out, a potters kiln sector, specialized craftsmanship areas connected with the work of semi-precious stones, sea-shell and

metallurgy, as well as a large graveyard showing an important density of individual burials and one collective burial only partly excavated.

Nevertheless, this is mainly with the help of ceramic which very abundant, right from the beginning of Early Chalcolithic in Mehrgarh, that we refined and established a proper chronology of period III. Therefore, we subdivided it in three phases. For the first one, phase IIIA, it has been noticed a rather important increasing of the ceramic, compared with the previous stage at Mehrgarh (period II, ceramic Neolithic) and the presence of painted ceramic. However, the motifs are not varied, consisting of criss-crossed lines, spots, painted on any part of the vase and never included into V registers (fig. 1). The most elaborated ornament for this phase consists of a square made of criss-crossed lines and having at each angle of it, concentric lines.

During the phase IIIB, it is particularly in the field of the decoration and iconographic themes, that the improvements of the potters are the most striking: this is the beginning and the development of both, figurative and geometrical motifs.

There are many examples of various geometrical figures often combined together and/or with figurative themes (fig. 2) to give more complex and elaborated designs. For the last phase, Mehrgarh IIIC, it seems that pottery is produced in large quantities (but we evidenced for this stage the potters working area including the kilns, which obviously provided a much bigger quantity of sherds): proportionally, more vases are decorated (about 40% of the production, and only 20% for period IIIA and about

30% for the phase IIIB). If a few motifs subsist, some of them totally disappear, change and evolve.

Other samples have geometrical motifs which are more delicately painted than in the previous phases. It is also interesting to notice that some of the decorations show a sort of prefiguration of themes which will be frequent in the following periods of Baluchistan. For example, the floral motif decorating the inside base of large plates or dishes. Moreover, we find at the very end of period III, the tendency to bichromy, which consists of alternating the colour of the paste and the usual red paint.

Nevertheless, it is noteworthy to stress that, except the evolution and increase of the iconographic themes throughout period III, this ceramic is, from the beginning of it, as far as the technology is concerned, remarkably homogeneous and seem obviously to belong to local tradition. About 70% of the pottery is wheel-turned, the texture of the paste is very fine, often of buff colour but also reddish or orange. From the beginning too, the vases are often covered with a bright red slip and the motifs are always painted in brown colour. The potters marks appear also during this period, though not very often.

Except at the very end of the Early Chalcolithic, the shapes of the vases are not various and mainly consist of large open bowls, of pots of various sizes, and jars. Moreover, for the last phase, two exceptional vases were found, the former is a pot of small size, whose base has been perforated and closed with a lid of bitumen, the latter is a conch-shell like painted and incised vase of type «Askos»: the use of these objects is unknown.

The domestic coarse ware is as well homogeneous, even if there are some changes throughout period III: for instance, the basket marked ware is typical from the first two phases but totally disappear after. The proto wet ware (a type of ceramic with friezes of digital imprints made on a wet paste) appears in phase IIIB, continues in phase IIIC, but does not exist any more for the following periods in Mehrgarh.

The other artifacts in terracotta are the most numerous and various and compared with previous periods at Mehrgarh, there is an increasing production of clay items. The animal figurines are present in good number, baked and unbaked and were particularly numerous in the potters kilns area, where they were probably baked. They mainly consist of sheep, goats, and zebus. In phase IIIC, they are often painted and parts like horns and humps are, in most of the cases, carefully made.

Therefore, the extreme scarcity of the human figurine for this period (only one recovered) is difficult to explain, since anthropomorphic figurines were not rare in Mehrgarh during Neolithic periods I and II and were quite numerous after the third period. Also in baked or unbaked clay, a good deal of balls incised on the surface and several «rattles», painted and incised, sometimes both, have been evidenced. Due to the lack of possible comparisons, it is difficult to explain the use of such objects.

Thus, the third period of Mehrgarh is characterised by significant technological changes and the most important aspect is probably the high degree of specialisation of craftsmanship. Possible comparisons can be made with the sites of Eastern Iran (Sialk I and II), Mundigak in Afghanistan (Mundigak, 1, 1-3) but also with those of Central Asia.

Characteristics of the ceramic of the Early Chalcolithic settlements of Southern Turkmenia (Namazga I and II) and comparisons with the pottery of Baluchistan. The Namazga I period, which took place during a long time, according to I. N. Khlopin (Хлопин 1965), probably during the whole fifth millenium B.C. is still badly known, in spite of many surveyed sites corresponding to this period. The Namazga II phase would be contemporaneous to the first half of the fourth millenium. For these two stages, shapes of the vases are not various with large open bowls. The ceramic is hand made and the wheel turn only occurs at the end of Namazga III.

As far as iconographic themes and decorations on the ceramic of the settlements of Central Asia are concerned, we can evidence a common repertory of geometrical designs (triangles, losanges, circles) and in particular, the occurrence of the motif consisting in two friezes of triangles whose base is opposed (the «Quetta» design). The figurative motifs, though rather rare before the Namazga III period, show similarities with the contemporaneous sites of Baluchistan: friezes of caprids, birds with the motif of the eagle (which also appears in period Mehrgarh IIIC), associated with geometrical motifs, as well as one example of anthropomorphic design at Yalangach-Depe. Floral and vegetal designs are rarely represented in Baluchistan during the Early Chalcolithic, but frequently met in Southern Turkmenia.

This rapid summary of the ceramic of these two cultural clusters allows to notice a common catalogue of decorations on the ceramic between Central Asia and the Baluchistan and probably a technological advance in Baluchistan where the pottery is wheel turned.

«... ОН ПРИВЯЗАЛ К БЕДРУ КИНЖАЛ...» (об одном из способов ношения клинкового оружия)

В. А. КИСЕЛЬ¹

Существует громадная научная литература, посвященная дворцовым рельефам Персеполя V в. до н. э. В ней подробно рассмотрено как общее композиционное построение памятника, так и отдельные художественные элементы. Однако до сих пор недостаточно исследованы детали костюмов персонажей, в частности, то, как воины располагали на себе оружие. Одним из наиболее интересных способов ношения является прикрепление короткого меча — акинака к поясу и бедру одновременно. Как показано на рельефах, ножны акинаков одним ремешком, продетым через боковую лопасть у устья, подвешивались к поясу, а другим, охватывающим бутероль, — привязывались над коленом (Ghirshman 1964: ill. 228, 231, 232, 240, 254, 255, 258, 259).

Подобный способ ношения клинкового оружия запечатлен не только на персепольских рельефах, но и на других памятниках ахеменидского искусства — рельефе гробницы Пайава из Ликии (Горелик 1985: табл. IV: 1-3), серебряном ритоне из Эребуни (Луконин 1977: ил. на с. 72, 76), золотых пластинах Амударьинского клада (Зеймаль 1979: кат. 48; Горелик 1985: табл. IV: 2), бронзовой фигурке всадника (Collon 1995: Fig. 187), костяной пластине из Суз (Горелик 1993: табл. X: 1-5, 18, 19) (рис. 1: 1-3). Все перечисленные изображения вооруженных людей с привязанными к бедру мечами воспроизводят представителей населения Ирана и Средней Азии VI-IV вв. до н.э., где, по-видимому, это расположение оружия было особенно популярно.

На сегодняшний день среди специалистов не существует единого мнения о происхождении такого приема ношения мечей и кинжалов. Одни считают, что он мог зародиться только в кочевнической среде, аргументируя это стремлением избежать ударов ножами по ноге всадника (Кубарев 1981: 52; Кубарев 1987: 65). Другие называют его «персидским», подразумевая иранское происхождение (Мелюкова 1964: 63). Третьи, занимая более осторожную позицию

и не делая окончательных выводов, указывают на наиболее широкое бытование данного способа у кочевников-саков, подчеркивают широкое распространение его у оседлых народов Ирана и Средней Азии. Возражая против приоритета кочевников, они обращают внимание на то, что у всадника отсутствует необходимость привязывать ножны, даже в случае, когда те хлопают по боку коня, так как «скользко-нибудь выезжанную» лошадь это не побеспокоит (Горелик 1993: 22).

Для решения вопроса о времени и месте появления рассматриваемого способа ношения клинкового оружия требуется комплексно изучить все имеющиеся данные. Предварить анализ следует несколькими наблюдениями.

Как справедливо замечают авторы популярного издания, посвященного типологическому описанию боевых ножей и исследованию их применения, «свободное, без значительных усилий извлечение клинка — обязательное условие успешного применения боевого ножа в рукопашной схватке. На определенном уровне подготовки побеждает тот, кто способен быстрее привести оружие в боевое положение». Иллюстрирующим примером служат поединки североамериканских «ганфайтеров» (Жук, Жук 1998: 125), которые, как известно, привязывали кобуру кольца к бедру, что давало возможность извлекать оружие одной рукой без помощи другой руки. По-видимому, это было основной причиной и для крепления ножен мечей и кинжалов к ноге.

Согласно распространенной точке зрения, подобным образом могло носиться только клинковое оружие, не длиннее 55-60 см (Мелюкова 1964: 63). На самом деле привязываемый меч может превышать данные параметры, если соблюдается условие, что обвязка не располагается ниже колена. Правда, оружие значительной длины гораздо труднее извлекать. Однако это не останавливало воинов древности. Судя по археологическим находкам с Южного Урала (костяной скульптуре всадника из Филипповского кургана второй половины

¹Россия. 199034. Санкт-Петербург. Университетская наб., 3. Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН. Отдел учета и хранения.

Рис. 1 Изображения колюще-рубящего оружия: 1 — золотая пластина, Амударьинский клад, Средняя Азия, V в. до н.э. (?). (по Collon 1995: Fig. 147); 2 — рельеф, Персеполь, Иран, V в. до н.э. (по Луконин 1977: 75, илл.); 3 — фрагмент серебряного ритона, Эребуни, Закавказье, V в. до н.э. (по Луконин 1977: 72, илл.); 4 — рельеф, Нимруд-Даг, Малая Азия, середина I в. до н.э. (по Фрай 1977: 94, илл.); 5 — костяная статуэтка, Филипповский курган, Южный Урал, вторая половина V-IV в. до н.э. (по Пшеничнюк 1988: 193, илл.); 6, 7 — бронзовые фигурки, Сапоговский клад, Южный Урал, III в. до н.э. (?) (по Зуев 1993: рис. 1, 2); 8 — изваяние, Устюрт, Западный Казахстан, IV-III вв. до н.э. (по Zuev, Ismagilov 1994: рис. 1); 9 — изваяние, с. Александровское, Северный Кавказ, конец VII — первая половина VI в. до н.э.; 10 — изваяние, Северный Кавказ, конец VII — середина VI в. до н.э.; 11 — изваяние, д. Виноградовка, Северное Причерноморье, вторая половина VI — начало V в. до н.э. (по Ольховский, Евдокимов 1994: ил. 6: № 8, ил. 76: № 127, ил. 77: № 128).

Fig. 1 Representations of thrust and cut weapons: 1 — gold plate, the Amu-Darya hoard, Central Asia, 5th century B.C. (?) (after Collon 1995: Fig. 147); 2 — relief, Persepolis, Iran, 5th century B.C. (after Луконин 1977: 75, ill.); 3 — fragment of a silver rhyton, Erebuni, Transcaucasia, 5th century B.C. (after Луконин 1977: 72, ill.); 4 — relief, Nimrud-Dag, Asia Minor, middle of the 1st century B.C. (after Фрай 1977: fig. 94); 5 — bone figurine, the Fillipovskiy kurgan, South Ural, second half of the 5th-4th century B.C. (after Пшеничнюк 1988: 193, ill.); 6, 7 — bronze figurines, the Sapogovskiy hoard, South Ural, 3rd century B.C. (?) (after Зуев 1993: fig. 1, 2); 8 — sculpture, Ustyurt, Western Kazakhstan, 4th-3rd century B.C. (after Zuev, Ismagilov 1994: fig. 1); 9 — sculpture, v. Aleksandrovskoe, Northern Caucasus, late 7th — first half of the 6th century B.C.; 10 — sculpture, Northern Caucasus, late 7th — middle of the 6th century B.C.; 11 — sculpture, v. Vinogradovka, the northern Black Sea area, second half of the 6th — beginning of the 5th century B.C. (after Ольховский, Евдокимов 1994: plate 6: no. 8, plate 76: no. 127, plate 77: no. 128).

V-IV вв. до н.э. и бронзовых фигурках Сапоговского клада сарматского времени), мечи, привязанные к бедрам воинов, иногда спускались до голени, то есть достигали длины не менее 70-80 см (Пшеничнюк 1988: рис. на с. 193; Зуев 1993: рис. 1) (рис. 1: 5,6)¹.

Отметим, что при привязывании ножен нет острой необходимости подвешивать их к поясу, достаточно того, чтобы крепление было двойным — возле паха и над коленом. Например, таким способом крепились ножи у сармат (сапоговские фигурки и каменные изваяния с плато Устюрт) (Zuyev, Ismagilov 1994: 55, рис. 1), парфян (бронзовая пряжка в виде фигуры всадника) (Collon 1995: Fig. 159), персов времен династии Сасанидов (рельеф из Пальмиры, серебряные блюда) (Seuring 1937: Pl. I; Хазанов 1971: табл. XVI: 2; Луконин 1977: ил. на с. 142, 165; Weihrauch 1996: Kat. 83) (рис. 1: 6-8).

Привязывание оружия к бедру предполагало облачение воина в короткополую верхнюю одежду и не слишком широкие штаны. Иначе быстрое извлечение клинка было невозможно. В истории известен факт, когда армянский царь Пап (366-374 гг. н.э.), желая обезоружить неугодного подданного и в то же время стараясь усыпить его бдительность, перед аудиенцией послал в дар этому чиновнику богатую одежду, которая, как выяснилось после ее надевания, была «несуразно велика и складками ниспадала вниз, и настолько просторна, что он был весь окутан ею и не мог приладить на себе». При этом подданный был основательно вооружен, в том числе кинжалом, привязанным к бедру, закрытым, однако, складкой штанов. В результате в момент ареста ему не удалось воспользоваться оружием (История Армении 1953: 157-158).

Анализируя письменные и археологические источники, можно прийти к выводу, что такой способ ношения оружия как устойчивая традиция известен только в древности, причем исключительно у ираноязычных племен. Но данные этнографии свидетельствуют об обратном. Целый ряд народов (манси, ханты, нганасаны, долганы, кеты, энцы, северные якуты, западные эвенки, юагиры, чукчи, народы Амура) крепили ножи, подвешивая их к поясу и привязывая к бедру. Причем подобным образом носилось, как правило, охотничье оружие. У современных же народов Ближнего Востока, а также южносибирских, средне- и центральноазиатских кочевников такого обычая не зафиксировано².

Ножны, предназначенные для привязывания к ноге, конструктивно не отличались от обычных.

Их изготовляли, как и остальные, из кожи, дерева, кости, металла (Попов 1948: 110, рис. 58; Антропова 1957: 196, рис. 14; Чернецов 1957: 157, табл. VIII: 2, 159; Алексеенко 1967: 52-53; Василевич 1969: 64; Гурвич 1977: 41, рис III; Федорова 1994: 145, 221). Единственной дополнительной деталью у них был ремешок, который пришивался к нижней части кожаных ножен (экземпляры, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН: чукчи — МАЭ №№ 408-80b, 444-8/2; нивхи — МАЭ №№ 36-162b, 691-9b), продевался сквозь одно или два отверстия на деревянных и костяных (кеты — МАЭ № 6351-4b; эвенки — МАЭ № 1004-132b; манси — МАЭ № 338-20b; долганы — МАЭ №№ 4128-121, 122) или петлей охватывал специальную заклепку на металлических (нганасаны — МАЭ № 5657-240; долганы — МАЭ № 6860-2b). Обычно такие ножны рассчитаны на привязывание с правого бока, хотя известен единичный случай, когда они носились слева (МАЭ № 6860-2b. Возможно, владелец был левшой).

Таким образом, этнография демонстрирует распространение этого способа ношения оружия только в среде охотников, рыболовов и оленеводов Сибири.

Для проверки гипотезы о кочевнических истоках обычая необходимо рассмотреть наиболее ранние памятники древних кочевников.

Оленные камни, представляющие упрощенную схему фигуры вооруженного воина, не позволяют говорить о каком-либо устойчивом способе ношения клинкового оружия. На них мечи и кинжалы изображены спереди (Кубарев 1979: табл. III: 4, IX: 1; Грязнов 1980: рис. 29: 13; Савинов 1994: табл. VI: 5, 8, VII: 1, VIII: 1-3, 5-8, IX: 2,8,9, X: 2-4, XI: 3), на левом (Кубарев 1979: табл. I; Грязнов 1980: рис. 29: 3; Савинов 1994: табл. VII: 5, VIII: 12, X: 1, 3) и правом (Савинов 1994: табл. IV: 7, V: 4, VII: 5) боку. Это оружие располагалось вертикально, горизонтально, под углом (ниже пояса и за поясом). В тех случаях, когда кинжалы представлены в наклонном положении, их рукоятки направлены вверх к правой руке, хотя на оленном камне из Халыра в Туве кинжал (?), заткнутый за пояс, наклонен влево (Савинов 1994: табл. VI: 8). Можно отметить, что преобладающим способом ношения меча или кинжала, пожалуй, являлось размещение их на поясе спереди.

Конструктивно ножны кинжалов на оленных камнях очень просты. Однако среди наиболее ранних имеется монгольская группа памятников, на которой показан довольно необычный тип — ножны с трапецевидными окончаниями.

¹Автор благодарит Е. Ф. Королькову и А. Ю. Алексеева, указавших ему на публикацию филипповской скульптуры.

²Автор благодарит М. М. Хасанову и Е. Г. Федорову за ценные консультации, особую признательность выражает Н. В. Ермоловой за помощь в подборе этнографического материала.

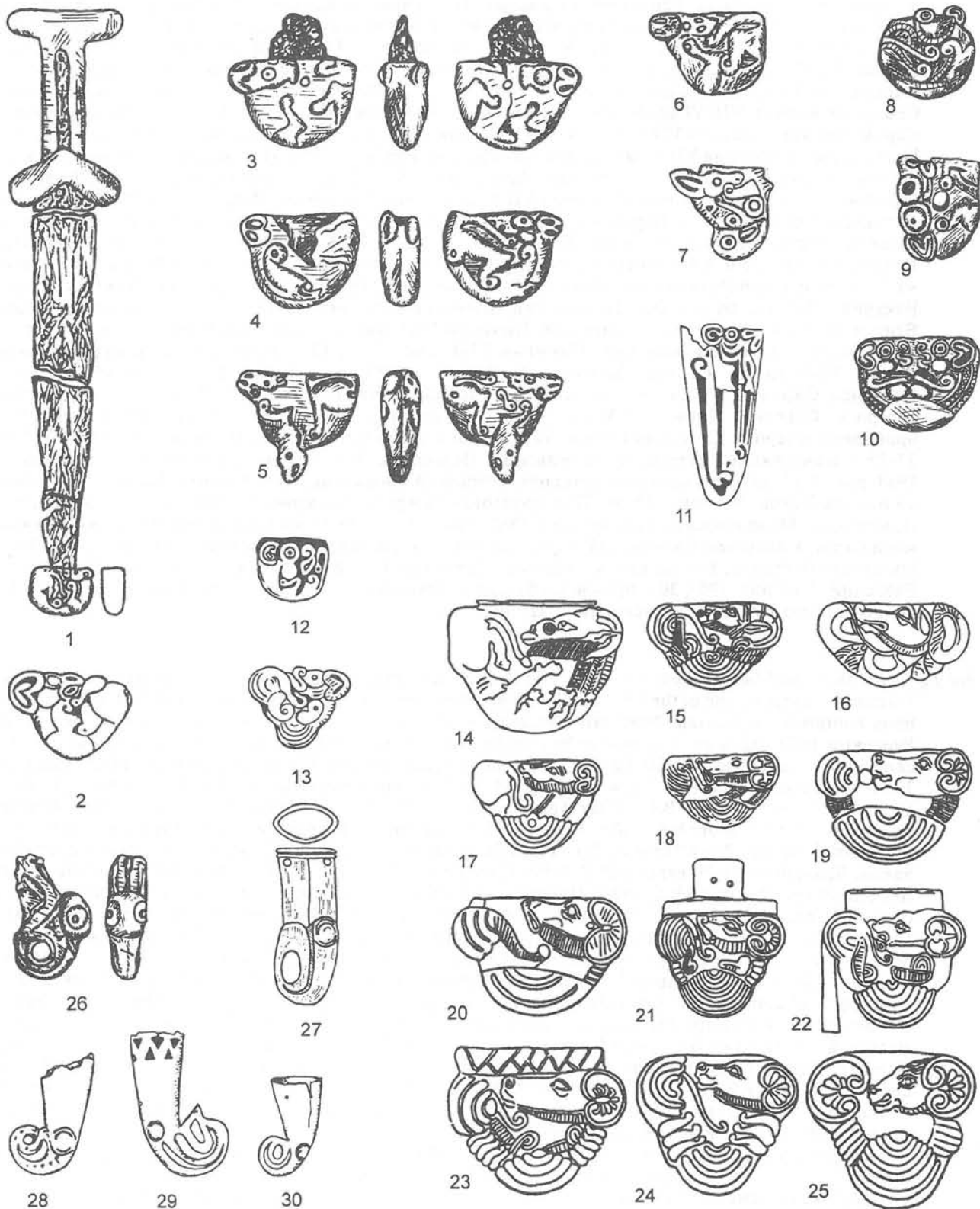

Рис. 2

Fig. 2

К рис. 2 Акинак и бутероли: 1 – железно-бронзовый акинак, бронзовая бутероль, х. Степной, Северный Кавказ, конец VIII – середина VII в. до н.э. (по Виноградов 1974: рис. 1, 2); 2 – костяная бутероль, с. Нартан, Северный Кавказ, вторая половина VII в. до н.э. (по Погребова, Раевский 1992: рис. 8е); 3 – бронзовая бутероль, Тлийский могильник, Центральный Кавказ, VII-VI вв. до н.э. (по Техов 1980: рис. 23: 1); 4 – костяная бутероль, Тлийский могильник, Центральный Кавказ, VII-VI вв. до н.э. (по Техов 1980: рис. 23: 2); 5 – костяная бутероль, Тлийский могильник, Центральный Кавказ, VII-VI вв. до н.э. (по Техов 1980: рис. 23: 4); 6 – бронзовая бутероль, с. Рук, Центральный Кавказ, VII-VI вв. до н.э. (по Техов 1980: рис. 23: 5); 7 – бронзовая бутероль, могильник Фаскау, Северный Кавказ, VII-VI вв. до н.э. (по Погребова, Раевский 1992: рис. 8 д); 8 – костяная бутероль, Сарды, первая половина VII в. до н.э. (по Сорокин 1978: рис. 7); 9 – костяная бутероль, Кармир-Блур, первая половина VII в. до н.э. (по Пиотровский 1970: ил. 96); 10 – золотая бутероль, Зивие, первая половина VII в. до н.э. (по Ghirshman 1964: il. 157); 11 – бронзовая бутероль, Старшая Могила, Поднепровье, вторая половина VII в. до н.э. (по Погребова, Раевский 1992: рис. 10: а,б); 12 – костяная бутероль, с. Дарьевка, Поднепровье, вторая половина VII в. до н.э.; 13 – бронзовая бутероль, Иран, VI-V вв. до н.э. (по Погребова, Раевский 1992: рис. 9 а); 14 – костяная бутероль, Египет, VI-V вв. до н.э. (по Литвинский, Пичикян 1981: рис. 7: 1); 15 – костяная бутероль, Египет, VI-V вв. до н.э. (по Литвинский, Пичикян 1981: рис. 7: 2); 16 – костяная бутероль, Тахти-Сангин, Бактрия, VI-V вв. до н.э. (по Литвинский, Пичикян 1981: рис. 7: 2а); 17 – костяная бутероль, Египет, VI-V вв. до н.э. (по Литвинский, Пичикян 1981: рис. 7: 3); 18 – костяная бутероль Египет, VI-V вв. до н.э. (по Литвинский, Пичикян 1981: рис. 7: 4); 19 – костяная бутероль, Северная Сирия, VI-V вв. до н.э. (по Литвинский, Пичикян 1981: рис. 7: 9); 20 – костяная бутероль, Северная Сирия, VI-V вв. до н.э. (по Литвинский, Пичикян 1981: рис. 7: 10); 21 – костяная бутероль, Северная Сирия, VI-V вв. до н.э. (по Литвинский, Пичикян 1981: рис. 7: 11); 22 – бронзовая бутероль, Северная Сирия, VI-V вв. до н.э. (по Литвинский, Пичикян 1981: рис. 7: 12); 23-25 – изображения бутеролей на рельефах. Персеполь. V в. до н.э. (по Литвинский, Пичикян 1981: рис. 7: 13-15); 26 – костяная бутероль, Тлийский могильник, Центральный Кавказ, VII-VI вв. до н.э. (по Техов 1980: рис. 23: 6); 27 – бронзовая бутероль, Репяховатая Могила, VI в. до н.э. (по Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980: рис. 11: 5); 28 – бронзовая бутероль, Кобанский могильник, Северный Кавказ, VII-VI вв. до н.э. (по Погребова, Раевский 1992: рис. 19а); 29 – бронзовая бутероль, Кобанский могильник, Северный Кавказ, VII-VI вв. до н.э. (по Погребова, Раевский 1992: рис. 19б); 30 – бронзовая бутероль, Дванский могильник, Северный Кавказ, VII-VI вв. до н.э. (по Погребова, Раевский 1992: рис. 19в).

For fig. 2 Acinaces and bouterolles: 1 – iron and bronze acinaces, bronze bouterolle, the farm of Stepnoy, Northern Caucasus, end of the 8th – middle of the 7th century B.C. (after Виноградов 1974: рис. 1, 2); 2 – bone bouterolle, v. Nartan, Northern Caucasus, second half of the 7th century B.C. (after Погребова, Раевский 1992: fig. 8 e); 3 – bronze bouterolle, the Tliyskiy burial ground, Central Caucasus, 7th–6th century B.C. (after Техов 1980: fig. 23: 1); 4 – bone bouterolle, the Tliyskiy cemetery, Central Caucasus, 7th–6th centuries B.C. (after Техов 1980: fig. 23: 2); 5 – bone bouterolle, the Tliyskiy cemetery, Central Caucasus, 7th–6th century B.C. (after Техов 1980: fig. 23: 4); 6 – bronze bouterolle, v. Ruk, Central Caucasus, 7th–6th century B.C. (after Техов 1980: fig. 23: 5); 7 – bronze bouterolle, the Faskau cemetery, Northern Caucasus, 7th–6th century B.C. (after Погребова, Раевский 1992: fig. 8 д); 8 – bone bouterolle, Sardis, first half of the 7th century B.C. (after Сорокин 1978: fig. 7); 9 – bone bouterolle, Karmir-Blour, first half of the 7th century B.C. (after Пиотровский 1970: plate 96); 10 – gold bouterolle, Zivie, first half of the 7th century B.C. (after Ghirshman 1964: il. 157); 11 – bronze bouterolle, Starshaya Mogila, the Dnieper area, second half of the 7th century B.C. (after Погребова, Раевский 1992: fig. 10: а,б); 12 – bone bouterolle, v. Dar'evka, the Dnieper area, second half of the 7th century B.C.; 13 – bronze bouterolle, Iran, 6th–5th century B.C. (after Погребова, Раевский 1992: fig. 9: а); 14 – bone bouterolle, Egypt, 6th–5th century B.C. (after Литвинский, Пичикян 1981: fig. 7: 1); 15 – bone bouterolle, Egypt, 6th–5th century B.C. (after Литвинский, Пичикян 1981: fig. 7: 2); 16 – bone bouterolle, Takhti-Sangin, Bactria, 6th–5th century B.C. (after Литвинский, Пичикян 1981: fig. 7: 2а); 17 – bone bouterolle, Egypt, 6th–5th century B.C. (after Литвинский, Пичикян 1981: fig. 7: 3); 18 – bone bouterolle, Egypt, 6th–5th century B.C. (after Литвинский, Пичикян 1981: fig. 7: 4); 19 – bone bouterolle, Northern Syria, 6th–5th century B.C. (after Литвинский, Пичикян 1981: fig. 7: 9); 20 – bone bouterolle, Northern Syria, 6th–5th century B.C. (after Литвинский, Пичикян 1981: fig. 7: 10); 21 – bone bouterolle, Northern Syria, 6th–5th century B.C. (after Литвинский, Пичикян 1981: fig. 7: 11); 22 – bronze bouterolle, Northern Syria, 6th–5th century B.C. (after Литвинский, Пичикян 1981: fig. 7: 12); 23–25 – representations of bouterolles on reliefs, Persepolis, 6th–5th centuries B.C. (after Литвинский, Пичикян 1981: fig. 7: 13–15); 26 – bone bouterolle, the Tliyskiy cemetery, Central Caucasus, 7th–6th century B.C. (after Техов 1980: fig. 23: 6); 27 – bronze bouterolle, Repyakhovataya Mogila, 6th century B.C. (after Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980: fig. 11: 5); 28 – bronze bouterolle, burial ground of Kobanskiy, Northern Caucasus, 7th–6th century B.C. (after Погребова, Раевский 1992: fig. 19а); 29 – bronze bouterolle, burial ground of Kobanskiy, Northern Caucasus, 7th–6th century B.C. (after Погребова, Раевский 1992: fig. 19б); 30 – bronze bouterolle, burial ground of Dvanskiy, Northern Caucasus, 7th–6th century B.C. (after Погребова, Раевский 1992: fig. 19в);

Бытование их в степном мире конца эпохи бронзы подтверждается археологическими находками (Новгородова 1989: 188-189; Савинов 1994: 99, табл. XV). Гипотетически такие ножны могли привязываться к бедру, поскольку расширение на конце препятствовало соскальзыванию ремешка крепления, однако аргументы в пользу этого предположения отсутствуют. Более того, кинжалы в подобных ножнах изображены на оленных камнях подвешенными к поясу спереди или на левом боку под углом (Горелик 1993: 19).

Археологическая ситуация изученных погребальных комплексов также не дает четких доказательств существования у азиатских кочевников VIII-VII вв. до н.э. обычая привязывать клинковое оружие. Например, кожаные ножны кинжала из кургана Аржан не были приспособлены для этого (Грязнов 1980: рис. 11: 1). И все-таки пока преждевременно категорически отрицать возможность бытования этого способа ношения оружия в начале железного века или раньше. Должно быть, самые ранние образцы не дошли до нашего времени или не были правильно идентифицированы. На такую мысль наводят уникальные находки простых кожаных ножен, предназначенных для привязывания к бедру, VI-V вв. до н.э. из Южной Сибири (Кубарев 1981: 45, 48, рис. 3: 1, 2, 5) (рис. 4: 2).

До обнаружения новых материалов доказательством появления данного способа ношения оружия может служить лишь внешнее сходство конструктивных деталей сохранившихся древних образцов с изображениями на памятниках искусства. Наиболее характерной особенностью персидских ножен на шедеврах ахеменидского времени являются крупные бутероли округлой или подтреугольной формы, обычно богато орнаментированные. Как удалось установить, их декор восходит к образу свернувшегося кошачьего хищника скифского звериного стиля (Переводчикова 1983: 97-99). Но одни исследователи вообще отрицают существование у скифов обычая привязывать ножны к бедру (Горелик 1993: 22), а другие отмечают лишь его эпизодичность (Мелюкова 1964: 63; Граков 1971: 93; Степи 1989: 94). Вторая точка зрения, по-видимому, является наиболее приемлимой. Ее косвенным подтверждением является анализ скифских каменных изваяний. На памятниках конца VII — середины VI в. до н.э. мечи обычно представлены на правом боку вертикально или под небольшим углом (Ольховский, Евдокимов 1994: 73, илл. 1: № 1,

илл. 40: № 73, илл. 51: № 86, илл. 76: № 127, илл. 77: № 128, илл. 87: № 149; Дашевская, Лордкипанидзе 1995: рис. 1), а некоторые даже имеют ножны с четко выраженными округлыми окончаниями (Ольховский, Евдокимов 1994: илл. 76: № 127, илл. 77: № 128) (рис. 1: 9-11)¹. Правда, изображения ремней отсутствуют, но обвязка вокруг бедер могла подразумеваться, так же как и не показанные крепления секир.

Общеизвестно, что кочевые народы отдавали предпочтение ведению военных действий на больших дистанциях, для чего применяли метательное оружие, в первую очередь, — лук со стрелами. Поэтому у скифов колчан с налучьем или горит располагался в наиболее удобном месте — на левом боку. И все же рукопашная схватка являлась обязательной фазой «скифского» сражения (Горелик 1993: 21). Скорее всего, она напоминала обыкновенную резню, как это можно наблюдать на серебряной с позолотой обкладке горита из кургана Солоха (Артамонов 1966: табл. 160, 161), и крепление акинака к правому бедру, позволявшее достаточно быстро обнажать клинок «прямым» хватом, вполне должно было удовлетворять скифских воинов.

В ранних погребальных комплексах скифов впервые фиксируются бутероли с изображениями кошачьего хищника. Одним из наиболее интересных экземпляров является бронзовое окончание деревянных ножен из кургана, располагавшегося близ х. Степного в Гудермесском районе Чечни (Виноградов 1974: 259, рис. 1) (рис. 2: 1). Фигура животного, вписанная в предмет, входит в круг изображений архаического скифо-сибирского искусства, отличающихся кольцевидной трактовкой глаз, ушей, стоп и окончаний хвостов². Меч, находившийся в ножнах, имеет железный клинок с черенком и бронзовую рамочную рукоятку с перекрестьем, что указывает на его раннюю дату. Форма перекрестья тоже далека от классических образцов и несколько напоминает перекрестья кавказских кинжалов «киммерийского» типа (Горелик 1993: табл. VIII: 7, 10) и кинжала из кургана Аржан (Грязнов 1980: рис. 11: 1, 2; Горелик 1993: табл. VIII: 41), если очертания первых округлить, а второго — укрупнить. Поэтому датировки меча (и соответственно бутероли) из х. Степного, данные Б. В. Теховым и С. В. Махортых, охватывающие период с конца VIII по середину VII в. до н.э. (Техов 1980: 58; Махортых 1991: 56-57), выглядят убедительно. Как представляется,

¹ Имеются и исключения, например, изваяния из п. Прохладный на Северном Кавказе (Ольховский, Евдокимов 1994: илл. 85: № 147) и с. Татарка на Ставрополье (Соломатина 1995: 103, рис. 1а).

² Ранее автор допустил досадную ошибку при построении условного стилистического ряда скифских пантер, поместив хищника на бутероли из х. Степного в непосредственной близости от зверей на окончаниях ножен из с. Дарьевка и Старшей Могилы (Кисель 1994: 121). Представляется более правильным рассматривать это изображение вместе с фигурами кошачьих хищников из кургана 5 Чиликты (Черников 1965: табл. XV, XVI: 1).

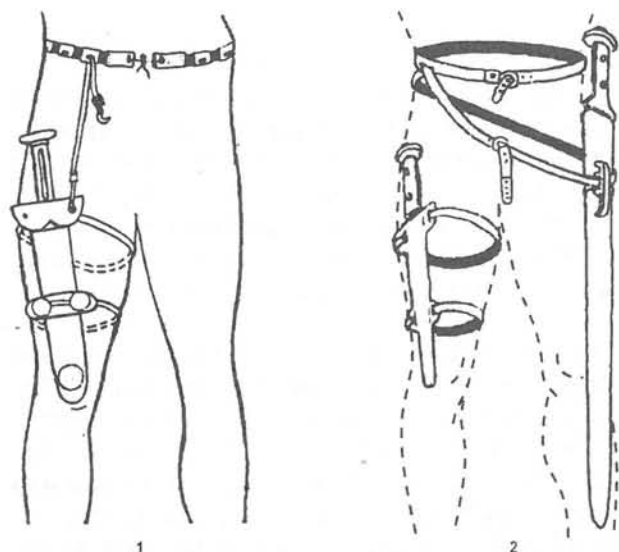

Рис. 3 Реконструкции крепления ножен: 1 — «алтайский» тип (по Кубарев 1981: рис. 10: 2); 2 — «сарматский» тип (по Хазанов 1971: табл. XXXIV: 2).

Fig. 3 Reconstruction of fixing a scabbard: 1 — the «Altai» type (after Кубарев 1981: рис. 10: 2); 2 — the «Sarmatian» type (after Хазанов 1971: plate XXXIV: 2).

именно бутероль ножен акинака из х. Степного на сегодняшний день является самым древним образцом. Другие подобные предметы хронологически более поздние. Они представляют численно небольшую группу, относящуюся к VII — второй половине V в. до н.э. Эти бутероли уже подробно рассматривались в научной литературе (Goldman 1957: 43-54; Stucky 1976: 13-23; Bernhard 1976: 227-246; Литвинский, Пичилян 1981: 100-104; Переводчикова 1983; Погребова, Раевский 1992: 109-111). Наиболее корректное исследование провела Е.В. Переводчикова, которая предложила весь материал разделить на три группы: 1) наконечники ножен, выполненные в традициях скифского звериного стиля (наиболее ранняя); 2) изображения бутеролей на персепольских рельефах (первая половина V в. до н.э.); 3) провинциальные копии персидских образцов (V в. до н.э.) (Переводчикова 1983: 101). Эта в принципе правильная группировка, по-видимому, нуждается в дополнениях, поскольку упускает из вида ряд важных деталей. Так, с полным соблюдением традиций скифского звериного стиля изготовлены только две бутероли — это находки из курганов х. Степного и с. Нартан (Батчаев 1985: 42, табл. 51: 20) (рис. 2: 1, 2). Последняя относится ко второй половине VII в. до н.э. и демонстрирует уже не архаичское скифо-сибирское искусство, а скифский

звериный стиль, видоизмененный под влиянием художественных школ Ближнего Востока (новоприобретенный стилистический элемент — сердцевидное ухо). Остальные же наконечники ножен, выдержанные в русле скифской традиции, являются репликами местных мастеров, представителей оседлых культур, работавших, вероятно, по заказу кочевников. Данные вещи подразделяются на две группы:

I — продукция ремесленников Кавказа: находки у с. Рук, Фаскау, из погребений 164, 216, 258 Тлийского могильника¹ (Техов 1980: 33, 35, 39-41, рис. 12: 6, 14: 1,5, 19: 2,3, 23: 1, 2,4,5; Ильинская, Тереножкин 1983: 33, рис. 1,2,4,5; 45, рис. 3) (рис. 2: 3-7)². Датируются эти предметы скорее всего VII — началом VI в. до н.э.

II — изделия ближневосточных мастеров: находки из Зивие, Кармир-Блура, Сард (Ghirshman 1964: ill. 157; Пиотровский 1970: илл. 96; Сорокин 1978: 186, рис. 7) (рис. 2: 8-10). Группа охватывает первую половину VII в. до н.э.

Большой интерес представляет бутероль из Зивие. Она нарушает устойчивую древнекочевническую схему одиночного хищника и дает новый образ — геральдические протомы двух зверей слитых в единую фигуру. Кроме того, это — единственный предмет всей серии, изготовленный из золота. Сходные с ней по композиционному решению бутероли от келермесского и мельгуновского мечей, выполненные также из золота, составляют с ножнами единое целое и не несут на себе никакого влияния скифского искусства (Артамонов 1966: табл. 1: 6). К тому же размеры данных ножен (соответственно 47 и 44 см) не позволяли крепить их к бедру, так как окончания ножен, привязанные ниже колена препятствовали сгибу ноги. В случае же размещения обвязки значительно выше оказывались бы перекрытыми некоторые рельефные изображения декора, что затрудняло его символическое и эстетическое восприятие.

Костяные наконечники из Кармир-Блура и Сард стилистически занимают промежуточное положение между изделиями кавказских мастеров и предметом из Зивие. Более того, кармир-блурский экземпляр своими вытянутыми очертаниями напоминает костяную бутероль из Минералводского могильника, которая почти не выступает по сторонам ножен и не могла облегчать крепление к бедру (Виноградов 1972: рис. 13). Вероятно, предмет из Кармир-Блура тоже не предназначался для этого, а имеющееся в нем отверстие (диаметром около 0,5 см)

¹ На такое происхождение этих бутеролей указывали В. Б. Виноградов (Виноградов 1972: 115) и Б. В. Техов (Техов 1980: 77, 80).

² Возможно, к данной категории вещей этой группы относятся бронзовые предметы в виде свернувшихся пантер, найденные близ г. Майкопа (Ильинская, Тереножкин 1983: 53, рис. 15, 16, 18).

служило не для продевания ремешка, а для крепления самого наконечника к ножнам, как, например, у одной бутероли из Тлийского могильника (Техов 1980: 76, рис. 12: 6; 23: 2).

Отдельную подгруппу составляют псевдоскифские произведения неясного происхождения: находки из с. Дарьевка и Старшей Могилы (Шкурко 1969: 32, рис. 1, 2; Ильинская 1971: 69, рис. 2: 5, с. 73, рис. 5: 6) (рис. 2: 11, 12). Они датируются второй половиной VII в. до н.э. Эти бутероли, без сомнения, несут на себе отпечаток ближневосточного искусства, как уже отмечалось исследователями (Шкурко 1969: 32-34; Погребова, Раевский 1992: 109-110). Не вполне ясно, изготовили их скифские мастера по образцам, аналогичным предметам из Кармир-Блура и Зивие, или же это работа торевтов Ближнего Востока. К тому же экземпляр из Старшей Могилы демонстрирует совсем отдаленное подражание прототипу, так как его остроугольная форма даже не напоминает округлый контур бутероли из х. Степного¹.

Стилистически и хронологически данную категорию вещей завершают персидские образцы ахеменидского времени и их провинциальные копии (Литвинский, Пичикян 1981: 102, рис. 7; Переводчикова 1983: 97, рис. 1: 4-9) (рис. 2: 13-25). В их оформлении утрачивается исходный образ, трансформируясь в фигуру фантастического травоядного животного и в сцену терзания львом головы травоядного.

Рассматривая бутероли в виде фигур кошачьего хищника, нельзя не упомянуть бронзовые и костяной наконечники ножен, представляющие голову хищной птицы (Дигория, Тлийский, Верхне-Кобанский, Нижне-Чегемский могильники Кавказа, Репяховатая Могила на Правобережье Днепра, Старший Ахмыловский могильник в Волго – Камье) (Виноградов 1972: 144-146, рис. 28: 1, 11; Халиков 1977: рис. 63: 4; Техов 1980: рис. 18: 2,3; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980: 42, рис. 11: 5-7, 43, рис. 12: 2; Патрушев 1984: рис. 48: 25; Погребова, Раевский 1992: рис. 19; Горелик 1993: табл. XI: 32; Козенкова 1996: рис. 37: 6, 9, 10, 12), относящиеся, видимо, ко второй половине VII-VI в. до н.э. (рис. 2: 26-30). У подавляющего большинства этих предметов имеется крупное отверстие, образованное изогнутым клювом птицы. Через него мог продеваться ремешок, крепящий ножны к бедру владельца².

По мнению некоторых археологов, появление наконечников на ножнах скифских акинаков было подготовлено кавказской традицией

доскифского времени (Виноградов 1972: 114-117, 146; Махортых 1991: 94-95).

Ножны, предназначенные для прикрепления к бедру, VII-V вв. до н.э. имеют еще один конструктивный элемент – овальную лопасть, отходящую от левой стороны устья. Эта лопасть использовалась для присоединения портупейного ремня, крепящегося к поясу, как представлено на ахеменидских памятниках искусства, и восстанавливается по археологическим находкам (Галанина 1989). Как утверждает М. В. Горелик, подобные лопасти на ножнах следует считать «чисто скифской» деталью (Горелик 1993: 20). Правда, в азиатских степях, откуда можно выводить корни скифской культуры, ножны с лопастью и трапециевидным окончанием появляются еще в конце эпохи бронзы (Савинов 1994: 99, табл. XVI: 5, 13). На аржанском же этапе у кочевнических ножен лопастей не наблюдается. Вновь этот элемент фиксируется только с началом скифского периода. Если подобную конструкцию ножен связывать с культурами древних кочевников, то придется констатировать дискретность традиции.

Следует отметить, что в погребениях, где найдены бутероли, оформленные в скифском зверином стиле, обычно не удается зафиксировать расположения ножен на правом боку покойного. Только акинак из х. Степного находился справа от погребенного (Виноградов 1974: 258-259). Тлийские же мечи и нож располагались спереди, слева и даже за спиной умерших (Техов 1980: 33, 40-41, рис. 12, 15, 19). Не менее важно и то, что в архаичных скифских комплексах и синхронных им кавказских памятниках сравнительно часто обнаруживаются наконечники ножен, не приспособленные для привязывания (Келермес, Старшая Могила, г. Константиновск-на-Дону, с. Приднепровка, с. Нартан, с. Шали, с. Сунжа, могильники Ани – Ирзо, Закуты, Каррас, Минералводский и Нижне-Чегемский) (Мелюкова 1964: 62; Шкурко 1969: 32, рис. 1; Виноградов 1972: рис. 7: 5, 13: 1, 26: 7, 28: 3, 32: 7; Ильинская, Тереножкин 1983: рис. на с. 93, с. 105, рис. 1; Батчаев 1985: табл. 43: 23; Вольная 1994: 195, рис. 1-4; Галанина 1997: табл. 12: 5)³. В. Б. Виноградов даже подчеркивает, что использование «ножен с расширяющимися концами» (бутеролями) были наиболее распространены не столько среди ираноязычных кочевников северокавказских степей, сколько у аборигенов – горцев (Виноградов 1972: 115). Видимо, это

¹ Остается не понятным по причине фрагментарности, в какую из трех групп входит костяной наконечник из кургана близ с. Макеевка на Правобережье Днепра (Галанина 1977: табл. 7: 7).

² К этому типу бутеролей следует отнести и бронзовый наконечник в виде головы волка(?) V в. до н.э. из погребения 3 Белореченского могильника близ г. Кисловодска (Виноградов 1972: 168, рис. 22: 6).

³ Правда, В. Б. Виноградов предполагал, что кавказские ажурные, рельефные (конусовидные) и некоторые гладкие бутероли могли использоваться для привязывания ножен к бедру (Виноградов 1972: 116).

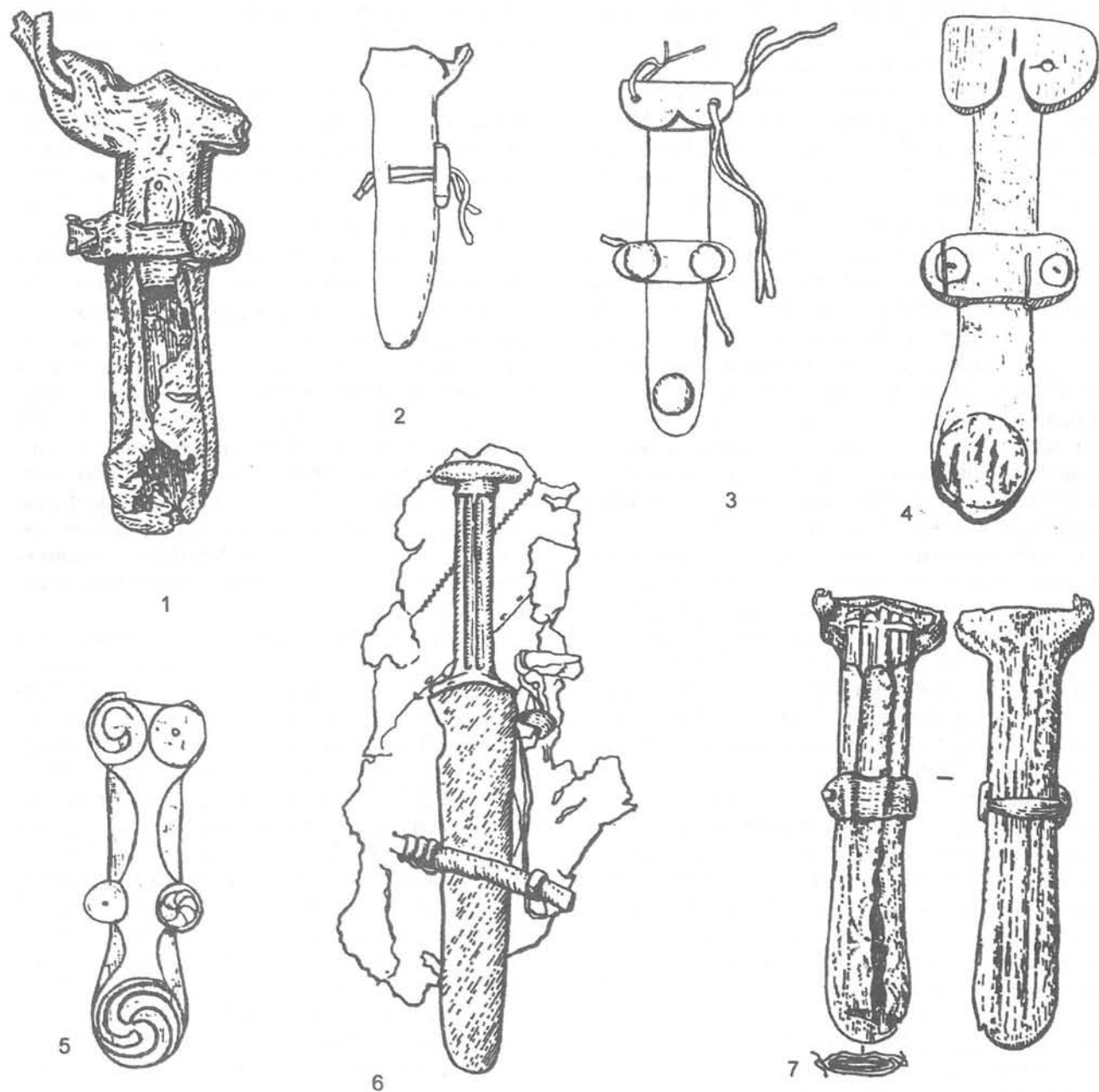

Рис. 4 Ножны: 1 — деревянно-кожаные, Аймырлыг, Тува, VI — начало V в. до н.э. (по Степная полоса 1992: табл. 74: 23); 2 — кожаные, Горный Алтай, VI-V вв. до н.э. (по Кубарев 1981: рис. 3: 1); 3 — деревянные, Барбургазы, Горный Алтай, V-IV вв. до н.э. (по Кубарев 1981: рис. 6: 6); 4 — деревянные, Барбургазы, Горный Алтай, IV-III вв. до н.э. (по Кубарев 1981: рис. 7: 3); 5 — деревянные, Юстыд, Горный Алтай, V-IV вв. до н.э. (по Кубарев 1981: рис. 6: 5); 6 — кожаные, Аймырлыг, Тува, VI — начало V в. до н.э. (по Степная полоса 1992: табл. 74: 14); 7 — деревянно-кожаные, Аймырлыг, Тува, VI — начало V в. до н.э. (по Степная полоса 1992: табл. 74: 25).

Fig. 4 Scabbards: 1 — wood and leather, Aymyrlyg, Tuva, 6th — beginning of the 5th century B.C. (after Степная полоса 1992: plate 74: 23); 2 — leather, Mountainous Altai, 6th—5th century B.C. (after Кубарев 1981: fig. 6: 5); 3 — wooden, Barbugazy, Mountainous Altai, 5th—4th century B.C. (after Кубарев 1981: fig. 6: 6); 4 — wooden, Barbugazy, Mountainous Altai, 4th—3th century B.C.; 5 — wooden, Yustyd, Mountainous Altai, 5th—4th century B.C. (after Кубарев 1981: fig. 7: 3); 6 — wooden, Aymyrlyg, Tuva, 6th — beginning of the 5th century B.C. (after Степная полоса 1992: plate 74: 14); 7 — wood and leather, Aymyrlyg, Tuva, 6th — beginning of the 5th century B.C. (after Степная полоса 1992: plate 74: 25);

действительно так, но до появления кочевников на Кавказе нет никаких свидетельств, позволяющих предполагать существование здесь способа ношения оружия путем привязывания к бедру. Очевидно, именно представители раннескифской культуры принесли на Кавказ данный обычай.

Таким образом, вопреки мнению исследователей, выводящих ножны с бутеролями, приспособленными для крепления к ноге, из Ирана (Мелюкова 1964: 61; Шкурко 1969: 35; Виноградов 1972: 115-116), можно заключить, что они впервые появились на Кавказе одновременно с приходом кочевников. Затем эти ножны, наряду с самим акинаком и специфическим способом ношения, проникли на территорию Ближнего Востока, Поднепровья и Поволжья.

Сами скифы сравнительно быстро вообще отказались от такого способа ношения акинака и с рубежа VI-V вв. до н.э. (на Северном Кавказе — с середины VI в. до н.э.) стали подвешивать его к поясу спереди¹. Хотя в IV-III вв. до н.э. намечается возвращение к старой традиции (Ольховский, Евдокимов 1994: 73) (возможно, под влиянием сармат). Как свидетельствуют скифские изваяния и археологические источники VI-V вв. до н.э., короткий меч, подвешенный к поясу спереди, занимал горизонтальное положение или свисал под углом, рукояткой вверх и вправо. При этом клинок мог обнажаться правой рукой «прямым» хватом, как и привязанный к правому бедру. Очевидно, манера ведения рукопашного боя у скифов не изменилась².

Перемещение акинака с правого бедра на живот было вызвано рядом причин³. Должно быть, наиболее существенной явилась замена чеканов и секир на длинные мечи (более 60 см). Однако луки продолжали использоваться

в качестве основного оружия, и на всем протяжении скифской истории гориты и налучья продолжали подвешиваются к левому боку воина. Поэтому для расположения мечей оставались лишь две области — правая сторона тела и живот. Длинный меч прочно обосновался справа, вытеснив короткий акинак. Судя по скифским изваяниям второй половины VI — начала V в. до н.э., длинные мечи крепились к поясу вертикально или под небольшим углом (Ольховский, Евдокимов 1994: илл. 36: № 65, илл. 43: № 76, илл. 44: № 77)⁴. В остальном кочевническом мире продолжали активно использоваться чеканы, клевцы и секиры, и обычай привязывания клинкового оружия к бедру не исчез. Например, на Южном Урале в V-IV вв. до н.э., привязываются даже длинные мечи (костяная фигурка из Филипповского кургана) (рис. 1: 5).

Несмотря на то, что обнажать длинный меч, висящий на правом боку было не очень удобно (вынимая оружие, кисть приходилось несколько выворачивать к корпусу), наиболее рациональная левая сторона тела воина оставалась занята горитом или налучьем⁵. Только после того, как лук в вооружении всадника в послескифское время стал отходить на второй план, и рукопашный бой приобрел решающее значение длинноклинковое оружие заняло место на левом боку воина (Хазанов 1971: 87-88) (рис. 3: 2). Это фиксируется в археологических комплексах и памятниках изобразительного искусства позднесарматского времени (Хазанов 1971: 25, 43, табл. VIII: 3, 4, XV: 2, XVI: 1, 3, XXIX: 4, XXXIV: 2, 5; Фрай 1972: илл. 102, 105, 112; Луконин 1977: илл. на с. 142, 164-167, 176, 177).

¹Разумеется, отказ в VI-V вв. до н.э. от ношения короткоклинкового оружия на правом боку произошел далеко не повсеместно. Так, на изваянии из с. Виноградовка в Северном Причерноморье представлен акинак, по всей видимости, привязанный к бедру (Ольховский, Евдокимов 1994: илл. 6: № 8) (рис. 1: 11).

²Прогресс во владении короткоклинковым оружием у некоторых групп кочевников наблюдается, пожалуй, только в сарматское время. Например, у части фигурок воинов из Сапоговского клада представлено на каждом бедре по кинжалу (Зуев 1993: рис. 1) (рис. 1: 6), что дает возможность говорить о наличии в сарматской среде навыков двуручного фехтования («по-македонски»). Привлекает внимание, что эти фигурки составляют меньшинство из всего собрания, к тому же у них отсутствуют гориты. Вероятно, мастер стремился изобразить воинов, практикующих в основном рукопашный бой. Однако появление такого контингента в кочевнической среде вряд ли было собственным изобретением номадов, а, скорее, являлось прямым заимствованием из какой-то оседлой культуры. Интересной параллелью являются сакральные памятники угорских племен, относящиеся, правда, к средневековью. На них нанесены внешне напоминающие сапоговские фигурки антропоморфные изображения, держащие в обеих руках по сабле или кинжалу (Гемуев, Сагалаев, Соловьев 1989: рис. на с. 86, 92, 95-97, 103).

³Возможно, появление традиции ношения акинака на поясе спереди произошло одновременно с усилением в скифском обществе идеи героизации мужчины — воина и отождествления меча с фаллосом (Мачинский 1978: 148; Алексеев 1980: 42-43; Алексеев 1991: 277-278; Горелик 1993: 21). Косвенно на это указывают скифские изваяния. Среди наиболее древних из них с мечом на правом боку в большинстве случаев отсутствует изображение фаллоса (Ольховский, Евдокимов 1994: илл. 40: № 73, илл. 51: № 86, илл. 76: № 127(?), илл. 87: № 149; Дашевская, Лордкипанидзе 1995: 100, рис. 1). На других же, относящихся к VI — первой половине V в. до н.э., где акинаки подвешены спереди, фаллос, как правило, показан (Ольховский, Евдокимов 1994: 59-60, илл. 4: № 6, илл. 5: № 9(?), илл. 10: № 15, илл. 20: № 33, илл. 33: № 62, илл. 36: № 65, илл. 41: № 74, илл. 43: № 76(?), илл. 44: № 77, илл. 45: № 78(?), илл. 46: № 79, илл. 48: № 83, илл. 53: № 90, илл. 77: № 128, илл. 85: № 147).

⁴Не исключено, что спереди размещались не только кинжалы или короткие мечи, но даже клинковое оружие относительно больших размеров, подобное мечу из кургана Солоха, ножны которого с двумя лопастями с левой стороны были удобны для такого подвешивания (Артамонов 1966: табл. 145). Нечто похожее известно в Германии XVI в., где пехота носила мечиланскеты (до 70 см длиной) на поясе спереди в горизонтальном положении (фон Винклер 1992: 168).

⁵Единственный случай в эллино-скифской торевтике, когда меч у воина представлен на поясе слева — это золотой гребень из кургана Солоха (Артамонов 1966: табл. 147). Однако именно этот персонаж, по мнению А. Ю. Алексеева, отличается «нескифскостью» характерных черт (Алексеев 1996: 108-109, прим. 42).

Саки, сарматы, кочевники Южной Сибири, Средней и Центральной Азии, оседлое население Ирана, широко практикуя способ ношения путем привязывания мечей и кинжалов к бедру, использовали различные типы ножен. И если у саков и иранцев бытовали ножны сходные со скифскими («скифский» тип), то у сарматов и азиатских кочевников развиваются иные формы. Значительный интерес представляют ножны из Тувы, относящиеся к VI — началу V в. до н.э. (Степная полоса 1992: табл. 74: 21, 23; Чугунов 1996: 71, 79, рис. 3: 4) (рис. 4: 1). Эти экземпляры изготовлены из дерева и кожи и снабжены кожаной овальной лопастью у устья и кожаной же поперечной накладкой в середине. Бутероль или какое-нибудь расширение на конце отсутствует. Ножны подвешивались к поясу за портупейный ремень, продетый сквозь отверстие в лопасти, а к бедру привязывались ремешком, крепящимся к выступающим по бокам округлым концам накладки. Одновременно с ними в том же регионе, а также на Алтае и очевидно в других частях азиатского древнекочевнического мира встречаются типологически более ранние целиком кожаные ножны, не имевшие дополнительных конструктивных деталей, облегчающих крепление к поясу или бедру (Кубарев 1981: 34, рис. 3: 1-3, 5; 48) (рис. 4: 2)¹. Для подвески к поясу у них имелась петля или отверстие у устья, а для фиксации на ноге — в некоторых случаях сквозные прорезы.

Видимо, несколько позднее на Алтае появляются деревянные и деревянно — кожаные ножны без лопасти, но с округлыми выступами в центральной части (Кубарев 1981: 36, рис. 5: 1, 3; 39, рис. 6: 2-6; 41, рис. 7: 1-4; 42, рис. 8: 1, 4; Кубарев 1987: рис. 22; Кубарев 1991: рис. 17; Кубарев 1992: рис. 20: 1-3; Степная полоса 1992: табл. 63: 10; Полосьмак 1994: рис. 79: 3) (рис. 4: 3-5)². Наиболее ранние образцы снабжены почковидными и сердцевидными устьями, как у скифских и иранских ножен. Эти экземпляры подвешивались к поясу за отверстие у устья и крепились к бедру за центральные выступы. Со временем «почка» и «сердце» устья превращаются в два округлых расширения, аналогичных центральным. Такие ножны привязывались к бедру уже в двух местах — сверху и в центре (рис. 3: 1, 2). Порой даже игнорировалась подвеска к поясу.

Сформировавшийся тип широко распространился среди сарматских культур («сарматский» тип). По мнению В. Д. Кубарева, он развился из сакских ножен с бутеролью, то есть

из «скифского» типа, что якобы подтверждается присутствием на некоторых экземплярах округлого расширения на конце, имитирующего наконечник (Кубарев 1981: 51; Кубарев 1987: 64-65). Без сомнения «скифский» тип родственен «сарматскому», но сближает их не окончание, а почковидное и сердцевидное устье. Что касается расширенного окончания «сарматских» ножен, то далеко не у всех ранних образцов оно имеется (Полосьмак 1994: рис. 79: 3). Более того, именно отсутствие у большинства ножен этого типа выделенных окончаний и наличие двух пар округлых выступов (ушек) позволяют связывать их с какой-то более архаичной, простой, в сравнении со «скифской», формой. Предположительно таким прототипом могли оказаться ножны, подобные тем, что были найдены в Туве, датирующиеся VI — началом V в. до н.э. Они не имеют расширения на конце, но снабжены срединной накладкой и петлей у устья (Степная полоса 1992: табл. 74: 14, 25) (рис. 4: 6, 7).

«Сарматский» тип ножен в конце I тыс. до н.э. проник в Парфию, Бактрию, Иран, Сирию и Армению (История Армении 1953: 157, 178; Хазанов 1971: 27; Кубарев 1981: 51; Кубарев 1987: 65)³. Он просуществовал приблизительно до конца IV в. н.э.

Таким образом, прослеживаются два культурных импульса на Ближний Восток, принесших традицию носить клинковое оружие, привязанным к бедру. Оба раза отправной точкой явились кочевнические объединения. В первом случае это оказались скифы, передавшие данный обычай народам Кавказа и Ирана, но сами быстро его утратившие. Во втором — сарматы, практиковавшие привязывание клинкового оружия на протяжении всей своей истории и распространившие прием от Приобья до Сирии.

Эпизодичность применения скифами такого способа ношения акинака, та легкость, с которой они отказались от него, а также отсутствие каких-либо сведений о наличии этого обычая у древних и современных тюркоязычных кочевых народов могут указывать на его некочевнические корни. В качестве предварительной гипотезы можно высказать предположение, что местом зарождения традиции явились районы расселения некоторых древних таяжных племен Сибири. Эти племена охотников и рыболовов передали данный прием крепления оружия скифам, а затем и сарматам, причем с последними они, вероятно, находились в долговременных контактах или даже частично входили в сарматское культурное объединение.

¹По В. Д. Кубареву, тип 3 (Кубарев 1981: 48).

²По В. Д. Кубареву, тип 2 (Кубарев 1981: 44-45).

³Крепление таких ножен было разнообразно. Иногда, как указывалось выше, их не подвешивали к поясу, обходясь двойной привязкой к бедру. А порой для лучшего крепления использовали и окончания, как демонстрирует рельеф из Нимруд-Дага и предмет из погребения 4 некрополя Тиллятепе (Фрай 1972: илл. 94; Сарияниди 1989: рис. 33: 2) (рис. 1: 4). Судя по малоазийскому рельефу, эти ножны при наличии длинной верхней одежды даже не привязывались к правому бедру, а располагаясь на нем, подвешивались через портупею к поясу слева и спереди.

- Алексеев, А. Ю.* 1980. О скифском Аресе // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 21: 39-47.
1991. Этнод об акинаках // Клейн Л. С. Археологическая типология. Ленинград: 271-280.
1996. Скифские цари и «царские» курганы V-IV вв. до н.э. // Вестник древней истории 3: 99-113.
- Алексеев, Е. А.* 1967. Кеты. Ленинград: Наука.
- Антропова, В. В.* 1957. Вопросы военной организации и военного дела у народов крайней северо-востока Сибири // Сибирский этнографический сборник II. Труды Института этнографии XXXV: 99-245.
- Артамонов, М. И.* 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Ленинград-Прага: Советский художник-Артгиз.
- Батчаев, В. М.* 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. II. Нальчик: Эльбрус.
- Василевич, Г. М.* 1969. Эвенки. Ленинград: Наука.
- Винклер, П., фон.* 1992. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. Москва: Софт-Мастер.
- Виноградов, В. Б.* 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV века до н.э.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство.
1974. Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии // Советская археология 4: 258-263.
- Вольная, Г. Н.* 1994. К характеристике одного типа северокавказских бронзовых зооморфных наконечников ножен середины I тыс. до н.э. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Материалы Международной конференции: 193-195. Тирасполь.
- Галанина, Л. К.* 1977. Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная коллекция Бранденбурга). Свод археологических источников Д 1-33. Москва: Наука.
1989. Атрибуция двух золотых предметов из Келермеса (детали торпугеи парадного меча) // Советская археология 4: 255-261.
1997. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии I. Москва: PALEOGRAPH.
- Гемуев, И. Н., А. М. Сагалаев, А. И. Соловьев.* 1989. Легенды и были таежного края. Новосибирск: Наука.
- Горелик, М. В.* 1985. К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах Амударьинского клада // Художественные памятники и проблемы культуры Востока: 36-46. Ленинград: Искусство.
1993. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). Москва: Наука.
- Грязнов, М. П.* 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Ленинград: Наука.
- Гурвич, И. С.* 1977. Культура северных якутов-оленьеводов. Москва: Наука.
- Дашевская, О. Д., Г. А. Лордкипанидзе.* 1995. Скифское изваяние из Восточной Грузии // Историко-археологический альманах 1: 99-101. Армавир-Москва.
- Жук, П., С. Жук.* 1988. Боевые ножи. Москва: Гелиос.
- Зеймаль, Е. В.* 1979. Амударьинский клад. Каталог выставки. Ленинград: Искусство.
- Зувев, В. Ю.* 1993. «Пляшущие человечки» Салоговского клада // Ad Polus. Археологические изыскания 10: 95-102. Санкт-Петербург.
- Ильинская, В. А.* 1971. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // Советская археология 2: 64-85.
- Ильинская, В. А., Б. Н. Мозолевский, А. И. Тереножкин.* 1980. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ: 31-63. Киев: Наукова думка.
- Ильинская, В. А., А. И. Тереножкин.* 1983. Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев: Наукова думка.
- История Армении Фавстоса Бузанда. 1953. // Памятники древнеармянской литературы I. Ереван: Издательство АН Арм ССР.
- Кисель, В. А.* 1994. Несколько замечаний об образе кошачьего хищника в раннем скифском искусстве // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху: 111-119. Санкт-Петербург.
- Козенкова, В. И.* 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). Москва.
- Кубарев, В. Д.* 1979. Древние изваяния Алтая. (Оленные камни). Новосибирск: Наука.
1981. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии: 29-54. Новосибирск: Наука.
1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука.
1991. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука.
1992. Курганы Сайлогема. Новосибирск: Наука.
- Литвинский, Б. А., И. Р. Пичикаян.* 1981. Ножны акинака из Бактрии // Вестник древней истории 3: 85-110.
- Луконин, В. Г.* 1977. Искусство Древнего Ирана. Москва: Искусство.
- Махортых, С. В.* 1991. Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наукова думка.
- Мачинский, Д. А.* 1978. Пектораль из Толстой Могилы и великие божества Скифии // Культура Востока. Древность и раннее средневековье: 131-150. Ленинград: Аврора.
- Мелокова, А. И.* 1964. Вооружение скифов. Свод археологических источников Д 1-4. Москва: Наука.
- Новгородова, Э. А.* 1989. Древняя Монголия. Москва: Наука.
- Ольховский, В. С., Г. Л. Евдокимов.* 1994. Скифские изваяния VII-III вв. до н.э. Москва: Издательство Института археологии РАН.
- Патрушев, В. С.* 1984. Марийский край в VII-VI вв. до н.э. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство.
- Переводчикова, Е. В.* 1983. О сюжетах изображений на бутеролях акинаков ахеменидского времени // Вестник древней истории 3: 96-103.
- Пиотровский, Б. Б.* 1970. Кармир-Блур. Ленинград: Аврора.
- Позребова, М. Н., Д. С. Раевский.* 1992. Ранние скифы и древний Восток: К истории становления скифской культуры. Москва: Наука.
- Полосьмак, Н. В.* 1994. «Стерегищие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука.
- Попов, А. А.* 1948. Нганасаны I // Труды Института этнографии III.
- Пшеничнюк, А. X.* 1988. Раскопки Филипповских курганов // Археологические открытия 1986 года: 192-193. Москва: Наука.
- Савинов, Д. Г.* 1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Сарианиди, В. И.* 1989. Храм и некрополь Тиллятепе. Москва: Наука.
- Соломатина, Н. В.* 1995. Два новых изваяния скифского времени из Ставропольского музея // Историко-археологический альманах 1: 102-109. Армавир-Москва.
- Сорокин, С. С.* 1978. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока. Древность и раннее средневековье: 172-191. Ленинград: Аврора.
- Степи.* 1989. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. Москва: Наука.
- Степная полоса.* 1992. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. Москва: Наука.
- Техов, Б. В.* 1980. Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI вв. до н.э. Москва: Наука.
- Федорова, Е. Г.* 1994. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. Санкт-Петербург: Издательство Института этнографии РАН.
- Хазанов, А. М.* 1971. Очерки военного дела сарматов. Москва: Наука.
- Халиков, А. X.* 1977. Волго-Камье в начале раннего железа (VIII-VI вв. до н.э.). Москва: Наука.
- Черников, С. С.* 1965. Загадка Золотого кургана. Москва: Наука.
- Чугунов, К. В.* 1996. Погребальный комплекс с кенотафом из Тувы (Квопросу о некоторых параллелях археологических и письменных источников) // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы Международной конференции: 69-80. Санкт-Петербург.
- Шкурко, А. И.* 1969. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии // Советская археология 1: 31-39.
- Bernhard, P.* 1976. A propos des boulerolles des fourreaux Achéménides // Revue archéologique 2: 227-246.
- Ghirshman, R.* 1964. The Arts of Ancient Iran. From its Origins to the Time of Alexander the Great. New York: Golden Press.
- Goldman, B.* 1957. Achaemenian Chapes // Ars Orientalis II. The Metropolitan Museum of Art Bulletin. 1984. New York. v. XLI/4.
- Seyring, H.* 1937. Armes et costumes iraniens de Palmyre // Syria XVIII/1: 1-53.
- Stucky, R. A.* 1976. Achämenidische Ortbänder // Archäologischer Anzeiger 1: 13-23.
- Wehrauch und Seide. Alte Kulturen an der Seidenstraße. 1996. Milano.
- Zuev, V., R. B. Ismagilov.* 1994. Ritual complexes with statues of horsemen in the Northwestern Ustyrt // New archeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia: 54-57. Sankt-Petersburg.

«... HE TIED THE PONIARD TO HIS HIP...» (on a way of carrying blade weapons)

V. A. KISEL'

Many art objects from the Achaemenian Empire bear representations of warriors, natives of Iran and Central Asia of the 6th-4th century B.C., armed with short swords — acinaces. As a rule the sheathes of the acinaces are depicted as hung to the belts of the warriors and tied to the leg above their knees (Ghirshman 1964: ill. 228, 231, 232, 240, 254, 255, 258, 259; Луконин 1977: figs. on pp. 72, 76; Зеймаль 1979: cat. 48; Горелик 1985: tables 1, 2; Горелик 1993: table X: 1-5, 18, 19; Collon 1995: Fig. 187) (fig. 1: 1-3). Such a way of fixing the weapon enabled it to be unsheathed quickly with one hand without help of the other. To the opinion of some scholars it was in the ancient Iran that this method was originated (Мелюкова 1964: 63; Шкурко 1969: 35; Виноградов 1972: 115-116). Other investigators believe that only nomads could invent it (Кубарев 1981: 52).

The deer stones — the earliest monuments left by ancient nomads which represent a schematic figure of an armed man, — do not indicate any single common way of carrying blade weapons. There, swords and daggers are depicted at the front (Кубарев 1979: table III: 4, IX: 1; Грязнов 1980: Fig. 29: 13; Савинов 1994: table VI: 5, 8, VII: 1, VIII: 1-3, 5-8, IX: 2, 8, 9, X: 2-4, XI: 3), on the left (Кубарев 1979: table I; Грязнов 1980: Fig. 23: 3; Савинов 1994: table VII: 5, VIII: 12, X: 1, 3) or right side (Савинов 1994: table IV: 7, V: 4, VII: 5). It seems that the frontal location of the weapon at the belt prevailed. The archaeological contexts of burial assemblages also give no solid evidence of a stable custom of fixing swords and daggers at thigh. Nevertheless one cannot consider Iran as the homeland of this tradition since the most peculiar part of the Achaemenian sheath — a richly decorated bouterolle — goes back to the image of a coiled up feline predators of the Scythian animal style (Переводчикова 1983: 97-99). At present the earliest similar sheath point was found at a barrow situated near the farm of Stepnoi in the Gudermes Region of Chechnya (Виноградов 1974: 259, fig. 1). In terms of the design peculiarities of the sword found in the same place the sheath point may be dated to the late 8th — middle 7th centuries B.C. (Техов 1980: 58; Махортых 1991: 56-57). It should be noted that of the whole collection of typologically similar bouterolles only this object and the

point found in a kurgan near the village of Nartan in Kabardino-Balkariya are executed in the strict observance of the Scythian art traditions (fig. 2: 1, 2). All the other are replicas made by local artisans — representatives of settled cultures — who performed the order of nomads. All these objects in terms of stylistics and chronology are divided into several groups:

I — products of Caucasus craftsmen: objects found near the village of Ruk and Faskau in a Tliyan находки у с. Рук, Фаскау из Тлийского могильника cemetery (Техов 1980: 33, 35, 39-41, fig. 12: 6, 14: 1, 5, 19: 2, 3, 23: 1, 2, 4, 5; Ильинская, Тереножкин 1983: 33, figs. 1, 2, 4, 5, с. 45, fig. 3). Dating: about the 7th or beginning of the 6th century B.C. (fig. 2: 3-7).

II — objects made by Asia Minor craftsmen: Па — finds from Zivie, Karmir-Blour, Sardis (Ghirshman 1964: ill. 157; Пиотровский 1970: ill. 96; Сорокин 1978: 186, fig. 7). Dating: first half of the 7th century B.C. (fig. 2: 8-10). Пб — Iranian samples and their provincial copies (Литвинский, Пичикян 1981: 102, fig. 7; Переводчикова 1983: 97, fig. 1, 4-9). Dating: the 5th century B.C. (fig. 2: 13-25).

III — objects of an undefined origin: finds from the village of Dar'evka and Starshaya Mogila in the Dnieper area (Шкурко 1969: 32, fig. 1, 2; Ильинская 1971: 69, fig. 2: 5, p. 73, fig. 5: 6). Dating: the second half of the 7th century B.C. (fig. 2: 11, 12).

Possibly, the sheath points in form of a bird of prey dating to the last half of the 7th or 6th century B.C. (Виноградов 1972: 144-146, fig. 28: 1, 11; Халиков 1977: fig. 63: 4; Техов 1980: fig. 18: 2, 3; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980: 42, fig. 11: 5-7, fig. 12: 2; Патрушев 1984: fig. 48: 25; Погребова, Раевский 1992: fig. 19; Горелик 1993: table XI: 32; Козенкова 1996: fig. 37: 6, 9, 10, 12) also served to facilitate fixing of the sheath to thigh (fig. 2: 26-30).

It seems that some Scythian stone sculptures may confirm the existence in the early Scythian society of a custom of tying blade weapons to leg (Ольховский, Евдокимов 1994: 73, ill. 1 no. 1; ill. 40 no. 73; ill. 51 no. 86; ill. 76 no. 127; ill. 77 no. 128; ill. 87 no. 149; Дашевская, Лордкипанидзе 1995: fig. 1) (fig. 1: 11; 2: 1). V. V. Vinogradov having considered all finds of bouterolles in Caucasus came to a conclusion that these sheath

components were most widespread among the aboriginal population and not among the alien nomads of North-Caucasus steppes. (Виноградов 1972: 115). This is really so. But the appearance of sheathes designed for tying to leg is attested in Caucasus only in the time of the penetration of Scythians there. Later, sheathes of such a design along with the acinaces itself and the peculiar way of carrying it became common in the Near East, Dnieper and Volga areas.

Scythians proper rather early gave up this way of carrying acinaces and since the middle of the 6th or 5th century B.C. began to hang them at the belt in front of them. In the 4th or 3rd century B.C., though, the old tradition tends to be resumed (Ольховский, Евдокимов 1994:73).

The second stage in the history of the development of the tradition under consideration is connected with the Sarmatian period. Sarmatian warriors modified the «Scythian» type of sheath; new design appeared (fig. 4). The method of fixing also was modified. Now the weapon was tied to leg at two places, sometimes even without hanging it to the belt (fig. 1: 6,8; 3). In the end of the 1st millennium B.C. the «Sarmatian» type of sheath penetrated to Parthia, Bactria, Iran, Syria and Armenia (Хазанов 1971: 27; Кубарев 1981: 51). Quite a number of objects of art depict warriors carrying swords and daggers in such sheathes (Seyring 1937: Pl. I; Хазанов 1971: table XVI: 2; Луконин 1977: ill. on p. 142, 165; Zuyev, Ismagilov 1994: 55, fig. I; Collon 1995: Fig. 159; Weihrauch

1996: Kat. 83). This type had existed till about the end of the 4th century B.C.

Thus two cultural impulses to the Middle East which brought with them the tradition of carrying blade weapons tied to thigh can be traced. In both cases some nomadic unions were the starting points. Nevertheless, as one may judge by the sporadic use of this way of carrying acinaces by Scythians it is doubtful that it could originate in their medium. Evidently it was a borrowing. Evidences of ethnography indirectly confirm this supposition. After ethnographical sources, Mansi, Khanty, Nganasan, Dolgan, Ket, Enets, North — Yakut, West — Evenki, Yukagir, Chukchi, the Amur peoples fixed daggers hanging them at belt and tying to thigh (Попов 1948: 110, fig. 58; Антропова 1957: 196, fig. 14; Чернецов 1957: table VIII: 2; 159; Алексеенко 1967: 52-53; Василевич 1969: 64; Гурвич 1977: 41, fig. III; Федорова 1994: 145, 221). However the modern population of the Middle East, as well as Turkic-speaking nomadic peoples do not practise this technique.

As a tentative hypothesis we may suppose that the place of origin of this tradition was the regions of settling of some ancient taiga tribes of Siberia. These tribes of hunters and fishers passed this way of fixing weapons to Scythians and later to Sarmatians being with the latter possibly in long-termed contacts or partly being included in the Sarmatian cultural union.

КОЛЛЕКЦИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ С ЯГОРЛЫЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Ю. А. ВИНОГРАДОВ, Д. И. ФОНЯКОВ¹

В Институте истории материальной культуры РАН в настоящее время хранится коллекция металлических предметов, происходящих с Ягорлыцкого поселения. Сюда она поступила от одного из авторов публикации, Д. И. Фонякова, которому, в свою очередь, была передана из семьи известного скифолога П. Н. Шульца. Этому ученому коллекцию металлических предметов прислал, очевидно, в 1970 г. Шербин Григорий Николаевич, житель с. Ивановка Голопристаньского р-на Херсонской обл. В письме к П. Н. Шульцу он называет себя «любителем древнего оружия» и отмечает, что собрал эту коллекцию охотясь на уток на берегу Ягорлыцкого залива в Нижнем Поднепровье, «когда пройдет штормовая погода». Надо отдать должное уважение этому скромному энтузиасту, роль которого в изучении столь важного памятника времени греческой колонизации Северного Причерноморья, каким является Ягорлыцкое поселение, неоспорима.

Сразу необходимо подчеркнуть, что Ягорлыцкое поселение, расположенное в устье Днепра, стало известным, даже знаменитым в современной научной литературе по античной археологии Северного Причерноморья благодаря сборам на берегу залива металлических, стеклянных и керамических предметов, изученных А. С. Островерховым, С. Я. Ольговским и В. В. Рубаном. Особый интерес к нему объясняется тем, что данное поселение представляет собой редкий пример ремесленного центра, возникшего в низовьях Днепра на раннем этапе освоения греками северного берега Понта и работавшего на удовлетворение нужд туземного населения (см. Островерхов 1978; 1981; Археология Украинской ССР 1986: 444; Сон 1987: 119). По находкам привозной греческой керамики памятник датируется в пределах последней трети VII – первой половины VI вв. до н.э. (Рубан 1983: 289; ср. Рубан 1980: 112). Более поздняя датировка поселения в пределах первой половины – середины – последней четверти VI в. до н.э., которая предлагается

некоторыми исследователями (см. Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: 41; Кузнецов 1991: 36, прим.41), как представляется, маловероятна, во всяком случае, для периода расцвета здесь ремесленной деятельности (Полин 1998: 59).

Несмотря на большую известность и даже налет, так сказать, хрестоматийного глянца, наши знания о поселении и его производственной функции все еще очень недостаточны, поэтому публикация любых новых материалов, происходящих отсюда, имеет немалый научный интерес. Значимость таких новых материалов еще более возрастает по той причине, что, как утверждают, Ягорлык уже погиб для полевых исследований (Полин 1998: 59). Коллекция, хранящаяся в ИИМК РАН, состоит из 26 бронзовых наконечников стрел, фрагмента бронзовой серьги, 3-х обломков бронзовых булавок, 6 свинцовых пряслиц, 6 свинцовых «колесиков», а также нескольких застывших капель бронзы и обрубков литиков (ср. Островерхов 1981: 27, рис. 1). Последние из перечисленных находок, а также факт незаточенности большинства наконечников стрел позволяют признать безусловно верной трактовку Ягорлыцкого поселения как производственного.

Кратко охарактеризуем основные категории предметов нашей коллекции.

Наконечники стрел представлены 26 находками, что является достаточно большой цифрой для памятника, – А. С. Островерхов и С. Я. Ольговский изучили всего 22 экземпляра (Ольговский 1981: 38). Практически все они относятся к двум типам первой хронологической группы по классификации А. И. Мелюковой (1964: 18 сл.), но имеется и находка, в эту классификацию не укладываемаяся. Первый тип (12 экз.) – двулопастные наконечники с овальной или лавровидной головкой и выступающей втулкой, часто снабженной шипом (рис. 1: 2-13). Второй тип (13 экз.) – трехлопастные наконечники с овальной или остролистной головкой и выступающей втулкой, иногда также снабженной шипом (рис. 1: 14-26).

¹Ю. А. Виноградов. Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

Д. И. Фоняков. Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

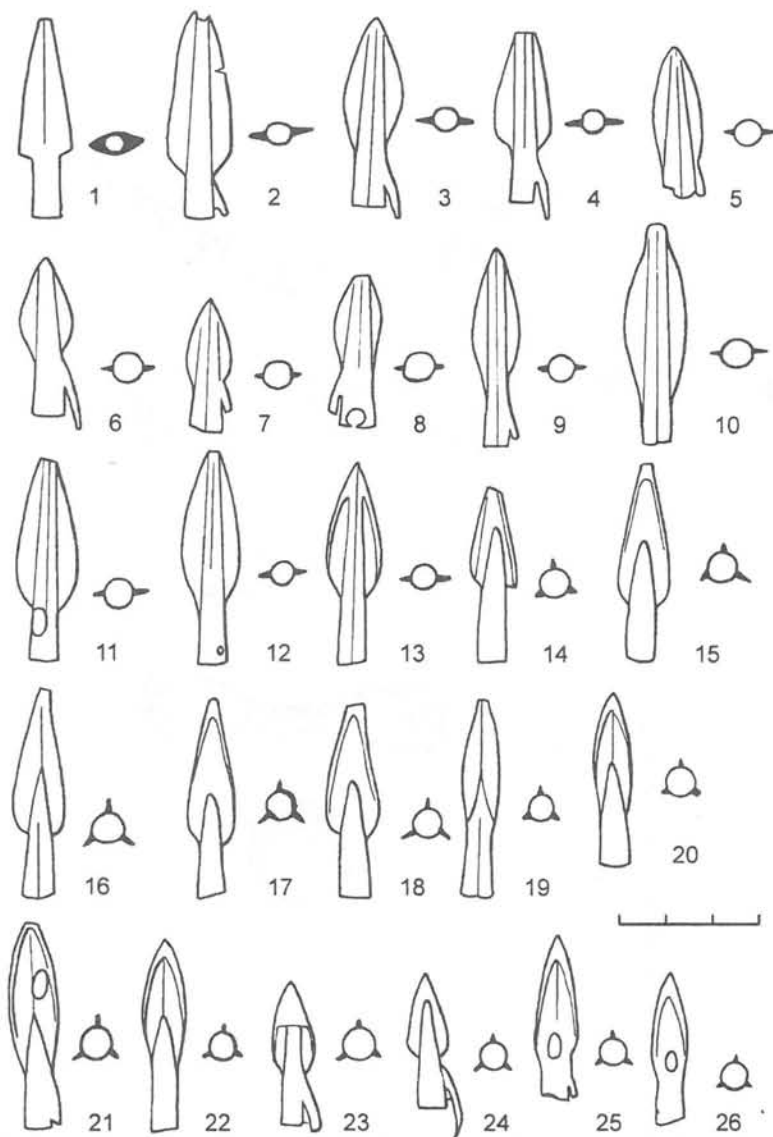

Рис. 1 Бронзовые наконечники стрел (1-26).

Fig. 1 Bronze arrowheads (1-26)

Оба названных типа хорошо известны во многих памятниках архаической Скифии, при этом именно в тех, которые относятся к времени ранее середины VI в. до н.э., когда в Причерноморье происходит смена типов наконечников стрел (Медведская 1980: 33). Не удивительно, что среди памятников ольвийского региона они имеют сходство с находками первой хронологической группы с Березани (Ольговский 1980: 191), отличаясь от комплекса наконечников стрел более поздних архаических поселений Нижнего Побужья второй половины VI – первой трети V вв. до н.э. (Полін 1987: 28; Назаров 1988: 182).

Нетипичным для Скифии является втульчатый наконечник стрелы с головкой в виде вытянутого равнобедренного треугольника, ромбовидной в сечении с выделенной вертикальной гранью по середине (рис. 1: 1). Любопытно, что подобный наконечник уже опубликован

А. С. Островерховым, хотя он не считал возможным отнести его к продукции Ягорлыка и определил находку как гальштатскую, попавшую на поселение случайно (Островерхов 1981: 26, рис. 3: 38). Учитывая публикуемый экземпляр, с последним заключением следует поспорить и признать, что наконечники этого типа, всего скорее, изготавливались здесь же, тем более, что наконечник из данной коллекции даже не заострен. Вместе с тем, вывод А. С. Островерхова о гальштатской принадлежности наконечника этого типа заслуживает самого пристального внимания. Хорошо известно, что в Центральной и Западной Европе, а также и в Древней Греции находки этих предметов вооружения не столь часты и, по большей мере, представлены типами восточного производства (Piggot 1965: 195; Nicholls 1958/59: 129-131; Erdmann 1973: 30-58; Buchholz 1976: 1-13; Maass 1984: 275-276), но среди

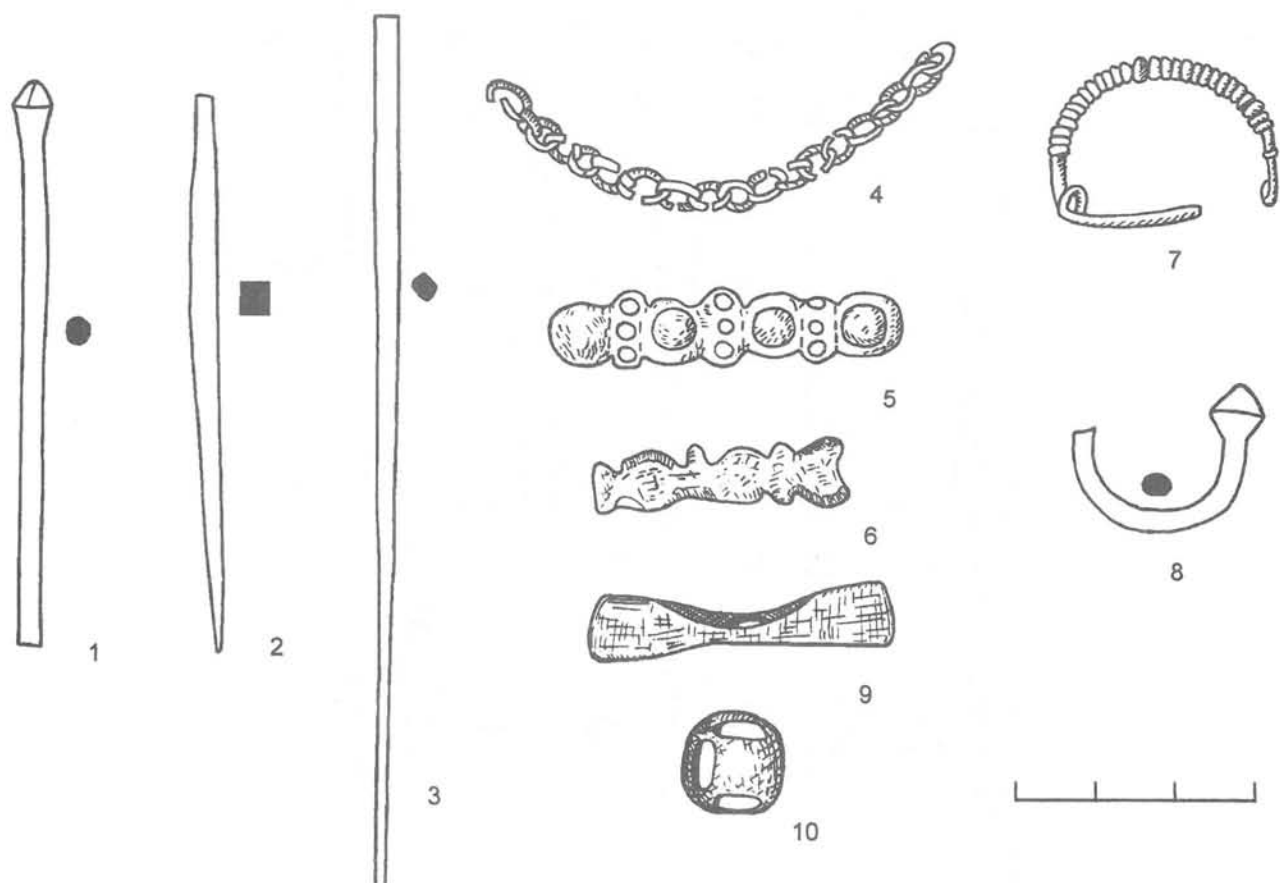

Рис. 2 Бронзовые предметы (1-3, 8 — из коллекции ИИМК РАН; 4-7, 9-10 — по А. С. Островерхову).

Fig. 2 Bronze objects (1-3, 8 — from the IIMK RAS collection; 4-7, 9-10 — after A. S. Ostroverkhov).

них выделяется серия втульчатых наконечников с треугольной формой головки (см. Граков 1977: 37; Sprater 1928: 93; Kleeman 1954: Abb. 4: a-c; Kromer 1986: 42, Abb. 37: 12-17). Любопытно, что такие наконечники достаточно широко бытовали в эпоху бронзы и раннего железа на северо-западе Балканского полуострова, хотя и отличаются от публикуемого предмета более широкой головкой и двумя выделенными шипами в нижней ее части (Годорович 1971: Tabl. XXIV, XXV, XXXIX: 4, 18, 20). На территории Венгрии они встречаются в комплексах вместе с наконечниками раннескифских типов (Kemény 1994: 81, Abb. 2, 7; 87, Abb. 4: 1, 3). Всего скорее, два отмеченных наконечника стрел (из 48 изученных) с Ягорлыцкого поселения следует рассматривать как своего рода гибридный тип, в котором западные черты уже сильно ретушированы под влиянием восточных степных, утратив треугольное

завершение лопастей в нижней части и приобретая более стройные пропорции.

Этот вывод, однако, требует некоторых оговорок. Дело в том, что наконечники стрел с треугольной головкой, известные на территории Западной Европы в раннем железном веке, весьма схожи по форме с древнейшими металлическими типами, которые появились в Северном Причерноморье в XII в. до н.э. Последние, конечно, копировали в металле формы, которые были известны по каменным наконечникам (Черняков, Ванчугов, Кушнир 1986: 53), что, очевидно, будет справедливым и для понимания генезиса европейских образцов. Ягорлыцкие находки в этом ряду аналогий могут представлять как бы промежуточную, переходную стадию от самых ранних металлических наконечников к скифским типам. Однако, вряд ли следует относить их к столь раннему времени и, соответственно, придавать столь

большое, можно сказать, этапное значение. Мы склонны отводить им более скромное место в плане связей памятника с западными областями.

Тем не менее, именно эти западные аналогии, как представляется, имеют принципиальное значение для уяснения своеобразия Ягорлыцкого поселения как производственного центра, работающего для удовлетворения потребностей прежде всего местного варварского населения. Как ни странно, на территории северо-востока Балкан подобных наконечников, как будто, не зафиксировано, хотя проникновение их сюда кажется вполне вероятным. Однако, другая особенность набора наконечников стрел, изготавливавшихся на Ягорлыцком поселении, роднит его с памятниками именно этого района. Речь идет о железных трехлопастных наконечниках стрел, которые в Скифии встречаются весьма редко (Островерхов 1978: 33-34), но достаточно типичны для скифских памятников на территории Румынии (см. Vasiliev, Badea, Man 1973: Fig. 4; Vasiliev 1980: Pl. 9, 18).

Обломок подвески или серьги из спирально изогнутой бронзовой проволоки с биконической шишечкой на конце (рис. 2: 8). Подобные находки уже были зафиксированы на поселении, но в Скифии VI-V вв. до н.э. они чрезвычайно редки (Островерхов 1981: 31). Их находки в это время, в основном, группируются в Трансильвании, Болгарии и Боснии (см. Петренко 1978: 35; Vasiliev 1970: 43, fig. 1: 4-7; Vasiliev, Badea, Man 1973: Pl. 18: 14-15; 19: 1-5).

Три обломка бронзовых гвоздевидных булавок, одна из которых имеет биконическое навершие (рис. 2: 1-3). Сходные предметы, происходящие с Ягорлыка, уже были изучены С. А. Островерховым (1981: 29 сл.). Булавки, как известно, являлись характерным типом украшений в скифской лесостепи (Петренко 1978: 7). Широко бытовали они и в более западных от Скифии областях (Гарашанин 1954: Табл. XIV-XV), возможно, являясь прототипами для скифских булавок, что, в общем, характерно и для некоторых других типов украшений (см. Vasiliev 1970: 61).

Свинцовые предметы, среди которых прежде всего выделяются так называемые «колесики» (рис. 3: 1-4). Эти литые круглые плоские предметы с отверстием в центре, украшенные простым линейным орнаментом, очень напоминают модели колес современных автомобилей. Происхождение и назначение рассматриваемых свинцовых поделок вызывает немалые споры, хотя логичнее всего ожидать, что они являлись пряслицами, в которых утилитарное назначение предмета теснейшим образом увязывалось с культовыми представлениями, прежде всего с кругом соляных образцов. А. С. Островерхов называет их амулетами-колесиками и считает, что

они хорошо известны на всех греческих памятниках Северного Причерноморья, а также у скифов, савроматов, кельтов и пр. (Островерхов 1981: 35-36).

Эту точку зрения, на наш взгляд, необходимо решительно отвергнуть. Дело в том, что на очерченных обширных территориях бытовали типологически совсем иные «колесики», а именно — бронзовые ажурные подвески, а не свинцовые пряслица (см. Замятин 1946: 24, 25, рис. 10, 9; Манцевич 1973: 28, 30, рис. 7: 17; Либеров 1965: Табл. 24, 42; Петренко 1978: 39; Смирнов 1964: 146, рис. 71: 3-5; Кухаренко 1959: 36, 37, рис. 2: 1-3). Большие сомнения вызывает и допустимость сопоставления рассматриваемых предметов со свинцовой пряслезью, обнаруженной в одном из архаических погребений Таманского полуострова (см. Гайдукевич 1959: 168, 171, рис. 27). Так что вывод А. С. Островерхова о том, что свинцовые «колесики» широко известны на греческих и варварских памятниках всего Северного Причерноморья весьма спорен. Иное дело, что они типичны для культуры Северо-Западного Причерноморья, не удивительно, что только в ольвийском районе и Истрии обнаружены литейные формы для их изготовления (Фурманская 1958: 42, рис. 1; Рубан 1979: 249; Dimitriu 1966: Pl. 50: e). По этой причине следует признать, что абсолютно прав был В. В. Рубан, когда связывал колесообразные пряслица с производственной деятельностью греческих городов именно Северо-Западного Причерноморья (Рубан 1979: 250).

Обычные свинцовые пряслица (6 экз.) в равной степени представлены типами полусферических (рис. 3: 5-7) и биконических (рис. 3: 8-10). Два последних (рис. 3: 9-10) украшены линейным орнаментом, весьма схожим с орнаментацией «колесиков», в чем можно усматривать еще одно подтверждение предположения об их одинаковом функциональном предназначении. Аналогичные находки опять же характерны для греческих памятников Северо-Западного Причерноморья, где известны и литейные формы для их изготовления (см. Фурманская 1958: 42, рис. 1; Рубан 1979: 249, 250). По всей видимости, все типы свинцовых пряслиц в это время изготавливались исключительно для греческих потребителей, поскольку в Скифии они появляются лишь в IV в. до н.э. Любопытно, что среди них представлены и усеченно-конические пряслица с линейным орнаментом в виде каннелюр, радиально расходящихся от входного отверстия (Гаврилюк 1987: 121-122).

Публикуемая коллекция бронзовых предметов была исследована на предмет выяснения своеобразия сплавов в Спектральной лаборатории ИИМК РАН. Анализы были осуществлены

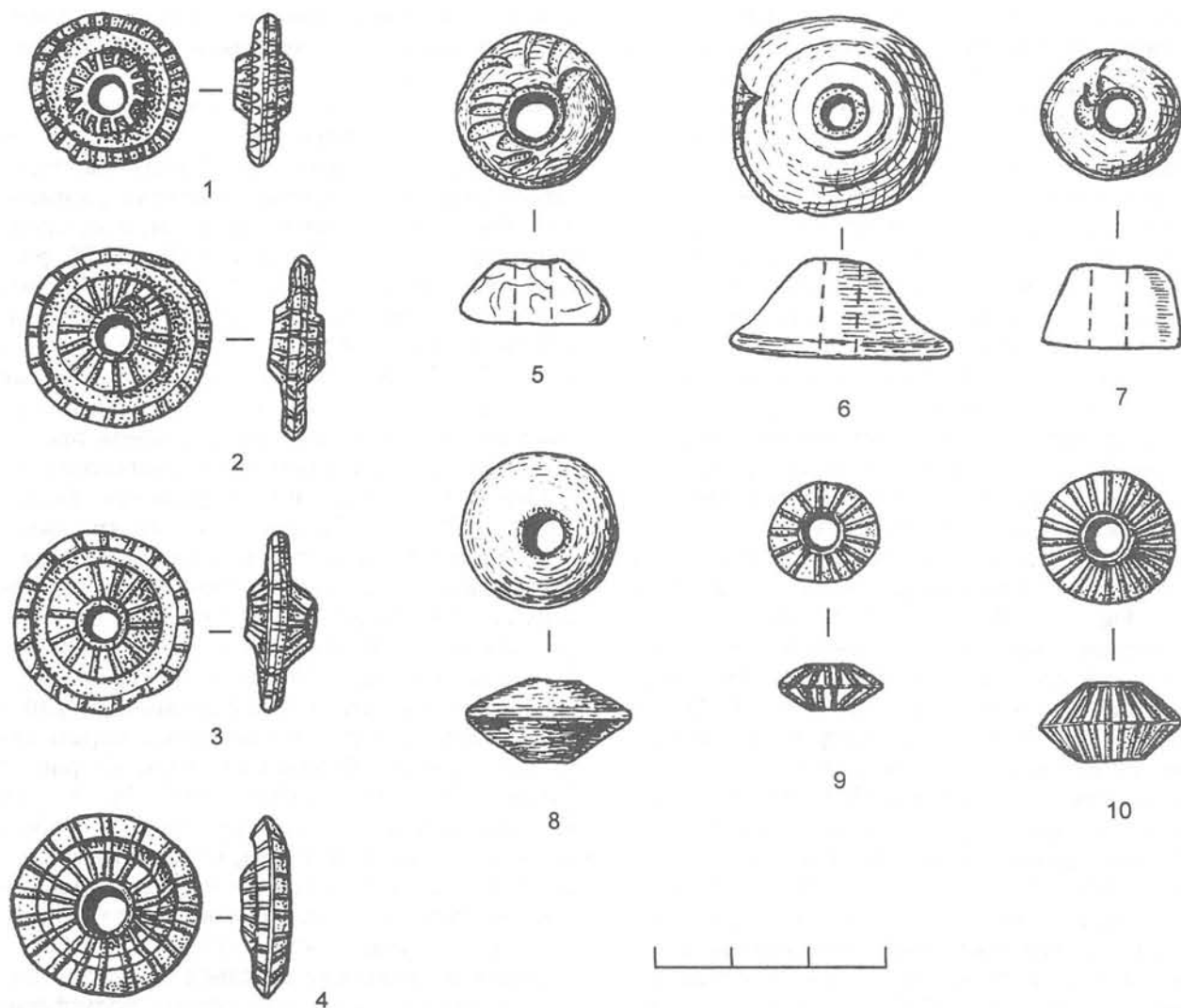

Рис. 3 Свинцовые предметы (1-10).

Fig. 3 Lead objects (1-10).

В. А. Галибиным, за что авторы выражают ему огромную благодарность. На основании этих анализов следует заключить, что бронза, из которой изготавливались рассматриваемые предметы, относится к разряду оловянистых (олово составляет 12-17%) с примесью свинца (как правило, менее 1%). Прочие включения – висмут, никель, кобальт, железо составляют сотые доли процента. Столь же ничтожна примесь серебра, хотя в одном из наконечников стрел (рис. 1: 2) она составляет 22%. Приблизительно в половине предметов отмечена примесь мышьяка в пределах 0,1%, цинк и золото – практически отсутствуют. В обозначенном списке примесей весьма симптоматичным представляется наличие кобальта, – Т. В. Барцева в связи с этим подчеркивала, что этот элемент в бронзовых сплавах указывает на происхождение сырья для бронзолитейного производства из юго-западных по отношению к Скифии районов

(Барцева 1981: 22). Приведенные лабораторные определения вполне соответствуют уже существующему заключению о карпато-дунайских источниках сырья для мастерских Ягорльшкого поселения (Ольговский 1981: 39; Островерхов 1981a: 110).

Вряд ли имеются сколь-либо веские основания сомневаться в том, что мастерские Ягорлыка работали в основном для варварского потребителя. Однако, если полностью принять господствующую сейчас точку зрения, что эта продукция предназначалась для удовлетворения потребностей скифского населения Северного Причерноморья, то возникает немало весьма серьезных вопросов. Дело в том, что перечень изготавливавшихся здесь предметов не столь явно, как считается, соответствует набору металлических форм, известных на памятниках ранней Скифии. Как уже отмечалось, там, в частности, отсутствуют свинцовые пряслица. Конечно, можно предположить, что

продукция местных мастерских была не столь многочисленной и растворялась в общей массе металлических изделий других производственных центров Скифии, но даже при таком понимании значимости Ягорлыцкого поселения следует обратить внимание на своеобразие ассортимента его продукции. Кроме бронзовых наконечников стрел и гвоздевидных булавок, очень типичных в Скифии (правда, не только в Скифии), другие изделия, в общем, не столь характерны для населения данного региона. Бронзовые подвески и железные наконечники стрел, как уже говорилось, более характерны для памятников территории Румынии, а наконечники стрел близкие по форме гальштатским типам, пусть единичные на поселении, — для еще более отдаленных областей. Возникающие сомнения еще более усиливаются, если обратиться к другим материалам Ягорлыцкого поселения, которые уже сравнительно давно введены в научный оборот, но, на наш взгляд, получили не вполне верную или даже просто ошибочную интерпретацию.

Большой интерес в связи с этим представляют находки на поселении фигурных бронзовых удлинённых пластин, оформленных в виде «астрала» (рис. 3: 5-6). Первые публикаторы именовали эти предметы бляхами для украшения конской сбруи (Островерхов 1981: 33; Ольговский 1981: 38), приводимые ими скифские аналогии, однако, абсолютно неубедительны. По существу, до сих пор известна единственная подобная бляха, происходящая из Поднепровья (Ханенко, Ханенко 1902: 14, табл. II: 401). А. С. Островерхов отметил, что очень близки им по форме бляшки из Белградского музея (Островерхов 1981: 33), что, конечно, верно (см. Тодорович 1971: Табл. 41-48), но при одной оговорке, — эти находки вообще очень типичны для Сербии, хотя и не только для нее одной. Они уводят нас в круг древностей Иллирии и Паннонии, среди которых бытовали так называемые астрагалоидные пояса, то есть пояса, плотно обшитые вертикально расположенными бронзовыми бляшками, подобными ягорлыцким.

В отношении иллирийских находок Й. Бруншмид еще в начале столетия писал, что астрагалоидные пояса были воинскими, и относил их к V-IV вв. до н.э. (Brunšmid 1902: 71-73). Й. Тодорович согласился с этой датировкой, но посчитал, что на таких поясах нельзя носить оружие (Todorovič 1964: 47). В культурной группе Глазнац появление этого типа поясов относится к концу VI в. до н.э. (Васич 1972: 132) или более широко — между 550 и 540 гг. до н.э. (Vasić 1977: 28-29, 35). Случайные находки астрагалоидных бляшек из Донья Долины датировали 475-300 гг. или 400-300 гг. до н.э. (Marić

1964: Tabl. XIV: 23; XVII: 20, 21). Судя по этим материалам, можно было бы предполагать, что астрагалоидные бляшки Ягорлыцкого поселения относятся к времени более позднему, чем основная группа находок, которая, как отмечалось, не выходит за середину VI в. до н.э. Однако, сравнительно недавно на территории Сербии в Криве Реке были обнаружены находки поясов хорошо датированные VII-VI вв. до н.э. (Zotović 1985: 73), так что иллирийские материалы позволяют предполагать, что ягорлыцкие бляшки вполне могут быть синхронными другим материалам поселения.

Е. Йерем отрицает иллирийское происхождение поясов этого типа и полагает, что территорию их возникновения следует связывать с Паннонией (Jerem 1973: 78). Среди астрагалоидных поясов этого района он выделил две типологические и хронологические группы: пояса с трех-четырёхчленными бляшками относятся к гальштатскому времени, а с пятишестишчленными — к более позднему, их использовали, в частности, продвинувшиеся в Паннонию кельты (Jerem 1973: 77-78). По этой схеме ягорлыцкие четырехчленные бляшки (см. рис. 2: 5-6), безусловно, следует атрибутировать как гальштатские.

Немалый интерес вызывает находка на поселении бронзовой модели двойной секиры-лабриса (рис. 2: 9), а также обломков железных предметов, которые интерпретируются как части лабрисов (Островерхов 1978: 33, рис. 4: 14-15, 34). Публикатор почему-то сопоставлял их с ольвийскими свинцовыми моделями двойных секир, производство которых началось здесь лишь в середине IV в. до н.э. (Зайцева 1971: 95), то есть значительно поздней, чем на Ягорлыке. Возможно, к продукции здешних мастерских или, по крайней мере, вполне ей аналогичной следует признать железный предмет неясного назначения, по форме напоминающий лабрис, из кургана Репяховатая могила, который датируется второй половиной VI в. до н.э. (см. Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980: 35, рис. 4: 2; 39, 63). Бронзовый лабрис с ограненной втулкой был найден в одном из курганов Северо-Западного Крыма, но он относится уже к V в. до н.э. (Колтухов, Андрух 1995: 148, рис. 3: 2). В общем, можно признать, что находки подобного рода не очень типичны для Скифии. Миниатюрные бронзовые модели двойных секир, конечно, были характерны для Древней Греции, проникая отсюда на север вплоть до Трансильвании (Bouzek 1974: 309). По этой причине будет более перспективным сопоставлять бронзовую модель лабриса из ягорлыцких материалов с находками из Фракии, Молдавии и Валахии (Островерхов 1981: 32).

Рискнем высказать предположение, что и полусферическую бронзовую бляху с отверстиями (рис. 2: 10), которая предназначалась для распределения ремней конской сбруи, можно связывать не только со скифским миром. Эти скромные по виду предметы имеют весьма долгую историю развития, которая, если судить по материалам могильника Тепе Сиалк В, начинается около середины VIII в. до н.э. (Медведская 1983: 77). Литые бронзовые бляхи-обоймы с плоским или выпуклым верхом и четырьмя прорезями по бокам бытовали в уздечных наборах Европы и Азии с VII в. до н.э., получая наибольшее распространение в конце VII-VI вв. до н.э. (Медведская 1983: 76; Kemeņczei 1994a: 597). Они характерны отнюдь не только для скифских степей, но и для гальштатских памятников Центральной Европы. Картографирование этих находок, проведенное, правда, уже достаточно давно, как будто, показывает, что наибольшее их количество концентрируется не в степях, а на юге Германии между Рейном и Эльбой (Schüle 1969: 47, 191-192, Karte 9; Bouzek 1974: 300, fig. 10; 332). Хронологически они вполне синхронны Ягорлыку (см. Schüle 1969: 47), хотя по форме, безусловно, более разнообразны и сложны. В общем, ягорлыцкую бляшку допустимо признать упрощенной репликой европейских типов.

Некоторые материалы с Ягорлыцкого поселения А. С. Островерхов связывал с влиянием Кавказа, среди них — бронзовая фибула, биконическая литая серьга, бронзовые цепочки (Островерхов 1981: 33). Теоретически это, конечно, допустимо, хотя при таком понимании сразу возникает вопрос о причинах столь любопытного явления. Вряд ли местные мастера трудились для удовлетворения потребностей в том числе и населения столь отдаленного и самобытного по культуре региона, к тому же имеющего долгую традиция металлургии. Весьма сомнительно и допущение, что мастера с Кавказа работали вместе с греками в низовьях Днепра. В научной литературе, правда, уже давно отмечалось морфологическое сходство отдельных предметов кобанской культуры Северного Кавказа с материалами Карпато-Дунайского бассейна начала I тыс. до н.э. (см. Козенкова 1975: 52 сл.; Виноградов, Дударев, Рунич 1980: 184 сл.; Gergova 1980: 296 ff.). Находки с Ягорлыцкого поселения, как представляется, все-таки не дают основания для таких или подобных смелых выводов.

Бронзовую дуговидную фибулу с рубчатой орнаментацией спинки (рис. 2: 7) А. С. Островерхов посчитал боковым вариантом кобанских фибул VI-V вв. до н.э. (Островерхов 1981: 33). На Северном Кавказе действительно имеются фибулы с рубчатой спинкой (см. Крупнов

1960: Табл. II: 2; XLII: 9, 10; LXVII: 1; XX: 1, 3; Козенкова 1977: Табл. XXII: 2; XXIII: 1, 36; XXV: 1), но вряд ли ягорлыцкая находка принадлежит к их совокупности. Дело в том, что приемник кобанских фибул всегда сделан очень просто, — кончик бронзового стержня расклепывался и загибался снизу. Опубликованная застежка сделана сложнее, — стержень перед приемником был перекручен, образовав очень характерную петельку, к сожалению, сам приемник не сохранился. Фибулы с такой петелькой, приемником треугольной формы и часто с рубчатой спинкой, если судить по румынским находкам, могут быть датированы VII — первой половиной V вв. до н.э. (Bader 1983: 77), но бытовали они, разумеется, не только на территории Румынии, а значительно шире (см. Тодорович 1971: Табл. XI, 6; Kromer 1959: Taf. 241, 10; Marić 1964: Tabl. IV, 2; VI, 9; Gergova 1987: Taf. 9, 114, 115). Так что эта находка связывает поселение, скорей, с Западом, нежели с Востоком.

В отношении бронзовых цепочек (рис. 2: 4) необходимо признать, что для Скифии они абсолютно не характерны. Подобные находки встречаются на Северном Кавказе (Крупнов 1960: Табл. LXX, 3; LXXII; Козенкова 1977: Табл. XXIII, 36), но в гальштатских и близких им памятниках они, как будто, еще более многочисленны (см. Kromer 1959: Taf. 10, 21, 33, 43, 96, 150, 175; idem 1964: Taf. 10; Reitingner 1968: 150-153, Abb. 114-117; 220, Abb. 175; Vasić 1977: PL. 5: 11; 13: 10; 34: 14; 55: 11, 12; Zotović 1985: Tabl. XIX, 2; Pârvan 1982: 242, fig. 312).

Ассортимент продукции Ягорлыцкого поселения, как видим, весьма своеобразен. Если считать, что она была предназначена, в основном, для удовлетворения нужд варварского населения Северного Причерноморья, а это, всего скорей, так, то необходимо обратить внимание, что мастера работали здесь в традициях не чисто скифских. В имеющихся материалах весьма ощутимо выступают культурные традиции варварского населения Трансильвании, Паннонии и даже Иллирии. Можно согласиться с А. С. Островерховым в том, что торговля металлом на поселении осуществлялась через фракийцев и отнюдь не случайно греки, работавшие здесь, освоили некоторые формы фракийских изделий (Островерхов 1981: 33). Но и такое объяснение, как представляется, не исчерпывает всей сложности проблемы.

Феномен Ягорлыцкого поселения, на наш взгляд, самым тесным образом может быть увязан с проблемой историко-культурного районирования Северного Причерноморья. Приходится согласиться с исследователями, которые указывали на важность такого подхода и выделяли Северо-Западное Причерноморье

в особую культурно-историческую и экономическую область. Среди прочих важных признаков ее выделения (сходство в монетном деле, общность приемов специфической строительной техники в греческих городах и многое другое) указывается и на то, что одним из основных, если не главным критерием здесь является зависимость греков от окружающих племен (Шелов 1967: 221; Брашинский 1970: 130, 134; Марченко 1992: 6 сл.).

Как видим, даже мастерские Ягорлыцкого поселения, расположенного на самой восточной окраине Северо-Западного Причерноморья, по существу в центре Скифии, работали в традициях разноэтничного и разнокультурного варварского населения, которое примыкало к греческим центрам обозначенного региона. Весьма вероятно, что среди греческих мастеров колоний Северо-Западного Причерноморья, трудившихся для этой категории потребителей, выработался своего рода усредненный набор

необходимых поделок, которые находили спрос если не у одной, то у другой группы варваров. Более основательное изучение потребностей местных рынков, или, как в данном случае, перенос производственной и торговой деятельности в другой район, разумеется, приводили к корректировке ассортимента выпускаемой продукции, но от этого своеобразия набора, характерного именно для Северо-Западного Причерноморья, полностью не исчезает или, правильнее сказать, исчезает не сразу. Иными словами, некоторые типы металлических изделий проникли в Нижнее Поднепровье вместе с переселившимися сюда, пусть временно или даже сезонно, мастерами (Черных 1976: 170-171). Переселение происходило с запада на восток, поэтому совсем не удивительно, что здесь некоторое время использовались, так сказать, старые «западные» наработки, которые в материалах Ягорлыцкого поселения первой половины VI в. до н.э. выступают еще вполне отчетливо.

Археология. 1986. Археология Украинской ССР 2. Киев: Наукова думка.

Брашинский, И. Б. 1970. Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья // Вестник древней истории 2: 129-138.

Барцева, Т. В. 1981. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское левобережье. Москва: Наука.

Васич, Р. 1973. Культурные группы стариег гвоздег доба у Југославији. Београд.

Виноградов В. Б., С. Л. Дударев, А. П. Рунич. 1980. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ: 184-199. Киев: Наукова думка.

Гаврилюк, Н. А. 1987. Прядение у степных скифов // Скифы Северного Причерноморья: 116-130. Киев: Наукова думка.

Гайдукевич, В. Ф. 1959. Некрополи некоторых боспорских городов // Материалы и исследования по археологии СССР 69: 154-238.

Гарашанин, Д. 1954. Каталог метала. Праистория. Београд: Народни музеј.

Граков, Б. Н. 1977. Ранний железный век. Москва: Издательство Московского государственного университета.

Зайцева, К. И. 1971. Ольвийские культовые свинцовые изделия // Культура и искусство античного мира: 84-106. Ленинград: Аврора.

Замятин, С. Н. 1946. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // Советская археология VIII: 9-50.

Ильинская, В. А., Б. Н. Мозолевский, А. И. Тереножкин. 1980. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ: 31-63. Киев: Наукова думка.

Козенкова, В. И. 1975. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели) // Скифский мир: 52-73. Киев: Наукова думка.

1977. Кобанская культура. Восточный вариант // Свод археологических источников В 2-5.

Колтухов, С. Г., С. И. Андрух. 1995. Скифские погребения V в. до н.э. из Северо-Западного Крыма // Археологические вести 4: 146-151.

Крупнов, Е. И. 1960. Древняя история Северного Кавказа. Москва: Издательство АН СССР.

Крыжицкий, С. Д., С. Б. Буйских, В. П. Отрешко. 1990. Античные памятники Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев: Наукова думка.

Кузнецов, В. Д. 1991. Ранние аллювии Северного Причерноморья // Краткие сообщения Института археологии 204: 31-37.

Кухаренко, Ю. В. 1959. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // Советская археология 1: 31-51.

Либеров, П. Д. 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // Свод археологических источников Д 1-31.

Манцевич, А. П. 1973. Мастогиинские курганы по материалам из собраний Гос. Эрмитажа // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 15: 12-151.

Марченко, К. К. 1992. Северо-Западное Причерноморье античной эпохи (историко-географическое определение) // Петербургский археологический вестник 2: 6-21.

Медведская, И. Н. 1980. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей II – первой половины I тыс. до н.э. // Советская археология 4: 23-37.

1983. Конский убор из могильника Сялук В // Iranica Antiqua XVIII: 59-79.

Мелюкова, А. И. 1964. Вооружение скифов // Свод археологических источников Д 1-4.

Назаров, В. В. 1988. Новые находки наконечников стрел из архаических поселений Нижнего Побужья // Античные древности Северного Причерноморья: 179-183. Киев: Наукова думка.

Ольговский, С. Я. 1980. Цветной металл Березани // Советская археология 4: 190-201.

1981. Спектральный анализ мідних та бронзових виробів з Ягорлицького поселення // Археологія 36: 37-41.

Островерхов, А. С. 1978. Про черну металургію на Ягорлицькому поселенні // Археологія 28: 26-36.

1979. К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов // Вестник древней истории 3: 115-126.

1981. Обробка кольорових металів на античних поселеннях // Археологія 36: 26-37.

1981a. К вопросу о сырьевой базе античных ремесленных центров Днепровско-Бугского лиманов // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья: 107-114. Киев: Наукова думка.

Петренко, В. Г. 1978. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. // Свод археологических источников Д 4-5.

Полін, С. В. 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія 59: 17-36.

Полин, С. В. 1998. О хронологии раннескифской культуры (по И. Н. Медведской) // Российская археология 4: 50-63.

Рубан, В. В. 1979. Литейная форма с поселения Козырка XV // Советская археология 3: 249-258.

1980. О датировке Ягорлыцкого поселения // Исследования по археологии Северного Причерноморья: 104-114. Киев: Наукова думка.

1983. Керамика Ягорлыцкого поселения из собрания Херсонского музея // Советская археология 1: 285-290.

Смирнов, К. Ф. 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. Москва: Наука.

- Сон, Н. А. 1987. Ремесленное производство // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время: 118-125. Киев: Наукова думка.
- Тодорович, J. 1971. Каталог праисторијских металних предмета. Београд.
- Фурманська, А. I. 1958. Ливарни форми з роскопок Ольвіп // Археологічні пам'ятки УРСР VII: 40-60.
- Ханенко, Б. И., В. И. Ханенко. 1902. Древности Поднепровья 6. Киев.
- Черных, Е. Н. 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. Москва: Наука.
- Черняков, И. Т., В. П. Ванчугов, В. Г. Кушнир. 1986. Древнейшие бронзовые наконечники стрел Северного Причерноморья // Советская археология 2: 47-55.
- Шелов, Д. Б. 1967. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество: 219-224. Москва: Наука. я
- Bader, T. 1983. Die Fibeln in Rumänien // Prähist. Bronzefunde XIV. 6. München.
- Bouzek, J. 1974. Macedonian Bronzes. Their Origins, Distribution and Relation to Other Cultural Groups of Early Iron Age // Památky archeologické 2: 278-341. Praha.
- Brunšmid, J. 1902. Prehistorijski predmeti iz srijemske županije // Vjesnik hrvatskoga arheološkoga društva VI: 68-86.
- Buchholz, H.-G. 1976. Pfeilspitzen // Archäologischer Anzeiger 1: 1-13.
- Dimitriu, S. 1966. Cartierul de locuințe din zona de vest a cetății, în epoca arhaică. Săpături 1955-1960 // Histria II: 19-131. București.
- Erdmann, E. 1973. Die sogenannten Marathonpfeilspitzen in Karlsruhe // Archäologischer Anzeiger 1: 30-58.
- Gergova, D. 1980. Contributions to the Problem of Thraco-Caucasian Relations in the Early Iron Age // Pulpudeva 3: 296-304.
1987. Früh- und ältereisenzeitliche Fibeln in Bulgarien // Prähist. Bronzefunde XIV. 7. München.
- Jerem, E. 1973. Zur Geschichte der späten Eisenzeit in Transdanubien. Späteisenzeitliche Grabfunde von Beremend // Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae XXV (1-2): 65-86.
- Kemenczei, T. 1994. Pfeilspitzen von Früh-Scythentyp aus Ostungarn // Folia Archaeologica XLIII: 79-96. Budapest.
- 1994a. Hungarian Early Iron Age Metal Finds and their Relation to the Steppes // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies: 591-618. Napoli.
- Kleeman, O. 1954. Die dreiflügeligen Pfeilspitzen in Frankreich // Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz 4: 89-141
- Kromer, K. 1959. Das Gräberfeld von Hallstatt. Sansoni Firenze. 1963. Hallstatt. Wienn.
1986. Das östliche Mitteleuropa in der frühen Eisenzeit (7-5 Jh. v. Chr.) – seine Beziehungen zu den Steppenvölkern und antiken Hochkulturen // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums 33.1: 1-96. Mainz.
- Maass, M. 1984. Aegina, Apaia-Tempel. Neue Funde von Waffenweihungen // Archäologischer Anzeiger 2: 263-280.
- Marić, Z. 1964. Donja Dolina // Glasnik zemaljskeg muzeja u Sarajevu XIX: 5-128.
- Nicholls, R. V. 1958/59. Old Smyrna: The iron age fortifications and associated remains on the city perimeter // The Annual of the British School at Athens 53/54: 36-137.
- Pârvan, V. 1982. Getica. București.
- Patek, E. 1986. Zum Übergang von der Urnerfelderzeit zur Hallstattzeit in Transdanubien. Überblick über den heutigen Forschungsstand // Hallstatt Kolloquium Veszprém, 1984: 165-172. Budapest.
- Piggot, S. 1965. Ancient Europe from the beginning of agriculture to classical antiquity. Edinburgh.
- Reitinger, J. 1968. Die ur- und frühgeschichtlichen Funde in Oberösterreich. Linz.
- Schüle, W. 1969. Die Meseta-Kulturen der Iberischen Halbinsel // Madrider Forschungen 3. Berlin.
- Sprater, Fr. 1928. Urgeschichte der Pfalz. Speier am Rhein.
- Todorović, J. 1964. Ein Beitrag zur stilistischen und zeitlichen Bestimmung der astragaloiden Gürtel in Jugoslawien // Archaeologia Jugoslavica V: 45-48.
- Vasić, R. 1977. The Chronology of the Early Iron Age in Serbia. British Archaeological Reports Supplementary Series 31. Oxford.
- Vasiliev, V. 1970. Podoabe de metal prețios din morminte scitice în Transilvania // Acta musei Napocensis VII: 41-63.
1980. Sciții agatârși pe teritoriul României. Cluj-Napoca.
- Vasiliev V., A. Badea, I. Man. 1973. Două noi morminte scitice descoperite la Teiuș // Sargetia X: 27-43.
- Zotović, M. 1985. Arheološki i etnički problemi bronzanog i gvozdenog doba Zapadne Srbije. Beograd.

THE COLLECTION OF METAL OBJECTS FROM THE SETTLEMENT OF YAGORLYK

Yu. A. VINOGRADOV, D. I. FONYAKOV

The collection of metal objects from Yagorlyk settlement gathered by G. N. Shcherbin was sent by him around 1970s to famous scythologist P. N. Schultz. Now the collection belongs to the Institute for the History of Material Culture, St. Petersburg.

The collection contains 26 bronze arrowheads (fig. 1), three pieces of nailshaped pins (fig. 2: 1-3), a fragment of bronze earring, six lead spindle-whorls and six lead wheel-shaped rings (fig. 3: 1-4).

The settlement of Yagorlyk situated in the mouth of the Dnieper came to light for scholars due to the collections of metal, glass and ceramic objects picked up from its surface. The settlement is of special

interest as an example of an industrial centre of the early period of Greek colonisation in the Lower Dnieper area. According to the type of Greek pottery found here the settlement was dated to about 630-550 B.C. (Рубан 1983).

In general there are no doubts that Yagorlyk craftsmen produced goods mainly for local barbarian market (Островерхов 1978, 1981; Ольговский 1981; Сон 1987) but some problems concerned with these objects still remain. The main is that the list of products does not follow the usual set of metal finds from early Scythian sites. Even if one admits the possibility that the production of Yagorlyk

craftsmen was small in number and practically dissolved among issues of other industrial centres, the variety of goods made here is rather special.

Except for bronze arrowheads and nailshaped pins very typical for Scythia the other objects are not so usual for the northern Black Sea region. The spiral-shaped earrings made of bronze wire and iron arrowheads are more common in Romania as well as the Hallstatt-like arrowheads are typical for the area still farther to the west.

Several bronze «astragal-shaped» badges also were found at the settlement. They are parts of so-called «astragal-shaped» belts well known among Hallstatt time finds in Illyria and Pannonia. The bronze model of double-edged axe «*labrice*» (fig. 2: 10) is of great interest as well as iron fragments of probably similar axes. It is well known that small models of double edged axes are usual in Greece and up to the North as far as Illyria, Thracia and Transylvania. For the chains and *fibulae* (fig. 2: 4,7) there are good parallels also in the West but not in Caucasus contrary to what Ostroverkhov writes. Bronze badge as part of horse harness (fig. 2: 11) connects Yagorlyk not only with Scythian area but probably with a vaster realm. Such objects are usual at many Hallstatt sites in Europe and are especially highly concentrated at the South of Germany.

Considering the variety of objects made in Yagorlyk's workshops we must say that the local

craftsmen followed not only local Scythian traditions but were influenced also by Transylvania, Pannonia and even Illyria. We agree with A. S. Ostroverkhov that metal trade here was the business of Thracians and that Greek craftsmen living here manufactured articles of Thracian types; however, his explanation does not exhaust the problem.

It seems that the Northern Black Sea shores in Greek times were subdivided into some special areas according to the monetary traditions, building techniques in Greek towns *etc.* and also according to the degree of dependence of the area from the adjacent Barbarian population (Шелов 1967; Брашинский 1970; Марченко 1992).

Workshops of the settlement of Yagorlyk situated at the easternmost boundary of the North-Western Black Sea area — actually in the centre of Scythia — produced their manufactures following traditions of local barbarian poliethnic and multicultural population living in close contact with Greek dwellings. It is highly probable that the local Greek craftsmen manufactured an universal set of goods in order to satisfy different groups of Barbarians. This set possibly changed after making a better knowledge of a local market or after migration of the craftsmen to another area but still this set of articles remained a rather special one as the 6th century B.C. settlement of Yagorlyk has clearly shown.

КУРГАНЫ ОЛЬВИИ КАК СИМВОЛ ЕЕ СЛАВЫ И САКРАЛЬНОЙ ОХРАНЫ

А. С. РУСЯЕВА¹

В погребальном обряде Ольвии, как и во всех сферах духовной жизни этого города, на протяжении почти тысячелетней его истории происходили значительные изменения. Они диктовались как внутренними социально-экономическими и политическими причинами, так и внешними. К ним, в первую очередь, следует отнести постоянные контакты, заимствования и влияния не только обширного эллинского, а в первые века нашей эры и эллино-римского мира, но и непосредственных соседей, обитавших в Степи и Лесостеи.

С усовершенствованием полисного устройства, усилением экономического самообеспечения и заметным социальным расслоением гражданской общины началось усложнение погребального обряда, занимавшего определенное место в жизни каждого человека, связанного тесными узами со своим родом, семьей и коллективом граждан. Пожалуй, ни в одном греческом центре на Понте Евксинском он не претерпел таких перемен и не содержит столь много разнообразных элементов, как в Ольвии. К одному из них следует отнести массовое появление курганов на некрополе в раннеэллинистический период, к которому относится и наивысший экономический и культурный расцвет Ольвийского полиса. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что погребальные сооружения типа курганной насыпи не были восприняты ольвиополитами во время первоначального заселения региона, хотя это вовсе не значит, что таковых они совсем не знали. Тем не менее, на протяжении длительного периода умерших погребали в простых грунтовых могилах (Скуднава 1988: 7-10).

Создается впечатление, что с самого начала не только ольвиополиты, но и борисфенцы, многие из которых в архаическое время жили в полуземлянках, не мыслили себе «жилище» в потустороннем мире иначе, чем простая однокамерная прямоугольной формы яма, иногда обложенная бревнами (своеобразный деревянный сруб) с деревянным перекрытием и настлом из досок или травы. Социальный фактор играл здесь особую роль. Многие архаические погребения Ольвии по богатству инвентаря,

в том числе вещей из драгоценных металлов, оружия, редких памятников искусства, намного превосходят более поздние и синхронные им захоронения во всех понтийских полисах. Однако, в отличие от некоторых городов, где над богатыми могилами насыпались невысокие курганы, в Ольвии они пока не зафиксированы.

В V в. с появлением подбойных могил с захладами представление о загробном «доме» постепенно меняется, но лишь среди определенной части населения. При этом нельзя сказать, что более усложненная по сравнению с ямой подбойная могила характерна только для погребений зажиточной части горожан. Вполне вероятно, что она появилась в результате рационалистического осмысления защиты умершего от посягательств извне и в соответствии с отдельными изменениями во взглядах на потустороннюю жизнь. Это вполне могло быть вызвано, с одной стороны, распространившимися орфико-дионисийскими или какими-то иными религиозно-философскими учениями, а с другой — влиянием варваров. В начале эллинистического периода подбойная могила постепенно эволюционирует, превращаясь в более сложные погребальные сооружения — земляные, а затем и каменные склепы с дромосами (см. подробнее: Козуб 1974: 12-15; 1986: 311-313). Над последними всегда насыпали курганы. Относительно хронологии ольвийских курганов высказаны разные точки зрения (основным критерием для исследователей служили размеры курганных насыпей — Парович-Пешикан 1974; Липавский 1990). При этом важно отметить, что до настоящего времени не установлено, когда именно появился на ольвийском некрополе относительно высокий курган, находились ли здесь уже курганы небольших размеров и в связи с чем приблизительно в последней трети IV — первой половине III в. до н.э. произошли столь значительные изменения в погребальном обряде ольвиополитов.

На огромном пространстве вокруг Ольвии с юга, запада и севера, судя по планам первых исследователей, были расположены различные по своим размерам курганы (Карасев 1956: 21-27). В настоящее время от большинства из них

¹Украина. 254210. Киев. пр. Героев Сталинграда, д. 12. Институт археологии НАН. Отдел античной археологии.

не сохранилось никаких следов. Нельзя не отметить, что исследователи ольвийского некрополя в основном интересовались тем, что находится под насыпью. Сам же курган, характер его устройства, составные элементы, размеры, хронология чаще всего оставались вне сферы их внимания. Поэтому сейчас многие детали вряд ли когда-либо будут реконструированы в полной мере.

Замкнутая балками и лиманом огромная площадь ольвийского некрополя внутри была разделена дорогами на несколько участков, которые в отдельных местах смыкались с безбрежной степью. Исследуя старые планы Ольвии и ее окрестностей, составленные еще до того, как курганы подверглись вторично грабительским вторжениям и ограблениям (первые, бесспорно, происходили еще в древности) а также раскопкам, А. Н. Карасев установил любопытную закономерность. Большие курганы группировались преимущественно вдоль дорог по периметру некрополя на его границах со степью. Наиболее крупные и многочисленные из них располагались на юго-западной оконечности некрополя вдоль Широкой Балки. Эта группа курганов получила название урочища Ста могил. Как правило, отдельные крупные курганы отстояли от города на расстоянии километра или немногим более того. Такое своеобразное и рационально продуманное их расположение дало возможность предположить, что они являлись не только надгробными памятниками, но также служили дозорными пунктами и контрольными постами на дорогах при подступах к Ольвии (Карасев 1956: 22-24, 34).

Наиболее ранние захоронения под крупными курганами, судя по сохранности погребального инвентаря, можно датировать в пределах последней четверти IV в. Появление в Ольвии курганной насыпи, по существу, совпадает с введением в погребальном ритуале такого важного элемента, как помещение умершего в каменный склеп, который по своей форме и плану напоминал однокамерное жилище или даже примитивный антовый храмик, что в своей совокупности отвечало эллинским религиозным представлениям о сакральной героизации похороненных в них людей.

Подобные нововведения исследователи обычно связывают с социально-имущественным неравенством гражданского коллектива в Ольвии, выделением особой группы аристократической знати, обладавшей значительными средствами, которая имела возможность сооружать богатые погребальные комплексы для своих родственников (Парович-Пешикан 1974: 139-142). В целом не отрицая роли социального фактора, следует обратить внимание и на другие

возможности. Как уже отмечалось, наиболее крупные курганы располагались по периметру некрополя на значительном удалении от города, чаще всего с определенной закономерностью: один или два кургана у дороги при выходе в степь. В этом следует усматривать заранее продуманный план их размещения с определенной целью, скорее всего, сотерической. Решение о подобном размещении находилось в ведении государственных органов, гражданской общины и влиятельных в полисе религиозных союзов или жрецов, а не зависело от пожелания отдельных состоятельных граждан. Последние стремились бы похоронить своих родственников поближе к городу. Возведение первых крупных курганов, по-видимому, совпадает с учреждением декретов в честь особенно заслуженных граждан, первым из которых был Каллиник, сын Евксена (Виноградов 1989: 153-164).

Время его жизни и деятельности относится к периоду осады Ольвии в 331 г. полководцем Александра Македонского Зопирионом, победы ольвиополитов в этой неравной борьбе и последующего десятилетия, когда в полисе были проведены коренные преобразования по улучшению благосостояния граждан и благоустройству всей территории города. Его оборона и снятие осады Зопириона предопределили дальнейшую судьбу всего государства. После отражения нападения началось резкое политическое и экономическое возвышение Ольвии, усиление демократического с радикальным уклоном строя, значительное увеличение торговых и культурных связей, небывалый расцвет всех форм культуры (см. подробнее: Виноградов, Карышковский 1982: 26-46, 1983: 21-39; Виноградов 1989: 153-164; Виноградов, Головачева 1990: 15-30). «Выдержавшие это жестокое испытание ценой наивысшего напряжения и мобилизации всех сил, победившие ольвиополиты, естественно, хотели отметить и увековечить свою победу сооружением новых храмов, новых общественных зданий на агоре и теменосе» (Карасев 1964: 39).

Имеются все основания считать, что отличившиеся в борьбе с зопирионовским войском и погибшие в бою были возведены в ранг героев и похоронены всей гражданской общиной по специальному решению народного собрания и совета. И именно над их могилами в отдалении от города были сооружены первые большие курганы, которые можно было возвести при участии довольно значительного количества людей. Возможно, наиболее ранние захоронения находились под юго-западными и западными курганами — то есть, в той части, откуда пришла самая большая за все время существования Ольвии в VI-IV вв. до н.э. опасность. Таким образом, после снятия осады Зопириона

произошли огромные преобразования не только на территории города, а затем и его обширной хоры, но и на некрополе.

В раннеэллинистический период ольвиополиты начали выделять из своей среды отдельных граждан, возвеличивая их в глазах всего демоса и ставя в пример молодежи. Следствием такого возвеличивания обычно являлись героизация и сакрализация отдельной личности как в роду, так и в государстве. Эта практика получила дальнейшее развитие в первые века новой эры. Во многих эллинистических державах учреждались специальные культы правителей с проведением празднеств с жертвоприношениями и агонами. Очевидно, эти новые веяния, если и коснулись Ольвии, то не в такой степени, как, например, Боспора, где был обожествлен царь Перисад I (Strabon VII, 4, 5). Это, безусловно, объяснялось разным политическим строем и различиями во взаимоотношениях гражданских общин.

Основную причину введения героизации в погребальный культ некоторых граждан Ольвии, отличившихся перед полисом, отмеченных почетными декретами, увенчанных золотыми венками, награжденных статуями и другими памятниками, помогает прояснить тот факт, что ольвиополиты несомненно знали об исконном обычае эллинов (во всяком случае с «Илиады» Гомера) насыпать курганы над могилами своих героев. Им было известно и то, что над могилой почитаемого ими Ахилла на Сигейском мысу стоит курган. Широкое распространение поэтического творчества способствовало тому, что в сознании эллинов укоренилось представление о кургане как памятнике героя. Вспомним хотя бы отрывок из трагедии Симонида о спартанцах, погибших в Фермопилах: «Курган их — алтарь, возлиянье — память, скорбь о них — хвала, таких похорон не затмит всеукрошающее время» (Пер.: Гаспаров 1980: 352). По сведениям Фукидида и эллинам, павшим при Марафоне, был сооружен монументальный курган на том месте, где происходила битва, как дань их величайшей храбрости и доблести (Thuc. Hist. II, 34, 1-7). Призыв к единению эллинов перед угрозой варваров после греко-персидских войн, идеи единства гражданских общин получили широкое отражение во многих философских трудах, эффективно проникавших и в отдаленные полисы античной ойкумены, содействуя укреплению этнического самосознания и стремлению к преодолению трудностей. Вспомним и о том, что между Ольвией и Афинами в V—IV вв. существовали теснейшие связи. Более того, афиняне проживали в нижнебугском полисе, какое-то время входившем в Афинский морской союз, и их влияние проявилось во многих сферах жизни

ольвиополитов. После установления демократии в Ольвии, особенно после победы радикальных демократов во главе с Каллиником, сыном Евксена, именно из Афин был заимствован обычай, ставший традиционным на многие века — предоставления почестей, которыми полис награждал отдельного гражданина, оказавшего значительные услуги, содействовавшего своей деятельностью и разумными советами благополучию и процветанию сограждан. Увенчание золотым венком на Народном собрании в театре во время празднеств Великие Дионисии и после смерти заслуженного гражданина являлось основным из элементов ритуала.

Главной причиной сакрализованных действий была традиционная вера в силу умершего героя, якобы способного приносить пользу живущим на земле и после своей смерти, предотвращать всевозможные беды. Существенную роль играло и желание сохранить в памяти народа его подвиги или деяния, как бы продлить его жизнь, слагая песни, устанавливая почетные декреты и статуи, возводя курганы. Именно курган представлялся ольвиополитам незыблемо вечным памятником. Место, где был похоронен такой гражданин, считалось священным. Сам же курган служил своего рода апотропеем не только могилы, но и всего полиса. Для Ольвии это предположение подтверждается не только расположением больших курганов в строго определенной пограничной зоне некрополя, но и специальным возведением двух курганов возле главных входов в город — западного и северного. В разграбленном каменном склепе последней трети IV в. возле северных городских ворот, над которым был насыпан курган, похоронен мужчина в деревянном с позолоченными и костяными резными украшениями саркофаге (ОАК за 1907 г. 1910: 40-45). В могиле найдены остатки золотого венка, что при существовавшем в Ольвии обычае подобным образом награждать отличившихся перед полисом граждан, следует считать одним из доказательств, того, что под данным курганом у ворот был похоронен местный герой. По-видимому, и курган упомянутого в Протогеновском декрете героя Сосия находился в северо-восточной оконечности города. Погребенные под курганами у самых стен Ольвии, по верованиям эллинов, должны были и в потустороннем мире способствовать спокойствию и защите города.

Несомненно, что в погребении местных героев участвовала вся община. О том, что в Ольвии существовала традиция общественных похорон, свидетельствуют декреты в честь отдельных граждан. В частности, погибший при защите группы ольвиополитов на противоположном от города берегу Гипаниса Никерат,

сын Папия, был возведен в ранг героя. По смертно, постановлением Совета и Народного Собрания, было решено установить ему, как доблестному гражданину, конную статую и надлежащим образом его похоронить: «... находящиеся в городе мастерские были закрыты, а граждане оделись в траур и все в порядке следовали в погребальной процессии; ... он при выносе был увенчан от имени демоса золотым венком»; в итоге Никерат «получил более выдающиеся сравнительно со всеми другими почести... для того, чтобы и остальные граждане были более ревностны в услугах отечеству, видя, что благодетели украшаются надлежащими почестями» (IOSPE. I², 34). Содержание его почетного декрета и тот факт, что помимо всех вышеотмеченных почестей, демос постановил награждать его ежегодно венком на экклесии, созываемой для выбора должностных лиц, а также на ристалищах в честь Ахилла, позволяет предполагать, что в Ольвии какое-то время существовал культ героя Никерата, а над его могилой был насыпан курган.

Заслуженного гражданина при содействии полисных магистратур и демоса могли хоронить в каменном склепе, над которым на общественные средства сооружали курган. В более-менее сохранившихся склепах находили остатки золотых венков, которыми увенчивали и умерших, как это ясно из почетных декретов. При этом нельзя исключать, что большинство маленьких курганов над земляными и примитивными каменными склепами типа ящиков, расположенных непосредственно на территории некрополя, принадлежало состоятельным гражданам Ольвии, жители которой быстро заимствовали новые веяния в погребальном обряде.

Так как после ограбления в могилах часто оставались лишь незначительные фрагменты погребального инвентаря, то идентификация отдельных курганов с конкретными именами ольвиополитов крайне затруднительна и вообще вряд ли возможна, за исключением редчайших случаев. К ним относится курган Евресибия и Ареты, в котором сохранилось две надписи. В одной из них, высеченной на боковой грани трапедзы-жертвенника, значилось: «Евресибий, сын Каллисфена, и Арета, дочь Папия, при жизни соорудили себе надгробный памятник в течение 17 дней» (IOSPE. I², 221). Вторая надпись без указания срока изготовления была вырезана на небольшой мраморной плите (Соломоник 1986: 36-41). Это бесспорно свидетельствует о том, что весь погребальный комплекс принадлежал одному из аристократических семейств, скорее всего, не имевших близких родственников.

На основании многих сходных черт (планировка, характер облицовки стен склепов,

устройство крепид) исследователи считают, что курган Евресибия и Ареты почти синхронен «Зевсову» (Фармаковский 1902: 1-20; 1906: 15-39; Крыжицкий 1993: 205), который датируется II-III вв. н.э. В последнее время, в связи с новой реконструкцией надписи с именем Ареты на фрагменте мраморной плиты, пересмотрена и датировка кургана известной супружеской четы — не позднее I в. н.э. (Виноградов 1990: 136). Однако, чтобы полностью удостовериться в этой датировке, необходимо провести тщательный сравнительный анализ всех имеющихся источников, что не входит в задачи данной статьи.

На наш взгляд, под «Зевсовым» курганом в начале III в. был похоронен Каллисфен, сын Каллисфена, младший брат Евресибия, сына Каллисфена, который в отличие от него прославился не только как выдающийся политический деятель и эвергет, получивший звание отца города, но и мудрый жрец в культе Зевса (Русяева 1992: 187-191). По-видимому, это были последние представители знаменитого в Ольвии рода Евресибиатов, в котором культ Зевса под разными эпитезами был гентильным. Апофеоз в значении прославления, возвышения личности, возникший здесь еще в эллинистический период, нашел свое прекрасное завершение в лице Каллисфена, сына Каллисфена, который, если и не в полной мере получил культ, выраженный в присвоении ему звания «отец города» и в признании того, что он был воспитан «божественным провидением», «приобрел самородную несравненную мудрость» (IOSPE. I², 42). Небезынтересно и то, что все свои средства он истратил на нужды города и был похоронен вблизи святилища Зевса эллинистического времени, о местоположении которого ольвиополиты не могли не знать, поскольку там в былые времена почитались и многие другие божества. Два самых известных в Ольвии склепа являлись героонами, свидетельствуя о весьма сложном синкретическом комплексе религиозных представлений ольвийской элиты незадолго до гибели города. Каллисфен и Евресибий верили при жизни в «загробную трапезу», приобщение к божествам и собственное бессмертие.

Таким образом, в силу определенных причин, вызванных, в основном, внешнеполитической обстановкой и стремлением рационального осмысления защиты отечества, необходимости введения героизации местных лидеров, в раннеэллинистическое время ольвиополиты начинают отдавать значительно большую дань уважения отличившимся гражданам по сравнению с прошлым временем. Традиционно сильнее всего для воспитания патриотизма среди молодого поколения выделялось желание прославить и запечатлеть их деяния в почетных

декретах, похоронить как героев, увенчав золотым венком, в подобающем для такого случая подземном «жилище-храме» со всеми аксессуарами, где большой курган играл роль алтаря, а в более широком значении и полисно-сакрального апотропея. Осознание важности сохранения памяти об умершем также способствовало установлению надгробных курганных памятников.

Для мировоззрения ольвиополитов свойственно возрождение мифологических и эпических восприятий, более усовершенствованная сакрализация потусторонней «жизни» по сравнению с архаическим и классическим временем. Следует ли в усложненном погребальном ритуале последующих периодов усматривать непосредственное влияние кочевых скифов,

ближайших соседей, точно решить невозможно. Бесспорно, что ольвиополиты не могли не знать о существовании в степи высоких курганов. Поэтому не исключено, что в определенной степени возрождению в Ольвии старинного эллинского обычая насыпать над могилой героя курган способствовало и знание о погребальной практике варваров.

Конечно, все известные ныне материалы о курганах Ольвии лишь позволяют поставить вопросы о связи данных надгробных памятников с развитием погребального культа, трансформации в этом направлении религиозного мировоззрения ольвиополитов, завершающую стадию которого в отдельных деталях раскрывают курганы Каллисфена, сына Каллисфена и Евресибия, сына Каллисфена с их героонами.

- Виноградов, Ю. Г.* 1989. Политическая история Ольвийского полуса VII в. дон.э. Историко-эпиграфическое исследование. Москва: Наука.
1996. Ольвийская элита императорской эпохи (по эпиграфическим документам из собрания ОАМ: NO 100+IOSPE, I², 309; 221) // *Hesperoboreus*. Vol. 2 (1996) Fasc. 2.: 125-136. Санкт-Петербург.
- Виноградов, Ю. Г., Н. В. Головачева.* 1990. Новый источник о походе Зопириона // *Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы*: 15-30. Кишинев.
- Виноградов, Ю. Г., П. О. Карышковский.* 1982. Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н.э. // *Вестник древней истории* 4: 26-46.
1983. Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н.э. // *Вестник древней истории* 1: 21-39.
- Гаспаров, М. Л.* 1980. Древнегреческая хоровая лирика // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. 331-360. Москва: Наука.
- Карасев, А. Н.* 1956. Планы Ольвии XIX в. как источники для исторической топографии города // *Материалы и исследования по археологии СССР* 50: 11-34. Москва: Наука.
1964. Монументальные памятники теменоса // *Ольвия. Теменос и згора*: 27-130. Москва-Ленинград: Наука.

- Козуб, Ю. И.* 1974. Некрополь Ольвии V-IV ст. до. н.э. Киев: Наукова думка.
- Козуб, Ю. И.* 1986. Некрополь Ольвии // *Археология Украинской ССР* 2: 310-317. Киев: Наукова думка.
- Крыжицкий, С. Д.* 1993. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка.
- Липавский, С. А.* 1990. О времени появления курганных погребений в Ольвии // *Материалы по археологии Ольвии и ее округа*: 18-28. Киев: Препринт.
- Парович-Пешикан, М.* 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наукова думка.
- Русяева, А. О.* 1992. Религия и культуры античной Ольвии. Киев: Наукова думка.
- Скуднева, В. М.* 1988. Архаический некрополь Ольвии. Ленинград: Искусство.
- Соломоник, Э. И.* 1986. Об одной утерянной ольвийской надписи // *Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры*: 36-41. Киев: Наукова думка.
- Фармаковский, Б. В.* 1902. Склеп Евресивия и Ареты в Ольвии // *Известия Императорской археологической комиссии* 3: 1-20.
1906. Раскопки в Ольвии в 1902-1903 гг. // *Известия Императорской археологической комиссии* 13: 3-181.

BARROWS OF OLBIA AS A SYMBOL OF ITS GLORY AND SACRAL PROTECTION

A. S. RUSYAEVA

Kurgans appeared on the necropolis of Olbia in a considerable number in the early Hellenistic period. It was during the economical and cultural peak in the city's history that started after its siege by the army of Zopirion. According to A. N. Karasev large kurgans were concentrated mostly along the roads running at the perimeter of the necropolis and along its boundaries with the steppe. Such

topography so rationally thought-out suggests that these barrows were not only the usual burial mounds but served also as watch-towers and checkpoints on the roads near the approaches to the city. Large kurgans at Olbia are actually simultaneous to the introduction of such important element into the burial rite as putting the dead into stone vaults which in their form and plan often resembled one-

chamber dwelling or even a small primitive anta temple. These features taken together corresponded to the Hellenic religious conceptions of the sacral heroisation of the dead buried in such tombs. Without disputing in general the social factor in such an innovation one should discern also soteric purposes in it. Erection of the first large barrows coincided with the issue of state decrees in honour of especially distinguished citizens. It is possible that those of the killed who distinguished themselves during the struggle with the army of Zopirion were raised into the rank of heroes according to a special decree of the People's Assembly. First large barrows were built on their graves at some distance from the city. The construction of the barrows must have demanded the presence of a considerable number of people. Such glorification was usually followed by heroisation and sacralisation of a person. The main reason of this was the traditional belief in the power of a dead hero who was supposed to be able to prevent various mischief even after his death. Apotheosis in the sense of glorification or heroisation of an individual has found in Olbia its excellent completion in the person of Callisthenes the son of Callisthenes. He acquired, if not in its complete form, a cult which was expressed in conferring to him the title of «the Father of the City» and the recognition of the fact that he had been brought up by «the Divine Providence». Most probably it was this person who was buried beneath the «Zeus» Barrow.

By force of various reasons caused mainly by the foreign political situation and a tendency to consider rationally the defence problem Olbiapolitans paid much homage to the citizens who had distinguished themselves in order to cultivate the patriotism. These persons were being glorified in honorary decrees and buried as heroes crowned with golden laurels and in subterranean «dwellings-temples» appropriate to such a case and provided with all needed accessories of which a high barrow appeared as an altar or, in a more general sense, as a polis-sacral epotropaum. Since the time of Homer barrows were considered as unshakable and eternal monuments. One may not assert for sure that the revival of this most ancient form of a tomb monument at Olbia in the Hellenistic period was directly effected by the nearest neighbours — nomadic Scythians. There is no doubt that Olbiapolitans were not unaware of the existence of high kurgans in the Steppe. Therefore one should not rule out that such knowledge stimulated to some degree the re-introduction of the age-old Hellenic custom of raising a mound on the grave of a hero. All the evidence known at present on Olbian kurgans enable but to outline certain problems in the development of the burial rite in connection with these tomb constructions and transformation to that end of the religious Weltanschauung at Olbia from the time of the Zopirion siege and up to the inclusion of the city into the Roman Empire.

РИСУНКИ АНТИЧНЫХ КОРАБЛЕЙ ИЗ ОЛЬВИИ¹

В. И. ДЕНИСОВА²

В 1988 г. при раскопках³ одного из городских кварталов Ольвии⁴ в культурном слое был найден обломок (шифр по описи: Ол. 88-48) с графическими изображениями кораблей на обеих его поверхностях (рис. 1: а, б). Этот обломок представляет собой часть дисковидной подставки от ножки аттического гончарного сосуда, типа большой тарелки или блюда, именуемых иногда «фруктовыми вазами» (рис. 1: в). Диаметр подставки в целом виде составлял около 11 см. Обе ее поверхности были покрыты слоем черной блестящей плотной глазури, которую в специальной археологической литературе обычно называют «лаком». Прочерчивая рисунки острым предметом, возможно, кончиком ножа или шилом, безымянный рисовальщик прорезал глазурованное покрытие до глины, благодаря чему контуры кораблей эффектно выделяются на черном блестящем фоне. На верхней поверхности подставки (рис. 1: а) корабли размещены днищами к ее центру, на нижней поверхности (рис. 1: б) — наоборот, к ее наружному краю.

Корабль, вырезанный на верхней поверхности диска (рис. 1: а), имеет почти симметричный контур со слегка вогнутой линией носового обвода. С его кормы свисает предмет, напоминающий стремянку с семью перекладинами, по-видимому, трап или сходни. При погрузке и разгрузке судна они спускались с борта на причал или на берег, как это хорошо иллюстрируют отдельные памятники античного изобразительного искусства (Köster 1923: 115, Abb. 29; Basch 1987: 439, fig. 954). Судя по кораблям, запечатленным афинскими вазописцами конца VI — начала V вв. до н.э. (рис. 2), при плавании сходни крепились к корме.

Трудно однозначно сказать, что побудило рисовальщика передать кормовую оконечность корабля двумя, проведенными одна подле другой, линиями, а его днище, первоначально обозначенное почти прямым, глубоко врезанным штрихом, оконтурить снизу еще двумя линиями, сходящимися в нижней части форштевня

(носового обвода) в небольшой выступ. Разумеется, можно предположить, что с помощью этих линий рисовальщик исправил неточности своего рисунка. Однако, на наш взгляд, мы окажемся ближе к истине, объяснив их стремлением рисовальщика охарактеризовать конструктивные особенности судна. О них мы скажем ниже.

Верхняя часть корпуса корабля, от носа до кормы, трактована в виде полосы, равномерно заполненной слегка наклонными в одну сторону штрихами. К ее истолкованию мы еще вернемся. На носу корабля хорошо различимы три вертикально прочерченные линии. По аналогии с кораблем, воспроизведенным на чернофигурном аттическом сосуде (рис. 2), можно сделать вывод, что этими линиями рисовальщик изобразил специальное устройство, предназначавшееся для закрепления каких-то корабельных снастей. Двумя сходящимися под прямым углом линиями — одна проведена параллельно трапу, вторая прочерчена над кормой — вероятно изображен элемент корабельной оснастки, закрепленный, как и трап, на корме. Скучность дошедших до нас античных свидетельств о предметах, составлявших снаряжение античного парусного корабля, предопределяет в данной связи предположительный характер суждений. Возможно, это изображена рея, которая на морских парусных судах нередко состояла из двух соединявшихся вместе шестов (Casson 1971: 68). Второе предположение: рисовальщик изобразил шпринтовы (тонкие шесты, использовавшиеся для растягивания паруса по диагонали). Но этому предположению противоречат хронологические данные. Использование шпринтовых в Северной Эгеиде надежно фиксируется лишь со II в. до н.э. (Casson 1971: 244, 245), а публикуемые нами рисунки кораблей относятся, как станет ясно из дальнейшего изложения, к гораздо более раннему времени. Правда, было высказано суждение об использовании в Средиземноморье шпринтовых и до II в. до н.э.⁵, однако из-за отсутствия достоверных

¹ При финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 96-01-00555 «Ольвия VI-V вв. до н.э. (источники, гипотезы, проблемы)».

² Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

³ Работы Ольвийской экспедиции ИИМК РАН (до 1991 г. ЛОИА АН СССР) под руководством В. И. Денисовой.

⁴ Ольвия (Борисфен) — древнегреческий полис VI в. до н.э. — III в. н.э., находившийся на правом берегу Бугского лимана, вблизи его слияния с Днепровским лиманом (Украина, Очаковский р-н, окрестности современного с. Парутино).

⁵ Поддерживая эту, высказанную Л. Кэссоном точку зрения (Casson 1971: 244, 245), Л. Баш полагает, что шпринтовы по прямой линии восходят к так называемому такелажу «на шестах», засвидетельствованному в Средиземноморье памятниками минойской глиптики с середины второго тысячелетия до н.э. (Basch 1987: 112, 113).

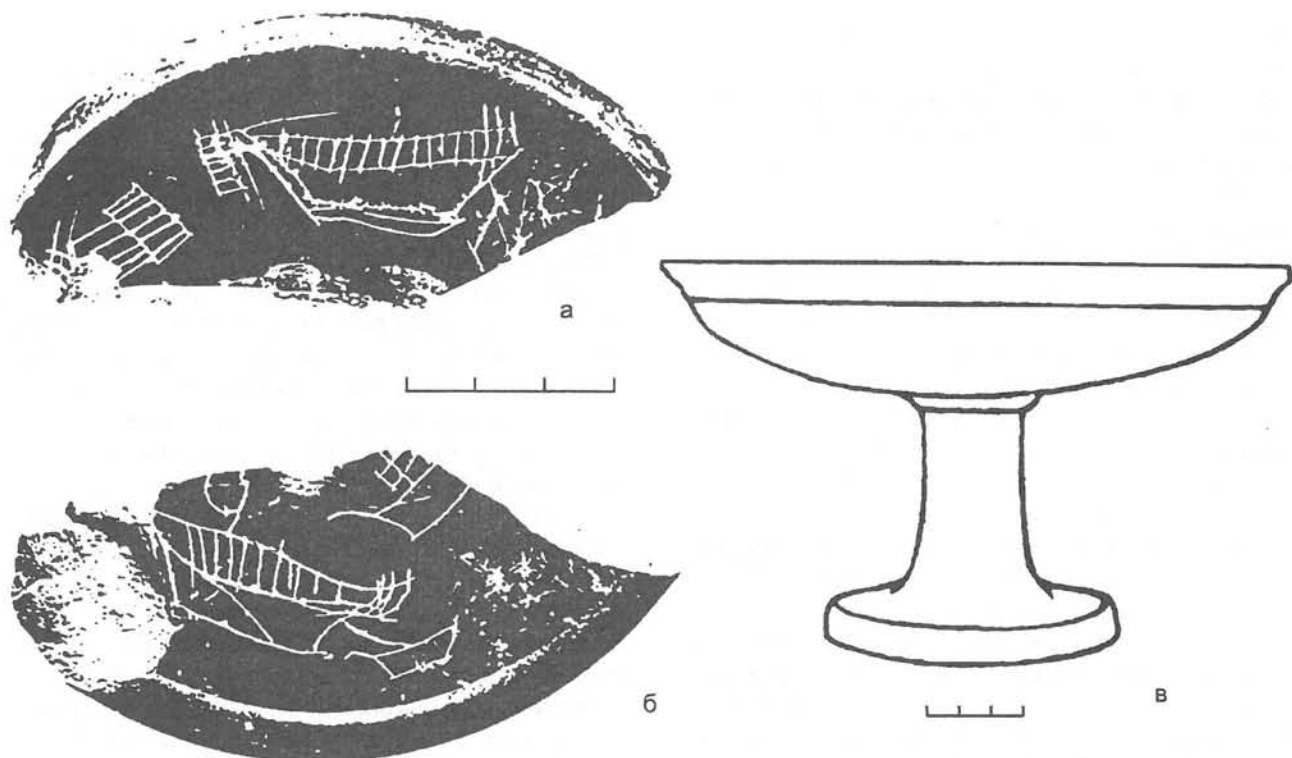

Рис. 1 а, б — граффити на обломке подставки керамического сосуда из Ольвии (инв. № Ол. 88-48); в — аттическая чернолаковая чаша конца VI в. до н.э. (по Lullies 1949: 62, Taf. 10, 26).

Fig. 1 а, б — graffiti on a fragment of support of a ceramic vessel from Olbia (inventory no. Ol. 88-48); в — Attic black-glazed cup dating to the late 6th century B.C. (after Lullies 1949: 62, Taf. 10, 26).

античных свидетельств подобная идентификация двух сходящихся под прямым углом линий на нашем граффити в высшей степени условна.

Линии, прорезанные в разных направлениях перед носом рассматриваемого корабля (рис. 1: а), возможно, изображают кормовую или носовую оконечность другого судна. Слева от этого же корабля сохранилась часть еще какого-то рисунка в виде двух, примыкающих один к другому прямоугольников, заштрихованных параллельными линиями.

На противоположной, нижней, поверхности публикуемого фрагмента (рис. 1: б) сохранились рисунки трех различной величины кораблей, один из них — частично.

Большой корабль — его кормовая оконечность повреждена сколом (рис. 1: б) — по размерам, пропорциям, общим очертаниям близок кораблю, рассмотренному выше, но линия носового контура заметно вогнута. Есть и другие различия. Так, на одном корабле (рис. 1: а) на месте мачты прочерчен штрих в виде запятой, на втором (рис. 1: б) — спиралевидный завиток (сохранился частично); по разному изображены три, увенчивающие корабельный нос линии: прямые на одном корабле (рис. 1: а), изогнутые на другом (рис. 1: б). Также заметна разница в очертаниях заштрихованной полосы, идущей по верхней части корпуса обоих кораблей. На одном корабле (рис. 1: а) в ней можно,

с некоторой долей натяжки, усматривать надставной борт, на другом (рис. 1: б) эта полоса воспринимается как палуба. К интерпретации этой полосы мы еще вернемся. Что касается линии, проходящей наискось по корпусу корабля (рис. 1: б), то она, на наш взгляд, носит случайный характер.

Нетрудно заметить отчетливые различия в рисунке нижней части рассматриваемых кораблей. Для них можно предложить следующее объяснение: один корабль (рис. 1: б) изображен до ватерлинии, второй (рис. 1: а) воспроизведен целиком, с подводной частью. Если это так, то в двойной линии, которая оконтуривает днище корабля снизу и сходится в нижней части его носа в выступ, следует усматривать изображение фальшкиля, по-гречески хелюзма (τὸ χέλυσμα), что в дословном переводе обозначает «черепаший панцырь». По сведениям, сохранившимся у античных авторов, хелюзма — брус из дуба, соответствовавший длине киля, на грузовых судах обычно соснового; брус крепился к килю снаружи для защиты его от повреждений, если предполагалось частое вытаскивание судна на берег (Торг 1964: 31, 32; Casson 1971: 221).

Правее и ниже большого корабля (рис. 1: б) изображено судно значительно меньших размеров, с бушпритом и небольшим выступом над кормой. Наклонная линия, отходящая

от средней части корпуса судна влево, возможно, изображает мачту. Рисунок еще одного корабля, плывущего под небольшим прямоугольным парусом, занимает правую верхнюю часть публикуемого фрагмента (рис. 1: б). Хотя корма этого судна не сохранилась, своеобразный контур носового обвода, переходящего в бушприт, позволяет видеть в нем корабль, однотипный с предыдущим, но большего размера.

Если мы зададимся вопросом о времени публикуемых граффити, то отправным хронологическим критерием для нас должна послужить дата сосуда, на подставку которого они были нанесены. Чернолаковые блюда такого типа изготавливались афинскими гончарами с конца VI в. и примерно до второй четверти V в. до н.э. в двух разновидностях — на высокой ножке (рис. 1: в) и на низкой (Sparkes, Talcott 1970: 138-142, pl. 25, below). Вместе с тем, нельзя считать исключенным, что рисовальщик граффити использовал подставку от большой чаши, типа тех дорогих чаш с чернофигурной росписью, которые изготавливались гончарами Никосфеном и Памфаем в последние два десятилетия VI в. до н.э. Однако, эта дата фиксирует лишь начало интересующего нас периода. Обозначить его конец позволяет дата культурного слоя, в котором был обнаружен публикуемый нами керамический фрагмент с граффити. По совокупности встреченных при раскопках находок — они относятся ко второй половине VI в. и к V в. до н.э. — можно сделать вывод, что формирование слоя завершилось в последние десятилетия V в. до н.э., так как находок более позднего времени не было встречено.

Поскольку все же мы не знаем, как долго данное блюдо использовалось в быту, прежде чем пришло в негодность и было выброшено с мусором, — и к тому же не можем настаивать, хотя и считаем более вероятным, что рисунки кораблей были вырезаны на подставке целого сосуда, нам представляется целесообразным датировать публикуемые граффити V в. до н.э., отказавшись от попытки приурочить их к более узкому отрезку времени в пределах этого столетия.

Рассматривая рисунки кораблей (рис. 1: а, б), нельзя не отдать должное искусству их исполнителя, обладавшего твердой рукой профессионала. Уже при первом на них взгляде возникает ощущение, что корабли не порождены фантазией рисовальщика, а увидены им в повседневной жизни и запечатлены с соблюдением основных пропорций и с обозначением наиболее характерных деталей.

Это, первое, ощущение перерастает в уверенность при обращении к памятникам античного изобразительного искусства, среди которых можно разыскать близкие аналогии первым

двум нашим кораблям (рис. 1: а, б), воспроизводящим один и тот же тип большого судна.

Одна из этих параллелей — парусник, изображенный на стенках чернофигурной аттической чаши конца VI в. до н.э. в двух сценах, которые по весьма авторитетному мнению (Casson 1958) иллюстрируют этапы нападения пиратов на торговое судно. Достаточно взглянуть на этот парусник (рис. 2), чтобы удостовериться в близком родстве с ним наших кораблей. Некоторые различия заметны лишь в трактовке кормовой оконечности: у парусника на чаше она завершается несколькими изогнутыми линиями, поднимающимися вверх и сходящимися в пучок, увенчанный афластом, который чаще являлся приметой военного корабля (Casson 1971: 158).

Вторая иконографическая параллель нашим кораблям — двухпарусное судно, нарисованное красками на стене одной из этрусских гробниц начала V в. до н.э. (Casson 1971: fig. 97). Хотя живопись основательно пострадала от времени, корпус судна сохранился вполне удовлетворительно, поэтому нетрудно удостовериться в близком с ним родстве наших кораблей: совпадают не только общие пропорции, но и контуры носовых и кормовых обводов.

Согласно существующему в научной литературе суждению, основные конструктивные элементы судов, привлеченных нами в качестве аналогий, восходят к древней кораблестроительной традиции, засвидетельствованной в Эгиде, по крайней мере, с середины второго тысячелетия до н.э. (Casson 1971: 32, 66, 68).

Любопытно и другое. Именно с этими парусниками исследователи связывают наименование «голькада» (ἡ ὀλκάς) — тип судна, упоминаемый такими древнегреческими авторами, как Геродот, Фукидид, Еврипид, Аристотель. На основании этих беглых упоминаний, путем их сопоставления, исследователи пришли к выводу, что в античном мире «голькадой» назывались ластовые (грузовые) суда, иногда по перевозимому на них грузу определявшиеся так: «голькады хлебовозные», «голькады виновозные» (Casson 1971: 169, note 4). Согласно авторитетному мнению исследователей, голькады имели только парусное вооружение и поэтому были маломаневренными. При плавании на отдаленные расстояния для их сопровождения и защиты от пиратских нападений необходим был конвой из судов другого типа. Войти в гавань и выйти из нее голькада могла только на буксире, поэтому нередко судно вставало на якорь на некотором расстоянии от берега, а для его погрузки или разгрузки использовались малые суда (Morrison, Williams 1968: 244, 245; Casson 1971: 169).

Итак, опираясь на изложенные выше суждения, нам остается заключить, что большие

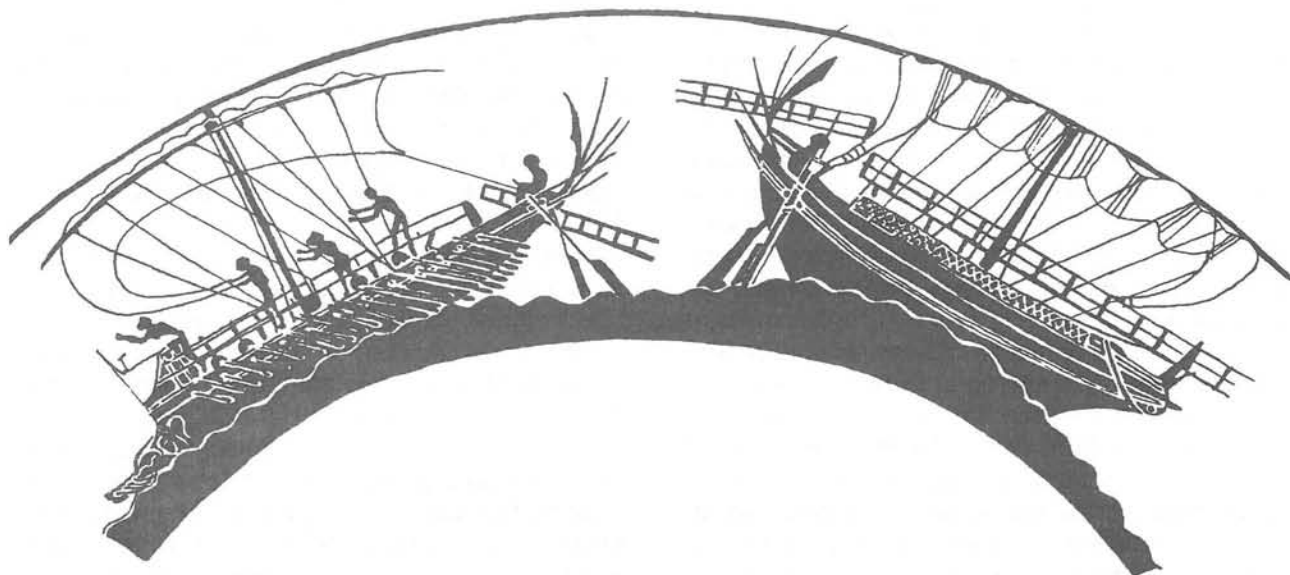

Рис. 2 Корабли на чернофигурном килике конца VI в. до н.э. (по Торр 1964: Pl. 4, 18).

Fig. 2 Ships on a black-figured kylix of the late 6th century B.C. (after Torr 1964: Pl. 4, 18).

корабли публикуемых нами граффити являются голькадами, хотя рисовальщик, вероятно из-за отсутствия необходимого места, изобразил их без мачты.

Задержимся ненадолго, еще раз бросим на них взгляд (рис. 1: а, б), и особо, на полосу, идущую по верхнему краю их корпуса. Выше мы говорили о возможности двоякого ее истолкования и о том, что мы отдаем предпочтение второму из них, а именно, полагаем, что эта полоса — изображение палубы. Правда, в подтверждение такого вывода мы не можем сослаться на приведенные выше аналогии, поскольку на этих кораблях палуба не показана. Иным синхронным материалом мы не располагаем. Что касается последующего периода, охватывающего без малого пять столетий, то, по неувимой для современных исследователей причине, корабли фактически ушли из круга тем и образов античного изобразительного искусства¹ и только римляне возродили к ним интерес. Поэтому ученым, разрабатывающим проблемы зарождения и развития античного кораблестроения, приходится заполнять эту почти полутысячелетнюю лауну путем обращения к многочисленным и разнообразным судам, запечатленным в памятниках изобразительного искусства римского императорского времени, исходя при этом из предположения, что они мало отличались от средиземноморских судов пяти предшествующих веков (Casson 1971:

173, 174). Но даже среди этой обширной коллекции изображений мы смогли разыскать лишь один памятник, по которому можно составить представление, как выглядела палуба античного грузового корабля. Таким памятником является хранящаяся в Музее терм (Рим) объемная архитектурная мраморная деталь II в. н.э. в виде небольшой колонны ионического ордера, основанием для которой служит плывущий по волнам грузовой (торговый) корабль. Хотя база колонны закрывает большую часть палубы, по свободным ее участкам видно, что палуба устроена из досок или деревянных брусьев, уложенных от борта к борту, вровень с верхним краем корпуса судна (Le Gall 1949: 613, fig. 5; Basch 1987: 459)².

Рассмотрим теперь два других наших корабля меньшего размера (рис. 1: б). Различаясь между собой по величине, они явно принадлежат одному типу. Его характерные особенности: бушприт на носу и выступ на корме, немного возвышающийся над линией борта. Обратившись к изделиям минойской глиптики с изображениями кораблей, мы без труда установим, что суда сходного профиля, с бушпритом, бороздили воды Средиземноморья, по крайней мере, уже в позднеминойский период, причем у одних кораблей (Basch 1987: 98, В 2) бушприт явно имел функциональное назначение, а у других (Casson 1971: fig. 26; Basch 1987: 103, F 1) являлся чисто декоративным

¹Некоторый материал для изучения древнегреческого военного кораблестроения классического и эллинистического периодов дают коммеморативные серии монет ряда античных центров, отчеканенные в ознаменование морских побед.

²К слову отметим, что тип торгового («круглого») корабля с палубой и вместительным подпалубным пространством (трюмом) существовал в Эгейде уже в эпоху бронзы, свидетельством чему, в частности, являются рисунки на микенской вазе XIII в. до н.э. (Basch 1987: 148, fig. 311).

элементом, подобно бушпритам кораблей на фресках второго тысячелетия до н.э. из Акротири на о. Фера — современный о. Санторин (Basch 1987: 120, fig. 235; 122, fig. 241).

Для длинного ряда последующих столетий, вплоть до VI в. до н.э. нет данных об использовании в Средиземноморье судов с бушпритами. Для VI-IV вв. до н.э. имеются единичные свидетельства — граффито из Аттики и оттиски печатей из Персеполя (подробнее речь о них пойдет ниже), а затем, на протяжении нескольких столетий — лакуна в изобразительных источниках. Лишь обширная серия выявленных на о. Делос граффити I в. до н.э. (Basch 1987: 371-394), подобно свету факела, выхватывая из тьмы предшествовавших веков одну из сторон реальной жизни Средиземноморья, демонстрирует необыкновенное разнообразие использовавшихся в то время плавающих средств — от мощных боевых кораблей до легких челнов.

В первые века н.э. в античном мире возрождается художественный интерес к тематике, ведущая роль в которой принадлежит кораблю. Отвечая потребностям общественного вкуса, скульпторы, мозаичисты, живописцы создают впечатляющие композиции, главное место в которых отведено различным судам, среди них — и судам с бушпритами. Само собой разумеется, что состояние материала не позволяет проследить, как на протяжении веков развивался тип корабля с данной конструктивной деталью, но значение трех упомянутых выше свидетельств (граффито из Аттики и оттиски из Персеполя) трудно переоценить. Являясь как бы своеобразным мостиком, соединяющим над пропастью веков далеко отстоящие одна от другой эпохи, они позволяют высказать предположение, что данная кораблестроительная традиция, древность которой засвидетельствована памятниками минойской глиптики середины второго тысячелетия до н.э., была пронесена через века, совершенствуясь и реализуясь в различного типа кораблях с бушпритом, к которым несомненно по прямой линии восходят суда, запечатленные в памятниках античного искусства первых веков н.э.

Предпринимая попытку рассмотреть наши корабли с бушпритом на фоне кратко охарактеризованного материала — весьма малочисленного, разрозненного, разделенного пространственными хронологическими лакунами, мы должны прежде всего отметить: на их бушпритах нет орнаментальных украшений, а следовательно, их функция была утилитарной. Но какова конкретно? Пытаясь найти ответ на этот вопрос, обратимся к существующим в научной литературе суждениям относительно назначения этой конструктивной детали как наминой, так и на античных

кораблях более позднего времени. В связи с бушпритами минойских кораблей высказано предположение, что к ним крепились булины (снасти по обеим сторонам прямоугольного паруса для поворачивания его по ветру), которые, например, в Древнем Египте использовались еще в третьем тысячелетии до н.э. (Basch 1987: 114, note 85).

Примерно тысячелетием отделены от минойских кораблей финикийские триеры. Их облик донесли до наших дней два оттиска печатями-цилиндрами по сырой глине, обнаруженные в Персеполе в слое, датированном 520-331 гг. до н.э. (Casson 1971: XXI, fig. 105). Обе триеры — с бушпритами, причем на одном оттиске хорошо различимы идущие к бушприту снасти. Правда, истолковывают их по-разному. Один исследователь (Casson 1971: 96) видит здесь брасы (снасти для поворота реи) и гитовы (снасти для подбирания паруса к реи), другой исследователь (Basch 1987: 326, 327, fig. 699, 700) полагает, что это — булины. И так, у нас появляются определенные ориентиры, позволяющие предположить такое же назначение бушпритов наших кораблей.

Еще одно предположение может возникнуть после ознакомления с находкой, сделанной в Аттике, вблизи святилища Аполлона Зостера (на мысе Ломбардо, Саронический залив). Речь идет о корабле, изображение которого чья-то малоискусная рука с помощью тонкого острия начертила на поверхности кровельной черепицы. Этот корабль (предположительная дата — вторая половина VI в. до н.э.) снабжен бушпритом в виде короткого шеста, выступающего вперед и несколько вверх из верхнего угла носовой части (Basch 1987: 229, fig. 476). Отметив, что судно изображено без оснастки, Л. Баш, много и плодотворно занимающийся проблемами древнего кораблестроения и мореплавания, предпочел воздержаться от каких-либо предположений о назначении данного бушприта. Однако, на наш взгляд, определенный толчок к размышлениям может дать обращение к памятникам изобразительного искусства, а именно, к скульптурным рельефам, украшающим колонну Траяна (начало II в. н.э.). Так, бушприт, изображенного на черепице корабля по размерам, форме, местоположению сходен с бушпритом одной из фигурирующих на этой колонне триер, и, что особенно интересно для нас, на нем укреплен небольшой вспомогательный парус в виде квадратного куса парусины (Casson 1971: fig. 127). Л. Кэссон — один из ведущих специалистов в исследовании истории древнего морского дела, полагает, что триера оснащена парусом «артемон» (*ὁ ἀρτέμων*), упоминаемым некоторыми античными авторами. По мнению этого же ученого (Casson 1971:

238, note 64; 264), парус артемон обеспечивал стабильность курса судна, устраняя «рыскливость», предохранял судно от зарывания носом в воду, облегчал управление большим кораблем, на котором он выполнял ту же функцию, что и рулевые весла.

Итак, в нашем распоряжении еще один вариант возможного назначения бушприта на наших кораблях. Правда, мы не должны при этом упускать из виду, что исследователи, руководствуясь различными косвенными соображениями, относят появление артемона к периоду раннего эллинизма (Casson 1973: 147) и что самое раннее упоминание в античной литературе паруса этого типа восходит ко II в. до н.э. (Тогг 1964: 88). Все же, учитывая состояние источников, нельзя полностью исключить возможность использования артемона и в более раннее время.

Кроме уже рассмотренных примеров, красноречивым свидетельством для наших кораблей с бушпритом может послужить мозаичное панно из знаменитого порта древнего Рима — Остии, относящееся к концу II в. н.э. (рис. 3). Изображен процесс перегрузки товара с морского торгового корабля на каботажное или речное судно: выступающие носовые оконечности обоих судов использованы для закрепления на них трапа.

Итак, рассмотренные материалы позволяют заключить, что бушприт, составляющий характерную примету двух наших кораблей, мог служить для различных целей: для закрепления специальных снастей (булинов), посредством которых осуществлялось управление основным парусом судна, либо для установки вспомогательного паруса (типа «артемон»); в тех же случаях, когда появлялась необходимость обеспечить своего рода «стыковку» двух судов, их соприкасающиеся бушприты могли использоваться для прокладки трапа, обеспечивавшего удобный переход с одного судна на другое.

Остается еще один, порожденный естественным любопытством вопрос: как называлось судно такого типа (с бушпритом) в древности? Известно, что ряд древнегреческих авторов упоминает в своих сочинениях отдельные типы кораблей (Тогг 1964: 105 ff.). Однако, если мы обратимся к этим упоминаниям в надежде, что сможем соотнести с каким-нибудь из них наши корабли с бушпритом, то испытаем чувство откровенного разочарования. Ни один автор не оставил хотя бы общего описания судна упоминаемого им типа; более того, эти сведения вообще носят случайный, разрозненный характер. Поэтому, предпринимая попытку определить название типа наших кораблей с бушпритом, мы неизбежно окажемся на крайне зыбкой почве предположений и догадок. Изложим их в сжатом виде.

В наших рассуждениях мы будем исходить из выше уже высказанного предположения, что оба больших корабля, фигурирующие на наших граффити (рис. 1: а, б), являются голькадами — крупными грузовыми судами, имевшими только парусное вооружение. При их эксплуатации необходимы были вспомогательные суда, с помощью которых осуществлялась буксировка голькад в гавань или из гавани; если голькады стояли на рейде, на вспомогательных судах осуществлялись погрузо-разгрузочные работы, производилась доставка команды с берега на парусник и обратно. Основным двигателем на таких вспомогательных судах были весла, а при попутном ветре, дополнительно, небольшой прямоугольный парус. В открытом море при благоприятных условиях вспомогательные суда (иногда их было несколько) следовали за парусником на буксире. Если же наступало безветрие, вспомогательное судно могло взять на буксир парусник и отвести его к месту ближайшей корабельной стоянки, а в экстремальных ситуациях (например, кораблекрушение) давало команде парусника возможность спастись.

Согласно данным античной литературной традиции, вспомогательные суда подобного назначения назывались «эфолькида» (ἡ ἐφόλκις) или «эфолькион» (τὸ ἐφόλκιον) — от греческого глагола ἐφέλω общий смысл которого «тянуть», «тащить», «буксировать». Л. Кэссон, отмечая, что некоторые древнегреческие авторы прилагают к вспомогательным судам такие наименования, как «лемб» (ὁ λέμβος), «скафос» (τὸ σκάφος), «акат» (ἡ ἄκατος), видит в этом свидетельство произвольного применения ими названий различных типов судов (Casson 1971: 248, note 93). На наш взгляд, этому факту может быть предложено и иное объяснение, а именно: «эфолькида» и «эфолькион» — не название особого типа судна, а своего рода технический термин, определявший характер выполняемой судном работы, для которой, как можно полагать, основываясь на этих свидетельствах, были одинаково пригодны такие суда, как лемб, скафос, акат, принадлежавшие, однако, различным типам. Как они выглядели и в чем различались между собой, мы достоверно не знаем. По предположению Л. Кэссона, акат имел вогнутую линию носа с выступающим волнорезом. Согласно упоминаниям древних авторов, акат, как тип судна, отличался и от боевых кораблей и от чисто парусных судов, но суть этих различий они не обозначают. Из тех же свидетельств явствует, что акат являлся гребным судном, имевшим в качестве дополнительного движителя четырехугольный, парус, и что акаты бывали различной величины — и пятидесятивесельным кораблем и лодкой, приводимой

Рис. 3 Мозаика из Остии (по: Reddé 1983: 60).

Fig. 3 Mosaic from Ostia (after Reddé 1983: 60).

в движение парой весел. Использовались акаты для плаваний как в открытом море, так и по рекам. Самое раннее упоминание судна этого типа восходит к началу V в. до н.э. (Casson 1971: 158-160).

Итак, ознакомившись с имеющимися (крайне малочисленными) данными о вспомогательных древнегреческих судах, мы склоняемся к предположению, что наши корабли с бушпритами — акаты. Правда, согласно тем же литературным данным лемб обладал сходными характеристиками (о судах типа «скафос» практически ничего не известно), но выбирая из этих трех типов, мы отдаем предпочтение акату, поскольку, как свидетельствуют источники, именно на судах этого типа наряду с веслами использовался парус. А как мы помним, на одном из наших кораблей с бушпритом (рис. 1: б) имеется небольшой прямоугольный парус.

Необходимо, однако, заметить, что по этому же признаку (и с той же долей вероятности) с нашими кораблями с бушпритом можно соотносить и другой тип древнегреческого гребного (с парусом) каботажного судна, называвшийся «галиада» (ἡ γαλιάς). Аристотель упоминает такое судно как рыболовецкое. Согласно античной литературной традиции, трехмачтовый парусник Гиерона II (306-215 гг. до н.э.) имел в качестве вспомогательных судов, наряду с другими, несколько галиад — грузоподъемность каждой составляла около 35 тонн (Casson 1971: 198, 338, note 52).

Пытаясь установить название типа наших судов с бушпритом, мы не можем также не обратить внимание на встречающееся у авторов V-IV вв. до н.э. наименование «кикнос» (ὁ κύκνος),

что в переводе с древнегреческого означает «лебедь» (Тогг 1964: 107, 108). Вероятно, носовая часть корабля такого типа имела изгиб, придававший ей сходство с лебединой шеей. Подобный элемент можно уловить и в силуэте носовой части наших судов.

Таким образом, приходится констатировать, что имеющиеся источники не содержат материала для однозначного ответа на поставленный нами себе вопрос о названии типа занимающих нас кораблей, оснащенных бушпритом. Но хотя точное название типа подобных кораблей остается нам неизвестным, публикуемые рисунки кораблей из Ольвии крайне интересны сами по себе. Начертанные рукой очевидца, они расширяют существующие представления о типах кораблей, использовавшихся в V в. до н.э. в эллинском мире, и дают новый материал для научения истории древнегреческого кораблестроения.

Поскольку Ольвия, как можно заключить, основываясь на свидетельстве Геродота (IV, 17), являлась в V в. до н.э. торговым портом, то корабли этого типа, несомненно, не только были хорошо известны ольвиополитам, но и использовались в повседневной жизни. Конечно, не исключено, что рисовальщик публикуемых граффити был движим простым желанием запечатлеть суда, которые он увидел в ольвийской гавани. Но более вероятно, что побудительные мотивы были иными.

В древнегреческом мире, историческое развитие которого неразрывно было связано с морем, важное место отводилось почитанию богов — покровителей мореплавания. Существование такого культа в Ольвии документально

засвидетельствовано лишь для III в. до н.э., благодаря находке надписи с посвящением Афродите Понтии (НО, 68). Для более раннего времени подобными документами мы не располагаем, хотя культ этого божества мог существовать в Ольвии со времени ее основания. Вместе с тем, с точки зрения эллина, обратиться с просьбой о благоприятном исходе предстоящего дела, отправляясь по морю в далекий и небезопасный путь, или воздать благодарственные молитвы после благополучного возвращения можно было и в храмах других почитавшихся в данной местности божеств. Как известно, подобные обращения к божествам обязательно должны были сопровождаться приношениями различных предметов — от недорогих глиняных

сосудов и терракотовых статуэток до изделий из драгоценных металлов. На приношениях нередко делались соответствующие надписи, иногда наносились какие-либо знаки или рисунки. Мы полагаем, что сосуд, на подставку которого были нанесены рисунки кораблей, рассмотренные в данной статье, являлся подобного рода подношением божеству.

И, хотя точные названия типов подобных кораблей остаются нам неизвестными, публикуемые рисунки кораблей из Ольвии крайне интересны сами по себе. Начертанные, по-видимому, в V в. до н.э. рукой очевидца, они не только возвращают из небытия реалии давно ушедшей эпохи, но и дают новый материал для изучения древнегреческого морского дела.

- НО. 1968. Надписи Ольвии (1917-1965). Под ред. Т. Н. Книпович, Е. И. Леви. Ленинград.
- Basch, L. 1987. Le musée imaginaire de la marine antique. Athènes.
- Casson, L. 1958. Hemiolia and Triemiolia // Journal of Hellenic Studies 78. 1971. Ships and Seamanship in the Ancient World. Princeton, New Jersey.
- Duval, P.-M. 1949. Du navire grec au navire romain // Mélanges d'archéologie et d'histoire offerts à Charles Picard à l'occasion de son 65e anniversaire. I. (Revue archéologique XXXI-XXXII [1948]). Paris.
- Köster, A. 1923. Die antike Seewesen. Berlin.
- Le Gall, J. 1949. Un «modèle réduit» de navire marchand romain // Mélanges d'archéologie et d'histoire offerts à Charles Picard à l'occasion de son 65e anniversaire. II. (Revue archéologique XXXI-XXXII [1948]). Paris.

- Lullies, R. 1949. Attisch schwarzfigurige Keramik aus dem Kerameikos // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts 61/62 [1946/47].
- Morrison, J. K., R. T. Williams. 1968. Greek Oared Ships 900-322 B.C. Cambridge.
- Reddé, M. 1983. Portus le plus grand port du monde romain // Histoire et archéologie Les dossiers (Paris) 71 (mars).
- Sparkes, B. A., L. Talcott. 1970. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Pt. 1, 2 (The Athenian Agora. Results of the Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens XII). Princeton, New Jersey.
- Torr, C. 1964. Ancient Ships. Chicago.

DRAWINGS OF ANCIENT SHIPS FROM OLBIA

V.I. DENISOVA

In 1988 during excavation of one of the central city blocks in Olbia (otherwise Borysthènes — an ancient Greek polis of the 6th century B.C. — 3rd century A.D. which was situated on the right bank of the Bug Liman near its junction with the Dnieper Liman, in neighbourhood of the modern village of Parutino in the Ochakov Region, Ukraine; the works were conducted by the Olbian Expedition of IIMK RAS under the direction of V.I. Denisova), in the cultural layer dating to the 5th century B.C., a ceramic fragment was found with silhouettes of ships drawn on both its sides (fig. 1: a, б). The fragment was a part of discoid support of the foot of an Attic black-glazed vessel (something like a large plate or saucer). Similar ware («fruit vases») was manufactured by Attic potters throughout the period from the late 6th to the second quarter of the 5th century B.C. in two variants — with a high foot (fig. 1: в) or with a low one. The outlines of ships were drawn with some pointed tool, possibly an awl or a knife point.

On the upper surface of the support (fig. 1: a) the silhouette of only one ship is wholly preserved (represented complete with its underwater part). At the stern of the ship a ladder is fixed along with some other component of the rigging (possibly, a yard or sprits) rendered in two lines meeting at right angle. The double line outlining the ship's bottom, as it seems, is the false keel.

A similar ship (probably, only the above-water part was represented) is drawn on the lower surface of the support (fig. 1: б). Parallels to the two ships are the sailing vessel depicted on an Attic black-figured cup dating to the late 6th century B.C. (fig. 2) and a painted sea vessel on the wall of an Etruscan tomb of the early 5th century B.C. It is supposed that in both cases depicted are the ships of the type called *holkas* (ἡ ὀλκάς) in the ancient Greek world. *Holkadai*, which had rigs only for sailing, served for transportation of cargoes. On the basis of the mentioned parallels we consider both of the discussed

above ships on our graffito (fig. 1: a, б) as *holkadai* though they are represented without any mast (possibly, because of lack of the necessary space on the fragment).

Outlines of yet two ships besides the *holkadai* are drawn on the lower side of the support (fig. 1: в). These two are of a different size but undoubtedly belong to a single type. Both of the ships have a similar shape of their bows continuing into bowsprits. A rectangular sail is hoisted on one of the ships (its stern is not preserved). Judging by the proportions of the two vessels it seems that they were rowing boats in which the sail served as an additional mover.

As specimens of Minoan glyptics show, ships with bowsprits ploughed the waters of the Mediterranean Sea as early as in the second millennium B.C. Separate archaeological finds (imprints of 520-331 B.C. cylindrical seals from Persepolis and a graffito tentatively dated to the second half

of the 6th century B.C. on a tile from the neighbourhood of the temple of Apollo Zoster in Attic) as well as numerous samples of ancient fine arts of the first centuries A.D. suggest that ships with bowsprits existed during the entire Classic Period. Probably bowsprit served for fixing such rigging as bowlines, braces and brails; it could also fix an additional sail *artemon* (ὁ ἀρτέμων). Moreover, as one may judge from the scene represented in a mosaic panel of the 2nd century A.D. from Ostia (fig. 3), bowsprit could be used for laying a ladder between two ships for transshipping the cargo.

The extreme scantiness of sources does not enable us to be certain as to what the ship with a bowsprit was called in the ancient Greek world. We suppose that to this type one of such terms attested by ancient authors as *akatos*, *halias*, *kyknos* (ἡ ἄκατος, ἡ ἁλιάς, ὁ κύκνος) possibly is related.

ПИЩА ОЛЬВИОПОЛИТОВ

М. В. СКРЖИНСКАЯ¹

Информацию о ежедневной и праздничной еде ольвиополитов содержат многие источники, которые до сих пор не были обобщены. К освещению этой темы следует привлечь разнообразные археологические находки: костные остатки млекопитающих животных, птиц и рыб, зерна культурных растений, кухонную и столовую посуду и некоторые другие памятники материальной культуры. Изучение сведений античных авторов о рационе греков во многом помогает понять значение упомянутых материалов из раскопок Ольвии. Таким образом можно составить более или менее полное представление о том, чем питалось население этого греческого полиса.

Ежедневная пища эллинов была преимущественно вегетарианской, ее основу составляли хлеб и каши. По письменным источникам известно, что греки делили еду на две основные категории: *sitos* — изделия из муки и то, что с ними ели, — *opson*. Пили чаще всего воду и вино, а также молоко.

Подобно другим античным государствам Северного Причерноморья, хора Ольвии полностью удовлетворяла потребности полиса в зерновых культурах. Здесь выращивали несколько сортов пшеницы, ячменя и проса (Крыжицкий и др. 1989: 71). Из пшеницы пекли два вида хлеба: дрожжевой, похожий на современный круглый, и плоский бездрожжевой. Вероятно, в архаическое время колонисты ели также ячменный хлеб, основную еду бедного населения Эллады.

Значительные посевы ячменя в первые десятилетия жизни колонистов в Нижнем Побужье сократились в классический и эллинистический периоды (Крыжицкий и др. 1989: 136). Это связано, по-видимому, с переходом на выпечку главным образом пшеничного хлеба, который намного превосходит ячменный как по вкусовым качествам, так и по способу приготовления. Ведь ячмень можно обмолотить только после нагревания, а оно нарушает клейковинное содержание зерна и делает его непригодным для выпечки дрожжевого хлеба.

Из муки грубого помола, изготовленной из ячменя или пленчатой пшеницы, готовили кашу, называемую *таза*. Ее варили на воде или на молоке в закрытой кастрюле и постоянно

ели в небогатых семьях. Кроме хлеба и этой каши в число распространенных ежедневных блюд ольвиополитов входили густые супы и каши из гороха, чечевицы, бобов и гречихи. Остатки первых двух найдены при раскопках хоры Ольвии (Крыжицкий и др. 1989: 71), другие пока не обнаружены. Однако палеоботанические находки вообще немногочисленны. Климат же Нижнего Побужья позволял выращивать бобы и гречиху, которые употреблялись в пищу во всем античном мире, к тому же эти культуры найдены в других полисах Северного Причерноморья (Кругликова 1986: 155).

Археологические источники дают более полное представление о мясной и особенно рыбной пище ольвиополитов. Реки Гипанис и Борисфен изобиловали всевозможной рыбой. При описании Борисфена Геродот (IV, 53) выделил осетровых рыб, удивительных своей величиной и вкусом для обитателей Средиземноморья.

О рыбной пище ольвиополитов свидетельствуют многочисленные находки всевозможных рыболовных крючков и грузил для сетей, а также большое количество рыбьих костей. По ним установлено пять семейств промысловых рыб: осетровые (белуга, стерлядь, осетр, севрюга), щука, карповые (плотва, лещ, вырезуб, чехонь, сазан), окуневые (судак, окунь), сом. При подсчете костных остатков сделан вывод, что в Ольвии больше всего ели сомов, судаков и осетров (Житнева 1967: 102). Возможно, доля потребления мелких рыб, например, чехони, была более значительной, чем можно определить по археологическим находкам: ведь кости мелких рыб сохраняются хуже, чем крупных. Жители Ольвии ели также моллюсков, о чем свидетельствуют встречающиеся при раскопках раковины устриц и мидий (Бібікова 1958: 158).

У греков для рыбных кушаний существовали особые глиняные блюда с углублением посередине, куда наливался соус. В Ольвии и на Березани изготавливались такие блюда из серой и красной глины. Для парадной сервировки ольвиополиты покупали аттические чернолаковые и расписные блюда. Дешевый соус *alme* приготавливался из рыбьих внутренностей, крови и жабр, а более дорогой *gagos* из жирного рыбьего мяса с прибавлением пряной ароматической соли (Семенов-Зусер 1947: 26–27).

¹Украина. 254210. Киев. пр. Героев Сталинграда, д. 12. Институт археологии НАН. Отдел античной археологии.

Ольвиополиты не только варили и жарили рыбу, но также ее вялили, сушили, солили и коптили. На хоре Ольвии найдены остатки крупных коптилен (Крыжицкий и др. 1989: 138). О соленой же рыбе известно из рассказа Биона Борисфенита, упомянувшего своего отца, ольвийского торговца соленой рыбой (Diog. Latert. IV, 46). Декрет Протогена (IPEI², № 32) свидетельствует о существовании в Ольвии специального рыбного рынка. Вероятно, торговля шла здесь круглый год, но больше всего — в теплое время года, причем в разные месяцы появлялись разные сорта рыбы. Например, в конце весны — начале лета торговали преимущественно судаком, а летом сомом (Цепкий 1970: 117); зимой же, когда улов сокращался, увеличивалась продажа соленой, копченой и вяленой рыбы.

В мясном рационе ольвиополитов основное место занимало мясо крупного и мелкого рогатого окота. Приготовленные из них блюда чаще всего появлялись на столе зажиточных граждан и преимущественно в праздничные дни, которых у греков было много. Мясо свиней и домашней птицы употреблялось мало, а дичь и вовсе редко (Пидопличко 1940; Топачевский 1956; Воїнственський 1958; Журавльов 1983).

Находки многочисленных костей овец, коз и коров позволяют думать об интенсивном молочном хозяйстве, дававшем ольвиополитам в избытке молоко, творог и сыры. Эти продукты всегда широко употреблялись всеми греками; они пили в основном козье молоко, а из овечьего изготавливали разнообразные сыры. Скифский сыр гиппака и его производство из кобыльего молока неоднократно описаны в античной литературе. Эти сведения идут от северопричерноморских греков, и, можно думать, что они не только знали рецепт гиппаки, но и делали ее из молока лошадей, которых держали в большом количестве. Возможно, по примеру соседей-кочевников, жители Ольвии научились готовить блюда из конского мяса.

Масло из молока в античности изготавливалось лишь в лечебных целях, а в пищу употреблялось растительное из оливок. Их нельзя было вырастить в Нижнем Побужье, поэтому масло всегда привозили из более южных греческих центров.

Вино составляло важнейший компонент в питании ольвиополитов. Сначала оно было исключительно привозным. Понадобилось несколько столетий, чтобы акклиматизировать виноград в Нижнем Побужье. Местное вино стали изготавливать только в первые века нашей эры. Об этом можно судить по остаткам виноделен в Ольвии (Леві 1958) и на ее

хоре, а также по находкам тарапанов, виноградных прессов и виноградарского ножа (Крыжицкий и др. 1989: 200).

О значительном количестве привозного вина свидетельствуют бесчисленные обломки амфор; в некоторых из них сохранился даже винный осадок. Среди столовой посуды ольвиополитов заметное место занимали сосуды для смешивания вина с водой и для его питья (кратеры, ойнохои, пелики, килики, скифосы, канфары, ритоны и др.). По амфорам можно определить, что в Ольвию везли вина из лучших греческих центров виноделия. В архаический и классический периоды — хиосские вина, затем к ним присоединились вина с островов Лесбоса, Фасоса, Родоса и из Менды; более дешевые сорта поступали с южных берегов Понта (Лейпунская 1981: 68-78). На графито III в. до н.э. упоминается отпущенное в долг вино, приправленное пряным растением исопом (Яйленко 1980: 97). Такое вино, как писал Диоскорид (X, 40), пили с лечебными целями.

Крайне мало сведений сохранилось в источниках об овощах и фруктах в Нижнем Побужье. Из огородных растений греки больше всего употребляли лук и чеснок. Их дикие сорта до сих пор растут в Северном Причерноморье. Косвенное свидетельство об этих культурах в Ольвии имеется у Геродота (Hdt. IV, 17), писавшего об их разведении у алазонов и каллипидов, ближайших соседей ольвиополитов. К сожалению, ни в Ольвии, ни в других государствах Северного Причерноморья нет никаких данных о таких распространенных в Греции культурах, как свекла, репа, капуста, шпинат, сельдерей. Можно лишь сказать, что климат новой родины греков подходил для этих растений, и, вероятно, их семена завезли сюда так же, как и тех культур, о которых мы знаем.

Удалось найти лишь одно свидетельство о бахчевых культурах Ольвии: реалистическое изображение дыни на эллинистической вазе, расписанной местным художником (Зайцева 1970: 109, рис. 1). Косточки огурцов, арбузов и дынь встречались при раскопках Херсонеса (Стржелецкий 1961: 86), поэтому надо полагать, что ольвиополиты наряду с дынями выращивали для своего стола также арбузы и огурцы — культуры, хорошо известные в метрополии.

Наряду с огородничеством греки издавна занимались садоводством, которое развивалось и в колониях. Один боспорский город даже имел название Сады (Кепы). Письменные источники упоминают о фруктовых деревьях на хоре ольвийской метрополии Милета (Hdt. I, 17; IX, 97). О садоводстве в Северном Причерноморье сохранились лишь записи Феофраста в «Истории растений» (IV, 5, 3). Он

сообщил, что боспоряне выращивали прекрасные яблоки и груши, акклиматизировали гранаты и смоквы, но не смогли культивировать лавр и мирт, необходимые для религиозных ритуалов. К этому перечню фруктов надо добавить алычу, известную по находкам ее косточек в Мирмекии и Тиритаке (Флексбергер 1940: 118). В Ольвии из-за климатических условий вряд ли выращивали гранаты и смоквы, но яблоки, груши и сливы ольвиополиты получали из собственных садов, как и современное население этой территории.

К сожалению, существует лишь одно археологическое подтверждение о конкретных садовых деревьях: кора груши была обнаружена при раскопках эллинистического поселения Дидова Хата. В целом же о широком развитии садоводства свидетельствуют многочисленные, специально подготовленные для плодовых деревьев ямы (Крыжицкий и др. 1989: 73-74, 137). С достаточной уверенностью можно думать, что в Ольвию, как и в другие греческие города, привозили любимые в древности лакомства: изюм и вяленый инжир, а также в небольшом количестве дорогие сорта яблок, груш и других фруктов. Ведь в античности их умели хранить долгое время и доставляли к столу богатых людей из разных частей греческой ойкумены.

Среди лакомств следует упомянуть о меде, единственном сладком продукте древности. Мед подавали в сотах на десерт, а также добавляли во всевозможные выпечные изделия. Античные авторы упоминают о «понтійском меде» (Polyb. IV, 38, 4). Конкретные сведения о меде в Ольвии отсутствуют, поэтому об его употреблении можно говорить лишь по аналогии с другими греческими полисами.

На основании археологических источников имеется возможность выделить некоторые особенности пищи ольвиополитов. В отличие от Греции, здесь в изобилии росла пшеница, поэтому в Ольвии и других городах Северного Причерноморья ели больше пшеничного хлеба, чем в метрополии. Он был шире доступен небогатым гражданам, которые в других греческих полисах больше потребляли ячменного хлеба и каш. Ольвиополиты пили меньше вина, потому что оно было привозным вплоть до первых веков нашей эры. Также более ограничено в сравнении с Элладой употребляли оливковое масло. Производство местного масла из семян конопли можно лишь предположить.

Рыбный стол ольвиополитов был очень разнообразен. Здесь реже, чем в приморских городах, ели моллюсков, но всевозможная рыба в изобилии поступала в пищу самых широких слоев населения. Сорта рыбы были иными, чем в метрополии. В Средиземноморье добывали главным образом морскую рыбу, а в Нижнем Побужье — речную. Морская рыба также отличалась из-за разницы ихтиофауны Черного и Средиземного морей. Рыбная пища ольвиополитов имела свои особенности и в сравнении с другими полисами Северного Причерноморья. На восточном побережье Крыма ловили главным образом сельдь, хамсу и султанку, на западном — кефаль, морского карася и камбалу. В Ольвии же первые места занимали сом, судак и осетр, которые играли заметную, но не основную роль в рационе жителей Боспора (Лебедев, Лапин 1954: 213).

Мясная и молочная пища ольвиополитов, по видимому, мало отличалась от того, что ели в Греции, во всяком случае, виды мясо-молочного скота были идентичными. По разнообразию овощей и фруктов Нижнее Побужье из-за более сурового климата уступало метрополии.

В целом ольвиополиты имели в достатке почти все привычные «греческие» продукты питания.

Бібікова, В. І. 1958. Фауна Ольвії та периферії за матеріалами розкопок 1935-1948 рр. // Археологічні пам'ятки УРСР 7: 143-155.
 Войственський, М. А. 1958. Орнітофауна Ольвії // Археологічні пам'ятки УРСР 7: 156-158.
 Житнева, Л. Д. 1967. Промысловые рыбы древней Ольвии // Зоологический журнал 46/1: 90-102.
 Журавльов, О. П. 1983. Кістякові рештки ссавців у Ольвії та на Березані // Археологія 42: 80-85.
 Зайцева, К. І. 1970. Расписная курительница-урна из Ольвии // Советская археология 3: 109-116.
 Кругликова, И. Т. 1986. Сельское хозяйство и промыслы // Античные государства Северного Причерноморья: 154-161. Москва: Наука.
 Крыжицкий, С. Д., С. Б. Буйских, А. В. Бураков, В. М. Отрешко. 1989. Сельская округа Ольвии. Киев: Наукова думка.
 Лебедев, В. Д., Ю. Е. Лапин 1954. К вопросу о рыболовстве в Боспорском царстве // Материалы и исследования по археологии СССР 33: 197-214.
 Лейлунская, Н. А. 1981. Керамическая тара из Ольвии. Киев: Наукова думка.

Леві, О. І. 1958. Ольвійські виноробні // Археологічні пам'ятки УРСР 7: 29-39.
 Підопличко, І. Г. 1940. Домашние и дикие животные Ольвии по находкам из раскопок 1935-1936 гг. // Ольвия I. Киев: Издательство Академии наук УССР.
 Семенов-Зусер, С. А. 1947. Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности. Харьков.
 Стржезельский, С. Ф. 1961. Клery Херсонеса Таврического. Симферополь: Крымиздат.
 Топачевський, В. О. 1956. Фауна Ольвії // Збірник праць Зоологічного музею 27: 61-83.
 Флексбергер, К. 1940. Археологические находки хлебных растений, прилегающих к Черному морю // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 8: 117-119.
 Цепкин, Е. А. 1970. Новые материалы по истории рыбного промысла в Танансе // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 124: 115-117.
 Яйленко, В. П. 1980. Граффити Левки, Березани и Ольвии // Вестник древней истории 3: 75-116.

FOODS OF OLBIAPOLITANS

M. V. SKRZHINSKAYA

In studies of food of ancient Greeks not much attention has been paid as yet to characteristics of food of any particular Greek *polis* and its peculiarities as compared to other regions of the Greek settlement.

Our knowledge on what Olbiopolitans had for their meals is based on various sources which have not been yet considered together. Among these sources, material remains — bones of mammals, birds and fishes, grains of agricultural plants, wine sediments — occupy an important place. One may get an idea about food by the vessels in which it was cooked, stored or served, and by the millstones, mortars and grain grinders used for making flour and groats. The archaeological evidence listed above gives more essential information as compared with objects of fine arts and statements of ancient authors on Greek food.

Among the main victuals of Olbiapolitans were wheat and barley bread; gruel made of barley, millet, peas, and lentils; fruit and vegetables; fish and molluscs; sheep's and goat's milk and cheese; meat — mainly beef, mutton, and goat's flesh, — much less pork, poultry and game; vegetable oil, wine, honey; salt and vinegar as dressing and preservatives.

In general, food of Olbiapolitans is similar in its composition to that of the population in other Greek *poleis*. However, there are some peculiarities.

In comparison with Greece, barley held much lesser place in the board of Olbiapolitans, and products of wheat flour were more commonly used. Unlike most of Greeks who made use chiefly of sea fish and molluscs, Olbiapolitans had for their meals much first-rate river fish — mainly sheat-fish, pike-perches and sturgeons. From inscriptions we know that a special fish market existed in Olbia. Live, salted, dried and smoked fish was sold there. Depending on the season different kinds of fish appeared on the table of Olbiapolitans, e.g. pike-perches in spring and early summer, sheat-fish in summer, and in winter when the catches were strongly reduced they ate mostly preserved fish.

The meat and dairy products of Olbiapolitans were not distinguished in any way since the meat and milk cattle species were identical in Olbia and other Greek *poleis*. It is possible though that Olbiapolitans borrowed from the local population making of *hippaka* — cheese of mare's milk.

Owing to the climatic conditions the selection of vegetables and fruits was poorer in Olbia than in Hellas. This was partially compensated for by imports of fresh and dried fruit. As in other Greek cities, imported victuals composed an essential part of Olbiapolitans' rations; imported were mainly olive oil and wine.

ПОСЕЛЕНИЯ НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ В АСПЕКТЕ СКИФО-ЭЛЛИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (рубеж V-IV вв. до н.э. — III в. н.э.)

В. П. БЫЛКОВА¹

Раскопки последних лет на территории Нижнего Поднепровья заметно расширили источниковедческую базу и позволили осуществить комплексное исследование выявленных здесь поселений скифо-античной эпохи. Материалы этой группы археологических памятников позволяют обратиться к вопросам о соотношении кочевого (полукошевого) и оседлого населения на разных исторических этапах, о взаимодействии культур степных скифов и северопричерноморских эллинов на протяжении их существования на рассматриваемой территории, что представляется актуальным и необходимым для характеристики исторической ситуации в Северо-Западном Причерноморье в целом (Марченко 1992: 8-10).

Ситуация, наблюдаемая в Верхнем Поднепровье, в общих чертах сопоставима с той, которая складывалась в античную эпоху в низовьях других крупных рек — Дона, Южного Буга, Днестра, Дуная. Но следует отметить, что в этом регионе, определенном как «ядро Степной Скифии», наблюдается несколько иное соотношение кочевого скотоводческого и оседлого земледельческого хозяйственно-культурных типов. Отразилось это и в сравнительно позднем — лишь на рубеже V-IV вв. до н.э. — появлении здесь поселений. Отличительной чертой Нижнего Поднепровья является возникновение здесь практически одновременно двух массивов поселений, разница между которыми прослеживается на уровне различия между археологическими культурами. В южной части рассматриваемой территории, на северо-восточном побережье современного Днепровского лимана (рис. 1) поселения появились в результате освоения населением Ольвии Понтийской новых обширных пространств к западу, северу и востоку от границ первоначального расселения. В период основания первых апоикий сельскохозяйственная территория Ольвии доходила на востоке только до Гипполаева мыса. Возможно, храм Деметры, упомянутый Геродотом (IV. 53. 6), маркировал эту границу — святилища располагались на границах хоры с целью ее защиты (Mertens 1990: 376).

Достаточно репрезентативный материал с поселений, находившихся на северо-восточном побережье Днепровского лимана, практически идентичен и позволяет отнести основание этих памятников к рубежу V-IV вв. до н.э. На них нет ярко выраженных материалов V в. до н.э., известных на приольвийских поселениях раннего классического периода. Время заселения ольвиополитами восточных территорий — до устья Днепра — приходится на период наибольшей их активности в создании большой хоры после ее редукции в конце первой трети V в. до н.э. (Виноградов, Марченко 1995: 80-81).

Одной из важных проблем истории полиса на этом этапе является определение состава населения, быстро распространившегося на довольно большом пространстве. Заметное возрастание численности населения наблюдалось в IV в. до н.э. во всем Северном Причерноморье. Убедительным представляется предположение о том, что освоение новых территорий производилось частично за счет собственного демографического потенциала, то есть осуществлялась своего рода «внутренняя колонизация» (Отрешко 1982: 36-37). В пользу этого предположения можно отнести сходство в топографии, строительстве, структуре керамического комплекса, хозяйственной деятельности населения поселений, возникших на этом этапе, с предшествующими — VI-V вв. Предполагается также возможность притока нового населения за счет иммиграции из Восточного Средиземноморья и Малой Азии (Отрешко 1982: 38; Рубан 1985: 35-36). Относительно иммиграции из Средиземноморья существуют возражения общего порядка (Снытко 1994: 38-40). Не отрицая возможности участия иммигрантов в создании большой хоры Ольвии, следует отметить, что археологические данные в поддержку этой гипотезы пока не представлены.

Поселения северо-восточной части ольвийской хоры характеризуются следующими чертами². Они расположены на высоких берегах над глубоководными участками Днепровского

¹Украина. 325000. Херсон. ул. 40-летия Октября, 27. Педагогический университет. Исторический факультет.

²Использованы материалы раскопок А. П. Манцевич, И. Д. Ратнера, С. Б. Буйских, М. И. Абикуловой и автора. Выражаю благодарность коллегам, предоставившим неопубликованные материалы.

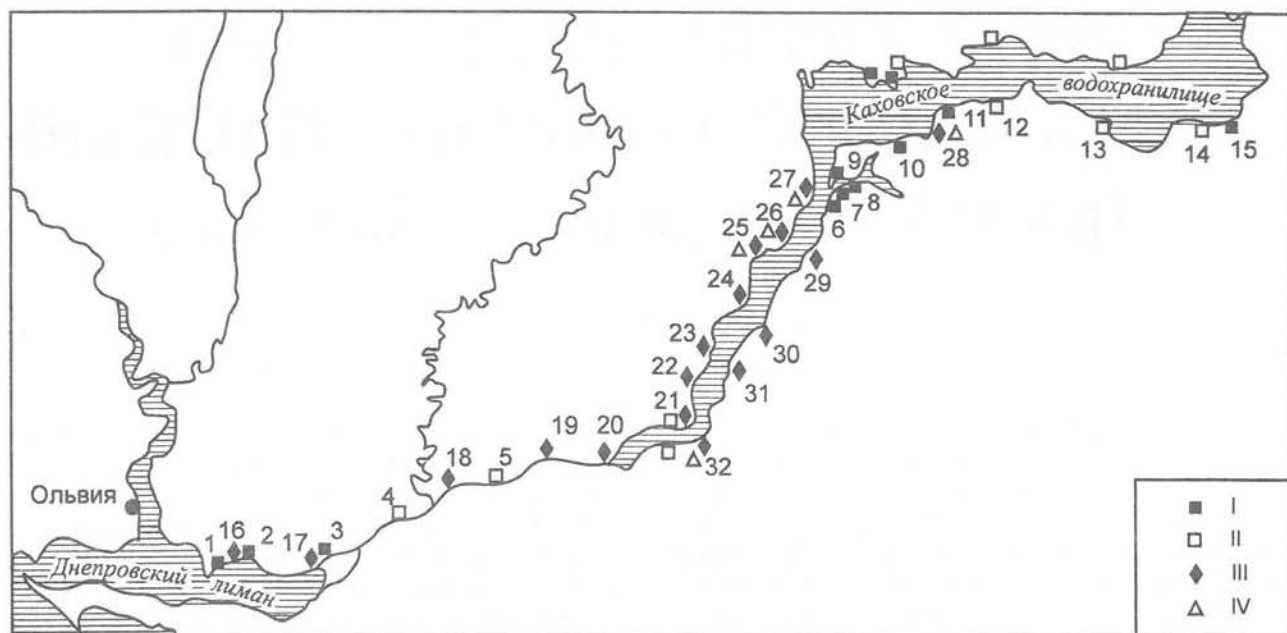

Рис. 1 Карта расположения поселений: 1 — Усадьба Литвиненко; 2 — Глубокая пристань; 3 — Белозерское; 4 — Антоновка-2, 5; 5 — Тягинка; 6 — Первомаевка-2; 7 — Чернена; 8 — Первомаевка-1; 9 — Нижний Рогачик; 10 — Карай-Дубина; 11 — Каменское городище; 12 — Водяное; 13 — Благовещенка; 14 — Скельки; 15 — Лысая Гора; 16 — Золотой Мыс; 17 — Костровское; 18 — Понятовское; 19 — Львовское; 20 — Козацкое (Николаевка); 21 — Старошведское (Змиевское); 22 — Красный Маяк; 23 — Консуловское (Меловое); 24 — Саблуковское; 25 — Анновское; 26 — Гавриловское; 27 — Золотая Балка; 28 — Знаменское; 29 — Великая Лепетиха; 30 — Горностаевское; 31 — Каирское; 32 — Любимовка.

Условные обозначения: I — поселения с культурным слоем IV в. до н.э.; II — пункты сбора подъемного материала IV в. до н.э.; III — поселения с культурным слоем I в. до н.э. — II в. н.э.; IV — присутствие в слое материалов IV в. до н.э.

Fig. 1 Map of location of the settlements. 1 — Usad'ba Litvinenko; 2 — Glubokaya Pristan'; 3 — Belozersкое; 4 — Antonovka-2 and 5; 5 — Tyaginka; 6 — Pervomaevka-2; 7 — Chernena; 8 — Pervomaevka-1; 9 — Nizhni Rogachik; 10 — Karai-Dubina; 11 — Kamenskoe Gorodishche; 12 — Vodyanoe; 13 — Blagoveshchenka; 14 — Skel'ki; 15 — Lysaya Gora; 16 — Zolotoi Mys; 17 — Kostrovskoe; 18 — Ponyatovskoe; 19 — Lvovskoe; 20 — Kozatskoe (Nikolaevka); 21 — Staroshvedskoe (Zmievsкое); 22 — Krasny Mayak; 23 — Konsulovskoe (Melovoe); 24 — Sablukovskoe; 25 — Annovskoe; 26 — Gavrilovskoe; 27 — Zolotaya Balka; 28 — Znamenskoe; 29 — Velikaya Lepetikhа; 30 — Gornostaevskoe; 31 — Kairskoe; 32 — Lyubimovka.

Legend: I — settlements with cultural layer dating to the 4th century B.C.; II — places where surface finds dating to the 4th B.C. were collected; III — settlements with cultural layer dating to the 1st century B.C. — 2nd century A.D.; IV — finds of materials dating to the 4th century B.C. in a layer

лимана, размещены вдоль береговой линии. Их размеры — 2-10 га, оборонительные сооружения — ров, вал, каменная крепостная стена, цитадели — являются исключением. Имеется мощный и насыщенный культурный слой, основной компонент которого — глины, что связано с использованием в постройках сырцовых кирпичей и глинистого раствора в кладках. Территория застроена плотно, прослежена системная организация застройки. Для хозяйственных целей использовались примыкающие к поселениям участки без культурных отложений. Строительные сооружения — каменно-сырцовые наземные и углубленные в материк на 0,3-1 м многокамерные и однокамерные постройки под черепичными или глинисто-камышовыми крышами. Кладки — однорядные двухслойные постелистые ложковые, вымостки дворов —

каменные и каменно-керамические на глинистом растворе. Площадь одной камеры наземного дома в среднем равна 15 кв. м. Жилые полужемлянки имели прямоугольную в плане форму с закругленными углами, в них выделены ниши для каменных очагов. Их площадь — 10-30 кв. м и более. Хозяйственные полужемлянки имели столбовую конструкцию, их площадь — 2,5-8 (8 × 2) кв. м. Обнаружено значительное количество зернохранилищ грушевидной и колоколовидной формы большой вместимости, их стенки часто обмазаны глиной и обожжены, применяется каменная обкладка горловины. Найдены колодцы, цистерны, овин, погреб. Для сброса золы были выделены специальные места.

В составе керамического комплекса, просчитанного по фрагментам, 65-80% составляют амфоры, 7-9% — остальная кружалная керамика (разнообразная импортная и ольвийская:

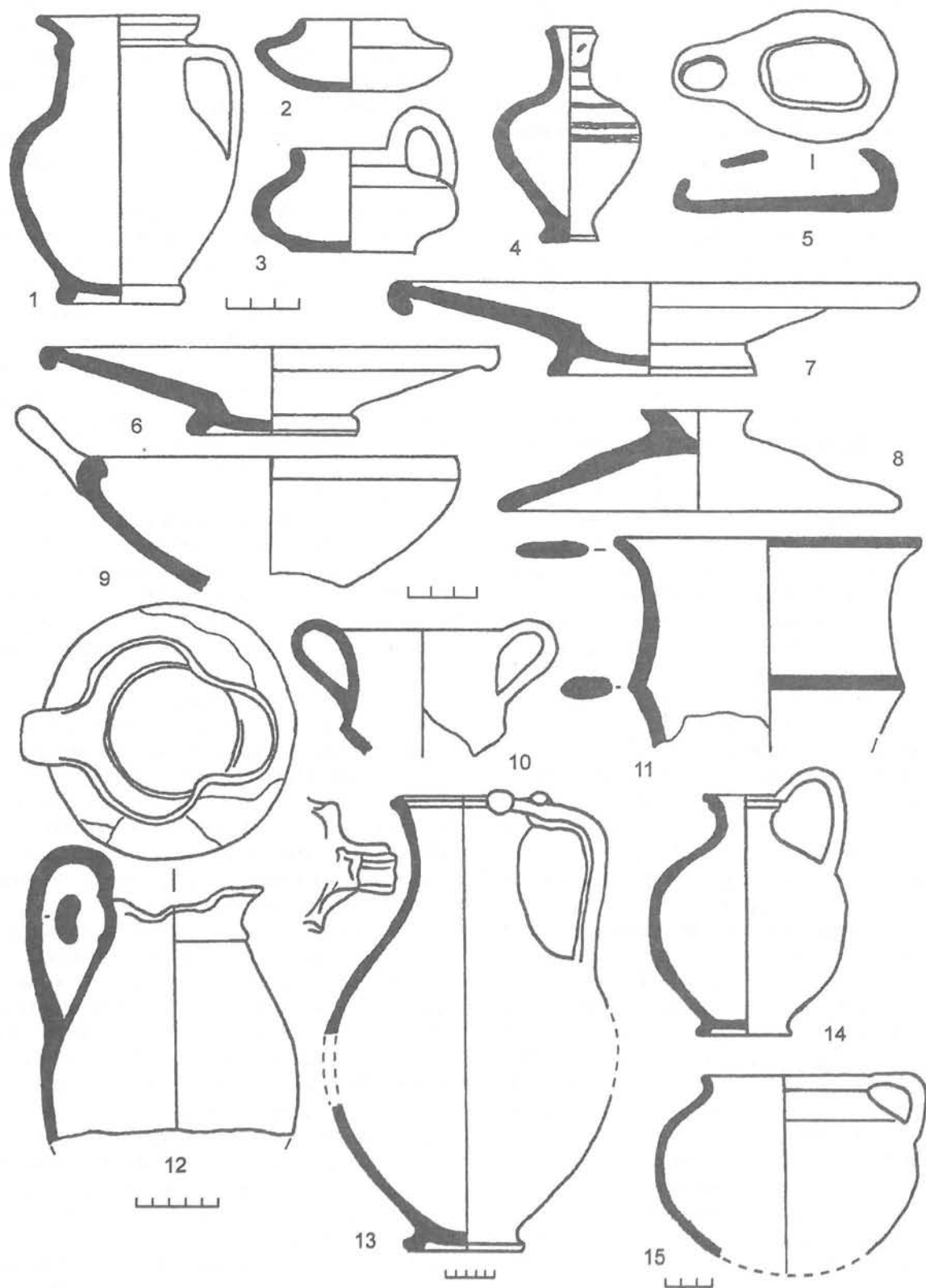

Рис. 2 Керамика северопричерноморского производства с поселений восточной части ольвийской сельской округи: 1, 11, 14 — поселение Усадьба Литвиненко (раскопки М. И. Абикуловой, 1979 г.); 4 — поселение Глубокая Пристань (раскопки И. Д. Ратнера, 1950 г.); 2, 3, 5-10, 12, 13, 15 — Белозерское поселение (раскопки В. П. Былковой, 1989, 1991, 1992 гг.).

Fig. 2 Pottery of the northern Black Sea area production from settlements in the eastern part of the Olbian rural neighbourhood. 1, 11, 14 — the settlement of Usad'ba Litvinenko (excavated by M. I. Abikulova in 1979); 4 — the settlement of Glubokaya Pristan' (excavated by I. D. Ratner in 1950); 2, 3, 5-10, 12, 13, 15 — the settlement of Belozerskoe (excavated by V. P. Bylkova in 1989, 1991, 1992).

сероглиняная, красноглиняная, светлоглиняная, чернолаковая, кухонная, толстостенная), 6-20% — лепная посуда; черепица присутствует в количестве от нескольких фрагментов до 6%. Среди амфор на первом месте по количеству находятся гераклеийские и хиосские, многочисленна тара Фасоса, Менды, Пепарета, Херсонеса Таврического, Синопы, Коса, реже встречается продукция Аканфа, Коринфа, Колхиды, Родоса, Книда, Лесбоса, представлены фрагменты амфор неопределенных средиземноморских центров. В кружальной керамике местного ольвийского производства (рис. 2) преобладают кувшины, миски, чаши и рыбные блюда, имеются крышки и светильники, менее распространены кубки-канфары, лекифы, флаконы-бальзамарии, ойнохои, ольпы, миниатюрные сосудики. Выделяется группа сосудов, орнаментированных горизонтальными поясами красной или коричневой краски (рис. 2: 4,11), — такая посуда производилась во всех городах Северного Причерноморья в VI-IV вв. до н.э., а в Ольвии — и в эллинистический период. Следует отметить присутствие среди местной и привозной керамики характерных древнегреческих форм — лутериев, котлов, светильников, кухонных кастрюль и горшков (рис. 2: 15), наличие последней группы выделено как индикатор непосредственного присутствия эллинского населения (Nimeier 1995: 304-305).

Количество лепной посуды на поселениях различно (рис. 3), но везде найдены повторения кружальных форм, переносные жаровни, скифские горшки (рис. 3: 14,15), а в небольшом количестве — сосуды гето-фракийских типов (рис. 3: 17) и корчаги.

В целом, керамический материал датируется от конца V — начала IV вв. до н.э. до последней четверти IV — первой трети III вв. до н.э., в наибольшем количестве и разнообразии представлена керамика второй-третьей четвертей IV в. до н.э. От времени основания поселений до прекращения на них жизни присутствуют монеты, причем исключительно ольвийские. При сравнительно малом количестве орудий для обработки зерна найдено очень много материалов, свидетельствующих о развитом рыболовстве: грузила для сетей, иглы для плетения сетей, якорные камни, остатки рыбы (осетровые, карповые, судак, сом, щука). Металла довольно мало (в основном представлены строительные гвозди и ножи), практически отсутствуют следы производства, даже единичные куски шлаков, руды и т. п. Во всех жилищах присутствуют грузики для ткацкого станка и глиняные и свинцовые пряслица как свидетельство домашнего характера ткацкого производства.

Полностью сопоставимы с ольвийскими материалами предметы, связанные с культурами, и надписи (рис. 4: А). Обнаружен свинцовый букраний (рис. 4: А1) — изделие, связанное с почитанием в Ольвии Диониса (Зайцева 1971: 84-92). Найдены также терракоты, граффити, мелкие глиняные изделия из сбросов золы: «хлебцы», «лепешки», т. п.

По облику культуры население северо-восточного побережья Днепровского лимана не отличалось от основного населения хоры Ольвии IV-III вв. до н.э., культура которого определена как рустифицированный вариант ольвийской (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 151). Подтверждает это и анализ палеозоологических материалов¹: мелкий рогатый скот (овцы и козы) составляют 40% особей, крупный рогатый скот — 26-28%, лошадь — 11-20%, свинья — 5-9%, собака — 10-15%. Прослеживается сельскохозяйственная, рыболовная и торговая деятельность населения. На эти поселения может быть распространен общий вывод о том, что экономические связи с окружающими варварскими племенами решающего значения для Ольвии не имели, а более значительную роль играли связи с античным миром (Крыжицкий 1994: 18-19). Население получало все необходимое в результате собственной хозяйственной деятельности и благодаря существованию развитого внутривоспольского рынка. Нет оснований связывать большое количество импорта из средиземноморских и причерноморских античных центров, поступавшего на эти поселения, с посреднической торговлей с варварами (разумеется, не отрицая полностью ее существования).

Присутствие керамики скифских типов в Ольвии и на ее хоре традиционно объясняется постоянным проживанием какого-то количества скифского населения на территории Ольвийского полиса. Поскольку связь между этническими категориями и их материальными индикаторами проблематична, этот вопрос нельзя считать решенным окончательно. Но можно отметить, что чисто скифские объекты и комплексы материалов на поселениях хоры не выявлены, то есть скифы не были обособлены от остального населения. Между кочевым и оседлым населением обычно проявляется определенный антагонизм, но при включении какой-то части варварского населения, принявшего новый образ жизни, в состав населения полиса «межэтнические» противоречия, по-видимому, не возникали, во всяком случае, на уровне археологических данных они не зафиксированы. По аналогии с другими территориями наиболее вероятным представляется, что на поселениях побережья Днепровского лимана проживало

¹ Определения произведены О. П. Журавлевым (Институт археологии НАНУ).

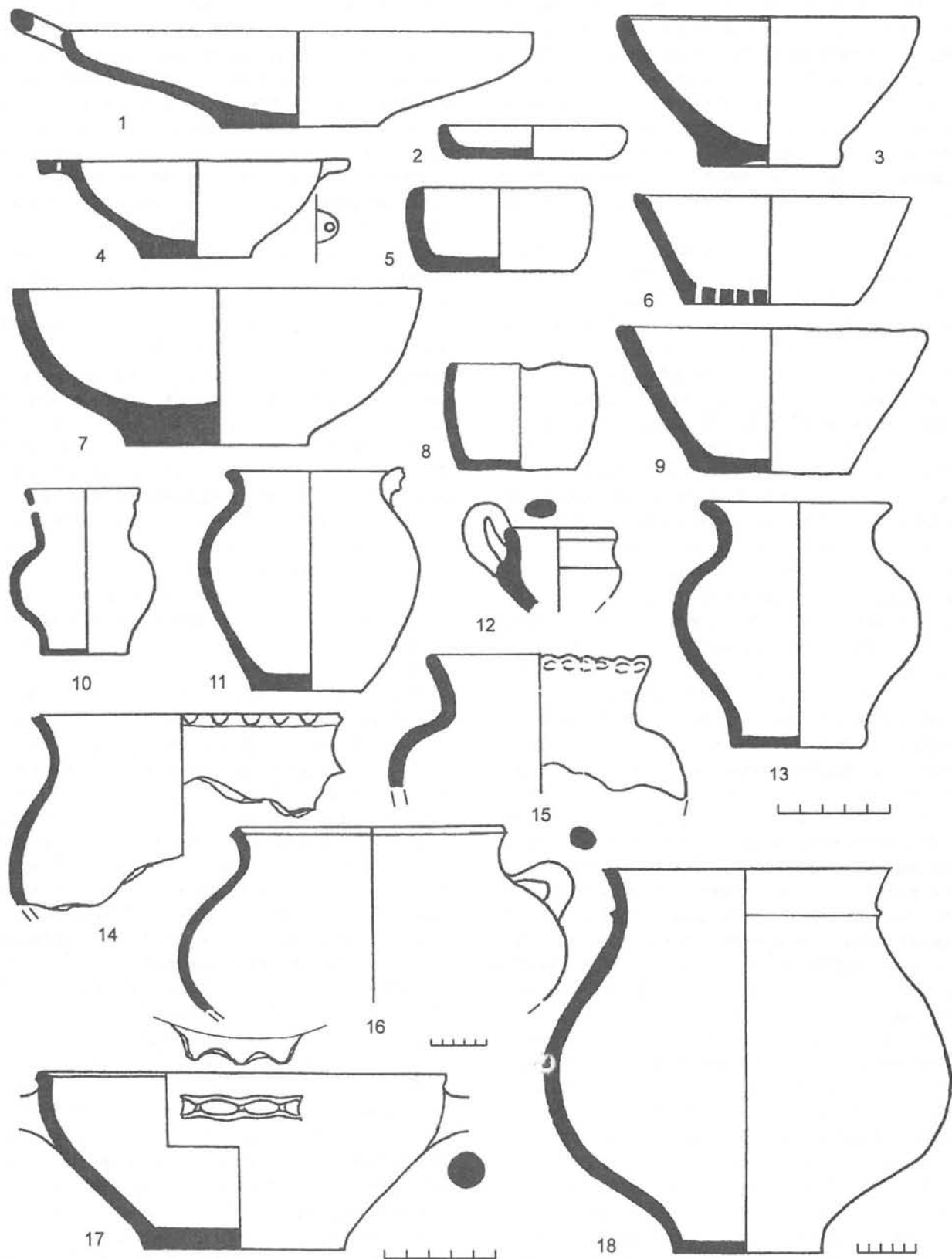

Рис. 3 Лепная керамика с поселений восточной части ольвийской сельской округи: 1, 4, 11, 16 — поселение Глубокая Пристань (раскопки И. Д. Ратнера, 1950 г.); 7, 13, 18 — поселение Усадьба Литвиненко (раскопки А. П. Манцевич, 1947 г.; М. И. Абикуловой, 1979 г.); 2, 3, 5, 6, 8-10, 12, 15, 17 — Белозерское поселение (раскопки В. П. Былковой, 1989, 1992, 1993, 1995 гг.)

Fig. 3 Hand-made pottery from settlements in the eastern part of the Olbian rural neighbourhood. 1, 4, 11, 16 — the settlement of Glubokaya Pristan' (excavated by I. D. Ratner in 1950); 7, 13, 18 — the settlement of Usad'ba Litvinenko (excavated by A. P. Mantsevich in 1947; M. I. Abikulova in 1979); 2, 3, 5, 6, 8-10, 12, 15, 17 — the settlement of Belozerskoe (excavated by V. P. Bylkova in 1989, 1992, 1993, 1995).

смешанное население: частично — эллинское, частично — скифское и потомки смешанных браков, но существовало оно в традициях эллинской культуры Северного Причерноморья. Археологические исследования пока не дали возможности для разделения населения сельской округи Ольвии на греческих колонистов, эллинизированных скифов и скифов, сохранивших свою культуру, поскольку все они вели идентичный образ жизни.

Независимо от процессов, происходивших на территории Ольвийского полиса, на рубеже V-IV вв. и в IV в. до н.э. возникли поселения и у скифов Нижнего Поднепровья. В хозяйстве кочевников, в частности, в его полукочевом подтипе, большое место занимают вспомогательные виды деятельности, прежде всего, земледелие (Марков 1981: 85). В рамках кочевых культур осуществляется организация собственных земледельческо-ремесленных поселений и торжищ — это можно видеть на примере сюнну (Давыдова 1978: 55-59; Коновалов 1985: 41-50) и других кочевников. Все три типа скотоводческого хозяйства, относящиеся к его кочевым формам, связываются в той или иной степени с земледелием (Адрианов 1985: 78). «Кочевники испытывают постоянный демографический избыток по отношению к возможностям среды; от этого происходит центробежное движение более или менее постоянного населения, образуется настоящий предохранительный клапан, через который лишние люди оттесняются к возделанным полям. Но такая форма оседлости, затрагивающая в основном обедневших кочевников, не может рассматриваться как последняя стадия необратимого ослабления или распада кочевничества. Напротив, она является одним из условий его выживания» (Дигар 1989: 39). Что же касается собственно скифов, то первым на возникновение земледелия у них в интересах скотоводческого хозяйства, а не в качестве противоположности ему, указал М. И. Артамонов (Артамонов 1947: 72; 1948: 65,69).

Скифские поселения Нижнего Поднепровья отличаются от приольвийских и характеризуются следующими чертами¹. Они расположены преимущественно, на левобережье, по берегам Конки, Пидпильной, их притоков и рукавов — на мысах. Площадь обычных поселений — 1-4 га; 1000 га занимает Каменское городище. Часть их площади не имеет культурного слоя, застройка территории несплошная. Культурный слой имеет среднюю мощность и слабую насыщенность материалом и строительными остатками. Встречены маленькие полуземлянки и землянки (2-5 кв. м) в сочетании с большим количеством зерновых ям при отсутствии следов ремесленного производства — они могли принадлежать обедневшему населению,

обитавшему на поселениях сезонно. Обнаружены также землянки, глубокие полуземлянки и наземные глино-плетневые постройки площадью от 8-9 до нескольких десятков кв. м, максимальная величина — 140 кв. м. Эти постройки окружены хозяйственно-продуктовыми и производственными сооружениями. Характерны глинобитные овальные очаги. На нескольких памятниках обнаружены оборонительные сооружения в виде валов и рвов. Камень в этой группе поселений использовался минимально, сырцовый кирпич и черепица не применялись.

В керамическом комплексе, в среднем, 40% составляют фрагменты амфор, до 1% — кружалных столовых сосудов (аттических чернолаковых и ольвийских), до 60% — лепная керамика. Материал датируется от рубежа V-IV вв. до первой трети III в. до н.э. Керамика не отличается разнообразием (рис. 4: E). Среди находок много костей и изделий из них, а также каменных орудий. Для этих поселений характерно присутствие остатков железодельного производства на основе озерной и болотной руды, а для Каменского городища — и бронзолитейного. В значительном количестве найдены глиняные пряслица — предметы, связанные с ткачеством, присущем кочевым культурам (Cribb 1990: 70). Единичной находкой является комплекс глиняных поделок с обломком антропоморфной статуэтки (рис. 4: B1), связанный с культурами земледелия и плодородия и имеющий наиболее близкие аналогии в Лесостепи на Бельском городище. Монеты происходят, в основном, с Каменского городища и составляют своеобразный набор: Пантикапей, Истрия, Ольвия, Тира, Херсонес Таврический, Македония, Гистия на Евбее. Возможно, они показывают не только направление торговых связей, но и походов скифов. В стаде до 60% составляет крупный рогатый скот, 23-39% — лошади, 3-14% — мелкий рогатый скот. Такой состав не имеет аналогий ни на хоре Ольвии, ни на поселениях Лесостепи, прослеживается сходство с палеозоологическими материалами из расположенного поблизости курганного могильника Мамай-Гора. По мнению Ю. Я. Мягковой, увеличение количества крупного рогатого скота является признаком социального расслоения. Что же касается агрикультур, то основными были ячмень пленчатый, пшеница-двузернянка, ячмень голозерный и просо обыкновенное, что указывает на независимую от греческого и лесостепного населения линию развития (Гаврилюк, Пашкевич 1991: 62). Скифский хозяйственно-культурный тип базировался на экстенсивном скотоводстве, земледелии в речных долинах, производстве для собственных

¹Использованы материалы раскопок Б. Н. Гракова, Н. А. Гаврилюк, С. Н. Кравченко и автора.

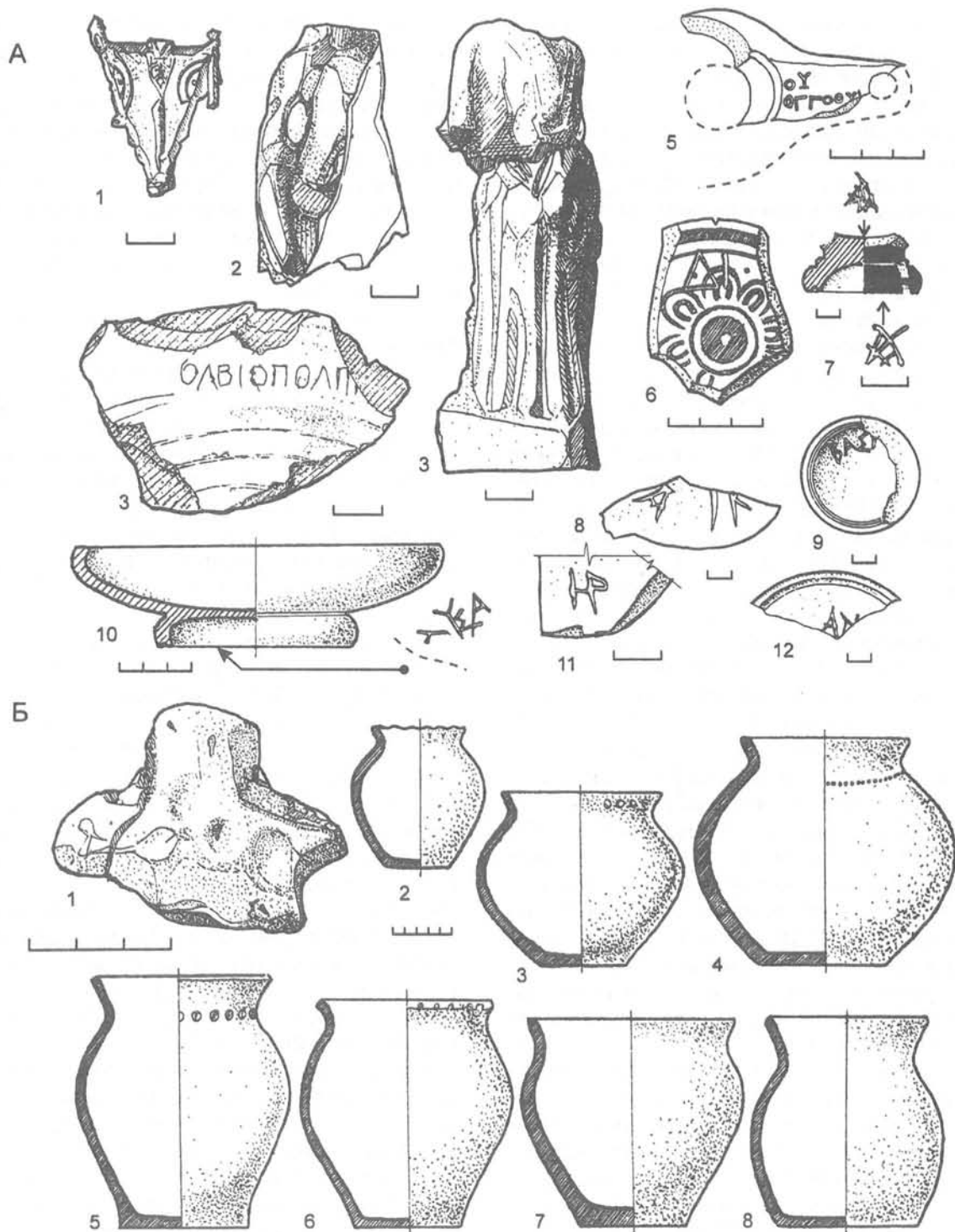

Рис. 4 А — материал с поселений восточной части ольвийской сельской округи: 1 — букраний (свинец), поселение Усадьба Литвиненко (раскопки В. П. Былковой, 1990 г.); 2, 3, 5-7, 9-12 — терракоты и граффити на чернолаковой керамике, Белозерское поселение (раскопки В. П. Былковой, 1992, 1993, 1995 гг.); 4, 8 — граффити на сероглиняных сосудах, поселение Глубокая Пристань (раскопки И. Д. Ратнера, 1950 г.; С. Б. Буйских, В. П. Былковой, 1991 г.). Б — материал со скифских поселений Первомаевка-2 (1, 5, 6) и Лысая Гора (2-4, 7, 8) (Гаврилюк, Былкова, Кравченко 1992; ч. I, рис. 8; ч. II, рис. 10, 11).

Fig. 4A — finds from settlements in the eastern part of the Olbian rural neighbourhood: 1 — bucranium (lead), the settlement of Usad'ba Litvinenko (excavated by V. P. Bylkova in 1990); 2, 3, 5-7, 9-12 — terracottas and graffiti on black-glazed ware, the settlement of Belozerskoe (excavated by V. P. Bylkova in 1992, 1993, 1995); 4, 8 — graffiti on grey ware, the settlement of Glubokaya Pristan' (excavated by I. D. Ratner in 1950; S. B. Buiskikh and V. P. Bylkova in 1991). Б — finds from Scythian settlements of Pervomaevka-2 (1, 5, 6) and Lysaya Gora (2-4, 7, 8) (Gavriilyuk, Bylkova and Kravchenko 1992, part I, fig. 8; part II, fig. 10, 11).

нужд, а также торговле — прослеживаются контакты с эллинами Северного Причерноморья и земледельцами Лесостепи.

Обе группы поселений Нижнего Поднепровья прекратили существование в первой трети III в. до н.э., что вписывается в общую картину запустения степей Северного Причерноморья в этот период. Поскольку на поселениях отсутствуют следы внезапного вражеского наступления, пожаров, разрушений и т.п., возникает предположение об уходе населения. Первой третью III в. датируются клады монет, обнаруженные в районе поселений на побережье Днепровского лимана. Исчезают к этому времени в Нижнем Поднепровье и скифские курганные могильники. Отток скифов в Добруджу начинается в конце IV — первой четверти III вв. до н.э.; в середине — второй половине III в. до н.э. Плиний Старший упоминает скифов и шесть скифских городов у Том и Дионисиополя, около 200 г. до н.э. Добруджа названа Скифией в декрете в честь Антифока. Данные письменных источников подтверждаются археологическими и нумизматическими материалами. Финал Малой Скифии в Добрудже датируется последней четвертью II — началом I в.в. до н.э. (Андрух 1995: 139-147; Соја 157-168). В Крыму в первой половине III в. до н.э. наблюдается разрушение скифами античных поселений, а затем возникновение на их месте памятников «варварского» облика (Щеглов 1978: 128-129; Ланцов 1994: 91-92). Непрерывный натиск скифов на территории Северо-Западного Крыма прослежен по материалам поселений на протяжении III-II вв. до н.э. (Кутайсов, Уженцев 1994: 66). На территории же Нижнего Поднепровья в это время отсутствуют археологические свидетельства пребывания скифского или иного населения.

Во II-I вв. до н.э. постепенно возникают укрепленные городища на Нижнем Днепре. Они охватывают иную территорию, чем скифские поселения предшествующего периода, «спускаясь» к югу и имея большую протяженность распространения (рис. 1). Они расположены, преимущественно, на правом берегу Днепра; три — на крутом берегу основного русла, остальные — на протоках и притоках Днепра и Конки. Все поселения в плане четырехугольны, ограничены крутым берегом, короткими обрывистыми балками и двумя оборонительными линиями. Первая оборонительная линия огораживает 1–3,65 га, вторая — до 10 и 13,68 га. Виды оборонительных сооружений: двухпанцирные стены с забутовкой мелким камнем и ров, земляные валы и рвы, башни; кладка бессистемна. Планировка и застройка характеризуются как греко-варварские (Крыжицкий 1993: 228-231). Территория поселений застроена не полностью.

На многих памятниках прослежена регулярная разбивка кварталов. Типы строений: однокамерные и двухкамерные наземные каменные дома, глиноплетневые и глинобитные сооружения, единичные полуземлянки небольшой глубины. Кладки иррегулярные постелистые, цоколи орфостатные. Черепица использовалась в минимальном количестве. Выявлены очаги из кусков известняка, загородки, колоколовидные и грушевидные ямы (часто больших размеров), вымостки.

В керамическом комплексе фрагменты амфор составляют от 32-35% до 50% и выше. На разных поселениях кружальная керамика представлена в разном количестве и разной структуре, но нигде ее количество не равноленной керамике (и даже не приближается к ней). В группе кружальной посуды имеются сосуды северопричерноморского происхождения (рис. 5: 1, 2, 8) и малоазийский импорт (Абикулова 1985: рукопись). В количестве нескольких фрагментов представлены пифосы, совсем нет лутериев, черепица в единичном количестве найдена на трех памятниках, столь же мало кухонных кружальных форм. Среди лепной керамики преобладают горшки и миски, распространены жаровни и плоски, имеется посуда сарматского и фракийского облика и подражания греческим кружальным формам (рис. 5: 3-7, 9-13). Горшки представлены слабопрофилированные и с четкой профилировкой, широко распространенные в скифской посуде предшествующего времени. Среди мисок заметную долю составляют сосуды зарубинецкого типа (рис. 5: 7). Посуды сарматских типов немного, в основном это кувшины и курильницы (рис. 5: 10). Фракийская керамика представлена, в основном, обломками сосудов с характерными орнаментами. Среди античных материалов встречаются терракоты, геммы, изделия из мрамора, украшения, монеты (но ольвийские отсутствуют). Из некерамических материалов много железных и каменных изделий, имеются находки шлаков. Состав злаковых культур напоминает тот, который был характерен для земледелия скифов в предшествующий период — обнаружены остатки проса, пшеницы и ячменя. В составе стада по сравнению с предшествовавшим временем уменьшилась численность крупного рогатого скота и увеличилось количество свиней: мелкий и крупный рогатый скот находятся в приблизительно равных количествах, на третьем месте — свинья или, реже, лошадь. На этих городищах найдены остатки рыбы и изделия, связанные с рыболовством.

Период существования этих памятников в целом — II в. до н.э. — III в. н.э., но возникли и прекратили существование они не одновременно. В том случае, если на поселениях

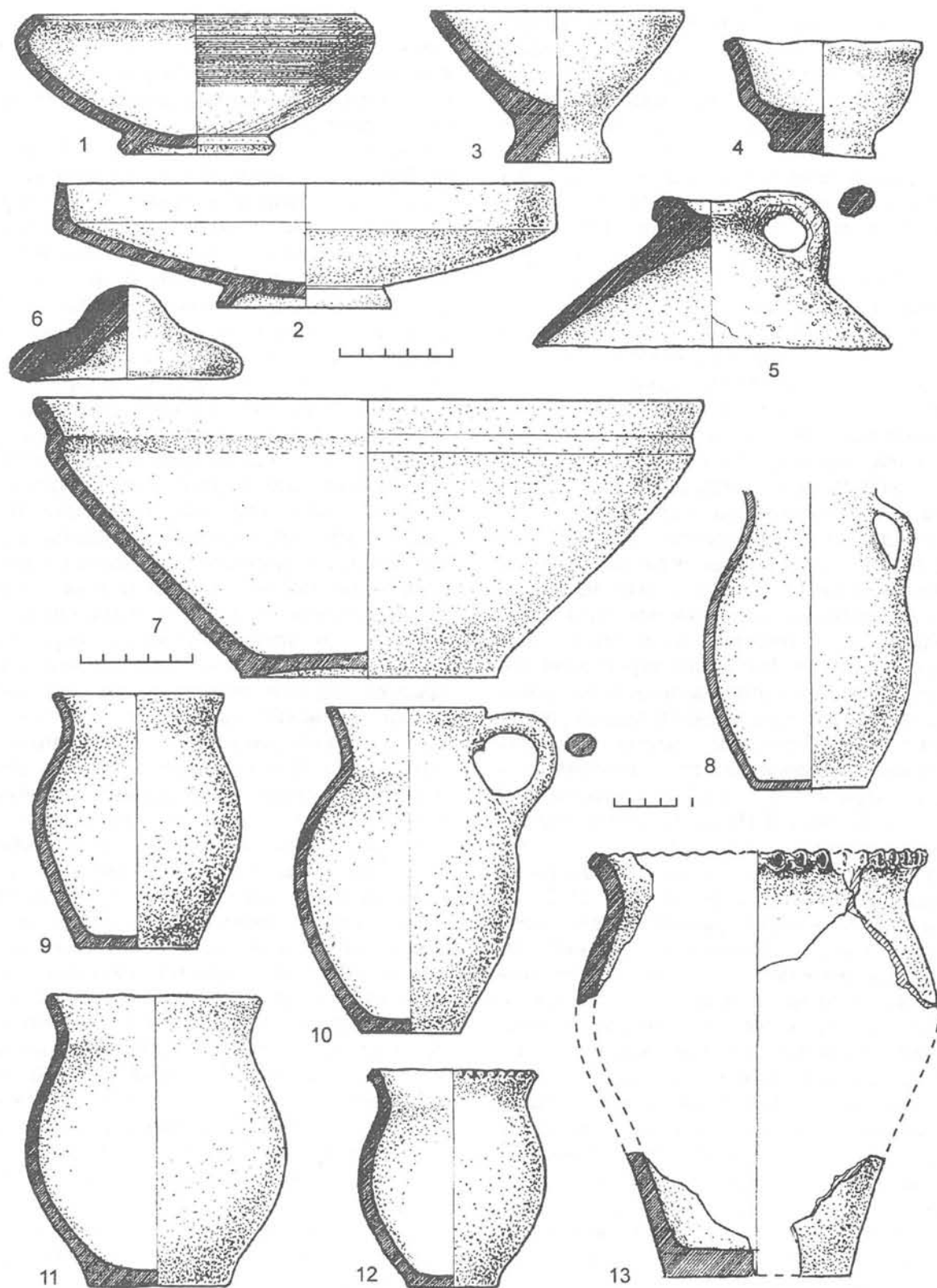

Рис. 5 Кружальная (1, 2, 8) и лепная (3-7, 9-13) керамика с позднескифских поселений: 1, 11 — Львовское (раскопки Л. И. Костюк, 1966 г.); 2 — Анновское, 3-10 — Любимовское (раскопки М. И. Абикуловой, 1986, 1988, 1989 гг.); 12 — Золотая Балка (раскопки М. И. Вязьмитиной, 1954 г.).

Fig. 5 Wheel-made (1, 2, 8) and hand-made (3-7, 9-13) pottery from late Scythian settlements: 1, 11 — Lvovskoe (excavated by L. I. Kostyuk in 1966); 2 — Annovskoe, 3-10 — Lyubimovskoe (excavated by M. I. Abikulova in 1986, 1988, 1989); 12 — Zolotaya Balka (excavated by M. I. Vyaz'mitinova in 1954).

присутствуют отдельные более ранние материалы, они относятся ко времени не позднее IV — первой трети III вв. до н.э., а далее следует хронологический разрыв. Шесть городищ датируются широко в пределах II-I вв. до н.э. — I-II вв. н.э., но II в. до н.э. выражен слабо. Восемь городищ датируются I в. до н.э. — II в. н.э. Выделяется городище Красный Маяк, которое автор раскопок О. А. Гей датирует I — первой третью III вв. н.э. Расцвет жизни на этих поселениях относится к I в. до н.э. — I в. н.э., что совпадает с ситуацией на позднескифских городищах Крыма (Храпунов 1991: 25-26). Гибель нижнеднепровских городищ все исследователи связывают с наступлением сарматов.

Что же касается более южных территорий, то во второй половине III-I вв. до н.э. сельскохозяйственная территория Ольвии резко сократилась, и эллинская культура продолжала существовать, в основном, на территории города. С возрождением Ольвии после гетского разгрома ее сельская округа была вновь освоена. Это население продолжало развиваться на основе прежних традиций, дополненных провинциально-римским влиянием и некоторыми «варварскими» чертами. Восточные укрепления ольвийской хоры этого этапа возникли на рубеже I в. до н.э. — I в. н.э. на прежней территории, но в новых, более безопасных, местах. Выделены два основных периода их существования: I в. до н.э. — середина II в. н.э. (до тавроскифской войны) и середина II-III вв. Городища существовали до третьей четверти III в.; прекращение жизни на них связывается с наступлением готов (Буйских 1991: 77-78; Бураков 1994: 25-27).

Эти поселения характеризуются следующими чертами. Они расположены на труднодоступных мысах, имеющих естественные преграды, напольная сторона укреплялась. Площадь городищ — 1-2 га, за их пределами использовалась территория для хозяйственных нужд. Оборонительные сооружения на первом этапе — это каменные двухпанцирные стены с глиняной забутовкой и рвы, на втором — вал с древесно-земляным палисадом и ров. Характерна плотная внутренняя застройка по регулярному плану, существовало каменное домостроительство с применением однорядной постелистой системы кладки. Помещения многокамерные, прямоугольные в плане, с вымощенными дворами, прослежены вымощенные улицы. Постройки безордерные. Как и в Ольвии, применялись слоевые основания. Хозяйственные постройки — это грушевидные ямы-зернохранилища с каменными крышками и обмазанными глиной и обожженными стенками, ямы-погребки с нишами, на хозяйственной территории использовались неглубокие полуземлянки площадью 7-9 м. Выделяются, как и в предшествующее

время, специальные ямы для высыпания очажных остатков. Найдены очаги и печи, производственные комплексы не обнаружены, встречены единичные шлаки предположительно керамического производства.

В керамическом комплексе 78-84% составляют фрагменты амфор, 9-14% — кружальная посуда, 6-7% — лепная керамика, 2,2% — черепица, 0,8% — толстостенная керамика. Такое соотношение близко совпадает с керамическим комплексом поселений хоры предшествующего периода. Большая часть керамики датируется I-II вв., в меньшем количестве представлен материал II-I вв. до н.э. и конца II-III вв. В большом количестве представлена импортная краснолаковая керамика, имеются фигурные сосуды. В кружальной керамике северопричерноморского производства (рис. 6: 1-9) преобладающими формами по-прежнему являются кувшины и миски, найдены также чаши, блюда, тарелки, горшки, бальзамарии, флаконы, кубки. Кухонная кружальная керамика представлена традиционными горшками и кастрюлями, а также сковородами. Среди лепных форм имеются горшки, преимущественно, неорнаментированные, с отогнутым краем венчика, а также крышки, корчаги, сковороды, жаровни, миски, чашки, дакийские чаши (рис. 6: 13), светильники, различные подражания кружальным формам (рис. 6). Найдены монеты, абсолютное большинство которых составляют ольвийские. У населения этих городищ сохранились занятия земледелием, животноводством, рыболовством, торговлей. Среди зерновых культур преобладает голозерная пшеница. Стадо по-прежнему состоит, преимущественно, из мелкого и крупного рогатого скота. Однородность археологических характеристик городищ ольвийской округи римского времени позволила их исследователям предположить, что они имели более или менее однородный состав населения, в основе которого — потомки жителей полиса предшествующего периода. Новым явлением, характеризующим поселения хоры этого этапа, следует считать создание мощных укреплений и появление новых функций — обороны границ Ольвийского государства (Буйских 1991: 78).

Анализ материалов, полученных при раскопках на поселениях Нижнего Поднепровья античной эпохи, позволяет выявить коренные различия между двумя хронологическими этапами их существования.

Рубеж V-IV вв. — первая треть III в. до н.э. характеризуется появлением долговременных поселений. Южная часть региона осваивается населением ольвийского полиса, в северной его части возникают собственные поселения у скифов. Различия между этими группами населения выражены на уровне хозяйственно-культурных

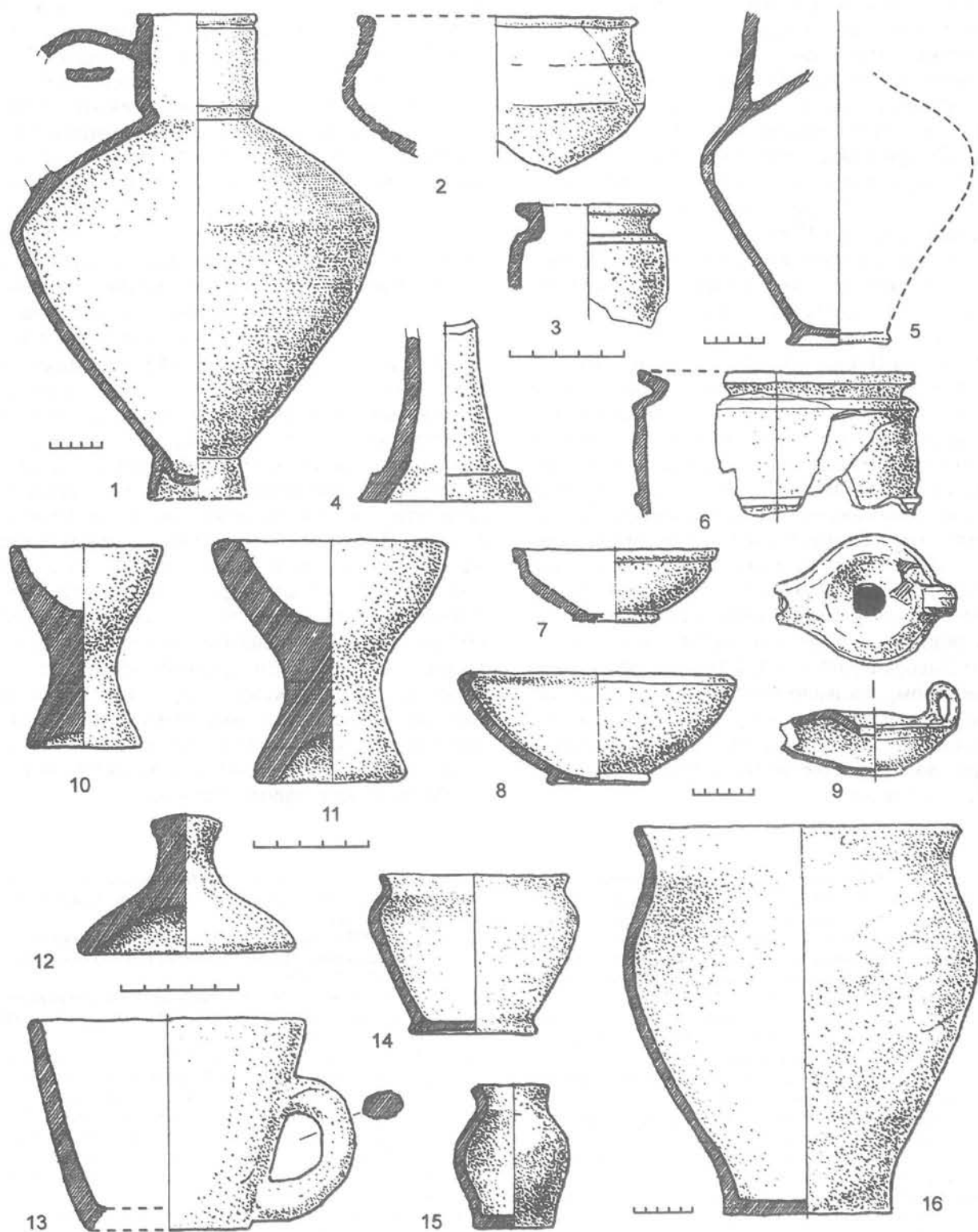

Рис. 6 Кружальная красноглиняная (1-4), сероглиняная (5-9) и лепная керамика с городища Золотой Мыс (раскопки М. И. Абикуловой, 1980, 1981, 1983 гг.)

Fig. 6 Wheel-made red ware (1-4), grey ware (5-9), and hand-made pottery from the site of Zolotoy Mys (excavated by M. I. Abikulova in 1980, 1981, 1983).

типов. Взаимодействия между двумя группами поселений осуществлялись путем торговых связей и в результате миграций небольших групп населения. Этот этап совпадает с четвертым периодом в истории Северного Причерноморья античной эпохи (Виноградов, Марченко 1991: 152-155) и с периодом второй, классической, Скифии (Алексеев 1989: 85-87).

В первой трети III в. до н.э. обе группы поселений прекратили существование. Для периода со второй трети III-II вв. до н.э. характерно отсутствие археологических свидетельств о проживании в регионе как оседлого, так и кочевого населения. Происходит редукция хоры Ольвии и уход скифов.

От рубежа II-I вв. до н.э. до III в. н.э. наблюдается возобновление оседлого образа жизни на всей территории Нижнего Поднепровья на основе сходного хозяйственного уклада. Обе группы поселений этого периода оставлены оседлым земледельческо-скотоводческим населением, занимавшимся рыболовством и торговлей. Этим вызвано сходство их материальной культуры, но наблюдаются и значительные различия. Можно отметить сходство между этими группами памятников в их размещении цепочкой по побережью лимана или по берегам Днепра в удобных для защиты местах, что, по-видимому, вызвано исторической ситуацией. Различия имеются в размерах, в принципах использования пространства, в строительных традициях, в составе агрикультур, в керамическом комплексе.

На побережье Днепровского лимана прослеживается явная преемственность в культуре населения поселений двух хронологических этапов. Отсутствие поселений на территории Нижнего Поднепровья в период «запустения степей» не позволяет видеть в населении нижнеднепровских городищ непосредственных преемников культуры степных скифов IV в. до н.э. Тем не менее, в определенной степени сходство прослеживается в планировке, элементах фортификации, типах построек, лепной керамике, погребальном обряде. У скифов предшествующего периода не было каменного домостроительства и можно предположить, что оно было заимствовано в Крыму, как и некоторые типы оборонительных сооружений (Дашевская 1990: 143-145). Дальнейшее развитие без устойчивых связей привело к появлению различий между позднескифскими культурами Нижнего Поднепровья и Крыма. В позднескифской культуре Крыма более явно выражены привнесенные в нее греческие элементы, но присутствуют они и на Нижнем Днепре. Имеются в культуре населения нижнеднепровских городищ также зарубинецкие, сарматские, фракийские черты (Вязьмитина 1969: 119-134). Одной из важных характеристик рассматриваемого хронологического этапа в целом можно считать то, что противопоставление эллинского — варварскому (скифскому), присущее первому хронологическому этапу, в значительной степени теряет свое значение. Для смешанного населения этого времени характерны разнообразные культурные влияния.

- Абикулова, М. И. 1985. Экономические связи позднескифского населения Нижнего Днепра с античным миром. Рукопись. // Фонд археологии Херсонесского краеведческого музея. б/н.
- Алексеев, А. Ю. 1989. Великая Скифия или две Скифии? // Скифия и Боспор: Материалы к конференции: 85-87. Новочеркасск.
- Андрианов, Б. В. 1985. Неоседлое население мира: Историко-этнографическое исследование. Москва: Наука.
- Андрух, С. И. 1995. Нижнедунайская Скифия в VI — начале I вв. до н.э. Этно-политический аспект. Запорожье: Издательство Запорожского государственного университета.
- Артамонов, М. И. 1947. Вопросы истории скифов в советской науке // Вестник древней истории 3: 68-82.
1948. Скифское царство в Крыму // Вестник Ленинградского государственного университета 8: 56-78.
- Буйских, С. Б. 1991. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев: Наукова думка.
- Бураков, А. В. 1994. Периодизация укрепленных поселений Ольвийской хоры первых веков нашей эры // Ольвия-200. Тезисы докладов: 25-27. Николаев.
- Виноградов, Ю. А., К. К. Марченко. 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // Советская археология 1: 145-155.
1995. Греки и скифы в Северо-Западном Причерноморье в V в. до н.э. // Вестник древней истории 1: 80-84.
- Вязьмитина, М. И. 1969. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. Материалы и исследования по археологии СССР 150: 119-134. Москва: Наука.
- Гаврилюк, Н. А., В. П. Былкова, С. Н. Кравченко. 1992. Скифские поселения IV в. до н.э. в степном Поднепровье I; II. Киев. Препринт.
- Гаврилюк, Н. А., Г. А. Пашкевич. 1991. Земледельческий компонент в экономике степных скифов конца V-IV вв. до н.э. // Советская археология 2: 51-63.
- Давыдова, А. В. 1978. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сянну // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 154: 55-59.
- Дашевская, О. Д. 1990. Позднескифская фортификация и ее вариант на городище Беляус // Проблемы скифо-сарматской археологии: 143-158. Москва.
- Дигар, Ж.-П. 1989. Отношения между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: 33-54. Алма-Ата: Наука.
- Зайцева, К. И. 1971. Ольвийские культовые свинцовые изделия // Культура и искусство античного мира: 84-106. Ленинград: Аврора.
- Коновалов, П. Б. 1985. Некоторые итоги и задачи изучения хунну // Древние культуры Монголии: 41-50. Новосибирск: Наука.
- Крыжицкий, С. Д. 1993. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка.
1994. Ольвия и варвары (проблема влияний) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов: 18-19. Ростов-на-Дону.
- Крыжицкий, С. Д., С. Б. Буйских, А. В. Бураков, В. М. Отрешко. 1989. Сельская округа Ольвии. Киев: Наукова думка.
- Кутайсов, В. А., В. Б. Уженцев. 1994. Восточные ворота Калос-Лимена // Северо-Западный Крым в античную эпоху: 44-70. Киев: Киевская академия Евразии.
- Ланцов, С. Б. 1994. Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры // Северо-Западный Крым в античную эпоху: 71-104. Киев.

- Марков, Г. Е. 1981. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // Советская этнография 4: 83-94.
- Марченко, К. К. 1992. Северо-Западное Причерноморье античной эпохи (историко-географическое определение) // Петербургский археологический вестник 2: 6-22. Санкт-Петербург.
- Отрешко, В. М. 1982. З історії Ольвійського поліса в IV-I ст. до н. е. // Археологія 41: 34-46.
- Рубан, В. В. 1985. Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV-III вв. до н.э. // Вестник древней истории 1: 26-46.
- Снытко, И. А. 1994. К вопросу о демографическом потенциале процесса реколонизации хоры Ольвии на рубеже V-IV вв. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов: 38-40. Ростов-на-Дону.

- Храпунов, И. Н. 1991. Булганакское позднескифское городище // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии II: 3-34. Симферополь.
- Щеглов, А. Н. 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Coja, M. 1990. Greek colonists and Native Populations in Dobruja (Moesia Inferior) // Greek Colonists and Native Populations: 157-168. Canberra-Oxford.
- Cribb, R. 1990. Nomads in Archaeology. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mertens, D. 1990. Some Principal Features of West Greek Colonial Architecture // Greek Colonists and Native Populations: 376. Canberra-Oxford.
- Nimeier, W. D. 1995. Greek Mercenaries in Phoenicia: New Evidence from Tel Kabri // American Journal of Archaeology 2/99: 304-305.

SETTLEMENTS IN THE LOWER DNEIPEER AREA IN TERMS OF GRAECO-SCYTHIAN RELATIONS (the turn of the 5th and 4th centuries B.C. to the 3rd century B.C.)

V. P. BYLKOVA

Recent excavations in the lower dnieper area enlarged essentially our knowledge of the population which had lived there in the classic period, and the information obtained promoted a combined investigation of the settlements discovered. This is a detailed consideration of the available archaeological evidence and of problems of the correlation between nomadic (or semi-nomadic) and settled population, and of the relations between steppe scythian cultures and greeks of the northern Black Sea region during their coexistence in this region.

The situation in the lower dnieper area in its general features was similar to that which arose in the classic period in the lower reaches of other large rivers — don, southern bug, dniester, and danube. However, one observes in this region (definable as «the core of the steppe scythia») a slightly different correlation between the nomadic herding economical and cultural type and the settled agricultural one. This fact is reflected *inter alia* in a comparatively later foundation of settlements (only at the turn of the 5th and 4th centuries b.c.). Another characteristic feature of the lower dnieper region is the almost simultaneous appearance of two types of settlements, the variance between them amounting to that between different archaeological cultures.

In the southern part of the region under consideration, on the north-eastern banks of what is now

the Dnieper Liman (fig. 1), the rise of settlements resulted from Olbia inhabitants mastering new vast areas to the west, north and east of the limits of their original settling area. Fairly representative evidence obtained from settlements on the north-eastern banks of the Dnieper Liman enables us to date the foundation of these settlements, to the turn of the 5th and 4th centuries B.C. The settling of the east territories as far as the mouth of Dnieper by Olbiapolitans falls to the period of their most intensive activities in creating the great *chora* after its reduction in the end of the first third of the 5th century B.C.

One of the important problems of the history of *polis* in this period is identification of the composition of the population which had spread headlong throughout a large area. It seems that the «inner colonisation» was due to the intrinsic demographic potential; however, one may not rule out the possibility of an inflow of new population from the eastern Mediterranean and Asia Minor.

Settlements in the north-eastern part of the Olbian *chora* are characterised by quite a number of common features. These settlements are located on high banks along the coast line. They had an area of 2-10 hectares; defensive structures are extremely rare. The sites are compactly built up and have thick and rich cultural layers consisting mainly of

clay due to the employment of mud-bricks and clayey mortar in the masonry. The clustered layout of buildings is discernible. Stone and mud-brick structures on the surface or those deepened into the bedrock have been identified. The structures consisted of one or many chambers under tiled or clay-and-reed roofs. Average area of a room in surface houses was 15 sq. m. The semi-underground dwellings were of rectangular plan with rounded corners; their areas amounted to 10-30 m each (sometimes more). Inside, recesses made for stone hearths were uncovered. The settlements had wells, cisterns, barns, cellars, and special places for throwing out ashes. The ceramic assemblage consists of amphorae (65-80%), other pottery-wheel ware (7-9%), and hand-made pottery (6-20%); tiles amount to the number from several items to 6% at a site. Among the amphorae, the Heracleian and Chian ones prevail. The pottery-wheel ware of the local Olbian production (fig. 2) mostly includes jugs, bowls, cups, and fish plates; one encounters also lids and lamps. A group of vessels decorated with horizontal bands of red or brown paint (fig. 2: 4,11) is conspicuous — such pottery was manufactured in all cities throughout the northern Black Sea region in 6th-4th centuries B.C. and in Olbia also during the Hellenistic period. Among the local and imported pottery there are louteria, cauldrons, cooking pans and pots (fig. 2: 15). The amount of hand-made pottery differs at different sites (fig. 3), but everywhere imitations of wheel-made ware, portable braziers, Scythian pots (fig. 3: 15,16), and rare vessels of the Geto-Thracian types (fig. 3: 17) were found. In general the ceramic material is dated to period from the turn of the 5th and 4th centuries B.C. to the first third of the 3rd century B.C., the pottery of the second and third quarters of the 4th century B.C. being the most numerous and diverse. In all dwellings loom-weights and spindle whorls were found. Numerous indications of a developed fishery — net-weights, needles for netting, anchor stones, and fish-bones — were discovered. For the entire period of the settlements' existence finds of coins are common which all without exception are Olbian. The finds related to cults and inscriptions (fig. 4) are wholly similar to the Olbian material. It seems that the population which lived on the north-eastern banks of the Dnieper Liman did not differ in its cultural features from the bulk of population in the Olbian *chora* in 4th-3rd centuries B.C.; the culture of the latter is believed to have been a rusticated variety of the Olbian population. It got all necessary through its own economic activities, and economic relations with surrounding Barbarian tribes did not play any essential role in the economic life of the settlements.

The Scythian settlements in the Lower Dnieper region differ from those near Olbia and are characterised by the following features: they are located

mainly on the left bank, on capes along the banks of rivers Konka and Pidpilnaya and their tributaries and branches. The area of an ordinary settlement is 1-4 hectares. A part of their areas has no cultural layer and they were not built up completely. Small underground and semi-underground dwellings and numerous grain-pits have been recorded. The sites lack any traces of crafts. The ceramic assemblages on average are composed of 40% amphora fragments and up to 1% wheel-made tableware (Olbian and Attic black-glazed). On the whole the pottery does not vary much (fig. 4 Б). Among the finds there are much bones and bone articles as well as stone tools. A single assemblage of clay articles including a fragment of an anthropomorphic figurine was found (fig. 4: Б1). All the finds are dated to the period from the turn of 5th and 4th centuries B.C. to the first third of the 3rd century B.C.

Both of these kinds of settlements ceased their existence in the first third of the 3rd century B.C. Since no evidence of a sudden enemy attack — *i.e.* fires, destruction *etc.* — have been registered, one may suppose that the inhabitants simply left the sites.

During the 2nd and 1st centuries B.C. fortified sites gradually arose in the Lower Dnieper region. As compared to the Scythian settlements of the precedent period they occupied rather different territories «going down» to the south and each encompassing a larger area (fig. 1). The new sites were situated mostly on the right Dnieper banks. All the settlements were of rectangular plan and limited by a steep bank, short ravines and two lines of defense. Of the latter the first one enclosed 1 to 3,65 hectares, and the second — up to 10 and 13,68 hectares. Various types of defensive structures have been uncovered. The layout may be characterised as a Graeco-Barbarian one. The constructions are represented by one- and two-chambered stone surface houses, mud-brick structures, and separate semi-underground dwellings not very deeply dug. In the ceramic set, amphora fragments amount to 32-35% or up to 50% and more. Wheel-made pottery is more numerous than the hand-made ware. In the former, vessels from the northern Black Sea area (fig. 5: 1,2,8) and imports from Asia Minor are represented. Pots and bowls prevail among the hand-made pottery, also braziers and saucers are common, and there are specimens of Sarmatian and Thracian appearance as well as imitations of Greek shapes (fig. 5: 3-7, 9-13). Of the bowls a considerable part is of the Zarubintsy type (fig. 5: 7). The finds of Sarmatian type ware are not numerous, mostly it is jugs and incense burners (fig. 5: 10). Besides ceramics many iron and stone objects and also isolated finds of slag were found. The classic ancient artefacts are represented by terracottas, gems, marble articles, decorations, and coins (though not of the Olbian issue). The period of occupation of these sites in general was the 2nd century

B.C. to 3rd century A.D. However, they did not arise nor fell into ruins all simultaneously.

Consideration of the materials from excavations enabled us to identify two different stages in the existence of settlements in the Lower Dnieper region.

- 1) The period from the turn of the 5th and 4th to the first third of the 3rd centuries B.C. is characterized by appearance of permanent settlements. The southern part of the region is settled by population from the Olbian *polis*, and in the northern part proper Scythian settlements arise. The difference between these two populations becomes apparent at the level of cultural and economical types. This stage coincides with the Fourth period in the history of the northern Black Sea area in the Greek times (Виноградов, Марченко 1991: 152-155) and with the period of the Second or Classic Scythia (Алексеев 1989: 85-87). In the first third of the 3rd century B.C. the occupation of both categories

of settlements ended. This was the time when the *chora* of Olbia was being reduced and Scythians were leaving it.

- 2) Since the turn of the 2nd and 1st centuries B.C. and till the 3rd century A.D. the settled mode of life resumed throughout the entire Lower Dnieper area on the basis of similar economics. The agricultural and herding population, which was occupied also with fishery and trade, left all the settlements dating to this period. Differences have been observed in the dimensions of the settlements, in the principles of using the space, building traditions, the set of agricultural plants, and ceramic assemblages. As an important feature of this stage in general is the fact that the inherent to the precedent stage opposition of the Greek world to that of Barbarians (Scythians) seems to have slackened considerably. Various cultural interrelations as well as a mixed composition are peculiar to the population in this period.

ЛЕПНЫЕ ЧАШКИ НА НОЖКАХ КОНЦА VII — I вв.

до н.э. ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

часть первая

К. И. ЗАЙЦЕВА¹

В двух предыдущих статьях мы исследовали небольшие сосуды в виде чашечки на высокой ножке, изготовленные на гончарном круге местными мастерами многих античных центров Северного Причерноморья. В одной статье рассмотрено 105 таких изделий V-I вв. до н.э., в другой статье — 48 подобных местных сосудов I в. до н.э. — IV в. н.э. и 2 привозные чаши, сделанные мастерами Нижней Мезии (Зайцева 1997: 38-53; Зайцева: в печати). Не менее интересными являются чашки на ножке конца VII в. до н.э. — VI в. н.э., сделанные не на гончарном круге, а ручным лепным способом. Эти скромные сосуды давно привлекают внимание исследователей, но публикации отдельных чашечек или небольших групп их разбросаны по многочисленным статьям и книгам. Лепные чашки на ножках из собрания отдела Античного мира Эрмитажа и некоторые другие подобные изделия до сих пор не изданы. Давно назрела необходимость соединения воедино как уже изданного, так и впервые публикуемого материала. Мы попытаемся это сделать в двух статьях: в одной рассматриваются лепные чашки на ножках конца VII-I вв. до н.э., в другой статье — I в. до н.э. — VI в. н.э. Обе эти статьи в определенном смысле являются продолжением предыдущих о гончарных чашечках, которые мы считаем курительницами, маленькими алтарями или жертвенниками.

Статья о лепных сосудах раннего времени разделена на две части: в первой части рассматриваются чашечки, обнаруженные при археологических раскопках многих античных городов и поселений Северного Причерноморья; во второй части — чашечки из раскопок поселений и могильников местных варварских племен Причерноморья скифо-сарматского времени. Ввиду большого количества лепных чашек на ножках и сходства многих из них, мы отказались от довольно условного разделения их

на типы, а для четкости и краткости изложения присвоили всем изучаемым в этой статье сосудам сплошную нумерацию. Номера чашек в тексте статьи соответствуют номерам под их рисунками; восстановленные части некоторых сосудов обозначены пунктиром. Не претендуя на полный охват имеющегося материала, нам удалось собрать 91 лепную чашку конца VII-I вв. до н.э.; их рисунки помещены на двух таблицах².

В первой части статьи рассматривается 37 лепных чашек на ножках и 2 крышки VI — I вв. до н.э. Они происходят из разных античных центров Северного Причерноморья: Ольвии и ее сельской округи (рис. 1: 1-21); из некоторых городов Европейского Боспора — Мирмекия (рис. 2: 22-23), Тиритаки (рис. 2: 24), Нимфея (рис. 2: 25-30), а также Горгиппии, расположенной на Азиатской стороне Боспора (рис. 2: 39), Херсонеса Таврического (рис. 2: 31-32) и Танаиса (рис. 2: 33-38). Из них впервые издаются чашечки №№ 7-9, 11, 13, 25-32, хранящиеся в Эрмитаже и изученные визуально, и №№ 6, 14, 17, 22, известные нам по профильным рисункам³. Все остальные чашки переиздаются по ранее сделанным публикациям.

Самая ранняя чашечка обнаружена на территории сельскохозяйственной округи Ольвии (рис. 1: 1). Она найдена на поселении Большая Черноморка 2, расположенном на левом берегу Березанского лимана; датирована серединой VI — первой третью V вв. до н.э. (рис. 1: 1) (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 61, рис. 21: 1; Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: 11, 15, 16, рис. 4: 14 — Большая Черноморка 2). Эта чаша имеет приземистую форму с невыделенным краем мелкого вместилища и слегка округлыми стенками, суживающимися книзу и плавно переходящими в невысокую ножку и конусовидную, плоско срезанную снизу подставку.

¹Россия. 189630. Санкт-Петербург. Колпино, ул. Пролетарская, 58, кв. 154.

²Все рисунки лепных чашек на ножках сделаны нами в натуральную величину. Размеры почти всех ранее опубликованных сосудов определены по масштабам, что не всегда соответствует действительным величинам чашек.

³Эти рисунки предоставлены нам для издания К. К. Марченко, Ю. А. Виноградовым и Е. Я. Роговым, за что мы приносим им большую благодарность.

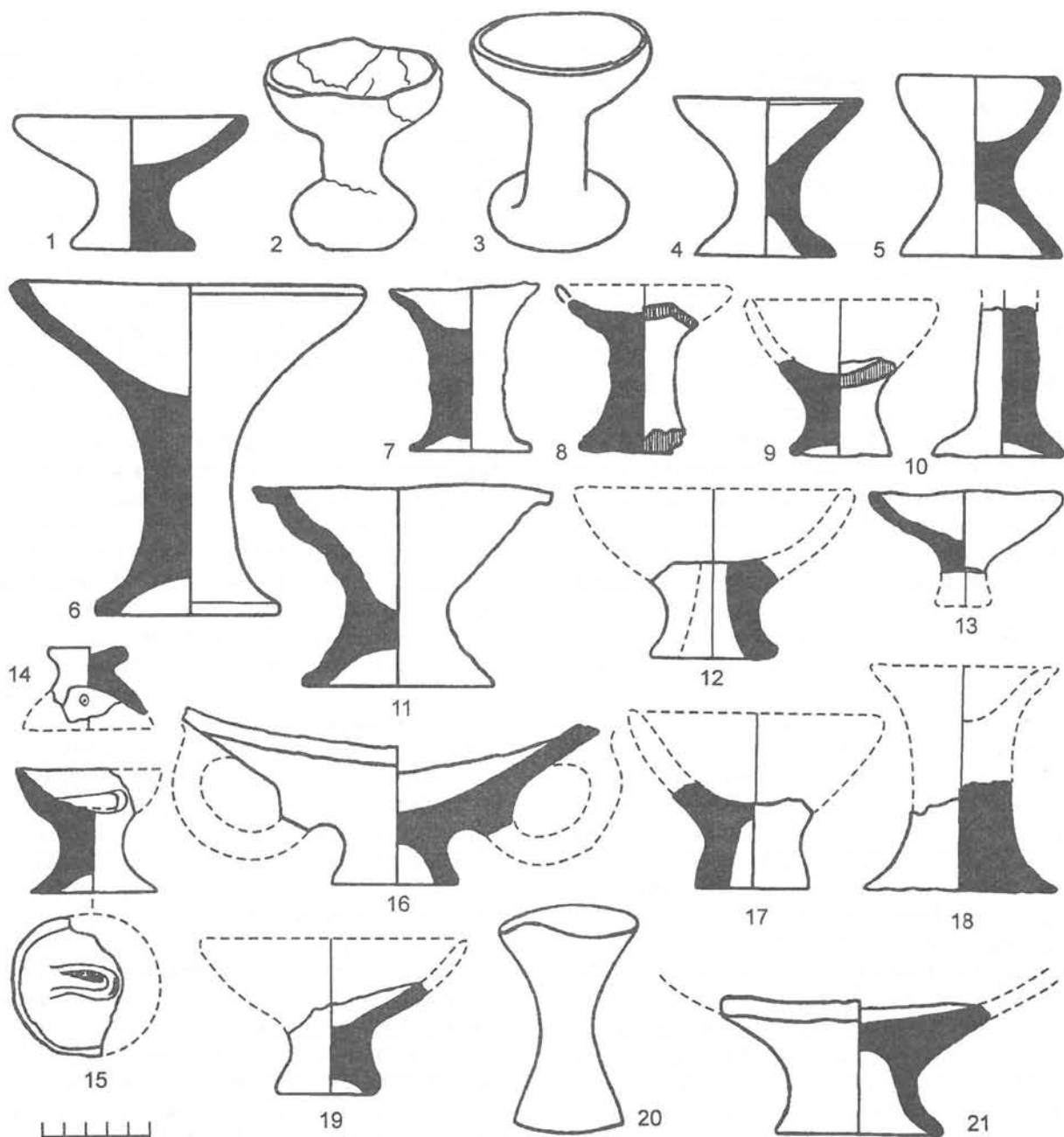

Рис. 1 Лепные чашки из греческих государств Северного Причерноморья.

1-6 – сельская округа Ольвии: 1 – поселение Большая Черноморка 2; 2-3 – Лузановка; 4 – Козырка 2, Коз.2-75.65; 5 – усадьба Дидова Хата I (г. Николаев, Краеведческий музей, А-2013); 6 – Козырка 12. Середина VI – первая половина III вв. до н.э.;

7, 8, 9, 11, 13 – Ольвия, раскопки Б. В. Фармаковского (Эрмитаж, инвентарные номера: 7 – ОГ.1905.329; 8 – Ол.15420 (1913 г.); 9 – Ол.15106 (1908 г.); 11 – ОГ.1905.331; 13 – Ол.15515 (год раскопок неизвестен) – III-II вв. до н.э.;

10, 12, 14-21 – Ольвия, раскопки 1949-1969 годов: 10 – 0.69.2005, 12 – 0.63.58, 14 – 0.51.1455, 15 – 0.51.1456 (с. Парутино), 16 – 0.60.1676, 17 – 0.52.3018(?), 18 – 0.54.2383, 19 – 0.55.2454, 20 – 1949 г., 21 – 0.69.3040. Конец IV (или начало III) – II вв. до н.э.

Fig. 1 Hand-made cups from Greek states of the northern Black Sea region.

1-6 – the rural neighbourhood of Olbia: 1 – the settlement of Bolshaya Chernomorka 2; 2-3 – Luzanovka; 4 – Kozyrka-2, Koz.2-75.65; 5 – farm-house of Didova Khata I (city of Nikolaev, the Museum of Local Lore, History and Economy, A-2013); 6 – Kozyrka-12. Middle of the 6th – first half of the 3rd century B.C.;

7, 8, 9, 11, 13 – Olbia, excavation by B. V. Farmakovskii (The Hermitage, inventory nos.: 7 – OG.1905.329; 8 – Ol.15420 (1913 g.); 9 – Ol.15106 (1908 g.); 11 – OG.1905.331; 13 – Ol.15515 (the year of excavation unknown) – 3rd-2nd century B.C.;

10, 12, 14-21 – Olbia, excavations of 1949-1969: 10 – 0.69.2005, 12 – 0.63.58, 14 – 0.51.1455, 15 – 0.51.1456 (vil. Parutino), 16 – 0.60.1676, 17 – 0.52.3018(?), 18 – 0.54.2383, 19 – 0.55.2454, 20 – the season of 1949, 21 – 0.69.3040. Late 4th (or early 3rd) – 2nd century B.C.

Две почти одинаковой формы лепные чаши на высоких ножках с подставками обнаружены в 1972 г. при охранных раскопках Лузановского поселения высота одной — 8,5 см (рис. 1: 2), а высота другой — 10 см (рис. 1: 3). Это поселение расположено на территории г. Одессы, оно являлось, вероятно, одним из самых западных населенных пунктов Ольвийской хоры. Обе чашечки найдены в землянке № 1, датированы концом V или началом IV в. до н.э. (рис. 1: 2-3) (Диамант 1975: 117-119; 1980: 117-121, рис. 4-5; 1984: 83-86).

Издано по одной лепной чаше с поселений Козырка 2 и из усадьбы Дидова Хата I, расположенных на правом берегу Буга к северу от Ольвии (рис. 1: 4-5). Эти чаши сходны между собой тем, что их массивные верхняя и нижняя части соединены широкой ножкой в виде перехвата, по форме обе они похожи на песочные часы. Но у сосуда № 4 вместилище и подставка конусовидные, с толстыми стенками; у чаши № 5 верхняя часть с округлыми стенками и загнутым внутрь краем.

Чашка № 4 найдена на поселении Козырка 2 в 1975 г. при раскопках большого строительного комплекса второй половины IV — первой половины III в. до н.э., состоящего из остатков 7 помещений и двора. Она оказалась в помещении 1 (раскоп 1, квадрат 4). Поверхность сосуда № 4, называемого чашей или жертвенником, шероховатая, без лощения, внутри заметны следы длительного воздействия огня (рис. 1: 4) (Марченко, Доманский 1975: 4-6; Доманский, Марченко 1980: 32, 35, тип. VIII, рис. 10: 16; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 98, 132, рис. 35: 84 — Козырка 2, рис. 51: 33).

Чаша № 5 обнаружена в усадьбе Дидова Хата I, в закрытом археологическом комплексе, который по привозной керамике и ольвийским монетам датируется концом IV — первой половиной III в. до н.э. Она названа фимиатерием. Глина этого сосуда серая, с включениями мелких частиц песка, на поверхности сохранились следы белой краски. Высота чашечки — 8,6 см, диаметр — 7,6 см, диаметр подставки — 7,4 см (рис. 1: 5) (Рубан 1984: 109, 110, рис. 4; 1978: 32-36, рис. 1).

Чашка № 6 с конусовидным вместилищем на высокой столбообразной ножке с подставкой по своим размерам превосходит все рассматриваемые нами лепные изделия. Ее высота 15,5 см, диаметр — 16,2 см, диаметр подставки — 8,4 см. Эта чаша найдена в 1990 г. на поселении Козырка 12, датирована первой половиной IV в. до н.э. (Рогов, Головачева 1990: 2-6; Головачева, Марченко, Рогов, Соловьев 1991: 66-71).

Среди немногочисленной лепной керамики из раскопок Б.В.Фармаковского на городище

Ольвии в 1902-1915 годах, которая была передана в Эрмитаж, имеется всего пять чашек на ножках (рис. 1: 7-9, 11, 13). Две из них, № 7 и 8, одинаковой формы: маленькая верхняя часть покоится на высокой, широкой, сплошной ножке с подставкой (№ 7: высота 7,6-7,9 см, диаметр края — 6,8-7,1 см, диаметры ножки и подставки — 3,6 и 5,7 см; № 8: сохранившаяся высота — 7,1 см). У фрагмента чашечки № 9 подставки нет — ее заменяет ножка, немного расширяющаяся книзу, ножка-подставка, как мы будем именовать ее в дальнейшем (сохранившаяся высота — 4,7 см, диаметр ножки — 3,3-4,6 см). Чаша № 11 — массивная, с ножкой в виде перехвата между глубоким вместилищем с отогнутым наружу, небрежно сделанным профилированным краем, и конусовидной подставкой (высота — 9,8 см, диаметр края — 14 см, диаметр подставки — 9 см). Фрагмент № 13 мог принадлежать как чашечке, так и крышке (диаметр края — 8,8 см). Эти сосуды сделаны из ольвийской глины с мелкими или грубыми вкраплениями. Цвет черепка № 7 — серый и кирпично-красный с желтыми пятнами на поверхности и сохранившейся во многих местах белой краской; у четырех других чашек цвет черепка — темносерый со светло-желтыми и кремовыми пятнами на поверхности. Внутри и частично снаружи все чашечки сильно закопчены.

Лепные чашки найдены в Ольвии на разных участках городища: на холме в центре Верхнего города, к югу от Ольвийской агоры (№ 9 — 1908 г.); в южной части Верхнего города, где в римское время была построена цитадель (№ 7 и 11 — 1905 г.); на раскопе НГФ в Нижнем городе (№ 8 — 1913 г.) — на всех этих участках открыты остатки жилых домов. Все чашечки, кроме № 13, год и точное место находки в Ольвии которого неизвестны, обнаружены в верхних слоях, сильно поврежденных в античное и новое время (Фармаковский: 1908: 23, 26-29 (раскоп VII); Фармаковский: 1912: 5, 6, 48-57 (раскоп VI); Фармаковский: 1918: 1-23 (квадрат 89); Крыжицкий 1985: 121, 126, рис. 60 — раскопки 1908 г.) Вероятно, сосуды № 7-9, 11 изготовлены в III-II вв. до н.э. Основанием для такой датировки является тот факт, что в слоях с фрагментами чаш преобладают обломки родосских и синопских амфорных ручек с клеймами, чернолаковых и буролаковых сосудов, мегарских чашек; обнаружение фрагмента № 9 в одном слое с частью высокой ножки гончарной чашечки, датированной нами концом III — первой половиной II в. до н.э. (Зайцева 1997: 41, 42, 47, рис. 3, № 52); аналогичность чашек № 7 и 8 с сосудами № 33, 34, 35 из Танаиса, которые Т. М. Арсеньева датирует III — I вв. до н.э. (Арсеньева 1965: 189, 200, тип XX, рис. IX: 6, 8, 11).

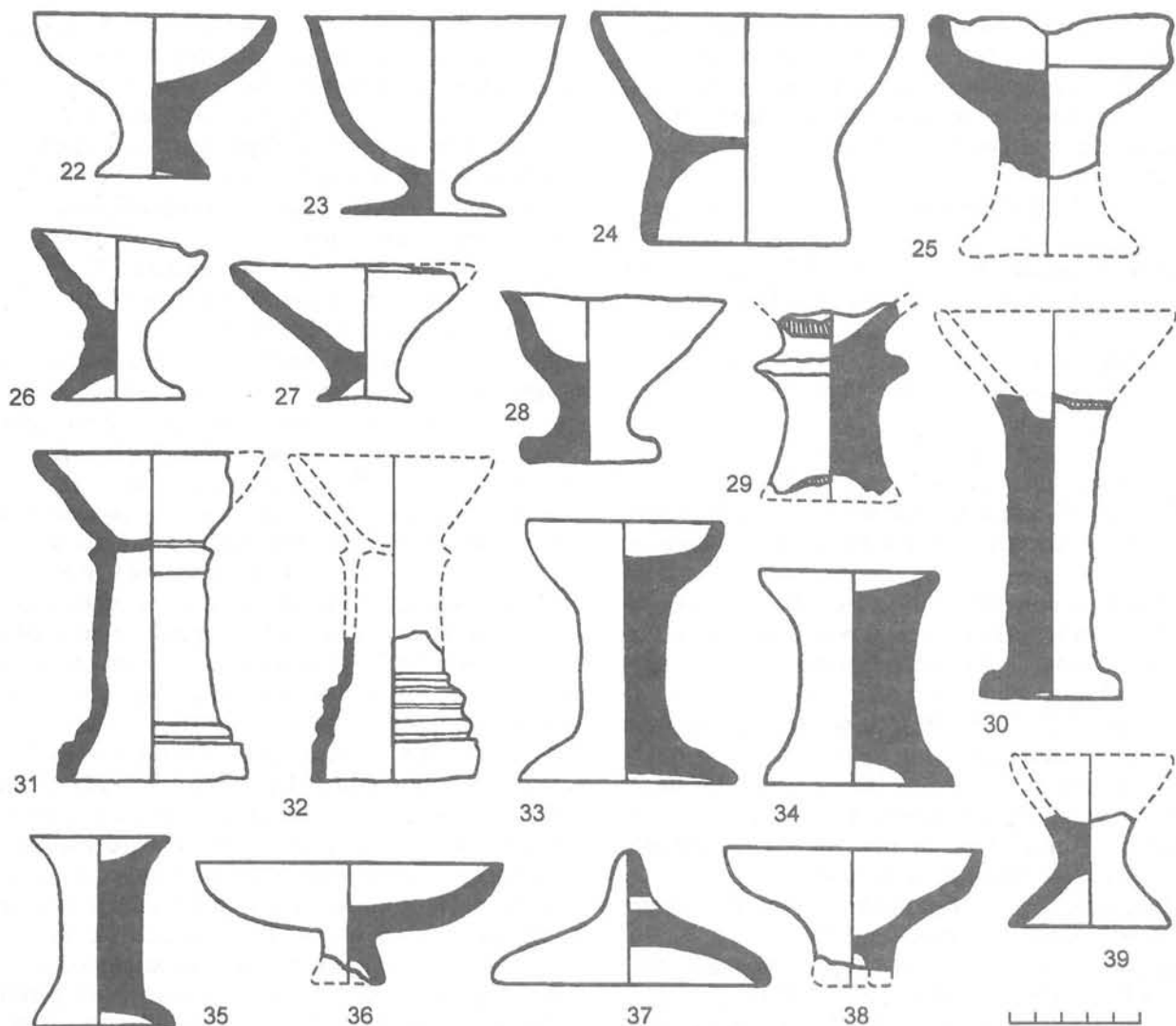

Рис. 2 Лепные чашки из греческих государств Северного Причерноморья.

22-23 — Мирмекий; 24 — Тиритака; 25-30 — Нимфей (Эрмитаж, инвентарные номера: 25 — Нф.83.198, 26 — Нф.73.549, 27 — Нф.87.181, 28 — Нф.83.199, 29 — Нф.87.170, 30 — Нф.85.188); 31-32 — Херсонес Таврический (Эрмитаж, инвентарные номера: 31 — Х.1953.499, 32 — Х.1955.76); 33-38 — Танаис; 39 — Горгиппия. Конец VI-I вв. до н.э.

Fig. 2 Hand-made cups from Greek states of the northern Black Sea region.

22-23 — Myrmecium; 24 — Tiritaka; 25-30 — Nymphaeum (The Hermitage, inventory nos.: 25 — Nph.83.198, 26 — Nph.73.549, 27 — Nph.87.181, 28 — Nph.83.199, 29 — Nph.87.170, 30 — Nph.85.188); 31-32 — the Tauric Chersonesos (The Hermitage, inventory nos.: 31 — Kh.1953.499, 32 — Kh.1955.76); 33-38 — Tanais; 39 — Gorgippia. Late 6th — 1st century B.C.

Несколько целых и фрагментированных лепных чашек на ножках и часть крышки происходят из раскопок Ольвии в 1949-1969 годах (рис. 1: 10, 12, 14-21). За исключением № 14 и 17, все остальные сосуды изданы К. К. Марченко (Марченко 1975: 74, 75, типы XIII, XIV, рис. 2: 30-34 — рис. 1: 10, 12, 15, 16, 20; Марченко 1988: 98, 99, 101, 102, тип 17, рис. 29: 1-5 — рис. 1: 12, 15, 16, 19, 21; тип 25, рис. 32: 12-14 — рис. 1: 10, 18, 20). Наиболее интересными среди них являются №№ 12, 15, 16. Чашечка № 15 выделяется тем, что в ее конусовидном вместилище сделано специальное углубленное отделение для сжигания ароматических веществ: высота — 5,8 см, диаметр края — 7 см, диаметр

подставки — 6 см. В чаше № 12, от которой сохранилось только дно и ножка-подставка, имеется широкое сквозное отверстие диаметром около 1,2-3,0 см. Сосуд № 16 отличается от всех других изделий сильно расширяющимися кверху стенками с сохранившимся диаметром 19,3 см и тем, что у него имеются основания двух ручек, которые были, вероятно, петлеобразной формы. К. К. Марченко (1975; 1988) отмечает, что в большинстве случаев на внутренней поверхности изданных им сосудов заметны следы сильного воздействия огня. По его мнению, подобного рода керамика использовалась в качестве крышек, курильниц для сжигания ладана, светильников, или даже маленьких

жертвенников — «эсхар» для возлияний (Марченко 1975: 75, тип XIII; Марченко 1988: 98, тип 17). Определенно светильниками названы сосуд с носиком по краю вместилища и два фрагмента высоких ножек с подставками (Марченко 1975: 74-75, тип XIV, рис. 2: 33, 34 — *рис. 1: 10, 20*; Марченко 1988: 101, 102, тип 25, рис. 32: 12-14 — *рис. 1: 10, 18, 20*). Светильник № 20 найден в Ольвии в 1949 г. на раскопе «И» в слое второй половины III-II в. до н.э.; все остальные чашечки датированы концом IV — первой половиной I в. до н.э. (Марченко 1975: 75, типы XIII, XIV; Марченко 1988: 98, 102, типы 17 и 25).

К выше сказанному следует добавить, что лепные сосуды из раскопок 1949-1969 годов в Ольвии обнаружены на территории Верхнего города. Фрагменты чашек № 10 и 12 найдены в центральной части города, к юго-западу от Ольвийской агоры (участок E₆₋₇). Начиная с 1956 г. и в течение нескольких лет здесь под руководством Л. М. Славина раскрыто 11 жилых домов и общественные здания E-3 и E-8 (Славин 1975: 5-50). Эти дома были построены в период реконструкции города главным образом в конце IV — начале III в. до н.э. на месте разрушенных более ранних зданий и существовали до конца II в. до н.э., пережив неоднократные перестройки и ремонты.

Фрагмент № 12 обнаружен в 1963 г. в помещении 7 дома E-2; фрагмент № 10 — в 1969 г. при раскопках вымостки двора и подвала № 3 дома E-14 (Славин 1975: 11-16, 19-21, рис. 1, 2, 5; Леви 1985: 26-31, рис. 11, 13). Оба фрагмента чашечек могут быть датированы временем существования жилых домов около агоры, т.е., концом IV (или началом III) — II вв. до н.э.

Чаша или крышка № 16 открыта в Ольвии в 1960 г. при выборке засыпи северной части большого котлована от каменного водоема III (квадрат 263), расположенного к северу от здания суда вдоль Главной дороги и входившего в состав сложной гидросистемы II. Этот водоем был построен в конце IV в. до н.э., прекратил функционировать и первоначально был засыпан во второй половине II в. до н.э. грунтом с материалом, большинство которого относится к III-II вв. до н.э. В I в. н.э. каменные плиты водоема были выбраны и котлован засыпан вторично (Леви 1985: 94, 124-127, рис. 90 и 125).

Фрагменты лепных чашек № 18 и 19 обнаружены при раскопках Восточного, Центрального теменоса Ольвии (раскоп E₃ — теменос). От сосуда № 18 сохранилась только нижняя часть широкой ножки с подставкой. Однако, в инвентарной описи находок 1954 г. значится «лепная лампа на подставке в двух кусках» (Леви 1954: O-54 2383). Недостающую верхнюю часть на рисунке мы предположительно

восстановили по чашечкам № 7 и 8, так как эти сосуды однотипны. «Лампа» № 18 найдена на теменосе в сероглиняном слое вместе с обломками сосудов и других изделий III-II вв. до н.э. (квадрат 275). Фрагмент чашки № 19 обнаружен на теменосе в 1955 г. в том же слое с мешанным материалом, преобладающее большинство которого относится к III-II вв. до н.э. (Леви 1955: 73-75) (квадрат 277). Культурный слой, в котором оказались части чашек № 18, 19, перекрывал сохранившиеся слоевые фундаменты храма Аполлона Дельфиния, построенного во второй половине IV в. до н.э. и примыкающую к нему с востока территорию теменоса (в 1954 г. на кв. 275 открыт юго-восточный угол субструкции этого храма). Этот слой образовался в результате разрушения и разграбления священного участка во второй половине II в. до н.э. или при выборке камней от находившихся на нем храмов и других сооружений (Леви 1985: 71-77, рис. 60, 61, 64).

От чаши № 21 сохранилось дно на высокой, широкой, полый снизу ножке-подставке. Этот фрагмент принадлежал открытой чашке больших размеров, по форме похожей на чашу VI в. до н.э. из Березани (Марченко 1988: 98, 99, тип 17, рис. 29: 2, 6). Подобные сосуды с диаметром края вместилища до 30 см изготавливались одновременно с лепными чашечками в разных центрах Северного Причерноморья в течение длительного времени. Часть чашки № 21 происходит из раскопок гимнасия, расположенного в юго-восточной части Ольвийской агоры. Она обнаружена в 1969 г. в засыпи глубокого колодца, который находился в небольшом помещении XI (раскоп E₈, квадрат 586). До глубины 2,90 м колодец не был засыпан. Фрагмент № 21, названный дном лепной курительницы (внутри обожжен), найден в его засыпи на глубине от 2,90 до 4,10 м с многочисленным керамическим материалом, который датирован III-II вв. до н.э. (Карасев 1972: 35, 40, 44, рис. 10-12; Карасев, Леви 1969: 21, 37-43). Об особом значении колодца, который должен был снабжать водой все помещения гимнасия, свидетельствует известняковая полуфигура Аполлона, стоявшая в нише северной стены помещения XI. Колодец был сооружен около середины V в. до н.э., он продолжал действовать какое-то время после гибели гимнасия и был засыпан в конце II в. до н.э. (Карасев 1972: 43, 44, рис. 11: 3, 4, 12; Леви 1985: 100, 106-108, 127-130, рис. 102, 111, 130-132).

Крышка № 14, от которой сохранилась верхняя часть с маленьким отверстием в стенке, может быть принадлежала курительнице № 15. Оба эти изделия обнаружены в 1951 г. на раскопе «М» в южной части Верхнего города в насыпном, перемещенном грунте (Книпович

1951: О-51.1455, О-51.1456). Фрагмент № 17 найден в Ольвии в 1952 г.

Таким образом, большинство археологического материала, обнаруженного вместе с чашками №№ 10, 12, 16, 18, 19, 21, относится к III-II вв. до н.э. Зафиксированы отдельные находки более раннего и римского времени, однако ни в одном из указанных комплексов изделий I в. до н.э. не обнаружено. На основании этого датировки лепных чашек, отнесенных К. К. Марченко к концу IV — первой половине I в. до н.э., необходимо сузить. Фрагментированные чашки №№ 10, 12 датируются нами концом IV (началом III) — II вв. до н.э.; №№ 16, 18, 19, 21 — III-II вв. до н.э.; № 20 датирован К. К. Марченко второй половиной III-II вв. до н.э. Лепные чашки из раскопок 1902-1915 гг. Б. В. Фармаковского в Ольвии — №№ 7, 8, 9, 11 отнесены нами к III-II вв. до н.э. Вероятно, фрагменты №№ 13, 14, 17 и курильница № 15 тоже сделаны в III-II вв. до н.э.

К. К. Марченко считает, что лепные чашки на ножках получили наибольшее распространение во II — первой половине I в. до н.э. (Марченко 1975: 75, типы XIII, XIV; Марченко 1988: 98, 102, типы 17 и 25). С этим его мнением трудно согласиться не только из-за отсутствия в Ольвии материалов I в. до н.э., но и по другим наблюдениям. Археологические раскопки Ольвии свидетельствуют о том, что во второй половине II в. до н.э. были разрушены храмы и другие сооружения на Центральном теменосе Ольвии, погиб гимнасий и другие общественные здания на Ольвийской агоре, ликвидирована гидросистема II с водостоком III, засыпан колодец гимнасия; постепенно замерла жизнь в центральных жилых кварталах Верхнего города и на северо-восточной его части (Леви 1985: 26-49, 76-84, 88-112, 124-130). К рубежу II-I вв. до н.э. оказались разрушенными жилые дома в Нижнем городе (раскоп НГФ) (Леви 1985: 49-62). Е. И. Леви считает, что все это свидетельствует о каких-то чрезвычайных событиях, происходивших в Ольвии во второй половине II в. до н.э., и связывает эти события с нашествиями врагов и с уходом части населения из города (Леви 1985: 43, 45, 81, 111, 126-129, 145). Из этого следует, что в период кризиса и запустения Ольвии задолго до гетского разгрома города в середине I в. до н.э. не могло выделяться наибольшее количество лепных чашек на ножках. Вероятно, изготовление этих изделий началось в Ольвии в конце IV или в начале III в. до н.э., наибольшее же количество чашек сделано в III-II вв. до н.э., возможно даже во второй половине III — первой половине II в. до н.э.

Гораздо раньше, чем в Ольвии, лепные чашки на ножках появились на сельских

поселениях ее округа. Самые ранние из них относятся к середине VI — первой трети V в. до н.э. (№ 1, Большая Черноморка 2); к концу V или началу IV в. до н.э. (№ 2 и 3, Лузановское поселение); к первой половине IV в. до н.э. (№ 6, Козырка 12). Еще одна чашка датирована второй половиной IV — первой третью III в. до н.э. (№ 4, Козырка 2); другая концом IV — первой половиной III в. до н.э. (№ 5, усадьба Дидова Хата I).

Из археологических раскопок в других античных центрах Северного Причерноморья самой ранней является лепная чашечка из Мирмекия (рис. 2: 22). Ее высота — 6,6 см, диаметр края — 9,3 см, диаметр подставки — 4,5 см. Она сделана из плотной глины с примесью шамота и толченых ракушек, цвет черепка серый, поверхность слегка подлощена. Эта чашка, названная курильницей, найдена в Мирмекии в 1984 г. на раскопе «Р» в заполнении полуземлянки № 2 (помещение VI) с большим количеством археологического материала конца VI — первой трети V в. до н.э. (Виноградов 1984: 24). Другая чаша из Мирмекия (рис. 2: 23) относится к более позднему времени. Она не имеет аналогий среди изученных нами гончарных и лепных изделий: ее бокалообразная верхняя часть сделана глубокой со слегка отогнутым наружу краем, ножка — низкой, узкой, а подставка — широкой, снизу плоской. Найдена в Мирмекии в 1938 г. в слое конца III — начала I в. до н.э. (Кастанаян 1952: 256, 257, тип 16, рис. 8: 6 — рис. 2: 23); Кастанаян 1981: 40-42, 143, тип 22, рис. VI: 1 — рис. 2: 23).

Чашка № 24 из Тиритаки тоже отнесена к концу III-I вв. до н.э. Она массивная, с широкой ножкой в виде перехвата между верхней и нижней частями; найдена на городище Тиритаки в 1940 г. (Кастанаян 1952: 265, 266, тип 6, рис. 16: 5 — рис. 2: 24); Кастанаян 1981: 57, тип 5, рис. 13: 2 — рис. 2: 24).

В отделе Античного мира Эрмитажа хранятся шесть лепных чашек на ножках раннего времени из раскопок на городище Нимфей (рис. 2: 25-30). Из них верхняя часть № 25 сделана по форме нимфейских эллинистических гончарных чашек с вогнуто-цилиндрическими стенками вместилищ, но получилась массивной, толстостенной, на широкой столбообразной ножке, сохранившейся не полностью; сохранившаяся высота — 6,4 см, диаметр края — 9,3 см, диаметр ножки — 3,8-4,2 см (анalogии: Зайцева 1997: 43, 44, 50, табл. 5, 9, №№ 81-84). От чаши № 29 сохранилось дно на высокой толстой ножке, верхнюю часть которой огибают небрежно сделанный валик, сохранившаяся высота — 7,6 см. Чашка № 28 выделяется асимметричностью ее верхней части на короткой ножке с толстой треугольно-округлой сильно

оббитой подставкой, высота — 6,8-6,5 см, восстановленный диаметр края — 9,1 см, диаметр подставки — 5,6 см. Сосуды №№ 26 и 27 — конусовидные, но у № 26 ножка высокая на конусовидной подставке, высота — 5,6 см, восстановленный диаметр края — 6,9-7,4 см, диаметр подставки — 5,4 см. У чаши № 27 ножка низкая с маленькой подставкой, высота — 5,6 см, восстановленный диаметр края — 9,6 см, диаметр подставки — 3,6 см. Фрагментированная чашка № 30 выделяется очень высокой столбообразной ножкой на толстой подставке, сохранившаяся высота — 12,1 см, диаметр ножки — 3,1-3,8 см, диаметр подставки — 5,3-5,6 см. Сосуды №№ 25, 26, 28, 29 в полевых дневниках и описях находок названы курильницами, № 27 — чашкой на ножке, № 30 — чашкой или светильником. Глина курильницы № 25 в изломе — черная, слоистая, с мелкими примесями, на поверхности — светло-серая. У остальных пяти сосудов глина темно-серая с белыми вкраплениями и другими примесями, особенно много примесей в глине курильницы № 26, сделанной небрежно. На поверхности №№ 26-30 — желтые пятна. Внутри и частично снаружи всех чашек, кроме № 26, имеется копоть или пятна копоти.

Чашки №№ 26 и 27 найдены в нимжее на участке «Г», расположенном в центральной части городища: № 26 — в 1973 г. между разновременными стенами №№ 60, 61, 62 (раскопы 2и, 2к) в слое с обломками керамики V — раннего IV в. до н.э.; № 27 — в 1987 г. на северо-западной прирезке в слое с обломками хиосских и фасосских амфор с клеймами IV в. до н.э., с двумя фрагментированным чернолаковыми чашками со штампованным орнаментом того же времени. Сосуды №№ 25, 28, 29, 30 обнаружены в Нимфее на участке «М», расположенном на южном склоне Нимфейского плато. Здесь на террасах, обращенных к Керченскому проливу, с конца IV по первую половину III в. до н.э. находилось святилище Афродиты, богини моря и мреплавания (Грач 1984: 81-88; Грач 1987: 81-94; Грач 1989: 61, 62, 68, 76-79, рис. 8 — схематических план раскопок на территории Нимфея). После того, как культовый комплекс утратил свои первоначальные функции, его равнины и территория, примыкающая к святилищу с запада, были перекрыты мощным слоем с культурными остатками второй половины III-II в. до н.э., вывезенными сюда с других участков городища (Грач 1983: 41). Курильница № 25 найдена в 1983 г. над развалинами святилища; сосуды №№ 28 и 30 — в 1983 и 1985 г. к западу от него в насыпном грунте. Особенно много керамики указанного времени оказалось в слое с фрагментом чаши № 30. Ножка курильницы № 29 открыта в 1987 г. в северо-

восточной части участка «М» в слое с мешатым материалом, большая часть которого относится к позднеэллинистическому времени (днища и обломки ручек амфор с клеймами: родосских, книдских, косских, синопских, обломки керамид и буролаковых сосудов).

Из Горгиппии, расположенной на азиатской стороне Боспора, на месте г. Анапы, переиздается всего один фрагмент «лепной темноощенной курильницы» (рис. 2: 39). Он обнаружен в здании середины IV — 2-й четверти III вв. до н.э., от которого сохранилось два подвальных помещения с большим количеством находок; в их числе имеются лепная крышечка и бронзовый светильник в виде чаши на высокой тонкой ножке с подставкой (рис. 2: 39) (Алексеева 1975: 31-37, рис. 3: 6, 10, 17, и др. номера, рис. 4).

Из раскопок Херсонеса Таврического в отделе Античного мира Эрмитажа хранится всего один сосуд с целым профилем на высокой ножке с подставкой и фрагмент от ругого подобного сосуда (рис. 2: 31, 32). Оба они упомянуты в статьях Г. Д. Белова и названы жертвенниками (Белов 1955: 272; 1959: 18). Эти чаши отличаются от всех других лепных изделий. Жертвенник № 31 сделан из трех частей: конусовидное вместилище, сохранившееся не полностью, было небрежно вылеплено из одного куска глины, высокая цилиндрическая ножка на почти квадратной профилированной валиками подставке — из двух продольных половинок, места соединения которых заглажены не очень тщательно. Высота — 13,2 см, восстановленный диаметр края — 9-9,3 см, диаметр ножки — 4,1-4,7 см, ширина сторон подставки 6,5-6,6 и 7,4 см. Фрагмент № 32 принадлежал вероятно, чаше такой же формы. Отличаясь большей профилировкой, сохранившаяся часть цилиндрической ножки и прямоугольной подставки, тоже сделана из двух половинок, сохранившаяся высота — 6 см, диаметр ножки — 3,9 см, ширина сторон подставки — 6,4 см. Оба сосуда сделаны небрежно. Глина этих херсонесских изделий желтая (№ 30) и красновато-коричневая (№ 32), плотная, с большим количеством примесей в виде темных и белых вкраплений, с блестками слюды. Внутри чаши № 31 — темные пятна копоти. Жертвенники найдены на разных участках городища Херсонеса. Фрагмент № 32 обнаружен в 1955 г. в жилом доме III-II вв. до н.э. С ванной для крашения (квартал XXII) (Белов 1957: 86, 87; 1959: 13). В Эрмитаже из этого дома хранится фрагментированная гончарная чашечка на ножке второй половины III-II в. до н.э. (Зайцева 1997: 43, 44, табл. 5, № 88). Жертвенник № 31 обнаружен в 1953 г. в северо-западной части квартала XIX в насыпи с материалом как эллинистического,

так и римского времени. Г. Д. Белов (1955: 268, 269) отмечал, что эта насыпь образовалась над развалинами дома в результате вывоза мусора из соседних жилых кварталов при их застройке. Добавим, что жертвенник № 31 по форме весьма близок алтарю из мавзолея Неаполя Скифского, столицы позднего царства скифов в Крыму. Алтарь был сделан с использованием гончарного круга тоже из трех частей, соединенных в одно целое; он датирован от середины II в. до н.э. до 113-109 гг. до н.э. (Зайцев 1992: 93-98, рис. 1: 1). Вероятнее всего жертвенники № 31, 32 из Херсонеса одновременны ему и сделаны во II в. до н.э.

Большое количество лепных чашек и крышек найдено в Танаисе, основанном греками Боспорского царства в первой половине III в. до н.э. (Шелов 1970: 15-23, 40, 41). Однако, ранним периодом существования города, III-I вв. до н.э., датировано всего шесть изданных сосудов (рис. 2: 33-38). Это три однотипные чаши с мелкими вместилищами на высоких, широких столбообразных ножках и круглых в плане подставках (рис. 2: 33, 34, 35) (№ 33 — высота 10,5 см; № 34 — высота 8,5 см; № 35 — высота 7,6 см); чаша низкая, толстостенная на маленькой ножке-подставке (№ 36 — высота 5 см, диаметр края 12 см) и крышка со сквозным горизонтальным отверстием в выступе-ручке (№ 37 — высота 5,5 см, диаметр крышки 11 см). Все эти сосуды найдены в 1957 г. на раскопе VI городища Танаиса в слоях III-I вв. до н.э., из них №№ 33, 34, 35 — в помещении А жилого дома. Еще один сосуд — глубокая чашечка с частью ножки, открыт в 1955 г. в погребении № 19 II-I вв. до н.э. (раскоп III на некрополе; № 38, диаметр края — 10 см) (Арсеньева 1965: 169-201, тип XX, рис. IX: 6, 8, 11 (рис. 2, № 33-35); рис. I: 3, 5, 16 (рис. 2, № 36-38); Шелов 1961: 14). По мнению Т. М. Арсеневой, сосуды на высоких ножках (наши № 33, 34, 35) использовались ... «или как плоские мисочки, или как подставки, или как светильники». Сосуды №№ 36 и 38 названы чашами на ножках (Арсеньева 1965: 171, 189, тип XX).

Таким образом, мы рассмотрели 37 лепных чашечек на ножках и 2 крышки из разных античных городов и поселений Северного Причерноморья (рис. 1, 2). Форма этих сосудов весьма разнообразна и вместе с тем имеются многие общие черты. Верхние части — вместилища чашечек в преобладающем большинстве сделаны конусовидной формы (№№ 1, 4-8, 11, 13, 15, 16, 20, 22, 24, 26-28, 31, 33-35), изредка почти полушаровидной формы (№№ 2, 3, 36, 38). Однако, различны ширина и глубина вместилищ, очертания стенок, то срезанных прямо, то слегка округлых, или, наоборот, вогнутых,

по-разному сделаны края чашек. Сужаясь книзу, стенки вместилищ плавно переходят в круглую в сечении столбообразную ножку разной высоты и диаметра. На одних чашечках ножки завершаются подставками, снизу которых на большинстве изделий сделано по выемке разной глубины; реже подставки снизу плоско срезаны (№№ 1-3, 6-8, 10, 15, 18, 22, 26, 27, 30, 33-35). Другие чашечки сделаны без подставок: они стоят на вертикально сформированной или несколько расширяющейся книзу ножке — на ножке-подставке (№№ 9, 12, 16, 17, 19, 21, 36). Меньшее количество чашек сделано иначе: их конусовидные вместилища и почти такие же конусовидные подставки соединены широкой ножкой в виде перехвата плавных очертаний (№№ 4, 5, 11, 20, 24, 39). Из них на сосуде № 20 по краю вместилища оттянут носик.

Среди этих изделий имеются сосуды почти одинаковой формы. Это чаши середины VI — первой трети V вв. до н.э. с поселения Большая Черноморка 2 (рис. 1: 1) и из Мирмекия (рис. 2: 22); чашки конца V или начала IV в. до н.э. из Лузановского поселения (рис. 1: 2, 3); сосуды позднеэллинистического времени из Ольвии (рис. 1: 7, 8, 18) и Танаиса (рис. 2: 33, 34, 35). Но в исполнении как этих близких между собою сосудов, так и других изделий наблюдается множество вариантов.

По некоторым признакам многие лепные чаши VI-I вв. до н.э. характерны только для того или другого центра. В Ольвии и ее округе это курильница № 15 со специально сделанным углублением на дне для сжигания ароматических веществ; фрагмент № 12 с широким сквозным отверстием в ножке-подставке; чаша или крышка № 16 с сохранившимися основаниями двух ручек; чашка № 6, выделяющаяся своими большими размерами. В Нимфее оригинальна курильница № 25, сделанная по образцу нимфейских гончарных курильниц; чашка № 28 с асимметричной верхней частью и треугольно-округлой подставкой; фрагмент № 29 с валиком на ножке. В Мирмекии это сосуд № 23 конца III — начала I вв. до н.э., который по очертаниям формы больше похож на изящное изделие из металла или стекла, чем на вылепленный из глины. Свообразны жертвенники из Херсонеса №№ 31, 32. По своим высоким, широким, полым ножкам на квадратных профилированных подставках они аналогичны алтарю второй половины II в. до н.э. из мавзолея Неаполя Скифского (Зайцев 1992: 93-98, рис. 1: 1). Конусовидная же форма вместилища лучше сохранившегося жертвенника из Херсонеса такая же, как у многих чашек из других центров.

На рисунках 1 и 2 помещены рисунки всего лишь двух крышек: фрагментированная крышка

№ 14 из Ольвии вероятнее всего относилась к курильнице № 15; крышка № 37 из Танаиса могла принадлежать как одной из чашек на ножке, так и лепному сосуду другой формы.

Разнообразие форм лепных чашек на ножках, наличие множества вариантов в исполнении составляющих их частей, небрежность выделки многих из них — все это свидетельствует о домашнем изготовлении этих изделий для нужд той или другой семьи; домашней была выделка и многих других групп лепной керамики (Кастанаян 1981: 104, 105). Лепная керамика вряд ли являлась предметом торговли, чашечки на ножках сделаны жителями тех городов и поселений, где они и найдены.

О глине и выделке лепных чашек на ножках из собрания Эрмитажа и некоторых других говорилось выше. Повторим, что глина, из которой сформованы эти сосуды, отмучена не очень тщательно, в ней много различных примесей в виде песчинок, слюды, темных и белых вкраплений, шамота, иногда мелких камешков и др., но количество примесей в тесте сосудов не одинаково, глина у одних из них слоистая, пористая, у других — плотная. Цвет черепка в большинстве случаев — темно-серый и серый, у одного из херсонесских жертвенников — желтый, у другого красновато-коричневый. На поверхности ольвийских и нимфейских чашек имеются отдельные пятна желтого, светло-желтого и кремового тонов, образовавшиеся, вероятно, от неравномерного обжига. На двух чашечках из Ольвии и ее окружи сохранились остатки белой краски (рис. 1: 5, 7). Выделка многих лепных чашек на ножках небрежная: поверхность шероховатая, бугристая, некоторые сосуды асимметричной формы или с наклоном в одну сторону. Техника изготовления лепных чашек такая же, как и многих лепных сосудов других форм (Марченко 1988: 59-68; Кастанаян 1981: 104-108; Арсеньева 1965: 169, 170). В отличие от всех изучаемых нами изделий, жертвенник № 31 из Херсонеса сделан из трех частей, соединенных вместе.

Для определения назначения лепных чашек на ножках важно знать не только где, но и с каким материалом они найдены. В этом отношении наиболее интересными являются сосуды, обнаруженные в закрытых комплексах на поселениях сельскохозяйственной округи Ольвии (рис. 1: 2-6). Из них чаши №№ 2 и 3, открытые на Лузанавском поселении, лежали в углу землянки № 1 неподалеку от терракотовой расписной протомы Коры-Персефоны аттического производства. По мнению Э. И. Диаманта (Диамант 1980: 117-121, рис. 1-5) как протомы Коры-Персефоны, так и обе чаши были связаны с отправлением домашнего культа этой богини. Фимиатерий № 5 с остатками

белой краски на поверхности происходит из раскопок усадьбы Дидова Хата I. В. В. Рубан (Рубан 1984: 109) отмечает, что он находился рядом с небольшим углублением, в котором лежали обломки терракотовой протомы Деметры, тоже окрашенные белой краской. По его мнению фимиатерий был связан с культом плодородия. В этой усадьбе найдены также гончарная чаша-курильница с частью ножки ольвийского производства и целый чернолаковый фимиатерий с цилиндрической верхней частью на высокой ножке с массивной подставкой, с двумя петлеобразными ручками — он сделан в одном из центров Малой Азии (Рубан 1984: 108-110, рис. 1-2, 4).

Большая чашка № 6 выявлена на поселении Козырка 12 в засыпи рва-траншеи оборонительного сооружения вместе с глиняными лепными изделиями: антропоморфной фрагментированной фигуркой сидящего «божка», тринадцатью маленькими «хлебцами», горшком баночной формы, лепным закрытым светильником. Все эти вещи лежали на дне траншеи небольшой кучкой. Е. Я. Рогов (Рогов, Головачева 1990: 2-6) считает, что набор этих изделий не является случайным, он был, вероятно, выбросом из домашнего святилища.

Ближайшей аналогией к антропоморфной фигурке «божка» является глиняная статуэтка из раскопок Восточного укрепления Большого Бельского городища, расположенного на правом берегу Ворсклы в лесостепной части Скифии. Эта статуэтка обнаружена в помещении № 13/25 1954 года раскопок вместе с обломком глиняного жертвенника с побеленной поверхностью, глиняными лепешками, имитирующими хлебцы, ложечкой, двумя букраниями, головкой от зооморфной статуэтки — все эти изделия Б. А. Шрамко считает культовыми (Шрамко 1987: 57, 58, 137, рис. 21: 10-16). По его мнению, глиняные фигурки людей, животных, птиц, лепешки или хлебцы и многие другие культовые изделия использовались при совершении обрядов как в домашних культах, так и в большом общественном святилище, открытом на Восточном укреплении Бельского городища. Эти обряды были связаны с культом плодородия, благоприятствовали сохранению и продлению жизни, развитию основных отраслей хозяйства лесостепных племен — земледелия и скотоводства (Шрамко 1957: 178-198, 1987: 127-140).

Сосуд № 4 найден на поселении Козырка 2 в помещении 1 большого строительного комплекса № 1 (раскоп 1). Помещение 1 было, вероятно, жильем — в нем находился очаг и большое количество измельченного вещественного материала. Среди него особо упомянута наша чашка, лепная крышка жаровни или курильницы и два

небольших фрагмента терракотовых статуэток (Марченко, Доманский 1975: 1-6; Доманский, Марченко 1980: 20-38; Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: 58, 59).

Чашечка № 1 открыта на поселении середины VI — первой трети V в. до н.э. Большая Черноморка 2, но точное место ее находки в издании не указаны. Интересно, что на этом поселении, раскопки которого производились в 1973-1977 годах, обнаружено довольно большое количество культовых предметов. К ним относятся граффити, свидетельствующие о почитании Ахилла, Афродиты, Афины и Аполлона; терракотовые статуэтки сидящей на троне богини и голубя, глиняные лепешки, лепная модель ячменного зерна. Глиняные изделия связываются с образами земледельческих богинь Деметры и Коры, а также с культом Афродиты (Русяева 1982: 30-35, 141, 142, рис. 5: 1; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 85-88, рис. 32: 11, 13, 14, 17, 19-22, рис. 33: 1, 2, 6, 7, 11).

Различные святилища, алтари, жертвенники, культовые места и зольники, а также многочисленные предметы культового обихода, открыты на многих других сельских поселениях Ольвийской округи. Так, на поселении Бейкуш (Малая Черноморка 2) середины VI — начала V в. до н.э. обнаружены обломок известнякового алтарика, много обломков терракот, около 100 граффити с посвящениями Ахиллу, Гекате, Коре; на этом поселении находилось святилище Ахилла (Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: 17, 18). На поселении Куцуруб I выявлены основание глиняного кольцеобразного жертвенника и небольшой зольник, функционировавшие с конца VI до начала V в. до н.э.. В насыпи зольника оказались предметы культового назначения: глиняные антропоморфная статуэтка и шесть маленьких «хлебцев»; две поделки из стенок чернолаковых сосудов, каменная плитка, а также 17 круглых и уплощенных камней-голышей. Авторы, издавшие эти предметы, данный комплекс относят к числу памятников местного земледельческого культа, связанного с культом огня и домашнего очага (Марченко, Доманский 1983: 37-40, рис. 2; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 88, 89).

Известняковые алтари-жертвенники IV-III вв. до н.э. имелись в урочище Дидова Хата и у села Кателино. На окраине поселения Кателино I был также зольник IV — середины III вв. до н.э., в котором обнаружены культовые свинцовые изделия в виде фигуры Ахилла на колеснице и Геракла, опирающегося на палицу (Рубан 1982: 54-58, рис. на с. 55; Рубан 1985: 37-40; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 115, 143-147, рис. 42: 21).

Основными занятиями жителей сельских поселений округи Ольвии были земледелие и скотоводство. Священные предметы, о которых говорилось выше, связаны главным образом с культом плодородия, с почитанием земледельческих божеств, а также с культом огня и домашнего очага. Обстоятельства находок лепных чашечек №№ 1-6 позволяют считать их тоже культовыми. Вероятно, они использовались во время культовых обрядов в жилых помещениях и домашних святилищах, совершаемых в честь Деметры, Коры-Персефоны, Афродиты, Ахилла, который по мнению А. С. Русяевой в VI-V вв. до н.э. был наиболее уважаемым среди земледельческих божеств (Русяева 1992: 70-72). Сельские жители Ольвийской хоры поклонялись также Аполлону, Матери богов, Дионису, Гекате, Гермесу, Гераклу (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 147).

Особый интерес представляют открытия уникальных культовых сооружений на двух поселениях к северу от Ольвии, раскапываемых с середины 70-х гг. В южной части поселения Старая Богдановка 2 выявлены последовательно сооруженные большая землянка 3-й четверти VI в. до н.э., «здание-убежище» и «святилище» конца VI — первой четверти V вв. до н.э. (строительные комплексы №№ 14, 15, 23), огромная землянка с монументальной лестницей из каменных плит последней трети V — IV вв. до н.э. (строительный комплекс № 24), расположенная поблизости от более ранних культовых памятников. На северной окраине поселения Козырка 2 открыты остатки здания типа греческого храма в антах, в центре восточного помещения которого находилась каменная вымостка — основание для деревянного алтаря. Храм в антах был перекрыт большим зольником IV в. до н.э. (Головачева, Марченко, Рогов 1998: 99-110, рис. 1-6). Напомним, что из раскопок этого поселения происходит лепная чашка № 4.

Определить назначение лепных чашек на ножках, найденных на территории городища Ольвии, сложнее, так как почти все они происходят из культурных слоев. Можно лишь констатировать, что большинство чашек обнаружено при раскопках жилых кварталов, жилых помещений и слоев с остатками жилых домов. Это сосуды №№ 10, 12 — раскоп Е₆₋₇ 1963, 1969 гг.; № 9 — 1908 г.; № 20 — раскоп «И», 1949 г.; №№ 7, 11 — 1905 г.; №№ 14, 15 — раскоп «М», 1951 г.; № 8 — раскоп НГФ, 1913 г. Вероятно, земля для насыпи водоема III и колодца гимназия, где оказались чашки №№ 16 и 21, тоже взята из культурных слоев (Левин 1985: 10, рис. 1 — план Ольвии с показом раскопов по годам исследований).

В жилых домах кварталов, расположенных в центральной части Верхнего города, вблизи от теменоса и агоры (раскоп Е₆₋₇), проживала зажиточная часть ольвиополитов, господствующий класс населения; на северо-восточной окраинной части города (раскоп «И») жилые дома принадлежали жителям среднего достатка, ремесленникам и мелким торговцам (Леви 1985: 32-34, 43-49). В домах Е-10, Е-14, Е-4 к юго-западу от агоры и в большом Северном здании на участке «И» были помещения культового назначения. В них и во многих других домах этих жилых кварталов обнаружены культовые изделия: жертвенники, мраморные скульптуры, многочисленные терракотовые статуэтки, изредка свинцовые секиры и букрании. Они были связаны с поклонением богиням плодородия — Деметре, Коре-Персефоне, Кибеле, а также с культом Диониса, богом умирающей и воскресающей природы. Все эти божества были и покровителями умерших (Славин 1975: 6-27, 44-50, рис. 1-8, 11; Русяева 1979: 53, 54; 1982: 22; Зайцева 1971: 84-106). Как говорилось выше, фрагменты №№ 18 и 19 оказались в слое, перекрывшем слои основания храма Аполлона Дельфиния и территорию теменоса к востоку от него. Вместе с этими фрагментами чашек найдены терракотовая статуэтка сидящей Кибелы, обломки от других подобных терракот, а также от чернолаковых, буролоковых, кухонных, лепных сосудов и амфор. Много изделий оказалось также в глубокой цистерне, расположенной в непосредственной близости от храма Аполлона Дельфиния. Эта цистерна с конца III в. до н.э. стала использоваться для сбрасывания в нее пришедшего в негодность храмового имущества. В ней оказалось около 2000 фрагментов вотивных терракот, большинство которых принадлежит изображениям Кибелы, а также большое количество привозной и ольвийской посуды, использовавшейся для приготовления пищи во время жертвенных пиров, при совершении обрядов, для хранения вина (Леви 1985: 82, 83, 120, 121, рис. 72-74, 121). Лепные чашечки № 18 и 19 скорее всего были вотивными приношениями жителей города в храмы, стоявшие на Центральном священном участке.

Вероятно, все лепные изделия №№ 7-21 из раскопок городища Ольвии были культовыми: курильницами, фимиатериями, алтариками, жертвенниками, светильниками. Они могли использоваться как в жилых домах при различных церемониях, связанных с культом огня и домашнего очага, так и в культовых помещениях при обрядах в честь богов-покровителей земледелия, плодородия, ремесел, защитников дом и семьи. Отдельные чашечки могли быть подарками ольвийским государственным богам,

храмы которых стояли на Центральном теменосе.

В Мирмекии, Тиритаке, Нимфее, Горгиппии, Херсонесе и Танаисе лепные чашечки обнаружены в землянке (№ 22), в жилых домах (№№ 32-35, 39), в выбросах из жилых кварталов (№№ 25, 28, 30, 31), в культурных слоях на территории городищ (№№ 20, 23, 24, 26, 27, 29, 36, 37) и в погребении (№ 38 — Танаис). Многие из них в предыдущих изданиях и полевых описях названы курильницами, жертвенниками, светильниками.

Некоторые исследователи считают, что лепные сосуды, найденные в греческих городах и поселениях Северного Причерноморья, сделаны постоянно или временно жившими там варварами (Марченко 1988: 3-28; Кастанаян 1981: 3-7). В этих работах дан критический разбор разных точек зрения по этому вопросу. К. К. Марченко на основании тщательного изучения многих групп лепной керамики из раскопок античных памятников Нижнего Побужья и сопоставления ее с керамикой местных племен Причерноморья, пришел к выводу о пребывании в Ольвии и на поселениях ее сельскохозяйственной округи в VI — первой половине I вв. до н.э. выходцев из разнотнических варварских племен: фракийцев, жителей из лесостепных областей Среднего Поднепровья, степных скифов Северного Причерноморья, сарматов и др. По его наблюдениям, в VI — первой половине III в. до н.э. удельный вес местного компонента в составе населения Ольвии был сравнительно небольшим. Со второй половины III в. до н.э. стало ухудшаться экономическое и политическое положение города, что привело к кризису конца III — II вв. до н.э., усилились набеги вражеских племен и как следствие всего этого — увеличилось количество варваров в составе населения города. Однако, Ольвия даже во время подчинения скифскому царю Скилуру во второй половине II в. до н.э. оставалась в своей основе греческой. На сельских поселениях Ольвийской округи выходцев из варварских племен жило больше (Марченко 1988: 29-51, 131-134). К. К. Марченко предполагает, что лепная керамика выделялась полузависимыми или лично свободными варварами, что с конца IV в. до н.э. лепная керамика могла употребляться и наиболее бедными слоями греческой общины.

Е. Г. Кастанаян, детально изучив лепную керамику VI-I вв. до н.э. двух боспорских городов — Мирмекии и Тиритаки, пришла к тому же выводу: эта керамика изготовлялась выходцами из варварских племен, оказавшихся по разным причинам в составе жителей этих античных городов. По ее наблюдениям, в VI — первой половине IV в. до н.э. количество

негреческого населения было весьма незначительным. В эллинистическое время находок лепных сосудов значительно больше, чем в ранних слоях, но процент выходцев из варварского окружения в этих городах продолжал оставаться сравнительно невысоким. В период расцвета Боспорского царства усилился процесс эллинизации варваров, живших в городах на его территории. Наиболее зажиточные варвары становились рабовладельцами, усваивали обычаи и быт греков, предпочитали пользоваться античной гончарной посудой, более добротно сделанной и красивой на вид. В отличие от К. К. Марченко, Е. Г. Кастанаян считает,

что примитивно сделанной лепной керамикой пользовалась беднейшая часть варварского населения античных городов или рабы (Кастанаян 1981: 109-118).

Мы проанализировали довольно большую группу лепных чашечек на ножках из греческих городов и поселений Северного Причерноморья. Для того, чтобы выяснить, где впервые появилась такая керамика, где она была наиболее широко распространена и для чего предназначалась, необходимо хотя бы кратко рассмотреть подобные лепные изделия местных варварских племен Причерноморья. Разбор этих чашек будет произведен во второй части статьи.

- Алексеева, Е. М. 1975. Раскопки эллинистического дома в Горгиппии // Краткие сообщения Института археологии 143: 31-37. Москва: Наука.
- Арсеньева, Т. М. 1965. Лепная керамика Танаиса. 1. Открытые сосуды // Древности Нижнего Дона. Материалы и исследования по археологии СССР 127: 169-201. Москва: Наука.
- Белов, Г. Д. 1955. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949-1953 гг. // Советская археология 24: 257-281.
1957. Раскопки Херсонеса в 1955 г. // Краткие сообщения Института археологии 7: 86-88. Киев: Издательство Академии наук УССР.
1959. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году // Херсонесский сборник V: 13-69. Симферополь: Крымиздат.
- Виноградов, Ю. А. 1984. Отчет о работе Мирмекийского отряда Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1984 г. // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Фонд 35, 1984, дела 82 и 88 – списки находок 9 и 13. Санкт-Петербург.
- Головачева, Н. В., К. К. Марченко, Е. Я. Rogov. 1998. Уникальные сооружения северного района Ольвийской хоры // Российская археология 3: 99-110.
- Головачева, Н. В., К. К. Марченко, Е. Я. Rogov, С. Л. Соловьев. 1991. Античное поселение Нижнего Побужья Козырка 12 (классический период) // Краткие сообщения Института археологии 204: 66-71. Москва: Наука.
- Грач, Н. Л. 1983. Полевой отчет Нимфейской археологической экспедиции 1983 г. // Архив отдела Античного мира Государственного Эрмитажа.
1984. Открытие нового исторического источника в Нимфее. (Предварительное сообщение) // Вестник древней истории 1: 81-88.
1987. Нова пам'ятка елліністичного часу з Нимфею // Ахеологія 57: 81-94. Київ: Наукова думка.
1989. Нимфейская археологическая экспедиция (основные итоги исследований за 1973 – 1987 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа: 61-69. Ленинград: Государственный Эрмитаж.
- Диамант, Э. И. 1975. Раскопки поселений античного времени на побережье Одесского залива V-III веков до н.э. // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР (1825-1975). Тезисы докладов юбилейной конференции: 117-119. Киев: Наукова думка.
1980. Протома Коры-Персефоны из Лузановского поселения // Исследования по античной археологии юго-запада Украинской ССР: 117-122. Киев: Наукова думка.
1984. О датировке Лузановского поселения // Новые археологические исследования на Одесчине: 83-88. Киев: Наукова думка.
- Доманский, Я. В., К. К. Марченко. 1980. Поселение Ольвийской хоры Козырка 2 // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 21: 20-38. Ленинград.
- Зайцев, Ю. П. 1992. Мавзолей Неаполя Скифского // Ахеологія 1: 93-99. Київ: Довіра.
- Зайцева, К. И. 1971. Ольвийские культовые свинцовые изделия // Культура и искусство античного мира: 84-106. Ленинград: Аврора.
1997. Культовые чаши V-I веков до н.э. из Северного Причерноморья // Труды Государственного Эрмитажа XXVIII: 38-53. Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин».
- В печати. Культовые чаши I в. до н.э. – IV в. н.э. из Северного Причерноморья.
- Карасев, А. Н. 1972. Раскопки Ольвийской агоры в 1967-1969 гг. // Краткие сообщения Института археологии 130: 35-44. Москва: Наука.
- Карасев, А. Н., Е. И. Леви. 1969. Отчет о работе Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1969 году // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 35, оп. 1, 1969, д. 55. Санкт-Петербург.
- Кастанаян, Е. Г. 1952. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки // Материалы и исследования по археологии СССР 25: 249-288. Москва-Ленинград: АН СССР.
1981. Лепная керамика Боспорских городов. Ленинград: Наука.
- Книпович, Т. Н. 1951. Инвентарная опись находок 1951 г. в Ольвии (раскоп «М») // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 35, оп. 1, 1951, д. 7: О-51.1455, О-51.1456. Санкт-Петербург.
- Крыжичский, С. Д. 1985. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев: Наукова думка.
- Крыжичский, С. Д., С. Б. Буйских, А. В. Бураков, В. М. Отрешико. 1989. Сельская округа Ольвии. Киев: Наукова думка.
- Крыжичский, С. Д., С. Б. Буйских, В. М. Отрешико. 1990. Античные поселения Нижнего Побужья. (Археологическая карта). Киев: Наукова думка.
- Леви, Е. И. 1954. Инвентарная опись находок 1954 г. в Ольвии // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 35, оп. 1, 1954, д. 135: О-54.2383. Санкт-Петербург.
1955. Дневник полевых исследований 1955 г. в Ольвии; полевой список находок 59^А // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 35, оп. 1, 1955, д. 112 и 144. Санкт-Петербург.
1985. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Ленинград: Наука.
- Марченко, К. К. 1975. Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV – первой половины I в. до н.э. // Краткие сообщения Института археологии 143: 70-76. Москва: Наука.
1988. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н.э. По материалам лепной керамики. Ленинград: Наука.
- Марченко, К. К., Я. В. Доманский. 1975. Отчет о работах периферийного отряда Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1975 г. // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 35, оп. 1, 1975, д. 79 и 84: Коз.2-75.65. Санкт-Петербург.
1983. Культовый зольник на поселении Куцуруб I // Краткие сообщения Института археологии 174: 37-40. Москва: Наука.
- Rogov, E. Ya., N. V. Golovacheva. 1990. Отчет о работах Нижнебугской античной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1990 г. // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 35, 1990, д. 39 и 40: Коз.2-75.65. Санкт-Петербург.
- Рубан, В. В. 1978. Комплекс памятников античного времени в урочище Дидова Хата на Бугском лимане // Краткие сообщения Института археологии 152: 32-36. Москва: Наука.

1982. Литое свинцовое изображение группы фигур из поселения Кателино 1 // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры: 54-58. Киев: Наукова думка.
1984. Раннеэллинистические фишиатерии из Нижнего Побужья // Новые археологические исследования на Одесчине: 108-111. Киев: Наукова думка.
1985. Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV-III вв. до н.э. // Вестник древней истории 1: 26-46.
- Русаева, А. С. 1979. Земледельческие культуры в Ольвии догетского времени. Киев: Наукова думка.
1982. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI-I вв. до н.э.). Киев: Наукова думка.
1992. Религия и культуры античной Ольвии. Киев: Наукова думка.
- Славин, Л. М. 1975. Кварталы в районе Ольвийской агоры (раскопки 1961-1970 гг.) // Ольвия: 5-50. Киев: Наукова думка.
- Фармаковский, Б. В. 1908. Раскопки в Ольвии // Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1905 год: 1-35. Санкт-Петербург.
1912. Раскопки в Ольвии // Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1908 год: 1-84. Санкт-Петербург.
1918. Раскопки в Ольвии // Отчет Археологической Комиссии за 1913-1915 годы: 1-51. Санкт-Петербург.
- Шелов, Д. Б. 1961. Некрополь // Материалы и исследования по археологии СССР 98. Москва: АН СССР.
1970. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. Москва: Наука.
- Шрамко, Б. А. 1957. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке // Советская археология 1: 178-198.
1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка.

HAND-MADE SEMMED CUPS OF THE LATE 7th-1st CENTURY B.C. FROM THE NORTHERN BLACK SEA

Part I

K. I. ZAITSEVA

In the first part of this article small hand-made stemmed cups are discussed. They are dated to the period from the middle of the 6th to 1st century B.C. and come from Greek states of the northern Black Sea region: Olbia and its rural surroundings (fig. 1: 1-21), Myrmecium (fig. 2: 22-23), Tiritaka (fig. 2: 24), Nymphaeum (fig. 2: 25-30), Gorgippia (fig. 2: 39), Tauric Chersonesos (fig. 2: 31-52), Tanais (fig. 2: 33-38) — in total 37 cups and two lids. Of these, 13 finds are published for the first time (nos. 7-9, 11, 13, 25-32), four specimens are considered on the basis of their drawings (nos. 6, 14, 17, 22), and the rest are cited from earlier publications. It is the first composite article on these vessels. Various shapes of hand-made cups are characterised and the similarity of certain vessels from different ancient centres in the northern Black Sea area is noted (e.g. no. 1 — the settlement of Bolshaya Chernomorka 2 in the rural area near Olbia and no. 22 — Myrmecium; nos. 2 and 3 — settlement Luzanovskoe near Olbia; nos. 7, 8, 18 — Olbia and nos. 33, 34, 35 — Tanais). A great variety of technique features both of these similar cups and of many other suggests that they were home-made to meet the needs of the families. It is underlined that some hand-made cups imitated fine ware (no. — Nymphaeum) or vessels of metal or glass (no. 23 — Myrmecium). Clay features and technology of the vessels are briefly discussed; many of the latter are but carelessly made. In terms of the manufacturing

technique two altars from Chersonesos are distinguished (fig. 2: 31, 32): the one that is preserved better is made of three separately modelled parts welded together.

The earliest hand-made stemmed cups are dated to the middle of the 6th - first third of the 5th century B.C.: no. 1 — the settlement of Bolshaya Chernomorka 2, no. 22 — Myrmecium; 5th-4th century B.C.: nos. 26, 27 — Nymphaeum; late 5th — first half of the 4th century B.C.: nos. 2, 3, 6 — settlements of Luzanovskoe and Kozyrka-12 near Olbia; the middle of the 4th - second quarter of the 3rd century B.C.: no. 39 — Gorgippia.

The overwhelming majority of the cups was manufactured in the Hellenistic period — the second half of the 4th or first half of the 3rd century B.C.: nos. 4, 5 — the Kozyrka-2 site and the farm-house of Didova Khata I near Olbia; in the 3rd-2nd century B.C. (possibly, in the second half of the 3rd or first half of the 2nd century) — Olbia; in the end of 3rd to 1st century B.C.: nos. 23, 24 — Myrmecium and Tiritaka; in the second half of the 3rd or 2nd century B.C.: nos. 25, 28, 29, 30 — Nymphaeum; in the 2nd century B.C.: nos. 31, 32 — the Tauric Chersonesos; in the 3rd-1st century B.C.: nos. 33-37 — Tanais; in the 2nd-1st century B.C.: no. 38 — the necropolis of Tanais.

The stemmed cups were found at ancient towns and settlements in dugout dwellings (nos. 2, 3, 22) and houses (nos. 4, 10, 12, 32, 33-35, 39), in a

farm-house (no. 5), in cultural levels containing remains of dwellings (nos. 7-9, 11, 20, 26, 27, 36, 37), and in trash heaps from living blocks (nos. 25, 28, 30, 31) along with various cult objects (complete and fragmentary terracotta figurines of Korapersephone, Demeter etc., a figurine of sitting 'god', small flat cakes or loafs, a black-glazed thymiaterion from Asia Minor, fragments of Olbian and Chersonesean pottery-wheel cups фрагменты ольвийских и херсонесских гончарных чашек на ножках, graffiti with dedications to Achilles, Aphrodite, Athena, Apollo and other gods; on almost each vessel one may observe the presence of soot as well as a special depression in the bottom of the bowl for burning incense (no. 15 — Olbia) and a through hole in the base and stem for libations (no. 12 — Olbia). All this allows us to consider the hand-made vessels as cult objects used in sacrificial rites in private dwelling houses, dugouts, and sometimes in home sanctuaries (no. 6 — the settlement

from Kozyrka-12 to the north of Olbia). Hand-made stemmed cups served as incense burners in which aromatic weeds and resins were being burnt, as altars for libations, and lamps for igniting the sacrificial fire during minor sacrifices. These rites were performed in honour of the gods — protectors of agriculture and fertility or the defenders of home and family; they were connected also with the cult of fire and the home fireplace. Cups nos. 18 and 19 found on the Central Themenos in Olbia in the layer covering the remains of temples of Delphinian Apollo and Zeus — the main public gods of the city — were votive offers for the mentioned temples. Only one cup (no. 33 — Tanais) was found in a burial. Probably, the hand-made stemmed cups from Greek states of the northern Black Sea region were manufactured by natives of the local Barbarian tribes constantly or temporary residing in these states. Possibly such vessels were used also by the poorest sections of the Greek population and slaves.

НАБОР СТОЛЯРНО-ПЛОТНИЧЬИХ ИНСТРУМЕНТОВ ИЗ РАСКОПОК ЗДАНИЯ У6 ПОСЕЛЕНИЯ ПАНСКОЕ I

Е. Я. РОГОВ¹

При подготовке к изданию раздела о металлических предметах из раскопок здания У6 поселения Панское I в рамках совместного российско-датского издательского проекта «Панское», невозможно было не обратить внимание на несколько предметов несомненно связанных с деревообрабатывающим ремеслом.

Значение этих находок чрезвычайно велико хотя бы потому, что инструменты античных столяров и плотников встречаются вообще весьма редко, а в наборе и в пределах одного здания, пожалуй, впервые. Без всякого сомнения, эти находки заслуживают отдельной публикации.

Всего найдено 6 предметов — два топора (один в обломках), два долота, стамеска и лучковое сверло. Инструменты изготовлены из железа, повреждены коррозией, но сохранились удовлетворительно, форма их восстанавливается вполне надежно.

Все инструменты были найдены в юго-западной части здания У6 — либо в помещениях здания (помещения 13 и 21), либо во дворе, но в непосредственной близости от указанных помещений (рис. 1). Пожалуй, не будет слишком смелым предположение о том, что и мастерская столяра-плотника находилась в этой (юго-западной) части здания У6. Наличие столярно-плотничьей мастерской в здании У6 вполне понятно, учитывая, какое значение дерево как строительный и поделочный материал и, соответственно, его обработка, имели в жизни греков той поры.

Как известно, строгого разделения между основными инструментами плотника и столяра в эпоху античности не существовало (Сокольский 1971: 174); даже в языке не было разделения между понятиями «плотник» и «столяр» — оба они назывались *τέκτων* (Blumner 1879: 239) и, хотя со временем стали появляться обозначения мастеров по видам изделий (Сокольский 1971: 86), в условиях сельского поселения подобная узкая специализация вряд ли была необходима и, скорее всего, не имела места.

По этой причине мы не рассматриваем инструменты, найденные в здании У6 дифференцированно как инструменты, принадлежащие либо столяру, либо плотнику, а как единый столярно-плотничий набор.

Следует, по-видимому, допускать, что набор орудий, имеющийся в нашем распоряжении, не полон — в нём не представлены такие важнейшие инструменты, как тесло, пила, рубанок и другие, о которых мы знаем по раскопкам иных памятников античного времени и по изображениям на расписных вазах. Однако и те инструменты, что были найдены в ходе раскопок здания У6, чрезвычайно важны для характеристики уровня развития деревообрабатывающего ремесла на поселениях сельской территории Херсонесского государства в раннеэллинистическое время.

В помещении 13 (западное угловое) найден железный топор, относящийся к числу основных рабочих инструментов мастера, занятого обработкой дерева. Наш экземпляр относится к типу клиновидных проушных топоров, имеет почти прямую ровную спинку, выделенный и слегка опущенный по отношению к линии профиля, обушек. Брюшко немного изогнуто, за счет этого увеличено рабочее лезвие. Отверстие для насаживания смещено от центра в сторону обушка, диаметр его 1,8 см, но учитывая коррозию, можно допустить, что первоначально отверстие было несколько больше. Размеры топора: длина — 18,8 см, максимальная ширина — 5 см, высота — 4-3 — 4,5 см. Длина рабочего лезвия — 4,5 см (рис. 2: 4).

Такой топор необходим для рубки и первичной обработки древесины, отески брёвен и брусьев, изготовления строительных деталей, а также при множестве других операций по обработке дерева. По схеме, предложенной Б. А. Шрамко, он относится к первому типу, отличаясь по целому ряду параметров от боевых топоров скифского времени (Шрамко, Солнцев 1963: 48, рис. 5.1-2).

¹Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

Рис. 1 Схема находок столярно-плотничьих инструментов в пределах здания У6 на поселении Панское 1.

Fig. 1 Schema of the location of finds of joiner's and carpenter's tools in the area of house U6 at Panskoe-1.

Н. И. Сокольским учтены несколько железных плотничьих топоров из раскопок античных северопричерноморских памятников (Сокольский 1971: 174, Табл. XIX, XX). При общем типологическом сходстве, орудие найденное на поселении Панское I, отличается от приведенных Н. И. Сокольским, меньшей длиной лезвия. Наибольшую близость обнаруживает топор, найденный при раскопах Ольвии в 1905 г. и датированный по условиям находки эллинистическим временем (Сокольский 1971: Табл. XXII. 8).

Во дворе здания У6 в квадрате Д6 найден обломок железного обуха, принадлежащий топору или, быть может, молотку (рис. 2: 5). Сохранился только сильно корродированный обушок орудия длиной 6,7 см и диаметром 3,9 см. По фрагменту тип орудия установить невозможно, однако ясно, что он отличается от топора из помещения 13.

Представление о долотах дают два экземпляра этих орудий. Одно долото — узкое — найдено во дворе здания У6 в квадрате Е6 у входа в помещение 21 (ТЭ-72 П-I У6, кв. Е6, оп. 17/126). Длина его 18 см, ширина — 0,9 см, толщина — 0,6 см; один конец уплощен и заострен (рис. 2: 3). Второе долото отличается от первого большей шириной лезвия, оно найдено непосредственно на полу в помещении 21 (ТЭ-72 П-I У6, помещение 21, оп. 13/10). Его длина — 18,2 см, толщина — 0,8 см, ширина — 2,0 см (рис. 2: 2). Долота практически одинаковы, выкованы из железных стержней прямоугольного сечения и различаются лишь толщиной стержней — 0,6 и 0,8 см. Однако, учитывая коррозию металла, это различие можно считать не существенным.

Несмотря на широкое использование долот в столярно-плотничьем деле, находок такого рода орудий почти нет. Н. И. Сокольским учтено только одно долото второй половины IV в. до н. э. из некрополя Гермонассы (Сокольский 1971: табл. XXIII: 11). По типу и форме оно иное, чем наши экземпляры, поскольку имеет втулку для закрепления деревянной рукоятки. Конструктивно оно почти не отличается от втульчатых тесел, разве что в сторону меньшего веса и меньшей ширины лезвия.

Анализ следов, оставленных долотами на саркофагах и других деревянных изделиях, говорит о большом разнообразии этих инструментов; применявшиеся в работах долота были различной ширины — от очень узких до весьма значительной ширины (Сокольский 1971: 178).

Наряду с долотами важнейшими инструментами в наборе мастеров столярно-плотничьего дела были стамески. Один экземпляр такого рода орудий был найден в западном углу здания У6 у входа в помещения 12 и 13 (ТЭ-71 П-I У6 двор, квадрат Б6, оп. 16). Инструмент изготовлен из железной пластины толщиной 0,2-0,3 см со скругленными углами. Два края пластины загнуты таким образом, что получилась полувтулка с несомкнутыми краями. Длина стамески — 8,3 см, диаметр — 2 см. Рабочими были оба конца стамески поскольку оба конца заострены (рис. 2: 1).

Находки стамесок чрезвычайно редки, Н. И. Сокольским не учтено ни одного экземпляра. Уже после выхода его книги по деревообрабатывающему ремеслу в античных государствах Северного Причерноморья, инструменты такой формы были найдены в могиле 88 некрополя Золотое в Восточном Крыму (Корпусова 1983: 33, рис. 3.9) и в Ольвии (Крапивина 1993: рис. 88: 11).

Последний, но наиболее интересный инструмент — лучковое сверло. Похоже, это единственный экземпляр сверла, найденный на античных памятниках в Северном Причерноморье — по словам Н. И. Сокольского, на территории северопричерноморских античных городов достоверных остатков лучковых сверел не обнаружено (Сокольский 1971: 186).

Инструмент найден на полу помещения 13 здания У6 (ТЭ-72 П-I У6, помещение 13, оп. 8). Он изготовлен из уплощенного железного прута толщиной 0,6 см и шириной 0,9 см, один конец расплюснен, закруглен и имеет небольшое сквозное отверстие диаметром 0,3 см, противоположный конец заострен. Центральная часть стержня на участке длиной 16 см перекручена таким образом, что получилось некое подобие «винтовой нарезки», которая, собственно, и направляла тетиву лучка. Длина всего инструмента — 39 см. Благодаря длинной

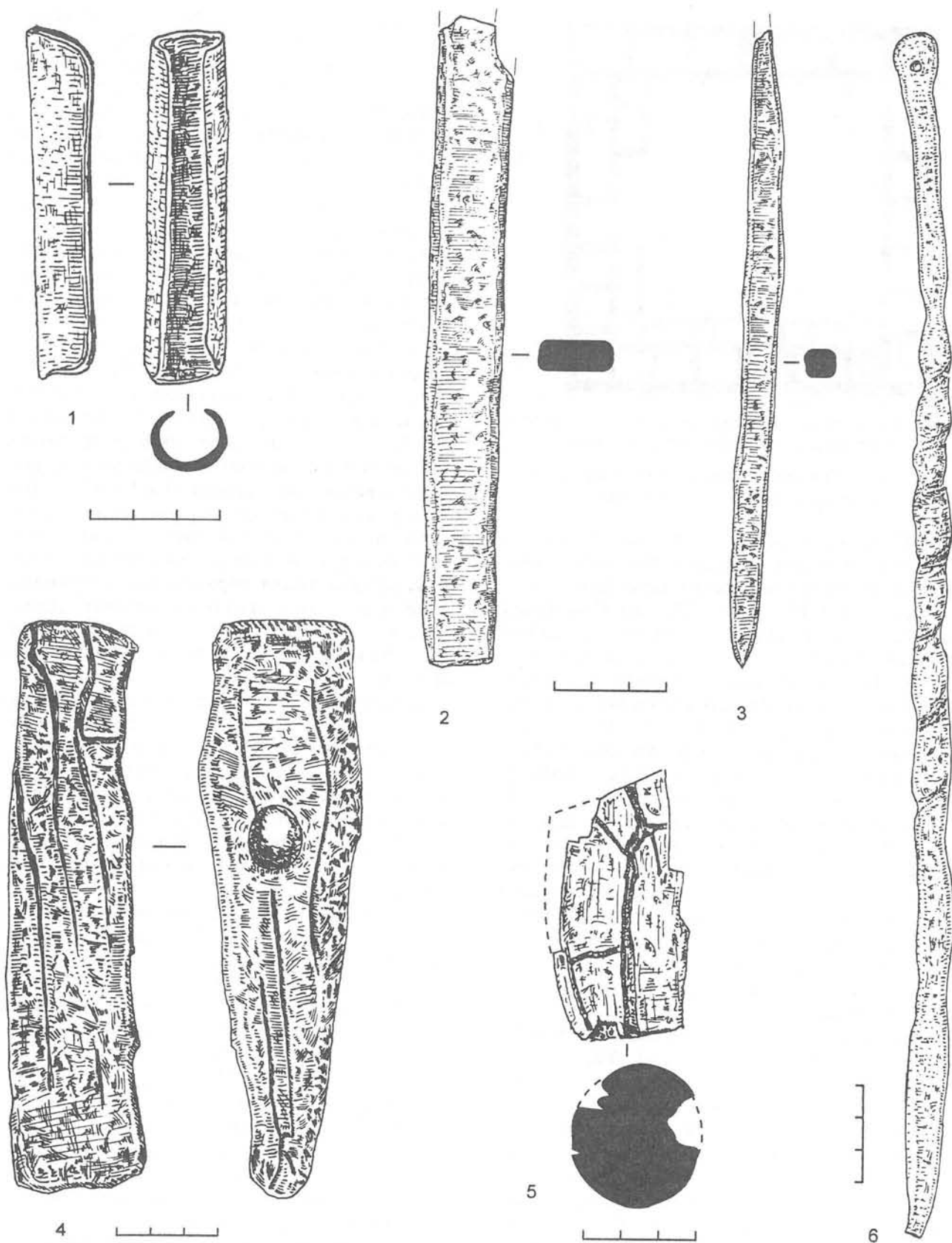

Рис. 2 Инструменты, найденные в здании У6 на поселении Панское I: 1 — стамеска; 2 — широкое долото; 3 — узкое долото; 4 — топор; 5 — обломок обушка топора или молотка; 6 — лучковое сверло.

Fig. 2 Tools found in house U6 at the settlement of Panskoe-1: 1 — iron chisel; 2 — wide chisel; 3 — narrow chisel; 4 — iron axe; 5 — fragment of the head of axe or hammer; 6 — bow-drill.

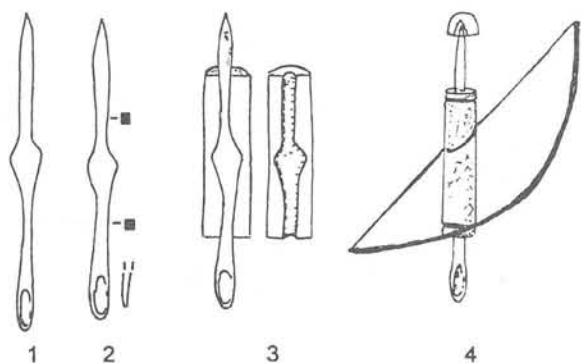

Рис. 3 1-2 — лучковые сверла с ложковидным окончание из Люботинского городища в лесостепной части Скифии; 3-4 — реконструкция лучкового сверла из Люботинского городища.

Fig. 3 1-2 — bow-drills with spoon-like tip from the Lyubotinskoe site in the forest-steppe part of Scythia; 3-4 — reconstruction of a bow-drill from the site of Lyubotinskoe.

нижней части сверла инструмент был пригоден для сверления не только мелких, но и довольно глубоких отверстий (рис. 2: 6).

Процесс сверления реконструируется легко, поскольку на расписных вазах имеются многочисленные изображения работы столяров сверлом (см., например, Cloche 1931). Верхняя часть сверла вставлялась в гнездо рукоятки, где вращалась свободно. Мастер придерживал рукоятку одной рукой, другой — двигал лучок вперед и назад, а тетива при этом вращала сверло.

Вращение инструментов или их рабочих деталей при помощи лучка известно очень давно и широко использовалось. Простейшая форма универсальной лучковой машины использовалась уже в Древнем Египте (Feldhaus 1931: 23). В античном мире все работы не только по обработке дерева, но и в других ремеслах, где было необходимо обтачивать, вырезать, сверлить, шлифовать, полировать объемные изделия, выполнялись при помощи лучковых инструментов. Однако сами инструменты, в частности лучковые сверла, известны нам большей частью по изображениям на вазах, на фресках или по находкам римского времени (Coodman 1964).

Среди многочисленных находок инструментов из Заальбурга присутствуют два типа сверел — ложковые и остроконечные. Последние практически идентичны сверлу из здания У6 на поселении Панское I. Как ложковые, так и остроконечные сверла из Заальбурга снабжены в средней части так называемой «винтовой нарезкой» (schraubornament), они датируются III в. н.э. (Feldhaus 1931: 24). Надо полагать, что прием крепления тетивы лучка на винтовой нарезке продолжал существовать весьма длительное время.

В Северном Причерноморье ложковые сверла на античных памятниках не зафиксированы, между тем несколько экземпляров таких сверел было найдено на лесостепных городищах (Шрамко 1998: 48; Степи 1989: табл. 47: 25). Правда, их конструкция несколько отличается от сверел из Заальбурга. Вместо винтовой нарезки центральная часть инструментов из лесостепной Скифии снабжена парой плоских ушек, что на первый взгляд не позволяет использовать тетиву лучка. Судя по всему, ушки необходимы для закрепления стержня сверла в деревянных обкладках, скрепленных ободками. Только в таком виде было возможно использовать инструмент для сверления (рис. 3: 1-4).

Анализы, проведенные Л. А. Солнцевым и Б. А. Шрамко, показали, что микротвердость металла, использованного для изготовления рабочей режущей части сверла, недостаточна, и такие орудия могли применяться, прежде всего, для сверления отверстий в кости, роге или дереве (Солнцев, Шрамко 1998: 134). Эти сверла изготовлялись из кричной руды непосредственно на поселениях.

Важно, что сверла из Лесостепи имеют своеобразную конструкцию и отличаются от сверел, распространенных в античном мире, выполнены в иных традициях, не связанных с влиянием приемов и навыков греческих ремесленников.

Освоение Херсонесом в последней четверти IV в. до н. э. территории Северо-Западного Крыма, результатом которого стало появление густой цепи прибрежных поселений по всему побережью Тарханкутского полуострова вплоть до Бакальской косы на севере (Щеглов 1978), и кардинальная перестройка Керченитиды, Черноморского городища, Панского I и других требовала не просто больших людских ресурсов, но, прежде всего, большого числа квалифицированных мастеров.

Уже отмечалось, что бригады каменщиков, работавших на возведении зданий на поселениях Северо-Западного Крыма были теми же, что вели строительные работы и в самом Херсонесе (Виноградов, Щеглов 1991). Весьма высока вероятность того, что из Херсонеса на вновь приобретенные земли переселялись ремесленники и иных специальностей.

Разумеется, элементарные навыки обработки дерева были необходимы любому сельскому жителю и обойтись без них в хозяйстве едва ли было возможно. Однако, судя по тому, что в здании У6 был найден набор различных компактно лежащих инструментов, а также учитывая, что в пределах здания функционировало 12-14 отдельных домохозяйств, невольно напрашивается вывод о том, что инструменты принадлежали именно ремесленнику, специализировавшемуся на обработке древесины.

- Виноградов, Ю. Г., А. Н. Щеглов. 1990. Образование территориально-го Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика культура: 291-342. Москва: Наука.
- Корпусова, В. Н. 1983. Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора). Киев: Наукова думка.
- Крапивина, В. В. 1993. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. Киев: Наукова думка.
- Сокольский, Н. И. 1971. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. Москва: Наука.
- Солнцев, Л. А., Б. А. Шрамко. 1998. Металлографическое исследование железных изделий Люботинского городища // Люботинское городище: 132-142. Харьков: «Регион-информ».
- Степи. 1989. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. Москва: Наука.

- Шрамко, Б. А. 1998. Люботинское городище // Люботинское городище: 9-131. Харьков: «Регион-информ».
- Шрамко, Б. А., Л. А. Солнцев. 1963. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии // Советская археология 4: 36-57.
- Щеглов, А. Н. 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Ленинград: Наука.
- Blummer, H. 1879. Technologie und Terminologie der Gewerbe und Kunst bei Griechen und Romern. Bd. II. Leipzig.
- Cloche, P. 1931. Les classes, les metiers, le trafic // La vie publique et privée des anciens grecs. Vol V. Paris.
- Feldhaus, M. 1931. Die Technik der Antike und des Mittelalters. Potsdam.
- Goodman, W. 1964 The History of woodworking Tools. London.

A SET OF JOINER'S AND CARPENTER'S TOOLS FROM HOUSE U6 AT THE SETTLEMENT OF PANSKOE I IN THE NORTHWESTERN CRIMEA

E. Ya. ROGOV

In the course of excavations of house U6 at the settlement of Panskoe I in the *chora* of Chersonesos (northwestern Crimea), a set of joiner's and carpenter's tools was found. All the tools were in the courtyard or in the rooms located in the southwestern part of the building; this fact indicates that the workshop of the joiner-carpenter also had been in that part of the house (fig. 1). The set consists of an iron axe (fig. 2: 4), a fragment of the head of an axe or hammer (fig. 2: 5), two chisels (a narrow

and a wide ones, figs. 2: 3 and 2: 2), chisels (fig. 2: 1), and a bow-drill (fig. 2: 6). Finds of such tools are extremely rare at Classic Period sites both in the northern Black Sea region and elsewhere. Our ideas on the tools of carpenters and joiners of the Classic Period are mostly based on finds of tools dating to the Roman times and on representations on vases. For the early Hellenistic period discovery of a complete set of tools within a single house is unique.

РАННЯЯ КИЗИЛ-КОБИНСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК В ХЕРСОНЕСЕ

С. Н. СЕНАТОВ¹

Лепная орнаментированная посуда кизил-кобинской (КК) культуры является исключительно интересной частью всего керамического комплекса, найденного при раскопках античного Херсонеса.

По своей орнаментации эта посуда относится к четырем периодам данной культуры. Для первого периода характерна керамика с валиковым и простым типом резного орнамента XII–IX до н.э. (далее все даты до н.э.). Второй период отличается посудой, украшенной сложным типом резного орнамента VIII – первой половины VI вв. Третий период представлен сосудами с ранним типом гребенчатого орнамента второй половины VI – первой половины IV вв. Посуда с таким орнаментом была открыта М. И. Золотаревым² в 1984 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса в остатках культурного слоя конца VI – первой половины V вв. (Золотарев 1984: 10). Наконец, четвертый период представлен керамикой с поздним типом гребенчатого орнамента второй половины IV – первой трети III вв. до н.э.

Наиболее полные данные имеются о керамике последнего периода (Савеля 1970: 48–50, там же указана основная литература), в то время как информация о КК посуде двух первых периодов пока полностью не опубликована (Сенаторов 1987: 7–8; 1988: 100).

В настоящей работе предлагается краткое описание орнаментированной посуды, вероятно, принадлежавшей КК поселению, существовавшего на месте Херсонеса до появления здесь в последней четверти VI в. греческого архаического поселения (Золотарев 1993: 14; 1995: 100; Виноградов, Золотарев 1998: 40–41).

Отдельные обломки ранней КК керамики, найденные на Херсонесском городище, были известны Л. Н. Соловьеву (Савеля 1996: 16. Памятник № 9/70) и Г. Д. Белову еще в середине 1920-х – 1930-х гг. Характер орнаментации этих

обломков позволил Г. Д. Белову и С. Ф. Стржелецкому датировать их первой половиной I тысячелетия и рассматривать как один из весомых аргументов в пользу предположения о существовании на месте Херсонеса догреческого КК поселения (Белов 1938: 195, 314; Стржелецкий 1951: 143).

К сожалению, исследователями Херсонеса ранняя КК керамика не рассматривалась. Ими были опубликованы лишь обломки керамики с гребенчатым орнаментом (в основном, позднего типа), которые совершенно справедливо связывались с КК культурой и таврским этносом. Однако предложенная для этой посуды датировка – VII–V вв. и, следовательно, отнесение ее к таврскому догреческому поселению (Белов, Стржелецкий 1953: 72; Белов, Стржелецкий, Якобсон 1953: 163) не нашли подтверждения.

Последнее обстоятельство стало очевидным после открытия греческих поселений в Северо-Западном Крыму, в которых аналогичная КК керамика с поздним типом гребенчатого орнамента была надежно датирована IV – первой третью III вв. (Щеглов 1978: 82). Отсюда следовало, что опубликованная лепная посуда из Херсонеса не может свидетельствовать о существовании здесь раннего варварского поселения (Дашевская 1963: 209; Савеля 1970: 50), поскольку относится к четвертому периоду КК культуры.

Таким образом, гипотеза о существовании на месте Херсонеса КК поселения не подкреплена ранним керамическим материалом.

Вместе с тем в ходе раскопок различных районов Херсонеса (1935–1987 гг.) была собрана небольшая по численности, но достаточно выразительная по своей орнаментации коллекция³ лепной керамики, аналогичная посуде КК поселений Горного и Предгорного Крыма эпохи поздней бронзы – раннего железа.

В данную коллекцию входит 14 фрагментов различных сосудов, которые представлены

¹Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.

²Искренне благодарю М. И. Золотарева за археологическую практику, ценные советы и возможность обработать материалы из раскопок в Северо-Восточном районе Херсонеса.

³Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность коллективу специалистов, с разрешения и с помощью которых автор обработал данные материалы: И. А. Антоновой, Л. И. Головченко, Т. В. Дебела, О. И. Домбровскому, Г. И. Жестковой, А. А. Зедгенидзе, М. И. Золотареву, В. И. Кадееву, Ю. П. Калашнику, Л. Г. Колесниковой, Т. И. Костромичевой, Е. М. Кочетковой, Н. В. Красовской, Г. М. Николаенко, С. Г. Рыжову, О. Я. Савеле, С. Н. Сухининой, А. В. Шевченко, А. Н. Щеглову.

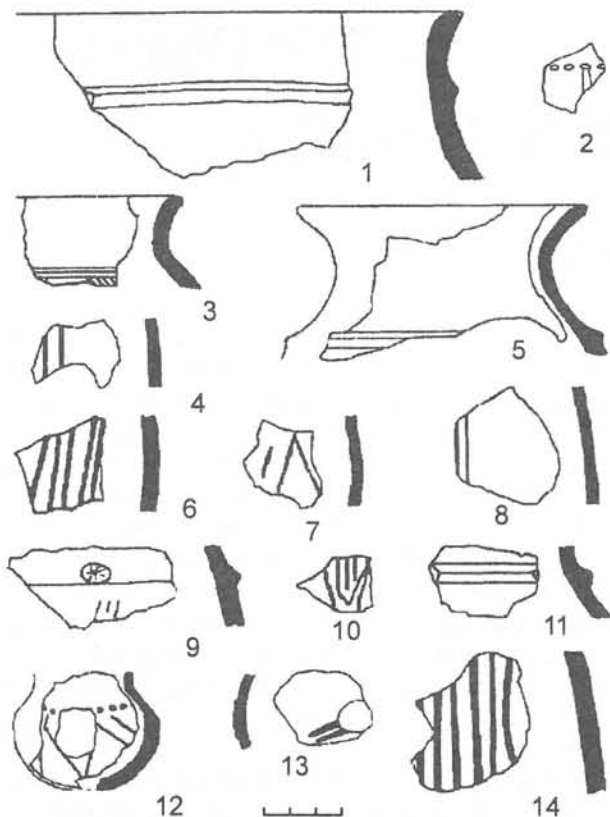

Рис. 1 Кизил-кобинская керамика догреческого времени из раскопок в Херсонесе

Fig. 1 Kizil-Koba pottery of the pre-Greek period from Chersonesos

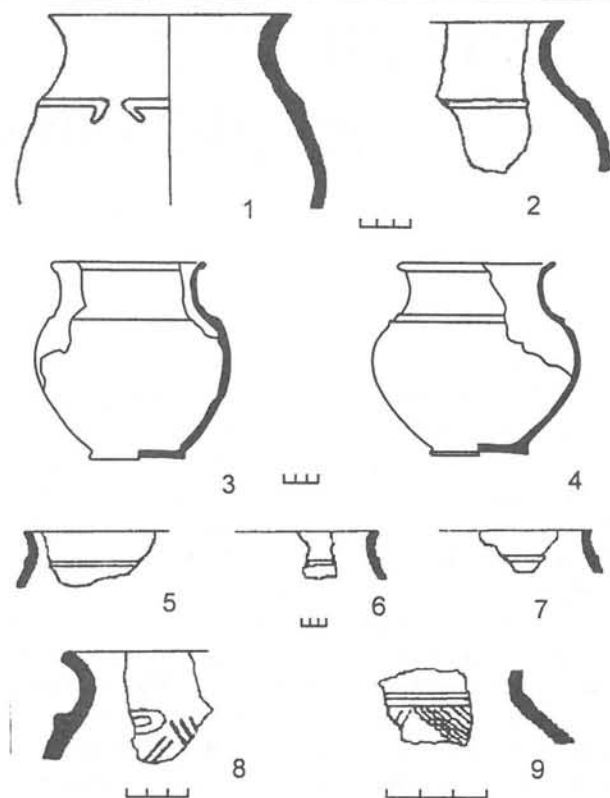

Рис. 2 Места находки кизил-кобинской керамики из раскопок в Херсонесе: 1, 8 – Уч-Баш; 2, 3 – Кизил-Коба; 4 – Холодная балка; 5 – Симферопольское; 6 – Нейзац; 7 – Чардаклав-1; 9 – Штурмовое

Fig. 2 Kizil-Koba pottery from Chersonesos: 1, 8 – Uch-Bash; 2, 3 – Kizil-Koba; 4 – Kholodnaya Balka; 5 – Simferopol; 6 – Neizatz; 7 – Chardaclav-1; 9 – Shturmovoe

Таблица 1: Основные характеристики ранней кизил-кобинской керамики из раскопок в Херсонесе
Table 1: Kizil-Koba pottery of the pre-Greek period from Chersonesos

№	№ рисунка	Категория	Внешняя поверхность		Внутренняя поверхность		Орнамент	Дата слоя до н.э.
			Обработка	Цвет	Обработка	Цвет		
1	1,1	«Пифос»	Грубая	ЧБ	Лощеная	Черный	Валик	IV – 2 четв. III в.
2	1,5	Кувшин	Лощеная	Черный	Лощеная	Серый	Валик	IV – 1 пол. II в.
3	1,11	Горшок	Заглаженная	Бурый	Заглаженная	Серый	Валик	Сер. IV – Рим. время
4	1,9	Горшок	Грубая	Серый	Заглаженная	Черный	Н+Рез	Сер. IV – Рим. время
5	1,13	Горшок	Заглаженная	Бурый	Заглаженная	Бурый	Н+Рез	IV – III в.
6	1,3	Горшок	Лощеная	Черный	Лощеная	Черный	Резной	1 пол. V в.
7	1,10	Горшок	Лощеная	Черный	-	-	Резной	Эллин. – Рим. время
8	1,6	Горшок	Грубая	Серый	Грубая	Серый	Резной	1 пол. IV в.
9	1,8	Горшок	Заглаженная	Серый	Заглаженная	Бурый	Резной	Кон. IV – нач. III в.
10	1,4	Горшок	Заглаженная	Бурый	Заглаженная	Серый	Резной	1 пол. IV в.
11	1,7	Горшок	Грубая	Серый	Грубая	Серый	Резной	1 пол. IV в.
12	1,14	Корчага	Лощеная	Серый	Заглаженная	Серый	Резной	Сер. IV – Рим. время
13	1,2	Горшок	-	-	-	-	Резной	IV – II в.
14	1,12	Кубок	Лощеная	Серый	Заглаженная	СБ	Резной	Кон. V – нач. III в.

Условные обозначения: СБ – серо-бурый, ЧБ – черно-бурый, Н+Рез – наклепной и резной орнаменты

Таблица 2: Место находки и хранения ранней КК керамики из раскопок в Херсонесе
Table 2: Find places of early Kizil-Koba pottery from Chersonessos

№№	Год и место находки	Место хранения	Архивные материалы
1	1935 г., Север. р-н, наскальный слой к северу от базилики	ГЭ, отдел Античного Мира	Белов 1935: № 1639
2	1975 г., С-В р-н, кв. III, пом. 9, сл. 3	НЗХТ, № 36910/166	Золотарев 1975: 52
3	1975 г., Ант. театр, раск. I, шт. 6	НЗХТ, № 36897/76	Домбровский 1975: 13
4	Там же	НЗХТ, № 36897/77	Домбровский 1975: 13
5	1937 г., Север. р-н	НЗХТ, № 1174/21-37	-
6	1987 г., С-В р-н, кв. III, наскальный слой у С-В стены пом. 44	НЗХТ, фонды	Золотарев 1987: 17
7	1983 г., С-В р-н, засыпь пом. «Т»	НЗХТ, фонды	Золотарев 1987: 7
8	1945 г., Север. р-н, слой некрополя	НЗХТ, № 36234/15	Стржелецкий 1945: 33
9	1937 г., Север. р-н, слой над некрополем	НЗХТ, № 35901/37	Белов 1937: 11-12
10	1945 г., Север. р-н, слой некрополя	НЗХТ, № 36234/15	Стржелецкий 1945: 33
11	Там же	НЗХТ, № 36234/15	Стржелецкий 1945: 33
12	1975 г., Ант. театр, раск. I, шт. 5	НЗХТ, № 36897/63	Домбровский 1975: 13
13	1977 г., С-В р-н, наскальный слой в С-3 углу атриума «Уваровской базилики»	НЗХТ, № 36979/8	Домбровский 1977: 118
14	1972 г., Ант. театр, раск. I, наскальный слой под стеной римского времени	НЗХТ, № 36882/27	Золотарев 1972: 8-20

почти всеми основными категориями посуды, характерных для КК поселений: «пифосом», горшками, кувшином, корчагой, кубком (табл. 1). Тесто данных фрагментов, судя по визуальным наблюдениям, достаточно однородно и, за редким исключением, включает в себя примеси мелких частиц известняка, песка и раковин.

По видам орнамента все сосуды можно разделить на три группы.

К первой группе (табл. 1: 1-3) были отнесены обломки «пифоса», кувшина и горшка, украшенные рельефным орнаментом в виде гладкого горизонтального валика. Фрагмент «пифоса» № 1 (рис. 1: 1) аналогичен по форме и орнаменту сосудам (рис. 2: 5-7) поселений первого этапа (Колотухин 1996: 52-56) КК культуры: Симферопольское¹, Нейзац², Чардаклав³. Сосуды сходные с обломком кувшина № 2 (рис. 1: 5) были найдены на поселениях первого этапа КК культуры (рис. 2: 1-4): Уч-Баш⁴, Кизил-Коба⁵ (Колотухин 1990: 75, рис. 7: 5) и ранних (доскифского времени) комплексах поселения Холодная балка (Колотухин 1990: 57, 75, рис. 7: 9). Валиковая орнаментация обломка горшка № 3 (рис. 1: 11)

находит самые широкие аналогии в керамических комплексах поселений первого этапа КК культуры (Колотухин 1996: 39)⁶.

Вторая группа сосудов (табл. 1: 4-5, рис. 1: 9, 13) украшена простым резным орнаментом, состоящим из двух или трех наклонных параллельных линий в сочетании с сосцевидным налепом. Посуда с аналогичным орнаментом известна в закрытых керамических комплексах поселений первого этапа КК культуры: Уч-Баш (рис. 2: 8)⁷, Нейзац⁸, Кошка⁹, где она найдена вместе с сосудами, имеющими валиковую орнаментацию.

С нашей точки зрения, керамика обеих выделенных групп относится к первому этапу КК культуры XII-IX вв. (Сенаторов 1999: 64), что в целом соответствует белозерскому (Березанская 1986: 148-150) и первому этапу КК культуры по относительной хронологии В. А. Колотухина (Колотухин 1996: 54-57).

Наконец, третья группа сосудов (табл. 1: 6-14) украшена сложным резным орнаментом, состоящим из заштрихованных геометрических фигур или треугольников, над которыми располагался горизонтальный ряд округлых углублений или

¹Раскопки О. Д. Дашевской 1949 г. Фонды Симферопольского краеведческого музея, кол. № А 18207/136.

²Раскопки И. В. Яценко 1971 г. Фонды Евпаторийского краеведческого музея.

³Сборы Г. Ф. Гелаха 1924 г. Фонды Музея антропологии и этнографии, кол. № 4037/216.

⁴Раскопки С. Ф. Стржелецкого 1952 г. Яма № 22. Фонды Национального заповедника «Херсонес Таврический», кол. № 35992/3.

⁵Раскопки Г. А. Бонч-Осмоловского 1926 г. Яма № 6. Фонды Государственного Эрмитажа, кол. № 4249/46.

⁶Имеется краткая информация еще, как минимум, о двух обломках с рельефным орнаментом в виде горизонтального валика. Первый обломок – «плечо с валиком» из сборов Л. Н. Соловьева на Херсонесском городище отмечает в рукописи своей диссертации С. Ф. Стржелецкий (Стржелецкий 1951: 137). Второй обломок был найден Г. Д. Беловым в 1936 г. при раскопках четвертого слоя помещения «Г» вместе с материалами эллинистического времени. Известен лишь схематичный рисунок орнамента этого обломка в виде горизонтального валика, под которым расположен «Л-образный» налеп со свисающими концами (Белов 1936: № 1275).

⁷Раскопки С. Ф. Стржелецкого 1952 г. Жилище № 1. Фонды Национального заповедника «Херсонес Таврический», кол. № 35998/10.

⁸Раскопки Г. А. Бонч-Осмоловского 1924 г. Яма № 3. Фонды Государственного Эрмитажа, кол. № 4248/48.

⁹Раскопки П. Н. Шульца 1950 г. Раскоп «Б». Фонды Бахчисарайского историко-археологического музея, п/о 461.

параллельных линий (рис. 1: 2-4, 6-8, 10, 12, 14). Например, для фрагмента № 6 (рис. 1: 3) близким по форме и орнаменту является обломок чернолощеного горшка (рис. 2: 9) из слоя поселения у с. Штурмовое, в котором последний был найден вместе с керамикой, украшенной заштрихованными треугольниками¹.

Такой вид сложного резного орнамента характерен для керамики второго этапа КК культуры, который датируется В. А. Колотухиным второй половиной VII — концом V вв. (Колотухин 1996: 57, 59). Однако, по нашему мнению, в связи с общим удревнением раннескифских памятников (Полин 1998: 56), нижняя хронологическая граница этого этапа может быть отнесена к VIII в. Верхняя хронологическая граница второго и, соответственно, начало третьего этапа КК культуры определяется распространением лепной керамики, украшенной ранним типом гребенчатого орнамента. Этот тип впервые был выделен О. Д. Дашевской, которая назвала его «переходным» между резным и собственно гребенчатым (с насечками) орнаментом (Дашевская 1963: 205). Отличительной чертой этого типа гребенчатого орнамента является новая техника его нанесения, при которой традиционные для предыдущего этапа заштрихованные треугольники наносятся двух — четырехзубым орнаментиром.

В Западном и Юго-Западном Крыму посуда с ранним типом гребенчатого орнамента появляется в закрытых археологических комплексах начиная со второй половины — конца VI в. К таким комплексам можно отнести погребение 5 кургана 5 у с. Колоски (Ольховский 1982: 63, рис. 2: 6)², хозяйственную яму № 2 поселения на «5 км Балаклавского шоссе» и хозяйственную яму № 1 поселения в Камышовой бухте (Савеля 1997: 88-89)³. Керамика с гребенчатым орнаментом преобладает также и в ранних слоях Керкинитиды (Кутайсов 1987: 32, рис. 4, период «D») и Херсонеса (Сенаторов 1988: 100).

В других регионах Северного Причерноморья, например в Пантикапее и Ольвии, КК керамика с гребенчатым орнаментом раннего типа встречается в закрытых комплексах середины — третьей четверти VI в. (Толстикова 1992: 60, рис. 8: 10; Капошина 1956: 159, рис. 5: 1-2). В закрытых комплексах Березанского поселения КК посуда с резным орнаментом не встречается позднее середины — третьей четверти VI в. (Соловьев 1995: 33-36, рис. 1: 3, 6; рис. 2: 10, 14, 19-20)⁴.

Данные наблюдения позволяют датировать резной орнамент в виде заштрихованных треугольников, а, следовательно, и второй этап КК культуры, VIII — первой половиной VI в.

Возвращаясь к лепной керамике из Херсонеса, важно подчеркнуть, что большинство перечисленных фрагментов открыты в слоях IV, IV — III-II вв. или эллинистическо-римского времени (табл. 2). Лишь один фрагмент лепного горшка с резным орнаментом (№ 6) был найден в архаическом слое вместе с обломками хийских пухлогорлых амфор первой — второй четверти V в. и чернолаковых сосудов очень высокого качества (Золотарев 1987: 17; 1993: 15). Однако по своей орнаментации данный фрагмент горшка, а также все остальные перечисленные обломки лепной посуды не могут быть синхронны слоям, в которых они найдены, поскольку характерны лишь для керамики варварских поселений первого и второго этапов КК культуры⁵.

Отсюда следует, что все три рассматриваемые группы лепной посуды из Херсонеса, судя по их орнаменту и формам, могли принадлежать КК поселению XII — второй-третьей четверти VI в., существовавшему на месте Херсонеса до прихода сюда греческих колонистов. К сожалению, какие-либо следы культурного слоя древнего КК поселения в Херсонесе пока не найдены (Савеля 1996: 16), а все указанные обломки лепной керамики, вероятно, лишь случайно сохранились в более поздних слоях греческого Херсонеса.

Белов, Г. Д. 1938. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-36 гг. Симферополь: Крымиздат.

Белов, Г. Д., С. Ф. Стржелецкий. 1953. Кварталы XV и XVI: (Раскопки 1937 г.) // Материалы исследования по археологии СССР 34: 32-108.

Белов, Г. Д., С. Ф. Стржелецкий, А. Л. Якобсон. 1953. Квартал XVIII: (Раскопки 1941, 1947, 1948 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР 34: 109-159.

Березанская, С. С. и др. 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка.

Власов, В. П. 1997. О хронологических рамках кизил-кобинской (тавроской) культуры // Древности 1996: 15-22. Харьков.

Виноградов, Ю. Г., М. И. Золотарев. 1998. Год рождения Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник IX: 36-46. Севастополь: Ахтиар.

¹Раскопки О. Я. Савели 1981 г. Кв. I. Фонды Национального заповедника «Херсонес Таврический», п/о 138. Выражаю искреннюю благодарность О. Я. Савеле за возможность использовать неопубликованные материалы из его раскопок.

²По определению А. Н. Щеглова и А. П. Абрамова обломки клазоменской амфоры из этого погребения относятся к концу VI — началу V в.

³Обломки ионийских сосудов из хозяйственной ямы № 2 поселения на «5 км Балаклавского шоссе» (Савеля 1997: 94, рис. 2: 8-9) по определению А. Н. Щеглова могут относиться к концу VI в.

⁴Выражаю искреннюю благодарность С. Л. Соловьеву за ценные консультации и возможность ознакомиться с материалами Березанского поселения.

⁵Необходимо отметить, что И. Н. Храпунов и В. П. Власов, опираясь на материалы КК поселения Шпиль, не исключают возможность длительного существования валякового и резного орнамента на КК посуде вплоть до IV в. (Храпунов, Власов 1994: 192; 1995: 14, 28; Власов 1997: 19). Однако, такое предположение нуждается в более тщательной аргументации, так как оно противоречит материалам других памятников.

- Дашевская, О. Д. 1963. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом // Советская археология 4: 205-210.
- Золотарев, М. И. 1993. Херсонесская архаика. Севастополь: «Астрей».
1995. К хронологии древнейшего Херсонеса // Античные полисы и местное население Причерноморья: 100-106. Севастополь.
- Капошина, С. И. 1956. О скифских элементах в культуре Ольвии // Материалы и исследования по археологии СССР 50: 154-189. Москва: Наука.
- Колотухин, В. А. 1990. Кизил-кобинский посуд VIII – первой половины V ст. до н.э. // Археология 2: 68-85.
1996. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века: Этнокульт. процессы. Киев: «Южногородские ведомости».
- Кутайсов, В. А. 1987. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкивятиды // Материалы к этнической истории Крыма: 27-40. Киев: Наукова думка.
- Ольховский, В. С. 1982. О населении Крыма в скифское время // Советская археология 4: 61-81.
- Полин, С. В. 1998. О хронологии раннескифской культуры (по И. Н. Медведской) // Российская археология 4: 50-63.
- Савеля, О. Я. 1970. О керамике с врезным орнаментом из Херсонеса // Краткие сообщения Института археологии 124: 48-50.
1996. Археологические материалы к истории Гераклейского полуострова доколониального периода // Херсонесский сборник VII: 13-17. Севастополь: Ахтиар.
1997. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990-1995 гг. // Херсонесский сборник VIII: 88-95. Севастополь: Ахтиар.
- Сенаторов, С. Н. 1987. О кизил-кобинской керамике из Херсонеса // История и культура Херсонеса и Западного Крыма в античную и средневековую эпохи. Тезисы докладов: 7-8. Севастополь.
1988. О керамике с гребенчатым орнаментом из Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Тезисы докладов: 99-100. Севастополь.
1999. О лепной керамике варварского поселения на месте Нимфея // Боспорский город Нимфей. Тезисы докладов: 60-66. Санкт-Петербург.
- Соловьев, С. Л. 1995. Лепная керамика с резным геометрическим орнаментом Березанского поселения // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 32: 31-39.
- Толстиков, В. П. 1992. Пантикапей столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора: 45-99. Москва: Наука.
- Храпунов, И. Н., В. П. Власов. 1994. Новое кизил-кобинское поселение в Горном Крыму // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э.: 191-192. Тирасполь.
1995. Кизил-кобинское поселение Шпиль // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма: 3-31. Симферополь.
- Щеглов, А. Н. 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Ленинград: Наука.
- Архивные материалы:**
- Белов, Г. Д. 1935. Полевая опись находок из раскопок 1935 года // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 332. Тетрадь 2 № 1639. (21. IX-35 г.). Севастополь.
1936. Опись находок из раскопок Херсонеса в 1936 году // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 335. Севастополь.
1937. Отчет о раскопках Херсонеса в 1937 году // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 347. Севастополь.
- Домбровский, О. И. 1975. Отчет о работе Херсонесского отряда Крымской комплексной экспедиции в 1975 году // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 1886. Севастополь.
1977. Полевые описи раскопок базилики «Уварова» в 1977 г. // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 1981. Севастополь.
- Золотарев, М. И. 1972. Раскопки у оборонительной стены в южном секторе «театрального» участка // Домбровский О. И. Отчет о раскопках на участке античного театра в 1972-73 гг. Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 1647. Севастополь.
1975. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1975 году // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 1763. Севастополь.
1983. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1983 году // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 2393/1. Севастополь.
1984. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1984 году // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 2480/1. Севастополь.
1987. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1987 году // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 2761. Севастополь. Стржелецкий, С. Ф.
1945. Дневник раскопок таврского некрополя на северном берегу Херсонеса у бывшей монастырской купальни на раскопе Косцошко-Волжожинича 1889 г. Октябрь 1945 г. // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 604. Севастополь.
1951. Очерки истории Гераклейского полуострова и его округи в эпоху бронзы и раннего железа: (Середина II тысячелетия – V в. до н.э.) // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. 633. (Рукопись диссертации). Севастополь.

EARLY KIZIL-KOBA POTTERY FROM EXCAVATIONS AT CHERSONESSOS

S. N. SENATOROV

This article presents a brief analysis of the hand-made pottery of the Kizil-Koba culture. It was found during excavations at Chersonessos from 1935 to 1987.

There are 14 fragments of different vessels which could be divided into three groups. The first group is decorated with a plain horizontal border (table 1: 1-3; fig. 1: 1, 5, 11). The second group of the vessels has a simple engraved ornament with a rounded lag (table 1: 4-5; fig. 1: 9, 13).

These two groups are typical for the Kizil-Koba culture of the Late Bronze – Early Iron epoch (12th – 9th centuries B.C.).

The third group is decorated with a raised ornament of the shaded triangles (table 1: 6-14; fig. 1: 2-4, 6-8, 10, 12, 14). Such pottery is connected with the second stage of the Kizil-Koba culture of the 8th – first half of the 6th century B.C.

All three groups of the Chersonessos pottery were found in the late archaic – Rome layers (table 2). But this pottery with such decorations probably could be connected with the Kizil-Koba settlement of the 12th – first half of the 6th century B.C. which had existed here before the first Greek colonists who founded Chersonessos came.

НОВО-ДЖЕРЕЛИЕВСКОЕ IV ГОРОДИЩЕ

И. С. КАМЕНЕЦКИЙ¹

Как я полагаю, городище было известно уже Н. И. Веселовскому и являлось одним из четырех упомянутых им «редантов», которые он считал курганами. Правда, Ново-Джерелиевское IV городище мало похоже на курган, но Н. И. Веселовский, скорее всего, и не был на нем, а опирался на сообщение местных жителей (Бобринский 1914: 44). Под № 58 городище показано на карте Покровского-Анфимова. Из описания можно узнать совсем немного: «Городище... небольших размеров, находится на правом берегу р. Кирпили, вниз по течению, на западной окраине станицы» (Покровский, Анфимов 1937). Сведений о времени посещения городища М. И. Покровским у меня нет, но, по-видимому, это разведки 1928-29 гг., хотя в отчетах за эти годы Ново-Джерелиевское IV городище не упоминается. Наша разведка посетила городище в 1970 г., о результатах этого посещения и пойдет речь ниже. Должен сказать, что в полевой документации оно проходит у нас как Ново-Джерелиевское V городище. Такое городище под № 59 указано в карте Покровского-Анфимова. Выйдя на последнее городище перед хорошо распознаваемым Степным II, мы и решили, что находимся на Ново-Джерелиевском V. Впоследствии выяснилось, что так именовалось у М. В. Покровского и Н. В. Анфимова городище Степное II.

Городище расположено в 5,5 км к западу от околицы ст. Ново-Джерелиевской и в 7 км от Ново-Джерелиевского III городища (рис. 1), на западной стороне мыса, от которого отходит очередная плотина («гребля»), перегораживающая Кирпили. Западнее находились постройки полевого стана овощной бригады совхоза «Приазовский» (рис. 2). Как известно, городища одной группы располагаются обычно на расстоянии зрительной связи друг от друга. Не очень ясно, существовала ли такая связь между III и IV Ново-Джерелиевскими городищами — 7 км значительное расстояние даже для степи. Ближе другие городища: до Степного II — 4 км, до находящихся на противоположном берегу Роговского III и Большого Реданта — соответственно 3,5 и 4,7 км. Между этими тремя городищами и описываемым находится долина Кирпелей (сейчас затопленная), на коренных берегах которой они и располагаются. Поэтому можно

предполагать, что зрительная связь между ними была возможна, даже если долина была занята лесом, чего исключать нельзя.

Центральная часть — овальная площадка, вытянутая вдоль берега по линии северо-запад — юго-восток. Она не возвышается над окружающей местностью, от которой отделена глубоким и четким рвом. В средней ее части, ближе к берегу, имеется курганообразное возвышение со следами раскопки с северной стороны. Поверхность центральной части и ров в 1970 г. были задернованы. Склоны рва пологие и первоначально он, вероятно, был значительно глубже.

На карте М 1: 10000 съемки 1969 г. (издание 1971 г.) к востоку от центральной части обозначено обширное возвышение, занимающее значительную часть мыса. Во время осмотра эта часть распаивалась. Подъемный материал прослеживался до лесополосы, встречается он и на острие мыса. Распространение находок примерно совпадает с указанной на карте возвышенностью, из чего можно заключить, что она образовалась в результате нарастания культурного слоя. Ближе к вершине мыса, у окончания лесополосы, расположен курган. В 50-х годах на мысу находился кирпичный завод, поэтому вся вершина мыса изрыта скреперными траншеями. В обресе одной из траншей я нашел полный профиль (в трех кусках) сероошечной миски. Допускаю, что здесь был могильник. Могильник располагался и к северо-западу от городища. Часть его уничтожена скреперными траншеями, из которых брали грунт на дамбу оросительного канала. Известно, что здесь строителями было разрушено два погребения.

Нами были произведены сборы, материал которых разделен на две группы: первая относится к центральной части и прилегающей к ней территории, до лесополосы, вторая собрана на вершине мыса. Кроме того, на центральной части было заложено два шурфа. В этой последовательности и дается описание материала.

Сборы. Первая группа. Начнем с датирующего материала. Это два фрагмента венчиков мегарских чаш с черным тусклым покрытием (рис. 3, 829, 830²). На одной ниже перегиба идет поясик из ов.

¹Россия. 117036. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН. Отдел теории и методики.

²Номера рисунков соответствуют номерам описи.

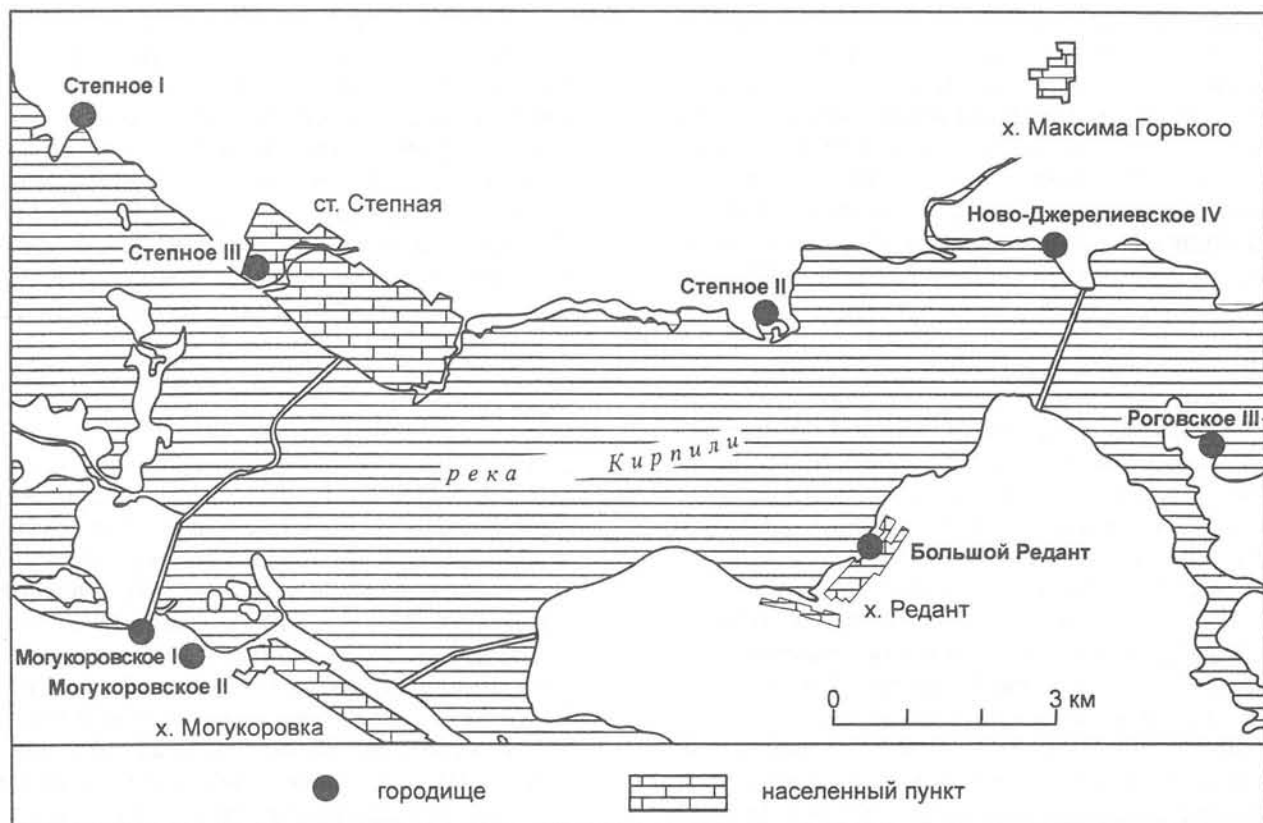

Рис. 1 Местоположение Ново-Джерелиевского IV городища

Fig. 1 Location of the settlement of Novo-Jerelievskoe IV.

Оба фрагмента относятся ко II в. до н.э. Одна ручка (рис. 3, 831) и две стенки краснолаковых кувшинов имеют буроватый лак, который вполне может относиться к I в. до н.э. Несомненно, к буролаковым сосудам относится венчик глубокой миски (чаши?) с треугольным выступом венчика (рис. 3, 844). Он имеет глину средней плотности, с примесью мелкого песка, довольно грубую, красноватую у поверхностей. Лак коричневатый, ровный по цвету, среднего блеска и плотности, наложен на очень хорошо сглаженную поверхность. Полагаю, что это боспорское производство, поскольку ни малоазиатские, ни островные центры не производили лаковой керамики, имевшей такую грубую глину. На Нижне-Гниловском городище чашки этого типа (тип XV) представлены двумя размерными вариантами. Наш экземпляр имеет $Da=29$ см (15°) и, следовательно, относится к более крупному варианту. На Нижне-Гниловском городище фрагмент такой чашки найден в слое середины I в. н.э. (Каменецкий 1993: 106). Конечно, один экземпляр не может датировать тип. По качеству лака наш экземпляр можно уверенно отнести к I в. до н.э. или даже концу II в. до н.э., но надо оговориться, что местное (боспорское) производство лаковых изделий исследовано крайне слабо.

Амфоры представлены венчиком синопской, с заостренным краем, нависающим плоским валиком и припухлым горлом (рис. 3, 834). По этим признакам они подходят под описание позднего типа 31 у И. Б. Зеест, датирующегося I в. до н.э. – I в. н.э. (Зеест 1960: 91, табл. XIV, 31). У С. Ю. Монахова наиболее близким нашему оказывается венчик варианта ПС (Монахов 1992: табл. 8, 50) и особенно варианта ППД (Монахов 1992: табл. 11, 71). Близок и венчик амфоры «изолированной формы», изображенный на табл. 12, 75. Вариант ПС С. Ю. Монахов датирует концом IV – третьей четвертью III в. до н.э.; вариант ППД – концом первой и второй четвертью II в. до н.э. (может быть 3 четвертью II в.); «изолированную форму» – второй половиной III в. до н.э. (Монахов 1992: 173 сл., 179, 180). Можно вспомнить венчик клейменной амфоры из 8 комплекса Патрея, который авторы по родосским клеймам датируют второй половиной III в. до н.э. (Абрамов, Сазонов 1992: 156, табл. X, 2). По А. П. Абрамову, наш венчик относится к типу ПС, который он датирует 220–175 гг. до н.э. (Абрамов 1993: 15, табл. 42). Таким образом, венчик с Ново-Джерелиевского IV городища следует датировать второй половиной III – первой половиной II вв. до н.э. Мне кажется, что более вероятно первая половина II в. до н.э.

Один венчик и три фрагмента ручек относятся, по-видимому, к «красноглиняным двустольным», тип 62 по И. Б. Зеест (Зеест 1960: 109, табл. XXVI). Эти амфоры имеют довольно широкий выпуклый валик и двустольные ручки (рис. 3, 835). Глина у них тонкая, плотная, изломы приближаются к раковистым, красная, без видимых примесей, если не считать мельчайших блесков на поверхности и в продольных сколах. И. Б. Зеест датирует их I в. до н.э. — I в. н.э.

Еще один фрагмент двустольной ручки имеет глину розовую с мелкими слюдяными (?) блестками, мелкими частицами извести и белесый ангоб. Полной уверенности нет, но, вероятно, это Кос и, следовательно, датировать его надо III в. до н.э. — I в. н.э. (Зеест 1960: 105) или 250–1 гг. до н.э. (Абрамов 1993: 16).

Три фрагмента двустольных ручек относятся к хорошо известному типу светлоглиняных амфор с двустольными ручками, которые большинство исследователей датирует I в. до н.э. — I в. н.э., а я отношу к I в. до н.э.

Последний фрагмент — прилеп овално-линзовидной ручки, принадлежащий широкогорлой амфоре. Глина красная с мелкими белыми частицами, ангоб розовый. По-видимому, это уже средневековое.

Таким образом, на основании описанных материалов, городище следует датировать II–I вв. до н.э. Возможен заход как в III в. до н.э., так и в I в. н.э. Но пока следует ограничиться узкой датой.

В наших сборах присутствует, кроме описанных, кружальная, серолощенная и лепная керамика. Кружальная керамика представлена 16 экземплярами. В большинстве случаев это, вероятно, импортные изделия, но нельзя исключить и возможность присутствия продукции местного производства. Глина кружальной керамики весьма разнообразна, что подтверждает ее импортное происхождение. Выделяется 8 групп:

- I. Густо-оранжевого цвета, плотная, с раковистыми изломами, мельчайшие серебристые блестки, вероятно естественного происхождения — 7 экз. Это — единственная четко выделяемая группа. Остальные могут быть более или менее случайными.
- II. Серая внутри (толщина слоя колеблется в значительных пределах), буроватая к краям, средней плотности, с обозначившейся слоистостью; кроме мельчайших серебристых блесков естественного (?) происхождения, редкие белые частицы извести (?) — 2 экз.
- III. Красная, рыхлая, крупноструктурная, с мелкими белыми частицами извести (?) — 1 экз. Несомненно, боспорская.
- IV. Красная, средней плотности и структуры, редкие мелкие блестки кварца и редкие черные матовые частицы (железистые) — 1 экз. По-видимому, тоже боспорская.

- V. Красная, плотная, с раковистыми изломами, мелкие горизонтально ориентированные белые частицы извести — 1 экз.
- VI. Светлая, зеленоватого оттенка, рыхлая, крупноструктурная, с намеченной слоистостью, редкий кварцевый песок — 1 экз. Фрагмент, возможно, принадлежал амфоре (рис. 3, 852).
- VII. Темно-коричневая, средней плотности, многочисленные белые частицы извести — 1 экз. Древность этого фрагмента вызывает некоторые сомнения (рис. 3, 853).
- VIII. Бурая, рыхлая, крупноструктурная, с намечающейся слоистостью, мелкий кварцевый песок, очень мелкие белые частицы — 2 экз., древность которых вызывает некоторые сомнения. По формам имеем следующее: 2 венчика мисок не очень ясного типа; 2 венчика кувшинов, из которых один с широким горизонтальным краем (рис. 3, 847), а другой с выступом (рис. 3, 848). Несомненно, кувшину принадлежит прилеп ручки овальной в сечении с валиком на внешней стороне. Вероятно, кувшину же принадлежит и перегиб двустольной ручки с площадкой у прилепа. Имеется также фрагмент корчаги с пифосным венчиком (рис. 3, 851). Светлоглиняный венчик принадлежит сосуду с цилиндрическим горлом и округленным краем, образующим небольшой выступ (рис. 3, 852), уже говорилось, что, возможно, это венчик амфоры. Шесть фрагментов — это донья: скошенный глухой поддон, два глухих поддона, образованных из закраин (рис. 3, 856), и три кольцевых поддона (рис. 3, 858). Четыре дна, несомненно, принадлежат закрытым сосудам, два, возможно, относятся к открытым сосудам.

Отдельную технологическую группу составляют два фрагмента кружальных, ангобированных сосудов. Это перегиб ручки кувшина — плоской, с высоким валиком на внешней стороне (рис. 3, 861). Он имеет коричневато-оранжевую глину, средней плотности, с мельчайшими серебристыми блестками и очень редкими белыми частицами. Ангоб ровный, довольно плотный, желтоватого оттенка. Второй фрагмент — слегка прогнутое дно закрытого сосуда. Глина аналогична III группе кружальных сосудов. Ангоб ровный, плотный, желтоватый, покрывает и дно, где более тонок. Следует отметить своеобразную, выпадающую из общего ряда ручку кувшина — широкую, прогнутую с внешней стороны (рис. 3, 863). Глина аналогична глине первого ангобированного фрагмента, ангоб ровный, плотный, белесый, со слабой желтизной. Выделяет фрагмент лощение на внешней стороне, выполненное тщательно, хотя и с пропусками.

Серолощенная керамика представлена 34 фрагментами, из которых 4 желтолощенных

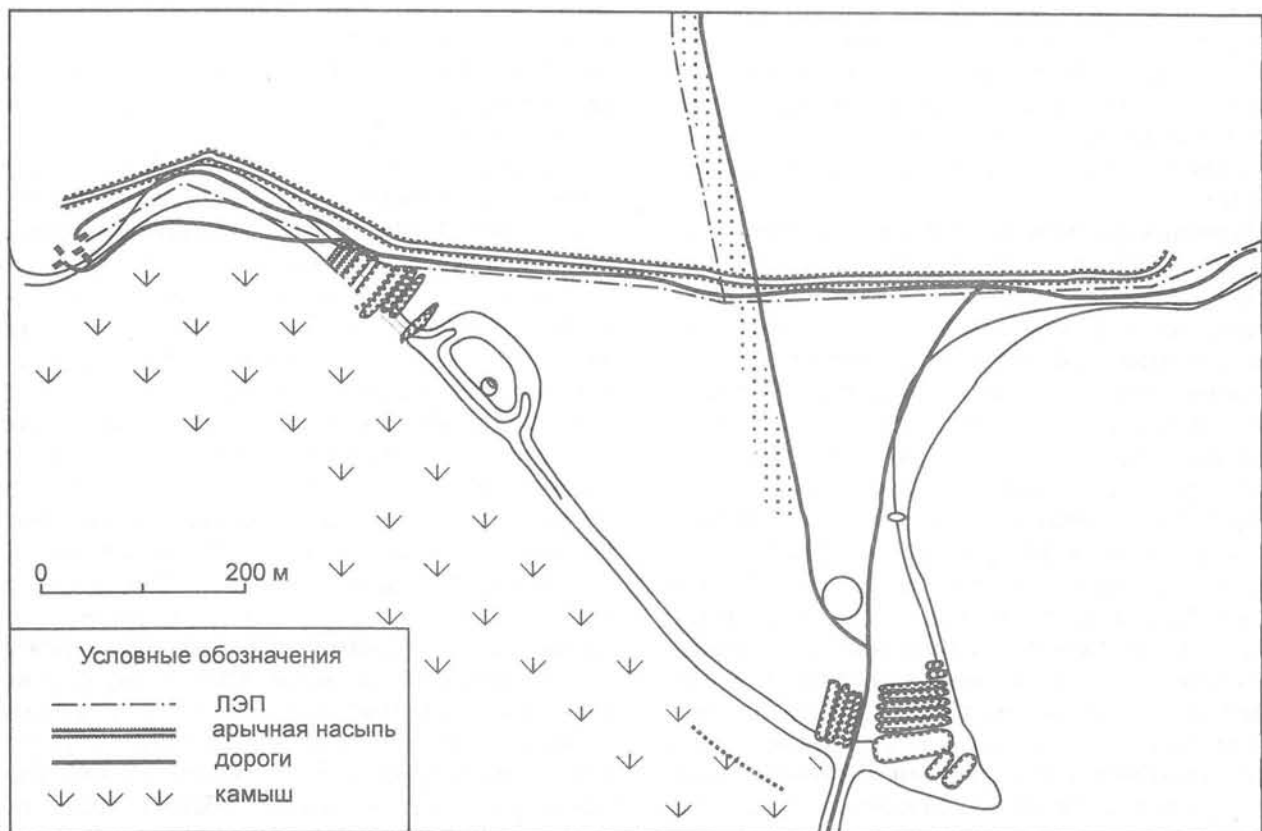

Рис. 2 План Ново-Джерелиевского IV городища (съемка 1970 г.)

Fig. 2 Plan of the Novo-Jerelievskoe IV site (surveys of 1970).

и один краснолощенный. По глине большинство относится к «классическому» типу, то есть тонкая глина с блестками серебристого цвета. Некоторые имеют спекшуюся глину, приближающуюся к «каменному товару». Два серолощенных, два желтолощенных и краснолощенный фрагменты имеют глину неотличимую от глины I группы кружальных сосудов. Это наводит на мысль, что вся группа кружальной керамики с глиной группы I имеет местное происхождение. Не исключено, что она относится к серолощенной керамике. Я уже имел случай отметить, что на Кубани серолощенная керамика формально распадается на 4 группы: серолощенную, сероглиняную без лощения, желтолощенную и желтоглиняную без лощения. Вероятно, что на последнюю группу мы и вышли в данном случае. Еще один фрагмент имеет глину группы III тех же кружальных сосудов. Возможно, в данном случае я ошибаюсь, принимая сглаживание поверхности за лощение. Наконец, еще один фрагмент, имеет глину очень близкую к предыдущему, но без белых частиц. Не ясна и форма этого сосуда (рис. 3, 893), что увеличивает вероятность его импортного происхождения, хотя он и имеет несомненное тщательное лощение на внешней поверхности и отдельные полосы лощения на внутренней.

Из форм имеем миски I типа (СЛ-М1), вариантов 1 (рис. 3, 864), 2, 3, 4 (рис. 3, 868) (Каменецкий 1994). Один фрагмент принадлежит вазочке (СЛ-Х) с широким горизонтальным краем, по которому прочерчен зигзаг (рис. 3, 869). Кувшины (СЛ-XXVI) представлены различными вариантами венчиков (рис. 3, 870, 876, 877). Один имеет на горле прочерченный орнамент необычного типа (рис. 3, 872). Отнесение двух венчиков к кувшинам сомнительно (рис. 3, 875). На 7 несомненных венчиков приходится только один фрагмент овальной в сечении ручки. Это необычно, если учесть, что последние встречаются чаще. Далее идут две ручки кубков (СЛ-XXVIII) или канфаров (СЛ-XXXIII) с желобком на передней стороне, две ручки корчаг с боковыми ручками (СЛ-XXXI), из которых одна, с двумя желобками на наружной стороне, несомненно, принадлежит данному типу, а вторая, возможно, располагалась на плечике кувшина, украшенного орнаментом из пролощенных желобков и косых резных линий. Имеется еще 3 плоских дна, одно с тщательно заглаженной небольшой закраиной, одно с глухим поддоном, 2 со скрытым кольцевым поддоном и 3 с кольцевым поддоном. Отметим стенку сосуда с прилепом горизонтальной, круглой в сечении ручкой.

Два фрагмента демонстрируют орнаменты. Это верхняя часть плечика кувшина, на которой располагается орнаментальный пояс из мелкого прочерченного зигзага, прорезанного зигзага и пролощенного желобка. На втором имеется наклепной валик с косыми пальцевыми вдавлениями.

Лепной керамики 41 фрагмент. Цвет ее в изломе преимущественно темный, с более или менее мощными охристыми слоями у поверхности, когда цвет поверхности с черного переходит в охристый. Обработка поверхности достаточно грубая. В двух случаях имеется лощение внешней и внутренней поверхностей, довольно тщательное — это бортик миски и венчик горшка с валиком на горле (рис. 3, 925, 930). В глине обильная примесь шамота. В двух случаях имеются пустоты от выгоревшей или растворившейся примеси. В одном черепке четко фиксируется примесь песка. В значительном числе случаев на поверхности имеются отпечатки рубленной травы или соломы. Я уже имел возможность отметить, что, судя по распределению, это связано или с методом сушки или с обработкой поверхности. В данной серии отмечаются следующие варианты: отпечатки на внешней и внутренней поверхности — 3 экз.; отпечатки на внешней поверхности при отслоившейся внутренней — 2 экз.; отпечатки на внешней поверхности и на внутренней у венчика — 1 экз.; отпечатки на внешней поверхности и на краю венчика — 2 экз.; отпечатки на внешней поверхности венчиков — 2; ножек (Леп-7) — 2 и поддона — 5 экз.; отпечаток на опорной плоскости ножки (Леп-7) — 1 экз.

Как видим, это не похоже на примесь в глине. Иначе отпечатки выступали бы равномерно на всех поверхностях.

Набор форм имеет ряд особенностей. Начнем с того, что отметим незначительный удельный вес горшков без выделенного горла (Леп-1). Их всего три (рис. 3, 898). Два фрагмента, с некоторой долей сомнения, я отношу к «горшкам с низким горлом» (Леп-2). Они имеют прогнутое горло, не отделенное от плечиков и плоский край с внешней закраиной (рис. 3, 901). Горшки с расширяющимся горлом и прямыми стенками этого горла (Леп-3) представлены 7 фрагментами венчиков (рис. 3, 904, 907). У одного как-будто имеются по краю поперечные надрезы. И один имеет плоский край с продольными бороздками, возникшими в результате сглаживания чем-то вроде гребенчатого штампа. Горшки с цилиндрическим горлом (Леп-4) выделены тоже не очень уверенно, кроме одного образца, который имеет действительно цилиндрическое горло, четко отделенное от плечиков и нависающий валик на венчике (рис. 3, 910). Два других фрагмента также

имеют приблизительно цилиндрическое горло, но оно плавно переходит в плечики, что для Леп-4 нетипично (рис. 3, 912). Возможно, эти два экземпляра ближе к горшкам со слабой профилировкой (Леп-5).

«Чаша на ножке» или крышки (Леп-7) представлены достаточно обильно — 7 венчиков и 3 ножки (рис. 3, 913, 914, 921). Некоторые фрагменты венчиков невелики по размеру и, строго говоря, могут относиться к сосудам иного типа, например к Леп-1. Необычен фрагмент, у которого по внешнему ребру края идут пальцево-ногтевые вдавления, что для крышек совсем не характерно. Ножки довольно обычные — все имеют углубление снизу, хотя глубина и форма этого углубления различаются. Миниатюрные сосудики (Леп-10) представлены только дном закрытого сосудика (рис. 3, 923), скорее всего, подражавшего горшкам Леп-1. Два венчика мисок относятся к типу Леп-12 (с плавно закругленными стенками), но к разным вариантам. У одной уплощенный край с внутренним выступом-закраинкой (рис. 3, 924), у другой по бортику и наибольшему диаметру идут узкие желобки (рис. 3, 925). Напомню, что этот экземпляр имеет лощение с обеих сторон. Зависимость его формы от серолощенной керамики не вызывает сомнения. Последний экземпляр, укладываемый в классификацию — небольшая плошечка (Леп-14), имеющая уплощенный горизонтальный край и четко выделенную закраину у дна (рис. 3, 926).

Остальные фрагменты венчиков принадлежат сосудам, находящимся вне моей классификации. Некоторые встречались и ранее, но опять же в виде фрагментов, а типологическая классификация требует целых экземпляров. К таким находкам относится горло горшка, не отделенное от пологих плечиков. Само горло цилиндрическое. В целом оно близко Леп-5 (горшкам со слабо выделенным горлом), но венчик имеет широкий, слабо выпуклый, наплывающий валик, даже с некоторым прогибом на внутренней стенке (рис. 3, 927), что совсем не характерно для Леп-5. Второй фрагмент близок этому варианту, но плечики у него более крутые, а валик выделен значительно слабее (рис. 3, 928). Три следующих фрагмента — венчики с валиками, встреченные в небольших количествах на других Ново-Джерелиевских городищах, а также и на прочих меотских памятниках. У двух валик находится чуть ниже заостренного венчика и формально может быть включен в группу венчиков с прогнутым краем. У одного из них валик острорезный (рис. 3, 929), а у другого, лощенного с двух сторон, он имеет округлый профиль (рис. 3, 930). У третьего горшка округлый валик расположен примерно на середине довольно высокого горла (рис. 3, 931). Поскольку

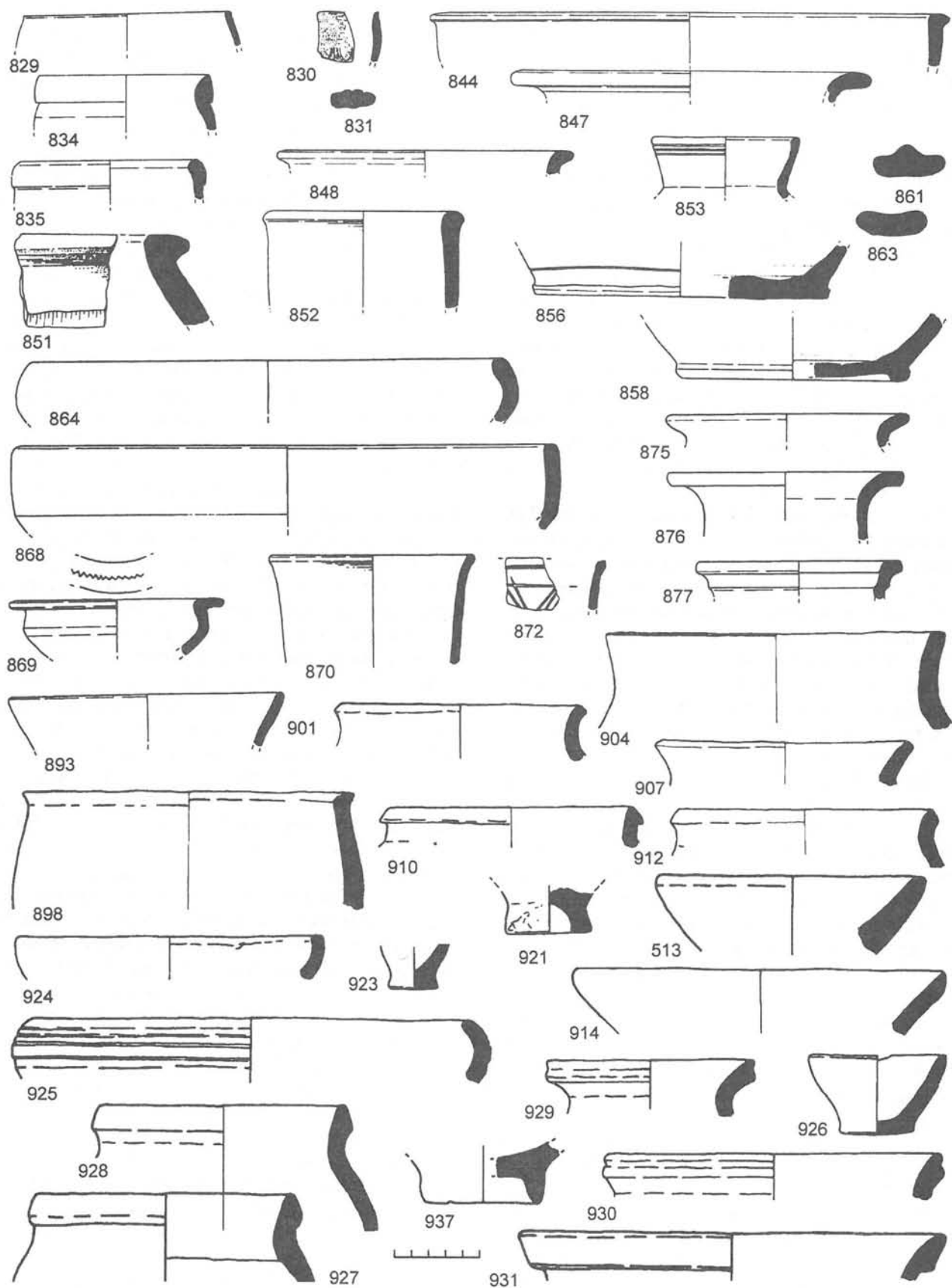

Рис. 3 Керамика из первой группы сборов: 829-844 – датирующий материал; 847-863 – кружальная керамика; 864-893 – серолощенная керамика; 898-937 – лепная керамика

Fig. 3 Pottery from the first group collected from the surface: 829-844 – dating finds; 847-863 – wheel-made pottery; 864-893 – grey-burnished pottery; 898-937 – hand-made pottery.

валик четко выделен снизу и фактически не выделен сверху, он формально так же может быть включен в группу венчиков с очень широким, наплывающим или нависающим, плоским валиком. Место этих сосудов на хронологической шкале остается неясным. Первоначально мне казалось, что они относятся уже к началу средневековья, но тот факт, что они встречаются на кирпичных поселениях, которые прекращают существование не позднее I в. н.э., как будто противоречат этому предположению. Ещё два венчика нельзя уверенно определить, но по почти полное отсутствие изгиба позволило мне отнести их к «селечочницам» — вытянутым узким сосудам с плоскообразным профилем. Выразительные экземпляры встречались мне в нижних слоях Подазовского городища (конец I в. до н.э.), то есть, в слоях если не синхронных, то предельно близких описываемым. Оба фрагмента имеют плоский, горизонтальный край.

Кроме этого, имеется 4 фрагмента доньев. Три принадлежат закрытым сосудам, по-видимому, горшкам. На двух отчетливо виден шов подмазки стенок к торцу дна. Все три имеют закраину.

Четвертый фрагмент — это высокий кольцевой поддон открытого сосуда (рис. 3, 937). Имеется ещё стенка закрытого сосуда с небольшим подковообразным налепом. Впрочем, возможно, орнамент был гораздо сложнее, так как рядом сохранился след примазки ещё каких-то деталей

Сборы. *Вторая группа*, как уже говорилось, происходит с вершины мыса.

В сборах имеется венчик краснолаковой миски со скошенным наружу краем (рис. 4, 939). Она относится к мискам, которые я выделил в тип XVI (Каменецкий 1993: 106). Аналогии из Чандерли, Тиритаки, Танаиса с наибольшей вероятностью указывают на первую половину I в. н.э. На Подазовском городище было найдено три фрагмента мисок этого типа: один в слое конца I в. до н.э., другой в слое второй половины I в. н.э. и третий в слое II в. н.э. Как видим, диапазон достаточно широкий. Очевидно, мы должны датировать этот фрагмент концом I в. до н.э. — I в. н.э. Мне кажется, что дату можно сузить до первой половины I в. н.э., но убедительных доводов в пользу такой датировки привести не могу.

Кроме описанного фрагмента, для датировки могут быть использованы 14 фрагментов амфор. К сожалению, не все из них я могу определить. Имеется фрагмент ручки родосской амфоры, круглой в сечении. Дата — конец IV-II вв. до н.э. (Зеест 1960: 102). Кроме того, была найдена ножка (рис. 4, 941), тождественная по форме тем, что И. Б. Зеест называет «конусовидными» и объединяет в тип 71.

Глина фрагмента, на наш взгляд, соответствует глине амфор этого типа. Отметим, что они, конечно, не «конусовидные», но это не столь существенно. Более важно то, что в этот «тип» И. Б. Зеест объединила разнородный материал — «различные амфоры с конусовидными доньями» (Зеест 1960: 111), из которых конкретизировала два — типы 70 и 71. Не совсем ясно и с датировкой. В описании (Зеест 1960: 111) в заголовке указаны I в. до н.э. — I в. н.э., но тут же отмечается, что найдены они в слое I в. до н.э. — II в. н.э. В списке типов указаны уже только I-II вв. н.э. (Зеест 1960: 135), а в подписи под рисунком — только I в. н.э. (табл. XXIX). В последнем случае указана, по-видимому, дата не типа, а только изображенных экземпляров, которые происходят действительно из комплекса I в. н.э. (колодец № 44 на Ново-Эспланадном раскопе Пантикапея). Так как о сходстве с нашим экземпляром мы можем судить только по этому последнему рисунку, то и примем дату I в. н.э. Напоследок отмечу, что полной уверенности в правильности определения у меня нет. Тем более, что в рассматриваемой серии нет ни одного фрагмента светлоглиняных амфор. Это ставит под сомнение не только датировку I в. н.э., но и I в. до н.э.

Далее рассмотрим два фрагмента ручек амфор «с широкими венцами типа усть-лабинских» (тип 33 у И. Б. Зеест). Они двустольные с желтоватым ангобом. Один фрагмент не вызывает никаких сомнений, так как его коричнево-оранжевая глина с большим числом мелких слюдяных (золотистых) блесток точно совпадает с описанием И. Б. Зеест (Зеест 1960: 92 сл.). Отметим, что слюда видна только в продольных сколах и особенно хорошо на отставшем от горла прилепе. И совершенно не видна в поперечном сколе, что может создать затруднения при определении. Второй экземпляр вызывает известные сомнения. Глина у него ярко-красная с мелкими белыми частицами, слюды не заметно. Тип 33 у И. Б. Зеест датируется IV-III вв. до н.э., но из текста следует, что он бытует и во II в. до н.э.

Среди находок — неполная «крученая» ножка синопской амфоры (тип 31 по И. Б. Зеест). Правда, вопреки описанию (Зеест 1960: 91), внутренняя поверхность не заглажена — четко видны волнообразные борозды, а в центре небольшой размазанный налеп (рис. 4, 944), но определение не вызывает сомнений. И. Б. Зеест датирует этот тип I в. до н.э. — I в. н.э., а в подписи к табл. XIV только I в. до н.э. С. Ю. Монахов датирует этот вариант концом первой — второй четвертью II в. до н.э., допуская и третью четверть столетия (Монахов 1992: 179), а А. П. Абрамов — 220-175 гг. до н.э. (Абрамов 1993: 15).

Имеется фрагмент ручки буроглиняной амфоры. Она линзовидная в сечении, глина бурая с обильной примесью пироксена. Это не овальная ручка ранних колхидских амфор, она отличается и от ручек римского времени, которые более плоские. Однако, наш экземпляр ближе к римским по своей линзовидности и по расширению к прилепу. Тип этот выделен И. Б. Зеест (Зеест 1951). В ее классификацию эти амфоры вошли как тип 60 и датированы I в. до н.э. — I в. н.э. (Зеест 1960: 108). По материалам Танаиса, рассмотренных мною, они отсутствуют в слое I в. до н.э., но встречаются в слоях рубежа н.э. до середины II в. н.э. Самые поздние культурные наслоения на изученном участке Танаиса относятся ко времени не позднее середины II в. н.э. (Каменецкий 1969: 152 сл., 165). По материалам Нижне-Гниловского городища время бытования буроглиняных амфор можно продлить до конца II в. н.э. (Каменецкий 1965: табл. 1). Учитывая относительную массивность нашей ручки, мы должны датировать ее началом этого периода, то есть I в. н.э. Я боюсь сужать дату до первой половины I в. н.э., тем более до рубежа н.э., хотя допускаю даже конец I в. до н.э.

Относительно фрагментов, описываемых ниже, у меня был ряд сомнений. Поэтому я воспользовался консультациями А. В. Сазанова, которому приношу глубокую благодарность.

Корень ручки, овальной в сечении и желобками на передней стороне, имеет темно-бурую глину, на первый взгляд очень похожую на глину буроглиняных («коричневоглиняных») амфор. Однако для последних наиболее характерной примесью является пироксен. В описываемом фрагменте его нет, а есть кварцевый песок, какие-то матовые белые частички (не известь) и мелкий шамот (?). В сочетании с формой, это исключает отнесение данной ручки к группе буроглиняных. Овальные желобчатые ручки в раннее время не известны. Они появляются только в первые века н.э. Поэтому следует думать, что дата нашего экземпляра — не ранее I в. н.э.

Два следующих фрагмента — прилеп и ствол ручек — имеют светлую рыхлую глину, с обильной примесью песка, среди которого есть зерна пироксена. По структуре она близка гераклейской. Смущает только более светлый цвет. У И. Б. Зеест описаны подражания гераклейским амфорам, выполненные «из светлой глины с примесью шамота» (Зеест 1960: 101). Однако, подражание идет по линии формы, а не глины. У нас же сходство глины по структуре и примесям. От «подражаний», описанных у И. Б. Зеест, наши отличаются отсутствием шамота и присутствием песка. Мы (А. В. Сазанов и я) полагаем, что это и есть продукция Гераклеи

Понтийской. Дата основного импорта этого центра в Сев. Причерноморье — IV-III вв. до н.э. Здесь не обсуждается вопрос о позднем (начиная с I в. до н.э.) импорте Гераклеи, выделяемом в последнее время С. Ю. Внуковым, так как эти амфоры существенно отличаются и формой и структурой глины. Поэтому дата IV-III вв. до н.э. кажется наиболее приемлемой.

Следующий фрагмент венчика амфоры с двуствольными ручками (рис. 4, 949) представляется загадочным. Он имеет очень характерную глину — средней плотности, густо-красную в изломе, приглушенного цвета с розоватым оттенком на поверхности, с значительной примесью мелких частиц извести, дающих на поверхности «дутики», на поверхностях обильная примесь мелких частиц слюды. Среди всех типов амфор с двуствольными ручками, описанных И. Б. Зеест, не удалось выявить глины, в которой известь сочеталась бы со слюдой. Не могли мы припомнить такой глины и в материалах из своих раскопок. А. В. Сазанов, исходя из морфологических особенностей, полагает, что амфора должна относиться к III-II вв. до н.э.

Очередной фрагмент по оформлению венчика напоминает синопские амфоры (рис. 4, 950), но глина никак не может принадлежать этому центру. Она розовато-коричневатая, на поверхностях оранжевая, с редкими белыми (известковыми?) частицами. А. В. Сазанов полагает, что фрагмент относится к IV-III вв. до н.э.

О последнем венчике (рис. 4, 951) ничего определенного сказать нельзя. Глина хорошо отмученная, плотная, дающая раковистый излом, без видимых примесей, коричневато-оранжевого цвета, густого теплого тона. Она более похожа на глину кружальной керамики, чем на амфорную. Однако, форма венчика с овальным валиком скорее всего указывает на амфору.

Ножка амфоры по схеме напоминает книдскую (конусная с валиком), но других пропорций (рис. 4, 952). Иная и глина — коричневатокрасная с примесью песка и обильных мелких обломков, среди которых различаются кварц и пироксен. О центре производства судить трудно. Что касается даты, то А. В. Сазанов полагает, что наиболее вероятны III-II вв. до н.э.

К находкам амфор принадлежит и фрагмент двуствольной ручки. Глина грязно-коричневого цвета, с сиреневатым оттенком. Мелкие, многочисленные частицы желтоватого цвета (известь?) делают глину пестрой. Кроме того, имеется примесь редких черных матовых частиц. На поверхности светлый ангоб зеленоватого оттенка. Ни о центре, ни о дате ничего определенного сказать нельзя. Таков амфорный материал с вершины мыса.

Проанализировав наши датировки, получаем надежную дату в пределах III в. до н.э. — I в.

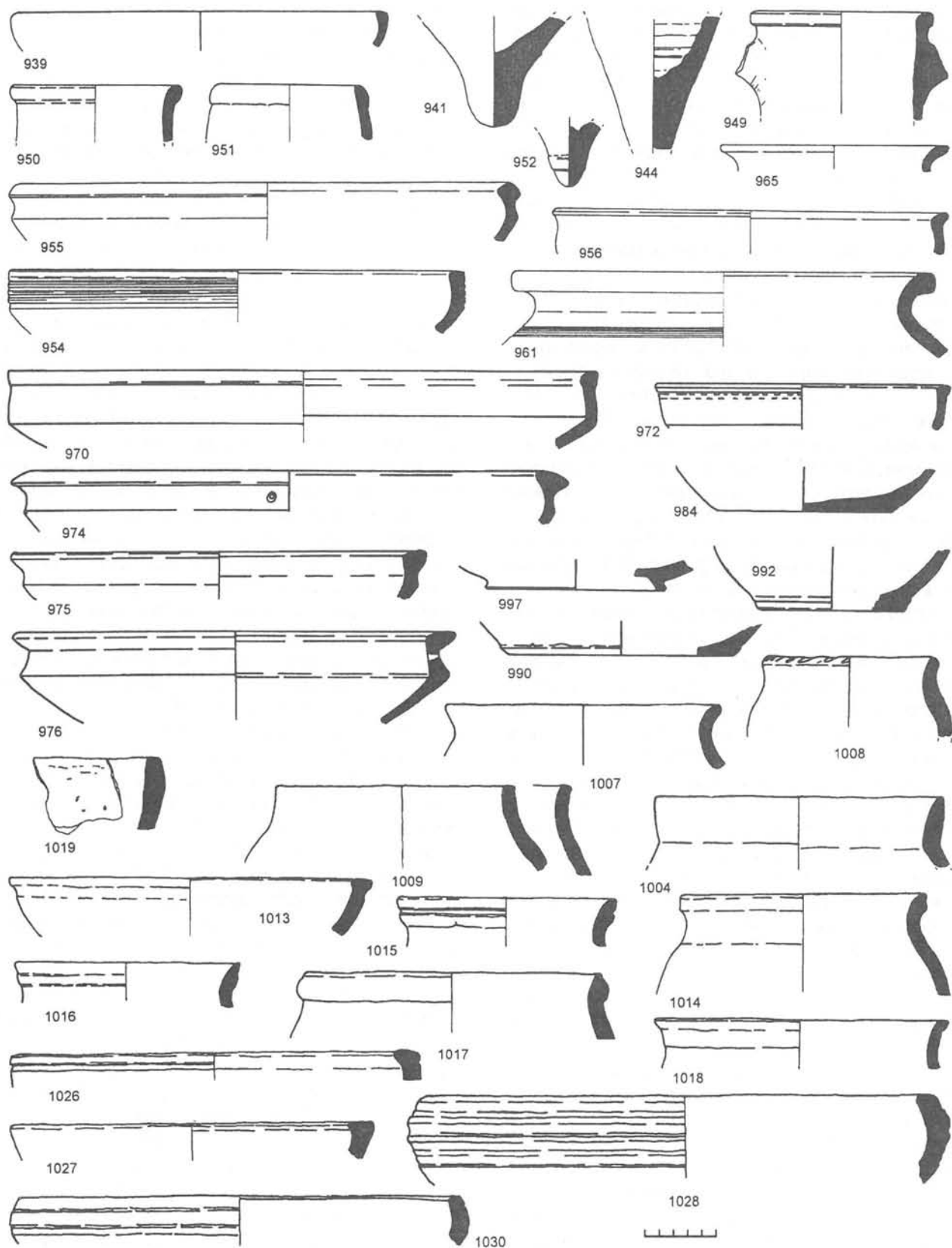

Рис. 4 Керамика из второй группы сборов: 939-952 – датирующий материал; 954-965 – кружальная керамика; 970-997 – серолощенная керамика; 1004-1030 – лепная керамика.

Fig. 4 Pottery from the second group collected from the surface: 939-952 – dating finds; 954-965 – wheel-made pottery; 970-997 – grey-burnished pottery; 1004-1030 – hand-made pottery.

н.э., с возможным удревнением в пределах IV в. до н.э. Интуитивно я ограничил бы верхнюю дату первой половиной I в. н.э. Это несколько расходится с датой первой серии. Таким образом, подтвердилось наше предположение о возможной датировке I в. н.э. Конечно, надо помнить, что даты IV-III вв. до н.э., приведенные нами, не так уж бесспорны. Тем не менее, о датах III в. до н.э. — первая половина I в. н.э. мы можем говорить достаточно уверенно. Естественно, возникает вопрос о причинах расхождения датировок первой и второй групп. Собственно, речь идет только о нижней дате. Я думаю, что дело в состоянии территорий сборов. В первом случае на пахоте мы имели материал преимущественно из верхнего слоя, то есть времени последнего периода существования поселения. На вершине мыса мы вели сбор по траншеям, где должен быть представлен весь период существования поселения. Кроме того, как уже было сказано, здесь, по видимому, находился могильник. А вероятность попадания материала из погребений на поверхность примерно одинакова для всех хронологических периодов, так как глубина могил в указанный период была примерно одинаковой. Да и быть нарушенными более ранние могилы имели больше шансов, чем поздние.

Переходим к описанию кружальной керамики и, как обычно, начинаем с глины. Причем, постараемся сохранить группы, выделенные для первой серии, поскольку при общей характеристике городища обе серии и материалы шурфовки придется объединить. Во второй серии представлены только три первых типа глины для простой кружальной керамики: тип I — 7 экз.; тип II — 2 экз.; тип III — 2 экз. Как видим, и численное соотношение то же, что и в первой группе. Отсутствуют типы, которые и в первой серии были представлены единичными экземплярами. Ту же примерно картину дает и глина кружальных ангобированных сосудов: тип I — 2 экз.; тип III — 1 экз.; тип IV — 1 экз. У всех четырех ангоб желтоватого оттенка.

По форме кружальная керамика распределяется следующим образом: 4 бортика мисок, из которых одна имеет утолщенный край и узкие желобки на бортике (рис. 4, 954), вторая — массивный валик (рис. 4, 955), третья — выступ, направленный вверх и наружу (рис. 4, 956), а четвертая — выпуклый бортик и округленный край. Кувшины представлены двумя венчиками и ручкой. Один венчик принадлежал кувшину с воронковидным горлом, переходящим в горизонтально отогнутый венчик, имеющий снаружи (снизу) как бы плоский валик. У второго кувшина горло близко к цилиндрическому, но венчик также горизонтально отогнут, образуя довольно широкую плоскость.

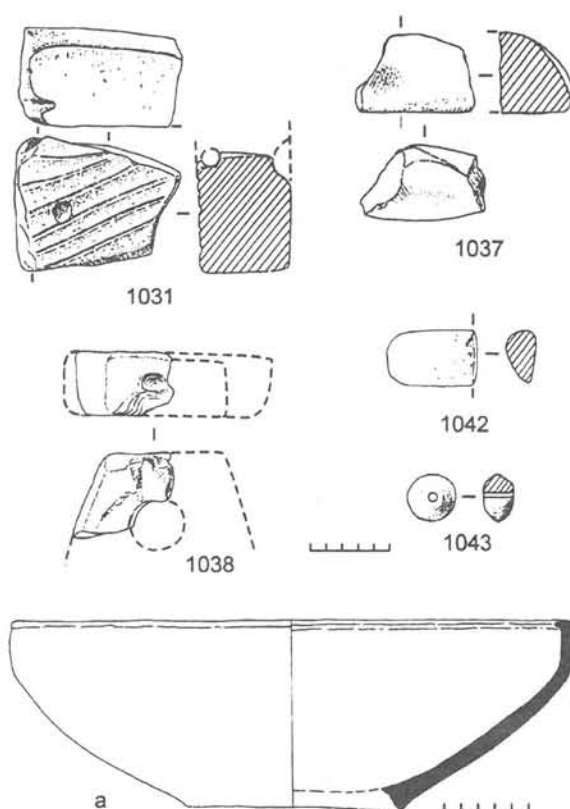

Рис. 5 1031-1043 — индивидуальные находки из сборов; а — лепная серолощенная миска из разрушенного погребения.

Fig. 5 1031-1043 — «Individual finds» collected from the surface; a — hand-made grey-burnished bowl from a disturbed burial.

Ручка плоская, прогнутая снизу и имеющая два желобка сверху. Венчик корчаги имеет кубовидное сечение, на плечике поясok рифления (рис. 4, 961). Второй венчик принадлежит, по видимому, горшку, тоже имевшему горизонтально отогнутый венчик. Донья представлены кольцевым поддоном закрытого сосуда средних размеров и плоским дном с небрежно выравненной закраиной, принадлежавшим крупному закрытому сосуду.

К ангобированной керамике относится горизонтально отогнутый венчик кувшина (рис. 4, 965), плоская, с ребрами на обеих сторонах ручка кувшина и два глухих поддона закрытых сосудов.

В описываемой серии представлено 34 фрагмента серолощенной керамики. По глине они, как обычно, делятся на две группы: «классическую» (24 экз.) и содержащую мелкий песок и белые частицы. Отделить изделия с белыми частицами от изделий с песком визуально трудно, так как часть белых частиц оказывается матовыми зернами кварца. Выделяется один бортик миски, в глине которого наблюдаются

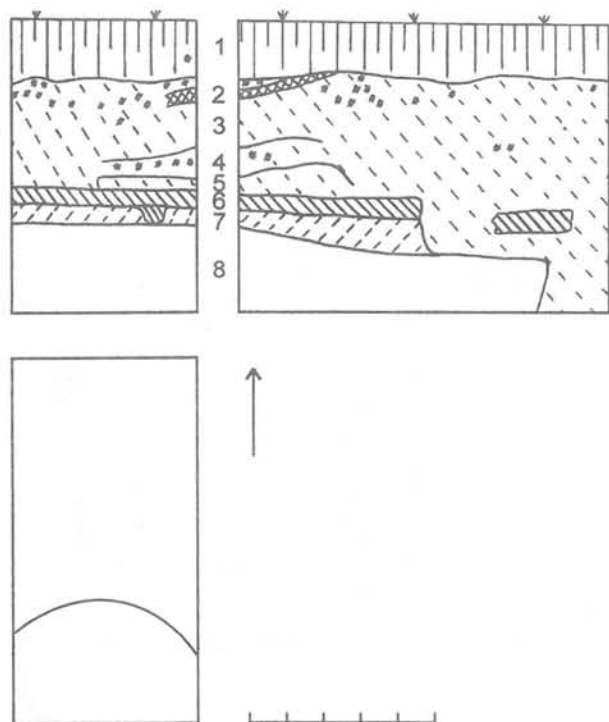

Рис. 6 Шурф на центральной части городища: а — план; б — северный борт шурфа; в — восточный борт шурфа; 1-8 — слои (описаны в тексте).

Fig. 6 The trench in the central part of the site; а — plan, б — Northern profile of the trench; в — Eastern profile of the trench; 1-8 — the layers (described in the text).

какие-то белые плоские чешуйки. Довольно велика доля желтолощенных (ЖЛ) и есть краснолощенная (КЛ). Распределяется этот признак так: СЛ — 23 экз. (68%), ЖЛ — 9 экз. (26%), КЛ — 2 экз. (6%).

Среди форм решительно преобладают миски I типа (СЛ или ЖЛ-МI) Представлены варианты 2, 6 (рис. 4, 970), 8 (рис. 4, 972), 14, 18 или 37 (рис. 4, 974), 28 (рис. 4, 975). Два фрагмента занимают не очень ясное положение: по схеме они близки СЛ-МI-6, но выступ у них значительно превосходит по длине толщину стенок. Формально оба фрагмента отнесены к типу СЛ-МIII (Каменецкий 1994). Имеется фрагментированная ножка (высокий поддон?) вазочки (СЛ-Х). К кувшинам относятся только три фрагмента ручек — две овальных в сечении и одна с ребром на внешней стороне. Напомним, что последний тип ручки отмечен и среди кружалной керамики (рис. 3, 861). Имеется небольшая, круглая в сечении ручка, вероятно, от кубка (СЛ-XXVIII) и верхняя часть ручки с упором от канфара (ЖЛ-XXXIII). На плоскости упора орнамент из кружков, соединенных пролощенными линиями. Донья дают обычный набор: четыре плоских (рис. 4, 984), вогнутое, плоское с закраиной, скошенный глухой поддон (рис. 4, 990), два глухих поддона

(рис. 4, 992), три кольцевых (рис. 4, 997), скрытый поддон и не выделенный изнутри кольцевой поддон.

Четыре стенки, по-видимому, плечики кувшинов, украшены орнаментом. На двух — это пояса из вертикальных и наклонных полос, нанесенных зубчатым штампом, причем у одного они окаймлены желобками. На третьем, кажется, был заштрихованный треугольник между желобками. Композиция четвертого не ясна. Следует обратить внимание на отсутствие циркульных кружков столь характерных для этого типа орнамента. Кружки на упоре канфара близки циркульным, но ими не являются — они не оттиснуты, а пролощены.

Лепную керамику по технологическим особенностям можно разбить на три группы: лепную с примесью шамота, лепную лощеную с примесью шамота и лепную лощеную с примесью извести (?). Соотношение групп: лепных — 22 экз., лепных лощенных — 3 экз., лепных лощенных с известью — 4 экз. Резкой грани между первой и третьей группами в отношении глины нет. В указанных 4 экземплярах примесь извести (или известняка) была обильной. Вероятно, под влиянием солей в почве или пребывания под дождями на поверхности, известь (или что-то ей равноценное) растворилась и образовались многочисленные пустоты на поверхности. Но такие единичные пустоты есть и на черепках первой группы, а у двух фрагментов сохранились и сами известковые частицы, причем в заметной концентрации. При этом во всех 4 черепках третьей группы шамот тоже имеется. Таким образом, дискретность по тесту у групп неполная. Кстати, аналогичная пустота есть и на черепке второй группы. В первой группе, как обычно, есть черепки с отпечатками рубленой травы или половы на поверхности. У двух отпечатки на всей сохранившейся площади обеих поверхностей, у одного они занимают внешнюю поверхность и верхнюю часть внутренней, у последнего отпечатки имеются только внутри. Во второй и третьей группах отпечатков половы нет, что, вероятно, объясняется наличием лощения.

Соотношение форм то же, что и в первой серии. Горшки без выделенного горла (Леп-1) представлены всего одним венчиком. Край у него скошен наружу, а плечико в верхней части прогнуто. Наиболее «популярны» горшки с прямыми стенками расширяющегося горла (Леп-3) — их 5 экз. У одного фрагмента с заостренным краем (рис. 4, 1004) на обеих сторонах четкие горизонтальные следы, очень похожие на следы заглаживания, так как ниже горла на внутренней стороне таких следов нет. Не исключаю, что заглаживание горла производилось на какой-либо вращающейся подставке — предтече настоящего круга. У двух горшков стенка горла

была прогнута и оно плавно переходило в плечико (рис. 4, 1007, 1008). У одного из них по скошенному наружу краю идет ряд косых вдавлений. Один венчик принадлежал горшку со слабо выделенным горлом (Леп-5, рис. 4, 1009). Чаши-крышки (Леп-7) представлены двумя венчиками и фрагментом ножки.

Как и в первой серии, довольно много фрагментов принадлежат сосудам, которые не укладываются в созданную классификацию. Фрагмент миски, при желании, можно было бы включить в тип Леп-12, но у этих мисок край загнут внутрь, делая миску двучленной. Наш же фрагмент принадлежит одночленной, близкой к полушарной, миске с широким горизонтальным краем (рис. 4, 1013). Затем идет серия уже знакомых нам горшков с валиком под венчиком (рис. 4, 1014, 1017) или на середине горла (рис. 4, 1015, 1016). Отметим, что в данной серии это второй по количеству тип, уступающий только Леп-3. Еще один фрагмент принадлежал горшку, ожормленному вполне оригинально. Горло у него, по-видимому, не отделено от плечиков, край образует горизонтальную плоскость и небольшой выступ с внешней стороны.

Но наиболее оригинальная деталь — шов в средней части горла (рис. 4, 1018). Впечатление такое, что верхняя, последняя полоса наложена снаружи и шов сознательно оставлен в виде декоративной детали. Прием этот известен для горшков без выделенного горла, хотя и редок. На трехчленном горшке он увиден мною впервые. Два фрагмента относятся, как я думаю, к «селедочницам», но полной уверенности нет из-за отсутствия решающих деталей (рис. 4, 1019).

Донья плоские и как-будто все принадлежат закрытым сосудам, т.е. горшкам. У одного имеется закраина. У двух она убрана. Наконец, имеется фрагмент стенки с прочерченной горизонтальной линией.

Группа лепных лощенных сосудов представлена венчиками мисок. Два венчика принадлежали, вероятно, мискам, близким к полушарным (рис. 4, 1026, 1027). У обеих край расширен за счет внутреннего выступа и образует широкую горизонтальную плоскость. У одной снаружи, чуть ниже края, идет желобок.

Третья группа лепных лощенных сосудов с примесью извести, как уже сказано, состоит из 4 фрагментов. Два относятся к мискам. Одна из них — грубой лепки, со слегка загнутой внутрь стенкой, украшена желобками (рис. 4, 1082). Вторая миска также относится к типу Леп-12, она имеет два желобка на бортике — один сверху, а другой — на месте наибольшего диаметра (рис. 4, 1030), что напоминает расположение желобков на ранней краснолаковой керамике I в. до н.э. Один венчик наверняка принадлежит горшку типа Леп-3.

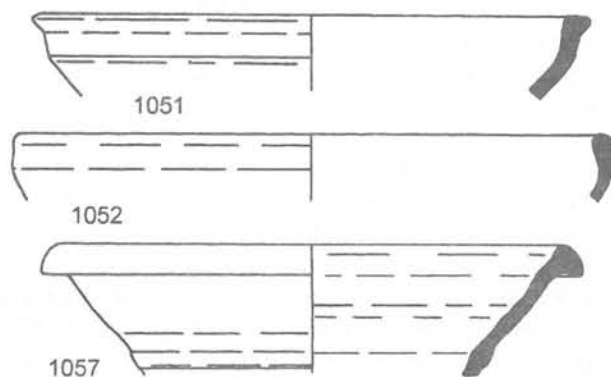
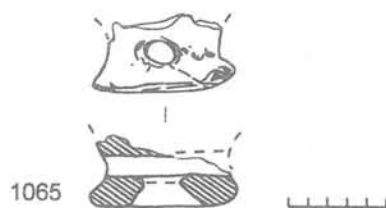

Рис. 7 Керамика из второго шурфа.

Fig. 7 Pottery from the second trench.

Последний фрагмент, по-видимому, тоже относится к горшку, но из-за малых размеров уверенности в этом нет. Как видим, вторая серия не отличается существенно от первой, если не иметь в виду набор амфор.

У борта карьера, расположенного там же, на вершине мыса, подобраны обломки лепной лощенной миски, форму которой удалось восстановить полностью. Характер находки заставляет думать, что она происходит из разрушенного погребения, и что могильник, здесь существовавший был впоследствии перекрыт поселением. Миска имеет не очень четко выделенный бортик и потому занимает промежуточное положение между типами Леп-12 и Леп-13 (рис. 5а).

«Индивидуальные находки» в обеих сериях не очень обильны. Прежде всего, отметим 4 фрагмента квадратных зернотерок античного типа. Одна изготовлена из гонгломерата зеленоватого оттенка с крупными серыми включениями и мелкими вкраплениями окиси железа. Порода весьма характерная. Аналогичные зернотерки хорошо представлены на ниже-донских городищах и считаются там привозными. Вероятно и здесь это предмет античного импорта. Три других фрагмента изготовлены из серого песчаника. В отличие от первого, они имеют насечки. Один фрагмент сохранил некоторые конструктивные детали — желобок для рычага на верхней плоскости и углубление для крепящего клина на боковой грани (рис. 5, 1031). Еще один фрагмент принадлежал зернотерке совсем другого типа — это курант. Овальный в плане, с плоской нижней стороной и выпуклым верхом, он сделан из серого гранита (рис. 5, 1037). Зернотерки такого типа возникли в глубокой древности.

Представляется, что тип проджает сосуществовать с заимствованными зернотерками античного типа, может быть, с обособившейся функцией. Отметим, что выходов камня на Киприлях нет и, следовательно, все указанные зернотерки должны быть привозными, но песчаниковые, как и курант, вероятно, являются продуктом ближнего импорта.

Четыре фрагмента сетевых грузил не очень выразительны и позволяют уверенно определить тип. Только в одном случае ясно, что грузило было трапециевидным. Остальные могли быть и топовидными. На одном обломке сохранилось глубокое вдавление пальца на верхней плоскости (рис. 5, 1038). Этот способ украшения распространен довольно широко. Также были найдены: обломанный конец оселка из каплевидной в сечении гальки (рис. 5, 1042), биконическое пряслице (рис. 5, 1043) и верхняя часть ткацкого грузика в виде четырехгранной усеченной пирамидки, с конической ямкой наверху.

Шурфовка. Как уже говорилось, в центральной части городища был заложен шурф размерами 1 × 2 м. Расположен он был на юго-восточном конце «цитадели», ориентирован по линии север-юг, доведен до глубины 1,6 м. Мощность культурного слоя оказалась 1,12 м у северного борта и 1,35 у края ямы, обнаруженной в южной части шурфа (рис. 6). Чередование слоев следующее:

1. Гумусированный слой, то есть переработанный почвообразовательными процессами (около 35 см).
2. Слой обожженной обмазки (6-8 см).
3. Аморфный серо-коричневый слой с примесью кусочков обмазки (до 60 см).
4. Тот же слой, но более светлой окраски, с примесью обмазки (около 15 см).
5. Серый, аморфный, золистый слой (около 8 см).
6. Серая плотная глина (8-12 см).
7. Коричневый рушенный слой (8-10 см).
8. Каштановая погребенная почва, которая внизу уплотняется и светлеет.

В восточном борту видны две ямы. Одна небольшая, впущенная из слоя 3, прорезавшая слои 6 и 7. Дно ее совпадает с поверхностью погребенной почвы. Прослеженная глубина 0,32 м, видимое сечение 0,4 м, форма приблизительно цилиндрическая. Вторая яма крупнее. Она также прорезает слой 6 и, следовательно, впущена из слоя 3. Диаметр ямы на уровне дна

шурфа был приблизительно равен 1,3 м. Форма усеченно-конусовидная. Выборка ямы ниже дна шурфа не производилась.

В 11 м к югу, на склоне рва, был заложен еще один шурф. Его северный край был на 1,5 м ниже поверхности основного шурфа. Глубина шурфа у северного борта — 78 см. Весь слой оказался осыпью, в нижней части которой находилось скопление керамики. Поэтому по своему информативному значению этот материал равнозначен материалу из сборов. Интересен он тем, что связан с центральной частью, задренованная поверхность которой практически не дала материала. Среди находок — корень двустольной ручки светлоглиняной амфоры (Ам-св-дв), относящийся к I в. до н.э. Имеется бортик серолощенной миски (ЖЛ-М1-8), в глине которой присутствуют белые крупинки (рис. 7, 1051). Второй бортик миски (рис. 7, 1052), по-видимому, относится к кружалным, хотя имеет точные аналогии в серолощенной керамике — вариант СЛ-М1-23. Четыре донца имеют глину, аналогичную первой миске — довольно хорошо отмученную, с белыми крупинками. Но лощение на них отсутствует. К серолощенной относится и венчик кувшина с воронковидным горлом (рис. 7, 1057), имеющий «классическую» глину. Все 5 фрагментов лепной керамики имеют в глине примесь шамота, в 4 из них есть и заметная примесь мергелиевых (известковых?) частиц среднего размера, разрушающихся при мытье в кислоте. С таким тестом мы уже встречались при рассмотрении материала из сборов, но здесь удельный вес этой группы особенно велик. Четыре дна принадлежат горшкам — они плоские, два без закраины, у одного закраина соскоблена, у одного имеется крупная, заглаженная закраина, напоминающая глухой поддон. Последний фрагмент — ножка чаши-крышки (Леп-7). Ножка низкая, снизу полушарное углубление, сообщающееся с поперечным отверстием (рис. 7, 1065).

Кроме фрагментов сосудов в этой серии имеется обломок трапециевидного или топовидного сетевого грузила с рядом пальцевых вдавлений на верхней грани и «венчик» предмета из обмазочной глины, форма которого не восстанавливается.

Этим и исчерпываются сведения, которыми я располагаю о Ново-Джерелиевском IV городище.

Абрамов, А. П. 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник 3: 4-135. Москва: АРХЭ.

Абрамов, А. П., Ю. С. Сазонов. 1992. Керамика трех подводных комплексов Патрея // Боспорский сборник 1: 147-172. Москва: АРХЭ.

Бобринский, А. 1914. Отчёт Императорской археологической комиссии за 1911 г.: 1-95. Петроград: Типография Главного управления уделов.

Зеев, И. Б. 1951. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем // Вестник древней истории 2: 106-116.

1960. Керамическая тара Боспора // Материалы и исследования по археологии СССР 83. Москва: Наука.

Каменецкий, И. С. 1965. Датировка слоев по процентному соотношению типов керамики // Археология и естественные науки //

Материалы и исследования по археологии СССР 129: 303-307. Москва: Наука
 1969. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса // Античные древности Подонья-Приазовья // Материалы и исследования по археологии СССР 154: 136-172. Москва: Наука.
 1993. Городища донских мест. Вопросы датировки. Москва: АУТО.
 1994. Сероглиняные миски Пашковского VI городища // Боспорский сборник 5: 5-58. Москва: Фарсал.

Монахов, С. Ю. 1992. Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Тематический научный сборник: 163-204. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета.

Покровский, М. В., Н. В. Анфимов. 1937. Карта древних поселений и могильников Прикубанья с IV в. до н.э. по III в. н.э. // Советская археология IV: 266-274.

THE SITE OF NOVO-JERELIEVSKOE IV

I. S. KAMENETSKIY

In the Greek times the lands along the Kuban River and its tributaries, in the Azov Sea area, were occupied by tribes of Maeotae. According to the most popular hypothesis they spoke a language of the Adygian-Abkhazian group. Their history begins in the 8th-7th centuries B.C. with the sites of the «proto-Maeotic» circle which are connected by some scholars with Cimmerians. A great number of the settlements were fallen to ruins at the turn of the 2nd and 3rd centuries A.D., the other ones — in the middle of the 3rd century A.D. due to the invasion of Goths. Since the time of the appearance of Greek colonies Maeotae had close ties with the Bosporan empire and played a considerable role in the history of the latter.

Today there are about 200 Maeotian sites known which are roughly subdivided into 15 groups; this matches the evidence of the written sources on the number of Maeotian tribes. One of such groups comprises the settlement sites situated along the Kirpili River flowing into the Azov Sea (Maeotis) near the town of Primorsko-Akhtarsk.. To our opinion, this group is related to the tribe of Iasamats migrated to this region in the 5th-4th centuries B.C. from the left bank of the lower Kuban River. About the turn of the 1st century B.C. and the 1st century A.D. they settled in the Lower Don region and formed the rural neighbourhood of Tanais.

The settlement of Novo-Jerelievskoe IV is precisely one of the sites of the mentioned group. It is situated on the right bank of the Kirpili, between the Cossack villages of Novo-Jerelievskaya and Stepnaya (Fig. 1). It is known since 1914 but for the first time it was examined in the late 1920s. No excavations have been carried out at the site. In this article the results of an investigation conducted by the author in 1970 are reported.

The central part of the site presents a rather small oval area encircled with a distinctly discern-

ible ditch at the lateral side of the promontory (Fig. 2). The central part is contiguous with a vast settlement the boundaries of which were traced through the distribution of the surface finds. Close to the site there were clay-pits which yielded clay and where burials are found. The area of the outer settlement was being ploughed up during our investigation thus enabling us to gather a considerable collection of pottery. The latter was divided into two groups: finds from the central part and the area contiguous with it, and finds from the point of the promontory where presumably the burial ground had been located.

Fragments of Megarian bowls, red-glazed ware and amphorae gave a dating to the period from the 3rd century B.C. to the first half of the 1st century A.D. with a possible falling back to the 4th century B.C. (Fig. 3,4). Most of the pottery is wheel-made, grey-burnished or hand-made. The wheel-made ware is represented by eight types and is imported (Fig. 3,4). The grey-burnished pottery is of a local manufacture and presents one of the most typical features of the Maeotian culture (Fig. 3,4). The hand-made pots are the cooking ware of the home production (Fig. 3,4). During the discussion period burnished were mostly the bowls imitating grey-burnished ware (Fig. 5).

In addition to the pottery, fragments of square grain grinders of the Classic Period type, a fragment of grinder from an archaic-type grain grinder, trapezoid fishing net-weights, a whetstone fragment, a biconical spindle whorl and part of a weight from a vertical loom were found (Fig. 5).

In the central part of the site a 1 × 2 m trench (Fig. 6) was sunk. The thickness of the cultural layer was found here to be 1.12-1.35 m. The trench touched two pits similar to those which are very common at all Maeotian settlement sites. The artefacts found in the trench (Fig. 7) confirmed the date shown by the surface finds. At the slope of the ditch another trench was sunk but it turned out to be in a scree.

СТРАННАЯ СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ЛУГИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. И. ПЛАТОНОВА, М. Б. ЩУКИН¹

В 1986 году в окрестностях г. Луги в 130 км к юго-западу от Петербурга, был обнаружен при случайных обстоятельствах необычный для этого региона предмет — обломок железного боевого однолезвийного ножа с бронзовой рукоятью (рис. 1).

Условия находки не совсем ясны и существуют две версии его обнаружения. По первой, местные мальчишки нашли его при любительских раскопках одного из курганов у д. Турово. Могильник относится к культуре псковско-новгородских длинных курганов, содержащей также круглые и высокие сопковидные насыпи. Из какого именно кургана происходит меч, установить не удалось. Согласно второй версии было найдено два аналогичных меча, и не в курганах, а где-то в окрестностях Луги при земляных работах. Один из них был продан в частные руки, а второй попал к местному краеведу И. В. Половинкину. Последний и передал его Н. И. Платоновой, проводившей исследования могильника у д. Турово.

Интересующий нас предмет является оружием, часть железного лезвия которого сохранилась на длину 87 мм и было сильно корродировано, но отчетливо фиксируется однолезвийность клинка, толщина обухка составляет 3 мм. Максимальная ширина лезвия около перекрестия — 46 мм. Бронзовая литая рукоятка вместе с перекрестием и навершием составляют 120 мм, толщина основной части рукояти всего 9 мм. Она украшена тремя поясками рифленого орнамента, имитирующего проволочную обмотку. Навершие представляет собой круглую шайбу диаметром 26 мм с коническим завершением, а перекрестие — массивную овальную пластину шириной 55 мм с четырьмя желобками по внешней поверхности, имитирующими, возможно, инкрустацию проволокой. Все детали рукояти отлиты в одной форме и составляют единое целое. Рентгенологическое исследование предмета не проводилось,

внутренняя конструкция рукояти и способ ее соединения с лезвием остаются не выясненными. Обращает на себя внимание асимметричность рукояти по отношению к основной оси клинка — она явно несколько смещена в сторону лезвия.

Находка из-под Луги вызвала живой интерес среди специалистов, занимающихся Северо-Западом России, еще до ее опубликования. Первые ассоциации, возникающие в связи с находкой — биметаллические мечи и кинжалы эпохи Гальштата и раннего Латена с антенновидными и спиральными навершиями, широко представленные в древностях этой эпохи, особенно в Приальпийской зоне (Müller-Karpe 1961). В качестве параллели назывался кинжал из погребения 568 (рис. 4: 2) Старше-Ахмыловского могильника ананьинской культуры VIII-VI вв. до н.э. в Среднем Поволжье (Патрушев, Халиков 1982: Табл. 84: 1 а-в). Оформление рукояти в какой-то мере ассоциировалось также с эфесами длинных мечей (тоже имитация проволочной обмотки) из «болотных находок» в Дании, в частности из Эйсбул IV-V вв. н.э. (Orsnes 1988: Taf. 83: 2-3; Taf. 88, 92). Однако, все эти аналогии весьма приблизительны. Решение пришло случайно и неожиданно. В 1990 г. один из авторов участвовал в коллоквиуме «Римская армия и варвары III-VII вв.» в Сан-Жермен-ан-Ле во Франции. Тогда и мелькнул перед глазами во время доклада Макса Мартина диапозитив с изображением кинжала из могильника Симанкос в Испании, удивительно напоминающий находку из-под Луги (рис. 2: 2) (Martin 1993). Макс Мартин, рассуждая в частности о происхождении Меровингских скрамасаксов, указал на серию боевых ножей из Испании, как на один из возможных прототипов этого вида оружия. Испанские прототипы он датировал первой половиной V в., не приводя, впрочем, специальных обоснований. Однако, как оказалось, М. Мартин

¹Н. И. Платонова. Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

М. Б. Щукин. Россия. 191137. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.

учел далеко не все имеющиеся аналогии, их число значительно больше. В частности, этим ножам посвящена специальная работа Педро де Палол (Palol 1964), которая весьма облегчила нашу задачу¹.

Сходство серии боевых ножей из Испании с находкой под Лугой поразительно. Хотя каждый экземпляр в той или иной мере индивидуален, тем не менее совпадают во многих случаях и размеры, и пропорции, и техника изготовления: все они однолезвийны с наибольшей шириной клинка до 5 см при длине его, судя по сохранившимся ножам, всего около 15-18 см. То есть это действительно скорее широкие боевые ножи, чем мечи. Всего сейчас, по подсчетам Педро де Палол и Макса Мартина, известен 21 комплекс в основном в районах Саламанки, Вальядолида и Бургоса в северо-западной Испании между горными массивами Центральных Кордильер и Пиренеев. Это могильники Сан-Мигель-дель-Арройо (рис. 2: 3) и Симанкос около Вальядолида (рис. 2: 1, 2, 4), Кастро-де-лас-Мерханос вблизи Саламанки, Орнильос-дель-Камино и Ла-Нуэс-де-Абахо под Бургасом и некоторые другие (рис. 2: 6).

Наиболее близки интересующей нас находке ножи из погребений 68 и 100 могильника Симанкос (Manescau 1936-1939; Palol 1964: fig. 6, 7) около Вальядолида (рис. 2: 1-2). Такая же сравнительно тонкая бронзовая рукоять с профилировкой, имитирующей проволочную обмотку, шайбовидное небольшое навершие с коническим завершением, характерная асимметричность осей рукояти и широкого однолезвийного клинка. В экземпляре из погребения 100 лезвие сохранилось почти полностью, утрачен лишь самый кончик, но конфигурация его легко реконструируется. Общая длина клинка в данном случае должна была составлять около 14,5 см при максимальной ширине ниже перекрестия около 3 см.

Как в упомянутых погребениях, так и у большинства других испанских находок, сохранились остатки ножен, главным образом, бронзовые пластины согнутые по их контуру. Конфигурация их более сложна и изыскана, чем самих клинков — имеется характерное фигурное расширение, приходящееся на вторую треть ножен. Можно думать, что и экземпляр из-под Луги некогда имел тоже подобное оформление.

Бутероли ножен испанских кинжалов завершаются в большинстве случаев бронзовой фигурной шишечкой, напоминающей наконечники ножен типа Майнц римских гладиусов, относящихся, впрочем, к более раннему времени (Ulbert 1969). Аналогична римским гладиусам и система крепления к портупее — два

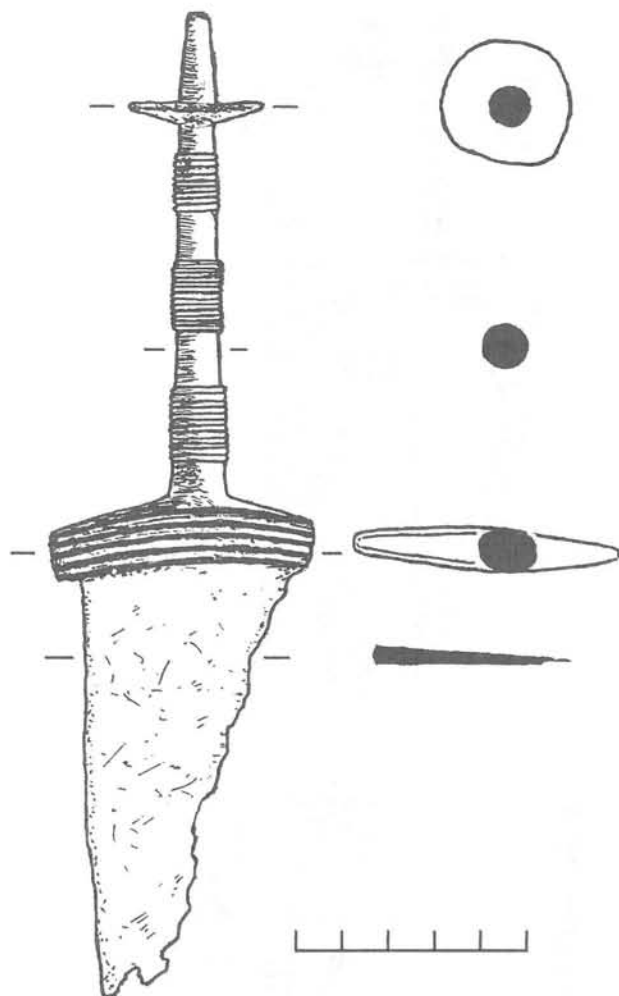

Рис. 1 Биметаллический нож из окрестностей Луги.

Fig. 1 Bimetallic knife from the neighbourhood of Luga.

асимметричных колечка по бокам и поперечная пластинка, иногда фигурная, на оборотной стороне ножен.

Сам корпус ножен оформлен более тонкой бронзовой орнаментированной пластинкой, иногда со штампованным декором, как, например, в погребениях 46, 49, 68, 100, 133 из Симанкос (Palol 1964: fig. 4, 5, 6, 8) или с прорезным в стиле *opus intergrassile*, как, например, в погребении 30 могильника Мигуэль-дель-Арройо, в захоронении в Вилла-дель-Прадо около Вальядолида (Palol 1964: fig. 3; fig. 10) или в погребении в Альдеа-де-Сан-Эстебан (Martin 1993: fig. 7: 1) (рис. 2: 5). Скорее всего эти декоративные пластины ножен имели кожаную или деревянную окрашенную прокладку, которая не сохранилась.

Нет необходимости описывать в подробностях каждую из испанских находок, поскольку

¹ Авторы благодарят П. В. Шувалова за помощь в работе с испаноязычной литературой.

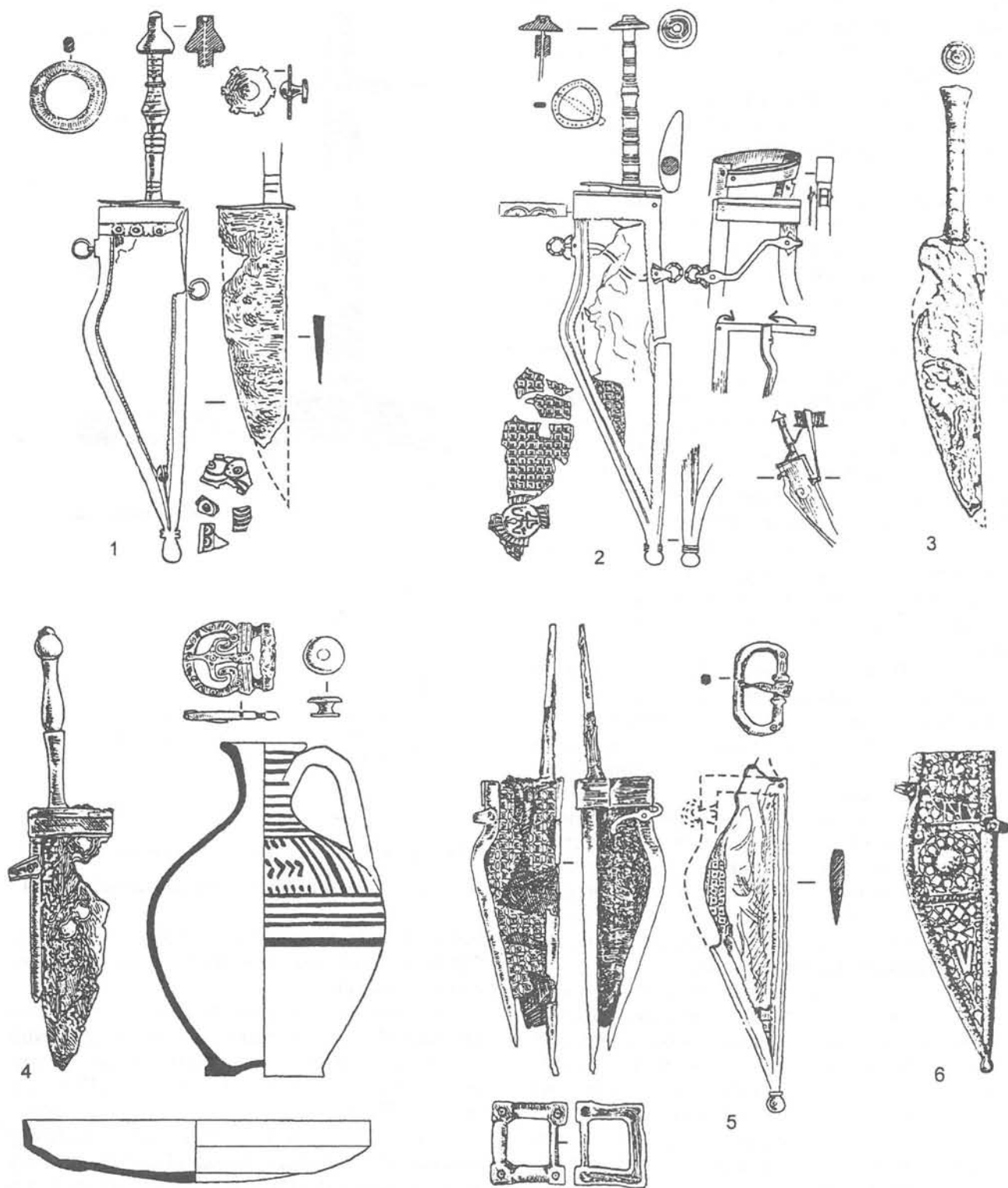

Рис. 2 Боевые ножи из Испании (по Педро де Палолу и Макс Мартину): 1 — погребение 100 могильника Симанкос; 2 — погребение 68 могильника Симанкос; 3 — погребение 10 могильника Мигэль-дель-Арройо; 4 — погребения 46 и 141 могильника Симанкос; 5 — ножны ножа из Альдеа-сан-Эстебан; 6 — нож из погребения 1 могильника Фунтерспредас.

Fig. 2 Battle knives from Spain (after Pedro de Palol and Max Martin): 1 — Grave 100 in the cemetery of Simankas Симанкос; 2 — Grave 68 in the cemetery of Simankas; 3 — Grave 10 in the cemetery of Miguel-del-Arroyo; 4 — Graves 46 and 141 in the cemetery of Simankas; 5 — knife sheath from Aldes-san-Esteban; 6 — knife from Grave 1 in the cemetery of Funterspredas.

это сделано Педро де Палолом и Максом Мартином в упомянутых работах, отметим лишь, что интересующие нас ножи встречены в ряде случаев с другими предметами, в частности, с пряжками в ажурном стиле *opus intregasile*, например, в погребении 133 могильника Симанкос (Palol 1964: fig. 8).

Бронзовые рукояти ножей, одночастные или из нескольких частей, по пропорциям тоже почти совпадают: при длине около 120-130 мм диаметр основной части не превышает в большинстве случаев 9-10 мм. Держать подобную рукоять рукой не совсем удобно и возникает ощущение, что эти ножи-кинжалы являлись не столько боевым оружием (хотя могли использоваться и по этому назначению), сколько символом определенного социального статуса (подобно кортикам современных морских офицеров).

Датировка испанских находок не вызывает особых сомнений, в ряде случаев они сочетаются в комплексах с местной краснолаковой керамикой второй половины IV в., с пряжками приблизительно того же времени (Palol 1964: fig. 1,2,4,6,8,9), хотя для некоторых типов, на наш взгляд, не исключается возможность их существования и во II-III вв. Орнаментальные мотивы в ажурной технике *opus intregasile*, украшающие ножны интересующего нас оружия, в мозаиках существуют от эпохи Северов до эпохи Юстиниана, как указано в одной статье того же издания (Wattenberg 1964).

Наиболее же чутким хронологическим индикатором являются 10 погребений могильника Симанкос около Вальядолида, где найдены аналогичные ножи (Manescau 1936-1939; Palol 1964: 85), а в других захоронениях присутствуют монеты от Констанция Галла (351-354 гг.) до Валента (364-378 гг.). Именно в это время вещи попали в погребения. К сожалению, в комплексах монеты ни разу не коррелировали с кинжалами. Более точные хронологические определения, при допустимости некоторого смещения в более позднее время, вряд ли возможны.

Поскольку в большинстве приведенных случаев сохранялись и фигурные ножны в стиле *opus intregasile*, то есть декорированные бронзовыми ажурными пластинами (Wegner 1960, 1977; Maueg 1960), не возникает особых сомнений, что мы имеем дело с неким локальным вариантом униформы римской армии. Кинжалы-кортики в ажурных, украшенных чернью или инкрустированных серебром ножнах, так называемые *rugio*, с Агустовского или даже еще с Цезаревского времени были на вооружении унтер-офицеров, центурионов римской армии (Bishop, Coulston 1989: 18, 29, 43-44, 53; fig. 4: 7-8; 15; 37: 5-6). Их изображения можно видеть, например, на надгробиях центурионов

Петилиуса Секундуса и Пинтаюса из коллекции Боннского музея (Führer 1985: Abb. 20, 22), на надгробии центуриона из Падуи (Bishop, Coulston 1989: fig. 6: 2) и других. Примеры можно легко умножить. Известны и находки самих *rugio* в римских лагерях Рейнско-Дунайского лимеса, скажем, в Оберадене (Kuhlborn 1990: 185-186) и Эхингене (Filtzinger 1986: Taf. 22) и других.

Вероятно, не случайно кинжалы такого типа были на вооружении именно центурионов, являясь и символом их звания. В отличие от рядовых солдат, эти командиры не носили щита, а будучи значительно более искушенными в фехтовании, обучение искусству которого и входило, в частности, в их задачи, они, если им и приходилось принять непосредственное участие в схватке, вероятно, использовали кинжал как оружие для левой руки. Техника фехтования такого рода сохранялась вплоть до XVII в. и описана в целом ряде дошедших до нас руководств по фехтованию.

Аналогичные находки *rugio* из Среднего Подунавья достаточно полно собраны и прокомментированы Евой Томас (Thomas 1969, 1971), а для Порейнья К. Экснером (Exner 1940) и И. Юпеем (Ypue 1960-1961). Изредка такие вещи попадали и за пределы лимеса к варварам. В частности, один такой кортик-кинжал в украшенных чернью ножнах 30-70-х годов I в. н.э. найден на Самбийском полуострове в Прибалтике (рис. 4: 1) (Nowakowski 1996: 69-70, Taf. 92: 1), что обычно связывают с упомянутой Плинием (Plin. N. N. IV: 80-81) экспедицией некоего всадника, посланного Нероном в Прибалтику для восстановления торговли по янтарному пути (Kolendo 1981; Nowakowski 1969: 70), хотя, естественно, доказать такую сопряженность невозможно.

Уже высказывались соображения, что к этой акции могли иметь некое отношение и надгробие Спурия Прима, италика, переводчика, центуриона XV легиона, а затем негодянта, обнаруженное в Среднем Подунавье (Kolnik 1977), и свидетельства легендарной части средневековой Литовской Хроники о Полямонисе, бежавшем вместе с семейством и 500 всадниками от преследований Нерона в Прибалтику (Ушинскас 1988; Шукин 1994: 224-226; Шукин 1998).

Впрочем, все достаточно многочисленные *rugio* I-II вв., напоминающие по общим очертаниям и декору интересующие нас боевые ножи, относятся к более раннему времени и всегда двулезвийны. В целом эволюцию этого вида оружия, можно представить следующим образом. На наш взгляд, Педро де Палол абсолютно прав, когда относит появление коротких биметаллических мечей-кинжалов со сравнительно тонкой рукоятью в Приальпийско-Припиренейской

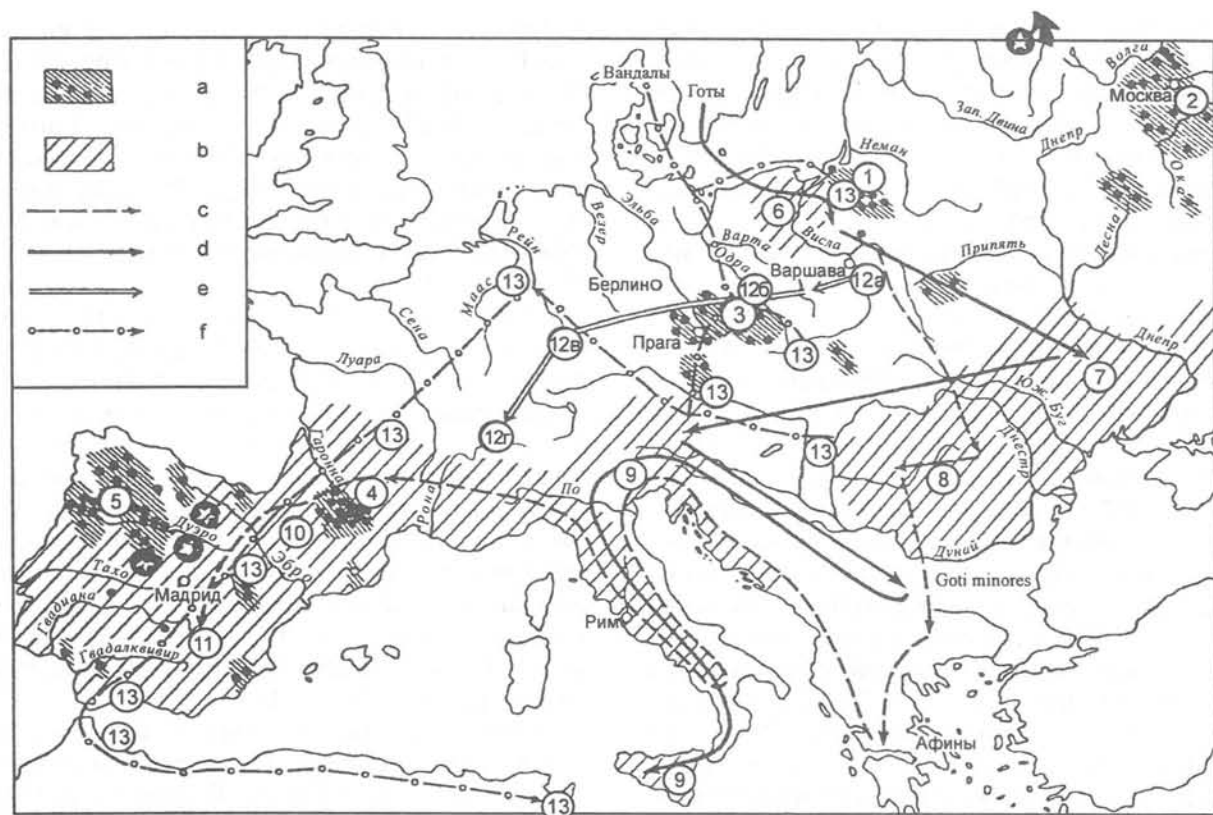

Рис. 3 Карта распространения элемента -Galind- на фоне миграций восточно-германских племен (по В. Н. Топорову). а – распространение элементов -Galind-; б – территории вестготов; с – маршрут вестготов; д – маршрут готов и остготов; е – маршрут бургундов; ф – маршрут вандалов. 1 – прусская Галлиндия; 2 – подмосковная «голядь»; 3 – «галинды» польско-чешского пограничья; 4 – ном. propr. -Galind- из Сен-Серие (Тулуза); 5 – Пиренейские «галинды»; 6 – Нижневислянские готы (1-200 г. н.э.); 7 – остготы (200-433 г. н.э.); 8 – вестготы (200-375 г. н.э.); 9 – остготы (432-471 г.); 10 – вестготы с 419 г.; 11 – вестготы (460-711 г.); 12 а-г – бургунды: (а: I в. до н.э. – II в. н.э.; б: III-IV вв. н.э.; в: 410-433 г.; г: 433-534 г.); 13 – вандалы.

Fig. 3 Map of the dissemination of Galind- element in the context of migrations of East-Teutonic tribes (after V. N. Toporov): а – dissemination of Galind- elements; б – territories of Visigoths; с – the routes of Visigoths; д – the routes of Goths and East Goths; е – the routes of Burgunds; ф – the routes of Vandals. 1 – the Prussian Gallindia; 2 – «Golyad» of the Moscow neighbourhood; 3 – «Galinds» of the Polish and Czech boundary; 4 – nom. propr. -Galind- from Saint-Serien (Toulouse); 5 – Pyrenean «Galinds»; 6 – Lower Vistula area Goths (1-200 A.D.); 7 – Ostrogoths (200-433 A.D.); 8 – Visigoths (200-375 A.D.); 9 – Ostrogoths (432-471 A.D.); 10 – Visigoths since 419 A.D.; 11 – Visigoths (460-711); 12 а-г – Burgunds: (а: 1st century B.C. – 2nd century A.D.; б: 3rd-4th centuries A.D.; в: 410-433 A.D.; г: 433-534 A.D.); 13 – Vandals.

зоне к эпохе позднего Гальштата и раннего Латена VII-IV вв. до н.э. (Palol 1964: 98-102). Как известно, римская армия восприняла целый ряд форм кельто-этруско-иберийского вооружения, что случилось в основном, при унификации вооружения в связи с реформами Гая Мария в конце II в. до н.э., превратившими ополчение в регулярную армию с централизованным снабжением оружием. Были восприняты, получив дальнейшее развитие, и кельто-этруские шлемы типа Монтефортино, и большие кельтские щиты типа Тюэрос с продольным ребром, став несколько меньше их прототипов, и другие элементы вооружения и военного снаряжения. Одним из проявлений этого процесса могли быть и кинжалы-*rigio*, и прежде, в кельто-иберийской среде, служившие показателем высокого социального статуса, ставшие, во всяком случае с эпохи Августа, символом звания центуриона. Кстати, самые ранние

rigio происходят именно из Испании (Bishop, Coulston 1989: 18, fig. 4: 7-8). Использование их продолжалось вплоть до реформ армии при Клавдии Готском, Аврелиане и Диоклетиане в конце III в. н.э. С этого времени мы уже не имеем свидетельств употребления этого типа оружия в римских легионах вдоль Рейнско-Дунайской границы и только в Испании, на сравнительно узком участке, вдруг проявляется продолжение традиций в несколько видоизменном однолезвийном виде. Трудно сказать, почему это произошло именно здесь. Возможно сказывалась старая традиция иберийского населения пользоваться однолезвийными выгнутыми мечами типа греческой махайры или значительно более поздних янычарских кинжалов-ятаганов, приемы употребления которых, в силу сходства конфигурации клинка, должны были быть близки.

Интересные материалы были опубликованы в статье Ежи Колендо об одном надгробии,

обнаруженном в Нарбонне в южной Галлии по другую сторону Пиринеев и датированном I в. н.э. На этом надгробии изображен нож, по пропорциям и конфигурации очень напоминающий интересующие нас предметы (Kolendo 1996: Рус. 1), тоже широкий, однолезвийный со сравнительно тонкой рукоятью. Надгробие было посвящено некому Лугиусу. Ежи Колендо не без оснований полагает, что он был выходцем из племенного союза лугиев, обитателей нынешней Польши и носителей пшеворской культуры (Тас. Germ.: 43; Godłowski 1985: 141). Судя по другим источникам, то же население называлось вандилиями или вандалами (Plin. H. N. IV: 99-100; Godłowski 1985: 143).

Из текста надписи на надгробии ясно, что упомянутый персонаж был рабом, а точнее вольноотпущенником, поваром. В таком контексте изображение «кинжал» может рассматриваться не как оружие, а как обычный кухонный нож, тем более, что, если не считать пряжек, характерных для римских воинских поясов-портупей, других предметов вооружения в интересующих нас захоронениях не обнаружено. Этому, однако, противоречит удивительно богатое и эффектное декорирование ножен ножей, совпадающих с оформлением вооружения офицеров римской армии. Объяснить это противоречие трудно, но в данном контексте, быть может, следует напомнить еще об одной фигуре, игравшей значительную роль в расстановке политических сил Припиренейско-Приальпийского регионов. Имеются ввиду багауды, крестьяне и беглые рабы разного происхождения, создававшие в III-V вв. вооруженные разбойничьи банды, боровшиеся партизанскими методами с любой централизованной властью, была ли это власть императоров Западной Римской Империи, вестготов, вандалов и прочих. Временами эти банды багаудов были достаточно хорошо организованы и вооружены, хотя первоначально, очевидно, использовалось любое подручное оружие, включая и кухонные ножи. В сумятице политических событий времени кризиса Римской Империи багауды могли контролировать и некоторые «партизанские» районы, где возникала своя специфическая субкультура. Возможно, таким был и район Саламанки-Бургоса, однако, это только наши предположения.

Ривьера Маньяско, исследователь могильника Симанкос, считал памятник визиготским (Manescau 1936-1939), но имеется определенное хронологическое несоответствие. Монеты и прочие находки указывают на вторую половину IV в., тогда как Вестготы=Визиготы (Shchukin 1994) могли появиться в Испании не ранее 411 г., когда их король Атаульф,

наследовавший разрушителю Рима Аллариху и женившийся на плененной при этом сестре императоров Восточной и Западной Империй Галле Плисидии, увел свой народ-войско из разоренной Италии на запад. Они обосновались в южной Галлии, хотя возможно уже тогда проникали и за Пиренеи (Iord. Get.: 158-164). В основном же вестготы появились на территории Испании несколько позже, около середины V — начала VI вв., а археологические данные свидетельствуют даже о более позднем времени — VI-VII вв. (Ripoll Lopez 1994; Konig 1980). Вестготское королевство с центром в Толедо существовало именно в это время.

Впрочем, за последние годы испанские археологи начинают выявлять древности, которые могут относиться к началу — первой половине V в. и быть связаны с вестготами Атаульфа, Сигериха, Валии и их наследниками. Но чаще всего это отдельные находки вещей (фибул, пряжек, гребней), действительно имеющих центрально-европейское происхождение, но в Испании большая часть их обнаружена или при случайных обстоятельствах, или на памятниках местного иберийского населения позднего римского времени, или, вероятно, уже в качестве пережитка, на известных вестготских могильниках (Perez Rodriguez-Aragon 1991, 1992, 1996; Nuno Gonzales 1989, 1991; Kazanski, Lepart 1995).

Никаких общих черт памятников вестготов периода Толедского государства, отчетливо представленных, например, могильником Дуратон около Сеговии (Ripoll Lopez 1994: 312-315) и другими, с интересующими нас в данный момент предшествующими захоронениями с боевыми ножами, не выявляется. Нет ни характерных больших серебряных двупластинчатых фибул, ни пряжек с полихромным украшением в технике клуазонне, ни орлиноголовых фибул, ни прочих черт эпохи Великого переселения народов, связываемых обычно с расселением вестготов. Да и все могильники на линии Саламанка-Вальядолид-Бургос оказываются лишь на самом северо-западном пограничье ареала вестготов и даже скорее за его пределами (Ripoll Lopez 1994: fig. IV, 14).

С некоторым основанием упомянутые памятники можно связать с появившимися в Испании на несколько лет ранее, в 406 году, вандалами, свевами и аланами, занявшими северо-западные районы Пиренейского полуострова. Впрочем, сколь-нибудь определенных памятников этого пришлого населения пока не выявлено, опять же существует и некоторое хронологическое расхождение.

Таким образом, сегодня мы не в состоянии определить этническую принадлежность людей, оставивших интересующие нас могильники. Это могла быть и некая кельто-иберийская

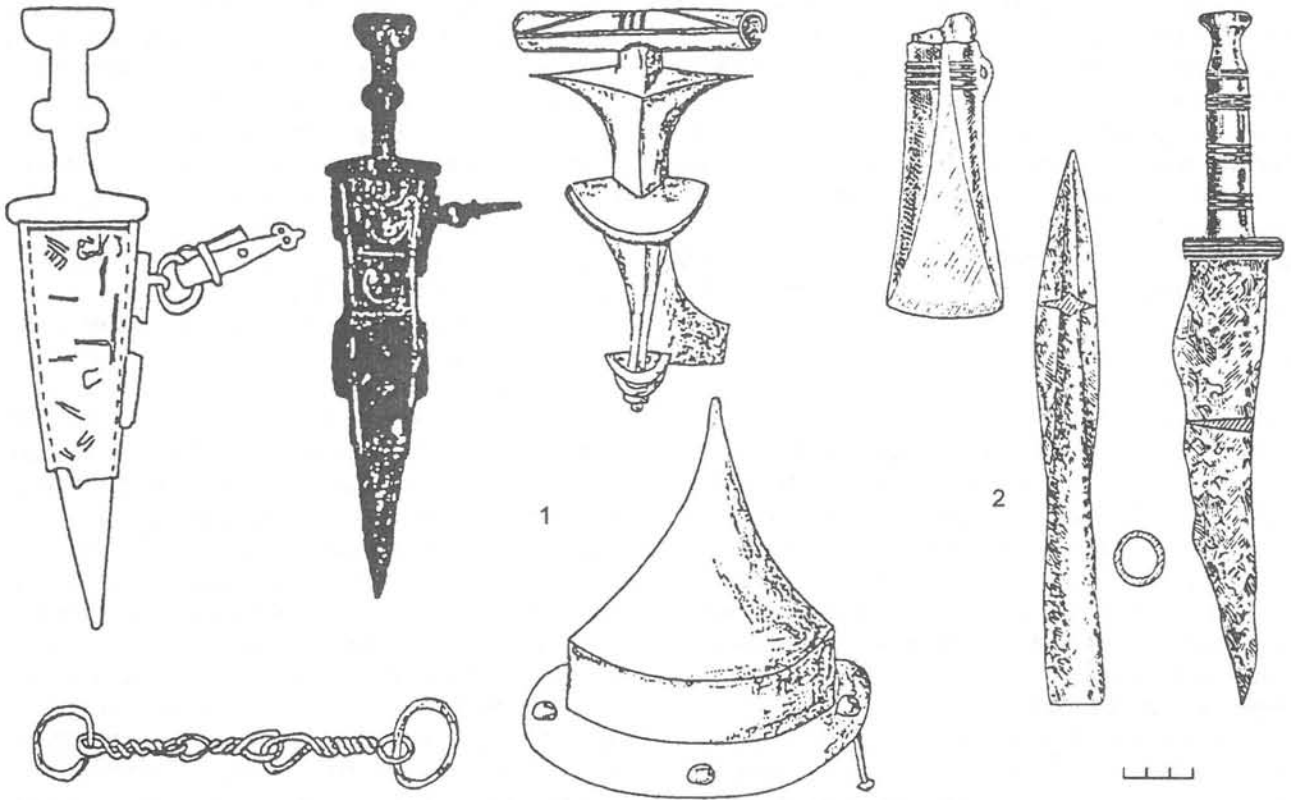

Рис. 4 Отдельные находки ножей-*pugio* на территории Восточной Европы: 1 — комплекс погребения из Илишкена на Самбийском полуострове (Калининградская область) с кинжалом-*pugio*; 2 — биметаллический нож из погребения 568 Старшего Ахмыловского могильника ананьинской культуры VIII-VI вв до н.э. (по В. С. Патрушеву, А. Х. Халикову).

Fig. 4 Single finds of knives «*pugio*» on the territory of Eastern Europe: 1 — a funerary assemblage from Ilishken on the Sambian Peninsula (the Kaliningrad Oblast) containing a dagger-*pugio*; 2 — bimetallurgical knife from Grave 568 of the Starshiy Akhmylovsky Cemetery of the Anan'ino Culture of the 8th-6th centuries B.C. (after V. S. Patrushev and A. Kh. Khalikov).

группировка местного романизованного населения, почему-то воспринявшая в несколько трансформированном виде часть униформы римской армии в качестве местной моды. В других частях Испании и Европы нет подобных находок. Могла быть это и группировка неких варваров-федератов, военных поселенцев из числа вспомогательных войск, ауксельриев римской армии, размещенная по каким-то соображениям именно в этом регионе. В источниках, насколько мы знаем, данные о такой акции отсутствуют. Могли быть и упомянутые партизаны-багауды.

Загадкой остается и вопрос, при каких обстоятельствах один из боевых ножей, свойственный этой сравнительно небольшой локальной группе населения, мог оказаться за тысячи километров в совсем противоположном глухом уголке Европы, в лесах бассейна Луги, где, казалось бы, и населения никакого на тот момент

не существовало? Загадка на сегодняшний день неразрешимая.

Тем не менее, некоторые свидетельства отдаленных контактов противоположных юго-западных и северо-восточных уголков Европы, осуществляемых, вероятно, не столько непосредственно, сколько посредством взаимных связей через Центральную Европу, в эпоху позднеримского времени и начала Великого переселения народов существуют. Мы имеем ввиду и умбон шита из Доложского Погоста вблизи Петербурга с характерным «жемчужным» орнаментом по краю канта (Спицын 1896: табл. 18, 16), аналогии которому находят-ся не только в Литве и Белоруссии, но и далеко на западе, во Фландрии (Kazanski 1991: 6-8, Fig. 3); и находку большой серебряной двупластинчатой фибулы в погребении 144 могильника Плинкагайлис в Литве (Kazakevičius 1993: 181 pav); и знаменитое княжеское погребение в Таурапилсе с целой

серией западноевропейских параллелей (Tautavicius 1981; Wegner 1977a; Каргапольцев 1994: рис. 48).

Фибула из Плинкагайлуса в этом отношении особенно показательна, именно такого рода застежки считаются характерной этнографической чертой готского женского костюма середины — второй половины V века, достаточно хорошо они представлены и в вестготских могильниках Испании (Lopez 1994: Fig. IV, 16-20). В Прибалтике фибула найдена, впрочем, в мужском погребении и в совсем необычном для готских захоронений месте, в области таза.

Сейчас мы не намерены обсуждать сложную тему контактов между Западной Европой, Восточной Прибалтикой и лесной зоной Восточной Европы, она достаточно долго дебатировалась в литературе, а помещенная в предыдущем томе «Вестей» статья М. Казанского и специально посвященная этому сюжету работа С. Ю. Каргапольцева (1998) окончательно избавляют нас от такой необходимости. В этой связи можно упомянуть еще несколько работ, которые в момент написания статьи М. Казанским, не были ему известны (Фурасев 1997; Мяззвездеў 1996; Лухтан 1997).

Отметим еще два факта. Во-первых, это свидетельство Кассиодора о попытках жителей Прибалтики эстиев установить контакты с остготским королем Теодорихом Великим, который обосновался в Италии в 493 года, и прислать ему дары в виде груза янтаря (Cass. *Variae* V: 2; Скржинская 1960: 221; Werner 1977a). Во-вторых, при просмотре в музеях Толедо и Мадрида коллекций из вестготских могильников, поражает обилие янтаря — длинные низки янтарных бус буквально опутывают шею и грудь погребенных, особенно в могильнике Кастильтьерра. В публикациях вестготских могильников (Terrasena Aguirre 1925/26; Almagro Basch 1975; Molinero Perez 1971 и др.) и даже в обобщающем труде Магдалены Мончинской о вестготских бусах (Măczińska 1991) этот момент не столь отчетливо выражен, поскольку описывается лишь типология бус, а не их количественное соотношение. Впрочем, из статьи польской исследовательницы ясно, что в обработанных ею коллекциях, куда не входили материалы могильника Кастильтьерра из-под Толедо, янтарные бусы составляли 34% от прочих, что, учитывая отдаленность источника янтаря, на удивление много.

Любопытно, что в остготских памятниках Италии бусы, в том числе янтарные, сравнительно редки (Măczyńska 1991: 170). Быть может эстии потому и добивались контактов с остготским королем, что связи с вестготами у них существовали и прежде, а теперь они надеялись на расширение рынка, тем более, что

Теодориху удалось, благодаря целому ряду дипломатических и политических усилий, а также династических браков, на некоторое время вновь объединить остготов и вестготов (Iord. *Get.*: 295-306). Во всяком случае *de jure* вестготы вошли в состав его державы, хотя сугубо номинально и на короткое время. Естественно, эстии должны были искать контактов с Теодорихом.

Впрочем, все перечисленные выше свидетельства относятся к несколько более позднему времени, чем интересующие нас кинжалы и единственное, что можно таким образом доказать, это лишь принципиальную возможность существования контактов между отдаленными уголками Восточной и Западной Европы.

В данном контексте нельзя не упомянуть и нашумевшую в свое время статью лингвиста В. Н. Топорова о прибалтийских галиндах в Западной Европе (Топоров 1982). Он отметил определенную концентрацию топонимов с корнем *-galind* в разных уголках Европы, в частности, в северо-западной Испании. Мы не будем сейчас обсуждать работу В. Н. Топорова с точки зрения археологов, некоторые из привлекаемых автором археологических данных весьма устарели и вообще не соответствуют действительности, а в какой мере привлекаемый лингвистический материал корректен, судить не нам. Но в некоторой степени лингвистико-археологические сопоставления и реконструкции В. Н. Топорова не лишены интереса и мы сочли возможным воспроизвести опубликованную им карту, поместив на нее обсуждаемые памятники из окрестностей Саламанки, Вальядолида, Бургоса и Луги (рис. 3). Если лингвистические построения В. Н. Топорова хотя бы частично верны, то вполне возможно, что какие-то группировки балто-галиндов из Восточной Прибалтики действительно могли принимать участие как в событиях I-III вв., связанных с передвижениями готов, гепидов, герулов, а быть может, и других племен, между Балтикой и Черным морем (Шукин 1994: 222-280), так и в бурных процессах эпохи Великого переселения народов, когда масса варварских племен под давлением гуннской угрозы устремилась в конце IV — первой половине V вв. на запад. Среди них были и вандалы (если верить сопоставлению письменных и археологических источников, они были носителями пшеворской культуры и одними из ближайших соседей галиндов, археологический облик которых пока достоверно не выявлен), и бургунды, и вестготы с остготами, и аланы из Восточной Европы, и свевы из Центральной Европы и другие племена.

Отметим, что, исходя из имеющихся данных, участие галиндов в мероприятиях вандалов при

переселении на запад представляется более реальным, чем в составе племен готского союза, так как они были более близкими соседями, и топонимы *-galind* концентрируются на землях северо-западной Испании, где, по мнению большинства исследователей, были сосредоточены пришедшие около 406 г. племена вандалов, аланов и свевов, которые господствовали здесь вплоть до 430 г., когда король вандалов Гензехрих увел большую часть своих подданных и союзников (80 тысяч, не считая жен и детей) в Северную Африку.

В аналах истории участие галиндов в названных процессах никак не зафиксировано. Если искать ему какие-то археологические соответствия, то сходство кинжала из-под Луги с находками около Саламанки-Вальядолида-Бургоса оказывается, по сути дела, единственным показателем. Хотя Луга находится отнюдь не в области основного расселения галиндов, отмеченного Клавдием Птолемеем для II века н.э. (Ptol. Geogr. III: 5, 9) в бассейне реки Хрона, сопоставляемого с Неманом (Булкин 1993), а значительно северо-восточнее, но все же сравнительно близко. Не совсем совпадает и хронология — возраст испанских кинжалов чуть старше свидетельств о передвижениях вандалов.

Мы не знаем и, очевидно, никогда не сможем узнать, каким образом боевой нож, изготовленный, возможно, где-то на северо-западе Испании, попал так далеко на Северо-Запад России. Оказался ли некий выходец из этих или соседних районов Прибалтики на службе в римской армии, во вспомогательных войсках дислоцированных в долине Тахо, а затем, вероятно не без приключений, вернулся на родину. Или некий галинд, приняв участие в переселениях соседей-вандалов, попал в Испанию, получил нож в качестве трофея или подарка и вернувшись назад имел какие-то контакты с предками носителей культуры длинных курганов. Или судьба «кортика» была еще более сложной, он долгое время переходил из рук в руки пока наконец не оказался захороненным или потерянным под Лугой. Разнообразных версий можно придумать много, но ни одну из них нельзя доказать.

Тем не менее факт остается фактом. Боевой нож с тонкой бронзовой рукоятью, оружие весьма специфичной формы, был найден в окрестностях Луги и сходство его с серией кинжалов IV в. из Испании столь значительно, что определенная связь между этими находками, несмотря на огромность разделяющего их расстояния, должна была существовать.

Булкин, В. А. 1993. Мачинский, ставаны, КШК и др. // Петербургский археологический вестник 6: 96-98.

Каргопольцев, С. Ю. 1994. Северо-Запад Восточной Европы в системе общеевропейских древностей III-VI вв. Архив ИИМКРАН. Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.

1998. Северо-Запад Восточной Европы III-VI вв. в контексте общеевропейских древностей. (Некоторые проблемы и взаимосвязи) // Этногенез и этнокультурные связи славян. Материалы VI Международного конгресса славянской археологии III: 88-98. Москва.

Лухтан, А. Б. 1997. Война V века в Литве // Гістарычна-археалагічны зборнік 11: 15-20. Мінск.

Мядзведзёў, А. М. 1996. Насельніцтва лясной паласы ўсходняй Еўропы і падзеі Вялікага пераселення народаў (да пастаноўкі праблемы) // Гістарычна-археалагічны зборнік 10: 12-20. Мінск.

Патрушев, В. С., А. Х. Халиков. 1982. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). Москва.

Скржинская, Е. Ч. 1960. Иордан. О происхождении и деяниях гетов // Getica. Вступительная статья, перевод, комментарии. Москва.

Спицын, А. А. 1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. Материалы по археологии России 20. Санкт-Петербург.

Топоров, В. Н. 1982. Галинды в Западной Европе // Балто-Славянские исследования: 123-129. Москва.

Ушинская, В. А. 1988. Формирование раннегосударственной территории Литвы I-XIII вв. (по данным археологии). Архив ИИМКРАН. Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.

Фурсов, А. Г. 1997. Демидовка и Узьмень. Нетрадиционный взгляд на «классические» памятники // Гістарычна-археалагічны зборнік 11: 33-38. Мінск.

Щукин, М. Б. 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. — I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. Санкт-Петербург: Фарн.

1998. Янтарный путь и вены // История и культура древних и средневековых обществ. Проблемы археологии IV: 198-208. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ.

Almagro Basch, M. 1975. La necropolis hispano-visigoda de Segobriga, Saelves (Cuenca) // Excavaciones arqueológicas en España 84: 116-118.

Bishop, M. C., J. C. Coulston. 1989. Roman Military Equipment. Aylesbury: «Shire Publication Ltd».

Exner, K. 1940. Dolchscheiden mit Tauschirung und Emailverzierung // Germania 24/1: 218-228.

Filtzinger, Ph. 1986. Die römische Besetzung Baden-Württembergs // Die Römer in Baden-Württemberg. Stuttgart und Aalen: Konrad Theiss Verlag.

Führer. 1985. Führer durch die Sammlungen Rheinisches Landes-Museum Bonn. Köln.

Godłowski, K. 1985. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i okresie rzymskim. Wrocław etc.: «Ossolenium».

Kazakevičius, V. 1993. Plinkaigalio kapinynas // Lietuvos Archeologija 10.

Kazanski, M. 1991. Quelques objets baltes trouvés en Gaule, dates entre du IV-e siècle et le VIII-e siècle. A propos des contacts entre l'Occident et le rivage oriental de la mer Baltique // Archéologie médiévale XXI: 1-20.

Kazanski, M., J. Lepart. 1995. Quelques documents du V-e siècle ap. J.C. attribuables aux wisigoths découverts en Aquitaine // Aquitania XIII: 193-200.

Koenig, G. G. 1980. Archäologische Zeugnisse westgotischer Präsenz im 5. Jahrhundert // Madrider Mitteilungen 21: 220-247, Taf. 59-67.

Kolendo, J. 1981. A la recherche de l'ambre baltique. L'expédition d'un chevalier romain sous Neron. Warszawa: «Ossolenium».

1996. Lugijs — człowiek z pleimienia Lugiów w inskrypcji z Narbo // Studia Gothica I: 185-193. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

Kolnik, T. 1977. Rimski nadpis z Bodlogu // Slovenska archeologia XXV-1.

Kuhlborn, J.-S. 1990. Die augustischen Militärlager an der Lippe // Archäologie in Nordrhein-Westfalen: 185-186. Köln: «Römisch-Germanisches Museum der Stadt Köln».

Mączyńska, M. 1991. Westgotischen Perlenfunde von Gräberfeld Carpio de Tajo und aus den Sammlungen in Barcelona und Nürnberg // Madrider Mitteilungen 33: 145-183, Taf. 24-27.

Manescau, R. 1936-1939. La necropoli visigoda de Simancas (Notes para su estudio) // Boletín del seminario de estudios de arte y arqueología V/XIII-XXI: 7. Valladolid.

Martin, M. 1993. Observation sur l'armement de l'époque mérovingienne précoce // L'arme romaine et les barbares du III-e au VII-e siècle. «Association Française d'Archéologie Mérovingienne et la Société des Amis du Musée des Antiquités Nationales»: 395-409. Paris.

- Mayer, E. 1960. Zur zeitliche und kulturelle Stellung des Dolchortbandes von Gundsorf, Kr. Leipzig // *Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege* 8.
- Molinero Perez, A. 1971. Aportaciones de las excavaciones y hallazgos casuales (1941-1959) al Museo Arqueológico de Segovia // *Excavaciones Arqueológicas en España LXXII*.
- Müller-Karpe, H. 1961. Die Vollgriffschwerter des Urnenfelderzeit aus Bayern. München.
- Nowakowski, W. 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit der barbarischen Welt: 69-70. Marburg-Warszawa: Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderb 10.
- Nuno Gonzalez, J. 1989. A proposito de dos fibulas visigodas procedentes de la Santos de la Humosa (Madrid). Armbrustfibeln y Bugelknopffibeln en la península Ibérica // *I Curso de cultura medieval*. Aguilar de Campoo. October 1989. Actes.
1991. A proposito de dos fibulas visigodas procedentes de los Santos de la Humosa (Madrid). Armbrustfibeln y Bugelknopffibeln en península Ibérica // *Actes de I Curso de la Cultura Medieval*. Aguilar de Campoo. October de 1989. Aguilar de Campoo: 177-217.
- Orsnes, M. 1988. Ejsbol I. Waffnopferfunde des 4.-5. Jahrh. nach Chr. København. Det kongelige nordiske oldskriftselskab.
- Palol de P. 1964. Cuchillo Hispanorromano del siglo IV de J.C. // *Bolletín del seminario de estudios de arte y arqueología XXX*: 67-102. Valladolid.
- PerezRodrigues-Aragon, F. 1991. Los broches de los centuriones tardoromanos y el inicio de la presencia germanica en la península Ibérica // *Codex Aquilarensis. Cuadernos de investigación del Monasterio de Santa Maria le Real 4*: 63-133. Acailar de Campo (Palencia).
1992. La cingula militae tardoromanos de la península Ibérica // *Bolletín del seminario de estudios de arte y arqueología LVIII*: 239-261. Valladolid.
1996. La cultura de Tchernjahov, la diaspora Gothica y el pline de Cabuelos // *Bolletín del seminario de estudios de arte y arqueología LXII*: 173-184. Valladolid.
- Rippoli Lopez, G. 1994. Archeologia visigota in Hispania // *I Goti*: 301-328. Milano. «Electa».
- Shchukin, M. B. 1994. Notes to the Problem of Visigoths and Ostrogoths on the Northern Black Sea Littoral // *Congresso Hispano-Russo 6 de historia*: 55-67. Madrid.
- Tautavičius, A. 1981. Taurapilio «kunigaicio» kapes // *Lietuvos archeologia 2*: 18-43. Vilnius.
- Terracena Aquiere, 1925-1926. Excavaciones en las provincias de Sorio y Longrono // *Memorias de la Junta Superiode excavaciones y antedades 86*: 23-30.
- Thomas, E. B. 1969. Römische Legionarsdolch von Dunafoldvar // *Folia archaeologica XX*: 25-47.
1971. Helme, Schilde, Dolche. Studien über Römisch-Pannonische Waffenfunde. Budapest.
- Ulbert, G. 1969. Gladii aus Pompeji // *Germania 47*: 97-128. Berlin.
- Wattenberg, F. 1964. Los mosaicos de la villa de Prado // *Boletín del seminario de estudios de arte y arqueología XXX*: 115-127. Valladolid.
- Werner, J. 1977. Spätlatene Schwerter norischer Herkunft // *Symposium Ausklang der Latène-Zivilisation und Anfänge der germanische Besiedlung im Mittleren Donaugebiet*. Bratislava.
- 1977a. Der Grabfund von Taurapils, Rayon Utena (Litauen) und die Verbindung der Balten zum Reich Theodorichs // *Archäologische Beiträge zur Chronologie der Völkerwanderungszeit*: 87-92. Bonn.
1979. Opus Interrasile an römischen Pferdegeschirr des 1. Jahrhunderts // *Spätes Keltenum zwischen Rom und Germanien*: 54-68. München.
- Ypey, J. 1960-1961. Drei römische Dolche mit tauchierten Scheiden aus niederländischen Sammlungen // *Berichten van de Rijksdienst voor het Ouheidkundig Bodenmonderzoek Amersfoort X-XI*: 347-362.

A STRANGE ACCIDENTAL FIND FROM THE NEIGHBOURHOOD OF THE TOWN OF LUGA IN THE LENINGRAD OBLAST

N. I. PLATONOVA, M. B. SHCHUKIN

Here an interesting object found by accident in 1986 near the town of Luga is presented. It is a single-edged sword, rather a dagger, or better, a battle iron knife with a relatively thin bronze hilt. Its blade is preserved only to the length of 86 mm (fig. 1). The circumstances of its discovery are not altogether clear. According to one hypothesis it was found by some schoolchildren near the village of Turovo, not far from Luga, during illicit excavation of a mound in a cemetery of the archaeological culture of Pskov and Novgorod Long Kurgans. Another supposition is that the object was found during digging works somewhere near Luga. In one way or the other, the result is that the dagger came between hands of archaeologist N. I. Platonova and now it is being passed to be stored in the State Hermitage.

The first associations which this find arouses are the bimetallic daggers, or short swords, of the Halstat and early Latène age from the Alpine-Pyrenean region. Also there is fairly close, though just a single, parallel of approximately the same period, 8th-6th centuries B.C., from the Verkhne-Akhmilovsky cemetery of the Anan'ino Culture in the Central Volga area (Патрушев, Халиков 1982, table 84: 1 а-в) (fig. 4: 2).

However, yet closer parallels are found at quite another period and another place. These are among a series of finds from graves dating to the second half of the 4th or beginning of the 5th century from the cemeteries of San Miguel del Arroyo, Simankas, Hornillos del Camino, Nuez de Abajo and some others, all concentrated in a relatively narrow

region of the northwestern Spain between Salamanca, Valladolid and Burgos (Palol Palolu 1964; Martin 1993). In these graves 21 funerary assemblages containing similar knives were found. Most of the latter resemble remarkably the Luga find in all its aspects. We represent only some of the Spanish sets (fig. 2).

The majority of the Spanish finds retained also sheathes of the knives decorated either with a stamped pattern or made in the azure style of *opus interrasile*, characteristic of the uniform of the Roman army.

In particular, the sheathes of two-edged daggers called *pugio* were shaped in such a way. They served as a distinguishing mark of corporals — centurions, and are well represented both in images on the latter's gravestones and in finds from fortified camps along the Rhine-Danube *limes*.

Occasionally pugios reached the hands of Barbarians, an example of which, as concerns the Baltic Sea area, is a find of a similar dirk (fig. 4: 1) (Nowakowski 1996: Taf. 92: 1) in a military burial of the 1st century A.D. on the Sambian Peninsula in what is now the Kaliningrad Oblast (fig. 3: 2). Since the end of the 3rd century these weapons got out of use in the Roman army proper, but for some reason they were preserved in their one-edged variety among the population of the northwestern Spain region.

We are uncertain about the ethnic belonging of the population which left behind it the cemeteries in the region of Salamanca-Burgos, they were attributed to Visigoths (Manescau 1936-1939) who appeared not earlier than in 411 in Spain.

However, there are equally good reasons to connect them either with the local Celto-Iberian population of the late Roman age or with the Vandals who penetrated the northwestern part of the Iberian Peninsula in about 406, or with a certain mixed group of Barbarians — Federates of the Roman Army stationed in this region, or also with the not less international group of revolted slaves Bogauds who are known to have played a considerable role in alignment of political forces in the Pyrenean and Alpine region in the 3rd to 5th centuries A.D.

Of course, it remains a mystery how the battle knife from the northwestern Spain could have turned up at the far North-West of Russia — the opposite nook of Europe. However, both the abundance of amber beads in Visigothian graves (Maćczyńska 1991) and statements by Cassiodorus (Cass. *Variae*, V, 2) about Baltic Aesti searching contacts with Theodoric the Great, king of Goths, and presenting him gifts of a cargo of amber, as well as a certain series of archaeological evidence (Kazanski 1991; Kazakevičius 1993, 181 pav.) — all this points to existence of contacts between the Baltic coasts and the western Mediterranean in the 5th and 6th centuries.

In this connection, one mentions also evidence by linguist V. N. Toporov (1982) about a concentration of Baltic toponyms with the *-galind* roots in the northwestern Spain (fig. 3). It is possible that part of the members of this Baltic tribe which inhabited the basin of Neman took part in the migrations to the West of Vandals or Goths. In that case, the contact of the populations of the two so distant regions attested by the Luga find would be explained though we cannot know in detail and for certain about these events.

ДЕРЕВЯННЫЕ ОРУДИЯ С ПОСЕЛЕНИЯ ВИС II В БАССЕЙНЕ ВЫЧЕГДЫ (середина I тысячелетия н.э.)

Г. М. БУРОВ¹

Вис II — многослойный памятник с инвентарем от мезолита до раннего средневековья в районе озера Синдорского (Республика Коми). Самый поздний комплекс здесь принадлежит к ванвиздинской культуре и резко превосходит по количеству вещественного материала другие поселения. Научная ценность этого комплекса обусловлена тем обстоятельством, что ванвиздинский культурный слой почти в чистом виде обнаружен в старичных отложениях, обладающих консервирующим свойством по отношению к находкам из дерева, коры и травы. В небольшое подковообразное озеро, оставленное рекой у песчаного террасного останца, на котором находилось поселение, сбрасывались и попадали случайно культурные остатки. Здесь при раскопках 1962–1966 гг. обнаружены предметы из растительного сырья вместе с керамикой, рогово-костяными вещами, кремневыми скребками и бусинами из стекла (Буров 1964, 1966, 1966а, 1967, 1967а, 1968, 1968а, 1981, 1983, 1984, 1989, 1993, 1995; Burov 1996). Исключительный интерес представляют разнообразные находки из дерева, относящиеся к самому началу средневековья. Для этого времени впервые собрана столь представительная коллекция деревянных изделий.

Огромное количество глиняной посуды принадлежит раннему этапу ванвиздинской культуры (V в. н. э.), а к непосредственно предшествующему позднегляденовскому времени (IV в.) относится лишь 3% керамики. Это соотношение в керамике, на наш взгляд, может быть перенесено и на соотношение других видов находок, таким образом практически все деревянные изделия памятника можно рассматривать как ранневанвиздинские.

Уникальные и редкие изделия из дерева, коры и травы, найденные в Висе II (228 экз.), делятся на предметы вооружения (40,4%), приспособления для рыболовства (7,9%), вещи домашнего обихода и культа (6,1%), фрагменты средств перевозки и передвижения (4,9%),

инструменты для земляных работ (0,9%), орудия ремесла (15,3%) и неопределенные изделия (24,5%). В эту статистику (Буров 1993: табл. 1) не включены встреченные в массовом количестве остатки рыболовных сооружений и маловыразительные полуфабрикаты.

Орудия деревообрабатывающего ремесла (чекмарь, рукояти тесел с трапециевидным пазом и кельтов с конической втулкой) охарактеризованы в специальной статье (Буров 1993). Настоящая работа касается 29 прочих предметов ремесленного производства из дерева, предназначенных для обработки шкур, сухожилий, волокнистых веществ и глины. Этот материал в основном еще не опубликован. Описываемые орудия, за единственным исключением (рис. 4: 3), изготовлены из древесины хвойных пород, преимущественно из сосны (Буров 1993: табл. 2). Это — двуручные скребки, Т-образные кнопки, размягчитель ремней, гребни, пряслица, лопаточки, гребенчатый штамп, заостренные палочки.

Двуручные скребки. Для обработки шкур в ванвиздинское время применялись главным образом массивные скребки из низкокачественного кремня, найденные почти на всех поселениях с ванвиздинской керамикой (Буров 1967б: 152–153). Однако существовали также деревянные скребки, в качестве которых можно рассматривать четыре предмета в виде дощечки, у которой два угла, прилегающие к одному из краев, закруглены (рис. 1: 1–4). Закруглен и он сам в поперечном разрезе. Противоположный край круто заострен, в половине случаев асимметрично, как у скребков из кремня (рис. 1: 1, 3). Поверхность орудий закалена огнем (Семенов 1968: 117). Уже после обжига у одного экземпляра обновлена острая кромка (рис. 1: 3). Ширина — 2,0–3,2 см, толщина — 0,5–0,8 см, длина (установлена в двух случаях) — 17,2–17,3 см.

Следует предполагать, что перед нами — двуручные инструменты для скобления. Они могут

¹Украина. 333036. Симферополь. Яхтинская ул., д. 4. Симферопольский государственный университет. Кафедра истории древнего мира и средних веков.

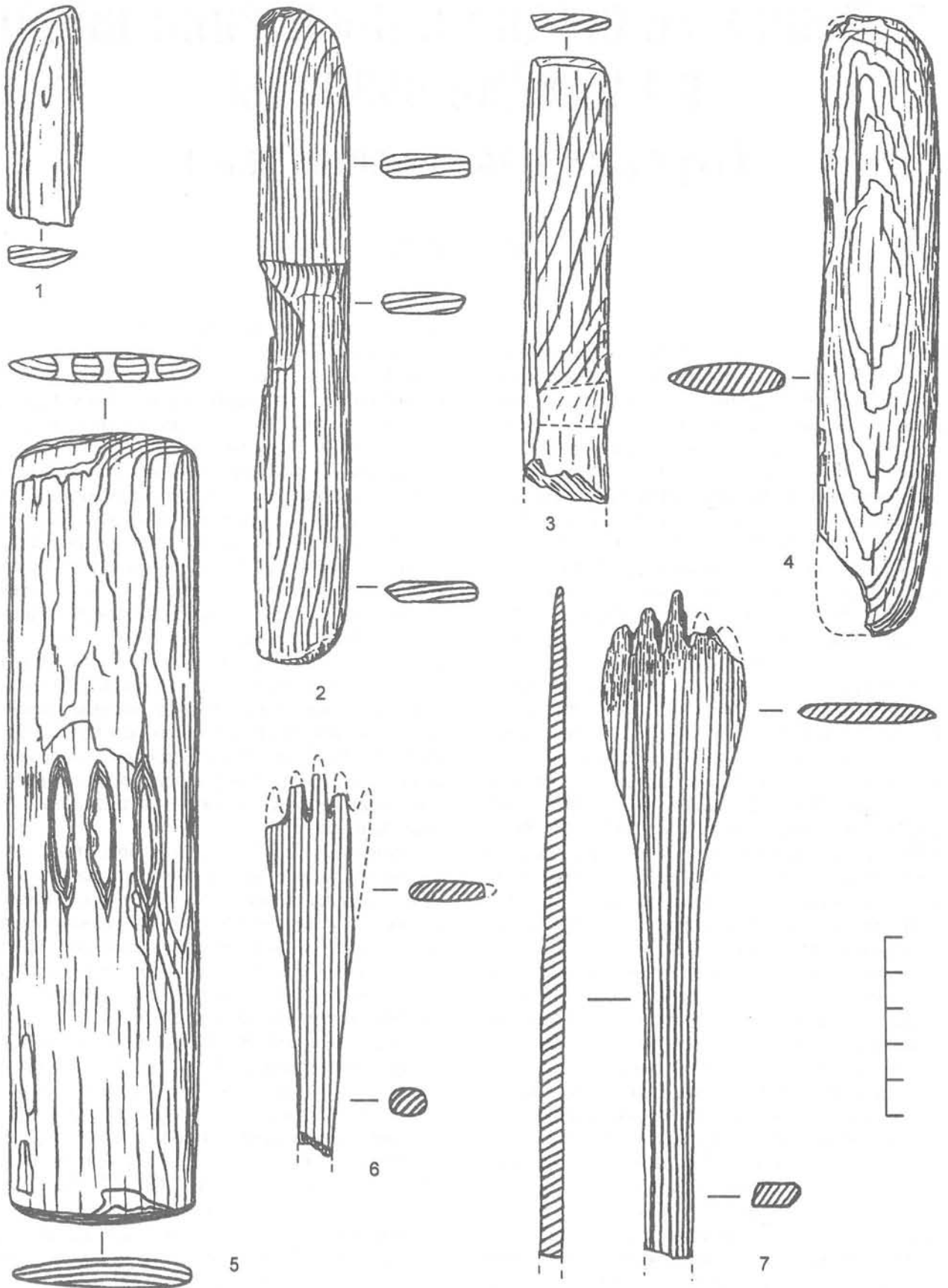

Рис. 1 Вис II. Деревянные орудия для обработки сырья животного происхождения: 1-4 – скребки; 5 – дощечка для размягчения ремней; 6, 7 – гребни для расщепления сухожилий.

Fig. 1 Vis II. Wooden tools for processing animal materials: 1-4 – scrapers; 5 – plank for softening strips; 6, 7 – combs for splitting sinews.

Таблица 1: Сравнительная характеристика Т-образных кнопок с поселения Вис II
 Table 1: Comparative characteristics of wooden T-formed pins from the site Vis II

Рисунок	Концы	Сечение стержня	Угол между головкой и стержнем	Головка			Стержень	
				Длина	Ширина	Высота	Длина	Толщина у основания
				см				
2:5	острые	квадратное	почти прямой	около 14,7	1,3	1,5	4,3	0,8
2:7	острые	около 13,7	1,6	1,4
2:1	закругленные	около 11,3	1,2	1,2	...	0,6
2:2	закругленные	боченковидное	острый	10,3	1,2	1,3	3,5	0,6
2:8	закругленные	круглое	почти прямой	9,1	1,0	1,0	...	0,6
2:4	закругленные	полигональное	почти прямой	12,3	1,4	1,2	4,5	0,7
2:3	около 11,2	0,9	0,9
2:6	... ¹	круглое	прямой	около 8,5	1,3	1,1	...	0,5

быть сопоставлены со стругами из ребер оленей, лосей и быков. Такие орудия были весьма распространены у различных народов, встречаются они и в археологических материалах. Подобные орудия с заостренным краем служили для мездрения толстых кож (Семенов 1968: 160, 161). Близки к висским D-образным инструментам и нганасанские скребки в виде «ножной кости оленя, срезанной с одной стороны» и служащей для соскабливания шерсти, которая удаляется со шкуры (Попов 1948: 76,78). Такие же двуручные орудия из метаподий каррибу, известные у эскимосов Аляски, предназначались, по мнению Д. Дж. Стенфорда, для той же цели (Stanford 1976: 55).

Т-образные кнопки. К мехово-кожевенному производству, судя по всему, имеют отношение также восемь Т-образных деревянных поделок (табл. 1; рис. 2) — удлиненные отрезки наружной части ствола или ветки, с отходящим заостренным сучком. С его стороны отрезки всегда плоские, а с противоположной — выпуклые. Это — оригинальные изделия с низкой довольно длинной поперечной головкой подтреугольного профиля. Ее концы в плане закруглены или заострены, сечение — преимущественно пятиугольное (рис. 2: 1,2,5,7,8) и только у трех экземпляров — полуовальное. Поперечному разрезу стержня, который был примерно втрое короче головки, придавалась круглая, бочонковидная (рис. 2: 2), полигональная или квадратная форма (рис. 2: 5). Угол между стержнем и нижней поверхностью

головки приближается к прямому или равен 90° (длина головки — примерно 8,5-14,7 см, ширина — 0,9-1,5 см, высота — 0,9-1,7 см; длина стержня — 4,3-4,5 см, толщина у основания — 0,5-0,8 см).

Описанные предметы напоминают шилья, но резко выраженные ребра и острые концы головок показывают, что поделки не предназначались для охвата рукой. Специфическая форма обусловлена иной их функцией. Мастер явно заботился о том, чтобы предмет нельзя было выбить из гнезда случайным движением. Вместе с тем, вещь можно было легко извлечь, ухватившись пальцами за среднюю часть головки или подковырнув ее ножом. Поделка была съемной: если бы она забивалась неоднократно и служила, например, нагелем при шиповом соединении деталей (Буров 1993: 138), то не было бы необходимости в крупной головке.

Решая вопрос о назначении Т-образных изделий, обратимся к этнографическим материалам по кожевенному производству. Со снятой с животного шкуры сначала удаляли пленку подкожной клетчатки — мездру, затем ее сушили, дубили, размягчали, а в некоторых случаях очищали от волос (Семенов 1957: 107-116; 1968: 156-164). Мездрение у нганасанов производилось на специальной скобильной доске (Попов 1948: 77), а у алтайцев — просто на земле (Потапов 1956а: 237, рис. 1). Чтобы процесс сушки, химической обработки или размягчения проходил более качественно, шкуры в растянутом положении фиксировались. Так чукчи

¹ ... — данные отсутствуют.

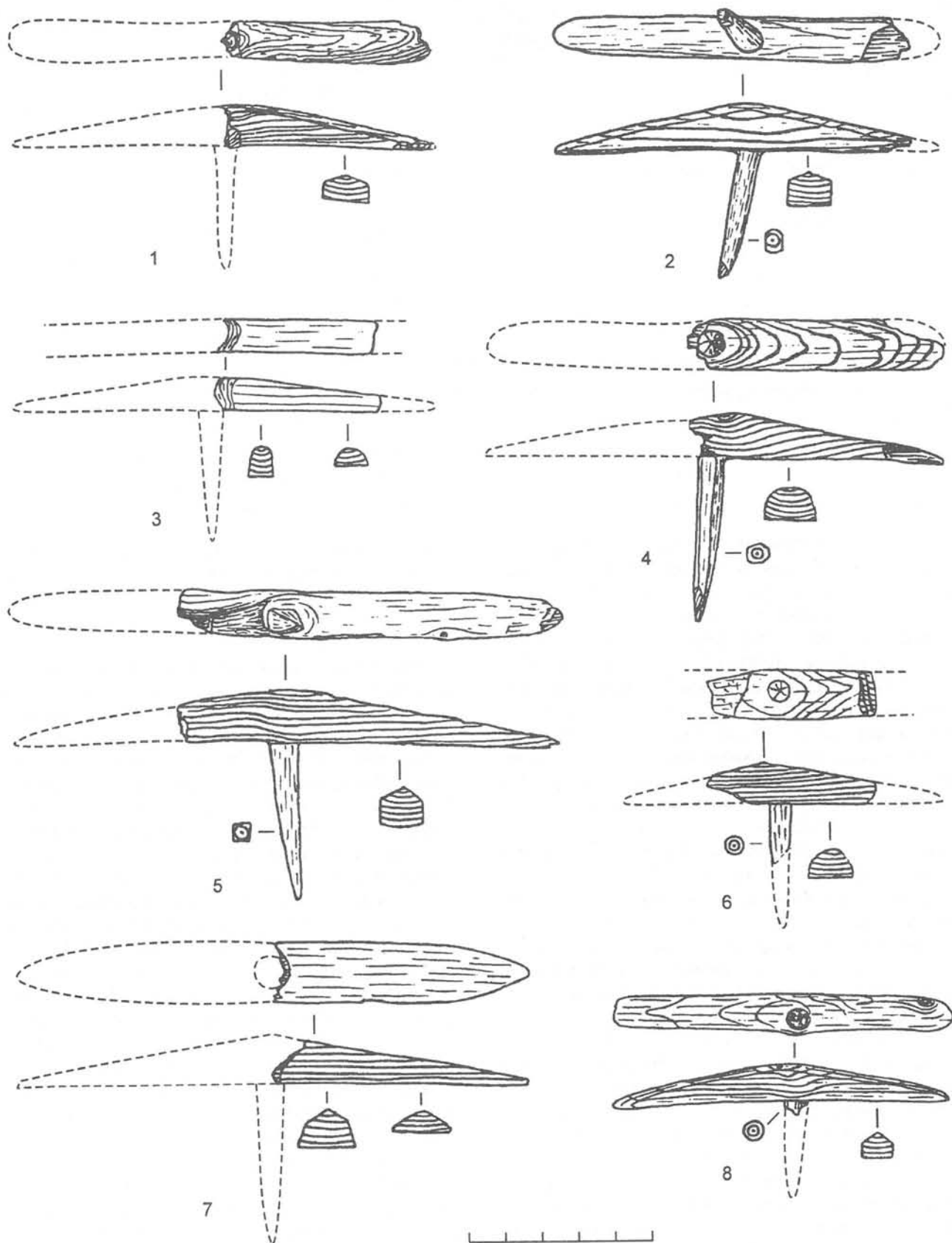

Рис. 2 Вис II. 1-8 – Деревянные кнопки.

Fig. 2 Vis II. 1-8 – Wooden pins.

Таблица 2: Сравнительная характеристика деревянных пряслиц с поселения Вис II
 Table 2: Comparative characteristics of wooden spindle-whorls from the site Vis II

Рисунок	Форма	Состояние	Диаметр	Высота	Поперечник	Примечания
			см			
3: 1	усеченно-коническая	Целое, тонкой работы	5,6	3,0	0,5	-
3: 3	усеченно-коническая	полуфабрикат	6,5	2,5	-	коническая поверхность сохранила 12 радиальных ребер; на основании – свыше 15 фасеток
3: 5	дисковидная	сохранилась половинка	6,8	0,6-0,9	0,4	изделие утолщается к середине; линия скола прошла через отверстие
3: 6	дисковидная	сохранилась половинка	4,9	0,3-0,7	0,7	изделие утолщается к середине; линия скола прошла через отверстие
3: 4	дисковидная	полуфабрикат	-	1,5	0,4	представляет собой просверленный отрезок дощечки с V-образными концами
3: 7	дисковидная	полуфабрикат	3,3	0,4-0,6	-	середина утолщена

сушили моржовые и медвежьи шкуры пришитыми к деревянным рамам, внутри которых они держались на ременных тяжах, а тюленьи – закрепленными на земле при помощи деревянных кольшков, вбитых по краям (Антропова, Кузнецова 1956: 905, рис. 1-3). Второй способ использовался тувинцами при дублении шкуры: ее изнанку на сутки смазывали кашцей из гнилушек хвойного дерева, размельченных и разведенных на воде или молоке (Потапов 1956а: 436). Натягивание шкуры или кожи (на специальных козлах) для придания ей эластичности известно в Египте Древнего царства, по рельефам в гробницах Анхматора и Ти́и (Савельева Т. 1971: 32). У закрепленной таким же образом кожи современный кустарь пушит бахтарму – выдубленную нижнюю поверхность; твердая подкладка, необходимая при мездрении, при этом не нужна (Семенов 1957: 115,116).

Из приведенных материалов явствует, что Т-образные поделки могли употребляться при обработке шкур в качестве кнопок для фиксации ее при сушке, перед обработкой ее дубильными веществами, для мездрения и волосогонки, если, конечно, все эти операции выполнялись на земле. Кроме того, нельзя исключить, что Т-образные кнопки вводились в отверстия специальных рам или козел, служивших для растягивания шкур и пушения бахтармы.

Планка с прорезями. При шитье кожаной одежды и обуви применялись ножи из железа, железные и костяные шилья. Часть полученной кожи разрезалась на ремни, к обработке которых имеет прямое отношение специальная планка со слабо выпуклыми концами и тремя продольными прорезями в средней части, размещенными в поперечный ряд (рис. 1: 5) (Буров 1984: рис. 5: 1).

Размеры изделия – 22,0 × 5,1 × 0,7 см, длина отверстий – 2,8 см, ширина – до 0,3-0,5 см. Аналогичный предмет, только с двумя прорезями, найден при раскопках Старой Ладogi (ГЭ, ОИПК, опись 84). Среди этнографических параллелей можно указать изделия в культуре хантов (Manninen 1931: Abb. 229; Попов 1955: 62, табл. V), однако, в отличие от них наш предмет лишен сужений на концах, удобных для захвата руками. Подобные изделия ханты и другие сибирские народы использовали для размягчения ремней. Длинная полоска кожи пропускалась волнообразно через все три прорези и закреплялась в горизонтальном положении, после чего два человека брали инструмент за рукоятки и продвигали его от одного конца полоски к другому, периодически смачивая ремень рыбьим жиром. Характерный износ висского орудия (выемки по краям у прорезей) подтверждает правильность проводимой аналогии, но небольшие его размеры и отсутствие рукоятей говорят в пользу того, что размягчитель предназначался для работы в одиночку.

Гребни. Другое ценное сырье животного происхождения, сухожилия, которое тоже затвердевает при высушивании. Чтобы изготовленные из них веревки и жгуты оставались мягкими, сухожилия тщательно обрабатывались специальными гребнями. К таким гребням, по-видимому, относятся два деревянных орудия в виде мелкой лопаточки с пятью короткими зубцами на конце и заостренными промежутками между ними (рис. 1: 6,7).

Хорошо сохранившийся экземпляр (рис. 1: 7) имеет овальную лопасть и длинную ручку, подпрямоугольную в разрезе. Зубья заострены, весь рабочий конец обожжен (длина среднего зуба – 1,3 см, крайних – 0,3 см, остальных –

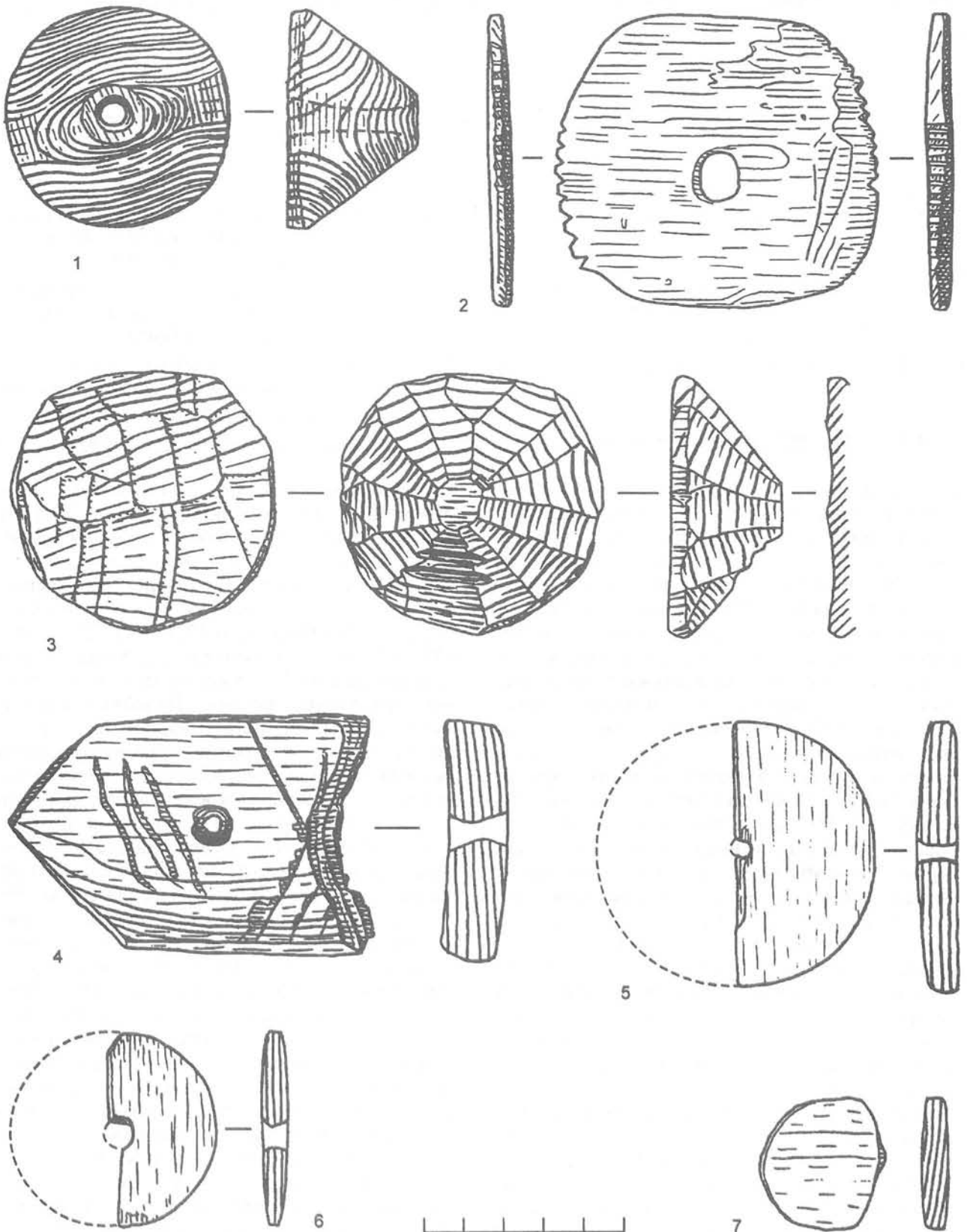

Рис. 3 Вис II. 1, 3-7 — деревянные пряслица; 2 — гребенчатый штамп.

Fig. 3 Vis II. 1, 3-7 — wooden spindle-whorls; 2 — a denticulate stamp.

Таблица 3: Сравнительная характеристика деревянных лопаточек с поселения Вис II
 Table 3: Comparative characteristics of wooden spatulas from the site Vis II

Рисунок	Лопасть		Ручка		Длина сохранившейся части	Примечания
	Ширина	Толщина	Ширина	Толщина		
	см					
4: 5	5,8	0,8	2,0	0,8	38,8	при переходе от лопасти к ручке — утолщение до 1,0 см
4: 1	5,8 4,3	1,0 0,5	2,3 1,7	0,9 0,6	38,7 29,7	часть лопасти откололась
4: 2	3,1	0,7	11,3	сохранилась только основная часть лопасти

0,7 см). Линия, соединяющая кончики зубьев, образует угол 110°. Ширина лопасти — 3,9 см, длина предмета (без обломанного конца) — 18,5 см. Второй гребень пострадал сильнее первого: у него почти полностью обломана ручка и повреждены все зубья. Он отличается от первого плавным переходом от лопасти к ручке, округлым сечением последней, отсутствием обжига и несколько меньшей шириной (2,7 см).

Гребни составляют распространенную категорию древних предметов из кости, дерева и металла, но, как правило, это — гребни для расчесывания волос, у которых зубья значительно длиннее, размещены по одной прямой линии и нет высокой ручки (Winter 1906). Висские расчески отличаются от обычных односторонних большой вертикальной ручкой. Подобные изделия встречаются сравнительно редко. Можно указать отдельные находки в памятниках археологических культур совершенно различного времени. Так, аналогичные изделия известны по материалам античных и скифских памятников Северного Причерноморья (Сокольский 1971: 146, табл. XVI: 18; Смирнова 1978: рис. 3: 1), в древностях железного века Шотландии (Кларк 1953: табл. III: 5) и в Новгороде (Колчин 1968: 66, табл. 63: 1-5). По мнению Б. А. Колчина и Н. И. Сокольского, они предназначались для обработки шерсти или льна. На эту мысль наводят как этнографические материалы (Лебедева 1956: рис. 2), так и новгородская коллекция, включающая, наряду с подобными ручными гребнями, стационарный экземпляр, рукоять которого явно служила вертикальной стойкой. По своему назначению с прядильными изделиями сходны высокие гребни кетов, которые расчесывали ими сено, закладываявшееся в сапоги (Donner 1933: 30, fig. 12).

Гребни Виса II близки к прядильным инструментам, но отличаются от них двумя существенными чертами: зубцы короткие, и кончики их образуют угол. Первая особенность может быть объяснена тем, что изделия изготавливались из дерева, то есть из сравнительно непрочного

материала, и длинные зубья легко могли обломаться. Вторая черта, очевидно, обусловлена тем, что гребень был рассчитан не только на расчесывание, но и на расщепление волокнистого материала, который вначале прокалывался выступающим средним зубом, а затем двумя парами прилегающих. Отмеченные детали позволяют усматривать в висских гребнях орудия для обработки сухожилий, применявшихся, в частности, при изготовлении луков.

Чтобы предотвратить потерю мягкости, сухожилия бьют колотушками, палками, молотами или топорами, а затем расщепляют заостренными костяными пластинками (ханты и манси), либо специальными гребнями из моржовой кости (чукчи). У последних, как и у висских орудий, средние зубцы спущены ниже, чем крайние (Прыткова 1953: 134; Попов 1955: 72, табл. IX: ж). Правда, зубья гребней из моржовой кости несколько длиннее, что объясняется высокой прочностью материала. Весьма сходны с висскими два недатированных семизубых орудия (костяное и роговое) из Шотландии: кончики зубцов размещены по сторонам тупого угла (Winter 1906: Taf. 30: № 94, 95). Еще ближе к висским находкам костяной гребень энеолитического времени из могильника на Большом Оленнем острове Баренцева моря, снабженный V-образным рабочим концом и короткими зубьями (Шмидт 1930: табл. V, 6). Не менее интересны две костяные пластинки того же времени с зубцами по выпуклому концу, найденные на поселении Кирово в Крыму (Лесков 1970: рис. 36: 23, 24).

Пряслица. Кроме глиняных и каменных пряслиц (Буров 1967б: табл. XXX: 16, 19, 21; Савельева Э. 1971: табл. 43: 1, 3, 5, 7), ванвиздинцами использовались деревянные, которые делятся на усеченно-конические (с фаской по краю основания) и дисковидные (табл. II). Учитывая незаконченные изделия, первые представлены двумя экземплярами (рис. 3: 1, 3), а вторых — четырьмя (рис. 3: 4-7).

Полуфабрикаты показывают, каким образом выделялись деревянные пряслица. Заготовкой усеченно-конического изделия служил кружок,

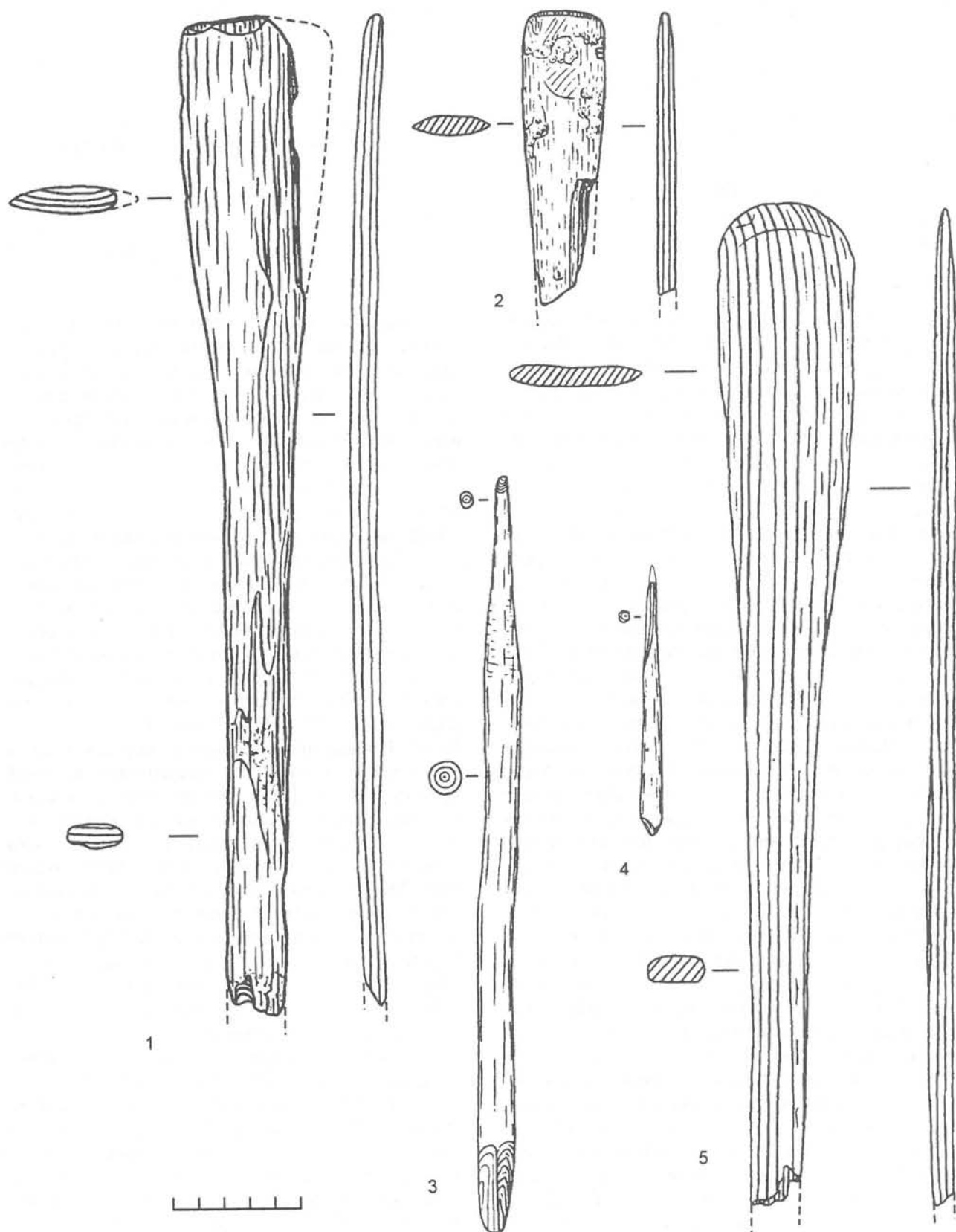

Рис. 4 Вис II. 1, 2, 5 – деревянные лопаточки; 3, 4 – заостренные палочки.

Fig. 4 Vis II. 1, 2, 5 – wooden spatulas; 3, 4 – pointed sticks.

который обрабатывался радиальными срезами (рис. 3: 3), после чего могло быть высверлено отверстие, а поверхность тщательно выравнена. При изготовлении дисковидных пряслиц доска соответствующей ширины и толщины расщеплялась косыми надрезами или зарубками на шестиугольные отрезки (рис. 3: 4), которым придавали затем круглую форму.

Деревянные пряслица имеют диаметр 3,0-6,8 см. Высота конусовидных экземпляров — 2,5-3,0 см, дисковидных — 0,3-1,5 см; к центру они утолщаются. Диаметр отверстия — 0,4-0,7 см. По форме и размерам деревянные поделки в основном близки к глиняным пряслицам, но из-за своего меньшего веса, они крупнее, что и позволяет рассматривать их как маховички веретена. Характерное для них точно центрированное отверстие необходимо для вращающегося предмета и совершенно излишне для грузика поплавок рыболовной сети. Веретена с дисковидными и конусообразными пряслицами из дерева найдены в памятниках Египта, датирующихся II тысячелетием до н. э. (Stowfoot 1958: fig. 237: h, k, l). Также деревянные, дисковидные пряслица известны у шорцев (Попов 1955: рис. XIV: б, в, д, е), коми (Коми республиканский историко-краеведческий музей, Сыктывкар: № 429, 650; 2258: 4), латышей (Bielenstein 1918: 376, fig. 372, 379) и других народов.

Возможно, веретено использовалось не только для изготовления тонких нитей (шерстяных?), шедших на выработку тканей, но и для скручивания пряжей, из которых вили веревочки (шнуры). Их многочисленные отпечатки, указывающие на левое и правое витье, повсеместно встречаются на глиняных сосудах. В торфянике Виса II обнаружен и кусок двухрядной веревочки, из волокон осок и вейника (по определению профессора С. Н. Тюремнова), заключенный в рыхлый комок глины.

Шнуры имели самое разнообразное применение, в частности, при плетении рыболовной сети с использованием специальных ячеиных мерок, которые представлены в Висе II прямоугольным экземпляром длиной 18,3 м, шириной 3,1 м и толщиной 0,7 см (Буров 1984: 155, рис. 5: 2), и, по-видимому, при починке глиняной посуды. Ванвиздинская керамика, как и более ранняя, ремонтировалась с помощью отверстий, которые высверливались близ трещин. В таких отверстиях иногда обнаруживаются металлические скобки (Буров 1965: 156). Однако неоднократные находки парных растительных жгутов в сверлинах ванвиздинских черепков из торфяника в Висе II указывают на применение в подобных случаях и веревочки, для устранения трещин в ванвиздинское время, как и в ананьинское (Буров 1967б: табл.

XXVII: 1), их замазывали сырой глиной, а затем сосуд обжигали повторно.

Лопаточки. Орудиями керамического производства были четыре небольшие лопатообразные изделия, чрезвычайно сходные между собой и различающиеся только деталями (табл. III). Лопасть, имела заостренную рабочую кромку, — в трех случаях слабо выпуклую (рис. 4: 1, 2), а в одном — полукруглую (рис. 4: 5), была сильно вытянута и незаметно переходила в рукоять овального сечения. В поперечном разрезе лопасть имела чечевицеобразное сечение. На ручках двух лопаточек есть следы обжига (рис. 4: 1, 5). Ширина лопасти колеблется от 3,1 см до 5,8 см, толщина — от 0,7 см до 1,0 см. Длина, по крайней мере, двух лопаточек превышала 40 см и они, по-видимому, были рассчитаны на работу двумя руками.

Один экземпляр — грубой техники и, возможно, не закончен. Остальные три (рис. 4: 1, 2, 5) сохранили на лопастях следы глины. Это может указывать на функциональное назначение лопаточек, которые могли служить для добывания глины и приготовления керамического теста. Лопаточки с аналогичной лопастью, но крупнее (длиной до 78 см) обнаружены в нижнем и среднем ярусах Старой Ладogi (Гроздилов, Третьяков 1948: 98, табл. VII: 16-18), а «веселка» с лопастью укороченных пропорций (9,5 x 7,0 см) известна по раскопкам на неолитической стоянке Модлона в Восточном Прионежье (Брюсов 1951: 39, рис. 11: 2). Возможно, эти предметы употреблялись для тех же целей, что и висские. Встречаются также лопатки, длина которых 20 см и гораздо меньше. Такие изделия с поселения VI-VIII вв. н. э. Лоч-Глейшен в Шотландии, по мнению К. Эрвуд, были предназначены для работ, связанных с пищей или другими веществами (Earwood 1990: 86-87).

Гребенчатый штамп. К орнаментации керамики имеет отношение колесикообразный штамп длиной 8,0 см, шириной 7,3 см и толщиной 0,6 см (рис. 3: 2). Отверстие — овальное, сделано поперек волокон и смещено к одному из краев. На концах асимметрично, но друг против друга размещены участки с мелкими трапециевидными и треугольными зубцами высотой 0,10-0,25 см. Часть зубцов укреплена обжигом. Отпечатки штампа соответствуют отпечаткам, которые встречаются на глиняных сосудах. Изделие весьма напоминает каменный штамп с Федоровского поселения в Костромском Поволжье (Гаврилова 1973: табл. 25: 28). Очень многие сосуды украшались с помощью веревочки. Фрагмент такой веревочки был обнаружен на поселении Вис II внутри глиняного комка. Для нанесения же ямочного орнамента, возможно, употреблялись две заостренные палочки (рис. 4: 3, 4).

- Антропова, В. В., В. Г. Кузнецова.* 1956. Чукчи // Народы Сибири: 896-933. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Брюсов, А. Я.* 1951. Свайное поселение на р. Моллоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // *Материалы и исследования по археологии СССР* 20: 7-76.
- Буров, Г. М.* 1964. Торфяники речных стариц как места археологических находок // *Известия Коми Филиала всесоюзного географического общества* 9: 99-103.
1965. Археологическая разведка 1963 г. в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища // *Материалы по археологии Европейского Северо-Востока* 3: 139-159.
1966. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды // *Советская археология* 1: 155-173.
- 1966а. Найдено в вычегодских торфяниках // *Природа* 9: 74-79.
1967. Археологическое изучение торфяников в Северодвинском бассейне // *Археологические открытия 1966 г.*: 6-7. Москва: Наука.
- 1967а. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н. э. – I тысячелетия н. э.). Москва: Наука.
1968. В гостях у далеких предков. Сыктывкар: Коми книжное издательство.
- 1968а. Результаты раскопок Висских торфяников в 1963-1964 гг. // *Ученые записки Пермского университета* 191: 194-209.
1981. Фрагменты саней с поселений Вис I (мезолит) и II (I тысячелетие н. э.) // *Советская археология* 2: 117-131.
1983. Луки и деревянные стрелы V-VI вв. н. э. с поселения Вис II в Привычегодье // *Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР* 175: 55-62.
1984. К изучению рыболовства на Европейском Северо-Востоке в середине I тысячелетия н. э. // *Вопросы истории Европейского Севера*: 147-165.
1989. Железный век Крайнего Европейского Северо-Востока (от начала до VIII столетия н. э.) // *Деп. в ИНИОН Академии наук СССР*, № 33230. Симферополь.
1993. Обработка дерева и бересты у племен ванвиздинской культуры // *Вопросы истории Европейского Севера*: 129-144.
1995. Сани раннего средневековья с поселения Вис II в бассейне Вычегды // *Российская археология* 3: 184-192.
- Гаврилова, И. В.* 1973. Неолитические племена Костромского Поволжья // *Материалы и исследования по археологии СССР* 172: 130-137.
- Гроздилов, Г. П., П. Н. Третьяков.* 1948. Описание находок из раскопок в Старой Ладого, произведенных Н. И. Ренниковым в 1909-1913 гг. // *Старая Ладога*: 71-139. Ленинград: Государственный музей этнографии.
- Кларк, Дж. Г. Д.* 1953. Доисторическая Европа. Москва: Издательство иностранной литературы.
- Колчин, Б. А.* 1966. Новгородские древности. Деревянные изделия // *Свод археологических источников Е 1* - 55.
- Лебедева, Н. И.* 1956. Прядение и ткачество восточных славян // *Труды Института этнографии (новая серия)* 31: 459-540.
- Лесков, А. М.* 1970. Кировское поселение // *Древности Восточного Крыма*: 7-59. Киев: Наукова думка.
- Попов, А. А.* 1948. Нганасаны. Материальная культура. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
1955. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // *Сборник Музея антропологии и этнографии* 16: 41-146.
- Потапов, Л. П.* 1956. Алтайцы // *Народы Сибири*: 329-375. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- 1956а. Тувинцы // *Народы Сибири*: 420-472. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Притыкова, Н. Д.* 1953. Одежда хантов // *Сборник Музея антропологии и этнографии* 15: 123-233.
- Савельева, Т. Н.* 1971. Как жили египтяне во времена строительства пирамид. Москва: Наука.
- Савельева, Э. А.* 1971. Пермь вычегодская. Москва: Наука.
- Семенов, С. А.* 1957. Первобытная техника. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
1968. Развитие техники в каменном веке. Ленинград: Наука.
- Смирнова, Г. И.* 1978. Новое в изучении археологических памятников Северо-Западной Скифии // *Культура Востока. Древность и раннее средневековье*: 115-130. Ленинград: Аврора.
- Сокольский, Н. И.* 1971. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. Москва: Наука.
- Шмидт, А. В.* 1930. Древний могильник на Кольском заливе // *Материалы комиссии экспедиционных исследований* 23: 119-169.
- Bielenstein, A.* 1918. Die Holzbauten und Holzgeräthe der Letten. Petrograd: sine nomine.
- Burov, G. M.* 1996. Wooden Objects and Constructions of the Fifth Century AD at the Site of Vis II, North East European Russia // *News WARP* 20: 27-31.
- Crowfoot, G. M.* 1958. Textils, Easkertry and Mats // *A History of Technology* 1: 413-455. Oxford: Clarendon Press.
- Donner, K.* 1993. Ethnological Notes about the Yenisey-Ostyak (in the Turukhansk Region). Helsinki: Soumalais-Ugrilainen seura.
- Earwood, C.* 1990. The Wooden Artefacts from Loch Glashan crannog, Mid Argyll // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland* 120: 79-94.
- Manninen, I.* 1932. Die Finnisch-ugrischen Völker. Leipzig: Harrassowitz.
- Stanford, D. J.* 1976. The Walakpa Site, Alaska, Its Place in the Birnik and Thule Cultures. Washington: Smithsonian Institution Press.
- Winter, F.* 1906. Die Kämme aller Zeiten von Steinzeit bis zum Gegenwart. Leipzig.

WOODEN TOOLS FROM THE MIDDLE OF THE 1st MILLENNIUM AD (site of Vis II, the Vychehda river Basin)

G. M. BUROV

Vis II is a stratified site near Lake Sindor, the Vychehda Basin, Knyazhpogost District, Republic of Komi. The principal assemblage includes a virtually unmixed layer representing the early stage of Vanvizdino Culture (5th century AD) which intrudes into the deposits of the old river bed. The latter

contain a number of unique or unusual artifacts made of wood, bark, and grass discovered during the 1962-66 excavations (Буров 1964: 96). This article addresses 29 wooden tools used in handicraft. All but one (fig. 4: 3) are made of softwood, mainly pine (Буров 1993: Table 2). They include four two-

handled scrapers, eight T-shaped pins, a strap-softener, two combs, six spindle-whorls, a net gauge, four spatulas, a comb stamp, and two pointed sticks.

The scrapers are small fire-hardened boards ca. 17 cm long and 2,0-3,2 cm wide with two rounded angles and one sharpened working edge (fig. 1: 1-4). They are similar in shape to two-handed tools which were used for dressing skins by the Nganasans (Попов 1948: 76,78), Eskimos (Stanford 1976: 55), and other peoples.

T-shaped pins are elongated pieces of wood with pointed twigs protruding at an almost right angle (fig. 2). The head is triangular in profile, 8,5-14,7 cm long, and the length of the twig is 4,3-4,5 cm. The fact that the head has sharp ribs, a flat lower surface and a convex upper one suggests that such tool was a pin rather than an awl. It was probably used for fastening skins to the ground before tanning them. Such pins are more convenient than are pegs which the Chukchi (Антропова, Кузнецова 1956: 905) and Tuvinians (Потапов 1956a: 436) used for that purpose since the former did not hamper work and could not be accidentally removed.

A subrectangular plank, 22,0 cm long and 5,1 cm wide with three parallel slits in the centre (fig. 1: 5) is evidently related to strap processing. It has a close parallel among the finds from the medieval Russian town of Old Ladoga (ОИПК, inv. 84). Similar tools were used by the Ostyak (Khanty) (fig. 1: 5) and other Siberian peoples for softening narrow strips of skin. The strip was passed in a wave-like fashion through all the three slits and stretched horizontally. Then the tool was moved along the strip, which was moistened with cod-liver oil.

To prevent the sinews from hardening during drying, they were treated with a special comb shaped like a small spatula with five short sharp prongs whose ends form an obtuse angle (fig. 1: 6,7). As the form of the tools indicates, they were used for processing strong materials which needed to be split before combing. It is not incidental that one of the combs is hardened by firing (fig. 1: 7). Specimens from Vis have ethnographic parallels among the tools used by Chukchi (Прыткова 1953: 134; Потапов 1955: 72, Table IX), and their archaeological analogies are present among the burial goods found in Oleni Ostrov burial ground, Varents Sea (Шмидт 1930: Table V: 8), and in Kirovo settlement, Crimea (Лесков 1970: fig. 36: 23, 24).

Apart from clay spindle-whorls, Vanvisdino people used wooden ones, similar in shape but sometimes larger (because of wood being lighter). Two specimens are conical, whereas others are shaped like discs (fig. 3: 1, 3-7). Their diameter ranges from 3,3 cm to 6,8 cm, and their height from 0,3 cm to 3,0 cm. Unfinished pieces (fig. 3: 3, 4) demonstrate the stages of the manufacturing process. Spindles with discoid or conical wooden spindle-whorls were used in ancient Egypt (Crowfoot 1958: fig. 237: h, k, l), whereas discoid specimens have been registered among the Shorians (Попов 1955: fig. XIV), Komi (КРИМК, №№ 429, 650, 2258: 4), Letts (Bielenstein 1918: 376, fig. 372, 279), and other peoples.

Perhaps the spindle was used not only for spinning wool, but also for twisting strands from which cords were made. Imprints of a two-stranded cord, both left- and right-twisted, are a common feature of the pottery design. A piece of such cord, made of grass (*Carex*, *Calamagrostis*) was preserved in a lump of loose clay. Cords were a material for making nets, and a rectangular gauge was used in the process (Буров 1984: fig. 5: 2). Also, cords were needed for repairing cracked vessels (for which purpose holes were drilled), and for other purposes.

The potter's toolkit is represented by four sharp-edged spatulas with a smooth transition between blade and shaft (fig. 4: 1,2,5). The blade is 3,1-5,8 cm wide, and the length, estimated in at least two fired specimens exceeds 40 cm. Remains of clay on the blades suggest that spatulas were used for extracting clay and preparing paste. Tools similar in terms of shape and possibly function were found in Old Ladoga (Гроздилов, Третьяков 1948: 98, Table VII: 16-18) and at the neolithic site of Modlona, Lake Onega (Брюсов 1951: 29, fig. 11: 2).

A wheel-shaped tool 8,0 cm long and 7,3 cm wide (fig. 3: 2) was evidently a stamp for decorating ceramics. Both its ends are denticulate, and their experimentally made imprints correspond to those on contemporary pottery. A similar stamp, made of stone, was excavated from the Fedorovskoye site, Kostroma region, the Volga (Гаврилова 1973: Table 25: 28). Pointed sticks (fig. 4: 3,4) were apparently tools for applying a pit design, and cord imprints were made with cords like the one mentioned above.

The artifacts described, then, were used for processing skins, strips, sinews, fibrous substances, and clay. Instruments for working wood were published elsewhere (Burov 1993).

ОБ АЛАНСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ АМУЛЕТА ИЗ СТАРОГО ОРХЕЯ (ТРЕБУЖЕН)

В. А. ХОХЛОВ¹

Требуженское городище, впоследствии Старый Орхей, находится в урочище Пештере между селами Требужень и Бутучень на длинном мысу, образуемом излучиной р. Рэут (Молдова, Орхейский р-н). Мыс Пештере широко известен в археологии благодаря расположению на нем золотоордынского города Старый Орхей. Данное городище является одним из интереснейших объектов Юго-Восточной Европы, что обусловлено его топографией и особенностями стратиграфии. Старый Орхей размещается в центральной части Днестровско-Прутского междуречья в зоне Орхейских кодр. Памятник многослойный, на котором лучше сохранились остатки двух средневековых городов — золотоордынского (XIV в.) и молдавского (XV — перв. пол. XVI вв.) периодов (рис. 1). Особый интерес представляют вещевые находки из раннеславянского слоя Старого Орхея, так как проблема изучения различных аспектов истории и материальной культуры славян VI-IX вв. н.э. Днестровско-Прутского междуречья, требует дальнейшей разработки. Кроме того, небольшое количество датирующих материалов осложняет разработку общей и внутренней хронологии славянских древностей Среднего и Нижнего Поднепровья.

Следы раннеславянского поселения в Старом Орхее были открыты в начале 50-х годов (Смирнов 1954: 26). Славянское селище располагалось в северо-восточной части мыса на первой надпойменной террасе р. Рэут. В нижней части культурного слоя раскопов Старого Орхея были найдены фрагменты лепной толстостенной керамики с примесью крупного шамота в тесте. Все фрагменты принадлежали горшкам с коротким прямым или слегка отогнутым наружу венчиком и пологими плечиками. Орнамент на стенках сосудов отсутствовал, лишь в единичных случаях отмечена орнаментация края венчика косой насечкой. Керамический материал позволил Г. Д. Смирнову и И. А. Рафаловичу определить данный горизонт памятника как раннеславянский и датировать его VI-VIII вв. н.э. (Смирнов, Рафалович 1965: 74).

В дальнейшем И. А. Рафалович отнес раннеславянскую керамику из Старого Орхея к пеньковской культуре. По его классификации эта посуда входит в керамический комплекс первой хронологической группы VI-VII вв. н.э. (Рафалович 1972: 135-146). Исходя из керамического материала пеньковского облика, хронологические границы существования раннеславянского слоя Старого Орхея определяются VI-VII вв. н.э.

Размеры славянского поселения и его планировку установить не удалось, поскольку горизонт VI-VII вв. н.э. был почти полностью разрушен позднейшими перекопами. Это привело к тому, что лепная раннеславянская керамика и отдельные вещевые находки этого времени в основном встречались в заполнении средневековых комплексов XV-XVI вв. н.э. (Смирнов, Рафалович 1965: 74-75). В 1956 г. в заполнении землянки-мастерской по производству печных изразцов XV-XVI вв. н.э., прорезавшей раннеславянский слой памятника, были найдены фрагменты лепной раннеславянской керамики, наконечник стрелы (рис. 2: 1) и подвеска, изображающая человека (рис. 2: 2) (Смирнова, Рафалович 1965: 75-76). К сожалению, эта бронзовая фигурка практически не привлекла к себе внимания исследователей.

Наконечник стрелы — железный трехлопастной, характеризуется относительно крупными размерами — 11,5 см и круглым в сечении черенком. Трехлопастные наконечники с расширением в верхней половине длины острия были сравнительно широко распространены в сер. I тыс. н.э. до IX в. н.э. включительно, особенно у кочевников южной полосы — от Сибири до Венгрии (по А. Ф. Медведеву — 19 тип) (Медведев 1966: 60, 136, табл. 12: 17, 18).

Антропоморфная подвеска отлита из бронзы в односторонней литейной форме. Ее размер — высота 3,5 см, наибольшая ширина 1,5 см. Стоящая фигурка человека выполнена в аппликативно-рельефной технике с широко расставленными и согнутыми в коленях ногами. Руки согнуты в локтях и упираются в верхнюю часть бедер. Голова вытянута, отчетливо показаны черты мужского лица. Общее решение фигурки

¹г. Тирасполь. 3300. Приднестровский Государственный Университет (ПГУ) им. Т. Г. Шевченко, ул. 25 Октября; д. 128 «А». Кафедра всеобщей истории.

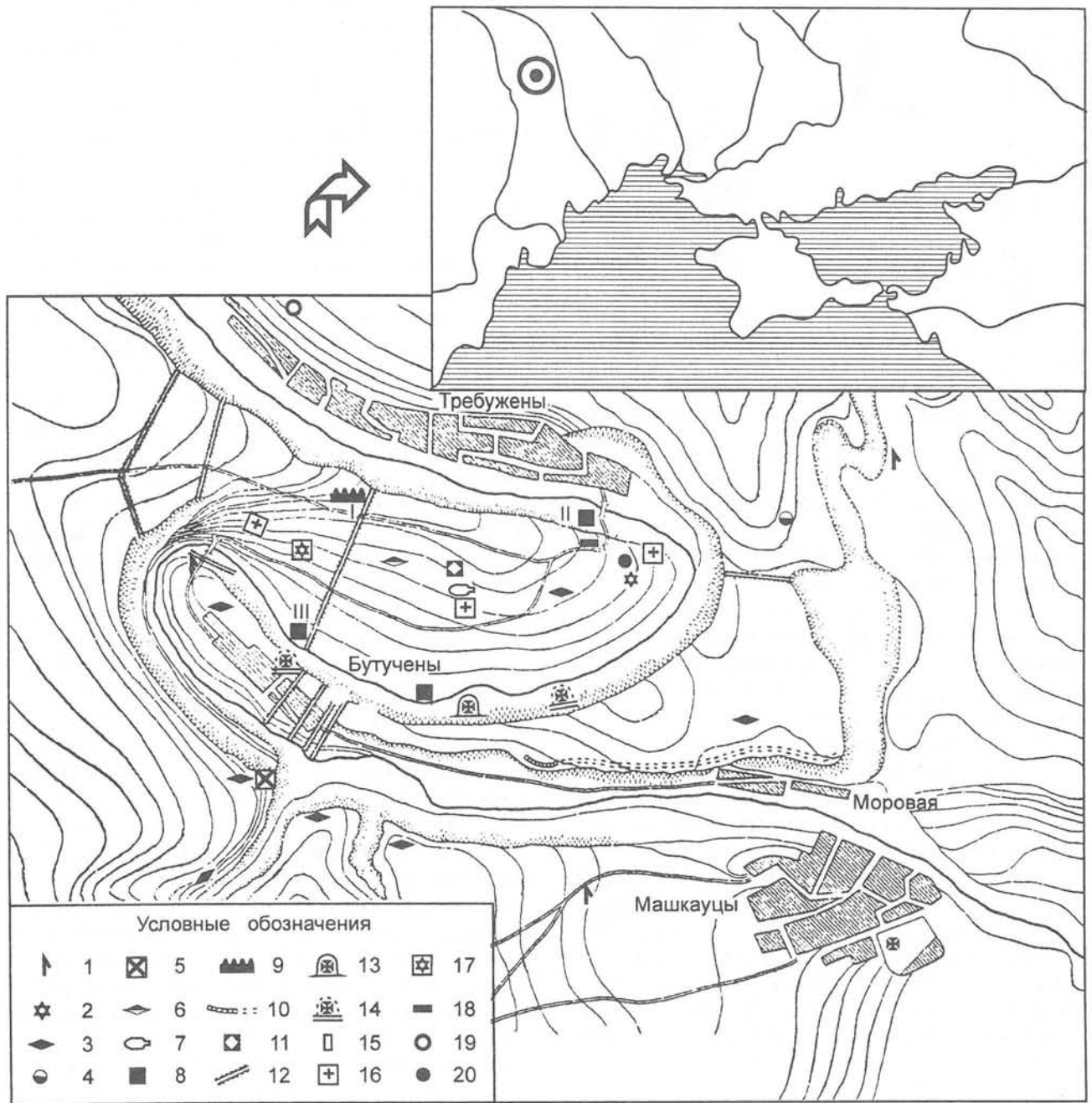

Рис. 1 План-схема местности «Старый Орхей»

1 — палеолитические находки; 2 — трипольские поселения; 3 — скифские селища; 4 — находки скифской керамики; 5 — славянские городища; 6 — находки славянской керамики; 7 — фундамент церкви; 8 — фундамент бани; 9 — развалины крепости; 10 — городня; 11 — фундамент архитектурного сооружения; 12 — валы и рвы; 13 — пещерные монастыри; 14 — следы закладки пещерного монастыря; 15 — памятник Логофету; 16 — кладбища «Старого Орхея»; 17 — находка еврейской надгробной плиты; 18 — сгоревшая хозяйственная деревянная постройка; 19 — печи гончарные; 20 — печи для обжига извести.

Fig. 1 Schematic plan of the surroundings of «Staryy Orkhey»

1 — Palaeolithic finds; 2 — Tripolye settlements; 3 — Scythian settlement-sites; 4 — finds of Scythian pottery; 5 — Slavic settlement-sites; 6 — finds of Slavic pottery; 7 — foundations of a church; 8 — foundations of a bath-house; 9 — ruins of a fortress; 10 — stockade; 11 — foundations of an architectural construction; 12 — ramparts and ditches; 13 — cave monasteries; 14 — traces of founding a cave monastery; 15 — Logofet monument; 16 — cemeteries of «Staryy Orkhey»; 17 — find of a Jewish gravestone; 18 — burnt wooden household structure; 19 — potter's kilns; 20 — lime kilns.

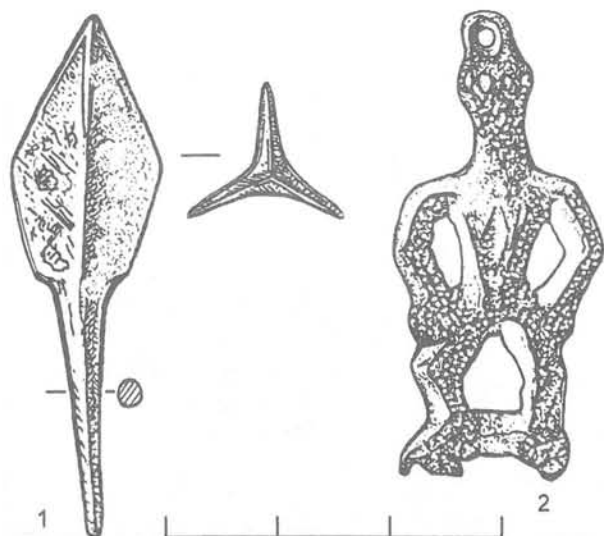

Рис. 2 1 — Наконечник стрелы, 2 — Амулет-подвеска.

Fig. 2 1 — Arrow-head, 2 — Amulet-pendant.

довольно условно. Однако, отдельные ее детали — уши, глаза, усы, рот, пальцы на руках, переданы рельефно, в верхней части фигурки над головой имеется сквозное ушко, отлитое одновременно с подвеской. Небольшие размеры изделия и сквозное ушко свидетельствуют о его применении в качестве магического предмета-амулета, который носили или хранили как средство защиты. Эта антропоморфная фигурка могла использоваться и как деталь ожерелья. Г. Д. Смирнов и И. А. Рафалович отметили, что близкие к староорхейской подвеске изображения человека известны по серебряным накладкам из Мартыновского клада на р. Рось и находке в одном из кочевнических погребений близ ст. Преградной. Общая композиция фигурок, положение рук и ног почти совпадают. Менее существенны, по их мнению, различия в материале (бронза-серебро), и технике изготовления (литье-штамповка). Данные аналогии позволили авторам датировать подвеску-амулет из Старого Орхея VI-VII вв. н.э. (Смирнов, Рафалович 1965: 76).

И. А. Рафалович, подчеркивая сходство как общего стилистического решения, так и отдельных элементов подвески из Старого Орхея с серебряными фигурками мартыновского типа, известными в славянских и соседних с ними землях в VI-VII вв. н. э., интерпретировал староорхейский амулет как славянский культовый (Рафалович 1972: 193-194, 219-224). По-видимому, определенную роль в данном случае сыграло то, что подвеска была найдена в сопровождении славянской керамики, хотя раннесредневековый горизонт памятника был практически разрушен.

Вместе с тем, существенное отличие староорхейского амулета от изделий мартыновского круга заключается в его назначении. Все известные

до сих пор фигурки мартыновского типа, изготовленные главным образом из серебра, являлись накладками, имевшими отверстия для крепления на какую-либо основу. Литая бронзовая фигурка из Старого Орхея служила не накладкой, а подвеской-амулетом (оберегом). Функциональное использование староорхейской фигурки как подвески-амулета придает ей уникальный характер. Его точные аналогии пока неизвестны. Стилистические индивидуальные особенности амулета из Старого Орхея затрудняют датировку и интерпретацию данного изображения. Поэтому определение этого изделия как славянского требует существенных уточнений.

Необходимо отметить, что металлические антропоморфные амулеты имеют немного аналогий в одновременных памятниках VI-VIII вв. н.э. на территории Евразии. Однако, подобные изделия плоского и рельефного литья с чертами примитивного реализма известны в бронзе Северного Кавказа середины — второй половины I тыс. н.э. В находках из Приуралья, Подонья, Крыма, Поднепровья, Приднестровья и Подунавья антропоморфные амулеты представлены единичными экземплярами, которые можно рассматривать как результат связи с Кавказом (Степи Евразии 1981: 181, рис. 64). Район Центрального Предкавказья в эпоху раннего средневековья был занят племенами носителями аланской культуры. Кроме Предкавказья они проникали в Закавказье, Переднюю Азию, Причерноморье, Францию, Испанию и Северную Африку.

Одной из специфических особенностей памятников аланской культуры Северного Кавказа является разнообразие и массовость металлических амулетов (более 250 экз.) (Ковалевская 1983: 43). По стилистическим особенностям и иконографическим признакам изображения, все северокавказские антропоморфные амулеты можно разделить на несколько типов. Первую группу составляют небольшие бронзовые (или низкопробного серебра) односторонние литые фигурки (средняя высота $4,5 \pm 0,19$ см, ширина $1,8 \pm 0,1$ см). Более или менее реалистичные антропоморфные амулеты данного типа выполнены в стоячей позе. Изображение мужское, обнаженное, с узким вытянутым прямоугольным торсом, переходящим к низу в гиперболизированный фаллос. Голова круглая, или в коническом головном уборе. Черты лица не выделены или переданы схематично (волосы, глаза, нос, рот). Плечи прямые, в одном случае опущенные руки расположены параллельно туловищу с отогнутыми в сторону кистями. Ноги широко расставлены, руки разведены в стороны. Линия ног повторяет линию рук. Ноги чаще с выделенными стопами. Ушко для привешивания находилось сзади. Спецификой этого типа являются геометризованные

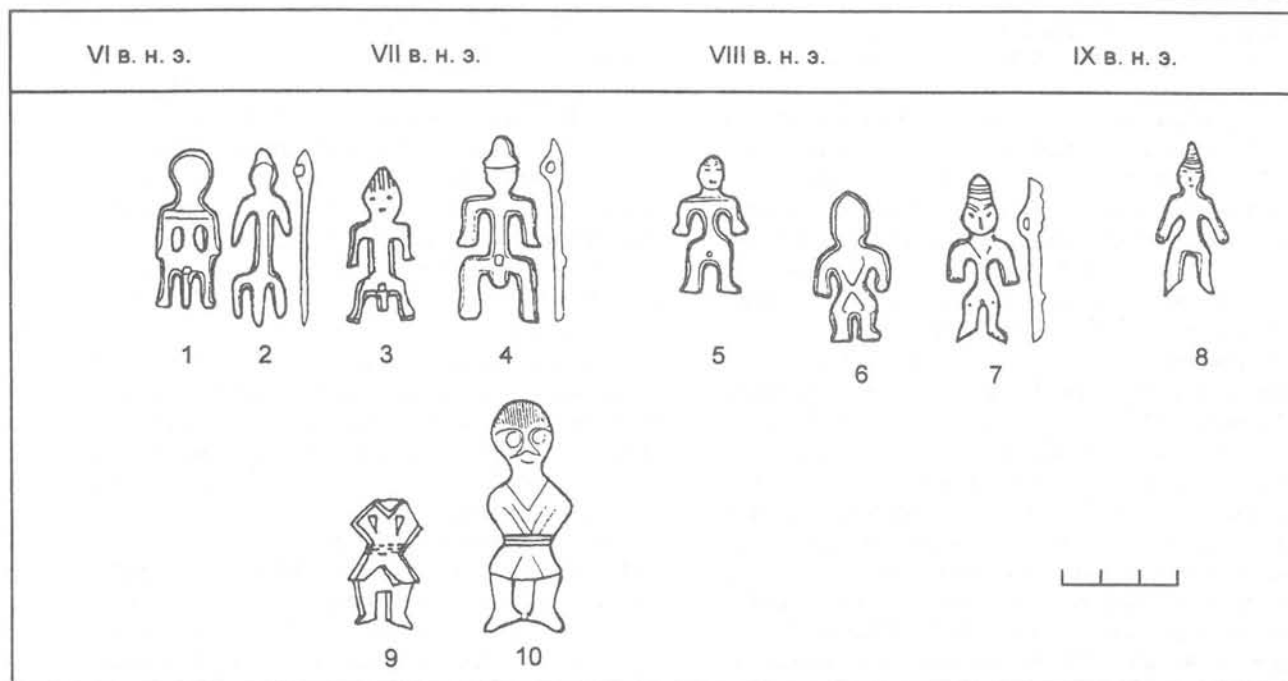

Рис. 3 Антропоморфные амулеты Северного Кавказа (по В. Б. Ковалевской)

I группа: 1 – Мог. Пашковский; 2 – р. Подкумок; 3 – Лермонтовская скала; 4 – Мог. Мокрая Балка.

II группа: 5 – р-н Кисловодска; 6 – Уртсеки-Варачан; 7 – Бавтугай; 8 – Чегем.

III группа: 9 – Кугуль; 10 – Преградная.

Fig. 3 Anthropomorphic amulets from the Northern Caucasus (after V. B. Kovalevskaya)

I group: 1 – Burial ground of Pashkovskiy; 2 – r. Podkumok; 3 – Lermontov Rock; 4 – Burial ground of Mokraya Balka.

II group: 5 – Surroundings of Kislovodsk; 6 – Urtsekhi-Varachan; 7 – Bavgugai; 8 – Chegem.

III group: 9 – Kugul; 10 – Pregradnaya.

прямоугольные формы (Степи Евразии ... 1981: 181, рис. 64: 1, 10, 11, 30). Кроме Северного Кавказа единичные находки подобных изделий известны в Южном Приуралье, Прикамье и Приаралье (Ковалевская 1983: 44-46, Генинг 1972: 255, рис. 8: 1). Целая серия бронзовых фаллических антропоморфных амулетов происходит с территории Крымского п-ова. Они известны на Боспоре, в Херсонесе и Чуфут-Кале (Кругликова 1957: 254-255, Кропоткин 1965: III, рис. 13: 1-3). Б. Ю. Михлин, публикуя подобный амулет, происходящий из Белосарайской косы (с. Ялта, Донецкая обл.) связывает их происхождение с появлением в степях Украины гуннских орд. Отражением гуннского нашествия считает немногочисленные находки данных фигурок Д. Б. Шелов (Михлин 1972: 95-96; Шелов 1978: 87). В. Б. Ковалевская антропоморфные фаллические амулеты с территории Северного Кавказа, Приазовья и Крыма выделяет в I тип и, на основании широкого круга аналогий, датирует второй пол. VI-VII вв. н.э. (Ковалевская 1983: 45). С первым типом амулетов тесно связаны солярные подвески-амулеты (около 200 экземпляров) (по В. Б. Ковалевской 4 тип). Они представлены изделиями в виде колес-«колес» (VI-VII вв. н.э.) и до сложных композиций (VII-IX вв. н.э.). Антропоморфные, часто

фаллические изображения этой группы четко сохраняют все особенности стилистического канона первого типа (Ковалевская 1983: 46, 48).

Второй тип представлен бронзовыми односторонними подвесками устойчивого, но менее геометризованного стилистического канона (средние размеры $4,6 \pm 0,1$ см; $2,2 \pm 0,12$ см). Общий облик антропоморфных амулетов более реалистичен, хотя и продолжает сохраняться прежняя схема. Фигурки этого типа изображают мужчину в стоячей позе с развернутыми плечами. Руки с намеченными пальцами опущены, ноги прямые, носки ног наклонены книзу. Туловище с подчеркнутой талией расширяется к бедрам. Лицо передано рельефной профилировкой, выделены глаза, нос, рот. Изображены конический головной убор и треугольная линия ворота. Насечки на ногах, очевидно, указывают на обувь – невысокие сапоги. Ушко для привешивания находилось сзади. Производство амулетов второго типа В. Б. Ковалевская связывала с восточными, возможно, хазарскими мастерскими и датировала VIII-IX вв. н.э. (Ковалевская 1983: 46). Данные амулеты, кроме Северного Кавказа, были найдены в Дагестане и Башкирии.

Амулеты третьего типа составляют небольшие выпукло-вогнутые штампованные серебряные

фигурки (ср. размеры $5,9 \pm 0,6$ см, $2,6 \pm 0,3$ см). Антропоморфные амулеты этого круга передают мужское изображение с тонкой талией и иксообразным туловищем. Голова фигурок круглая, волосы обозначены штрихами, намечены брови, глаза, нос, рот и усы. Руки согнуты в локтях и уперты в бок, пальцы не выделены. Ноги слегка расставлены и согнуты в коленях, стопы развернуты. Одежда изображена с двумя полами. Данные амулеты происходят из комплекса VII в. н.э. (датировка В. Б. Ковалевской) близ ст. Преградной и склепа того же VII в. н.э. на горе Кугуль близ Кисловодска (Минаева 1957: 134, рис. 52; Степи Евразии 1981: 181, рис. 64: 12). Они имеют относительную аналогию в Агач-Кале VII-IX вв. н.э. (Ковалевская 1983: 46). Антропоморфные изделия третьего типа не подвешивались, а крепились на твердую основу. Вероятно, они составляли одну композицию с зооморфными изображениями (львом в Преградной, конями в Мартыновке). Ареал распространения перечисленных типов антропоморфной пластики свидетельствует об их принадлежности аланской культуре (Ковалевская 1983: 48-49).

Амулет из Старого Орхея по материалу, технологии изготовления, размерами, а также функциональному использованию в качестве подвески, близок к амулетам 2 типа. Вместе с тем, как по общему стилистическому решению, так и по ряду отдельных деталей староорхейская подвеска может быть сопоставима с антропоморфной северокавказской пластикой 3 типа. Учитывая нарушенную стратиграфию раннеславянского слоя городища Старый Орхей, приведенные аналогии позволяют датировать староорхейский амулет VII-IX вв. н.э.

Очевидно, что это изделие не славянского мастера. Бронзовые и медные украшения принадлежат к числу наиболее редких находок на славянских поселениях VII-IX вв. н.э. Если на поселении лесной зоны они, как правило, редки, то по мере приближения к южным степным причерноморским областям количество таких изделий возрастает (Аулих 1961: 128-134).

В середине — второй половине I тыс. н. э. славяне на Юго-Востоке Европы соседствовали с ирано- и тюркоязычными номадами. В ареале пеньковской культуры фиксируется присутствие инородного по отношению к славянам этноса или группы этносов. Это, в частности, проявляется в декоре пеньковской керамики (украшения края венчика насечками). Среди пеньковских древностей известны единичные труположения, часть из которых принадлежала каким-то группировкам кочевников (Алексеевка, Селиште, Мохнач).

Под их влиянием, очевидно, на ряде пеньковских селищ появились юртообразные постройки (Луг I, Осиповка, Стецовка, Чернечина, Богатое). Распространение железных трехлопастных наконечников стрел также было связано с инфильтрацией степняков, имевших на вооружении крупные сложные луки (Богатое, Чернечина и др.). Не исключено и то, что своеобразным толчком в развитии ювелирного производства ранних славян могли послужить их тесные контакты с кочевническим миром.

В Старом Орхее интересующая нас находка не входила в состав закрытого комплекса, следовательно, ее достоверную связь с раннеславянской пеньковской культурой нельзя считать установленной. На территорию Поднепровья это антропоморфное изделие могло попасть в ходе следующих событий.

Известно, что в 30-х годах VIII в. н.э. арабы нанесли удар по Северному Кавказу, что привело в движение массы местного населения. С уходом в VIII в. н.э. части алан из Предкавказья связаны некоторые культурные изменения, отмеченные в Нижнем Подунавье. Они проявляются в находках сероошечной керамики аланского северокавказского типа. Это же подтверждают обнаруженные в четырех пунктах левобережья Нижнего Дуная боевые топоры со специфическим — кинжалообразным лезвием (Медиас, Дрогословени, Бухарест, Радовану), имеющие аналогии только в Карачаево-Черкессии (Северо-Западный Кавказ), в захоронении на р. Кривой (Хеннинг 1989: 91). На пути к Нижнему Дунаю расположена территория Поднепровья, которую аланы не могли миновать и некоторые из них, по видимому, осели в этом регионе. В связи с этим, находка подвески-амулета из Старого Орхея может являться свидетельством определенных этнокультурных контактов ранних славян с кочевниками, возможно, аланами. Несомненно, что массовые передвижения в Европу аланских, проболгарских, аварских кочевых племен в постгунскую эпоху привели к вхождению Днестровско-Прутских земель в зону распространения изделий того художественного стиля, который был выработан восточными мастерами в середине I тыс. н.э.

Особенности географического положения Поднепровья как контактной зоны лесостепи и степи определили тесные связи славян с кочевническим массивом. Таким образом, вещевые находки из раннеславянского слоя Старого Орхея предоставляют новые данные о роли кочевых народов в этнокультурном развитии Юго-Восточной Европы периода раннего средневековья.

- Ауліх, В. В. 1961. Матеріали з верхнього горизонту городища біля с. Зімне Волинської області // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині 3: 128-134.
- Генинг, В. Ф. 1972. Южное Приуралье в III-VII вв. н. э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории ургов: 221-295. Москва: Наука.
- Ковалевская, В. Б. 1983. Антропоморфные амулеты VI-IX вв. на Северном Кавказе // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 176: 43-50.
- Кропоткин, В. В. 1965. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 100: 108-115.
- Кругликова, И. Т. 1957. Погребение IV-V вв. н. э. в дер. Айвазовское // Советская археология 2: 253-257.
- Медведев, А. Ф. 1966. Археология СССР. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы самострел) VIII-XIV вв. н.э. // Свод археологических источников Е1-36. Москва: Наука.
- Минаева, Т. М. 1957. Находки близ станицы Преградной на р. Урупе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 168: 133-137.
- Міхлін, Б. Ю. 1972. Гунській амулет з Ждановського музею // Археологія 5: 95-96.
- Рафалович, И. А. 1972. Славяне VI-IX вв. в Молдавии. Кишинев: Штиинца.
- Смирнов, Г. Д. 1954. Археологические исследования Старого Орхья // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 56: 24-39.
- Смирнов, Г. Д., И. А. Рафалович. 1965. Раннеславянские находки VI-VII вв. из Старого Орхья // Известия АН МССР 12: 74-76.
- Степи Евразии. 1981. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. Москва: Наука.
- Хеннинг, И. 1989. Восточные по происхождению оружие и снаряжение всадников в кладах сельскохозяйственных железных изделий в Юго-Восточной Европе // Проблемы на прабългарската история и култура: 97-104. София.
- Шелов, Д. Б. 1978. Волга-Донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы: 81-88. Москва: Наука.

ON THE ALAN ORIGIN OF THE AMULET FROM STARY ORKHEI (TREBUZHEN)

V. A. KHOKHLOV

In this article a bronze anthropomorphic pendant found in the area between rivers Dniester and Prut at a multi-layered site of Stary Orkhei (fig. 1) is discussed. The object is 3,5 cm in height and its greatest width is 1,5 cm.

The pendant was found in 1956 along with some fragments of hand-made pottery (of the Penkovo type) and an iron arrow-head (fig. 2: 1) during the investigation of a dug-out workshop of the 15th-16th centuries that had cut through an early-Slavic level at Stary Orkhei. These metal objects are of indisputable interest because the small number of datable finds makes difficult the development of the general and inner chronology of early medieval antiquities from the Dniester region.

The Stary Orkhei representation of a human figure has already attracted attention of some scholars (G. D. Smirnov, I. A. Rafalovich, O. M. Prikhodnyuk). On the basis of relative analogies with silver figu-

rines of the Martynov type they defined the pendant as a Slavic ritual one (amulet) and dated 6th-7th century A.D. However in terms of functionality (as of a number of other features) these are quite different objects although they possibly have a common origin.

Study of the Stary Orkhei amulet enabled us to put forward a question of its connection with the Caucasian anthropomorphic plastic arts and to re-date it to the 7th-9th century A.D. on the basis of consideration of a series of parallels. It is known that the central part of the close to Caucasus area in the early Medieval period was inhabited by the tribes — bearers of the Alan culture. In this article arguments for an Alan instead of Slavic origin of the pendant from Stary Orkhei are presented. A hypothesis is proposed that this anthropomorphic object came to the region of Dniester in the 8th century A.D. and it may reflect migration of some of Alans from the area near Caucasus westward under the Arabian pressure.

НЕИЗВЕСТНЫЙ КЛАД НАЧАЛА IX В. ИЗ ИМЕНИЯ М. А. ОБОЛЕНСКОГО ДМИТРОВСКОГО УЕЗДА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Т. С. НУНАН, Р. К. КОВАЛЕВ¹

Между концом VIII и серединой XI столетий история Западной Евразии была коренным образом изменена великим торговым путем эпохи викингов, который связал Балтику и Россию с Исламским миром. Эта торговля сыграла огромную роль в развитии скандинавских и западнославянских народов, живших по берегам Балтийского моря, в происхождении первого государства на Руси, в преобразованиях Хазарского каганата, в росте Саманидского государства в Центральной Азии и в эволюции Аббасидского халифата. Учитывая столь огромное значение данного пути, исследователи уже давно интересовались вопросами происхождения этой торговли. Когда, почему и как викингские купцы и их исламские партнеры с Ближнего Востока впервые вошли в контакт на реках Европейской России? Как эта торговля стала столь фундаментально менять общество в Западной Евразии? Ответы на эти вопросы помогли бы нам понять историю Северной Европы, как и историю Халифата на раннем этапе эпохи викингов.

К сожалению, письменные свидетельства современные раннему периоду восточной торговли отсутствуют. Единственными надежными источниками являются клады исламских серебряных монет — дирхемов, отложившиеся в Северной Европе в это время, которые позволяют рассмотреть начало торговли, связавшей Ближний Восток с Европейской Россией и Балтикой (Noonan 1992: 237-259; 1994: 215-236)². Особенно ценны эти данные в сопоставлении с соответствующими археологическими материалами.

Клады дирхемов конца VIII-IX вв., являющиеся основным источником для изучения раннего этапа торговли, очень редки в Северной Европе. Еще более редко встречаются клады этого времени сохранившиеся целиком. Из приблизительно 1600 кладов дирхемов,

отложившихся в Западной Евразии в VIII-XII вв., только 380 могут быть датированы VIII-IX вв. Из них только 26 были сокрыты в Северной Европе до 815/816 гг. Из этих последних лишь 17 сохранились более или менее полно. Однако, большинство ранних кладов были очень маленькие: 17 из 26 несомненно содержали первоначально менее 50 монет. Другими словами, имеется только 9 кладов, включавших более 50 монет, на которых можно основываться в детальном изучении начального этапа торговли Исламского мира с Севером. К сожалению, только 5 из них были опубликованы. Учитывая обрисованную ситуацию, вполне понятно сколь огромное значение имеет открытие еще одного клада конца VIII- начала IX вв.

В 1846 г. клад из 63 дирхемов был обнаружен в с. Глухово в имении князя М. А. Оболенского, Дмитровского уезда Московской губернии. Глухово располагалось при слиянии рек Лутосни и Кимерши. Отсюда по Лутошне и по рекам Сеestre и Дубне проходил удобный путь к Верхней Волге, откуда серия речных путей вела к Ладоге и на Балтику. Сходным образом место находки клада было связано серией волоков с р. Клязьмой, впадавшей в р. Оку. К югу от Оки купцы волоками переходили к речной системе Дона и Северского Донца, откуда пролегал маршрут через Хазарию в Иран и Ирак. Одним словом, Глухово находится на важнейшем пути между Исламским миром и Северной Европой.

К счастью, М. А. Оболенский интересовался древними и восточными монетами. Вскоре после находки клада, он упомянул о двух кладах восточных монет в разговоре с проф. И. Н. Березиным и графом А. С. Уваровым. Последние сообщили об этом известному специалисту по исламской нумизматике П. С. Савельеву (о нумизматических работах П. С. Савельева

¹University of Minnesota, Twin Cities Campus, Department of History, College of Liberal Arts, 614 Social Sciences, 267 – 19-th Ave S. Minneapolis, MN 55455.

²Под Северной Европой авторы часто понимают не только собственно Скандинавию, но и весь Балтийский регион, включая северную часть Восточной Европы — прим. ред.

см. Мауер 1954: 198-203, No. 1522-1571). В письме от 28.12.1850 г. П. С. Савельев попросил М. А. Оболенского дать ему более подробную информацию об этих кладах. К ответу М. А. Оболенского (26.01.1851 г.) были приложены три копии документов из Московского Главного архива Министерства Иностранных Дел, содержащих сведения о находке «ассирийских» монет (очевидно дирхемов) в Киеве в 1706 или 1707 гг. (Марков 1910: 13-14, № 73; Каргер 1958: 116-117). Этот киевский клад вероятно и был одним из двух о которых М. А. Оболенский упоминал в разговоре с И. Н. Березиным и А. С. Уваровым. В дополнение к информации о киевском кладе М. А. Оболенский послал П. С. Савельеву дирхемы, найденные в его имении, которые, кажется, и составляли второй из уже упомянутых кладов. Он писал: «Что ж касается до новой нумизматической находки, о которой Вы слышали от графа А. С. Уварова, то она не принадлежит Киеву, а была открыта в 1846 году в принадлежащем мне селе Глухове, Богородицком тож, которое находится Московской губернии, Дмитровского уезда в 18-ти верстах от Подсолнечной Горы, станции на С.-Петербургской шоссейной дороге. Село Глухово, Богородицкое тож, расположено на горе, при слиянии двух рек Лутосни и Кимерши, из коих последняя впадает в первую. Монеты были найдены при рытье погребца, на глубине двух аршин в глиняном горшке. Полагая, что ближайшее рассмотрение этого Московского клада будет не бесполезно для Ваших ученых разысканий, я посылаю к Вам собрание монет, найденных в моем имении. Вместе с тем обращаюсь к Вам с моею покорнейшею просьбою, сообщить мне при обратном возвращении этих монет, их археологическое описание, чем меня весьма много обяжете» (Архив ИИМК РАН. Фонд 8, дело № 10, лл. 1-5).

В начале 1999 г. во время работы в Рукописном архиве ИИМК РАН в одном из дел было обнаружено письмо М. А. Оболенского П. Г. Савельеву, часть которого относительно находки клада мы только что процитировали, и рукописные наброски по составу монет из клада, очевидно, сделанные П. С. Савельевым¹. Таким образом, в нашем распоряжении имеется лишь часть переписки о кладе из имения М. А. Оболенского. Мы не знаем ни первого письма П. Г. Савельева, где он спрашивал о двух кладах, ни его письма М. А. Оболенскому, когда он, вероятно, возвращал клад и давал пояснения по монетам (рукописные наброски вряд ли таковыми являются). Об этом приходится лишь сожалеть, поскольку письмо М. А. Оболенского от 26.01.1851 г. является отчасти

Рис. 1 Место расположение Глуховского клада.

Fig. 1 The location of the Glukhovo hoard.

двусмысленным относительно числа монет первоначально входивших в состав клада («я посылаю к Вам собрание монет, найденных в моем имении»). Не ясно попали ли к М. А. Оболенскому все монеты из глиняного горшка или только 63 из них. Сейчас ответить на этот вопрос невозможно. Очень часто монеты из кладов полностью или частично расходились по рукам, прежде чем кто-либо пытался их собрать воедино у местных жителей. Иногда такие усилия были удачны и клад полностью или почти полностью сохранился, но достаточно часто удавалось получить лишь несколько монет из большого клада.

Хотя П. Г. Савельев и определил дирхемы из глуховского клада, он нигде не опубликовал его детальной характеристики. Только в 1853 г. в Перечне заседаний Императорского Археологического Общества появилась информация о сообщении П. Г. Савельева, сделанном 24 октября 1851 г., в котором он упомянул московский клад из имения М. А. Оболенского. О кладе было сказано лишь то, что он состоит главным образом из рубленных монет: половинок и четвертинок и т.д. и, что П. Г. Савельев «изложил свои мысли об отношении этих дробей дирхемной единицы к древнерусской монетной системе», а «обстоятельное исследование об этом любопытном предмете помещено им будет, вместе с описанием самого клада, в Записках Общества» (Савельев 1853: 57-58). А. К. Марков был знаком с данной информацией и в своей знаменитой работе о топографии

¹ Авторы выражают признательность директору ИИМК РАН Е. Н. Носову за возможность работать в Рукописном архиве и сотрудникам архива за помощь.

кладов с территории Российской империи отметил, что в 1851 г. клад дирхемов, состоявший в основном из фрагментов, был найден в имении М. А. Оболенского в Московской губернии (Марков 1910: 27, № 146). А. К. Марков явно не знал о листке с определениями монет клада, сделанными П. Г. Савельевым, которые свидетельствуют, что клад относился к началу IX в. Это было неизвестно и другим исследователям и клад исчез из нумизматической литературы. Даже Р. Р. Фасмер — величайший русский специалист по исламской нумизматике XX в., не включил глуховский клад в список ранних кладов куфических монет с территории СССР (Фасмер 1931). Цель данной статьи состоит в том, чтобы давно забытый и важный монетный клад вернуть науке из «нумизматической могилы», где он, к сожалению, оказался.

Для того, чтобы убедиться в правильном истолковании заметок П. Г. Савельева в свете современных знаний по средневековой исламской нумизматике, авторы статьи обратились к одному из наиболее известных исследователей кладов дирхемов Северной Европы Герту Рисплингу (Стокгольмский Нумизматический Институт) с просьбой помочь в анализе и прояснении рукописных заметок и получении дополнительной информации, которую можно было бы извлечь, исходя из них, Г. Рисплинг любезно согласился, и в результате удалось определить многие дирхемы клада более точно. Авторы выражают Г. Рисплингу свою искреннюю признательность за его великодушное сотрудничество и, вместе с тем, хотят подчеркнуть, что они, а не Г. Рисплинг, несут ответственность за любые неточности в чтении и/или интерпретации списка П. Г. Савельева.

Есть ряд проблем со списком П. Г. Савельева. Сохранившийся лист представляет собой не законченное исследование, в котором описывается каждая монета. Это лишь результат предварительной работы во время которой автор записывал главную информацию о каждом дирхеме (династия, правитель, место чеканки, год), которая была легко понимаема. К этому он добавлял арабское воспроизведение куфических надписей, которые были на некоторых монетах клада. Создается явное впечатление, что П. Г. Савельев намеревался снова вернуться к списку и охарактеризовать монеты детальнее. По каким-то причинам он никогда этого не сделал, что может быть и является причиной того, что глуховский клад никогда и не был издан, а лишь упомянут в одной из заметок. Возможно полное определение монет клада и существовало, ведь П. Г. Савельев собирался его опубликовать, судя по изложению его выступления на заседании Императорского Археологического Общества в октябре 1851 г., но оно до нас не дошло или не найдено в архивах.

Однако, поскольку П. Г. Савельев записал главную информацию и скопировал значительную часть куфических легенд, Г. Рисплингу удалось заполнить целый ряд лакун в списке монет. К примеру, для дирхема №15 по первоначальному списку (публикуемый ниже каталог не соответствует оригинальному списку П. Г. Савельева) отмечен год его чеканки — 191 г. х., но не указано место чеканки. Однако, благодаря короткой арабской надписи с именем правителя, Г. Рисплинг смог определить, что место чеканки — ал-Аббасия. Сходным образом для дирхема № 18 первоначального списка были опущены и место чеканки и дата, но по типу скопированной надписи Г. Рисплинг смог установить, что он был отчеканен в ал-Мухаммадии между 150 и 155 г. х. Более загадочной монетой оказался дирхем № 61 первоначального списка. По П. Г. Савельеву он был отчеканен в Арминии в 176 г. х. или в 186 г.х. или в 196 г. х. Г. Рисплинг заметил, что П. Г. Савельев не записал название города по-арабски и поэтому он предположил, что это была ал-Мухаммадия и в таком случае время чеканки должно быть 186 г. х. Наиболее загадочным оказался дирхем № 52 нашего каталога (№22 списка П. Г. Савельева). Ниже № 22 было написано по-арабски имя Салм, которое встречается на многих дирхемах этого времени, но не может быть связано ни с одной из рядом расположенных определяемых монет. Это позволяет заключить, что таким образом была обозначена отдельная монета.

Глуховский клад по своему составу очень типичен для ранних кладов дирхемов с территории Европейской России и региона Балтики. К примеру, в ранних кладах из Европейской России аббасидские дирхемы обычно составляют гораздо более 50% монет, а небольшой процент (чаще менее 10%) принадлежит монетам иных династий — сасанидским драхмам, омейядским, идрисидским, испанским омейядским дирхемам и т.д. (Янин 1956: 91-97; Noonan 1981: 63-71). Такой состав кладов отражает династический состав монет в кладах, отложившихся на Ближнем Востоке, откуда экспортировались дирхемы находимые в Европейской России (Noonan 1980: 401-469).

Таблица А показывает династическое распределение монет в кладах Европейской России, относящихся к периоду до 815/816 гг. (учтены все клады района насчитывающие более 10 определяемых монет). В таблицу также включен клад Преров-Дарсс на территории современной Германии, являющийся единственным кладом этого времени региона Балтики, где насчитывается более 50 определяемых дирхемов. Материалы показывают подавляющее преобладание в кладах аббасидских дирхемов, составляющих

Таблица А: Династическое распределение монет из ранних кладов дирхемов с территории Европейской России и Балтийского региона (в процентах)

Table A: The dynastic distribution of the coins in early dirham hoards from European Russia and the Baltic (in percentages)

Место находки, дата последней монеты, число дирхемов	Сасаниды	Омейяды до реформы	Испехбады	Омейядские наместники	Испанские Омейяды	Хараджидские имамы	Аббасидские наместники Табаристана	Омейяды	Идрисиды	Аглебиды	Аббасиды	Подражание и подделки исламских монет	Византийские	Западноевропейские
Старая Ладога, 786/787-(31)											100			
Городок, 800-(15)	13							8	20		60			
Правобережное Цимлянское городище, 802-(48)	10	2		6			19	10	2		50			
Преров-Дарсс, 803-(72)	17	1					7	6			67			3
Петергоф, 803/804-(83)	2					2	4	1	5		86			
Кривянская, 805/806-(82)	2		1					2	10		84			
Княшино, 808/809-(90)	10	9	4		2		11	14	1		48			
Завалишино, 809/810-(52)	4					4	8	6	4		69	4	2	
Хитровка, 810/811-(12)			8						17		75			
Нижние Новоселки, 811/812-(118)	4			1		4		11	3		77			
Глухово, 811/812-(63)					2	3		3	3	3	86			
Нижняя Сыроватка, 812/813-(206)					1	10		5	10	1	70			
Угодичи, 812/813-(127)	4		2			4		7	5		79			
Кремлевское, 812/813-(77)	10	1	1				10	3	7	1	66			
Холопий Городок, 810-812-(24)	17				4			8	4		67			

от 48% до 100%. Если мы обратим внимание только на клады, насчитывающее 50 и более определенных монет, то число аббасидских монет в Глуховском кладе (86%) такое же, как в кладе Петергофском (803/804 г.), почти такое же как в Кривянском кладе (84%) и только чуть больше, чем в Угодичском кладе (79%). Среди прочих монет в кладах более часто встречаются сасанидские, омейядские и идрисидские монеты, в то время как дирхемы и полу-драхмы чеканенные дореформистскими Омейядскими правителями, Испехбадами, Хараджидскими имамами, Аббасидскими правителями Табаристана и Аглебидами представлены в меньшем числе. И в этом отношении Глуховский клад очень типичен: помимо аббасидских дирхемов, он содержит небольшой процент монет чеканенных Омейядами Испании, Хараджидскими имамами, Омейядами, Идрисидами и Аглебидами. По своему династическому составу монет клад наиболее сходен с Петергофским кладом.

Таблица Б показывает хронологическое соотношение дирхемов в составе ранних кладов

Европейской России и региона Балтики (более детально об этом см.: Янин 1956: Табл. I; Noonan 1981: 72-80). В кладах преобладали дирхемы чеканенные в 770-е – 780-е гг., составлявшие в них от 25% до 61%. В целом около половины монет в этих кладах была выпущена за эти двадцать лет, то есть половина монет из состава кладов находилась в обращении очень недолго. По хронологическому составу монет указанного времени (53%) Глуховский клад сопоставим с кладами из Холопьяго городка (50%), Завалишино (57%), Кривянской (57%), Княшино (47%) и Нижней Сыроватки (47%). Другие группы составляют монеты чеканенные до 750 г. и в 790-е гг. Некоторые клады характеризуются значительным числом монет относящихся к периоду до правления Аббасидов (Преров-Дарсс – 43%, Княшино – 30%, Холопий городок – 25%), другие же клады содержат менее 10% таких монет. К их числу относится и публикуемый нами (5%). Большинство кладов начала IX в. имеют значительное число дирхемов 790-х гг. (от 8% до 32%) и среди

Таблица Б: Хронологическое распределение монет из ранних кладов дирхемов с территории Европейской России и Балтийского региона (в процентах)

Table B: The chronological distribution of the coins in early dirham hoards from European Russia and the Baltic (in percentages)

Место находки, дата последней монеты, число дирхемов	До 750-х гг.	750-760-е гг.	770-780-е гг.	790-е гг.	800-е гг.	810-е гг.
Старая Ладога, 786/787-(31)		21	79			
Преров-Дарсс, 803-(72)	43	8	25	13	13	
Петергоф, 803/804-(83)	4		61	32	3	
Кривянская, 805/806-(82)	6	8	57	27	3	
Княшино, 808/809-(90)	30	6	47	8	8	
Завалишино, 809/810-(52)	11	4	57	9	20	
Глухово, 811/812-(63)	5	7	53	12	19	5
Нижняя Сыроватка, 812/813-(206)	3	1	47	30	19	1
Угодичи, 812/813-(127)	11	7	38	28	14	2
Холопий Городок, 810-812-(24)	25	13	50	8	4	

них намечаются две группы. В первую, входят пять кладов с числом монет этого времени от 8% до 13% (среди них Глуховский клад – 12%), во вторую, – четыре клада, где количество дирхемов 790-х гг. находится в пределах 27-32%. Не удивительно, что все клады начала IX в. содержат и некоторое число монет (от 3% до 20%) чеканки 800-х гг. В пяти кладах количество таких монет составляет более 10% (Преров-Дарсс – 13%, Угодичи – 14%, Глухово – 19%, Нижняя Сыроватка – 19%, Завалишино – 20%). Наконец, почти все ранние клады имеют обычно менее 10% монет 750-760 гг., в то время как клады отложившиеся около 810 г. и около 815 г. включают несколько совсем новых дирхемов. Глуховский клад вполне соответствует по составу данному наблюдению. Ближайшие аналогии кладу их Глухова (811/812 гг.) составляет известный Завалишенский клад (809/810 гг.), что весьма важно, поскольку последний дошел до нас в более или менее полном виде и сопоставим с Глуховским по размерам.

На **таблице В** представлено распределение дирхемов из кладов Европейской России по месту их чеканки (более детально об этом см. Noonan 1984: 153-165). Она высвечивает картину, впервые отмеченную Р. Р. Фасмером много лет назад и затем многократно подтвержденную другими исследователями (Фасмер 1933: 473-487; Янин 1956: 91-94), которая свидетельствует о том, что клады Европейской России, датируемые временем до 825-833 гг., содержат большой процент дирхемов, чеканенных в Северной Африке, особенно в Аббасии и Ифрикии. Почти все из этих монет были выпущены до 800 г. и имели очень широкое

хождение в Иране и Ираке, откуда вывозились в Северную Европу. Клады, отложившиеся около 805-815 гг., приблизительно наполовину состояли из дирхемов африканского чекана. Клад из Глухова с 43% африканских монет является очень типичным в рассматриваемом плане и опять же чрезвычайно близким Завалишенскому кладу (44%). Можно было бы ожидать, что большая часть монет этих кладов поступила из Ирака, где располагались такие известные центры чеканки монеты, как ал-Басра и ал-Куфа, и где была основана знаменитая столица Мадинат ас-Салам или Багдад. На самом деле из Ирака происходит лишь около одной четверти монет и цифра в 28% для Глуховского клада почти аналогична цифрам для пяти других кладов, относящихся ко времени около 806 г. Почти все ранние клады содержат монеты из Северного Ирана, чеканенные в ал-Мухаммадии. Число таких дирхемов в Глуховском кладу (17%) находится где-то в середине при подсчете монет из других кладов. Наконец, каждый ранний клад включал несколько монет и из других регионов (одного или нескольких), каковым наиболее часто выступал Южный Кавказ. Это вполне понятно, так как серебро из Ирана и Ирака вывозилось на север через Кавказ либо по сухопутным маршрутам, либо по Каспийскому морю. Глуховский клад, включающий дирхемы с Южного Кавказа, Мавераннахра, Испанских Омейядов и Аравии, является очень типичным по своему составу для кладов этого времени. Как подчеркивал Р. Р. Фасмер еще полвека назад, клады дирхемов, отложившиеся в Европейской России в тот или иной период, всегда соответствовали по своему составу определенной «модели».

Таблица В: Распределение дирхемов по месту чеканки из ранних кладов с территории Европейской России (в процентах)

Table B: The regional distribution of the coins in early dirham hoards from European Russia (in percentages)

Место находки, дата последней монеты, число дирхемов	Ирак	Северная Африка	Северный Иран	Южный Кавказ	Хурасан	Северный Ирак	Мавераннахра	Южный Иран	Испания	Аравия	Сирия
Старая Ладога, 786/787-(31)	65	26	3	3		3					
Петергоф, 803/804-(83)	4	89	5		1						1
Кривянская, 805/806-(82)	19	60	14	5		1		1			
Княшино, 808/809-(90)	23	30	34	1	5			1	3		3
Завалишино, 809/810-(52)	24	44	22	2			4	2			
Глухово, 811/812-(63)	28	43	17	6			2		2	2	
Нижняя Сыроватка, 812/813-(206)	27	60	8	1	3			1			
Угодичи, 812/813-(127)	25	52	13	4	2		2	1			
Холопий Городок, 810-812-(24)	25	50	10		5				5		5

Сравнительный анализ династического, хронологического и регионального распределения монет из ранних кладов Северной России и Балтики по месту чеканки дирхемов показывает, что давно забытый Глуховский клад является очень типичным для этой группы кладов и чрезвычайно близок Завалишенскому кладу, который был сокрыт года на два раньше него.

В заключение необходимо подчеркнуть, что клад из Глухова является чрезвычайно важным для установления путей по которым исламские дирхемы доставлялись в Северную Европу. Исламский письменный источник середины IX в. или несколько более позднего времени свидетельствует, что купцы-русы приходившие с севера, с территории сейчас занимаемой Россией, направлялись в столицу Хазарии Итиль в низовьях Волги, откуда они могли пересечь Каспийское море и затем достичь Багдада сухопутным путем (о сообщении Ибн Хордадбега см.: Pritsak 1970: 241-259). В то время как точный маршрут между Северной Россией и Хазарией по этому источнику остается до конца не ясным, кажется очевидным, что он достигал Византийского Крыма и затем вел через Северский Донец и Дон к нижней Волге выше Итиля (Pritsak 1970: 248; Noonan 1987-1991: 213-219).

Другими словами, купцы-русы, которые первыми везли исламское серебро в Северную Европу, путешествовали между низовьями Волги и Северо-Западной Россией — Восточной Прибалтикой. Если допустить, что русы или купцы-викинги попадали на территорию Северо-Запада России через Старую Ладогу, то необходимо понять, как они продвигались из Ладоги в Крым и в хазарский Итиль. Это очень сложный вопрос,

поскольку часто допускается, что двумя основными путями использовавшимися русами при плавании на юг были Днепр или Волга. Соответственно легко предположить, что русы просто спускались вниз по Днепру или Волге из района, где истоки этих рек почти сходились. Данные нумизматики, однако, показывают, что основные маршруты с Верхней Волги и Верхнего Днепра вели к системе р. Оки, откуда купцы-русы волоками переходили к водной системе Северского Донца и Дона, по которой они спокойно достигали Хазарии. С Дона, используя волок, можно было перейти на нижнюю Волгу, откуда плыть вниз по течению в Итиль (Noonan: в печати).

Целый ряд кладов подтверждают использование именно этого маршрута, связывавшего Ладогу с Итилем в начале IX в. Петергофский клад (803/804 гг.) показывает, что путь из Восточной Прибалтики в Ладогу пролегал вдоль северного побережья Эстонии к р. Неве. Отсюда купцы плыли к основному северорусскому эмпорию в Старой Ладоге, где найдено несколько ранних кладов (клад 786/787 гг. и еще один клад или клады в Княшино, датируемые временем около 810 г.). Поднимаясь от Ладоги вверх по р. Волхову, купцы-русы могли волоками переходить как на Верхнюю Волгу, так и в верховья Днепра. Использование р. Волхова, как важнейшего пути, подтверждается находкой клада дирхемов на Холопьем городке (810-812 гг.) близ Новгорода. При движении с Верхнего Днепра/Верхней Волги купцы-русы очевидно использовали три маршрута на нижний Дон и Северский Донец в Хазарии. Первый из них шел от левобережных притоков Верхнего Днепра к Среднему Дону или Северскому

Донцу (Завалишино, 809/810 гг., Нижняя Сыроватка, 812/813 гг.). Второй путь вел через волок с Верхней Волги в водную систему Оки, откуда было возможно опять же волоком перейти на Дон. Клады с Сарского городища (814/815 гг.) и из Угодичей (812/813 гг.) показывают, что Сарское городище, вероятно, было основным поселением в районе Верхней Волги, используемом купцами-русами. Было также возможным двигаться через левобережные притоки Верхнего Днепра к окской системе. Этот маршрут подтверждается находками кладов из Нижних Новоселок (811/812 гг.) и Кремлевского (812/813 гг.). Клады отложившиеся на Правобережном Цимлянском городище (около

800 г.) и в Кривянской станице (805/806 гг.) отражают проход купцов через нижний Дон и Северский Донец.

Как во всю эту ситуацию вписывается Глуховский клад? Было уже отмечено, что Глухово расположено на системе рек дающих выход как на Верхнюю Волгу, так и на Оку. Данный клад был принесен в район Москвы купцами-русами, которые использовали второй из названных ранее путей, который соответственно уже и существовал в первом десятилетии IX в. Ни Среднее Поднепровье с его более поздним центром в Киеве, ни Средняя Волга с ее возникающими центрами в Булгарских городах, не играли значительной роли на самых ранних этапах торговли русов.

КАТАЛОГ МОНЕТ ГЛУХОВСКОГО КЛАДА

ИСЛАМСКИЕ

(63, в основном фрагменты)

I. Омейяды (2)

1. (Ифри)кия?, 128 г. х. (745/746 гг.) — чеканка, предпол., Ифрикия.
2. Васит, 84-132 г. х. (703/704-749/750 гг.).

II. Испанские Омейяды (1)

Хишам I (1)

3. ал-Андалус, 178, 178 г. х. (794/795 гг.)

III. Аббасиды (49)

ал-Мансур (12)

4. монетный двор неизв., 151 г. х. (768/769 гг.)
5. ал-Мухаммадия, 152 г. х. (769/770 гг.).
6. ал-Мухаммадия, 152 г. х. — выпущена с именем ал-Махди.
7. ал-Мухаммадия, 155 г. х. — чеканена с именем ал-Махди.
8. Мадина́т ас-Салам, 155 г. х. (771/772 гг.)
9. Армения, 155 г. х. (771/772 г. х.)
10. Монетный двор неизв. (наиб. вероятн., ал-Мухаммадия), год неизвестен (предположительно 150-155 г. х. — 767/768-771/772 гг.) — выпущена наследником престола ал-Махди.
11. То же, что и № 10
12. То же, что и № 10.
13. То же, что и № 10.
14. Мадина́т ас-Салам, 158 г. х. (774/775 гг.)
15. Монетный двор неизв., 150 г. х. (767/768 гг. — 774/775 гг.)

ал-Махди (7)

16. Джей, 162 г. х. (778/779 гг.)
17. Мадина́т ас-Салам, 162 г. х. (778/779 гг.)
18. Джей, год неизв. (вероятно 162 г. х. — 778/779 гг.)
19. Монетный двор неизвестен (Джей?), 162? г. х. (778/779 ? гг.)
20. Ифрикия, 166 г. х. (782/783 гг.)
21. Монетный двор неизвестен (Ифрикия?), 166 г. х. (782/783 гг.)

22. Тудга, 167 г. х. (783/784 гг.)

ал-Хади (4)

23. ал-Ямама, 169 г. х. (785/786 гг.) — в честь Абдаллаха ибн-Саида
 24. монетный двор неизвестен, 169 г. х. (785/786 гг.) — халиф, предпол., ал-Махди
 25. ал-Аббасия, 170 г. х. (786/787 гг.) — халиф, предпол., ар-Рашид
 26. Мадина́т ас-Салам, год неизв. (169-170 г. х. — 785/786 — 786/787 гг.) — на обратной стороне — имя Ибрагим
- ар-Рашид (22)*
27. ал-Аббасия, 171 г. х. (787/788 гг.)
 28. монетный двор неизвестен (ал-Аббасия?), 171? г. х. (787/788 гг.)
 29. монетный двор неизвестен (наиболее вероятно, ал-Аббасия), 171 г. х. (787/788 гг.) — в честь наместника Язида
 30. монетный двор неизвестен, год неизвестен (возможно, то же, как № 29)
 31. Ифрикия, 177 или 179 г. х. (793/794 или 795/796 гг.)
 32. ал-Мубарака, 180 г. х. (796/797 гг.) — чеканена для (Аскара) ибн Муслима
 33. монетный двор неизвестен (наиболее вероятно, ал-Мухаммадия), 184 г. х. (800/801 гг.)
 34. монетный двор неизвестен (Балх или ал-Мухаммадия), 186 г. х. (802 г.)
 35. ал-Мухаммадия?, 186? г. х. (802? гг.) — по данным П. Г. Савельева — Армения, 176 г. х., 186 г. х. или 196 г. х., с именем Давуд. В записях П. Г. Савельева на арабском языке не обозначен монетный двор. Армения, наиболее вероятно, неправильно прочитана и должно быть — ал-Мухаммадия и, в таком случае, год чеканки 186 г. х. (802 г.)
 - 36-45. 10 дирхемов из ал-Куфы, ал-Басры, и/или Мадина́т ас-Салама (наиболее вероятно, 179-186 г. х. — 795/796-802 гг.).

46. Арминия, 188 г. х. (803/804 гг.) — в честь Хузайма ибн Хасима
 47. Монетный двор неизвестен (наиболее вероятно, Мадин Баджунайс), 191 г. х. (806/807 гг.) — выпущена ал-Амином, сыном халифа
 48. монетный двор неизвестен (Мадинат ас-Салам, ал-Мухаммадия или Табаристан), 191 г. х. (806/807 гг.)

ал-Амин (2)

46. монетный двор неизвестен (восточный), 194 г. х. (809/810 гг.) — выпущена ал-Мамуном
 47. Самарканд, 196 г. х. (811/812 гг.) — выпущена ал-Мамуном с именем Ду ал-Рийяситан. Самый поздний дирхем клада.

Имя халифа неопределимо

48. монетный двор неизвестен (Тудга?), год неизвестен (около 174 г. х. — 790/791 гг.) — возможно, это не аббасидский дирхем
 49. под № 22 в первоначальном списке П. Г. Савельева на арабском языке написано имя Салм. Оно не может быть связано ни с одним рядом расположенным дирхемом этого списка и, очевидно, таким образом была обозначена особая монета. Других сведений П. Г. Савельев не привел. Имя Салм встречается на дирхемах, чеканенных в разных монетных дворах между приблизительно 145 г. х. (762/763 гг.) и 187 г. х. (802/803 гг.)

IV. Аглебиды (1)*Ибрагим I (1)*

50. монетный двор неизвестен (Ифрикия?), год неизвестен (вероятно, 183-184 г. х. (799/800 или 800/801 гг.))

V. Хараджидские имамы (1)*Халиф ибн ал-Мада (1)*

54. (Тудга?), 175-176 г. х. (791/792 — 792/793 гг.)

VI. Идрисиды (1)*Идрис II (1)*

55. (Тудга?), до приблизительно 190 г. х. (805/806 гг.)

VII. Исламские неустановленные дирхемы (8)

- 56-63. П. Г. Савельев перечислил 11 североафриканских дирхемов различных типов, в том числе аббасидских, идрисидских и т.д. Три из 11 дирхемов могут быть отнесены к определенным династиям, однако для остальных восьми точные данные установить невозможно — вероятно, это аббасидские, идрисидские, аглебидские дирхемы и монеты хараджидских имамов, чеканенные между приблизительно 160 г. х. и 180 г. х., то есть между 776/777 и 796/797 гг.

Каргер, М. К. 1958. Древний Киев. I. Москва-Ленинград.

Марков, А. К. 1910. Топография кладов восточных монет. С.-Петербург.

Савельев, П. Г. 1853. Информация о заседании 24 октября 1851 г. — параграф III // Записки Русского Археологического общества 5: 58.

Фасмер, Р. Р. 1931. Завалищенский клад куфических монет VIII-IX вв. // Известия Государственной Академии истории материальной культуры VII/II. Ленинград.

1933. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия Академии Наук СССР (Отделение общественных наук) 6-7: 473-487.

Mayer, A. 1954. Bibliography of Moslem Numismatics India Excepted, 2nd ed. The Royal Asiatic Society. London.

Noonan, Th. S. 1980. When and How Dirhams First Reached Russia: A numismatic critique of the Pirenne theory // Cahiers du Monde russe et soviétique 21: 401-469.

1981. Ninth-Century Dirham Hoards from European Russia: A Preliminary Analysis // Viking-Age Coinage in the Northern Lands: The

Sixth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History. British Archaeological Reports, International Series 122: 63-71. Oxford.

1984. The Regional Composition of Ninth-Century Dirham Hoards from European Russia // Numismatic Chronicle 144: 153-165.

1987-1991. When Did Rus/Rus' Merchants First visit Khazaria and Baghdad? // Archivum Eurasiae Medii Aevi 7: 213-219.

1992. Fluctuations in Islamic Trade with Eastern Europe during the Viking Age // Harvard Ukrainian Studies 16: 237-259.

1994. The Vikings in the East: Coins and Commerce // Developments Around the Baltic and the North Sea in the Viking Age. Birka Studies 3: 215-236. Stockholm.

В печати. The Impact of the Islamic Trade upon Urbanization in the Rus' Lands: The Tenth and Early Eleventh Centuries // Les Centres Proto-urbaines Russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris.

Pritsak, O. 1970. An Arabic Text of the Trade Route of the Corporation of Ar-Rus in the Second Half of the Ninth Century // Folia Orientalia, 12: 241-259.

THE 1846 OBOLENSKII HOARD: A NEW EARLY NINTH-CENTURY VIKING-AGE DIRHAM HOARD FROM GLUKHOVO IN MOSCOW PROVINCE

Th. S. NOONAN, R. K. KOVALEV

Between the late eighth and mid-eleventh centuries, the history of western Eurasia was fundamentally altered by the great Viking-age trade that connected the Baltic and Russia with the Islamic world. This commerce played a major role in the development the Scandinavia and West Slavic peoples bordering the Baltic, in the rise of the first Rus' state, in the transformation of the Khazar khaganate, in the growth of the Samanid state in Central Asia, and in the evolution of the 'Abbāsid caliphate. Due to its great importance, scholars have long been interested in the origins of this trade. Unfortunately, there are no contemporaneous written sources from the earliest stage of this trade. Our only reliable evidence for its origins and initial development are the hoards of Islamic silver coins or dirhams that were deposited in northern Europe at this time. Scholars must thus analyze the earliest dirham hoards in order to reconstruct the beginnings of the great Viking-age trade that connected the Near East with European Russia and the Baltic.

Dirham hoards from the late eighth and early ninth centuries, our primary source in the study of the early Viking-age trade are very rare in northern Europe. Hoards of this period that are preserved in their entirety are even more unique. Of the approximately 1600 dirham hoards known to have been deposited in Western Eurasia during the eighth to the twelfth centuries, only about 380 can be dated to the eighth and ninth centuries. Of these 380, only 26 were buried in northern Europe prior to 815/16. Furthermore, of these 26, there are only nine hoards of 50 or more coins upon which to base an analysis of the beginning of the great trade linking the Islamic world with northern Europe. Regrettably, only five of these nine larger hoards have been published. Given this situation, the discovery of a new northern European dirham hoard from the late eighth – early ninth century constitutes an important addition to our knowledge. The purpose of this article is to present the available information on a hitherto unknown hoard from the early ninth century that was deposited in central Russia.

In 1846, a hoard of 63 dirhams was discovered in the village of Glukhovo (also known as

Bogoroditskoe) on the estates of M. A. Obolenskii in Dmitrov uezd, Moscow province. The coins were found in a clay pot that was unearthed while digging a cellar in the village. Glukhovo was located on a hill at the confluence of the Lutosnia and Kimersha rivers. From Glukhovo by way of the Lutosnia, there was a convenient route to the nearby upper Volga via the Sestra and Dubna rivers. From the upper Volga, a series of riverain routes led to Ladoga and the eastern Baltic. Similarly, a series of portages connected Glukhovo with the Kliazma river which, in turn, emptied into the Oka. Proceeding south from the Oka, merchants portaged to the Don-Donets system which led through Khazaria to Iran and Iraq. In short, Glukhovo lay between the major rivers utilized by Rus' merchants active in the trade between the Islamic world and northern Europe.

Fortunately, M. A. Obolenskii had an interest in ancient and oriental coins. At some time soon after the Glukhovo hoard was uncovered, he had apparently discussed two hoards of «eastern» coins, i.e., dirhams, with Professor I. N. Berezin and Count A. S. Uvarov. The latter scholars informed Pavell. Stepanovich Savel'ev, the famous Islamic numismatist, of Obolenskii's interest in these two hoards. On December 28, 1850, Savel'ev wrote Obolenskii to obtain more detailed information on these two hoards. Obolenskii responded on January 26, 1851, and sent Savel'ev several copies of the data kept in the Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs that concerned the find of Islamic dirhams found in Kiev during 1706 or 1707. This Kiev hoard was presumably one of the two hoards Obolenskii had discussed with Berezin and Uvarov. In addition Obolenskii sent him the dirhams he had collected from amongst those found at Glukhovo on his estate so that Savel'ev could identify them and incorporate them into his scholarly research. The Glukhovo hoard thus seems to be the second of the two hoards that Obolenskii had discussed with Berezin and Uvarov.

Obolenskii's letter of January 26 was found in the archives along with a rough hand-written account of the dirhams from this hoard apparently

composed by Savel'ev. Thus, we only possess part of the correspondence on the Obolenskii hoard. We do not have Savel'ev's original letter to Obolenskii inquiring about the two hoards nor do we have a copy of Savel'ev's letter to Obolenskii when the dirhams were presumably returned. This loss is unfortunate since Obolenskii's letter to Savel'ev was somewhat ambiguous concerning the number of dirhams originally in the hoard. He tersely stated that he was sending Savel'ev the collection of coins found on his estate. From Obolenskii's account, it is not clear whether he had obtained all the dirhams buried in the clay pot or only part of them. Obolenskii's account can be interpreted to mean that he retrieved all the dirhams in the pot or, alternatively, only 63 dirhams from a larger number originally in the pot.

Although Savel'ev identified the dirhams in the Glukhovo hoard and made notes on them he never published a detailed account of the hoard. Only, in 1853, in the List of Meetings of Archaeological Society it was mentioned that 24.10.1851. Savel'ev had made a report in which he discussed some problems concerning the hoard on the estate of M. A. Obolenskii. The date of the hoard was not mentioned. A. K. Markov was familiar with this brief information, in his famous *Topography of Eastern Coin Hoards*, he noted that in 1851 a hoard of dirhams, mainly fragments, was found on the estates of M. A. Obolenskii in Moscow province. Markov was apparently unaware of Savel'ev's hand-written list. In fact, no-one seems to have known of Savel'ev's detailed list of the dirhams in the Glukhovo hoard and the hoard disappeared from the numismatic literature. The purpose of this study is thus to resurrect this long forgotten and important dirham hoard from the numismatic grave to which it was unfortunately consigned.

Early in 1999, during research in the archives of the Institute for the History of Material Culture in Petersburg, the file containing Obolenskii's letter to Savel'ev and Savel'ev's hand-written notes on the dirhams in the hoard were uncovered. In order to ensure that Savel'ev's notes were properly understood in the light of current knowledge on medieval Islamic coinage, Mr. Gert Rispling of the Stockholm Numismatic Institute was asked to examine and help clarify these notes and to provide whatever additional information was possible to deduce from them. Mr. Rispling, who is one of the foremost scholars of Viking-age dirham hoards from northern Europe, kindly agreed and provided a very useful analysis that made it possible to identify many of the dirhams in the hoard more precisely. The authors of this study wish to express their appreciation to Mr. Rispling for his generous assistance. They also wish to indicate that they, and not Mr. Rispling, are responsible for any deficiencies in the reading and/or interpretation of Savel'ev's list.

There are a number of problems with Savel'ev's account. The list that has survived is not a finished study which describes each coin in detail. Rather, it gives the impression of being a preliminary work in which the author recorded the basic information on each dirham (dynasty, ruler, mint, year) that was readily legible. To this data, he added his Arabic rendering of the kufic inscriptions that were found on some of the coins in the hoard. One gains the distinct impression that Savel'ev intended to return to this list again and describe the dirhams in greater detail. In any event, Savel'ev's list is not a complete, polished study. It is a preliminary study that was never revised. However, since Savel'ev did record much of the basic information and copied many of the kufic legends on the dirhams, it has been possible for Mr. Rispling to fill in a number of the lacunae in Savel'ev's list. For example, dirham № 16 of Savel'ev's list gave no mint but did note the date of 191. However, due to the short Arabic inscription with the governor's name that accompanied this number, Mr. Rispling was able to identify the mint as al-'Abbāsiyyah. Similarly, in № 18 of the original list, Savel'ev omitted both a mint and date. But, from the type of inscriptions he copied, Mr. Rispling was able to identify the dirham as one struck in al-Muḥammadiyyah between 150H and 155H. In short, an attempt has been made to resolve a number of difficulties in Savel'ev's list and provide as complete an account of each dirham as possible.

The Glukhovo hoard is very typical of the early dirham hoards from European Russia and the Baltic. In the early hoards from European Russia, for example, 'Abbāsid dirhams normally compose well over 50% of the coins in the hoard. In addition, there are small percentages, usually less than 10%, of either dirhams or drachms from several other dynasties, e.g., Sasanian drachms, Umayyad, Idrīsid, Spanish Umayyad dirhams, etc. This dynastic composition is exactly what one would expect since it reflects the dynastic composition of dirham hoards deposited in the Near East, the region from which the dirhams found in European Russia were being exported.

Table A shows the dynastic distribution of the hoards deposited in European Russia prior to 815/16. It also includes data on the hoard from Prerow-Darss in what is now north Germany, the only early hoard from the Baltic with over fifty identified coins. Since the Glukhovo hoard from the estate of Obolenskii comes from European Russia, we have included all hoards from this region with ten or more identified coins. As **Table A** demonstrates, the overwhelming majority of coins in all the hoards were 'Abbāsid with the percentages ranging from 48% to 100%. Almost all the early dirham hoards also contain a small percentage of drachms and dirhams from other dynasties. Umayyad, Sasanian, and Idrīsid coins turn up most frequently while dirhams and semi-drachms struck

by the Pre-Reform Umayyad rulers, Ispahbads, Khārijite Imams, 'Abbāsid Governors of Ṭabaristān, and Aghlabidīs also appear in a number of hoards. Based on its dynastic composition, the Glukhovo hoard was very typical of the hoards deposited in European Russia during the early ninth century.

Table B shows the chronological distribution in percentages of the early dirhams hoards from European Russia and the Baltic. By and large, these hoards were dominated by dirhams struck during the 770s and 780s with the percentages running from a low of 25% to a high of 61%. In general, around half the coins in our early hoards were struck during these twenty years, i.e., half the coins in these hoards had not been in circulation very long. The Glukhovo hoard with 53% from these two decades is very comparable with several other hoards. The next chronological components consist of the coins struck prior to 750 and those issued during the 790s. Some hoards have a rather large pre-'Abbāsid component while others, including the Glukhovo hoard (5%), contain less than ten percent of these older coins. Most hoards deposited in the early ninth century had a significant component of coins from the 790s with the percentages ranging from 8% to 32%. There seem to have been two groups of hoards as measured by this indicator. Five, including the Glukhovo hoard (12%), had between 8% and 13% of their coins from this decade. However, four had between 27% and 32% of their coins from the 790s. Thus, the Glukhovo hoard fits in very well with one of these groups. Not surprisingly, all of our early ninth-century hoards have some dirhams struck in the 800s. The Glukhovo hoard (19%) belongs to the groups of five hoards which had at least 10% of these brand new dirhams. Finally, almost all our early hoards have some coins, usually less than 10%, from the 750s-760 while those deposited between ca. 810 and ca. 815 have a few very new dirhams. The Glukhovo hoard thus fits into the chronological profile of early dirham hoards. In fact, it is very analogous to the hoard from Zavalishino deposited only two years or so earlier. This similarity is very significant since the Zavalishino was comparable in size and also appears to have been preserved more or less in tact unlike many of the other hoards.

The regional or mint distribution of the coins in the early dirham hoards from European Russia is displayed in **Table B**. This table highlights a fact first emphasized by R.R. Fasmer many years ago and subsequently reiterated by others. The dirham hoards deposited in European Russia prior to ca. 825-833 contained an exceptionally large percentage of dirhams struck in North African mints, especially al-'Abbāsiyyah and Ifṭīqiyah. Almost all of these coins were issued before 800 and they circulated very widely in Iran and Iraq from whence they were exported to northern Europe. As Table B

demonstrates, those hoards deposited around ca. 805-815 were composed of about one-half North African dirhams. The Glukhovo hoard, with 43%, is very typical and remarkably close to the Zavalishino hoard (44%) in this category. One would expect that most of the dirhams in these hoards came from Iraq where the great mints of the early 'Abbāsid caliphate were located. In fact, only around one-fourth of the coins in a typical early hoard came from Iraq and the figure of 28% for the Glukhovo hoard is almost exactly what is found in the five other hoards buried after ca. 806. Almost all early hoards have a significant percentage of dirhams from northern Iran reflecting the output of the mint at al-Muhammadiyah. The 17% from the Glukhovo hoard is greater than several but less than others. Finally, every early hoard has a few coins from one or more other regions, the most widespread being the southern Caucasus. The Glukhovo hoard with its dirhams from the southern Caucasus, Transoxiana, Umayyad Spain, and Arabia is quite typical of the hoards of this period. In sum, the regional distribution of the mints which struck the dirhams in the Glukhovo hoard fits in quite well with the profile of contemporaneous hoards deposited in European Russia. And, once again, we should note the close similarity of the Zavalishino and Obolenskii hoards. As Fasmer argued over a half century ago, there was a definite pattern to the dirham hoards deposited in European Russia at any give period.

A comparative analysis of the dynastic, chronological, and regional distribution of the early dirham hoards from northern Russia and the Baltic demonstrates that the long forgotten Glukhovo hoard from the estate of Obolenskii is very typical of these early hoards. Furthermore, it is remarkably similar in a number of important ways with the hoard from Zavalishino which was buried some two years earlier. Dirham hoards deposited in European Russia around 810 had many basic characteristics in common.

In conclusion, the Glukhovo hoard is very important because it helps us to determine the routes used by the merchants who first brought Islamic dirhams to northern Europe. An Islamic written source from the mid ninth century or somewhat later indicates that Rus', merchants coming from the north of what is now Russia travelled to the Khazar capital of Itil in the lower Volga from whence they could cross the Caspian Sea and then reach Baghdad by land. While the exact route between northern Russia and Khazaria is not completely clear from this source, it seems evident that it reached the Byzantine Crimea and then led across the Donets and Don rivers to the lower Volga above Itil. The information in this hoard can be dated by numismatic data to the early ninth century.

In other words, the Rus' merchants who first carried Islamic silver coins to northern Europe travelled between the lower Volga and northwestern

Russia/the eastern Baltic. If we assume that the Rus' or Viking merchants entered northwestern Russia from the Baltic via Staraiia Ladoga, then the question is to determine how they travelled from Ladoga in northwestern Russia to the Crimea and Itil in Khazaria. This question is complex since it is often assumed that the Dnepr or Volga were the two main routes used by the Rus' in their voyages to the south. The numismatic data, however, indicates that in the ninth century neither the middle Dnepr nor the middle Volga played a major role in the shipment of dirhams from the Islamic world to northern Europe. The numismatic evidence further suggests that the main routes led from the upper Volga and upper Dnepr to the Oka system from where the Rus' merchants portaged to the Don-Northern Donets systems which brought them into the safety of Khazaria. From the Don, it was possible to portage to the lower Volga and sail downstream to Itil.

A number of the dirham hoards testify to the use of this route linking Ladoga in northwestern Russia with Itil in Khazaria during the early ninth century. The Peterhof hoard indicates that the route from the eastern Baltic to Ladoga ran along the northern coasts of Estonia to the Neva river. From here, the merchants sailed to their main north Russian emporium at Staraiia Ladoga where we find several early hoards. By sailing up the Volkhov river towards the south from Ladoga, the Rus' merchants could portage to both the upper Volga and upper Dnepr. The use of the Volkhov is suggested by the hoard from Kholopii Gorodok near Novgorod.

From the upper Dnepr/upper Volga, the Rus' merchants apparently developed three early routes to the lower Don and Donets in Khazaria. The first route led from left-bank tributaries of the upper Dnepr to the middle Don or Donets (Zavalishchino; Nizhniaia Syrovatka). The second route led from the upper Volga by portages to the Oka system from which it was possible to portage to the Don. The hoards from Sarskoe and Ugodichi indicate that Sarskoe was probably the main settlement near the upper Volga utilized by Rus' merchants who took this route. It was also possible to go via the left-bank tributaries of the upper Dnepr to the Oka system. Such a route is suggested by the hoards from Nizhnie Novoselki and Kremlevskoe. The hoards deposited at the Right-Bank Tsimliansk settlement and Krivianskaia Stanitsa reflect the passage of the merchants through the lower Don and Donets.

How does the Obolenskii hoard fit into these patterns? As noted above, Glukhovo is situated along rivers affording convenient access to both the upper Volga and the Oka systems. The Glukhovo hoard was brought to the Moscow area by Rus' merchants who used the second route and it indicates that this route was active already by the first decade of ninth century. Neither the middle Dnepr with its later center at Kiev nor the middle Volga with its emerging centers in the Bulgar towns played an important role in this earliest Rus' trade. The earliest Rus' trade used the three routes that connected the Don system with the upper Dnepr and upper Volga. The Glukhovo hoard of 811/12 is thus a typical hoard from this earliest period of Rus' trade with the Islamic world.

СФРАГИСТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ: находка печати князя Изяслава Ярославича (1052-1078) в Киеве

В. И. БУЛГАКОВА¹

Во время археологических исследований 1987 г. в западной части киевского Подола по ул. Нижний Вал, 41 (угол улиц Волошской и Нижнего Вала; работы Подольского отряда Института археологии АН УССР под руководством В. Н. Зоценко и Е. А. Брайчевской) в числе разнообразных археологических находок была обнаружена вислая свинцовая печать (Зоценко, Брайчевська 1993: 43-103).

Исследованная территория, представленная от глубины 3,4 м четырьмя культурно-строительными горизонтами, датированными авторами раскопок концом X — серединой XII вв., включала остатки двух, частично обследованных ввиду ограниченности площади раскопа размерами строительной площадки, усадеб («А» и «Б»), формировавших внутреннее ядро квартала (Зоценко, Брайчевська 1993:43-103).

Усадьба «А» (западная) в пределах четырех древнерусских горизонтов была представлена следующими объектами: I горизонт (2-я половина X в.²) — постройка № 12 — хозяйственного назначения; II горизонт (1-я — 2-я четверть XI в.) — № 9 — хлев, № 11 — литейная мастерская с одним горном, объект без номера — горн под навесом; III горизонт (2-я половина XI в.) — № 4 — «универсальная» литейная мастерская с двумя горнами; IV горизонт (2-я половина XI в. — начало-середина XII в.) — № 2 — жилище, № 3 — объект с неустановленным функциональным назначением (Зоценко, Брайчевська 1993: 48-59).

На территории усадьбы «Б» (восточной), отделенной от предыдущей общим забором, что по мнению исследователей могло свидетельствовать о родственных отношениях между обитателями усадеб (Зоценко, Брайчевська 1993: 100), выявленные объекты распределялись по стратиграфическим горизонтам следующим образом: I горизонт (2-я половина X в.) — постройка

№ 7а — функциональное назначение не установлено (?); II горизонт (1-я половина XI в.) — № 6 — хозяйственное строение типа хлева, № 7 — объект с неустановленным функциональным назначением (?), № 8 — клеть; III горизонт (XI в.) — № 5 — кладовая; IV горизонт (2-я половина XI в. — начало-середина XII в.) — остатки постройки № 10 — функциональное назначение не установлено (Зоценко, Брайчевська 1993: 49-59).

По мнению исследователей, открытые усадьбы принадлежали достаточно зажиточным, свободным ремесленникам киевского посада, производство которых носило черты профессиональной корпоративности (Зоценко, Брайчевська 1993: 99-100). Область профессиональной специализации владельца усадьбы «А» охватывала металлоделательное, металлообрабатывающее и не выходящее за рамки изготовления товарной стеклянной массы стекловаренное дело (Зоценко, Брайчевська 1993: 98). Находки с территории усадьбы «Б», несмотря на отсутствие в пределах ее обследованной части явных свидетельств производства, вполне конкретно, по мнению исследователей, указывали на занятость ее владельца в кузнечном и литейном деле (Зоценко, Брайчевська 1993: 96). Незаурядное количество обнаруженных на территории усадеб предметов импортного производства, главное место среди которых занимала продукция византийских ремесленных центров, должно свидетельствовать, по мнению авторов раскопок, о «широких возможностях выхода на международный торговый рынок» владельцев обеих усадеб, чему дополнительное подтверждение, помимо прочего, предоставляет на их взгляд также находка вислой свинцовой печати (Зоценко, Брайчевська 1993: 99).

Найденный археологами моливдовул происходит из заполнения хозяйственной постройки

¹Украина. 01025. Киев, а/я 248. Институт памятниковоохранных исследований МКИ Украины.

²Датирование культурно-строительных горизонтов производилось преимущественно на основании морфологических особенностей древнерусской керамики; в отдельных случаях датировка слоев коррелировалась авторами раскопок по «стратиграфической ситуации» (Зоценко, Брайчевська 1993: 49, 53-54, 57-59).

№ 8 усадьбы «Б», залегающей на уровне II-го горизонта и интерпретируемой авторами раскопок в качестве клети, в заполнении которой встречено значительное количество рогов (остеологические характеристики не приведены), а также железистые шлаки. В числе других находок отмечены: небольшая миска с плоским дном и скошенным вовнутрь венчиком (диаметр венчика — 114 мм, донца — 78 мм; высота стенок — 44 мм, толщина — 8 мм), которая использовалась в качестве тигля (Зоценко, Брайчевська 1993: 96); целый древнерусский горшок типа П:10 (по классификации В. Н. Зоценко и Е. А. Брайчевской, разработанной для керамических находок из усадеб «А» и «Б») XI в. (Зоценко, Брайчевська 1993: 63, рис. 25: 3); фрагмент горшка (донце) с клеймом в виде «двузубца с разветвленными концами боковых штанг, стержень перекладины которого имел кольцеобразное завершение», обладающее, по мнению публикаторов, сходством с родовым знаком кн. Всеволода Ярославича (1054-1093) (Рыбаков 1940: 231-232, рис. 6; Зоценко, Брайчевська 1993: 68-69, рис. 15: 20). Несмотря на хронологическое определение последней находки, постройка, наряду с другими объектами из II-го горизонта усадьбы «Б», датирована I-й пол. XI в. (Зоценко, Брайчевська 1993: 58-59).

Печать, атрибуция которой была осложнена для авторов находки ее плохой сохранностью², на основании «типологических особенностей» оказалась отнесена ими к памятникам византийской сфрагистики, с допущением о ее возможной принадлежности представителю болгарской знати конца X — I-й половины XI в. Отсюда, обнаружение печати в усадьбе киевского ремесленника могло свидетельствовать, по мнению исследователей, о «личных контактах обитателей усадьбы в первой-второй четверти XI в. с представителями византийской верхушки на Балканах» (Зоценко, Брайчевська 1993: 99-100, рис. 26).

Более внимательное рассмотрение памятника требует, однако, отказа от его первоначальной атрибуции, равно как и от непосредственно связанных с нею историко-культурных интерпретаций. В действительности моливдовул принадлежит к кругу древнерусской сфрагистики и обладает следующими характеристиками.

Тип заготовки: цельная литая, со следами доработки по гурту (?).

Размеры: общий диаметр 35,2 × 32,8, диаметр матриц: Av.: 28,5 мм, Rv.: обмер невозможен; толщина — 5,1 мм.

Вес: 27 г.

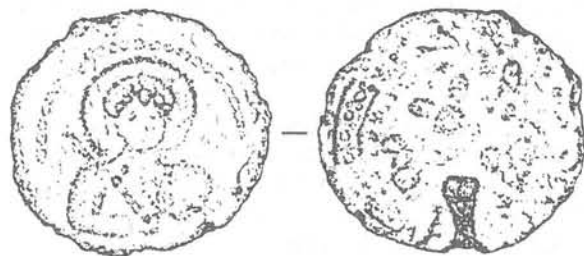

Рис. 1 Печать кн. Изяслава Ярославича (1052-1078) с территории киевского Подола.

Fig. 1 The seal of Prince Izyaslav Yaroslavich (1052-1078) from the territory of Podol in Kiev.

Av.: Поясное высокорельефное изображение св. Димитрия с безбородым лицом и характерной для него прической, завитки которой доходят лишь до основания ушей; в правой руке — копье, в левой — круглый щит малого диаметра.

По сторонам: остатки надписей.

Крупнозернистый точечный ободок.

Rv.: Остатки многолепестковой розетки.

Остатки точечного ободка сложной формы (ряд крупных точек по центру, чередующихся с двумя, расположенными одна над другой, точками меньшего размера, заключенными между мелкозернистыми точечными ободками; ширина ободка — 4 мм).

Сохранность: поверхность моливдовула деформирована — вогнута (при оттискивании?) со стороны аверса, патинирована; металл, удерживаемый неплотной оболочкой патины, редуцирован изнутри; утраты металла по гурту, а также в нижней части печати.

Место хранения: Музей истории г. Киева (МИК, № А 4915/10)³.

Рассматриваемый моливдовул (рис. 1) представляет десятую, неизвестную ранее пару матриц печатей туровского (1042-1052 (1054?)), новгородского (?) (1052-1054) и великого киевского (1054-1068, 1069-1073, 1077-1078) князя Изяслава Ярославича, буллы которого распределяются по трем сфрагистическим типам:

1. печати с изображением ростовой фигуры св. Димитрия и родовой тамги в окружении богопризывной греческой формулы (1 экземпляр: Новгород) (Янин 1970: № 3). 2. печати с изображением ростовой фигуры князя в традиционн

¹Тип II: горшки с манжетоподобными венчиками; подтип 10: венчики подтреугольного профиля с вертикально отогнутым краем (Зоценко, Брайчевська 1993: 61, 63).

²В публикации приводится следующее описание моливдовула: аверс — «погрудное изображение святого в нимбе, головной убор на манер венца-диадемы ...»; реверс — без определения (Зоценко, Брайчевська 1993: 99).

³Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю признательность зав. отделом средневековой археологии музея Н. Н. Будзинской и научному сотруднику отдела С. И. Климовскому за дружеское содействие при ознакомлении с печатью.

византийском императорском убранстве, с копьем и щитом, в окружении зеркальной надписи с именем Δμῆτριος (?) и четырехлепестковой розетки, окруженной сложным точечным ободком (4 экземпляра от двух пар матриц: Новгород, древнерусский Воинь (с. Воинская Гребля Чернобаевского р-на Черкасской обл.), Волковыск (Гродненская обл., Беларусь), экземпляр с неустановленным местом находки) (Янин 1970: № 4: 1-2; № 5: 1-2). 3. печати с поясным изображением св. Димитрия и многолепестковой розетки, окруженной сложным точечным ободком (6 экземпляров от четырех пар матриц: урочище Княжая гора около древнерусского Турова (поселок Туров Житковичского р-на Гомельской обл., Беларусь), урочище Белый Спас близ Межигорья (Вышгородский р-н Киевской обл.), Киевская обл., Вышгород Киевской обл. (2 экз.), Чернигов (Янин 1970: № 6-9; Янин, Гайдуков 1998: № 7-2, 9-2).

Печать первой разновидности, обнаруженная на Неревском конце в Новгороде в слое 22-го яруса (дендрохронологическая дата яруса — 1076-1096 гг.), на основании «композиционного сходства» с монетами кн. Ярослава Мудрого новгородской чеканки датирована В. Л. Яниным периодом докиевского княжения Изяслава — 1052-1054 гг. (Янин, 1970: № 3, с. 35-36, 166-167).¹

Печати второй и третьей разновидности, близость между которыми подчеркивается наличием на одной из сторон розетки в окружении ободка сложной формы, относятся ко времени киевского княжения Изяслава (1054-1068, 1069-1073, 1077-1078) (Янин 1970: № 4-9, с. 35-36).

Новый, подольский экземпляр дополняет условно определяемую в качестве 3-й разновидности наиболее многочисленную группу печатей кн. Изяслава Ярославича с изображением св. Димитрия и многолепестковой розетки. При этом, киевский моливдовул является единственной печатью кн. Изяслава Ярославича, в том числе среди всех известных у него сфрагистических типов, которая происходит из пределов древнерусской столицы.

К сожалению, неудовлетворительная сохранность нового образца, как и низкое качество фотовоспроизведения четырех других, в известной степени достаточно однородных матричных разновидностей, затрудняют определение места рассматриваемого моливдовула среди булл этого типа. И тем не менее, сравнивая печати этой разновидности, можно отметить следующее. Наибольшей стилистической близостью по отношению к новому экземпляру (сходство художественной манеры изображения святого воина, среди прочего в передаче овала лица, шапки волос) характеризуется

печать № 8 (здесь и далее нумерация по Своду В. Л. Янина). Однако, от киевского экземпляра, как и других печатей этого типа, ее отличает иной вид ободка вокруг розетки на обороте, который состоит из ряда крупных, свободно размещенных точек, между двумя рядами мелких и посаженных плотно (Янин 1970: табл. 33: 8). Матрицы печати № 9, поверхности которых, вероятно, можно характеризовать как заметно сработанные, по всей видимости, по размерам уступали другим экземплярам этой разновидности, включая киевскую находку (Янин 1970: табл. 33: 9). В качестве же основного отличия киевского образца от четырех других печатей, несмотря на достаточно ограниченные возможности сравнительной процедуры, может быть названа форма шита в левой руке св. Димитрия. В отличие от переданного неполно (ок. 1/2) круглого шита на четырех других печатях, удерживаемого св. Димитрием несколько отвесно, в стороне, шит на киевском моливдовуле — круглый, небольшой (d — 5 мм), украшенный по краю крупными точками — целиком помещен в поле печати и по своему местоположению, как и размерным характеристикам предельно близок со щитом на моливдовулах 2-й разновидности, особенно, представленном на образцах № 4:1 и 4:2 (Янин 1970: табл. 33). Отмеченное сходство, как кажется, должно указывать на хронологическое соприкосновение в бытовании этих двух сфрагистических типов, которые, исходя из особенностей их оформления, представляли последовательно сменяемые этапы в сфрагистике старшего из Ярославичей.

В свете вышеизложенного, обстоятельства обнаружения получившей новую атрибуцию печати позволяют иначе рассматривать вопросы, связанные с характеристикой социальной формы производства получателей скрепленного ею документа, отнесенных ранее авторами раскопок к свободному ремесленничеству древнерусской столицы.

Традиционно место концентрации мастерских свободных киевских ремесленников связывается главным образом с Подолом — торгово-ремесленным посадом древнего Киева. В свою очередь, в качестве места средоточия киевского вотчинного ремесла обычно рассматривается административная часть города, представленная многочисленными феодальными дворами различных форм собственности. Однако, как показывают результаты археологических исследований, ряд отраслей вотчинного ремесла размещался также и вне пределов феодальных усадеб, сосредотачиваясь напротив в посадской части Киева, «в непосредственной

¹По мнению В. Л. Янина, никто другой как Изяслав Ярославич мог занимать в названные годы, несмотря на отсутствие прямых указаний на это в летописных источниках, помимо туровского, также и новгородский стол (Янин 1970: 36).

близости к сырью» (Толочко 1981: 353-354). Наиболее яркий пример этому представляет вотчинное гончарное производство, следы размещения которого до сих пор обнаруживались исключительно на территории киевского посада. По такому же принципу, по мнению исследователей, могли, вероятно, устраиваться и вотчинные металлоделательные мастерские, естественным образом тяготеющие к местам по «добыче и обработке железа» (Толочко 1981: 354). Здесь немаловажным будет отметить, что в качестве одной из характерных особенностей, отличающих вотчинное металлоделательное ремесло, исследователями отмечается использование в производственном процессе трудоемкого и архаичного приема цементации, закономерно обуславливающего «невысокую производительность труда мастеров, работавших в основном на заказ» (Толочко 1983: 138). Следы использования цементации хорошо прослеживаются также и на территории рассматриваемых подольских усадеб¹, что в сочетании с находкой княжеской печати, как кажется, может указывать на принадлежность обоих ремесленных комплексов к вотчинному хозяйству самого киевского князя.

- Зоценко, В. М., О. А. Брайчевська. 1993. Ремісничий осередок XI-XII ст. на Київському Подолі // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984-1989 рр.: 43-103. Київ: Наукова думка.
- Рыбаков, Б. А. 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X-XII вв. // Советская археология VI: 227-257.
- Толочко, П. П. 1981. Вопросы развития и социальной организации Киевского ремесла // Новое в археологии Киева: 349-354. Киев: Наукова думка.

В заключение, следует уточнить и датировку культурно-стратиграфического горизонта, отнесенного ранее к 1-й половине XI в. Хронология бытования новой разновидности печати кн. Изяслава Ярославича, исходя из отмеченных выше ее особенностей, должна определяться в рамках 1054-1073 гг., т.е. ограничиваться временем второго княжения Изяслава в Киеве. Однако, обнаружение княжеского моливдовула в заполнении хозяйственной постройки совершенно очевидно отражает еще более позднюю ситуацию, характеризующуюся обесцениванием скрепленного ею документа для владельца рассматриваемой усадьбы. Последнее, в свою очередь, могло, вероятно, произойти еще при жизни Изяслава — во время его изгнания братьями из Киева в 1073-1077 гг. или же, что представляется наиболее правдоподобным, после гибели князя в 1078 г., и очевидно, уже при новых владельцах ремесленного комплекса. Таким образом, это позволяет говорить о функциональной задействованности постройки № 8, как, вероятно, и других объектов II горизонта усадьбы «Б» в последней четверти XI в., что, следовательно, требует также уточнения датировки рассмотренных в статье ремесленных усадеб в целом.

1983. Древний Киев. Киев: Наукова думка.
- Янин, В. Л. 1970. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Том I. Печати X — начала XIII в. Москва: Наука.
- Янин, В. Л., П. Г. Гайдуков. 1998. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Том III. Печати, зарегистрированные в 1970-1996 гг. Москва: Интрада.

SPHRAGISTIC EVIDENCE AND HISTORICAL AND CULTURAL INTERPRETATIONS: a seal of Izyaslav Yaroslavich (1052—1078) from Kiev

V. I. BULGAKOVA

In this paper a new attribution of a hanging lead seal found during excavations of 1987 in the area of Podol in Kiev is presented. In the original publication the seal was related to the Byzantine sphragistics of the late 10th or the first half of the 11th century. A reconsideration of the artefact enabled us to identify its belonging to the number of seals of Kievan Prince Izyaslav Yaroslavich (1054—1078).

Such seals have not been encountered in the ancient Rus capital before. The new attribution of the lead seal enabled us to establish more precisely both the date of the cultural horizon in which it was found and the social characteristics of the area investigated which must have belonged to the patrimonial estates of the Kievan Prince.

¹В частности, об использовании в технологическом процессе обследованных производственных комплексов приема цементации, может свидетельствовать, по мнению авторов раскопок, значительное количество рогового сырья, применявшегося, согласно существующим представлениям, в качестве карбюзита, которое было выявлено в заполнении подклети одного из горнов постройки № 4 III-го горизонта, а также в горне из постройки № 11 II-го горизонта усадьбы «А» (Зоценко, Брайчевська 1993: 94, 96). Роговой материал в большом количестве, как было отмечено выше, присутствовал также и в заполнении постройки № 8 усадьбы «Б», из которой происходит находка княжеского моливдовула.

НОВГОРОДСКИЕ НАБОРНЫЕ ПОЯСА XI-XII ВВ.

К. А. МИХАЙЛОВ, В. Ю. СОБОЛЕВ¹

В X веке в древнерусской «дружинной» среде были широко распространены пояса, украшенные металлическими накладками. Эта мода, безусловно, связана с традициями средневековых кочевников Евразии, разработавших знаковую систему поясных наборов, в которой имеет значение не только факт наличия пояса, но также количество бляшек и их взаимное расположение (Плетнева 1967: 161-166; Добжанский 1990: 73-80). На территории Древнерусского государства «восточная» поясная гарнитура обнаружена в могильниках Киева, Чернигова, Гнездова, Тимерева и других, так называемых «дружинных», памятниках. Эти материалы анализировались в работах С. Н. Орлова, И. Янссона, В. А. Мальм, В. В. Мурашевой и других. Исследователи пытались установить связь социального статуса мужчин-воинов с наличием в погребениях поясов с металлическими бляшками. Но на примере древнерусских погребений значение пояса с металлической гарнитурой в системе социальных символов древнерусского общества так и осталось не раскрытым (Мурашева 1993: 37). В конце X в. погребальные «дружинные» памятники прекращают свое существование, вместе с ними исчезает и достоверно кочевническая поясная гарнитура (Мурашева 1997: 78). Однако, на территории древнерусского государства наборные пояса или отдельные части поясной гарнитуры продолжают встречаться и позже на Севере и Северо-Западе Руси. Эти многочисленные поясные наборы практически не привлекали внимания исследователей.

К настоящему времени известна серия находок поясов одинаковых по конструкции и украшенных бляшками, имевшими сходную орнаментику и близкими по технологии производства и способу крепления. Эти находки связаны в основном с Новгородской землей и территориями, входившими в зону новгородского влияния. Нам известно не менее 34 пунктов, где были найдены целые пояса и отдельные бляшки, происходившие из культурного слоя поселений и из погребальных комплексов (рис. 1).

В состав поясов входят бляшки различных типов, пряжки и два вида поясных колец.

Всего насчитывается семь общих для всех поясов типов накладок — пятиугольные с растительным орнаментом (рис. 2: 2,3), «геральдические» (рис. 2: 4), «усатые» (рис. 2: 5,6), миндалевидные с изображением стилизованного цветка в выделенной центральной зоне (рис. 2: 7). Все они украшены растительными орнаментами. Максимальное число бляшек из одного поясного набора не превышало двух с половиной десятков. Рассматриваемые пояса чаще всего застегивались цельнолитыми, одночастными, овальнорамчатыми или лировидными пряжками; при этом важно отметить, что конструкция пояса предполагала только одну пряжку. Лишь однажды в кургане 14 могильника Безьва III встречен пояс с двумя пряжками — лировидной и овальнорамчатой (Хвоцинская 1997: 132, рис. 8: 1-8). Из овальнорамчатых наиболее часто в составе поясов встречаются пряжки с изображением вписанных друг в друга трилистников и каплевидными выступами на щитке (рис. 2: 1). Иглы у большинства пряжек утрачены, однако на некоторых сохранились следы железных окислов; сохранившиеся иглы также были изготовлены из железа.

Большинство поясов состояло из трех основных ремней, концы которых были продеты в литые бронзовые кольца-разделители, и нескольких дополнительных. Ремни крепились на местах сгиба проволочными скобочками и шпеньками бляшек. К поясу нередко крепились один или несколько дополнительных вертикальных ремешков, также закрепленных на сгибе проволочной скобкой треугольного сечения и украшенных несколькими бляшками и наконечником или только наконечником (см. например, Спицын 1896: табл. XVI: 19 и ЧКМ², колл. № 3919, раскопки Н. В. Тухтинной). Ременные наконечники, найденные в составе поясов, украшены растительным орнаментом. Удаётся выделить лишь три устойчиво встречающихся типа наконечников: четырехугольные наконечники со скругленным нижним краем (рис. 2: 10) (Бустрыгино, Кобожа, Клопицы, Залахтовые и Отмичи); с заостренным нижним и раздвоенным верхним краем,

¹ К. А. Михайлов. Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

В. Ю. Соболев. Россия. 190000. Санкт-Петербург. Галерная ул., д. 60. Санкт-Петербургский филиал РНИИ культурного и природного наследия.

² Череповецкий краеведческий музей, далее ЧКМ.

украшенные орнаментом из стилизованных растительных побегов (рис. 2: 11) (Отмичи, Клопицы, Терпилицы, Малы); «рыбовидные», украшенные по краю бордюром из перлов (рис. 2: 12) (Клопицы, Торопец, Никольское, Минино). В целом создается впечатление, что при сборке пояса использовались не строго определенные типы наконечников, а те что были в наличии.

Один из наиболее «полных» поясных наборов описываемого типа происходит из раскопок середины прошлого века у с. Бустрыгино в Весьегонском уезде Новгородской губернии (хранится в Фонде археологии МАЭ, колл. 1533). Среди сделанных там находок — остатки наборного пояса, украшенного 12 пятиугольными (рис. 2: 2), 2 миндалевидными (рис. 2: 7) и 3 геральдической формы (рис. 2: 4) бляшками, двумя наконечниками ремней (рис. 2: 10) и овальнорамчатой пряжкой с вписанными друг в друга трилистниками на щитке (рис. 2: 1) (Ушаков 1844).

Практически идентичные пояса были найдены Н. В. Тухтиной в кургане 8 могильника Кобожа I (Тухтина 1990: 132) и кургане 1 могильника Никольское (Тухтина 1990, колл. ЧКМ, № 3919), Н. В. Хвошинской в кургане 165 могильника у дер. Залахтовье (по картотеке Н. В. Хвошинской) и в кургане 14 могильника Безьва III (Хвошинская 1997: 132, рис. 8); четыре целых пояса и отдельные бляшки этих типов были встречены при раскопках курганов Ижорского плато (Спицын 1896: 58-59; 97; табл. XVI: 1, 2, 4, 11, 19), в Удрае (Платонова 1992: 104), Левоча (Милюков 1994: 85), Видлицах (Kivikoski 1944: 18-20, Abb. 18, 19), Березовецком могильнике (Успенская 1970: л. 11, л. 32 рис. 31; Успенская 1993: рис. 226, 126-127). Орнаментация бляшек пояса, найденного при раскопках Я. В. Станкевич в Торопце (Станкевич 1960: 140), отличается от остальных, однако, конструкция данного пояса, форма, технология изготовления и способ крепления бляшек, а также находка аналогичных торопецким бляшек вместе с пятиугольными (рис. 2: 2,3) в кургане 1 могильника Малы (Седов 1976: 87-95), позволяют, на наш взгляд, учитывать и торопецкую находку. Пряжка с трилистником на щитке найдена в разрушенном кургане 11 группы у дер. Сторожинец (Попов 1991; Попов 1995: 99). Вне территории Новгородской земли, возможно, именно такой пояс был найден при раскопках могильника Шо в Белоруссии (Голубович, Голубович 1945: 135), но материалы этих раскопок в настоящее время утрачены. Бляшка, похожая на тип на рис. 2: 7, происходит из Сахновки, и была издана в пятом томе Древностей Приднепровья из собрания Ханенко (Ханенко 1908: XV:

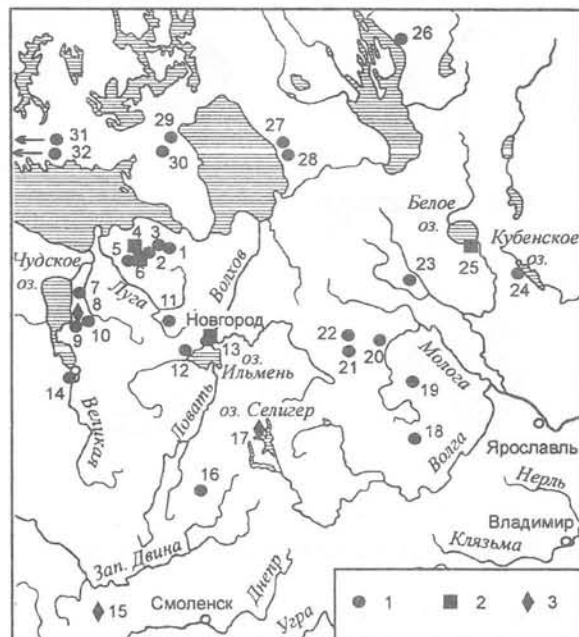

Рис. 1 Карта находок поясной гарнитуры XI-XII вв.: 1 — места находок целых поясов; 2 — места находок отдельных поясных бляшек; 3 — места находок пряжек

Памятники: 1 — Гонголово, 2 — Терпилицы, 3 — Клопицы, 4 — Прологи, 5 — Малая Горка, 6 — Селище, 7 — Калихновщина, 8 — Стороженец, 9 — Залахтовье, 10 — Безьва, 11 — Удрай, 12 — Устьрека, 13 — Новгород, 14 — Малы, 15 — Слобода, 16 — Торопец, 17 — Березовец, 18 — Отмичи, 19 — Андрейково, 20 — Бустрыгино, 21 — Кабожа, 22 — Левоча, 23 — Никольское, 24 — Минино, 25 — Белоозеро, 26 — Рабола, 27 — Видлицы, 28 — Челмужи, 29 — Куркийоки, 30 — Лаппинлахти, 31 — Еура, 32 — Каркку

Fig. 1 Map of finds of 11th-12th century belt fittings: 1 — locations of finds of complete belts; 2 — locations of finds of isolated belt plates; 3 — locations of finds of buckles

Memorials: 1 — Gongolovo, 2 — Terpilitsy, 3 — Klopotsy, 4 — Prologi, 5 — Malaya Gorka, 6 — Selische, 7 — Kalikhnovschina, 8 — Storoginets, 9 — Zalakhtoviye, 10 — Bez'va, 11 — Udraj, 12 — Ust'reka, 13 — Novgorod, 14 — Maly, 15 — Sloboda, 16 — Toropets, 17 — Berzovets, 18 — Otmichi, 19 — Andrejkovo, 20 — Bustrygino, 21 — Kaboga, 22 — Levocha, 23 — Nikolskoje, 24 — Minino, 25 — Beloozero, 26 — Rabola, 27 — Vidlitsy, 28 — Chelmugy, 29 — Kurkijoki, 30 — Lappinlakhti, 31 — Jeura, 32 — Karkku

273). Цельнолитая овальнорамчатая пряжка с орнаментом в виде трилистника на щитке найдена при раскопках И. С. Абрамова некрополя у дер. Слобода (Ляўданскі 1932: табл. XX: 9).

Пряжки. На настоящий момент пряжки с вписанными друг в друга трилистниками нам кажутся самыми распространенными серийными цельнолитыми овальнорамчатыми пряжками XI в. Мотив вписанных друг в друга

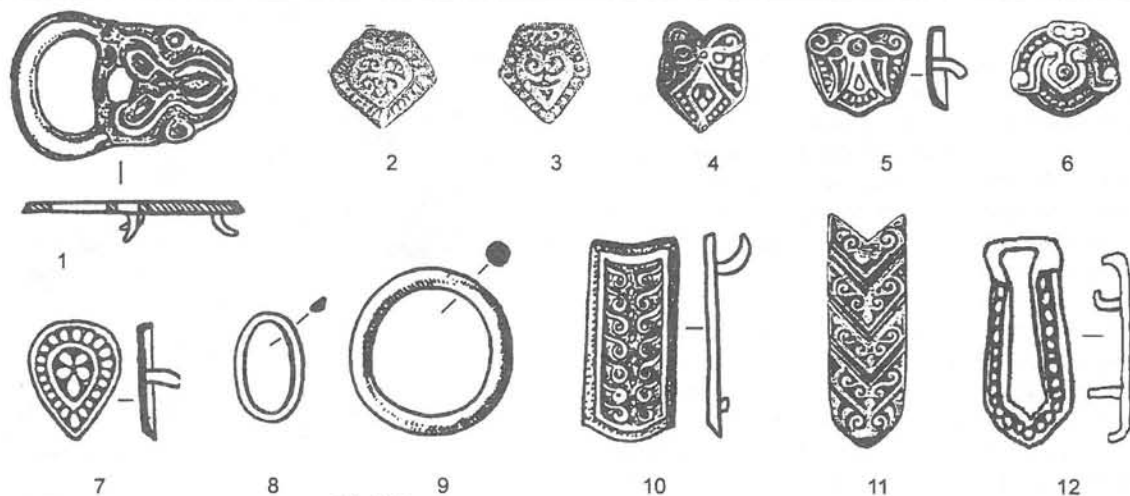

Рис. 2 Типы ремennых накладок XI–XII вв.

Fig. 2 Types of belt plates of the 11th–12th centuries

трилистников довольно распространен. Выделяется два вида этого орнаментального мотива: 1) на упомянутых пряжках с крупной вписанной друг в друга трехлепестковой композицией и каплевидными выступами на щитке (рис. 2: 1); 2) на цельнолитых овальнорамчатых пряжках с небольшим трилистником. Подобные были найдены в кургане 1 в Торопце, в Юго-Восточном Приладожье (Бранденбург 1895: табл. VI: 22) и в Люцинском могильнике (Спицын 1893: табл. XIII: 2,4). Первый тип был более распространен. Пряжки с крупной трехлепестковой композицией были найдены, по сведениям Т. Арне, в Новгородской губернии в районе Боровичей, в Витебской губернии (в начале XX в. хранилась в ГИМе), Тверской губернии (хранится в музее в Хельсинки) и Гнездово (Агнэ 1914: 149). Среди массы найденных поясных бляшек в этой связи необходимо отметить крупные сердцевидные бляшки, украшенные аналогичными трилистниками. Практически они представляют собой щиток пряжки без рамки и отверстия для иглы. находки таких бляшек были сделаны в уже упоминавшемся кургане 26 Березовецкого могильника, курганах 25 и 80 в Гнездове (Авдусин 1957: 150–152), в погребении 15 могильника Бирки (Arbman 1943: Taf. 91: 4) и могильнике Лиада Тамбовской губернии (Ястребов 1893: табл. VI: 13). Пряжки с трилистниками на щитке лишь однажды встречены в составе пояса с аналогичными бляшками. Можно заметить, что в тенденции бляшки существовали немного раньше, вероятно, они родственны похожим сердцевидным бляшкам несколько иных пропорций, находимым зачастую вместе с ними, например, в кургане 80 Гнездова (Авдусин 1957: рис. 18) и могильнике Лиада (Ястребов 1893: табл. VI: 13; VI: 22), а пряжки появляются несколько позже.

Более отдаленные аналогии крупным сердцевидным бляшкам, украшенным вписанными друг в друга трилистниками, можно найти во многих крупных могильниках X века — например, Шестовицы (Блифельд 1977).

При раскопках Романова в Люцинском могильнике, Приладожье и кургане 1 в Торопце были найдены крепившиеся к ремню тремя крючками рамчатые пряжки, на щитках которых также изображены вписанные друг в друга трилистники, меньший из них имел несколько иную форму (Спицын 1893: табл. XIII: 3,4; колл. ГЭ, № 1437; Бранденбург 1895: табл. VI: 22; Станкевич 1960: 140; Фоянков 1986: 62–63, рис. 1).

География. География находок поясов с бляшками рассматриваемых типов достаточно широка. находки распределяются по территории Новгородской земли неравномерно, тяготея к ее границам (рис. 1). Они найдены на севере — в Прионежье (Челмужи, курган 4) (Гроздилов 1941: 13–14), Северо-Восточном Приладожье (Видлицы, Раббола, курган 3 погребение 2 — Равдоникас 1939: 10–11), Карелии — в могильниках Куркийоки, Лапинлахти, Палвиала, и Османьяки, (Kivikoski 1951: taf. 108), на Ижорском плато (Малая Горка, курганы 20 и 26; Гонголово, курган 2; Терпилицы, курган 7; Клопицы, курган 1; Селище и Прологи, курган 49), в Восточном и Южном Причудье (Сторожинец, курган 11; Безьва III, курган 14; Залахтовы, курганы 22 и 165; Малы, курган 1), в Торопце (курган 1 — Станкевич 1960: 140; Фоянков 1986: 62–63, рис. 1), на Верхней Волге — в Отмичах и на границе с Владимиро-Суздальской землей (Березовецкий могильник, курган 26; Бустрыгино, курган 2; Кобожа, курган 8; Левоча, курган 13; Минино, погребение 9 — Зайцева 1999). Наиболее близкие к Новгороду находки были сделаны на восточном берегу Ильменя

в кургане около дер. Усть-Река и в погребении 5 под каменной насыпью в могильнике Удрай II.

Бляшки описываемых типов были найдены в слоях конца X — начала XI в. самого Новгорода (Седова 1981: 147-149), а также и в культурных напластованиях одного из крупнейших поселений Северной Руси — Белоозера (ЧКМ, колл. № 6000/8).

Все находки целых поясов и основная масса отдельных деталей поясной гарнитуры происходят из древнерусских погребений по обряду труположения, ни один из наборных поясов, не был найден в погребениях по обряду трупосождения. Все они обнаружены в мужских погребениях в ранних христианских некрополях. Лишь один раз, в могильнике Удрай II, в погребении 3 были найдены поясные украшения, среди которых две половинки наконечников пояса, с растительным орнаментом (Платонова 1983; 1992). Однако существенное отличие этого пояса в том, что остальные бляшки в этом наборе ломаные, собранные без каких-либо закономерностей, характерных для «мужских» поясов.

Погребальный обряд. Говоря о погребальном обряде, следует отметить, что практически все находки поясов были сделаны при раскопках курганных кладбищ. Только в одном случае тип памятника и обряд погребения остаются абсолютно неизвестными (находка у села Омичи недалеко от Твери). В окрестностях села находится несколько разновременных и разнотипных погребальных памятников, но связать интересующую нас находку с каким-либо из них в настоящее время не представляется возможным (Плетнев 1884: 65, 290-291; 1903: 170).

Из сохранивших документацию комплексов, большая часть описываемых погребений, за исключением пяти — Никольское (Тухтина 1966: 127), Бустрьгино (Ушаков 1844), Рабола (Равдоникас 1939: 10-11), Березовецкий могильник (Успенская 1993: 126-127), Устрека (Ершевский, Конечкий 1985), была совершена в подкурганых ямах, еще в одном случае (Безьва III) древнерусское захоронение было введено в насыпь более раннего времени. Обряд, по которому были захоронены некоторые из этих людей заслуживает отдельного внимания: пятеро, а возможно, и больше, из погребенных — Залахтовые, курган 165, Удрай II, «каменная насыпь» погребение 5, Челмужи, курган 4 (Гроздилов 1941: 13-14), Малы, курган 1 (Седов 1976: 90), Сторожинец (Попов 1991) — были похоронены в больших могильных ямах с деревянными конструкциями — камерами. Камерные погребения на территории древнерусского государства традиционно связывались исследователями со скандинавской погребальной традицией, характерной для так

называемых «дружинных» центров X века. Исследования последних лет показали, что обряд погребения в значительных по размерам могилах с деревянными перекрытиями и конструкциями продолжает существовать на протяжении всего XI века. Выделяется целый ряд памятников, объединяемых в единую группу не только размерами могилы и наличием в ней деревянных конструкций, но и устойчивым набором вещей (Соболев 1997). Находки деталей наборных поясов — одна из характерных черт этого круга памятников.

Объединенные нами в единую группу погребения выделяются на фоне синхронных не только наличием деталей поясной гарнитуры. Лишь шестеро из погребенных с рассматриваемыми поясами не вооружены, еще о трех случаях мы не имеем информации. Наиболее часто из оружия встречаются топоры (7 экз.), стрелы (3 экз.) и по одному разу меч и копье, а в одном случае погребенный был вооружен мечом и топором (Удрай II, погребение 5 «центральная камера»). В кургане 4 могильника Устрека были найдены весы с набором гирек. Именно эта находка и отсутствие в данном комплексе предметов вооружения заставило авторов статьи видеть в погребенном купца (Успенская 1976: 39-40; Ершевский, Конечкий 1985: 63-65). Такая интерпретация возможна, хотя, на наш взгляд, отсутствие оружия в погребении не может быть тем критерием, который отличает именно средневекового купца.

Чаще всего в погребениях остатки наборных поясов находились на тазовых костях скелетов сверху и по бокам, лишь в погребении 9 могильника Минино украшенные металлическими накладками фрагменты ремней находились под костями скелета. В отдельных случаях пояса были положены рядом с погребенными, например, в кургане 1 могильника Малы свернутый пояс был положен в кожаную сумочку вместе с серебряным широкосрединным перстнем. В камерном погребении 5, совершенном под так называемой «каменной насыпью» в могильнике Удрай II пояс лежал возле правого колена погребенного, а в камерном погребении кургана 3 того же могильника, пояс, состоявший из лировидной пряжки и поясных колец, был найден в ногах погребенных.

Хронология. Одиночные мужские захоронения трудно датируемы, часто бляшки являются единственными предметами, находимыми в погребениях, или встречаются в комплексе с другими очень широко датируемыми вещами — поясными кольцами, лировидными пряжками (1006—1197 гг.) (Лесман 1984: 118-153), ножами. Таким образом, формально, опираясь на хронологию новгородских древностей, можно утверждать, что подавляющее

большинство погребений было совершено в интервале между началом XI и концом XII вв. Однако есть и более узко датированные комплексы. Так, наиболее ранняя из рассматриваемых «усатых» бляшек (типа рис. 2: 5) была найдена в Новгороде в 27 ярусе Неревского раскопа и датируется стратиграфически 70-80-ми годами X века (Седова 1981: 147-149). Погребение в могильнике Удрай может быть датировано серединой XI века на основании находки клейменого каролингского меча, производство которых было прекращено в средневековых мастерских к середине XI в (Кирпичников 1966: 38). Немногочисленные находки поясов в парных погребениях позволяют датировать эти комплексы соответственно: Бустрыгино — конец XI века, Безьва — середина — последняя четверть XI века, Челмужи — вторая половина XI века.

В целом нижние даты комплексов группируются во второй половине — последней трети XI в., а верхние — в пределах первой трети XII столетия. Датировки остальных комплексов так или иначе охватывают этот временной интервал. Таким образом, анализ датировок погребальных памятников, содержащих наборы поясных бляшек рассматриваемых типов, позволяет ограничить время их бытования последней третью XI — первой третью XII вв.

Самые поздние находки отдельных бляшек были сделаны на Ижорском плато. Здесь найдены уже не наборные пояса, а пояса, украшенные лишь единичными бляшками — Прологи, курган 49 (ГИМ, оп. 1924 37/376) и Селище (ГИМ, оп. 251 41/30а). Погребение в кургане 49 могильника у дер. Прологи датируется временем около 1224 года на основании находки подковообразной застежки с орнаментированной дугой и звездвидными головками и витого двухпроволочного перстня с перевитием. Нужно отметить, что на территории Ижорского плато на протяжении всего XII и XIII веков продолжает существовать наборные пояса, украшенные бляшками совершенно иных типов, сходными с найденными в Карелии и Финляндии.

Наборные пояса и отдельные бляшки рассматриваемых нами типов были найдены в погребальных памятниках островной и материковой Швеции и в Финляндии. Находки, сделанные в Швеции и Финляндии, синхронны древнерусским материалам. Скандинавские исследователи, анализируя погребальные комплексы, в которых были найдены наборы бляшек рассматриваемых типов, также датируют их XI в. (Kivikoski 1944: 22). Всего нам известно 17 находок, большая часть которых была сделана на Готланде. Все пояса были найдены в погребениях по обряду ингумации и могут быть

связаны с раннехристианским кладбищами XI-XII вв. Анализируя находки наборных поясов в Северных странах, исследователи сходятся во мнении, что это вещи привозные, очевидно, с территории Древней Руси и называют их восточными поясами (Kivikoski 1944: 22). Крайне интересная находка была сделана в Швеции в провинции Смоланд (Zetterberg 1958: 151-169), где в озере Фюрен у самого берега был найден мешок с различными металлическими изделиями и украшениями, среди которых поясные бляшки, в том числе рассматриваемых типов. Авторы публикации находки особо отмечают, что все найденные изделия не прошли «предпродажную подготовку» (не сняты заусеницы, вещи не отполированы). Очевидно, утерянный мешок принадлежал купцу, побывавшему на Руси и в Финляндии (в составе находок были и типично финские вещи) и привезшему приобретенный там товар в Швецию.

Таким образом, можно предположить, что большая часть бляшек поступала в Скандинавию россыпью, и пояса собирались на месте. Объектом импорта служат лишь сами бляшки. В отличие от находок, сделанных на Руси и в Финляндии, почти все пояса, найденные в Швеции, имеют местные пряжки в стиле Урнес. Лишь несколько поясов были привезены в готовом виде — например, в погребении 6 в некрополе Чёпингскола (Ölands järnåldersgravfält 1987: 99-100), по всей видимости, их владельцы приобрели их для себя, побывав на Руси.

Происхождение. Вопросам происхождения как конкретных типов бляшек, так и орнаментальных мотивов, уделял внимание целый ряд исследователей. Происхождение орнаментальных мотивов рассматриваемой поясной гарнитуры А. А. Спицын связывал с территорией бассейнов Оки и Камы (Спицын 1896: 27).

Проследить происхождение миндалевидных бляшек с «цветком» в центре (рис. 2: 7) кажется довольно просто. Еще в работе Т. Арне дана убедительная, на наш взгляд схема, возводящая их к художественным традициям Халифата, где схожие мотивы достаточно распространены (Amé 1914: 137-138, рис. 190-197). В своей работе Т. Арне писал, что видел подобные бляшки в Самарканде, однако, данные находки не были опубликованы и, возможно, не сохранились.

Точку зрения Арне подтверждают находки отписков поясных блях на глиняных лампах X-XIII вв., обнаруженных на городище Ахсикет в Ферганской долине (Ильсова 1990: рис. 2).

Растительный орнамент некоторых других бляшек также находит параллели в искусстве исламского Востока. Так, аналогии орнаменту пятиугольных бляшек (рис. 2: 2,3) Д. И. Фояков видит в растительном орнаменте нашивной серебряной пластины,

из клада серебряных изделий, найденного на городище Лорвож (Фоняков 1986: 63-64; Сыркина 1983: 189, рис. 10). Действительно, определенное сходство в стилистическом и композиционном решении растительных мотивов имеется.

Говоря о происхождении пряжек, можно предположить их юго-восточные «корни». Составная овалнорамчатая пряжка с похожим трилистником на шитке была найдена в кургане 14 Верхнечирюртовского могильника в Дагестане (Магомедов 1983: 82; прил. I рис. 24: 1) в комплексе с византийской золотой монетой начала VII века и фрагментами панциря.

- Авдусин, Д. А. 1957. Отчет о раскопках Гнездовских курганов. Материалы по истории Смоленской области 2: 113-183. Смоленск.
- Бліфельд, Д. І. 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ.
- Бранденбург, Н. Е. 1895. Курганы Южного Приладожья. Материалы по археологии России 18. Санкт-Петербург.
- Гендуне, Ю. Г. 1903. Отчет о раскопках Ю. Г. Гендуны в Калужской, Тверской, Московской и Черниговской губерниях // Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 1, 1903, д. № 15. Л. 87.
- Голубович, Е. В. Голубович. 1945. Славянские поселения правобережья Дисны в Виленском округе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры XI: 126-137.
- Гроздильов, Г. П. 1941. Село Челмужи // Археологические исследования в РСФСР в 1934 - 1936 гг.: 13-14. Москва-Ленинград.
- Даль, Вл. 1882. Толковый словарь живого великорусского языка 4: 552-554. Санкт-Петербург: Москва.
- Добжанский, В. Н. 1990. Наборные пояса ковчегов Азии. Новосибирск.
- Ершевский, Б. Д., В. Я. Конечный. 1985. Об одном из транзитных пунктов на древнем торговом пути // Новое в археологии Северо-Запада СССР: 61-65. Ленинград.
- Изборник. 1983. Изборник Святослава 1073 г. Факсимильное издание. Москва.
- Ильясова, С. Р. 1990. Ахсикетские чираги // История материальной культуры Узбекистан 24: 172-178. Ташкент.
- Казиков, Е. П. 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. Москва.
- Кирпичников, А. Н. 1966. Древнерусское оружие. Свод археологических источников Е 1-36/1. Москва-Ленинград.
- Кудряшов, К. 1913. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде Санкт-Петербургской губернии // Записки отделения русской и славянской археологии Российского Археологического общества IX: 262-263. Санкт-Петербург.
- Лесман, Ю. М. 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли: 118-153. Ленинград.
1989. К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI-XIV вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология 2: 82-87. Новгород.
1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (XI-XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода 1988: 29-98. Москва.
- Лявданскі, А. Н. 1932. Археолёгічныя досьледы з Смаленшчыны // Працы сэзькі археолёгі Беларускай АН III: 5-67. Менск.
- Магомедов, М. Г. 1983. Образование хазарского каганата. Москва.
- Макаров, Н. А. 1990. Население русского Севера в XI-XIII вв. Москва.
- Макарова, Т. И., С. А. Плетнева. 1983. Пояс знатного воина из Саркела // Советская археология 2: 63-77.
- Мильков, В. В. 1994. Исследования курганов древнерусского времени у с. Левоча Хвойнинского района Новгородской области // Новгород и Новгородская земля. История и археология 8: 83-93. Новгород.
- Мурашева, В. В. 1994. Уборвоина и коня в Древней Руси как социально-этническая категория: (по материалам наборных украшений вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва.
1997. Реконструкция облика древнерусского наборного пояса X-XI вв. (По материалам «дружинных» курганов) // Труды Государственного исторического музея 93: 71-79. Москва.
- Платонова, Н. И. 1983. Отчет о полевых исследованиях в Ленинградской и Новгородской областях в 1983 г. // Архив Института археологии РАН, Р-1 № 10653, 106653а и б.
1992. Камерное погребение в кургане у д. Удрай Новгородской области // Новгород и Новгородская земля: история и археология: 102-104. Новгород.
- Плетнев, В. А. 1884. О курганах и городищах Тверской губернии. Тверь.
1903. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь.
- Попов, С. Г. 1989. Городище Сторожинец // Краткие сообщения Института археологии 198: 45-56. Москва.
1991. Отчет Гдовского отряда ИИМК РАН о работах в 1991 г. // Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 35, 1991, д. № 19.
1995. Переходные моменты от языческого погребального обряда к христианскому (по материалам памятников Северной Псковщины) // Церковная археология 1: 98-101. Санкт-Петербург - Псков.
- Равдоникас, В. И. 1939. Памятники феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье // Известия Государственной академии истории материальной культуры 94: 10-11.
- Седов, В. В. 1976. Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска // Краткие сообщения Института археологии 146: 87-95. Москва.
- Седова, М. В. 1981. Ювелирные украшения древнего Новгорода (X-XV вв.). Москва.
- Соболев, В. Ю. 1997. Камерное захоронение в могильнике Рапти-Наволоки II в контексте становления древнерусского погребального обряда // Тезисы докладов Скандинавской конференции: 183-185. Москва-Петрозаводск.
- Спицын, А. А. 1893. Древности Северо-Западного края. Люшинский могильник. Материалы по археологии России 14 (1/2). Санкт-Петербург.
1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. Материалы по археологии России 20. Санкт-Петербург.
1903. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. Материалы по археологии России 29. Санкт-Петербург.
- Станкевич, Я. В. 1960. К истории населения Верхнего Подвинья // Древности Северо-Западных областей РСФСР в I тыс. н.э. Материалы и исследования по археологии СССР 76: 7-323. Москва-Ленинград.
- Тухтина, Н. В. 1966. Об этническом составе населения бассейна реки Шексны в X-XII вв. // Труды Государственного исторического музея 40: 120-136. Москва.
1990. Курганная группа Кабожа I (в бассейне реки Мологи) // Труды Государственного исторического музея 74: 121-137. Москва.
- Успенская, А. В. 1970. Отчет о раскопках Селигерской археологической экспедиции 1970 г. // Архив Института археологии РАН, № 4234. Л. 11.

1974. Погребение купца на древнем Селигерском пути // Средневековая Русь: 39-40. Москва.
1993. Березовецкий курганный могильник X-XII вв. // Труды Государственного исторического музея 82: 79-135. Москва.
- Ушаков. 1844. Дневник разрытия курганов (доставлен в Императорскую Академию наук помещиком Новгородской губернии г. Ушаковым) // Санкт-Петербургские Ведомости. 15. 12. 1844 № 286.
- Фоняков, Д. И. 1986. Об одной находке из древнерусского могильника в Торопце // Краткие сообщения Института археологии 187: 62-65. Москва.
- Ханенко, Б. Н., В. И. Ханенко. 1908. Древности Приднепровья. Вып. V. Киев.
- Хвоцинская, Н. В. 1997. К вопросу формирования древнерусской культуры на западе Новгородской земли (по материалам могильника Безьва) // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура: 123-138. Санкт-Петербург.
- Янин, В. Л., А. А. Зализняк. 1996. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990-1995 гг. // Средневековая Русь. I: 120-153. Москва.
- Ястребов, В. Н. 1893. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. Материалы по археологии России 10. Санкт-Петербург.
- Arbman, H. 1943. Birka I. Die Gräber. Tafeln.
- Arné, T. 1914. La Suede et l'Orient. 1914. Uppsala.
- Jansson, I. 1986. Gürtel und Gürtelzubehör vom orientalischen Typ // Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde: 77-108. Stockholm.
1988. Wikingerzeitlicher orientalischer Import in Scandinavien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 69: 564-647. Mainz a Rhein.
- Kivikoski, E. 1944. Zur herkunft der karelischer und ihrer kultur // Acta Archaeologica. Vol. XV Fasc. 1-2: 1-28. København.
1951. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.
- Roslund, M. 1990. Kulturkontakter och Varuutbyte 970-1200 // Makt och Människor Kungens Sigtuna. Sigtunagrävningen 1988-1990. Sigtuna.
- Zachrisson, I. 1985. Saami or Nordic? A model for ethnic determination of northern swedish archaeological material from the viking period and the early middle ages // Archaeology and Environment 4: 187-195. University of Umeå.
- Zetterberg, I. 1958. Furenfundet - etf senvikingatida småländskt handelsfund // TOR IV: 151 - 169. Stockholm.

BELT FITTINGS OF THE 11th — 12th CENTURIES FROM NOVGOROD

K. A. MIKHAILOV, V. Yu. SOBOLEV

This study is dealing with ancient Russian belt sets of the 11th–12th centuries A.D. and with problems of their dissemination and chronology. This subject is rarely published and is almost unknown to modern researchers. The authors have collected materials from north-western Russia throughout the area from Pskov to Beloozero and from Karelia to the Tver Oblast. There are 34 samples both of complete belt sets and isolated bronze belt plates found at settlements and burial grounds in the mentioned region. Most of these artefacts were found at the border of the medieval Novgorod Land (Fig. 1) and are connected with the first Christian cemeteries.

The belt plates presented in this article belong to a number of frequent types of belt fittings (Fig. 2). These major types of belt plates are found throughout the whole territory of the Novgorod Land as a single and repeated combination. The common features of all the belts under study are both the composition of each set of plates and the belt design proper. This design included the belt with plates separated by two iron or bronze rings. With the exception of isolated finds all known medieval belt sets from the North-West belong to a single type and they all have been considered in this study. All the complete belt sets come from early Christian male inhumation burials. Most of the graves containing belts were discovered under burial mounds in large funerary pits.

Some of the dead were buried in pits with wooden structures — «chambers». Such a funerary rite is common for the 10th century and is connected with the highest social ranks of the North-European society. Besides the belts and a prestigious funerary rite these male graves stand out from the general mass of burials by finds of weapons.

Our datings of the belt sets are based on materials from Novgorod excavations. An analysis of the funerary inventory enabled us to compress the dates of the medieval Novgorod belt fittings to the second half of the 11th — the first third of the 12th century.

The closest parallels to the belts from the Novgorod Land are known in Sweden, on the island of Gotland and in Finland. All the complete belts of the «Novgorod» type from Scandinavia were found in burials with an inhumation rite and are dated to the late 10th — 12th centuries.

Considering the origin of every particular type of plates we connect them with artistic traditions of the Islamic East. Some types of the fittings are also paralleled by specimens from the Volga area.

Novgorod was the only point at the North-East where different types of belt fittings could be united into a single belt set. The connection of the medieval belt sets with Novgorod is suggested both by the geography of the finds and by a single style of all the belt sets. The find of parts of the earliest of such sets also was made in the cultural layer of Novgorod.

БУЛАВЫ И КИСТЕНИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ И. ХОЙНОВСКОГО В СОБРАНИИ МУЗЕЯ ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО

А. Н. КИРПИЧНИКОВ¹

В 1919 и 1923 гг. из Национального музея в Варшаве в Музей Войска Польского поступили предметы древнего вооружения из коллекции И. Хойновского (1833-1919 гг.). Эта коллекция собиралась в Киеве. В 1902 г. она была перевезена в Варшаву и в 1903 г. — преподнесена в дар Обществу поощрения художеств Царства Польского. В 1904 и 1907 гг. И. Хойновский дополнил подаренную им коллекцию новыми экспонатами. Так множество первоклассных изделий разных эпох оказались в Польше и ныне в подавляющем большинстве сохранились в нескольких музеях Варшавы и Познани.

В составе коллекции И. Хойновского находилось не менее четырех бронзовых булав, одна — железная и семь бронзовых кистеней (Хойновский 1896: 104, сл.; Дополнения 1899: 92; 9-11, 19-20; Choynowski 1904: 32-33, 73, 76)². Большая часть этих вещей учтена в нашем своде о древнерусском оружии (Кирпичников 1966: 47-65, табл. XXV-XXXIV)³. При этом я пользовался сочинениями самого И. Хойновского и видел некоторые из интересующих меня изделий, одно время выставленных в экспозиции Музея Войска Польского (в дальнейшем МВП). В 1996 г. во время работы в упомянутом музее мне были любезно предоставлены все необходимые находки и с помощью карточного каталога и рисунков коллекции, хранящихся в Отделе специальных собраний архива МВП, удалось полностью изучить привезенные из Киева булавы и кистени и частично восстановить места их находок. Не менее пяти раз менялись их инвентарные номера, а происхождение получило общее наименование «поднепровские поляне».

Булавы, находившиеся в коллекции И. Хойновского, частью утрачены и известны только по описаниям. Одна из них, бронзовая (первоначальный номер 151) обладала треугольными выступами и была найдена в Хмельной бывшей Киевской губернии. В данной статье она не обсуждается. Другая, упомянутая выше железная булава (первоначальный номер 941) описана шарообразной с редкими шипами, найдена в Киеве. Рисунок и фотография булавы, имеющиеся в МВП не вполне ясны для типологических определений. Таким образом, в коллекции сохранились 4 булавы и 7 кистеней. Их целостная характеристика, думаю, бесполезна. Счел возможным учесть несколько сходных предметов, найденных на территории Польши и также хранящиеся в МВП.

Все рассматриваемые изделия (табл. 1)⁴ найдены в Киеве и его области и суммарно датируются XII — первой половиной XIII в., точнее, столетием предшествовавшим монгольскому погрому Руси в 1237-1241 гг. Часть материала обнаружена в культурном слое городов, разгромленных татарами-монголами, Киева и Родни (городище Князя Гора). Из этих и других разрушенных южно-русских городов происходят и аналогии анализируемых находок. Подавляющее большинство вещей коллекции И. Хойновского куплены или собраны при земляных работах. По своим формам эти изделия соответствуют уже установленным типам древнерусского ударного оружия.

Начнем с булав и прежде всего отметим ранее неизвестную бронзовую булаву с 12 пирамидальными шипами, происходящую, возможно, из Киева

¹Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

²В этих публикациях описаны не все находки, а некоторые — настолько суммарно, что их затруднительно уверенно идентифицировать. О судьбе коллекции Хойновского смотри: Kaczyński 1973: 139-159. Выражаю благодарность д-ру Мариану Качинскому за все консультации относительно коллекции И. Хойновского. Ему удалось выяснить год смерти коллекционера — 1919 г. и место его погребения — Киев. Интересен замысел польских археологов вновь собрать все вещи коллекции И. Хойновского и представить их на особой выставке.

³В указанной работе приведена литература вопроса. В сносках в настоящей статье указывается литература, вышедшая после 1966 г.

⁴Благодарю коллегу Александра Червинского за дружескую помощь, оказанную мне во время работы в МВП. Также признателен директору МВП Здиславу Щвентицкому, разрешившему изучение и публикацию предметов ударного и клинкового оружия из собрания музея.

Таблица 1. Булавы и кистени из собрания Музея войска Польского*. Каталог предметов.
 Plate 1. Maces and war-flails from the collection of the Museum of the Polish Army. Catalogue of the objects.

Наименование	Место находки	Год находки	Обстоятельство находки	Тип	Дата	Измерения в см.				Вес в г.	Источник информации о находке.	Шифр хранения в МВП	Примечание	Рис.
						A	B	C	D					
Булава	Киев?	—	Отдельная находка	IV	XII—п.п. XIII в.	5,2	7,7	—	2,3	140 (250)	Сведения МВП	18841, 32526, 177446	Из бронзы, без свинца.	1:1
Булава	Хмельная, бывш. Каневский уезд Киевской губ.	1894	—	IV	XII—п.п. XIII в.	3,4	5,5	—	1,8	120 (240)	И.А. Хойновский. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси. Киев, 1896. С. 105. №639.	24123	Из бронзы, сохранилась половина вещи.	1:2
Булава	б. Киевская губ.	до 1896	—	V	п.п. XIII в.	5	5,4	—	1,6	210 (420)	Там же. С. 104. №621. Табл. V	24121	Из бронзы	1:5
Булава-шестопер	Хмельная бывш. Киевской губ.	—	—	VI	1200-1240 гг.	7,5	6,7	—	2	487	Сведения МВП	24122	Из бронзы	1:6
Кистень	Таланча бывш. Киевской губ.	1894	Из погребения	II	1200-1240 гг.	8,8	4,9	4,5	—	315	И. Хойновский. Краткие археологические сведения Табл. IX. №670	24114	Из бронзы	2:1
Кистень	Киевская обл. (?)	—	Отдельная находка	II	XII—п.п. XIII в.	7,2	2,7	2,7	—	165	Сведения МВП.	24117	Из бронзы	2:5
Кистень	Киевская обл. (?)	—	—	II	XII—п.п. XIII в.	5,8	2,5	2,5	—	110	Сведения МВП.	24118	Из бронзы	2:6
Кистень	Княжа гора бывш. Киевской губ.	1890 г.	Из слоя городища. Раскопки крестьян.	IIA	Около 1150-1240 гг.	6,2	3,7	3,3	—	117	И. Хойновский. Краткие археологические сведения С. 127. №688.	24116	Из бронзы, без свинцового наполнителя	2:4
Кистень	Киев	до 1896 г.	Отдельная находка	III	Около 1200-1240 гг.	6,3	3,5	2,7	—	77	Там же. С. 164. №824.	24119	—	2:2
Кистень	Киев и Киевская область	—	—	III	—	6	3,5	2,3	—	77	Сведения МВП.	24120	Из бронзы	2:3
Кистень	Княжа Гора бывш. Киевской губ.	1899	Из слоя городища.	IV	—	5,9	2,5	2,5	—	122	И. Хойновский. Краткие археологические сведения С. 104. №622.	24115		2:7

* МВП — Музей войска Польского. Типы вещей указаны по книге: А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. Вып. 2. М.-Л., 1966. С. 47. В графе «вес» в скобках приведен первоначальный вес вещи.
 А — высота; В — ширина; С — толщина; D — диаметр отверстия.

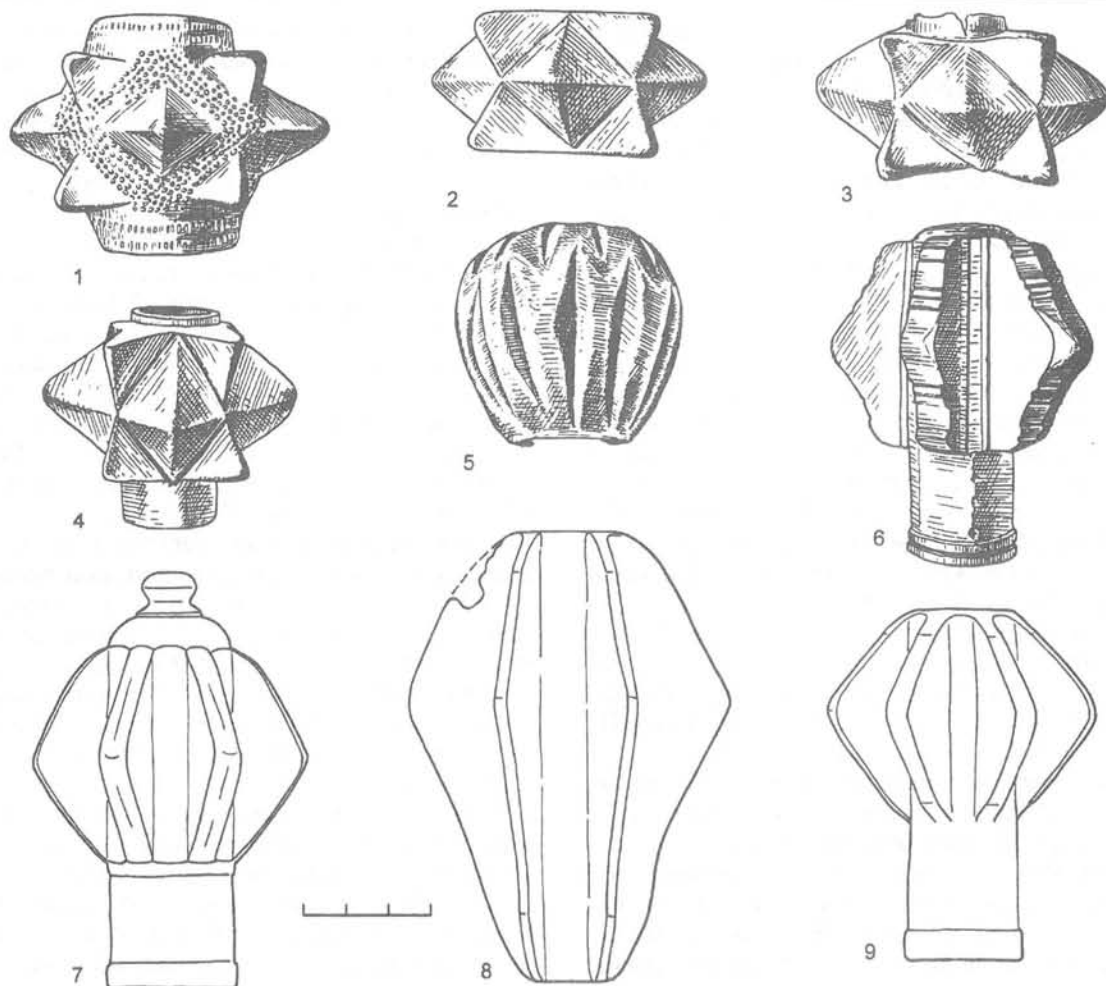

Рис. 1 Булавы: 1 – Киев (?), МВП 18841 (далее ссылки на МВП опускаю); 2 – Хмельная, 24123; 3 – Польша (?), 17445; 4 – Польша (?), 30; 5 – Бывш. Киевская губерния, 24121; 6 – Хмельная, 24122; 7 – Пронск, Рязанская обл.; 8 – Звенигород, Львовская обл., Украина; 9 – Сахновка, Киевская область.

Fig. 1 Maces: 1 – Kiev (?), Museum of the Polish Army 18841 (further references to MPA are omitted); 2 – Khmel'naya, 24123; 3 – Poland (?), 17445; 4 – Poland (?), 30; 5 – Former Kiev Province, 24121; 6 – Khmel'naya, 24122; 7 – Pronsk, Ryazan' Oblast; 8 – Zvenigorod, Lvov Oblast, Ukraine; 9 – Sakhnovka, Kiev Oblast.

(МВП, 18841, рис. 1: 1). Промежутки между шипами заполнены четырехрядными поперечно-рифлеными валиками. Наиболее близкие по форме и украшениям образцы найдены в Киеве, его области, на городищах в Житомирской, Хмельницкой и Черновицкой областях Украины (Кирпичников 1966: 130-132, № 59, 62, 66, 68, 71, 75, 76, 81). Речь идет о восьми находках, которые по своим размерам (средняя высота 5,5 см, ширина около 7,5 см, диаметр втулки 2,2-2,3 см) и отделке (характерно двух-трехрядное рифление между шипами) почти тождественны рассматриваемой булаве из коллекции И. Хойновского. В этом ряду встречены совершенно тождественные отливки и имеются образцы с незначительными отличиями (Кирпичников 1966: 52-53). Эти сопоставления свидетельствуют, во-первых, о распространении серий одинаковых образцов и, во-вторых, о последующем их копировании, что могло

происходить в разных центрах и мастерских. Последнее подкрепляется тем, что сходные булавы с «веревочным» орнаментом обнаружены также в Латвии, Венгрии (László 1972: 3 abra, 2; 4 abra, 3; 5 abra, 2-3) и Швеции (Sandstedt 1992: typ A: 1, 4-7, 9-11). С учетом постоянства, с которым подобные навершия встречены в южной и юго-западной Руси, они, несомненно, в этих местах (прежде всего в Киеве) и вырабатывались и частью, возможно, вывозились в другие страны, где в свою очередь, могли воспроизводиться и варьироваться. Последнее предположение, конечно, требует детальной разработки.

Еще одна булава с 12 шипами из коллекции И. Хойновского найдена в с. Хмельная бывшей Киевской губ. (Кирпичников 1966: 130, № 64. МВП, 24123). По сравнению с предшествующими образцы такого облика не имеют декоративных деталей и выглядят более утилитарно (рис. 1: 2). Подобные булавы XII-XIII вв.,

кроме Киевской области, были обнаружены в Казанском Поволжье, а также в Польше (рис. 1: 3-4) (Nadolski 1954: tabl. XXXIII, 5)¹, Венгрии (László 1972: 2 abra; 4 abra, 2-4; 5 abra, 1, 4; 6 abra, 1-3), Болгарии, Румынии (Spinei 1986: fig. 21: 2), Дормации. Все эти вещи нельзя свести к одному или нескольким близким производящим центрам, они безусловно производились в ряде стран Европейского континента.

К следующей разновидности булав относится экземпляр из бронзы округлой формы, как бы с небольшими выпиленными гранями (рис. 1: 5). Этот образец найден в пределах бывшей Киевской губернии и входит в разряд ребристых шаровидных булав, известных по находкам на территории Древней Руси и датированных XI-XIII вв. (Кирпичников 1966: 54, табл. XXV: 5)². В последние годы число подобных завершений приумножилось новыми находками из раскопок в Новгороде. Они снабжены 7-10 вертикальными обычно несколько сглаженными ребрами (Артемьев 1990: 11-12, рис. 9). Аналогичные находки происходят с Готланда (Sandstedt 1992: typ B, 15-19). Они датированы XII-XIII вв. и, возможно, частью новгородского происхождения. Появление ребристых ударных средств объяснялось желанием усилить травмирующее действие оружия при ударе. Эволюция подобных устройств привела к возникновению еще в предмонгольское время многолопастных булав-шестоперов. Название условное, ибо в ходе эволюции количество граней увеличилось сверх шести.

На Руси фиксируется начальное развитие шестоперов. Находки, относящиеся, примерно, к XIII-XIV вв., происходят из рязанского Пронска, галицкого Звенигорода, киевской Сахновки (Кирпичников 1976: 27-28, табл. XI) (рис. 1: 7, 8, 9). В коллекции И. Хойновского оказался один из лучших ранних шестоперов, обнаруженный в с. Хмельная бывш. Киевской губернии (МВП, 24122) (рис. 1: 6). Он снабжен шестью фигурно оформленными гранями и является производением первоклассного профессионального литейного мастерства.

Первое упоминание шестоперов в русских источниках фиксируется в 1502 г. и сильно запоздало по отношению ко времени реального появления самого оружия. В XVI в. они служили не только боевым средством, но и знаком воинского ранга. В XIII в. шестопер еще не

был знаком командирского представительства. Появление шестоперов на Руси в предмонгольские десятилетия — признак растущего усиления доспеха, что и вызвало распространение нового оружия ближнего боя, ударная сила которого при действии в бою концентрировалась на одной или двух выступающих гранях-лопастях.

В коллекции И. Хойновского кроме завершений булав представлены также бронзовые и железные гирьки кистеней. В большинстве они, как и булавы, найдены в Киеве и его округе и относятся к формам ударного оружия, которое было распространено в XII — первой половине XIII в. Кистени были заимствованы на Руси от кочевников Юго-Восточной Европы в период раннего средневековья (Крыганов 1982: 66-68). Не позже X в. их стали изготавливать и в русских городах. Расцвет в производстве этого оружия наступил во второй половине XII — первой половине XIII в., и в значительной степени приостановился в годы татаро-монгольского нашествия на Русь. Классификация кистеней из коллекции И. Хойновского соответствует типологии, разработанной на древнерусском материале. Переходим к характеристике этих изделий.

К кистеням шарообразной и продолговато-округлой формы относятся три выполненных из бронзы экземпляра (МВП, 24114, 24117, 24118). Два из них, возможно, найденные в Киевской области, снабжены сглаженными гранями (рис. 2: 5, 6). В русском материале имеются несколько приблизительных аналогий (Кирпичников 1966: табл. XXXII, 2-3; Артемьев 1990: рис. 5, 6)³. В этом ряду выделяется кистень, отделанный рельефными криволинейно расположенными валиками (Кирпичников 1966: 134-135, № 45; МВП, 24114). Он происходит из богатого черноклобуцкого погребения конного воина из Таганчи Киевской области (рис. 2: 1). Комплекс датируется 1200-1240 гг. Кистень снабжен ушком, вмещающим ремень шириной 1,8 см. Отверстие для пропуска ремня или жгута у большинства кистеней обычно равно 0,8-1 см. Показательны и весовые сопоставления. Кистень из Таганчи весит 315 г. Обычный вес кистеней 150-250 г, а тех, что оказались в коллекции И. Хойновского — 122-177 г. Кистень из Таганчи, очевидно, был изготовлен в тот период, когда усиление доспеха и утяжеление оружия обнаруживалось все

¹ В МВП имеются еще две булавы рассматриваемого вида — железная № 17445 и бронзовая № 30. Первая — дар музею в 1937 г., вторая — 1954 г. Их размеры по методике нашего измерения соответственно $3,7 \times 7 \times 3,2$ см, вес 350 г. и $5,5 \times 6 \times 2$, вес 190 г. Место находки неизвестно (рис. 1: 3-4).

² Относительно названного образца (МВП, 24121) не исключаю, что он мог использоваться как кистень, так как отверстие для деревянной рукояти слишком узко (1,6 см), чтобы выдержать без поломки при ударе навершие весом около 420 г.

³ А. Р. Артемьев в своей содержательной публикации допустил неточность. Он пишет, что подразделил кистени на виды в зависимости от материала, из которого они сделаны. В то же время автор фактически воспользовался уже разработанной типологией гирек, которая исходит не только из материала, но и самой формы. К булавам А. Р. Артемьев ошибочно причислил кистени — смотри его рис. 7: 1, 2 и рис. 8: 1, 3.

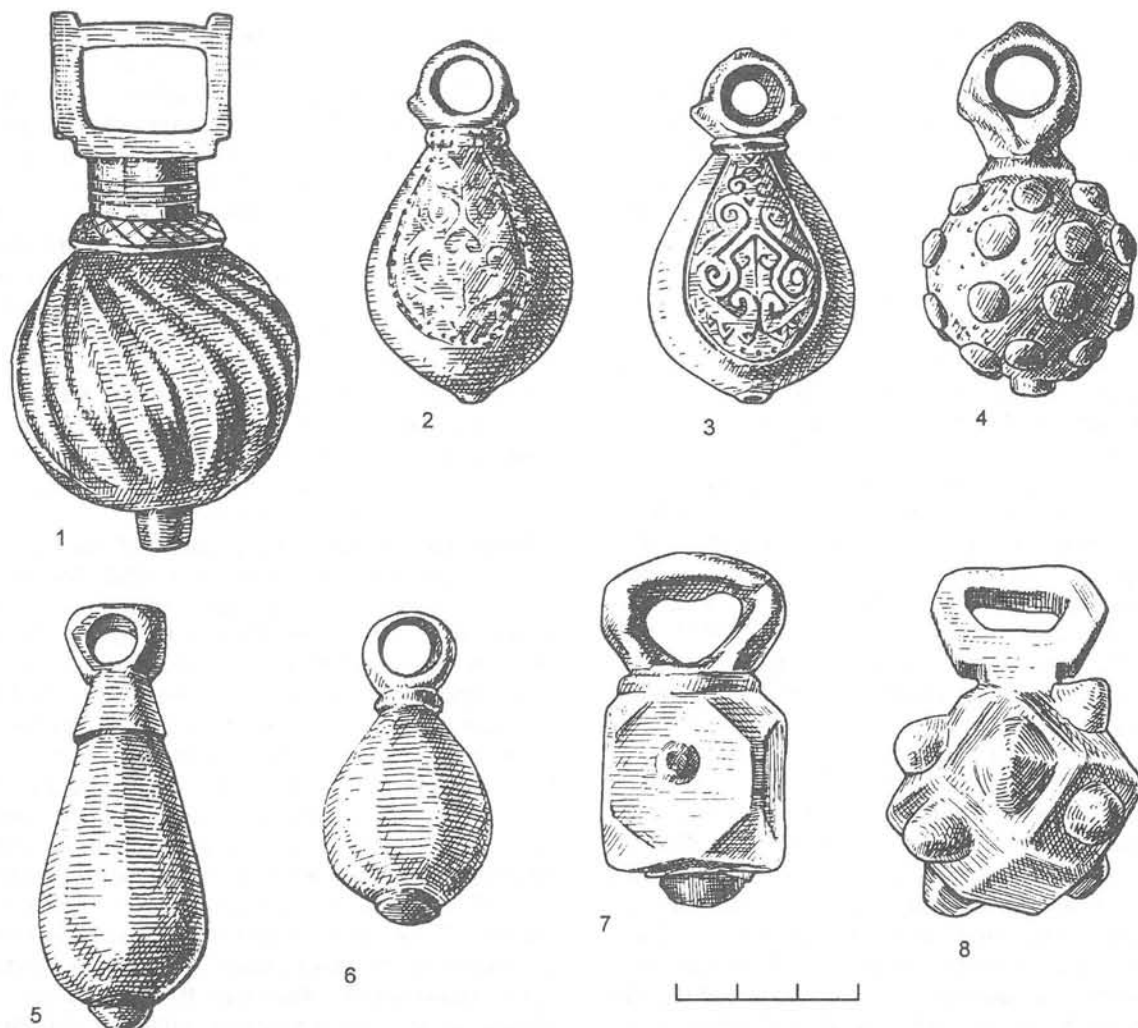

Рис. 2 Кистени: 1 – Таганча, 24114; 2 – Киев, 24119; 3 – Киев и Киевская область, 24120; 4 – Княжа гора, 24116; 5 – Киевская область (?), 24117; 6 – Киевская область (?), 24118; 7 – Княжа гора, 24115; 8 – Польша (?), 24133.

Fig. 2 War-flails: 1 – Tagancha, 24114; 2 – Kiev, 24119; 3 – Kiev and Kiev Oblast, 24120; 4 – Knyazha Gora, 24116; 5 – Kiev Oblast (?), 24117; 6 – Kiev Oblast (?), 24118; 7 – Knyazha Gora, 24115; 8 – Poland (?), 24133.

отчетливее. На Руси этот процесс начался в XII в., а в следующем столетии получил дальнейшее развитие.

В особую группу кистеней округлой формы входит экземпляр из коллекции И. Хойновского, украшенный выпуклостями (рис. 1: 4). Он найден на городище Княжа Гора Киевской области, иначе древнем городе Родня, разрушенном в период татаро-монгольского нашествия (Кирпичников 1966: 136-137, № 72. МВП, 24116). На тулове кистеня выпуклости расположены в 4 ряда. Тожественные или очень близкие по форме и отделке изделия с четырехрядными украшениями, как бы небольшими бугорками, известны также из Пскова, Старой Рязани, Белгородки Киевской области, а также из нелокализованных мест бывшей Киевской губернии (Кирпичников 1966: 136-137, № 48-49, 60-61, 64, табл. XXXI: 7, 8). Эти находки указывают на киево-русское

происхождение по крайней мере части кистеней упомянутой группы, датируемой в целом XII – первой половиной XIII в.

К следующему типу кистеней относятся два уплощенных грушевидных образца с черневым орнаментом на лицевых поверхностях в виде композиции из лент и завитков (рис. 2: 2, 3). Орнамент имеет растительный характер, представляя собой как бы вьющуюся ветвь, но заметно схематизирован и геометризован. Насколько можно рассмотреть, узор на первом кистене (МВП, 24119) более схематизирован, его составляющие как бы распались на отдельные элементы, на втором (МВП, 24120) – напротив, такого рода узор выполнен четкими, сплошными начертаниями. По-видимому, обе вещи изготовлены в разных, но близких по времени их деятельности мастерских, или, во всяком случае, разными ремесленниками. В русском ювелирном искусстве отделка

вещей, в том числе и воинских, черневым узором по бронзе имела место в XI-XIII вв. (Кирпичников 1966: 62-63). Несомненно, что орнаментация на кистенях превращала их из утилитарных предметов в нарядные произведения, которые могли входить в комплект вооружения состоятельного воина-дружинника.

Показательна география находок гирек с черневым орнаментом: в Киеве и его области их 14, в Полтавской, Житомирской, Хмельницкой и Дрогобычской областях Украины в общей сложности — 5 или 6, в Ленинградской области России — 1 (Кирпичников 1966: 136-138, № 82-101, табл. XXXIII: 1-4, XXXIV; Каргопольцев, Седых 1995: 76-77, рис. 1: 1). Число находок в Киеве и области может быть увеличено с 14 до 17 за счет кистеней из Вышгорода, Белгородки и Княжой Горы, в свое время описанных, но впоследствии утраченных (Кундеревиц, рукопись: л. 100, №№ 1, 2, 5), или еще неопознанных в музейных коллекциях. В Национальном музее истории Украины хранятся три депаспортизованных кистеня рассматриваемого типа, но происходят ли они именно из трех указанных выше селений Киевской области неизвестно (Кирпичников 1966: табл. XXXIV: 8-10).

Рассматриваемые гирьки из коллекции И. Хойновского увеличивают достоверное число украшенных кистеней до 19 (их общее число может быть более 20). Приведенные подсчеты не оставляют сомнения в том, что именно Киев был местом изобретения и выработки украшенных кистеней. Похоже, что производство этих изделий с учетом их преимущественного нахождения в Южной Руси началось незадолго до времени монголо-татарского захвата Киева в 1240 г. В дальнейшем такого рода вещи, по-видимому, уже не изготавливались.

В составе коллекции И. Хойновского имеется бронзовый кистень в виде куба со срезанными углами и небольшими выступами по сторонам (рис. 2: 7). Он происходит из Княжой Горы Киевской области (Кирпичников 1966: 138, № 117. МВП, 24115). Распространение этих изделий общерусское. Кубоватые гири с выступами по граням производили в XII-XIII вв., а возможно и позже. Такого же рода экземпляр оказался в МВП, он подарен музею в 1919 г. (МВП, 24133, из железа, размеры: 6,5 × 4 × 2,5, вес 207 г.) (рис. 2: 8).

В древнерусских письменных источниках булава и кистень для событий X-XIII вв. не упомянуты. Это оружие служило подсобным дополнительным и употреблялось в тесной рукопашной схватке, когда при невозможности использования рубящих и колющих боевых средств необходимо было нанести быстрый, внезапный удар. По тактическим правилам того времени требовалось оглушить противника, вывести его из строя, но необязательно убить. Булавами и кистенями пользовались и конные и пешие. Этим ударным средством, несомненно, запасались купцы, путешественники, горожане, разбойники. Речь идет о широко распространенном общедоступном народном оружии, которым в силу его универсальности могли пользоваться и профессиональные воины, подчас высокого ранга.

Высказано утверждение, что кистень не мог быть эффективным оружием в бою особенно против защищенного броней противника и, что в местностях на севере Руси нахождение кистеней отражало преобладание пехотных соединений (Крыганов 1982: 68; Артемьев 1990: 12, 13). В реальной воинской практике дело обстояло сложнее. Как показывает набор воинского снаряжения в погребении из Таганчи Киевской области кистенями владел и тяжеловооруженный боец. Почти половина всех найденных на Руси кистеней оказались в Киевской области, особенно в Поросье. В этих местах в XII — первой половине XIII в. развертывались конные бои между русскими, их союзниками черными клобуками и степными кочевниками. В этих схватках не только булавы, но и кистени, видимо, находили свое применение. Неслучайно в Киеве был изобретен украшенный кистень, предназначавшийся, конечно, не столько для рядового горожанина, сколько для конного воина-профессионала. Очевидно, в составе средневековых войск как на юге, так и на севере Руси боролись люди в разной степени защищенные доспехом, что делало возможным массовое применение и ударных средств (как на древках, так и на ремнях). Более частные находки кистеней, чем булав в Новгороде скорее всего отражают невоенную обстановку, а именно оснащение горожан удобным «карманным», дорожным оружием. Характерными в этом отношении оказались также находки более чем 30 наверший булав на о. Готланд. Многие из них явно новгородского происхождения и предназначались, вероятно, не для конных, а для пеших воинов, а также местных жителей, не исключая новгородских гостей — купцов и корабельщиков.

- Каргопольцев, С. Ю., В. Н. Седых.* 1995. Находка на юге Ижорского плато // Древности Северо-Запада России. Санкт-Петербург.
- Кирпичников, А. Н.* 1966. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX-XIII вв. // Свод археологических источников Е 1-36/2. Москва-Ленинград.
1976. Военное дело на Руси в XII-XV вв. Ленинград.
- Крыганов, А. В.* 1982. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // Советская археология 2: 66-68.
- Кундеревич, Ф. Ф.* Описание собрания памятников материальной культуры, найденных на Украине // Рукопись. Национальный музей истории Украины.
- Хойновский, И.* 1896. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси. Киев.
- Chojnowski, J.* 1904. Słowianie w czasach przedhistorycznych. Wyd. II. Warszawa.
- Kaczyński, M.* 1973. W siedemdziesiątą rocznicę otwarcia wystawy zbiorów Jozefa Chojnowskiego w Warszawskiej «Zachęcie». Wiadomości Archeologiczne XXXVIII, zes. 2: 139-159. Warszawa.
- László, K.* 1972. A Magyar nemzeti múzeum fegyvertárának XI-XVI // Folia Archaeologica XXII. Budapest.
- Nadolski, A.* 1954. Studia nad uzbrojeniem Polskim w X, XI i XII wieku. Łódź.
- Sandstedt, F.* 1992. «Hafdi kylfu stóra i hendi» – Ett bidrag till kunskapen om den tidigmedeltida stridsklubban // Meddelande 52 från Armeemuseum. Stockholm.
- Spinei, V.* 1986. Moldavia in the 11th-14th centuries. Budapest.

MACES AND WAR-FLAILS FROM CHOJNOVSKY'S COLLECTION IN THE MUSEUM OF THE WOJSKO POLSKE

A. N. KIRPICHNIKOV

In 1902 I. Chojnovsky, a Kiev gatherer of antiquities, brought his huge and very precious collection of antiques from Kiev to Warsaw. After the death of the collector (Kiev, 1919) the weapons belonging to his collection passed in 1919 and 1923 from the National Museum of Warsaw to the Museum of the Wojsko Polsko (Polish Armed Forces) where they are preserved till present. In 1966, during my studies in the Museum of the Wojsko Polsko I had a kind permission to examine the finds from Chojnovsky's collection. The index cards and archive evidence enabled us to document more precisely some objects and to study four bronze and one iron maces, as well as seven bronze war-flails from Kiev.

The objects under discussion included: two maces with 12 pyramidal spikes (Kiev?, Khmel'naya in the former Kiev Province, fig. 1: 1, 2), one mace-head of rounded form with the facets that looked like if filed down (the former Kiev Province, fig. 1: 5), a mace-head having six figured facets (Khmel'naya in the former Kiev Province; this is one of the earliest maces known in Europe; fig. 1: 6).

Among the war-flails there were four of globular or oblong rounded form (the former Kiev Province including Tagancha and Knyazha Gora, figs. 2: 1, 4), two pear-shaped specimens with niello patterns on the facial surfaces in form of bands and volutes (Kiev and the former Kiev Province, figs. 2: 2, 3), and finally a specimen in form of cube with truncated corners (Knyazha Gora of the former Kiev Province, fig. 2: 7).

Most of the maces and war-flails described have ancient Russian parallels made in Kiev and other South-Russian towns in the second half of the 12th – first half of the 13th century. The pear-shaped war-flails are a South-Russian invention of the pre-Mongolian period. The striking weapons discussed were used both by mounted and unmounted warriors to stun the enemy in close fight and neutralize him but not necessarily to kill.

In general, the weapons from Chojnovsky's collection which include also swords, spear-heads, arrow-heads, and war-axes, present a valuable and almost unstudied source for the investigation of arms of the pre-Mongolian Rus.

ПРОКОЛКИ

(хронология и функциональное назначение)

Л. И. СМЕРНОВА¹

В археологическом вещеведении существует целый ряд терминов, привычно приложимых к исключительно широким категориям находок, охватывающим порой весьма разнообразные по своему функциональному назначению предметы. В силу относительно слабой изученности изделий из костных материалов, эта проблема ощущается особо остро при характеристике коллекций находок из кости, плотного рога оленей, моржового или слоновьего бивня. Мнение о том, что отдельные термины не вполне удачные, кажется, разделяют большинство археологов. Кто из нас не задавал себе вопроса, скажем, навершием чего являются так называемые навершия? Или же, что прокалывали так называемыми проколками?

Совершенно очевидно, что изначально причиной объединения находок в одну категорию чаще всего служили некие формальные морфологические признаки поделок. Так, руководствуясь наличием определенных конструктивных деталей, все объемные предметы со сквозным ли гнездовым отверстием для насада относили, как правило, к категории наверший. И если на начальном этапе систематических археологических исследований древнерусских городов особых проблем не возникало, то уже к началу 70-х гг. только объем накопленного материала из культурного слоя Новгорода превратил отдельные категории в аморфные группы формально объединенных изделий разнообразного функционального назначения, что уже не могло удовлетворять специалистов, изучающих вещевые коллекции.

За последние десять лет появилось немало работ, уточняющих функциональное назначение отдельных групп поделок в рамках изначально туманных категорий. Так, Г. Е. Дубровин убедительно атрибутировал «навершия» в виде зооморфных птичьих головок, которые древние мастера воспроизводили в дереве, металле, лосяном роге и моржовом клыке, как детали, завершающие рукояти плетей (Дубровин 1989: 62-64). П. Г. Гайдуков, Н. А. Макаров и Л. И. Смирнова вслед И. Захриссон вычленили из аморфной категории «наверший» томары, тупые наконечники стрел для охоты на пушного зверя

и боровую птицу (Zachrisson 1976: 117-120; Гайдуков, Макаров 1993: 179-188; Смирнова 1994: 143-156).

Категория так называемых проколов до настоящего времени не была удостоена специального исследования. Она объединяет более тысячи простых по виду поделок, все многообразие форм которых сводится к заостренному стержню с более или менее выраженной головкой. За редким исключением для изготовления «прокол» отбирались специфические кости домашних и иногда диких животных подходящего размера и формы. Один из эпифизов кости отсекался, другой использовался в качестве головки изделия, в то время как заостренный в торце диафиз служил основным рабочим инструментом. Не претендуя на окончательное решение проблемы разделения этого объединения на более мелкие категории предметов, выделяемые по их функциональному назначению, целью этой статьи является попытка пролить свет на использование по крайней мере некоторых из них.

Прежде всего, представим себе, какого рода операции можно производить заостренным орудием: прокалывание (функция иглы); закрепление (функция булавки); плетение/распутывание (функция кочедыка).

Кажется, сама базовая форма предмета предполагает его многофункциональность. Очевидно, что один и тот же предмет вполне мог быть многофункциональным, но отвлекаясь от базовой формы и концентрируя внимание на особенностях и специфических деталях конструкции отдельных поделок, мы можем достаточно точно определять основную функцию находок рассматриваемой группы. Важным моментом является также наблюдение за характером сработанности поделки. В силу природных свойств костных материалов многократное тесное трение о кожу или ткани растительного и животного происхождения, что имеет место при любом действии в рамках возможных функций заостренным костяным предметом, приводит к тому же эффекту, что и намеренное полирование. Однако ареал рабочей поверхности может быть ограниченным заостренным

¹Россия. 117036. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН.

концом или распространяться на весь стержень в зависимости от преобладающей функции конкретного предмета.

С целью попытаться разграничить функциональное назначение так называемых проколов была создана база данных по новгородским находкам этой группы, которая помимо полевых и архивных характеристик включает также остеологические определения и данные по морфологическим особенностям каждой поделки. Анализ материалов, вошедших в базу данных, подкрепленный изучением аналогичных предметов в коллекциях ряда других европейских памятников, позволил выделить две основные функциональные группы.

Булавки. К категории булавок для одежды относятся поделки из фибульных (малых берцовых) костей свиньи. Сама природная форма этой кости исключительно подходит для изготовления булавок (рис. 1: а, в). Слегка уплощенный диафиз одновременно и достаточно тонок для того без значительных усилий быть преобразованным в заостренный стержень булавки, и чрезвычайно прочен, чтобы испытывать механические нагрузки. Близ эпифизов диафиз расширяется раструбообразно, подсылая форму подтреугольной головки. У молодых особей эпифизы хрящевидные, они не успевают окостенеть и прирасти к диафизу и легко отделяются, оставляя практически плоский торец по концам диафиза. Оба конца имеют характерные отличительные особенности и образуют естественную головку булавки. В новгородском культурном слое собрано около 400 находок этой группы, что составляет более четверти всех так называемых проколов. За редким исключением дистальный конец диафиза кости служит головкой булавки. Примерно три четверти всех булавок из фибульных костей молодых свиней имеют головку естественной формы, которая либо лишь немного подточена с торца с целью сглаживания небольших неровностей поверхности, по которой происходит срастание диафиза и эпифиза (около 40%), либо не имеет никаких следов обработки вообще (примерно 60%) (рис. 1: 2). У сравнительно небольшого числа булавок (немногим менее четверти) дистальный конец эпифиза преобразован в головку подпрямоугольной, округлой или более замысловатой фигурной формы. В головке описываемых булавок может быть одно или несколько отверстий (рис. 1: 1, 3), однако, эти отверстия зафиксированы не более, чем у трети поделок. В зарубежной археологической литературе существуют две основные трактовки функционального назначения заостренных изделий из малых берцовых костей свиньи. Часть исследователей называют иглами те находки, которые имеют

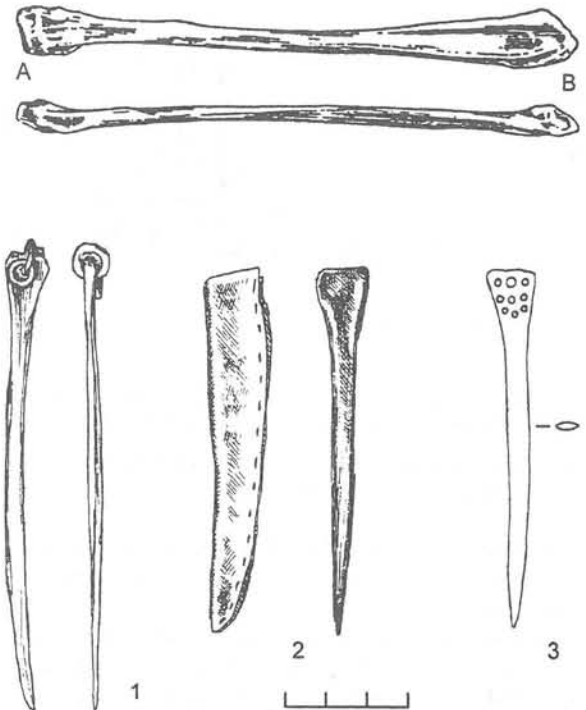

Рис. 1 Булавки из малых берцовых (фибульных) костей свиньи.

Fig. 1 Pig fibular pins.

отверстие в головке (Brodribb, Hands, Walker 1972; Hamilton 1956; Harnett, Eogan 1964: 1-37). К. Амброзиани предположила, что булавки рассматриваемой группы могли использоваться для плетения сетей (Ambrosiani 1981: 136). Однако основная часть специалистов разделяет мнение Артура МакГрегора о том, что главным назначением этих предметов было скрепление деталей одежды. Булавки с отверстиями, по мнению ученого, считать иглами неправильно, поскольку отверстия не имеют как правило никаких следов изнашивания и чаще встречаются на образованных природным расширением кости подтреугольных головках, которые крайне неудобны для использования в качестве иглы (MacGregor 1982: 91-92; 1985: 120-121). Отверстие же в головке булавок могло служить, например, для привязывания шнура, конец которого обматывался вокруг стержня, образуя примитивную английскую булавку. Подобная манера ношения булавок была прослежена по материалам раннехристианского времени в Ирландии (Hencken 1938; 1950: 1-247). Другая мода была распространена в Северной Европе в эпоху переселения народов. Булавки носились парами и скрепляли одежду на обоих плечах, о чем свидетельствуют материалы из некоторых ингумаций этого

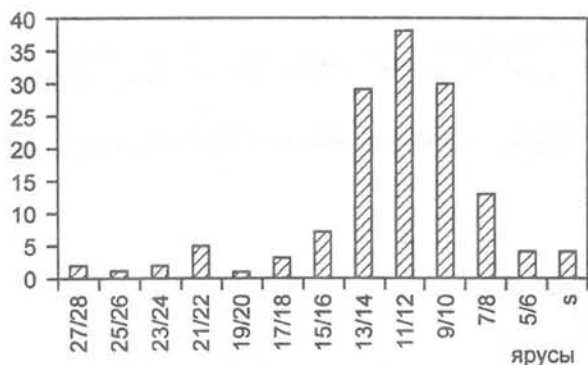

Рис. 2 Хронология булавок из фибульных костей свиньи (по материалам Неревского раскопа).

Fig. 2 Chronological distribution of pig fibula pins (on the evidence from Nerevsky site).

времени (Nergman 1935: fig. 108). Не исключено, что они соединялись друг с другом шнурком или цепочкой.

Время бытования булавок из фибульных костей свиньи на громадном пространстве Северной Европы охватывает хронологически продолжительный период от раннего железного века до средневековья. В Новгородском культурном слое такие булавки встречаются с древнейших напластований до наиболее поздних комплексов, но представлены они в различных горизонтах весьма неравномерно. На рис. 2 показано распределение находок булавок по ярусам Неревского раскопа. Очевидно, что наибольшее число находок приходится на 9-14 ярусы, что соответствует отрезку времени со второй трети XIII — до конца второй трети XIV в. Пик популярности этих простых

поделок приходится на 11-12 ярусы (последние десятилетия XIII — начало XIV в.). Аналогичный рисунок хронологического распределения булавок из фибул свиньи прослежен на материалах Троицкого, Федоровского, Ильинского и Нутного раскопов, давших статистически представительные серии находок. Характерно, что период наивысшей популярности булавок демонстрирует и большее разнообразие формы головки. Евли вне данного хронологического периода головки булавок исключительно природной формы, то в его пределах мы наблюдаем попытки преобразования дистального конца диафиза кости в головку округлой, подпрямоугольной и фигурной формы. Единичные случаи сохранения фрагментов цепочки или бубенчиков, прикрепленных к головкам, подтверждают функциональное назначение данных поделок как одежных булавок (рис. 1: 1).

Заостренные орудия из костей животных (проколки). Огромный массив простейших заостренных предметов из костей животных объединяет 633 находки из Новгорода. Лишь 7 предметов данной группы сделаны из плотного рога оленей. Чаще всего для изготовления поделок использовались определенные элементы костяка животных, природная форма которых требовала лишь минимальных усилий по заострению диафиза кости для преобразования ее в простейшее орудие, эпифиз использовался при этом в качестве рукояти. Длина такого орудия в среднем составляет 7-10 см. Принципиально важной особенностью так называемых «классических проколок» является то, что рабочая поверхность орудия ограничивается самым кончиком острия, который имеет характерное заложение. За редчайшим иск-

Таблица 1: Распределение орудий из заостренных костей животных по породам
Table 1: Distribution of bone pointed tools according to quota of different species

	Метаподия	Периф. метаподия	Бедро	Б. берцовая	Локтевая	Лучевая	Плечевая	Неизв. кость	Остатки	Всего	Прим. число особей
Коза/овца	124			49	2	10				185	31
Лошадь	25	150						1		176	1
Собака			3	13	25	10	2		1	54	13
Лось		23								23	3
Кр. рог. скот	12									12	1
Свинья	2			5	1					8	3
Волк					1	2				3	1
Зяц				2						2	1
Крупн. птица				1				1		2	1
Медведь									1	1	1
Сом								1		1	1
Итого	39	173	3	21	29	22	2	3	2	467	75

Таблица 2: Распределение заостренных орудий из костей животных по раскопам в Новгороде
 Table 2: Distribution of bone pointed tools on different sites of Novgorod

Раскоп	Тр.	Нер.	Ильинск.	Мих.	Буян.	Козмо-дем.	Дуб.	Людогощ.	Фед.	Σ
Кол-во	367	242	10	4	3	2	2	2	1	633

лючением в головке (рукоятки) нет никаких отверстий для подвешивания. Остеологические и фаунистические определения удалось провести для большей части поделок. Результаты остеологического анализа, представленные в таблице 1, наглядно демонстрируют осознанный отбор легко доступных костей подходящего размера и формы, позволяющих изготовить теребуемый предмет быстро и с минимумом усилий.

Очевидно, что искомые кости наиболее хорошо представлены в костяках фивотных среднего размера (коза, овца, свинья, собака). Примерно пятая часть фаунистически и остеологически неопределимых орудий сделаны из костей животных размером с козу-свинью-собаку (табл. 1). Кости крупных животных (лошадь, крупный рогатый скот) в целом были менее предпочтительны, ибо для изготовления данных орудий требовались несравненно большие усилия по раскалыванию массивных трубчатых костей. Характерно, что среди остеологически неопределимых поделок (167 находок) 94 сделаны из компактного материала трубчатых костей крупных животных. Однако в костяке лошадей и лосей есть кости исключительно удобные по размеру и форме для изготовления поделок рассматриваемой группы. Периферийные метаподии (грифельные кости), которые представлены у каждой особи 8 экземплярами (по 2 на каждую конечность) легко отделяются, и даже без подработки являются собой настолько совершенную форму «проколки», что часто ошибочно приписываются к числу изделий (рис. 3: 1). Так, 46 единиц хранения археологических фондов Новгородского государственного музея-заповедника, числящиеся проколками, определены как периферийные метаподии лошади без следов обработки и не включены в рассматриваемую выборку. Несомненные орудия из грифельных костей лошадей абсолютно преобладают среди поделок из прочих костей этих фивотных (рис. 3: 2). Из грифельных костей лосей, природно изогнутых изготавливали также кочедыки, которые отличаются от изделий данной группы линзовидной формой сечения рабочей части, плавно заостряющиеся к концу.

В зависимости от того, как представлены различные элементы костяка животного в нашей выботке заостренных орудий, мы рассчитали примерное количество особей каждого вида, послуживших источником костного сырья (табл. 1). Эти данные легли в основу графа относительной значимости животных разных

видов для отбора сырья для «проколки» (рис. 4). Что же касается самого костного материала, то грифельные кости (преимущественно лошади) и метаподии (главным образом овцы или козы) по размеру и подходящей форме эпифизов идеально подходили для преобразования в заостренные орудия, а посему несомненно систематически отбирался (рис. 3: 3, 4; 5). Заметные доли составили большие берцовые, лучевые и локтевые кости животных среднего размера (коза/овца/свинья/собака). На прочие элементы костяка животных приходится лишь 2% остеологически определимых находок данной группы. Совершенно очевидно, что домашние животные представляли собой главный источник сырья для поделок, однако, подходящие кости диких животных использовали активно, когда представлялась возможность. Среди экзотических костей, использованных для изготовления заостренных предметов, — шиповидный грудной плавник сома, а также остпенисы медведя и собаки.

Хронология находок описываемой группы исключительно любопытна. Полигон распределения «проколки» по ярусам Неревского раскопа (рис. 6) показывает, что наибольшее число поделок происходит из самых древнейших горизонтов X века. Количество находок плавно убывает на протяжении XI века и резко падает в последней четверти XI — начале XII века (21-22 ярусы). Уже с первой половины XII века фиксируются лишь единичные «проколки». Лишь 12% неревских находок датированы временем позднее X-XI вв.

Весьма показательное распределение коллекции по новгородским раскопам (табл. 2). Заостренные орудия встречены только на трех раскопах, где прослежены слои по крайней мере XI века или рубежа XI-XII вв., а на участках со слоями X века они являются массовыми находками. Последнее обстоятельство имеет принципиально важное значение, ибо ранних датируемых находок сравнительно мало, а к датируемым находкам массового характера могут быть отнесены, пожалуй, только бусы и односторонние составные гребни.

В напластованиях других городских и протогородских центров Древней Руси аналогичные предметы также находят преимущественно в слоях IX-XI вв. Они хорошо представлены в материалах Старой Ладуги (Давидан 1966: 104-111), Гнездовского (Пушкина 1993: 57-67) и Рюрикова (Носов 1990: 71, рис. 28: 7-9) городищ, в нижних горизонтах Белоозера (Голубева

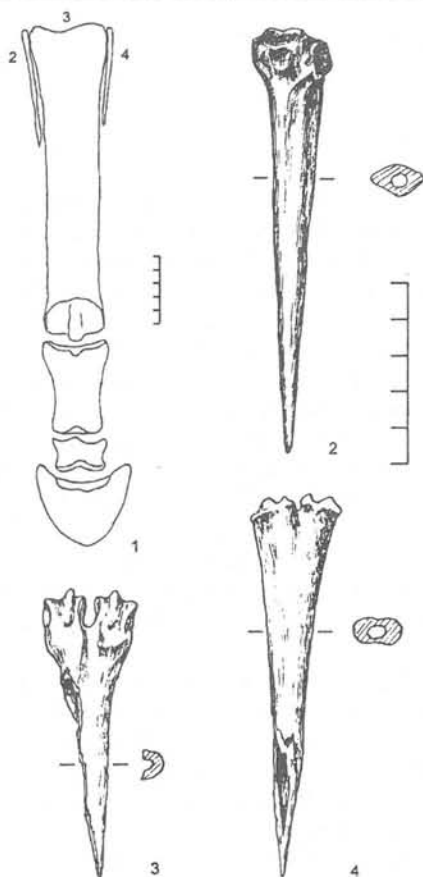

Рис. 3 «Проколки».

Fig. 3 So-called piercing tools.

1973: 169-175) и Новгородка (Гуревич 1981: 19-31). Известны они и на синхронных сельских поселениях.

Не менее важен и вопрос о функциональном назначении рассматриваемых орудий. Рисунок хронологического распределения данных предметов в культурных напластованиях Новгорода и других средневековых памятников поднимает вопрос о некой хозяйственной активности, которая заметно сократилась к началу XII века. Если заостренные костяные орудия использовались как прокалывающий инструмент по коже или шкуре, тогда совершенно необъясним факт решительного и резкого отказа использовать эти орудия для аналогичных целей в дальнейшем. Можно было бы предположить, что какой-нибудь другой, более эффективный в работе предмет стал использоваться вместо рассматриваемых костяных изделий, но мы также не знаем ни одного орудия из кости или другого материала, который можно было бы считать преемником костяной проколки в такого рода деятельности. Вместе с тем, то обстоятельство, что костяные инструменты довольно равномерно распределяются по городским усадьбам, исследованным в пределах раскопов, указывает на некий жизненно важный для

древнего горожанина вид домашней хозяйственной деятельности.

Одной из самых приемлемых убедительных трактовок функционального назначения костяных «проколок» является интерпретация их как орудий ткача, используемых для подбивания нитей утка к нитям основы (pin-beaters — *англ.*). Со времени выхода в свет в 1964 году фундаментальной работы норвежской исследовательницы Марты Хоффманн, посвященной истории вертикального ткацкого станка (Hoffmann 1964), эта точка зрения прочно закрепилась в европейской археологической литературе. Следы заложения в области заостренного конца новгородских поделок вполне объяснимы в свете данной теории. Термин «проколка» для подобных орудий не вполне удачен, по причине его широчайшего распространения может быть сохранен при соответственных поправках к его интерпретации. Орудия для подбивания нитей необходимы только при работе на вертикальном ткацком станке, что определяет его конструкцию.

Конструкция вертикального ткацкого станка предельно проста и состоит из установленной под углом к вертикальной основе рамы, образованной парой стоек и перекладин. На верхней, сменной, перекладине закрепляются нити основы, удерживаемые в натянутом состоянии грузиками, привязанными к их концам; стационарно закрепленная нижняя перекладина отделяет часть нитей основы в определенной последовательности. Оставшиеся нити подвязываются подвижными петлями к горизонтальной рейке, с помощью которой они могут быть приподняты в целях создания пространства для продевания нити утка (рис. 7: 1). Ткачиха, а работа на вертикальном ткацком станке подобного типа согласно сохранившимся средневековым изображениям традиционно считается женским занятием, работает стоя и ткёт полотно сверху вниз. Операция подбивания нитей могла осуществляться деревянным мечевидным инструментом, но более деликатные приемы уплотнения нитей требовали применения небольших заостренных орудий. Тот факт, что именно такие орудия представлены в основном в археологическом материале, объясняется попросту тем, что потерять мелкий инструмент было весьма просто, а для замены ему не требовалось серьезных усилий. М. Хоффманн предложила и другие мелкие функции костяных острий при работе на станке данного типа (Hoffmann 1964: 127, 135-136, 320). В силу исключительной простоты в работе вертикальный ткацкий станок мог быть в любом хозяйстве для домашних нужд. Вместе с тем и высококачественные ткани также могли быть изготовлены на таких же станках. Конструкция была

Рис. 4 Соотношение видов животных в костном сырье для проколов.

Fig. 4 Quota of different species in raw material for «piercing tools».

разборной, быстро и легко монтировалась и при работе не требовала много места в доме. Определенным недостатком ее были лишь известные ограничения в длине полотна и скорости работы.

Вертикальный ткацкий станок с одной фиксированной переключиной и грузиками для натяжения нитей основы нельзя путать с вертикальным узким ткацким станком с двумя фиксированными переключинами, который использовался в основном мастерами, изготавливавшими высокохудожественные ковры, покрывала, гобелены (рис. 7: 3) (Walton 1991: 329-330, Fig. 170; Keene 1990: 205, Fig 42b; Crowfoot, Pritchard, Staniland 1992: 21, Fig. 4). На миниатюре из итальянской рукописи 1023 г., проиллюстрированной Б. А. Колчиным, изображен именно такой станок (Колчин 1968: 72, рис. 58: 2).

Изобретение горизонтального ткацкого станка с ножным приводом было явлением поистине революционным. Вытканное за несравненно более короткий срок полотно было гораздо длиннее. Современные эксперименты показали, что скорость работы на горизонтальном ткацком станке в 6 раз превышает скорость работы на вертикальном станке (Nahlik 1965: 100). Принципиальным конструктивным отличием горизонтального ткацкого станка была система педалей (подножек) и блоков для приподнимания нитей основы, закрепленных на осях (ниченках), и специальное решетчатое устройство распределяющее равномерно нити основы и плавно и эффективно прижимающее нить утка (рис. 7: 2). Последняя деталь заменяла в новой конструкции функцию разнообразных приспособлений, подбивающих нити при работе на вертикальном ткацком станке, среди которых самыми многочисленными были костяные острия. Сфера применения орудий резко

Рис. 5 Остеологические определения проколов.

Fig. 5 Osteological identifications of «Piercing tools».

сокращается. Они продолжают использоваться при работе на упомянутых выше вертикальных станках профессиональных мастеров гобеленого дела, да и обычный вертикальный станок не исчезает совершенно, а лишь теряет былое значение и ограничивается рамками малопродуктивной домашней деятельности.

Вопрос о времени появления горизонтального ткацкого станка в городских центрах Европы дискутировался в исторической и археологической литературе в 60-х — начале 90-х гг. Вплоть до середины 60-х годов доминировала точка зрения о том, что горизонтальный ткацкий станок появляется в городских центрах Западной Европы примерно на рубеже XII-XIII вв. (Patterson 1956: 212; Колчин 1968: 71-72). Наиболее ранние изображения горизонтального ткацкого станка в рукописных документах датированы временем не ранее начала XIII в. (Carus-Wilson 1969: 164). Археологические находки деревянных деталей горизонтального ткацкого станка в силу плохой сохранности дерева в напластованиях средневековых городов исключительно редки. Опубликованные Б. А. Колчиным находки из Новгорода датированы временем не ранее XIII в. (Колчин 1968: 68-71). Однако, отсутствие деталей, описанных исследователем, в напластованиях более раннего времени не обязательно свидетельствует о том, что станок не был знаком новгородцам. В отличие от вертикального ткацкого станка, несомненно знакомого каждой хозяйке, изготавливавшей полотно для нужд семьи, горизонтальный ткацкий станок был принадлежностью ремесленника-профессионала, обслуживавшего гораздо более широкий круг потребителей его продукции. Абсолютно очевидно, что такие станки были, во-первых, относительно редки, во-вторых, служили долго и использовались бережно, а посему время выпадания

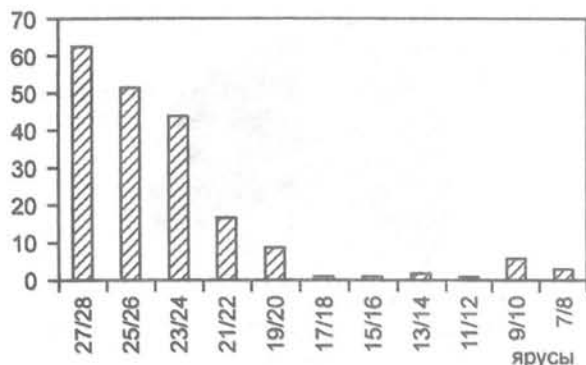

Рис. 6 Хронология заостренных орудий из костей животных (по материалам Неревского раскопа).

Fig. 6 Chronological distribution of bone pointed tools (on the evidence from Nerevsky site).

деталей в культурные слои должно значительно запаздывать по сравнению со временем их появления в отдельных усадебных комплексах, где могла осуществляться ремесленная деятельность.

Большинство западноевропейских археологов признают сейчас, что профессиональный ткацкий станок с ножным приводом получает распространение в Европе уже по крайней мере в XI веке, это совпадает по времени с появлением первых крупных центров текстильной индустрии в Северной Франции, Фландрии и Англии (Carus-Wilson 1969: 163; Walton 1991: 327-329). Единственный в своем роде письменный источник, подтверждающий эту дату, происходит из Франции. Это знаменитый комментарий к Талмуду, составленный раввином Соломоном Раши из Труа, обычно называемым просто Раши. Практически всю свою жизнь Соломон Раши прожил во Франции (1040-1105) и традиционно считается очень аккуратным комментатором. Комментируя обсуждаемый в Талмуде вопрос о том, какого рода деятельность (в связи с ткачеством) запрещена во время Шаббата, он описывает, вдаваясь в технологические детали, работу женщин на вертикальном ткацком станке и работу мужчин, профессиональных ткачей на горизонтальном станке. Очевидно, что комментатор говорит не только о том, что видел сам, но и что было также хорошо известно его читателям (The Babylonian Talmud, Tractat Shabbat 105a, цит. по Carus-Wilson 1969: 165). Свидетельства источника исключительно важны, поскольку достоверно фиксируют широкое распространение горизонтального ткацкого, используемого профессиональными ткачами, в XI в. и сохранение значения вертикального ткацкого

станка, на котором женщины ткали полотно для домашних нужд.

Археологические данные весьма немногочисленны. Самые древние деревянные детали горизонтального ткацкого станка происходит из напластований XI в. в Хедебю и Гданьске (Nyberg 1984: 145-150; Kaminska, Nahlik 1960: 93-97). Деталь ремизного аппарата найдены в Йорке (Morris 1984: Note 46, T130) и в Бергене (Øye 1988: 73-75) в слоях XII-XIII вв. Однако в целом ряде случаев время появления профессионального станка в крупных текстильных центрах оценивается не столько по наличию в соответствующих слоях деталей горизонтального ткацкого станка, сколько по отсутствию в достаточном количестве деталей или приспособлений, связанных с работой на вертикальном ткацком станке. Так Дерек Кин на основе анализа материалов из раннесредневековых напластований Винчестера высказал мнение о широком использовании горизонтального станка в XII в.; время же появления данной технологической инновации в этом крупном текстильном центре Англии относится исследователем к XI в. (если не ранее) (Keene 1990: 205-206). Такой подход нам представляется весьма продуктивным. Действительно, принимая во внимание явный недостаток археологических источников для решения столь принципиального вопроса, мы должны учитывать все имеющиеся данные.

Очевидно, что оба вида станка сосуществуют довольно продолжительное время. Этнографические образцы вертикальных ткацких станков сохранились в некоторых фермерских хозяйствах островной Норвегии и Фарерских островов вплоть до конца второй мировой войны (Hofmann 1964: 39, fig. 14; 47)¹. Освоение горизонтального ткацкого станка, вместе с тем, неизбежно так заметно сокращало масштабы использования вертикальных ткацких станков, что в городских материалах это должно находить отражение. Если же мы попытаемся вычлнить в культурном слое материальные остатки вертикальных ткацких станков, то набор искоемых категорий ограничится грузиками для натягивания нитей основы и орудиями для подбивания нитей. Первые вычлнить довольно трудно, ибо вопреки распространенному мнению об изготовлении их исключительно из глины, они могут быть воспроизведены и в камне, а поэтому практически неотличимы от грузил рыболовных сетей. Среди второй группы мечевидные и кинжаловидные деревянные орудия крайне редки даже в напластованиях средневековых городов.

В данном случае новгородские находки приобретают исключительно важное значение.

¹Этнографический ткацкий станок с Фарерских островов выставлен в экспозиции Национального музея в Копенгагене.

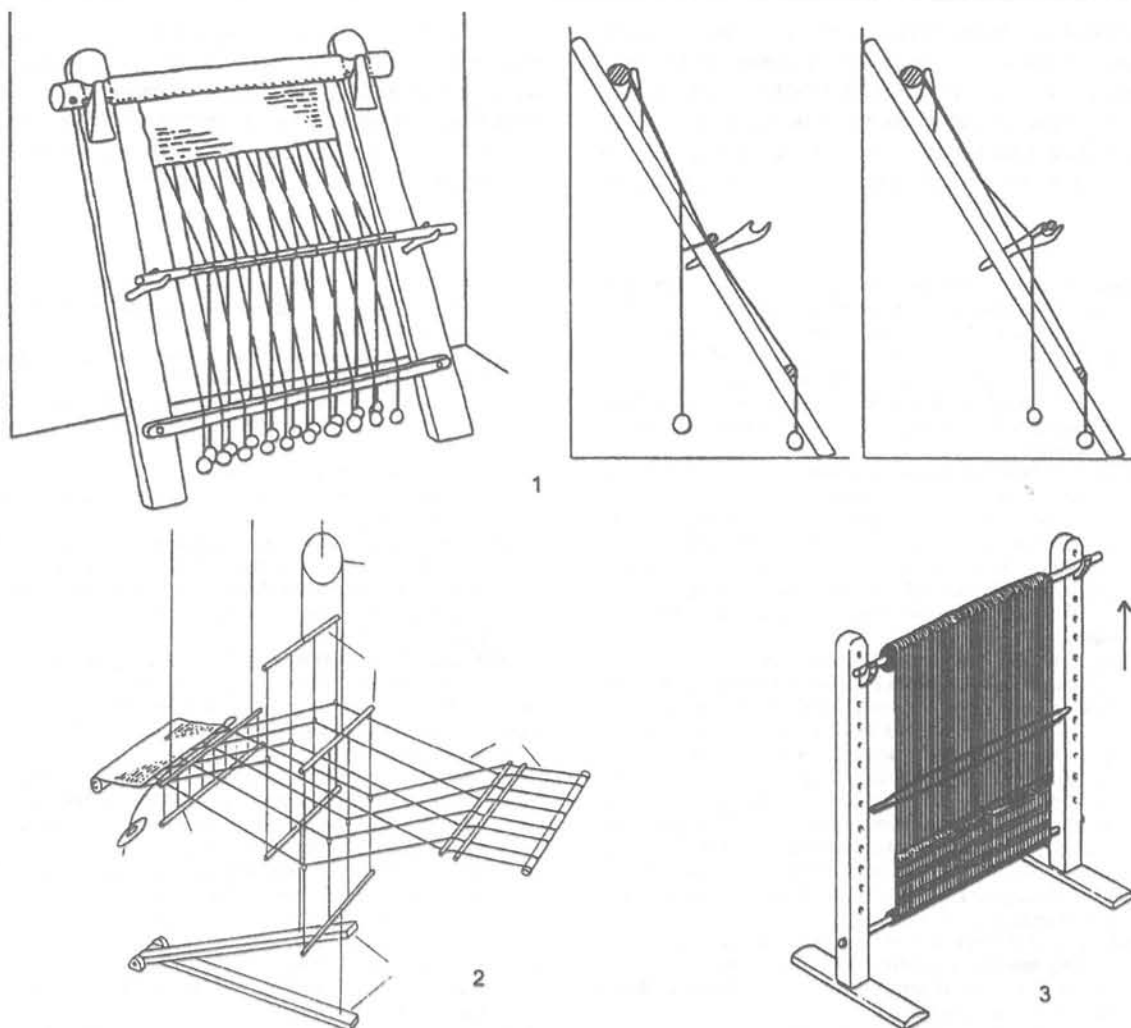

Рис. 71, 2 – вертикальный и горизонтальный ткацкий станок (по П. Уолтон, 1991); 3 – вертикальный ткацкий станок с двумя перекладинами (по Д. Кин, 1990).

Fig. 71, 2 – warp-weighted and horizontal looms (after P. Walton, 1991); 3 – loom with two beams (after D. Keene, 1990).

Никакой другой городской центр средневековой Европы не может сравниться с Новгородом по масштабам исследования напластований X–XII вв., а также степенью сохранности органических остатков. Костяные острия из культурного слоя Новгорода статистически представительны. Заметное сокращение их к рубежу XI–XII вв. вполне может отражать распространение технологических инноваций в сфере городского ткачества. Деревянные мечи, традиционно считающиеся детской игрушкой, находят в Новгороде и других городских памятниках Древней Руси преимущественно в слоях X–XI вв. (Рыбина, Розенфельд 1997: 115). Не исключено, что эти изделия также нужно связывать с работой на вертикальном ткацком станке, а заметное сокращение количества находок в более поздних слоях объяснять распространением горизонтального станка. По крайней мере деревянные мечи идеально

соответствуют по форме орудиям, изображенным на довольно многочисленных средневековых миниатюрах. Другим аргументом в пользу иной трактовки деревянных мечей является тот факт, что подавляющее большинство находок имеют облом чуть выше рукояти, что труднообъяснимо, если мы имеем дело с деревянной игрушкой. Характер нагрузок, прилагаемых при подбивании нитей утка, должен неизбежно вызывать облом в области рукояти. Дополнительным аргументом в пользу теории вытеснения вертикального станка из сферы профессионального ремесленного производства на рубеже XI–XII вв. являются данные А. Нахлик о том, что немногочисленные фрагменты тканей с четким признаком изготовления на вертикальном ткацком станке обнаружены только в 28, 27, 20 и 18 ярусах Неревского раскопа (X–XII вв.) (Нахлик 1963; Колчин 1968: 68).

Изучение одной категории массовых находок неожиданно приводит к исследованию гораздо более широких проблем развития и становления ремесла в европейских средневековых городах. Как уже не раз было прослежено, именно с XII в. начинается история стационарного

городского ремесла, обусловленного ростом населения городов. Продукция городских ремесленников начинает удовлетворять основные потребности населения и постепенно вытесняет малопрофессиональные изделия на уровне домашних хозяйственных занятий.

- Гайдуков, П. Г., Н. А. Макаров. 1993. Новые археологические материалы о пушном промысле в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология 7: 179-188. Новгород.
- Голубева, Л. А. 1973. Вещь и славяне на Белом озере. Москва.
- Гуревич, Ф. Д. 1981. Древний Новогрудок. Ленинград.
- Давидан, О. И. 1966. Староладожские изделия из кости и рога // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 8: 104-111. Ленинград.
- Дубровин, Г. Е. 1989. Зооморфные деревянные навершия // Новгород и Новгородская земля. История и археология 2: 62-64. Новгород.
- Колчин, Б. А. 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия // Свод археологических источников Е 1-55. Москва.
- Нахлик, А. 1963. Ткани Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР 123: 228-296. Москва: Наука.
- Носов, Е. Н. 1990. Новгородское (Юриково) городище. Ленинград: Наука.
- Пушкина, Т. А. 1993. Изделия косторезного ремесла из Гнездова // Средневековые древности Восточной Европы. Труды Государственного исторического музея 82: 57-67. Москва.
- Рыбина, Е. А., Р. Л. Розенфельд. 1997. Игры взрослых и детей // Б. А. Колчин, Т. И. Макарова (ред.). Древняя Русь. Быт и культура. Археология с древнейших времен до средневековья. Москва.
- Смирнова, Л. И. 1994. Еще раз о тупых стрелах. (К вопросу об охотничьем промысле в средневековом Новгороде) // Новгород и Новгородская земля. История и археология 8: 143-156. Новгород.
- Ambrosiani, K. 1981. Viking Age Combs, Comb Making and Comb Makers in the Light of Finds from Birka and Ribe // Stockholm Studies in Archaeology 2: 136. Stockholm.
- Brodribb, A. C., A. R. Hands, D. R. Walker. 1972. Excavations at Shakenok Farm, near Wilcote, Oxfordshire 3 Site F. Oxford.
- Carus-Wilson, E. M. 1969. Haberges: A Medieval Textile Conundrum // Medieval Archaeology XIII.
- Crowfoot, E., F. Pritchard, K. Staniland. 1992. Textiles and clothing, c.1150-c.1450. // Medieval Finds from Excavations in London 4. London.
- Hamilton, J. R. C. 1956. Excavations at Jarlshof, Shetland. Edinburgh.
- Harnett, P. J., G. Eogan. 1964. Feltrim Hill, Co. Dublin: a Neolithic and Early Christian site // Journal of the Royal Society of Antiquaries of Ireland 93: 1-37. Dublin.
- Hencken, H. O'N. 1938. Cahercommaun, a Stone Fort in County Clare. Dublin: Royal Society of Antiquaries of Ireland.
1950. Lagore Crannog: an Irish royal residence of the 7th to 10th centuries A.D. // Proceedings of the Royal Irish Academy 53C: 1-247. Dublin.
- Hoffmann, M. 1964. The Warp-Weighted Loom. Oslo.
- Kaminska, J., A. Nahlik. 1960. L'Industrie Textile en Pologne // Archaeologia Polona III: 93-97.
- Keene, D. 1990. Textile Manufacture // M. Biddle. Object and Economy in Medieval Winchester. Winchester Studies 7/II. Oxford.
- MacGregor, A. 1982. Anglo-Scandinavian Finds from Lloyds Bank, Pavement and Other Sites // The Archaeology of York. The Small Finds 17/3: 91-92. York.
1985. Bone, Antler, Ivory & Horn: The Technology of Skeletal Materials Since the Roman Period: 120-121. London.
- Morris, C. 1984. Woodworking Crafts. Cambridge PhD.
- Nahlik, A. 1965. Tkaniny wsi Wschodnioeuropejskiej X-XIII w. Acta Arch. Lódziana XIII. Łódź.
- Nerman, B. 1935. Die Völkerwanderungszeit Gotlands. Stockholm.
- Nyberg, G. G. 1984. Eine Schaftröle aus Haihabu als Teil eines Trittswebstuhls mit waagrecht gespannter Kette // Berichte über die Ausgrabungen in Haihabu 19: 145-150.
- Øye, I. 1988. Textile Equipment and its Working Environment, Bryggen in Bergen, c.1150-1500. // The Bryggen Papers Main Ser 2: 73-75. Bergen.
- Patterson, R. 1956. Spinning and weaving // A History of Technology 2: 191-220. Oxford.
- The Babylonian Talmud, Tractat Shabbat 105a // E. V. Carus-Wilson. 1969. Haberges: A Medieval Textile Conundrum. Medieval Archaeology XIII: 165.
- Walton, P. 1991. Textiles // J. Blair, N. Ramsay (ed.). English Medieval Industries. Craftsmen, Techniques, Products. London.
- Zachrisson, I. 1976. Medeltida ekorpilar? // Fornvannen 71: 117-120.

SO-CALLED PIERCING TOOLS (chronology and function)

L. I. SMIRNOVA

Among numerous products in bone materials there are quite a few broad categories which encompass objects of uncertain function. The terms themselves are rather vague, for they either combine into one category items of different function, or are misleading. Thus, it is not always clear what so-called «ends» terminated, or what was pierced with so-called «piercing tools». This contribution was

originally supposed to be an attempt to distinguish groups of objects according to their function in the rather amorphous category known as «piercing tools», based on the evidence of objects from medieval Novgorod. However, the study of the chronological distribution of these finds from the cultural deposits of the town led to a discussion of the wider problems of the development of cloth production

and the dates for the innovative introduction of the horizontal loom to Novgorod and medieval Europe.

There are over a thousand items in the Novgorod collection of «piercing tools». Objects are numbered within the category on the basis of morphological features. Except for a few antler objects with pointed ends, most of the so-called piercing tools were made out of specific animal bones, one epiphysal end being cut off and the shaft being pointed and the other end being left intact and used as a handle. The basic form of the object suggests three possible functions: piercing (function of needle), fastening (function of pin) and loosening while plaiting or untangling knots (function of sailor's knife). Obviously, an object might have been multifunctional. However, close examination of use marks on the surface of these tools gives a clue to their main function. For instance, the area of polished surface, which could be a result of rubbing bone against cloth or leather, might be limited to the pointed end or the whole shaft. The analysis of characteristic features of pointed bone objects from Novgorod and the comparative analysis of similar tools from other European sites made it possible to define two main functional groups and examine their chronological and spatial distribution in the cultural deposits of the medieval town.

Pig fibula pins. Nearly 400 items among 'piercing tools' have been numbered as pins. These are made out of pig fibulae (Fig. 1). The bone is naturally designed to be easily turned into a simple pin. It is both thin, which requires little modification at one end, and strong to bear considerable stress. Both ends are flat and slightly expand forming a flat, triangular head to the pin. Unfused bones of young animals were frequently used. Although both ends are suitable, Novgorod pig fibula pins demonstrate preference for the use of distal ends as pin heads. Most ends are not modified and only about a quarter of heads have been worked to give them a rectangular, round or other shape. Some pins (less than one third) have one or a few perforations in the head. Although some authors thought that these pig fibula objects with perforations were needles, MacGregor's arguments for pins are convincing enough (MacGregor 1985). Novgorod pig fibulae with copper-alloy chains or bells attached to the head provide complimentary evidence to MacGregor's theory.

Pig fibula pins from various sites in Northern Europe are found in contexts dated to a period from the Iron Age to the Middle Ages. In Novgorod they are recorded throughout the stratigraphical sequence, but they were more frequent in the deposits dated to 1240-1370 and most popular in 1280-1310 (Fig. 2).

Pin-beaters. There are 633 finds of pointed tools in the Novgorod collection. The tools are usually from 7 to 10 cm long. Normally the very end of the tool is characteristically polished. Only 7 of them

are made of antler. All the rest are modified animal bones. Some particular elements of animal skeleton were preferred for a very simple reason: they required but very little skill and effort to be converted into tools (Table 1). It is obvious that skeletal elements of medium size animals (sheep/goat/dog/pig) were selected systematically. They predominate among other identifiable bones. On the other hand, horse peripheral metapodiae were very popular (Fig. 4). They are of suitable size and naturally designed for a pointed tool. Besides, every animal has 8 peripheral metapodiae. Generally, domestic animals provided the bulk of raw materials for making piercing tools, but wild animals' bones were also used when available. Among unusual bones a catfish's fin bone and bear's penis bone can be mentioned.

The chronological distribution of «piercing tools» in Novgorod is rather peculiar (Fig. 5). Most of them come from 10th century deposits. In the course of the 11th they gradually become less frequent. A noticeable decline in the use of pointed tools occurred around the turn of the 11th and 12th centuries. From the 12th century onward these tools become very rare finds. It is noteworthy that pointed tools made of animal bones have been recorded in small numbers on Ilyinsky, Mikhailovsky, Buyany, Kozmodemyansky, Duboshin, Lyudogoshensky and Nerevsky sites, where at least late 11th century deposits were excavated. On Troitsky and Nerevsky sites with well preserved 10th-11th century layers hundreds of these tools have been encountered. It would therefore appear that we have here a category of finds that dates to a very specific period. Similar objects are known from 9-11th century deposits in other early urban and proto-urban Russian sites: Old Ladoga, Rytic and Gnezdovo fortified settlements and from contemporary rural settlements. In Novogrudok and Beloozero they were found only in the earliest horizons.

The drastic decrease in the use of pointed bone tools around late 11th-early 12th centuries indicates some economic activity which ceased or at least sharply declined by this time. Spatial distribution of the objects on the town properties demonstrates that in the 10th-11th centuries they were among the most common items. If they were tools for piercing leather or other materials, the decline in further use would be puzzling. Some new more effective tools might have replaced pointed bone, but we do not know of any objects in the later period which could be regarded as their substitute.

For an unknown reason, one of the most probable functions of pointed bones as pin-beaters for cloth production on warp-weighted looms has never been taken into consideration by Russian archaeologists. This type of loom was in use for about two millennia. On some remote farms on Norwegian islands warp-weighted loom survived till the 1940^s (Hoffman 1964).

The warp-weighted loom was a very simple construction, which required little space in the house and could be easily taken to pieces (Fig. 6a). It consisted of two uprights and one removable beam. Tensioning of warp treads was achieved by tying clay or stone weights. The loom frame was placed at an angle against the wall. The weaver stood to work, beating the weft upwards with bone pin-beaters and a wooden sword-beater.

The era of its absolute domination came to the end with the introduction of the horizontal foot-operated counterbalance treadle-loom that became widely diffused in Europe during the 11th century. This date was proved by the evidence from written sources as well as from actual finds of the components of horizontal looms identified from 11th century deposits in Gdansk and Haithabu. The origin of main European cloth producing centres in France, Flandres and England coincides with the introduction of the horizontal loom, which was a real technological revolution. Much longer pieces of cloth could be produced six times more quickly. It still remains uncertain exactly when and how the new type of loom came to be accepted. It is likely that for some time the two types of loom coexisted, but the use of warp-weighted looms fairly abruptly became limited to household activities. The third type of loom (upright two-beam loom) was used for tapestry making (Fig. 7: 1, 2).

It is very probable that the sharp decline in the use of pointed bone tools (pin-beaters) in Novgorod marks the introduction of horizontal looms in the town at the turn of the 11th and 12th centuries. One of the main advantages of the new type was the presence of an innovative component.

Pin-beaters were of no use anymore, for instead of a weaving sword, a pin-beater or a comb, a reed was now fitted to the loom between the harness and the cloth beam which the weaver pulled towards himself (Fig. 6b). There should have been fewer horizontal looms in the town compared with warp-weighted looms in nearly every household, which provided the town dwellers with cloth. Components of this type of loom, including pulley blocks, treadles and heddle-horses must be, therefore, extremely rare finds from the early stage of the introduction of the loom. Kolchin suggested that the horizontal loom was not introduced into Novgorod until the 13th century on the basis of the evidence from the finds of its components. But the acceptance of the new innovation might be also indicated by the rejection of the wide use of the old type of loom. The use of warp-weighted looms can be revealed by the finds of fragments of cloth with their edges, pin-beaters, sword-beaters and clay or stone loom weights. The latter, unfortunately, may be mixed up with sinkers. Cloth fragments with their edge are fairly rare finds. But all the four fragments identified by Kolchin and Nakhlick as produced on warp-weighted loom were dated to the 10th-early 12th centuries. It is possible that some of the wooden toy swords found mainly in the 10th-11th century deposits in Novgorod were weaving swords. Bone pin-beaters, therefore, are the only mass category of artefacts connected with warp-weighted looms.

The analysis of «piercing tools» from Novgorod made it possible to distinguish a group of numerous, well dated objects, define their function and produce an argument for the introduction of horizontal looms at least a century earlier than previously thought.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗОДЧЕСТВА И ЭВОЛЮЦИЯ МАЛЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ ФОРМ ИНТЕРЬЕРА конца X—первой трети XIII в.

Т. А. ЧУКОВА¹

В 1977 г. в докладе, посвященном периодизации истории русского средневекового зодчества, П. А. Раппопорт были выделены и охарактеризованы три периода домонгольской архитектуры (Раппопорт 1977). Предлагаемое нами рассмотрение в этом контексте более частного сюжета — архитектура интерьера — позволяет сделать некоторые наблюдения и выводы, касающиеся соотношения процессов, происходивших в сферах монументальных и малых архитектурных форм конца X — первой трети XIII в.

1. Уже в памятниках *киевского периода (конец X-конец XI-начало XII в.)*, характеризующегося «перенесением на Русь византийских архитектурных традиций и начинающейся переработкой этих традиций» (Раппопорт 1977: 152), наряду с распространенными в византийском зодчестве каменными темпонами, на Руси создаются *темплны* из дерева (камень и дерево, вероятно, могли сочетаться в одной конструкции). Древнерусские каменные темплны этого времени (мрамор, шифер), открытые в памятниках Киева (Десятинная церковь?, Софийский собор, Успенский собор Печерского монастыря) и Чернигова (Спасский собор), реконструируются как высокие портики с парапетами, колоннами и архитравами. Реконструкция древнейшей деревянной преграды (Софийский собор в Новгороде) позволяет сделать вывод о том, что она повторяла принцип каменных темплов, положив начало традиции высоких деревянных алтарных преград XII-XIII вв. К сожалению, уровень информативности данных, полученных при археологическом исследовании преград X-XI вв. не позволяют проследить располагались они только перед центральной апсидой, или пересекали храмы по линии север-юг. Из четырех, отмеченных нами вариантов расположения алтарных

преград относительно предалтарных столбов, в рассматриваемый период зафиксировано два: — западная граница линии алтарной преграды совпадает с западными гранями внутренних лопаток столбов (Софийский собор в Киеве); — западная граница линии алтарной преграды проходит восточнее западных граней внутренних лопаток столбов (Софийский собор в Новгороде).

Первый из этих вариантов расположения преграды относительно предалтарных столбов в памятниках XII в. будет отмечен лишь однажды (церковь Василия на Смядыни в Смоленске), второй в постройках XII в. пока не зафиксирован.

Престолы киевского периода также относятся к традиционному для византийского зодчества типу престолов-столов на одной или нескольких (четыре, пять) опорах. Достоверные фрагменты престолов для этого периода зафиксированы. При единстве материала (камень), принципиальном единстве конструкций, престолы отличаются количеством опор и наличием или отсутствием каменной плиты-основания. Сооружаемые над каменными престолами *кивории* могли быть деревянными, что зафиксировано археологически.

Единственный *синтрон* XI в., открытый в Софийском соборе в Киеве, представляет собою двухступенчатую скамью с архиерейским треном. Двухступенчатый Софийский синтрон не имеет аналогий в других домонгольских памятниках, что, вероятно, отражает особый статус митрополичьего собора.

Уже в киевский период в храмах устраиваются «*угольники*» (конструкции в северных апсидах храма для хранения углей или для «жара» кадил, связанные с обрядом проскомидии, который в византийской церкви со времени не позднее IX в. включал ритуал окуривания

¹Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

святых даров в протезисе храма). Археологически известные «угольники» этого времени — это керамические сосуды, углубленные ниже уровня пола и вмонтированные в него.

Полы конца X—XI в. покрываются мозаикой, гладкими каменными плитами, поливными керамическими плитками, раствором. При этом полы разных видов могли сочетаться в убранстве одного здания. О традиции мозаичных полов можно говорить лишь применительно к памятникам Среднего Поднепровья, но, возможно, уже в XI в. мозаика использовалась и для убранства пола Софийского собора в Новгороде.

Византийское происхождение (а в ряде памятников и исполнение византийскими мастерами) древнерусских мозаичных полов очевидно, но уже в XI в. на Руси полы из каменных плит, инкрустированных смальтой, преобладают над собственно мозаичными, традиционными для византийской архитектуры. Это объясняется, вероятно, прежде всего, отсутствием у русских мастеров в достатке цветных поделочных камней.

Наиболее распространенный вид полов уже в это время — полы из поливных плиток: квадратных и треугольных монохромных, квадратных и треугольных орнаментированных, фигурных монохромных. Вероятно, поливные плитки использовались в убранстве пола Десятинной церкви и, следовательно, впервые были применены на Руси византийскими мастерами в дополнение к традиционным для них мозаичным полам.

Таким образом, малые архитектурные формы интерьера памятников киевского периода демонстрируют не только свою генетическую связь с византийским зодчеством, но и начинающийся уже в это время поиск новой интерпретации их на русской почве, что было обусловлено, прежде всего, местными строительными традициями, сырьевыми и техническими возможностями.

2. Второй период домонгольского зодчества (начало-конец XII в.), отмеченный сложением «архитектурных школ, обладавших общими закономерностями развития, но существенно отличавшихся одна от другой как архитектурными формами, так и строительными-техническими приемами» (Раппопорт 1977: 153) также отразил свои особенности в архитектуре интерьера. Так наряду с деревянными *темплонами* Чернигова, Новгорода, Пскова, в землях, архитектура которых отмечена романским влиянием (Владимиросудзальская и Галицкая), сооружаются темплены из белого камня. В Смоленске и, вероятно, Переяславе-Хмельницком создаются и единичные темплены из плинфы, в убранстве которых могла использоваться фреска, зафиксированная в одном случае археологически.

Преобладающим типом *престола* становится престол-ковчег из плинфы (в памятниках Северо-Запада в кладке престолов наряду с плинфой использовался камень), при этом он известен как в памятниках Среднего Поднепровья и Смоленска, так и в памятниках Новгородской и Псковской земель. Смена шиферных престолов престолом из плинфы в значительной мере была связана со степенью использования в разные периоды поделочного камня, но определяющим, вероятно, стало появление нового типа престола, которое повлекло замену камня плинфой как наиболее рационального при новой форме конструкции материала. Следует отметить, что при ведущей роли престола-ковчеха в XII в. известны и единичные престолы других типов (блок, стол). *Кивории* XII в. продолжают традицию четырехстолпных деревянных конструкций, известных в киевский период.

Синтроны имеют только одноступенчатую конструкцию и демонстрируют неизменную обусловленность материала, из которого они сооружаются, особенностями монументальной архитектуры.

Вероятно, к этому периоду относится древнейший археологически зафиксированный деревянный *запрестольный крест*.

В храмах XII в., как и в XI в., устраиваются «угольники». Но если для предыдущего периода известны «угольники» в виде керамических сосудов, то в памятниках XII в. открыты «угольники» — ящики из каменной плиты. Вероятно, в этом отразились не хронологические, а территориальные отличия, так как выборка памятников ограничена, и не дает возможности сопоставления «угольников» одного региона разных периодов.

В XII в. расширяется география мозаичных полов: к городам Среднего Поднепровья и Новгороду добавляется Полоцк. Широко распространены полы из гладких каменных плит, при рассмотрении которых можно отметить несколько сосуществующих традиций: шиферные полы Среднего Поднепровья, генетически связанные с мозаичными полами; известняковые полы Северо-Запада, использование которых обусловлено широким применением известняка в архитектуре этого региона в целом; каменные полы галицких памятников, связанные с романской строительной традицией.

Разнообразней становятся виды поливных плиток, усложняется их орнаментация. Наряду с применявшимися в киевский период, появляются плитки фигурные орнаментированные, а в памятниках Галича — плитки, украшенные рельефными орнаментами и изобразительными композициями. Рассмотрение поливных плиток в территориальном контексте, позволяет говорить о характерности определенных их

наборов для памятников отдельных земель. Следует отметить и то, что, если в конце X–XI в. поливные плитки чаще использовались в убранстве пола как дополняющий материал, то в XII в. они применяются в основных помещениях зданий.

Более широко используются и полы, покрытые раствором. Наиболее характерны они для Новгорода. Традиция этих полов была заложена при постройке Софийского собора, а в XII в. они стали наиболее употребимым новгородскими мастерами видом полов.

Наряду с известными в киевский период, в памятниках XII в. отмечены полы, покрытые плинфой и металлом. Плинфяные полы наиболее характерны для построек Смоленска, а металлический пол открыт только во Владимиро-Суздальской земле.

В развитии малых архитектурных форм в XII в. очевидны две тенденции:

- дальнейшее, начатое еще в XI в., приспособление к местным сырьевым и техническим возможностям;
- появление локальных особенностей, характерных для отдельных строительных центров.

3. Третий, последний период домонгольского зодчества, начавшийся в конце XII — начале XIII в. и отмеченный сложением «на базе различных архитектурных школ нового течения», которое «подготавливало условия для сложения общерусского архитектурного стиля» (Раппопорт 1977: 153), и основным содержанием которого в сфере монументальных форм стала переработка византийской крестовокупольной схемы храма, в архитектуре интерьера отразился менее ярко. Повсеместно сооружаются деревянные *темплоны*, а исключение, как и в более ранний период, составляют памятники Галицкой и, вероятно, Владимиро-Суздальской земель, где алтарные преграды возводятся из камня.

Все известные *престолы* этого времени, зафиксированы как в памятниках Верхнего и Среднего Поднепровья, так и Северо-Запада, — ковчеги, которые сооружаются из плинфы.

Наибольшим своеобразием относительно предыдущих периодов в конце XII-первой трети XIII в. отмечены *синтроны*: наряду с уже известным типом, зафиксированы синтроны, имевшие необычное плановое решение — скамья располагается лишь в центре алтарной стены. Архитектурное убранство алтаря по-прежнему включает *запрестольные кресты*. Продолжает существовать традиция сооружения

«*угольников*», представленных новым типом — плинфяная «чаша», встроенная в закрестье столба.

Мозаичные *полы* отмечены для этого времени только в Чернигове и их, вероятно, следует рассматривать как сугубо местное явление. По-прежнему наиболее распространенными остаются поливные полы, но новые виды плиток не появляются. При этом в галицких памятниках плитки с рельефным декором уже не используются, их сменяют повсеместно распространенные квадратные, треугольные, фигурные монокромные плитки. В убранстве полов, как и в более раннее время, применяются гладкие каменные плиты, плинфа, раствор.

Третий, заключительный период домонгольского зодчества не привносит принципиальных изменений в архитектуру интерьера, вместе с тем этот период отмечен в большей степени, чем предшествующие, унифицированностью малых архитектурных форм (типов, материалов), которая сочетается с наличием местных особенностей.

Отсутствие принципиальных изменений в архитектуре интерьера в конце XII — начале XIII в. не совпадает с линией развития монументальной архитектуры, для которой этот период стал временем сложения нового типа здания. Эти расхождения явились следствием регламентированности архитектуры интерьера обрядом, литургической практикой. И в этот заключительный период продолжается эволюция малых архитектурных форм: вероятно, развивается живописное убранство темплона, что в свою очередь обуславливает развитие и усложнение самой конструкции преграды, возможно, формируется система живописного декора престолов, синтронов и т.д., но реконструирование этих процессов превышает возможности материала, которым мы располагаем. Если конец X–XII в. — это время принятия византийских образцов, переосмысления их в рамках канона и приспособления к условиям русской архитектуры, то на конец XII — первую треть XIII в. — приходится утверждение уже выделенных как наиболее приемлемых в русском архитектурном контексте типов рассматриваемых здесь компонентов интерьера. Таким образом, еще домонгольский период становится временем начала формирования и становления древнерусского канона храмового интерьера, процесса, который найдет свое завершение в архитектуре московского времени.

PERIODIZATION OF THE HISTORY OF RUSSIAN MEDIEVAL ARCHITECTURE AND THE EVOLUTION OF SMALL ARCHITECTURAL FORMS IN THE LATE 10th — FIRST THIRD OF THE 13th CENTURY INTERIORS

T. A. CHUKOVA

In 1977 P. A. Rappoport defined and characterized three periods in the pre-Mongolian architecture. The presented here consideration of a more particular subject within this context — the architecture of interiors — enabled us to propose some observations and conclusions relating to the correlation between the processes which took place in the sphere of monumental and small architectural forms in the end of the 10th — first third of 13th centuries B.C.

1. The small architectural forms of the interiors of the Kiev period buildings (late 10th — early 12th centuries) not only demonstrate their genetic connection with Byzantine architecture but also the already beginning at that time search for its interpretation on the Russian basis, that was stipulated first

of all by local building traditions, material sources and technical possibilities.

2. Two trends are obvious in the development of small architectural forms in the 12th century: a further adaptation to the local materials and technical possibilities and the appearance of local peculiarities characteristic of particular building centres.

3. The third and last period of the pre-Mongolian architecture which began in the late 12th — early 13th century did not introduce any principal changes into the architecture of interiors, however, it was marked more considerably in comparison with the precedent ones by uniformity of small architectural forms (types, materials) which matched local peculiarities.

К ВОПРОСУ О «ТЕОРИИ ДВУХ САРАЕВ» И ЛОКАЛИЗАЦИИ ГОРОДА ГЮЛИСТАНА

Ю. Е. ВАРВАРОВСКИЙ (†)¹

При общей разработанности вопросов политической и социально-экономической истории Улуса Джучи, отдельные географические аспекты данной тематики еще не получили окончательной оценки. К числу таковых относится проблема отождествления названий некоторых джучидских городов, известных по монетным легендам и сочинениям средневековых авторов, с конкретными археологическими памятниками Золотой Орды XIII-XIV вв.

Еще во второй половине XIX в. интерес к джучидским городам, подкрепленный работами Х. М. Френа и началом систематического изучения Царевского городища, перерастает в бурную полемику на предмет местонахождения столичных золотоордынских центров. Результатом длительной дискуссии явилось признание сосуществования на Нижней Волге двух ордынских столиц — Сарая и Сарая ал-Джедид, идентифицируемых соответственно с Селитренным и Царевским городищами. Сформулированная в прошлом столетии и получившая полное признание со стороны современных исследователей «теория двух Сараев», продолжает аргументироваться посредством двух независимых сообщений: указания Ибн Арабшаха о времени основания «второй» джучидской столицы и сведений карты Фра Мауро, представляющей обозначения двух Сараев (Федоров-Давыдов 1964: 271, 1994: 21; Гусева 1985: 15-20). Не останавливаясь на вопросе о самостоятельности этих свидетельств для разрешения указанной проблемы, попытаемся определить критерии и достоверность оценки соответствующих данных нарративного и графического источников.

I. Источники: трактовка и достоверность информации. Пожалуй наиболее полная информация о географическом расположении ордынских городов содержится в материалах западноевропейской картографии XIV-XV вв. Особого внимания требуют те карты, авторы которых указывают на местонахождение столичных центров Золотой Орды (Ак-Орды). К числу источников рассматриваемого круга следует отнести карту А. Дульчерта 1339 г.,

анонимную карту 1351 г., портоланы братьев Пицигани 1367 г. и «Каталанского атласа» 1375 г., карту А. Вальшпергера 1448 г. и «Генуэзскую» 1457 г., известную карту мира Фра Мауро 1459 г. и некоторые другие. За исключением последней, все перечисленные карты содержат сведения лишь об одном Сарае, размещенном в низовьях Волги, или, ошибочно, — на Дону.

Здесь же уместно отметить вызывающую разночтения заметку «*boca delo Sara*» на карте венецианцев Пицигани, которую Ф. К. Брун интерпретировал как обозначение восточного рукава Волги (Брун 1880: 188), а Ф. Ф. Чекалин принимал за наименование «старой» столицы Золотой Орды (Чекалин 1889: 20). При этом последний автор полагал, что слово «*boca*» в составе отмеченной легенды переводится как «город», «селение». В свете оценки предложенных версий, толкование Ф. К. Бруна представляется более предпочтительным, поскольку оно подтверждается содержанием другой ремарки на той же карте: «*togcal*, то есть гробницы императоров, которые умирают около реки Сары», а также тем обстоятельством, что приведенная выше заметка не обнаруживает конкретной привязки к какому-либо из населенных пунктов. Наконец, грамматика итальянского языка в сочетаниях ойконима с определениями типа «столица», «город», «селение» и т.п., не предусматривает использование стяженной формы артикля (в нашем случае — «*dello*»), выражающего значение принадлежности. Несомненно, что в данном примере слово «*bocsa*» переводится как «устье», а в общем контексте указанной заметки, — «устье [реки] Сары».

Карта мира венецианского космографа Фра Мауро подлежит в нашем экскурсе специальному рассмотрению. По мнению ряда исследователей, Фра Мауро выделяет два Сарая — «Сарай» (Saray) и «Сарай Великий» (Saray Grando), изображения которых отмечены в местах впадения в Волгу двух рукавов безымянной реки. Сопоставление названных объектов с двумя ордынскими столицами является, на наш взгляд,

¹Статья поступила в редакцию в феврале 1998. Последние, незначительные правки были внесены в нее в марте того же года, незадолго до трагической гибели автора.

ошибкой, возникшей в результате неверного истолкования Ф. К. Бруном пояснительных легенд на карте Фра Мауро. Словосочетание «Сарай Великий», выполненное утолщенным шрифтом, является названием отдельной области (улуса), таким же, как «Органца» (Хорезм) восточнее Волги или «Тартария» — западнее ее (смотри Santarem 1842: *mappe monde de Fra Mauro*). В тех случаях, когда одноименное название употребляется и по отношению к соответствующим политико-административным единицам, Фра Мауро находит возможным давать краткие пояснения под заголовками типа «Сарайская Орда», «Ургенчская Орда», «Чагатайская Орда» и т.п. Что же касается обозначений столичных центров этих и других государственных образований, то на карте Фра Мауро они не выделяются ни величиной, ни особенностями шрифта. Следует также отметить, что фиксация новообразованных городов, как это видно на примере «Новой Органцы», производится при помощи соответственного прилагательного «*nuova*», а эпитет «Великая» (*Granda*) употребляется и в качестве определения одной из областей Армении. Наконец, сходное сочетание «Великая Белая Россия» (*Gran Rossia Bianca*) использовалось некоторыми из соотечественников Фра Мауро и по отношению к части Русского государства (Барбаро и Контарини 1971: 202, 226).

Особого внимания заслуживает еще одна легенда, приведенная в работе венецианского картографа: «от этой реки Иксарта вниз, можно сказать, — начинается Сития (Скифия) или Чагатай, Органца (Хорезм), Сарай пиколо (Сарай малый), Сарай Грандо (Сарай Великий), и далее Эдиля (Волги), далее Таная (Дона), и далее Озука (Днепра), все эти [жители], можно сказать, — ситы (скифы) или тартары». В одной из своих статей Ф. Ф. Чекалин счел возможным идентифицировать «Сарай Великий» и «Сарай малый» этой заметки с двумя ордынскими столицами на Нижней Волге (Чекалин 1890: 248). Однако оценка расположения и атрибуция данных объектов возможны лишь на основе привлечения дополнительных сведений средневековых купцов и путешественников о территории и городах Золотой Орды.

В начале XIV в. уже испытанный европейцами маршрут, ведущий с Запада в Центральную Азию и Китай, приобретает новое направление за счет использования степных путей и водных артерий Восточной Европы. Созданная здесь магистраль, объединившая Азак с Хорезмом посредством Хаджи-Тархана, Сарая на Волге и Сарайчика на Яике, становится в это время важнейшей дипломатической и торговой трассой. Именно такая последовательность транзитных пунктов приведена в трактате флорентийца

Ф. Б. Пеголотти (Pegolotti 1936: 21), в письме испанского монаха Пасхалиса (Mosheim 1741: 194) и в сочинении арабского путешественника Ибн Баттуты (*The travels of Ibn Battuta* 1959: 515-517; 1971: 539). Масштабы торговых операций, проведенных в Сарае следовавшим из Хорезма ширазским купцом (Hinz 1949: 330-331; Заходер 1967: 166-167), позволяют полагать, что и в 30-е гг. XV в. ордынская столица продолжала оставаться важнейшим звеном этой трассы.

Широкая известность указанного маршрута как на Востоке, так и на Западе, предполагает осведомленность о нем и венецианского картографа XV в. Об этом может свидетельствовать пояснение «через эти возвышенности Хорезма купцы поднимаются выше», размещенное на карте в районе плато Устюрт. Гипертрофированность изображения, характерная для территории Нижнего Поволжья и гидрографии Дона, особенно в части его течения от волгодонской Переволоки до Азовского моря, по-видимому, также объясняется использованием при составлении соответствующих участков карты устных свидетельств и (или) итинерариев итальянских купцов (Рыбаков 1974: 17-18). Возможно, что в этом случае, приведенная выше заметка с перечислением населенных татарскими областями, есть ничто иное, как общее описание известного маршрута, указанного с той лишь разницей, что последовательность отмечаемых регионов представлена для европейцев в порядке возвращения из Центральной Азии. Другая особенность этой легенды заключается в использовании наименований отдельных областей и рек, тогда как описания западноевропейских путешественников называют конкретные городские центры. Так, если Ф. Б. Пеголотти, Пасхалис и Д. Мариньолли сообщают о таких транзитных пунктах, как Алмалык, Ургенч, Сарайчик и Сарай, то Фра Мауро приводит соответствующие этим городам названия провинций (Чагатай, Органца, Сарай пиколо и Сарай Грандо), из которых две первые и последняя отмечены на карте. Данное сопоставление аннулирует предложенную Ф. Ф. Чекалиным идентификацию «*Saray pizolo*» карты, где эпитет «малый» полностью соответствует уменьшительному аффиксу «-чик» топонима «Сарайчик», с наименованием «старой» столицы на Нижней Волге. Характерно, что впоследствии отдельные восточные авторы переносят на Сарайчик политическую роль джучидской столицы (Родословное древо тюрков 1906: 152-155; Тизенгаузен 1941: 265). Известны также данные, свидетельствующие об имевшем место отождествлении развалин этого города с ордынским Сараем ал-Джедид (Кастанье 1910: 96, прим. 1).

Таким образом, следует признать наличие на карте Фра Мауро лишь одной ордынской

столицы, в то время как «Сарай Великий», применительно к политической ситуации XV в., скорее соответствует «Большой Орде» или «Великой Орде Златой» русских источников. Подобным образом данное наименование объясняется и некоторыми современными исследователями, относящими «Сарай Великий» карты Фра Мауро к категории обозначений отдельных провинций (Tardy 1987: 190). Правомерность такой идентификации подтверждается содержанием еще одной ремарки итальянского картографа: «эта величайшая провинция Россия или Сарматия граничит на востоке с Белым морем, на западе — с Германским морем, на юге — с Сараем и Куманией, и на севере — с Пермией», где под «Сараем», «Куманией» и «Пермией» явно подразумеваются отдельные области, но никак не городские центры.

Средневековые нарративные источники также прямо не указывают на существование двух золотоордынских столиц, имеющих одно название. Косвенная пространственная информация, основанная на сообщениях купцов и путешественников, исчислявших расстояния от джучидской столицы до других географических реалий днями пройденного пути, не позволяет принять однозначное решение в пользу одного из известных археологических памятников Нижнего Поволжья. Иного рода данные, используемые с целью идентификации столичных центров Ак-Орды, часто имеют фрагментарный и противоречивый характер, что открывает простор для различных толкований.

Согласно общепринятому мнению, город, находившийся на месте Царевского городища, был описан арабоязычным автором XV в. Ибн Арабшахом. Указанная им хронология существования Сарая, определенная сроком в 63 года, служит одним из основных аргументов в пользу отождествления «Нового Сарая» с Царевским городищем, в культурном слое которого наиболее ранние монеты датированы 30-ми гг. XIV в., тогда как деструкция этого центра соотносится с походом Тимура 1395 г. (Гусева 1985: 19–20, 72–73). Однако данное свидетельство противоречиво, поскольку в другом месте своего сочинения Ибн Арабшах называет основателем этого же города хана Берке (1256–1266 гг.) (Тизенгаузен 1884: 460, 463; Ahmed ibn Arabshah 1936: 77, 79). Два различных наименования ордынской столицы (Сарай-Бату и Сарай-Берке), встречаемые в сочинениях восточных авторов, объясняются как вероятные обозначения одного и того же города, либо имевшие употребление в разное время (Насонов 1940: 120), либо отражавшие расхождения в политических пристрастиях представителей официальных арабской и персидской историографий (Егоров

1985: 112–113). Следует также отметить, что в восточных источниках ойконом «Сарай» нередко объединяется и с именами других ханов, представляющих династийную ветвь ак-ордынских Джучидов. Очевидно, что использование определений типа «Улус Джучи», «Улус Бату», «Улус Берке», «Улус Узбека», равно как и наименования ордынской столицы, переданного в сочетании с именами Бату, Берке, Джанибека и Бердибека, не подразумевает географическое разграничение называемых субъектов.

Многочисленные примеры употребления различных эпитетов по отношению к названиям джучидских городов демонстрирует нумизматический материал. Эпитет «ал-махруса» (богохранимый), отмеченный впервые на сарайских дирхемах хана Токты 1310 г., по-видимому, должен был подчеркивать столичный статус этого города. В 1321 г. этот эпитет появляется также на монетах Булгара, что может свидетельствовать о росте конфессионального, а вместе с тем, и политического значения последнего центра. Вероятно, что совпавшее по времени предоставление этому городу определенных привилегий (как, например, права на монетную регалию), было связано с политикой исламизации, проводимой ханом Узбеком.

С приходом к власти хана Джанибека в 1341 г., в репертуаре надписей сарайских дирхемов впервые встречается эпитет «ал-джедид» (новый), обыкновенно объясняемый исследователями как наименование нового монетного и городского центра. Следует отметить, что прилагательное «ал-джедид» переводится с арабского языка не только как «новый», но также имеет и другие значения («обновленный», «восстановленный», «счастливый», «благополучный»). Серебряные монеты Джанибека обнаруживают тенденцию перехода к «мусульманскому» облику, выраженную в постепенном отказе от таких «монгольских» элементов, как уйгурское написание имени хана и изображение родовой тамги. Вместе с тем, отдельные типы монет этого хана дополняются титулом «каан», что по мнению Т. В. Гусевой являлось очевидной демонстрацией независимости ордынского династа от власти монгольских верховных правителей (Гусева 1985: 22). Возможно, что в данном случае, дополнение «ал-джедид» имело переносное значение, закрепляющее за Сараем его статус столичного центра суверенного государства, свободного от каких-либо обязательств перед пекинской администрацией. В практике восточного градостроительства известен также случай, когда султанские дворцы с названиями «Иски-Сарай» и «Сарай-и Джедид» располагались в пределах одного городского центра — Стамбула (Хюсейн 1961: 268б, 269а). Указанные

замечания позволяют нам не согласиться с общепринятым объяснением эпитета «ал-джедид» на сарайских монетах. Еще более весомые аргументы в пользу нашего предположения представляет монетная продукция других ордынских центров чеканки.

Следующий по времени эпитет, переданный в форме «лис-Сарай» (присарайский), появляется на монетах Гюлистана, выпущенных ханом Мюридом в 763 г.х. (=1361/1362 гг.) (Френ 1832: 18, № 151). Данное словосочетание является одним из основных доводов сторонников отождествления Гюлистана в качестве ханского дворца с джучидской столицей — Сараем или Сараем ал-Джедид (Григорьев В. 1876: 274; Веселовский 1912: 63-64). Однако поскольку в Сарае ал-Джедид в этом году монеты чеканились ханами Кильдибеком и Абдуллахом, новый правитель мог подчеркивать таким образом не географическое расположение Гюлистана, а скорее свое политическое отношение к владельцам ордынской столицы. Ранее в Сарае ал-Джедид и Гюлистане одновременные монетные выпуски сопровождалось именем лишь одного эмитента. Возможно, что именно беспрецедентность создавшейся ситуации политического разграничения указанных центров чеканки, заставила Мюрида выпустить монеты с таким определением. Тем самым, в какой-то мере сопоставляя эти центры, Мюрид декретирует столичный статус для своей резиденции, располагавшейся в Гюлистане или «Муротовой Орде» русских летописей. Спорадический характер чеканки монет с данным эпитетом подтверждает наше предположение о цели этой акции, предпринятой Мюридом в момент утверждения своей власти в Поволжье.

В 766 г.х. (=1364/1365 гг.) монеты Булат-Ходжи, чеканенные в Гюлистане дополняются эпитетом «ал-джедид» (Френ 1832: 18, № 158). Появление данного определения на гюлистанских монетах можно расценивать как дальнейшее закрепление за Гюлистаном статуса «нового» столичного центра. Один из монетных типов Азиз-Шейха, выпущенный в Гюлистане и датированный 766 г.х., представляет указание «дар ал-малик» (столица) (Григорьев В. 1850: 34-35, № 128), а гюлистанские дирхемы 767 г.х. (=1365/1366 гг.) этого же эмитента, воспроизводят эпитет «ал-махруса» (Френ 1832: 19, № 161). Последние инновации могут свидетельствовать о временном перемещении столицы ордынских правителей из Сарая (ал-Джедид) в Гюлистан.

Известны и другие прецеденты одновременного использования в монетном чекане одного эмитента нескольких эпитетов по отношению к конкретному центру. В 765-767 и 769 г.х. в «Мамаевой Орде» выпускаются монеты от имени ставленника Мамаю — хана Абдуллаха,

на которых обозначение монетного двора фиксируется тюркской и арабской передачей одного и того же названия: «ал-Махруса Янги-Шехр» и «ал-Махруса Шехр ал-Джедид» (Янина 1977: 195-199, № 1-16). Подобные наименования обнаруживают денотативную близость с «Сараем ал-Джедид» и, возможно, — противопоставляются последнему, принимая на себя значение столичного центра обособленной «Мамаевой Орды». Указанный пример, равно как и наличие определений «ал-махруса» и «ал-джедид» на азакских дирхемах Токтамышша (Федоров-Давыдов 1987: 122, № 114, 117), явно указывающих на один и тот же город, позволяют отметить тождественность употребления этих эпитетов и по отношению к «старой» ордынской столице. В период правления Токтамышша (1380-1396 гг.) различные эпитеты появляются на монетной продукции западных центров Улуса Джучи — Азака, Орды и Крыма, что может свидетельствовать о предоставлении этим, ранее подвластным Мамаю городам, каких-то новых привилегий.

То же следует отметить для монет Хаджи-Тархана и Каффы, на которых дополнение «ал-джедид» начинает помещаться в период правления хана Шадибека (1399-1408 гг.) (Fraehn 1826: 366; Тизенгаузен 1899: 373-374). В данном случае, рассмотрение Хаджи-Тархана ал-Джедид в качестве обозначения левобережной Астрахани, при отсутствии данных о дате основания этого города, во многом остается условным.

Наконец, отдельные типы джучидских монет передают легенду оборотной стороны в сокращенной форме «зарб ал-джедид», без указания места чекана (Фомичев 1981: 233, № 127-131; Федоров-Давыдов 1987: 124, № 137). В приведенном примере, при переносе адресата эпитета, семантика арабского словосочетания «зарб ал-джедид» («новый чекан») уподобляется тюркскому выражению «янги пул» («новый пул») медных монет.

Отмеченные наблюдения позволяют выразить сомнение в правомерности истолкования эпитета «ал-джедид» на монетах Азака, Булгара, Гюлистана, Маджара, Каффы, Крыма, Орды, Сарая, Сыгнака, Хаджи-Тархана и Шехра как обозначения «новых» городских центров, существующих в ряде случаев одновременно со «старыми». Приведенный перечень называет почти все известные центры Поволжья и западной части Ак-Орды XIV в., однако, существование большинства из этих гипотетически «новых» городов, не подтверждается ни свидетельствами письменных источников, ни археологическими данными. Скорее всего, здесь прослеживается своеобразная узаконенная традиция, отражающая отдельные изменения городского статуса в существующей системе политико-административной иерархии.

В ряде источников прослеживается более широкое употребление топонима «Сарай» для обозначения Каспийского моря и всего государства. Каспийское море названо «Сарайским» (*mare de Sara* или *Sarra*) на картах П. Весконтте 1311 г., М. Сануто 1320 г., «Каталанского атласа» 1375 г., Х. де ла Козы 1500 г., в сочинениях М. Поло и Ф. Б. Пеголотти. Производная форма «*mare de Sala*» (или «*Zale*») зафиксирована также на Каталанской карте XV в. из Модены, на картах М. Вальдземюллера 1516 г., Г. Меркатора 1569 г., П. Планциуса 1592 г., М. Квада 1598 г., И. Гондиуса 1606 г., И. Массы 1662 г., Я. Стрюйса 1668 г., Н. Витсена 1687 г. и других. Заметка на карте М. Сануто объясняет данное обозначение транслитерацией с названия всей страны: «это море называется Сарайским вследствие [наименования] того государства, в котором пребывает император» (Miller 1895: 135). На картах Пицигани и Фра Мауро нижнее течение Волги или Ахтуба представлены гидронимами «*Sara*» и «*Sara Saray*». Вся страна на этих картах соответственно именована как «*Regio d'Sara*» (Сарайская страна) и «*Lordo de Saray*» (Сарайская Орда) (Santarem 1842: *mappe monde de Fra Mauro*; Брун 1873: карта Ф. и Д. Пицигани), а на портолане «Каталанского атласа» 1375 г. и карте А. Бьянко 1436 г. содержатся обозначения «*impregio de Sarra*» и «*impregium Sirie*», т. е. «Сарайская империя» (Santarem 1842: *mappe monde d'Andrea Bianco*; *Der Katalanischer Weltatlas* 1977: Taf. 5). Сходные названия встречаются и в сочинениях восточных авторов: «местность Сарай» у Вассафа (Тизенгаузен 1941: 85), «Сарайское царство» и «сарайские области» — в произведении Ибн Халдуна (Тизенгаузен 1884: 389, 391). Приведенные данные свидетельствуют об имевшем место отождествлении Нижнего Поволжья, Каспийского моря и всего государства с названием золотоордынской столицы. Наличие обозначений с подобной лингвистической семантикой является еще одним аргументом в пользу предложенной нами трактовки словосочетаний «Сарай Великий» и «Сарай малый» на карте Фра Мауро.

Использование данного наименования по отношению к Царевскому городищу неоспоримо лишь для русских источников XVI в. Позднее название «Царев» является очевидной трансформацией топонима «Сарай». Уже по свидетельству А. Олеария (XVI в.), золотоордынские руины на Верхней Ахтубе именовались «Царев городом» (Исторические путешествия 1936: 58). Объяснение такого названия содержится в замечании А. Леопольдова, обратившего внимание на отсутствие у местных жителей каких-либо различий в титуловании ордынских и русских верховных правителей (Леопольдов 1839:

52). П. И. Рычков указывал на существующее еще в XVIII в. название этой местности в форме «Царев Дом», что является частичным калькированием персидско-тюркского «сарая» (= «дом», «дворец») (Рычков 1767: 23).

Русские источники XVI в. различают на Нижней Волге уже два Сарая: «ближние» и «дальние», «большие» и «малые». Названные определения в одинаковой степени могли относиться как к Царевскому, так и к Селитренному городищу. Так, в царском наказе 1591 г., фрагмент которого привел в своей статье Д. Кобеко, под именем «Больших Сараев» фигурирует Царев (Кобеко 1889: 268). Вместе с тем, упоминание «Больших Сараев» в летописном рассказе о завоевании Большой Орды Иваном III (Татищев 1966: 231), скорее всего, относится к разряду сообщений о Селитренном городище. Функционирование последнего памятника в XV в., в отличие от Царева, подтверждается археологическими материалами и данными нумизматики. Кроме того, местонахождение «Больших Сараев» в районе Селитренного городища, в конкретном освещении, определяется указанным здесь расстоянием между Астраханью и ордынской столицей, исчисляемым двумя днями пути. Наконец, «Книга Большому Чертежу» называет «Мамаев Сарай» в качестве топонима одного из приднепровских городищ (Книга Большому Чертежу 1950: 111).

Появление подобных эпитетов относится к периоду, когда Золотая Орда уже прекратила свое существование. По-видимому, названные определения применялись русскими переселенцами лишь с целью лексографического разграничения крупных ордынских городищ. Подобно многочисленным «Мамаевым» городкам, расположенным на территории, никогда не контролируемой ордынским темником, употребление топонима «Сарай» по отношению к указанным памятникам, возможно есть нечто иное, как «искаженная» народная память о существовании на Нижней Волге столицы с таким названием. Здесь же уместно отметить, что и в сочинениях средневековых восточных авторов прослеживается устойчивая традиция переноса исторической преемственности от более ранних нижеволжских памятников к более поздним. Так, город Итиль, являвшийся зимней ставкой хазарских каганов, отдельные авторы отождествляют с половецким Саксином (Федоров-Давыдов 1969: 261), а последний, в свою очередь, локализируют на месте основанного в середине XIII в. Сарая (Федоров-Давыдов 1969: 254-261; Тизенгаузен 1884: 205 (202), 237 (215); Поляк 1964: 38, 46; 'Абд ар-Рашид ал-Бакуви 1971: 107). Персидский автор XIV в. Х. Казвини соотносит Сарай-Бату с хазарским городом Семендером (Петрушевский

1937: 913-914), а некоторые сочинители (Абу-л-Фида, ал-Бакуви), в числе ордынских центров называют города, прекратившие свое существование уже к середине XIII столетия (*Geographie d'Aboulféda* 1848: 326; 'Абд ар-Рашид ал-Бакуви 1971: 107 (101)).

II. Метод. Отрывочный и противоречивый характер сведений средневековых авторов во многом затрудняет решение проблемы идентификации ордынских городов. Информативная ограниченность исходных данных привела исследователей к необходимости комплексного рассмотрения максимально полного состава монетных сборов по центрам чеканки. Апробация этого метода исследования, в отдельных случаях, способствовала определению местонахождения того или иного монетного двора. При этом в качестве критерия оценки выступает количественное соотношение монет различных центров чеканки. Ярким примером действенности статистического анализа нумизматических сборов явилось отождествление А. А. Кротковым известной по монетным легендам Мохши с Наровчатским городищем, где медные монеты местного чекана составляли 80 % от всех обращавшихся здесь пулов.

С. А. Янина конкретизировала данный метод, отметив, что он применителен лишь для джучидской меди в рамках периферийного распространения местных эмиссий (Янина 1958: 393; 1977: 194). Действительно, отдельные периоды денежного обращения в Золотой Орде характеризуются почти полной однородностью серебряных монет, обнаруженных в составах поволжских, северокавказских и приазовских кладовых комплексов. Такая нивелировка обращения серебра на значительной территории не позволяет выделить локальных преобладающих серебряной монеты местной чеканки. Статистическое изучение монетных сборов с археологических памятников свидетельствует также о невозможности применения данного метода по отношению ко всем ордынским городищам и монетным центрам; на существующем этапе разработки указанная методика не является универсальной. Так, в отличие от Наровчатского, Азакского, Куня-Ургенчского и Старо-Орхейского монетных комплексов, нумизматические коллекции Укека, Маджара и Булгара XIV в. не выделяются сколько-нибудь значительным содержанием местных эмиссий (Федоров-Давыдов 1963: 174, 1987: 180-181). По данным Г. А. Федорова-Давыдова, на Царевском городище медные монеты Сарая ал-Джедид составляют 53,8 % от всей массы пулов, в то время как на Селитренном и Увекском городищах этот показатель несколько выше (68,6 и 61,4 % соответственно), в Ага-Базаре медные сарайские монеты составляют 35,9 % от общего

количества пулов, тогда как на Селитренном городище их доля в местном обращении медных монет не превышает 23 % и т. д. (Федоров-Давыдов 1963: 169, табл. 2). Таким образом, общие данные статистического анализа монетных находок не всегда констатируют принадлежность доминирующего монетного центра нумизматической коллекции к соответствующему археологическому памятнику. Учитывая эти особенности применительно к проблеме идентификации ордынских монетных центров, следует признать, что однозначная локализация, основанная исключительно на нумизматическом материале, возможна лишь при условии существенного содержания на определенном памятнике медных монет периферийного чекана, практически не поступавших за пределы ареала своего обращения. Как правило, такие поселения в Ак-Орде являлись административными центрами отдельных районов с самодостаточным хозяйством и локальной денежной циркуляцией. Последняя характеристика не может относиться к столичным городам, чья монетная продукция в первой половине XIV в. обеспечивала денежное обращение для большей части территории Золотой Орды.

Вместе с тем, нельзя согласиться с выводами исследователей, объяснявших местоположение столичных ордынских центров лишь на основе общего количественного преобладания *in situ* монет одного из рассматриваемых монетных дворов (Сарая, Сарая ал-Джедид и Гюлистана). Такие показатели, особенно учитывающие материалы первой половины XIV в., не являются критерием для локализации; высокая степень концентрации столичных как серебряных, так и медных эмиссий, характерная для достаточно широкого круга ордынских памятников, может лишь свидетельствовать об интенсивности работы указанных выше дворов и значительной распространенности их монетной продукции. В данном случае, применение статистического метода представляется более эффективным в сочетании с выделением хронологии правлений эмитентов. Необходимость проведения такого изучения монетных коллекций, собранных на крупных поволжских городищах, объясняется предполагаемым географическим разграничением столичных ордынских центров монетной чеканки. Особое значение такое исследование имеет для уточнения местоположения Гюлистана.

III. Локализация Гюлистана и Сарая ал-Джедид. Относительно локализации вышеназванного монетного двора к настоящему времени выдвинуты три основные версии: 1) Гюлистан являлся пригородом Сарая (Zambaur 1968: 209; Янина 1970: 195); 2) Гюлистан представлял собой отдельный город и находился в Нижнем Поволжье (Федоров-Давыдов 1960: 188; Егоров 1980: 182,

1985: 114); 3) Гюлистан – монетный двор, расположенный в районе Булгара или в самом этом городе (Мухамадиев 1983: 22-23, 94-95; Григорьев А. 1985: 172).

Об ошибочности первой версии, восходящей еще к построениям В. В. Григорьева и Н.И. Веселовского (Григорьев В. 1876: 274; Веселовский 1912: 54-63), свидетельствует собственно нумизматический материал. С 759 г. х. (= 1357/1358 гг.) на гюлистанских дирхемах наименование монетного двора дополняется определением «баллад» (город). Следует отметить, что в 60-е гг. XIV в. такое уточнение не вводилось в содержание монетных легенд других ордынских центров чеканки, за исключением Шехра ал-Джедид (= Янги-Шехра), где слово «шехр» (город) употреблялось в качестве составной части самого названия. Трудно согласиться с положением, что данное определение могло использоваться не в прямом значении.

О невозможности идентификации Гюлистана с Сараем ал-Джедид свидетельствует также последовательность правлений ордынских владетелей 60-х гг. XIV в., известная по монетам указанных центров:

Сарай ал-Джедид	Гюлистан
Кульна 760-761 (1359-1360) гг. х.	Кульна 760-761 (1359-1360) гг. х.
Науруз 761 (1360) г. х.	Науруз 761 (1360) г. х.
Хызр 761-762 (1360-1361) гг. х.	Хызр 761-762 (1360-1361) гг. х.
Тимур-Ходжа 762 (1361) г. х.	
Ордумелик 762 (1361) г. х.	
Кильдибек 762-763 (1361-1362) гг. х.	
	Мюрид 763-765 (1362-1364) гг. х.
Абдуллах 763-764 (1362-1363) гг. х.	
Хайр (Мир)-Булат 764 (1363) г. х.	
	Булат-Ходжа 766 (1364) г. х.
Азиз-Шейх 766-768 (1364-1366) гг. х.	Азиз-Шейх 766-768 (1364-1366) гг. х.
	Булат-Тимур 768 ? (1367 ?) г. х.

Приведенный список свидетельствует как о политическом, так и о географическом разграничении Сарая ал-Джедид и Гюлистана. После смерти хана Хызра (весна 1361 г.) и до начала правления хана Азиз-Шейха (1364 г.), эти центры контролировались разными династиями, выпускавшими здесь собственную монету. Письменные источники отмечают прецеденты столкновений между сарайскими и гюлистанскими владетелями этого периода. Так, русские летописцы упоминают о сражении между ханами Кильдибеком и Мюридом, представляющими названные города (Рогожский летописец 1965: стб. 73). В отличие от Сарая ал-Джедид, в Гюлистане не производилась монетная чеканка от имени креатуры Мамайя – хана Абдуллаха.

Еще одно косвенное свидетельство в пользу признания Гюлистана отдельным городским

центром, содержится в сочинениях восточных авторов, где фиксируются тахаллусы (нисбы) к именам выходцев из Золотой Орды, обозначающие происхождение последних из родных им городов. Среди такого рода определений известны следующие нисбы: «ас-Сарай», «ал-Гюлистан», «ал-Крыми», «ал-Булгари», «ал-Хорезми», «ал-Маджари» и другие (Тизенгаузен 1884: XII). Приведенный перечень, где интересующий нас центр находится в ряду крупнейших ак-ордынских городов, в определенной степени также может указывать на географическое разграничение Сарая и Гюлистана.

В оценке рассматриваемых версий, трудно согласиться и с предложенным отождествлением Гюлистана с Булгаром. В этом случае непонятно скрываемое авторами письменных источников переименование при Джанибеке Булгара в Гюлистан, а затем, возвращение к прежнему названию в начале XV в. Кроме того, серебряные и медные монеты болгарской чеканки в первой половине XIV в. не имели сколько-нибудь существенного распространения в городах Нижнего Поволжья. По данным Г. А. Федорова-Давыдова, удельный вес монет

Булгара в денежном обращении Селитренного городища не превышал 0,5%, тогда как содержание гюлистанских медных монет составляет здесь 2,3% от общего количества пулов, а на Царевском городище последний показатель достигает 37% (Федоров-Давыдов 1963: 169, табл. 2). Представляется маловероятным, что в 60-е гг. XIV в., в условиях политической дезинтеграции Золотой Орды, при общем упадке экономики и торговли, денежное обращение отдельных нижеволжских центров могло обеспечиваться, главным образом, за счет монетных поступлений из Волжской Болгарии.

Основные доводы сторонников отождествления Гюлистана с Булгаром основываются на сообщениях русских летописей о захвате Булгара Булат-Тимуром в 1361 г. и наличии в монетном чекане этого владетеля продукции гюлистанского двора

(Мухамадиев 1983: 22, 94). Обе названные посылки при решении данной проблемы могут браться в расчет лишь при условии гюлистанской принадлежности всех монет Булат-Тимура и упоминания в соответствующих местах летописей Булгара именно в качестве города, а не в значении «народа и земли», как это полагалось отдельными исследователями (Шпилевский 1877: 169). Между тем, в составе коллекции из 2259 атрибутированных монет XIV в., собранных участниками археологических экспедиций в Болгарах в 1946–1958 и 1974–1983 гг., не обнаружено ни одной монеты, чеканенной от имени Булат-Тимура (Янина 1962: 155, табл. 2; Федоров-Давыдов 1987: 188–202).

За неимением иного рода данных, свидетельствующих о локализации Гюлистана, получение более конкретных указаний возможно лишь на основе изучения составов монетных коллекций соответственных поволжских памятников. Наивысшая активизация деятельности гюлистанского монетного двора приходится на 50–60-е гг. XIV в., т. е. на тот период, когда денежное обращение поволжских городов характеризуется известной однородностью, выраженной в абсолютном преобладании монет столичных эмиссий и почти полном отсутствии периферийных выпусков. При таком положении, основными показателями монетного собрания городища, претендующего на отождествление с Гюлистаном, становятся количественное соотношение гюлистанских и иных пулов, выпущенных одним правителем, а также значительность содержания медных монет собственно гюлистанских эмитентов (Мюрида).

В силу ограниченности радиуса обращения медных джучидских монет, основное внимание уделяется именно этой части нумизматического материала. Результаты анализа монетных коллекций с Селитренного, Царевского и Булгарского городищ сведены в представленные таблицы¹.

Приведенные данные демонстрируют общую нивелировку обращения медных сарайских монет на всех рассматриваемых памятниках до 763 г. х. (= 1361/1362 гг.). В последующее время Селитренное городище отличается сравнительно высоким содержанием пулов Сарая ал-Джедид (смотри таблицу 1), имевших прежде сходное значение с соответственным показателем царевской нумизматической коллекции. В то же время, в царевском комплексе медных монет 60-х гг. преобладают пулы гюлистанской чеканки (смотри таблицу 2), тогда как содержание последних в культурном слое Селитренного городища чрезвычайно мало. Такая ситуация может свидетельствовать об определенной изолированности, начиная с 1362 г. денежного обращения Царева с одной стороны, и Селитренного городища — с другой. Указанное положение явилось следствием конфронтации между различными группировками аристократии, во время которой столичные центры Ак-Орды неоднократно становились объектами притязаний со стороны враждующих правителей. Состав коллекции пулов с Булгарского городища и Ага-Базара (смотри таблицу 3) не обнаруживает сколько-нибудь существенного преобладания медных монет 60-х гг. одного из рассматриваемых центров чеканки и демонстрирует лишь относительную равномерность проникновения на местный рынок монетной продукции как Сарая ал-Джедид, так и Гюлистана. С 1362 г. наблюдается некоторое ограничение поступлений в Булгар разменной монеты нижневолжских центров чеканки. Отражением данной ситуации является сравнительно незначительный процент найденных здесь пулов второй половины 60-х гг. XIV в.

Наиболее существенными для решения обозначенной проблемы представляются характеристики монетных коллекций рассматриваемых памятников по количественному

¹ При составлении приведенных таблиц были использованы следующие публикации монетных находок, обнаруженных в пределах рассматриваемых памятников: а) Селитренное городище — Загоскин 1883: 9–16; Кротков 1930: 11–32; Пахомов 1966: 82; Федоров-Давыдов 1963: 185–187 (кроме собрания П. С. Рыкова, описанного А. А. Кротковым), 1980: 219, прим. 19; Федоров-Давыдов, Булатов 1989: 182–193; б) Царевское городище — Френ 1850: 418–425; Федоров-Давыдов 1963: 190–191 (кроме монет, опубликованных Х. М. Френом); Янина 1970: 197–208; Мухамадиев, Федоров-Давыдов 1970: 158; Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев 1970: 99–102, 108, 136–137, 154, 160; Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева 1974: 95, 103–104, 112–113; Федоров-Давыдов 1974: 181, № 326а; в) Булгарское городище и Ага-Базар — Янина 1954: 434–452, 1958: 404–412, 1960: 215–220, 1962: 157–160; Федоров-Давыдов 1963: 198–199 (кроме монет, опубликованных С. А. Яниной), 1974: 178, № 52в, 1987: 188–204. В целях соблюдения принципа хронологической однородности привлекаемого материала, нумизматические коллекции названных городищ рассматриваются лишь в части, относящейся к XIV в. Анонимность ряда монетных типов 60-х гг. не позволяет указать на их безусловную принадлежность к чекану определенного эмитента. К числу таковых относятся пулы 760 и 761 гг. х., выпущенные в Сарая ал-Джедид (Янина 1954: 447, № 110, 111). Однако для медных гюлистанских монет 764 и 766 гг. х. (Френ 1832: 19, № 164; Янина 1954: 448, № 112, 113), для монет 767 и 768 гг. х. чекана Сарая ал-Джедид (Френ 1832: 19, № 165; Кротков 1930: 26, табл. III, № 63; Янина 1954: 448, № 114, 115), сопоставление их дат с хронологией правлений ордынских ханов, позволяет дополнить их возможную атрибуцию. Так, анонимный пул Гюлистана с изображением идущего животного, датированный 764 г. х., принадлежит к чекану Мюрида, поскольку серебряные монеты других правителей, выпущенные в этом году в Гюлистане, неизвестны. По той же причине анонимные медные монеты 767 и 768 гг. х. определяются нами как эмиссии Азиз-Шейха. Гюлистанские медные монеты 766 г. х. с изображением двуглавого орла, хронологически соотносятся с периодами правлений ханов Булат-Ходжи и Азиз-Шейха. Однако косвенные данные позволяют определить их принадлежность в пользу последнего эмитента, так как серебряные монеты Булат-Тимура представляют несколько иное обозначение этого монетного двора (Гюлистан ал-Джедид).

Таблица 1: Состав находок медных монет с Селитренного городища.
Table 1: The composition of copper coins found at the townsite of Selitrennoe.

Период	Количество	Место чекана									Всего
		Сарай ал- (Махруса)	Сарай ал- Джедид	Гюлистан	Орда	Хаджи- Тархан	Барджин	Хорезм	Булгар	Мокши	
1330-е гг.	абс.	205							1	1	207
	%	17,1							0,1	0,1	17,3
1340-1350-е гг.	абс.		603				8	6			617
	%		50,4				0,7	0,5			51,6
1359-1361 гг.	абс.		29								29
	%		2,4								2,4
Хызр	абс.		43	9							52
	%		3,6	0,8							4,4
Тимур- Ходжа	абс.		2								2
	%		0,2								0,
Кильдибек	абс.		27								27
	%		2,2								2,2
Мюрид	абс.			3							3
	%			0,2							0,2
Хайр-Булат	абс.		52								52
	%		4,3								4,3
Азиз-Шейх	абс.		48	13							61
	%		4,0	1,1							5,1
Тулун-Бек	абс.		15								1
	%		1,2								1,2
1370-е гг.	абс.	2				1					3
	%	0,2				0,1					0,3
1380-1390-е гг.	абс.	87	20		12	9		1			12
	%	7,3	1,7		1,0	0,7		0,1			10,8
Всего	абс.	294	839	25	12	10	8	7	1	1	1197
	%	24,6	70,0	2,1	1,0	0,8	0,7	0,6	0,1	0,1	100

соотношению синхронных эмиссий Гюлистана и Сарая ал-Джедид, а также по общему преобладанию медных монет собственно гюлистанских и собственно новосарайских правителей в каждом из исследуемых комплексов. Проведенный анализ показывает, что медные монеты хана Мюрида, чеканенные исключительно в Гюлистане, наиболее часто встречаются на Царевском городище; здесь их содержание достигает 4,8 % от общего количества медных монет, тогда как на Селитренном городище и в Булгаре данный показатель не превышает 0,2 и 0,1 % соответственно. Расчетные показатели распределения монет новосарайских эмитентов следующие: чекан Сарая ал-Джедид от имени хана Кильдибека составляет в Царевском городище не более 0,3 %, на Селитренном городище — 2,2 %, в Булгаре — 0,1 %; содержание монет Тимур-Ходжи на соответствующих памятниках — 0,9; 0,2 и 0,0 %; Хайр-Булата — 1,4; 4,3 и 0,2 %;

Тулунбек-ханум — 0,0; 1,2 и 0,2 % от общей массы медных монет XIV в. Соотношения медных монет Сарая ал-Джедид и Гюлистана, выпущенных от имени хана Хызра, определяются следующими значениями: для монетной коллекции Царевского городища — 1:2,4; Селитренного городища — 4,8:1; Булгара и Ага-Базара — 1:1,2. Для медных монет Азиз-Шейха соответственная пропорция представлена иными показателями: на Царевском городище — 1:4,6; на Селитренном городище — 3,7:1; в Булгаре — 1:1,8. Таким образом, нумизматическая коллекция Селитренного городища обнаруживает определенное преобладание медных монет Сарая ал-Джедид и сарайских эмитентов (Кильдибек, Хайр-Булат, Тулунбек-ханум), тогда как царевское собрание характеризует сравнительно высокое содержание медных монет Гюлистана и гюлистанских эмитентов (Мюрид).

Таблица 2: Состав находок медных монет с Царевского городища.
Table 2: The composition of copper coins found at the townsite of Tsarev.

Период	Количество	Место чекана									
		Сарай ал- (Махруса)	Сарай ал- Джедид	Гюлистан	Барджин	Орда	Азак	Хорезм	Мокши	Крым	Всего
1330-е гг.	абс.	32						1		1	34
	%	2,4						0,1		0,1	2,6
1340-1350-е гг.	абс.		615		98			4	3		720
	%		45,6		7,3			0,4	0,3		53,6
1359-1361 г.	абс.		85								85
	%		6,4								6,4
Хызр	абс.		82	199							281
	%		6,2	13,6							19,8
Тимур-Ходжа	абс.		12								1
	%		0,9								0,9
Кильдибек	абс.		3				7				10
	%		0,3				0,5				0,8
Мюрид	абс.			64							6
	%			4,8							4,8
Хайр-Булат	абс.		17								17
	%		1,4								1,4
Азиз-Шейх	абс.		17	78							95
	%		1,4	5,8							7,2
Тулун-бек	абс.		-								-
	%		-								-
1370-е гг.	абс.		4								4
	%		0,4								0,4
1380-1390-е гг.	абс.	8	4			13	1				26
	%	0,6	0,4			1,0	0,1				2,1
Всего	абс.	40	839	341	98	13	8	5	3	1	1348
	%	3	63,0	24,2	7,3	1,0	0,6	0,5	0,3	0,1	100

Приведенные характеристики монетных комплексов золотоордынских городов Поволжья и их оценка с учетом как географического, так и политического (в 60-е гг. XIV в.) разграничения Сарая ал-Джедид и Гюлистана, предполагают единственно приемлемые, при данном подходе, выводы:

1. Гюлистан, в качестве самостоятельного монетного и городского центра, следует идентифицировать с Царевским городищем. До организации в Гюлистане собственного монетного производства, потребности местного денежного обращения обеспечивались, главным образом, за счет поступлений сарайской монетной продукции. Именно этим объясняется общее количественное преобладание медных сарайских монет первой половины XIV в. в составе царевской нумизматической коллекции.

2. Известные по данным нумизматики монетные дворы Сарай и Сарай ал-Джедид

располагались в пределах одного городского центра, который следует отождествлять с Селитренным городищем.

IV. Гюлистан: опыт исторической реконструкции. Гюлистан дважды упомянут в материалах правовой документации: в договоре хана Джанибека с венецианцами от 26.12.1347 г. (Mas Latrle L. 1848: 587-589) и в ярлыке Тайдуды от 11. 02. 1354 г., адресованном русскому митрополиту Алексею (Памятники русского права 1955: 470). Сроки оформления указанных документов могут свидетельствовать о том, что Гюлистан использовался во время традиционных сезонных перекочевок в качестве зимней ставки ханской орды. Данное обстоятельство является еще одним подтверждением нижеволжского местоположения этого центра, поскольку более северные районы Поволжья (в том числе и Булгар), если и составляли маршруты меридиональных перекочевок Джучидов, то исключительно в летний период

Таблица 3: Состав находок медных монет с Булгарского городища и Ага-Базара.
Table 3: The composition of copper coins found at the townsite of Bulgar and in Aga-Bazar.

Период	Количество	Место чеканки											
		Сарай ал-Махруса	Сарай ал-Джедид	Гюлистан	Булгар	Хорезм	Орда	Мокши	Барджин	Азак	Хаджи - Тархан	Крым	Всего
1330-е гг.	абс.	363			258	3		2	1	1		1	629
	%	15,6			11,1	0,1		0,1	0,0	0,0		0,0	26,9
1340-1350-е гг.	абс.		799			6		5	2	2			814
	%		34,4			0,3		0,2	0,1	0,1			35,1
1359-1361 г.	абс.		22			1							23
	%		1,0			0,0							1,0
Хызр	абс.		339	399									73
	%		14,7	17,2									31,9
Тимур-Ходжа	абс.		1										1
	%		0,0										0,0
Кильдибек	абс.		3										3
	%		0,1										0,1
Мюрид	абс.			3									3
	%			0,1									0,1
Хайр-Булат	абс.		5										5
	%		0,2										0,2
Азиз-Шейх	абс.		9	5									14
	%		0,4	0,2									0,
Тулун-бек	абс.		5										5
	%		0,2										0,2
1370-е гг.	абс.		8								2		1
	%		0,3								0,1		0,4
1380-1390-е гг.	абс.	58	15			8							81
	%	2,5	0,7			0,3							3,
Всего	абс.	421	1206	407	258	10	8	7	3	3	2	1	2326
	%	18,1	52,0	17,5	11,1	0,4	0,3	0,3	0,1	0,1	0,1	0,0	100

(Путешествия в восточные страны 1957: 118; Книга Марко Поло 1990: 39). Наименование этого городского и монетного центра, скорее всего, было спроецировано с закавказского Гюлистана, который объявил о себе в качестве монетного двора еще в 20-е гг. XIV в. и который являлся одной из резиденций иранских ильханов (Сейфеддини 1968: 157, 164; 1981: 26, 39; Джидли 1981: 41).

Город, руины которого расположены на месте Царевского городища, по-видимому, возник в период правления хана Узбека (1314-1340 гг.), выступавшего в роли покровителя градостроительства и торговли. Располагая примером Хулагуидов, построивших свою столицу Султанью на месте пересечения пяти караванных дорог (Бартольд 1971: 201), ордынский правитель, основавший Гюлистан в районе максимального сближения Волги и Дона, мог рассчитывать на создание базового центра транзитной

торговли, связывающей Поволжье с Приазовьем, русскими княжествами, Хорезмом и Северным Кавказом. Коммуникационное значение этого района способствовало дальнейшему росту населения Гюлистана, расширению городской территории, а также интенсивному освоению всей верхней части ахтубинской поймы, где наряду с Царевским городищем сосредоточен целый ряд ордынских памятников (Ахтубинское, Заплавное, Бахтияровка, Колобовка и др.).

Гюлистан не получил должного освещения в нарративных источниках по причине кратковременности своего существования. Как уже отмечалось при рассмотрении монетных легенд 60-х гг. XIV в., Гюлистан в это время становится одной из столиц Ак-Орды, оттеснив на второй план прежний административно-государственный центр. Мобильность кочевого компонента привилегированной части ордынского общества придавала условный характер рангу

столичного города. Нередко основным фактором повышения статуса того или иного городского центра в кочевом обществе, являлся выбор правителем определенного поселения для организации в нем ханской ставки (Ткачев 1986: 221). В нашем случае, заметный рост политического значения Гюлистана в 60-е гг., был обусловлен победой просточной группировки аристократии, предводители которой избирают этот город в качестве своей основной резиденции. Отражением политических событий 60-х гг. XIV в. в топографии нижневолжских памятников, являются обнаруженные здесь укрепления, причем фортификационные работы на Селитренном городище, отмеченные именно в его северной части, должны были препятствовать военной экспансии со стороны Гюлистана.

Утверждение в Гюлистане восточных династий послужило одной из основных причин последующего разрушения этого центра. Последние по времени выпуска датированные гюлистанские монеты, чеканились в 767 и 768 гг. х. от имени ханов Азиз-Шейха (Френ 1832: 19, № 160, 161; Григорьев В. 1850: 36-40, № 130, 131, 134, 137, 139, 141, 143 и др.) и, возможно, — Булат-Тимура (Савельев 1858: 406, № 404; Григорьев В. 1850: 50, 51, 62, 63, № 149, 152). В тех же 767 и 768 гг. х. в Маджаре и Сарая выпускаются монеты от имени ставленника Мамаю — хана Абдуллаха (Ртвеладзе 1971: 84; Федоров-Давыдов 1960: 162, № 158а, 161, 1974: 179, № 171а), отражающие очередной поход ордынского «темника» на Нижнюю Волгу. Экспансия Мамаю, отмечаемая нумизматическим материалом второй половины 60-х гг., по-видимому, сопровождалась значительным разрушением столичных центров Поволжья. После этого события, Сарай ал-Джедид на пятилетний срок приостанавливает выпуск монетной продукции, а Гюлистан окончательно прекращает монетное производство.

Возможно, что именно на это разрушение Гюлистана указывает небольшой кладовый комплекс из 34-х серебряных монет, обнаруженный в 1963 г. среди останков погрома Царевского городища. Данная компактная группа содержит 20 гюлистанских дирхемов Азиз-Шейха 766-767 гг. х. (Федоров-Давыдов 1974: 178, № 27в), позволяющих датировать его сокрытие концом 60-х гг. и соотносить первичную деструкцию этого города с обстоятельствами похода Мамаю 1366-1367 гг. (Столба, Варваровский 1999: 231-244). Археологические исследования Царевского городища также свидетельствуют о запустении здесь некоторых жилых объектов к концу 60-х гг. XIV в. (Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев 1970: 79, 85). Незначительная продолжительность функционирования этого памятника может подтверждаться и толщиной культурного слоя Царевского городища, редко превышающего 60-80 см. (Федоров-Давыдов 1966: 233). Отдельные городские районы продолжают существовать вплоть до конца XIV в., в чем убеждают немногочисленные находки монет 80-90-х гг. и клада, датированного этим временем (Федоров-Давыдов 1978: 249-251), однако и они не переживают начала XV в.

Между тем, Сарай ал-Джедид продолжает производить эпизодическую чеканку монет и в начале XV в. Известны серебряные монеты, выпущенные этим двором от имени ханов Шадибека и Булата (Френ 1832: 32, № 293; Савельев 1858: 511, № 548; Федоров-Давыдов 1981: 19, № 49). Несмотря на погром Сарая, учиненный войсками Тимура в конце XIV в., на несколько разграблений этого города ордынскими и русскими отрядами на протяжении последующего столетия, окончательное запустение «первой» ордынской столицы определяется последней четвертью XV в. (Шенников 1987: 44, 49 и др.).

'Абд ар-Рашид ал-Бакуви. 1971. *Китаб талхис ал-асарва 'аджа* иб ал-малик ал-каххар («Сокращение [книги] о «Памятниках» и чудеса царя могучего») // Издание текста, перевод, предисловие и примечания З. М. Буниятова. Москва.

Барбаро и Контарини. 1971. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Вступление, перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской. Ленинград.

Бартольд, В. В. 1971. Историко-географический обзор Ирана // Сочинения 7: 31-225. Москва.

Брун, Ф. 1873. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия // Записки Новороссийского университета IX. Одесса.

1880. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия // Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России II: 159-188. Одесса.

Веселовский, Н. И. 1912. Загадочный Гюлистан Золотой Орды // Записки восточного отделения Русского археологического общества 21 (2/3): 53-64. Санкт-Петербург.

Григорьев, А. П. 1985. Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение 11. Ленинград.

Григорьев, В. В. 1850. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая // Записки археолого-нумизматического общества II: 1-63.

1876. О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды // Григорьев В. В. Россия и Азия: 259-321. Санкт-Петербург.

Гусева, Т. В. 1985. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид. Горький.

Джидди, Г. А. 1981. Средневековый город Шемаха (IX-XVII века). Баку.

Егоров, В. Л. 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XV вв.

Загоскин, Н. П. 1883. Селитряной городок Астраханской губернии, Енотаевского уезда. Отд. оттиск. Казань.

Заходер, Б. Н. 1967. Шираский купец на Поволжье в 1438 г. (к вопросу о русских экономических связях с Сибирью, Средней Азией и Персидским Востоком) // Каспийский свод сведений о Восточной Европе II. Москва.

Исторические путешествия. 1936. Исторические путешествия. Сост. В. Алексеев. Сталинград.

Кастанье, И. А. 1910. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии 22. Санкт-Петербург.

- Книга Большому Чертежу*. 1950. Книга Большому Чертежу. Под ред. К. Н. Сербиной. Москва-Ленинград.
- Книга Марко Поло*. 1990. Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустиано в 1298 г. Под ред. Г. И. Патлиной. Алма-Ата.
- Кобеко, Д.* 1889. К вопросу о местоположении Сарая, столицы Золотой Орды // Записки восточного отделения Российского археологического общества 4: 267-277. Санкт-Петербург.
- Кротков, А. А.* 1930. Два собрания джучидских монет // Труды Нижневолжского общества краеведения 37. Саратов.
- Леопольдов, А.* 1839. Статистическое описание Саратовской губернии. Санкт-Петербург.
- Мухамадиев, А. Г.* 1983. Булгаро-татарская монетная система XIII-XV вв. Москва.
- Мухамадиев, А. Г., Г. А. Федоров-Давыдов.* 1970. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарая // Советская археология 3: 149-161.
- Насонов, А. Н.* 1940. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. Москва: Ленинград.
- Памятники русского права*. 1955. Памятники русского права. Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV-XV вв. (III). Москва.
- Пахомов, Е. А.* 1966. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа IX. Баку.
- Петрушевский, И. П.* 1937. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук 4. Москва: Ленинград.
- Поляк, А. Н.* 1964. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы I: 29-66. Москва.
- Путешествия в восточные страны*. 1957. Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. Ред. и примечания Н. П. Шастной. Москва.
- Рогожский летописец*. 1965. Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей XV. Вып. I. Москва.
- Родословное древо торков*. 1906. Родословное древо торков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. Перевод Г. С. Саблукова. Казань.
- Ртвеладзе, Э. В.* 1971. Новые данные о монетном чекане города Маджар // Нумизматический сборник Государственного Исторического музея IV/III: 77-83. Москва.
- Рыбаков, Б. А.* 1974. Русские карты Московии XV – начала XVI века. Москва.
- Рычков, П. И.* 1767. Опыт Казанской истории, древних и средних времен. Санкт-Петербург.
- Савельев, П. С.* 1858. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелайридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. Санкт-Петербург.
- Сейфеддини, М. А.* 1968. Монеты ильханов XIV века. Баку.
1981. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане в XII-XV вв. II. Баку.
- Столба, В. Ф., Ю. Е. Варваровский.* 1999. Николаевский клад серебряных джучидских монет XIV века // Археологические Вести 6: 231-244. Санкт-Петербург.
- Татищев, В. Н.* 1966. История Российская VI. Москва: Ленинград.
- Тизенгаузен, В. Г.* 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских I. Санкт-Петербург.
1899. Нумизматические заметки // Записки восточного отделения Русского археологического общества III. Санкт-Петербург.
1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений II. Москва: Ленинград.
- Ткачев, В. Н.* 1986. Караорум в XIII веке // Mongolica. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова: 219-231. Москва.
- Федоров-Давыдов, Г. А.* 1960. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика I: 94-192.
1963. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика IV: 165-221.
1964. Раскопки Нового Сарая в 1959-1962 гг. // Советская археология 1: 248-271.
1966. Новый Сарай по раскопкам 1963-1964 гг. // Советская археология 2: 233-248.
1969. Город и область Саксин в XII-XIV вв. // Древности Восточной Европы: 253-261. Москва.
1974. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века: 176-183. Москва.
1978. Две заметки по золотоордынской нумизматике // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы: 249-254. Москва.
1980. Особенности обращения серебряных и медных монет в Золотой Орде // Близкий и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме: 213-219. Москва.
1981. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). Москва.
1987. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. Москва.
1994. Золотоордынские города Поволжья. Москва.
- Федоров-Давыдов, Г. А., Н. М. Булатов.* 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. Москва.
- Федоров-Давыдов, Г. А., И. С. Вайнер, Т. В. Гусева.* 1974. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. Москва.
- Федоров-Давыдов, Г. А., И. С. Вайнер, А. Г. Мухамадиев.* 1970. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959-1962 гг. // Поволжье в средние века: 68-171. Москва.
- Фомичев, Н. М.* 1981. Джучидские монеты из Азова // Советская археология 1: 219-241.
- Френ, Х. М.* 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. Санкт-Петербург.
1850. Каталог монет Джучидов или ханов Золотой Орды // Записки археолого-нумизматического общества II.
- Хюсейн.* 1961. Беда 'и' ул-века 'и' (Удивительные события). Под ред. А. С. Тверитиновой. Ч. 2. Москва.
- Чекалиш, Ф. Ф.* 1889. Саратовское Поволжье в XIV веке, по картам того времени и археологическим данным // Труды Саратовской ученой архивной комиссии II. Вып. I: 14-25. Саратов.
1890. Нижнее Поволжье по карте космографа XV века Фра-Мауро // Труды Саратовской ученой архивной комиссии II. Вып. 2. Саратов.
- Шенников, С. М.* 1987. Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв. Ленинград.
- Штлевский, С. М.* 1877. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань.
- Янина, С. А.* 1954. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР 42: 424-484. Москва.
1958. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1953-1954 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР 61: 392-423. Москва.
1960. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1957 г. // Материалы и исследования по археологии СССР 80: 210-223. Москва.
1962. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах (1946-1958 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР 111: 153-178. Москва.
1977. «Новый город» (= Янги-шехр = Шехр ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местоположение // Нумизматический сборник 5/1: 193-213. Москва.
- Ahmed ibn Arabshah.* 1936. Tamerlane or Timur the Great Ami. Transl. J. H. Sanders. London.
- Der Katalanischer Weltatlas.* 1977. Der Katalanischer Weltatlas von Jahre 1375. Hrg. G. Grosjean. Zürich.
- Fraehn, Ch. M.* 1826. Recensio numorum muhammedanorum. Petropoli.
- Geographie d'Aboulféda.* 1848. Geographie d'Aboulféda. Trad. M. Rein- aud II. Paris.
- Hinz, W.* 1949. Ein orientalisches Handelsunternehmen im 15. Jahrhundert // Die Welt des Orients 4. Stuttgart.
- Mas Latrie, L.* 1848. Privilèges commerciaux accordés à la république de Venise par les princes de Crimée et les empereurs mongols du Kiptchak // Bibliothèque de l'école des chartes IV. Ser. 6. Paris.
- Miller, K.* 1895. Mappaemundi: Die ältesten Weltkarten. III. Heft. Die kleineren Weltkarten. Stuttgart.
- Mosheim, J. L.* 1741. Historia Tartarorum Ecclesiastica. Helmstedti.
- Pegolotti, F. B.* 1936. La pratica della Mercatura. Ed. A. Evans. Cambridge (Massachusetts).
- Santarem.* 1842. Atlas composé de mappemondes et de cartes hydrographiques et historiques depuis le XI-e jusqu'à XVII-e siècle, pour la plupart inédites. Paris.
- Tardy, J.* 1987. A contribution to the cartography of the Central and Lower Volga region // Chuvash Studies. Budapest.

The travels of Ibn Battuta. 1959. The travels of Ibn Battuta A.D. 1325-1354. Ed. H. Gibb. Vol. II. Cambridge.

The travels of Ibn Battuta. 1971. The travels of Ibn Battuta A.D. 1325-1354. Ed. H. Gibb. Vol. III. Cambridge.

Zambaur, E. 1968. Die Münzprägungen des Islams. Wiesbaden.

ON THE «THEORY OF TWO SARAI» AND LOCALISATION OF THE TOWN OF GYULISTAN

Yu. E. VARVAROVSKY (†)¹

Already in the second half of the 19th century the interest in Juchid towns which was supported in works by Ch. M. Fraehn and the beginning of systematic studies on the townsite of Tsarev developed into an acute dispute concerning the location of the Horde's metropolitan centres. The long discussion resulted in acknowledging the co-existence of two Horde's capitals in the Lower Volga region — Sarai and Sarai-al-Jedid which are identified with the townsites of Selitrennoe and Tsarev correspondingly. The «theory of two Sarais» proposed in the 19th century and wholly recognised by modern scholars has found a further confirmation in two independent attestations: a reference by Ibn-Arabshah on the time of the foundation of the «third» Juchid's capital and an indication denoting both Sarais contained on the map composed by Fra Mauro.

However, a more detailed analysis of the latter source compels us to recognise the location of only one of the Horde's capitals on the map of Fra Mauro while the name of «Sarai the Great» in terms of the political situation in the 15th century most probably may correspond to the «Great Horde» or «The Great Golden Horde» of the Russian sources. Moreover, such an identification is justified by the following remark of the Italian cartographer: «this great province of Russia or Sarmatia borders with the White Sea on the east, with the German Sea on the west, with Sarai and Kumania on the south, and with Permia on the north»; it is obvious that some separate regions and by no means any urban centres are implied here under «Sarai», «Kumania» and «Permia». Quite a number of cartographic sources suggest the fact that a transtoponimisation had taken place — an identification of not only the entire state but even of the whole Lower Volga area as well as of the Caspian Sea with the name of the Golden Horde's capital. The medieval narrative sources also do not imply directly the existence of two capitals in the Golden Horde.

The chronology of Sarai's existence during the period of 63 years indicated by Ibn-Arabshah was one of the main arguments in favour of the identification of the «New Sarai» with the townsite of Tsarev. In the cultural layer of the latter the earliest coins are dated to the 30^s of the 14th century while the destruction of this centre corresponds to the Timur's campaign of 1395. However the mentioned evidence is controversial since in another place of his work Ibn-Arabshah calls Khan Berke (1256-66) the founder of the same city. The use of such definitions as «Ulus of Juchi», «Ulus of Batu», «Ulus of Berke», and «Ulus of Uzbek», as well as the appellations of Horde's capital given in combination with the names of Batu, Berke, Janibek and Berdibek, obviously do not imply a geographical discrimination of the cited objects.

After Khan Janibek came to power in 1341 the repertory of the inscriptions on Sarai dirhems for the first time included the epithet of «al-jedid» (the new) which is usually understood by researchers as the appellation of a new minting and urban centre. One must however point out that the adjective «al-jedid» may be translated from Arabian not only as «the new» but it has also other meanings («renewed», «restored», «happy», «favourable»). In the present case the addition of «al-jedid» possibly had a figurative meaning assigning to Sarai its status of the metropolitan centre of a sovereign state free from any obligations to the Pekin administration. Moreover, in the practice of the eastern town-planning also the cases have been attested when Sultan's palaces called «Iski-Sarai» and «Sarai-i Jedid» were situated within the boundary of a single urban centre — Stamboul. All the mentioned above together with quite a number of numismatic evidences enable us to doubt the correctness of the interpretation of the epithet «al-jedid» on coins from Azak, Bulgar, Gyulistan, Majar, Kaffa, Crimea, Horde, Sarai, Sygnak, Khaji-Tarkhan and Shekhr

¹The article was received by the editors in February, 1998. The last slight correcting was made in March of the same year, not long before the tragic death of the author.

as a designation of «new» urban centres co-existent in some cases simultaneously with the «old» ones. The list presented here includes almost all the known centres in the Volga area and the western part of Ak-Horde of the 14th century, however, the existence of the majority of these hypothetically «new» towns is not corroborated neither by written sources nor by archaeological evidences. Most probably, here a peculiar settled tradition may be traced which reflects some isolated changes in the urban status in terms of the existent system of the political and administrative hierarchy.

In the present paper special attention has been devoted to the problem of localisation of Gyulistan and Sarai-al-Jedid. At present, three major hypotheses have been proposed concerning this problem: 1) Gyulistan was a suburb of Sarai (Zambaur 1968; Янина 1970); 2) Gyulistan was a separate town situated in the Lower Volga region (Федоров-Давыдов 1960; Егоров 1980, 1985); 3) Gyulistan was a mint situated near Bulgar or within this city (Мухамадиев 1983). However, the sequence of Horde's rulers of the 1360s known to us by coins from the centres mentioned above suggests both the political and geographical differentiation between Sarai-al-Jedid and Gyulistan. During the period after the death of Khan Khyzra (spring of 1361) and before the beginning of the rule of Khan Aziz-Sheikh (1364) these centres were controlled by different dynasts who issued here their own coin.

More certain indications may be obtained only on the basis of consideration of the composition of coin collections from the corresponding Volga sites. Due to the limited radius of the circulation of copper Juchid coins we devoted the main attention to the latter part of the numismatic material. The results of the analysis of copper collections from the townsites of Selitrennoe, Tsarev and Bulgar are given in tab. 1-3. The data presented demonstrate a general levelling of the circulation of copper Sarai coins at all the considered sites till 763 H. (1361/1362).

During the subsequent period, the townsite of Selitrennoe is characterised by a relatively high content of pulis of Sarai-al-Jedid (table 1) which earlier had been similar to that of the Tsarev's numismatic collection. At the same time, the pulis of Gyulistan's coinage dominate in the Tsarev set of copper coins dated to the 60s (table 2) while the content of these pulis in the cultural layer of the Selitrennoe townsite is extremely small.

This fact probably indicates a certain isolation since 1362 of Tsarev's monetary circulation on the one hand and of Selitrennoe's one on the other. This situation resulted from a confrontation between different aristocratic groups in the course of which the metropolitan centres of Ak-Horde on frequent occasions became the objects of claims of the hostile rulers. The composition of the collection of pulis from the Bulgar townsite and Aga-Bazar (table 3) does not show any essential prevalence of copper coins of the 60s from some single minting centre and it demonstrates just a relative uniformity of the penetration to the local market of monetary products both from Sarai-al-Jedid and Gyulistan. Since 1362 a certain limitation in supplying Bulgar with small change from the Lower Volga coinage centres is observed.

The percent characteristics of the coin sets from Golden Horde's Volga towns presented in this work and their evaluation with the presumption of both the geographical and political discrimination of Sarai-al-Jedid and Gyulistan suggest the solely acceptable in such an approach conclusions:

1. Gyulistan as an independent minting and urban centre should be identified with the Tsarev townsite. Before the organisation of its own coinage in Gyulistan the local needs in monetary circulation were provided mainly with the monetary products coming from Sarai. It is this fact that the general quantitative prevalence of Sarai copper coins dating to the first half of the 14th century in the composition of the Tsarev numismatic collection may be explained by.

2. The mints of Sarai and Sarai-al-Jedid known from the numismatic evidence were situated within the limits of a single urban centre which must be identified with the townsite of Selitrennoe.

ОРГАНИЧЕСКОЕ СВЯЗУЮЩЕЕ СТЕНОПИСНЫХ КРАСОК ХРАМА БОГОРОДИЦЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГРУЗИНСКОГО ПЕЩЕРНОГО МОНАСТЫРЯ БЕРТУБАНИ

А. Н. ЕГОРЬКОВ, М. Б. ДНЕПРОВСКАЯ¹

Образцы настенной живописи храма Богородицы грузинского пещерного монастыря Бертубани (конец XII – середина XIII вв.), хранящиеся в коллекции Государственного Эрмитажа, представляют благодатный материал для исследования технологии его интерьерной росписи. Это связано как с кратким временем существования монастыря, за которое его стенопись вряд ли понесла какую-либо серьезную реставрацию, тем более сопровождаемую сменной парадигмы технологии росписи, так и с использованием гипсовой в своей основе штукатурки, нанесение красок на которую требует их творения на органическом связующем и которая, как следует ожидать, менее активна для деградации органического связующего по сравнению с сильнощелочной известью. Пигменты красок и органическое связующее храма Богородицы уже явились предметом изучения, однако, если пигменты красок установлены в достаточной полноте (Днепровская, Дубик 1995), определение органического связующего в красочном и штукатурном слое выполнено лишь для одного куска штукатурки (Днепровская и др. 1995). В качестве связующего красок идентифицирован яичный желток, а в самой штукатурке отмечено видимое под микроскопом присутствие большого количества органического связующего, введенного туда, как предполагается на основании результатов анализа, при предварительном смешении гачи с большим количеством животного клея.

В настоящей работе² представлены результаты исследования органического связующего гораздо более широкого круга образцов данного памятника, полученные при использовании предложенной одним из авторов методики

обнаружения органического связующего (Yegor'kov 1996; Егорьков 1998), основанной на выделении и газохроматографическом анализе жирных кислот, причем отмеченное выше удобство объекта для изучения оказалось полезным и для развития самой методики.

Для анализа были взяты 30 проб, из которых 17 – образцы красочного слоя с различными пигментами, охватывающие всю палитру стенописи, а остальные 13 – пробы из подстилающей штукатурки на глубине 4–10 мм. Кроме этого были приготовлены большие пробы при смешении нескольких пигментов или образцов штукатурки. В подавляющем большинстве малых проб – 16 из 17 – жирные кислоты обнаружены в красочном слое в количествах, превосходящих их фоновые количества в холостых опытах. В 11 из 13 сопоставительных анализов красочного слоя и штукатурки кислоты преобладают или обнаруживаются только в красочном слое, в остальных 2 случаях содержание кислот в штукатурке несколько превысило их содержание в красочном слое, но оба эти случая отмечены для уровня низких концентраций. Преобладание же жирных кислот в красочном слое, напротив, часто оказывается очень значительным: в 5 случаях наблюдается повышенное содержание жирных кислот в красочном слое при их следовом нахождении в подстилающей штукатурке. Пример такого случая иллюстрируют хроматограммы на рис. 1 *a-b* (нумерация компонентов для рис. 1 и 3 единая с возрастанием номера пика по мере увеличения времени удерживания). Даже при невозможности достичь сколько-нибудь полного отделения красочного слоя от штукатурки при его соскребании, видно насколько велика

¹ А. Н. Егорьков. Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория археологических технологий.

М. Б. Днепровская. Россия. 199000. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Физическая лаборатория.

² Содержание работы доложено на проходивших в Санкт-Петербурге в 1999 г. Раппопортовских чтениях-2, тезисы опубликованы (Егорьков, Днепровская 1999).

разница в содержании кислот в красочном и штукатурном слое при взятии на анализ равных навесок. Вместе с тем, состав наиболее распространенных в природных жирах насыщенных кислот образца на рис. 1а (в красочном слое глауконит и образовавшийся при старении вевелит) является не типичным для исследованных образцов, а, напротив, единичным: в нем стеариновая кислота (компонент б) преобладает над пальмитиновой (5). Возможная причина этого рассмотрена ниже. Типичным же по соотношению названных кислот является образец, хроматограмма которого приведена на рис. 1в (сурик, киноварь и образовавшийся при старении ведделлит), для которого содержание жирных кислот в подстилающей штукатурке также крайне низко. Состав кислот природных жиров, как известно, изменчив и для разных организмов в той или иной степени индивидуален. По этой причине обычный путь для идентификации связующего состоит в сравнении состава (концентрационного профиля) жирных кислот в исследуемом объекте и предполагаемом связующем. Для целей сопоставления на рис. 1г-е приведены хроматограммы метиловых эфиров жирных кислот соответственно яичного желтка, козьего молока и жировой составляющей животного (столярного) клея. Метиловые эфиры кислот получены метанолизом сухого вещества и выделены последующей экстракцией гексаном, в пробы для наглядности сравнения искусственно введен дибутилфталат (7).

Концентрационные профили жирных кислот желтка (рис. 1з) и животного клея (рис. 1е) подобны тем, что кислоты C_{18} (б) преобладают над кислотами C_{16} (5), причем в случае желтка кислоты C_{18} дают раздвоенный пик, свидетельствующий об индивидуальных особенностях их состава. Эти особенности связаны с разным соотношением в каждом природном объекте насыщенных и ненасыщенных кислот C_{18} , полное разделение которых в выбранных условиях хроматографии на насадочной колонке (Егорьков 1998) не достигается, а также с разным числом и положением двойных связей в структуре ненасыщенных кислот. Концентрационный профиль кислот козьего молока имеет свои характерные особенности: преобладают кислоты C_{16} (5), а также исключительно велика и отмеченная для молочных жиров в литературе (Тютюнников 1974: 416; White 1984: 6) доля низших насыщенных кислот с четным числом углеродных атомов в молекуле — каприновой C_{10} (2), лауриновой C_{12} (3) и миристиновой C_{14} (4). Профиль кислот сыворотки козьего молока оказался подобным и, как и следовало ожидать, с еще более увеличенным содержанием низших кислот из-за их лучшей растворимости в воде.

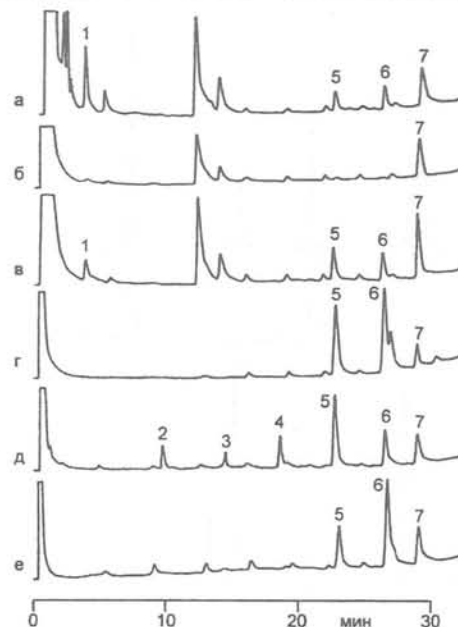

Рис. 1 Хроматограммы метиловых эфиров кислот, выделенных из красочного слоя образца № 41-90 (а), штукатурки под ним на глубине 5 мм (б), красочного слоя образца № 38-90 (в), желтка куриного яйца (г), козьего молока (д) и животного клея (е): 1 — шавелевая; 2 — каприновая; 3 — лауриновая; 4 — миристиновая; 5 — смесь кислот C_{16} ; 6 — то же C_{18} ; 7 — дибутилфталат (контаминант использованных растворителей — а, б, в или искусственно введенный — г, д, е).

Fig. 1 Chromatograms of acids (as methyl esters) extracted from paint layer of sample № 41-90 (a), underlying plaster on the depth 5 mm (b), paint layer of sample № 38-90 (v), egg yolk (g), goat milk (d) and animal glue (e): 1 — oxalic; 2 — capric; 3 — lauric; 4 — myristic; 5 — mixture of C_{16} ; 6 — mixture of C_{18} ; 7 — dibutyl phthalate (contaminant a, b, v, and deliberately added g, d, e).

Газохроматографическое отделение насыщенных жирных кислот от ненасыщенных не представляет проблемы при использовании специальных приемов хроматографии, в частности разделения на капиллярных колонках с фазами малой полярности. Фрагменты таких хроматограмм (кварцевый капилляр длиной 25 м с фазой SE-54, режим программирования температуры) в области метиловых эфиров кислот C_{16} - C_{18} приведены на рис. 2. В составе кислот и животного клея (рис. 2б), и желтка (рис. 2в) ненасыщенные кислоты C_{18} (4) являются главной составляющей, в молоке же (рис. 2а) их доля по отношению к насыщенным кислотам, напротив, значительно ниже, а ненасыщенные кислоты C_{16} (1) практически отсутствуют. Для кислот молока также значительно большим оказывается отношение содержания пальмитиновой кислоты к стеариновой (вычисленное без учета коэффициента чувствительности детектора) — 5,9, в то время как для желтка и животного

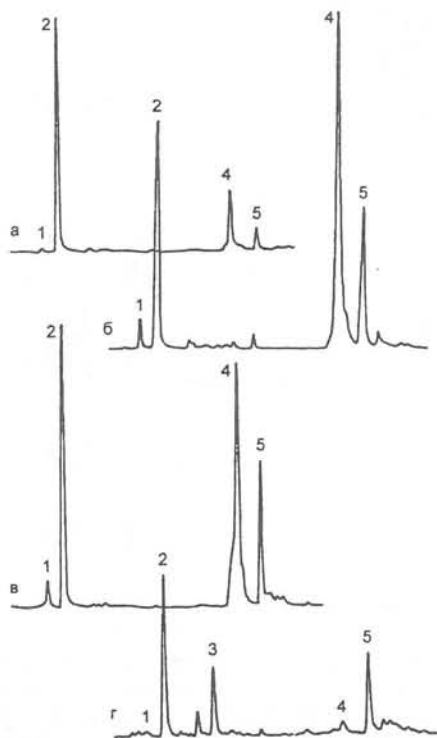

Рис. 2 Фрагменты хроматограмм на капиллярной колонке в области метиловых эфиров кислот C_{16} - C_{18} козьего молока (а), животного клея (б), яичного желтка (в) и объединенной пробы из красочного слоя и штукатурки (г): 1 — ненасыщенные C_{16} ; 2 — пальмитиновая; 3 — дибutilфталат (контаминант); 4 — ненасыщенные C_{18} ; 5 — стеариновая.

Fig. 2 Fragments of chromatograms on capillary column in the region of C_{16} - C_{18} acids methyl esters from goat milk (a), animal glue (b), egg yolk (v) and combined (from paint layer and plaster) sample (z): 1 — mixture of unsaturated C_{16} ; 2 — palmitic; 3 — dibutyl phtalate (contaminant); 4 — mixture of unsaturated C_{18} ; 5 — stearic.

клея это соотношение оказывается 2,7 и 1,8 соответственно. На рис. 2г приведена также хроматограмма для усредненной пробы из красочного слоя и штукатурки (получена объединением рассмотренных ниже образцов, хроматограммы которых приведены на рис. 3а-з). Соотношение пальмитиновой и стеариновой кислот в красочном связующем составляет 1,7 и оно наиболее близко к таковому для животного клея. Доля же ненасыщенных кислот гораздо ниже, чем в любом из рассмотренных возможных предшественников, что является совершенно естественным следствием высокой реакционной способности ненасыщенных кислот и их гораздо более быстрым превращением при старении красочного слоя по сравнению с насыщенными кислотами. Вместе с тем видно и то, что частично ненасыщенные кислоты органического связующего все же сохраняются, а отмеченная в случае масляной станковой живописи зависимость скорости их превращения

от вида контактирующего пигмента (Mills 1966: 102) позволяет ожидать, что и в красочном слое настенной живописи могут сложиться локальные условия для их лучшей сохранности. Вероятно, это явление и отражает хроматограмма на рис. 1а, где площадь пика кислот C_{18} несколько превышает таковую для кислот C_{16} за счет лучшей сохранности ненасыщенных кислот C_{18} .

Хроматограммы увеличенных проб, приготовленных для более подробного исследования, приведены на рис. 3а-д, причем первые две выполнены для красочных слоев, а три последующие — для штукатурки. При равных аликвотах, взятых для хроматографического анализа, отобранные количества красочного слоя и штукатурки составляют соответственно: 1,09, 0,72, 2,11, 1,86 и 2,26 г. Сопоставление величины хроматографических пиков и навесок показывает, что и при усреднении пробы содержание жирных кислот в красочном слое в несколько раз превосходит их содержание в штукатурке. Кроме того, сравнение хроматограмм для красочного слоя (рис. 3а,б) и штукатурки (рис. 3в,г) выявляет, что соотношение содержания пальмитиновой и стеариновой кислоты воспроизводится как для проб красочного слоя, так и штукатурки, и, что самое главное, для краски и штукатурки оказывается равным, да и сами хроматограммы демонстрируют видимое подобие. Все выявленные особенности позволяют прийти к заключению о том, что целенаправленно органическое вещество в штукатурное тесто не вводилось, а компоненты красочного связующего попали в штукатурку в результате их диффузии из красочного слоя. Значительные отличия от остальных, типичных, демонстрирует хроматограмма на рис. 3з, выполненная для пробы из левкаса образца № 38 (под охрой). Здесь отношение пальмитиновой кислоты к стеариновой является значительно более высоким, а кроме того в заметном количестве обнаруживается и миристиновая кислота (4). Эти особенности с несомненностью указывают на использование в этой части левкаса молочных продуктов, вероятно сывортки для затворения гажевого теста. Единичность обнаружения такого состава жирных кислот следует видеть в использовании молочных продуктов для узкого круга левкасных работ, очевидно ремонтных. Другая особенность этой хроматограммы — значительное присутствие шавелевой кислоты (1), появление которой более характерно для проб красочного слоя, о чем, например, свидетельствуют хроматограммы на рис. 1а-в. Вопрос о причинах и механизме образования при старении штукатурных и красочных слоев оксалатов кальция (вевелита и ведделлита), выделяющих шавелевую кислоту под действием минеральных кислот, сложен и еще ждет своего решения.

Несмотря на то, что количественное отношение пальмитиновой кислоты к стеариновой в красочном связующем ближе всего соответствует животному клею, предполагаемому (Днепровская и др. 1995: 60) введению последнего в штукатурку находятся весомые противопоказания. Во-первых, животный клей содержит значительное количество жировой составляющей — до 10%, что видно не только из представленной здесь хроматограммы на рис. 2б, но и отмечено в литературе (Skans, Michelsen 1968). Приведенные же выше результаты со всей наглядностью показывают, что при введении больших количеств клея в штукатурку жирные кислоты уверенно обнаруживались бы в ней, а их концентрация из-за преимущественного разложения на поверхности под действием внешних факторов, в противоположность наблюдаемой картине, возрасла бы от поверхности в глубину штукатурного слоя. Во-вторых, невозможно представить получения каких-либо выгод от введения животного клея в штукатурку. Органические добавки в штукатурку имеют жировой характер (Winfleld 1968: 65) и цель их введения — пластифицировать левкас для предотвращения развития на нем кракелюра, животный же клей — жесткий (раскалывается при ударе) и, несмотря на содержащиеся жиры или жирные кислоты, роль пластификатора играть не может. В-третьих, животный клей неводостойкий и непонимание древними мастерами возможности его введения в штукатурку или использования в красках для лишнего гидроизоляции пещерного монастыря невозможно представить. И, наконец, если речь идет именно о клее, а не об его менее эффективной разновидности — желатине, трудно вообразить технологию смешения гачи с клеем для достижения сколько-нибудь равномерного распределения. Помимо прочего, введение животного клея в штукатурку не предусматривают никакие старинные рецепты.

Концентрационные профили жирных кислот (а также аминокислот, сахаров или других компонентов природных веществ) могут в значительной степени различаться в зависимости от вида, породы, возраста организма, пищи, времени года, климата, технологии выделения и многих других факторов. Многовековой контакт с большим объемом пористой и смачиваемой водой штукатурки неизбежно ведет к дальнейшему изменению связующего. По этим причинам сравнение концентрационных профилей классов или отдельных компонентов связующего стенописных красок и его предполагаемого предшественника далеко не всегда может привести к желаемому результату по идентификации предшественника. Помощь в определении может оказать наличие более

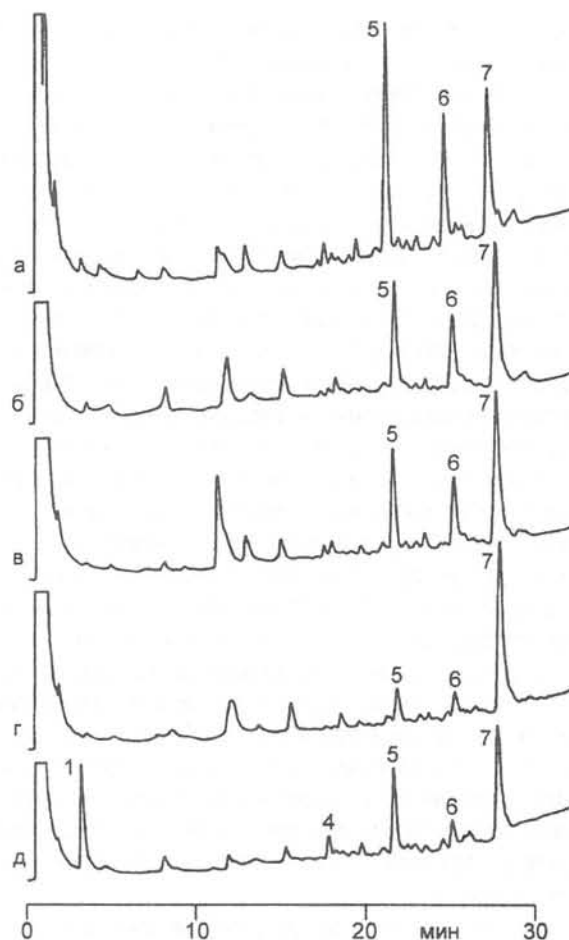

Рис. 3 Хроматограммы метиловых эфиров кислот увеличенных образцов: смешанных из красочного слоя (а, б), смешанных из левкаса (в, з) и из левкаса образца № 38 (д). Обозначение компонентов как на рис. 1.

Fig. 3 Chromatograms of acids (as methyl esters) from combined paint layer samples (a, b), combined plaster samples (v, z) and plaster sample № 38 (d). Numeration of peaks as in fig. 1.

жестких критериев, проявляющихся в ярко выраженных индивидуальных особенностях состава тех или иных классов компонентов, каковой, например, для аминокислотного состава животного клея (желатина) является присутствие оксипролина, не находящегося в составе иных белков, кроме коллагена. Для рассматриваемого в настоящей работе случая гипсовой штукатурки такую критериальную жесткость показал жирнокислотный состав молока, что дало возможность для достаточно уверенной идентификации молочного происхождения кислот на хроматограмме рис. 3д. Сопоставление этой хроматограммы с хроматограммой исходного состава молочных кислот на рис. 1д показало также и то, как изменяется состав жирных кислот связующего: при старении происходит его обогащение высшими кислотами, естественное объяснение которому следует из большей летучести и большей растворимости

в воде низших гомологов. Следствием этого процесса явилась наименьшая величина отношения содержания пальмитиновой и стеариновой кислоты в составе выделенных из красочного слоя и штукатурки кислот по сравнению с этим отношением в возможных предшественниках. Искажение состава при старении, конечно, затрудняет идентификацию связующего при одном только сопоставлении концентрационных профилей, однако поиск более жестких критериев небесперспективен, о чем свидетельствует, например, ярко выраженная индивидуальность ненасыщенных кислот яичного желтка и присутствие на хроматограммах, выполненных для проб красочного слоя или штукатурки, гораздо большего числа компонентов, чем в составе кислот предполагаемых связующих. Эти продукты деструкции связующего могут оказаться весьма информативными для установления материнского вещества и тем самым самого связующего. Идентификация продуктов деструкции и вовлечение в исследования более широкого круга образцов, особенно с уже известным связующим, видятся в качестве ближайших задач для решения проблемы установления связующего в стенописных красках при помощи газовой хроматографии и сопряженных методов.

В целом, полученные результаты могут рассматриваться как подтверждение предположения об использовании желтка в качестве органического связующего для наложения красок (Днепровская и др. 1995: 60) при росписи храма Богородицы в Бертубани, поскольку, несмотря на деструкцию, жирные кислоты уверенно обнаруживаются в красочном слое, а их

высокое содержание присуще лишь связующим животного происхождения, из которых наиболее богатыми жирами является именно яичный желток (Желнинская 1971: 6), в то время как растительные клеи содержат жиров в десятки раз меньше при многократном преобладании в их составе ненасыщенных кислот. Впрочем, нельзя утверждать, что не использовалось яйцо целиком, поскольку белок, содержащий малое количество сухого вещества с ничтожным содержанием жира (Желнинская 1971: 6), заметно не разбавил бы жиры желтка и не изменил бы их состав.

Встреченные случаи преобладания кислот в подстилающей красочный слой штукатурке в рамках полученных результатов также могут найти объяснение. Жирные кислоты, как стало ясным, заметно диффундируют из красочного слоя в штукатурку. Помимо диффузии уменьшение содержания кислот в красочном слое вызывает их деструкция под действием внешних факторов. При изменении этого действия в силу каких-либо причин могут создаваться условия, при которых деструкция органического материала на поверхности ускорится и остаточное количество кислот на момент анализа окажется ниже их содержания в штукатурке. Наиболее сильным действующим фактором может оказаться температура, поскольку, как известно, скорость диффузии гораздо менее чувствительна к изменению температуры, чем скорость химической реакции, а проникшие в штукатурный слой органические вещества при повышении температуры не смогут окисляться так быстро, как поверхностные, из-за ослабления контакта с кислородом воздуха.

Днепровская, М. Б., О. Ю. Дубик. 1995. Комплексный анализ пигментов настенных росписей храма Богородицы из Бертубани // *Художественное наследие* 16: 44-56.

Днепровская, М. Б., Ю. Кукс, Т. Кукс. 1995. Анализ связующего средневековых настенных росписей Давид-Гареджи // *Художественное наследие* 16: 57-60.

Егорьков, А. Н. 1998. Газохроматографическая методика обнаружения органического связующего в древней настенной живописи // *Археологические Вести*: 215-220.

Егорьков, А. Н., М. Б. Днепровская. 1999. Органическое связующее стенописных красок храма Богородицы средневекового грузинского монастыря Бертубани // *Средневековая архитектура и монументальное искусство*: 140-143. Санкт-Петербург.

Желнинская, З. М. 1971. Приспособление метода тонкослойной хроматографии для анализа белковых и углеводосодержащих

связующих, используемых в живописи // *Сообщ. ВЦНИЛКР* 26: 3-23.

Тютюнников, Б. Н. 1974. *Химия жиров*, 2-е изд. Москва.

Mills, J. S. 1966. The gas chromatographic examination of paint media. Part I. Fatty acid composition and identification of dried oil films // *Studies in Conservation* 11/2: 92-107.

Skans, Å., P. Michelsen. 1968. Die Bedeutung von Fett in Tierleim für Malzwecke // *Maltechnik Restaura* 92/2: 63-71.

White, R. 1984. The characterization of proteinaceous binders in art objects // *National Gallery Technical Bulletin* 8: 5-14.

Winfield, D. C. 1968. Middle and later Byzantine wall painting methods. A comparative study // *Dumbarton Oaks Papers* 22: 60-139.

Yegorkov, A. N. 1996. Method of revealing organic binder in wall painting // VII Nordic conference on the application of scientific methods in archaeology. Abstracts: 75. Helsinki.

ON THE ORGANIC BINDER OF WALL PAINTS FROM THE VIRGIN CHURCH OF BERTUBANI, GEORGIAN MEDIEVAL CAVERN MONASTERY

A. N. YEGORKOV, M. B. DNEPROVSKAYA

The organic binder of wall paints of the Virgin church (12th-13th cen.) presents a favourable object for investigation due to a short period of church action and a better conservation of paint binder caused by gypsum character of plaster. The method used for examination of paint binder was developed by one of the authors (A.N.Y.) and deals with organic, predominantly fatty and oxalic, acids extracted from paint layer and plaster.

In most cases the concentration of acids in paint layer (*Fig. 1 a, e*) is prevalent vs. those in the underlying plaster (*Fig. 1 б*) and the composition of extracted acids, both from paint layer and plaster, is found to be mostly the same (*Fig. 3 a-z*). It suggests that the organic components of plaster are originated from the paint binder medium. However, in one case (*Fig. 3 д*) the composition of plaster acids shows the usage of milky product for preparation of plaster that is evident from a higher palmitic/stearic acid ratio and the presence of myristic acid attributive for the milk fatty acid composition.

The comparison of the extracted acids (*Fig. 3 д*) with those of milk (*Fig. 1 д*) makes comprehensible the way of the fatty acids transformation: the mural acids are enriched with higher homologues, i.e. the palmitic/stearic ratio decreases with time. Thus, the coincidence of the palmitic/stearic ratio in mural acids and in a possible precursor cannot be commonly crucial for the identification of binder medium. The palmitic/stearic ratio 1,7 for the Virgin church mural acids (*Fig. 2 z*) is the lowest vs. those measured for possible precursor such as acids of goat milk 5,9 (*Fig. 2 a*), egg yolk 2,7 (*Fig. 2 e*) and animal glue 1,8 (*Fig. 2 б*), but in spite of the proximity of this ratio to that for the animal glue, the egg yolk or whole egg are proposed as binder medium for Bertubani mural painting.

The unsaturated fatty acids of organic binder polymerise with time and remain in a wall with a very low concentration (*Fig. 2 z, peak 4*). On the other hand, some peaks of unidentified products as well as the oxalic acid are visible on the chromatograms of mural acids (*Fig. 1 a, e; Fig. 2 z; Fig. 3 a-z*). Certainly, these components are informative for identification of paint medium.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

ВОСТОЧНОТРИПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА И КОНТАКТЫ ЕЕ НОСИТЕЛЕЙ С ЭНЕОЛИТИЧЕСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ ЕВРОПЫ

Е. В. ЦВЕК¹

В эпоху энеолита миграционные процессы, происходившие в Юго-Восточной Европе, привели к сложению нескольких крупных историко-культурных общностей. По мнению ряда исследователей неолитическая культура Боян является одним из генетических компонентов двух крупных энеолитических культур – Гумельницы и Прекукутени – Раннее Триполье. На поздней фазе развития в некогда монолитной культуре Прекукутени – Раннее Триполье ощущается тенденция к дифференциации (Збенович 1989: 187-200).

На западе, за Днестром приток новых этнических элементов вызывает формирование новой кукутенской культуры, в которой очень быстро исчезают признаки прекукутенской (Сорокин 1991: 83-85). Одна из основных черт культуры Кукутень – наличие в керамическом комплексе 60-80% сосудов, украшенных полихромной или монохромной росписью и большое количество антропоморфной пластики.

Эволюция от раннего к среднему Триполью на территории восточного ареала (бассейны рек Южного Буга и Днестра) проходила более спокойно. Здесь долго сохраняются раннетрипольские традиции, постепенно уступавшие место инновациям, связанным с появлением импортной керамики и изменениями в домостроительстве, идеологии и хозяйстве. На востоке зарождается новое культурное явление, отличное от западной синхронной кукутенской культуры. Исходя из общепризнанных в российской и украинской археологии критериев определения термина «археологическая культура», можно констатировать зарождение внутри

кукутено – трипольской общности отдельной восточнотрипольской культуры и проследить её структуру и процесс развития (Цвек 1989, 1999).

Термин «трипольская культура» – более широкое понятие, часто применяемое исследователями как аналог кукутенской культуры к памятникам последней, расположенным на территории Украины и Молдавии. Введение нового термина «восточнотрипольская культура» позволяет более чётко выделить круг самобытных памятников восточного ареала кукутень-трипольской общности, объединённых в систему и отличных по характеристике от поселений кукутенской культуры.

В последние годы на территории восточного региона автором были проведены широкомасштабные работы. Открыто и изучено много новых памятников. Систематизация и обобщение полученного археологического материала позволяет показать становление и развитие качественно нового явления в кукутено-трипольской общности – восточнотрипольской культуры. Её памятники занимают территорию между Южным Бугом и Днестром (рис. 1). Их объединяет общность происхождения и идеологических представлений, традиций в хозяйстве и производстве (особенно керамическом). На протяжении многовекового существования её население стойко сохраняло традицию оформления керамики углублённым орнаментом (40-50%). При отправлении культов почти не употреблялась антропоморфная пластика. Имеются отличия в домостроительстве и планировке поселений. В пору своего наивысшего

¹ Украина. 252014. Киев. ул. Выдубецкая, 40. Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Отдел археологии камня и бронзы.

расцвета племени восточнотрипольской культуры достигают значительного уровня экономического развития, усложняется их мировоззрение. Ритуалы, связанные с культом плодородия и другие, отправляются в поселенческих святилищах или на домашних алтарях (Цвек 1993: 74-76; рис. 2: 2). В этот период получают распространение крупные по размерам поселения со сложной планировкой, уличной системой застройки и большим количеством жителей. Они играли роль экономических и культурных центров трипольского общества восточного региона. Одно из них – Веселый Кут имело площадь около 150 га (Цвек 1995: 33-44; рис. 2: 1). Поселения застраиваются усадьбами с жилыми и хозяйственными постройками. Дома – одноэтажные двух-трехкамерные наземные, глинобитные постройки (рис. 2: 4). В их интерьере – лежанки, купольные печи, алтари. Особенно знаменательно большое количество специализированных кожаных, косторезных, камнеобрабатывающих мастерских. Среди них выделяется керамический производственный комплекс с совершенными по своей конструкции гончарными двухъярусными горнами (рис. 2: 3). О высоком уровне гончарного ремесла свидетельствует также и керамика памятников восточнотрипольской культуры. Особого совершенства достигает посуда с углубленно-желобчатой и каннелированной орнаментацией. Типичными формами первой являются грушевидные сосуды с крышками, кратеры, биноклевидные сосуды. Их углубленный орнамент с белым пастовым заполнением эффектно выглядит на подшошенной палевой или темносерой поверхности. В системе орнамента спиральные ленты, антропоморфные элементы, лунарные и солярные знаки (рис. 3).

Племена восточнотрипольской культуры рано узнали расписную керамику, о чем свидетельствуют импорты с кукутенских и гумельницких памятников. Однако чуждая местным культурным традициям она не получила в их среде распространения. Углубленный орнамент был способом передачи будущим поколениям древних традиций и идеологических представлений, что способствовало сохранению культурного единства. Сравнительный анализ признаков, характеризующих кукутенскую и восточнотрипольскую культуры, показывает их значительные отличия в материальной и духовной жизни, еще раз подчеркивает самостоятельность восточнотрипольской культуры (рис. 4).

В пределах своей территории и на всем протяжении существования восточнотрипольская культура не была неизменной. По мере расселения, дальнейшего развития и под влиянием контактов с родственными и иноэтничными

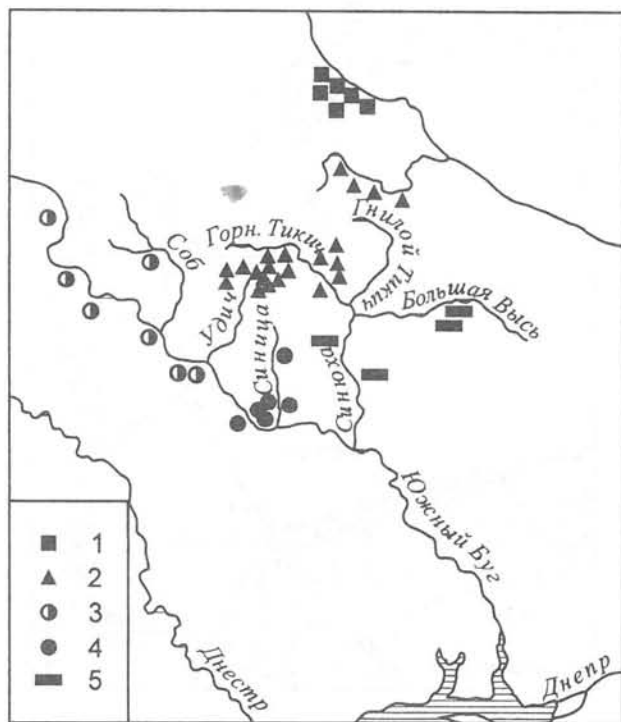

Рис. 1 Карта памятников восточнотрипольской культуры: 1 – памятники днепровского локального варианта; 2 – памятники буго-днепровского локального варианта; 3 – памятники среднебугского локального варианта; 4 – памятники южно-бугского локального варианта; 5 – памятники типа Владимировки.

Fig. 1 Map of East-Tripolye Culture sites: 1 – sites of the Dnieper local variant; 2 – sites of the Bug-Dnieper local variant; 3 – sites of the Central Bug local variant; 4 – sites of the Southern Bug local variant; 5 – sites of the Vladimirovka type.

племенами нарастают и становятся ощутимыми различия отдельных групп общин. В рамках восточнотрипольской культуры выделяются четыре локальных варианта (Цвек 1999: рис. 1).

Большая часть памятников буго-днепровского варианта расположена в бассейнах рек Рось, Горный и Гнилой Тикич. Основные поселения – Зарубинцы, Красноставка, Оноприевка, Веселый Кут, Мирополье, Гарбузин. Накопленный материал позволяет раскрыть его внутреннюю структуру, состоящую из шести групп (гнезд) – памятников, отражающих развитие во времени отдельного социального коллектива от начала и до конца существования общин этого локального варианта (Цвек 1985: 44).

Второй вариант – северобугский (по И. Зайцу) или среднебугский (по С. Гусеву) – объединяет памятники северной части среднего течения Южного Буга, а также бассейн р. Соб. Поселения этого локального варианта (Борисовка, Печера, Клищев и др.), имея общую генетическую основу с памятниками Буго-Днепровского междуречья, в ходе своего развития приобрели своеобразный этнографический облик.

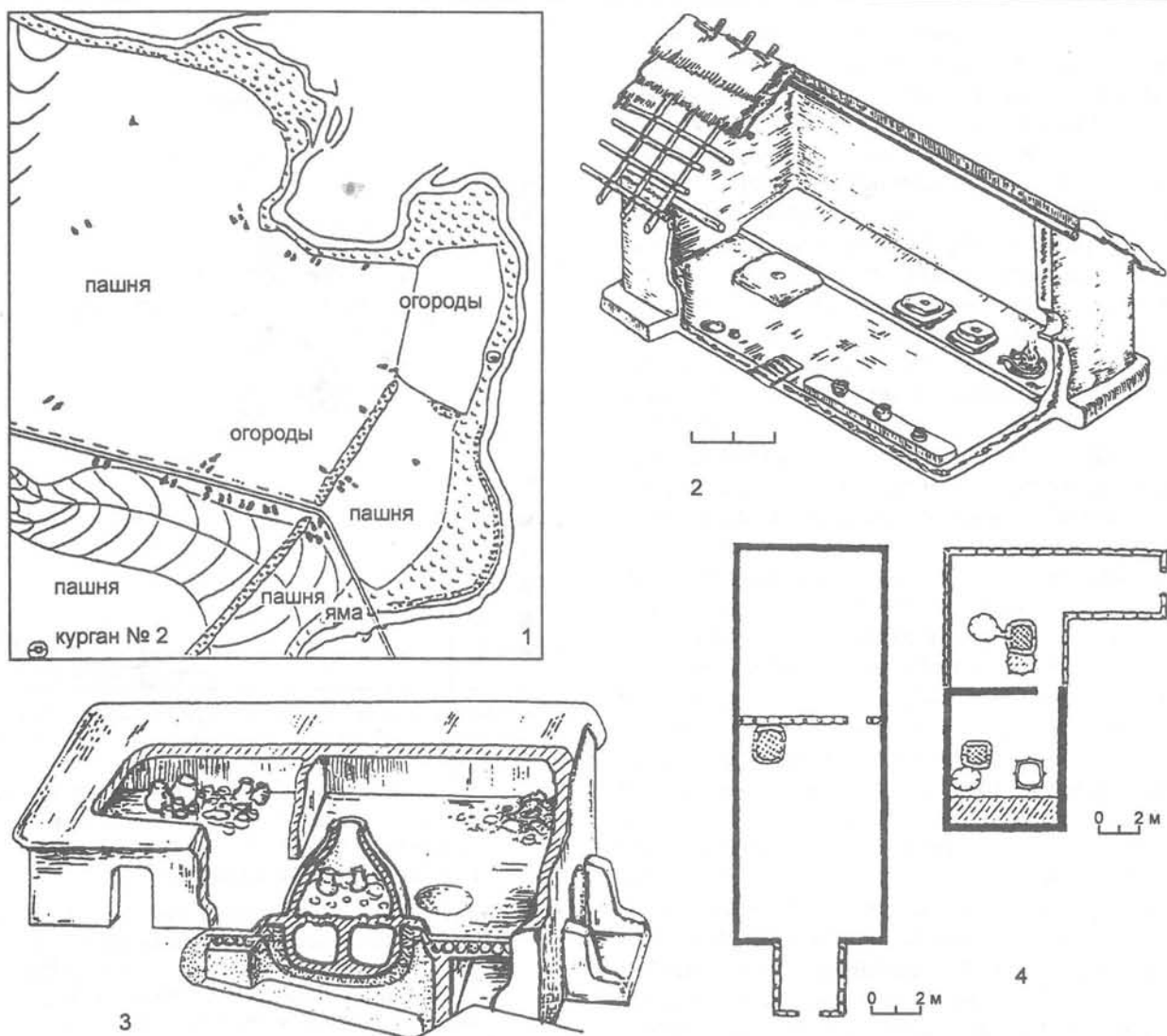

Рис. 21 — план поселения Веселый Кут; 2 — Шкардовское святилище. Реконструкция; 3 — Гончарный комплекс поселения Веселый Кут. Реконструкция; 4 — Планы жилищ поселения Веселый Кут.

Fig. 21 — plan of the settlement of Vesely Kut; 2 — the Shkarovskoe sanctuary (reconstruction); 3 — the potters' workshop of the settlement (reconstruction); 4 — plans of dwellings in the settlement.

Территория распространения третьего южно-бугского локального варианта невелика. Она ограничена с юга средней частью течения Южного Буга, с запада — рекой Удич, с востока — нижним течением реки Синюха. Северной границей, вероятно, была река Большая Вись. Поселения: Березовка, Сабатиновка 1, Кошаринцы, Колодистое.

Формирование четвертого Днепровского варианта относится к середине развитого Триполья. Причиной продвижения населения восточнотрипольской культуры на Днепр явилось внутреннее ее развитие и проникновение в Буго-Днепровское междуречье кукутенских племен.

Локальные варианты восточнотрипольской культуры едины в своем происхождении, но каждый из них имеет яркие отличительные особенности в духовном и материальном облике. Своеобразие им придали контакты с соседними родственными и иноэтничными

племенами Европы. На конкретном археологическом материале постараемся проследить направление этих связей.

Крупной культурно-исторической областью Подунавья эпохи энеолита была Лендельская, в которую как локальные группы входили памятники Западной Словакии, Польши, Западной Волыни и Северного Прикарпатья (Пелешишин 1974: 104-116; 1985: 263-268). Почти с начала своего развития племена восточнотрипольской культуры вступили с ними в контакт. На памятниках типа Красноставки вышеупомянутой культуры (Цвек 1985: 33-35) встречается группа тонкостенных, серолощенных с округлым туловом сосудов, по поверхности которых одной-двумя линиями нанесен спиральный орнамент, дополненный круглыми ямками. Система и стиль прочерченного орнамента напоминает декор посуды дунайского круга культур.

Рис. 3 Основные виды сосудов восточнотрипольской культуры: 1-3, 5-14 — Веселый Кут; 4 — Шкаровка.

Fig. 3 The main types of vessels of the East-Tripolye Culture: 1-3, 5-14 — Vesely Kut; 4 — Shkarovka.

Рис. 4 Сравнительная гистограмма керамических комплексов восточнотрипольской и кукутенской культур.

Fig. 4 Comparative histogram of ceramic complexes of the East-Tripolye and Cucuteni cultures.

Во второй половине этапа В1 связи с культурой Лендель документируют материалы из поселений Тараша, Гребля, Красноставка и др. На памятниках этого типа нами выделена группа тонкостенных сосудов с накольчатоямочным орнаментом (рис. 5: 4). Ямки располагаются под венчиком, их композиции украшают плечики сосудов. Эта новая группа керамики не имеет корней в культуре Прекукутени — Раннее Триполье. Н. Б. Бурдо, публикуя еще один памятник типа Красноставки Соколыцы на Южном Буге, справедливо связывает подобные фрагменты с лендельской культурой (Бурдо 1998: 8-10) и аналогии им находит в энеолите Польши (Kamensca-Kozlowski 1990: рис. 9: 4; 8: 1; 11, 5; 15: 5; 28: 5; 24: 16). На всех памятниках типа Красноставки встречены орудия и нуклеусы из обсидиана. Вероятно, он поступал из районов Западной Словакии, где в это время бытуют памятники группы Бродзяны-Нитра, относимые к периоду Лендель III.

Продолжаются связи и в дальнейшем. Племена восточнотрипольской культуры вплотную соприкоснулись с энеолитическим населением Волыни и вступили с ними в контакт. Лендельские племена на территории Волыни

расселяются по берегам Западного Буга, Стири и Горыни. Здесь известны десятки памятников: Зимно, Гольшев, Листвин и др. В Свентокшицких горах и на правобережье Западного Буга шахтным способом добывался кремль, из которого лендельское население изготовляло разнообразные орудия. Постепенно кремль вытесняет из употребления обсидиан. Из импортной меди плавил и ковали орудия и украшения. На памятнике Злота (Польша) найдено сопло от медеплавильной печи. Отдельные группы населения совершали далекие экспедиции (Прибалтика, Словакия) за сырьем и для обмена. В сферу этих связей попадет и восточнотрипольская культура. Документируется это появлением на памятниках Шкаровского типа новых групп керамики с чертами, характерными для лендельской культуры. Здесь мы встречаем кубки и шаровидные сосуды с двумя петлеобразными ручками на венчике, аналогии которым находим в лендельских памятниках Словакии (Farkas 1987: 9-19; рис. 3: 7) и Волыни (Пелешин 1974: 104-116; 1985: 263, 268). На памятниках последней также встречены миски с симметрично расположенными по краю выступами. Из Ленделя приходит в восточнотрипольскую культуру и форма кувшина (рис. 5: 1, 4). Такого типа сосуды найдены в Шкаровке. Их поверхность часто покрывалась белой краской или охрой, что также характерно для лендельской культуры. Аналогии таким сосудам находим в материалах могильника из Звенигорода (Свешников 1956: рис. 34) и других памятниках Западной Волыни и Южной Польши. Интересен фрагмент тонкостенной чаши из Шкаровки, украшенный соприкасающимися треугольниками, заштрихованными кривой сеткой. Орнамент выполнен красной краской (рис. 6, 8). Система орнамента напоминает декор чаши с поселения у с. Зимне (Захарук 1971: 219). Обратные связи документируют находки на энеолитических поселениях Подолии у Меджибожа, у с. Мелень Коростенского района¹. Здесь встречена типичная для памятников восточнотрипольской культуры керамика с углубленно-спиральной орнаментацией.

Связи лендельского и восточнотрипольского населения, наметившиеся на раннем этапе культуры Лендель Волыни (Зимне-Злота), продолжают и в дальнейшем (памятники типа Вербковице-Костянец). На поселении этого времени у с. Могиляны на Ровенщине (раскопки Ю. Н. Захарука) выявлен кубок², а на поселении у с. Остров, Червоноармейского р-на, той же области миска с роговидными выступами по углам³. Аналогии этим сосудам находим

¹Разведки В. К. Песецкого.

²Экспозиция музея г. Острог, Ровенской области.

³Экспозиция краеведческого музея г. Ровно.

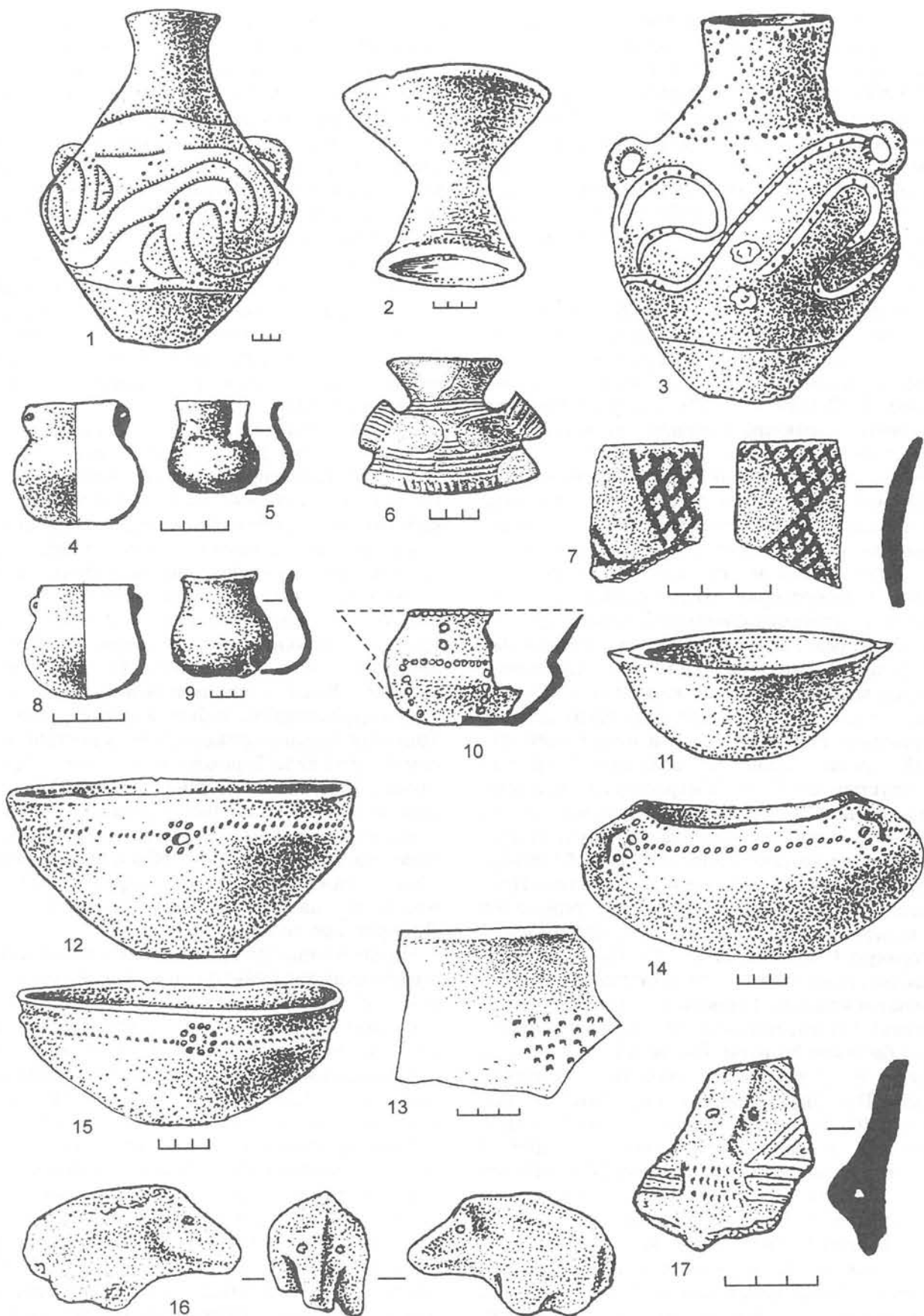

Рис. 5 Импорты и подражания керамике лендельского круга культур: Красноставка – 4, 14; Шкаровка – 5, 6, 8, 9, 10, 12; Веселый Кут – 1, 7, 10, 11, 13, 15, 16-18; Орлик – 2.

Fig. 5 Imports and imitations of the pottery of the Polgar circle of cultures: 1, 2, 3 – Veremye; 8 – Klishchev; 4-7, 9-11 – Vesely Kut.

среди материалов поселений восточнотрипольской культуры у сел Шкаровка, Лишиновка и др. (рис. 5: 5, 6, 9, 10, 12).

На памятниках этапа Вербковице-Костянец распространены широкооткрытые сосуды с рельефными выступами и профилированные миски с углубленным ямочным орнаментом. Сосуды подобной формы и орнаментации, в которых ощущается переработка лендельских образцов, встречены во многих домах поселения Веселый Кут, особенно в его юго-восточной части (рис. 5: 13, 15, 16).

Согласно выводам польских археологов, поселение Вербковице существовало одновременно с памятниками лендельской культуры Бжесткуявского типа и типа Йордансмюль (Sulimirski 1957-1959: 140-142). В связи с этим для уточнения характера контактов культуры Лендель с восточнотрипольской значительный интерес имеет медная очковидная подвеска, выявленная на поселении Веселый Кут. Она была обнаружена на полу жилища № 11 в сломанном виде и состояла из двух частей (рис. 6: 4). Структурный анализ, проведенный Н. В. Рындиной в лаборатории МГУ, подтверждает, что обе части являются обломками одного предмета. Они представляли собой туго закрученные спирали из округлой проволоки, свободные концы которых были слегка изогнуты. Спектральное и структурное изучение обеих деталей украшения показало, что они имеют идентичный состав (медь II химической группы и структуру 69: 5, 6). Микроструктурный анализ подтвердил, что в начале горячей ковкой при $t = 600-800^\circ$ изготавливался округлый прут, концы которого навивались на болванку, а затем осаживались кузнечным молотом. Процессы, завершающие формовку украшения и кузнечные операции, также осуществлялись в горячую (Рындина 1998: 143, 144). Очковидная подвеска, близкая веселокутской, входила в состав клада из Глинско у Липника (Южная Чехия). Украшения этого типа концентрируются в бассейне Моравы, Вислы и Одры, попадая также в придунайскую область, в верховья Лабы. Подобные подвески в их раннем проявлении Ю. Павелчик связывает с восточноальпийской и западнокарпатской территорией и датирует их периодом Лендель IV (V) (Pavelsik 1979: 331). К этому же времени относит начало периода IIIA Куявской культуры Л. Черняк. (Czerniak 1980: 87, Rys. 36: 1; Rys. 39: 3).

Контакты с культурой Лендель влияли и на мировоззрение населения восточного региона. Исследователи отмечают частые захоронения животных на поселениях лендельской культуры (Pavuk, Siska 1981: 42; Кучинко, Охрименко 1995: 40). Погребение овцы выявлено под полом одного из жилищ на поселении Веселый

Кут. У населения веселокутского типа памятников существовал ритуал закладки под будущее жилище зооморфных пластических изображений животных, рыб и т. д. (рис. 5: 12). На алтаре керамической мастерской из Веселого Кута найден трехчастный культовый сосуд, аналогии которому по форме находим в лендельской культуре (Глубокие Мосувски), но композиция и стиль росписи характерны для поселений Триполья (Цвек 1993: 81, рис. 3: 2; 84).

Суммируя сказанное, мы можем считать, что начало контактов восточнотрипольских общин с лендельскими относится к периоду VI Триполья – Лендель III и продолжается в Лендель IV. Вероятно, близкое соседство и сходные системы хозяйства вызвали столь тесные и продолжительные связи.

В конце периода Лендель IV на севере центральной Европы фиксируется появление культуры воронковидных кубков, характерными признаками которой была керамика с отклонёнными венчиками. Сосуды отличаются совершенной техникой изготовления. Они темных или коричневых цветов, хорошо заглажены, в тесте имеется примесь песка. Украшены сосуды разными деталями ручек в виде крыльев бабочки, рогов, рельефными изображениями людей или баранов. На территории Западной Волыни с приходом носителей культуры воронковидных кубков в начале этапа СII Триполья связано прекращение существования памятников типа Вербковице-Костянец (Круц, Рыжов 1997: 26). Племена восточнотрипольской культуры находились в тесных контактах, о чём мы писали выше, с населением, оставившим памятники типа вербковице-костянец. Можно даже предполагать инфильтрацию их населения на веселокутском этапе в Буго-Днепровское междуречье.

На следующих по времени за Веселым Кутом памятниках типа Мирополье сделаны интересные наблюдения. Типичная для восточнотрипольской культуры форма – кратер изменяет свои пропорции, удлиняется ее тулово и воронковидный венчик. Исчезает типичный для кратеров углубленно-ленточный орнамент, уступая место отдельным отрезкам углублённых линий, ямок или сосуд остается неорнаментированным, в тесто добавляется песок. Появляется новая форма ручек (рис. 5: 7). Керамика декорируется антропоморфными и зооморфными (так называемые «личины») рельефами (Веремье – рис. 5: 17; Веселый Кут, Мирополье). Кухонные сосуды украшаются букранями. Перечисленные детали в какой-то мере характерны для декора сосудов воронковидных кубков. В вышеупомянутой культуре получает распространение культ грома, молнии, ветра, солнца. В Польше и на Волыни

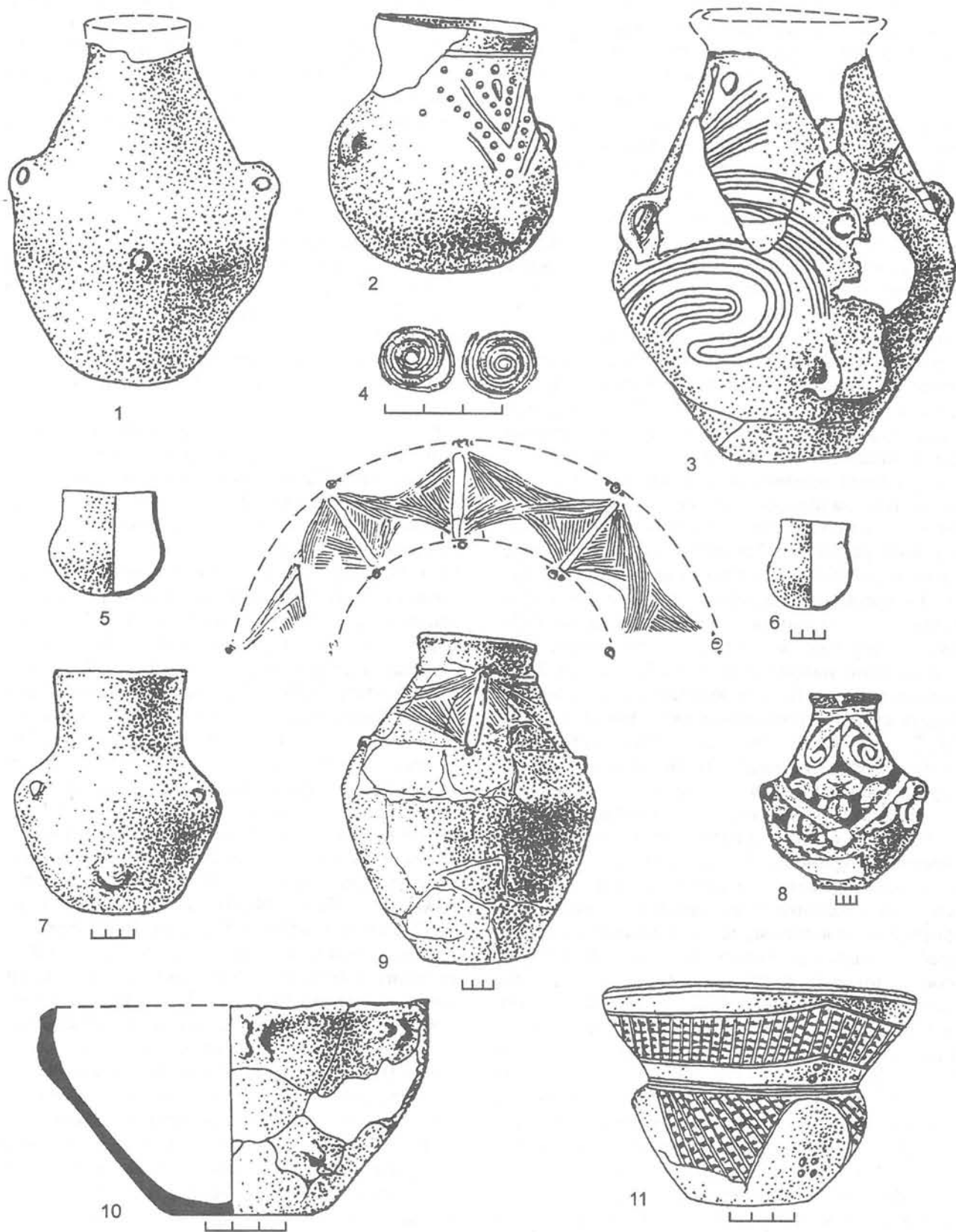

Рис. 6 Импорты и подражания керамике полгарского круга культур: Веремье – 1, 2, 3; Клищев – 8; Веселый Кут – 4-7, 9-11.

Fig. 6 Imports and imitations of the pottery of the Polgar circle of cultures: 1, 2, 3 – Veremye; 8 – Klishchev; 4-7, 9-11 – Vesely Kut.

(Новоселки на р. Стырь) выявлены глиняные или янтарные амулеты-топорики разных форм. Эти находки М. Пелешин относит к этнографическим особенностям культуры воронковидных кубков (Пелешин 1990: 42). Глиняный топорик-амулет был выявлен нами во время раскопок одного из жилищ Мирополья. На следующем по времени за Миропольем поселении Гарбузин фиксируются здания с подвальными помещениями, нехарактерные для Триполья. Аналогии этим постройкам мы встречаем в культуре воронковидных кубков. Все сказанное выше позволяет предположить влияние на восточнотрипольские племена Буго-днепровского междуречья со стороны населения культуры воронковидных кубков. Характер этих связей пока непонятен. Исследователи относят появление культуры воронковидных кубков к рубежу этапов СІ-СІІ, памятники типа Мирополье-Гарбузин датируются этапом ВІІ Триполья. По мнению В. Генсея, носители культуры воронковидных кубков вели еще более подвижный способ жизни чем представители лендельской культуры. Возможно, в конце развитого Триполья были отдельные проникновения носителей этой культуры в Буго-Днепровское междуречье с территории Польши, где памятники с воронковидными кубками датируются более ранним временем.

Еще одно направление связей – ареал Карпатского бассейна, где контакты с восточнотрипольскими племенами фиксируются с этапа ВІ. В памятниках типа Красноставки (Красноставка, Гребля, Тараша, Лисовое) присутствует группа керамики, в орнаментации которой преобладают композиции, сочетающие горизонтальные и вертикальные ряды ямок или отпечатков трубочки. Иногда орнамент дополняется роговидными и клювовидными выступами. Эта керамика представлена несколькими формами: кувшином, широкооткрытым горшком и четырёхгранными сосудами. Их поверхность покрыта ангобом, иногда подложена, в тесте встречается песок, толчёный кварцит и известь. Ближайшие аналоги ей встречаются в тисаполгарской и других близких ей культурах (Bognar-Kutzian 1972: XVII: 6, 9, 15; XVIII: 4; XXV: 2; LVIII: 1), что позволяет говорить о появлении новой группы керамики у населения Буго-Днепровского междуречья под влиянием носителей тисаполгарской культуры.

В сфере активного обмена у древнего населения Карпатского бассейна был обсидиан. Нуклеусы и орудия из этого минерала встречены на поселениях восточнотрипольской культуры у сел Тараша и Мирополье. Особенно четко прослеживаются связи указанных культур на памятниках типа Веселого Кута, где так же встречаются сосуды (рис. 6: 1, 3, 4, 6, 7),

близкие керамике тисаполгарской культуры (Bognar-Kutzian 1963: pl. VI: 3, 4; XII: 4; XVII: 5; XLVI: 2, 3; L: 9; СІІІ: 6, 8; СІV: 3; СХІ: 4; 1972: pl. XVII: 6, 9, 15; XVIII: 4, 10; XX: 4; XXV: 2; LVIII: 1). Форма большой миски-таза с двухярусными петельчатыми ручками (рис. 6: 9) так же заимствована в энеолитической керамике указанного круга культур. В этот же период появляются сосуды с нехарактерной для кукутено-трипольской общности углубленно-сетчатой орнаментацией (рис. 6: 11). Ближайшие аналогии мы находим в тисаполгарской культуре и на раннем этапе бодроккерестурской (Siska 1970: 271, 272, t. XV; Bognar-Kutzian 1963: СХХІІ; Pavuk, Siska 1981: Fig. 7: 13; 52). К началу бодроккерестурской культуры относятся и чернолощенный кувшин-амфора, декорированный тонкими углубленными линиями (рис. 6: 9).

Более слабое влияние тисаполгарской культуры ощущается в форме некоторых сосудов с поселений Южного Буга (Заец, Рыжов 1992), например поселение Клишев (рис. 6: 8). Это явление можно отметить и для кукутенских поселений Трушешти, Хэбшешти (Dumitrescu V. 1974: 100, fig. 10). В период Кукутени А-В эти связи становятся еще более тесными. На поселении в Речи (Трансильвания) найдены фрагменты сосудов тисаполгарской и бодроккерестурской культур вместе с керамикой Кукутени А-В (Szekely 1964: 123). На поселении Траян Дялул-Фынтынилор найден сосуд с четырёхугольным в плане туловом (Dumitrescu H., Dumitrescu V. 1959: fig. 71: 8), аналогии которому имеются в керамике бодроккерестурской культуры. Здесь же встречена золотая подвеска, обычная для могильников этой культуры.

Связи кукутенских племен с западными соседями хорошо изучены В. Думитреску (Dumitrescu V. 1974: 34-35) и рассматривались В. С. Титовым (Titov 1971: 1-8). Наиболее полно хронологическое соотношение культур Карпатского бассейна разработано словацкими археологами (Siska 1968: 61-176; Pavuk, Siska 1980: 136-158; 1981: 31-58). С. Шишка, объединивший практически все энеолитические памятники Потисья в единую полгарскую культуру, сопоставляет тисаполгарский и бодроккерестурский ее этапы с развитым Трипольем, а лажнянский – с поздним. Этому заключению не противоречат и сделанные нами выводы относительно контактов носителей восточнотрипольской культуры с населением Карпатского бассейна.

Было ли влияние тисаполгарской и бодроккерестурской культур прямым или осуществлялось при участии энеолитических племён Закарпатья пока судить трудно. При этом следует отметить, что большая часть сосудов с чертами,

Рис. 7 Импорты и подражания керамике гумельницкого круга культур: Березовка 1-3; 5-7; Сокольцы — 4.

Fig. 7 Imports and imitations of the pottery of the Gumelnitsa circle of cultures: 1-3, 5-7 — Berezovka; 4 — Sokol'tsy.

близкими полгарской керамике, изготовлялась из местной глины на поселениях восточнотрипольской культуры. Некоторые образцы, имея полгарскую форму, были декорированы в местных традициях (рис. 6: 2, 8) и наоборот (рис. 6: 11).

Интересен вывод Н. В. Рындиной о том, что на юго-западной периферии кукутенского ареала металлические изделия, найденные в карпато-поднепровском регионе буквально смыкаются с подобными тисско-трансильванскими, образуя «коридор», по которому двигался на восток металл Карпатского бассейна (Рындина 1998: 136). Вслед за металлом, вероятно, шла керамика и другие изделия.

Для уточнения характера взаимосвязей общин восточнотрипольской культуры с племенами карпатского бассейна необходимо привлечь энеолитическое погребение на Полтавщине у села Орлик (Лугова, Расамакин 1985: 53-57). Аналогии форме и тесту найденного в нём сосуда, по мнению авторов, ведут к тисполгарской культуре (рис. 5: 2). Можно предположить, что некоторые представители карпатской котловины с целью обмена медных изделий проникали далеко на восток, иногда оседая в местной среде. Состояние изученности энеолита Закарпатья (Потушняк 1985: 291-301), к сожалению, не дает пока возможности более детально понять характер взаимосвязей рассмотренных культурно-исторических областей.

Еще одна область, с которой поддерживали связи восточнотрипольские племена, была нижнедунайская. Начало контактов племен Прекукутени – Раннее Триполье с носителями культур Боян, Коджадермен, Болград-Алденъ и Гумельница хорошо документируется материалами памятников, представляющих эти культуры. Активизируются связи в начале среднего Триполья как с кукутенскими племенами, так и с носителями восточнотрипольской культуры. Влияние населения гумельницкой культуры отражено в материале ряда поселений буго-днепровского междуречья (Красноставка, Гребля и др.). Но особенно выразительно эти контакты фиксируются на поселениях этапа VI южнобугского локального варианта описываемой культуры. Истоки этого явления уходят в местное раннее Триполье. Целый ряд находок александровской группы раннетрипольских поселений свидетельствует о связях с культурами гумельницко-карановского круга (Бурдо 1993: 22). Материалы Березовского поселения, полученные нами в результате раскопок последних лет, показывают продолжение этих взаимоконтактов. Многоярусные сосуды из упомянутого поселения находят аналогии в культуре Гумельница, куда они пришли через культуру Боян из культуры Хаманджия. Но

самые близкие контакты жители Березовского поселения имели с носителями культуры Болград-Алденъ. Начальные звенья восточнотрипольской культуры совпадают с существованием этой культуры. Сформировалась она в Балкано-Дунайском регионе на основе неолитической культуры Боян и Хаманджия, как один из вариантов культуры Гумельница, распространена на территории современной Румынии и Болгарии. На Украине известно около 50 памятников в придунайских районах Одесской области. Имеются её поселения и на юге Молдовы (Бибииков, Субботин 1971: 263-268; Бейлекчи 1978: 1-152). Размещались поселения на высоких берегах Дуная, Прута и пресноводных озёр, на пологих склонах небольших рек. Поселения небольшие от 1,5 до 10 га. Углубленные и наземные жилища отапливались открытыми очагами. Аналогичные обогревательные сооружения выявлены в домах Березовки и других синхронных ей памятниках восточнотрипольской культуры. На Березовском поселении имеется целая группа керамики, в орнаменте которой чередуются залощенные и матовые зоны – элемент декора, характерный для культуры Болград-Алденъ. Близки по форме и технике нанесения орнамента также сосуды, украшенные рустом. На памятниках южнобугского локального варианта обнаружены многогранные сосуды, переносные алтари, аналогии которым также находим в материалах культуры Болград-Алденъ. В этот же период отмечены контакты с вышеупомянутой культурой кукутенского поселения Русешты Ной (Молдова), которые документируют находки пяти и шестигранных сосудов, круглый столик-алтарь на ножках и другие находки (Маркевич 1970: 56-58).

Контакты Березовского поселения с культурами гумельницкого круга отмечал один из исследователей этого памятника (Цыбесков 1971: 187-192). В археологическом комплексе Березовского поселения присутствует значительное количество изделий из меди. Основным посредником в получении населением Триполья металла с горных разработок Болгарии и в налаживании контактов с ними были первоначально племена культуры Боян, а позднее – носители культуры Болград-Алденъ (Стойкань-Алденъ) и Гумельница, что, в какой-то мере, подтверждает и объясняет определенную направленность связей населения этого района восточнотрипольской культуры.

Влияние нижнедунайского круга культур периода энеолита нашло отражение и в мировоззрении жителей Березовского и близких ему поселений. Наибольшее распространение в их среде получил культ луны и змеи в различных его вариантах. Религиозные представления, в виде мифов и обрядности, связанные с образом

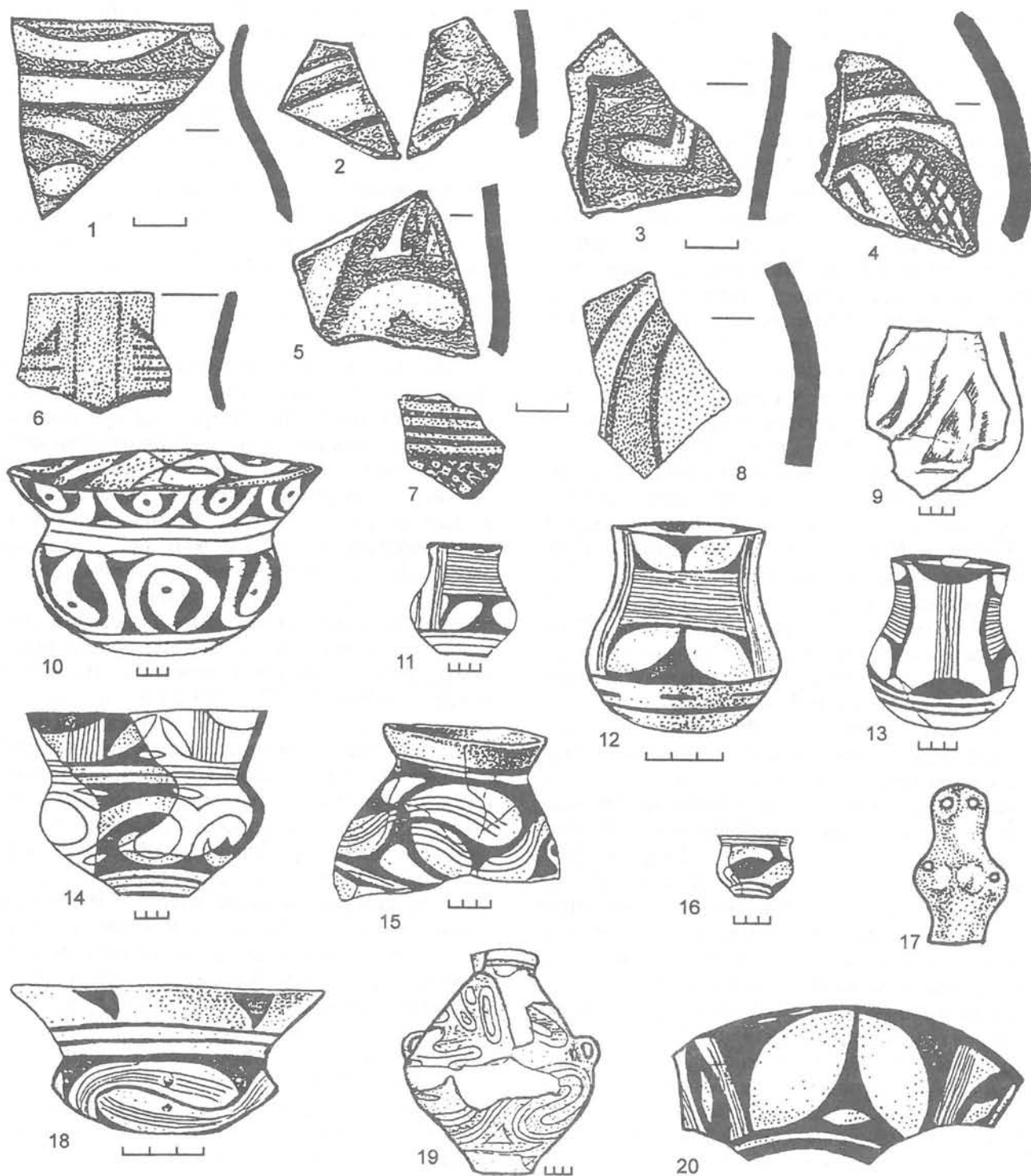

Рис. 8 Импорты и подражания керамике кукутенской культуры: Березовка – 1-5; Шкарровка – 6, 7, 8; Веселый Кут – 9, 10, 19; Гарбузин – 11-17, 20.

Fig. 8 Imports and imitations of the pottery of the Cucuteni Culture: 1-5 – Berezovka; 6, 7, 8 – Shkarovka; 9, 10, 19 – Vesely Kut; 11-17, 20 – Garbuzin.

последней, по мнению В. Н. Даниленко и В. Г. Збеновича, относятся к периоду формирования раннетрипольской культуры (Даниленко 1974: 24; Збенович, 1991: 20). В этот же период формируется гумельницкая культура, в декоре сосудов которой также встречается образ змея. Свидетельством поклонения змее у населения южно-бугского локального варианта являются переносные алтари. В центре круглого диска одного из них помещена идеограмма свернувшейся в клубок змеи (рис. 7: 1), а по краям выгравированы знаки, которые имеют определенную семантику (рис. 7: 1). Переносные алтари близкого типа встречены в культуре Алдень II. Изображения змеи известны на антропоморфных глиняных жертвенниках культуры Градешница (Николов 1974: 65, 67). Интересной находкой, раскрывающей мировоззрение жителей Березовского поселения, является сосуд в орнаментике которого отражена идея древнейшего лунно-солнечного календаря (рис. 7: 2) (Цвек 1993: 36).

В самом раннем слое Березовского поселения найдена сильно стилизованная антропоморфная, так называемая «скрипичная» фигурка (Цыбесков 1971: 191, рис. 5: 31), которая, вероятно, является импортом с поселений гумельницкого круга культур. К более поздним слоям (II-III) относится антропоморфная пластика, изображающая женщину с поднятыми вверх руками. В связи с ними очень интересна недавно опубликованная Н. Б. Бурдо терракота из Сокольников (Бурдо 1998: 9). Фигурка изображена в позе оранты и декорирована углублённым орнаментом (рис. 7: 4). Аналогии этой статуэтке автор публикации находит в материалах культуры Подунавья Стойкань-Алдень-Болград, родственной культуре Гумельница (Dragomir 1983: рис. 50, 51, 53; Субботин 1983: рис. 49, 50). Близкая пластика выявлена на поселениях Стойкани и Тараклия (Бейлекчи 1989: рис. 1: 1, 6). Соколецкая статуэтка является ещё одним свидетельством влияния нижнедунайских культур на трипольское общество (Бурдо 1998: 9). Сюжет орнамента (изображение двух змей), отвечающий традициям ранних поселений восточнотрипольской культуры, отмечен и для других категорий керамических изделий (рис. 7: 3, 5, 6). В дальнейшем в более стилизованном виде этот орнамент получит распространение на более поздних памятниках и в других локальных вариантах восточного Триполья.

Население южно-бугского района практиковало определённые ритуалы, связанные с печами, что подтверждает выявленная на березовском поселении модель печи с культовыми признаками (рис. 7: 7). Существование аналогичных обрядов присуще культурам дунайского круга, где мы и находим аналогию уникальной

модели из Березовки (Николов 1990: 33, рис. 1-2; Овчинников 1994: 141-151).

Вышесказанное свидетельствует, что в религиозных представлениях жителей описанного региона в период развитого Триполья наряду с генетической связью с раннетрипольскими поселениями ощущается и влияние гумельницкого круга культур, особенно ближайших соседей — населения культуры Болград-Алдень II.

Взаимосвязи носителей восточнотрипольской культуры с населением Попрутья и Поднестровья фиксируются с начала её возникновения. Основным свидетельством этих контактов является высококачественная орнаментированная роспись посуда. Был ли это экспорт керамики или же она являлась сопутствующим продуктом обмена изделиями из камня и металла пока не ясно. В материалах многослойного поселения Березовка на Южном Буге отмечены самые ранние следы этих связей. В нижнем слое этого поселения встречены фрагменты импортных сосудов с кукутенских памятников. Они расписаны темно-коричневыми треугольниками на беловатом, иногда палевом, фоне. В следующем — II слое роспись носит уже иной характер. Сосуды украшены фестонами и завитками и декорированы тремя красками — красной, белой и черной, причем последняя используется для окаймления основного рисунка. По мнению В. П. Цыбескова эти фрагменты можно синхронизировать с Извоаром II-лаб (Цыбесков 1971: 187-192). Фрагменты керамики из III слоя расписаны S-видной спиралью. Основной рисунок, исполненный белой краской, окаймлен чёрной, которая, в свою очередь, подчеркнута темно-красной. В IV слое выявлен почти целый горшок расписанный S-видными спиральями. Позитивный рисунок выполнен белой краской, окаймленной черной линией, которая, в свою очередь, подведена темно-красной. Красной же краской заштрихованы остатки поверхности, незаполненные основным рисунком. Фрагменты тонкостенного кубка были выявлены в яме 1 пл 2 (рис. 8: 1), поверхность которого покрыта росписью, аналогичной вышеописанной. В этом же жилище встречено несколько фрагментов с росписью стиля «меандр» (рис. 8: 2, 3, 5). По аналогиям этот период можно сопоставить с памятниками типа Извоар II, 2. В это время существуют поселения Хэбэшешть, которые В. Думитреску датирует Кукутени АЗ (Dumitrescu V. 1954). Следует подчеркнуть, что на этапе VI Триполье устанавливаются тесные контакты с ясской группой кукутенских племен в этом регионе расположено поселение Извоар, Скынтейя и др. (Vulpe 1957: 156; Mantu 1995: 115-132). В предпоследнем слое Березовки мы также встречаем импортную керамику с росписью

и фрагменты сосудов с углубленным желобчатым орнаментом. Оба вида керамики выполнены из мелкоструктурного теста («отмученной» глины). Ближайшие аналогии им мы находим на поселении Поливанов Яр III из Поднестровья (Попова 1985: 22-23). В самом верхнем слое Березовки выявлена импортная расписная керамика. По беловатому залощенному ангобу темно-коричневой краской нанесен рисунок, его элементы заполнены косой сеткой из тонких коричневых линий (рис. 8: 4). Подобный орнамент встречен на поселении Молдавии Верхние Жоры (Sogokin 1996: 17, рис. 5). В верхних слоях Березовки присутствуют отдельные фрагменты, близкие Васильевке, но нам кажется, что Васильевка может датироваться позднее финальных слоев Березовки. В Васильевке найдена керамика с каннелюрами и покраской (Шумова 1994: 83), которую мы не наблюдаем в Березовке.

На поселениях Среднего Побужья этапа VI появляются сосуды, покрытые оранжевым ангобом и украшенные углубленным широкожелобчатым орнаментом. По форме и стилю декора указанная керамика близка посуде из памятников этого времени Среднего Поднестровья (этап VI). Обитатели последних, возможно, приняли участие в сложении среднебугского локального варианта восточнотрипольской культуры. Следы контактов с днестровскими племенами можно проследить и в материалах поселений типа Красноставки и типа Оноприевки в Буго-Днепровском междуречье. В Красноставке выявлен фрагмент сосуда с ракушкой в тесте, его поверхность украшена волнистой лентой из тонких углубленных линий, окаймленных мелким зубчатым штампом (Цвек 1985: 36, рис. 1: 1). Ближайшие аналогии фрагменту находим в материалах поселения Журы на Днестре.

На кукутенских поселениях Хэбэшести и Трушести выявлены сосуды, характерные для восточнотрипольской культуры (Dumitrescu V. 1974: 129, f. 135; Petrescu-Dumbovita 1953: 18, f. 8), что еще раз подтверждает взаимодействия этих культур.

В дальнейшем взаимосвязь Побужья с кукутенскими племенами документируется керамикой из Клищева. Многие расписные сосуды из этого поселения аналогичны керамике поселений типа Жур. Особенно близки амфоры, украшенные белыми спиральными лентами с черной обводкой, не являющиеся подражанием. По всей вероятности, они выполнены в Клищеве выходцами из Поднестровья. Вышесказанное позволяет сделать предположение о каком-то импульсе со Среднего Днестра на Южный Буг во второй половине этапа VI и в начале периода VI-VII (Кукутень A4 — начало Кукутень A-VI). Среди керамики с углубленным

орнаментом, найденной в Клищеве, встречаются сосуды, форма и орнаментальная композиция которых вполне обычны для поселений Днестра этапа VI.

О контактах носителей солоченской группы кукутенской культуры с населением Буго-Днепровского локального варианта восточнотрипольской культуры говорят находки как расписной, так и кухонной керамики, импортируемой с указанных памятников.

По мнению В. Шумовой, которая исследовала материалы Васильевки и датировала памятник этапом Кукутени A3 — финалом VI, в формировании памятника сильно ощущается кукутенский импульс из бассейна Прута (Шумова 1994: 86). В дальнейшем на этапе VI-VII (Кукутень A-B) Среднее Поднестровье попадает в зону расселения племен Солоченской локальной группы. В Васильевке и на памятниках этой группы присутствуют сосуды, украшенные каннелюрами с последующей прокраской белой и красной краской. Керамика с подобной орнаментацией выявлена на поселениях Буго-Днепровского междуречья, правда, более поздних, чем Васильевка (Зюбриха, Шкаровка, Веселый Кут) (Цвек 1985: 37, рис. 1: 7). Описанный тип орнаментации присущ керамическому комплексу памятников типа Дрэгушень откуда подобные сосуды были импортированы через Васильевку, а позднее через Солонченскую группу в Буго-Днепровское междуречье (рис. 8: 19).

Большой интерес вызывают и фрагменты импортных сосудов, найденные в Шкаровке, указывающие на связи местного восточнотрипольского населения с Залещицкой общиной Поднестровья. Среди них сосуды, по белому фону которых нанесена красная роспись с черной обводкой (рис. 8: 8). Аналогии этой керамике находим среди поселений Среднего Днестра (Глыбочек, урочище Стинка). В Глыбочке встречена и керамика с углубленным орнаментом, изготовленная из отмученной глины и характерная для памятников Поднестровья. Это — грушевидный сосуд с зауженной нижней частью, представлявшей собой своеобразный поддон. Аналогичные по форме сосуды бытуют в Шкаровке (Цвек 1980: 174, рис. 3: 3). На поселениях шкаровского типа выявлены тонкостенные кубки с красной росписью. В системе орнамента — тонкие линии, треугольники, сетка (рис. 8: 6, 7). Близкие по форме и орнаменту сосуды бытуют в Залещицкой группе памятников Поднестровья (Виноградова 1983).

Во второй половине этапа VI-VII связи населения двух ареалов не прекращаются, о чем свидетельствуют материалы поселений Буго-Днепровского междуречья типа Веселого Кута. Здесь встречены образцы (рис. 8: 10),

импортируемые с поселений Поднестровья типа Поливанова Яра (Пассек 1961: 111). В этот же период появляется местная керамика с росписью, которая отличается от импортной как по составу теста, так и по стилю росписи. Сосуды выполнены из теста с примесью песка, их поверхность покрыта плохо сохранившейся красной росписью (рис. 8: 9), подражающей росписи залещицкой группы. На поздних площадках Веселого Кута встречены импортные расписные кратеры. По естественному фону сосуда нанесена темно-коричневая роспись. В системе орнамента — фестоны, листовидные фигуры, круги. Отдельные части фриза разделены вертикальными лентами из тонких темно-красных линий. Аналогии этим сосудам мы находим среди материалов поселения Бучач и памятников его окружения. Через территорию Буго-Днепровского локального варианта расписная керамика из центров Днестра проникает на Днепр (Веремье).

Контакты продолжаются и на этапе VII. Серолощенная керамика с монохромной темно-коричневой росписью, типичная для днепровского поселения Раковец, в единичных экземплярах встречается в Веселом Куте. В большем количестве аналогичные сосуды выявлены на более поздних поселениях типа Мирополье буго-днепровского локального варианта восточнотрипольской культуры. Поселение Раковец и синхронные ему памятники Поднестровья Е. К. Черныш датирует этапом VII, по периодизации Т. С. Пассек, и относит его к сорокско-петренскому варианту. Т. А. Попова считает более приемлемой датой бытования этих памятников середину этапа VII, что согласуется с нашей датировкой Мирополья. В конце этапа VI-VII со Среднего Поднестровья общины поздних фаз залещицкой группы переселяются на Верхний Днепр. Здесь складывается выделенный В. Круцом и С. Рыжовым особый локальный вариант культуры. Переселившиеся общины занимают территорию бассейна Днестра от реки Большой Луки в районе Незвиско и выше по течению. Они образуют небольшие поселки с гнездообразным размещением жилищ. Район Верхнего Поднестровья привлекал население большими залежами высококачественного туронского кремня, многочисленными выходами минеральных соляных источников (Круц, Рыжов 1997: 23-32). Но, вероятно, в этот период на Среднем и Верхнем Поднестровье происходят какие-то демографические процессы. Залещицкие общины, как мы уже писали, еще на этапе VI-VII вступили в контакт с населением восточнотрипольской культуры. Их потомки, переселившиеся на Верхний Днепр продолжают эти связи, о чем свидетельствуют материалы из Веселого Кута.

На заключительном этапе развитого Триполья (вторая половина этапа VII) в Побужье и Буго-Днепровском междуречье появляется ряд поселений Гарбузин на Роси, Гордашевка на Горном Тикиче, Андреевка и Лекарево на Большой Выси, Тростянчик на Южном Буге и др. Сопоставление керамических комплексов этих памятников выявило их сходство и различие. На всех поселениях присутствует довольно большое количество сосудов (40-60%), украшенных росписью. Для этой группы керамики характерно сочетание темно-коричневого монохромного орнамента с ярко-оранжевым или красным ангобом, нанесенным на тщательно залощенную поверхность. В композициях присутствуют круги, овалы, растительные элементы, реже антропоморфные изображения (рис. 8: 11-16, 18, 20). Если эта керамика на всех перечисленных поселениях почти идентична, то сопровождающие ее сосуды с углубленным орнаментом и керамика с примесью ракушки имеют яркие местные локальные черты. Это позволяет сделать предположение о каком-то практически одновременном импульсе с Верхнего Днестра (Бучач, Незвиско и др.).

Суммируя вышесказанное, можно констатировать контакты между населением западного и восточного ареала Кукутено-Трипольской общности на протяжении всего развитого Триполья. Характер этих связей был неоднозначен. Если на ранних этапах существования восточнотрипольской культуры контакты с населением Поднестровья и Попрутья носили характер обмена, результатом чего и была импортная расписная керамика, то в конце этапа VII фиксируется какой-то импульс с Верхнего Днестра на территорию восточнотрипольской культуры.

В поисках новых земель кукутенские племена не могли двигаться на запад. За Прутом лежали густонаселенные районы с избыточным населением. В этих условиях в поисках новых земельных угодий и сырьевых ресурсов кукутенские общины предпочитали двигаться к востоку. Следы движения раньше всего проявляются на Южном Буге (Клищев). В Буго-Днепровском междуречье этот процесс нашел отражение в материалах заключительной фазы Веселокутского поселения, в Мирополье, Гарбузине и др. Очевидно в это время становятся более напряженными отношения племен восточнотрипольской культуры с кукутенским населением. Возможно, это подтверждает находка на поселении Мирополье метательного оружия — глиняных шаров-боласов. В конце развитого Триполья на территории восточного региона происходит сложный процесс, который закончился ассимиляцией части местного населения восточнотрипольской культуры пришельцами с Днестра.

Восточнотрипольская культура, возникнув в первой половине IV тыс до н.э (по традиционной хронологии), просуществовала более тысячелетия. Различия топографии и планировки поселений, разнообразные типы построек, совершенствование домостроительных приемов и, главным образом, изменения в керамических комплексах (появление новых и исчезновение старых категорий, групп керамики, форм сосудов, орнаментальных схем и их разное процентное соотношение) позволило выделить в развитии культуры

четыре этапа (Цвек 1994: 64–66). Первый этап (VI) формирование культуры, второй и третий (VI–VII; VII) ее расцвет. В этот период общины восточнотрипольской культуры занимают наибольшую территорию от Южного Буга до Днепра. На IV этапе она резко сокращается. Только на небольшом участке Поднепровья племена восточнотрипольской культуры продолжают свое существование до финальных фаз Триполья, где и завершают свой исторический путь.

- Бибииков, С. Н., Л. Н. Субботин. 1985. Памятники культуры Гумельница на территории Украины // Археология Украинской ССР I: 263–268. Киев: Наукова думка.
- Бурдо, Н. Б. 1993. «Населення раннього етапу трипільської культури межріччя Дністра та Південного Бугу». Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Київ.
1998. Трипільське поселення етапу VI біля с. Соколиці на Південному Бугу // Археологічні відкриття в Україні 1997–98: 8–10. Київ.
- Виноградова, Н. М. 1993. Племена днестровско-прутського міжуреччя в період расцвету трипольської культури. Кишинев.
- Даниленко, В. Н. 1974. Энеолит Украины. Киев: Наукова думка.
- Захарук, Ю. М. 1971. Початкова доба мідного віку західних областей УРСР // Археологія Української РСР I. Київ: Наукова думка.
- Заец, И. И., С. Н. Рыжов. 1992. Поселение трипольской культуры Клищев на Южном Буге. Киев: Наукова думка.
- Збенович, В. Г. 1989. Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. Киев: Наукова думка.
1991. Дракон в изобразительной традиции культуры Кукутени-Триполье // Духовная культура древних обществ на территории Украины. Киев: Наукова думка.
- Збенович В. Г., В. А. Шумова. 1989. Трипольская культура Среднего Поднепровья в свете новых исследований // Первобытная археология: 97–106. Киев: Наукова думка.
- Круц, В. О., С. М. Рыжов. 1997. Верхнеднестровская группа пам'яток трипільської культури та нові данні про зв'язки трипільців з населенням полгарської і лендельської культур // Археологія 2: 23–30.
- Кучінка, М. М., Г. В. Охріменко. 1985. Археологічні пам'ятки Волині. Луцьк.
- Лугова, Л. М., Ю. А. Росомакін. 1985. Енеолітичне поховання в кургані біля с. Орлик Полтавської області // Археологія 49: 53–57.
- Маркевич, В. И. 1970. Многослойное поселение Новые Русещы I // Краткие сообщения Института археологии АН СССР I 23: 56–68.
- Николов, Б. 1974. Градешица. София.
1990. Моделът на пещ от Слатино: опит за интерпретация // Археология XXXIII/2–3: 32–38. София.
- Овчинников, Е. В. 1994. Модель печі з трипільського поселення Березівка // Археологія 3: 149–151.
- Пелещишин, Н. А. 1974. Племена мідного віку Прикарпаття і Волині: 104–116. Киев: Наукова думка.
1985. Энеолитические культуры Волини и Подолы // Археология Подолы Украинской ССР I: 263–268. Киев: Наукова думка.
- Пассек, Т. С. 1961. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья // Материалы и исследования по археологии СССР 84. Москва: Наука.
- Попова, Т. А. 1985. Початок розвинутого Трипілья на Середньому Дністрі (за матеріалами Поляванового Яру) // Археологія 52: 22–33.
- Потушняк, М. Ф. 1985. Полгарская и баденская культуры Закарпаття. // Археологія Української ССР I: 291–301. Киев: Наукова думка.
- Рындина, Н. В. 1998. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-восточной Европы. Москва.
- Свешников, И. К. 1956. Могильник в селе Звенигород Львовской области // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 63: 57–68.
- Сорокин, В. Я. 1991. О сваях культуры Прекукутень-Триполье А // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья: 83–85. Киев
- Цвек, Е. В. 1980. Трипольские поселения Буго-Днепровского междуречья (к вопросу о восточном ареале культуры Кукутени-Триполье) // Первобытная археология. Поиски и находки: 163–185. Киев: Наукова думка.
1989. Буго-Днепровский вариант восточнотрипольской культуры (к проблеме выделения культур и локальных вариантов) // Первобытная археология: 106–116. Киев.
1995. Веселый Кут – новый центр восточнотрипольской культуры // Археологические вести: 4: 33–44. Санкт-Петербург.
- Цвек, О. В. 1985. Особливості формування східного регіону трипільсько-кукутеньської спільності // Археологія 51: 31–45.
1993. Релігійні уявлення населення Трипілья // Археологія 3: 74–90.
1994. Періодизація східнотрипільської культури // Проблеми хронології культур неоліта – бронзового віка України і юга Восточної Європи: 64–66. Днепропетровск.
1999. Структура східнотрипільської культури // Археологія 4: в печати.
- Цыбесков, В. П. 1971. Некоторые итоги исследования Березовского поселения // Материалы по археологии Северного Причерноморья: 182–192. Одесса.
- Шумова, В. А. 1994. Трипільське поселення Василівка на Середньому Дністрі // Археологія 1: 79–68.
- Bognar-Katzian, J. 1963. The cooper age cemetery of Tiszapolgar-Basatanya // Archaeologica Hungaricae sn, Budapest
1972. The early cooper age Tiszapolgar culture tne Carpatian Basin // Archaeologica Hungaricae, SN, Budapest.
- Dumitrescu, VL. 1954. Hăbășești. București.
1974. Arta preistorika in Romania. București.
- Czerniak, L. 1980. Rozwoj społeczeństw kultury Poznej ceramiki wstępowej na Kujawach. Poznan.
- Farkas, Z. 1986. Die älteste Besiedlung gurch trager der Lengyel – Kultur im raum des Bratislavaer tores // Internationales symposium uber die Lengyel Kultur. Nitra-Wien.
- Gurba, J. 1951. Grob południowo-morawskiej ceramiki malowanej z jaszczowa w powiecie Lubelskim. – ZOW. 20, z ¾, - S. 47–49.
- Kozłowski, L. 1966. Proba klasyfikacji materialow zaliczanych do kultury lengyelskiej // Archeol. Pol. 11/1: 7–27.
- Mantu, M., M. Stirby, N. Burgas. 1995. Considerații privind obiectele din Piatra, os și corn de cerb din așezare Cucuteniana de la Scânteia (1985–1990) // Arheologia Moldovei XVIII: 115–132. București.
- Nosek, S. 1956. Zarys archeologii Malopolski. Kraków.
- Pavelcik, J. 1979. Depot medenych sperku z Hlinska u Lipniku // Pamatku archeologicke 2: 319–339.
- Pavuk, J. 1981. Sucasny stavstudia lengyelskey kultury na slovensku. Pamat. Archeol. 72.
- Pavuk, J., S. Šiska. 1981. The neolithic and Eneolithic // Archaeological Research in Slovakia: 31–59. Nitra.
- Petresku-Dimbovița, M. 1953. și colab. Șantierul Trușești // Studii și cercetări de istorie veche. t. 4/1–2. București.
- Podkowińska, Z. 1957. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w 1955 r na stanowisku Gawroniec-Palyga // Spowozdanie Archeologiczne 3: 24–47.
- Šiska, S. 1970. Die kulturen des Polgar-Berevches // Die slowakej in des jungeren steinzeit. Bratislava: 269–273.
- Titov, V. 1971. Trepolye culture in the chronological system of neolithical and cooper age cultures of South-Eastern and central Europe // VIII Congr. Intern sci prehist et protohist. Moscow.

THE EAST TRIPOLYE CULTURE AND CONTACTS OF ITS REPRESENTATIVES WITH ENEOLITHIC TRIBES OF EUROPE

E. V. TSVEK

During the Eneolithic period the migration processes occurring in South-Eastern Europe resulted in the formation of several large historical and cultural societies. A number of scholars considered the Boian Neolithic Culture as one of the genetic components of the two significant Eneolithic cultures — Gumelnitsa and Pre-Cucuteni — the early Tripolye. At the later stage of the once monolithic culture of Pre-Cucuteni — the early Tripolye there is a trend to differentiation (Збенович 1989: 187–200).

To the west, beyond the Dnieper, the afflux of new ethnic elements gives rise to formation of the new Cucuteni Culture which loses very fast the features of the Pre-Cucuteni one (Сорокин, 1991: 83–85). One of the major features of the Cucuteni Culture is the presence of 60–80% of vessels decorated with polychrome or monochrome painting among the pottery assemblage and a great quantity of anthropomorphic plastic arts.

The evolution from the early to the late Tripolye on the territory of its eastern area (the basins of the Southern Bug and Dnieper rivers) was occurring more smoothly. Here, the early Tripolian traditions remain for a long time, receding gradually before the innovations linked with the appearance of imported pottery and changes in house-building, ideology and economy. In the East, a new cultural phenomenon arises which differs from the simultaneous western Cucutenian Culture. On the basis of the universally recognised in the Russian and Ukrainian archaeology criteria for the term of «archaeological culture» one may state the rise of a separate East-Tripolian Culture within the Cucuteno-Tripolian community and trace its structure and development (Цвек 1989, 1999). Both are united by the common origin and ideological conceptions, economic traditions, especially, in the ceramic production. During the many centuries of its existence the population firmly retained the tradition of covering pottery with impressed ornamentation (40–50%). The anthropomorphic plastics were seldom used during completion of ritual ceremonies. There are some differences in house-building and house plans. During the period of their maximal

development the tribes of the East-Tripolye Culture reach a considerable economic level, their Weltanschauung becomes more complicated. The rites connected with the cult of fertility are performed in settlement sanctuaries or on home altars (Цвек 1993: 74–76; fig. 2: 2). During this period large settlements with complicated plans, system of streets and numerous inhabitants become widely distributed. They played a role of economic and cultural centres of the Tripolian society in the east region. One of the settlements — Vesely Kut — had an area of about 150 hectares (Цвек 1995: 33–44; fig. 2: 1). The settlements are built up with estates composed of dwelling and economic buildings. The houses are one-storied with two or three ground chambers made of mud-bricks (fig. 2: 4). Inside, there are benches, dome-shaped stoves and altars. Especially suggestive are the numerous specialised workshops: the leather dressing, bone carving, stone-working. Among these, a ceramic industrial complex with two-stage kilns of a perfect construction is notable (fig. 2: 3). The high level of the pottery making is indicated also by the ceramics found at sites of the East-Tripolye Culture. The ware with grooved and fluted decorations reaches an especial perfection. The typical forms are pear-shaped vessels with lids, krateres and binocular-shaped vessels. Their impressed ornamentation filled with white paste looks very spectacular against the slightly polished pale-yellow or dark-grey surface. The decoration system involves spiral bands, anthropomorphic elements, lunar and solar signs (fig. 3).

A comparative analysis of the features characterising the Cucuteni and East-Tripolye cultures shows a considerable difference between their material and spiritual lives and emphasise once more the independence of the East-Tripolye Culture.

Within the framework of the East-Tripolye Culture four local variants are distinguished (Цвек 1999: fig. 1). The most of the sites of the Bug-Dnieper variant are located in the basins of the rivers Ros, Gorny Tikich and Gniloy Tikich. The major settlements are Zarubintsy, Krasnostavka, Onoprievka, Vesely Kut, Miropolye and Garbuzin. The materials accumulated enable us to reveal its inner

structure consisting of six groups — the sites reflecting the time development of a separate collective from the beginning and to the end of the existence of communities of this local variant (Цібек 1985: 44).

The second variant — the North-Bug (according to I. Zayats) or the Central-Bug one (according to S. Gusev) — unites the sites in the northern part of the central area of Southern Bug and also the basin of the Sob River. The settlements belonging to this local variant (Borisovka, Pechera, Klishchev *etc.*) acquired in the course of their development a peculiar ethnographic appearance though they have the common genetic basis with the sites in the area between the Bug and Dnieper rivers.

The area of spreading of the third — the South-Bug variant — is not large bounded on the south by the central part of the Southern Bug, on the west by the Udich River, on the east by the lower reaches of the Sinyukha River. The northern boundary possibly was the Bolshaya Vys' River. The settlements are Berezovka, Sabatinovka 1, Kosharintsy and Kolodistoe.

The formation of the Dnieper variant — the fourth one — belongs to the middle of the developed Tripolye Culture. The reason for the migration of the population of the East-Tripolye Culture to the Dnieper was the inner development of this culture and a penetration of Cucutenian tribes to the region between the Bug and Dnieper rivers.

The local variants of the East-Tripolye Culture are uniform in their origin but each one of them has striking peculiarities in their spiritual and material aspects. Their originality resulted of contacts with the neighbouring both ethnically kindred and foreign tribes of Europe.

A large part of the Danube area in the Eneolithic period was the Lengyel region which included as local groups sites of Western Slovakia, Poland, Western Volhynia and Northern Carpathians (Пеллещин 1974: 104-116; 1985: 263-268). The East-Tripolian tribes almost from the beginning of their development were in contact with these sites. The connections with the Lengyel Culture during the second half of period B_I are documented in materials from the settlements of Tarashcha, Greblya, Krasnostavka, *etc.* At the sites of this type we segregated a group of thin-walled vessels with prick-pit ornamentations (fig. 5: 4). The pits are located below the rims and their compositions decorate the shoulders of the vessels. This new group of pottery has no roots in the culture of Pre-Cucuteni — Early-Tripolye. Through the territory of the Bug and Dnieper local variant the painted pottery from the Dniester centres penetrates to the Dnieper (Veremye).

The contacts continue also in B_{II} period. The grey-polished pottery with monochrome dark-brown painting typical to the Dnieper settlement of Rakovets in rare cases is found in Vesely Kut. In

large quantities similar vessels are reported from the later settlements of the Miropolye type of the Bug and Dnieper variant of the East-Tripolye Culture. E. K. Chernysh dates the settlement of Rakovets and the sites in the Dniester region contemporary to it to period B_{II} according to the periodization developed by T. S. Passek and assigns it to the Soroki-Petrensky variant. T. A. Popova considers the middle of period B_{II} as a more probable date of the existence of these sites. The latter hypothesis corresponds to our dating of the Miropolye. In the end of period B_I-B_{II} communities of the later phases of the Zaleshchye group migrate from the Central Dniester region to the Upper Dniester. There, a separate local cultural variant segregated by V. Kruts and S. Ryzhov develops. The migrated communities occupy the area of the Dniester basin from the Bolshaya Luka River in the vicinity of Nezvisko and upstream. They build small settlements with a nest-like location of the dwellings. The region of the Upper Dniester area attracted the population by rich deposits of the high quality Turonian flints and by numerous mineral salty springs (Круц, Рызов 1997: 23-32). Possibly, during that period some demographic processes take place in the Central and Upper Dniester areas. The Zaleshchye communities contacted with the population of the East-Tripolye Culture as early as in period B_I-B_{II}. The descendants of the former having migrated to the Upper Dniester continued these contacts as is indicated by materials from Vesely Kut.

At the final stage of the developed Tripolye Culture (the second half of period B_{II}) in the areas of the Bug between the Bug and the Dnieper a number of settlements appear: Garbuzin on the Ros, Gordashevka on the Gorny Tikich, Andreevka and Lekarevo on the Bolshaya Vys', Trostyanchik on the Southern Bug, *etc.* A comparison of the ceramic assemblages from these sites showed both their similarities and differences. At all the settlements there are a great number of vessels (40-60%) decorated with painting. To this group of pottery a combination of dark-brown monochrome ornamentation with bright-orange or red slip covering a thoroughly polished surface is typical. The patterns contain circles, ovals, floral elements, rarely anthropomorphic representations (fig. 8: 11-16, 18, 20). While this pottery is almost identical at all the settlements listed, the vessels accompanying it with impressed ornamentation and the pottery with inclusions of shells possess striking local features. This fact suggests the existence of some simultaneous impulse from the Upper Dniester (Buchach, Nezvisko *etc.*).

Summarising all the above-mentioned we may state that the contacts between populations in the western and eastern areas of the Cucuteno-Tripolian community existed during the whole period of the developed Tripolye. The character of these connections was rather ambiguous. While during

the early periods of the East-Tripolye Culture contacts with the population of the Dniester and Prut regions were of an exchange character, to the end of period B_{II} some new impulse from the Upper Dniester to the territory of the East-Tripolye Culture is registered. The Cucuteni tribes were not able to move west in search of new lands. Beyond the Prut densely populated regions were lying.

In such conditions the Cucutenian communities preferred moving east in search of new lands and sources of raw materials. The traces of this movement appear first on the Southern Bug (Klishchev). In the area between the Bug and the Dnieper this process is reflected in the materials of the final phase of the Vecely Kut settlement, in Miropolye, Garbuzin *et al.* Probably, this is the period when the relations of the East-Tripolye tribes with the Cucuteni population become tenser. This fact possibly finds its confirmation in a find of missile weapons — clay balls — at the settlement of Miropolye. In the end of the developed Tripolye period, in the eastern region, a complicated process takes place which results in the assimilation of a part of the

local population of the East-Tripolye Culture by the invaders from the Dniester.

The East-Tripolye Culture which appeared in the first half of the 4th mil. B.C. (according to the traditional chronology) has existed for more than a millennium. Differences in topography and plans of the settlements, various types of buildings, the perfection of house-building arts and changes in the ceramic complexes (appearance of new and disappearance of old types of pottery, of schemes of their decoration and their differing percentage) enabled us to segregate four periods in the development of the culture (Цвек 1994: 64-66).

The first period (B_I) is the formation of the culture; the second and third ones (B_I—B_{II}, B_{II}) are its highest development. During the latter period the communities of the East-Tripolye Culture occupy the largest territory from the Southern Bug to the Dnieper. In the fourth period this territory diminishes abruptly. Only in a small area near the Dnieper tribes of the East-Tripolye Culture continue to exist until the final phases of the Tripolye when they end their historical course.

АРХАИЧЕСКАЯ БЕРЕЗАНЬ: (историко-археологический очерк)

С. Л. СОЛОВЬЕВ¹

Историю Березанского поселения архаической эпохи, нисколько не преувеличивая, можно назвать историей начального этапа колонизации Северного Причерноморья (рис. 1). Независимо от степени нашего доверия Евсевию, сообщившего дату основания Борисфена, не вызывает сомнения, что обнаруженные на Березани следы физического присутствия древних греков прямо указывают на существование более или менее постоянных связей северного побережья Черного моря с прибрежными районами Восточного Средиземноморья уже в середине VII в. до н.э. В настоящее время, как и прежде, главный вопрос состоит в том, каковы были причины и характер этих связей, определявших содержание начального этапа колонизации берегов Северного Понта. По-прежнему в решении этих вопросов наблюдаются существенные расхождения. Последние, хоть и выходят за рамки традиционного противопоставления аграрной и торговой концепций греческой колонизации, все же в большинстве своем апеллируют к основным положениям этих двух теорий².

Настоящая статья задумана как исторический очерк, в котором хронография архаической Березани излагается в ходе анализа пространственных ныне мнений по поводу тех или иных событий ее ранней истории и ревизии разнородных материалов, среди которых предпочтение отдается археологическим в силу их большей численности и разнообразия по сравнению с другими источниками этого времени. В свою очередь время, которому посвящен данный очерк, выбрано неслучайно. Известно, что история Березанского поселения архаической эпохи, охватившая более полутора столетий, подразделяется, как правило, на два периода, граница между которыми проходит по третьей четверти VI в. до н.э.: по мнению

одних, она ближе к началу этого двадцатипятилетия, с точки зрения других — к его концу (Копейкина 1981: 197; Виноградов 1989: 64-68)³. На эту четверть столетия, как известно, приходится весьма существенные изменения в культурном облике поселения (Копейкина 1979: 110; Соловьев 1989: 9 сл.; 1994: 90-91). За начальную точку отсчета обычно принимают дату основания Борисфена, сообщаемую Евсевием, то есть 647/646 гг. до н.э. (Euseb. Chron. can./Helm. В. 1984: P.95b). В свою очередь, верхний предел, как правило, определяется концом первой трети V в. до н.э. — временем кардинальных перемен не только на Березанском поселении, но и во всем Нижнем Побужье и даже Северо-Западном Причерноморье (Vinogradov 1989: 803-813; Виноградов 1991: 149 сл.). Ранний период иногда делят на два этапа: первый, охватывавший вторую половину VII в. до н.э., и второй, приходившийся на первую половину VI в. до н.э. (Доманский 1979: 86; Виноградов 1989: 67-68), поскольку считается, что появление на Березани первых и достаточно надежно датированных жилых и хозяйственных комплексов относится к последнему десятилетию VII в. до н.э. (Копейкина 1979: 193; Соловьев 1989: 7). Соглашаясь в принципе с приведенным выше членением истории архаической Березани, хотелось бы заметить, что в свете новых данных о поселении дальнейшая конкретизация его хронологии становится не только возможной, но даже необходимой и вполне оправданной.

Вне всякого сомнения, решение указанной выше задачи невозможно без понимания физико-географических особенностей острова Березань и его окрестностей в интересующее нас время. Последняя и наиболее полная сводка такого рода данных сделана совсем недавно (Крыжицкий 1989: 15 сл.)⁴. Согласно ей, в античную

¹Россия. 190000. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел истории и культуры античного мира.

²Последние и наиболее полные обзоры мнений по проблемам колонизации Северного Причерноморья есть в работах Ю. Г. Виноградова (1989), К. К. Марченко (1991) и Г. Р. Цецхладзе (Tsetskhladze 1994: 111-136). Чтобы не занимать много места изложением всех ныне существующих мнений в самом начале, я сделал это по ходу написания настоящей статьи, тогда и в той мере, когда и насколько это прямо касалось проблем истории и археологии Березанского поселения.

³Сравни: Доманский 1989: 36 сл. Особого мнения по этому вопросу придерживался В. В. Лапин, представлявший раннюю историю Березани нерасчлененной на периоды вплоть до начала V в. до н.э. (Лапин 1978: 73 сл.). К этому же отчасти склоняется ныне и С. Д. Крыжицкий (1982: 30, 45-46).

⁴О палеогеографии Березани смотри также: Nazarov 1997.

Рис. 1 Карта Северного Причерноморья

Fig. 1 The map of Black Sea coastal region.

эпоху этот участок суши имел значительно большие размеры и соединялся с коренным берегом. В свою очередь, район Нижнего Побужья в VII-V вв. до н.э. представлял собой покрытую степной растительностью равнинную местность с плодородными землями, изрезанными сетью оврагов и речных долин со смешанными пойменными лесами и богатым животным миром. Здесь, как и во всем Северном Причерноморье, к середине I тыс. до н.э. установился влажный, относительно теплый, но более прохладный, по сравнению с современным, климат. Считается, что данная местность обладала значительными природными ресурсами, в первую очередь, сырьем для строительного и ремесленного производства. Все это, как полагают, решающим образом сказалось на выборе ее греками-колонистами в качестве места для выведения апойкии. Также считается, что последнему событию благоприятствовало отсутствие в Нижнем Побужье в канун колонизации постоянного и многочисленного местного населения (Крыжицкий 1989: 20).

Признавая обоснованность существующей в современной научной литературе географической характеристики рассматриваемого региона накануне его колонизации греками, нельзя полностью согласиться с оценкой демографической ситуации в нем на тот момент. В настоящее время имеются веские основания предполагать, что вся область в нижнем течении Борисфена и Гипаниса в раннескифскую эпоху находилась под более или менее постоянным контролем племен лесостепной зоны междуречья Днепра и Днестра (Марченко 1991: 18-19). Археологические исследования на Правобережной Украине, особенно в последние годы, дали многочисленные свидетельства того, что уклад жизни и способ ведения хозяйства

племен этой зоны, в особенности жителей пограничья степи и лесостепи, сочетал в себе оседло-земледельческие и кочевнические черты (Ильинская 1983: 227 сл.; Ковпаненко 1989; Алексеев 1992: 56 сл.). В условиях постепенного изменения климата в сторону его потепления в аридной зоне Северного Причерноморья в середине I тыс. до н.э. значительный экономический и демографический потенциал района Днепро-Днестровского междуречья тогда же был реализован не только в виде культурной, но и широкой территориальной экспансии. Это подтверждается достоверными фактами современной скифологии, согласно которым миграции жителей указанной области древней Скифии привели к сложению Ворсклинской и Западноподольской локальных групп лесостепной скифской культуры (Ильинская 1983: 304; Смирнова 1990: 28 сл.), что по времени, вероятно, несколько предшествовало их миграции в Нижнее Побужье. Таким образом, мне представляется более правильным характеризовать Нижнее Побужье VII в. до н.э. в демографическом отношении как регион с нестабильным полукочевым населением.

Присутствие в Днепро-Бугском регионе, к моменту появления в нем греков, выходцев из Правобережного Поднепровья и Восточной Подолии сейчас ни у кого не вызывает сомнения, поскольку это обстоятельство находит бесспорное подтверждение в составе лепной посуды из раскопок Березани (Марченко 1988: 107 сл.). Однако масштабы такого присутствия в VII в. до н.э., думается, были весьма скромными. По своему характеру это могли быть, скорее всего, сезонные перемещения части населения лесостепи в приморские районы, где в заболоченных, богатых растительностью устьях Борисфена и Гипаниса имелись благоприятные условия для зимовки домашнего скота.

Отсутствие каких-либо следов зимников в Нижнем Побужье в настоящее время можно объяснить прежде всего их полной утратой вследствие затопления древних пойм и разрушения берегов Южного Буга и Днепра из-за экстремических колебаний уровня моря (по разным оценкам, от 6 до 10 м, смотри: Крыжицкий 1989: 17 сл.), а также, вероятно, незначительным удельным весом кочевого скотоводства в хозяйстве племен лесостепной зоны, которые практиковали преимущественно отгонно-пастбищное содержание скота (Цалкин 1971: 14 сл.). Полное кочевание было постоянным занятием, по-видимому, очень небольшой части населения Лесостепной Скифии, очевидно, составлявшей элиту местного общества. На это безусловно указывает некоторое число воинских, вероятно дружинных, погребений в курганах этой природно-исторической зоны. Исследователи

отмечают типологическую близость этих захоронений немногочисленным синхронным погребениям кочевников, известным в степной зоне Скифии, в том числе и к западу от Днепра (Смирнова 1990: 28; Алексеев 1992: 56 сл., 104 сл.).

В свете перечисленных выше археологических свидетельств становятся более понятными причины и некоторые мотивы действий одного из двух основных субъектов античной истории Северо-Западного Причерноморья в VII в. до н.э. — туземного населения этого региона. В их основе, видимо, изначально лежали особенности социально-экономического развития Лесостепной Скифии, к которым позднее прибавилась, очевидно постепенно нарастающая, заинтересованность наиболее состоятельной части аборигенов в контактах с колонистами.

Мотивация деятельности другого субъекта взаимодействий — эллинов — представляется более сложной по своему содержанию и до сих пор определяется неоднозначно. Причиной этого, на мой взгляд, является несоответствие данных античной письменной традиции и археологических источников, на основании которых можно судить о характере раннего Березанского поселения.

В настоящее время стало вполне очевидным, что известное сообщение Евсевия об основании Борисфена противоречит полученным на этот счет археологическим свидетельствам, обнаруженным на Березани. В этом случае, прежде всего, имеются в виду время функционирования самых ранних строительных комплексов Березанского поселения, начало формирования культурного слоя и появление первых могил в Березанском некрополе. Недавнюю попытку примирить эти два единственных источника информации по ранней истории Борисфена нельзя признать вполне удавшейся (Vinogradov 1990: 121-139). Нельзя также не заметить, что при всех возможных допущениях и натяжках, между датой Евсевия и вышеперечисленными признаками стационарной жизни на поселении, которые, согласно всем ныне известным материалам археологии Березани, никоим образом не могут быть датированы ранее последнего десятилетия VII в. до н.э., остается временной разрыв, как минимум, в три десятилетия. Его обычно объясняют поразному. Первый и наиболее часто встречающийся аргумент — это разрушение наиболее древней части поселения в процессе береговой абразии, весьма интенсивной в этой части Северо-Западного Причерноморья. Второй, не менее распространенный довод в пользу Евсевия — до сих пор еще неполная изученность древней Березани. Тем самым, как бы допускается возможность обнаружения первоначального ядра поселения в будущем в ходе полевых

или подводных изысканий. И, наконец, последним аргументом иногда служит ссылка на недостаточную разработанность современных полевых методик.

Оставляя в стороне вопрос о методической базе полевых археологических исследований, конечно же, меняющейся в процессе развития самой науки, хотелось бы сразу отметить, что шаткость первого аргумента самоочевидна: он не может быть ни подкреплён, ни опровергнут фактами археологии. Определённое число обломков ранней античной керамики будет рассмотрено отдельно. Возможность же обнаружения на дне моря хронологически однородных или хотя бы непо потревоженных участков культурного слоя в известных условиях гидрологии района Березани мне представляется маловероятной, что также подтверждают результаты подводных исследований, проводившихся недавно в прибрежной части острова (Назаров 1990: 82-83; Nazarov 1997: 133, fig. 3). Так же незначительна и вероятность отыскания в ходе будущих раскопок предполагаемого ядра поселения, поскольку, как мне кажется, оно уже было найдено в результате более чем столетнего периода археологических раскопок на Березани. Более того, по всей вероятности, оно обнаружено как раз там, где и должно было изначально находиться, — в наиболее низкой и пологой, имевшей легкодоступные источники питьевой воды северо-восточной части древнего полуострова, в самой глубине древней бухты, где, как известно, была найдена большая часть самых ранних на Березани фрагментов привозной греческой посуды (Горбунова 1969).

Именно эти несколько десятков обломков расписной керамики третьей четверти VII в. до н.э. служат единственным достоверным материальным свидетельством присутствия греков на Березани в столь раннее время. Данный факт нередко трактуется в литературе как решающий аргумент в пользу существования и даже активного функционирования Березанского поселения в это время (Копейкина 1982: 31). Иногда, правда, в подтверждение ему приводят отдельные результаты раскопок М. Ф. Болтенко и К. С. Горбуновой, которые полагали, что определённая часть раскрытых ими ям и колодцев относилась ещё ко второй половине VII в. до н.э. (Болтенко 1949: 35; Горбунова 1970: 247). Однако последующая ревизия материалов из этих комплексов заставила сместить время их функционирования в VI в. до н.э. (Копейкина 1981a: 166-167; Соловьев 1989: 7). Наряду с этим, хотелось бы отметить, что сам по себе факт существования в какой-либо местности колодца не может рассматриваться исключительно как доказательство существования здесь постоянного поселения, а не как

свидетельство, к примеру, регулярного посещения этой территории людьми, допустим, кочевниками, что вполне вероятно, учитывая описанную выше демографическую ситуацию в это время в Северо-Западном Причерноморье.

Возвращаясь к первому аргументу сторонников основания поселения на Березани в третьей четверти VII в. до н.э. — наличию в культурном слое этого памятника фрагментов расписной греческой керамики — хотелось бы отметить то, что прежде всего бросается в глаза при анализе этой посуды, — это ее крайняя малочисленность: всего лишь несколько десятков обломков¹. Даже допуская, что число обломков соответствовало количеству целых сосудов, становится искренне жаль первых жителей Борисфена, обреченных довольствоваться столь скудной утварью на протяжении весьма длительного времени. Также хотелось бы обратить внимание на состав этой посуды, представленной почти исключительно узко специализированными сосудами, приспособленными не столько для приготовления повседневной пищи, сколько для проведения праздничных застолий. Маловероятно, чтобы последние занимали большую часть жизни первого поколения переселенцев, а именно столько должно было пройти времени до тех пор, пока в составе их повседневной посуды не стало наблюдаться большего типологического и функционального разнообразия.

По всей вероятности, отмеченные особенности первой античной керамики на Березани должны объясняться мотивами, которыми руководствовались греки, впервые оказавшиеся в этом районе, а также существовавшей в нем на тот момент демографической ситуацией. Поэтому более вероятной представляется такая модель освоения региона, когда массовому заселению Березани предшествовал более или менее продолжительный период ознакомления с ее окрестностями, населением и природными ресурсами, осуществлявшегося весьма малочисленной группой греков-мореплавателей — своего рода разведчиков (Русяева 1986: 35), которые вполне могли быть торговцами, а скорее всего и были ими. В дополнение к этому замечу, что столь малому коллективу пионеров колонизации едва ли было под силу основать жизнеспособное стационарное поселение.

Скорее можно ожидать, что на первых порах греки лишь периодически навещали Нижнее Побужье, а продолжительность и регулярность таких посещений во многом зависела от условий навигации в районе, его климатических и демографических особенностей.

В свете всего вышеизложенного, мне представляется логичнее рассматривать найденные на Березани фрагменты богато орнаментированных столовых сосудов как остатки угощений или даров для местной племенной аристократии, благосклонностью которой необходимо было заручиться в первую очередь, поскольку от нее во многом зависел успех торговли, безопасность самих первооселенцев, а также преуспевание будущей колонии (Марченко 1991: 19). О том, что такого рода сосуды на раннем этапе греко-варварского взаимодействия не стали товаром, свидетельствует их малочисленность на Березани и, что особенно важно отметить, в Лесостепной Скифии². По всей вероятности, можно утверждать, что посуда греческого облика изначально не имела широкого применения в быту основной массы туземного населения. Между тем сам факт ее наличия в столь отдаленных от побережья районах позволяет предположить, что она могла наделяться в местном обществе особой, вероятно престижной, функцией. Нельзя исключать также возможность использования подобной посуды в ритуальных, культовых целях. Подтверждением тому может служить известная находка в землянке Трахтемировского городища родосско-ионийского килика VII в. до н.э., лежавшего на глинобитном орнаментированном алтаре (Ильинская 1983: 267).

Независимо от того, какую роль играла греческая расписная посуда среди местного населения в архаическую эпоху, сам факт ее присутствия на острове указывает на то, что в третьей четверти VII в. до н.э. Березань стала местом, постоянно посещаемым выходцами из Милета и, возможно, других ионийских полисов. Причины, которые толкали их в столь далекие и рискованные путешествия, кроются, скорее всего, в военно-политической обстановке, сложившейся в Ионии в VII в. до н.э.³ Она, как известно, во многом определялась продолжительным противоборством ионийских полисов и Лидийского царства, а также

¹ Наиболее полная сводка материалов Березани первых трех четвертей VII в. до н.э. представлена в работах Л. В. Копейкиной (1982: 6 сл.; 1986: 27 сл.). Важно отметить, что за последние годы раскопок на Березани количество археологических материалов этого времени почти не увеличилось ни в своем абсолютном значении, ни тем более по сравнению с такого же рода материалами, но относящимися уже к последней четверти, а, точнее сказать, последнему десятилетию этого века, демонстрирующими совершенно иную картину: многочисленность привозной греческой посуды и многообразие ее форм.

² В историографии до сих пор наиболее полным и единственным сводом раннего античного импорта в Северном Причерноморье остается исследование Н. А. Онайко (1966). Также смотри: Ковпаненко 1989: 50 сл.; Вахтина 1996.

³ Некоторые аспекты влияния военно-политической ситуации в Малой Азии на ход колонизационного процесса рассмотрены специально и более подробно Ю. Г. Виноградовым (1989: 38 сл.). Также смотри: Кошеленко 1990: 38 сл. Последний и весьма обстоятельный анализ ситуации в этом регионе, правда, высеченной сквозь призму скифо-киммерийской проблематики смотри: Алексеев 1992: 9 сл.

постоянной угрозой нападения кочевников, сначала киммерийцев, а затем скифов. Хотелось бы отметить, что те же кочевники могли послужить для восточно-ионийских греков дополнительным источником сведений о Днепр-Бугском регионе и населении Скифии (Виноградов 1988: 29; Сравни. Алексеев 1992: 95). Следствием такой нестабильности, очевидно, стало ухудшение социально-экономической обстановки на восточном побережье Малой Азии в VII в. до н.э. В этой ситуации греческим полисам Ионии для поддержания оптимального уровня своего существования, скорее всего, потребовались новые рынки сырья и продовольствия. Их поиски, по-видимому, и стали главной целью колонизации на раннем этапе освоения Северо-Западного Причерноморья. Вместе с тем наличие постоянной внешней опасности, вероятно, требовало от ионийских полисов мобилизации всех ресурсов для своей защиты и, скорее всего, мало благоприятствовало колонизационной деятельности. Поэтому выведение колоний, как полагают, чаще всего происходило в относительно стабильные периоды жизни полисов, уже после ликвидации военной опасности (Виноградов 1989: 57 сл.; Кошеленко 1990: 38 сл.).

Все вышеотмеченное в равной мере было присуще Милету. Драматические перипетии его борьбы с Лидийским царством хорошо известны (Нег 1, 15, 17-19). Также известно, что этот ионийский полис занимал лидирующее положение среди греческих городов — участников колонизационного процесса. Милетяне, по всей видимости, были наиболее активной и предприимчивой частью ионийских мореплавателей и торговцев. Поиск и приобретение таких товаров, как рыба, лес, металлы и, конечно же, зерно, как предполагают, могли входить в круг их коммерческих интересов, непосредственно связанных с районом Нижнего Побужья (Виноградов 1989: 53 сл.)¹. Учитывая первостепенное значение для метрополии продуктов питания, прежде всего хлеба, можно предположить, что налаживание устойчивых и постоянных связей с земледельческими районами Лесостепной Скифии могло стать одной из первоочередных задач греческих купцов. Считается, что в обмен на зерно они поставляли в глубинные районы Северного Причерноморья прежде всего и главным образом вино, перевозившееся преимущественно в бурдюках или других небьющихся емкостях, а также всевозможные изделия греческих ремесленников, первоначально, видимо, немногочисленные и выполненные

из материалов, несохранившихся до наших дней (Виноградов 1989: 54-55). На первых порах весь античный импорт, вероятно, оседал в кладовых местной знати и лишь позднее стал распространяться среди остального варварского населения, постепенно вовлекаясь в зону непосредственных контактов с эллинами.

Регулярные посещения Березани разными по численности и происхождению группами местного населения, о чем свидетельствует найденная на острове лепная керамика VII в. до н.э., по всей вероятности, следует рассматривать и как результат, в значительной степени успешной, экономической деятельности ионийцев. Появление в конце VII в. до н.э. на древнем полуострове первых признаков стационарной жизни — долговременных жилых и хозяйственных построек — стало логическим завершением начального этапа освоения Нижнего Побужья.

С этого момента начался новый период истории Березанского поселения, протяженность которого составила около семи или восьми десятилетий. Весь этот отрезок времени можно поделить на два этапа на рубеже первой и второй четвертей VI в. до н.э. Верхней хронологической границей всего периода стала третья четверть VI в. до н.э., а точнее — конец этого двадцатипятилетия. Как выяснилось, именно на это время пришлись кардинальные перемены в культуре Березанского поселения (Доманский 1989: 35-37; 1991: 11-15; Соловьев 1994: 90-91).

В начале этого периода поселение не имело упорядоченной планировочной структуры. Жилая застройка велась стихийно и развивалась по дисперсному пути, по-видимому, в пределах прибрежных частей полуострова. Пространство в центре уже на раннем этапе существования поселения могло быть отведено под хозяйственную зону. Жилища, как правило, представляли собой примитивные земляночные или полужемляночные структуры четырехугольной или овальной в плане формы, площадью 5-12 кв. м, с весьма скромным интерьером, а чаще без каких-либо следов последнего. За все годы раскопок на Березани было раскрыто не более двух десятков таких строительных комплексов, что, несомненно, свидетельствует о крайней малочисленности первых жителей поселения. Исходя из типологических особенностей этих построек, ближайшими прототипами которых были жилища племен Лесостепной Скифии, основную часть населения Березанского поселения в это время составляли аборигены.

Однако, среди этих землянок можно выделить одну или две заглубленные в землю

¹ Иная, противоположная точка зрения на значение хлебного экспорта из Северного Причерноморья недавно была изложена А. Н. Щегловым (1990: 99 сл.). Для полного ее признания, как мне представляется, необходимо проведение дополнительных сравнительных палеоботанических исследований в зонах прямой греческой колонизации, и прежде всего, на материалах Березанского поселения, где подобного рода исследования никогда не проводились.

постройки (их можно датировать еще первой четвертью VI в. до н.э.), отличавшиеся от остальных сравнительно большими размерами и тщательной отделкой, наличием печей и очагов оригинальной конструкции, прежде нигде не встречавшейся, и лишь позднее — уже во второй половине VI в. до н.э. — получившей применение в интерьере наземных сырцово-каменных домов Березанского поселения. Все это дает основания рассматривать такие постройки в качестве жилищ греков-первопоселенцев. Использование ими построек местных типов, как мне представляется, диктовалось не столько спецификой климатических условий Северо-Западного Причерноморья или отсутствием базы строительного производства (Крыжицкий 1982: 29), сколько особенностями образа жизни и психологии торговцев, каковыми, скорее всего, были первые греческие поселенцы. Успех их деятельности, думается, во многом зависел от их способности адаптироваться к различным, часто и быстро меняющимся условиям жизни. В отличие от других жителей греческого полиса, в частности, земледельцев и ремесленников, торговцы, в силу особенностей своей профессии, безусловно, были наиболее лабильной социальной группой в плане культурного взаимодействия с иноэтничными обществами.

Большую помощь в решении вопроса этнической принадлежности первых жителей Березанского поселения могли бы оказать материалы его некрополя. Между тем, несмотря на большое количество древних погребальных комплексов, обнаруженных на острове к настоящему времени¹, они по-прежнему остаются слабоизученными. До сих пор также остается не вполне ясной динамика пространственного развития некрополя относительно границ жилой зоны.

Согласно единодушному мнению исследователей, наиболее ранняя часть могильника уже утрачена в результате береговой абразии. Между тем, как мне представляется, заслуживает более пристального внимания точка зрения В. В. Лапина на характер территориального развития некрополя (Лапин 1966: 120-121). Как полагал этот исследователь, значительная часть кострищ VII — первой половины VI в. до н.э., открытых Г. Л. Скадовским, были ничем иным, как хозяйственными ямами (другими

словами, хозяйственной зоной — С. С.) наиболее ранней части Березанского поселения, лишь позднее — со второй половины VI в. до н.э. — занятой некрополем.

Известные материалы Березанского некрополя, пожалуй, не противоречат такому выводу В. В. Лапина. Среди многочисленных и разнообразных погребальных комплексов архаического периода лишь немногие с полной уверенностью могут быть отнесены к первой половине VI в. до н.э. (Фабрициус 1951: 59; Капошина 1956: 225; Vinogradov 1990: 127; Vinogradov, Domanskij 1996: 294-295). Как известно, их большая часть были сожжениями и детскими погребениями в амфорах, возможно, в силу каких-то причин оказавшимися на периферии самого раннего некрополя Березани². Вместе с тем, столь заметное отсутствие большого числа ранних греческих погребений, если объяснять этот факт иначе, может также указывать на сравнительно малый удельный вес греков среди первых жителей Березанского поселения. Материалы некрополя с полной определенностью свидетельствуют о том, что количество греческих колонистов резко возрастает уже во второй половине VI в. до н.э.³ Между тем, нельзя не признать и того обстоятельства, что местоположение древнейшего могильника негреческого населения также остается до сих пор неизвестным.

Результат активной деятельности греков-торговцев отчетливо отразился в материалах Березанского поселения самой ранней поры его существования, прежде всего, в виде большого числа находок греческой посуды, поступавшей в Нижнее Побужье в конце VII — первой четверти VI в. до н.э. преимущественно из Ионии и Коринфа (Копейкина 1986: 32, 42; Ильина 1997). Керамические изделия последнего, судя по их малочисленности на Березани, попадали на поселение, видимо, благодаря посредничеству ионийских купцов. Среди них первенство, несомненно, принадлежало выходцам из Милета, Самоса, Хиоса и полисов Северной Ионии. Их керамическая продукция, доминирующая в керамическом комплексе Березанского поселения, представлена более разнообразно и типологически. В свою очередь, отсутствие импортной кухонной посуды, по-видимому, указывает на то, что свои потребности в сосудах для приготовления пищи жители

¹ За время раскопок Г. Л. Скадовского было раскрыто, по разным подсчетам (Капошина 1956: 217, примечание 1; Лапин 1966: 120), от 500 до 800 могил античного периода. Большая серия захоронений разных периодов жизни на поселении была найдена на Березани раскопками Э. Р. фон Штерна. Еще шестнадцать погребений обнаружено на Березанском некрополе в 1967-1968 гг. (Горбунова 1969: 20-25). Следующий, при том хорошо документированный массив захоронений жителей Борисфена, состоящий из 213 погребений, сформировался за период раскопок 1976-1990 гг. (Vinogradov, Domanskij 1996: 294).

² В качестве одного из примеров пространственной организации некрополя в архаическую эпоху см.: Houby-Nielsen 1995.

³ Второй половине VI в. до н.э. датируются более половины всех погребений Березанского некрополя, раскопанных в 1982-1990 гг. (Vinogradov, Domanskij 1996: 294-295). Подобное соотношение, по всей видимости, было характерно и для остальной части архаических захоронений, обнаруженных на Березани в другие годы (Лапин 1996: 111).

Березани, думается, независимо от их этнической принадлежности, полностью или в значительной мере удовлетворяли за счет лепной керамики местного производства, которая в первой четверти VI в. до н.э. и даже позднее имела большое число специализированных в функциональном отношении форм сосудов (Марченко 1988: 107-109, рис. 36). Если вспомнить, что в древних обществах изготовление посуды для домашних нужд было по преимуществу делом женщин, то находки лепной керамики практически во всех жилищах Березанского поселения, независимо от того, принадлежали они туземцам или пионерам греческой колонизации, выглядят вполне естественно¹.

Сейчас достаточно сложно судить о других категориях античного импорта, попадавшего в рассматриваемое время в Северо-Западное Причерноморье. Можно лишь утверждать, что завоз такого товара, как вино постепенно увеличивался. Основными его поставщиками в первой четверти VI в. до н.э., судя по многочисленным обломкам амфорной тары на Березани, являлись Хиос, Самос и Лесбос. В отличие от них, доля участия в виноторговле других центров, в частности Милета и Клазомен, скорее всего была в это время значительно скромнее. В сравнительно меньшей степени в Нижнее Побужье поступали изделия из металла, кости и стекла. Причины этого кроются, вероятно, в специфике и консервативности вкусов и привычек варварского населения (Виноградов 1989: 54), а также в быстром формировании местной базы ремесленного производства (Островерхов 1979: 115 сл.). При этом последняя не только удовлетворяла потребности жителей Березани в орудиях труда, оружии и украшениях, но и давала им возможность в какой-то мере отправлять изделия на внешний рынок. Об этом свидетельствуют частые находки на поселении железных, бронзовых и костяных орудий труда, предметов вооружения, простеньких украшений и других предметов туалета. Большинство из них связано с местной культурной традицией и, очевидно, может рассматриваться как результат развития на Березани домашних производств².

Вместе с тем, обработка черных металлов также могла приобрести товарный характер. Основанием для такого предположения может служить открытие на Березанском поселении четырех полуземлянок, по-видимому, использовавшихся для

первичной обработки сырья и его обогащения³. И все же основным местом черной и цветной металлообработки в Днепро-Бугском регионе в столь раннее время был район Гилеи; его основное природное богатство — лес, который был необходим в большом количестве для получения древесного угля. Здесь, согласно материалам так называемого Ягорлыцкого производственного района, тесно связанного с Березанью в экономическом и политическом отношениях, были сосредоточены бронзолитейные, железо- и стеклоделательные мастерские (Островерхов 1978: 41-49; 1978а: 26-36; 1979: 120 сл.). Как полагают, они функционировали в режиме сезонной работы, осуществлявшейся большей частью в весенне-летний период, благоприятствующий навигации. В этом, как представляется, просматривается их ориентация не только на удовлетворение потребностей внутреннего рынка в предметах повседневного спроса, но и на нужды метрополии, испытывавшей недостаток сырья для ремесленного производства.

Между тем основной статьей экспорта из Нижнего Побужья, скорее всего, являлось зерно, регулярно поступавшее сюда из Лесостепной Скифии, где были основные земледельческие районы этого времени. В данной связи можно вспомнить сообщение Геродота о скифах-пахарях, сеявших пшеницу на продажу (Нег. 4, 17). Хотелось бы заметить, что у исследователей нет серьезных разногласий по поводу локализации этих племен в междуречье Днепра и Днестра⁴, то есть именно в том районе, который раньше и активнее других в Скифской Лесостепи оказался втянутым в сферу культурных и экономических контактов с эллинами. Не вызывает сомнения и то, что товарное производство зерна силами лишь одного Березанского поселения, исходя из состояния его экономики и демографического потенциала в первой четверти VI в. до н.э., не имело достаточной базы для развития.

Взаимная экономическая заинтересованность греков и варваров, прежде всего племенной знати, в дальнейшем увеличении объемов торговых операций стала, очевидно, основной, если не единственной, причиной расширения контактной зоны и активизации их взаимодействия во второй и особенно в третьей четверти VI в. до н.э., на которые приходится следующий этап рассматриваемого периода истории

¹Само собой разумеется, что среди греческих колонистов были и такие, кто взяли себе в жены местных женщин, однако, как мне представляется, не следует придавать этому обстоятельству глобальный и обязательный характер (сравни: Крыжицкий 1989: 91 сл.).

²Общие, однако, недостаточно полные сведения о занятиях населения Нижнего Побужья рассматриваемого времени можно найти: Культура 1987: 118-127.

³Краткое описание этих комплексов приводится в: Культура 1987: 118; Доманский 1985: 272. По одной из версий, сырьем для железодельного производства могли служить местные гематитовые пески и гематито-магнетитовая руда из Криворожского бассейна и Северной Таврики (Островерхов 1979: 118-120).

⁴Основные точки зрения по этому вопросу см.: Доватур 1982: 288-290.

архаической Березани. Материалы ее северо-западного участка достаточно широко демонстрируют бурный рост строительства, как и прежде, исключительно земляночных и полуземляночных жилищ. Со второй четверти VI в. до н.э. в структуре жилого строительства появился новый компонент — заглубленные в землю жилища круглой в плане формы¹. Статистическая обработка материалов земляночной застройки Березани и найденной в ней лепной керамики, подкрепленная аналогичными данными по ряду других памятников Нижнего Побужья, правда несколько более позднего времени — уже второй половины VI в. до н.э., показала неслучайный характер отмеченной культурной специфики этого района в целом (Соловьев 1992: 50; 1994: 87-90). Эти исследования также показали, что благодаря успешной и активной торговой деятельности Милета и других полисов Восточной Греции в процесс освоения Нижнего Побужья было вовлечено население Лесостепной Скифии, которое в силу особенностей своей культуры, в частности в области строительной практики, технологии изготовления и орнаментации лепной посуды, тяготело, в основном, к двум районам этой зоны — Среднему Поднепровью и Среднему Поднестровью. Третьим компонентом варварского культурного фонда архаической Березани была культура кочевого населения Скифии, также нашедшая свое отражение в археологических материалах поселения (Марченко 1988: 107-121; Соловьев 1994: 90). Очевидно также и то, что культурные различия среди туземного населения могли проявляться не только в домостроительстве или лепной посуде, но и в других деталях быта березанцев, в том числе в характере орудий труда и украшений, которые в большом количестве найдены на Березани и, замечу, в основной своей массе генетически связаны с местными культурами (Ольговский 1992: 72-78; 1995: 155-164). Упомяну лишь некоторые из них. Это бронзовые гвоздевидные булавки и грибовидные подвески, пастовые глазчатые бусы, костяные орудия

для обработки шкур, наконечники стрел и многое другое. Все они еще нуждаются в изучении.

Возвращаясь к описанию жизни Березанского поселения во второй — третьей четвертях VI в. до н.э., в первую очередь хотелось бы отметить значительный рост земляночного строительства в это время. По сравнению с предшествующим этапом, число земляночных структур увеличилось почти в два раза и к концу третьей четверти VI в. до н.э. достигло семи — восьми десятков, согласно раскопкам на северо-западном и восточном участках Березани (Соловьев 1994: 87-88; 1995: 155-157, рис. 2). Можно предполагать, что подобные темпы строительства были характерны и для других районов поселения. В это же время центральная часть полуострова, по-видимому, служила хозяйственной зоной поселения. Проводившиеся здесь многие годы раскопки обнаружили всего лишь две земляночные постройки (Штерн 1912: 87).

Среди открытых на Березани землянок и полуземлянок рассматриваемого этапа можно выделить лишь одну, которая, бесспорно, служила жилищем грека-колониста. Это было сооружение четырехугольной в плане формы площадью около 38,5 кв. м (Доманский 1989: 36). Самой примечательной ее особенностью стало устройство в ней по периметру котлована и на всю высоту его бортов каменных цоколей стен, наземные части которых были сложены из сырцовых кирпичей. Северо-западный угол строения занимали печи и очаги, имевшие конструкцию, аналогичную той, которая наблюдалась в упомянутых выше предполагаемых заглубленных в землю жилищах греков первой четверти VI в. до н.э. Эти и некоторые другие особенности таких строений, как мне представляется, позволяют с большой долей вероятности относить их к разряду греческих жилищ².

Существование на Березани такого рода жилых построек, на мой взгляд, является решающим доказательством постоянного проживания здесь греков в первой половине VI в. до н.э., поскольку остальные компоненты эллинского культурного фонда, за исключением круговой

¹ В отличие от большинства исследователей, объясняющих особенности формы земляночных построек разнообразием чисто технических приемов, в свое время мною было предложено рассматривать дифференциацию жилищ по форме плана как проявление разных по происхождению архитектурно-строительных традиций, привнесенных на Березань гетерогенным туземным населением Северного Причерноморья в комплексе с другими элементами их культуры, прежде всего лепной керамикой, широко применявшейся в быту жителей поселения и найденной в заполнении землянок и полуземлянок. Удельный вес лепной посуды в составе керамического комплекса березанских жилищ рассматриваемого времени, разумеется без учета амфор, достигал от 10 до 36%, а иногда и более (Соловьев 1989: 8, 14-15; 1992: 44-52).

² Постройки, похожие на березанские, и, замечу, построенные почти одновременно с ними, до сих пор были известны лишь в одном пункте указанного района — на поселении Широкая Балка (Рабицкий 1951: 114 сл.), расположенном в непосредственной близости от того места, где во второй половине VI в. до н.э. возник греческий город Ольвия. Как мне представляется, имеются веские основания рассматривать отмеченные заглубленные в землю строения первых трех четвертей VI в. до н.э. как жилища греков-первопоселенцев. Очевидно также то, что эти и некоторые другие признаки сходства Березанского и Широкобалковского поселений дают возможность предполагать существование на их территории эллинских торговых станций (Соловьев 1993: 40-41). Немногочисленные в это время греческие торговцы, по-видимому, селились среди местного населения. Хотелось бы заметить, кстати, что подобным образом позднее поступали боспорские купцы, проникавшие в дельту Дона на Елизаветовское городище на начальном этапе его существования (Марченко, Житников, Яковенко 1988: 67-68).

посуды, представлены в материалах поселения этого времени крайне слабо¹. В этой связи хотелось бы напомнить уже отмеченную выше малочисленность привозных ремесленных изделий из металла, стекла и кости, видимо, обусловленную, помимо всего прочего, их высокой стоимостью для рядовых жителей поселения. Также следует отметить, что находки терракот, как, впрочем, и других следов религиозной жизни греков этого времени на Березани и в ее окрестностях до сих пор очень редки, а остатки их культовых построек до сих пор не обнаружены, чего нельзя сказать о такого рода памятниках, относящихся к последующему периоду истории поселения. Это, разумеется, не противоречит хорошо установленным фактам существования в Нижнем Побужье мест, посвященных различным греческим божествам, в первую очередь Аполлону Врачу, Ахиллу и Матери богов. Объектами их почитания в это время могли быть какие-либо природные формы, будь-то роща, источник или что-нибудь в этом роде.

Не вносят ясности в рассматриваемый вопрос и памятники эпиграфики, найденные на Березани, представленные, главным образом, граффити. Большую часть этих крайне немногочисленных свидетельств эллинской духовной культуры составляют отдельные буквы и их сочетания, чаще всего неясного значения (Vinogradov 1979; Яйленко 1980: 89 сл.; 1980а; 1982: 258 сл.; Русяева 1987: 146 сл.). Надо признать, что среди них известны отдельные надписи сакрального, владельческого и даже экономического содержания, в которых, однако, отсутствуют точные, с моей точки зрения, бесспорные сведения о существовании в это время Березанского полиса, но, разумеется, не самой греческой колонии того или иного типа, например, торговой станции.

Анализ греческого керамического импорта на Березани во второй — третьей четвертях VI в. до н.э. уже в первом приближении выявляет следующие особенности ее торговых связей. Основными поставщиками продукции виноделия на поселение и в это время продолжали оставаться Хиос, Самос и Лесбос. Вместе с тем, возрос объем импорта вина из Клазомен и сравнительно меньше из Милета. И, наконец, эпизодически появлялось на Березани вино из городов материковой Греции. Между тем экспорт последними, в особенности Атикой, столовой расписной посуды, постепенно увеличиваясь в объеме, к концу третьей

четверти VI в. до н.э. значительно потеснил на Березанском рынке такого же рода продукцию восточно-греческих мастеров (Копейкина 1986: 42-43).

Представляется очевидным, что в количественном отношении привозная столовая посуда всех типов значительно уступала амфорам. Замечено, что удельный вес последних в керамическом комплексе поселения колеблется в пределах 70-90%. Отсюда напрашивается вывод, что Березанское поселение на протяжении всего раннего периода существования было, прежде всего, крупным перевалочным пунктом виноторговли на северном побережье Черного моря, а главным, если не единственным занятием основавших его греков, думается, могла быть посредническая торговля. О ее успешном развитии свидетельствует широкое использование привозной посуды в быту местного населения, однако, не отказавшегося полностью от сосудов, сделанных без помощи гончарного круга. Между тем, необходимо признать, что найденная на Березани импортная греческая керамика, в отличие от лепной, не может прямо указывать на этническую принадлежность ее владельцев. Она, скорее, отражает торговую и политическую конъюнктуру, складывавшуюся в тот или иной момент в бассейнах Черного и Эгейского морей.

Взаимная заинтересованность греков и варваров в увеличении объема торговли, по всей видимости, стимулировала процесс появления новых населенных пунктов в Нижнем Побужье, в особенности начиная с третьей четверти VI в. до н.э.². Судя по строительству примитивных земляночных структур, сходных в общих чертах с основной массой березанских, в сочетании с аналогичной лепной посудой, можно предположить, что туземцы составляли большую часть жителей этих поселений. Другую численно меньшую часть, очевидно, составили греческие переселенцы. Складывается впечатление, что экономическая и, возможно, культурная интеграция как объективный исторический процесс взаимодействия двух этнических массивов — эллинов и аборигенов — являлась не только неременным условием, но и очевидным следствием мирных, продолжительных и во многом успешных контактов ионийцев и скифов в Нижнем Побужье и в Северо-Западном Причерноморье в целом.

Положительные результаты этого процесса не заставили себя долго ждать. Уже во второй половине VI в. до н.э. они отчетливо проявились в массовом освоении Днепро-Бугского

¹Подробнее о составе и количестве такого рода материалов первой половины VI в. до н.э. см. в: Культура 1987.

²К настоящему моменту в Нижнем Побужье известно всего лишь три поселения, основанные еще в первой половине VI в. до н.э.: Малая Черноморка-2 (Бейкуш), Широкая Балка-1 и Ольвия (смотри: Крыжицкий 1990: 10 сл. Первые два поселения обозначены на карте под номерами 17 и 40). Об особой функции Ягорлыцкого поселения упоминалось выше (также см. в: Ольговский 1992: 72-78).

региона. Очевидно также и то, что в ходе такого рода взаимодействий были созданы благоприятные условия для выведения сюда греками колоний классического типа, то есть уже изначально обладавших политической — полисной — организацией и многопрофильной экономикой. Отсюда представляется вполне допустимым такое предположение, что, когда возникла насущная необходимость размещения большого числа новых переселенцев из Ионии, испытывавшей во второй половине VI в. до н.э. серьезные внутри- и внешнеполитические затруднения, сначала именно Борисфен, а чуть позднее и Ольвия стали для них новой родиной.

Время, с которого культурно-историческое развитие Березанского поселения пошло иным путем, принципиально отличным от предшествующего, и с которого можно начинать отсчет полисной истории Борисфена, — это третья четверть VI в. до н.э. Именно на это время приходятся кардинальные перемены, отмечаемые практически во всех сферах культуры Березанского поселения. Согласно результатам археологических исследований последних лет, более точным будет относить эти события уже к концу указанного двадцатипятилетия, а не к его началу, как полагала в свое время Л. В. Копейкина (1981: 197 сл. Сравни: Доманский 1989: 36 сл.; Соловьев 1989: 9 сл.; 1995: 157). Наиболее заметными перемены были прежде всего в области строительной практики жителей поселения, поскольку они ознаменовались почти повсеместным переходом к принципиально иному — эллинскому — типу строительной практики — к наземному сырцово-каменному строительству. Наряду с этим происходят заметные существенные перемены в структуре керамического комплекса, в нем прежде всего значительно возрастает удельный вес кухонной и столовой круговой посуды. Духовная культура жителей поселения приобретает типично эллинские черты¹. Иными словами, качественно меняется культурный облик памятника в целом. Как мне представляется, именно в это время Борисфен обрел все признаки поселенческой структуры городского и полисного типа (Соловьев 1993: 39-43).

Согласно данным археологии, переход к наземному сырцово-каменному строительству

произошел на большей части территории Березани, прежде занятой земляночной застройкой. Однако, первоначально таким домостроительством были охвачены, главным образом, северная и северо-восточная части Березанского поселения. В очень короткий срок здесь были проведены дополнительные строительные работы, в ходе которых были засыпаны котлованы земляночных построек и выровнена древняя дневная поверхность. Между тем, окраины поселения, особенно его восточный район, по-прежнему застраивались землянками и полуземлянками вплоть до самого начала V в. до н.э., когда их, наконец, сменили наземные дома (Лапин 1966: 100; 1968: 152).

Исходя из имеющихся к настоящему времени археологических материалов, думается, можно утверждать, что наземное строительство Березанского поселения позднеархаического периода носило по преимуществу частный характер. Отмечавшиеся в некоторых постройках неординарность и своеобразие вещественных находок (Копейкина 1977: 92-104) могут свидетельствовать, по крайней мере, о функциональных особенностях того или иного помещения внутри отдельного жилого дома.

Исключением из этого, пожалуй, могла быть наземная постройка первой половины V в. до н.э., раскрытая на восточном побережье острова в 1963-1964 гг. (Лапин 1966: 118-121; 1967; 1972). Она была ориентирована продольной осью по линии север-юг и имела четырехугольную в плане форму, размерами 21,0 x 5,4 м, завершавшуюся на севере апсидой, радиусом 2,7 м. Внутреннее пространство строения было разделено перегородками на три помещения, почти одинаковые по своим размерам. Участок, на котором располагалось это здание, был обнесен оградой, от которой местами сохранился каменный цоколь. По мнению обнаружившего и исследовавшего ее В. В. Лапина, такая постройка вполне могла быть храмом (Лапин 1978: 194-201; Крыжицкий 1993: 66 сл.). В настоящий момент более детальный анализ этого, несомненно, интересного и уникального для Северного Причерноморья памятника, как мне представляется, невозможен из-за отсутствия его подробной публикации.

Сравнительно лучше изучены жилые дома архаической Березани. Новые сведения,

¹ Сюда должны быть отнесены обнаруженные в наземных домах остатки стационарных и переносных алтарей, многочисленные граффити на сосудах и разного рода вотивах, посвященных различным божествам древнегреческого пантеона, культовая терракота, а также многочисленные памятники письменности иного жанра. Среди последних наибольший интерес, несомненно, представляют письма на свинцовых пластинах (прежде всего, это известное письмо Ахиллодора: Виноградов 1971а: 74-100; Vinogradov 1979, а также другое, неизвестного содержания письмо, найденное в 1982 году экспедицией Института археологии Украины и, к сожалению, до сих пор неопубликованное) и уже упоминавшаяся костяная пластинка с оракулом Аполлона Дидимейского (Русева 1986: 25 сл.). По сравнению с предшествующим периодом, количество такого рода находок в слоях и комплексах последней четверти VI — первой трети V в. до н.э. было весьма значительным. Последний и наиболее полный обзор таких памятников можно найти в работах А. С. Русевой (1986; 1987; 1992) и Ю. Г. Виноградова (1983: 387 сл.; 1989: 32 сл.).

полученные за последние десять лет раскопок на поселении, существенно дополнили и в некоторых отношениях изменили наши представления о формах и принципах его застройки в рассматриваемый период (Соловьев 1993, 1994, 1995, 1997). Как стало известно, возведенные в конце третьей четверти VI в. до н.э. здания имели площадь от 100 до 260 кв.м, а, возможно, и более, и состояли из нескольких жилых и хозяйственных помещений, по-разному сгруппированных относительно внутреннего двора. В комнатах, в зависимости от их назначения, находились печи, очаги, переносные жаровни, отопительная система по типу каминна, вымостки и водостоки. Во дворах, частично замощенных обломками керамики и мелкими камнями, располагались колодцы, яма-погреб, алтари и водостоки. В объемном отношении дома скорее всего были одноэтажными, хотя нельзя исключать и возможность устройства второго этажа над отдельными помещениями. Качество строительных работ было различным и, видимо, зависело от благосостояния хозяина дома. Наземные дома обычно были безордерными, лишь в одном случае в планировочную схему здания был включен открывавшийся во двор трех- или четырехколонный портик. Колонны, скорее всего, были сделаны из дерева и опирались на каменные базы, три из которых, сохранившиеся *in situ*, были установлены с интервалом в 1,95 м (Соловьев 1992а: 6).

Все это указывает на то, что березанские дома по своему типу были более всего близки городским строениям греков. Все жилые дома Березанского поселения были сгруппированы в кварталы, по всей видимости, включавшие до восьми и более домов. Площадь такого блока домов приближалась к 2000 кв. м. Величина и взаиморасположение кварталов были упорядочены развитой уличной сетью, вне всякого сомнения, организованной уже изначально и по более или менее регулярному плану, вероятно, с учетом топографических особенностей отдельных частей древнего полуострова. Регламентация территории поселения, занятой наземной застройкой, очевидно, не распространялась на ее окраины, где вплоть до начала V в. до н.э., как уже отмечалось выше, продолжалось земляночное строительство, однако в значительно меньшем объеме, чем прежде.

К началу V в. до н.э. площадь Березанского поселения достигла максимальных за всю его историю размеров. Создается впечатление, что большая часть территории поселения, отведенной под наземную застройку, была освоена практически сразу и уже с самого начала рассматриваемого периода. Согласно материалам раскопок на Северо-Западном участке, в конце VI в. до н.э. внутренняя планировка кварталов и большинства входивших в них домов подверглась существенным изменениям, вероятно, сходным образом и в это же время затронувших и другие районы поселения, однако, как представляется, не повлекших за собой кардинальной перепланировки поселения в целом. Хотелось бы заметить, что указанная перестройка проводилась в ряде случаев в спешном порядке и даже со снижением качества строительных работ, тем не менее, именно на нее приходится пик развития строительного производства Березани, несомненно, придавшего ей характерные черты античного города (Крыжицкий 1986: 9 сл.; 1987: 17-21; Доманский 1989: 37; Соловьев 1989: 9-10; 1993: 41).

Характер некрополя Борисфена этого времени не противоречит такому выводу¹. Во второй половине VI – первой половине V в. до н.э. 89% захоронений было совершено по обряду ингумации в простых могильных ямах четырехугольной или овальной в плане формы. Найденные в них скелеты большей частью лежали вытянуто на спине головой, как правило, на северо-восток или северо-запад, тогда как 33% этой группы умерших были помещены в могилы в скорченном виде и на боку. Последних, с той или иной долей вероятности, можно отнести на счет представителей местного населения Северного Причерноморья².

Около 7% захоронений, открытых в 1982-1990 гг., были детскими погребениями в больших керамических сосудах³ (Vinogradov, Domanskiy 1996: 295). Для этой цели, как правило, использовали амфоры и, реже, урны пифоидного типа.

Захоронения, совершенные по обряду кремации, составили не более 4% погребений Березанского некрополя⁴ (Vinogradov, Domanskiy 1996: 295). Остатки погребального костра, собранные в яму или в урну, хоронились здесь же на месте или где-либо на стороне.

¹ Последнюю краткую характеристику некрополя Березани второй половины VI – первой половины V в. до н.э. можно найти в уже упоминавшихся статьях Я. В. Доманского и Ю. Г. Виноградова: Доманский 1989: 38 сл.; Vinogradov, Domanskiy 1996: 294 ff.

² Вопрос об этнической и культурной принадлежности скорченных погребений, открытых в некрополях греческих городов, по-прежнему весьма далек от своего окончательного решения. Давно зародившаяся и до сих пор продолжающаяся в российской археологии дискуссия по данному поводу имеет обширную библиографию, обзоры которой приведены в работах В. В. Лапина (1966: 90-94), В. И. Кадеева (1973: 108-116; 1981: 111-120).

³ При раскопках Г. Л. Скадовского было обнаружено 154 погребения в амфорах (Капошина 1956: 220), что составило около 19% всех захоронений.

⁴ У Г. Л. Скадовского отмечается более сотни трупосожжений (Фабрициус 1951: 58).

Вещи, сопровождавшие погребенных в Березанском некрополе, были недорогими, разнообразными по своему составу, но в целом образующие весьма стандартные наборы предметов¹. Они были представлены амфорами, простыми и расписными кувшинами, чашами, лекифами, асками и гуттусами. Другие категории погребального инвентаря также были найдены в могилах. К ним относились каменные и металлические орудия труда; бронзовые, железные, стеклянные и костяные украшения; медные монеты; редкие предметы вооружения, главным образом стрелы.

Все эти черты, вне всякого сомнения, в той или иной мере типичны для некрополя любого греческого города Северного Причерноморья. По всей видимости, Березанский некрополь второй половины VI – первой половины V в. до н.э. немногим выделяется на этом археологическом фоне.

Основой экономики Борисфена в это время, как и прежде, скорее всего, были торговля и ремесло. Об этом свидетельствуют не только археологические материалы Березани и ее округи, но также многие найденные на острове или в его окрестностях эпиграфические памятники, к примеру, уже упоминавшееся письмо Ахиллодора (Виноградов 1971: 64–67; 1971а: 98 сл.). В связи с новым, утвердившемся в науке буквально в последние годы, пониманием политического статуса Березанского поселения (Крыжицкий 1986: 12 сл.; Виноградов 1983: 378 сл.; 1989: 32 сл.; Соловьев 1993: 39 сл.), по всей вероятности, именно оно могло быть тем самым, названным в письме городом, где очевидно и проживал упомянутый в нем адресат. Судя по отсутствию в Ольвии VI в. до н.э. явных следов городского строительства (Крыжицкий 1985: 57 сл.), она вряд ли могла претендовать на такую роль. Назначение того греческого поселения, который существовал в это время на месте будущего города, скорее всего было иным: он служил крайним северным пунктом полиса, населенным греческими колонистами. Более того, данный населенный пункт был местом почитания верховного божественного покровителя полиса – Аполлона Врача (Русяева 1986: 60 сл.), бывшего также защитником его северных рубежей. По всей вероятности, именно в этом значении Аполлон Северный (ΒΟΡΗΙΟΣ) упомянут в недавно опубликованной надписи на костяной пластинке с Березани (Русяева

1986: 28). Такими же функциями – защитников границ полиса, возможно, наделялись в архаическую эпоху и другие божества Березанского пантеона – Ахилл, Кибелла и Геракл. Как известно, наибольшее число посвящений первому из них найдено на западной окраине Березанской округи – на Бейкушском поселении, где этот божественный герой, по-видимому, почитался в своей хтонической ипостаси, о чем свидетельствует символика найденных здесь вотивов (Крыжицкий 1989: 84 сл., рис. 32). В свою очередь, алтари Матери богов и Геракла были расположены в Гилее, то есть у восточных пределов полиса. Из-за своей удаленности от его центра они стали легкой добычей для варваров, как о том сообщает так называемое письмо жреца из Ольвии (Русяева 1987: 146 сл.; Rusjaeva, Vinogradov 1991). Все эти источники, несомненно, говорят о том, что культы богов – защитников границ государства, по-видимому, играли значительную роль в мировосприятии его граждан, в особенности на раннем этапе освоения новой родины, когда внешняя опасность, пугающая своей неизвестностью, казалась им, наверное, наиболее значительной.

Со второй половины VI в. до н.э. новым направлением в хозяйстве Борисфена стала непосредственная эксплуатация окружающих его плодородных земель с целью получения товарной сельскохозяйственной продукции. Прямым следствием такого рода деятельности греческих колонистов явилось широкое вовлечение местного населения в процесс освоения побережий Днепро-Бугского лимана и, возможно, создание пунктов по контролю над освоенной территорией. Одним из таких пунктов мог служить уже упомянутый выше греческий поселок на месте будущей Ольвии, вне всякого сомнения, уже существовавший к тому времени.

Очень скоро, по крайней мере к концу VI в. до н.э., данный пункт на правом берегу Бугского лимана в силу ряда своих гео- и топографических достоинств был превращен в центр другого полиса – Ольвийского². В настоящее время остается только догадываться, каким образом складывался его гражданский коллектив: в результате ли единовременного появления новых греческих колонистов, или же в ходе перманентного стихийного и массового притока переселенцев в область Нижнего Побужья³. Хотя, надо признать, что данные

¹ Среди всех погребений Березанского некрополя своим богатством выделяются лишь три из них: погребение 128 и 371 из раскопок 1900 года (Капошина 1956: 220–221) и погребение 98 из раскопок 1984 года (Vinogradov 1994: 18–28).

² Значительные и существенные изменения, происшедшие в культурном облике Ольвии в конце VI в. до н.э. и достаточно отчетливо фиксируемые археологическим путем, вынуждают согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что Ольвийский полис сформировался в это же, а не в более раннее время (Крыжицкий 1985: 174; 1986: 9).

³ Острая полемика по этому вопросу стала набирать силу буквально в последние годы в связи с появлением в литературе новой, заявленной недавно некоторыми украинскими археологами (Буйских 1986: 17–28; 1990; Крыжицкий 1988: 1–8; 1989: 12–41), концепции греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья, в основных положениях которой, однако, отчетливо просматривается ранее сформулированная точка зрения В. В. Лапина на характер колонизационного движения в Северном Причерноморье (Марченко 1994: 92–99).

археологии и эпиграфики этого района (к примеру, уже упоминавшийся Дидимейский оракул), кстати, замечу, явно указывающие на дискретное развитие Березанского и Ольвийского поселений, а также большей части окружающих их сельских населенных пунктов, свидетельствуют скорее в пользу первого предположения, а точнее говоря, подчеркивают импульсивный характер колонизационного процесса в Нижнем Побужье (Виноградов 1989: 32 сл.).

Так или иначе, но имеются веские основания для утверждения, что уже в последней четверти VI в. до н.э. между первопоселенцами и эпойками возник социальный конфликт. Если придерживаться предложенной А. С. Русяевой интерпретации вышеуказанного эпиграфического документа той эпохи — оракула Аполлона Дидимейского (Русяева 1986: 25 сл; 1992: 41-42), этот конфликт, облеченный в форму религиозных разногласий между почитателями Аполлона Врача и Аполлона Дельфиния, вскоре был улажен с помощью метрополии, очевидно весьма заинтересованной в развитии благоприятной ситуации в этой зоне ее колонизационной деятельности. Можно даже предположить, что конфликт был разрешен именно путем создания нового полиса на территории, ранее подконтрольной Борисфену, т.е. Березанскому поселению. По всей видимости, жители Ольвии выступили истцами в этом споре и получили известный оракул из Дидимейона, лейтмотивом которого в этом случае можно было бы считать фразу «Мир Ольвийскому полису»¹.

Можно предположить, что в качестве пограничной территории между Березанским и Ольвийским полисами в течение первой трети V в. до н.э. мог служить район Аджигольской балки (рис. 2). Как это ни покажется странным, склоны этой большой, широкой балки, глубоко вклинившейся внутрь правобережья Бугского лимана и как бы разделившей его на две почти равные части, характеризуются отсутствием стационарных поселений архаической эпохи, за исключением временных стоянок пастухов (Крыжицкий и др. 1989: 25, рис.3). Согласно последним исследованиям, население этого района было выходцами из скифской кочевой среды, попавших под сильное воздействие эллинской культуры и занимавшихся главным образом отгонным скотоводством (Буйских, Ольговский 1995: 3-11).

В данной связи хотелось бы напомнить, что исследованный М. Эбертом Марицинский могильник с явно скифскими чертами погребальной обрядности находится в этом же районе

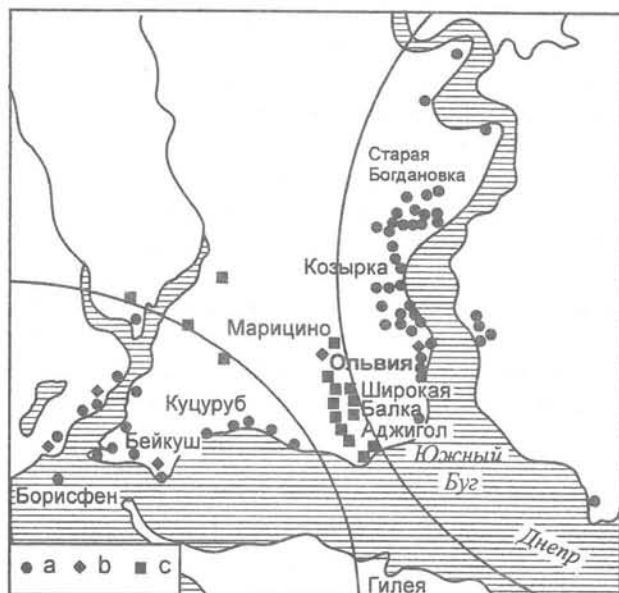

Рис. 2 Карта полисов Нижнего Побужья архаической эпохи. Условные обозначения: а — поселения; b — некрополи; с — стоянки пастухов

Fig. 2 The map of Lower Bug area poles of Archaic period. Notations: a — settlements; b — necropoleis; c — herdsmen's stands.

(Ebert 1913; Ольховский 1991: 78). Основные культурные зоны, более или менее плотно заселенные в позднеархаический период, были расположены к северу и к югу от балки. В последние годы, по мере накопления новых данных об архаических памятниках Нижнего Побужья, все более отчетливо стала проявляться культурная специфика его северного и южного районов (Марченко 1985; Виноградов и др. 1989). Как было установлено, для сельской территории к северу от Аджигола характерна плотная, почти непрерывная (с трудом улавливаются границы отдельных поселений) застройка всей прибрежной части лимана. Сельские поселения этого района по характеру домостроительства и типам лепной посуды в основном близки скифским памятникам Правобережного Среднего Поднепровья. По иному выглядят поселения к югу от Аджигольской балки. Здесь поселения удалены одно от другого на значительное расстояние, а своим архитектурным обликом и технологическими особенностями лепной керамики во многом напоминают скифские памятники Среднего Поднепровья. В настоящее время стало очевиднее, что каждый из этих районов Нижнего Побужья в позднеархаический период имел свой исторически сложившийся экономический и политический центр. К северу от Аджигола им

¹Также весьма заманчиво было бы видеть отголоски этих событий в широких перестройках, охвативших жилые кварталы Березани в конце VI в. до н.э.; замечу, что, как было установлено в процессе раскопок, в двух случаях они сопровождались пожарами.

была Ольвия, к югу — Борисфен (Сравни: Отрешко 1979: 156; Рубан 1982: 16-18).

Вскоре после того, как стасис был преодолен, последовавший за этими событиями общий подъем экономики Борисфена и Ольвии, в основном, привел к полному освоению Нижнего Побужья и дальнейшему углублению процесса греко-варварского взаимодействия в географически обширной контактной зоне. В это время Березанское поселение находилось в зените своего экономического и политического развития. Однако, уже в конце первой трети V в. до н.э. вследствие дестабилизации обстановки с степной зоной Северного Причерноморья поступательный ход этих процессов был нарушен (Marčenko 1989: 807). В первую очередь ощутимый удар был нанесен по экономике Борисфена: оказались разорванными традиционные экономические связи полиса с племенами Лесостепной Скифии — одно из важнейших условий его благополучия. Больше того, нарастающая внешняя опасность создавала реальную угрозу даже самому физическому существованию колонистов: погребения последних, погибших от скифских стрел и дротиков, стали нередкими в Березанском некрополе уже с начала V в. до н.э. (Доманский 1989: 56-60).

Последствия негативного воздействия этих и других факторов на жизнь Борисфена были необратимыми, в конечном итоге это привело к экономическому упадку и сокращению численности населения полиса¹, что, в свою очередь, повлекло за собой общий спад строительного производства, резкое сокращение площади наземной застройки и рост удельного веса земляночного строительства. Как было установлено, жилые дома Северо-Западного участка были оставлены жителями практически одновременно или, по крайней мере, в течение очень короткого отрезка времени (Соловьев 1994: 91). Такая же участь постигла и жилые кварталы в центральной части поселения (Штерн 1913: 105-117). Лишь его восточный и северо-восточный районы сохранили прежний облик (Лапин 1978: 94 сл.), их застройка осуществлялась по правилам античного городского строительства и не прекращалась на протяжении всего V, IV и, как иногда считали (Лапин 1978: 72), III в. до н.э. В течение этого времени Березанское поселение постепенно утратило ранее присущие ему городские черты и политическую самостоятельность, все

больше превращаясь сначала в одну из торговых гаваней Ольвийского государства (Виноградов 1976: 82), а затем — в типичный сельский населенный пункт его периферии. Даже строительство храма в V в. до н.э. на востоке поселения (Лапин 1978: 94 сл.) ровным счетом ничего не меняло в положении последнего.

Как стало недавно известно, в западной части поселения на месте заброшенных наземных домов уже во второй четверти V в. до н.э. возникает поселок, по своему культурному облику резко отличавшийся не только от предшествующего, но и современного ему греческого населенного пункта, существовавшего на восточном побережье древнего полуострова (Соловьев 1994: 91 сл.). В жилой застройке нового поселка отсутствовали какие-либо элементы регламентации. Главная особенность вновь возникшей поселенческой структуры — строительство заглубленных в землю жилищ. Эта и ряд других черт материальной культуры данного поселка сближают его с Ольвийским предградьем того же времени (Козуб 1979: 3 сл.), что позволяет рассматривать их как изофункциональные жилищно-хозяйственные комплексы, главной задачей которых была резервация сельскохозяйственного населения Ольвии и Борисфена, чьи аграрные периферии были в значительной мере редуцированы в конце первой трети V в. до н.э. (Марченко 1982: 135-136).

Острые внутри- и внешнеполитические коллизии, как известно, определившие судьбы населения Северного Причерноморья в V в. до н.э. (Виноградов 1989: 81-87; Marčenko 1989: 807 etc.), имели для Борисфена и Ольвии разные исторические последствия: для первого — полный упадок, для второй — небывалый расцвет. Несмотря на редукцию в это время своей сельской округи, Ольвийский полис сумел достичь больших успехов в области экономики и политики и тем самым, быть может, устранить конкурента в лице Березанского поселения: включение последнего в состав Ольвийского государства, думается, стало закономерным итогом развития исторической ситуации в регионе в это время. Все эти успехи стали возможными, на мой взгляд, во многом благодаря политическому чутью и дипломатической гибкости ольвийских властей, по-видимому, сумевших найти наиболее оптимальный способ

¹Как считают, в это же время могло иметь место перетекание в Ольвию некоторой части городского, а быть может, и сельского населения Борисфена (Виноградов 1989: 82). В этом случае городские жители Борисфена, скорее всего, были размещены в черте города. Замечу, впрочем, что фиксируемый отток березанских жителей мог быть направлен и в другие ближайшие полисы Северо-Западного Понта. Одним из них, к примеру, могла стать Керкинитиды, где на вторую четверть V в. до н.э. приходится начало массового городского строительства, а в культурном облике отмечается появление некоторых черт, характерных для культуры Ольвийско-Березанского района (Кутайсов 1986: 95-96; 1990: 145-146). К ним, в первую очередь, относятся особенности планировки, домостроительства, интерьера жилищ, денежной системы, проявлявшие поразительное сходство с такого же рода особенностями Борисфена и Ольвии.

мирного сосуществования с воинственными кочевниками (скорее всего в форме протектората над Ольвией одного из властителей Скифии (Виноградов 1989: 90-121), возможно, того же Ариапифа) и, таким образом, относительно обезопасить жизнь своих граждан. Более того, номинально признав верховную власть скифского царя и регулярно выплачивая ему дань, Ольвия сумела не только сохранить свой экономический и людской потенциал, но и умножить его к концу V в. до н.э., то есть к тому моменту, когда стало возможным реколонизовать прежде принадлежавшие ей сельские районы (Виноградов 1985; Головачева 1991; Крыжицкий 1989: 96 сл.) и освоить новые, в частности Северо-Западный Крым (Щеглов 1986: 166 сл.; Виноградов 1990: 322 сл.).

Алексеев, А. Ю. 1992. Скифская хроника. Санкт-Петербург.

Болтенко, М. Ф. 1949. Розкопки на острові Березані в 1946 р. // Археологічні Пам'ятники УРСР 2: 31-38. Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР.

Буйских, С. Б. 1986. Некоторые вопросы пространственно-структурного развития Ольвийской хоры (VI-II вв. до н.э.) // Ольвия и ее округа: 17-28. Киев: Наукова думка.

1990. Деякі особливості планування структури пізньоархаїчних поселень Нижнього Побужжя // Археологія 2: 24-32. Киев.

Буйских, С. Б., С. Я. Ольговский. 1990. До історії населення Ольвійської хоры // Питання історії культури України: 3-11. Киев.

Вахтина, М. Ю. 1996. Греческая расписная керамика из раскопок Немировского городища // Археологія 4: 85-92.

Виноградов, Ю. А., К. К. Марченко. 1985. О начале второго этапа развития сельскохозяйственных поселений Нижнего Побужья античного времени // Проблемы исследования Ольвии: 14-15. Парутино.

1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // Советская археология 1: 145-155.

Виноградов, Ю. А., К. К. Марченко, Е. Я. Rogov. 1989. К вопросу о культурно-историческом единстве сельского населения Нижнего Побужья античного времени // Древнее Причерноморье. Тезисы докладов: 16-17. Одесса.

Виноградов, Ю. Г. 1971. Новые материалы по раннегреческой экономике // Вестник древней истории 1: 64-76.

1971а. Древнейшее греческое письмо с острова Березань // Вестник древней истории 4: 74-100.

1976. О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира: 75-84. Москва: Наука.

1983. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция 1: 366-420. Москва: Наука.

1989. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. (историко-эпиграфическое исследование). Москва: Наука.

Виноградов, Ю. Г., Я. В. Доманский, К. К. Марченко. 1988. Развитие взаимоотношений местного населения Северного Причерноморья с греческим миром в VII-IV вв. до н.э. // Местные этнополитические объединения Причерноморья: 28-34. Тбилиси: Мецниереба.

Виноградов, Ю. Г., А. Н. Щеглов. 1990. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура: 310-371. Москва: Наука.

Головачева, Н. В., К. К. Марченко, Е. Я. Rogov, С. Л. Соловьев. 1991. Античное поселение Нижнего Побужья Козьрка 12 (классический период) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 204: 66-70.

Горбунова, К. С. 1969. Древние греки на острове Березань. Ленинград: Советский художник.

1970. Раскопки экспедиции Государственного Эрмитажа на острове Березань // Археологические открытия 1969 года: 247.

К середине V в. до н.э. Ольвийский полис стал, видимо, единственным политическим, экономическим и главным религиозным центром Нижнего Побужья. Включив в число своих граждан жителей Березанского поселения, он тем самым получил право на второе название — Борисфен. Это название, очевидно, уже принадлежало Ольвии в то время, когда ее посетил Геродот. Упоминание им демотикона «ольвиополиты» и «эмпория Борисфен» говорит о том, что он, вероятно, слышал оба названия. Вместе с тем, также известное Геродоту «торжище борисфенитов» можно интерпретировать тройко: как безымянную гавань в Нижнем Побужье, как современное древнему историку название Березанского поселения и, наконец, как ремисценцию древнейшего поселения на Березани (сравни: Доватур 1982: 222-223).

Доватур, А. И., Д. П. Каллистов, И. А. Шишова. 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Москва: Наука.

Доманский, Я. В. 1979. О характере греческой колонизации и послеколониационном периоде в Северном Причерноморье // Проблемы греческой колонизации северного и восточного Причерноморья: 81-88. Тбилиси: Мецниереба.

1985. Работы Березанской экспедиции // Археологические открытия в 1983 году: 272-273. Москва.

Доманский, Я. В., Ю. Г. Виноградов, С. Л. Соловьев. 1989. Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа: 33-60. Ленинград.

Доманский, Я. В., С. Л. Соловьев, Ю. Г. Виноградов. 1991. Итоги работ на острове Березань // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа. Тезисы докладов: 11-15. Ленинград.

Ильина, Ю. И. 1997. Хиосская керамика конца VII — начала VI века до н.э. из раскопок на острове Березань // Труды Государственного Эрмитажа 28: 5-16.

Ильинская, В. А., А. И. Тереножкин. 1983. Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев: Наукова думка.

Кадеев, В. И. 1973. Об этнической принадлежности скорченных погребений Херсонесского некрополя // Вестник древней истории 4: 108-116.

1981. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков.

Капоиана, С. И. 1956. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // Материалы исследования по археологии СССР 50: 211-254.

Ковпаненко, Г. Т., С. С. Бессонова, С. А. Скорый. 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья. Киев: Наукова думка.

Копейкина, Л. В. 1977. Комплекс архаических терракот с Березани // Вестник древней истории 3: 92-104.

1979. Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колониационного процесса // Проблемы греческой колонизации северного и восточного Причерноморья: 106-113. Тбилиси: Мецниереба.

1981. Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (по материалам раскопок на северо-западном участке) // Советская археология 1: 192-208.

1981а. Элементы местного характера в культуре Березанского поселения архаического периода // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации: 163-174. Тбилиси: Мецниереба.

1982. Родосско-ионийская керамика VII в. до н.э. с о. Березань и ее значение для изучения раннего периода существования поселения // Художественные изделия античных мастеров: 6-35. Ленинград: Искусство.

1986. Расписная керамика архаического времени из античных поселений Нижнего Побужья как источник для изучения торговых и культурных связей // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 27: 27-47. Ленинград.

- Кошеленко, Г. А., В. Д. Кузнецов. 1990. Греческая колонизация Боспора // Причерноморье в VII-V вв. до н.э.: 30-47. Тбилиси: Мецниереба.
- Крыжисцкий, С. Д. 1982. Жилье дома античных городов Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка.
1985. Ольвия. Историко-географическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев: Наукова думка.
1987. Памятники градостроительства и архитектуры // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время: 17-26. Киев: Наукова думка.
1993. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка.
- Крыжисцкий, С. Д., С. Б. Буйских. 1988. Структура архаичного поселения Нижнего Побужья // Археология 63: 1-8.
- Крыжисцкий, С. Д., С. Б. Буйских, А. В. Бураков, В. М. Отрешко. 1989. Сельская округа Ольвии. Киев: Наукова думка.
- Крыжисцкий, С. Д., Буйских, С. Б., Отрешко, В. М. 1990. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев: Наукова думка.
- Крыжисцкий, С. Д., В. М. Отрешко. 1986. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее окружи: 3-17. Киев: Наукова думка.
- Культура. 1987. Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев: Наукова думка.
- Кутайсов, В. А. 1986. К нумизматике Керкинитиды V в. до н.э. // Вестник древней истории 2: 94-7.
1990. Античный город Керкинитиды. Киев: Наукова думка.
- Лалин, В. В. 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка.
1978. Березань и проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации // Научный архив Института археологии Академии наук Украины. Ф.24(1). Киев.
- Марченко, К. К. 1982. К вопросу о так называемом предместье Ольвии // Вестник древней истории 3: 126-36.
1985. Сравнительная характеристика двух поселений Нижнего Побужья позднеархаического периода – Старая Богдановка-2 и Куцуруб-1 // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов: 50-51. Парутино.
1988. Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Ленинград: Наука.
1991. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VII – I вв. до н.э. (проблемы, контакты, взаимодействия) // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ленинград.
1994. «Стихийная линия» греческой колонизации или к вопросу о характере и путях формирования сельского населения Северо-Западного Причерноморья позднеархаического периода // Вестник древней истории 4: 92-98.
- Марченко, К. К., В. Г. Житников, Э. В. Яковенко. 1988. Елизаветовское городище – греко-варварское торжище в дельте Дона // Советская археология 3: 63-78.
- Назаров, В. В. 1990. Исследования на Березани в 1989 г. // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов: 82-83. Херсон.
- Ольговский, С. Я. 1992. Обробка міді і бронзи у Нижньому Побужжі талісостеповій Скіфії в VI-I ст. до н.э. // Стародавнє виробництво на території України: 72-78. Киев: Наукова думка.
- 1992а. Модель скіфо-античних торговельно-ремісничих відносин в архаїчний час // Збірник наукових праць 3: 155-164.
- Ольговский, В. С. 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). Москва: Наука.
- Онайко, Н. А. 1966. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V вв. до н.э. // Свод археологических источников Д I-27. Москва: Наука.
- Островерхов, А. С. 1978. Антична склоробна майстерня на Ягорлицькому поселенні // Археологія 25: 41-49.
- 1978а. Про чорну металургію на Ягорлицькому поселенні // Археологія 28: 26-36.
1979. К вопросу о сырьевой базе ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов // Вестник древней истории 3: 115-126.
- Отрешко, В. М. 1979. К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху // Проблемы греческой колонизации северного и восточного Причерноморья: 151-158. Тбилиси: Мецниереба.
- Рабичкин, Б. М. 1951. Поселение у Широкой Балки // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР 40: 114-124.
- Рубан, В. В. 1982. О хронологическом соотношении литых стрел и дельфиновидных бронзовых монет на территории Нижнего Побужья // Нумизматика античного Причерноморья: 15-20. Киев: Наукова думка.
- Руслева, А. С. 1986. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // Вестник древней истории 2: 25-64.
1987. Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время: 134-153. Киев: Наукова думка.
1992. Религия и культы античной Ольвии. Киев: Наукова думка.
- Смирнова, Г. И. 1990. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киев.
- Соловьев, С. Л. 1989. Строительные комплексы архаической Березани (анализ архитектурно-строительных традиций) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград.
1992. Особенности домостроительства Нижнего Побужья VI – начала III вв. до н.э. в контексте греко-варварского взаимодействия в Северо-Западном Причерноморье // Античная цивилизация и варварский мир: 44-51. Новочеркасск.
- 1992а. Раскопки на о. Березань в 1991 году // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа. Тезисы докладов: 5-6. Санкт-Петербург.
1993. О формировании городской и полисной структуры Березанского поселения // Петербургский археологический вестник 3: 39-43.
1994. Новые аспекты истории и археологии античной Березани // Петербургский Археологический Вестник 8: 85-94.
1995. Периодизация жилого строительства античной Березани // Археологические Вести 4: 153-163.
1997. Жилье дома Березанского поселения позднеархаического времени // Труды Государственного Эрмитажа 28: 17-24.
- Фабрициус, И. В. 1951. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев: Издательство Академии наук УССР.
- Штерн, Э. Р. фон. 1912. Раскопки на о. Березань // ОАК за 1908 год: 84-93. Санкт-Петербург.
1913. Раскопки на о. Березань // ОАК за 1909-1910 годы: 105-117. Санкт-Петербург.
- Щеглов, А. Н. 1986. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н.э. // Античная гражданская община: 156-174. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета.
1990. Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII-V вв. до н.э.: письменные источники и археология // Причерноморье в VII-V вв. до н.э.: 99-121. Тбилиси: Мецниереба.
- Цалкин, В. И. 1971. Животноводство населения Северного Причерноморья в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Материалы и исследования по археологии СССР 177: 13-15.
- Яйленко, В. П. 1980. Граффити Левки, Березани и Ольвии // Вестник древней истории 2: 72-99.
- 1980а. Граффити Левки, Березани и Ольвии // Вестник древней истории 3: 75-116.
1982. Греческая колонизация VII-III вв. до н.э. Москва: Наука.
- Houby-Nielsen, S. H. 1995. «Burial language» in Archaic and Classical Kerameikos // Proceedings of the Danish Institute at Athens 1: 128-191.
- Marčenko, K. K., Ju. A. Vinogradov. 1989. The Scythian period in the northern Black Sea region (750-250 BC) // Antiquity 63 (241): 803-813.
- Nazarov, V. V. 1997. The Ancient landscape of Berezan Island // Landscape in Flux. Central and Eastern Europe in Antiquity (Colloquia Pontica 3): 131-136. Oxford: Oxbow Books.
- Rusjaeva, A. S., Ju. G. Vinogradov. 1991. Der «Brief des Priesters» aus Hylaia // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine: 201-202. Schleswig.
- Tsetschladze, G. R. 1994. Greek penetration of the Black Sea // The Archaeology of Greek Colonisation. Monograph 40: 111-135. Oxford.
- Vinogradov, Ju. G. 1979. Griechische Epigraphik und Geschichte des nordlichen Pontosgebietes // Actes du VIIe Congres International d'epigraphie grecque et latine: 299-327. Bucuresti-Paris.
1994. A Maiden's Golden Burial from Berezan, the Island of Achilles // Expedition 36 (2-3): 18-28.
- Vinogradov, Ju. G., Ja. V. Domanskij. 1996. Berezan' Archaique. A la lumiere des dernieres decouvertes // Sur les traces des Argonautes: 291-296. Paris.
- Vinogradov, Ju. G., Ja. V. Domanskij, K. K. Marčenko. 1990. Sources ecrites et archeologiques du Pont Nord-Ouest. Analyse comparative // Le Pont-Euxin vu par les Grecs. Sources ecrites et archeologie. Centre de Recherches d'Histoire Ancienne. Vol. 100: 121-39. Paris.

ARCHAIC BEREZAN:

A Historical and Archaeological Sketch

S. L. SOLOVYOV

The article introduces the most recent evidence on the history, archaeology, and culture of Borysthene, the earliest Greek colony in the northern Pontic area. According to Eusebius, it was founded by emigrants from Miletus in the second half of the 7th century BC. At present there is only one site which satisfies all the respective conditions: the settlement on the island of Berezan situated in the mouth of the two largest rivers of the ancient world: the Borysthene (Dnieper) and the Hypanis (Southern Bug) (fig. 1). During the Classical Period, this piece of land was much larger and was connected with the coast. The history of Archaic Berezan, spanning more than 150 years, comprises two periods, separated at ca. 550-525 BC.

The fact that ancient Greeks had long been familiar with the Dnieper-Bug area and its population, which in the 7th century BC consisted mainly of nomadic and seminomadic Scythians, immigrants from the western part of forest-steppe Scythia, contributed to the emergence of mutual interests. Because both the Greeks and the aborigines were interested in maintaining stable contacts (mostly on the trade basis), a permanent settlement emerged on the coast in late 7th century BC. It may be suggested that fine richly decorated Greek pottery found on Berezan was presented to the local tribal elite whose benevolent attitude was essential for successful trade, safety of the colonists, and the prosperity of the colony. Archaeological materials from Berezan demonstrate that thanks to the successful and active trade policy of Miletus and other eastern Greek cities, the aboriginal population of forest-steppe Scythia became involved in the colonization of the Lower Bug area (judging by certain cultural features, such as constructive practices and the design with which hand-made pottery was decorated, these people were akin to those living in Middle Dnieper and Middle Dniester areas). The third component in the barbarian legacy of archaic Berezan was the culture of the Scythian nomads which is also represented in archaeological finds from the site.

The earliest village, one that emerged on the island in the last decade of the 600^s, was rather barbarian in terms of both culture and population, and it lacked regular layout. Construction proceeded spontaneously in the coastal part of the peninsula.

Dwellings were mostly primitive dug-out or semi-dug-out structures quadrangular or oval in shape, 5-12 sq. m in surface area, with either a very modest interior or, more often, entire lack thereof. Their closest prototypes are dwellings of the forest-steppe Scythians. All the field seasons at Berezan have yielded no more than two dozens of dwelling associations from the 1st quarter of the 6th century BC, suggesting that the initial population of the settlement was quite small.

The Greeks constituted just a tiny fraction of early Berezan's population. The trading post founded by them dealt with the exchange of imported Greek goods, primarily wine, for local agricultural production and raw materials used in metalworking. The scarcity of early Greek burials, too, attests to the smallness of the Greek community at that period. However, as the materials of the necropolis demonstrate, its size dramatically increased already in the 2nd half of the 6th century BC.

Positive results of contacts between Ionians and Scythians in the Lower Bug area and northwestern Pontic at that time are evidenced by mass colonization of the Dnepr-Bug region. In the course of this interaction, favourable conditions emerged for the foundation of classical-type Greek colonies which from the very beginning were politically organized as poleis and had a multiprofile economy.

In the 3rd quarter of the 6th century BC, radical changes affected all aspects of life in the Berezan settlement. The essence of these changes was that the settlement transformed into a classical Greek city of the colonial period. This happened due to the immigration of a large number of Greeks who founded a polis in the mouth of the Borysthene and named it likewise. Direct exploitation of surrounding lands by the citizens together with the agricultural Scythian population was a substantial addition to Borysthene's economy which was previously based mostly on trade with the forest-steppe Scythians. At that time, the ideology of the incipient city acquired typically Greek features.

Construction activities in the second period were mainly private. Houses were 100-260 sq.m in surface area and consisted of several living and utility rooms variously oriented with respect to the inner courtyard. Depending on their purpose, the rooms were equipped with ovens, hearths, braziers,

chimney-like heating systems, pavements, or drains. In the courtyards, partly paved with potsherds and pebbles, there were wells, cellars, altars, and drains. Most houses consisted of one floor, although some might have a second floor above certain rooms. The quality of construction depended on the owner's wealth. Overground houses were orderless, except for one structure which had a three- or four-columned portico facing the courtyard.

Living houses were arranged in blocks that included up to eight houses each and measured ca. 2000 sq.m. in surface area. Their size and arrangement were predetermined by the initial more or less regular plan in which topographic features of separate parts of the ancient peninsula were taken into account. The regulation of the territory occupied by overground buildings did not extend to the fringes of the settlement where dug-out dwellings were being built until the early 400^s BC, although on a much smaller scale than before.

The necropolis of Borysthenes in the second period was also urban in appearance. In the 2nd half of the 6th century and in the 1st half of the 5th century 89% of the burials were inhumations in simple pits, rectangular or oval in shape. While most skeletons are extended in the supine position, head oriented toward NE or NW, ca.33% of the deceased were placed in the graves in the flexed position on the side. These people could have belonged to the local population. Ca.7% are children's burials in large earthen vessels. Cremation burials make up no more than 4% in the Berezan necropolis. Burial

goods are inexpensive and variable. Overall, however, the burial inventory was rather standard.

A new mass influx of immigrants in late 6th century BC resulted in clashes between the first colonists and those who arrived later. The social conflict assumed the form of a religious controversy between the worshippers of Apollo the Physician and Apollo Delphinus. The dispute was soon settled with the help of the metropolis which, striving to enhance its colonization activities, founded another polis, Olbia, on a territory formerly controlled by Borysthenes. The Olbians acted as plaintiffs and received the well-known Didimean oracle, whose key dictum was «Peace to the Olbian polis». In the 1st quarter of the 5th century BC, the frontier territory between the two poleis, Berezan and Olbia, was the modern Aji-gol Gully (fig. 2) inhabited by former Scythian nomads who had experienced a strong Greek influence and were seminomadic animal breeders.

Large-scale military operations of the steppe Scythians in the northwestern Pontic in early 5th century BC and the proximity of the rival Greek polis, Olbia, caused a severe damage to Borysthenes's economy and eventually resulted in loss of political independence. By mid-5th century BC, the city was completely annexed by Olbia. At that moment, Berezan for a short time became a refuge area for people of its chora. Shortly afterwards, however, they had to flee from the city together with many urban dwellers. Those who had remained gradually resorted to rural lifestyle, but their number progressively decreased during the subsequent periods.

О ЗЕМЕЛЬНЫХ НАДЕЛАХ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Я. М. ПАРОМОВ¹

В античной культуре Северного Причерноморья до настоящего времени наименее изучены системы межевания сельскохозяйственной территории. Счастливым исключением является хора Херсонесского государства, исследование которой, начатое еще в начале века, продолжается и в наши дни (Печенкин 1911; Моисеев 1926; Стржелецкий 1951; 1957; 1961; Блаватский 1953; Щеглов 1967; 1977; 1978; 1981; 1984; 1993; Жеребцов 1981; 1985; Кругликова 1981; Николаенко 1985; Ščeglov 1980). Приведенный список далеко не полон. Работы, посвященные этой теме, составляют отдельное направление в античной археологии, некоторые из них вошли в золотой фонд отечественной науки.

Совершенно иная ситуация сложилась в исследовании других регионов. Лишь самые первоначальные сведения опубликованы об античной межевой системе сельской округи Ольвии и размежевке земель на правом берегу Южно-Бугского и в устье Тилигульского лиманов (Отрешко 1981; Шишкин 1982; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989; Бруяко, Назарова, Петренко 1991; Лисецкий 1994).

Первые данные относительно античного землепользования на территории европейского Боспора появились в печати еще в 1940 г., однако до сих пор, возрастая количественно, они остаются весьма ограниченными и носят отрывочный характер (Гайдукевич 1940; Кругликова 1975; Петерс 1978; Масленников, Безрученко 1991; Зинько 1998; 1999; Масленников 1999).

Пока еще не введены в научный оборот основные представления о главных чертах и закономерностях межевой системы на Таманском полуострове, вошедшие в отдельное исследование, посвященное его освоению в античную эпоху (Паромов 1994), хотя в самом общем виде они были опубликованы и иллюстрированы фрагментами размежеванной территории (Паромов 1989; 1990; 1990а; 1992; 1993; 1994; Воронов, Паромов 1990; Paromov 1990).

Столь разительный контраст в исследованности хоры Херсонеса и других регионов объясняется единственным обстоятельством. Остатки древнегреческого землеустройства, практически

полностью сохранившиеся на всем Гераклеяском полуострове, вплоть до последнего времени были видимы на поверхности земли невооруженным глазом и являлись уникальным примером для всего средиземноморско-причерноморского греческого мира (Щеглов 1993: 13). В то же время, в регионах с иными почвенными характеристиками (в основном — черноземными, на лессовых материнских, или почвообразующих, породах) остатки древнегреческого землеустройства, намного более масштабного, чем в округе Херсонеса, были совершенно неразличимы (Шишкин 1982: 235; Бруяко, Назарова, Петренко 1991: 37; Паромов 1992: 40; Лисецкий 1994: 237). Их изучение стало возможно лишь с появлением в конце 50-х годов плановых аэрофотосъемок достаточно крупного масштаба. И если их информативные возможности на порядок превысили данные натуральных обмеров межевания даже на Маячном и Гераклеяском полуостровах, где за счет каменных стен ограждений участков и полей сохранность античных межей признана эталонной (Щеглов 1993: 19), то для Таманского полуострова и сельской округи Ольвии, где даже следов сырцовых оград не сохранилось, данные аэрофотосъемок являются единственным источником исследования античных систем межевания. (Необходимо при этом отметить, что их полезная информативность, как и у всякого источника, пропорциональна вложенному в их изучение труду, в высшей степени зависит от привлечения одномасштабного картографического материала и совершенно немыслима без натуральных исследований). Если посмотреть на системы межевания сельскохозяйственной округи трех крупнейших очагов античной культуры в Северном Причерноморье не с точки зрения их изученности, а с позиции их величины, а, следовательно — их хозяйственно-экономического значения, то они выстроятся в обратном порядке. На Таманском полуострове размежеванные земли занимали около 600 кв. км (но не менее — опубликованные цифры 450 и 525 кв. км (Паромов 1990а: 63; 1993: 29) имели предварительный характер и оказались занижены). Вместе с европейской частью

¹Россия. 117036. Москва. Дм. Ульянова 19. Институт археологии РАН. Отдел археологических сводов и карт.

размежеванная территория Боспорского царства, скорее всего, значительно превышала 1000 кв. км (исследование недавно найденного сельского поселения V-II вв. до н.э. около поселка Виноградный в Крымском районе Краснодарского края меняет представления о хоре азиатского Боспора, расширяя ее границы к востоку (Шевченко 1999). Второй по величине в Северном Причерноморье являлась размежеванная территория сельской округи Ольвии, занимавшая около 290 кв. км (Шишкин 1982: 240-241), третьей — ближняя хора Херсонеса на Гераклейском и Маячном полуостровах, составлявшая около 100 кв. км (Щеглов 1984: 53). В задачу данной статьи входит общая пространственно-планировочная характеристика самой крупной из перечисленных выше античной системы землепользования на Таманском полуострове, а также ее структурный анализ на территории северо-западной части полуострова — Киммерийском острове (современный Фонталовский полуостров).

Начало существования античной системы расселения на Таманском полуострове относится к третьей четверти — середине VI в. до н.э. — ко времени появления в Северном Причерноморье первых апойкий, основанных греками-ионийцами. Ее составляющими элементами были поселения и города (Фанагория, Гермонасса, Кепы, Патрей и другие), дорожные сети, а также земельные наделы. В этой триаде (поселения, дороги, наделы) нельзя выделить главного элемента — формирование и рост их всех шли единовременно, как развитие единого организма. Три первые этапа раннеантичного периода, приходящегося на середину VI — конец V вв. до н.э., были временем быстрого роста системы расселения — от 35 населенных мест (включая города), существовавших здесь в третьей четверти VI в., к 68 поселениям — в конце VI — начале V вв. и 86 — во второй четверти V в. Вторая половина V в. была временем стабилизации ее роста — в это время здесь существовало 88 населенных мест. Наивысшего развития античная система расселения на Таманском полуострове достигла в IV-II вв. до н.э. (Именно этот период ее эволюции наиболее полно зафиксирован и отображен на аэрофотосъемках). Число поселений в этот период стремительно возросло до 193 — в IV — начале III вв. и 211 — в III-II вв. (Паромов 1990а: 62-66; 1992а: 140-145; 1993: 28-32; 1994: 5-11; Абрамов, Паромов 1993: 45-70. Приводимые цифры уточнены по последним данным: Рогов 1998; 1999; Сударев 1998). В этот период развилась и окончательно оформилась сложнейшая дифференцированная дорожная сеть (Паромов 1998), земельные наделы заняли чуть более половины всей

территории древнего Таманского полуострова — около 60 тыс. га. Можно утверждать, что на протяжении четырех с половиной столетий, вплоть до рубежа II-I вв. до н.э., античная система расселения на Таманском полуострове развивалась органично, в условиях, практически ничем не стесняемых.

В дальнейшем, в раннеримское время (вторая четверть I в. до н.э. — середина I в. н.э.), она испытала период катастрофического упадка, близкого к пределу самосохранения, число населенных мест сократилось почти вдвое — до 108, наибольшему опустошению подверглись восточная и юго-восточная части земель Таманского полуострова. В римское время (середина I — середина III вв. н.э.) наступил период нового подъема, когда число поселений возросло до 125, но этот второй расцвет по своему уровню был очень далек от подлинного расцвета в период поздней классики — эллинизма. Новый упадок, наставший в позднеимское время (середина III — конец IV вв. н.э.) был последней ступенью к практически полному разрушению античной системы расселения на Таманском полуострове, число населенных мест в этот период сократилось до 37. Следом за этим она перестала существовать (Паромов 1994: 12-13. Приводимые цифры уточнены по последним данным: см. выше).

Чтобы приблизиться к осмыслению основных особенностей формирования античного земельного кадастра на Таманском полуострове, необходимо осветить также некоторые природные и исторические условия, в которых протекала эволюция системы расселения. Ко времени греческой колонизации Северного Причерноморья Таманский полуостров, согласно общепринятым взглядам, представлял собой группу из нескольких островов, разделенных древними рукавами Кубани-Антикита, местами узкими, местами широкими, переходящими в плавни. Главными из них были так называемый Киммерийский остров (северо-западная часть Таманского полуострова — современный Фонталовский полуостров), Фанагорийский остров, остров Синдика, небольшой по размерам Голубицкий остров и остров Кандаур (Паромов 1998: 217, рис. 2). Их береговые линии имели сложные очертания, продиктованные не только древними рукавами, но также лиманами и заливами. В природно-ландшафтном аспекте главными чертами, определяющими облик Таманского полуострова, являются пологосклонные равнины и долины синклинального происхождения, ориентированные в широтном направлении, а также разделяющие их мягко очерченные и невысокие, до 100–150 м, антиклинальные холмы и гряды, представляющие сглаженные эрозионными

процессами отдельные грязевые вулканы и цепи вулканов (полуостров является восточной частью так называемой Керченско-Таманской грязе-вулканической области).

Несмотря на относительно небольшие размеры (около 1,2 тыс. кв. км), Таманский полуостров демонстрирует практически все типы местности, характерные для зоны степей — плакорный или равнинный тип, склоновый (приречный), останцово-водораздельный, надпойменно-террасовый и пойменный типы, а также плавневый и лиманный типы местности. Претерпев значительные изменения с античного времени в очертании берегов, Таманский полуостров и в настоящее время не утратил своего ландшафтного разнообразия. По схеме современного почвенно-географического районирования его территория входит в Приазовско-Предкавказскую степную провинцию мощных и сверхмощных черноземов, которые характеризуются высоким природным плодородием (Паромов 1997а: 203-204).

Растительность Таманского полуострова в период, предшествовавший греческой колонизации, была типичной для степной зоны, богатой злаковым разнотравьем и ковылями. Здесь произрастали пойменные леса галерейного типа (уремы), а также имелись отдельные массивы лиственных деревьев и кустарников по склонам долин и балок.

Животный мир и фауна моря у берегов полуострова насчитывали несколько сот видов представителей фауны, в том числе около 130 видов рыб, наибольшую ценность из которых с древнейших времен представляла проходная рыба — осетр, белуга, севрюга, шип, а также морская и пресноводная рыба — сельдь, хамса, бычок, кефаль, султанка, камбала, лещ, сом, щука, жерех, окунь, судак, стерлядь, плотва, чехонь, тюлька. Моря были богаты съедобными моллюсками (Паромов 1997а: 204-206).

Древние свидетельства о климате весьма противоречивы, а иногда и взаимно исключают друг друга. Если в настоящее время он характеризуется как умеренно-континентальный, по основным показателям вполне удовлетворительный для возделывания зерновых и бобовых культур, теплолюбивых овощей, винограда, то для всего четвертичного периода — как континентальный (аридный). Принято считать, что в течение этого периода климаты не претерпели существенных изменений (Борисов 1967: 256), хотя о некоторых, возможно, незначительных изменениях может свидетельствовать тот факт, что виноделие на территории Керченского полуострова появилось на рубеже V-IV вв. до н.э., а на Таманском полуострове — только в римское время (Паромов 1997).

Земли Таманского полуострова были освоены еще в эпоху энеолита и бронзы (середина IV — начало I тыс. до н.э.), однако имеющиеся данные позволяют заключить, что ко времени, предшествовавшему греческой колонизации, их освоение носило экстенсивный характер, при котором основными формами хозяйства являлись отгонное скотоводство, и вероятно, в ограниченных масштабах — раннее земледелие. Предшественниками греков античные писатели называют синдо-меотские племена. О низкой степени освоения этих земель в доколониационный период свидетельствует и то, что на самых первых этапах греческой колонизации проявился сплошной характер расположения новых поселений — не только по берегам, но и в глубине территории, иногда на значительном удалении от берегов. Это же может свидетельствовать о мирном характере процесса колонизации. Вероятно, система расселения, создававшаяся в то время греками — колонистами, унаследовала некоторые черты расселения предшествующей эпохи, но для данного региона, несомненно, она была новой, основанной на греческой культуре землепользования (Абрамов, Паромов: 70-71; Паромов 1997а: 208).

Следует отметить также присутствие обманчивой преемственности от эпохи бронзы к античному времени. Некоторые из главных дорог в античное время повторили гораздо более древние пути сообщений, пройдя рядом с курганами, сооруженными еще в эпоху ранней и средней бронзы, о чем свидетельствуют данные их исследований (Паромов 1998: 220-221).

Первые три четверти века в развитии античной системы расселения на Таманском полуострове протекали до объединения Боспора под властью легендарных Археанактидов. Ее рост продолжился также и в период их правления. Лишь на его завершающем этапе, а также во время правления Спартока I и Сатира I, во второй половине V в. до н.э. в развитии системы расселения наступил период стабилизации, когда по непонятным причинам рост ее прекратился. Возможно, это было связано с мобилизацией государственных ресурсов для завоевания новых территорий и расширения западных границ. Однако, несколько позже, уже при Левконе I и его преемниках, античная система расселения на Таманском полуострове вступила в новый период быстрого роста и длительного процветания, характерного в IV-III вв. до н.э. для сельской территории (хоры) всех греческих государств Северного Причерноморья. Для Таманского полуострова этот период продолжился почти на целое столетие дольше, чем для других регионов, включая европейский Боспор, и закончился при последних

Спартокидах или с воцарением Митридата VI Евпатора (Паромов 1994: 8-10). Ни до этого времени, ни позже, на землях Таманского полуострова не существовало более развитой и гармоничной системы расселения (лишь в последнюю половину 20 в. степень его освоенности превысила уровень античного времени). Период поздней классики — эллинизма является наиболее показательным для исследования античной системы расселения на Таманском полуострове и в силу наиболее полного ее развития и организации (рис. 1), и в силу наиболее полного отображения на аэрофотосъемках (рис. 2). На первом рисунке представлена карта Таманского полуострова в IV-II вв. до н.э. с поселениями и дорогами, составленная по данным многолетних исследований (библиографию см.: Паромов 1992: 950-1018). На втором — карта северо-западной части Таманского полуострова — Киммерийского острова в IV-II вв. до н.э., совмещающая данные натурных исследований (поселения и древние дороги; библиографию см. там же) и систему межевания по данным аэрофотосъемок 1958 и 1970 гг. (Дешифрирование производилось на основе топографических карт масштаба 1:10 000 (в 1 см — 100 м) после предварительного индивидуального трансформирования аэрофотоснимков того же масштаба на 2-14% для уточнения масштабирования снимков, совмещения их с картой и дальнейшего последовательного и совмещенно-перекрестного анализа данных обеих аэрофотосъемок).

Даже при первом знакомстве с аэрофотосъемками хорошо заметна сеть линий, являющихся следами античной системы межевания. Ю. В. Горловым и Ю. А. Лопановым она интерпретирована как древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове (1993; 1995), что, вероятно, отчасти обосновано, так как одной из дополнительных (но не главных) функций ограждения наделов и отдельных полей было улучшение земель для сельскохозяйственного пользования путем влагоудержания и защиты плодородного слоя почвы, о чем ранее уже говорилось в печати (Воронов, Паромов 1990: 11; Паромов 1992: 41). Главной закономерностью устройства многочисленных межевых оград и оград отдельных полей было стремление вписать их в рельеф местности, согласовать их с его характером, подчиняя и следуя его особенностям. Ориентация межевой сети поперек склонов, с одной стороны — способствовала снего- и влагоудержанию при значительных осадках, а с другой — препятствовала водяным потокам во время ливней, сохраняя от разрушения плодородный слой

почвы (подробнее см.: Воронов, Паромов 1990: 9-11; Паромов 1992: 40-42).

Другой важной закономерностью была характерная для всех систем античного межевания в Северном Причерноморье ориентация наделов углами по странам света. Ограды строились в зависимости от ветровых режимов в регионе, с учетом как благоприятных — летних, так и неблагоприятных для земледелия — зимних ветровых нагрузок, с целью максимальной нейтрализации последних (Золотарев 1981). Эта закономерность прослежена М. И. Золотаревым для Западного и Восточного Крыма. Необходимо добавить, что она справедлива для античной системы межевания на Таманском полуострове, а также для межевой системы сельской округи Ольвии, размежевки земель на правом берегу Южно-Бугского и в устье Тилигульского лиманов (Лисецкий 1994: рис. 1; Бруяко, Назарова, Петренко 1991: рис. 1-4). Остановимся на некоторых моментах, касающихся изображения на рис. 2. Белые пятна на карте имеют различное происхождение. Местами следы античного межевания скрыты современными поселками: к юго-западу от поселения Ильич 1 (1)¹ — поселком Ильич; к северу от поселения Приазовский 2 (7) — поселком Приазовский; к востоку от поселения Батарейка 2 (12) — поселком Батарейка; к северу от поселения Красноармейский 1 (18) — поселком Красноармейский, к югу от того же поселения — станицей Запорожская; между поселениями Кучугуры 15 (46), Кучугуры 1 (32) и Кучугуры 2 (33), а также к востоку от последнего — поселком Кучугуры; между поселениями Береговой 1 (28) и Береговой 2 (29) — поселком Береговой; к востоку от поселения Гаркуша 1. Патрей (24) — поселком Гаркуша; к западу, северу и востоку от поселения Фонталовская 6 (56) — станицей Фонталовская; между поселениями Волна Революции 1 (60), Волна Революции 4 (63), Волна Революции 5 (64) — поселком Волна Революции; к юго-юго-востоку от поселения Юбилейный 2 (66) — поселком Юбилейный; к северо-востоку от поселения За Родину 7 (217) — поселком За Родину; к западу от поселения Пересыпь 1. Тирамба (219) — поселком Пересыпь. В меньшей мере следы античного межевания уничтожены фермами, полевыми станами, автотрассами и железной дорогой. Выше перечислены белые пятна, созданные в результате непосредственного уничтожения остатков античного межевания. Следует отметить также зоны постепенного их уничтожения в процессе длительного совместного воздействия природных и антропогенных факторов. К ним относятся самые плодородные земли в широких и ровных

¹Здесь и далее цифра в скобках обозначает номер памятника на археологической карте (Паромов 1992) и в ряде других работ.

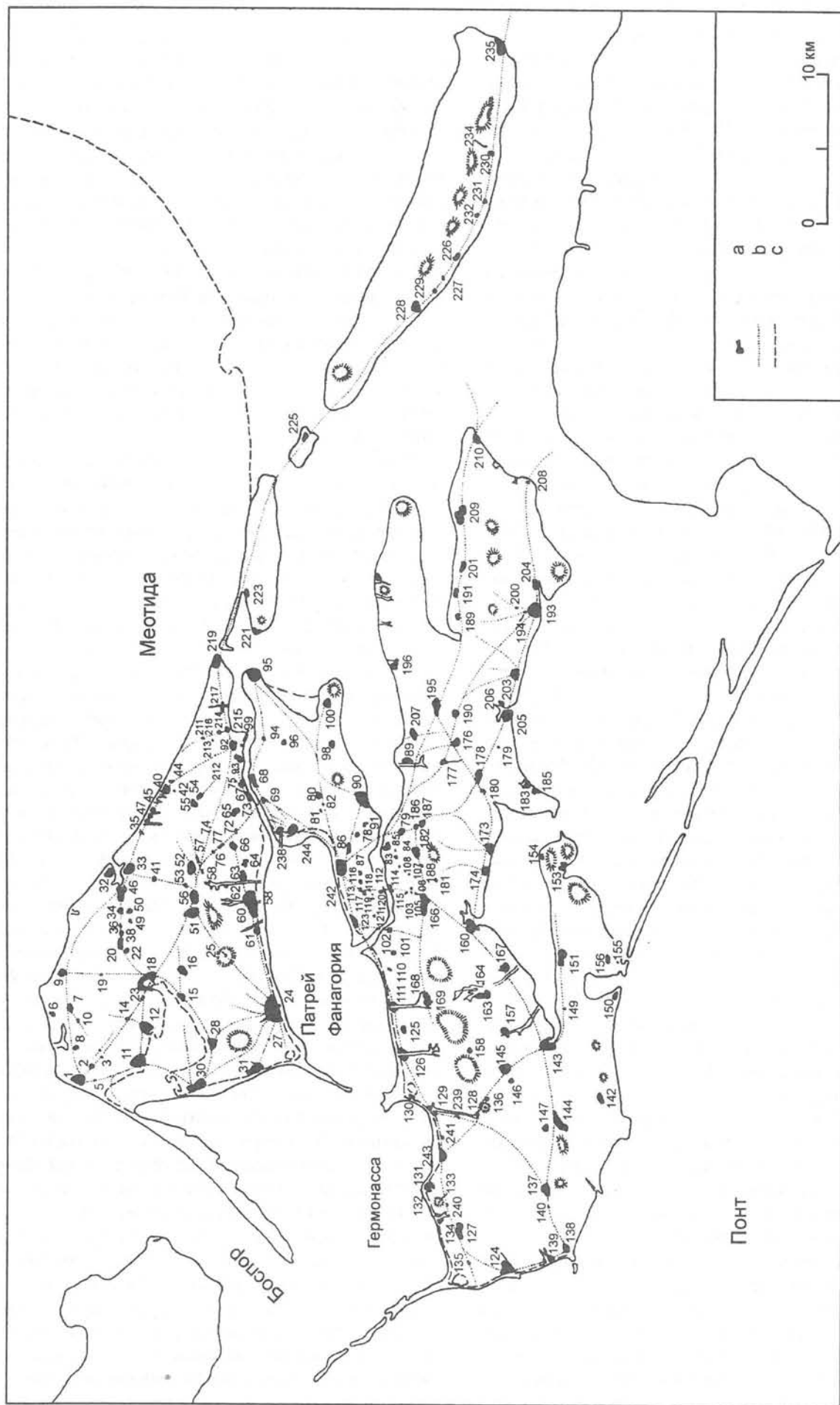

Рис. 1 Поселения и главные дороги Таманского полуострова в IV-II вв. до н.э. по данным археологических исследований.
 Fig. 1 Settlements and main roads on the Taman peninsula in the 4th-2nd centuries B.C. according to archaeological evidence.

(с минимальными, почти нулевыми уклонами) долинах. Именно они в античное время были наиболее заселены и возделаны. В такой долине была расположена цепь из 12 поселений: Красноармейский 1 (18), 5 (22), 3 (20), Кучугуры 7 (38), 6 (37), 5 (36), 14 (49), 3 (34), 16 (50), 15 (46), 1 (32) и 2 (33). Ее отображение на аэрофотоснимках представляет собой темную зону (исключая специфические площади поселений), цвет которой обусловлен почти двухтысячелетними накоплениями гумуса и большей относительной увлажненностью по сравнению с окружающей территорией. Эти процессы — с одной стороны, и почти двухсотлетняя постоянная распашка — с другой (подобные земли распахивались казаками в первую очередь), стерли или уничтожили видимые следы античного межевания. Подобную ситуацию следует отметить и в юго-восточной части Киммерийского острова, где также вереницей были расположены девять поселений: Юбилейный 9 (73), 3 (67), 11 (75), Ахтанизовская 2 (93), 8 (99), 1 (92), За Родину 5 (215), 4 (214), 7 (217). Близкие условия сложились также к северо-западу от поселения Фонталовская 1 (51) и к юго-востоку от поселения Кучугуры 16 (50). Учитывая вышеизложенное, остается констатировать, что степень освоения территории Киммерийского острова в IV-II вв. до н.э. была чрезвычайно высока. Практически все пригодные для возделывания земли в этот период были размежеванными. Свободными от обработки оставались заросшие кустарником откосы высоких берегов Азовского моря, холмы и гряды (являющиеся, большей частью, вершинами грязевых вулканов), а также развитые системы балок, служившие пастбищами и охотничьими угодьями (береговая полоса от поселения Ильич 1 (1) до поселения Кучугуры 8 (39) и от поселения Кучугуры 9 (40) до поселения Пересыпь 1. Тирамба (219), гора Кукуоба к северо-западу от поселения Гаркуша 1. Патрей (24), гряда между поселениями Гаркуша 2 (25) и Фонталовская 8 (58), гора Педенкова к югу от поселения Кучугуры 12 (43), урочище Козловые Балки к востоку от поселения Гаркуша 2 (25), балка Примина к юго-западу от поселения Фонталовская 8 (58), Синяя балка к северу от поселения За Родину 7 (217) и другие). В качестве последних пояснений к рис. 2 следует отметить два момента. При дешифрировании аэрофотоснимков практически не было встречено случаев наложения одной системы межевания на другую. Исключением является небольшая по размерам площадь к востоку от поселения Ильич 1 (1), где оставлено белое пятно. На двух площадях — к западу-юго-западу от поселения Фонталовская 1 (51) и к юго-востоку от поселения Батарейка 2

(12) частые параллельные линии отображают, вероятнее всего, следы виноградников римского времени (Паромов 1997: 122). При дешифрировании они не были сняты, поскольку перестройка участков под виноградники происходила с сохранением структуры более ранней системы межевания (что, кроме того, может свидетельствовать в пользу преимущества при организации земельных наделов). Оценивая общую картину, необходимо сказать, что, несмотря на лакуны, она достаточно наглядно представляет хорошо сбалансированную единую систему поселений, дорог и земельных наделов. Аналогичный характер прослеживается на территории всего Таманского полуострова. Можно отметить, что рисунок межей сельской округи Ольвии имеет много общих черт с этой картиной.

Разделение античных систем межевания по типу пространственно-планировочной композиции на регулярные и иррегулярные, введенное А. Н. Щегловым, представляется совершенно справедливым и очень удачным, поскольку этими двумя терминами различные межевые системы определяются с первого взгляда (Щеглов 1993: 23-24). Равно справедливо и отнесение к первому типу хоры Херсонеса Таврического, а ко второму — территории Таманского полуострова и сельской округи Ольвии. Однако, если термин «регулярный» отражает землеустройство хоры Херсонеса во всех аспектах, то термин «иррегулярный» (неравномерный, неправильный) справедлив, вероятно, лишь при обобщенной оценке картины межевания на Таманском полуострове. Отмеченные выше закономерности (подчинение межевания рельефу местности и розе ветров) уже свидетельствуют о какой-то упорядоченности и стремлении к рациональности. К этому же подводит анализ площадей земельных наделов. Необходимо уточнить, что понятие «надел» употребляется здесь условно. В процессе анализа и дешифрирования аэрофотосъемок на территории Киммерийского острова было выделено около 350 площадей, называемых так более всего в силу выраженности. Речь идет о 350 наиболее четко зафиксированных на аэрофотоснимках земельных участках с замкнутыми контурами ограждений, часто соединенных в своеобразные блоки, которые встроены в общую систему дорог и поселений. Почти на каждом из них присутствуют также следы деления на самые различные по площади более мелкие участки. Здесь же следует оговорить, что в определении их неизбежно сказались факторы субъективности, однако, при исследовании массива из нескольких сот объектов роль его, с той же неизбежностью, понижается. Тем не менее, характер дальнейших

Рис. 2 Киммерийский остров (северо-западная часть Таманского полуострова) в IV-II вв. до н.э. по данным археологических исследований (поселения и главные дороги) и аэрофотосъемок (межевая система).
 Fig. 2 The Cimmerian Island (the northwestern part of the Taman Peninsula) in the 4th-2nd centuries B.C. according to archaeological evidence (settlements and main roads) and according aerial photographs (the land division system)

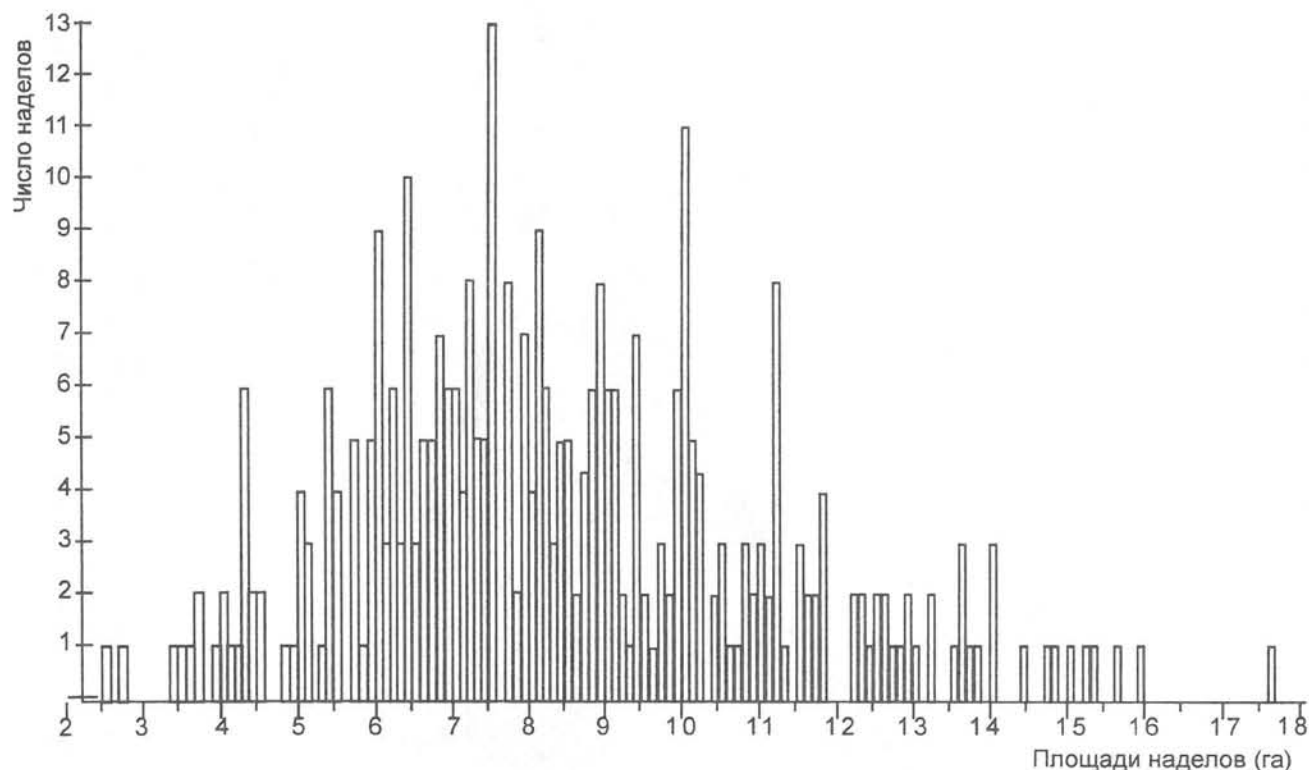

Рис. 3 Гистограмма распределения земельных наделов по площадям.

Fig. 3 Histogram of the distribution of the number of land lots according to their areas.

построений и выводов следует определить как предварительный. По своей конфигурации и размерам выделенные наделы представляют широкое разнообразие: около поселения Ильич 5 (5) — шесть наделов площадью от 6,75 до 11, 89 га; вокруг поселения Ильич 2 (2) и поселения Ильич 3 (3), а также к югу от них — 12 наделов площадью от 7,35 до 16,4 га; около поселения Батарейка 4 (14) и к северу от него — 25 наделов площадью от 6,0 до 11,27 га; к западу и юго-западу от поселения Кучугуры 8 (39) — шесть наделов площадью от 8,14 до 10,25 га; между поселением Батарейка 4 (14) и типично придорожным поселением Красноармейский 6 (23) — 12 наделов площадью от 6,93 до 12,9 га; к востоку и юго-востоку от поселения Красноармейский 1 (18) — 19 наделов площадью от 6,4 до 17,68; к северу от поселения Кучугуры 15 (46) — один надел площадью 8,84 га; около поселения Кучугуры 10 (41) — площадью от 5,94, до 11,2 га; к западу от поселений Кучугуры 4, 16 (35, 47) — один надел площадью 12,95 га; к северо-западу от поселения Фонталовская 3 (53) — семь наделов площадью от 7,04 до 12, 54 га; к северо-западу и северо-востоку от горы Куку-Оба, в районе поселения Береговой 1 (28) — восемь наделов площадью от 9,41 до 13,68 га; около поселения Запорожская 1 (15) и к югу от него — 15 наделов площадью от 5,94

до 13,75 га; к востоку от поселения Фонталовская 2 (52) — четыре надела площадью от 3,6 до 6,0 га; к юго-востоку от поселения Фонталовская 8 (58) и типично придорожного поселения Фонталовская 7 (57), а также рядом с придорожными поселениями Юбилейный 12 и 13 (76, 77) — 28 наделов площадью от 6, 6 до 14,4 га; около поселения Волна Революции 3 (62) — 13 наделов площадью от 6,24 до 13,6 га; около поселения Юбилейный 2 (66) — шесть наделов площадью от 7,5 до 10,02 га; рядом с поселением Кучугуры 11 (42) — один надел площадью 10,8 га; около поселения Кучугуры 13 (44) — восемь наделов площадью от 4,0 до 8,99 га; вблизи поселений Фонталовская 4 (54) и Фонталовская 5. Виноградное (55) — три надела площадью от 5,32 до 6,2 га; между поселениями Фонталовская 4 (54) и Фонталовская 5. Виноградное (55) и поселениями За Родину 1, 2, 3 (211, 212, 213) — восемь наделов площадью от 6,5 до 11,28 га; около поселений За Родину 1 и 3 (211, 213) — 28 наделов площадью от 2,52 до 15,9; в районе поселения Юбилейный 1 (65) — 42 надела площадью от 4,32 до 11,6 га; между поселениями Юбилей 3 (67) и Ахтанизовская 2 (93) — два надела площадью 6,25 и 6,16 га; около поселений Ахтанизовская 2 и 1 (93, 92) — 13 наделов площадью от 4,8 до 9,9 га; около поселения Береговой 4. Саратовское (31) — 16 наделов площадью от 4,08

до 8,99 га; в юго-западном углу Киммерийского острова — 16 наделов площадью от 5,0 до 14,7 га; к северо-востоку и востоку от поселения Гаркуша 1. Патрей (24) — 21 надел площадью от 2,7 до 9,24 га; между последним и поселением Волна Революции 2 (61) — девять наделов площадью от 5,88 до 15,0 га. Особо следует отметить два надела площадью 15,08 и 15,36, на которых стояли поселения Ильич 3 и 4 (3, 4), бывшие, вероятно, их усадьбами. На первый взгляд площади наделов представляют хаотическое скопление величин в интервале от 2,5 до 17,7 га. Для упорядочения этих данных и выявления возможных закономерностей была построена гистограмма распределения наделов по площадям (рис. 3), показавшая возрастание количества наделов при приближении площади к 7,5 га и дальнейшее уменьшение их числа после перехода этого значения. Анализ генерального и промежуточных пиков графика позволил выявить величину стандартного участка или модуля (М), который оказался равен самому малому из выделенных при дешифрировании аэрофотоснимков наделу (2,51 га). При этом стандарте площадь участка, равного 2М,

составляет 5,01 га, 3М — 7,52 га, 4М — 10,3 га, 5М — 12,54 га, 6М — 15,04 га, 7М — 17,55 га. Анализ полного массива данных на основе выявленного модуля показал, что практически все участки по своей площади были близки целому количеству модулей или определенному количеству модулей с долями. Подавляющее большинство из них находится в диапазоне от 2М до 4М (в абсолютном выражении — от 5,01 до 10,3 га). Осью графика или средним наделом являлся участок, равный 3М или 7,52 га. Эти данные близки стандартному земельному участку на Маячном полуострове (4,41 га), лежавшему в основе межевания всей хоры Херсонеса (Щеглов 1993: 30-32). В период поздней классики — эллинизма площади наделов или участков, близкие 4,5-5-10 га зафиксированы в Восточном Крыму (Кругликова 1975: 54-57), в районе Евпатории (Колесников 1985: 9-15; Kolesnikov 1991: 38-43), в округе Ольвии (Лисецкий 1994: 239), на юге Тилигуло-Днестровского междуречья (Бруяко, Назарова, Петренко 1991: 38-43). Они типичны практически для всех систем расселения и землеустройства с парцеллярным ведением хозяйства.

Абрамов, А. П., Я. М. Паромов. 1993. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник 2: 25-98. Москва: Архэ.

Блаватский, В. Д. 1953. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. Москва: Издательство АН СССР.

Борисов, А. А. 1967. Климаты СССР. Москва.

Бруяко, И. В., Н. П. Назарова, В. Г. Петренко. 1991. Древние ландшафты на юге Тилигуло-Днестровского междуречья по данным аэрофотосъемки // Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур: 37-44. Киев: Наукова думка.

Воронов, А. А., Я. М. Паромов. 1990. Планировочные принципы расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // Архитектурное наследие 37: 3-11. Москва: Стройиздат.

Гайдукевич, В. Ф. 1940. Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг. // Вестник древней истории 3/4: 300-317.

Горлов, Ю. В., Ю. А. Лопанов. 1993. Древняя система мелиорации на Фонталовском полуострове // Тезисы докладов Второй Кубанской археологической конференции: 30-31. Краснодар.

1995. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // Вестник древней истории 3: 121-137.

Жеребицов, Е. Н. 1981. Некоторые результаты сравнительного изучения клеров Гераклейского полуострова // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 168: 17-26.

1985. Материалы к периодизации античных памятников Маячного полуострова // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 182: 38-45.

Зинько, В. Н. 1998. Нимфейский полис // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы научной конференции: 29-33. Санкт-Петербург.

1998. Итоги и перспективы исследований нимфейской хоры // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. Тезисы докладов международной научной конференции: 32-34. С.-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Золотарев, М. И. 1981. О роли ветровых факторов при организации хоры некоторых греческих полисов // Вестник древней истории 1: 144-150.

Колесников, А. Б. 1985. Греческие сельскохозяйственные усадьбы в районе г. Евпатории. Автореф. дис. канд. ист. наук. Москва.

Кругликова, И. Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. Москва: Наука.

1975. Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 168: 9-16.

Крыжицкий, С. Д., С. В. Буйских, А. В. Бураков, В. М. Отрешко. 1989. Сельская округа Ольвии. Киев: Наукова думка.

Масленников, А. А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. Москва: Индрик.

Масленников, А. А., И. М. Безрученко. 1991. Земельные наделы античного времени в Крымском Приазовье // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 204: 37-45.

Моисеев, Л. А. 1926. Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклейском полуострове // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы IX: 115-122. Симферополь.

Лисецкий, Ф. Н. 1994. Система античного землеустройства в Нижнем Побужье // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского Археологического Общества: 237-242. Одесса: Гермес.

Николаенко, Г. М. 1985. Межевание полей херсонесской хоры // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 182: 11-15.

Отрешко, В. М. 1981. О клерах Ольвии // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых: 75-76. Киев.

Паромов, Я. М. 1989. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984—1985 гг. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 196: 72-78.

1990. Материалы к археологии Таманского полуострова // Причерноморье в VII-V вв. до н.э. Материалы V Международного симпозиума по древней истории Причерноморья. Вани-1987: 122-126. Тбилиси: Мещиереба.

1990а. Принципы изучения эволюции системы расселения на Таманском полуострове в античное и средневековое время // Древние памятники Кубани: 56-69. Краснодар.

1992. Археологическая карта Таманского полуострова. Москва: Депонирована в ИНИИ РАН. № 47103.

1992а. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник 1: 109-146. Москва: Архэ.

1993. Принципы выявления эволюции системы расселения (На примере Таманского полуострова) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 21: 25-34.
1994. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
1997. К истории виноделия на Боспоре // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. II: 121-125. Санкт-Петербург – Псков.
- 1997а. Материалы к выделению культурно-исторических ландшафтов Тамани // Археологический фактор в планировочной организации территории: 189-213. Москва.
1998. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора 1: 216-225. Москва.
- Петерс, Б. Г. 1978. Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии: 117-127. Москва: Наука.
- Печенкин, Н. М. 1911. Археологические разведки в местности Страбонского старого Херсонеса // Известия Императорской Археологической Комиссии 42: 108-126. Санкт-Петербург.
- Рогов, Е. Я. 1998. Отчет о разведках в юго-западной части Таманского полуострова в 1997 г. // Архив Института археологии РАН.
1999. Отчет о работах Бугазского отряда Боспорской экспедиции Института истории материальной культуры в 1998 г. // Архив Института археологии РАН.
- Стржецкий, С. Ф. 1951. Клер Херсонеса Таврического. (По раскопкам 1950 года) // Вестник древней истории 3: 85-90.
1957. Пять клеров Херсонеса Таврического // Советская археология 3: 31-42.
1961. Клеры Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник VI. Симферополь: Крымиздат.
- Сударев, Н. И. 1998. Разведки в северо-западной части Фонталовского полуострова в 1997 г. // Архив Института археологии РАН.
- Шевченко, Н. Ф. 1999. Отчет о раскопках поселения Виноградный-1 в Крымском районе Краснодарского края в 1998 году: Архив Института археологии РАН.
- Шиликин, К. В. 1982. Аэрометод как источник для исторической топографии Ольвии и ее окрестностей // Советская археология 3: 235-242.
- Щеглов, А. Н. 1967. Исследование сельской округи Калос Лимена // Советская археология 3: 234-246.
1977. Земельный надел у мыса Ойрат // История и культура античного мира: 210-215. Москва: Наука.
1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Ленинград: Наука.
1981. Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-1979: 204-218. Тбилиси: Мецниереба.
1984. Хора Херсонеса. Округа города на Гераклейском полуострове. «Старый» Херсонес и его округа. Керкинитиды. Прекрасная гавань (Калос Лимен) и ее округа // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья: 53-56. Москва: Наука.
1993. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма: 10-38. Симферополь: Таврия.
- Kolesnikov, A. B. 1991. The agrarian territory of Chersonesos Tauris near Kerkititis (modern Eupatoria) // Table ronde «Territoires des cités Grecques». 31 Octobre – 3 Novembre: 102. École Française d' Athènes.
- Paromov, Ja. 1990. Intervention sur la péninsule de Taman // Le Pont-Euxin vu par les Grecs: Sources écrites et archéologie: 161-164. Besanson-Paris.
- Sčeglov, A. N. 1980. Utilisation de la photographie aereinne dans l'etude du cadastre de Chersonesos Taurique en IV–II siecles av n.e. // Dialogue d' Histoire Ancienne 6: 59-72. Paris.

ON THE ANCIENT LAND DIVISION SYSTEM ON THE TAMAN PENINSULA

Ya. M. PAROMOV

The systems of land division in the agricultural regions as part of the ancient culture in the northern Black Sea region remain at present but poorly studied. It is true e.g. for the rural neighbourhood of Olbia and *chora* of the Bosporean Kingdom, and the *chora* of Chersonesos is the only exception. This article deals with the general space-planning features of the land tenure on the Taman Peninsula (the Asiatic Bosporus), and presents a structural analysis of this land tenure in the northwestern part of the peninsula in particular. The Classic Period system of settlement on the Taman Peninsula existed since the beginning of the 6th century B.C. till the late 4th century B.C. It came into the full swing of its development in the 4th-2nd centuries B.C. During that period the number of settlements amounted to 211 in this area, an intricate net of roads was developed, and the land lots occupied half of the total territory — 60,000 hectares (figs. 1, 2). In fig. 1 the 4th-2nd centuries B.C. settlements and

roads studied on site are presented. Fig. 2 shows the settlements and roads in the northwestern part of the peninsula (the so-called Cimmeric Island) investigated on site along with the land lots studied by aerial photographs. The main feature of the structure and location of the walls demarcating land lots and dividing fields internally was that the walls were built across the slopes in order to retain the moisture during weak rains and to bar the torrents during heavy rains. The lots are oriented to the four cardinal points that is connected with the direction of the summer winds propitious for agriculture and of unfavourable winter winds. In terms of the space-planning composition the Classic Period land division systems are subdivided into regular and irregular ones. The *chora* of Chersonesos is an example of a regular system. The Chersonesean *chora* was created according to a common plan. The system of land lots on the Taman Peninsula had sprung much earlier — since the middle of the

6th century B.C., and it developed and grew spontaneously. Deciphering and analysis of aerial photographs enabled us to identify about 350 land lots which often were united into blocks. Together with settlements and ancient roads they constituted a united and natural system of settlement. The lots differ much in their configuration and area varying from 2,5 to 17,7 hectares. For ordering these data, a histogram of the lands distribution in dependence to their area size was built (fig. 3). The histogram shows increase of the number of the lots with increase of their area up to 7,5 hectares.

After reaching this value the number of lots decrease. The histogram enabled us to identify the size of a standard lot or module (M) which is equal to 2,51 hectares ($2M = 5,01$; $3M = 7,52$, and $7M = 17,55$ hectares resp.). Examination of the size of all lots showed that they are equal either to a whole number of modules or to several modules and some fractions. Most of the lots are within $2M$ to $4M$ (4,01-10,3 hectares). The average lot is a plot of land equal to $3M$ (7,52 hectares). These data are typical for a parcelling system of agriculture.

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПАШЕННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ЛЕСНОЙ ЗОНЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В I тыс. н.э

В. Я. КОНЕЦКИЙ, К. Г. САМОЙЛОВ¹

В истории хозяйства одним из важнейших этапов является становление пашенного земледелия как высшей формы хозяйствования традиционных обществ. Его формирование в северной части будущего древнерусского государства в отечественной историографии обычно связывалось с появлением славянского населения в лесной зоне Восточной Европы.

Однако, в последние десятилетия, получает все большее распространение точка зрения, связывающая этот принципиальный этап с эпохой раннего железного века. Данный подход был сформулирован в работах Ю. А. Краснова и получил дальнейшее развитие в работах его последователей, занимающихся, в первую очередь, дьяковской археологической культурой. В их работах уровень хозяйственного развития данной общности фактически поднимается до уровня соответствующего агротехнике эпохи Древней Руси. Однако, подобные построения вызывают определенные возражения, представляющиеся нам весьма существенными. Целью работы является рассмотрение некоторых спорных вопросов связанных с данной проблематикой, поскольку от того или иного их решения зависит понимание глобальных процессов этнокультурной истории лесной зоны Восточной Европы.

Впервые, идея о раннем, дославянском проникновении пашенного земледелия на территорию Северо-Запада и Верхнего Поволжья появилась в 1968 г. в статье Ю. А. Краснова «О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы» (Краснов 1968). Система аргументации исследователя основывалась на следующем постулате: важнейшими индикаторами пашенного земледелия (особенно в тех случаях если «в распоряжении археолога нет находок древних плугов, их изображений или следов древней распашки») является массовое распространение «настоящих» железных серпов. Это предположение базируется на допущении, что именно пашенное

земледелие, даже в своих самых примитивных формах приведшее к расширению посевных площадей, должно было вызвать появление в хозяйственном комплексе более совершенных орудий уборки урожая (по сравнению с известными и в допашенный период жатвенными ножами). В том же контексте Ю. А. Краснов рассматривает и колесные повозки, расценивая их возникновение как связанное с первоначальным использованием тягловой силы домашних животных именно для пахоты (Краснов 1968: 4-5).

На основании картографирования данных категорий археологических находок (в первую очередь серпов) автор рисует широкую картину постепенного распространения пашенного земледелия к северу от современной южной границы леса начиная с эпохи бронзы. Если в начале раннего железного века граница встречаемости железных серпов доходит лишь до среднего течения Десны и Нижней Березины, то уже в первой половине I тыс. н. э. они известны в Прибалтике, бассейне Западной Двины, на Верхней Волге, в бассейнах Москвы и Оки, укладываясь в ареал балтской гидронимии (Краснов 1968: 15). Это позволило исследователю сделать вывод о наличии в это время пашенного земледелия у балтских и балтизированных племен. Особое значение Ю. А. Краснов придает «изображению рала» на грузике с Троицкого городища в котором он видит «прямой указатель на наличие пашенного земледелия» (Краснов 1968: 17).

Дальнейшее развитие идея о принадлежности железных серпов раннего железного века, именно к хозяйственно-культурному типу пашенных земледельцев, получила в обобщающей монографии посвященной раннему земледелию и скотоводству в лесной полосе Восточной Европы (Краснов 1971: 35-36, 44-45). В более поздних работах все более заметный акцент стал делаться на проблематику, связанную с наличием пахотных орудий. В данной

¹Россия. 173003. Новгород. ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41. Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.

связи Ю. А. Краснов привлекает находки цельнодеревянных рал на границе леса и лесостепи, однотипных, по его мнению, орудия, изображенному на вышеупомянутом грузике (Краснов 1982: 66-67; Краснов 1987).

Несколько иначе был сформулирован теоретический аспект проблемы возникновения пашенного земледелия в лесной зоне тем же автором в конце 80-х гг. в статье «Хозяйственно-культурные типы Восточной Европы эпохи раннего железа» (Краснов 1990). В ней Ю. А. Краснов предлагает территориально-хронологическую систему формирования и распространения систем природопользования на данной территории.

Для раннего железного века «подзоны смешанных лесов, части южной тайги и широколиственных лесов» исследователь реконструирует хозяйственно-культурные типы ручных (допашенных) земледельцев и скотоводов, хозяйство которых характеризуется следующими показателями: преобладанием долговременных укрепленных поселений, господством в остеологическом материале костей домашних животных, находками зерна, наличием ручных орудий обработки почвы при отсутствии свидетельств применения пахотных орудий и серпов (Краснов 1990: 7-8).

Хозяйственно-культурные типы пашенных земледельцев, по мнению автора, с начала I тыс. до н. э. появляется в западной части подзоны смешанных лесов среди населения включавшего и предков славян и связан со следующими компонентами комплекса материальной культуры: «пахотными орудиями и их железными наконечниками» и железными серпами (Краснов 1990: 8-9).

Расширение аргументации, обосновывающей наличие пашенного земледелия у дьяковских племен связано с привлечением материалов анализа структуры расселения. Данная проблематика раскрывается в статье М. И. Гоняного и Н. А. Кренке (Гоняный, Кренке 1988). На основе сходства в топографической приуроченности дьяковских (уже на их ранней стадии) и древнерусских памятников в бассейне р. Пахры сделан вывод о «наличии сходства в хозяйственной направленности тех и других поселений».

Применительно к рассматриваемой теме, значительные работы были проделаны по привлечению разнообразных методов естественных наук в отношении некоторых городищ дьяковской культуры. Их важнейшим итогом стала фундаментальное исследование, посвященное результатам многолетнего изучения Дьякова городища и предполагающее синтез данных, полученных независимо друг от друга специалистами различных направлений (Гунова и др. 1996).

Как следует из построений авторов становление пашенного земледелия в окрестностях городища происходит начиная с раннедьяковского времени (приблизительно в V-I вв. до н.э.). Реконструкция палеоландшафта хозяйственного ареала городища привела исследователей к выводу о том, что наиболее пригодными для освоения в качестве постоянных пахотных угодий начиная с I в. до н.э. были участки возвышенного коренного берега примыкающие к бровкам долин и оврагов.

Дальнейшее продолжение исследований принятое А. Л. Александровским, Н. А. Кренке, Е. А. Спиридоновой и Б. Е. Янишевским на некоторых других городищах дьяковской культуры позволило им утвердительно заявить об открытии древних пахотных слоев в профиле погребенной почвы под валами памятников (Александровский и др. 1998). При этом для городища Луковня II получена дата вала «IV или III вв. до н.э.», для городища Коробово — «I в. до н.э. — I в. н.э.». Для Троицкого городища «возраст распашки может быть определен как древнее IV-III вв. до н.э. или древнее I в. до н.э. (в зависимости от дат)». Характерно, что и для этих памятников следы древних полей находятся в той же топографической ситуации («прибровочное положение»), что и для Дьякова городища. Таким образом, по сравнению с хронологией предложенной Ю. А. Красновым, предлагается удревление даты появления пашенного земледелия в регионе почти на 500 лет, что помимо прочего, безусловно ломает схему развития хозяйственно-культурных типов предложенную данным автором.

Концепция относительно существования пашенного земледелия в лесной зоне Восточной Европы в раннем железном веке изначально представлялась спорной. Еще в конце 70-х — начале 80-х гг. появляется ряд статей Р. С. Минасяна в которых ставились под сомнение выводы Ю. А. Краснова. Была пересмотрена классификация серпов (Минасян 1978), а распространение пашенного земледелия исследователь, на основании выделенного им комплекса орудий труда и бытовых предметов присущего только славянам, связывал с миграцией последних в лесную зону (Минасян 1983). К сожалению, это мнение не имело резонанса в работах Ю. А. Краснова и его последователей.

Конкретное обоснование наличия пашенного земледелия у носителей дьяковской культуры и, на наш взгляд, представляется отнюдь не бесспорным. Рассмотрим основные направления этой аргументации.

Как уже отмечалось ход мысли Ю. А. Краснова основывается на анализе орудий труда. Речь идет о находках четырех деревянных рал территориально достаточно далеко отстоящих

от рассматриваемого региона. Еще Р. С. Минасян весьма скептически отзывался о возможности экстраполяции этих «имеющих весьма неопределенную датировку» орудий на раннее земледелие всей территории лесной зоны (Минасян 1983: 83).

Прежде всего, еще раз отметим неясную хронологию этих случайных находок. Даже Ю. А. Краснов обращает на это внимание. «Твердых оснований для датировки сергеевского рала нет». Рало из Жабчичей на основании радиоуглеродного анализа органики вышележащих слоев «датировано XIV–XIII вв. до н.э.» (то есть эпохой бронзы). Наиболее вероятная дата каплановичского рала, по мнению автора, — «от первой половины I тыс. н. э. до средневековья» (Краснов 1982: 67). Добавим, что Л. Д. Поболь связывал данную находку с «племенами зарубинецкой культуры». Правда эта датировка не является абсолютной, а основана лишь на соотношении с археологическими памятниками округа (Поболь 1967: 126). Орудие из токаревского торфяника «близко к дабергготцкому ралу датированному VII–IX вв. н.э.» (Краснов 1982: 67).

Необходимо еще раз подчеркнуть, что речь здесь идет о принципиально другом регионе Восточной Европы, издавна имевшем связи с более древними земледельческими общностями (будь то «скифы-пахари» или средневропейские культуры). Мы должны иметь веские основания для того что бы переносить этот тип хозяйства на экономику замкнутых в себе, живущих иными ритмами, культур раннего железного века глубинных территорий лесной зоны. Следует прислушаться и к вопросу поставленному Р. С. Минасяном: «Чем объяснить отсутствие железных наконечников у пахарей, проживающих в окружении лесных массивов с задернованными каменистыми почвами, и там, где с добычей и обработкой железа было знакомо население каждого поселения по крайней мере со второй половины I тыс. до н. э.?» (Минасян 1983: 83). Необходимо констатировать — в древностях железного века региона, рассматриваемого Ю. А. Красновым и его последователями, до сих пор не известно ни одного факта достоверно свидетельствующего о наличии пахотных орудий.

Традиционное привлечение, в этой связи, изображения на известном грузике с Троицкого городища вызывает серьезное возражение. Прежде всего, вопреки распространенной трактовке, данное крючкообразное изображение, в лучшем случае, может расцениваться как «деталь рала», поскольку у него отсутствует принципиальная часть рала — стояк с рукояткой. Изображенный предмет нефункционален и не передает образа деревянного рала. Далее,

само изображение «рала» находится в месте перегиба цилиндрической части грузика, что делает невозможным его естественное восприятие. Все это, на наш взгляд, позволяет отрицать возможность привлечения данного аргумента для доказательства существования пашенного земледелия у населения дьяковской культуры.

Основным критерием, пашенного земледелия, при отсутствии находок связанных с пахотными орудиями, Ю. А. Краснов считает наличие на памятниках железных серпов. Считая данные орудия важной чертой хозяйственно-культурного типа пашенных земледельцев, автор, как уже упоминалось, очерчивает границу распространения пашенного земледелия в первые века н. э., проходящую параллельно верховьям Западной Двины и Волги, по отрогам Валдайской возвышенности. На более северных территориях, где находки серпов раннего железного века неизвестны, по мнению автора, пашенное земледелие распространяется позднее. Находка серпа на городище Березняки, как единичная и выходящая за пределы ареала балтской гидронимии, исследователем в расчет не принимается (Краснов 1968: 17). Данные построения не могут считаться полностью корректными, так как севернее и северо-западнее территорий дьяковской культуры древности раннего железного века остаются изученными несоизмеримо слабее.

В конечном счете, за аргументацией Ю. А. Краснова стоит представление о том, что объем продукции с пашенных полей намного превосходил возможности любых форм ручного земледелия (Краснов 1968: 4–5). С этим невозможно согласиться, поскольку подсечное земледелие (безусловно наиболее актуальная и распространенная форма ручного земледелия в лесной зоне) гораздо эффективнее ранних форм пашенного и требует не меньших, а несравнимо больших, усилий по уборке урожая.

Обратим внимание на культуру северных (псковско-новгородских) длинных курганов, характер хозяйства носителей которой в последнее время являлся предметом внимания многих исследователей. В настоящее время фактически господствующей является точка зрения, что экономика данной общности, базировалась на подсечном земледелии. Это доказывалось находками серпов, восходящих по формам к раннему железному веку при жесткой ландшафтной привязке памятников к сосновым борам на песчаных почвах, полностью непригодным для пашенного земледелия и полном отсутствии пахотных орудий (Конечский 1989; Носов 1988). Наличие серпов в таком, традиционном для лесной зоны, типе хозяйства не только естественно, но и неизбежно, если учитывать потенциально высокую урожайность

подсечного земледелия, самим Ю. А. Красновым оцениваемую в пределах многих десятков «самов» (Краснов 1971: 60). Таким образом, наличие серпов и на городищах раннего железного века лесной зоны Восточной Европы не может служить серьезным аргументом в пользу наличия пашенного земледелия в дославянскую эпоху.

Итак, критический анализ аргументации Ю. А. Краснова по поводу артефактов, якобы указывающих на наличие в лесной зоне первой половины I тыс. н. э. пашенного земледелия, показывает явную недостаточность данного типа источников для обоснованного восстановления именно этой формы хозяйства.

То же самое можно сказать и в отношении интерпретации М. И. Гоняным и Н. А. Кренке системы расселения в бассейне р. Пахры. Само по себе общее совпадение мест поселений в различные эпохи еще не означает идентичности хозяйства. Выбор места поселения диктуется целым рядом универсальных факторов (близостью воды, незатопляемостью заселяемых участков, наличием условий для построения фортификаций, если это необходимо). Одно и то же природное окружение дает возможность функционирования хозяйственных систем с различной направленностью.

Стабильность поселений в дьяковскую эпоху дала основание исследователям отрицать ведущую роль скотоводства в экономике данного населения. Они считают, что неперенной чертой скотоводства даже в лесной зоне была некая «сезонная миграция» (Гоняный, Кренке 1988: 59). Это утверждение противоречит выводу Ю. А. Краснова о том, что «единственно возможной формой животноводческого хозяйства в условиях лесной полосы могло быть так называемое оседлое или придомное животноводство. Характерной его чертой было использование в качестве пастбищ ближайших к поселению угодий при полной оседлости» (Краснов 1971: 120; 1990: 7-8).

Не могут быть обойдены при обсуждении и материалы полученные учеными-естественниками для окрестностей Дьякова городища и некоторых других памятников этой культуры. Общеизвестно, что проблема синтеза разнородной информации представляет крайне сложную процедуру. Ее неперенным условием является независимость выводов. Вовсе не обязательно полученная картина должна быть безальтернативной. К сожалению, складывается впечатление, что весь анализ «экофактов» был предпринят уже в рамках заданной парадигмы: априорного присутствия пашенного земледелия у «дьяковского» населения, что приводит порой к парадоксальным выводам

относительно хронологии и динамики хозяйственного развития.

Так, например на основе рассмотрения спорово-пыльцевых диаграмм был сделан вывод о том, что уже «на начальном этапе проживания людей на Дьяковом городище их влияние... проявилось в сведении лесов и обустройстве *пахотных земель* (выделено нами — В. К., К. С.) и пастбищ». Иначе говоря, дата появления пашенного земледелия соотносится с временем основания городища — то есть с рубежом V-IV вв. до н.э. Для средней части нижнего культурного слоя констатируется «освоение новых пахотных угодий на водоразделах, заброшенность полей в пойме» (Гунова и др. 1996: 105). Самый верхний уровень верхнего слоя (третья четверть I тыс. н.э.) не содержит пыльцы пашенных сорняков, что связывается с еще более совершенным типом хозяйствования. В связи с повышенной влажностью в V-VI вв. н. э., по мнению авторов «в большей степени стали использоваться территории коренного берега» (Гунова и др. 1996: 106-107).

На основании карпологического анализа подтверждается «значительное развитие земледелия по крайней мере с V-III вв. до н.э. ... «Переломным» горизонтом... оказывается средний горизонт верхнего слоя (ориентировочный возраст — рубеж эр — первые века н. э.)», когда «на первое место выходят те культуры, которые более терпимо относятся к условиям складывающимся на более окультуренных почвах» (Гунова и др. 1996: 109, 117).

В то же время, археологические материалы дают, как кажется, несколько иную картину. Железные серпы, согласно принятой авторами концепции, являющиеся свидетельствами становления пашенной агротехники, появляются лишь со II-I вв. до н.э. и до I в. н.э. эволюционируют в направлении совершенствования форм (Гунова и др. 1996: 96-97). Таким образом, можно отметить явное несоответствие естественнонаучной и археологической датировки возникновения рассматриваемого типа земледелия. Данные палинологии прямо разрушают схему основывающуюся на находках серпов. Констатируемые для рубежа эр заметные изменения в облике материальной культуры, выразившиеся в появлении новых типов керамики, в том числе и лощеной, совершенствовании бронзолитейного и железодельного производств, то есть все те явления, которые обычно соотносятся с постзарубинецким влиянием, с которым Ю. А. Краснов связывал и появление пашенного земледелия, согласно авторам рассматриваемой статьи происходят при сохранении прежнего типа хозяйства.

Значительная работа была проделана исследователями для составления ландшафтной

схемы природопользования в окрестностях памятника на рубеже эр. Нисколько не оспаривая оценку конкретных типов угодий, заметим, что она сама по себе не может служить аргументом при определении древних систем земледелия. Основным материалом для составления карты послужили современные «рельеф и местоположение, плодородие субстрата, характер увлажнения и степень увлажненности» (Гунова и др. 1996: 113). В сущности, она основана лишь на определении *потенциальных* возможностей различных природно-территориальных комплексов вне зависимости от реального уровня развития производительных сил. Заметим, что качество угодий прямо не свидетельствует ни об интенсивности, ни о специфике их конкретного использования. Но именно на этом основании основными пахотными угодьями названы прибрежные участки (Гунова и др. 1996: 115).

Попытаемся все же встать на позиции авторов и конкретно оценить возможности этих участков как базы экономики, основанной на пашенном земледелии. Авторами выделяются две категории пашенных угодий: «постоянные пахотные участки» и «участки краткосрочных и среднесрочных перелогов, распаханых 3-4 года: «оборот» — порядка 10-20 лет» (Гунова и др. 1996: 112-115).

Даже гипотетическое допущение существования постоянных пахотных полей нам представляется чересчур смелым, поскольку все что мы знаем о становлении подобного типа землепользования в Древней Руси связано с наличием паровой системы и использованием навозного удобрения. Лишь при такой агротехнике была бы возможна почти тысячелетняя эксплуатация одних и тех же участков. Очевидно авторы осознают это обстоятельство. Думается, что именно в этом контексте могут быть поняты фразы о «еще более совершенном типе хозяйствования» (Гунова и др. 1996: 106) и даже завуалированные намеки на применение навоза. Последние явствуют из завершающей статью пассажа, в котором сопоставляются редкие находки вне территории поселений керамики раннего железного века и позднесредневековой (Гунова и др. 1996: 119). Заметим, что использование навоза даже в развитом средневековье порой оспаривается исследователями аграрной истории России.

В этой связи, при вычислении экономического потенциала «пашенных» угодий Дьякова городища, оба типа природно-территориальных комплексов следует включить в категорию переложных полей. Результаты предварительных расчетов, основанных на нормах потребления, включающих значительную долю животной пищи, урожайности сам-5 (которая для па-

шенного земледелия является совсем не низкой) при параметрах ротационного цикла, указываемых авторами, показывают, что уже для населения в 60 человек необходимо приблизительно от 80 до 160 га пригодных для пашенного освоения земель. Наиболее реальными представляются цифры 120-160 га, поскольку предлагаемый авторами 10-летний ротационный цикл при 3-летнем периоде использования скорее всего не может обеспечить стабильность плодородия из-за недостаточного воспроизводства лесной растительности. Кроме того, необходимым условием восстановления последней является исключение участков из фонда пастбищных угодий. Авторы не приводят данные о наличии земель, пригодных, по их мнению, для пашенного земледелия за пределами ближайших к городищу территорий. Суммарный же потенциал таких угодий по материалам вышеупомянутой схемы природопользования (30 га) явно недостаточен.

Таким образом, анализ сведений, призванных подтвердить наличие пашенного земледелия у населения Дьякова городища еще раз показывает безосновательность реконструкции данного типа хозяйства для рассматриваемой культурной общности. Полученная картина, вольно или невольно, оказывается аналогичной хозяйственной ситуации, наличие которой даже для Древней Руси домонгольского периода является предметом дискуссии среди специалистов.

Очевидно, что прямым и решающим аргументом в пользу существования пашенного земледелия, если не считать находок пахотных орудий, является наличие следов древней распашки. Утверждение о ее присутствии под валами дьяковских городищ так же вызывает серьезные сомнения. Не будучи специалистами почвоведовыми не беремся судить о биохимических процессах связанных с распашкой. Заметим, однако, что в археологии традиционно критерием древней пахоты является не «резкая, ровная граница горизонта в разрезе», а следы борозд на материке. Для Северо-Запада в последние десятилетия подобные следы зафиксированы почти для десятка памятников связанных с культурой сопок, для которой пашенное земледелие является бесспорным (Конецкий 1985: 42; Мильков 1988: 37; Янин и др. 1995: 5; Носов и др. 1995: 19; Носов 1997: 207; Кузьмин 1997: 109). Возможные возражения в связи с тем, что гипотетические рала дьяковской культуры не имели железных наконечников, могут быть легко отведены. В скандинавских материалах римского времени, при безусловном отсутствии железных наконечников (Минасян 1983: 87), следы борозд известны (Stenberger 1977: 373). Их неперенное

присутствие на материке, при использовании цельнодеревянных рал, подтверждается и данными современного экспериментального моделирования (Малинова, Малина 1988: 52-54). В этой связи факт отсутствия следов борозд в местах предполагаемой распашки на дьяковских городищах заставляет серьезно усомниться в выводах почвоведов.

Каким же видится решение проблемы реконструкции экономики населения лесной зоны Восточной Европы в I тыс. н. э.? Очевидно, что современное изучение хозяйственной проблематики невозможно без привлечения концепций хозяйственно-культурных типов, на что, как уже упоминалось, обращал внимание и Ю. А. Краснов. Обычно под хозяйственно-культурным типом понимается «устойчивый комплекс хозяйства и культуры, который складывается исторически у различных народов, находящихся на близких уровнях социально-экономического развития и в сходных естественно-географических условиях» (Чебоксаров, Чебоксарова 1985: 177). Хозяйственно-культурный тип является сложной системой, связывающей общество с природными ресурсами посредством культуры. Различия между хозяйственно-культурными типами не сводятся к основным занятиям населения, но охватывают многие проявления материальной и духовной культуры. При этом, что отмечает и Ю. А. Краснов, «критерий выделения хозяйственно-культурных типов лежит не столько в сфере различий отдельных элементов культуры, сколько в особой для каждого типа структуре объединения таких элементов на основе разных форм хозяйства» (Краснов 1990: 3). Структурность хозяйственно-культурного типа как явления имеет ряд следствий, в частности, это означает ограниченность его изменений по мере развития производительных сил, причем эти изменения могут носить лишь количественный характер. Это же определяет невозможность сколь-либо длительного существования переходных, синтезных вариантов, то есть дискретный характер смены хозяйственно-культурных типов у конкретных общностей. И, наконец, переход к новому хозяйственно-культурному типу сопряжен с существенной перестройкой всех сторон жизни общества.

В рамках каждого хозяйственно-культурного типа выделяется ведущая отрасль хозяйства, являющаяся структурообразующей. Поэтому, историко-археологическое исследование, направленное на идентификацию того или иного хозяйственно-культурного типа для конкретной культурной общности, в конечном счете упирается в проблему выявления и всестороннего изучения этой структурообразующей отрасли. Здесь принципиальную важность

приобретает поиск конкретных типов артефактов, являющихся индикаторами. Основанием для выделения хозяйственно-культурного типа пашенных земледельцев (в отличие от ручных) должен быть набор артефактов, свидетельствующий именно о данном способе обработки земли. Как уже неоднократно подчеркивалось выше, для памятников раннего железного века Верхнего Поднепровья и Подвинья, а так же примыкающей части Волго-Окского междуречья какие-либо свидетельства подобного рода отсутствуют.

М. Б. Шукин подчеркивает, что «мир городищенских культур» лесной зоны Восточной Европы к северу от Припяти и Сейма представляет ни что иное как особый хозяйственно-культурный тип (Шукин 1994: 99-100). Его облик, по мнению исследователя, свидетельствует о «типе «лесного хозяйства», где наряду с подсечным земледелием большую роль играло скотоводство, а так же охота и собирательство» (Шукин 1994а: 21-22). Видимо, неслучайно и Ю. А. Краснов в итоге был вынужден все основные признаки «городищенских» культур (исключением являются лишь все те же серпы) включить в описание хозяйственно-культурного типа ручных земледельцев и скотоводов лесной зоны (Краснов 1990: 7-8).

Действительно, если без предубеждения взглянуть на материалы дьяковской культуры, то мы увидим, что структура комплекса материальной культуры за весь период ее существования изменяется достаточно плавно. В этой связи вполне закономерно и наблюдение исследователей Дьякова городища об аналогичности структуры расселения в ранне- и познедьяковское время, которая объясняется тем, что еще на раннем этапе «был достигнут уровень близкий к предельной емкости территории (при соответствующем типе хозяйства и социальной структуре)» (Гунова 1996: 95). В случае признания смены хозяйственно-культурного типа, а тем более близости его к уровню древнерусской экономики, мы были бы в праве ожидать гораздо более резких изменений. Далее, подобное допущение никак не может объяснить исчезновение дьяковской культуры. Как бы мы не оценивали верхнюю дату этой общности, существование хронологического разрыва между нею и раннеславянскими памятниками региона представляется очевидным.

На наш взгляд, серьезных оснований для рассмотрения дьяковской культуры вне хозяйственно-культурного типа ручных земледельцев и скотоводов лесной зоны не существует. Эта ситуация вполне укладывается в картину эволюции нарисованную Ю. А. Красновым для данного хозяйственно-культурного типа, где «в силу естественно-географических условий

животноводство на первых порах играло большую роль, чем земледелие» (Краснов 1990: 7).

При объяснении механизма гибели дьяковской культуры на коренной ее территории, как представляется, определенное значение может иметь ситуация свойственная для региона севернее линии Западная Двина — Верхняя Волга. Эта территория в первые века н. э. так же характеризуется наличием сетчатой керамики и грузиков дьякова типа. Сюда отчасти заходят и «классические» позднедьяковские городища со сложными фортификациями. Хозяйство населения этих районов в раннем железном веке, судя по всему, так же базировалось на сочетании скотоводства и ручного земледелия. Стабильность поселений, при уровне развития хозяйства свойственном раннему железному веку лесной зоны, несомненно свидетельствует именно в пользу приоритета животноводства (что, как уже упоминалось, подчеркивает и Ю. А. Краснов), поскольку лишь это направление позволяло эксплуатировать ресурсы одних и тех же микрорегионов сколь угодно длительный срок.

В середине I тыс. н. э. здесь формируется культура длинных курганов, этническая оценка которой в настоящее время дискуссионна. При этом в последнее время все более подчеркивается, что ее демогенез определялся прежде всего местной подосновой (Конечкий 1998). Важным фактором в формировании культуры длинных курганов представляется серьезные экологические изменения связанные с повышенной влажностью климата в V-VI вв. Повышение увлажненности привело к «разрастанию болот и повышению уровня озер и рек. Поймы рек во многих местах перекрыты аллювиальными отложениями» (Олейников 1992: 75). Все это, в связи с разрушением кормовой базы животноводства, не могло не повлечь за собой существенной перестройки традиционной структуры природопользования населения.

Переориентация на подсеку в сосновых борах, (как на наименее трудоемкую форму данного способа хозяйствования) для которой повышение влажности было фактором положительным, привело к перемещению населения в соответствующие ландшафты. При этом переживают экстремальный климатический период лишь те поселения, которые были приурочены к борным массивам. Городища и селища в ином природном окружении были оставлены населением, что, как нам представляется, может быть спроецировано и на эпоху заката дьяковской культуры.

Таким образом, все данные которые имеются в нашем распоряжении не дают оснований для пересмотра традиционного тезиса о славянах как первых носителях пашенного земледелия в этом регионе. Расположение ранних памятников славянского населения (доладожского этапа культуры сопки) в ландшафтах бесспорно наиболее пригодных для ранних форм пашенного земледелия (значительные массивы мягких плодородных почв в речных долинах и озерных котловинах), не вызывает сомнения у исследователей. Решающим условием становления этого типа хозяйства стало новое изменение климатических условий на рубеже VII-VIII вв., вызвавшееся в резком уменьшении количества осадков и повышении температур (Климанов, Хотинский, Благовещенская 1995: 92-93). Это повлекло за собой снижение уровня водоемов и, соответственно, формирование необходимых для раннего пашенного земледелия угодий. И, видимо, совсем не случайно Северо-Запад (в дореволюционной географической номенклатуре — Озерный край), а не территория, скажем, Верхнего Поволжья является местом наиболее раннего присутствия достоверно славянского населения на территории будущей Северной Руси.

- Александровский, А. Л., Н. А. Кренке, Н. А. Спиридонова, Б. Е. Янишевский. 1998. Изучение валов и погребенных под ними почв на дьяковских городищах Троицкое, Луковня 2 и Коробово в Подмоскowie // Тверской археологический сборник 3: 333-351. Тверь.
- Гоняный М. И., Н. А. Кренке. 1988. Структура расселения дьяковцев в бассейне р. Пахры // Советская археология 3: 54-62.
- Гунова, В. С., Н. А. Кирьянова, Н. А. Кренке, В. А. Низовцев, Е. А. Спиридонова. 1996. Земледелие и землепользование в долине Москвы-реки в железном веке // Российская археология 4: 93-120.
- Климанов, В. А., Н. А. Хотинский, Н. В. Благовещенская. 1995. Колемание климата за истонческий период в центре Русской равнины // Известия АН. Серия Геогр. № 1: 89-96.
- Конечкий, В. Я. 1985. О «каменных кругах» Юго-Западного Приильменя // Новое в археологии Северо-Запада СССР: 37-44. Ленинград.
1989. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // Новгородский исторический сборник 3 (13): 3-19. Новгород.

1998. Этнические процессы втор. пол. I тыс. н. э. на Северо-Западе в контексте истории хозяйства // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 11-13 ноября 1998 г.: 3-10. Новгород.
- Краснов, Ю. А. 1968. О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы // Советская археология 2: 3-22.
1971. Раннее земледелие и скотоводство в лесной полосе Восточной Европы (II тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) // Материалы и исследования по археологии СССР 174. Москва: Наука.
1982. Древние и средневековые рала Восточной Европы // Советская археология 3: 63-80.
1987. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. Москва.
1990. Хозяйственно-культурные типы Восточной Европы эпохи раннего железа // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 197: 3-12.
- Кузьмин, С. Л. 1997. Волховские сопки на современном этапе изучения // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской: 108-112. Санкт-Петербург.

- Малинова, Р., Я. Малина.* 1988. Прыжок в прошлое: Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. Москва.
- Мильков, В. В.* 1988. Об устройстве большой сопковидной насыпи в д. Хозюпино (по материалам раскопок 1986 г.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология 1: 35-38. Новгород.
- Минасян, Р. С.* 1978. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 19: 74-85. Ленинград.
1983. О появлении пашенного земледелия в Верхнем Поднепровье и Северо-Западных областях РСФСР // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 24: 81-99. Ленинград.
- Носов, Е. Н.* 1988. Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства. // Славяно-русские древности 1. Историко-археологическое изучение Древней Руси: 21-38. Ленинград.
1997. Городище Георгий в Ильменском Поозерье (послесловие к статье А. Альслебен) // Древности Поволжья: 205-209. Санкт-Петербург.
- Носов, Е. Н., В. М. Горюнова, Т. С. Дорофеева, А. В. Плохов, Н. В. Хвоцинская, И. Янссон.* 1995. Исследования Рюрикова городища // Новгород и Новгородская земля. История и археология 9: 17-21. Новгород.
- Олейников, О. М.* 1992. Климат в районе Верхней Волги в Средние Века. // Новгород и Новгородская земля. История и археология 6: 69-82. Новгород.
- Поболь, Л. Д.* 1967. Деревянное рало из торфяника у дер. Каплановичи // Acta Baltico-Slavica V: 117-128. Białystok.
- Чебоксаров, А. Н., И. А. Чебоксарова.* 1985. Народы. Расы. Культуры. Москва.
- Шукин, М. Б.* 1994. Конкретно-историческая природа трансляций эпохи Латена // Культурные трансляции и исторический процесс: 99-119. Санкт-Петербург.
- 1994а. На рубеже эр. Санкт-Петербург.
- Янин, В. Л., Е. А. Рыбина, А. С. Хорошев, П. Г. Гайдуков, А. Н. Сорокин.* 1995. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1995 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология 9: 5-9. Новгород.
- Stenberger, M.* 1977. Vorgeschichte Schwedens. Berlin.

ON THE ORIGIN OF THE TILLING AGRICULTURE IN THE FOREST ZONE OF EASTERN EUROPE IN THE 1st MILLENNIUM A.D.

V. Ya. KONETSKY, K. G. SAMOILOV

The development of the tilling agriculture is a principal stage in the history of the economics of ancient societies. Traditionally, for the forest zone of Eastern Europe it is being connected particularly with the Slavic colonisation; however, during the recent decades a view appeared which shifts the process back to the early Iron Age. This view raises essential objections, and the present article is dedicated to its criticism.

The founder of the mentioned approach is Yu. A. Krasnov. His arguments include the assumption that the presence of iron sickles is an indication of the tilling agrotechnics. Based on this point of view he finds arable farming at the population belonging to cultures of the first half of the 1st millennium A.D. which he connects with the Baltic World (cultures of Dnieper-Dvina, late Dyakov and similar ones). However, in reality sickles as a type of reaping tools are widely represented also at populations which had the economies undoubtedly based on manual forms of agriculture, particularly on slash-and-burn ones (e.g. the representatives of the Culture of the Long Kurgans).

As the single evidence of the presence of tilling tools by Dyakov tribes Yu. A. Krasnov considers a hook-like representation (he supposes it to be a drawing of one-piece wooden ploughshare) on the well-known weight from the Troitskoe settlement-site. We cannot accept this hypothesis because the «ploughshare» is devoid of its most important structural part — a post with a handle.

In the recent years a number of co-operative papers appeared which are based on N. A. Krenke's archaeological ideas. The authors had for an object to corroborate Yu. A. Krasnov's conclusions through the data obtained by natural-science methods (palinology, carpology, soil and palaeo-landscapical analyses). Alas, the whole analysis of the «eco-factors» was carried out within the frame of the already predetermined paradigm: the *a priori* presence of tilled agriculture at the Dyakov population; such an approach resulted in paradoxical conclusions on the chronology of economic development. Particularly, the palinological materials were interpreted as an evidence of the appearance of tilling agriculture in the 5th-4th centuries B. C. (i.e. 300-

500 years earlier than it follows from the Yu. A. Krasnov's scheme and the interpretation of archaeological materials proposed by N. A. Krenke himself). The palaeo-landscapical reconstructions presented by the authors of the mentioned papers are based only on the present-day parameters and they cannot be considered as independent arguments. In general, the economic character of the representatives of the Dyakov Culture (the tilling agriculture with permanent fields and probable use of manure) is analogous to the level reached only during the ancient Rus period, but such a conclusion seems to be sheer anti-historism.

An impartial consideration of the economy of the Dyakov Culture and of the other general features of the forest zone of Eastern Europe contemporaneous to that culture do not give any reasons for a revision of the fact that the latter was based on

cattle-breeding and manual agriculture. The mechanism of the replacement of archaeological cultures and of types of nature use are well explained by the climatic changes that took place during the 1st millennium A.D.

The earliest doubtless indications of the existence of tilling agriculture in the northern part of what later became the ancient Rus are connected with the culture of Sopkas (mounds) that in the region is the first culture the Slavic belonging of which is at present indisputable. To that culture repeated finds of iron tips of ploughing tools and numerous (about a dozen) cases of registered traces of ancient tillage are related. The orientation of the alien Slav population towards a new and more progressive, in those particular conditions, type of economy made them the winners in the historical competition with the aboriginal ethnoses.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

НОВАЯ КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ О ПРИМОРСКОЙ АДАПТАЦИИ

Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана (отв. ред. Ю. Е. Вострецов). 390 с. 177 илл. 29 табл. 1998. Владивосток. ДВО РАН.

Коллективная монография представляет собой первую в российской археологии фундаментальную работу по приморской адаптации. Книга состоит из двух частей, включающих девять глав. В написании работы приняло участие восемь авторов, представляющих археологическую, географическую и биологическую науки.

Часть I «Археологические материалы поселений и окружающая среда» по своей структуре во многом традиционна для российской археологии. В то же время, среда обитания рассматривается не как формальный фактор, а составной элемент адаптации, участвующий в расселении и формировании культурно-хозяйственных типов.

В главе I «Географическая среда и культурная динамика в среднем голоцене в заливе Петра Великого» предлагается палеогеографическая реконструкция окружающей среды в среднем голоцене. В методическом плане глава выгодно отличается от подобных глав в работах археологов различных регионов прежде всего детальным рассмотрением динамики береговой линии и ландшафтов через призму адаптации населения к условиям палеосреды. Расселение рассматривается в контексте с фазами морских трансгрессий и регрессий. На наш взгляд, авторы главы А. М. Короткий и Ю. Е. Вострецов выдвинули важный постулат о пороге безопасной скорости трансгрессии: **скорость трансгрессии становится опасной для обитания, проживания на побережье, когда скорость подъема уровня моря начинает превышать диапазоны приливных нагонных колебаний** (с. 14-15). Постулат очень важен с точки зрения понимания выбора мест для поселений и стоянок. В то же время, не учитывается фактор штормовых явлений. *С нашей точки зрения, именно зона разрушений в прибрежной полосе при максимальных штормах определяла место выбора для устройства долговременных жилищ.*

В главе предлагаются две модели приморских адаптивных стратегий: экстенсивная,

с постепенным перемещением людей «по побережью с целью поиска тех типов ландшафтов, которые они привыкли использовать» (с. 15); интенсивная, с освоением новых ресурсов и выработкой для этого «новых навыков, технологий и орудий и, возможно, образа жизни, направленных на преодоление ограничений изменяющейся окружающей среды» (с. 15). При этом, авторы не исключают параллельное сосуществование обеих стратегий (с. 15).

Другим важным постулатом авторов главы является заключение об увеличении биопродуктивности в приморской зоне на фазе трансгрессии в интервале от 10 т. л.н. до 6,5 тысяч лет назад. На территории Приморья, Кореи, Японии в этот период появляются поселения морских охотников-собирателей-рыболовов. С другой стороны, не рассматривается вопрос об изменениях в животном мире для континентальной суши. *Иными словами, не было ли широкое освоение морских биоресурсов в этот период следствием резкого сокращения количества и видов крупных наземных млекопитающих?*

По мнению А. М. Короткого и Ю. Е. Вострецова, динамика природных изменений в интервале от 10 тысяч лет назад до 6 тысяч лет назад сопровождалась высокой массой биоресурсов при их разнообразии, большой экологической стабильности и наличии «мигрирующих» ресурсов. Указанные черты культурной адаптации охотников-собирателей к морским ресурсам являются одними из основных десяти условий приморской адаптации по Д. Еснеру (Yesner 1980: 727-750). Исходя из динамики природных изменений, авторы постулируют наличие благоприятных факторов для становления оседлого образа жизни, линейной системы расселения, увеличения плотности населения вместе с развитием технологического комплекса и кооперации в эксплуатации ресурсов (с. 16). Поселения устраивались у продуктивных участков морских ландшафтов, представлявших собой

выходные части бухт-лагунов с опресненной водой и участки островов и полуостровов у противоположной существующим течениям экспозиции (с. 19).

Наиболее подробно рассматривается палеогеографическая ситуация в бухте Бойсмана. Череда морских трансгрессий и регрессий в период от 6,5 т. л.н. до 3,3 т. л.н. определяла выбор мест для поселений (с. 19-27). С резким изменением прибрежных ландшафтов связывается смена бойсмановской культуры зайсановской, а затем зайсановской — янковской (с. 26-27). На наш взгляд, это утверждение слабо аргументировано. Вероятно, помимо возможного экологического стресса у прибрежного населения, определенную роль в культурных изменениях играли социальные факторы.

В главе 2 «Археологические материалы поселений Заречье-1, Зайсановка-3,4, Ханси-1, Бойсмана-1» (Ю. Е. Вострецов) рассматриваются памятники, составившие основу исследования. Наиболее детально исследовано поселение Бойсмана-1, где раскопано 314 кв. м.

Поселение Бойсмана-1 — двухслойное. Здесь выявлены горизонты неолитического времени — «5-3 тыс. лет до н.э.» (бойсмановский) и «раннего железного века: 1 тыс. лет до н.э.» (зайсановский) (с. 34). Отличительной особенностью памятника Бойсмана-1 является наличие на нем раковинной кучи неолитического периода. Автор дает детальное описание методики исследования поселения с раковинной кучей. Раковинные отложения раскапывались на основании выделенных разовых выбросов или единиц отложений. Проводилась флотация раковинных отложений с целью выделения карбонизированных семян, плодов и древесины. Приведена подробная схема обработки раковинных отложений (рис. 2. 2). Разработанная Ю. Е. Вострецовым методика раскопок раковинной кучи уникальна и апробирована в совместных полевых исследованиях с японскими, британскими и американскими археологами, докладывалась на международных конгрессах в России, Японии, США, ЮАР. К сожалению, эта методика недостаточно широко известна в России.

Наряду с методическими успехами автора необходимо отметить недоработки в методике раскопок. Проводилась фиксация и нивелировка артефактов по квадратам — в 1 кв. м, 0,625 кв. м (с. 36). Это не удовлетворяет современным требованиям. Каждый артефакт должен индивидуально фиксироваться. Не оправдана, на наш взгляд, система разметки раскопа (с. 37). Не понятно, почему автор отошел от общепринятой методики разметки. Существующие системы картирования объектов основываются или на полярных координатах, или на угловых. Ю. Е. Вострецов вводит систему

обозначения квадратов от угла, и в то же время — в системе полярных координат (с. 37). Это усложняет восприятие. Современная техника позволяет автоматически фиксировать находки в системе полярных координат от угла раскопа, с одновременным указанием нивелировки и азимута. При этом можно автоматически переходить от полярной системы координат к угловой, и наоборот.

В главе 2 подробно описана планиграфия и стратиграфия раскопа: взаиморасположение жилищных котлованов, ям, раковинных куч. Отмечается, что кости и костяные орудия сохранились только в районах раковинных куч, т.е. там, где они быстро карбонизировались. На кислотных почвах, подобных почвам на поселении Бойсмана-1, кости не сохраняются. В сохранении костных арте- и экофактов «повинны» скопления раковин. В методическом плане, этот факт может быть интересен при раскопках других поселений с раковинными кучами.

Бойсманские жилища, раскопанные на поселении, относятся автором к типу заглубленных каркасных построек, рассчитанных, по аналогии с японскими татэана, на 8 — 10 лет. Избыток ям для опорных столбов и наложение друг на друга очажных пятен в котлованах жилищ, по мнению автора, свидетельствуют в пользу версии о неоднократных перестройках. Правда, с той же долей вероятности можно говорить и о возведении новых жилищ после расчистки оснований предшествовавших.

Особого внимания заслуживают таблицы из главы 2. В таблицах 2.2 и 2.3 приводятся структура и содержание раковинных куч 2 и 3. К сожалению, не указаны критерии для количественных параметров. Представленные количественные показатели «мало», «очень мало», «средняя», «средненизкая», «низкая» и т. д. мало что говорят читателю. Степень концентрации арте- и экофактов, на наш взгляд, желательно отражать или в количественных показателях, или в процентах к их общему количеству. В таблицах 2.4.-2.7 показано распределение каменных артефактов по стратиграфическим слоям. Неплохо бы для удобства указать их процентное соотношение. В таблице 2.8 представлены радиоуглеродные даты поселений Бойсмана 1 и 2. Материалом для анализа служили раковины, кости человека из погребений, кости животных из раковинных куч, уголь. Всего представлено 16 дат: 15 — с Бойсмана-2 и 1 — с Бойсмана-1. Основная пачка дат укладывается в интервал 5030 — 6500 лет назад, две даты резко отличаются — 2820 и 7640 лет назад, одна дата — 4470 лет назад. Дат явно маловато. Необходимо по несколько дат с каждого жилища.

К недоработке автора отнесем отсутствие в главе ссылок на рисунки артефактов в книге.

В главе 3 «Керамика поселения Бойсмана-1» (автор — И. С. Жущиховская) рассматриваются технико-технологические, морфологические и орнаментальные признаки. Вся керамика разделена на две группы по технике нанесения орнамента: с тисненными узорами, выполненными зубчато-гребенчатым штампом и прочерченными (или прочесанными) узорами, в рамках которых рассматриваются все признаки. Правомочность исследования керамики на основе орнамента всегда сомнительна, особенно когда, как в указанном случае, орнамент положен в основу методики исследования. На наш взгляд, в основе изучения керамики должен лежать функциональный подход. Именно функциональные признаки определяли форму, состав теста и технологию изготовления керамики. Тем не менее, исследование И. С. Жущиховской как всегда основательно в части технико-технологического анализа. Отмечается низкий уровень развития гончарства: использование природного глинистого сырья без тщательной обработки, очистки и отощения. В то же время, отмечается попытка использования раковин морских моллюсков для отощения. Нельзя не отметить противоречия в суждениях автора главы. Так на стр. 126 говорится об использовании при формовке как жгутового налета, так и лепки на твердой основе (шаблоне). Этот факт отмечается как особенность керамики Бойсмана-1 в сравнении с другими неолитическими памятниками Приморья. Несмотря на это, на стр. 128 отмечается отсутствие вспомогательных приспособлений для формовки на всех неолитических памятниках Приморья, включая Бойсмана-1. Морфология сосудов оценивается как архаичная. Основной моделью для Бойсмана-1 определяется плоскодонный сосуд без горловины либо со слабо выделенной горловиной. Эта тенденция отмечается для всех неолитических культур Приморья. И. С. Жущиховская отмечает лишь слабые признаки эволюции морфологии керамики. В количественном отношении преобладают слегка отогнутые за счет утолщения венчики, тогда как как венчики с утолщением-карнизом и рельефным валиком единичны. Постулат И. С. Жущиховской о том, что керамические формы должны непременно развиваться от сосудов с прямыми стенками к сосудам с выделенной горловиной и венчиком, не имеет под собой никаких оснований. Известные для земледельческих народов формы сосудов накладываются на население, занимавшееся морской охотой, рыболовством и собирательством. Характерные для Бойсмана-1 формы сосудов сохранялись у приморского населения Арктики (эскимосы) вплоть до новейшего времени. Приготовление пищи в сосудах также

во многом определяло их форму. Нельзя согласиться с тем утверждением И. С. Жущиховской, что керамика Бойсмана-1 архаичная. Слово «архаичная» подразумевает законсервированность традиций в сравнении с окружающим населением. В связи с этим, уместно задать вопрос — относительно каких синхронных памятников Приморья исследуемая керамика архаична? Если говорить о низком уровне керамического производства на поселении, то это тоже не соответствует действительности. Об этом говорит использование шаблона, плоское дно и сложная орнаментация с использованием зубчатых штампов, веревки. Отметим даже единичный фрагмент крашеной керамики. В целом, материалы керамического производства свидетельствуют о развитости и устойчивости традиций. Попытки связать те или иные фрагменты керамики с особенностями планиграфии и стратиграфии памятников по сути ничего нового не дают, так как необходимо рассматривать весь вещевой комплекс и датировать жилища, ямы и раковинные кучи по ^{14}C . Указанные противоречия и недоработки автора не умаляют достоинств проведенного исследования и не отрицают добротности проведенных анализов.

В главе 4 «Каменный и костяной инвентарь многослойного поселения Бойсмана-1» (автор — Н. А. Кононенко) рассматриваются комплексы бойсманской культуры зайсановской культурной общности. «Внешним и достаточно показательным дифференцирующим признаком бойсмановского комплекса выступает характер и качество пород камня, использованного для изготовления орудий» (с. 200). На раннем этапе обитания использовались кремневые осветленные туфы, кремнистый сланец, изредка полупрозрачный халцедон, кварциты, реже — обсидиан. «Зайсановский» комплекс изготавливался преимущественно из зеленоватых кремней, яшмовидных пород, обсидиана, реже — халцедона. Зайсановцы иногда реутилизировали изделия бойсмановского комплекса (с. 201). Основным типом заготовок, по мнению автора главы, «служили пластинчатые отщепы и сколы». В связи с этим, непонятно, что понимается под сколами. Всем известны продукты расщепления кремня: пластина, отщеп, чешуйка. Все они входят в категорию сколов.

Приемами вторичной обработки выступают отжимная и реже ударная ретушь, иногда резцовый скол, шлифовка. Ретушь, как правило, двусторонняя. Изделия из шлифованного сланца являются характерной особенностью всех приморских культур северного побережья Тихого океана. В связи с этим, необходим сравнительный анализ сланцевых изделий Бойсмана-1 с другими регионами. Вызывает большое сомнение реконструкция изготовления

шлифованных наконечников стрел на рис. 4.3. (рис. 202). Наш опыт работы со сланцем показывает, что при пилении гораздо эффективнее водить более мягким материалом (сланцем) по режущей кромке. Автор главы не всегда убедителен в определении функциональной принадлежности орудий из кости. Для отнесения к гарпунам изделий 2 – 11 на рис. 6.28 (стр. 310) нет никаких оснований. Определение изделия из кости на рис. 6.28 № 19 как поворотного наконечника гарпуна очень сомнительно. Указанные замечания устранимы в будущем, а выявленные особенности каменной индустрии бойсмановской и зайсановской традиций в общем достаточно убедительны. Отметим важное, на наш взгляд, наблюдение: для бойсмановских комплексов характерно большее количество метательных орудий по сравнению с зайсановскими и более крупные их размеры. В зайсановских комплексах увеличивается удельный вес галечных грузил. Такое различие в составе орудий может свидетельствовать об изменении характера рыболовства, что в свою очередь могло быть вызвано изменениями окружающей среды.

Часть 2. «Жизнеобеспечение населения бойсмановской культуры» написана Ю. Е. Вострецовым совместно с различными авторами и представляет собой по сути отдельную работу. Этот жанр археологического произведения впервые употребляется в российской археологии в таком объеме. Жизнеобеспечение населения рассматривается в контексте питания, реконструкции окружающей среды и трудовых навыков людей. Особенно важным является введение фактора сезонности при рассмотрении различных видов промысловой деятельности.

Впервые в российской археологии детально рассматривается морское собирательство (глава 5. В. А. Раков, Ю. Е. Вострецов. «Морское собирательство»). Главу предваряет краткий очерк появления морского собирательства в различных районах мира и история изучения раковинных куч. Анализируются различные методики изучения раковинных куч и основные проблемы, стоящие перед исследователями в этой области.

Детально рассмотрены раковинные кучи с поселения Бойсмана-1. Основным видом добываемых моллюсков во всех раковинных кучах была устрица – от 95% до 100%. Это связано с лагунным комплексом. Изучение останков моллюсков позволило авторам прийти к выводу о более теплом климате в районе бухты Бойсмана в период голоценового оптимума. Приводится уникальная методика изучения потребления моллюсков населением Бойсмана-1. Положенный в основу методики принцип выделения разовых выбросов раковин позволяет изучать короткие хронологические периоды

жизни населения. Рассматриваются возможные способы лова и обработки раковин. В то же время, при привлечении этнографических материалов необходимо учитывать отсутствие металлических орудий в бойсмановской культуре. Основным приемом обработки моллюсков являлось термическое воздействие. Авторы считают, что «раковинные кучи поселения Бойсмана-1 содержат остатки фауны, использованной, по-видимому, одной малой семьей в течение одного года», притом, что «основной целью собирания моллюсков было получение белков в короткие периоды спада альтернативных источников получения белка (рыба, мясо морских и наземных млекопитающих)», и покрывали лишь часть потребности в белках (стр. 269). Особенностью раковинных куч как исторического источника является также то, что они позволяют с достаточной точностью определить время существования поселения, выделить периоды прекращения жизнедеятельности.

В главе 6 «Рыболовство» (Л. Н. Беседнов, Ю. Е. Вострецов) рассмотрены окружающая среда, ресурсная база и технология рыболовства бойсмановской культуры. Приводится пищевая ценность различных видов рыб (вес, калорийность). Лов рыбы велся круглый год. Годичный цикл рыболовства определялся естественными условиями и миграциями различных видов рыб. В то же время, подчеркивается, что археологическая коллекция костных остатков дает неполную картину видового состава промысловых рыб. Костные остатки сохранились только в раковинных кучах благодаря нейтрализующему воздействию карбонатов. Поскольку сбор моллюсков в основном происходил в весенне-летний период, найденные костные остатки рыб отражают видовой состав промысловых рыб этого периода. Необходимо также учитывать различную сохранность костей разных видов рыб в культурном слое и их различную степень утилизации. Известно, что кости лососевых хуже всего сохраняются в слое и, кроме того, кости лососевых обычно поедались собаками и даже людьми. После применения ситовой сепарации в Японии кости лососей стали находить на памятниках повсеместно. Добыча рыбы производилась сетевыми, крючковыми снастями, ловом острогами. Необходимо отметить неверное определение орудия из могильника на Бойсмана-2 (рис. 6.32–10, стр. 306). Отнести его к составному гарпу с отдельным бородком нельзя. Это обычный известный у эскимосов и алеутов лодочный багор, входивший в комплекс морских зверобоев. Конструкция его аналогична лодочным баграм, применявшимся в Беринговом море еще в XIX в. Таким образом, находка лодочного багра из комплекса морских

зверобоев свидетельствует о промысле морских млекопитающих (нерпа) с плавсредств. К тому же, лодочный багор с Бойсмана-2 является древнейшим в ряду подобных предметов, происходящих с северного побережья Тихого океана.

В главе 7 «Охотничья деятельность» (Ю. Е. Вострецов, Т. Тоизуми) рассматривается охота на наземных и морских млекопитающих, птиц. Основное значение имела охота на наземных млекопитающих. Основным объектом промысла были косуля, благородный олень, кабан и енотовидная собака. В то же время, роль морских млекопитающих в рационе постепенно возрастала. Охота на кита, по-видимому, могла вестись только в лагунах. Находки кита на поселениях эпохи неолита в бассейне Японского моря позволяют нам не согласиться с мнением авторов о случайном характере охоты на этих крупных млекопитающих. В будущем, картирование и составление базы данных по китовым остаткам на памятниках позволит проследить генезис китобойного промысла.

Охота на млекопитающих и птиц велась с помощью лука со стрелами, копья или дротика. Нельзя согласиться с мнением авторов о появлении поворотных наконечников гарпунов в морях с плавучим льдом. Поворотные наконечники гарпунов известны и в Желтом море, и в Новой Зеландии. Древнейшие поворотные наконечники гарпунов в бассейне Тихого океана известны на о. Хоккайдо (ранний дзEMON, 7340–7130 лет назад). Все поворотные наконечники гарпунов к северу от Японии значительно более поздние. Авторы считают, что охота на птиц не имела особого значения. Вряд ли это так. Кости мелких птиц плохо сохраняются, особенно после термической обработки.

Привлечение этнографических материалов делает главу яркой и занимательной.

В главе 8 (Ю. Е. Вострецов, А. В. Загоруйко) рассматривается место бойсмановской культуры в ряду неолитических культур северо-западной части бассейна Японского моря. Бойсмановская культура относится авторами к концу периода гребенчатой керамики. В то же время, имеются радиоуглеродные даты почти по всему периоду гребенчатой керамики. Справедливо заключение авторов о слабой изученности хронологии памятников, объединяемых в бойсмановскую культуру. Традиция выделять культуру в ряду памятников предполагает обоснование их отличия от синхронных сопредельных памятников. Этот исследовательский прием необходим для составления моделей на археологически слабо изученных территориях. В случае с бойсмановской культурой налицо ошибочность такого подхода. Из представленных авторами материалов совершенно очевидно, что в то время, как в районе к югу от залива

Петра Великого появляются новые черты, связанные с южным влиянием раннеземледельческих культур, на Бойсмана-1, 2, 3, на Зайсановке-1, 3, 4, Заречье-1 и Ханси-1 продолжается становление и развитие морской адаптации. Авторы относят бойсмановскую культуру к климатическому оптимуму голоцена, а прекращение функционирования поселений связывают с начавшимся ок. 5 тыс. лет назад похолоданием и последовавшим за ним резким падением уровня моря, что в свою очередь привело к смене прибрежных ландшафтов. Эта привлекательная гипотеза не может в настоящее время считаться полностью доказанной, равно как и противники не могут доказать ее несостоятельность.

Возможно, более продуктивным подходом было бы не выделение бойсмановской культуры, а сравнительный анализ неолитических памятников северо-западной части Японского моря.

В заключительной главе 9 «Реконструкция образа жизни, жизнеобеспечения и динамики заселения бухты Бойсмана в неолите» Ю. Е. Вострецов пытается ответить на вопрос: в какой мере население было адаптировано к морским биоресурсам. Автор излагает универсальные черты культурной адаптации к морским побережьям, выделенные Д. Еснером (Yesner, 1980) и считает, что «в материалах памятников бойсмановской культуры мы прослеживаем с разной степенью надежности специфические черты образа жизни прибрежного населения которые были в различной мере обусловлены ландшафтной структурой, выбранной бойсманским населением и сезонным распределением доступных ресурсов» (стр. 377). К сожалению, работа Д. Еснера мало известна в России. По нашему мнению, методический прием Ю. Е. Вострецова в виде ответов на своеобразную научную анкету по признакам приморской адаптации может быть использован и для других приморских регионов России. Это позволит выделить общие и специфические черты для Кольского п-ва, о. Вайгач, п-ва Ямал, Чукотки, Камчатки, бассейна Охотского моря.

Книга богато иллюстрирована графическими рисунками. Особо ценно, на наш взгляд, создание графических моделей реконструкции ландшафтов, хозяйственных зон поселений, промысловой и охотничьей деятельности.

За рубежом давно сложилось целое направление по изучению приморских археологических культур — сотни авторов и тысячи работ. В США с 60-х гг. XX в. существует береговая археология со своими специфическими методами исследований. В России, берега которой омывают 13 морей, приморской археологии почти не уделяется внимание, а исследователей можно перечислить по пальцам: Р. С. Васильевский, А. А. Василевский, В. А. Голубев,

В. Я. Шумкин, В. В. Питулько, С. А. Арутюнов, А. А. Орехов, Ю. Е. Вострецов, С. В. Гусев, А. И. Лебединцев. Необходима координация

в объединении усилий по изучению приморской адаптации, проведение совещания для выработки методических принципов.

Yesner, D. R. 1980. Maritime Hunter-Gatherers: Ecology and Prehistory // Current Anthropology 21/6: 727-750.

С. В. Гусев
Россия, Москва
Институт истории природного наследия
Отдел археологии

У ИСТОКОВ МЕСОПОТАМСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА

Schmandt-Besserat, Denise. *Before Writing. Forward by William W. Hallo. Vol.1. From Counting to Cuneform. 269 p. Vol. 2. A Catalogue of Near Eastern Tokens. 416 p. 1992. Austin: University of Texas Press.*

Вышедшая в 1992 г. монография подвела определенный итог исследованиям Д. Шмандт-Бессера, посвященным происхождению счета и письменности в Месопотамии. Эта работа вызвала много откликов (см. литературу) — от сдержанно положительных до восторженных. В начале 1999 г. в Пенсильванском университете состоялся симпозиум по поводу происхождения древнейших систем письма, где работа Д. Шмандт-Бессера снова оживленно обсуждалась. Похоже, что принципиальных сдвигов в оценках за истекшие несколько лет не произошло. Поскольку на русском языке о Д. Шмандт-Бессера написано мало, имеет смысл заполнить этот пробел. Дабы не вносить путаницу, мы используем принятую самой исследовательницей длинную хронологию, при которой начало среднего урука (урук-9) датируется 3800, а конец позднего (урук-4) — 3100 г. до н.э. Эти даты не бесспорны и, возможно, удревлены против истинных на 100, если не на 200-300 лет.

Дениз Шмандт-Бессера — по образованию искусствовед, профессор ближневосточных исследований Техасского университета в Остине. Научную карьеру начала с гранта Института Редклифа в Кембридже (Массачусетс), полученному в 1969 г. для изучения изделий из глины времени до распространения на Ближнем Востоке керамической посуды. Просматривая десятки коллекций, она неизменно находила в них мелкие предметы в форме конусов, дисков, сфер, тетраэдров и т.п. Исследователи либо оставляли их без внимания, либо

истолковывали в каждом случае по-разному. Хотя эти изделия и относились к докерамическому периоду, они были сделаны из обожженной глины. В 1959 г. Лео Оппенгейм из Чикагского университета расшифровал табличку II-го тыс. до н.э. из Нузи (севернее Вавилона), содержащую перечень овец, ягнят, коз. Табличка имела форму яйца и была пустотелой, а внутри нее находились геометрические фишки, число которых соответствовало числу упомянутых в клинописи животных. В 1970 г. Д. Шмандт-Бессера высказала догадку, что фишки из Нузи есть конец той самой линии развития, начало которой тянется к непонятным предметам из раннеолитических поселений. К этому времени Пьер Амье (Лувр) уже пришел к выводу, что фишки в глиняных конвертах из Суз, как и фишки из Нузи, использовались для счета.

С 1974 г. Д. Шмандт-Бессера начала публиковать статьи, в которых отстаивала два тезиса. Первое, что фишки различной формы издавна использовались на Ближнем Востоке для счета предметов отдельных категорий (металла, зерна, тканей и т.п.). Второе, что в IV тыс. до н.э., в эпоху урука, эти фишки стали запечатывать в глиняные конверты, предварительно сделав с них оттиски на поверхности конвертов. Позже ограничились только оттисками, а затем лишь рисунками фишек, откуда оказалось уже совсем близко до идеи письма. Круглый конверт был заменен плоской табличкой.

Д. Шмандт-Бессера предлагала ответ на фундаментальный вопрос, сейчас вновь повторенный

автором статьи в «Нью-Йорк Таймс»: «Когда никто не умел читать, кто же начал писать?» (Wilford 1999). Согласно ее гипотезе, шумерское письмо никем не изобреталось, а незаметно развилось из счетной системы. В этом случае объяснять, как сложились остальные ранние письменности Старого Света, может быть, и не требуется, ибо все они (эламская, эгейские, скорее всего египетская, а, возможно, и прото-индская и китайская) возникли в результате распространения уже возникшей *идеи* письма. Лишь письменности ольмеков и острова Пасхи сложились самостоятельно, но скудость данных лишает смысла обсуждать сейчас их генезис. На симпозиуме в Пенсильванском университете прозвучало правда сообщение о находке в конце 1998 г. экспедицией Германского Института в Египте очень раннего погребения в Абидосе с иероглифическими надписями на сосудах и кости. Однако предложенная датировка (3200–3400 до н.э.) была встречена участниками скептически.

Первая серьезная критика Шмандт-Бессера появилась в 1980 г. (Lieberman 1980). С. Либерман доказывал, что древнейшие клинописные логограммы и те типы фишек, к которым они предположительно в конечном счете восходят, по своему значению друг другу не соответствуют. В конвертах, которые просвечивались рентгеном или были вскрыты после находки, находились лишь фишки, имеющие параллели исключительно в числовых знаках. Либерман готов был допустить использование фишек для счета, но не в качестве прото-письма.

Авторы другой статьи (Jasim, Oates 1986) делали упор на нарушенном стратиграфическом контексте квартала Эанна в Уруке, что не позволяет уверенно судить о том, появляются ли конверты с фишками раньше или позже табличек с рисуночным письмом. Указывалось также, что содержимое конвертов чаще всего не соответствует отпечаткам на них.

К началу 90-х годов Д. Шмандт-Бессера удалось в основном отвести эту критику. Не будучи сама лингвистом, она привлекла к работе М. Грин, знавшую клинопись и шумерский и работавшую в свое время в составе коллектива берлинских ученых, которые исследовали древнейшие тексты из Урука. В 1981 г. Д. Шмандт-Бессера поддержал своим авторитетом М. Пауэл, крупный специалист по клинописным числовым знакам исторического времени. Д. Шмандт-Бессера выявила конверты из Суз и Хабуба-Кабира, в которых находились фишки нечислового значения и соответствующие им отпечатки, да и вообще вопрос о конвертах потерял остроту. Таковых лишь немногим более сотни, найдены они преимущественно в Сузах и содержат преимущественно

фишки простых форм. Чаще всего фишки — что и естественно — хранились не в тяжелой и хрупкой глиняной упаковке, а в перевязанных веревкой мешочках (об этом есть и прямые упоминания в документах эпохи Третьей Династии Ура). Концы веревки запечатывались куском глины, т.н. буллой, и именно на буллах найдено большинство оттисков. Многие сложные фишки имеют отверстия, но лишены следов стертости от шнура. Видимо, связки подобных предметов не висели на шее владельцев, а лежали в хранилищах.

В своей монографии Д. Шмандт-Бессера приводит таблицу соответствий между пятью десятками типов фишек и древнейшими знаками рисуночного письма. Эти соответствия бесспорны и очевидны, охватывая такие понятия, как ягненок, овца, корова, собака, хлеб, закром, масло, пища, сладости или мед, пиво, овечье молоко, шерсть, различные виды одежды, металл, кровать, браслет, благовоние, гвоздь, нога и др. Остаются, конечно, рисунки, которые к фишкам возвести невозможно, так что определенный логический рубеж между системой фишек и письменностью, видимо, был. Его можно сравнить с переходом от иероглифики к алфавиту. Главное, что наличие системы фишек открыло дорогу для сложения письменности.

Как сама исследовательница, так и ее критики и рецензенты уделяют большое внимание теме происхождения абстрактной идеи числа. Мысль о том, что вплоть до появления письменности представление о количестве предметов было неотделимо от них самих, явилась той основой, с которой Д. Шмандт-Бессера начала возведение всей своей теории. Большой интерес представляют в этом смысле так называемые числовые таблички, появляющиеся в уруке-6 (сам Урук, Хабуба, Сузы 18, Чога-Миш) и продолжающие использоваться вплоть до пе-риода джемдет-наср (урук-3) включительно. Поздних экземпляров особенно много в Иране прото-эламского (синхронного джемдет-насру) времени, включая такой удаленный на восток памятник как Шахри-Сохте (его самый нижний слой 10). Числовые таблички примерно на 200 лет предшествуют древнейшим рисованным знакам. Они невелики (умещаась в ладони), грубо вылеплены и слабо обожжены, а разнообразие знаков на них невелико — в основном округлые и треугольно-конические вдавления. Д. Шмандт-Бессера доказывает, что эти знаки наносились не стилями, а фишками, нередко одной фишкой, вдавливаемой попеременно основанием, верхом или боком. Знаки такого рода соответствуют определенным мерам зерна (и редко, возможно, масла), размерам земельных участков и определенному числу голов скота. С появлением

пиктографии особый знак числа стал наноситься вместе со знаком, определяющим существо предмета. Как известно из других исследований, короткий клин (конус, вдавленный боком) = 1, круг = 10, длинный клин = 60, длинный клин с зашипом = 600, большой круг = 3600. Теперь оказывается, что первоначально «1» соответствовало также малой, а 10 — большой мере зерна (для более крупных цифр подобные соответствия также возможны). Д. Шмандт-Бессера приводит данные И. М. Дьяконова о существовании у шумеров наряду с особыми корнями для обозначения цифр от 1 до 10 параллельной архаичной системы, в которой названия цифр от 4 до 7 конструируются путем агглютинации всего лишь трех корней (1, 2, 3). Она также приводит данные различных языков о наличии разных названий цифр в применении к разным категориям объектов, хотя в большинстве случаев речь идет лишь о числах не далее двух или трех. В то же время (как заметила, в частности, К. Джастес; Justus 1993: 105-107), лингвисты реконструируют числа до десяти уже для прото-индоевропейского языка. Не ясно поэтому, действительно ли в Месопотамии абстрактный счет появился лишь вместе с письменностью, или использование знака для меры зерна в качестве цифры связано лишь с необходимостью чаще вести учет зерну, чем иным продуктам.

Поскольку раскопанные центры урукского времени легко пересчитать по пальцам, а рисуночных табличек, особенно надежно стратифицированных, найдено очень мало, дискуссия о том, насколько древнейшие знаки письменности являются прямым воспроизведением фишек, равно как и о месте числовых табличек в процессе возникновения письменности, будет продолжаться. Другими (не обязательно альтернативными) источниками соответствующих идей могли быть знаки и изображения на печатях и на сосудах, хотя конкретных исследований на этот счет нет и Д. Шмандт-Бессера относится к такой возможности скептически. Сейчас все согласны как минимум с тем, что наличие сложной знаковой системы, какую представляли собой фишки в IV тыс. до н.э., возникновению письменности в огромной мере способствовало. Нам поэтому хотелось бы обратить внимание на тот аспект исследования, который обошли вниманием большинство рецензентов и который оказался в полной мере раскрыт лишь в монографии Д. Шмандт-Бессера, но не в ее предшествовавших статьях. Речь идет о связи так называемых сложных фишек с образованием в южной Месопотамии древнейшего в истории государства. Исследовательница доводит до конца давно назревавшую ревизию представлений об уруке-4 как

некой, пусть условной, но все же — благодаря появлению письменности — значимой грани, определяющей переход к государственной организации в Месопотамии. Решающим периодом в сложении новой политической системы следует, по ее мнению, считать средний урук (периоды 9-6).

Простые фишки в виде тригонометрических фигур без дополнительных деталей появляются в конце IX тыс. до н.э. в докерамическом неолите Б и имеют весьма четко очерченный ареал распространения. Он включает юго-западную Анатолию (Чаюню, Гритиль, Кан-Хасан — но не Чатал-Хеюк), Левант (Айн-Газал, Иерихон, Бейсамун, Бейда, Мегиддо) и северную Месопотамию — Загрос (Тепе-Асиаб, Немрик, Гандж-Дарех, Телль-Магзалия). За пределами Плодородного Полумесяца фишки есть в джейтунской культуре, но не в белуджистанском Мергаре. Д. Шмандт-Бессера чересчур категорична, предполагая во всех случаях использование фишек для мнемонических целей. Это маловероятно, например, для Джейтуна, где число фишек и набор форм (тех же, кстати, что и позже в иранском Тепе-Гиссаре) весьма ограничены. В Тепе-Гавра конусы с отогнутым верхом (имеющие прототипы уже в Хассуне и точные параллели на Илгынлы-депе в южной Туркмении IV тыс. до н.э.) скорее всего являются схематическими фигурками адорантов, откинувших голову, чтобы взирать на божество (иконографическая схема, сохраняющаяся вплоть до стелы Хаммурапи). На самом деле не столь уж существенно, каково было назначение фишек ранее конца V-го тыс. до н.э. В культуре устойчива и уникальна именно форма, а функция легко меняется в силу разных причин. Неолитическая экономика вряд ли нуждалась в сложной коммуникационной системе. Важно то, что когда подобная потребность возникла, фишки — чем бы они ни были раньше — определили путь развития подобной системы.

Заслугой Д. Шмандт-Бессера является не только доказательство происхождения конкретных шумерских знаков от фишек (здесь, повторяем, еще много неясного), но и демонстрация того, как в конце V тыс. до н.э. (позднеубейдский слой урук 17, 4400 лет до н.э.) на основе простых фишек начинают развиваться сложные и как процесс создания этой коммуникационной системы совпадает с основанием первых святилищ и дальнейшим строительством все более помпезных монументальных зданий в квартале Эанна. Тригонометрические формы в это время быстро разнообразятся, дополняются иконическими изображениями (миниа-турные сосудики, топорики, фигурки животных) и покрываются всевозможными насечками и вдавлениями, знаковая природа которых

не вызывает сомнений. Подавляющее большинство сложных фишек происходит из Урука, а кроме того, из Суз, Чога-Миш, Телло и Хабубы-Кабиры, причем типы фишек во всех этих случаях общие. Сложные фишки найдены еще на нескольких памятниках Месопотамии (Телль-Билла, Нузи, Ур, Ниппур, Телль-Брак), но в меньшем количестве и в основном иных типов, чем в Уруке. Корреляция сложных фишек с монументальной архитектурой документирована не только для Урука, но и для Хабубы-Кабиры, где их находки сосредоточены в квартале Телль-Каннас. Хабуба синхронна уруку 6-5 и представляла собой обнесенный стеной город, просуществовавший порядка 120 лет. Хабуба не имеет никаких параллелей в Сирии середины IV-го тыс. до н.э. и, безусловно, являлась южномесопотамской колонией. Скорее всего речь идет о колонии конкретно Урука, но поскольку в Ниппуре соответствующие слои не раскопаны, здесь следует пока соблюдать осторожность.

После появления письменности сложные фишки постепенно исчезают, простые же — сохраняются, что еще раз доказывает однофункциональность сложных фишек и письменности.

Сложение системы сложных фишек произошло в пределах гораздо меньшей территории, чем зона распространения простых — видимо, только южной Месопотамии. В Сузах в доурукское время известны лишь простые фишки, а сложные появляются лишь после захвата этого центра месопотамцами в период урук-6 (впрочем точными данными о наличии или отсутствии фишек в слоях, непосредственно предшествующих урукской оккупации, археологи не располагают). Само возникновение месопотамской колонии в Сузах знаменательно, ибо примерно совпадает по времени с основанием Хабубы. Масштабы строительства в южномесопотамских колониях на Евфрате и в Сузиане и следы разрушений, которые предшествовали урукскому слою в Сузах, позволяют предполагать военную экспансию, что находит подтверждение и в известных изображениях «сцен насилия» на урукских печатях. Принимая во внимание, что от Суз до Хабубы порядка 1000 км, наличие этих колоний можно считать аргументом в пользу возникновения в уруке-6 государства.

Другим аргументом служит общественное строительство в квартале Эанна. Оно стало набирать темпы в уруке-9 (4800 лет до н.э.) и достигло огромных масштабов в уруке-6-4b. Раньше других возводятся Храм с мозаикой из каменных конусов (урук-6) и Храм из известняка (урук-5). Здания С, D, F, G, H и Колонный храм датируются уруком 4b. Постройки этого комплекса отличаются большими размерами (многие сотни квадратных метров),

наличием просторных внутренних помещений, использованием в облицовке камня, цемента, асфальта, а также декором стен из утопленных острым концом в кладку цветных конусов. Между периодами 4b и 4a Эанна перестраивается, но с сохранением прежних архитектурных канонов. Между 4a и 3 квартал разрушен, после чего в уруке-3 архитектура меняется — появляются зиккураты.

Время монументального строительства в Эанна совпадает не только с расцветом системы сложных фишек, но и с господством в глиптике легко узнаваемой фигуры бородатого мужчины в круглой шапочке, интерпретируемой как Эа (правитель-жрец). После урука-4a Эа навсегда исчезает из иконографии. Сами цилиндрические печати со сценами с участием Эа тоже появляются в уруке-6. В Эанна в изобилии найдены знаменитые *сосуды со скошенным венчиком* — грубо слепленные в ямке в земле и плохо обожженные трапецевидные в сечении чашки. Как это убедительно показал Т. Бил (Beal 1978), эти сосуды скорее всего использовались людьми, несшими в храм порцию ячменя в качестве стандартного приношения. В уруке-3 (период джемдет-наспр) форма таких сосудов резко меняется; теперь они напоминают цветочный горшок и имеют большую емкость.

По-видимому, в уруке-6-5 месопотамская культура оказала влияние на Нижний Египет, где появляются конусы для отделки стен и цилиндрические печати (Dalley 1992: 8). Это влияние могло стать катализатором для неожиданно быстрого и раннего (на фоне поздней неолитизации долины Нила) формирования египетского государства.

Вся совокупность данных (монументальная архитектура, удаленные города-колонии, фигура Эа, вероятно, сосуды для приношений и, наконец, сложение развитой коммуникационной системы, какой являлись сложные фишки, очевидно, обслуживавшей храмовые хозяйства) свидетельствует о возникновении государственности не в уруке-4, а уже в уруке-6, т.е. в середине — третьей четверти IV-го тыс. до н.э. Под государственностью мы имеем в виду наличие специализированной системы централизованного управления, охватывающей как минимум десятки тысяч людей. Какие именно формы имела такая система, нам пока не известно. Изображения Эа сами, строго говоря, не означают, что решения принимались одним лицом. Отсутствие в урукское время богатых захоронений и сколько-нибудь значительных предметов из драгоценных металлов, делает проблематичным сопоставления с материалами раннединастического периода.

К сожалению, остаются не исследованными урукские слои в Ниппуре, где мог находиться

конкурирующий центр власти в южной Месопотамии. Обследования показали (Adams 1981: 69-71), что в раннем-среднем уруке площадь поселений района Ниппур – Адаб составляла 362 га, а района Урука – 173 га; в позднем соответственно 382 га и 200 га. Сам Урук всегда был правда вдвое более крупным центром, чем Ниппур. В раннем-среднем уруке город занимал 70 га, в позднем – 100 га. Подобные цифры вроде бы указывают на постепенное возвышение Урука над своим северным конкурентом. В пользу того, что именно Урук находился в фокусе событий IV тыс. до н.э., свидетельствуют и данные о ходе урбанизации, которая именно в раннем-среднем уруке достигла максимума – 40%. В районе Ниппура она не превышала 26%.

Все эти данные известны уже довольно давно. Заслуга Д. Шмандт-Бессера состоит в том, что она добавила к ним важнейшее недостававшее

звено – доказала, что в уруке-6-5 существовала знаковая система, которая служила для нужд хозяйственного учета и была функционально аналогична древнейшей письменности периода урук-4. Если говорить о внешесопотамских параллелях этой системе, то они напрашиваются сами собой. Это перуанские кипу, археологически известные с цивилизации уари (VII в. н. э.) и затем усовершенствованные инками (XV-XVI вв.). При полном внешнем несхождении, кипу и фишки близки по смыслу. С их помощью можно было передавать числовую информацию, касающуюся определенных категорий предметов, учет которых был важен для поддержания социополитической организации государственного уровня. Соответственно именно такая коммуникационная система, а не письменность сама по себе и должна рассматриваться как необходимое условие существования централизованных сообществ размером 50-100 тыс. чел. и выше.

Adams, R. M. 1981. Heartland of Cities. Chicago; London: University of Chicago Press.

Alden, J. R. 1992. First writes // *Natural History* 3: 64-66.

Beal, T. W. 1978. Beveled rim bowls and their implications for organization in the later fourth millennium B.C. // *Journal of Near Eastern Studies* 37(4): 289-313.

Dalley, S. 1992. Tokens of civilization // *London Times Literary Supplement*, Oct. 23.

Dearman, J. A. 1993. Book reviews: D. Schmand-Besserat. Before Writing (vol.1) // *Libraries and Culture* (University of Texas Press) 28(3): 340-341.

Jasim, S. A., J. Oates. 1986. Early tokens and tablets in Mesopotamia: new information from Tell Abada and Tell Brak // *World Archaeology* 17(3): 348-362.

Justus, C. F. 1993. Implications of the evolution of writing // *Diachronica* X: 97-110.

Lieberman, S. J. 1980. Of Clay Pebbles, Hollow Clay Balls, and Writing: A Sumerian View // *American Journal of Archaeology* 84 (№ 3): 339-358.

Morrison, P. 1992. Book reviews: D. Schmand-Besserat. Before Writing (vol.1) // *Scientific American*, Nov. 1992: 132-134.

Swetz, F. J. 1992. Book reviews: D. Schmand-Besserat. Before Writing (vol.1) // *Historia Mathematica* 20: 220-222.

Wilford, J. N. 1999. When no one read, who started to write? // *The New York Times*, April 6: F1-F2.

Ю. Е. Березкин

Россия. Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры.
Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДА УММ-ЭЛЬ-РАЗАС В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

Michele Picirillo, Eugenio Alliata. Umm Al-Rasas Mayfa'ah I. Gli scavi del complesso di Santo Stefano. *Studium Biblicum Franciscanum Collectio Maior* 28. 376 p., 29 ill. 1994. Jerusalem.

Книга представляет собою публикацию материалов раскопок комплекса Умм-Эль-Разас, которые были осуществлены экспедицией научного центра *Studium Biblicum Franciscanum*. Деятельность археологов Ордена св. Франциска в Палестине широко известна специалистам, среди их достижений и знаменитые раскопки на горе Небо в Иордании, и многолетние исследования церкви св. Гроба Господня в Иерусалиме, которые вел о. В. К. Корбо, и многое другое.

Обширная издательская деятельность представлена Большой и Малой сериями *Studium Biblicum Franciscanum* (именно в Большой серии и опубликован рецензируемый труд), нельзя не упомянуть также ежегодник *Liber Annuus*, который печатает и археологические отчеты, и аналитические статьи, и обстоятельную хронику раскопок.

Монография является коллективным трудом. Статьи ряда авторов стремятся дать целостное

представление о проведенных работах; наиболее важные публикации принадлежат руководителю раскопок о. М. Пичирилло (он написал несколько статей-глав) и проф. Н. Дювалю. Имя Е. Аллиата, вынесенное на обложку книги в качестве автора, хорошо известно читателю по многочисленным обширным статьям в *Liber Aprius*, в которых дан анализ керамики, стеклянных изделий и прочих памятников материальной культуры из раскопок комплекса в Умм-аль-Разас. В монографии же эти вопросы освещены более кратко, главное внимание здесь уделено архитектуре и особенно мозаикам — ведь именно ими и прославился этот памятник.

Умм-Эль-Разас, населенный пункт на территории современной Иордании, расположен в 35 км от г. Мадаба, он идентифицирован с библейским городом Мефаат. Эта проблема рассмотрена в статье М. Пичирилло «Историческая идентификация Умм-аль-Разас с Мефаа», в которой автор проанализировал разнообразные письменные источники, начиная с библейских и заканчивая рукописями поздних арабских авторов. К ней примыкает публикация А. Никаччи «Мефаат Библии», содержащая текстуальный анализ соответствующих сюжетов из Библии в древнееврейской и греческой версиях, при этом автор обращает внимание на различие форм названий города (Мефаат и Мофаат). Статья С. Х. Гриффиса рассматривает сведения об этом «забытом городе» в ранней исламской традиции.

Глава «Открытие Умм-аль-Разас» (М. Пичирилло) описывает историю исследования комплекса, которая восходит к началу XIX в. Здесь речь идет о довольно многочисленных сочинениях немецких, английских и французских путешественников, которые широко цитируются. Важный момент в этой истории — обследование города археологами о. Б. Багатти (это, можно сказать, патриарх палестинской христианской археологии) и о. С. Саллером (Миссия францисканцев в Иерусалиме) в 1948 г. В статье того же автора «Руины» опубликованы эффектные фотографии, сделанные со спутника, они хорошо показывают положение архитектурных остатков на фоне величественного пустынно-гористого ландшафта. Также М. Пичирилло описывает раскопки Умм-аль-Разас, которые длились с 1986 по 1993 гг., это одна из основных глав монографии (с. 69-110). Комплекс включает в себя несколько культовых сооружений, вспомогательных помещений и дворов, время его существования длилось с VI по VIII-IX вв. Среди них — церкви св. Степана, епископа Сергия, Эдикулы (посвящение ее неизвестно, она названа по небольшой южной пристройке) и, наконец, «дворовая» церковь, занимающая место во двореике, в центральной части комплекса. Украшенная мозаикой

трехнефная базилика еп. Сергия включала также погребальную часовню, а в одном из ее западных вспомогательных помещений размещался баптистерий. Эта церковь точно датируется 587 г. благодаря мозаичной посвянительной надписи, что дает важную опорную дату для всей хронологии. Церковь св. Степана, трехнефная базилика с пастофориями с хорошо сохранившейся мозаичной вымосткой, — самая важная в комплексе. Здесь открыто две монументальные гробницы, которые размещались в южном дополнительном помещении. «Дворовая» церковь — самая поздняя, в ее интерьере тоже найдено две сложенных из камня гробницы, внутри которых сохранились остатки росписи: кресты разных форм, выполненные красной краской. Сопоставление всех данных показывает, что в сер. VIII в. город был еще полон жизни, он существовал до IX-X вв. Очевидно, что и в исламскую эпоху христианская община в Умм-аль-Разас жила в условиях достаточной толерантности.

Еще одна важная глава — о мозаиках — написана также М. Пичирилло. Наиболее богата декорация в церквях еп. Сергия и св. Степана. Мозаики рассмотрены и по памятникам, и по характеру изображений. Преобладают мотивы символические, зооморфные, растительные и геометрические. В некоторых случаях можно проследить иконоборческие намерения, когда человеческие фигуры были уничтожены и заменены растительными мотивами. Исключительно важны изображения архитектуры в ц. св. Степана, пожалуй, именно они и сделали знаменитыми эти мозаики.

Глава «Изображения архитектуры», принадлежащая перу Н. Дювала — одна из самых больших (с. 165-230). Речь идет о целой серии изображений городов, сопровождаемых греческими надписями, это своеобразный географический архитектурный атлас. Он по значимости может быть сравним только со знаменитой мозаичной картой, открытой в Мадабе в 1896 г., столетний юбилей этого события был отмечен специальной международной конференцией. В церкви св. Степана присутствует, прежде всего, изображение самого «Кастрон Мефаа» (из надписи становится ясным, как называли населенный пункт в VI в.), ест; здесь Филадельфия (Амман), Мидаба (Мадаба), «Святой Город» (Иерусалим), Кесария, Александрия, Неаполис, Газа и многие другие города. В ряде случаях мастер изобразил особенно характерные элементы: маяк в Александрии, Ротонда Анастасис в Иерусалиме, колонна в центре форума в Мефаа и т.п. Автор анализирует каждое изображение в отдельности, а затем — весь ансамбль по типологически-структурному принципу (городская стена, внутренний город, сооружения базиликального или центрического плана). Рассмотрена также стилистическая эволюция

архитектурных изображений в период VI-VIII вв., обсуждается и проблема меры условности этого изобразительного языка. Глава (в сущности, это законченное монографическое исследование) написана с большим мастерством, и это не удивительно: Н. Дюваль — известный специалист как по архитектуре позднеантичного города, так и по проблеме изображения архитектуры в различных памятниках искусства (Duval 1965: 207-254).

В главе о надписях мозаик М. Пичирилло рассматривает многочисленные сведения по истории церкви, топонимике и ономастике. Интересно, что из 56 имен только 16 «грекоримских», большинство же имен — семитские, при этом женских очень мало, что характеризует военный характер Мефаа (это действительно «кастрон») в византийскую эпоху. Проблеме интерпретации мозаик («опыт прочтения») посвящена статья Басемы Хамарнех.

Глава «Литургические устройства», написанная Ф. Мишель, посвящена организации восточных частей церквей как целостных литургических зон, и отдельным типам литургической мебели: амвон, алтарь, реликварии.

Значительную часть книги составляет описание археологических материалов. Среди них — керамика и некоторые архитектурные фрагменты (Ф. М. Бенедетуччи), скарабей из византийской могилы (Ф. Никаччи), некоторые фрагментарные надписи латинские, набатейские и др. (Д. Скарпати, М. Л. Ф. Макдональд), керамика римская, византийская, арабская (Э. Аллиата), фрагменты плит из мрамора и камня, детали кивориев, части амвона, алтаря (А. Аккончи), реликварии и др. элементы (Э. Аллиата). Х. Гитлер описал нумизматический материал.

Отмечу один частный момент. Среди стеклянных сосудов мое внимание привлек стеклянный сосуд редкой формы: высокая цилиндрическая бутылка со слегка расширяющейся горловиной. При раскопках Цандрипшской базилики юстиниановской эпохи в Абхазии были найдены шесть точно таких же сосудов (Хрушкова 1980: табл. VII: рис. 3). Эти сосуды были обнаружены в гробницах *in situ*.

Мне никогда не удавалось найти им аналогии, хотя многие музеи полны позднеантичного стекла, а публикации весьма многочисленны. Единственная аналогия, причем близкая до буквального совпадения — сосуд из могилы в церкви Эликулы в Умм-аль-Разас. Здесь непо потревоженная могила содержала несколько стеклянных сосудов и одну шкатулку *in situ*, хотя гробница использовалась для погребений с VI по VIII вв. (с. 286-287, табл. XXIX-XXX). По данным Б. Хамарнех, подобные сосуды находили и в других пунктах Иордании (устное сообщение). Не были ли привезены эти сосуды в Абхазию из далекой Палестины (с маслом, водой?) для гробниц, расположенных в базилике, которая, скорее всего, и была построенным Юстинианом «храмом для абазгов»?

Книгу завершает глава «Археологический парк Умм-аль-Разас» К. Арригони, А. Феррари и другие, в которой рассмотрены проблемы консервации и музеефикации раскопанной зоны, в том числе и мозаик. С. Гуидотти и Б. Стери представили проект реставрации комплекса св. Стефана.

Книга сопровождается двумя резюме: на английском и арабском языках. Том богато иллюстрирован цветными и черно-белыми фотографиями, документация включает планы и разрезы памятников, много рисунков археологических находок. На отдельном вкладыше представлен детальный обмерный план церкви св. Стефана и ее мозаик. В качестве приложений даны: Библиография; Код помещений; Указатель греческих терминов; Указатель имен и предметов.

Настоящая книга дает исчерпывающую информацию и об истории города Умм-аль-Разас в византийскую и раннеарабскую эпохи, и о блестящих результатах его историко-археологического изучения. Аналитический характер статей, полнота документации, большое количество и превосходное качество цветных и черно-белых иллюстраций — все это делает книгу интересной для историков, археологов и искусствоведов. Книга привлечет и более широкую публику, поскольку авторы сумели найти хорошее соотношение между строгой научностью, легкостью и увлекательностью изложения.

Хрушкова, Л. Г. 1980. Цандрипш. Материалы по раннехристианскому строительству в Абхазии. Сухуми.

Duval, N. 1965. La représentation du palais dans l'art du Bas-Empire et du Naut Moyen Âge d'après le Psautier d'Utrecht // Cahiers Archéologiques 15: 207-254.

Л. Г. Хрушкова
Россия. Москва.
Российский гуманитарный университет.
Кафедра музееологии.

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ВОЕННОМУ ДЕЛУ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

David Nicolle. Medieval warfare. Source book. Vol. 1: Warfare in Western Christendom. 320 p., 200 ill. 1995. Vol. 2: Christian Europe and its Neighbours. 320 p., 200 ill. 1996. London: Arms and Armour press.

Увидели свет сразу две подробно иллюстрированные книги известного английского историка военного дела и оружия Дэвида Никола «Военное дело эпохи средневековья. Книга источников»: Т. 1 «Военное дело западного христианского мира» и Т. 2 «Христианская Европа и ее соседи». Создатель труда — научный сотрудник Института средневековых исследований в г. Ноттингем. Ряд лет он преподавал в университетах стран Ближнего Востока, объехал крупнейшие музеи мира, всюду зарисовывал, фотографировал оружие и крепости, каменные изваяния, копировал миниатюры древних рукописей. Его, человека с благородным породистым лицом и спортивной фигурой, можно принять и за английского аристократа, и за путешественника-охотника за военными реликвиями. В действительности, это историк, тонкий аналитик и любознательный наблюдатель. Д. Никол относится к тем людям, которые считают, что наука о военных древностях вышла за пределы кабинетов ученых и коллекционеров и проникает в досуг и образование рядового человека. Собираем и изучением старинного оружия и военного снаряжения ныне интересуется все больше людей, вовсе не специалистов. Бурные технические преобразования, острые военно-политические конфликты, борьба народов, катастрофы и победы, неувядаемое мастерство древних оружейников — все это способно захватить огромную аудиторию. Мир предстает как громадная, но в то же время единая лаборатория новаций и усовершенствований. История военного дела — наука не о смертях и убийствах, а о жизненных и технических ресурсах народов и государств, их изобретательности, взлетах и падениях великих империй, героях, полководцах и солдатах. Все сказанное относится к рецензируемому двухтомному сочинению, которое представляет собою обобщающий сводный труд, посвященный военному делу средневековой Европы начиная от эпохи великого переселения народов до начала Великих географических открытий в рамках V-XV вв. н.э. В первом томе описано военное дело в пределах Европы, во втором речь идет о военных предприятиях европейцев

в других странах. Д. Никол касается здесь борьбы европейцев с распространением ислама, войн Византии, состояния боевых средств в Центральной Азии, в Индии, в Китае и даже в Африке. Фактически автор в своей работе охватывает военную историю всей Евразии. Различные попытки создать сводные труды по истории войн и военного дела предпринимались неоднократно. Сочинение Д. Никола продолжает эту традицию на во многом новом материале. Рецензируемой работе свойственна весьма четкая структура, пронизывающая оба тома. Это позволяет сближать ее со справочными изданиями, энциклопедиями и делает удобной для использования студентами и теми, кто изучает или интересуется военным прошлым.

Каждый том состоит из следующих разделов. Том 1: I. Нашествия варваров и варварские государства (400-650); II. Европа в раннем средневековье (650-1100); III. Средние века (1100-1275); IV. Европа в позднем средневековье (1275-1400); V. Биографии; VI. Источники; VII. Разное; VIII. Словарь; Указатель. Том 2: I. Византийцы, персы и мусульмане (400-750); II. Противостояние христиан и мусульман (750-1050); III. Тюрки, монголы и возвышение Руси (600-1400); IV. Крестовые походы, реконкиста и ответ на крестовые походы (1050-1400); V. Китай, Дальний Восток и Индия (400-1400); VI. Биографии; VII. Источники; VIII. Разное; IX. Словарь; Указатель.

В первом томе разделы I-IV, во втором томе разделы I-V имеют следующую структуру: Главные военные кампании; Способы формирования армий; Военная организация; Стратегия и тактика; Оружие и доспехи; Фортификация; Способы осады; Морские и речные силы.

Раздел «Разное» в обоих томах включает рубрики: законы войны, победители и побежденные, разведка и шпионаж, тренировка, движущие силы войны, медицинская служба, мораль, дальние коммуникации, транспорт, совместные операции, флаги и геральдика, униформа: ее расцвет и упадок, военная промышленность средневековья, огнестрельное оружие: его происхождение и развитие.

В рамках построения разделов книги, всесторонне охватывающей порой неизвестные

и даже необычные аспекты военного дела привлекает внимание биографический раздел. В нем сжато описана жизнь военных деятелей Европы и прилегающих стран. Наряду с жизнеописаниями общеизвестных фигур как, например, Атилла, Карл Мартелл, Теодорих Великий, Александр Невский и Вильгельм Завоеватель мы встречаем здесь ирландских, арабских и китайских воителей, имена которых более знакомы специалистам, чем рядовым читателям. Короткие биографические очерки оживляют этот справочный по своему характеру труд, связывая современников с людьми далекого прошлого.

Некоторые из них запоминаются не столько своими подвигами, сколько посмертной судьбой. Таков, к примеру, англичанин Джон Хаквуд (1364-1394), профессиональный солдат, кондотьер, искатель приключений. Навоевавшись в Южной Франции, он перешел со своим отрядом в Италию. Его бойцы умело действовали длинными луками и этим оружием добились многих побед. После смерти Хаквуда английский король Ричард II просил власти Флорентийской республики вернуть тело храбреца для погребения на родине. Флорентийцы отвечали так: «... хотя мы сознаем, что и на нас и наш народ падает отблеск бессмертной славы оттого, что мы храним на своей земле прах и кости последнего отважного воина сэра Джона Хаккодьо, который как командующий нашей армией доблестно бился за нас ... мы с охотой даем разрешение на то, чтобы его останки вернулись на его родину». И действительно, он был похоронен в церкви прихода Сибл Хедингем, где и родился когда-то. Увы, могила его ныне исчезла. Так Джон Хаквуд невольно помог становлению общеевропейской традиции переноса праха чем-то выдающихся людей в родные места.

Мы не ставим своей задачей в полном виде охарактеризовать двухтомное сочинение Д. Никола. Выделим здесь важнейший момент. Издревле военное дело на том или ином этапе своего развития ломало национальные перегородки и, как это ни удивительно, с поразительной быстротой интегрировало целые страны и даже континенты. Автор справедливо пишет, что представление об изолированном развитии стран в период начиная от падения Римской империи и до открытия Америки не соответствует действительности. Он обращает внимание на всякого рода влияния и заимствования в области военного дела, в том числе и те, что происходили в евразийском масштабе. Технические новшества и открытия в сфере вооружения и тактики перемещались вместе с завоевателями, с торговыми караванами, на борту кораблей и в багаже путешественников. «Парадоксальным

образом, — пишет Д. Никол, — военные кампании в большой мере служили средством культурного взаимообмена» (т. 2, с. 8).

Магнитом разных влияний и значительным явлением мировой истории предстает Русь, открытая в течение многих веков Востоку и Западу и создавшая свой особенный арсенал боевых средств средств. Автор информативно характеризует русскую армию, ее организацию, состав, тактику боя, укрепления, технику осады (т. 2, с. 95-122). Он учел взаимодействие русских со скандинавами, венграми, волжскими булгарами, и, особенно, степняками и монголами, за спиной которых стояли ремесленные традиции Китая и Ирана.

Д. Никол, считая преобладающим восточное влияние на военные порядки Руси, что, по нашему мнению, весьма спорно, в то же время отмечает что «у монголов, как и у их предшественников, было мало железа, основные источники которого находились не в степи, а в лесной зоне». Добавим, что «завоеватели мира», покоря оседлые народы, приобретали не только столь необходимые оружейникам разработки железа, но и широко использовали трофейную технику.

Касаясь места тех или иных изобретений автор стремится избегать национальных преувеличений. Он сдержан в своих оценках. Тем интереснее ряд его утверждений. Например, о том, что, фактически, русские в XIII в. первыми в Северной Европе ввели в употребление мечи «скорее колющие, чем рубящие». Это действительно так. Древнейшее в Европе оружие этого рода сохранилось во Пскове — это мемориальный колющий меч, которым владел псковский князь Довмонт, княживший в 1266-1299 гг. Автор также оставляет за русскими изобретение высоких заостренных сверху сфероконических шлемов, несмотря на их сходство с кочевническими шлемами сегментовидной конструкции. Далее автор пишет, что около 1230 г. на севере Руси воины использовали ранний тип бригантин (род доспеха из металлических полос, укрепленных на внутренней стороне матерчатого жилета), «а это предполагает, что, возможно, Русь оказала некое, еще не отмеченное исследователями, влияние на появление в Германии европейского пластинчатого доспеха, вероятно, в ходе крестовых походов на Балтике. Эти доспехи были столь удачны, что в XIV в. происходило вытеснение ими обычной (кольчатой) брони». Д. Никол разделяет мнение русских археологов о том, что шпоры с зубчатым подвижным колесиком стали известны на Руси на полвека раньше, чем в Западной Европе.

Мы не останавливаемся на некоторых дискуссионных моментах и неточностях труда

Д. Никола. В итоговом труде они неизбежны. Выскажем общую оценку, объединив данные исторического оружиеведения, военной археологии и истории английский автор создал удачный путеводитель по военному делу народов Евразии. Эта книга ведет нас по древним

и, может быть, забытым дорогам Старого Света, знакомя с волнующими памятниками военного наследия. Оба тома несомненно могут заинтересовать не только специалистов, но широкого читателя и достойны перевода на русский язык.

*А. Н. Кирпичников, Д. И. Фояков
Россия. Санкт-Петербург.*

*Институт истории материальной культуры РАН.
Отдел славяно-финской археологии.*

КАМЕРНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ВИКИНГОВ В ДАНИИ

Silke Eisenschmidt. Kammergraber der Wikingerzeit in Altdänemark. Universitätsforschungen prähistorischen zur Archäologie. Bd. 25. 152 pages, 25 Abb., 6 Karte, 42 Tafeln. 1994. Bonn.

Одним из самых выдающихся погребальных обычаев эпохи викингов в Северной Европе современные исследователи считают обряд помещения умерших в обширные деревянные камеры. Разнообразные конструкции и многочисленный инвентарь этих погребений позволяет судить о структуре, образе жизни и религии оставивших их групп скандинавского населения. Важные наблюдения о хронологии североευропейского региона, сделанные в последние десятилетия, также стали возможны благодаря изучению ряда камерных захоронений (например, в Маммене). Погребения, произведенные по этому обряду широко известны в Дании, Швеции и Восточной Европе, где они были распространены с конца IX по конец X вв. Однако, до недавнего времени хорошо известными для отечественных исследователей оставались лишь материалы камерных захоронений из могильников Бирки, которые были достаточно полно опубликованы и проанализированы шведскими исследователями.

Монография Силке Айзеншмидт «Камерные погребения эпохи викингов в старой Дании», увидевшая свет в 25 томе серии «Университетские исследования по преисторической археологии», стала долгожданной работой, которая объединила результаты многолетних раскопок этих захоронений в Южной Скандинавии. Район исследований охватывает территорию Дании эпохи викингов, то есть современную Данию, материковую часть северного и южного Шлезвига, Ольденбург (Германия), провинции Сконе и Халланд (Швеция). Так как первые камерные погребения появились в конце IX —

начале X века, а последние датируются концом X в., то хронологические рамки исследования ограничены десятым веком. Основой работы стал каталог из 118 погребений (103 камеры). К нему приложены каталоги всаднических погребений эпохи викингов, погребений с оружием, погребений в кузовах повозок и погребений с бронзовыми сосудами. Все перечисленные категории захоронений происходят с территории Дании эпохи викингов, совершенны по обряду ингумации и связаны с камерными захоронениями.

Во «Введении» С. Айзеншмидт рассматривает хронологические и географические рамки исследования, историю изучения камерного обряда в Скандинавии. Исследовательница отмечает, что наибольшее количество камер было открыто в 1930-1939, 1960-1989 гг. Среди крупных обобщающих работ этого периода она называет исследование Е. Анера, М. Мюллер-Вилле, М. Иверсена.

В главе «Формы погребений» автор подробно рассматривает размеры камерных захоронений, различные способы их сооружения, внутреннее устройство, расположение инвентаря, ориентировку погребений и положение умерших в могиле. В итоге она приходит к выводу, что «кажется разумным считать камерными могилами с деревянными конструкциями шириной не менее 1,2 м и длиной около 2 м». При таких размерах исследовательница полагает конструкцию нетранспортабельной. Однако погребения этого типа могут быть и меньшего размера. Могила без следов дерева, шириной свыше 1,5 м также могут быть камерами.

Захоронения без следов дерева и без следов перекрытия, с шириной ямы между 1,2 м и 1,5 м, она предлагает обозначить как погребения в больших ямах. Анализ датских захоронений показал, что погребения со следами дерева и таким инвентарём, как снаряжение всадника и бронзовые чаши, безусловно являются камерами. В Южной Скандинавии выделяются две строительные техники использовавшиеся при сооружении камер: столбовая со стенками из горизонтально уложенных плах и со стенами из вертикально стоящих плах или досок. Обе техники применялись достаточно часто, и причины применения той или другой непонятны. Достоверных сведений о применении срубной техники в скандинавских могильниках эпохи викингов не зафиксировано. Большая часть датских камер перекрыта плоскими крышами, но в некоторых случаях можно предполагать наличие двускатной кровли (Маммен). В целом ряде датских погребений известны различные внутренние конструкции. Встречены доски, отделявшие погребенного или какую-то часть камеры, кузова тележных повозок, гробовища. Последняя особенность, помещать умершего в дополнительную переносную конструкцию, вероятно, характерна именно для Южной Скандинавии, так как в шведских могильниках она не зафиксирована. Среди отделки внутреннего пространства камер С. Айзеншмидт отмечает остатки тканей из шерсти или льна (Еллинг), остатки подушек (Маммен), шкуры животных, солому. Довольно часто фиксировалась вуаль из ткани, покрывавшая всю камеру. Большая часть камер была перекрыта маленькими курганами диаметром в несколько метров. Над особо крупными камерными могилами возводились курганы диаметром более 10 м и высотой в несколько метров. До 75% камерных захоронений Дании ориентированы в направлении запад-восток и лишь единичные захоронения ориентированы по оси север-юг, погребенные в последних лежали головой на север. В отличие от могильника Бирки, в Дании ни разу не встречено достоверных сидячих захоронений. Все погребенные в датских камерах находятся в вытянутом положении на спине.

В третьей главе подробно рассматривается инвентарь, его соотношение с размерами и конструкцией камер, полом погребенных. Сопоставление различных комбинаций инвентаря в мужских и женских погребениях показывает, что структурированности материала не прослеживается. Отчётливо выделяются мужские захоронения всадников и женские погребения в кузовах повозок с многочисленным инвентарём, бронзовой посудой, украшениями и предметами обихода. Большая часть камер (свыше 60%) содержит не более 4 предметов

инвентаря и только 25% сопровождалось значительным и разнообразным набором предметов. Установлено, что число последних связано с размерами камеры. Средняя площадь камеры с числом предметов до 5 составляет около 3,5 кв. м, а средняя площадь камер с более чем 9 предметами — 7,1 кв. м.

В четвертой главе рассматриваются вопросы топографии и структуры могильников с камерными погребениями. В южной Скандинавии камерные захоронения могут находиться вдали от других погребений, располагаться вблизи маленьких могильников, могут составлять отдельные группы погребений в большом могильнике или образовывать свои самостоятельные кладбища. Большая часть камер связана с небольшими сельскими кладбищами (от 30 и более захоронений). С. Айзеншмидт отмечает, что в больших могильниках инвентарь камер значительно беднее, чем у расположенных вне могильников. Однако, для тех и для других замечена тенденция к расположению на самых высоких точках местности. Эта особенность, по мнению исследовательницы, свидетельствует о том, что данная группа населения имела возможность и право свободно выбирать место захоронения, пространственно отделяя себя от других социальных групп.

В главе 5 исследуются вопросы распространения камерного обряда в Дании эпохи викингов и за её пределами.

В главе 6 «Происхождение и возникновение камерного обряда захоронения» рассматривается возможная связь между камерами Центральной и Северной Европы. В германской среде этот обряд особенно распространен в V-VII вв. Отдельные богатые камерные захоронения открыты в Швеции и на о. Борнхольм. К VIII в. этот обряд сохраняется только в Северной Германии, где исчезает к концу столетия по мере распространения христианства. Наиболее ранние камерные погребения эпохи викингов появляются в Бирке на ранней стадии её развития — в конце VIII-IX вв. В Хайтабу ранние камеры встречаются около 900 г. В обоих случаях этот обряд считается скандинавскими исследователями «чуждым влиянием». Следует упомянуть, что в Бирке ранние камеры связаны с многочисленными каролингскими импортами. На основании этих фактов С. Айзеншмидт полагает, что в Скандинавии этот обряд не имеет прямых предшественников ни хронологически, ни территориально. Она, вслед за Коссаком, считает, что подобные «пышные» формы захоронения социальной элиты могли возникать, при определенных условиях, у совершенно различных народов. Не отрицает автор и влияния христианства и культурное воздействие франкской империи на формирование камерного обряда в Дании. Историческая ситуация,

во время которой существует камерный обряд захоронения, исследуется в главе 7. По мнению С. Айзеншмидт решающим фактором распространения камерных погребений в Дании стало политическое и культурное «давление» оттоновской империи. Элита датского общества стремилась продемонстрировать собственную политическую значимость и религиозную самостоятельность, подчеркивая это пышным погребальным обрядом.

В последней 8 главе рассматриваются демографические характеристики и социально-общественный статус людей, погребенных в камерах. По антропологическим данным в камерах погребались как мужчины, так и женщины. Это не было связано и с определенным возрастом, так как возрастные характеристики варьируют от 6-14 до 40-60 лет. Вероятно, «повышенный общественный статус принадлежал определенным семьям и был наследственным». Исследовательница считает, что в наиболее богатых и трудоёмких для сооружения камерных

захоронениях погребены члены датского королевского дома и некоторых аристократических семей, в менее богатых — представители нижестоящей социальной группы.

Рецензируемая монография вводит в научный оборот новый ценный сравнительный материал для сопоставлений древнерусских и скандинавских погребальных камер эпохи викингов. Эта публикация актуальна именно сейчас, когда в Восточной Европе накоплен значительный фонд подобных захоронений X в., требующий своего осмысления. Опубликованные С. Айзеншмидт материалы камерных захоронений Дании и исследованные А. С. Грэлунд камеры Бирки дают почти полную картину существования этого обряда в Скандинавии и позволяют более взвешено подходить к конструктивным и обрядовым особенностям аналогичных погребений могильников Гнездова, Киева, Чернигова, Шестовиц, Тимерева, Ладоги и Пскова.

К. А. Михайлов

Россия. Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН.

Отдел славяно-финской археологии.

СОВРЕМЕННАЯ БРИТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ ПАЛЕОЛИТА

С. А. ВАСИЛЬЕВ¹

В ряду национальных сообществ исследователей палеолита Великобритании занимает особое место. Если все европейские школы в своей теоретической и методологической направленности следовали и продолжают следовать за «законодательницей мод» палеолитоведения — Францией, то английская археология находится на своеобразном «перекрестке влияний», идущих, с одной стороны, из-за океана, и, с другой стороны, с континента, из той же Франции. Добавим к этому богатые традиции британской археологии — дисциплины, давшей миру таких крупнейших ученых как Г. Чайлд, Г. Кларк, С. Пиготт, Г. Дениел, Д. Кларк и др. Несмотря на то, что эти «классики археологии» в основном занимались более поздними, чем палеолит, периодами, их труды оказали существенное влияние и на палеолитоведческие штудии. Прежде всего, речь идет об особой роли, придаваемой палеоэкологии и реконструкции палеоэкономики, высокой методической культуре, стремлении к созданию детальной строго обоснованной хронологии.

Восприятие английских работ по палеолиту в нашей стране было сложным. Интерес к зарождавшейся в 20-е гг. в Англии эколого-географической линии исследований в доистории (О. Крофорд) угас вместе с разгромом палеоэтнологических школ. В довоенные годы господствовавшие миграционные построения М. Беркитта и Д. Гаррод неизменно отвергались советскими археологами. В дальнейшем постоянное внимание и в целом высокая оценка конкретных трудов английских археологов (Х. де Терра, К. П. Оукли, Б. Олчин, Т. Патерсона, К. Сэндфорда, В. Аркелла, Г. Сэтон-Томпсон, Ч. МакБерни и др.) сочетались с неприятием общих концепций этих ученых. Даже разгоревшиеся в 50-е г.г. споры о локальности культуры в палеолите обошлись без упоминания работ Г. Чайлда, который одним из первых, еще

в 1929 г., назвал фазы европейского палеолита археологическими культурами.

Если до 70-х гг. контакты российских и британских коллег в основном сводились к знакомству с литературой, то в дальнейшем, в период «разрядки», появилась возможность прямых контактов. Именно в это время группа исследователей Отдела палеолита и трасологической лаборатории ИИМК РАН принимала участие в полевых работах в Боксгроув. Современная эпоха резкой интенсификации международного научного сотрудничества настоятельно требует ознакомления с особенностями национальных школ мировой науки, прежде всего в плане общей направленности исследований и методологии, что представляется крайне важным для достижения лучшего взаимопонимания.

Появление на свет этой работы стало возможным благодаря исследовательской поездке в Англию, предпринятой по любезному приглашению Кембриджского Университета и обеспеченной Центральноевропейским Университетом (Грант № 791/1995). Автор выражает самую сердечную признательность английским коллегам, в особенности М. Джоунзу, Д. Бейли, П. Мелларсу, Я. Ходдеру, Л. Яник, С. Канеру, М. Левин, Х. Завадской (Кембриджский университет), Д. Роу, Н. Шлангеру, П. Петитту, К. Скотт, Д. Митчеллу, Р. Хеджу (Оксфордский университет), Н. Бартону (Университет Оксфорд-Брукс), Р. Хаусли (Университет Глазго), Д. Уаймеру (Программа «Английское наследие»), Д. Кину (Университет Ковентри), Н. Эштону, Р. Якоби (Британский Музей), С. Мейсон (Институт археологии Лондонского университета), К. Стрингеру (Музей естественной истории, Лондон), П. Бану, а также всем участникам конференции «Британский палеолит» (Оксфорд, 1995).

Прежде чем перейти к собственно проблемам палеолита, следует дать краткий очерк

¹Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

организационной структуры британской археологии, во многом отличной от привычной для нас системы. Прежде всего, археология в Британии это по преимуществу университетская дисциплина (половина английских университетов имеет в своем составе департаменты археологии). Научно-исследовательские подразделения (Институт археологии в Лондоне, Институт Макдональда в Кембридже, Институт Баден-Пауэлла в Оксфорде и др.) существуют при соответствующих университетах.

Основным координирующим органом археологической деятельности выступает Совет по британской археологии. Происходивший параллельно с другими европейскими странами с 70-х гг. быстрый рост новостроечной археологии вызвал к жизни появление организаций типа Треста британской археологии (RESCUE) Комиссии «Английское наследие», занимающихся учетом, охраной и консервацией памятников, а также частично финансированием спасательных работ. Хорошо поставлена регистрация археологических объектов, ведущаяся в Комиссиях по древним и историческим памятникам, которые существуют в Англии, Шотландии и Уэльсе. Все данные собираются в централизованные архивы, действующие в Лондоне и Саутгемптоне, а также в региональные архивы графств. Важную роль в научном плане играет Доисторическое Общество (Hunter, Ralston 1993).

Археологи-палеолитоведы достаточно многочисленны и рассредоточены по университетам и музеям. Наиболее крупными коллективами обладают Британский Музей и Институт изучения четвертичного периода Дональда Баден-Пауэлла при Оксфордском университете, возглавляемый признанным патриархом английского палеолитоведения Д. Роу. Однако и эти центры далеко уступают по численности не только нашим академическим институтам, но и лабораториям Франции и Германии.

«Палеолитический фонд» Британских островов резко своеобразен. Если обычно в европейских странах количество позднепалеолитических памятников заметно превосходит число средне- и тем более нижнепалеолитических местонахождений, то в силу особенностей палеогеографической обстановки ситуация в Англии прямо противоположная. На протяжении плейстоцена территория страны неоднократно подвергалась воздействию ледниковых щитов, а мощные потоки, возникавшие при таянии последних, перерабатывали в значительной степени отложения внеледниковой зоны. Наиболее многочисленны здесь ашельские памятники, охватывающие огромный хронологический отрезок от кромерского времени (аналог гюнц-минделя) в Боксгроув до позднего ашеля, относимого к девенсию (ранний этап вюрма).

Абсолютное большинство этих памятников представляют собой подъемные местонахождения или пункты находок переработанных в гравийных отложениях артефактов. Лишь в немногих случаях изделия встречены в четко стратифицированном контексте. Это, прежде всего, уникальная стоянка Боксгроув (Bergman, Roberts 1988), где в морских отложениях среднего плейстоцена вскрыты остатки нескольких культурных слоев ашельского времени. Предпринятые на широкой площади раскопки позволили выделить многочисленные скопления расщепленного камня, места разделки охотничьей добычи. Здесь найдены также антропологические остатки. Кроме того, участки нижнепалеолитических слоев *in situ* отмечены на таких памятниках как Хокстон, Клектон и Болен.

Обилие ашельских материалов позволяет английским коллегам детально рассматривать вопросы о причинах и характере эволюции индустрии. Имеющиеся материалы свидетельствуют о невозможности рассматривать ее как в виде однолинейной смены одних форм рубил другими. Очевидно, что на облик артефактов влиял и характер сырья, и функция стоянок, и, возможно, зарождение технической традиции (Wymer 1986).

Другая проблема — соотношение ашельских и клектонских индустрий. Новые работы на клектонских стоянках, в частности Н. Эштона в Барнхеме, показали значительную степень вариации в инвентаре между различными скоплениями стратиграфически одновременных остатков. В некоторых из концентраций встречены единичные бифасы, так что четкого деления ашеля и клектона по признаку наличия или отсутствия форм изделий не получается, скорее речь идет о многообразии нижнепалеолитических индустрий с различным процентным соотношением бифасов, нуклеусов и орудий на отщепях.

В отличие от ашеля, средний палеолит представлен немногочисленными находками, в том числе в ряде пещер, датируемых временем последнего оледенения, позже 60 тыс. лет. В основном среднепалеолитические комплексы могут быть классифицированы как мустье с ашельской традицией с мелкими треугольными бифасами и хорошо развитой техникой леваллуа. Вероятно, эта волна заселения относится к финалу среднего палеолита.

Столь же немногочисленны остатки ранней поры верхнего палеолита, представленные находками индустрий с листовидными бифасами.

Лишь в конце плейстоцена, начиная со времени около 12,5 тыс. лет, начинается быстрое освоение древним человеком Британских островов, связанное с благоприятными климатическими изменениями в беллинге и особенно

аллереде. Наиболее ранняя фаза этой экспансии связана с распространением крезвельских индустрий с характерными остриями типа чеддер. Их сменяют, а возможно частично сосуществуют на начальном этапе, индустрии финального палеолита с остриями с притупленным краем и своеобразными изделиями типа *lames machurés* (Jacobi 1991, Barton 1991). Последние входят в широкую культурную область, охватывавшую в конце плейстоцена также север Франции. Именно с этого периода начинается непрерывное заселение Британии человеком. Граница между финальнопалеолитическими и мезолитическими памятниками носит в значительной мере условный характер, и тематика исследований непосредственно переходит в область изучения мезолита (Smith 1992).

Для нас особый интерес представляет проблема интерпретации причин различий между культурными комплексами позднейшего палеолита. Так, Н. Бартон ищет объяснение отличий крезвелла и финального палеолита в различных стратегиях освоения ландшафтов и характере используемого сырья. Он указывает, что крезвельские орудия в основном изготовлены из желвачного кремня, вероятно принесенного на значительные расстояния с месторождений. В то же время финальнопалеолитические памятники свидетельствуют об обработке местного кремня низкого качества. Орудия из последнего материала значительно мельче по размерам, а сырье добывалось из источников, расположенных в радиусе 10 миль от стоянки. Есть и различия в характере палеосреды — крезвельские охотники использовали открытые ландшафты, занимаясь специализированной добычей лошадей, а к финалу палеолита с распространением лесов все большую роль стала играть охота на благородного оленя (Barton, Roberts 1996). Нетрудно отметить, что подобная линия исследований, ориентированная на объяснение различий между культурными комплексами как отражение различных систем расселения, функционально-технологических особенностей памятников и стратегии эксплуатации сырьевых ресурсов, возникла не без влияния современной французской археологии (работы Ж.-М. Женеста, Ж.-Ф. Риго и др.).

Имея столь своеобразный и относительно компактный информационный фонд, английские коллеги немало преуспели в деле его упорядочения и систематизации, опередив в этом плане, пожалуй, остальные европейские страны. Так, все наличные сведения по нижнепалеолитическим местонахождениям собраны в фундаментальной монографии Д. Роу (Roe 1981), а также в ряде региональных сводок. Что касается финального палеолита, то исчерпывающий перечень памятников и отдельных

находок по состоянию на середину 70-х гг., снабженный массой карт, разрезов, споро-пыльцевых диаграмм, статистических таблиц фаунистических остатков и археологических находок, мы найдем в двухтомном труде Д. Кембелла (Campbell 1977).

До сих пор речь шла о палеолите собственно Британских островов. Однако рассказ наш был бы неполным без упоминания о традиционной тенденции английских коллег к изучению палеолитической культуры других стран и континентов. Постоянным объектом анализа выступают богатейшие материалы Франции, Испании и Греции, английские археологи работают над проблемами палеолита Индостана, проявляют интерес к древностям Южной и Экваториальной Африки и Ближнего Востока, Центральной Европы. Пожалуй, «глобальный» подход свойственен английским палеолитоведам в заметно большей степени, чем представителям других европейских школ. Упомянутый преимущественно университетский характер доисторической археологии естественно приводит к необходимости выпуска многочисленных общих руководств и сводок по археологии палеолита (Roe 1970; Gamble 1982; Wymer, 1982; Gowlett 1984), что также стимулирует развитие глобальных сопоставительных исследований. Особый интерес при этом проявляется к прослеживанию процесса расселения человека по планете, его адаптации к разнообразным экологическим нишам (Gamble 1993).

Переходя к изучению среднего палеолита, нельзя не отметить многолетних трудов П. Мелларса, недавно суммированных им в капитальной монографии о мустье Западной Европы (Mellars 1996). Автор в ходе критического анализа популярных в 60-80-е гг. теорий, касающихся вариации между мустьерскими индустриями, приходит к выводу о невозможности сведения различий всех вариантов мустье ни к функциональным особенностям памятников, ни к эффекту срабатывания и переоформления изделий, ни к характеру сырьевых ресурсов. Хотя все эти факторы, безусловно, играли важную роль, однако, по мнению П. Мелларса, по крайней мере, некоторые из выделенных Ф. Бордом вариантов (кина, ферраси, мустье с ашельской традицией) показывают определенную хронологическую упорядоченность и характеризуются наличием специфических форм изделий. Это дает основание говорить об изоляции отдельных групп древнего населения, проявлявшемся в формировании технологических традиций.

Значителен вклад британских коллег в дело реконструкции хозяйства и систем расселения в палеолите различных частей Европы. Эта линия исследования, связанная с палеоэкономической

школой Э. Хиггса, основана на методе так называемого «анализа привязки стоянок», то есть изучения палеоландшафтов в непосредственной близости памятника, установления по фаунистическим остаткам сезонности обитания и соотношения жилой стоянки с источниками каменного сырья. Подобные модели предложены для верхнего палеолита северо-западной Греции, Кантабрии и Французских Пиренеев (Bailey 1983). Отметим здесь же исследование соотношения различных экологических групп фауны в классических стоянках верхнего палеолита юго-западной Франции (Boyle 1990). От регионального уровня некоторые авторы перешли к более широкому обзору эволюции палеоэкономики в европейском масштабе, строя различные модели сетей разнофункциональных сезонных стоянок (Dennell 1985).

Что касается применения методов естественных наук, то здесь, в первую очередь, следует отметить роль деятельности радиоуглеродной лаборатории Оксфордского университета по созданию обширных серий дат, полученных с помощью ускорителя, для верхнепалеолитических стоянок и погребений Европе. При этом особое внимание уделяется получению датировок по образцам, непосредственно отбираемым из антропологических остатков, орудий из кости и рога (Gowlett, Hedges 1986). Отметим здесь же осуществляемую С. Мейсон программу изучения микроостатков растительности по образцам из очагов (Mason, Nather, Hillman 1994). Эти исследования призваны дать более взвешенную оценку соотношения роли охоты и собирательства в палеолите, до сих пор часто трактуемого как эпоха почти полного господства охотничьей деятельности. Проявляется интерес к трасолого-функциональному анализу. Д. Митчелл ведет эксперименты по изготовлению и использованию ручных рубил для разделки туш животных.

В английской археологии традиционно большую роль занимают исследования по истории науки. Если представители старшего поколения рассматривали смену концепций развития палеолитической культуры как линию внутреннего развития науки (Collins 1986), то в настоящее время все большее внимание привлекает изучение истории археологии с точки зрения ее социального контекста, влияния на доминирующие теории социально-классовой структуры современного общества (Hudson 1981).

В этом подходе ярко проявляется тенденция, названная Б. Триггером «экстернализмом», то есть стремлением объяснить смену подходов к доисторическим материалам за счет идеологических, политических и социальных феноменов современности (Trigger 1994). Применительно к палеолиту это влияние сказалось на работе Р. Деннелла (Dennell 1990). В ней господствовавшие в 30-50-е гг. крупномасштабные схемы эволюции палеолитической культуры в различных регионах мира связываются с идеями незыблемости колониальных империй. Распад последних и все усиливающееся влияние американского антропологического подхода совпало с существенными изменениями в геологических представлениях о стратиграфии террасовых рядов. Исследовательский интерес в результате сочетания этих внутренних и внешних факторов смещается в сторону изучения вариации между комплексами.

Может показаться странным, что, говоря о методологических сторонах английской археологии палеолита, я обошел стороной вопрос о влиянии на эти штудии археологической теории. Однако, если в 60-70-е гг. теоретические споры, будоражившие научную среду, находили непосредственный отклик в конкретных исследованиях по палеолиту, то за последние десятилетия ситуация как будто изменилась. Разочарование в идеях «новой археологии», с одной стороны, и появление многочисленных ответвлений «пост-процессуальной археологии» (связанной с идеями неомарксизма, релятивизма, феминизма и т.д.) привели практически к полному отрыву археологической практики и теории (см. Hodder 1993).

Таковы некоторые черты современной британской археологии палеолита. Нет сомнения в том, что и конкретные материалы и новые направления методологического поиска английских коллег представляют большой интерес для отечественных исследователей. В свою очередь, упоминавшийся глобальный интерес, свойственный британской доисторической археологии, неизбежно привлекает внимание английских исследователей к богатейшим материалам по древнекаменному веку России и смежных территорий. Таким образом, перспективы сотрудничества наших национальных школ изучения первобытности представляются многообещающими.

Bailey, G. N. (Ed.) 1983. Hunter-gatherer economy in prehistory. Cambridge: Cambridge University Press.

Barton, R. N. E. 1991. Technological innovation and continuity at the end of the Pleistocene in Britain // The Late Glacial in North-West Europe. Council for British Archaeology Research Report 77: 234-245.

Barton, R. N. E., A. J. Roberts. 1996. Reviewing the British Late Upper Palaeolithic: new evidence in the Late Glacial record // Oxford Journal of Archaeology 15/3: 245-266.

Bergman, C. A., M. B. Roberts. 1988. Flaking technology at the Acheulian site of Boxgrove, West Sussex // Revue archéologique de Picardie 1-2: 105-113.

- Boyle, K. V. 1990. Upper Palaeolithic faunas from South-West France. A zoogeographical perspective. *British Archaeological Reports International series* 557.
- Campbell, J. B. 1977. *The Upper Palaeolithic of Britain. A study of Man and nature in the Late Ice Age 1-2*. Oxford: Clarendon Press.
- Collins, D. 1986. *Palaeolithic Europe. A theoretical and systematic study*. London: Clayhanger Books.
- Dennell, R. 1985. *European economic prehistory. A new approach*. London: Academic Press.
1990. Progressive gradualism, imperialism and academic fashion: Lower Palaeolithic archaeology in the 20th century // *Antiquity* 64/239: 549-558.
- Gamble, C. 1982. *The Palaeolithic settlement of Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
1993. *Timewalkers. The prehistory of global colonisation*. Avon: Alan Sutton.
- Gowlett, J. 1984. *Ascent to civilisation: the archaeology of early man*. Leicester: Galley Press.
- Gowlett, J., R. E. M. Hedges (Eds.) 1986. *Archaeological results from accelerator dating*. Oxford: Oxford University Press.
- Hodder, I. 1993. Changing configurations: the relationships between theory and practice // *Archaeological resource management in the United Kingdom*. Phoenix Mill: Alan Sutton: 11-18.
- Hudson, K. 1981. *A social history of archaeology. The British experience*. London: The McMillan Press.
- Hunter, J., I. Ralston (Eds.) 1993. *Archaeological resource management in the United Kingdom*. Phoenix Mill: Alan Sutton.
- Jacobi, R. 1991. The Creswellian, Creswell and Cheddar // *The Late Glacial in North-West Europe*. Council for British Archaeology Research Report 77: 128-140.
- Masson S., J. Hather, G. Hillman. 1994. Preliminary investigation of the plant macro-remains from Dolni Vestonice and its implications for the role of plant foods in Palaeolithic and Mesolithic Europe // *Antiquity* 68/258: 48-57.
- Mellars, P. 1996. *The Neanderthal legacy. An archaeological perspective from Western Europe*. Princeton: Princeton University Press.
- Roe, D. 1970. *Prehistory: an introduction*. London: The McMillan Press.
1981. *The Lower and Middle Palaeolithic periods in Britain*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Smith, C. 1992. *Late Stone Age hunters of the British Isles*. London-New York: Routledge.
- Trigger, B. C. 1994. The coming of age of the history of archaeology // *Journal of archaeological research* 2/1: 113-136.
- Wymer, J. 1982. *The Palaeolithic Age*. London: Croom Helm.
1986. Overview: recent trends in British Palaeolithic studies // *The Palaeolithic of Britain and its nearest neighbours: recent trends*. Sheffield: University of Sheffield: 103-106.

CONTEMPORARY BRITISH PALAEOLITHIC ARCHAEOLOGY: AN OVERVIEW

S. A. VASIL'YEV

The paper provides a review of current situation in British Palaeolithic archaeology, its organizational structure, recent developments and trends in theory and method. Particular emphasize has been placed on structure of the British Palaeolithic record. The problem of

explanation of variability in palaeolithic industries has been the focus of attention in contemporary prehistory. It can be said with confidence that our two schools of prehistoric research could largely benefit from the development of interchanges and co-operation.

ХІІІ КОНГРЕСС МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ДОИСТОРИЧЕСКИХ И ПРОТОИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В ИТАЛИИ

(Италия, Форли, 8-14 сентября 1996 г.)

С 8 по 14 сентября 1996 г. в г. Форли (Италия) состоялся очередной Конгресс Международного Союза доисторических и протоисторических наук. В течение трех лет итальянские коллеги занимались подготовкой этого представительного форума. Будущие участники были заранее ознакомлены с материалами конференции, изданными в 6 выпусках бюллетеня Конгресса. Проходивший под председательством проф. К. Перетто Конгресс собрал во Дворце выставок Форли около 2 тыс. археологов из различных стран мира. Делегация российских специалистов включала и сотрудников ИИМК РАН (Г. В. Григорьева, Л. В. Голованова, В. А. Горончаровский и автор).

Работа Конгресса была организована в 18 секциях (тематика которых охватывала все разделы археологии от древнейших олдзувских индустрий до средневековья), 37 коллоквиумах (посвященных отдельным дискуссионным вопросам в пределах тематики соответствующих секций) и 23 специализированных семинарах (так называемых «мастерских» — workshops; принцип организации последних мало отличался от коллоквиумов). Один из дней работы Конгресса был отведен на экскурсию с посещением археологических памятников Средней и Северной Италии.

Каждый из участников Конгресса получил, помимо двухтомного сборника тезисов докладов, 16 книг, содержащих полные тексты выступлений на коллоквиумах и 12 прекрасно изданных иллюстрированных путеводителей экскурсий, охватывавших все основные регионы Италии. Были вручены также тома трудов конференций по сотрудничеству европейских университетов в области археологии, археологическим музеям и проблемам реконструкции древнейших этапов истории человека, состоявшихся перед началом Конгресса. В настоящее время

выходит в свет полное издание докладов Конгресса.

Здесь же, во Дворце выставок, был развернут ряд экспозиций под общим названием «Архео-экспо-96». Были широко представлены древности Италии и современные методы показа их в музеях, археологические издания. Особое внимание привлекала экспозиция, демонстрирующая возможности новейших компьютерных и аудиовизуальных методов. Имелись даже выставки почтовых марок с археологическими сюжетами и специальная площадка, представлявшая темы жизни древнего человека для детской аудитории. Выставки, посвященные Конгрессу, проходили в те дни в Форли и ряде окрестных городов; в Форли состоялся фестиваль научно-популярных фильмов по археологии и серия лекций для широкой публики, прочитанных ведущими археологами мира.

Не имея возможности осветить все стороны деятельности столь внушительного научного форума, кратко остановлюсь на палеолитической тематике. Здесь, помимо хозяев Конгресса, тон задавали французские археологи, преимущественно из числа специалистов, связанных с Институтом палеонтологии человека и Музеем человека, а также рядом региональных центров. Было много участников из США, Канады и некоторых европейских стран. В то же время делегации Англии и Германии были явно малочисленны, а такие активные ныне школы внеевропейского палеолитоведения как японская, китайская, корейская, индийская, австралийская оказались практически не представленными на Конгрессе. Подобный состав участников обусловил как определенный крен в сторону «традиционной» стратиграфо-типологической направленности дискуссий, так и некоторую ограниченность пространственного охвата (абсолютное большинство докладов

затрагивало европейскую территорию, в меньшей степени Африку и Ближний Восток; палеолиту же Азии, Америки и Австралии были посвящены единичные выступления).

Вопросы исследования древнего каменного века рассматривались в ходе заседаний секций «Археометрия», «Палеоэкология», «Первые люди и их культура», «Нижний и средний палеолит», «Верхний палеолит», «Искусство палеолита и мезолита». Отметим следующие коллоквиумы: «Эволюционные особенности древнейших гоминид и филогенетические отношения австралопитековых и рода *Homo*», «Каменные индустрии, язык и общественное поведение у древнейших людей», «Человеческое поведение и огонь в археологии», «Происхождение современного человека», «Поздний ориньяк», «Происхождение граветта», «Проблема перехода от палеолитического к мезолитическому искусству», «Общие черты и региональные особенности в доисторическом искусстве». О широте и разнообразии деятельности Конгресса свидетельствуют темы семинаров: «Новые методы анализа костяных индустрий нижнего и среднего палеолита», «Системы расселения в среднем палеолите и среднем каменном

веке», «Человек и вулканы в доистории», «Технология камня: операционные цепочки от добычи сырья до производства орудий», «Ка Бельведере: первые обитатели области Эмилия-Романья», «Северная Африка до становления производящего хозяйства», «Функциональный анализ изделий из камня», «Археолого-палеонтологические местонахождения в Сьерра де Атапуэрке (Испания)», «Череп человека среднего плейстоцена из Кампо Гранд ди Сепрано».

Из перечисленного выделяю лишь привлеченный всеобщее внимание семинар «Происхождение современного человека», где ведущие специалисты в данной области (Д. Кларк, Ж. Ф. Риго, О. Бар-Йозеф, П. Мелларс, Я. Козловский, А. Брельо и др.) представили широкую панораму современных сведений относительно африканской прародины *Homo Sapiens*, времени и путей его расселения на Ближнем Востоке и в Европе.

Успешное проведение Конгресса убедительно показало, что старейшая из международных организаций археологов продолжает и в наше время играть роль основного центра исследовательской деятельности и кооперации ученых разных стран мира.

С. А. Васильев

Россия, Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН,

Отдел палеолита.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ В ПУШКИНСКИХ ГОРАХ

(Пушкинские горы, 11-14 мая 1999 г.)

11-14 мая 1999 г. в Пушкинских горах (Псковская обл.) состоялся международный научный симпозиум «Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары». В нем приняли участие ученые и музейные работники Санкт-Петербурга, Москвы, Пскова, Казани, Пушкинских гор, музейных и научных центров Финляндии. Особо следует отметить участие в проведении симпозиума мэра Казани К. Ш. Исхакова, представителей Постоянного представительства Татарстана в Санкт-Петербурге, директора Псковского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника О. К. Волочковой, директора Информационного бюро Совета Министров Северных стран А. Хедмана. Симпозиум был

организован Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук, Государственным историко-литературным и природно-ландшафтным музеем-заповедником А. С. Пушкина, Администрацией г. Казани, Казанским Советом народных депутатов, Институтом истории Академии Наук Татарстана, Музейным ведомством Финляндии, Институтом Финляндии в Санкт-Петербурге. Финансовую поддержку проведению симпозиума оказал Российский гуманитарный научный фонд.

Международный научный симпозиум в Пушкинских горах наследует традиции встреч археологов СССР и Финляндии, посвященных рассмотрению ключевых проблем археологии, истории и культуры Восточной и Северной

Европы. Первая из них состоялась в Ленинграде в 1976 г. Тогда в СССР и в Финляндии в рамках Советско-финляндского комитета по научно-техническому сотрудничеству, плодотворно начала действовать Смешанная рабочая группа по научному сотрудничеству в области археологии, опиравшаяся на государственную поддержку обеих стран. Расширение контактов советских и финляндских археологов было обусловлено коренными потребностями развития исторической науки. Следует сразу отметить широту и разнообразие научных начинаний Смешанной рабочей группы – проведение симпозиумов, научный обмен, участие в раскопках другой стороны, подготовка коллективных трудов, обмен литературой и др. Состоявшиеся за эти годы десять симпозиумов были посвящены фундаментальным проблемам археологической и исторической наук и охватывали тематику, связанную с изучением неолита, бронзового и раннего железного века, а также средневековья.

В результате совместных усилий ученых России и Финляндии была создана целая библиотека актуальных изданий, посвященных культурному и научному наследию славян, финнов и других народов Евразии. Сотрудничество с финляндскими археологами продолжается несмотря на прекращение деятельности Смешанной рабочей группы по сотрудничеству и отсутствию государственного финансирования такого рода контактов. Теперь мы ищем нетрадиционные пути совместной научно-организационной деятельности, стремясь вынести на обсуждение на научных встречах комплексные проблемы, которые будут интересны для ученых и музейных работников, представителей общественности разных стран и регионов России.

Касаясь симпозиума, прошедшего в Пушкинских горах, нельзя не отметить выступления на нем псковских археологов, ведущих активную исследовательскую и музейную работу в Пскове и в области. Представительным было участие ученых Татарстана, где резко возрос интерес к истории и где государственная власть активно помогает развитию науки и музеев.

В программу симпозиума входило посещение его участниками Старой Ладogi, городища Городец на р. Луге и археологического комплекса у д. Которск, осмотр крепости Велье и археологических памятников Пушкиногорского музея-заповедника, знакомство с древностями Пскова и Изборска.

Начало работы симпозиума предварили выступления его организаторов, которые отметили бессмертное значение А. С. Пушкина для культурного наследия человечества (Г. Н. Василевич), подчеркивали важность объединенных

усилий ученых разных стран и их кооперации в изучении историко-археологических проблем Восточной и Северной Европы (А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов), обратили внимание на работу Псковского музея-заповедника и археологов г. Пскова (О. К. Волочкова) и охарактеризовали деятельность Совета Министров Северных стран по отношению к России (А. Хедман).

Сделанные на заседаниях доклады отличаются широтой охвата исторического материала. Они публикуются в сборнике поименованном по названию симпозиума, который выходит в свет в 2000 г. Это позволяет не характеризовать каждый доклад в отдельности, а объединить их в несколько взаимосвязанных блоков.

Тематика, посвященная археологии и истории Северной Руси, была развернута в выступлениях о типологии раннесредневековых городов (Е. Н. Носов, здесь и далее указаны авторы докладов), истории христианства в Водской земле (Е. А. Рябинин), о раскопках поселений у д. Городище на р. Сяси (О. И. Богуславский; О. А. Щеглова), у д. Манино на Кубенском озере (Н. А. Макаров и С. Д. Захаров) и в устье р. Охты (П. Е. Сорокин).

Культурно-исторические и лингвистические контакты народов Восточной Европы освещались в докладах об эстах в связи с Русью (В. В. Седов), об этнической атрибуции подвесок с изображениями головок быка (Н. В. Хвошинская), о взаимоотношениях финно-угров, балтов и славян по археологическим данным (К. Карпелан), о славянских заимствованиях в финском языке (П. Уйно).

Древности Пскова и его земли, включая Пушкиногорский край, были темой докладов об исследовании культур псковских длинных курганов (С. В. Степанов), об археологических памятниках и каменных крестах Пушкиногорского музея-заповедника (В. Д. Белецкий; М. Е. Васильев) и крепости древнего Велья (А. Н. Кирпичников). Далее следует назвать такие сюжеты как: технологические традиции в ювелирном деле средневекового Пскова (Э. В. Королева), изучение могильника на Завеличье в Пскове (Т. Е. Ершова), формирование уезда Воронича (Б. Н. Харлашев), техника рыболовства жителей Изборского городища (Е. В. Салмина), раскопки погребений округа Изборска (Л. Е. Грушина).

Компактная группа докладов касалась археологии и истории среднего Поволжья: «К вопросу о возникновении Казани как одного из центров международной торговли на средней Волге (конец X – начало XIII вв.)» (Ф. Ш. Хузин); «Бальмерский могильник и его историко-культурное значение» (И. Л. Измайлов); «Измери – главный торговый пункт Волжской

Булгарии (конец X — XI вв.)» (Е. П. Казаков); «Международные связи Волжской Булгарии по материалам стеклоделия» (С. И. Вавиулина).

Проблемы неолита и раннего металла освещались в докладах об исследованиях поселения эпохи раннего металла Шкурина Горка Ленинградской области (В. И. Тимофеев); о финско-балтийских контактах в каменном веке (Ю. Луото), о социальной и хозяйственной структуре субнеолитических коллективов бассейнов Онежского озера и Саймы (Т. Карьялайнен), о керамике Сарасниemi I (М. Торвинен).

В целом, проведенный симпозиум отличался высокой научной результативностью и показал плодотворность научных свершений, если они выполняются международными усилиями специалистов. Мы глубоко благодарны

директору Пушкиногорского музея-заповедника Г. Н. Василевичу и всем сотрудникам музея за сердечное гостеприимство, которое было оказано участникам симпозиума в очень напряженный для музея период подготовки к празднованию 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина.

Участники симпозиума в принятом решении рекомендовали провести очередную международную встречу археологов в России или в Финляндии в 2002 г. и тем самым продолжить теперь уже многолетнюю традицию научного сотрудничества, заложенную 23 года назад. Было бы целесообразным расширить круг участников очередной встречи, привлекая для обсуждения ключевых проблем специалистов-археологов разных государств и разных научных центров России.

А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов
Россия, Санкт-Петербург.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Отдел славяно-финской археологии.*

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН: ГРЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НА ПЕРИФЕРИИ АНТИЧНОГО МИРА»

(Санкт-Петербург, 15-17 декабря 1999 г.)

15-17 декабря 1999 г. в Санкт-Петербурге прошла конференция «Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира». Ее организаторами выступили Государственный Музей Истории Религии и Институт Истории материальной культуры РАН. Она была задумана как продолжение конференции «Боспорское царство как историко-культурный феномен», проведенной год назад в декабре 1998 г. в помещении Казанского собора усилиями коллег из Музея истории религии. Это скромное по числу участников собрание прошло тогда на достаточно высоком научном и организационном уровне и было встречено с большим энтузиазмом в среде отечественных антиковедов. Стала совершенно очевидной необходимость проведения ежегодных конференций, во время которых специалисты могли бы обсудить вопросы, связанные с историей и культурой такого сложного и своеобразного образования, каким являлось Боспорское государство, обменяться мнениями, получить

информацию о новых археологических открытиях. Было решено тогда регулярно проводить в Санкт-Петербурге подобные научные собрания, посвященные основным проблемам исследования Боспорского региона.

Благодаря поддержке «Центра исследования и развития греческой культуры Причерноморья» (Салоники, Греция), конференцию «Боспорский феномен» (вторую «Боспорскую») в 1999 г. удалось запланировать и провести более масштабно, привлечь к участию многих ведущих ученых-античников. Представители этой организации не только оказали содействие в подготовительной работе, но и прислали в Санкт-Петербург делегацию, состоящую из ученых и общественных деятелей, возглавляемую президентом «Центра» г-жой Хриси Арапоглу. При содействии «Центра» стало возможным и своевременное издание материалов конференции (24 а. л.).

Конференция была посвящена 225-летию со дня рождения П. Дюбрюкса, с именем

которого связаны первые научные исследования многих античных археологических памятников Керчи и ее окрестностей. В работе конференции приняли участие историки и археологи, ведущие специалисты в области изучения культурного наследия античной Эллады из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Киева, Симферополя, Керчи, Тбилиси и других городов.

Торжественное открытие конференции «Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира» состоялось в новом помещении Музея Истории религии на ул. Почтамтская 14. В нем приняли участие более 100 человек; присутствовали представители прессы и телевидения. С приветственным словом выступил директор ИИМК РАН д.и.н. Е. Н. Носов. Г-жа Х. Арапоглу от имени греческой делегации также приветствовала собравшихся и выступила с сообщением об основных направлениях деятельности «Центра» в Салониках. Сотрудница археологического Музея в Салониках Б. Цигарида познакомила присутствующих с находками золотых ювелирных изделий из погребений Македонии, сравнив их с изделиями, обнаруженными при раскопках Боспорских некрополей.

Научные доклады, с которыми выступили участники конференции, были объединены в рамках 4 основных направлений, получивших названия «История изучения Боспора», «Греки на Боспоре», «Греческая культура и варварский мир» и «Понт Эвксинский: исследования памятников античного времени и раннего средневековья».

В первый раздел были включены «мемориальные» доклады, большинство которых были посвящены жизни и деятельности П. Дюбрюкса. С развернутым и интересным сообщением «О судьбе рукописного наследия Павла Дюбрюкса» выступила И. В. Тункина (СПб). Доклад Е. В. Власовой (СПб), также основанный на архивных изысканиях, касался археологических исследований П. Дюбрюкса в Керчи. Доклады В. П. Толстикова (Москва), Е. А. Молева (Н. Новгород) были посвящены планам отдельных городов Боспора, составленным П. Дюбрюксом. Доклад Л. М. Лазенковой (Керчь) познакомил присутствующих с историей создания Керченского археологического музея (1826 г.), в числе основателей которого был и П. Дюбрюкс. Интерес собравшихся вызвало и сообщение В. Ю. Зуева (СПб), познакомившего исследователей с неизвестным очерком М. И. Ростовцева «Пантикапей».

Раздел «Греки на Боспоре» включал серию докладов, посвященных самым разным аспектам развития античной культуры на территории Европейского и Азиатского Боспора. К сожалению,

лишь в одном сообщении Н. Ф. Федосеева (Керчь) была предпринята попытка понять, в чем же, собственно, заключается «феномен Боспора», этого уникального политического образования, возникшего в V в. до н.э. на периферии античного мира. Остальные доклады, в числе которых было много ярких и интересных сообщений, были посвящены анализу античных письменных источников, итогам археологического изучения греческих памятников Боспора, шедеврам античного искусства, особенностям религиозной жизни греческих переселенцев.

В рамках раздела «Греческая культура и варварский мир» прозвучали доклады, затрагивающие проблемы взаимодействия античной и варварской культур на территории Боспора. Как и в предыдущей секции, были представлены как сообщения о новейших археологических открытиях, связанных с темой «греки и варвары», так и большие обобщающие работы. В числе первых особый интерес вызвали доклады О. Ю. Соколовой и Н. А. Павличенко (СПб) о новом погребении V в. до н.э., раскрытом в прошедшем сезоне на некрополе Нимфея, Ю. П. Зайцева (Симферополь), посвященный находке нового эпитафического памятника на Неаполе Скифском. К обобщающим докладам, в процессе которых рассматривался целый блок проблем, можно отнести сообщение Е. А. Савостиной (Москва) «Греческая торевтика на «скифские» темы: заметки о стиле скульптурного декора», И. С. Каменецкого (Москва) «Греки и меоты», Н. Н. Болгова (Белгород) «Поздний Боспор и варварские королевства как политический феномен переходной эпохи (V-VI вв. н.э.)».

Раздел «Понт Эвксинский: исследования памятников античного времени и раннего средневековья» объединил доклады, затрагивающие проблему воздействия античных импульсов в широком понимании этого слова на самые разные сферы материальной и духовной жизни Северного Причерноморья. Эти импульсы прослеживаются, начиная с доколониационного времени вплоть до эпохи средневековья. Одному из свидетельств ранних связей региона с античным миром был посвящен доклад Н. Сулава (Тбилиси) «Фибула a novicella, найденная на Черноморском побережье Грузии». Среди сообщений, затрагивающих проблемы духовной жизни местного населения, особый интерес вызвали доклад С. И. Кошаева и Н. В. Кашовской о находках надгробных плит с иудейскими символами близ ст. Выше-стеблеевская на Тамани, обнаруженные в процессе работы Боспорской экспедиции ИИМК в 1999 г. и обобщающее сообщение В. Ю. Юрочкина (Симферополь) «Боспор и православное начало у готов».

На закрытии конференции, состоявшемся в теплой, дружеской обстановке, подводя итоги научной дискуссии, многие участники отметили высокий научный уровень прослушанных выступлений. Неоднократно звучали и пожелания в адрес Организационного комитета проводить «Боспорские конференции» ежегодно.

Действительно, опыт проведения конференции 1999 г. еще раз показал необходимость масштабных регулярных научных собраний

ученых-антиковедов, которые давали бы возможность встретиться и обменяться мнениями по широкому спектру проблем, связанных с развитием греческой культуры на территории Боспорского региона. Вполне закономерно, что инициатива проведения подобных конференций принадлежит исследовательским учреждениям Санкт-Петербурга, города, исторически являющимся традиционным центром изучения античного Боспора.

М. Ю. Вахтина

Россия, Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН

Отдел истории античной культуры

В. А. Хршановский

Россия, Санкт-Петербург.

Государственный музей истории религии.

П. И. КЁППЕН КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ОЛЬВИИ (становление археолога)¹

И. В. ТУНКИНА²

Ученый-энциклопедист академик П. И. Кёппен (1793-1864) занимает особое место в истории русской науки и просвещения. Юрист по образованию, но по своим научным интересам скорее историк, археолог, археограф, этнограф, филолог, географ, статистик, библиограф, П. И. Кёппен оставил заметный след в истории отечественной археологии того начального периода, когда еще только закладывались основы этой области научного знания, когда определялись цели, задачи и методы полевой и кабинетной работы. Становление П. И. Кёппена как археолога относится к начальному этапу его научной биографии и связано с изучением им античных памятников Северного Причерноморья, главным образом Ольвии, а также Крыма и Таманского полуострова.

Петр Иванович Кёппен родился в Харькове 19 февраля 1793 г. (ст. ст.) в семье немецкого врача. Его отец Иван Иванович Кёппен (Johann Friedrich Körpen, 1752-1808), уроженец г. Шведта (Бранденбург), был лейб-хирургом при дворе Гессен-Кассельской ландграфини Филиппины, супруги Фридриха II. В 1786 г. он входил в группу врачей, вызванных императрицей Екатериной II на службу в Россию, и был назначен заведующим медицинской частью в Харьковской губернии. В 1790 г. доктор медицины и хирургии И. Ф. Кёппен женился на Каролине Ивановне Шульц (Caroline Friederike Schulz, 1772-1851), дочери директора учебного заведения для дворян в Харькове И. П. Шульца. От этого брака родилось 11 детей — 5 сыновей и 6 дочерей, двое из которых умерли в младенчестве (Кёппен 1911).

Получив хорошее домашнее образование и продолжив его в Харьковской гимназии (1805-1808), П. И. Кёппен из-за стесненного материального положения семьи вынужден был поступить на службу и стал подканцеляристом

в чертежной при Слободско-Украинском губернском правлении, где занимался под руководством землемеров межеванием и снятием планов (1806-1809). Приобретенные здесь технические навыки и сведения впоследствии сослужили ему хорошую службу при топографических и картографических работах. Одновременно с 1808 г. П. И. Кёппен посещал подготовительные классы для студентов Харьковского университета, куда он в следующем году был принят студентом, а в 1810 г. оставил службу в чертежной и полностью посвятил себя учебе. В 1812 г. юноша закончил университет со степенью кандидата, и уже через полтора года в 1814 г. получил степень магистра правоведения.

Еще в студенческие годы, в летнее каникулярное время, П. И. Кёппен начал объезды различных мест южной России, причем страсть к путешествиям и новым впечатлениям сохранил до конца жизни. Так, в 1810 г. он посетил Одессу, Екатеринослав, Елизаветград, Николаев, Кременчуг, Полтаву, в 1811 г. — Изюм, Купянск, Чугуев, в 1812 г. — Умань и Полтаву, в 1813 г. — селения Валки и Ахтырку.

Летом 1814 г. Петр Иванович переехал в Петербург и поселился у мужа своей тети Н. М. Яновского, начальника отделения в почтовом департаменте. По протекции родственника молодой человек получил место канцеляриста в том же ведомстве (1814-1821). Благодаря близости с бывшим профессором политической экономии Харьковского университета Л. Г. Якобом (Ludwig Heinrich von Jakob, 1759-1826) и известным ученым, членом-корреспондентом Имп. АН Ф. П. Аделунгом (Friedrich Adelong, 1768-1843), на единственной дочери которого Александре Федоровне он женился в 1830 г., П. И. Кёппен поразительно быстро установил тесный контакт с научно-литературной элитой Петербурга (Тункина 1987)

¹Исследование проведено при финансовой поддержке РФНФ (проект № 96-01-00236) и РФФИ (проект № 97-06-80371).

²Россия. 199034. Санкт-Петербург. Университетская наб., 1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

и в 1816 г. вошел в число действительных членов Вольного общества любителей российской словесности, а в 1817 г. был избран членом-секретарем Имп. Человеколюбивого общества. Вероятно, в это же время он познакомился с академиком-антиковедом Е. Е. Кёлером (Heinrich Karl Ernst Köhler, 1765-1838), совершившим в 1804 и 1821 гг. две специальные археологические поездки по Северному Причерноморью.

В 1815 и 1817 г. П. И. Кёппену удалось побывать в родном Харькове, причем в 1817 г. он посетил также Киев, Одессу, Овидиополь, впервые заехал на городище Ольвия под Николаевым, и именно тогда задумал снять его инструментальный план. Локализация древнегреческой Ольвии на городище близ села Ильинского (Парутина) стала общеизвестной лишь с конца XVIII — начала XIX вв. (Тункина 1994).

Круг лиц, занимавшихся исследованием отечественных древностей, был в то время весьма ограничен. Опубликовав в 1818 г. компилятивное сочинение по материалам книги «Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands von A. C. Lehrberg» (СПб., 1816) (Кёппен 1818), Петр Иванович обратил на себя внимание известного мецената, государственного канцлера графа Н. П. Румянцева (1754-1825), который выразил желание познакомиться с автором и привлек молодого человека к делам своего известного кружка (Козлов 1985). Именно Румянцев познакомил Кёппена с министром внутренних дел О. П. Козодавлевым, в подчинении которого находилось почтовое ведомство, благодаря чему молодой человек получил место чиновника особых поручений при министре и в 1819 г. был назначен вторым редактором (по другим данным — переводчиком) министерской газеты «Северная почта».

В 1819 г. О. П. Козодавлев поручил П. И. Кёппену провести ревизию почтовых станций по Белорусскому тракту до Крыма и Кавказа, и обратно. Кёппен воспользовался поездкой для собирания сведений о древностях южных губерний для Н. П. Румянцева, в том числе об археологических памятниках побережья Черного моря. По итогам поездки 7 января 1820 г. он составил для графа «Краткую заметку о поездке к Кавказу и в Крым» (см. приложение 2). Проезжая через Псков в мае 1819 г., Кёппен познакомился с известным в свое время историком и археографом архиепископом Евгением (Болховитиновым), впоследствии митрополитом Киевским (ПФА РАН 3: 11 об.—12). Путь Кёппена лежал через имение графа И. А. Кушелева-Безбородко Стольное в Черниговской губ., где он занялся копированием вывезенных сюда по приказу владельца Ильинского ольвийских надписей и других эпиграфических памятников Причерноморья.

Проехав через Харьков, Ростов на Дону и Таманский полуостров, Кёппен впервые оказался в Крыму, поразившем его своими красотами и разнообразием памятников многих исторических эпох. Таврида настолько пленила Петра Ивановича, что впоследствии он решил связать с ней вторую половину жизни: здесь в 1864 г., в своем имении Карабах, ученый скончался.

В Керчи в 1819 г. П. И. Кёппен встретился с основоположником боспорской полевой археологии Полем Дюбрюксом и ознакомился с методикой раскопок античных памятников, в Феодосии познакомился с основателем местного городского музея древностей, бывшим градоначальником С. М. Броневским и составил подробную опись местного собрания. Затем, через Херсон и Николаев он доехал до села Ильинского на правом берегу Бугского лимана. У урочища Сто могил Петр Иванович вновь осмотрел следы древней Ольвии и 26 октября 1819 г. с помощью астролябии снял план ее укреплений. При съемке инструментального плана цитадели Ольвии Кёппену пригодились практические навыки и знания, приобретенные в Харьковской губернской чертежной.

После посещения Крыма Кёппен отправился в Одессу, где познакомился с известным одесским антикварием, впоследствии членом-корреспондентом Берлинской АН (1830) И. П. Бларамбергом (Jean de Blaramberg, 1772-1832), осмотрел его знаменитый кабинет древностей и скопировал ряд ольвийских надписей. И. П. Бларамберг обратил внимание на ольвийские памятники еще в начале 1810-х гг. За многие годы он собрал значительную коллекцию древностей, куда вошли лапидарные памятники, круглая и рельефная скульптура, керамика, мелкая пластика, амфорные ручки с клеймами, изделия из металла, украшения, богатейшее собрание ольвийских монет (не менее 600 экз.) и монет других городов, найденных в Ольвии, которое собиратель называл «нумизматическим периплом Понта Эвксинского» (Тункина 1995: 66-67). Одним из источников поступления новых памятников в коллекцию Бларамберга стали его раскопки на городище и некрополе. Точных сведений о них мы не имеем. А. А. Скальковский, говоря о посещении великим князем Николаем Павловичем (будущим императором Николаем I) Новороссийского края в 1816 г., писал, что последний приехал на развалины Ольвии и «присутствовал при разрытии многих курганов», а найденную серебряную «медаль» подарил Бларамбергу «в знак уважения к его археологическим трудам в этой местности» (Скальковский 1838: 254). Поэт К. Н. Батюшков в письме от 19 октября 1818 г. уговаривал Н. П. Румянцева приобрести коллекцию Бларамберга: «Я с моей

стороны священным долгом почел уведомить вас о сем собрании, которое, легко может стать, перейдет в руки поляков или англичан, ибо г. Бларамберг, по напечатании каталогов, намеревается продать свой кабинет. В бытность мою в Одессе его уже торговали» (Батюшков 1989: 518). К счастью большая часть этого археологического собрания впоследствии поступила в основанный в 1825 г. Одесский городской музей древностей.

На обратном пути из Одессы, остановившись в родном Харькове, П. И. Кёппен занялся сбором сведений о древней Ольвии и написал большую статью о ней «Ольвия. Древний город на реке Буге» (Тункина 1991: 98-99). Приложив к исследованию план городища и его окрестностей, автор отправил работу на отзывы архиепископу Евгению Болховитинову, который сообщил Петру Ивановичу свои замечания (Мурзакевич 1872: 404-411; ИР ЦНБ 1: 1-7), а также непременно секретарю Имп. АН П. Н. Фусу и своему будущему тестю акад. Ф. П. Аделунгу (ИР ЦНБ 1: 10-11).

В литературе прочно утвердилось ошибочное мнение, что работа П. И. Кёппена об Ольвии или не была написана вообще (Латышев 1887: VII; Славин 1960: 48), или просто до нас не дошла (Карасев 1956: 12). Однако это не так. Нескольким спискам не вполне завершенного исследования П. И. Кёппена «Ольвия. Древний город на реке Буге», написанного автором в 1819-1820 гг., обнаружены в архивах Санкт-Петербурга и Киева (Тункина 1991: 98-99). Свое исследование об Ольвии П. И. Кёппен планировал напечатать за счет графа Н. П. Румянцева, который не без влияния одесских антиквариетов И. П. Бларамберга и И. А. Стемповского заинтересовался причерноморскими древностями и стал их коллекционировать. Очерк должен был дополняться большим количеством иллюстраций — карт, рисунков надписей и барельефов, без чего он, по словам Кёппена, не мог быть удовлетворительным. Однако по определенным причинам работа осталась неизданной.

Тех, кто знаком с материалами личного архива Кёппена, не может не поразить удивительная разносторонность его трудов, феноменальное трудолюбие, тщательность и скрупулезность в научной работе (Маркевич 1893; 1914). Свои бумаги Кёппен завещал Академии наук, благодаря чему в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранилось пять черновых редакций очерка об Ольвии (ПФА РАН 1), включающий план его содержания и перечень 16-ти приложений (ПФА РАН 1: 7-7 об.). Рукописный «Ольвийский сборник» П. И. Кёппена, по желанию ученого, был передан в архив Одесского общества истории и древностей, с момента

основания в 1839 г. обратившего внимание на древности Ольвии. Значительная часть архива этого общества, вывезенная во время Второй мировой войны из Одессы в Румынию, впоследствии оказалась в Киеве, в Институте рукописей Центральной научной библиотеки им. В. И. Вернадского Национальной Академии наук Украины. Там и хранится ныне еще одна рукопись исследования, составляющая центральную часть «Ольвийского сборника» (ИР ЦНБ 1: 21-109).

Обширная статья (по современным меркам скорее монография) П. И. Кёппена об Ольвии состоит из 14 глав. На одной из редакций работы сохранилось любопытное примечание автора: «По новости предмета нельзя было не войти в подробности, которые в противном случае могли бы оставаться неприкосновенными... Каждая из первых 13 глав имеет быть почитаемая особым исследованием, а последняя 14-я содержать будет краткую историю Ольвии, основанную на предшествовавших разысканиях» (ИР ЦНБ 1: 22). Кратко остановимся на характеристике каждой из 14 глав. Первая глава — «О греках, обитавших на берегах Черного моря» — является своего рода введением к исследованию об Ольвии. Анализируя античную письменную традицию о Причерноморье, Кёппен приходит к выводу о торговом характере греческой колонизации берегов Понта Эвксинского и ведущей роли Милета в этом процессе. Вторая глава — «О времени основания Ольвии» (в более ранней редакции — «Происхождение Ольвии» с добавлением «Кем могла быть основана Ольвия»), третья — «О местоположении Ольвии» (в другой редакции: гл. 4 — «Местоположение Ольвии») и четвертая «О разных названиях Ольвии» (в другой редакции: гл. 3 — «Название оной») посвящены вопросу о названии города и привязке памятника к современной карте (см. приложение 3). Время основания Ольвии, согласно Скимну и периплу Анонима, Кёппен относит примерно к 655 г. до н. э. Ученый придерживался точки зрения, высказанной французским антиквариетом, действительным членом Парижской Академии надписей Д. Рауль-Рошеттом (Désiré Raoul-Rochette, 1789-1854) в его «Критической истории основания греческих колоний» (1815) о двух разных городах — Борисфене и Ольвии. Упомянувшиеся в письменной традиции разные названия полиса П. И. Кёппен принял за разные города. Согласно его ошибочному предположению, Ольвия существовала гораздо раньше своей метрополии Милета и была основана гелонами, которые якобы являлись потомками древнейших греков, обитавших на берегах Черного моря, от Кавказа переселившихся на запад и потом уже распространившихся

по территории Греции. Эти фантастические исторические построения не выдерживают критики: их ошибочность была отмечена уже современниками Кёппена.

Касаясь вопроса о локализации древнегреческого города Ольвии, Кёппен рассматривает гипотезы ученых XVIII — начала XIX вв. На одной из карт акад. Г. З. Байера Ольвия была показана около Берислава на правом берегу Днепра, на месте Очакова или в очаковских степях её помещали Рамбах и Фишер, Герен локализовал ее на месте Херсона и т. п. «Ученые только в наше время удостоверились, — писал Кёппен, — что Ольвия находилась на правом берегу Буга... близ с. Парутино, теперь по прежнему владельцу графу Илье Андреевичу Безбородко называемое Ильинским» (ПФА РАН 1: 40 об.-41). Пятая глава — «Пространство города» — посвящена подробному описанию городища: остатков укреплений, ворот, рвов, пристани, дорог, водостоков. Именно этот фрагмент был издан Н. Н. Мурзакевичем в примечаниях к статье «Митрополит Евгений и академик Кёппен» (Мурзакевич 1872: 405-407). В заключении главы Петр Иванович уточняет: «Но таковые топографические разыскания требуют, чтобы пожить в Ольвии большее время, я же имел случай посещать оную оба раза только на несколько дней» (ПФА РАН 1: 49 об.).

Шестая глава, носившая название «Могилы» или «Могилы в Ольвии (Урочище Сто могил)», не была завершена автором и оставлена в виде фрагмента «до времени» для доработки. Ее различные редакции существенно отличаются друг от друга. В одной Кёппен рассуждает о различных названиях (и их этимологии) погребальных сооружений, встречающихся в Европейской России, на Урале и в Сибири — курганах, могилах, жальниках и пр., т. е. по теме, которой впоследствии он посвятил ряд своих работ (Кёппен 1837: 27; 1908: 1-41; 1908а: 42-55). Лишь в одной из редакций упоминаются особо примечательные погребальные памятники Ольвии (см. приложение № 3), а именно нераскопанные курганы с крепидами и каменными склепами — курган над склепом Евресивия и Ареты и большой курган в северо-восточной части верхнего плато, которые отмечены Кёппеном на опубликованном плане.

Глава седьмая «Ближайшие окрестности города» посвящена описанию городищ и курганов, осмотренных Кёппеном при поездках по обеим берегам Бугского и Буго-Днепровского лиманов. Описание одной из поездок он собирался приложить к статье об Ольвии. Автор не сомневался, что жители полиса «поблизости оною могли иметь загородные свои дома. Может быть были тут и небольшие деревушки». В путевых записках и дневниках ученого

зафиксирована важная археологическая информация о поселениях ольвийской сельскохозяйственной периферии: планы, описания, сведения о случайных находках и размерах городищ и селищ (Станислав, Александровка, Скельки, Семенов Рог, Кисляковка, Чертоватое, Сарыкамьши, Корениха и др. — см. приложения 1-3), которые оставались доселе неизвестными специалистами (Фабрициус 1951; Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990). Восьмая глава «Дальние окрестности Ольвии. Скифия и соседственные страны» касается локализации упоминаемых в источниках скифских племен и интересна попыткой привязать античные гидронимы к современной автору карте.

Девятая глава (в киевской редакции фрагмент одиннадцатой главы) «О великолепных зданиях Ольвии» (другое название — «Славные здания Ольвии») посвящена анализу письменной традиции и эпиграфических памятников, упоминавших о зданиях, существовавших в древнегреческом городе. Среди них Кёппен перечисляет дворец Скила (Herod., IV, 78-80), храмы Зевса, Аполлона, Асклепия, гимнасий, две башни цитадели на территории города и храм Деметры на Гипполаевом мысу.

В десятой главе «Искусства и художества, процветавшие в Ольвии» и в одиннадцатой «О надписях, на камнях иссеченных» автор рассматривает 28 барельефов, статуй, надгробий, ряд лапидарных памятников из различных собраний, приводя при этом подробные сведения о местах их находок. Позднее эти материалы Кёппен использовал при публикации немецкой брошюры «Древности северного берега Понта» (1823а), где 10 ольвийских надписей были изданы им впервые. Здесь Кёппен поднимает вопрос о цели клеймения керамической тары и, видимо, одним из первых правильно атрибутирует керамические клейма с эмблемой в виде цветка граната как принадлежащие продукции Родоса (Жац, Тункина 1990: 111-122).

Двенадцатая глава «О торговле, проводимой Ольвией» посвящена анализу всех доступных видов источников, на основании которого Кёппен приходит к выводу о широких торговых связях города с Милетом, Истрией, Томами, Кизиком, Амастрием, Каллатисом, Тирой, Синопой, Гераклеей Понтийской и др., доказывая, что Ольвия являлась крупнейшим торгово-посредническим центром между античным миром и варварскими племенами Причерноморья. «Без сомнения Ольвия... отправляла здешний хлеб в Грецию, как и в наше время из Одессы вывозится арнаутка, которую в Херсонской и других близлежащих губерниях сеют не столько для собственного употребления, как для отпуску за границу». Река Буг «много способствовала к облегчению

торговли» с каллипидами и другими скифскими племенами, а ольвиополиты, по его мнению, «езжали» даза за Уральские горы для покупки золота и других товаров. Приложенная к статье карта, полученная Кёппеном от начальника Черноморского депо карт в Николаеве И. М. Будищева (см. приложение 2), по его мнению доказывала, что к Ольвии «подходить могли и большие корабли, ибо глубина Буга на самой середине между Николаевым и самым устьем от 20 до 30 английских футов» (ПФА РАН 1: 22-25).

Следующая, тринадцатая глава «О монетах города Ольвии» касается вопросов монетной чеканки полиса. Во времена Кёппена золотых ольвийских монет, известных науке, насчитывалось лишь несколько штук, серебряные также считались очень редкими. Время начала монетной чеканки, согласно Кёппену, «едва ли с точностью определить можно». Большинство сведений, приведенных в этой главе, заимствованы автором из материалов, предоставленных ему И. П. Бларамбергом и самостоятельного значения не имеют. Кёппеном повторена классификация монет одесского антиквара по типам изображений, причем вслед за ним и академиком Кёлером монеты с Борисфеном он ошибочно определял как изображения Пана. Время окончания чеканки, как и саму гибель города, автор датировал предположительно первой третью III в. н. э. Тому же вопросу посвящена последняя, четырнадцатая глава «О времени разрушения Ольвии». «Думать должно, — писал Кёппен, — что Ольвия разорена не гуннами в IV в. н. э., но уже готами именно тогда, когда Филипп, римский император, около 244 г. по Р. Хр. не стал уже платить им дань... То, что может еще уцелело при нападении гетов, вероятно погребено гуннами, около 376 г. вытеснившими их из мест сих...» (ПФА РАН 1: 28 об.).

Текст статьи должен был иллюстрироваться двумя планами, помещенными в приложении: «План крепости Ольвии» и «План всего города и ближайших окрестностей оного» (ПФА РАН 1: 7 об.). Первый, представляющий цитадель

позднейшей Ольвии, был снят самим П. И. Кёппеном при помощи астролябии. Этот план был опубликован в виде отдельной вставки в левом нижнем углу общего плана городища и урочища Сто могил (1821). Недавно обнаружены снятый П. И. Кёппеном 26 октября 1819 г. подлинный черновой план ольвийской цитадели, хранящийся в Отделе картографии ЦНБ НАН Украины (Папанова 1996: 171-173), и его позднейшая копия из архива Национального заповедника «Херсонес Таврический». Приписываемые Петру Ивановичу недостатки в реконструкции оборонительных сооружений поздней Ольвии опровергаются данными современных раскопок (Золотарев, Буйских 1994: 49; 1997: 241-244).

В основу второго плана был положен план Ольвии, полученный Кёппеном в Одессе от И. П. Бларамберга. В поисках его источников в середине 1980-х гг. я обратилась к богатейшим фондам Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ныне Российский государственный военно-исторический архив) в Москве. Архивные разыскания оказались успешными — мною были обнаружены три ранее неизвестных и никогда не издававшихся плана Ольвии и ее окрестностей (Тункина 1989: 54). Все они имеют одинаковое название «План развалинам бывшему городу Ольвию», один масштаб (1 англ. дюйм = 50 сажень; 1: 4200), рельеф передан в аналогичной технике отмывки акварелью, надписи, экспликация и буквенные обозначения — черной тушью. Два плана имеют пояснение «Снимал с натуры инженер-поручик Бориславский¹», третий — подпись «инженер-капитан фон Муцель²» (РГВИА 1: 1). На двух из них — Муцеля и Бориславского (РГВИА 2: 1) — представлена одинаковая экспликация, расположенная с левой стороны листа: отмечены «городище Ольвию» (А), «разрытые фундаменты, в коих найдено множество с надписями камней» (В), «завалившие подземные ходы» (С), два больших кургана с крепидами — «два большие кургана, кругом каждого обложено при основании большими камнями» (D), «на высоте

¹Бориславский (или Бериславский) Иван Степанович (1787-1866), военный инженер. Сын титулярного советника, в 1803 г. поступил на службу в инженерные войска кондуктором 2-го класса. С 1804 г. подпоручик в Херсоне, в том же году командирован из Херсона в Очаковскую инженерную команду, с 10 мая 1808 г. в Таганроге при гидравлических и других строениях, с 27 ноября 1809 г. — поручик, переведен в Очаковскую инженерную команду, находился «при черчении планов», в 1814 г. работал на Березани, в марте 1819 г. инженер-капитан, адъютант генерал-майора Федорова 1-го, окружного командира Херсонского инженерного округа. В 1846-1847 гг. в чине инженер-полковника служил помощником управляющего Херсонского окружного инженерного управления. Скончался в чине инженер-генерал-майора 10 июня 1866 г., на 80-м году жизни, похоронен в Нежине при церкви Иоанна Милостивого. (Савельев 1887-1897: Ч. 1: 162; Ч. 2: 324; Ч. 3: 244; Общий состав 1846: 80; Русский провинциальный некрополь 1996: 39).

²Франц Самойлович фон Муцель упоминается в «выписке об инженерных командах, находящихся в приморских крепостях» (декабрь 1807 г.) еще как поручик, командир в Николаевском укреплении при Очакове. Уже в чине «инженера-капитана армии майорских чинов» Ф. С. фон Муцель числится в списке чиновников инженерного корпуса 17 января 1811 г. Судя по списку офицеров инженерного корпуса, составленному не ранее 1 декабря 1811 г., Франц Самойлович фон Муцель, получивший 20 сентября того же года чин подполковника, продолжал служить в Очакове. В более поздних списках эта фамилия отсутствует, что свидетельствует либо о его отставке, либо о смерти. См.: Фабрицус 1902. Приложение 9: 31; К приложению 62: 181; Савельев 1894 3: 235.

колодец» (Е), некрополь — «Прочие курганы под названием Сто могил» (F), «Родники» (G). Оба плана имеют одинаковые подписи, различающиеся лишь в деталях «Кладбище из села Ильинска», «Мельницы», «Рыбная ловля», «Виноградный сад», «Колодец» (на плане Бориславского отсутствует), «Огородный плантаж» (на плане Муцеля отсутствует). Эпикриза второго плана Бориславского (РГВИА 3: 1; Ратнер 1990: 76-78) расположена с правой стороны листа и имеет более обширную расшифровку буквенных обозначений. Здесь добавлены «Рыбная ловля» (Н), «Огородные плантажи» (I), «Колодезь» (К), «Мельницы» (L), «Кладбище из селения Парутиной» (М). Публикация и обстоятельный сравнительный анализ этих планов составит предмет самостоятельного исследования. Отметим лишь следующее.

В описях РГВИА, включающих коллекцию Военно-учетного архива Главного штаба, эти рукописные планы в красках ошибочно датированы второй половиной XVIII в. На планах фон Муцеля и Бориславского отмечены места находок надписей, «разрытые» фундаменты построек и т. п., свидетельствующие о их составлении позднее рубежа веков. Изучение послужных списков авторов съемки также доказывает неточность архивной датировки. Планы Бориславского были составлены между 1809 и 1816 гг., план фон Муцеля еще ранее, между 1808 и сентябрем 1811 гг. Проанализировав все известные ему планы Ольвии первой четверти XIX в., А. Н. Карасев пришел к выводу, что при изготовлении каждого из них авторы пользовались одним и тем же первоисточником, который, по его мнению, был выполнен в начале XIX в. топографами военно-морского ведомства (Карасев 1956: 30). Согласно П. И. Кёппену, получившему план Ольвии от Бларамберга в Одессе, он был снят «каким-то инженером» для государя и на нем показан «город и все пространство, на коем приметно еще прежнее жилье». Как известно, император Александр I впервые посетил Одессу, Николаев и Херсон лишь в апреле-мае 1818 г. (Шильдер 1898: 98-99), следовательно планы фон Муцеля и Бориславского не могли быть выполнены к приезду царя. Один из снятых военными инженерами планов стал основой для гравированного на меди плана Ольвии, опубликованного П. И. Кёппеном в 1821 г. на средства графа Кушелева-Безбородко. Кёппеновский план стал первым в мировой науке опубликованным планом городища и его окрестностей, который «поражает точностью в передаче основных, решающих элементов рельефа» (Карасев 1956: 10). Его главное достоинство заключается в указании на нем археологических объектов. Высокая квалификация помогла автору отделить главное

от второстепенного, осмыслить и запечатлеть видимые на поверхности следы древних сооружений. Как показывают современные исследования, планы Кёппена не потеряли своей информативности и ценности до сих пор. Очевидно, что топооснова хранящихся в РГВИА планов стала источником и для других известных опубликованных планов Ольвии — И. М. Муравьева-Апостола и И. П. Бларамберга, дополненных каждым из издателей.

Из Харькова в декабре 1819 г. Кёппен вернулся в Петербург. На его служебном статусе отрицательно сказалась потеря покровительства скончавшегося в июне того же года министра внутренних дел О. П. Козодавлева. Ученый вплотную занялся систематизацией собранных научных материалов. Вскоре Петр Иванович по настоянию графа Н. П. Румянцева совершил путешествие за счет мецената по северо-западным и западным губерниям России, а затем и за границу с научными целями на средства своего спутника А. С. Березина (октябрь 1821 — апрель 1824 гг.). Заслав по пути в декабре 1821 г. в имение г. Безбородко Стольное, Кёппен вновь сверил ряд ольвийских надписей и скопировал знаменитый декрет в честь Протогена (приложение 4).

За границей (Польша, Германия, Австрия, Венгрия, Чехия) Кёппен как представитель Румянцевского кружка собирал всевозможные памятники старины, главным образом касающиеся истории славянства (Потепалов 1963: 5-22). При этом он не забывал и об античных древностях, налаживал контакты с известными археологами, историками, антиковедами, хранителями музеев.

В 1822 г. вышли в свет сразу несколько работ об античных памятниках Северного Причерноморья — в Париже монография Дезире Рауль-Рошетта «Греческие древности Боспора Киммерийского» (Raoul-Rochette 1822), где широко использованы археологические материалы и издана статья известного одесского антиквара и коллекционера полковника И. А. Стемпковского (Stempkovski 1822: 218-235), брошюра И. П. Бларамберга «Описание древних медалей Ольвии» (Blaramberg 1822), а в Петербурге — первая публикация важнейшего документа лапидарного архива Ольвии — декрета в честь Протогена, подготовленная академиком Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге Е. Е. Кёлером (Köhler 1822: 8 f.).

Часть материалов, собранных для статьи об Ольвии, предназначавшейся для русского читателя, Кёппен включил в свою рецензию — на монографию Д. Рауль-Рошетта под названием «Древности северного берега Понта», вышедшую на немецком языке в Вене в 1823 г. с посвящением графу Н. П. Румянцеву (Köppen

1823а; рус. перевод: Кёппен 1828). В книгу Кёппена вошли также 10 неизвестных ни Кёлеру, ни Рауль-Рошетту, ни немецкому эпитафисту А. Бёку, которому посылали свои материалы И. П. Бларамберг и И. А. Стемповский. Здесь же издан декрет в честь Протогена по собственной копии Кёппена (Körpen 1823a: 85 сл.), текст которого был отпечатан также отдельно с немецким переводом австрийского ученого доктора Эйхенфельда (Körpen 1823b). Появление серии публикаций о причерноморских древностях вызвало жесткую, язвительную и не всегда объективную критику со стороны академика Е. Е. Кёлера (Köhler 1823; 1850: 232-234). Кёппен искусно отпарировал большинство замечаний в особой статье, в которой указал своему строгому критику, что он сам далеко не столь непогрешим, как ему представляется (Körpen 1823в; 1850: 225-246).

Е. Болховитинов так отреагировал на эту полемику в письмах к П. И. Кёппену от 19 декабря 1823 и 22 июня 1824 гг.: «Но вот что у нас замечательно: иностранцы вас хвалят в журналах, а наш академик Кёлер при своей книжке на Raoul-Rochette... на конце приписал три странички и на ваш счет, и сим не удовольствовавшись, издал еще особую сего же года там же на Вас книжку Beurtheilung einer Schrift: Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Ученые завистливы сверстникам в своем мастерстве»; прочитав ответ Кёппена, отметил: «Завистливому и гордому нумизматику Вы хорошо отвечали» (ПФА РАН 11: 7-7 об., 9). «Известно, что мастера не любят славы подмастерьев и учеников», — писал Евгений Н. П. Румянцеву 25 ноября 1823 г. (Переписка 1885: 83).

Граф Н. П. Румянцев поблагодарил П. И. Кёппена за посвящение ему «Древностей северного берега Понта» и выразил желание, чтобы автор переключился с греческих древностей на славянские: «... Искренне напрашиваюсь, милостивый государь мой, на посвящение мне какого-либо труда Вашего до российских или вообще до славянских древностей относящихся. Не отстраняйте от себя сие приятное занятие предметами ему чуждыми. С тщанием обзоревайте библиотеки и все памятники российской словесности, рассеянные во владениях австрийских и донныне неизвестных» (письмо от 26 марта 1823 г.) (ПФА РАН 12: 6). Ревнивая критика со стороны Кёлера и призыв Н. П. Румянцева изменить сферу научных интересов существенно повлияли на тематику дальнейших исследований Кёппена. Во время пребывания в Вене П. И. Кёппен получил письмо из Дрездена от немецкого ученого Беттигера с высокой оценкой его статей и предложением

заняться историей Митридата VI Евпатора. 26 мая 1823 г. Петр Иванович записал в дневнике: «Преклоняю чело и выю неповинну. Да не узнает сего знаменитый монософ Кёлер, а то и Беттигеру, и мне молния и гром! Нет, пора приняться за другое» (ПФА РАН 8: 52 об.). В итоге, к сожалению, Кёппен перестал публиковать работы по классической археологии и эпитафике Причерноморья, переключившись на занятия библиографией, палеографией, статистикой, этнографией, шелководством и т. п., хотя, как свидетельствуют материалы его архива, продолжал собирать сведения о древностях до конца своих дней.

Огромный интерес для исследователей представляет так называемый «Ольвийский сборник» Кёппена. Здесь сохранились перечни ольвийских древностей, представленные графом А. Г. Кушелевым-Безбородко императрице Марии Федоровне, которые хранились в библиотеке Павловского дворца, каталог монет из коллекции И. А. Стемповского, изученных П. И. Кёппеном в Вене, копии надписей, рисунки барельефов и других памятников (ИР ЦНБ 1: 179, 183-187 об., 203-206 об., 222-242, 245-257, 261). Ольвийские монеты и надписи ученый осматривал в ряде частных и государственных собраний — в имении Безбородко в Стольном, в музее Бларамберга в Одессе, у полковника А. Н. Раевского в Киеве, Харьковском университете, собраниях Петербурга и провинции, минц-кабинетах многих западноевропейских стран (ИР ЦНБ 1: 189-190 об.; ПФА РАН 5: 68; 6: 31 об.-32, 52-55; 7: 131 об.-134; 8: 4 об.-6, 40 об.; 9: 22-23 об., 34, 38 об., 44 об., 49 об., 60 сл.; 10: 50 об.-51, 53, 54, 57, 60 об.).

Неизданные материалы П. И. Кёппена об Ольвии являются ценнейшими источниками сведений о городище и ее окрестностях, местах находок надписей и других памятников, позволяют уточнить паспортизацию некоторых из них. Очерк ученого «Ольвия. Древний город на реке Буге» явился первой в мировой науке попыткой «систематического изложения» результатов анализа всей совокупности источников (нарративных, эпитафических, нумизматических, археологических) с целью реконструкции истории древнего города, который, к сожалению, так и не увидел света. Хотя некоторые исторические построения автора по прошествии 180 лет выглядят наивными, устаревшими и мало аргументированными, собранные Кёппеном материалы с фактологической точки зрения ценны до сих пор, особенно в разделе описаний и топографической фиксации видимых следов строительной деятельности древних.

Приложения

№ 1

Из путевых записок П. И. Кёппена 1819 г. «От Херсона до Парутино»

22 октября 1819 г. Своротив влево с дороги, ведущей в Николаев, я отправился к Глубокой пристани. Цель моя состояла в том, чтобы видеть место сие и потом проехать до Бугского лимана и вверх по оному до Николаева, дабы поискать следов Церерина храма, о коем говорит Геродот (кн. IV, гл. ...). [...]

23 октября 1819 г. Отъехав верст 7 от Глубокой пристани, я прибыл в Станиславовку, где с вопросами обратился к отцу Фоке. Сей повел меня в Никольскую церковь, показал камень, отцом его, священником здешним Федором Матковским, из Парутина (Ольвии) сюда перевезенный и им уже в стену вделанный на правом крыле, что у самого алтаря (см. изображение). Камень сей белого мрамора, вышиною в 5,5 английских футов, а шириною в 2 фута. Священник желал сперва написать икону на сём камне, однако по совету любителей древности он отстал от сей мысли. [...]

Отсюда поехал я в Александровку, где застал и станиславского выборного. Здесь наконец узнал я о прежних городищах следующее.

На Станиславской Даче, около версты от Глубокой пристани на крутом берегу лимана, на т. н. Городищском мысу, между двумя балками, известными под именем Широких, находится древнее городище, имеющее в середине своей также небольшую балочку [см.: Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: 39-40, № 105; 69-70, № 142; 91-92, № 59; Виноградов 1993; Виноградов, Соловьев 1996 — *И. Т.*]. Там находят обломки глиняных сосудов и разный камень, однако же не тесаный. На вопрос мой, не жили ли и здесь запорожцы, жители уверяли, что это не могло быть жильем запорожцев, ибо после землянок их остались бы одни только ямы, у коих приметны были бы выходы. Куски глиняных сосудов, здесь находимых, толщиной равняются, полагают, турецких кувшинов.

По отдаленности от Александровки, принадлежащей Его Превосходительству Григорию Петровичу Милорадовичу, я не мог уже видеть сего городища, между тем же отправился назад к другому ближайшему.

Уверяют, что и на Станиславской косе была пред сим батарея, где вода также иногда вымывает разную монету, по-видимому, серебряную.

Вместе с выборным отправился я к городищу, лежащему от Станислава в 1,4 версте [см. рис. 1. — *И. Т.*]. Не доезжая еще около 0,4 версты до городища, по левую руку от дороги

из Станислава в Александровку, я остановился у т. н. Разрытого кургана. Это небольшое место, окруженное сперва рвом, а потом уже валом, который издали один только приметен. Внешний вал сей в окружности имеет 212 шагов. Окружность же углубления или рва = 90 шагов. Возвышение внутреннее, почти равняющееся поверхности поля, имеет кругом около 30 шагов; но мне показалось, что это был пятиугольник, коего каждая сторона = 6 шагам (т. е. около 13 фут.), самая же середина углублена [см. рис. 2. — *И. Т.*]. Стоял ли здесь храм какой-либо, или что иное — неизвестно, однако входа никакого не приметно и не видно, чтобы что-либо было выложено камнем. Да и на всем этом месте нашел я только два небольших камушка. От внешнего вала на восток в 65 шагах находится еще неразрытая могила [см. рис. 3. — *И. Т.*], на коей однако также приметны следы прежнего жилья. Окружность оной у подошвы = 210 шагов и высота около 35 шагов (?) (в диаметре по горизонту должно бы быть уже около 67 шагов). Углубление, однако на самом вершине находящееся, всего длиною (в диаметре) 4 шага.

Поодаль еще и 3 могилы, в коих, по словам суевренных, горят иногда деньги.

Первая из сих могил заслуживает кажется особенного внимания, и мне нигде не случилось видеть подобного окопа.

Наконец, приблизился я и к самому городищу, в Станиславской же даче находящемуся. Находясь лицом к лиману на запад, на крутом берегу оного, место сие с двух сторон — северной и южной — окружено чрезвычайно глубокими рвами, и от одного из них до другого проведен был с восточной стороны ров и вал, а самая внутренность укреплена еще другим валом (см. чертеж [рис. 1. — *И. Т.*]). Между первым валом и вторым, друг от друга отстоящими на 107 шагов, приметны следы прежних зданий, чего внутри укрепления не так заметить можно. Пред входом в первые ворота — довольно глубокая яма, где станиславовцы искали денег, да и по ту сторону рва (за первым валом) также была рыта земля.

Никто из здешних жителей не ведает начала сих городищ, да и из преданий мало осталось в народе. Самую батарею на Станиславовской косе никто уже не помнит.

Поговаривают, что будто бы здесь была какая-то царица, которая владела и Парутиным.

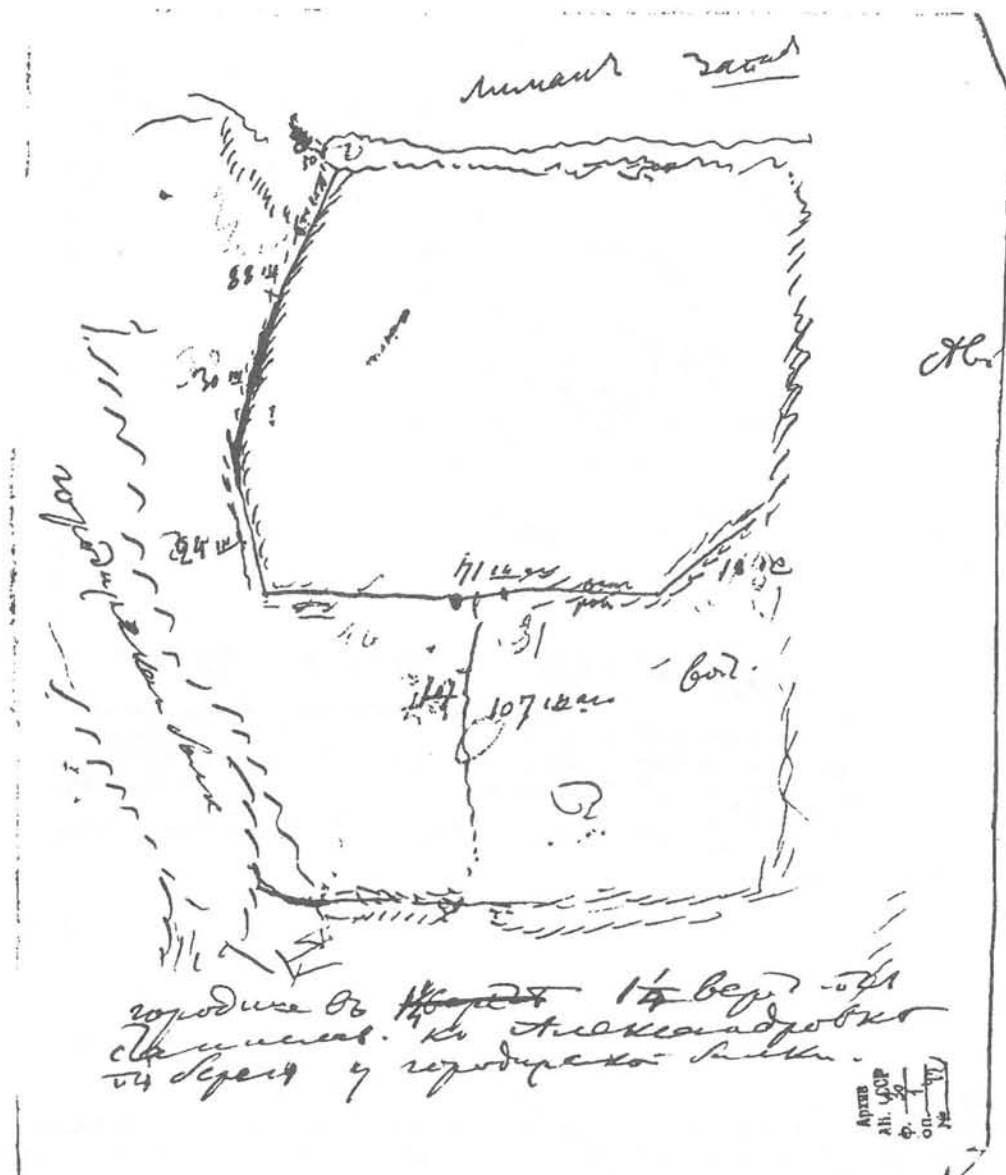

Рис. 1 «Городище в 1,4 версты от Станислава к Александровке по берегу у Городирской балки» (ПФА РАН 1: 6 об.).

Предание сие объясняется тем, что после сего также в Кисляковке рассказывали мне, что в Парутине найден камень, на котором высечен герой с мечом и женщина, знать царица сих мест. Вот вся история.

Верстах в 7 или 8 от Александровки (на Александровской же даче), за Широкою же балкою показали мне еще одно городище, на урочище, называемом Скельки, где внизу Рыбалки Милорадовича. Тут тоже вал в 150 шагов от одной балки проведен к другой, но ров пред оным так промыт водою, что ныне и сам сделался небольшою балкою¹ (поперечнее, имеющее однако стечение и большее как углубление, также и ширину на юг к ближайшей от Александровки балки). Тут также приметны некоторые следы прежних жилищ [см.: Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: 38 № 102; 67-68 № 130; 91 № 55].

Отсюда верстах в 4-5 урочище Семенов Рог, где хотя и неприметно следов укрепления, однако следы жилья видны на трех местах (между и по обе стороны двух балок) [см.: Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: 38 № 101; 67 № 127; 90 № 53]. Сперва по обе стороны балок видны 3 и 4 углубления довольно длинных; потом на мысу (высоте) между двумя балками три могилки, длиною в 9-10, а шириною в 6-7 шагов, почти круглые и окруженные малым углублением, бывшим вероятно некогда канавками. Потом на северной стороне второй балки еще большие углубления с выходами, где может быть действительно были когда-нибудь порядочной величины землянки, ныне обрушившиеся. Таковые землянки и ныне есть в Кисляковке, ибо здесь, за неимением леса, и прочие жилища (самые порядочные дома) строятся из камыша, обмазываемого глиною.

¹И в Харьковской губ. в 18 лет из канавы сделался глубокий яр (Прим. Кёппена).

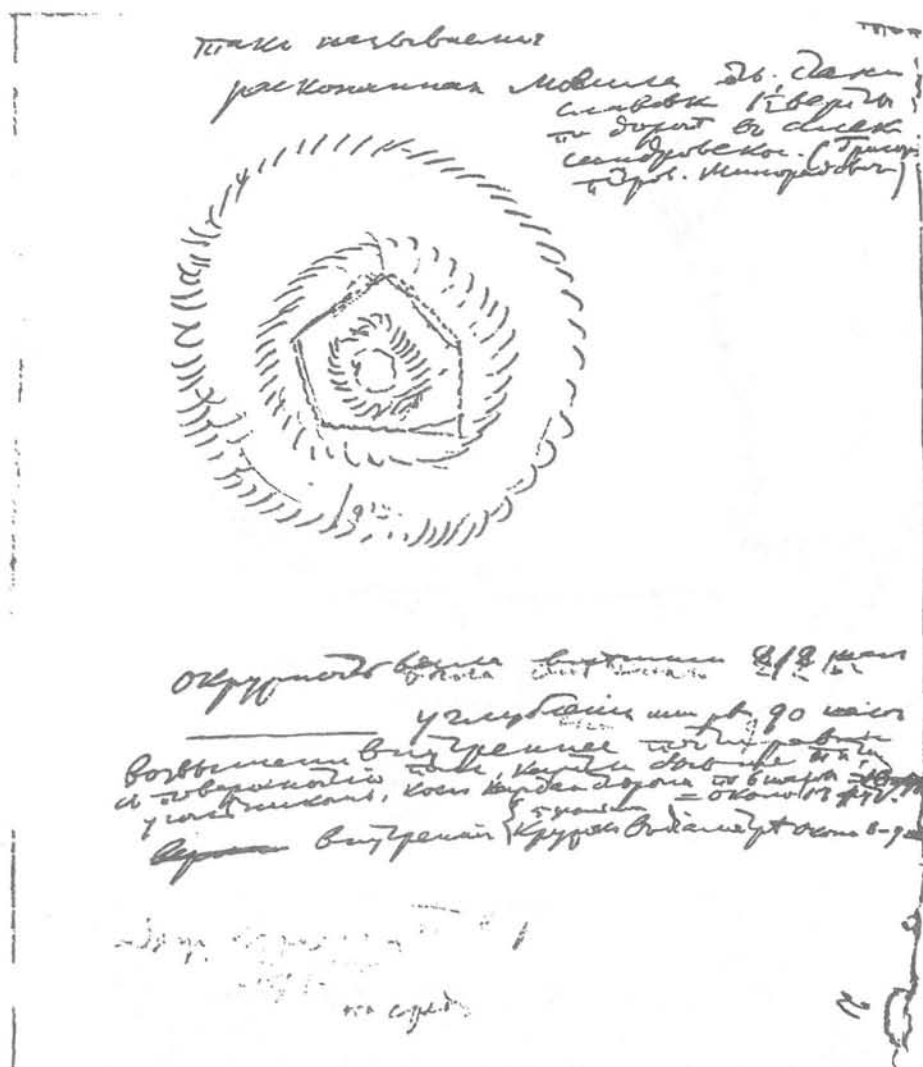

Рис. 2 «Так называемая раскопанная могила от Станиславовки 1,5 версты по дороге в Александровское (Григорий Петрович Милорадович). Окружность вала восточного 212 шагов. Окружность углубления или рва 90 шагов. Возвышение внутреннее почти равное с поверхностью поля, кажется бывшее пятиугольником, коего каждая сторона по 6 шагов = около 13 фут. Внутренний в пятиугольнике кружок в диаметре около 8-9 шагов» (ПФА РАН 1: 2).

Отсюда до Кисляковки еще верст 5 и здесь много уже видно таких углублений, хотя в разных местах и в разных друг от друга расстояниях. На ближайшем из таковых к Семенову Рогу месте как бы большое круглое углубление, у коего приметен и выход.

Здесь в Кисляковке остановился я для покормления лошадей и уже узнал следующее.

Отсюда верстах в двух находится так называемый Гетманский городок, существующий со времен, когда швед (Карл XII) бежал через Буг за сим в 1 версте. Русская коса где ныне и деревня Святотроицкая, а против оной Волшская коса.

Потом коса Ожарская (по подробной карте коса Джарская), за оною следует коса Кривая; после сего (коса) Балабанова и верстах в 7 от Николаева еще Цвелихова коса. Городище же, кроме сего Гетманского, более вверх по Бугу до Николаева уже никаких нет.

Хозяин показывал мне большой кувшин (турецкий), найденный им при пахоте, когда плугом оный и вырыт был [здесь же рисунок. — И. Т.].

24 октября 1819 г. В ночи с 23 на 24 октября прибыл я в Николаев. Поутру тотчас посетил я Ивана Матвеевича Будишева (капитан-лейтенанта и начальника Депо карт) и достал от него карту Бугского лимана, карту Черного моря, им сделанную, и астрольбию для снятия Ольвии. По полудни отправился я... через Буг и переночевал в Большой Коренихе у барона Шпинелли.

25 октября из Большой Коренихи поехал я в Парутино или Ильинское, где остановился у отца Антония. [...]

Вверх по Бугу от Парутина в 5 верстах близ Котельной балки — могилы, где находят монеты, по словам здешних же жителей совсем такие же, как и в Ольвии (также находили ближе верстах в 3 от Парутино на Чертоватой балке

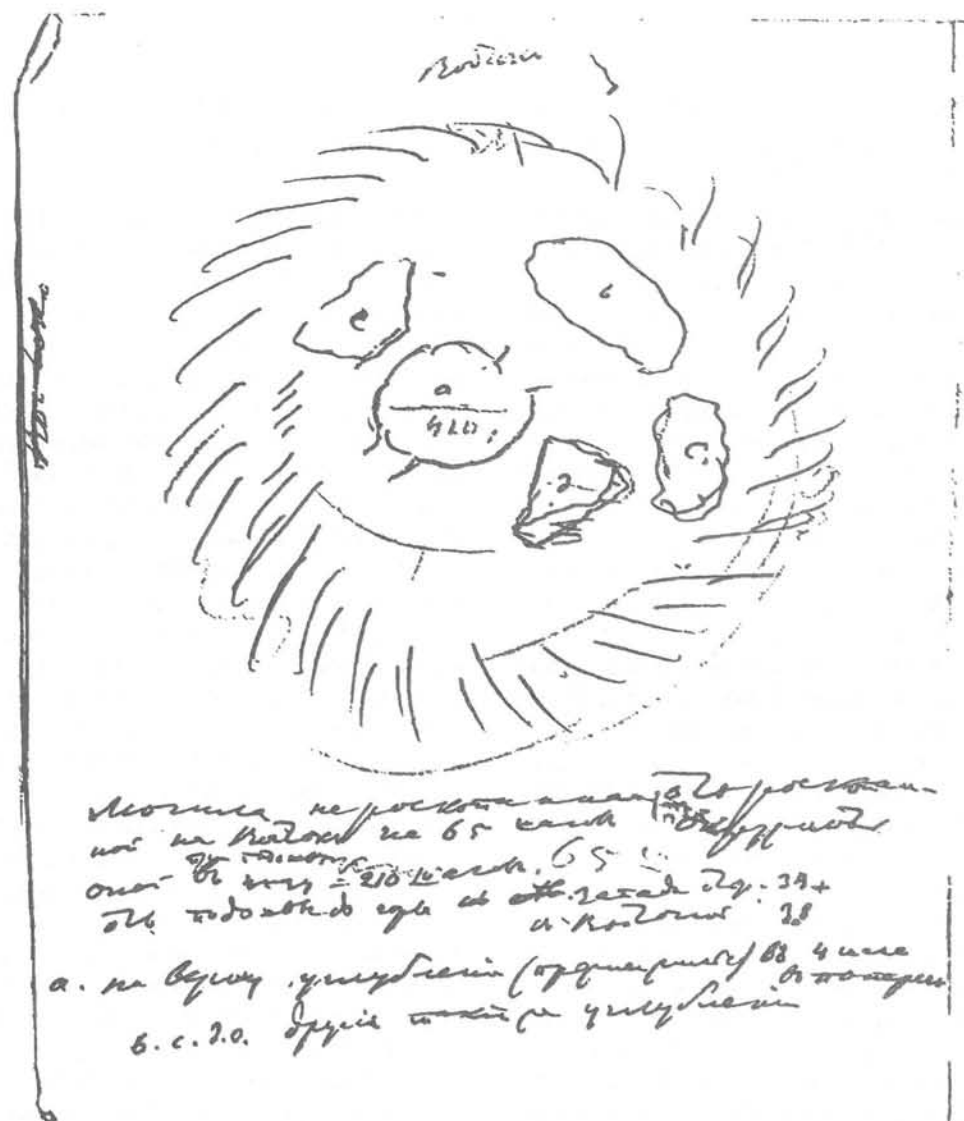

Рис. 3 «Могилы нераскопанная, от раскопанной на восток на 65 шагов. Окружность оной в низу у подошвы 210 шагов. От подошвы до горы с западной стороны 34 шага, с восточной 38, а. наверху углубление... в 4 шага в поперечнике, в. с. д. о. — другие такие же углубления» (ПФА РАН 1: 2).

[см.: Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: 27 № 45; 56–57 № 76; 87 № 40)]. За сим в 1 версте Чуприновского хутора, а еще в 1 версте, т. е. от Парутина в 7 верстах — городище над балкою Малою Дереклеею на земле надворного советника господина Козарского.

Ниже Ольвии в 8 верстах (в 1 версте за Сарыкамьшами) древнее городище [см.: Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: 24 № 37], где также говорят находили греческие могилы (и камень, списанный Кёлером, который у греков Кацаки, белого мрамора величиной в аршин, шириной в 0,5 аршина).

За оным городком в 7 (от Сарыкамьшах в 8 верстах) есть городище над лиманом же, за балкою Аджиголом в 1 версте (ничего не находили?...) [...].

... октября обозревал я крепость Ольвийскую, а план всех окрестностей получил я от г. ст. сов. Бларамберга. План сей снят инженерным офицером, ныне, кажется, в Очакове находящимся.

В Ольвии имел я случай купить разные монеты. Другие таковые же получил я от г. Бларамберга, Давида Давидовича Юргенса, управителя в Ильинском...

№ 2

Из «Краткой записки о поездке к Кавказу и в Крым» (1819 г.) П. И. Кёппена от 7 января 1820 г., адресованной графу Н. П. Румянцеву

[...] Стольное. Село Стольное, принадлежавшее покойному графу И. А. Безбородко, куда перевезены многие камни с греческими надписями и некоторые барельефы, найденные на развалинах древней Ольвии, обратило на себя наше внимание. Там занялись мы копированием сих древностей, которые важны особенно потому, что дают понятие о степени просвещения, проявившегося на берегах Черного моря в пределах нашего Отечества уже за 5 веков до Р. Х.

[...] Из Херсона следовал я берегом мимо Глубокой пристани к Станиславовке, и оттуда чрез деревню Александровку берегом Бугского лимана до Николаева. На сем пути искал я следов Церерина храма, который по словам Геродота здесь стоял на мысе Ипполаевском. Я нашел тут несколько городищ, но явных признаков прежнего храма не мог я отыскать. Одно только место показалось мне очень необыкновенным. Оно находится в полутора верстах от Станиславовки и жителями именуется Разрытым курганом.

Но кургана или могилы на сем месте кажется никогда не было. Внутренняя небольшая плоскость, окруженная рвом и наружным валом (в 212 шагов), с первого взгляда кажется круглой, но по точному рассмотрению можно заметить следы равностороннего пятиугольника, коего каждая сторона равняется 6 шагам (около 13 футам).

Из Николаева, коего Депо карт по хранящимся в оном древностям заслуживает особенное внимание, подъехал я к развалинам Ольвии. По прибытии в село Ильинское (или Парутино) я того же дня отправился к древнему городищу, из остатков коего построены и Очаков, и Кинбурн, и близлежащие селения. Здесь осмотрел я и положение места, которое уже посещал я в 1817 г., и на другой день с помощью астролябии снял план древней крепости. Еще посетил я одно неподалеку отсюда, но выше села Ильинского находящееся городище

и другое также место (Чертоватую балку), где также под землею находили греческие монеты (большею частью с изображением Пана, очень отличного от Пана, находимого на монетах Пантикапейских). Собрав сведения о других вниз по Бугскому и Днепровскому лиманам приметных близлежащих городищах, я по причине худой погоды не мог побывать в Очакове, который видел уже в 1810 и 1817 годах.

В Одессе скопировал я план Ольвии со всеми окрестностями оной, который сделан был для Его Величества Государя императора. Здесь же г-н статский советник Бларамберг укомплектовал собрание греческих надписей с ольвийских камней, коих вместе с теми, которые потом списал я в Харькове, всего имею ныне 16.

В Николаевском Депо сделаны также для меня 1) карты Буга с означением глубины онаго, для определения, какие именно корабли могли подходить к Ольвии и 2) карта окрестностей Ольвии от Херсона до реки Куелника. [...]

В Харькове занялся я соображением сведений, собранных о древней Ольвии. Город сей почитаемый милетскою колониею основан около 655 г. до Р. Х. и в последний раз был разорен около половины 3 века по Р. Х. Я убедился в том, что он был главным посредником в торговых отношениях Европы с Азией и что жители его езжали даже за Уральские горы, что все подтвердить можно ясными доводами из Геродота и других писателей. В 3 веке прекратились сии промыслы, которые уже во времена Страбона стали кажется приходить в упадок. Вот причина, почему (как говорят) в Южной России, даже в Слободской Украинской губернии находят только римские монеты, чеканенные прежде 3 века или в начале оного. Об Ольвии составил я в Харькове особую статью, которую осмелюсь впоследствии времени представить Вашему Сиятельству.

ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1 Д. 129. Л. 22, 30 об. — 31 об., 33. Автограф.

№ 3

Из статьи П. И. Кёппена «Ольвия. Древний город на реке Буге»

Глава 3. О местоположении Ольвии

[...] Ныне развалины Ольвии находятся во владении графа А. Г. Кушелева-Безбородко,

в одной версте с половиною ниже села его, которое пред сим по оврагу именовалось Парутино, а теперь по прежнему владельцу графу

Илье Андреевичу Безбородко называется селом Ильинским. Расстояние оных от Очакова прямым путем составляет без малого 35 верст; берегом же верст около 40, как явствует и из приложенной при сём карте, на коей место сие названо Сто могил (лит. В). [...]

Глава 5. Пространство города

Геродот, говоря о скифском царе Силесе, повествует, что оный при посещениях Борисфена обыкновенно оставлял армию свою в предместьи, а сам входил в город, запирая на это время градские ворота. Предместью, в коем можно расположиться целой армии, без сомнения надлежало быть довольно обширным. Когда я в 1817 и 1819 годах был на развалинах Ольвии, то имел случай удостовериться в пространстве сего города, и видеть как самую крепость, так и места, занимаемые некогда сим предместем.

Я прилагаю при сём два плана Ольвии. Первый, полученный мною в Одессе от г. статского советника И. П. Бларамберга, каки-то инженером был снят для Его Величества Государя Императора и на нем показаны город и все пространство, на коем приметно еще прежнее жилье; другой, который сам снял я в октябре месяце истекшего 1819 г., представляет один только город или два места пред сим, обведенные стенами и защищаемые круглыми и угольными башнями. Из последнего сего плана явствует, что крепость была очень невелика. Вся длина оной составляла менее полуверсты, а ширина не превышала нигде 150 сажень. Но сему удивляться нечего... Крепость Ольвийская была нерегулярная и почти треугольная; жители при построении оной сообразовались с местоположением. Главная часть сего укрепления находилась на возвышенности, коей высота равняется 34 сажням. С восточной стороны находился крутой берег Буга, с западной — большой овраг, называемый ныне Заячьей балкой, а с северной — небольшие углубления или тоже малая балка. Так как последняя сторона сия, по положению своему от неприятельских нападений, была менее обеспечена первых двух, то здесь и находились разные башни. Другая половина занимала часть горы и часть подола или низменности, которая лежит не выше 3 или 4 сажень над Бугом. Ныне здесь нет уже никаких стен, остались одни только следы оных — небольшие валы, окопы и места, где некогда стояли башни... Это ямы или углубления, внутри иногда имеющие возвышенности. Однако прежнее основание оных ясно различить можно, ибо основание круглое в последствии времени никогда само собою не делается угольным, хотя противное иногда и может случиться. Тут видны места, где находились некогда городские ворота, с обеих сторон защищаемые башнями; и поныне это обыкновенный вход к развалинам сего города. Приметны следы

прежних водопроводов, которые состояли из глиняных труб, влагаемых одна в другую и проводимых под землю, куда было нужно. На местах, где трубы сии повреждены, и поныне бывает сырость, а из одного такого водопровода, означенного и на моем плане под литерою С, который открыт был пред самым посещением Ольвии великим князем Михаилом Павловичем, текла вода, как говорят, весьма чистая. Ныне крайние к Бугу трубы сего водопровода из земли вырыты и отвезены к владельцу села Ильинского.

Но в самой крепости жила только меньшая часть ольвийцев. Гораздо большее число оных населяло, без сомнения, все пространство или урочище по множеству курганов на оном находящихся, называемое ныне Сто могил. Здесь, от Широкой балки почти до нынешнего села Ильинского (или не более как на 0,5 версты от оногo) в длину, на две версты с половиною и более, а в ширину расстоянием от Буга версты на полтора, в окружности же всего слишком на шесть верст, — везде еще приметны следы прежних жилищ.

Небольшое углубление, по коему ныне подъезжает к городку, по-видимому также было некогда окопом укрепления, лежавшего над Бугом. Тут приметна малая возвышенная полоса, подобная следам прежнего вала или места, где находились стены внутри сего окопа, гораздо более находится следов прежнего жилья, нежели вне оногo. Ров этот в последствии времени кажется промыт водою и таким образом сделался небольшим оврагом. Ныне часть сего укрепленного места отошла ко вновь разводному здесь над Бугом саду. Да и сама пристань, без сомнения, находилась не в крепости, а вне оной. Жители здешние уверяют, будто бы в верховую погоду, а особливо при СЗ ветре, когда вода отступает от берега, виден бывает еще мост, у коего некогда приставали корабли. Они прибавляют к сему и то, будто бы пристань сия некогда для прочности залита была свинцом. Последнему известию конечно трудно верить, однако я и от довольно достоверных людей слышал, что крестьяне ильинские нередко находят металл сей и продают оный. Впрочем, такового рода строения в истории не беспримерны. Геродот повествует, что ассирийская царица Нитокрис (или Нитокрида) при построении в Вавилоне моста из ломаных камней связала оный железом и свинцом (Герод. I, 186). Прямо к сей пристани кажется лежала от северо-запада дорога, коей следы, если не ошибаюсь, и поныне приметны на горе, не в дальнем расстоянии от крайних могил, идучи от городка к тому месту, где ныне сельское кладбище. Может быть по сему направлению находились и Амаксиотские или повозочные ворота, чрез которые вероятно провозима была

большая часть товаров, бывших предметов ольвийской торговли.

О воротах Амаксиотских говорится в эллинской надписи, иссеченной на четверугольном столпе, который из Ольвии перевезен Черниговской губ. в село Стольное, принадлежащее также графу Кушелеву-Безбородко и состоящее от Чернигова на СВ верстах в 50 или 60. В сей же надписи упоминается и о других еще воротах Эпидаврских, вероятно по близлежащему храму Эскулапа так называвшихся.

Но таковые топографические разыскания требуют, чтобы пожить в Ольвии большее время, я же имел случай посещать оную оба раза только на несколько дней. [...]

Глава 6. Могилы в Ольвии

Множество курганов в сем месте возвышающихся было причиною, что все урочище в новейшие времена получило название Ста могил. Следы прежних жилищ приметны почти по всему пространству (до Широкой балки), на коем рассеяны могилы сии. Два из них преимущественно пред прочими отличаются своею величиною.

Ближайшая из сих к древней крепости могила у самой подошвы в окружности имеет 285 шагов. Высота оной от низу до самого верху 13 сажень. От верха в 8,5 сажень могила обложена была толстыми плитами тесаного раковичного камня, который ныне крестьянами употреблен на постройку изб; окружность могилы в том месте, где она обложена была камнем, — 56 сажень.

Вторая могила от сей в расстоянии 450 шагов на СВ ближе к селу Ильинскому. Она также кругом обложена была камнем.

Наклонность обеих могил сих на юг. Это замечено уже и у многих других могил. Господин инженер-подполковник Пароки, разрывший около Тамани несколько могил, под коими были склепища, заметил, что под сею же наклонностью бывает и вход в склепища, к которым иногда спускаться должно вниз на несколько сажень. Вход сей так же заложен бывает камнем.

Намереваясь впредь познакомить читателей с занятиями господ Пароки и Дебрюкса, из коих последний занимается разрытием могил близ Керчи, где нашел он много достопримечательных редкостей, я замечу только, что обыкновение изъяслять некоторым образом уважение свое

к покойнику присыпанием могилы его землею и по наше время сохранилось. [...]

Глава 7. Ближайшие окрестности города

...Нет однако сомнения, что жители города Ольвии, поблизости оного могли иметь загородные свои дома. Может быть были тут и небольшие деревушки. Следуя от Херсона берегами Днепровского и Бугского лиманов до Николаева, а оттуда правым берегом Буга вниз, я видел разные городища, из коих некоторые вероятно должно будет отнести к тем временам, когда существовали здесь греческие колонии. Описание сей береговой поездки я при сем прилагаю в виде особенной статьи. Здесь же упомяну о том только, что едуци из Коренихи верстах в трех на север или вверх по Бугу от села Ильинского, а от древней Ольвийской крепости верстах в четырех с половиною, близ т. н. Чертоватой балки, любопытство побудило меня остановиться для осмотра могил, которые находятся тут влево от дороги. Приближаясь к оным, я заметил пыль, наподобие дыма из одной могилы извергаемую и ветром разносимую. Наконец взошедши на сию могилу, я увидел, что мальчик, вырывший яму и влезший в оную, выбрасывал землю, в коей искал он ольвийских монет. В последствии времени я имел случай видеть здесь находимые монеты, которые легко отличить можно от прочих, отыскиваемых большею частию в самом Буге.

С другой стороны Ольвии, верстах в 8 вниз по Бугу и в 1 версте за урочищем, называемым Сарыкамышами, видно городище, в коем по словам некоторых здешних жителей также находили греческие вещи; уверяли меня, что здесь же найден камень с эллино-греческой надписью, хранящийся у грека Кацаки. Однако сему трудно верить. Гораздо правдоподобнее то, что камень сей вместе с прочими ему подобными, по обещанию (ex voto) иссеченными камнями, найден в Ольвийской крепости, где принадлежал оный храму Аполлона. Если же и действительно этот камень тут найден, то должно сперва решить, не остался ли оный здесь в то время, когда перевозимы были из Ольвии камни вниз по Бугу к Днепровскому лиману для построения Очакова и Кинбурна. [...]

Из «Путевых записок» П. И. Кёппена 1821 г. о копировании декрета в честь Протогена (IosPE, I2, 32)

7 декабря 1821 г. Стольное. Из Борзны чрез Комаровки отправился я в Стольное, местечко, принадлежащее ныне графу Александру Егорьевичу Кушелеву-Безбородко, куда перевезены многие ольвийские надписи. Одна большая на беломраморном столбе, мною в 1819 г., когда я был здесь вместе с И. А. Гарижским, оставалась неписанною. На оной с одной стороны приметно 97, а на другой 100 строк. Столб сей, лежавший в коридоре, был перенесен в комнату, и я с утра до 2-х часов ночи занимался спи-

санием и поверкою сей надписи. Равномерно сверил я и те, кои находились в гроте (где оные вделаны в стены), и с коих списки я беру с собою в чужие края. Барельеф, снятый г. Бороздиным и Ермолаевым, и представляющий, вероятно, жертвоприношение Эскулапу, нашел я довольно верным, а в надписи, напечатанной г. Келером в издававшемся в Дерпте журнале *Derpt. Beiträge (von Morgenstem)* кажется несколько в подлиннике отлично от напечатанной (особливо в слове доходохранилище и проч.).

ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 137. Л. 9 об.-10. Автограф.

- Батюшков, К. Н.* 1989. Сочинения. Москва: Художественная литература. Т. 2: Из записных книжек. Письма.
- Виноградов, Ю. А.* 1993. Городище Станислав в первые века нашей эры // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического общества: 108-109. Одесса: Одесское археологическое общество. Одесский археологический музей НАН Украины. МП «Гермес».
- Виноградов, Ю. А., Соловьев, С. Л.* 1996. Археологические исследования на городище Станислав // Российская археология 3: 77-88.
- Золотарев, М. И., Буйских, С. Б.* 1994. «Ольвийская крепость» П. И. Кёппена // Ольвия-200: Тезисы докладов международной научной конференции 5-9 сентября 1994 г.: 49. Николаев, 1997. Неизвестный план Ольвии П. И. Кёппена // Российская археология 2: 241-244.
- Карасев, А. Н.* 1956. Планы Ольвии XIX в. как источники для исторической топографии города // Материалы и исследования по археологии СССР 50: 9-34. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР.
- Кац, В. И., Тункина, И. В.* 1990. Зарождение керамической эпиграфики в России // Античный мир и археология: Проблемы античной государственности, материальной и духовной культуры. Межвузовский научный сборник 8: 111-122. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета.
1818. Историческое исследование о Югорской земле, в Российско-Императорском титуле упоминаемой // Соревнователь просвещения и благотворения (Труды Высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности) 4: 97-125.
1828. Древности северного берега Понта. Перевод с нем. Средне-Камашева. Издано Обществом истории и древностей российских. Москва: Университетская типография.
1837. Список известнейшим курганам в России. Отдельный оттиск из «Северной пчелы» (1837. № 1-3). Санкт-Петербург.
1908. О курганах: Предварительное разыскание Петра Кёппена (1836 г.). / Публикация А. И. Маркевича // Известия Таврической ученой архивной комиссии 42: 1-41.
- 1908а. Список курганов, составленный академиком П. И. Кёппеном / Публикация Н. И. Репникова // Известия Таврической ученой архивной комиссии 42: 42-55.
- Кёппен, Ф. П.* 1911. Биография П. И. Кёппена // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук 89. Приложение 5.
- Козлов, В. П.* 1985. Колумбы российских древностей. Москва: Наука.
- Крыжицкий, С. Д., Буйских, С. Б., Отрешко, В. М.* 1990. Античные поселения Нижнего Побужья (Археологическая карта). Киев: Наукова думка.
- Латышев, В. В.* 1887. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. Санкт-Петербург: В. С. Балашев.
- Маркевич, А. И.* 1893. Памяти П. И. Кёппена // Известия Таврической ученой архивной комиссии 18: 119-125.
1914. К биографии академика П. И. Кёппена // Известия Таврической ученой архивной комиссии 51: 223-240.
- Мурзакевич, Н. Н.* 1872. Митрополит Евгений и академик Кёппен // Записки Одесского общества истории и древностей 8: 404-411.
- Общий состав.* 1846. Общий состав военного министерства на 1847 г. Санкт-Петербург: Военная типография.
- Папанова, В. А.* 1996. Маловідомі матеріали з архівів П. І. Кёппена // Мир Ольвии: Памятник исследователю и исследование памятника. Материалы юбилейных чтений, посвященных 90-летию со дня рождения профессора Л. М. Славина: 171-173. Киев: Национальная Академия наук Украины. Институт археологии.
- Перетиска* 1885. Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 г. включительно) 2. Воронеж.
- Потепалов, С. Г.* 1963. Путешествие П. И. Кёппена по славянским землям // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.: 5-22. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР.
- Ратнер, И. Д.* 1990. Старейший план Ольвии и его автор // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Тезисы докладов конференции 3: 76-78. Херсон.
- Русский провинциальный некрополь.* 1996. Русский провинциальный некрополь: Картотека Н. П. Чулкова из собрания Государственного литературного музея // Река времен 4. Москва: Элли Лак. Река времен.
- Савельев, А. И.* 1887-1897. Исторический очерк инженерного управления в России 1-3. Санкт-Петербург: Р. Голике.
- Скальковский, А. А.* 1838. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 2: 1796-1823 гг. Одесса.
- Славин, Л. М.* 1960. Основные этапы изучения Ольвии // Записки Одесского археологического общества 1 (34): 47-59. Одесса.
- Тункина, И. В.* 1987. Автографы археологов в альбоме П. И. Кёппена // Советская археология 4: 220-227.
1989. К истории изучения Ольвии в конце XVIII - начале XIX вв. // Древнее Причерноморье: [1-е] Чтения памяти профессора П. О. Карышковского. Тезисы докладов конференции (9-11 марта 1989 г.): 52-54. Одесса.
1991. П. И. Кёппен как исследователь Ольвии // Древнее Причерноморье: II-е чтения памяти профессора П. О. Карышковского. Тезисы докладов юбилейной конференции 9-11 марта 1991 г.: 98-99. Одесса.
1994. Начало изучения Ольвии // Археология 2: 7-18.
1995. Новые материалы о коллекции древностей И. П. Бларамберга // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья: Тезисы докладов научной конференции: 66-67. Белгород-Днестровский.

- Фабрициус, И. В.* 1951. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР I: Междуречье Днестра – Южного Буга. Киев: Издательство АН УССР.
- Фабрициус, И. Г.* 1902. Главное инженерное управление: Исторический очерк // Столетие военного министерства, 1802–1903 7 (1). Санкт-Петербург: Слово.
- Шильдер, Н. К.* 1898. Император Александр Первый, его жизнь и царствование 4. Санкт-Петербург: А. С. Суворин.
- Blaramberg, J.* 1822. Croix de médaille antiques d'Olbiopolis ou Olbia faisant partie de Blaramberg à Odessa. Paris: F. Didot.
- Köhler, H. K. E.* 1822. Zwei Aufschriften der Stadt Olbia. St.-Petersburg (=1850a. H. K. E. Köhler's gesammelte Schriften 1. St.-Petersburg: Druckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften: 59-80).
1823. Remarques sur un ouvrage intitulé: Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien // Serapis 1. St.-Petersburg: 232-234 (= 1850b. H. K. E. Köhler's gesammelte Schriften 1. St.-Petersburg: Druckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften: 81-234).
- Köppen, P.* 1823. Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien: C. Gerold.
- 1823a. Olbisches Psephisma zu Ehren des Protogenes. Wien: C. Gerold.
- 1823b. Nachhall vom Nordgestade des Pontus. Wien: C. Gerold (=1850 c. H. K. E. Köhler's gesammelte Schriften 2. St.-Petersburg: Druckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften: 225–246.
- Raoul-Rochette, D.* 1815. Histoire critique de l'établissement des colonies grecques 1-4. Paris.
1822. Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien publiées et expliquées. Paris: F. Didot.
- Stempkowski J.*, 1822. Notice sur les médailles de Rhadaméadis, roi inconnu du Bosphore-Cimmérien, découvertes en Tauride en 1820 // Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien publiées et expliquées par M. Raoul-Rochette. Paris: F. Didot: 218-235.
- ИРЦНБ.* V, 715.
- ПФАРАН.* 1. Ф. 30. Оп. 1. Д. 42.
2. Ф. 30. Оп. 1. Д. 129.
3. Ф. 30. Оп. 1. Д. 131.
4. Ф. 30. Оп. 1. Д. 132.
5. Ф. 30. Оп. 1. Д. 135.
6. Ф. 30. Оп. 1. Д. 137.
7. Ф. 30. Оп. 1. Д. 138.
8. Ф. 30. Оп. 1. Д. 139.
9. Ф. 30. Оп. 1. Д. 140.
10. Ф. 30. Оп. 1. Д. 142.
11. Ф. 30. Оп. 3. Д. 84.
12. Ф. 30. Оп. 3. Д. 247.
- РГВИА.* 1. Ф. 349. Оп. 27. Д. 946.
2. Ф. 349. Оп. 27. Д. 947.
3. Ф. 418. Оп. 1. Д. 615.

ПАМЯТИ Е. А. ВЕКИЛОВОЙ (1915 — 1989)

Прошло 10 лет со дня смерти сотрудника нашего Института Елены Алексеевны Векиловой. К сожалению, в силу разных обстоятельств подготовленный еще в 1989 г. некролог не был опубликован. Мы считаем своим долгом поместить его в данном сборнике, отдавая дань памяти коллеги.

В ноябре 1989 года на 75-м году жизни скоропостижно скончалась Елена Алексеевна Векилова. Елена Алексеевна родилась в 1915 году в Петрограде, в семье служащего. Окончив среднюю школу и затем исторический факультет Ленинградского университета, она поступила в 1939 году в Институт истории материальной культуры АН СССР на должность лаборанта. В годы Великой Отечественной войны Елена Алексеевна, как и многие ленинградцы, была вынуждена прервать работу в Институте и вернулась в него в октябре 1945 года. С тех пор до конца жизни вся ее научная деятельность протекала в стенах Института.

Область научных интересов Елены Алексеевны определились еще до войны: палеолит и мезолит, с особым вниманием к палеолиту и мезолиту Крыма. В этой области, на рубеже 40-х и в начале 50-х годов она провела ряд удачных полевых археологических кампаний, в результате которых были детально изучены важные мезолитические памятники Крыма (Сюрень II, Кукрек и др.). Последующие многолетние полевые работы в Крыму и на Кавказе рекомендовали Елену Алексеевну как опытного, квалифицированного и вдумчивого полевого исследователя.

Перу Елены Алексеевны принадлежит ряд серьезных работ, внесших значительный вклад в изучение палеолита и мезолита юга, а также в разработку некоторых общих вопросов истории первобытной культуры. Среди них, в первую очередь, надо указать на защищенную в 1953 и опубликованную в 1957 году

диссертацию, посвященную исследованию и монографическому изданию материалов пещерной стоянки Сюрень I. Собрав воедино разрозненные материалы коллекций, широко привлекая фаунистические данные, Елена Алексеевна, с присущей ей скрупулезностью и тщательностью, дала на широком фоне исчерпывающую характеристику сюреньской индустрии, определив ее культурно-хронологическое место в палеолите Крыма и близлежащих территорий.

Значительное число работ Елены Алексеевны посвящено проблемам крымского мезолита, в частности, интерпретации индустрии нижнего слоя пещерной стоянки Сюрень II, характеризующегося свидерским иволлистным типом наконечников стрел. Ею впервые была высказана гипотеза о приходе для Крыма характере свидерской культуры, свидетельствующем о передвижении населения, существовании культурных связей далеких территорий в эпоху мезолита. Эта интересная и смелая для того времени интерпретация конкретно-исторической ситуации в развитии крымского мезолита получила всеобщее признание и выдержала испытание временем. Сейчас имеются

и новые подтверждения этого, очевидно существование традиционных направлений связей в мезолитическую эпоху, в частности, они проявляются в виде элементов яниславицкой и постсвидерской культур в мезолите юго-восточного Полесья и северо-восточного Приазовья.

В итоговой работе, посвященной истории изучения каменного века Крыма (1971 г.), Елена Алексеевна делает ряд важных и интересных выводов о своеобразном характере крымского мезолита, выделив ряд его вариантов, показывая их специфику, не дающую оснований для традиционного по тому времени, помещения их в эволюционный ряд, а допуская их сосуществование. Наиболее ярким примером такого своеобразия является исследованная Еленой Алексеевной стоянка Кукрек, тяготеющая по многим признакам к мезолитическим памятникам Украины и содержащая в своей индустрии ряд весьма специфических форм (вкладыши кукрекского типа, специфические резцы и др.).

В той же работе детально разбираются схемы развития крымского палеолита. На основе данных многочисленных памятников показывается его автохтонный путь развития. При рассмотрении вопросов периодизации привлекается обширный фаунистический материал. Отмечаются наиболее слабо изученные проблемы и территории как первоочередная перспектива дальнейших работ. В статье, посвященной столетию исследований палеолита в Крыму, Елена Алексеевна делает важные, обоснованные заключения о превосходящем узкие рамки полуострова значении крымского палеолита. Его материалы широко используются для решения ряда общих проблем палеолита Русской равнины и Кавказа.

Помимо каменного века Крыма, к области научных интересов Елены Алексеевны относятся некоторые проблемы раннего палеолита, с которыми связаны ее работы на Черноморском побережье. Основные усилия были направлены на продолжение исследований, начатых С. Н. Замятниным в Ахштырской пещере. Работами Елены Алексеевны на протяжении пяти полевых сезонов (1961-1965 гг.) была вскрыта площадь в 52 кв. м на глубине 5-6 м получен полный разрез всех 12 слоев, тщательно изученный и детально описанный.

Он позволил четко фиксировать стратиграфию залеганий культурных комплексов, установить их различие и показать динамику развития мустье от раннего (12 слой) к позднему (7 слой) типу, установить наличие в ранних напластованиях домустьерских форм (двустороннеобработанные артефакты), а в верхних — элементов верхнего палеолита. Наиболее существенно наличие в верхнемустьерском слое выразительного комплекса зубчато-выемчатых форм, позволивших Елене Алексеевне считать Ахштырскую пещеру эталонным памятником Кавказа для зубчатого мустье, и показать значение зубчатого мустье Кавказа для разработки общей характеристики этой разновидности мустье.

Как всегда с большим вниманием Елена Алексеевна отнеслась к фаунистическим остаткам, позволившим установить, что главным объектом охотничьей деятельности обитателей пещеры являлся медведь. Кроме того, в массе костного материала оказалось 4 косточки (в том числе зуб), принадлежащих человеку. Они позволили специалистам сделать заключение о принадлежности их ископаемому человеку современного типа.

В качестве эпизода научной деятельности Елены Алексеевны, эпизода, однако, очень удачного, является изучение ею материалов стоянки Боршево I, опубликованной в 1953 году, в 1956 переведенной на французский язык и опубликованной во Франции. Эта работа, написанная на фоне широких аналогий, вплоть до палеолита Крыма (Сюрень I) в свое время во многих отношениях обогатила представления о палеолите костенко-боршевского района.

Елена Алексеевна была честным, принципиальным человеком, прекрасным членом коллектива. Внимательная и чуткая, она всегда готова был прийти на помощь тому, кто в этой помощи нуждался.

Пусть же сохранится о ней светлая память.

Л. Я. Крижевская

ПАМЯТИ Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОГО

23 августа 1999 г. на 76 году жизни после тяжелой изнурительной болезни скончался видный отечественный археолог, исследователь восточных древностей доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник-консультант Юрий Александрович Заднепровский. Он принадлежал к числу исследователей, чья экспедиционной деятельностью и научными трудами создавалась археология Средней Азии. Как самостоятельная дисциплина она сформировалась позднее, чем археология Ближнего Востока, где многие памятники древней культуры были открыты путешественниками-археологами. Так действовал, например, А. Стейн, который обследовал многие страны Азии от Ирана и Индии до Великой Китайской стены. Экспедиции А. Стейна дали ценнейшие материалы, хотя собственно археологических раскопок, методика которых находилась в эмбриональном состоянии, он не проводил. В Средней Азии, древности которой были открыты археологами российской державы, поначалу также действовали энергичные первопроходцы, охватывавшие своими исследованиями огромные пространства. Но, в отличие от любителя-путешественника А. Стейна, российские ученые работали на более высоком методическом уровне. К числу таких исследователей широкого диапазона принадлежали С. П. Толстов и А. Н. Бернштам.

Достойным продолжателем А. Н. Бернштама стал один из его первых учеников Ю. А. Заднепровский. Он родился 25 сентября 1924 года и прошел нелегкий жизненный путь, выпавший на долю его поколения. Уйдя на фронт добровольцем, Ю. А. Заднепровский оборонял Ленинград, а затем в рядах наступающей Советской Армии с боями дошел до Кёнигсберга, под которым был тяжело ранен. Демобилизованный по инвалидности он поступил на первый курс Ленинградского государственного университета. Здесь молодой студент попал под обаяние талантливого исследователя А. Н. Бернштама и стал его надежным учеником. Университет был окончен в 1950 г. Далее следовал традиционный путь советского

специалиста — аспирантура в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры АН СССР, защита в 1954 г. кандидатской диссертации «Древняя Фергана», а в 1974 г. — докторской, озаглавленной «Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии».

От своего учителя Ю. А. Заднепровский унаследовал территориальный и хронологический размах экспедиционных исследований. Он проводит широкие археологические разведки, организует стационарные раскопки эталонных памятников оседлых культур, исследует курганы в кочевнических некрополях, осуществляет разведочную шурфовку, получая первичную информацию. Эти полевые работы были весьма результативными. Ю. А. Заднепровский провел широкие исследования крупнейшего памятника поры поздней бронзы Ферганской долины — городища Дальверзин (Узбекистан). Соответствующие материалы частично опубликованы в его монографии «Древнеземледельческая культура Ферганы» (1962 г.). Немало сил отдал исследователь изучению столичного центра Восточной Ферганы — городища Шурабашат, по материалам которого он выделил шурабашатскую культуру. Удачными оказались исследования чустского поселения на склоне горы Сулейман-Тоо (Кыргызская Республика), проведенные Ю. А. Заднепровским совместно с Е. В. Дружининой. Расположенный здесь древний центр является предшественником города Ош, крупнейшего центра Южного Кыргызстана. Соответствующие материалы были опубликованы в книге Ю. А. Заднепровского «Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы», изданной в 1997 г. в Бишкеке. Изучая поздние культуры расписной керамики, Ю. А. Заднепровский совместно с Г. Гултыевым проводил раскопки поселения раннежелезного века Яшиллы-депе в Южном Туркменистане. Будучи неумным полевым исследователем, Ю. А. Заднепровский изучал поселения в районе г. Ош не считаясь со своим здоровьем. Последний раз он выезжал в поле накануне того дня, когда тяжелая болезнь приковала его к больничной койке.

Как и его учитель А. Н. Бернштам, Ю. А. Заднепровский исследовал проблемы археологии от эпохи первобытности до средневековья. Им предложена периодизация памятников Ферганы доарабского времени. Часто и результативно Ю. А. Заднепровский обращался к кочевнической археологии Центральной Азии. Ряд его работ на эту тему объединен в небольшой книге «Древние кочевники Центральной Азии», изданной в Санкт-Петербурге в 1996 г. Ю. А. Заднепровскому принадлежит глава «Кочевники севера Центральной Азии после вторжения Александра» во втором томе итогового труда «История цивилизаций Центральной Азии» (Париж, 1994 г.), изданного под эгидой ЮНЕСКО. Существенный вклад внес Ю. А. Заднепровский в изучение тюркских

древностей. Особо следует отметить его работы, посвященные интерпретации всех видов археологических материалов. Таковы многие публикации и доклады Ю. А. Заднепровского, представленные в виде опубликованных тезисов, а также книга «Стеклоделие Средней Азии в древности и в средневековье», написанная в соавторстве с А. А. Абдуразовым и М. А. Безбородовым. Неуемное стремление к познанию новых сторон ориентальной археологии привело Ю. А. Заднепровского к изучению кочевнических памятников Южного Прикаспия и древностей Синьцзяна.

Друзья и коллеги с благодарностью сохраняют воспоминания об этой кипучей натуре, а жители Южного Кыргызстана неизменно признательны ему за усилия по прославлению древностей их земли.

В. М. Массон

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН В 1998 ГОДУ

В жизни Института 1998 год отмечен важными событиями. Состоялись перевыборы директора, Ученого совета и заведующих научными подразделениями. Директором ИИМК РАН был избран д.и.н. Евгений Николаевич Носов, заместителем директора по научным вопросам утвержден к.и.н. Вадим Андреевич Алёкшин. В состав Ученого совета ИИМК РАН было избрано 19 членов: Е. Н. Носов, В. А. Алёкшин, С. А. Кулаков, С. Н. Астахов, С. В. Белецкий, Ю. Е. Березкин, С. А. Васильев, Ю. А. Виноградов, Г. П. Григорьев, Г. В. Длужневская, Г. И. Зайцева, А. Н. Кирпичников, Л. Б. Кирчо, К. К. Марченко, С. С. Миняев, Е. А. Рябинин, А. И. Сакса, В. И. Тимофеев, В. Я. Шумкин. Заведующими научными подразделениями избраны: В. И. Тимофеев — Отдел археологии палеолита, В. М. Массон — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, К. К. Марченко — Отдел истории античной культуры, А. Н. Кирпичников — Отдел славяно-финской археологии, Г. Ф. Коробкова — Экспериментально-трассологическая лаборатория, Г. И. Зайцева — Лаборатория археологической технологии.

Научно-исследовательская деятельность ИИМК РАН проводилась в соответствии с шестью научными направлениями, утвержденными Президиумом РАН в декабре 1997 г. В рамках этих направлений сотрудники Института разрабатывали 105 плановых тем и проводили работы по 29 грантам РГНФ, РФФИ и различных международных фондов. За год было успешно выполнено 36 плановых тем. ИИМК РАН являлся также основным исполнителем по двум проектам Федеральной целевой программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997-2000 годы», совместно с Санкт-Петербургской государственной академией культуры (С. В. Белецкий) и Ленинградским государственным университетом (Ленинградская область) (А. Н. Кирпичников).

В 1998 г. В. Я. Шумкиным на юге Кольского п-ова было сделано выдающееся открытие. Здесь, в районе Кенозера, обнаружено ранее неизвестное местонахождение петроглифов

(около 240 изображений), которое теперь является одним из четырех наиболее крупных памятников подобного рода в Северной Европе. Рисунки составляют 9 групп, различающихся топографическим положением. Наиболее ранние изображения относятся, по-видимому, к эпохе неолита. Стилистической особенностью петроглифов Кенозера является сочетание элементов, имеющих как южные (карельские), так и северные (норвежские) аналогии.

В г. Старая Ладога в 1998 г. отмечался 25-летний юбилей работы Староладожской экспедиции ИИМК РАН. Совместно с Правительством Ленинградской области к этому событию выпущен сборник статей «Культурное наследие Российского государства». В числе его авторов был академик Д. С. Лихачев. Санкт-Петербургский научный центр РАН провел два заседания Президиума, посвященных проблемам изучения и сохранения этого уникального памятника Древней Руси, ее первой столицы. В 2003 г. будет отмечаться 1250-летний юбилей Старой Ладоги. Президиум СПб НЦ РАН решил ходатайствовать перед Правительством Российской Федерации о признании Старой Ладоги особо ценным объектом культурного наследия народов России.

Сотрудниками Отдела археологии палеолита ИИМК РАН совместно с Лабораторией археологической технологии ИИМК РАН в 1998 г. закончено важное исследование по проблемам хронологии палеолита. Его результаты опубликованы (при финансовой поддержке РГНФ) в коллективной монографии «Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии». В ней впервые приведен каталог (в виде базы данных) абсолютных дат позднепалеолитических памятников обширной территории России. Событием стал выход в свет монографии В. П. Любина «Ашельская эпоха на Кавказе» (при финансовой поддержке РГНФ). В книге обобщены материалы раннепалеолитических стоянок и местонахождений Кавказа. На основе синтеза данных намечены основные маршруты расселения древнейших людей на Кавказе. Большое значение имеет

публикация монографии безвременно скончавшегося Л. П. Хлобыстина «Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии», в которой подводятся итоги многолетних исследований автора на этой территории. Книга подготовлена к печати В. Я. Шумкиным и В. В. Питулько при финансовой поддержке РГНФ. Очень важным для решения многих вопросов первобытной археологии Крайнего Севера стал выход в свет монографии В. В. Питулько «Жоховская стоянка». В этой работе подробно изложены результаты полевых исследований самого северного памятника каменного века Евразии.

Важное значение для археологии и истории Евразии имел выход в свет монографии С. С. Миняева «Дырестуйский могильник», посвященной одному из основных археологических памятников азиатских гуннов. В работе детально исследована планиграфия могильника, анализ которой позволил получить принципиально новую информацию для разработки основных проблем археологии сунну, которые имели культурные связи с древним Китаем. В рамках проекта РГНФ В. А. Завьялов и Е. В. Бобровская подготовили к изданию том Трудов Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции — «Энеолит Юго-Западного Туркменистана». Эта монография посвящена публикации материалов И. Н. Хлопина из раскопок уникального могильника Пархай II. В работе рассматривается вопрос эволюции культуры сероглиняной керамики, которую ряд исследователей считает индоарийской. В настоящее время В. А. Завьялов и Е. В. Бобровская подготовили еще один том материалов раскопок И. И. Хлопина — «Ранний и развитый бронзовый век Юго-Западного Туркменистана».

Сотрудники Отдела славяно-финской археологии в 1998 г. при поддержке Совета министров Северных стран осуществили издание сборника статей «Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях». Особое внимание в сборнике уделено работам по истории и культуре славян и норманнов в эпоху викингов. В статьях впервые изложены взгляды отечественных и зарубежных ученых, политиков, дипломатов на развитие русско-скандинавских связей. О. В. Овсянников совместно с М. Ясинским (Ин-т археологии Норвежского ун-та естественных наук и технологий) выпустили монографию «Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский север: проблемы и источники», в которой представлен новый материал о ремеслах, иконописи и зодчестве средневековых городов Архангельского Поморья. В книге приведены уникальные исторические описания

основных культурных, административных и торговых центров Северного Поморья — Архангельска и Холмогор.

В. Е. Щелинский и В. Н. Широков (УНЦ РАН) опубликовали в Германии монографию («Hohlenmaterei im Ural: Kapova und Ignatievka. Altatrinzeitlichen Bilderhohlen in Sudlichen Ural»), посвященную исследованию позднепалеолитической стоянки в Каповой пещере (Шульганташ, Урал), где имеется уникальная палеолитическая настенная живопись. В монографии рассмотрена история изучения Каповой пещеры, дана классификация ее наскальных рисунков, а также определено место памятника в ряду европейских пещер с палеолитической живописью.

В 1998 г. Группа по радиоуглеродному датированию Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН совместно с лабораториями Гронингена (Нидерланды) и Упсалы (Швеция) осуществила датирование классических памятников европейской Скифии. Группой создан компьютерный банк радиоуглеродных дат (ок. 5000 определений для памятников по всей территории бывшего СССР, из них 3000 для России) от палеолита до средневековья. Результаты этих исследований докладывались на международных конференциях в Нидерландах и во Франции. Закончено исследование, проводимое в рамках совместного проекта РФФИ и Немецкого института археологии — «Разработка радиоуглеродной хронологии культур мезолита-бронзового века степных зон Европейской России и Сибири» (248 дат). Осуществлено датирование памятников эпохи бронзы и раннего железа Южной Сибири. Получены даты для памятников скифского времени Тувы. Обобщены и опубликованы данные по хронологии мезолита Восточной Европы.

В 1998 г. вышел очередной выпуск альманаха «Археология Петербурга» — совместное издание Научного совета по историко-археологическим исследованиям Президиума СПб НЦ РАН, ИИМК РАН и СПбФ РНИИ культурного и природного наследия. Редподготовка рукописи сборника и подготовка оригинал-макета выполнены в ИИМК РАН при финансовой поддержке Законодательного собрания Санкт-Петербурга. Второй выпуск альманаха включает 14 статей и сообщений, написанных историками, археологами и музейными работниками из Санкт-Петербурга и Пскова. Тематически в этом выпуске преобладают статьи, посвященные изучению древностей эпохи позднего средневековья, а также проблемам нового времени.

В 1998 г. в ИИМК РАН, несмотря на сложное финансовое положение, продолжал вести экспедиционные археологические исследования (20 экспедиций и отрядов). Многие сотрудники

ИИМК РАН принимали участие в работах экспедиций других археологических учреждений России, а также в международных экспедициях. Как событие большого научного значения следует рассматривать возобновление полевых исследований Костенковских палеолитических стоянок. Работы на памятнике Костенки 21 провел А. А. Сеницын при целевом финансировании Президиума РАН и финансовой поддержке РГНФ. Особо интересные материалы были обнаружены в нижнем культурном слое стоянки, имеющем возраст более 33 тыс. лет тому назад. Сотрудники Отдела археологии палеолита, благодаря договорам о сотрудничестве, целевому финансированию и международным грантам, продолжили различные полевые работы на Русской равнине и Кавказе. Ю. А. Заднепровский и Д. Абдуллоев совместно с Национальной Академией наук Кыргызстана участвовали в раскопках раннесредневекового городища Ак-Бура, где были вскрыты слои, предшествующие арабскому завоеванию Центральной Азии. А. Д. Резепкин и В. А. Трифонов продолжили полевые исследования уникальных памятников эпохи бронзы на юге России (Краснодарский край). Обе экспедиции финансировались Президиумом РАН. Итало-туркмено-российская экспедиция, в работе которой приняли участие Л. Б. Кирчо и О. И. Богуславский, выполнила съемку плана протогородского поселения эпохи энеолита и бронзы — Алтын-депе (Туркмения). На Тамани, где Ю. А. Виноградов и Е. Я. Рогов продолжили полевые исследования Боспорской экспедиции ИИМК РАН, впервые были обнаружены античные сельские поселения нового типа. Работа экспедиции также финансировались Президиумом РАН. В Крыму совместные исследования с Государственным Эрмитажем продолжил К. К. Марченко. На Юрьковом городище под Новгородом в рамках проекта РГНФ продолжаются большие работы Новгородской археологической экспедиции ИИМК РАН (Е. Н. Носов), в которых принимают участие зарубежные специалисты. В рамках проекта «Интеграция» совместно с Новгородским университетом проводились раскопки древнейшего в Приильменье славянского поселения Прость рядом с языческим капищем в Перыне под Новгородом. В работах Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН (А. Н. Кирпичников) принимали участие иностранные студенты и ученые. Псковская областная экспедиция (С. В. Белецкий) продолжила археологические исследования в Псковской области. Основным объектом изучения стали памятники археологии, находящиеся на территории Государственного Пушкинского заповедника. Работы проводились в рамках проекта

«Далекое прошлое Пушкинского уголка» на средства ФЦП «Интеграция».

В 1998 г. ИИМК РАН, наряду с Государственным Эрмитажем, выступил одним из организаторов проведения в Санкт-Петербурге I международной научной конференции «Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе». В докладах ученых России, Украины, Казахстана, Германии, США, Великобритании и др. стран были рассмотрены вопросы эволюции военного дела и военной техники в древних и средневековых обществах Европы и Азии. Материалы конференции были опубликованы. В ноябре 1998 г. Санкт-Петербургская Епархия и Санкт-Петербургская Духовная Академия совместно с ИИМК РАН провела в Александро-Невской Лавре II Всероссийскую церковно-археологическую конференцию. Осенью 1998 г. ИИМК РАН, Государственный Эрмитаж и Санкт-Петербургский университет организовали и провели совместную международную конференцию «Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь», посвященную 100-летию со дня рождения проф. М. И. Артамонова. В декабре 1998 г. ИИМК РАН, при участии МАЭ РАН, провел всероссийскую конференцию «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург», посвященную 70-летию со дня рождения А. Д. Грача. В музейно-выставочном комплексе «ЭГО» к началу работы конференции было приурочено открытие выставки предметов из коллекций и фондов Рукописного и Фотоархива ИИМК РАН, рассказывающих о жизни и деятельности А. Д. Грача. В 1998 г. сотрудники Института приняли самое активное участие в проведении ряда международных симпозиумов, конференций, совещаний, коллоквиумов в России, Белоруссии, Украине, Германии, Франции, Нидерландах, Швеции, Норвегии и Центральной Азии; в работе международных экспедиций в Центральной Азии, Сербии, Польше и Швеции.

В 1998 г. ИИМК РАН проводил активную издательскую деятельность как самостоятельно, так и при финансовой поддержке РГНФ, РФФИ, а также ряда договоров о сотрудничестве. Вышел в свет ежегодник ИИМК РАН «Археологические вести» № 5, в котором содержатся обобщающие исследования по археологии (от каменного века до эпохи средневековья) и публикации новейших материалов, результатов совместных международных экспедиционных и лабораторных научных проектов, обзор фондов фотоархива ИИМК РАН.

Ученый совет ИИМК РАН в 1998 г. провел 8 заседаний, на которых было заслушано 6 научных сообщений. Специальные заседания Ученого совета были посвящены 80-летию

со дня рождения ведущего научного сотрудника Отдела археологии палеолита ИИМК РАН д.и.н., профессора В. П. Любина; 80-летию со дня рождения заведующего Сектором палеолита ЛОИ-ИМК АН СССР, директора ЛОИИМК АН СССР (1949-1951 гг.) академика А. П. Окладникова; 100-летию со дня рождения создателя тра-сологического направления в современной археологии, основателя Экспериментально-тра-

сологической лаборатории ИИМК РАН профессора С. А. Семенова. На этих заседаниях были заслушаны 18 научных сообщений сотрудников Института и других учреждений.

Диссертационный совет (Д 200.15.01) ИИМК РАН провел в 1998 г. защиту одной диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук и трех диссертаций на соискание степени кандидата исторических наук.

*С. А. Кулаков
Ученый секретарь ИИМК РАН*

АРХЕОЛОГО-ПАЛЕОБОТАНИКО- ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИЙ БАНК ДАННЫХ ДЛЯ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СССР

Организация банка данных о палеоботанических и палинологических находках в археологических памятниках (BARPP) означает сбор, консервацию и обобщение информации об объектах и природного, и культурного наследия одновременно, так как палеоботанические материалы стоянок содержат обычную биологическую и экологическую информацию и являются в то же время археологическими источниками. Кроме того, банк данных делает удобным пользование библиографическими палеоботаническими источниками по стоянкам из различных регионов бывшего СССР, которые рассредоточены в многочисленных, преимущественно мелких, изданиях по разным отраслям знаний (археология, география, ботаника), опубликованных в разных странах (Россия, Украина, Молдова, Грузия, Азербайджан, Армения, США, Франция и т. д.) и на разных языках.

Организация BARPP была начата с палеолитических памятников, для которых имеется наименьшее количество археологических источников (только орудия и отщепы из камня, отложения со следами деятельности человека, остеологические и палеоботанические материалы).

Финансовая поддержка Российского Гуманитарного Научного Фонда (гранты РГНФ №№ 96-01-00425 и 98-01-00313а) позволила в 1996-1997 гг. организовать в Институте истории материальной культуры РАН археолого-палеоботанико-палинологический банк данных

для эпох раннего и среднего палеолита территории бывшего СССР (BARPP-A), а в 1998 и 1999 гг. проводить работы по организации банка для двух хроносрезов позднего палеолита (BARPP-B). Завершение организации верхнепалеолитического банка для его позднего хроносреза планируется в 2000 году.

Российская научная общественность обсуждает вопрос о том, что созданные в России в последние годы банки данных по разным отраслям наук в действительности часто таковыми не являются, так как они не подключены к сети Интернет. Причем многие из них и после решения телекоммуникационных проблем останутся личными банками их составителей, так как классификация информации в них выполнена на основе принципов, которые не унифицированы, а использованные для их составления компьютерные программы иногда столь оригинальны, что недоступны для широкого круга пользователей.

При создании BARPP он сразу был ориентирован на подключение его к сети Интернет и на представление в нем информации в форме, отвечающей стандартам международных баз данных по палинологии. К работе были привлечены сотрудники телекоммуникационной сети Интернет — Ю. С. Степанов и А. Н. Боголюбова. Был учтен опыт следующих крупнейших мировых палеоботанических и палинологических баз данных: Plant Fossil Remains Database (PFR), European Pollen Database (EPD)

и Global Pollen Database (GPD), базирующихся в Англии (Лондон), Франции (Арли) и США (Боулдер, штат Колорадо), чему способствовала поездка руководителя группы по организации VARPP Г. М. Левковской на конференцию Международной Организации Палеоботаников, состоявшуюся в 1996 г. в США (Калифорния, Санта-Барбара). В связи с археологической спецификой банков к их организации были привлечены археологи, специализирующиеся на изучении различных хроносрезов палеолита многих регионов бывшего СССР — М. В. Аникович, Н. К. Анисюткин, Е. В. Беляева и В. И. Беляева.

Созданные банки содержат и палинологическую (пыльца и споры), и разнообразную палеоботаническую информацию (данные о макро- или микро-остатках древесин, древесных углей, семян, эпидермисов, водорослей, фитолитов и т. д.). Для палеолита лишь во Франции была предпринята попытка организовать банк данных для стоянок Европы (сообщение Н. Р. Мисковской), причем банк только палинологический. В последние годы в России в разных организациях (географический факультет МГУ в Москве, Институт геологии и геофизики СО РАН в Новосибирске и другие) создаются палинологические банки данных для плейстоцена, чаще голоцена. Но в них не включаются материалы по стоянкам, так как они могли быть изменены антропогенными процессами. VARPP-A и VARPP-B содержат информацию и по археологическим, и по незатронутым антропогенными воздействиями слоям.

В настоящее время ранне-среднепалеолитический банк данных (VARPP-A) имеет объем около 40 Мб. Он содержит информацию о 69 стоянках с палеоботанико-палинологической информацией, основанную на анализе 169 библиографических источников.

Позднепалеолитический банк данных (VARPP-B) будет окончательно сформирован в 2000 году. В нем уже представлен большой объем информации (около 50 Мб) по 51 памятнику двух ранних хроносрезов (40-25 куг и 24-20 куг) верхнего палеолита.

Палинологическая и палеоботаническая информация представлена в банках в авторских вариантах - в виде спорово-пыльцевых диаграмм, циклограмм, флористических списков, флористических статистических таблиц, палеографических карт, текстовых данных. С конца 1999 г. в банк начато введение для каждой стоянки резюмирующих таблиц с палеофлористическими, ботанико-географическими, палеоклиматическими и климатостратиграфическими выводами и дискуссиями, вытекающими из имеющихся первичных

палинологических или палеоботанических данных, что поможет археологам использовать палеоботаническую информацию.

Во вводной части банка имеются карты, которые иллюстрируют распределение на территории бывшего СССР памятников с палеоботаническими или палинологическими находками эпох раннего, среднего и двух хроносрезов позднего палеолита. Шесть карт с информацией о географическом распределении указанных памятников опубликованы (Levkovskaya et al. 1999: 107-117). Они показывают, что стоянки с раннепалеолитическими находками немногочисленны (их 18), главный район концентрации стоянок со среднепалеолитическими находками — Кавказ, а с позднепалеолитическими данными — современная лесостепная зона Русской равнины.

Основной объем информации в банках VARPP-A и VARPP-B составляют палинологические материалы с обширной статистикой (данные о десятках и даже сотнях палиноморф внесены в VARPP даже для разрезов, охарактеризованных единичными палинологическими пробами). Информация о макроостатках растений в палеолитических памятниках с территории СССР, к сожалению, немногочисленна, так как обычно (за редкими исключениями) исследования палеолитических стоянок проводились без массовой флотации грунтов, а требования полевого археологического комитета не предусматривают обязательный сбор и хранение палеоботанических источников (даже остатки образцов углей, которые передаются на радиоуглеродное датирование, не сохраняются как археологические палеоботанические источники).

Разнообразная сопроводительная информация представлена в VARPP для каждой стоянки с наиболее важными палеоботаническими или палинологическими находками в виде текстовых таблиц. Использованы все табличные форматы Европейского пыльцевого банка данных со 120 позициями, а также дополнительно разработанные табличные форматы, отражающие археологическую специфику VARPP. Благодаря этому в VARPP для стоянок можно найти данные о стратиграфии разрезов, их литологии, маркирующих хроностратиграфических или климатостратиграфических уровнях, корреляции слоев с изотопнокислородной $\delta^{16}O/\delta^{18}O$ шкалой, различные датировки (EPR, ESR, палеомагнитные, термолюминесцентные, радиоуглеродные и другие), сведения о типе стоянок, их культурно-хронологических комплексах, информацию об исследователях стоянок (археологах и палеоботаниках), перечень палеоботанических

и важнейших археологических библиографических источников.

Приведенные данные говорят о междисциплинарной значимости BARPP. Для археологии наиболее ценную часть BARPP составляют материалы, которые могут быть источниками информации о древнем собирательстве (данные о макроостатках растений, СЭМ-микрографии разнообразных биологических объектов), а также палинологические данные по памятникам с большими сериями палинологических анализов.

Не имеет аналогов в мире имеющаяся в BARPP неопубликованная СЭМ-информация по мустерским слоям 14 стоянок - Кударо 1, Кударо 3, Матузка, Мезмайская, Ахштырь, Воронцовская, Баракаевская, Монашеская, Королево 1, Кетросы, Бетово, Коршево 1, Коршево 2, Денисова из различных регионов (Кавказ, Закарпатье, Русская равнина, Алтай). Это — около 400 сканирующих электронных микрографий остатков плодов, фрагментов древесины, пыльников, фитолитов, кокколитов, различных водорослей, грибов, и даже бактерии, которые не были обнаружены при традиционных исследованиях, так как сканирующий электронный микроскоп (СЭМ) позволяет производить исследования с увеличениями до $\times 15000$, а предел увеличений светового биологического микроскопа, используемого традиционно — $\times 900$. СЭМ исследования впервые были выполнены для палеолита в 1996-1998 гг., благодаря финансовой поддержке Фонда Сороса (грант RSS № 1334/1996), за которую руководитель гранта Г. М. Левковская искренне благодарит Фонд. Материалы по Монашеской пещере показали, что СЭМ-исследования более перспективны для поиска палеоботанических источников, чем флотация грунтов в поле. СЭМ-микрографии являются ценными документами для разработки проблемы собирательства, которое постулируется как основа хозяйства (наряду с охотой) для каменного века, хотя большинство стоянок мира не имеют палеоботанической информации об объектах собирательства.

Серийные анализы имеются для разрезов стоянок Королево 1, Кударо 1, Кударо 3, Матузка, Ахштырь, Денисова Пещера, Молодова 1, Молодова 5, Кормань 4, ряда стоянок Костенковского района и других. Подробные палинологические материалы превращают разрезы археологических памятников в природно-исторические эталоны. Спорово-пыльце-вые диаграммы этих разрезов имеют эталонное значение для межрегиональных корреляций отложений с археологическими находками и реконструкции среды обитания палеологических

коллективов. Банк содержит информацию о нескольких десятках сценариев динамики природной среды. Имеющиеся в банках сценарии говорят о хорошей адаптации палеолитического населения к различным экологическим ситуациям. Они позволяют объяснить такие причины усиления миграционных процессов в некоторые этапы палеолита, в частности, впервые выявлены экстремально сухие и экстремально холодные условия (Левковская 1999: 39-40) в период перехода от среднего к позднему палеолиту и быстрого расселения *Homo sapiens* во многих районах Евразии.

Разнообразные научные выводы, вытекающие из информации BARPP по многим регионам невозможно перечислить в данном кратком обзоре. Они будут освещены в дальнейших специальных публикациях. Научная значимость BARPP многообразна.

BARPP-A и BARPP-B имеют междисциплинарное значение (для археологов, палеоботаников, палинологов, геологов четвертичных, палеогеографов, палеоклиматологов, библиографов и специалистов других отраслей знаний). Материалы BARPP особенно важны для археологии каменного века, которая, как указывалось ранее, имеет наименьшее количество археологических источников. Принципы организации BARPP, отработанные на материалах эпохи палеолита, пригодны для создания археолого-палеоботанико-палинологических банков данных для других археологических эпох. В связи с трудоемкостью организации BARPP он первоначально создан на русском языке. Но начат его перевод на английский язык, благодаря чему он приобретает международное значение, так как в нем использованы практически без изменений все форматы EPD, и основная часть BARPP (опубликованные материалы) размещена в сети Интернет благодаря спонсорской поддержке ЗАО «Петерлинк» на web-сервере этой организации. В Интернете банк функционирует на системе со следующими техническими характеристиками: аппаратная платформа — Intel-based PC; операционная система — Free BSD 3.3; ПО web-сервера — Russian Apache 1.3.9/PL 29.2; язык программирования — Perl 5.005; формат хранения информации — текстовые файлы стандартной структуры; ПО, требуемое для просмотра информации в банке — любой web-браузер поддерживающий отображение таблиц.

Открытая часть BARPP (опубликованные материалы) имеется в электронном варианте в ИИМК РАН. Для использования неопубликованных материалов необходимо разрешение авторов информации и руководителя BARPP (контактный телефон Г. М. Левковской: (7)+(8)+(095)+550-0701).

Авторы благодарны коллегам из разных организаций за содействие при проведении работ по организации BARPP - M. Boulter, R. Sheddadi, E. Grimm, Ю. П. Холюшкину, за разнообразную информацию о банках данных: палеоботаническом (PFR), палинологическом (EPD) и археологическом (банк данных Института археологии и этнографии Сибири СО РАН); палеолитчикам различных стран и организаций, особенно А. П. Деревянко, В. П. Любину, Г. Ф. Коробковой, М. В. Шунькову, В. Н. Гладилину, Л. В. Куликовской, Л. Д. Церетели и другим за консультации по археологии стоянок; сотрудникам Ботанического института им. В. Н. Комарова

В. Ф. Тарасевич, Л. А. Карцевой и О. А. Гавриловой за помощь в проведении СЭМ-исследований, всем коллегам из ИИМК РАН, особенно В. Я. Стеганцовой и Н. А. Лазаревской за постоянную практическую помощь в работе.

Адреса для получения информации об археолого-палеоботанико-палинологическом банке данных следующие:

- Интернет-адрес BARPP-A и BARPP-B: <http://www.peterlink.ru/~stepanov/gml>
- эл. почта ИИМК РАН: adm@km1213.spb.edu (для Левковской Г. М.)
- контактный телефон Левковской Г. М.: (7)+(8)+(095)+550-0701.

Левковская, Г. М. 1999. Банк палеоботанических данных из палеоботанических памятников территории бывшего СССР и его значение для разработки проблемы перехода от среднего в керншему палеолиту и расселения Homo sapiens // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. Тезисы докладов международной конференции: 39-40.

Levkovskaya, G. M., J. S. Stepanov, N. K. Anisutkin, E. V. Beliaeva, A. N. Bogolubova. 1999. Distribution maps of pollen and macrofossil remains from Palaeolithic sites of former USSR area // Proceedings of the 5th European Palaeobotanical and Palynological Conference. Acta Palaeobotanica. Supplement 2: 107-117. Cracow.

*Г. М. Левковская, М. В. Аникович,
Н. К. Анисюткин, Е. В. Беляева*
Институт истории материальной культуры РАН

В. И. Беляева
Санкт-Петербургский государственный университет

Ю. В. Степанов, А. Н. Боголюбова
ЗАО "Петерлинк"

ANNOUNCEMENT

At the beginning of the year the Institute for the History of Material Culture starts to publish the Journal "Radiocarbon and Archaeology". Journal will be published twice in year. The last data on the radiocarbon chronology of different archaeological cultures and sites carried out by Russian scholars will be presented in this Journal with the lists of radiocarbon dates produced by the ^{14}C Laboratory of the Institute for the History of Material Culture.

A special attention will be given to the results both in traditional and accelerator mass-spectrometry techniques, the reliability and precise of radiocarbon measurements. We welcome the scholars from Russia and other countries to participate in the Journal. On the questions concerning the subscription on the Journal "Radiocarbon and Archaeology" one should be connected with publishing house "Thesa", St.Petersburg: <http://www.thesa.ru>

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
№ 7

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской Академии Наук*

Редактор издательства Н. В. Хвошинская
Художник В. Я. Стеганцева
Технический редактор О. И. Богуславский
Компьютерная верстка О. И. Богуславский

Издательство «Дмитрий Буланин»

ЛР № 061824 от 11.03.98

Сдано в набор 01.03.2000. Подписано к печати 20.03.2000
Формат 60 × 90 1/8. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 29. Уч.-изд. л. 48.
Тираж 450. Заказ № 665

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, С.-Петербург, 9-я линия В.О., 12

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург
наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии Наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net